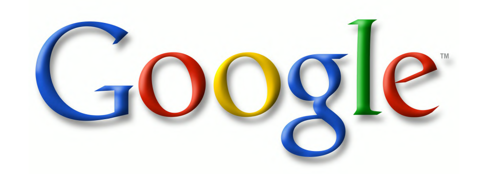
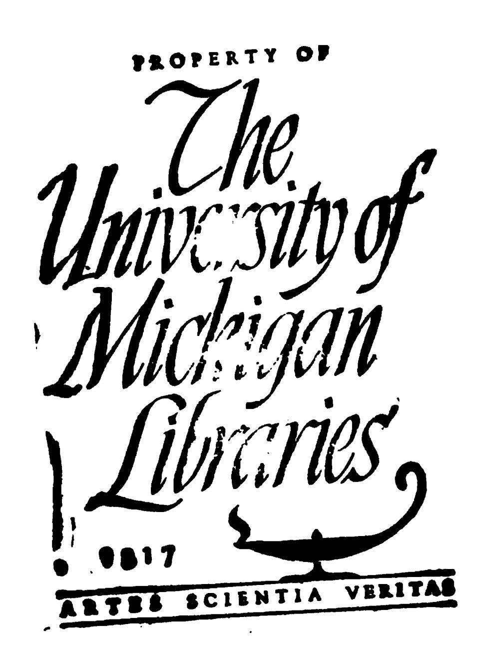
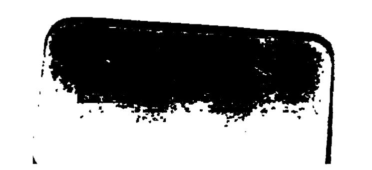



PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



28022

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РѢДКИХЪ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

XVIII СТОЛѢТІЯ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ РОССІИ ГРАЖДАНСКИМЪ ШРИФТОМЪ

1725—1800.

СОСТАВИЛЪ

Н. В. Губерти.

Выпускъ III-й.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ I И II ВЫПУСКАМЪ.

МОСКВА.

1891.

Удостоено отъ Академіи Наукъ Уваровской преміи въ 1889 году.

Извлеченіе изъ Отчета о тридцать первомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія.

Н. В. Губерти. Матеріалы для русской Библіографіи—Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ, 1725—1800. Выпускъ I. М. 1878, выпускъ II. М. 1881, и рукописное прибавленіе къ I-му и II выпускамъ:

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ Адъюнктомъ Академіи Леонид. Ник. Майковымъ.

Вслѣдъ за старыми библіографическими трудами Сопикова и Смирдина, обнимающими русскую печать прошлаго столѣтія, если не во всей полнотѣ, то, по крайней мѣрѣ, во всемъ ея объемѣ, съ половины текущаго столѣтія, когда принялись у насъ за разработку исторіи русской литературы, появляется рядъ библіографическихъ трудовъ А. П. Соколова, П. П. Пекарскаго, А. Ѳ. Бычкова, П. А. Ефремова, Я. Ѳ. Березина-Ширяева, Геннади, А. Н. Неустроева и др. Задачею этихъ послѣднихъ стало подробное изученіе библіографическаго матеріала, въ видѣ описанія отдѣльныхъ книжныхъ собраній, описаніе книгъ, вышедшихъ въ теченіи опредѣленныхъ періодовъ XVIII в., и наконецъ описанія книгъ того-же времени по извѣстнымъ категоріямъ и по спеціальнымъ отраслямъ знанія.

Къ этой же группѣ библіографическихъ трудовъ относится и трудъ Н. В. Губерти.

Почтеннымъ составителемъ Матеріаловъ въ I вып. описано 200 книгъ вышедшихъ въ періодъ времени съ 1725 по 1775 г.; во II выпускѣ 200 книгъ, изданныхъ съ 1776 по 1800 г. и, наконецъ, въ рукописномъ добавленіи—181 книга, при чемъ вошедшія въ добавленіе статьи весьма цѣнны и ставятъ рукописную часть труда г. Губерти въ ровень съ изданными уже двумя выпусками.

Въ предисловіи къ рукописному добавленію авторъ самъ сознается, что и этою третьею частью онъ не могъ исчерпать всего рѣдкаго и замѣчательнаго, что представляетъ собою русская печать трехъ четвертей XVIII вѣка, и эта оговорка даетъ право надѣяться, что г. Губерти будетъ еще продолжать свою работу.

МАТЕРІАЛЫ

для

РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РѢДКИХЪ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

XVIII СТОЛѢТІЯ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ РОССІИ ГРАЖДАНСКИМЪ ШРИФТОМЪ

1725—1800.

СОСТАВИЛЪ

Н. В. Губерти.

Выпускъ III-й

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ I и II ВЫПУСКАМЪ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бул.

1891.

Отпечатано 300 экземпл.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Errare humanum est.

Третья книга „Матеріаловъ для Русской Библіографіи", содержащая въ себѣ расположенное въ принятомъ нами хронологическомъ порядкѣ обозрѣніе 181 книги, относится къ тому же періоду времени, къ которому принадлежатъ произведенія литературы изслѣдованныя въ первыхъ двухъ выпускахъ и служитъ къ нимъ прибавленіемъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что мы весьма далеки отъ мысли полагать трудъ нашъ оконченнымъ, такъ какъ въ три выпуска его, не могло войдти изслѣдованіе всего замѣчательнаго, и въ настоящее время рѣдкаго, изданнаго въ свѣтъ, начиная со второй четверти XVIII столѣтія; да и много нужно бы употребить времени и труда тому, кто вознамѣрился бы исчерпать всѣ книжныя сокровища нашей стариннопечати и принять на себя трудъ непосильный одному лицу. Сознавая это вполнѣ, тѣмъ не менѣе рѣшились мы приступить къ поставленной себѣ задачѣ: составленію руководства для желающихъ ближе ознакомиться съ замѣчательными и рѣдкими книгами XVIII столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, посильнымъ трудомъ нашимъ способствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ русской библіографіи, въ надеждѣ, что и въ предлагаемомъ объемѣ онъ будетъ не совсѣмъ безполезнымъ.

Въ продолженіи многолѣтней, усидчивой работы, пришлось намъ убѣдиться, что предпринятое „Обозрѣніе" дѣло далеко не легкое. Кому изъ библіографовъ не случалось извѣдать собственнымъ опытомъ, съ какою трудностью добываются источники свѣдѣній, необходимые для его занятій? Не смотря на богатства нашихъ архивовъ и общественныхъ библіотекъ, случается иногда, что и самые тщательные въ нихъ поиски остаются безуспѣшными; что же касается до частныхъ книжныхъ собраній, то послѣднія нерѣдко оказываются недоступными для изслѣдователя; вслѣдствіе чего, неполученіе имъ необходимыхъ свѣдѣній, тормозитъ его работу и заставляетъ его впадать въ погрѣшности часто отъ него независящія, за которыя отвѣтственность падаетъ всецѣло на него.

Для болѣе успѣшнаго достиженія цѣли нашей задачи, сознали мы необходимымъ, не ограничиваясь при изслѣдованіяхъ нашихъ однимъ только печатнымъ матеріаломъ, обратиться и къ рукописной русской литературѣ, въ которой многія произведенія второй половины и конца XVIII столѣтія встрѣчаются въ томъ видѣ, въ которомъ они существовали до изданія въ печать; иныя изъ нихъ, впослѣдствіи появились въ свѣтъ искаженными тогдашнею цензурою не только въ ущербъ полнотѣ, но даже самому смыслу подлинника. Указаніемъ на эти пробѣлы и внесеніемъ (тамъ гдѣ возможно было) первобытнаго текста въ описываемое сочиненіе, получалась возможность возстановить подлинныя мысли автора и возвратить произведенію его первобытную полноту; иногда удавалось сообщить извѣстіе о имени автора или переводчика, не упомянутомъ въ печатномъ изданіи, но означенномъ въ рукописи.

Да не будутъ поставлены намъ въ вину слишкомъ пространныя иногда и обстоятельныя изложенія содержанія нѣкоторыхъ особенно замѣчательныхъ по важности или рѣдкости своей книгъ; мы предпочитали во многихъ случаяхъ сообщеніе подробныхъ о нихъ свѣдѣній, краткимъ и поверхностнымъ примѣчаніямъ, не могущимъ служить къ точному и достаточному опредѣленію разсматриваемаго сочиненія. Все сейчасъ сказанное относится безразлично какъ къ оригинальнымъ, произведеніямъ русской литературы XVIII столѣтія, такъ и переводамъ, которыми весьма обогатилась вторая его половина. До какой степени достигли мы цѣли нашей, предоставляемъ судить другимъ.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что какъ вообще въ библіографическихъ работахъ, въ настоящемъ трудѣ, въ нѣкоторыхъ историко-литературныхъ и библіографическихъ указаніяхъ, встрѣтятся многочисленные и почти всегда неизбѣжные пробѣлы, неточности и недосмотры; но если принять во вниманіе неблагопріятныя условія, въ которыя часто поставленъ посвятившій себя кропотливымъ библіографическимъ занятіямъ, то едва ли будетъ справедливо ставить ему въ большую вину погрѣшности встрѣчающіяся въ его трудѣ, иногда, какъ сказано выше, не отъ него зависящія, и которыхъ онъ при усиленномъ вниманіи, не имѣлъ возможности избѣжать.

Н. Г.

Москва.
1884.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РѢДКИХЪ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ

РУССКИХЪ КНИГЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

1725.

№ 1. **Манифестъ** или **Объявленіе**. Внизу по обѣимъ сторонамъ (мѣста печати): Печатанъ въ **Санктъпітербурхѣ** при Сенатѣ **Генваря 28, 1725**. Подлінное за подпісаніемъ Правітельствующаго Сената, и Святѣйшаго Сѵнода, и Генералітета. На одномъ лістѣ. Объявленіе о двѣнадцатидневной болѣзни и кончины императора Петра Великаго, причемъ упоминается о манифестѣ его, отъ февраля 5 дня, прошлаго 1722 года, въ которомъ всенародно объявлено о бытіи наслѣдникомъ престола тому, кто по волѣ императорской будетъ избранъ. „А понеже“; сказано далѣе, „въ 1724 году, удостоілъ короною и Помазаніемъ, Любезнѣйшую Свою Супругу, Велікую Государыню Нашу Імператріцу **Екатеріну Алексѣевну**, за Еѣ къ Россіискому Государству мужественные труды, какъ о томъ доволно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 Году, Ноября 15 чісла,“ то по приказанію Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Правителствующаго Сѵнода и Генералітета объявляется во всеобщее свѣдѣніе. [1]

№ 2. **Клятвенное Обѣщаніе**. Печатано въ **Санктпетербургскои** Тѵпографіи Февраля во 2 день, **1725** Году. На одномъ листѣ. Форма присяги, нынѣ Правительствующей, Всепресвѣтлѣйшеи и Державнѣйшеи Велікои Государынѣ Імператріцѣ Екатерінѣ въ подтвержденіе прінесенной Императору Петру Велікому, такъ и ей Імператріцѣ во всенижайшеи подданнѣйшеи вѣрности. [2]

---

[1] Полное Собраніе Законовъ. Т. VII, стр. 410, № 4643.

[2] Полн. Собр. Закон. Т. VII, стр. 412. № 4646.

№ 3. Объявленіе для всенароднаго извѣстія. Печатано въ Санктпетербургской Тупографіи, 1725 года, октября въ 14 день. На одномъ открытомъ листѣ.

Въ началѣ упоминается о публикованіи „печатными листами во всемъ Россійскомъ государствѣ всякаго званія людемъ сего настояща-го 1725 года, маіа 11 дня, какіе бывшей Новогородской архіерей Ѳедосъ, преступая Святыя правіла, и всѣ Государственные узаконен-ные права, чінілъ протівности;“ за что былъ отрѣшенъ по Указу Ея Імператорского Величества отъ Сунодскаго правленія, Новогородской Епархіи, отъ Архімандріи Александроневского монастыря, и сосланъ въ дальній монастырь.“ Далѣе извѣщается, что по ссылкѣ его іюня 22 сего же года, по дошедшему до Синода свѣдѣнію „помянутой плутъ Ѳедосъ отъ ѕлоковарного своего воровства учінілъ для нѣкоторого своего ѕлаго умысла тяжкое преступленіе“ состоящее въ томъ, что въ бытность свою въ Москвѣ въ прошедшемъ 1724 году, приказалъ „со-общнику своему вору,“ секретарю келейной канторы и при Синодѣ, Герасиму Семенову (казненному въ недавнемъ времени), написать форму присяги объявленной всенародно по указу Его Имп. Величества, и прибавить къ ней присягу собственно себѣ; за тѣмъ послать при письмахъ своихъ и за своею подписью въ новогородскій архіерейскій домъ, къ бывшему тамъ въ то время судьѣ архимандриту Андронику, и въ Александроневскій монастырь, къ намѣстнику іеромонаху Иларіону: дабы они, какъ и прочіе присягали, что Герасимъ Семеновъ по приказу Ѳедоса исполнилъ, и тѣ формы, того же 1724 года, маія 10 дня отправилъ по назначенію; но онѣ затѣмъ для свидѣтельства изъ Новгородскаго архіерейскаго дома взяты въ Синодъ; по полученіи синодомъ означенныхъ присяжныхъ листовъ, судья Андроникъ, на-мѣстникъ Иларіонъ и Невскаго же монастыря судья Головачевъ, при допросѣ показали, что какъ они, такъ и многія другія лица по озна-ченнымъ формамъ присягали и своеручно подписались. Далѣе приво-дится относящееся къ лицу Ѳеодосія изъ присяги слѣдующее: „тамъ же и собственной моей правілной власти, велікому господіну, Свя-тѣйшаго Правітелствующаго Сунода Віцепрезіденту, Преосвященному Ѳеодосію Архіепископу Веліконовгородскому и Веліколуцкому, и Архімандріту Алеҳсандроневскому, обязуюся во всемъ по должности моей вѣренъ и весма покоренъ быть, и все до его Архіерейской че-сти прінадлежащее по послѣдней моей сілѣ умножать и охранять, и всякіе его архіерейства собственные и домовые інтересы соблюдать и остерегать и защищать и таіность храніть“... По осужденіи подобной,

противной святымъ правиламъ и государственнымъ законамъ, небывалой архіереямъ присяги, въ „Объявленіи сказано далѣе:“ да онъ же злоковарныи воръ и злодѣи и преломитель неоднократно своеи присяги, явіліся вновь во многіхъ воровствахъ и въ злодѣіственныхъ умыслахъ, противъ Ея Імператорскаго Величества, и всего Россіискаго Государства, что явно обличілось, по розыску въ таінои Канцеляріи.““ Объявленіе „оканчивается сентенціею произнесенною надъ Өеодосіемъ. По указу императрицы посланъ былъ указъ изъ синода холмогорскому епископу о снятіи съ Өедоса архіерейства и іерейства „и быть ему простымъ старцемъ, и чтобы его отнынѣ никто за архіерея и іерея не признавалъ; то что въ вышепомянутой формѣ о прісягѣ къ его лицу написано, то выпісавъ изъ той формы, предъ народомъ въ публічномъ мѣстѣ сжечь, и тѣмъ кто по тои формѣ прісягалъ объявить, дабы они тое прісягу, яко беззаконную и неправілную, за не истинную и упічтоженную (что тому злоковарніку и вору өедосу прісягали,) имѣли“... Наконецъ имѣющимъ копіи съ тѣхъ присяжныхъ формъ повелѣвается, приносить ихъ въ синодъ; и если кто знаетъ съ какою цѣлью „онои плутъ өедосъ“ велѣлъ себѣ приносить такую присягу, то немедленно доносили бы о томъ безъ „всякаго опасенія“ въ тайную канцелярію, и если кто зная о томъ не донесетъ, и потомъ откроется что „вѣдалъ и не доносілъ,“ тому будетъ опредѣлена смертная казнь. [1]

№ 4. Описаніе о бракѣ между Ея Высочествомъ **Анною Петровною** Цесаревною всероссійскою, и Его Королевскімъ Высочествомъ **Карломъ Фридріхомъ** Герцогомъ Голштеіноготторпскимъ (на послѣдней страницѣ внизу:) Печатано **Въ Санктъпетербургскои** Типографіи 1725 Года. Іуніа 30 дня. м. листъ, 8 нум. страницъ.

Смирд. Приб. II. № 11036. [2]—Чертковъ. Всеобщ. Библіот. Россіи. 1838, стр. 14. № 7.—Березинъ-Ширяевъ, Обозрѣн. книгъ, гравюръ и монетъ въ царств. Петра В. и Екатерины I, стр. 28.

---

[1] Полн. Собр. Закон. Т. VII, стр. 542. № 4788. О судьбѣ новгородскаго архіепископа Өеодосія находится любопытная статья Г. В. Есипова, подъ заглавіемъ „Чернецъ Өедосъ,“ напечатанная въ Отечественныхъ Запискахъ 1862, № 6, стр. 473—537, также „Новые матеріалы для исторіи царствованія Екатерины І-й. Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Өеодосія „Русскій Архивъ“ 1864. Вып. 2-й, столб. 122—172.

[2] Въ 4-й части „Опыта“ Сопикова, подъ № 7530, настоящая брошюра показана напечатанною 1726 г. и съ неточнымъ заглавіемъ. Во Всеобщей Библ. Россіи Черткова, кромѣ описаннаго здѣсь изданія, указано на стр. 128-й другое, имѣющее 24 стр. и безъ означенія года.

Настоящая брошюра особливаго заглавнаго листа не имѣетъ, но заглавіе напечатано вверху первой страницы, надъ началомъ текста „Описанія,“ который начинается извѣстіемъ, что по силѣ совершеннаго при жизни императора Петра Великаго супружественнаго трактата между цесаревною Анною Петровною и герцогомъ Голштейнъ-Готторопскимъ, императрица вознамѣрилась совершить означенный бракъ въ маѣ мѣсяцѣ, „для чего,“ говоритъ описаніе, „повелѣла Ея Величество въ лѣтнемъ своемъ домѣ, вновь здѣлать и предуготовіть къ тому торжеству Салу дліною 20, шіріною 7 саженъ“. Работы производились подъ надзоромъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова, многими собранными для того мастерами и художниками, такъ что помянутая зала, по словамъ „Описанія:“ „въ самомъ краткомъ времени преізряднымъ художествомъ создана, и убрана богатыми обоями и другіми уборы“. Когда всѣ приготовленія были окончены, то императрица назначила къ брачной церемоніи двоихъ маршаловъ: князя Меншикова и генералъ-прокурора Ягушинскаго, и при нихъ 24 человѣка шаферовъ, между которыми были бригадиры, штабъ и оберъ-офицеры какъ отъ гвардіи, такъ и отъ флота. За тѣмъ „Описаніе“ представляетъ списокъ участвовавшихъ въ брачной церемоніи лицъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „А въ Чіны того брака по обыкновенному церемоніальному Учрежденію отъ Еяжъ Імператорскаго Велічества опредѣлены: Вмѣсто отцовъ: Генералъ Адміралъ и Кавалеръ Графъ Апраξінъ. Канцлѣръ и кавалеръ Графъ Головкінъ.—Вмѣсто братьевъ: Генералъ Фелтцеіхъмеістеръ и Кавалеръ Графъ Брюсъ. Генералъ и Подполковнікъ отъ Гвардіи Господінъ Бутурлінъ.—Вмѣсто матерей: Ея Высочество Царевна Россіиская и Герцогіня Меклембургская Екатеріна Іоанновна. Свѣтлѣішая Княгіня Меншікова.—Вмѣсто сестръ: Канцлѣрша: Госпожа Графіня Головкіна. Генералша, Госпожа Бутурліна.—Бліжнія Дѣвіцы: Ея Высочество Цесаревна Всероссіиская Елісаветь Петровна. Велікая Княжна Наталіа Алеξіевна.—Форъ шнеідеромъ Полковнікъ Князь Гессенгоумбургскои“.

Далѣе сообщается въ „Описаніи“ объ объявленіи герольдами во всей столицѣ о бракѣ назначенномъ въ пятницу на 21 мая, и повелѣно собраться маршаламъ и шаферамъ въ 7 часовъ; сенаторамъ, генералитету и другимъ обоего пола знатнымъ особамъ въ „новосозданную Салу“ къ 11 часамъ. Министры и свита герцога, какъ кавалеры такъ и дамы были приглашены за день до бракосочетанія. „И тогожъ 18 дня въ вечеру Ея Імператорское Велічество со всею своею Высочаішею фаміліею, изъ Зімняго двора въ лѣтніи свои домъ переітить

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РѢДКИХЪ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

XVIII СТОЛѢТІЯ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ РОССІИ ГРАЖДАНСКИМЪ ШРИФТОМЪ

1725—1800.

СОСТАВИЛЪ

Н. В. Губерти.

Выпускъ III-й

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ I И II ВЫПУСКАМЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бул.
1891.

Отпечатано 300 экземпл.

чества Башевічу.—Новаго ордіна Святаго Александра Невскаго, на пунсовомъ бантѣ: Генералу Леітенанту Бону, Генералу Леітенанту Лесію. Генераламъ Маеорамъ: Івану Головіну. Міхаілѣ Волкову. Івану Дмітрееву Мамонову. Семену Салтыкову. Брегадіру Ліхареву. Грігорью Чернышеву. Андрею Ушакову. Князь Григорью Юсупову. Антону Девіеру. Цесаревны Анны Петровны Оборъ гофъ меістеру Нарышкину.—Віце Адміраламъ: Сіверсу, Змаевічу, шаутбеінахту Науму Сінявіну.—Двора Его Королевскаго Высочества Герцога Голштеіноготторпскаго: Гофъ Канцлеру Штамкену, Гофъ Маршалу Платеру, Оборъ Ягерѣ Меістеру Алефелту, Оборъ Камеръгеру Графу Бондію.—Да объявлены чіны чрезъ Генерала фелтмаршала Его Свѣтлость Князя Меншікова: Генералу кавалеру Князю Міхаілу Голіцыну въ Фелтмаршалы. Генералу Леітенанту Веісбаху въ Генералы. Изъ Генераловъ Маеоровъ: Гінтеру въ Генералы Леітенанты. Івану Головіну въ Генералы Кригъ Комісары при Адміралтеіствѣ. Грігорью Чернышеву въ Генералы Кригъ Комісары при Армѣе.—Чрезъ Канцлѣра Господіна Графа Головкіна чіныжъ объявлены: въ Таіные Дѣіствітелные Совѣтники: Князю Васілью Долгорукову. Князю Дімітрію Голіцыну. Князю Івану Ромодановскому. Діректору отъ строенеи Сінявіну. Объявленъ рангъ Генерала масора. Юстицъ Коллегіи Совѣтніку Вулфу, въ тожъ Коллегіи Віце Президентомъ".

Возвращаясь къ торжеству, „Описаніе" извѣщаетъ, что на другой день, т. е. въ субботу, въ 4-мъ часу по полудни „паки собраніе было въ огородѣ Ея Імператорскаго Велічества; въ вышеозначенноп же Салѣ, для Высокопомянутаго торжества, тѣхъ же всѣхъ персонъ, которые въ первое день того брачнаго торжества, прісутствовали"; туда же прибыли потомъ новобрачные съ своимъ дворомъ, и имѣли обѣденный столъ подъ тѣмъ балдахиномъ, подъ которымъ въ первый день сидѣла цесаревна. „И продолжалося оное веселіе" говорилъ „Описаніе", „какъ въ первои день, съ пушечною стрѣльбою". Императрица за столомъ не присутствовала, но по окончаніи его „соізволіла вытти въ огородъ", куда прибыли ихъ высочества новобрачные и прочіе знатные гости, и гуляли долгое время, послѣ чего императрица удалилась въ свои покои, а новобрачные возвратились въ домъ свой.—Въ третій день, въ 6-мъ часу по полудни собрались въ домъ герцога всѣ знатныя особы обоего пола, иностранные министры, и потомъ прибыла императрица со всею фамиліею „и тамо" по словамъ „Описанія" „отъ страны Его Королевскаго Высочества, со всякою подобающею магніфіценціею, чрезъ доволное время отправілось трактованіе". За приготовленнымъ посреди богатоубраннаго покоя столомъ, на первомъ

мѣстѣ сидѣла императрица, имѣя по сторонамъ новобрачныхъ, цесаревну Елисавету Петровну, цесаревну и герцогиню Екатерину Іоанновну, великую княгиню Наталью Алексѣевну и великаго князя Петра Алексѣевича [1]; въ томъ же покоѣ поставлены были два другіе стола для прочихъ знатныхъ особъ, какъ русскихъ, такъ иностранныхъ министровъ и знатнѣйшихъ дамъ; для прочихъ же многихъ гостей, были столы въ другихъ комнатахъ. „И сіе трактованіе" сказано въ заключеніе „Описанія", продолжалося чрезъ доволное время, однакожъ безъ музыки, но токмо съ трубами и пушечною стрѣльбою съ яхтъ убранныхъ флагами, стоящіхъ на рѣкѣ, предъ домомъ Его Королевскаго Высочества. При семъ торжествѣ, Графъ Петръ Апраѯінъ изъ Статскихъ Дѣіствітелныхъ Совѣтніковъ, пожалованъ отъ Ея Імператорскаго Велічества въ таіные дѣіствітелныя Совѣтнікп. И тако оное высокобрачное торжество чрезъ три дни, помощію Божіею благополучно окончилось".

1726.

№ 5. Календарь или Мѣсяцословъ. На лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Хріста 1726. **Указующіи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертьми.** Також де время солнечнаго и лунпаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе и долгонощіе, и теченіе луны въ зодіакахъ на всякіи день. **Учіненныи по меріділну и шірінѣ царствующаго Санктъпетербурга.**—Напечатанъ **въ Санктъпетербургскои Тvпографіи, лѣта Господня 1726, въ Мартѣ.** Въ перегнутую 4-ку, 120 ненум. стр. (считая заглавн. листъ и таблицу въ концѣ календаря). На заглавн. листѣ виньета съ видомъ Невы около крѣпости, 4 виньеты въ текстѣ и три фигуры вырѣзанныя всѣ на деревѣ [2].

Геннади, Справочн. Словарь о Русск. Писат. т. 2, стр. 93 а.— Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи, стр. 482, № 1.

На оборотѣ заглавнаго листа въ столбцахъ: „Знаки мѣсячные, имена по Гречески и Рімски седми планетъ, яже показуютъ и седмічныя дни; знаки и имяпа 12 зодіи". На слѣдующей страницѣ подъ

[1] О Вел. Князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, до этого ни разу не упомянуто въ „Описаніи".

[2] Первый Календарь съ перегнутую вдоль 4° напечатанъ въ Январѣ 1713 года, слѣдовательно можетъ считаться одною изъ первыхъ книгъ вышедшихъ изъ С.-Петербургской типографіи; находится въ Публичн. Библіотекѣ. (Наука и Литература въ Россіи П. Пекарскаго, ч. II, стр. 305, № 234).

надписью „Во Имя Іисусово" помѣщается хронологія, въ которой между прочимъ показано: „Отъ коронованія Ея Императорскаго Величества Екатеріны Алеξіевны Самодержицы Всероссійской, второй годъ. Отъ Рожденія Внука Ея Величества, Великаго Князя Петра II, 11 лѣтъ. Отъ зачатія флота Россійскаго 29. Отъ Вікторіи полученныя надъ Свѣіскимъ королемъ Каролусомъ вторымъ надесять, подъ Полтавою, седьмыя на десять Годъ. Въ началѣ святцевъ, занимающихъ собою 48 страницъ, надъ январемъ, надпись повторенная и надъ прочими мѣсяцами: Генварь имать 31 день, и привѣтствіе: „Здравіе, благословеніе и миръ да подастъ Богъ православнымъ". Каждая страница святцовъ раздѣляется двумя продольными, и пятью поперечными чертами; на лѣвой сторонѣ знаки, означающіе дни, цифры указывающія числа мѣсяца; и на правой метеорологическія наблюденія. Страницы съ означеніемъ евангельскихъ чтеній предназначались по видимому и для рукописныхъ замѣтокъ, такъ какъ многія изъ этихѣ страницъ оставлены бѣлыми, съ обозначеніемъ лишь однихъ числъ мѣсяца. За тѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о времени наступленія каждаго изъ четырехъ временъ года, изображенныхъ четырьмя виньетами, грубо вырѣзанными на деревѣ. На первой изъ нихъ подъ надписью: „О Зімѣ и ея погодѣ" изображеніе женщины въ шляпѣ украшенной перьями и держащей въ рукахъ свѣтильникъ и лампаду; возлѣ стоящее голое дерево, въ отдаленіи домà съ дымящимися трубами и люди ходящіе по льду; вверху па лѣвой сторонѣ зодіакальный знакъ Козерога.—На второй „О Веснѣ и ея погодѣ" женщина въ коронѣ, держащая въ каждой рукѣ по букету цвѣтовъ, подъ ногами ея разцвѣтающія растенія, и въ отдаленіи плывущій корабль, изображеніе знака Овна.— „О Лѣтѣ и лѣтней погодѣ", съ изображеніемъ женщины въ коронѣ, идущей съ цвѣткомъ и рогомъ изобилія въ рукѣ; вдали работающій жнецъ; изображеніе Рака. Наконецъ подъ надписью: „О Есени и ея погодѣ", женщина увѣнчанная гроздіемъ, наливающая вино въ чашу; по землѣ разсыпанные плоды и стоящій сосудъ; изображеніе Вѣсовъ. Подъ означенными виньетами помѣщены на основаніи планетныхъ аспектовъ предсказанія ожидаемой въ каждомъ сезонѣ, погоды. Въ слѣдующей за тѣмъ статейкѣ „О здравіи и болѣзняхъ", разсуждается о великомъ сходствѣ „Макрокосма", т. е. великаго міра или свѣта съ „Микрокосмомъ", т. е. малымъ міромъ или человѣкомъ. На основаніи „ѕлыхъ аспектовъ", въ которыхъ по замѣчанію автора статьи нѣтъ недостатка, онъ утверждаетъ, что на 1726 годъ, безъ опасныхъ болѣзней и смертныхъ случаевъ также не обойдется. „А особлѣво" говоритъ онъ, „конецъ генваря, весь февраль и начало апрѣля, гро-

зять вреднымъ насморкомъ; слабоглавные, мелянхоліки, также падучею болѣзнію немоществующіе, могутъ ѕѣло нападаемы и нечаенной смертію поражаемы быть". Нѣкоторое облегченіе обѣщается въ послѣднихъ числахъ марта, апрѣлѣ и маѣ; въ іюлѣ, вслѣдствіе „оппозиціи" Сатурна съ Меркуріемъ 8 числа, и Сатурна съ солнцемъ 12, астрологъ опять пугаетъ болѣзнями: „тогда" предсказываетъ онъ „будутъ склонны на головныя и сердечныя тяжести, особливо на бѣдственные случаи старымъ и почтеннымъ персонамъ", для беременныхъ и родильницъ опасается онъ „оппозиціи Сатурна съ Венерою". О послѣднихъ числахъ августа и началѣ сентября говоритъ, что это время „бѣдственно на горячки, которыя многіхъ и жівота лішітъ могутъ"; но съ первыхъ и до послѣднихъ чиселъ сентября, обнадеживаетъ болѣе лучшимъ здоровьемъ, но за тѣмъ, съ первыхъ же и до послѣднихъ чиселъ октября, предсказываетъ, что „паки склонятся на сердечную тяжесть, головную и зубную болѣзнь". Съ послѣднихъ чиселъ октября до большей половины декабря, астрологъ обѣщаетъ довольно сносное для здоровья время, „токмобъ" опасается онъ, „квадратъ Іовішевъ съ Марсомъ въ 18 Декабря горячіхъ болѣзней не воздвіглъ". Въ заключеніе предсказаній, помѣщены слѣдующія вирши:

Человѣкъ есть малыи міръ, въ многотрудпои жізпи
Исполнь печали, бѣдствіи, страха и болѣзни,
Радости мало, когда случітся премѣна,
Дондеже все смертно заключітъ кончіна.

Въ разсужденіи „О воинѣ и мірскіхъ дѣлѣхъ", упоминается о должной благодарности Богу, котораго благодатію и человѣколюбіемъ, 1724 годъ во всей Европѣ совершился въ мирѣ и тишинѣ, съ выраженіемъ пожеланія, чтобы Онъ даровалъ то же на многія будущія лѣта; причемъ и здѣсь, астрологъ извѣщаетъ, что въ настоящемъ году: „на небѣ особлівыхъ воінскихъ знаковъ не відно, такъ какъ двѣ высочаішія планеты (солнце и луна) въ благопріятномъ сехтілевомъ аспектѣ стоятъ; аще въ Сентябрѣ они и въ непріятелскіи квадратъ вступятъ, и хотя нѣкоторые острые знаки пріключатся, то и въ сопротівъ находітся много и добрыхъ аспектовъ"; не смотря на эти астрологическія соображенія, по замѣчанію астролога „воінскіи жаръ подъ пепломъ лежітъ, которыи свободно выгребенъ и раздутъ можетъ быть, такъ что опасно есть, чтобъ отъ того велікіи и пространныи пламень не возгорѣлся. За краткою молитвой: „Боже! воспяти опасное воіны безпокоиство, и распространи благопріятныи миръ", слѣдуютъ вирши:

Не помогутъ звѣздъ мірныхъ пріятныя знаки
Тому, кто мира забывъ, брани ищетъ паки
Или къ ней прінужденъ есть, онъ бо при покои
Ѕвѣздъ покажетъ; что брани хотящіе вои,
Едіною воінски предпріявъ совѣты,
Не имѣютъ времени на звѣзды смотрѣти.

Какъ эти двѣ статьи, такъ и слѣдующая, любопытны въ томъ отношеніи, что даютъ понятіе о бывшихъ тогда, и долгое время потомъ, въ большомъ ходу астрологическихъ бредняхъ; помѣщаемыя въ календаряхъ, онѣ составляли едва ли не самое въ нихъ интересное для тогдашнихъ читателей услаждавшихъ подобнымъ чтеніемъ свои досуги, и твердо вѣровавшихъ въ нелѣпыя предсказанія астрологовъ. Помѣщенную за тѣмъ статью подъ заглавіемъ „Прогностікъ на 12 мѣсяцовъ", приводимъ вполнѣ, отъ слова до слова, съ точнымъ сохраненіемъ правописанія; надъ каждымъ изъ 12-ти мѣсяцовъ находится изображеніе „оппозиціи" планетъ, или взаимное ихъ противостояніе; послѣ каждаго предсказанія слѣдуетъ относящееся къ нему большею частью правоучительное двустишіе: Генварь. „Егда вода льдомъ покроется и бѣлыя мухи лѣтать начнутъ, тогда хорошо при теплои печи держатіся, и домосодержанію прілѣжно смотрѣть, жестокій хладъ и жестокій жаръ вредятъ ѕѣло человѣка. Въ мірскіхъ дѣлѣхъ могутъ о таіныхъ и важныхъ дѣлѣхъ трактаты быть; надлежітъ опасатіся пожару, огня и свѣчи добрѣ смотрѣть.

Новыи годъ пріносітъ и вещи новы,
А отъ насъ не скоро итти готовы.

Февраль. Ежели жаворонки рано начнутъ пѣть, то потомъ они не на малое время замолчатъ; ибо если о семъ времени мягкая и хорошая погода случітся, то обычно есть хладному позімію послѣдовать.

Въ семъ мѣсяцѣ ѕлые влажности отъ главы ниспадаютъ въ шею, и далѣе въ груди, даже и до ногъ, отъ чего вредные пріпадки и болѣзни зараждаются. Въ карпевальныхъ забавахъ могутъ и таіные конференціи предвоспріяты быть.

Что до здѣ держітся и таіною закрыто,
То со временемъ будетъ явно и открыто.

Мартъ. Мартовскія воздухъ часто болѣзни наносітъ, для того къ воздуху не пріобыкшимъ надлежітъ его удалятіся, гдѣ находятся

хотя и многіе, однакожъ отъ большои части добрые и тихіе знаки; для того склонно есть на мірныя трактаты, ради воспященія брани.

Небо здѣсь пріятно свѣтітъ и мирно:
Токмобъ миръ въ покои пребылъ, и смирно.

Апрѣль. Апрѣльская погода перемѣнна есть; бури на мори на караблѣ плавающихъ, а воры и разбойники на путешествующіхъ ѕѣло могутъ нападать; здѣ ѕлохітрости, коварства и обманства предвосприимутся, и доволно измѣннаго ѕлодѣиства окажется. Воінскія дѣла могутъ также новую искру къ пламени получіть.

Ѕла суть времена, и міръ во злѣ лежітъ,
Много людеи ко ѕлу и татбѣ прілежітъ.

Маіи. Пріятное маіское время по многімъ мѣстамъ можетъ въ печаль обратітіся. Ежелібъ всякъ зналъ окказіи (случаи) времянно смотрѣть, могъ бы богатои прібытокъ стяжать, или поне многаго нещастія убѣжать; но пропустівъ случаи, трудно его паки искать: въ велікіхъ рѣкахъ ловятся большія рыбы, но съ тѣмъ вящшимъ бѣдствомъ. Щастлівъ тотъ, кто малымъ доволствуется, и при томъ мирное житіе препровождаетъ.

Въ велікомъ богатствѣ не возносіся;
При маломъ, жітія мірна держіся.

Іуніи. Кому досужно, тотъ можетъ въ сіхъ теплыхъ лѣтніхъ днехъ тѣлесно забавлятіся, отъ чего умъ въ бодрость пріходітъ, а тѣлесная сіла прохлаждается и укрѣпляется. Когда рожи цвѣтутъ, тогда наілучшее время къ кровопусканію жілному, токмо же оное разумѣется въ умѣренную погоду. А въ велікои жаръ надлежітъ оное оставлять, чтобъ тѣло не утомілося и въ безсілствобъ не прішло. На поли стоятъ армѣи между собою на сопротівъ.

Въ цвѣтъ красныхъ рожи пріятно время
Проідетъ скоро; туги отложи бремя.

Іуліи. Въ семъ мѣсяцѣ обычно велікіе жары бываютъ, для того надобно оберегатіся, чтобъ скорымъ хожденіемъ или инымъ какімъ движеніемъ утомівся и разогрѣвся, скоро потомъ холоднаго пітія не пить; но прежде надлежітъ нѣчто себе охладіть и отдохнуть; да потомъ, и то не вдругъ много, но нѣсколко разъ по маленку жажду утолять. Въ каникулы кромѣ нужды, ни руды жілнои пускать, ни лѣ-

чітіся подобаетъ. Въ мірскіхъ дѣлѣхъ воюющія стороны ищутъ другъ друга лукавствомъ опровергнуть, не хотяще въ главное сраженіе вступіть.

Въ жарки дни небеса гремятъ, блистаютъ
Къ брапи (шпага) ся изощряютъ.
(перо)

Августъ. Дни уже многімъ временемъ укратілiся, время непостоянствуетъ. Въ 8 числѣ сего мѣсяца солнце обрѣтается у львова сердца, еже не токма въ погодѣ, но и въ мірскіхъ дѣлѣхъ особлівую прімѣту окажетъ и имѣютъ армеи жестоко сразітіся: можетъ также и отъ женскіхъ коварствъ нарочітое премѣненіе случітіся.

На воінѣ мертвятъ, палятъ і плѣняютъ,
Сімъ плоды ея себе намъ являютъ.

Сентябрь. Вскорѣ уже хощетъ лѣто абшідъ свои взять, а на мѣсто его Есень настать: воздухъ становітся непріятныи и хладныи съ дождемъ и вѣтромъ; для того карабелщіки въ домъ поспѣшаютъ, чтобъ отъ штурмовъ вреды не прінять: на мѣстахъ, гдѣ Марсъ воюетъ, могутъ кровопролівныя акціи пріключітіся, и многія страны и грады оное съ болѣзнію чувствовать.

Кто ищетъ другаго злѣ поразіти
Тотъ самъ безъ боязни не можетъ жіти.

Октябрь. Свѣтъ сеи такъ хітростенъ есть въ своіхъ обманствахъ, что отъ всѣхъ его ухіщреніи неможно доволно уберещіся. Сребролюбіе и завість протівные суть аффекты (страсти) и многократно вмѣстѣ совокупляются. Львову кожу недостающую навершаетъ лісья. Въ мірскіхъ и воінскіхъ дѣлѣхъ такожде пріуготовленіе кажется: однакожъ ищутъ болше лукавствомъ, нежели явною сілою дѣло свое въ конецъ произвесть.

Смотри добре да тя кто не обманетъ
И въ сѣть погібели хітрѣ не втянетъ.

Ноябрь. Ученые и художественніки имѣютъ добрыя ѕвѣзды къ сочіненію важныхъ и къ спекуляціи (умному размышленію) въ остроумныхъ вещехъ. Суть также склонные знаки къ мірозаключенію и новымъ трактатамъ, токмобъ непріятелская партія на то преклонна была. Въ купечествѣ, въ домовомъ быту благополучныи же успѣхъ усмотрітся. Однакожъ особлівые случаи могутъ и протівное прінесть.

Не вѣрь щастію много во благіхъ днехъ,
Вскорѣ се падетъ, зло же взыдетъ на верхъ.

Декабрь. Понеже по гаданію въ семъ году много важныхъ и отъ хорошеи части протівныхъ вещеи пріключітся, для того нѣкоторые люди, й нѣкоторые страны и грады много особлівыхъ случаевъ доживутъ и искусятся, чегобъ въ началѣ года и не надѣятіся, и можетъ нѣкоторымъ еще особлівое пріключітіся, прежде нежели годъ окончітся. Боже! обрати вся въ благое, и даруи впредь лучшая времена. Затѣмъ слѣдуютъ вирши въ которыхъ авторъ говоритъ, что кто предается злымъ наклонностямъ, тотъ напрасно будетъ сваливать вину на звѣзды, которыми владѣютъ добродѣтель и разумъ, но не злоба и глупость.

Боже! низпослі намъ твою благодать,
Да имамъ тя въ вѣкъ вѣка велічать.
Теченіемъ и свѣтомъ различнымъ планіты,
Прінудіти не могутъ, могутъ преклоніти
Того для віну звѣздамъ туне прічітаетъ
Кто своіхъ злыхъ склонностеи не обуздаваетъ
Разумъ и добродѣтель звѣздами владѣетъ,
Глупство, и зла преклонность, сего не содѣетъ.

Въ слѣдующихъ приложеніяхъ, въ статьѣ „о Плодородіи сего года", составитель ея указываетъ на „оппозиціи" планетъ, по мнѣнію его полезныя или вредныя для посѣва „при чемъ упоминаетъ о тѣхъ преізрядныхъ" аспектахъ, которые приносятъ пользу и растущему хлѣбу. Вообще же онъ предсказываетъ благопріятную и плодородную весну, и такое же лѣто для сѣнокосовъ и жатвы. Разсужденія и наставленія „о сѣяніи и сажденіи" начинаются увѣреніемъ, что этими двумя дѣлами „правітелствуютъ безъ сомнѣнія звѣзды, а наіпаче лунное втеченіе". Затѣмъ преподаются совѣты сажать и сѣять тѣ или другіе овощи при восхожденіи или по захожденіи луны и по выраженію автора о сѣяніи и надъ землею, или подъ нею „соображаться съ приращеніеми и ущербомъ луны причемъ одобряется сѣяніе жита въ ту пору, когда луна находится въ изображенныхъ въ текстѣ знакахъ зодіака; подъ заглавіемъ:" Партікулярно о жітѣ", помѣщены указанія на числа мѣсяцовъ, въ которые слѣдуетъ сажать и сѣять капусту, овесъ, горохъ, чечевицу и ленъ. Извѣстіе о „затмѣніяхъ", начинается слѣдующимъ вступленіемъ. Во время страданія Христова затмілося Солнце отъ полуденнаго времени до трехъ часовъ

по полудни; егда солнце весма помрачіся, и не даде своего свѣта. И сіе не натуральное, но чудесное бѣ затмѣніе, ибо оное пріключілося во время полнолунія, когда по натуральному теченію никакого солнечнаго затмѣнія быти не можетъ; для того и Діонисій Ареопагітъ рече: Богъ, или натура страждетъ. Егдаже потомъ увѣдалъ, чего ради оное затмѣніе было, въ Хрістіанскую вѣру обратілся, и въ первомъ велікомъ на Хрістіанъ гоненіи подъ Кесаремъ Нерономъ, мученіческіи вѣнецъ пріялъ". Заявивъ о неестественномъ и единственномъ бывшемъ въ мірѣ солнечномъ затмѣніи, астрологъ извѣщаетъ о четырехъ естественныхъ, имѣющихъ быть въ 1726 году: двухъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ, изъ которыхъ видимы будутъ отчасти третье и четвертое. Первое солнечное случится 22 марта въ 4 часа по полудни; второе лунное 5-го апрѣля въ 3 ч. по полудни, третье, солнечное 14-го сентября въ 5 ч. 24 м., и четвертое лунное 30 сентября, и начнется въ 4 ч. 29 м. Фазы третьяго солнечнаго и четвертаго луннаго затмѣній изображены въ текстѣ. За тѣмъ слѣдуетъ: „Избраніе знаковъ и временъ прігодныхъ ко употребленію лѣкарствъ, кровопусканію жілному и рожечному". Подъ словами „Регула Генералная: нужда законъ премѣняетъ", означены лѣкарства, которыми во время луннаго теченія въ знакахъ зодіака надлежитъ „чістіть и выводіть холеру, флегму и мелянхолію"; также запрещается пускать „руду жілную", когда луна течетъ въ той „зодіи", которая болнои удъ содержітъ, равно и во время аспектовъ, показанныхъ въ „прогностикѣ". Подъ виньетой изображающей фигуру человѣка съ отверзтыми внутренностями, отъ которой проведены линіи къ двѣнадцати зодіакальнымъ знакамъ, объяснено какіе изъ органовъ и частей тѣла находятся подъ вліяніемъ помянутыхъ знаковъ, и какіе подчинены вліянію планетъ [1]. Пускать кровь и принимать лѣкарства по теченію луны въ разныхъ знакахъ зодіака, и фазамъ ея, разрѣшается людямъ различныхъ темпераментовъ, находящихся подъ вліяніемъ означен-

[1] Изображеніе фигуры человѣка (рудомета) державшееся продолжительное время въ старинныхъ нашихъ календаряхъ, заимствовано изъ календаря нѣмецкаго, на что указываютъ слова около фигуры находящіяся. Изображеніе „рудомета" появилось въ первый разъ въ календарѣ, форматомъ подобномъ настоящему, напечатанномъ въ Петербургѣ 1718 года. (Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В. П. Пекарскаго. т. 11. стр. 305, № 234). Кургановъ, въ оригинальномъ сборникѣ своемъ, озаглавленномъ „Универсальная Грамматика", изданномъ въ 1769 году, помѣстилъ изображеніе рудомета съ объясненіемъ въ то время, когда оно перестало украшать собою мѣсяцословы.

ныхъ знаковъ; этому же вліянію подчиняется время „волосорѣзанія" и отнятіе отъ груди дѣтей.

Въ астрономической или лучше сказать, „астрологической" статьѣ подъ заглавіемъ „о Планетахъ, и во первыхъ о Небеси звѣздъ" объясняются неподвижныя звѣзды, планеты: солнце, луна, Сатурнъ, Юпитеръ или Іовишъ, Марсъ, Венера и Меркурій, съ указаніемъ изъ трехъ царствъ природы на все, считаемое подъ вліяніемъ помянутыхъ планетъ. Замѣчательны извѣстія о времени „планетныхъ часовъ" благопріятныхъ для различныхъ человѣческихъ дѣйствій; при чемъ астрологъ почитаетъ ихъ какъ бы непроизвольными и отчасти зависящими отъ того же вліянія планетъ: такъ, напр. онъ говоритъ: „въ планетныхъ солнца часѣхъ благополучно есть въ Потентаты выбірать, или короновать и проч.; также золотомъ торговать, или наономъ работать, а особліво въ Хімическіхъ вещехъ, или въ универсальномъ дѣлѣ трудітіся". Изъ дней принадлежащихъ солнцу указывается недѣльный день, также числа 1 и 4. „Въ часѣхъ луны щастліво съ водными вещми обходітіся... и наилучше въ лунныхъ часѣхъ на серебрѣ работать" изъ принадлежащихъ лунѣ дней, показанъ понедѣльникъ и число 7. Далѣе сказано, что „ся же вліянію подчиненъ женскія полъ, напримѣръ королевы, княгіни и всякія госпожи". Подъ вліяніемъ Сатурна находятся „похотные, завістлівые, сребролюбівые люди и меляхоліки; день его—суббота. Юпитеру межъ людьми прісвояются главные ученыя, духовныя и мірскія персоны; изъ дней принадлежитъ ему четвертокъ и число 30... Такожъ въ Іовішевыхъ часѣхъ благополучно есть миръ и трактаты заключать, съ главными и учеными людьми обходітіся, велікіхъ звѣрей ловіть, путешествовать. Подъ вліяніемъ Марса вторникъ и 9 число; „въ марсовыхъ часѣхъ за благополучно содержітся около огня и желѣза работать, оружіе дѣлать, феіерверки составлять, на охоту ѣздіть. А сварливыя могутъ свободно драку и брань завести. Планетѣ Венусъ изъ человѣкъ пріпісуются женскія персоны; и венусовы дѣти суть прігожи и роскошны:.. Изъ дней принадлежітъ ей пятокъ, и число 8; въ венусовыхъ часѣхъ заблагополучно бракъ творіть, піровать и въ веселыхъ забавахъ упражнятіся.—Меркурію прічітаются персоны въ остроумныхъ спекуляціяхъ (мудрствованіяхъ) упражняющіяся, сірѣчь філософы, фізіки, Пііты, Матсматіки, Аріфметіки, купцы, ваятели, рѣщики, живописцы и другіе художественнікі. Меркурію прінадлежітъ среда и 5-е чісло. Въ Меркуріевыхъ часѣхъ заблагополучно вмѣняется учітіся, размышлять, мудрствовать и къ хітростнымъ інвенціамъ прілѣжать".

Статьѣ „о Планетныхъ днехъ и часѣхъ", предшествуетъ извѣстіе о томъ, что каждому дню недѣли соотвѣтствуетъ одна изъ планетъ, о чемъ давно извѣстно, и что „въ важныхъ и судебныхъ дѣлѣхъ, у нотаріевъ и доселѣ въ календаряхъ по всюду планеты днямъ прилагаются." Авторъ говоритъ, что хотя „изобрѣтатель" планетныхъ дней и неизвѣстенъ, но общее мнѣніе приписываетъ это открытіе халдеямъ, такъ какъ они и евреи имѣли обыкновеніе раздѣлять каждый день и ночь на 12 равныхъ частей или часовъ, но безъ соблюденія строгаго порядка, вслѣдствіе неправильнаго повидимому теченія планетъ, въ которомъ однакожъ примѣченъ „хітростныи порядокъ и чінъ". Въ текстѣ находится фигура объясняющая этотъ „хитростныи" порядокъ. Далѣе слѣдуетъ „изображеніе пяти аспектовъ или взоровъ, въ какіхъ планета едіина съ другою стоітъ". Здѣсь объясняются примѣромъ фигуры аспектовъ и противостояніе ихъ, обыкновенно помѣщаемыя передъ знаками планетъ, какъ представлено выше въ „прогностикѣ". Наконецъ слѣдуетъ: Правила для „Заправленія перпендікулярныхъ и карманныхъ часовъ, по теченію солнца, чрезъ посредство еквацiи временныхъ (равновременства)"; приложена также таблица съ указаніемъ ежедневной по ней повѣркѣ часовъ по солнцу; „Редукціа Санктпетербургскаго времене на другія мѣста"; съ показаніемъ лежащихъ къ западу отъ Петербурга.—„Помѣсячныи Штатсъ-Календарь Высочаишіхъ и Высокіхъ фамиліи Еvропеіскіхъ", составленъ по днямъ рожденія каждой изъ поименованныхъ въ немъ особъ [1]. Въ концѣ календаря помѣщена таблица съ показаніемъ чиселъ мѣсяцовъ когда слѣдуетъ: „власы рѣзать, лѣсъ рубить, сѣять и садить, лѣкарство принимать, кровь пускать, дѣтей отъ груди отнимать, также, когда не принимать лѣкарства".

1727.

№ 6. **Календарь или Мѣсяцословъ.** На лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Хріста **1727. Указующіи Затмѣнія Солнечная, мѣсячная рожденія и полныи мѣсяцъ съ четвертми.** Такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе и долгонощіе. **Учиненныи по меріdіану и шірінѣ царствующаго града Москвы.** Напечатанъ въ Московской Тvпографіи Лѣта Господня 1726, въ Декабрѣ. Въ перегнутую вдоль четверку. 64 ненум. стр. (считая съ

[1] По указанію Пекарскаго, помѣщенъ въ первый разъ въ Календарѣ на 1724 годъ, напечатанномъ въ С.-Петербургѣ, въ перегнутую вдоль четверку. Пекарс. Наука и Литература въ Россіи. Т. 2. Стр. 626. № 585.

заглавн. листа). На заглавн. листѣ виньета съ изображ. вида Кремля со стороны Москвы рѣки; таблица, и въ текстѣ 5 виньетъ рѣзанн. на деревѣ.

Справочн. Словарь о Русск. Писат. Геннади т. 2. стр. 94 а.

На оборотѣ заглавнаго листа въ столбцахъ: Знаки мѣсячные, имена по Гречески и Римски седми планетъ, яже показуютъ и седмичные дни; знаки и имяна 12 Зодіи. На слѣдующей страницѣ помѣщена хронологія съ надписью: „Во Имя Іисусово", и между прочимъ показано; „Отъ Коронованія Ея Імператорскаго Величества Екатерины Алексіевны Самод. Всероссіискія третіи годъ. Отъ рожденія внука Ея Величества Веліка̀го Князя Петра 12. Отъ зачатія флота Россійскаго 30. Отъ Вікторіи полученныя надъ Свѣискимъ королемъ Каролусомъ вторымъ на десять, подъ Полтавою осмьнадесятый годъ. На 24-хъ страницахъ святцы, на правой сторонѣ которыхъ метеорологическія наблюденія; слѣдующія страницы на оборотахъ оставлены для рукописныхъ замѣтокъ бѣлыми, съ обозначеніемъ лишь однихъ чиселъ. О затмѣніяхъ сказано, что по астрономическимъ вычисленіямъ, въ 1727 году предвидится два солнечныхъ, и ни одного луннаго затмѣнія, причемъ указано время, начала ихъ и продолженія; кромѣ того три фаза помянутаго затмѣнія изображены въ текстѣ.—Далѣе слѣдуетъ: „Прогностікъ на 12 мѣсяцевъ, объ измѣненіи луны и 4 аллегорическія виньеты съ изображеніемъ четырехъ временъ года, сходныхъ съ находящимися въ предъидущемъ календарѣ на 1726 годъ. За предсказаніями о погодѣ находятся и общія на каждый изъ 12 мѣсяцевъ, довольно любопытныя, почему и приводятся вполнѣ, съ сохраненіемъ правописанія: „Генварь. Острые конъюнкціи могутъ нѣчто бѣдственныхъ случаевъ принесть. Надлежитъ оберегатіся огня, ѕлохітростеи, убіиства и разбоя, и могутъ нѣкоторые шутки въ плачь обратітіся; кому здравіе свое драго есть, тотъ да хранитъ нынѣ оное.—Февраль. О бѣдственныхъ нападкахъ, обманствѣ и ѕлодѣіствахъ не безъ слуха можетъ быть, для того подобаетъ стрещися огня и горящихъ вещеи. Надлежитъ нынѣ особліво храніть также и здравіе, ибо что (знакъ сатурна) въ твердость прівелъ, то (знакъ меркурія) хощетъ спаліти.—Мартъ. Многихъ ѕлохітрости приведутъ въ бѣду, но и съ добрыми не всегда удается, для того отлагать надлежітъ на другое время. Съ огненнымъ оружіемъ и мечемъ бережно надобно поступать, можетъ бо многіхъ жівота ліпіть.—Апрѣль. Время есть перемѣнно какъ и погода: что въ прошломъ мѣсяцѣ не удалося, то можетъ нынѣ лучшіи успѣхъ имѣть, и многімъ щастіе сотворіть, для

того случая не надлежітъ пропускать.—Маій. Не вѣрь щастію много, стоитъ на быстрыхъ ногахъ и оставляетъ нѣкогда коварство по себѣ. За половіну показуется ѕѣло протівно: убійство и невѣрность услышаны, и худою мздою награждены могутъ быть. Огня, огненнаго оружія, также и здравіе въ велікіе жары надобно прилежно смотрѣть.—Іунь. Гдѣ воина есть, тамъ безъ жестокіхъ баталіи не пробудетъ. Боже! сохрани грады, страны отъ велікіхъ пожаровъ! Здравіе такожде надобно доволно храніть, и себе не разжигать, а потомъ паки охлаждать, чему скоропостижные катарры дыханіе занімающіе и другіе пріпадки послѣдовать могутъ.—Іуль. Здѣ многія контракты заключатся, которымъ бы въ иное время трудно успѣхъ свои имѣть. Не худо и другія мирныя договоры воспріимать и о нихъ трактовать: однакожъ показуется, что при томъ Сатурнъ о обманствѣ и практікахъ помышляетъ.—Августъ. Боже сохрани высокихъ персонъ отъ бѣдственныхъ подлоговъ. Подаждь державствующимъ солнцемъ всѣ Сатурновы коварства лунами своими уничтожіть. Великіе главоболѣнія и горячыя пріпадки не умножатся.—Сентябрь. Здѣ подаетъ небо благопріятные лучи, хотя съ начала Сатурновы протівные лучи замѣшаліся съ другіми: однакожъ слѣдующыя Іовишевы, оные на лучшіе перемѣнятъ, такъ что при многіхъ протівныхъ лучшее дружество послѣдовать можетъ. Нынѣ востаютъ хладные, вредные мокроты, грудныя болѣзни, кашли и ліхорадки.—Октябрь. Здѣ показуются страшные припадки, воровство и убівство. Подобаетъ всякихъ ссоръ устранятіся и храніться прілежно огня.—Ноябрь. При многихъ протівныхъ, можетъ многімъ протівное пріключітіся и нѣкоторые радости въ нечаль обратятся. Всячески надлежітъ пожара оберегатіся.—Декабрь. Что Марсъ въ прошломъ мѣсяцѣ не довершилъ, то можетъ конечно въ семъ мѣсяцѣ совершить. Надлежітъ при брачныхъ сговорахъ смотрѣть, чтобъ не протівныхъ натуръ совокуплять, дабы потомъ между ими довольно протівныхъ поступковъ не было. Многія главныя и гортанныя дыханіе занимающія влажности востанутъ, также и подагріки тяжкое время возъимѣютъ. Боже! Обрати вся на лучшее!"—

Въ статейкѣ о „Плодородіи и Недородіи" содержатся благопріятныя предсказанія на всѣ четыре времени года; она заключается слѣдующими словами „въ семъ году въ плодоносной погодѣ недостатку не видно" и пожеланіемъ: „Даруи токмо Боже, да все въ мирѣ, тишинѣ и здравіи употребляемо будетъ!" Въ слѣдующей: „о здравіи и болѣзнехъ", послѣ краткаго разсужденія о здоровьѣ какъ о драгоцѣннѣйшемъ сокровищѣ, необходится безъ предсказаній о имѣющихъ постигнуть человѣчество болѣзняхъ; календарь особенно угрожаетъ „гос-

подамъ подагрікамъ" которые въ первыхъ числахъ ноября, „тяжкое время возъимѣть могутъ"; предсказанія оканчиваются словами: „Боже отврати вся сія". Въ разсужденіи „О воинѣ и Мірскіхъ дѣлѣхъ", между прочимъ помѣщенъ разговоръ между эпирскимъ царемъ Пирромъ и „вѣрнымъ совѣтникомъ его Кинеемъ", передъ начатіемъ войны съ Римлянами, отъ которой послѣдній старается отклонить царя; доказывая превосходство мира передъ войною, авторъ приводитъ примѣры изъ Библіи, изъ которыхъ видно, что „когда Богъ древле народу своему что доброе обѣщать хотѣлъ, тогда обѣщалъ имъ миръ въ странахъ ихъ, тако глаголя: „и дамъ миръ въ земли вашеи, и уснете, и не будетъ устрашаяи васъ" (Моисей кн. 3, гл. 26); продолжая доказывать цѣну мира ссылается на пророковъ Давида и Исаію: „и вселятся въ градѣ мирнѣ, и веселятся уповающе, и почіютъ съ богатствомъ". Вдаваясь въ современную политику, авторъ статьи продолжаетъ: „А что наша Еνропа чрезъ нѣкоторые годы таковъ миръ имѣла, и въ томже 1725 году при нѣкоторои части слѣдующаго (въ которомъ показанія были, что въ нѣкоторыхъ мѣстѣхъ воінскіи пламень имѣлъ вспыхнуть) препроводіла, должна пріпісывать Божію мілосердію, отъ котораго чрезъ посредства главнѣішихъ персонъ, еще и впредь въ Еνропѣ мирно можетъ пробыть, а коньюнктуры въ такомъ состояніи обрѣтаются, что воінскіи пламень легко вспыхнути можетъ, аще Божія десніца не удержітъ. Изъ оріента, а особліво изъ Персіды не безъ слуха можетъ быть о велікіхъ премѣненіяхъ отъ Турецкіхъ поступковъ: хотя первыи протівнікъ тамъ и голову уже положілъ; вся ли воина токмо туда клопится, и Еνропеискіхъ граніцъ непрікоснется ли, или гордые турки далѣе захватывать станутъ, о томъ время откростъ". — Статья оканчивается предсказаніями основанными на вѣрѣ во вліяніе планетъ какъ на дѣла человѣческія вообще, такъ и на „воінскіе совѣты и жестокія баталіи". Наконецъ авторъ представляетъ слѣдующія вирши подъ заглавіемъ „Заключительное желаніе":

«Боже! Ѕвѣздами прекрасно кругъ небесъ украсивыи,
И сіе стадо веліко словомъ ти сотворівыи,
Подаждь имъ благопріятно сеи годъ сіять надъ нами,
Огради насъ отъ воінскіхъ бѣдъ крѣпкіми стѣнами.
Содержи надъ нами присно златаго вѣтви мира,
Не попусти, да повредітъ насъ недугомъ сѣкира.
Всяко благословеніе изволи низпослати,
Комуждо; да тя имамы во вѣки велічати».

Остальныя приложенія совершенно тѣ же, что и въ предъидущемъ календарѣ: „Избраніе Знаковъ и Временъ прігодныхъ ко употребленію лекарства, кровопусканію жилному, рожечному". Указаніе времени когда чістіть и выводіть во время лунного теченія холеру, флегму, травами, сокомъ, декоктомъ, пилюлями, электуаріемъ и т. д. Также приложено изображеніе „рудомета" съ показаніемъ какія болѣзни членовъ содержатъ „водіи". Показаніе времени удобнаго для сѣянія, сажденія, лѣсорубленія, власорѣзанія и отниманія отъ груди дѣтей, съ таблицею дней благопріятныхъ для всѣхъ помянутыхъ дѣйствій.

1728.

№ 7. Краткое описаніе **Комментаріевъ** Академіи Наукъ. **Часть первая,** на 1726 годъ. — **Напечатана въ Санктпетербургѣ** при Академіи наукъ 1728 г. 4°. 8 нен. (заглавіе и предислов.) 246 нум. и 4 ненум. стр. (опечатки). 7 таблицъ съ изображ. рѣзан. на мѣди и на страницахъ 1, 49 и 125 виньеты, изъ которыхъ подъ третею подпись: König fecit. Berlin.

Сопик. ч. 4. № 7664. Смирд. ч. IV, № 6186.—Чертковъ, Всеобщ: Библіот. Росс. 1838. Отд. 3, стат. V, стр. 331, № 1.—Словарь. Митр. Евген. изд. 1845, т. II, стр. 73. А. Неустроевъ, Историч. розысканіе о Русск. повременн. изданіяхъ и сборн. Спб. 1874, стр. 8—12.—Ученыя Записки Имп. Акад. Н. по перв. и трет. отдѣленіямъ. Т. I. Вып. 1. Спб. 1852, стр. XXXII—XXXVI.

Первый томъ академическихъ комментаріевъ на латинскомъ языкѣ, напечатанъ въ 1728 году подъ заглавіемъ: „Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae" въ 4°, съ 16 ненум., 488 нум. страницами и 17-ю таблицами рисунковъ. Въ началѣ находится посвященіе императору Петру II и предисловіе, сочиненныя академикомъ Христіаномъ Гольдбахомъ. Одновременно съ печатаніемъ перваго тома латинскаго изданія комментаріевъ приготовлялся къ изданію и русскій переводъ перваго тома. Онъ какъ и латинскій раздѣленъ на три класса; надъ переводомъ трудились: по 1-му математическому—Василій Ададуровъ, 2-му физическому—Максимъ Сатаровъ и Иванъ Горлицкій; историческому—Иванъ Ильинскій Ярославецъ, и по астрономическимъ наблюденіямъ—Степанъ Коровинъ Симбирянинъ. Цѣль этого русскаго изданія, въ настоящее время весьма рѣдкаго, объяснена въ предисловіи любопытномъ не только по содержанію своему, изложенному невыработаннымъ для науки языкомъ, но и потому, что переведено первымъ русскимъ адьюнктомъ Академіи Васильемъ Евдокимовичемъ Адодуровымъ; такъ какъ оно даетъ полное понятіе о

содержанія самой книги, то приводится здѣсь вполнѣ и съ точнымъ соблюденіемъ правописанія [1]:

„Доброхотному россіискому читателю радоватися.

Здѣ предлагается тебѣ книга, въ неи же все то содержится, въ чемъ Профессоры здѣшнія Академіи Наукъ потрудилися, 1726 года. Яко же бо безъ сумнѣнія тебѣ доволно извѣстно есть, что кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, такожде повсенедѣлно дважды свое особливое собраніе имѣютъ, въ которомъ все то, что всякъ въ домѣ испытывалъ, всему обществу представлялъ, и ихъ разсужденію предлагалъ, и такъ оттуду произошла предъ нѣсколькими мѣсяцами изданная на Латинскомъ языкѣ книга, изъ которыя сіе изъято и сокращенно есть.

Она на три части раздѣляется, которая раздѣленія ради различныхъ вещеи учинити за благо разсудися. Сіесть на математическіи, фусическіи и історическіи классы, которые что въ себѣ обдержатъ, такъ какъ и въ Латинскомъ изданіи, слѣдующимъ образомъ здѣ присовокупити можемъ.

Въ классѣ математическомъ содержатся диссертаціи (разсудительныя слова):

Іакова Германа, о мѣрѣ силъ въ тѣлесахъ.—Георгія Бернгарда Булфингера, о силахъ тѣлу подвиженному въ данныхъ и о мѣрѣ ихъ.—Николая Бернулліа, о движеніи тѣлесъ отъ ударенія.—Даніила Бернулліа, испытаніе началовъ механики.—Іакова Германа, о предложеніи Кеплеріановомъ.—Его же, о щетѣ интегралномъ или цѣлственномъ.—Іоанна Бернулліа, о вцѣлоприведеніяхъ равненіи разнственныхъ.—Христіана Голдбаха, о нѣкіихъ случаяхъ въ цѣлоприводимыхъ.—Николая Бернулліа, Аналусисъ (рѣшеніе) нѣкіихъ равненіи разнственныхъ.—Христіана Голдбаха, сокращенныи образъ како въ цѣлоприводити равненіе разнственное.—Іакова Германа, о Эпиклоидахъ Сферическихъ.—Христіана Волфіа, начала властителная.— Въ классѣ фусическомъ: Іоанна Христіана Бухбаума, новые травъ роды.—Георгія Бернгарда Булфингера, о управленіи тѣлесъ тяжелыхъ въ вихрѣ Сферическомъ.—Іоанна Георгія Дуверноа, описаніе сосудовъ млечныхъ. — Даніила Бернулліа, опытъ новыя о движеніи мышцъ Ѳеоріи.—Его же, искусъ о Нервѣ оптическомъ или зрителномъ.— Георгія Бернгарда Булфингера, о разныхъ барометрахъ чувствител-

---

[1] Перепечатано въ I томѣ и 1 выпускѣ „Ученыхъ Записокъ Имп. Акад. Наукъ" 1852, стр. XXXIII—XXXVI и г. Неустроевымъ въ его „Историческомъ розысканіи о русск. повр.м. изданіяхъ и проч." стр. 9—11.

вѣшнихъ и о новомъ ихъ видѣ и пользахъ.—Іоанна Георгія Дуверноа, о кистернѣ и протокѣ грудномъ барса, тюленя и слона.—Фридерика Христофора Меіера, о сіяніи сѣверномъ.—Петра Антонія Михеллота, рѣдкія и почти неслыханныя отъ чрева болѣзни історіа.—Наблюденія Анатомическая.—Въ классѣ історическомъ: Θеофила Зигфрида Баіэра, о начаткѣ и древнихъ пребывалищахъ Скѵθовъ.—Его же, о мѣстоположеніи Скѵθіи въ лѣта Геродотовы.—Его же, о стѣнѣ кавказской и протчая.—Іосифа Николая Делиля и Лудовика Делиля Дела Кроеръ, наблюденія Астрономическая.

Отъ сихъ разныхъ изданіи можеши легко познати, како сіе настоящее дѣло произошло, сіесть оныя вещи, которыя за такія имѣлися, яже тебѣ (можетъ быти) несвѣдомы были, въ самыя повѣсти собрали, инныя же цѣлы, ничего непремѣняя, такъ какъ оныя и въ Латинскомъ языкѣ имѣются, преведены суть.

И такъ цѣлыи классъ Математическіи въ трехъ повѣствованіяхъ состоітъ, фѵсическіи такожде частію въ повѣствованіяхъ, частію же непремѣненъ остался, яко цѣлыи классъ історическіи. Напослѣдокъ же прістяжаніе Астрономіческіхъ наблюденіи, такожде въ повѣсти приложено есть.

И хотя тебѣ отъ всего сего доволно извѣстно есть, что Профессоры время свое къ разширенію наукъ добрѣ и честнѣ употребили, но еще опасаемся, да не речеши: Богъ вѣсть, что сіе все между собою смѣшено? не буди нетерпѣливымъ, любезныи читателю, хотя сія вещь тебѣ и не весма понятна. Прародители наши сего такожде не знали, дождешися оныя радости, что чада твоя со временемъ не точію тебѣ оное изъяснять, но и сами помощію Божіею можетъ быть, такіе же добрыя плоды принесутъ.

Не глаголи такожде якобы наша дѣла поздо показали, аще на оныя посмотришъ и разсудишъ, коль разного вида словъ, къ тому же и знаковъ Алгебраическихъ и грыдорованныхъ штукъ тамо имѣется, колико времени ко пріуготовленію оного требуется, аще помыслишъ всѣхъ въ томъ трудившихся людеи, и при томъ извѣстишися въ какомъ мы состояніи чрезъ толикое время пребывали, удивишися по истиннѣ, что въ семъ времени еще толика отъ насъ учинено; ащели же познати хочеши, чрезъ коль долгое время протчія Академіи и Соціететы пребывали, донелѣже нѣчто отъ трудовъ своихъ въ народъ объявили, то узриши, что еще во многихъ оныхъ предварихомъ.

Ащели же въ чемъ погрѣшено, благосклонно да простиши; еже со вторицею наградити потщимся, ибо Всемилостивѣйшаго нашего Государя Імператора и покровітеля Петра Втораго мілостію нынѣ паки

награждены, и всѣхъ къ намъ склонность имѣется, такожде и благословеніе Божіе намъ является, то убо тѣмъ въ нашихъ трудахъ съ большею охотою и веселіемъ упражняемся.

Въ будущіи годъ, аще Богъ и Всемилостивѣишіи нашъ Імператоръ на сіе соблаговолитъ, хощемъ тебѣ, читателю благосклонныи, кромѣ Лексикона, Грамматики сокращеніи, и обычаиныхъ недѣлныхъ трудовъ, 2 части Комментаріевъ изготовить.

Не сѣтуи же на переводъ, яко бы оныи былъ невразумителенъ, или не весма красенъ; вѣдати бо подобаетъ, что весма трудная есть вещь добрѣ преводити, ибо не точію оба оные языки, съ котораго и на которыи переводится, совершенно знать надлежитъ, но и самыя переводимыя вещи ясное имѣти разумѣніе.

Здѣ же по послѣднеийи мѣрѣ на сіе смотрѣли, дабы оныи яко вразумителенъ, тако и благопріятенъ былъ, ибо съ такимъ прилѣжаніемъ и опасностію въ семъ дѣлѣ поступали, и всякому преводніку такія диссертаціи (разсужденія) преводить давали, о немже извѣстно знали, что онъ вещь овую наилучше разумѣетъ, къ тому же и самыи переводъ въ присутствіи всѣхъ преводніковъ читанъ и свидѣтелствованъ былъ. Ащели же предпріятыя опасности не благопоспѣшно учинилися, то сіе токмо прибѣжище осталося, да тебѣ умолимъ, дабы слабости нашей дотолѣ потерпѣти изволилъ, донелѣже языкъ самъ исправнѣе будетъ, и преводницы лутче обучатся.

Въ протчемъ живи благополучно, благосклонныи читателю, и буди пріятенъ онымъ, иже ничего иннаго кромѣ чести Божіеи, сего великого и силного Государства славы, приращенія, и наукъ расширенія крайне желаютъ" [1].

Казалось что русское изданіе мемуаровъ было обдумано, какъ нельзя лучше; оставалось ожидать, что оно съ радостью будетъ встрѣчено публикою. Между тѣмъ вышло совсѣмъ иначе. По словамъ Миллера „книгу никто не хотѣлъ похвалить; не умѣли понять, что читали, и свое неумѣнье называли темнотою изложенія и невѣрностью перевода; вслѣдствіе чего изданіе не продолжалось" [2].

Содержаніе 1-й части „Краткаго Описанія Комментаріевъ", слѣдующее: Классъ первыи обдержащій Математическая. (Classis prima continens Mathematica) [3]. О первыхъ ученія фісіческаго

---

[1] Первоначальная редакція этого предисловія измѣнена въ дошедшемъ до насъ изданіи, какъ видно изъ сличенія указанныхъ опечатокъ съ текстомъ. (Учен. Зап. Акад. Н. Т. I. Спб. 1852, стр. XXXVI. Прим.

[2] Тамъ же, стр. XXXVI.

[3] Здѣсь присоединены латинскія заголовки изъ 1-й части „Commentarii

фундаментахъ, стр. 1—27. 47 параграфовъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ, издатели говорятъ: „Можно надѣятися, что сія о силахъ ученія чрезъ вся сія разсужденія доволно по требованію своему изъяснено и утверждено. Совершилося сіе въ Соціететѣ нашемъ въ самомъ первомъ году, то-есть въ 1726. Однакоже, заблаго кажется вѣдѣнія ради Історіи припомнити, что не вдолзѣ послѣ того, Іоаннъ Бернулли, отецъ Николая и Даніила вышеупомянутыхъ, въ Паріжѣ, типомъ издалъ въ 1727 году особливое разсужденіе, въ которомъ Өема излагается, и таяжъ мѣра защищается разными доводами, ихже часть почти сходітся съ третьимъ и пятымъ доказательствомъ, а другая часть отъ сихъ нашихъ разнствуетъ; напослѣдокъ писмами увѣдомилися мы, что Соціететъ Короля Аглинскаго съ великимъ прилѣжаніемъ въ томъ дѣлѣ труждается".—Статья, составленная изъ сочиненій Іакова Германа, Георгія Бернгарда Бильфингера, Іоанна, Николая и Даніила Бернулли, Христіана Гольдбаха и Христіана Вольфа; къ стр. 26, относится приложенная таблица съ 8-ю рисунками.—О щетѣ інтегральномъ, Іакова Германа, стр. 28—40. (De calcule integrali Comment. Acad. Scient. T. I, p. 149). 12 параграфовъ; въ концѣ помѣта: „Переводилъ Василій Адодуровъ".—О. Кеплеріановомъ предложеніи, Іакова Германа (De Problemate Keplerіano p. 142).—Классъ вторыи обдержащія Фусическая (Classis secunda continens Phisica. Ботаника Іоанна Христіана Буксбаума, стр. 49—56, съ 2-мя таблицами рисунковъ къ стр. 56. (Nova Plantarum Genera p. 241).—О движеніи мышцъ. Даніила Бернулли стр. 57—62. (Tentamen Novae de motu musculorum theoriae). Описаніе анатомическое сосудовъ млечныхъ Іоанна Георгія Дюверниуа стр. 63—78. Таблица съ 4-мя рисунками и подписью: C. G. Schwenter delin. C. A. Wortmann sculp. (Descriptie Vasarum chylilarorum. p. 262).—О мѣху, въ которомъ первопитательныи сокъ отвсюду скопляется, и его протокѣ въ катапардѣ, фокѣ и въ слонѣ усмотренномъ. Іоанна Георгія Дюверниуа, стр. 79—83. Таблица IV, съ 7-ю рисунк. къ стр. 81—82. (Catopardi, Phocae et Elephanti cisterna et canalis thoracicus).—О сіяніи сѣверномъ изданіе профессора матсматики Меера. стр. 84—99. Подъ статьею помѣчено: Переводилъ Маѯимъ Сатаровъ. (De Luce Boreali p. 351).—О причинѣ тяжести отъ движенія вихреи. Георгія Бернгарда Бильфингера, въ 13 пункт. стр. 100—108. (De directione Corporum gravium in vortice

---

Academiae scientiarum", съ указаніемъ страницы на которыхъ находятся означенныя статьи.

sphaerico. p. 245). О Исправленіи барометровъ, Г. Б. Бильфингера, разд. на 20 пункт. стр. 109—120. Подъ статьею помѣчено: Переводилъ съ Латинскаго Иванъ Горлицкіи. Таблица V съ 3-мя фигурами, къ стр. 120. (De Variis Barometris sesibilioribus, et eorum nova specie ac usibus p. 317.).—Історіа о скорби приключившейся въ (uterque) мітіе, описалъ которую Петръ Антоніи Михеллотъ. Стр. 120—123. (Rari ac prope inauditi ex utero morbi historia una cum necessaris medicis animadversionibus, p. 368.)—Классъ третіи обдержащіи Историческая и Критическая (Classis tertia continens Historica et Critica).— О начаткѣ и древнихъ пребывалищахъ Скѵѳовъ, чего издатель есть Ѳеофилъ Зигефридъ Баѵеръ кенигбергецъ. Стр. 125—138. (De origine et priscis sedibus Scytarum. p. 385·) О мѣстоположеніи Скѵѳіи, каково было въ лѣта Геродотовы, чего издатель есть Ѳ. З. Баѵеръ. Стр. 139—166. (De Scythiae situ, qualis fuit sub aetatem Herodoti p. 400.).—О стѣнѣ Кавказскои, чего издатель Ѳ. З. Баѵеръ. Стр. 167—207. —Подъ статьею помѣта: переводилъ Іоаннъ Ільинскіи Ярославецъ. (De Muro Caucaseo p. 401.).—Наблюденія Астрономическая, сочиненная въ Санктпетербургѣ.—Увѣщаніе. Стр. 209—216. Табл. VII съ рисункомъ къ стр. 216. (Observationes Astronomicae Petropoli factae.)—Затмѣніи спутниковъ Юпитеровыхъ, наблюдены въ Санктпетербургѣ чрезъ Господъ Іосифа Николая Делиля и брата его Людовика Делиля де ла Кроера (1726.) стр 218—223. (Eclipses satellitum Iovis, observatae Petropoli Ann 1726. p. 467·). — Примѣчанія на сіи наблюденія. Стр. 224—226. (Notae ad has Observationes p. 472).—Употребленіе прежде бывшіхъ усмотренеи для установленія расположенія Санктпетербурга смотря по протчимъ Европейскимъ Обсерваторіямъ. Стр. 226—229.—Затмѣніе спутниковъ Юпитеровыхъ наблюдены въ Парижѣ, въ обсерваторіи королевской, яже імѣетъ переніс съ Санктпетербургскои, чрезъ Господъ Кассини и Маралди. Стр. 229—236. (Eclipses satellitum Iovis nostris respondentes, observatae in observatorio regio Parisino (1726) p. 474.)—Разность меридіановъ Парижа и Санктпетербурга, и долгота Санктпетербурга, смотря по первому меридіану, которыи преходитъ островъ нарицаемыи де Феръ. Стр. 237. (Differentia Meridianorum Parisiensis et Petropolitani, cum Londitudine Petropoleos a Prima Meridiano per Insulam Ferri transeuntem.)—Затмѣніи спутниковъ Юпитеровыхъ наблюдены въ Болоніи въ Італіи, иже переніску имѣетъ съ Санктпетербургскои, чрезъ Господіна Евстафія Манфреди. Стр. 238—243. (Eclipses satellitum Iovis, Petropolitanis Respondentes et observatae

Bononiae in Italia (1726.) p. 481.—**Разность меридіановъ Санктпетербурга и Болоніи, иже въ Италіи.** Стр. 243. (Différentia Meridianorum Petropolitani et Bononiensis in Italia.)—**Затмѣніи перваго спутника Юпітерова,** наблюденныя въ Лісбонѣ, иже имѣстъ переписъ съ Санктпетербургскою чрезъ отца Карбона Іезуіта. Стр. 244—245. (Eclipses Primi Satellitis Iovis, Petropolitanis Respondentes, observatae Ulyssipone (1726) p. 485.)—**Примѣчаніе на сіи наблюденія,** изъ которыхъ заключается пространство едва ли не всея Европы въ долготу. Стр. 246. Подъ статьею помѣта: переводилъ съ французскаго языка, Синбиреннинъ Стефанъ Коровинъ. (Annotatio ad has Observationes, in qua deducitur, quantum tota fere Europa in Longitudinem sit extensa [1].

№ 8. Календарь или **Мѣсяцословъ** На лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа **1728**. Указующіи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертми. Такожде время солнечнаго и луннаго восхожденія и захожденія, долгоденствія, и теченіе луны въ зодіакахъ на всякій день. Сочиненныи по меридіану и ширинѣ царствующаго Санктпетербурга. Напечатанъ въ **Санктпетербургѣ** въ Типографіи Академіи Наукъ, Лѣта Господня 1727, въ Декабрѣ. м. 8°. 65 ненум. стр. и виньета вырѣзан. на мѣди.

Магазинъ Землевѣдѣнія и Путешествій Н. Фролова. М. 1854. Т. 3. Стр. 528.—Геннади, Справочн. Словарь о русск. писателяхъ и ученыхъ и списокъ русск. книгъ съ 1725—1825. Берлинъ. Т. 2. Стр. 93 а.—Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ по 1 и 3 отд. Т. 1. Вып. 1. Стр. XLVI. (съ указан. формата въ м. 4°).

Настоящій календарь принадлежитъ къ старѣйшимъ изъ числа изданныхъ академіею наукъ; [2] въ немъ соблюдена астрономическая точность, соотвѣтствующая современному состоянію науки; что же касается до его внѣшности, то онъ напечатанъ на голландской бумагѣ, хорошимъ шрифтомъ, и на заглавномъ листѣ находится гравированная на мѣди виньета, изображающая аллегорію времени въ видѣ Сатурна съ армилярною сферой, косою въ рукахъ, и песочными часа-

---

[1] О выходѣ въ свѣтъ Описанія Комментаріевъ, этого первенца русской ученой литературы, объявлено было въ „Суплементѣ", при № 2 С. П. Б. Вѣдомостей 1728 года, стр. 4.

[2] Одновременно изданъ академіею календарь и на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ нужно замѣтить, что астрологическія толкованія содержащіеся въ русскомъ календарѣ, отличны отъ таковыхъ же въ нѣмецкомъ.

ми на головѣ; сѣверная часть сферы обвита лавровою вѣтвью. Надъ январемъ мѣсяцомъ помѣщено привѣтствіе „Здравіе, благословеніе и миръ да подастъ Богъ православнымъ."—Въ одномъ изъ приложеній календаря описано его содержаніе, въ статьѣ „Руководство къ употребленію сего Календаря"; въ началѣ говорится, что всякій календарь можетъ служить только для того мѣста, для котораго сочиненъ, „отъ сего відно, что во внѣшнихъ (иностранныхъ) календаряхъ польза не имѣется." Далѣе находится слѣдующее объясненіе его содержанія: „Въ семъ Календарѣ отставлены предзнанія временъ яко бы мало важные, а вмѣсто ихъ пріложены обсервацін времени ради будущихъ годовъ, а для любителей астрологін въ пользу ихъ пріглагается нѣчто о сілахъ звѣздныхъ въ послѣдующихъ; а наіпаче впредь о семъ дѣлѣ скажемъ пространнѣе.

Сочіненіе сего Календаря въ томъ состоитъ, что каждый мѣсяцъ имѣетъ четыре страніцы. Первая страніца содержитъ чісла дней и имена Святыхъ въ память ихъ опредѣленная (sic); еще на сей первой страницѣ изображаются аспекты, восхожденіе и захожденіе планетъ, явленіе луны, и священныя чтенія для дней воскресныхъ опредѣленная (sic), и въ двухъ линѣяхъ заключенная; при нихъ поставлены знаки для стоянія зари на каждую недѣлю. На второй страніцѣ приложены торжественные дни рожденія, тезоіменитства Его Імператорскаго Велічества Петра II, и Его Велічества высочаішія фамиліи, и протчіе праздничные дни.

Между днями рожденій и тезоименитствъ особъ императорскаго дома, означены имяна: цесаревны Анны Петровны (род. въ 1708 г. 27 января), цесаревны Анны Іоановны, герцогини Курляндскія (род. 1693 г. 28 января), Христіаны Луизы, герцогини Брауншвейгской, бабки Его Імператорскаго Велічества (род. въ 1671 г. 6 марта), его королевскаго высочества Карла Фридриха, герцога Голштеинъ-Готторпскаго (род. 1700 г. 20 апрѣля), Лудовика Рудольфа, герцога Брауншвейгскаго, дѣда Его Імператорскаго Велічества (род. 1671 г. 11-го іюля), царицы Евдокіи Ѳеодоровны, бабки Его Імператорскаго Велічества, царевны Наталіи Алеѯіевны, сестры Его Імператорскаго Велічества (род. 1714 г. 12-го іюля), царевны Парасковьи Іоановны (род. 1695 г. 24 сентября), и царевны Екатерины Іоановны, герцогини Мекленбургъ-Шверинскія (род. 1692 г. 26-го октября). Въ число торжественныхъ дней, включено бракосочетаніе цесаревны Анны Петровны въ 1725 г. 29 мая. Церковные праздники не отмѣчены никакими знаками, при чемъ пропущены дни Преполовенія и Вознесенія.

Третія страніца показуетъ солнечное теченіе и восхожденіе его; долготы днеп, теченіе луны и повседневныя восхожденія и захожденія оныя, какъ явно есть въ столповыхъ тітулахъ.

„Четвертая страніца праздна оставлена для потребы домашнеи, чтобы можно было напісать то, что кому угодно.“—За изложеніемъ содержанія „Календаря“ слѣдуетъ объясненіе знаковъ планетныхъ аспектовъ, при чемъ авторъ предполагаетъ вопросъ: „А ежели кто вопросілъ бы, для какой ползы вся сія примѣчаются, тому много отвѣтствовать можно бы было, аще бы настоящая окказія понесла. Нынѣ сіе едіно знать надлежітъ читателемъ, что сіи примѣты здѣланы въ ихъ ползу; ибо любопытствуютъ всепремудрѣішаго Бога дѣла небесныя и відѣти и удівлятіся онымъ. Потомъ хотящімъ вѣдать Кто и есть ли дѣнствіе аспектовъ во времени, тѣ здѣсь могутъ відѣть аспекты повсядневно случающіеся; при семъ совѣтую чтобъ имѣли при себѣ барометръ и фермометръ, а наіпаче (ежели можно достать) анемолитръ и немоскопіи, чрезъ которые всѣ кондиціи воздуха и временъ повсядневно можно примѣчать.“ Слѣдуетъ краткое объясненіе зари, которое авторъ со временемъ обѣщаетъ распространить, но этого въ послѣдовавшихъ календаряхъ не исполнено; потомъ помѣщено толкованіе объ употребленіи Календаря, или переводѣ его на другіе мерідіаны и тутъ же предлагаются объясненія разности между видимыми и астрономическими восхожденіями и захожденіями солнца и происходящаго отсюда способа повѣрять часы.

Составитель „Календаря“ [1], болѣе изъ желанія угодить вкусу читателей нежели по собственному побужденію, начинаетъ говорить о будущемъ состояніи временъ, и „о здравіи и болѣзнехъ“; онъ порицаетъ „Календаропісцовъ“ за то, что они во зло употребляютъ „вѣроятіе народное“, зная что ихъ „проріцанія никогда истіны не

[1] Фридрихъ Христофоръ Мейеръ, экстраординарный академикъ на кафедрѣ математики, составилъ календарь на 1728 годъ, первый изданный въ Россіи отъ Академіи Наукъ, и примѣчательный въ особенности тѣмъ, что въ немъ вопреки обычая, крѣпко державшагося въ тогдашнихъ календаряхъ, не было вовсе помѣщено предсказаній, такъ какъ они найдены были неприличными въ изданіи сдѣланномъ отъ ученаго общества. Однако, въ послѣдующихъ академическихъ календаряхъ, снова появились предсказанія по тому уваженію, какъ объясняетъ Мюллеръ, что въ современномъ обществѣ возникъ непріязненный говоръ по поводу исключенія изъ календаря на 1728 годъ предсказаній, и Академія, долгое время и послѣ, не рѣшилась въ этомъ случаѣ „плыть противъ потока“, по выраженію Мюллера. Исторія Акад. Наукъ П. Пекарскаго, т. I, стр. 213. (Рукоп. Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften).

скажутъ, развѣ по случаю. „Ибо", продолжаетъ онъ „хотя не сумнітелно есть, что тѣлеса небесные движеніемъ и притяганіемъ своімъ нашъ воздухъ послѣдователно и непогоды различно перемѣняютъ, свідѣтель есть искусство. Свідѣтели суть славные астрономы и наблюдатели вещеи натуралныхъ, свідѣтель есть луна, о которой подлінно вѣдаемъ, что побуждаетъ воду морскую къ наводненію и убыванію, ещежъ и воздухъ; но благоискусно признать можно, что оные звѣздные силы такъ еще непознаны, что дѣиствія ихъ подлінно предсказаны быть могли; надобно есть множаішіе о семъ наблюденія метеорологіческіе уставіть".—Борьба сочинителя „Календаря" съ предразсудками его вѣка видна изъ напоминанія о сомнительности предсказаній о погодѣ, которымъ онъ начинаетъ статью „прогностікъ астрологіческіи на 1728 годъ", гдѣ замѣчаетъ, что: „Передняя часть сего Календаря" есть токмо астрономіческая, и правдивая, а слѣдующая нынѣ есть астрологіческая, еяже правду совершеніе года покажетъ; были бы оставлены таковыя предреченія, ежели бы не ради нѣкоторыхъ читателеи, таковыя любящихъ".— Статейка „о мирскихъ дѣлѣхъ", начинается опять справедливымъ упрекомъ астрологамъ за то, что „неразсудливые въ сея вещи суть испытующіе совѣты нѣкія, или (что безобразнѣіше есть) неиспытуемые пути самаго Бога слѣдующіе, и мнятъ, что небесное движеніе и планетъ положеніе, аки бы подъ гаданіемъ произносятъ быть имѣющія о людехъ, обращенія вещеи, воины, мира, смерті, щастія и злополучія". Но потомъ авторъ, къ сожалѣнію не остался вполнѣ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и покорившись желанію читателей, предлагаетъ астрологическія бредни, хотя въ нихъ и просвѣчиваетъ иронія. Въ настоящее время онѣ любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ въ чемъ состояла астрологія; приводимъ здѣсь разсказъ автора о планетахъ, написанный имъ въ шуточномъ тонѣ: „Юпитеръ, когда уже за нѣсколько лѣтъ началъ сѣверную страну неба слѣдовать, сего года домъ Діаны посѣтіть намѣрялся поздравленія ради Поллюкса и Кастора, находітъ тамже Іовіша Фебъ подъ началъ лѣта въ высшихъ неба селеніяхъ, и мирные между собою чінятъ совѣты (обоя понеже покои любятъ), и весма способно прішло, что ни Марсъ злобныи, ни Сатурнъ необходителныи, оба не прісутственны въ разговоръ не вступаютъ, понеже онъ на семъ не имѣя искусства въ дѣлѣ не исправенъ, а сеи домашніе вещи наблюдаетъ. Фебъ веселящеся благо управя дѣла, съ другинею Венерою и Меркуріемъ въ домъ управляются подъ окончаніе лѣта, и съ ними у него не безъ дѣла будетъ. Сатурнъ ѕляся на ихъ веселія, злобныи и недоброхотныи является имъ, что Марсъ съ Іовішемъ Феба другомъ споспѣше-

ствуютъ, обаче Сатурнъ не безопасенъ отъ нихъ остается, и тако, всѣ ссоры сего года благополучны къ миру склоняются". Подобнаго рода разсказъ о движеніи планетъ не показываетъ солидарности автора его съ обществомъ относительно вѣры въ астрологію, а между тѣмъ эти нелѣпости занимали умы тогдашняго высшаго круга, и многихъ интелигентныхъ по тому времени духовныхъ сановниковъ. Календарь на 1728 годъ былъ изданъ и на нѣмецкомъ языкѣ [1].

1729.

№ 9. Трактатъ учиненныи между **Імперіума Россійскаго** въ Персіи со владѣтелемъ Испаганскимъ **Эшрефомъ.** Данныи отъ Россіискои стороны.—Tractat zwiscsen **Dem Ruszischen Reich** und **Dem Sultan Eschref,** Jetzigem Besitzer des Persischen Thrones zu Jspahan. Von Russischer Seite ertheilet.—**S.-Petersburg,** Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wissenschafften. 1729. Въ листъ 12 нум. стр. (считая съ заглав. листа).

Сопик. ч. 5. № 12002.—Каталогъ изд. Имп. Акад. Наукъ Спб. 1876. Стр. 48. № 354.

Тетрадь напечатанная столбцами съ текстами нѣмецкимъ на правой, и русскимъ на лѣвой сторонѣ. На 3-й стр., вступленіе въ трактатъ: „Во Имя Вышняго Всемогущаго Милостиваго Бога, Объявленіе слѣдующаго Согласія. „Jm Nahmen des Höchsten Allmächtigen Gottes wierd dieser Tractat folgender massen kund gethan".

„Понеже Его Імператорскаго Величества Петра Втораго, Самодержца Всероссіискаго, и протчая, и протчая, и протчая, при Каспіискомъ морѣ, въ прілученныхъ ко Імперіи Россіискои поморскихъ провінціяхъ въ сосѣдственномъ пребываніи, съ стороною многощастливаго въ Персіи Іспаганью, и многіми землями обладателя и протчая, и протчая, и протчая, соизволеніемъ вышняго Бога благословеннымъ союзомъ случающіяся военные происхожденіи за удержаніемъ оружія, отъ обоіхъ оныхъ странъ уполномочные съ стороны Его Імператорскаго Величества Петра Втораго Самодержца

---

[1] Для описанія календарей 1728, 1729, 1730 и нѣкоторыхъ позднѣйшаго времени, особливо для астрономическихъ приложеній, важнымъ пособіемъ послужила намъ превосходная статья академика Д. Перевощикова: „Обозрѣніе Русскихъ Календарей и Мѣсяцослововъ", помѣщенная въ издававшемся Н. Фроловымъ „Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествія" 1854 г., т. 3, стр. 509.

Всероссіискаго, и протчая, и протчая, и протчая. Въ Гиляни надъ воиски Россіискими главнои командиръ, и при морѣ Каспіискомъ въ Даримарѣ надъ провинціами верховныи правітель, благородныи и превосходителныи господинъ Генералъ Лейтенантъ и Ордена Святаго Алеѯандра Кавалеръ, Василеи Левашовъ, съ стороны многощастлівого Іспаганью и землями обладѣтеля, и протчая, и протчая, и протчая, высокоповѣренныи и высокопочтенныи намѣстнікъ надъ воиски Сапасаларъ Мугаметъ Саідалъ Ханъ, і Бегларъ Бегін, и почтеннѣішіе, благородные Мустефъ Ѳіель Хаса Мирза Мухаметъ Ізмаілъ, да Амаръ Салтанъ, да Хажди Ібрагімъ, между высокими дворами и государствами, землями, подданными, купно предъ восприінявъ въ полезному дѣлу истинной, безопасной, постоянной и вѣчно пребывающеи дружескои трактатъ учинілі, въ нижеизображенныхъ пунктахъ".

За вступленіемъ слѣдуетъ самый трактатъ которымъ утверждаются дружественныя международныя сношенія между двумя державами. Послѣдній изъ пунктовъ его составляющихъ, содержитъ окончательное его утвержденіе: „Сеи Богу угодной, освященнои, союзнои дружескои трактатъ во всемъ въ своеи силѣ и порядкахъ вѣчно безъ поврежденія, непоколебимо охраненъ и содержанъ, и ратификованъ, и печатми украшенъ, и одинъ противъ другаго размѣнены да будутъ. Во увѣреніе же всего сего мирного трактата, два едіногласные инструменты съ обоихъ сторонъ сочинены отъ полномочныхъ вышеупоминаемыхъ особъ по силѣ имѣющеи полнои мочи собственноручно подписаны и печатми ихъ утвержены, и одинъ противъ другого размѣнены. Въ Гиляни, въ мѣстѣ Рящѣ, февраля 13 дня, въ лѣто Господне 1729 году.

Настоящій трактатъ переведенъ и напечатанъ при Академіи Наукъ, не только на русскомъ и нѣмецкомъ, но на французскомъ и итальянскомъ языкахъ о чемъ помѣщено слѣдующее извѣстіе въ № 67 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей августа 23, 1729 года, стр. 268: „20 дня сего мѣсяца, прібылъ сюда изъ Москвы Герцогскіи Голштінскіи міністръ господінъ баронъ фонъ Стамкенъ, а на другой день господинъ генералъ Іванъ Михаіловічь Головінъ; откуда такожде и копія съ заключеннаго между Россіискимъ государствомъ и Персіцкимъ владѣтелемъ Эшрефомъ трактата получена, которыи трактатъ 13 дня февраля мѣсяца, сего 1729 года въ Рящѣ въ Гілянѣ чрезъ командующаго тамо Аншефа генерала леітенанта Левашева съ однои стороны, и Леітенанта воіска Сапазалара Мухамета Саідала Хана, и еще другихъ полномочныхъ міністровъ съ другой стороны заключенъ.— Во Академіи наукъ напечатанъ здѣсь переводъ со онаго трактата

на 4 языкахъ, а имянно: на Россійскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Італьянскомъ, къ которому мирному трактату еще и малая Географіческая карта ради изображенія на оном описанныхъ во оном трактатѣ разграниченіевъ на мѣди вырѣзана быть имѣетъ".

№ 10. Санктпетербургскія Вѣдомости (на 1729 годъ). Печатаны въ Типографіи Академіи Наукъ. 4°. 104 №№, 418 нум. стр. и 5 Суплементовъ, изъ которыхъ въ первомъ 8, втор. 2, трет. 2, четверт. 6, и пятомъ 6 ненум. страницъ.

Сопик. ч. 2. № 2710. Словарь Митропол. Евгенія, изд. 1845. т. 11. стр. 57. Справочн. Словарь о русск. Писат. Геннади, т. 1, стр. 183.—Ученыя записки Имп. Акад. Наукъ т. 1. Вып. 1, стр. XL.

Въ концѣ 1727 года, редакція первоначальныхъ вѣдомостей поступила въ завѣдываніе Академіи Наукъ, и право изданія ихъ навсегда перешло въ Академію. Въ первые годы, редакціею ихъ завѣдывали исключительно академики [1], куда для обнародованія передавались въ продолженіи нѣкотораго времени и важнѣйшія изъ оффиціальныхъ извѣстій печатавшіяся отъ правительства въ самыхъ вѣдомостяхъ, или въ приложеніяхъ, подъ именемъ „суплементовъ". На первыхъ шести нумерахъ гербъ имѣетъ видъ печати или медали съ изображеніемъ двуглаваго орла подъ большою императорскою короною, съ висящимъ на немъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, и держащаго скипетръ, державу, и окруженнаго двумя чертами, между которыми изображены гербы подъ коронами, и наконецъ двумя узор-

---

[1] Первоначальную редакцію С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей, принялъ на себя Мюллеръ, и первый нумеръ до нынѣ существующихъ Вѣдомостей былъ выданъ 2 января, 1728 г. въ четвертую долю листа. „Съ наступленіемъ 1728 года", разсказываетъ самъ Мюллеръ, на меня было возложено составленіе Вѣдомостей. Я завѣдывалъ ими до половины 1730 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ издавалъ Примѣчанія къ Вѣдомостямъ, которыя въ первый годъ предназначалъ только для русскихъ читателей, но потомъ убѣжденный въ хорошемъ пріемѣ этихъ Примѣчаній, не дѣлалъ болѣе никакихъ затрудненій къ печатанію ихъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Сначала Вѣдомости печатались въ старой петербургской типографіи, а потомъ съ октября мѣсяца (1728 года) при Академіи, которая всегда пользовалась доходомъ съ нихъ. Эти Вѣдомости были встрѣчены съ великимъ одобреніемъ въ публикѣ, тогда сообщались тамъ изъ первыхъ рукъ важныя придворныя и государственныя извѣстія, которыхъ въ слѣдующихъ годахъ помѣщалось менѣе. (Истор. Имп. Акад. Наукъ Пекарскаго, т. 1, стр. 311).

чатыми гуртиками [1]. Съ седьмаго нумера видъ герба измѣняется въ государственнаго орла, котораго одна голова, обращенная въ профиль держитъ въ когтяхъ скипетръ, другая наклоненная внизъ, державу, и въ клювѣ гербъ съ изображеніемъ св. Георгія, поражающаго змія.— С.-Петербургскія Вѣдомости 1729 года, выходили по вторникамъ и субботамъ, и каждый нумеръ составлялъ одинъ листъ, или четыре страницы; въ началѣ нумера помѣщались разныя иностранныя извѣстія, и за тѣмъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы; частныхъ публикацій почти вовсе не печаталось.

Несомнѣнно, что при бѣдности тогдашней литературы, С.-Петербургскія Вѣдомости, единственное не прекращавшееся повременное изданіе, весьма охотно читались публикой; редакторъ ихъ, адъюнктъ Мюллеръ прилагалъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы содержанію ихъ придать сколь можно болѣе занимательности и разнообразія. Сообщенія извѣстій изъ иностранныхъ государствъ, служили для „Вѣдомостей“ неистощимымъ и преобладающимъ матеріаломъ; всѣ статьи помѣщавшіяся въ нихъ о событіяхъ европейскихъ, переводились въ первыя времена изъ нѣмецкихъ газетъ, и эти переводы не отличались, ни ясностью изложенія, ни правильностью языка при неустановившемся въ то время правописаніи; не рѣдко обороты рѣчи страдали неудобопонятными для тогдашняго читателя германизмами, доказывавшими неумѣлость и небрежность академическихъ переводчиковъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на ихъ забавное обыкновеніе, приплетать нѣмецкую частицу „von“, прилагаемую къ имени лица, для означенія его благороднаго происхожденія, не только къ нѣмецкимъ, но и вообще ко всевозможнымъ иностраннымъ, иногда и къ русскимъ именамъ знатныхъ и чиновныхъ лицъ. Что касается объявленій о важныхъ государственныхъ и придворныхъ событіяхъ и разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, то они составлялись какимъ то несложившимся, по тому времени считавшимся „оффиціальнымъ“ слогомъ, не могущимъ въ настоящее время не вызвать улыбки.—Выписываемъ здѣсь нѣкоторыя изъ „иностранныхъ“ извѣстій въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они помѣщались въ „Вѣдомостяхъ“, и съ точнымъ сохраненіемъ правописанія:

Изъ Рима 4 дня Декабря. Кардиналъ Оттобони велѣлъ въ своихъ палатахъ на феатрѣ новую музыческую Оперу (опера есть музыческое дѣяніе въ подобіе комедіи, въ которой стихи поютъ, и при оной разные танцы и преизрядные машины представлены бы-

---

[1] Гербъ, украшавшій первый 1728 годъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

ваютъ) въ первые дѣйствовать, которая изрядно и къ удовольствію всѣхъ присутствующихъ отправлялась. Господинъ казначей Негрони подарилъ Папѣ, благодаря его за то, что онъ его симъ важнымъ чиномъ пожаловалъ, новую золотую чашу, при которой поддонѣ три золотые образа, а имянно: Апостола Андрея, Святаго Франциска, да Павла, и Святаго Филиппа Нера изображены; такожде подарокъ Папѣ Прелатъ Бислетти, которой такой же важный чинъ получить желаетъ, предорогіе ризы, а Прелатъ Салвіати епископскую шапку, которую Святый Антоніи архіепископъ Флоренцскій прежде носилъ. Помянутые презенты принялъ Папа съ великимъ удоволствіемъ, и такъ кажется что сія мода, важные чины покупать, здѣсь паки въ такой обычай приведена будетъ, какъ прежде сего обыкновенно было. (Спб. Вѣд. 1729 № 1, стр. 1).

Изъ Парижа отъ 11 дня Ноября. Присланная сюда тому недавно изъ Константинополя книга, есть Турецкій и Арабскій лехиконъ, которыи лехиконъ первою книгою есть, которая изъ тамошней отъ великаго Везиря заложенной типографіи вышла (№ 94. стр. 376).

Изъ Лисбона отъ 12 дня Октября. Здѣсь получена чрезъ писма изъ Японіи отъ 22 дня Сентября прошедшаго 1728 года печалная вѣдомость о приключившемся тамъ въ Августѣ мѣсяцѣ отъ 11 до 26 дня жестокомъ изгнаніи Христіанъ, отъ которыхъ оныхъ съ 15000 человѣкъ безчеловѣчнымъ образомъ погибло. Два Пріица, которые Кесарю не вдалнемъ свойствѣ суть, и со всею своею фамиліею христіанскую вѣру восприяли, какъ объявляютъ, такожде въ темницу посажены, но притомъ оные въ воспріятіи христіанской вѣры такъ постоянны суть, что оные лутче умерeть, нежели по Кесарскимъ требованіямъ и обѣщаніямъ отъ помянутой вѣры отступить хотятъ. (№ 93 стр. 371).

Изъ Лондона отъ 21 дня Февраля. Нѣкоторыи изъ здѣшнихъ купцовъ получилъ изъ Алехандріи изъ Егіпта нѣкоторую преизрядную Егіпетскую мумію (мертвое тѣло), которая по разсужденію Академіи Наукъ съ 3000 лѣтъ лежала; и сія мумія тѣломъ нѣкоторой Королевы быть имѣетъ. № 20, стр. 78).

Изъ Парижа отъ 20 дня Іуня. Отецъ Ромуалдъ ле Міе, закона де ла Шарите, изобрѣлъ на три славныя задачи: de Quadratura Circuli, de Trisectione Anguli, и de Duplicatione Cubi, истолкованіе, на которое онъ такожде уже и доказательство учинилъ; изъ котораго видно, что его способъ ни въ чемъ иномъ состоитъ, какъ въ томъ,

дабы какъ между однимъ, такъ и другимъ пропорціоналныи способъ изобрѣсти. (№ 53, стр. 210).

Изъ Парижа отъ 24 дня Декабря. Герцогиня фонъ Бумлонъ родiла 20 сего мѣсяца дочь. (№ 2, стр. 5).

Изъ Парижа отъ 28 дня Генваря. О чреватствѣ Королевы чинятъ обнадеживаніе съ подлинными обстоятельствами, о которомъ при дворѣ болѣ не сумнѣваются.—Тутъ же между прочимъ помѣщенъ расказъ о слѣдующемъ загробномъ явленіи: „Нѣкоторая дамская персона, имѣла здѣсь на сихъ дняхъ съ духомъ нѣкотораго Кавалера, нѣкоторои особливои случаи, какъ оная съ нѣкоторыми добрыми пріятелми при Ломберномъ столѣ сідѣла, и со оными пріятелями въ Ломбръ играла, вызвана она въ другои покои, гдѣ она помянутаго духа ей доволно знаемаго Кавалера нашла; но онаго не за такого духа, но за самого оного кавалера признавала, понеже она о преставленіи его еще весма неизвѣстна была, и ѕѣло удивилась она, что онъ въ лицѣ такъ ѕѣло блѣденъ и примѣненъ быть казался; но оная болѣе испужалась, какъ онъ, духъ, ко онои слѣдующимъ образомъ говорить сталъ: Я прошу васъ, мою государыню о прощеніи, что я вамъ въ вашемъ увеселеніи помѣшателство учинилъ; я пришелъ сюда, токмо чтобъ съ вами проститься, понеже я недавно умеръ. Сперва сумнѣвалась она, не чинится ли ей въ ея мысляхъ омраченіе, но потомъ разсуждала она, что оныи кавалеръ отъ какои болѣзни изума иступилъ; но какъ онои сіе увидѣлъ, говорилъ онъ слѣдующіе слова: мнѣ случилось нѣчто весма натуралного, я умеръ такъ, какъ всѣ протчіе люди умираютъ. Но однакожъ я нынѣ много времяни не имѣю съ вами говорить, чего ради токмо краткими словами прошу, чтобъ вы изволили въ мои домъ поѣхать и дѣтямъ моимъ объявить, что они за моею криватью за шпалерами сундукъ наидутъ съ желѣзною крышкою, въ которомъ сундукѣ ѕѣло важные писма лежатъ. Сія есть послѣдняя любовь, которую мнѣ показать прошу. Какъ онъ сіе выговорилъ, вышелъ онъ съ низкимъ поклономъ изъ оного покоя, которои дамѣ, какъ оная ѕѣло устрашенная въ оную компанію паки пришла, каждыи совѣтовалъ, чтобъ она въ самъ дѣлѣ подлинно извѣстилась, и тои ради причины въ домъ умершаго кавалера поѣхали, что она немедлеино учинила, и всѣхъ въ глубочаишемъ траурѣ, но самаго кавалера въ гробѣ лежащаго нашла. При исканіи объявленного сундука, явились всѣ обстоятельства такъ, какъ объ оныхъ помянутои духъ прежде того говорилъ, такимъ образомъ, что сеи случаи, здѣсь ко многимъ разсужденіямъ поводъ подалъ. (№ 13, стр. 50).

Изъ Парижа отъ 7 дня Генваря. Прошлои недѣли пришелъ нѣкоторыи незнаемыи человѣкъ къ нѣкоторому здѣшнему священнику въ церковныи придѣлъ, и просилъ его, дабы онъ ему позволилъ при отправленіи церковнои службы служіть. Онъ примѣтилъ, что оныи священникъ ключь отъ своего покоя на уголъ алтаря клалъ; и какъ оное и нынѣ учинилъ, то взялъ онои человѣкъ тотъ ключь со всякои скоростію и отдалъ онои одному изъ своихъ товарыщеи, которои въ самои же скорости потомъ къ покою того священника пошелъ, и изъ онаго покоя бѣлое платье, часы и со 100 пистоловъ взялъ. По окончаніи онои церковнои службы, пожелалъ тотъ, которои оному священнику при олтарѣ служілъ, исповѣдываться, и задержалъ онаго священника такъ долго, пока онъ своего товарища въ безопасности быть, не надѣялся. И тогда онъ помянутому священнику ефимокъ о шести ліврахъ подарилъ, и паки оттуда вышелъ. (№ 17, стр. 66) [1].

Внутреннія извѣстія о движеніи жизни въ Петербургѣ и Москвѣ сообщались оффиціально; кромѣ объявленій о торжествованіи церковныхъ и кавалерскихъ праздничныхъ дней, дней вступленія на престолъ императора, тезоименитства его, и прочихъ особъ императорской фамиліи, въ вѣдомостяхъ помѣщались извѣстія о важныхъ государственныхъ и придворныхъ событіяхъ, сдѣлавшихся уже давно достояніемъ исторіи, и тѣмъ болѣе въ настоящее время любопытныхъ, что они записаны современниками или даже очевидцами; выписываемъ здѣсь болѣе значительныя:

Изъ Москвы отъ 6 дня Генваря. Сегодня, то есть въ праздникъ Богоявленія Господня отправлялось здѣсь съ великимъ торжествомъ освященіе воды по обыкновенію Греческія церкви, при которомъ случае Его Императорское Величество, нашъ Всемилостивѣишіи Монархъ Преображенскую Гвардію, какъ Полковникъ самъ вести изволилъ. (№ 3, стр. 9).

Въ Санктпетербургѣ 1 дня Іуля. Въ прошедшее Воскресеніе отправлялось здѣсь торжество дню высокаго тезоіменитства Его Імператорскаго Величества, всемилостивѣишаго нашего Монарха зѣло преславно. Его Превосходителство, господинъ адміралъ фонъ Сіверсъ съ флагманами, и его превосходительство господинъ генералъ, графъ фонъ Мінихъ съ генералитетомъ присутствовали предъ полуднемъ при пѣніи святыя літургіи, въ церкви Живоначальныя Троіцы, которую служилъ Преосвященныи Епископъ Рафаілъ Псковскіи и Нарв-

---

[1] Подобно этому, помѣщались извѣстія изъ разныхъ другихъ странъ, областей, городовъ и проч..

скія, и по окончаніи оной литургіи, сказывалъ онъ такожде преизрядную предику, по которой окончаніи пѣли благодарственной молебенъ, и потомъ выпалено изъ пушекъ какъ съ Санктпетербургской, такъ и Адміралтейской крѣпостей, такожде выпалили и стоящіе при оной церкви въ парадѣ четыре полка бѣглымъ огнемъ три салва. На обѣдѣ трактовалъ всѣхъ знатныхъ особъ его превосходительство, помянутый господинъ генералъ, графъ фонъ Миннихъ, а въ вечеру его превосходительство господинъ адміралъ фонъ Сиверсъ преславно. (№ 52, стр. 108).

Изъ Москвы отъ 20 Генваря. Описаніе о Церемоніи погребенія тѣла Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти Ея Высочества, Государыни Великія Княжны Натаіи Алексѣевны. (Супплем. къ № 9, на 8-й стр.)

Въ Санктпетербургѣ 4 дня февраля. Къ сообщенному въ послѣднемъ начатіи описанію церемоніи погребенія тѣла Ея Высочества, Государыни и Великія Княжны Наталіи Алексѣевны, мы нынѣшнею почтою изъ Москвы еще слѣдующее извѣстіе получили: что понеже ради великой стужи и трудности отъ такъ далекой дороги, процессія не всю дорогу пѣшкомъ итти могла, того ради по указу Его Императорскаго Величества, тѣло при преславномъ провожденіи повезено, и съ протчими знатными персонами сообщено. Погребеніе было въ монастырѣ Вознесенія Господня, при которомъ преосвященнѣйшій Архіепископъ Новгородскій преизрядное погребательное казаніе сказывалъ. За два дня до того, было во всемъ городѣ о томъ публиковано, а особливо приказано, чтобъ въ назначенный день никакихъ лавокъ нигдѣ не отпирать, такожде чтобъ ничемъ не торговать. Которыя такожде по силѣ оного указа исполнялись. (№ 10, стр. 40).

Изъ Москвы отъ 6 дня Февраля. Въ прошлыхъ вѣдомостяхъ объявлено было, якобы Его Императорское Величество отсель выѣхать изволитъ. Но нынѣ получено извѣстіе, что Его Величество съ протчею Высокою Імператорскою фамиліею еще здѣсь пребываетъ, и временемъ ѣздою на саняхъ забавляться изволітъ. (№ 12, стр. 48).

Въ Санктпетербургѣ 18 дня Февраля. Съ писмами изъ Москвы отъ 13 числа сего мѣсяца, вѣдомость получена, что Его Імператоркое Величество съ своею высокою фамиліею при пожелаемомъ высокомъ благополучіи обрѣтается, и къ великому торжествованію предбудущаго дня коронованія своего, пріуготовленія чинить повелѣлъ. (№ 14, стр. 56).

Изъ Москвы отъ 27 дня Февраля. Третьяго дня отправлялось здѣсь, торжество дню Коронованія Его Імператорскаго Величества зѣло

преславно. Здѣшніе и Іностранные министры съ протчими знатными колежскими членами отдали по утру рано покорнѣйшіе свои поздравительные комплименты; потомъ изволилъ Его Императорское Величество при преславной свитѣ въ Соборную церковь поѣхать, и тамъ при отправленіи службы Божіея присутствовать, которая отъ его преосвященства Господина Архіепископа Ѳеофана Новгородскаго отправлялась. Въ полдень былъ при дворѣ великіи банкетъ, а въ вечеру презрядныи феіерверкъ, и во всемъ городѣ многіе іллуминаціи. Мекленбургскіи таиныи совѣтникъ и министръ Господинъ фонъ Остерманъ, такожде Бланкенбургскіи посланникъ, господинъ фонъ Грамъ, и Господинъ Камергеръ Баронъ фонъ Строгановъ, при семъ торжествѣ Орденомъ Святаго Алеξандра Невскаго пожалованы (№ 18, стр. 72).

Въ Санктпетербургѣ 29 дня Ноября. Писма изъ Москвы отъ 20 дня сего мѣсяца явствуютъ, что Его Імператорское Величества Всемилостивѣиттія нашъ Государь, за день до того при дворѣ объявить изволилъ, коимъ образомъ Его Величество, Ея Свѣтлость Пріінцессу Екатеріну Алеξіевну Долгорукову, Его Свѣтлости князя Алеξѣя Григоріевича Долгорукова болшую дочь, себѣ въ супругу избралъ (№ 95, стр. 382). Тоже повторено въ „Супплементѣ" 30 дня Ноября съ слѣдующимъ прибавленіемъ: То изволилъ Его Величество на другои день, то есть 24 дня сего мѣсяца, при присутствіи Его Величества высокои фамиліи, отъ Ея Свѣтлости невѣсты, слово къ сочтанію законнаго брака получить, а потомъ 22 дня отдали какъ Его Імператорскому Величеству, такъ и Ея Высочеству, обрученной невѣстѣ, всѣ какъ здѣшніе, такъ и иностранные министры и протчіе знатные особы поздравителные комплименты. Имѣющаяся у всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ о такомъ Его Імператорскаго Велічества радостномъ намѣреніи радость, есть незреченно велика, и является каждыи такъ довольнымъ и веселымъ, что радостные возжеланія, которые отовсюду съ всевысочайшимъ, какъ Его Величества, Всемилостивѣйшаго нашего Государя, такъ и Ея Высочества государыни невѣсты, благополучіемъ совокупляются, ничто иное какъ впредь, благословенное состояніе Россіискаго государства поспѣшествовать могутъ (Суппл. къ № 95, 2 ненум. стр.).

Изъ Москвы отъ 1 дня Декабря. Вчерашняго дня, то есть въ праздникъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, заступника Россіискаго Государства отправлялось публично торжествованіе Всевысочайшаго Обрученія Его Імператорскаго Велічества Всемилостивѣйшаго нашего Государя и Самодержца, съ Ея Імператорскимъ Высочествомъ Принцессою Екатериною Алеξіевною, Его Свѣтлости Князя Алеξіа

. Григоріевича Долгорукова, Его Імператорскаго Величества дѣйствителнаго таінаго штатского министра, також де и Гофъ менстера и Кавалера Ордена Святаго Андреа Первозваннаго, и протчая, и протчая, Волшею Пріпцессою, въ Імператорскомъ лѣтнемъ домѣ, при присутствіи Ея Величества вдовствующей Царицы, Пріпцессъ Імператорской фамиліи, такожде и всѣхъ протчихъ какъ здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ высокихъ знатныхъ особъ мужескаго и женскаго пола, sѣло преславно, и при выпаленіи съ валовъ трехъ разъ изъ пушекъ (№ 97, 390).—Пространное и подробное описаніе этого торжества, помѣщено въ „Супплементѣ" отъ 14 дня Декабря къ № 97 на 6-ти непум. стр. съ слѣдующимъ заглавіемъ: Реляція о высокомъ Его Імператорскаго Величества обрученіи, коимъ образомъ оное 30 дня Ноября, сего 1729 года, въ Москвѣ щастливо совершилося.

Объ ученыхъ трудахъ профессоровъ еще юной въ то время Академіи Паукъ, сообщались въ „Вѣдомостяхъ свѣдѣнія; публичныя академическія собранія назначались преимущественно на торжественные дни; такъ напр. 24 Февраля въ день Коронованія императора, извѣщалось, что профессоръ Лентманъ предлагать будетъ о новоизобрѣтенныхъ вѣскахъ безъ стрѣлки, которые sѣло исправно здѣланы, также и о Поліедрѣ, которое . Персону Его Імператорскаго Величества Петра Втораго безобразнѣ изображенную, весьма легко показуетъ, на что Господинъ Профессоръ Маіеръ, именемъ всей Академіи будетъ отвѣтствовать (№ 15, стр. 60).—За день до тезоименитства императора, на общемъ академическомъ собраніи, профессоръ Бернулли предложилъ лучшій способъ какъ чрезъ Астрономическія Примѣчанія, такъ и чрезъ Механическія способы вышину полюса на морѣ примѣтить, на что господинъ Профессоръ Германъ, именемъ Академіи отвѣтствовать будетъ (№ 50, стр. 200); онъ же, Бернулли, на публичномъ собраніи въ Академіи, предложилъ изобрѣтенный имъ для помянутаго наблюденія вышины полюса на морѣ, инструментъ (№ 51, стр. 204). „Вѣдомости" извѣщали также о наблюденіи астрономами на академической обсерваторіи большаго луннаго затмѣнія, бывшаго въ 9-мъ часу вечера, съ подробнымъ его описаніемъ (№ 11, стр. 44); о подобномъ же лунномъ затмѣніи, которое наблюдали на обсерваторіи академическіе астрономы и математики съ 28 на 29 Іюля также сообщено съ „Вѣдомостяхъ" (№ 61, стр. 244). 8 Сентября, астрономы собравшись на обсерваторію, наблюдали замѣчательное затмѣніе, среди дня, планеты Венеры, луною (№ 72, стр. 288).

Академія Наукъ не ограничилась заявленіемъ передъ публикою о своей ученой дѣятельности, но пожелала вмѣстѣ съ тѣмъ, по воз-

можности, послужить общественному просвѣщенію распространеніемъ, какъ издаваемыхъ, такъ и получаемыхъ ею книгъ изъ другихъ европейскихъ странъ; и для облегченія возможности желающихъ пріобрѣтать помянутыя книги, напечатала въ № 17 „Вѣдомостей, на стр. 68, подъ чертою, слѣдующее объявленіе: „Охотникамъ до изрядныхъ книгъ, чинится извѣстно, что здѣсь, въ академической книжной палатѣ, реестръ всякимъ преизряднымъ книгамъ безденежно дается, при чемъ оные охотники такожде и протчіе книги, которые въономъ реестрѣ неупомянуты, по ихъ желанію получить могутъ; каждому будетъ надлежащимъ образомъ услужено, и имѣютъ тѣ книги, которые нынѣ къ продажѣ неготовы, первымъ корабельнымъ путемъ изъ Германіи, Галандіи и протчихъ мѣстъ сюда привезены быть такимъ образомъ, что токмо провозные денги со оныхъ брать будутъ, а въ протчемъ всѣ оные по той цѣнѣ продаваны будутъ, по какой цѣнѣ оные въ помянутыхъ мѣстахъ куплены. Чего ради охотники токмо въ помянутой академической книжной палатѣ явится изволятъ и надежными быть могутъ, что по ихъ требованію все немедленно исполнено быть имѣетъ".—О продававшихся въ академической книжной лавкѣ собственныхъ изданіяхъ, помѣщались академіею для извѣстія особливыя объявленія, которыя приводятся здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ они напечатаны въ Вѣдомостяхъ: „Господамъ купцамъ чинится чрезъ сіе извѣстно, что въ книжной палатѣ при Імператорской Академіи Наукъ, здѣсь, разные коннасементы на галландскомъ и аглинскомъ языкѣ получить можно. При томъ и имяна тѣхъ, которые оное пожелаютъ, напечатаны быть могутъ; понеже протчіе коннасементы, всѣ безъ напечатанія имянъ напечатаны будутъ (№ 18, стр. 72).

Понеже разные охотники явились, которые желаютъ чтобъ имъ Нѣмецкіи, Латинскіи и Россіискіи Лехиконъ, которыи здѣсь при Академіи Наукъ коштомъ оной Академіи печатается по листно выдавать, то чинимъ мы онымъ и протчимъ, которые сего желаютъ чрезъ сіе извѣстно, что мы къ сему толь скорѣе склонились, сколь болѣе чрезъ то общая полза произведена быть можетъ. И тако, могутъ господа охотники токмо въ Академической книжнои палатѣ явится, и при платежѣ напередъ за онои денегъ, надежнымъ быть, что имъ повсянедѣльно два новые листа выданы быть имѣютъ; тѣмъ, которые Вѣдомости и Примѣчанія получаютъ, вмѣстѣ со оными въ домы ихъ посыланы быть имѣютъ (№ 20, стр. 30).

При здѣшнеи Академіи Наукъ въ кніжнои палатѣ имѣется нынѣ въ готовности Россіиской Календарь на предбудущіи 1730 годъ, въ 8 долю листа, съ 4 годовыми времянами въ грыдорованныхъ фі-

гурахъ изображенными, которыи такъ какъ въ прошедшемъ годѣ, по здѣшнему обыкновенію вновь сочиненъ. Въ простомъ переплетѣ по 12 копѣекъ, а съ прокладкою бумаги по 18 копѣекъ; такожде и Нѣмецкіи Санктпетербургскіи Календарь на тотъ же годъ, сочиненныи по знатнѣйшимъ мѣстамъ Россійскаго Государства, имянно: Москвѣ, Архангельску городу, Кіеву, Астрахани, Тобольску, Ригѣ и Санктпетербургу, съ продолжающимся прибавленіемъ о экономіи и землѣ Камчаткѣ. При которомъ нынѣ еще сообщенъ генеалогіческіи штатскія календарь днеи рожденія высокихъ фамилеи и кратко сочиненная історія о томъ, что въ 1723 годѣ въ Россійскомъ Государствѣ приключилось; въ 4ю долю листа, въ простомъ переплетѣ по 15 копѣекъ, а съ прокладною бумагою по 21 копейкѣ. Малыи и канторныи календари будутъ такожде вскорѣ въ готовности (№ 63. Стр. 252).

Понеже нынѣ 2 часть Комментаріевъ здѣшнія Академіи наукъ, такожде и 3 часть сокращеніи Математическихъ содержащая въ себѣ фортификацію, въ скоромъ времяни изъ печати выдутъ, того ради чрезъ сіе ученымъ людемъ чинится извѣстно, что въ будущую осень изъ Типографіи здѣшнія Академіи Наукъ имѣютъ ожидать: Өеофила Сігефрида Баіера Регіомонтанскаго Історію Эдесса монетами изъясненную, которая въ такои же формѣ какъ и Комментаріи и съ многими грыдоромъ изображенными фігурами издана будетъ. Творецъ сея книги не мало о лучшемъ изъясненіи сея части Азіатическія Істоpіи трудился, а наипаче Королеи Агари имянуемыхъ, точную и исправную Хронологію сочинилъ, къ которому дѣлу онъ кромѣ Ассиріи какъ Хрониковъ, и кромѣ Римскихъ и Греческихъ писателей, доволнаго числа употребилъ монетъ, изъ восточныхъ странъ Ботаникомъ Буҳбаумомъ привезенныхъ, такожде и протчихъ, которые отъ древнихъ писателей въ разныхъ мѣстахъ упоминалися, но по сіе время еще не могли подлинно изъяснены быть. При томъ же онъ не токмо о древнихъ дѣяніяхъ попеченіе имѣлъ, но такожде оную и до новыхъ временъ продолжилъ (№ 65. Стр. 260).

Въ Академіи Наукъ напечатанъ здѣсь переводъ трактата заключеннаго между Россійскимъ Государствомъ и Персідкимъ владѣтелемъ Эшрефомъ 13 февраля мѣсяца, сего 1729 года на четырехъ языкахъ, а именно: на Россійскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Італіанскомъ, къ которому мирному трактату, еще и малая Географіческая карта ради изображенія на онои описанныхъ въ ономъ трактатѣ разграниченіевъ, на мѣди вырѣзана быть имѣетъ (№ 67 стр. 268).

При семъ чинится любопытнымъ охотникамъ извѣстно, что въ Академіи Наукъ новои веҳельнои уставъ, которои отъ учрежденнои въ

Москвѣ Коммиссіи о коммерціи сочиненъ, на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ напечатанъ, и въ Академической книжной палатѣ, по 25 копеекъ продается" (№ 75. Стр. 300).

Объявленій о какихъ бы то ни было публичныхъ увеселеніяхъ въ „Вѣдомостяхъ" 1729 года не встрѣчается, такъ какъ общественная жизнь въ томъ смыслѣ, въ какомъ она въ настоящее время понимается, существовать тогда не могла. Несомнѣнно то, что публика, за исключеніемъ высшихъ ея слоевъ, не въ состояніи была ощущать потребности въ удобствахъ и развлеченіяхъ, доставляемыхъ ей нынѣ современною цивилизаціею, неизвѣстныхъ за полтораста слишкомъ лѣтъ. Вслѣдствіе того, „Вѣдомости" въ извѣстіяхъ внутреннихъ, должны были на страницахъ своихъ ограничиваться сообщеніемъ о болѣе крупныхъ событіяхъ, совершавшихся въ обѣихъ столицахъ, и относящихся къ тѣмъ же высшимъ общественнымъ сферамъ. Приводимъ здѣсь два такихъ извѣстія: „Въ Санктпетербургѣ 18 дня марта. Предъ нѣкоторыми днями, прибылъ сюда изъ Москвы Господінъ Брюсъ, для полученія ему отъ госпожи Генералши его матери, позволенія, ради намѣреннаго между имъ, и Княжною Долгорукою дочерью князя Михаіла Володімеровича Долгорукого, сочстанія законного брака (№ 22. Стр. 88).

Изъ Москвы отъ 8 дня декабря. Въ прошедшую Субботу отправлялося здѣсь публичное обрученіе Господина Барона фонъ-Бауэра съ френленою фонъ-Брюсшею, къ чему оного въ вечеру Его Свѣтлость Господинъ Фелтъмаршалъ Князь Долгорукій и его Превосходительство баронъ фонъ-Остерманъ, такожде и господинъ Вице-президентъ фонъ-Принценштернъ, и другіе разные знатные особы, которые у оного обѣдали, изъ его дому провождали. Его Свѣтлость, Господинъ Фелтъмаршалъ былъ посаженымъ Отцомъ со стороны жениха, и ѣхалъ съ помянутымъ господиномъ Барономъ фонъ-Бауэромъ въ преславной 6 лошадями заложенной коретѣ, предъ которою его Превосходительство, Господинъ Баронъ фонъ-Остерманъ въ другой коретѣ напередъ ѣхалъ, по которомъ протчіе знатные гости въ трехъ коретахъ, изъ которыхъ каждая 2 лошадми запряжсна была, слѣдовали. Въ домѣ невѣсты были къ преславной ужинѣ всякіе приготовленія учінены, при чемъ болѣе 60 особъ присутствовали; оную церемонію отправлялъ пасторъ Фреи-Голдъ, яко невѣстинъ духовныи отецъ, которое торжествованіе по полуночи танцованіемъ окончано. (№ 99. Стр. 398)."

Когда получено было извѣстіе о рожденіи Дофина, то жившіе въ Россіи французы заявили вѣрноподданническія чувства своему ко-

ролю торжествованіемъ этого радостнаго для нихъ событія. Приводимъ о томъ два извѣстія, помѣщенныя въ Вѣдомостяхъ: „При семъ чинится извѣстно, что здѣшніе Французкіе комедіанты заутро, то-есть въ среду, 17 дня сего мѣсяца (сентября), ради щастливаго рожденія тамошняго Принца, безденежно играть будутъ, и къ тому всѣхъ охотниковъ призываютъ. Во оной комедіи будетъ представленъ: ле-Педанъ скрупулесъ, или совѣстныи школныи мастеръ, а по комедіи будетъ представленъ: „обманутыи охотникъ“ (№ 74. Стр. 296).—Въ Супплементѣ къ № 87, на двухъ ненум. страницахъ, напечатано подробное описаніе праздника даннаго профессоромъ и астрономомъ Академіи Наукъ Деллилемъ, въ зданіи ея, по тому же случаю; оно напечатано подъ слѣдующемъ заглавіемъ: „Описаніе радостнаго торжествованія, которое Господинъ Іосифъ Николаи Делиль, Імператорскіи Астрономъ и Профессоръ здѣшнія Академіи Наукъ, ради щастливаго рожденія Дофина во Франціи, здѣсь въ Санктпетербургѣ, въ среду, то-есть 29 дня октября 1729 года отправлялъ.

На страницахъ „Вѣдомостей“ 1729 года, объявленій о продажѣ частной собственности, какъ то: деревень, домовъ, дворовыхъ людей и проч. не встрѣчается. Едва-ли не единственное извѣстіе въ этомъ родѣ, отмѣчается здѣсь, состоящее въ публикаціи о продажѣ вещей съ аукціона: „Чрезъ сіе чинится извѣстно, что въ предбудущіи понедѣльникъ, въ среду и пятницу, по полудни въ 4 часу, у Маклера Іоакима Ѳинка, въ домѣ его, разныя малыя вещи съ торгу продаваны будутъ.“

№ 11. Історическіе Генеалогическіе и Географическіе **Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ** на MDCCXXIX годъ. **Въ Санктпетербургѣ.** Печатаны въ Типографіи Академіи Наукъ (I—CIV Часть) 4°. 416 нум., и 6 нен. стран. (Реестръ составляющій 104-ю часть.)

Словарь Русск. свѣтск. писателей митр. Евгенія 1845. Т. II, стр. 37 — Ученыя Записки Имп. Акад. Наукъ по I и III Отд. Т. 1, Вып. 1, стр. XLI.—Истор. Акад. Наукъ П. Пекарскаго т. 1. 1870 г. Стр. 311.—Историч. Розысканіе о Русск. повремен. изд. и сборникахъ. А. Неустроева, стр. 12.

Первая часть, состоящая какъ и прочія изъ 4-хъ страницъ, имѣетъ заглавіе: Історическихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ Примѣчаніевъ въ Вѣдомостяхъ 1 Часть. Въ Санктпетербургѣ 4 Генваря 1729 года. [1] Содержаніе этой части пред-

---

[1] Въ 1728 году они выходили подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Мѣсячныя Історическія, Генеалогическія и Географическія примѣчанія въ вѣдомостяхъ

ставляетъ любопытное предисловіе написанное издателемъ „Примѣчаній“ исторіографомъ Г. Ф. Мюллеромъ, который между прочимъ сообщаетъ читателямъ свѣдѣнія о происхожденіи „вѣдомостей“ съ отдаленныхъ временъ въ Европѣ, и о появленіи ихъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго. Приводимъ здѣсь это предисловіе вполнѣ отъ слова до слова, несмотря на то, что оно было уже перепечатано:[1]

„Благосклонныи Читателю“.

При семъ подается тебѣ паки начатіе нѣкоторыхъ новыхъ трудовъ, которые токмо ради увеселенія тебя, и ради твоей пользы и воспріяты: Ты видишъ, что сіи имѣютъ быть примѣчанія въ вѣдомостяхъ, которымъ подобные, какъ я надѣюсь, ты уже изъ другихъ мѣстъ разныя видѣлъ, но однако жъ съ такою разностію, что сіи нынѣ токмо начинаются, оные же уже отъ нѣкотораго времяни остановлены. Ибо сія мода нынѣ толь рѣтчаішая есть, сколь болѣе трудностеи при томъ случается, отъ которыхъ трудностеи у другихъ проізведеніе оныхъ въ остановку приведено. Болшая часть изъ оныхъ производилась такъ, какъ Моралическіе понедѣлные писма въ наши времена. Патріотъ[2] уставъ отъ ревнованія Хуліτелницы[3] перестали хуліть, Аспектаторъ[4] которои въ разсужденіи превращенныхъ нравовъ и обычаевъ человѣческихъ болѣе всѣхъ свои дѣла продолжалъ, однакожъ напослѣдокъ ослѣпѣлъ. А какъ долго Бидерманъ[5] роптать будетъ, время покажетъ.

Генваря (до Декабря) мѣсяца 1728 года № 1 (до XII). Печатанъ въ типографіи при Академіи Наукъ 4°. 96 стр. Каждый нумеръ состоялъ изъ 8 стр.—Въ 30 нумерѣ С.-Петербургскихъ вѣдомостей 1728 года, апрѣля 13 дня, явилось слѣдующее объявленіе о напечатаніи и раздачѣ „Примѣчаній“ подписчикамъ „Вѣдомостей“: Охотникамъ Россіискихъ вѣдомостеи чрезъ сіе извѣстно чинится, что по нынѣ на всякіи мѣсяцъ, листъ Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ примѣчаніи въ вѣдомостяхъ на Россійскомъ языкѣ изданы, которые въ Академическои Конторѣ вѣдомостеи и на почтовомъ дворѣ получить можно, и будутъ оные впредь по вся мѣсяцы издаваны, и тѣмъ которые Россіискія вѣдомости повсягодно держатъ, при окончаніи всякаго мѣсяца безъ денежно раздаваны.

[1] Помѣщено въ извлеченіяхъ г. Неустроевымъ въ его Историч. Розысканіи о русск. повр. изд., стр. 15, и Ученыхъ Запискахъ Акад. Наукъ, по перв. и трет. отд. Т. 1. Вып. 1. Стр. XLI.

[2] Патріотъ (ревнитель о пользѣ отечества).

[3] Хуліτелницы (которые всѣ недобродѣтели хулятъ).

[4] Аспектаторъ (зритель или разсуждатель о всякихъ дѣлахъ).

[5] Бидерманъ (честнои человѣкъ, такожде о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ разсуждающіи). Сіи суть такіе книги, которые подъ сими званіями издаются. (Примѣчанія автора предисловія, „Примѣчаній“ къ Вѣдомост. стр. I).

При томъ смотрится на нѣкоторое подлинное время, а однакожъ невозможно всегда равно важные дѣла объявлять: Времянемъ является недостатокъ, и не имѣотся впредь ничего къ объявленію достойнаго. А читатель желаетъ однакожъ всегда удовольствованнымъ быть.

Что до сихъ нашихъ трудовъ касается, то издавали мы мѣсячныя примѣчанія въ вѣдомостяхъ уже въ прошломъ годѣ на Россійскомъ языкѣ, и были намѣрены оные по воспріятому обыкновенію и впредь непремѣнно производить; но понеже до оныхъ многіе охотники нашлись, которые желаютъ, чтобъ оные таковде и на нѣмецкомъ языкѣ читать возможно было, то воспріято намѣреніе желаніе оныхъ, несмотря на всѣ помянутые трудности, исполнить и отъ нынѣшняго времени повсянедѣлно дважды по половинѣ листа оныхъ примѣчаніевъ издавать. Ко исполненію сего намѣренія собрались разные персоны, изъ которыхъ всякои трудится будетъ, къ пользѣ и къ удоволствованію читагелеи нѣчто сообщать. И тако не имѣемъ причины опасатися, чтобъ намъ въ томъ какои недостатокъ приключится могъ, понеже мы оные такъ распространить намѣрены, что нетокмо, какъ въ протчемъ обыкновенно новую политическую історію, Генеалогію и Географію изъяснять, но и о всемъ протчемъ, что токмо въ вѣдомостяхъ приключится можетъ, наше мнѣніе объявлять будемъ; мы не будемъ стужать, времянемъ на древніе и средніе времена обращатся, и о тогдашнемъ состояніи Государствъ, земель и высокихъ фамилеи разсматривать. Такожде не оставимъ при данномъ случаѣ изъ разныхъ частеи натуралнои, перковнои и ученнои історіи многое прібавлять что мы нашимъ читателямъ пріятнаго и полезнаго изыщемъ. Но токмо, сіе напередъ себѣ выговариваемъ, чтобы отъ насъ такъ имянуемыя резонементы или разсужденія не ожидать, какъ на другихъ мѣстахъ со оными примѣчаніями, сообщать обыкновенно есть. Сіе есть нашему намѣренію противно, которое токмо туды склоняется, чтобъ оными публичные вѣдомости нашимъ читателямъ толь лутче и вразумительнѣе изъяснять. Основаніе сихъ примѣчаніевъ будутъ при семъ наши собственные труды, сирѣчь нѣмецкіе и россіискіе вѣдомости, которые здѣсь печатаются; отъ части того ради, понеже въ другихъ мѣстахъ такое обыкновеніе есть, что тѣ вѣдомости которые тамъ печатаются, къ тому избираются, отъ части же, понеже не извѣстно, которые бы намъ изъ іностранныхъ вѣдомостеи особливо къ тому выбирать.

Въ протчемъ, есть дѣло о вѣдомостяхъ безспорно въ такъ великой модѣ, какъ оное никогда не бывало. Въ древніе времена наши предки о томъ ничего не вѣдали. Развѣ бы кто магистратскіе прото-

колы и повседневные дѣла Римлянъ въ семъ счислять хотѣлъ, которые и въ правдѣ нѣкоторое сходство съ оными имѣютъ, понеже оные не токмо въ городѣ листами на публичныхъ мѣстахъ прибиты, но такожде и въ дальные городу подчиненные провинціи разсыланы бывали. Но однакожъ, ежели по нынѣшнему опредѣленію говорить, то не находится во ономъ древнѣйшаго слѣду, нигдѣ какъ у Італіанцовъ въ 16 секулѣ (вѣкѣ). Сіи начали оные сперва такожде токмо на писменныхъ листахъ, какъ оное еще и нынѣ въ Венеціи въ обыкновеніи есть, что тамо ни какіе, какъ писменные вѣдомости публикованы бываютъ. Но однакожъ старались оные вскорѣ потомъ, какъ бы сіи трудности, которые чрезъ списываніе оныхъ вѣдомостеи чинились, чрезъ напечатаніе оныхъ уничтожить, которые особливо съ начатіемъ 17 секула, отъ времени до времени въ сеи порядокъ произведены, какіе еще и нынѣ имѣемъ. Званіе газетовъ (вѣдомостеи) тогда такожде отъ оныхъ произошло, а то отъ нѣкоторои малои монеты, которая отъ нихъ газетта имяновалась, и всегда за читаніе оныхъ вѣдомостеи плачена бывала. И такъ должны мы Італіанцамъ первое благодареніе за вымышленіе такъ полезнаго и пріятнаго дѣла отдавать. При семъ Французы не менше похвалы достоины, понеже оные почитаи первые были, чрезъ которыхъ сія мода и къ другимъ народамъ произошла, и суть оные безспорно первые, которые въ семъ дѣлѣ Італіанцамъ послѣдовали, а то токмо въ 1631 году, въ которое время славныи Реподо, бывшіи медикусъ въ Монтпеліерѣ, свои вѣдомости въ Парижѣ издавать началъ, которыя потомъ многимъ другимъ образцамъ послѣдованіемъ были. И хотя еще до того какъ въ Галандіи, такъ и въ Германіи нѣкоторые мѣсячные писма издаваны были, въ которыхъ самые новые приключенія въ свѣтѣ объявлялись, то однакожъ, понеже оные мѣсячные писма суть, то было бы оное противно нынѣшнему обыкновенію, когдабъ оные кто въ вѣдомости вмѣнять хотѣлъ; и такъ надлежитъ Галандцамъ и нѣмцамъ токмо третіи рангъ за то, что оные сію моду и на своихъ сосѣдовъ произвели, отъ которыхъ оная мода, напослѣдокъ и въ здѣшніе сѣверные провинціи произошла. Нынѣ тому уже 27 лѣтъ будетъ, какъ чрезъ великое стараніе Блаженныя и Вѣчнодостоиныя памяти Его Імператорскаго Величества Петра Перваго, въ ползу своихъ подданныхъ, нѣкоторые вѣдомости на Россіискомъ языкѣ печатать начались. До оныхъ вѣдомостеи нашлись ото того времени такъ многіе охотники, что мы принуждены были въ началѣ 1727 года оные и на нѣмецкомъ языкѣ издавать, и понеже усмотрено какая польза отъ того происходить будетъ, когда Россіискіе вѣдомости съ нѣмецкими сходно издаваемы бу-

дутъ, то начали оные въ прошломъ 1728 такожде съ нѣмецкаго на Россійской языкъ переводится, которые такъ какъ нѣмецкіе повсянедѣлно по дважды выдаваны бываютъ. И какъ мы намѣрены всѣ вѣдомости впредь по возможности всегда въ надлежащемъ порядкѣ производить, то будутъ равнымъ образомъ и настоящіе примѣчанія съ вѣдомостями на всякую почту въ мѣстѣ выдавать.

Любезныи читателю, ты будешъ оные употреблять по твоему соизволенію, изволишъ ли оные того удостоить, чтобъ тебѣ оными нѣсколько праздныхъ окомгновеніи препровождать, или ты оные къ чему послѣднеишему употреблять изволишъ. Оные рекомендовать (съ похваленіемъ представлять) разсудили мы за потребно, понеже всякіи пользу такихъ трудовъ самъ отъ себя увидитъ. И тако можемъ мы тебя симъ вмѣсто предисловія удовольствовать, вручая себя твоеи любви и склонности; а въ протчемъ ничего болѣе не желаемъ, какъ всякому угоднымъ быть. Благосклоннаго читателя къ службѣ охотнѣишіи слуга Издатель".

Мысль о составленіи „Примѣчаній" къ Вѣдомостямъ всецѣло принадлежитъ Мюллеру; до того времени, по его собственному свидѣтельству изданіе „Вѣдомостей" въ первые шесть мѣсяцевъ 1727 года, Академія поручила Христіану Фридриху Гросу, и послѣдніе шесть Іоганну Симону Бекенштейну. Въ началѣ изданія Вѣдомостей, цѣль прилагаемыхъ къ нимъ „Примѣчаній" состояла въ томъ, чтобъ подробными объясненіями въ нихъ помѣщаемыми, дѣлать болѣе вразумительными тѣ мѣста, которыя въ Вѣдомостяхъ могли показаться для современныхъ читателей нѣсколько темными и не удобопонятными. Съ теченіемъ времени, въ составленіи такихъ „Примѣчаній", стали принимать участіе другіе члены Академіи, и тогда появились тамъ и самостоятелныя статьи, изложенныя по возможности доступно для большинства читателей. Съ 1729 по 1742 годъ въ изданіи „Примѣчаній" участвовали почти всѣ академики, въ томъ числѣ Эйлеръ, Гмелинъ старшій, юристъ Бекенштейнъ; но изъ постороннихъ лицъ—весьма немногіе. Каждую субботу, вечеромъ собирались они для совѣщанія у тогдашняго начальника Канцеляріи, и назначали статьи для „Примѣчаній" слѣдующей недѣли. Ададуровъ, Тредіаковскій и другіе, переводили эти статьи на русскій языкъ [1]. Съ выходомъ 21 октября 1742 года, послѣдняго выпуска, „Примѣчанія" совсѣмъ прекратились по распоряженію Нартова, управлявшаго Академіею за неимѣніемъ въ ней президента.

[1] Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ. Т. I. Вып. I, стр. XLI.

По бѣдности тогдашней литературы вообще, и ученой въ особенности, „Примѣчанія" нашли себѣ въ интелигентной публикѣ отличный пріемъ, и она охотно ихъ читала, что подтверждается письмомъ Ломоносова къ Н. Н. Шувалову, написаннымъ уже спустя двѣнадцать лѣтъ, именно въ 1754 году; въ этомъ письмѣ, первый весьма одобрительно отзывается о „Примѣчаніяхъ": „По приказу Вашего Превосходительства, старался я достать примѣчанія на вѣдомости, но получить ихъ не могъ. Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли, за тѣмъ, что ихъ по малу было печатано, и не по мѣрѣ Россійскаго государства; а особливо нынѣ, узнавъ нашъ народъ пользу наукъ, больше такія книги хранятъ для ихъ рѣдкости... Я уповаю, не лутче ли поискать у приватныхъ охотниковъ въ Москвѣ, на время, пока для Вашего Превосходительства здѣсь пріищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ періодическія сочиненія, только не на такихъ бумажкахъ, по одному листу; но повсямѣсячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или двѣ три матеріи содержались въ книжкѣ... Исполни Господь Богъ намѣренія и желанія любителей наукъ, чего я всегда, а особливо въ началѣ новаго года прошу"...[1] Желаніе, выраженное Ломоносовымъ въ письмѣ, скоро исполнилось; въ слѣдующемъ 1755 году, Академія начала издавать „Ежемѣсячныя Сочиненія" слѣдуя болѣе обширной программѣ, которыя сперва предполагала назвать „Санктпетербургскими Академическими Примѣчаніями", и прилагать къ газетамъ каждый мѣсяцъ по книжкѣ, но это названіе почему-то не состоялось.

„Примѣчанія" представляли безспорно весьма разнообразное и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное чтеніе для современныхъ читателей; каждое появлявшееся въ Вѣдомостяхъ извѣстіе, содержавшее въ себѣ какое-либо выдающееся или замѣчательное событіе изъ политическаго міра, каждое любопытное явленіе въ области наукъ, искусствъ или царства природы, кратко, или иногда не совсѣмъ понятно или темно изложенное, пояснялось немедленно въ „Примѣчаніяхъ" по возможности вразумительно, сообразно съ тогдашнимъ состояніемъ науки или искусства, принаровленное къ понятіямъ читателей. Помѣщались также описанія различныхъ торжествъ, празднествъ, церемоній и обрядовъ, съ историческимъ объясненіемъ ихъ происхожденія, значенія и связи съ таковыми же, въ давнопрошедшія времена существовавшими; на

[1] Тамъ же, стр. LXV. Матеріалы для Біогр. Ломоносова Билярскаго 1865. стр. 250.

страницахъ „Примѣчаній“ давалось мѣсто и легкимъ статьямъ: стихотвореніямъ на чужихъ языкахъ, иногда съ русскимъ переводомъ. Ясно, что издатели „Примѣчаній“ желали пріучить публику къ мышленію и серіозному чтенію, и вмѣстѣ съ тѣмъ угодить ея разнообразнымъ вкусамъ; при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что составители статей, объясненіями своими, касаясь множества предметовъ, часто пускались, для удовлетворенія любознательности читателей, въ слишкомъ обширныя, ученыя разсужденія, и, разсыпая передъ первыми перлы знанія уносились иногда далеко за предѣлы объясненія сущности предмета, Упомянемъ здѣсь о примѣчаніяхъ и ссылкахъ на огромное число древнихъ, и современныхъ въ то время писателей, которыми обставлены страницы каждой „части Примѣчаній“, и которыя свидѣтельствуютъ о глубокой и многосторонней учености тогдашнихъ представителей науки. Такъ на пр.: извѣстіе, напечатанное въ „Вѣдомостяхъ“ о найденныхъ въ Сибири мамонтовыхъ костяхъ, вызвало въ „Примѣчаніяхъ“ статью о происхожденіи такихъ остатковъ естественныхъ древностей, по тогдашнему состоянію науки. При объявленіи о рѣшеніи задачи, предложенной парижскою академіей на соисканіе преміи Іоанномъ Бернулли и нашими Академиками, издатели „Примѣчаній“ сочли умѣстнымъ изложить исторію академій, начиная съ Платона, „прадѣда всѣхъ философовъ“.—Одинъ купецъ пріобрѣлъ египетскую мумію; по этому поводу является трактатъ о муміяхъ древняго Египта и египетскихъ іероглифахъ. По поводу политическихъ событій помѣщались въ „Примѣчаніяхъ“ разныя популярно-историческія статьи, объяснявшія связь современныхъ происшествій съ прежними. Естественныя событія по тогдашнимъ понятіямъ, предвѣстники бѣдствій, какъ на пр.: сѣверное сіяніе, явленіе кометъ, землетрясеніе и т. п. заставляли академиковъ писать въ опроверженіе подобныхъ суевѣрій, и для объясненія „подлинныхъ тому причинъ по естественнымъ законамъ и по свойству тѣлъ“.... [1]

Въ 1729 году „Примѣчанія“ изданы были въ первый разъ и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Historische Genealogische und Geographische Anmerkungen über die Zeitungen auf das Iahr MDCCXXIX. Русскія „Примѣчанія“ отличались отъ такихъ же предъидущаго года, не только большимъ объемомъ, но своимъ содержаніемъ и направленіемъ. Въ 1765 году является въ Москвѣ не продолженіе „Примѣчаній“, прекратившихся, какъ сказано выше въ 1742 году, но только повтореніе ихъ въ извлеченіи; кромѣ ошибочнаго по-

---

[1] Учен. Зап. Акад. Н. Т. I. Вып. I, стр. XLIII—XLIV.

казанія года прекращенія ихъ, это извлеченіе довольно оказываетъ имъ вниманія и уваженія, оно напечатано съ слѣдующимъ заглавіемъ: Историческія Генеалогическія и Географическія Примѣчанія въ вѣдомостяхъ, издаванныя въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ съ 1729 по 1740 годъ. Печатаны въ Москвѣ, при Сенатскихъ Департаментахъ 1765 года. 4°. 302 стр. [1]. Въ 1 томѣ Ученыхъ Запис. Академіи Наукъ стр. XLV, кромѣ приведенной сейчасъ книги, сообщено также извлеченіе изъ предисловія къ благосклонному читателю. Издатель говоритъ: „Хотя предлагаемыя въ сей книжкѣ разсужденія и извѣстія не вновь сочинены; однако тѣмъ не меньше достойны вниманія. Ибо оныя заимствованы изъ такихъ сочиненій, въ которыхъ оказанное искусство и тщаніе всегда и отъ всѣхъ заслуживало особливое почтеніе и похвалу, именно жъ изъ извѣстныхъ такъ примѣчаній Санктпетербургской Имп. Академіи Наукъ. Причина жъ сего изданія есть та, что въ 1740 году, ихъ больше издаваемо не было, и прежнія до того изданныя такъ умалились, что не безъ трудности ихъ сыскать можно. А какъ оныя по большой части весьма полезнаго содержанія, того ради за нужное разсужденіе наилучшія изъ нихъ для любопытства читателей вторично въ печать издать... И такъ издатель сего, не безъ основанія надѣется сему труду своему благосклоннаго отъ всѣхъ пріятія; а себя за оной довольно награжденнымъ почитать будетъ, есть ли хотя нѣсколько читателей получатъ отъ сего ту пользу, которой отъ сего роду сочиненій ожидать можно, чего онъ всеусердно желаетъ". Въ слѣдующемъ году вышли въ печать изданныя вѣроятно тѣмъ же лицомъ: „Примѣчанія о разныхъ Матеріяхъ Печатанныя при Императорской Академіи Наукъ Санктпетербургской, подъ именемъ Еженедѣльныхъ отъ 1726, по 1740 годъ. А нынѣ вторично помѣсячно на сей годъ печатать разсуждено по той причинѣ, которая въ слѣдующемъ предъувѣдомленіи объявлена. 1766 года, мѣсяцъ генварь. Печатано въ Типографіи при Московскихъ Сената Департаментахъ 1766 года" 8°.—Предувѣдомленіе къ благосклонному читателю этого сборника перепечатано слово въ слово изъ предыдущаго изданія, но выбора статей изъ „Академическихъ Примѣчаній" сдѣланъ другой. Двадцать лѣтъ спустя, сама Академія издала новое извлеченіе изъ „Примѣчаній" подъ заглавіемъ: Собраніе Географическихъ, Астрономическихъ и Физическихъ Примѣчаній". Часть I. Въ С. Петербургѣ. Иждивеніемъ Академіи Наукъ 1787. (второе изданіе 1791 г.). Ч. II. 1791 г.

---

[1] Сопик. ч. 4. № 9017. Смирд. ч. II. № 3456. Библіотека Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Отд. II, стр. 196, № 581.

№ 12. Календарь или Мѣсяцословъ Історическіи. На Лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1729. Указующіи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія и полный мѣсяцъ съ четвертми. Такожде время солнечнаго и луннаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе и теченіе луны въ зодіакахъ на всякій день. Учіненныи по мерідіану и шірінѣ царствующаго Санктпетербурга. Напечатанъ въ Санктпетербургѣ, въ Типографіи Академіи Наукъ. Лѣта Господня 1728. М. 8°. 80 ненум. стр. 4 гравюры рѣз. на мѣди, и 1 печатн. таблица.

Сопик. Ч. 3. № 4986.—Геннади. Справочн. Словарь о русск. писат. Т. 2 Стр. 93 а.—Геннади. Русск. Книжныя Рѣдкости Спб. 1872. Стр. 30. № 3 (съ указан. формата въ м. 4°).—Ученыя Зап. Акад. Н. Т. 1. Вып. 1. Стр. XLVI—XLVII (съ указан. того же формата).—Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. Т. 3. Стр. 532.

Въ календарѣ на 1729 годъ, церковные праздники, полупраздники и фазы луны напечатаны киноварью, кромѣ опять пропущенныхъ дней Преполовенія и Вознесенія. Времена восхожденія солнца и долгота дней вычислены для С.-Петербурга и Москвы; въ концѣ календаря приложена таблица восхожденія и захожденія солнца въ Астрахани, Кіевѣ и Архангельскѣ и „помѣсячныи Штатсъ Календарь высочайшихъ и высокихъ фамилій Европейскихъ“ (имена всѣхъ особъ расположены по днямъ ихъ рожденія); съ одной стороны, эти перемѣны показываютъ желаніе издателей „Календаря“ способствовать къ улучшенію и большему его распространенію, но съ другой, достоинство его уменьшаютъ введенныя въ него постоянныя предсказанія состоянія погоды на каждый день года, отмѣтки благопріятнаго времени для посѣва и сажденія, стриженія волосъ, кровопусканія рожечнаго и жильнаго, и рубки въ лѣсахъ деревьевъ; также приложенія такъ называемаго „рудомета“, или человѣческой фигуры съ обнаженными внутренностями, окруженной зодіакальными знаками, съ проведенными изъ нихъ линіями къ разнымъ частямъ тѣла изображенной фигуры, и надписями, gut, mit, bos.

Въ приложеніяхъ къ Календарю помѣщены: 1) Хронологія історіи достопамятныхъ“, содержащая годы отъ сотворенія міра и Ноева потопа, по греческимъ и римскимъ хронографамъ отъ Рождества Христова; отъ „вымышленія пороховаго дѣла“, печатанія книгъ, открытія Америки, рожденія императора Петра II (14 лѣтъ), отъ его царствованія (2 года) 2) Затмѣніе безъ рисунковъ [1]. 3) Четыре вре-

[1] Въ № 61 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей на 1729 годъ напечатано слѣдующее извѣстіе о лунномъ затмѣніи. „Въ Санктпетербургѣ 2 дня Августа.

мени года съ соотвѣтствующими аспектами планетъ и съ предсказаніями погодъ. 4) Состояніе здоровья на цѣлый годъ съ астрологическими замѣтками, но съ оговоркой, что эти замѣтки дѣлаются только для ихъ любителей, при чемъ для убѣжденія въ ихъ нелѣпости, разсказанъ анекдотъ о крестьянкѣ, заставившей своего больнаго мужа проглотить лекарскій рецептъ, отъ чего крестьянинъ и выздоровѣлъ. Наконецъ съ 1729 года начали появляться въ „Календарѣ“ историческія и географическія извѣстія; помѣщенное здѣсь „о землѣ Камчаткѣ“ замѣчательно тѣмъ, что въ то время Камчатку смѣшивали съ „землею Іессо.“ Тогдашняя публика живо интересовалась путешествіемъ Беринга.

Къ настоящему календарю приложены (конечно съ цѣлью болѣе успѣшной его распродажи) четыре хорошо исполненныя гравюры, изображающія четыре времени года. На первой изъ нихъ (зима) представлена богато-убранная комната съ пылающимъ каминомъ, предъ которымъ двое играютъ въ шахматы, курятъ табакъ и пьютъ вино; сквозь окно видно покрытое снѣгомъ поле и крестьянинъ ѣдущій въ саняхъ по дорогѣ. На второй (весна) изображенъ великолѣпный садъ съ фонтанами и фигурно подстриженными деревьями, между которыми прогуливаются щегольски одѣтые кавалеръ съ дамою, разговаривающіе между собою. Третья (лѣто) представляетъ небольшую деревню, окруженную лугами и нивами, возъ со снопами и крестьянскою семьею, изъ которой нарядно одѣтая крестьянка сидитъ верьхомъ на лошади, хозяинъ съ косою идетъ впереди, и нагой ребенокъ лежитъ на возу; на небѣ тучи извергающія молніи. На четвертой (осень) молотятъ и слаживаютъ сани.

Въ „Опытѣ“ Сопикова, настоящій календарь показанъ съ невѣрнымъ заглавіемъ и съ примѣчаніемъ, что онъ переведенъ съ большаго нѣмецкаго календаря [1].

Бывшее тому недавно великое лунное затмѣніе, то есть между 28 и 29 числомъ іюля мѣсяца въ ночи, смотрѣли на здѣшнемъ Императорскомъ обсерваторіи астрономы и математіки Академіи Наукъ зѣло подлинно. Начало онаго затмѣнія было недолго за четверть 2 часа по полуночи, и потомъ луна съ часъ непрестанно помрачалася, пока оная вся помрачилась, и затмѣніе совершеннымъ быть стало. По исчисленію Астрономическому имѣла оная луна болѣ полутора часа въ затмѣніи быть. Но невозможно было примѣтить, коимъ образомъ оная изъ затмѣнія вышла, понеже въ томже окомгновеніи зашла, какъ оная паки сіять начать имѣла. Въ протчемъ было небо во время всего примѣчанія совершенно ясно и тихо“.

[1] По смерти профессора Мейера въ 1729 году, перваго составителя календарей, дѣло это по указу Академіи Наукъ, передано было профессору Геор-

№ 13. Календарь * или Мѣсяцесловъ * Історіческіи и Генеалогическіи. На Лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа **1730.** * Указующіи Затмѣнія Лунная и Мѣсячная Рожденія и Полныи мѣсяцъ съ Четвертми. Такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе, долгонощіе и теченіе луны въ зодіакахъ на всякіи день. **Учіненныи по Меріdіану и Ширінѣ Царствующаго Санктъ-Петербурга,** Москвы, и протчихъ знатныхъ городовъ.—Напечатанъ въ **Санктпетербургѣ** * въ Тупографіи Академіи Наукъ. М, 8°. 91 ненум. стр. (считая съ заглавнаго листа), Двѣ гравюры, и въ текстѣ изображеніе рудомета. Отмѣченныя звѣздочкой: слова и цифры напечатаны киноварью.

Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. Т. III. Стр. 533. Справочн. Слов. Геннади. Т. 2. Стр. 93 а.

На заглавномъ листѣ изображеніе двуглаваго орла подъ императорскою короною, украшеннаго вокругъ фигурами и лаврами, въ срединѣ котораго государственный гербъ малаго размѣра, внизу, еще меньшаго, съ крестомъ св. Андрея.—Настоящій календарь въ астрономической своей части совершенно сходенъ съ календаремъ на 1729 годъ. Въ приложеніяхъ его помѣщено: 1) Статья содержащая описаніе небольшаго луннаго затмѣнія, и большаго солнечнаго, вычисленнаго для городовъ—Архангельска, Астрахани, Дербента, Казани, Кіева, Новгорода, Москвы, С.-Петербурга, Ревеля, Риги и Тобольска. При чемъ замѣчено, что въ Астрахани и Казани оно можетъ быть полнымъ; „чего“, прибавляетъ составитель календаря, „за истину утвердити невозможно, понеже положеніе сихъ мѣстъ еще не подлинно извѣстно есть; чего ради всѣхъ благоразумныхъ мужей и любітелей оныхъ мѣстъ просимъ, дабы сіе затмѣніе съ прилѣжаніемъ просмотрѣть изволіли, ибо помощію такихъ примѣтъ извѣстно бываетъ мѣста положеніе“. Но въ чемъ должны состоять эти наблюденія, въ прозьбѣ не объяснено. 2) О четырехъ временахъ года, и предсказанія погоды съ нѣкоторыми оговорками, въ которыхъ нѣсколько замѣтны уже основательныя понятія о причинахъ измѣненія температуры и грозъ; эти причины суть вѣтры и смѣшеніе верхнихъ слоевъ атмосферы съ нижними. 3) О невозможности предсказаній политическихъ произшествій и состоянія народнаго здравія, отъ которыхъ календарь положитель-

---

гу Вольфгангу Крафту, исправлявшему его нѣсколько лѣтъ съ общею похвалою. (Собственныя слова Крафта о занятіяхъ его въ Академіи. Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго. Т. 1. Стр. 460),

но отказывается. 4) Изображеніе рудомета. 5) Восхожденія и захожденія солнца въ Астрахани, Кіевѣ и Архангельскѣ. 6) О земледѣльствѣ и домостроительствѣ. Въ этой статьѣ указывается, сколько признаковъ перемѣны погоды основанныхъ на физическихъ причинахъ, напримѣръ: „Когда воздухъ легокъ становится, тогда комары высоко летати не могутъ, но бываютъ всегда близъ земли или надъ водою, а понеже ластовицы тѣхъ комаровъ видятъ, того ради они ѕѣло низко лѣтаютъ, и такъ что иногда крыльями до воды достаютъ, и когда оныя ластовицы купаются, тогда дождь или мрачная погода будетъ послѣдовать (понеже воздухъ легчаішіи бываетъ), противнымъ образомъ когда ластовицы лѣтаютъ высоко, то тяжкіи воздухъ знаменуетъ послѣдователно изрядную погоду. Случается такожде и въ ясные дни, что вода, которая на воздухѣ аки невидимыи нѣкіи паръ содержится, совокупляется и опускается на землю; отъ чего бываетъ, что многіе сухіе вещи сырѣютъ, напримѣръ соль, такожде сажа на сковородѣ, которую послѣдовательно огонь не такъ скоро поядати можетъ, нежели когда бы она не была сыра, того ради, когда оныя сковороды краснѣютъ; то не безъ пути деревенскіе мужики сказываютъ имущее быти погоды премѣненіе". 7) Окончаніе о землѣ Іессо. 8) Помѣсячныи штатсъ-календарь. [1] 9) Весьма любопытное „Краткое описаніе Россиіскія історіи 1728 года; такъ на примѣръ находится между прочимъ извѣстіе о коронованіи императора Петра II, которое здѣсь описывается: „Егда Его Величество Петръ II, Імператоръ и Самодержецъ Всероссіискіи 1727 года Маія 7 дня достоінѣише возшелъ на престолъ дѣдовскіи, сіе вопервыхъ имѣлъ попеченіе, да послѣдуя древле-воспріятому обычаю въ Царствующемъ градѣ Москвѣ Россіискаго Государства Корону восприиметъ. Того ради въ началѣ 1728 года, имянно Генваря 9 дня изволілъ Его Величество изъ Санктпетербурга отправітся и прибыть въ Новградъ Генваря 11 дня, а подъ Москву сего же Генваря 17 дня, потомъ февраля 4 дня имѣлъ Его Величество преславныи въѣздъ въ Москву и со всѣмъ придворнымъ штатомъ, въ Кремлѣ жіти соізволилъ. Съ того времяни все готовилося, что ко учрежденію высокоторжественнаго дня коронованія учініть возможно было, которое еще предъ велікимъ постомъ праздновано быть имѣло. И за 8 днеи напередъ по всѣмъ уліцамъ въ Москвѣ съ літаврами и тромпетами объявлено было, что Воскресеніе, то есть того же февраля 25 числа къ сему опредѣлено (на 2-й недѣли велікаго поста). Въ сей день поутру собрались всѣ здѣшніе и ино-

---

[1] Сравн. Календарь на 1726 годъ; выпускъ III, № 5.

странные міністры, такожде и къ сему дѣiствію опредѣленные высокихъ и нижніхъ чіновъ служітели купно съ гвардіею въ помянутомъ Кремлѣ городѣ, откуду около 10 часа шли въ соборную церковь въ преизрядномъ порядкѣ, гдѣ высокое коронованіе и помазаніе Его Імператорскаго Велічества отправлялося преосвященнѣйшимъ Ѳеофаномъ Архіепископомъ веліkаго Новагорода и великихъ Лугъ, и по отправленіи службы Божія въ Успенскомъ и въ Архангельскомъ соборѣ, паки назадъ возвратилися".

Въ заглавіи календаря къ слову „Історическій" прибавлено въ первый разъ„ и Генеалогическій"; къ нему приложены двѣ, довольно плохія гравюры съ изображеніемъ зимы и лѣта: на первой представлена набережная (Невы?), съ катающимися по льду на конькахъ, и въ саняхъ съ лошадью запряженною безъ дуги; на второй та же Нева, но уже съ кораблями.—Объявленіе о выходѣ и продажѣ календарей какъ русскаго, такъ и нѣмецкаго на 1730 годъ, въ книжной палатѣ при Академіи Наукъ, напечатано въ № 63, на стр. 258-й С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1729 года; при чемъ нельзя не обратить вниманія на весьма умѣренную и по тому времени, цѣну помянутыхъ календарей; русскій, въ простомъ переплетѣ продавался по 12, и съ прокладною бумагою по 18 копѣекъ; нѣмецкій въ 4 долю листа по 15, и съ прокладкою бумаги по 21 копѣйки [1].

1731.

№ 14. Teutsch-Lateinisch- und Ruszisches **Lexicon,** Samt Denen Anfangs-Gründen **der Ruszischen Sprache.** Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschafften Zum Druck befördert. — Нѣмецко-Латинскiи и Рускiи **Лехиконъ** купно съ первыми началами **Рускаго Языка** къ общей пользѣ, При Імператорской Академіи Наукъ печатію изданъ. — St.-Petersburg, Gedruct in der Kayserl. Academie der Wissenschafften Buchdruckerey. 1731. 4°. 2 ненум. (предисловіе) 788, и 48 нум. стр. (грамматика).

Сопик. Ч. 3. № 5911.—Всеобщ. Библіот. Чертк. М. 1838. Стр. 385. № 82.—Геннади. Справочн. Словарь о русск. писат. Т. 1. Стр. 170.—Бакмейстеръ Russ. Bibliot., т. X, стр. 119.—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Наукъ въ XVIII вѣкѣ. Изд. А. Куникъ. Ч. 1. Стр. XI. Прим. 2.

На двухъ первыхъ ненумерованныхъ страницахъ помѣщается обращеніе къ „Читателю", переведенное съ нѣмецкаго текста, нахо-

---

[1] Вып. III, № 10.

дящагося на лѣвой страницѣ книги; слѣдующій же русскій переводъ на правой, объявляетъ имя автора лексикона, о которомъ не упомянуто въ заглавіи: „Нынѣ совершенно предлагаемъ Вамъ Доброхотныи Читателю на Рускіи языкъ переведенныи Веисманновъ Нѣмецко-Латинскіи Лехиконъ. Мы сего автора того ради избрали, понеже онаго уже совсѣмъ переведена нашли: особливо же сего ради, что мы нынѣ толко о собраніи доволнаго числа Русскихъ словъ и речеи тщалися, къ чему сеи Веисманновъ Лехиконъ, ради имѣющагося въ немъ, какъ извѣстно, Латинскихъ словъ и рѣчеи довольства, удобнѣишіи показался. И хотя ко изданію онаго употребленное время не мало продолжалося, къ тому же и такъ совершенно дѣло сіе не удалося, чтобъ какихъ погрѣшеніи во ономъ не было, и еще въ первыхъ листахъ больше нежели въ послѣднихъ; однако безпристрастныи Читатель обое сіе въ такомъ дѣлѣ благосклонно извинить можетъ. Это первое есть, что на семъ языкѣ печатнымъ тисненіемъ издано. Французское ученыхъ собраніе, которое всѣ къ тому надлежащіе потребности доволно имѣло, и 40 лѣтъ надъ тако именуемымъ Діксіонеръ де л'Академи франсезъ трудилося, но и въ томъ погрѣшности находятся, то оныя и въ семъ Лехиконѣ трудившимся, которые за неимѣніемъ совершеннаго знанія въ Нѣмецкомъ языкѣ только Латинскому послѣдовали, простить можно. Въ будущихъ изданіяхъ всѣ погрѣшности исправлены будутъ; чего ради всѣ сего языка охотники просятся ихъ тщаніе въ семъ сообщить, какъ сіе отъ нѣкотораго добраго пріятеля уже учинено. Присовокупленнымъ къ сему показаніемъ къ изученію Русскаго языка, Читатель дотолѣ пользоваться можетъ, донелѣже совершеннѣишее, которое уже подлинно дѣлается, издано будетъ. Въ Санктъпетербургѣ, Іюля 1 дня, 1731 года" [1].

На столбцахъ „лексикона" встрѣчается не мало устарѣвшихъ, давно вышедшихъ изъ употребленія нѣмецкихъ словъ, такъ и рѣченій, поговорокъ и пословицъ, съ переводомъ ихъ на русскія, имѣющія

---

[1] Мюллеръ въ рукописи своей „Zur Geschichte der Academie der Wissenschafften", 206, 207, говоритъ что выборъ для перевода на русскій языкъ Лексикона Вейсмана былъ самый неудачный, что для перевода на нѣмецкій языкъ пригласили пруссака Швапвица, недостаточно для того образованнаго, а переводившіе слова съ латинскаго на русскій—Ильинскій, Горлицкій и Сатаровъ не знали по нѣмецки; что ошибки ихъ никто не поправлялъ и, что наконецъ Шумахеръ, одинъ одинешенекъ распоряжавшійся работою, чрезвычайно спѣшилъ ею, потому что его правило было: для начала все хорошо, а ошибки могутъ быть исправлены при второмъ изданіи. (Истор. Акад. Наукъ, П. Пекарскаго, т. 1. Стр. 403—404).

тотъ же смыслъ. Вообще „лексиконъ" переведенъ на нѣмецкій и русскій языки спѣшно и неумѣло; онъ изобилуетъ ошибками, причемъ замѣчается даже неточное вездѣ соблюденіе азбучнаго порядка. Одинъ изъ такихъ крупныхъ промаховъ усматривается на страницахъ 650—721, гдѣ литеры u и v безтолково перемѣшаны. Въ концѣ „лексикона" приложены начальныя основанія русскаго языка, съ особливымъ на отдѣльномъ листѣ заглавіемъ: „Anfangs-Gründe der Russischen Sprache"; въ этой краткой, элементарной грамматикѣ, состоящей изъ 10-ти главъ, объясняются части рѣчи, и вторая глава посвящена объясненію синтаксиса. Въ началѣ помѣщена русская азбука съ толкованіемъ произношенія буквъ напечатанныхъ нѣмецкими литерами: As, Buki, Wiedi, и т. д.; издатель говоритъ что всѣ буквы русской азбуки не имѣютъ равнаго употребленія, такъ напр. буквы ѵ и у, не разнятся въ произношеніи, потому и начали отбрасывать букву ѵ въ новѣйшей печати. По его мнѣнію, могли бы также поступить и съ буквами ѕ, и, ѿ, ѡ и ѳ, еслибы, кромѣ нѣкотораго орфографическаго различія, онѣ не изображали собою чиселъ. Въ заключеніе онъ говоритъ что предлагаемыя имъ здѣсь начальныя свѣдѣнія полагаетъ достаточными для начинающихъ, но что помянутыхъ свѣдѣній имѣется гораздо болѣе; что можно бы привесть кое-что касающееся Просодіи, но что изложенное здѣсь и безъ того превзошло предположенный имъ объемъ, и потому многое оставляется для болѣе обширнаго труда по этому предмету. Въ заключеніе, издатель обращается къ „благосклонному читателю" съ просьбою до тѣхъ поръ пользоваться этими немногими листами, несмотря на вкравшіяся въ нихъ погрѣшности.

Второе изданіе настоящей книги вышло подъ заглавіемъ: Вейсманновъ Нѣмецкій Лексиконъ съ Латинскимъ преложенный на Россійскій языкъ, при второмъ семъ изданіи вновь пересмотрѣнный и противъ прежняго въ разсужденіи Латинскаго и Россійскаго языковъ знатно пріумноженный. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1782 года. 4°. [1]—Третье и 4-е изданія съ заглавіемъ: Вейсмановъ Нѣмецкій Лексиконъ съ Латинскимъ, преложенный на Россійскій языкъ и проч. Изданіе 3-е. Спб. въ Типогр. Академіи Наукъ, 1799 г. 4°; и „Полный Нѣмецкій и Россійскій Лексиконъ и пр. новое изданіе. Спб. 1799 г."

Сообщаемъ здѣсь любопытное извѣстіе о происхожденіи лексикона Вейсмана, помѣщенное Бакмейстеромъ въ Russ. Bibl. X Band.

---

[1] Черк. Всеобщ. Библіотека Россіи, стр. 386. № 89.—Росп. Смирдина. Ч. IV. № 5996.

в. 118: „Лексиконъ Вейсманна получилъ названіе свое отъ Эренрейха, Эрика (Erycus) Вейсманна, родившагося въ 1641, и умершаго въ 1717 году, въ званіи герцогскаго совѣтника, настоятеля Маульброннскаго монастыря и генералъ-суперинтендента Виртембергскаго герцогства. Онъ составилъ латино-нѣмецкій лексиконъ (Lexicon Latino-Germanicum), изданіе котораго напечатано въ Штутгардтѣ 1674 года въ 8°. Но неизвѣстно, было ли оно первымъ, и состояло ли уже тогда изъ части нѣмецко-латинской. Въ одной старинной книжной росписи, третье изданіе указано напечатаннымъ подъ заглавіемъ: Eryci Weismanni Lexicon bipartitum Latino-Germanicum et Germanico-Latinum; Editio tertia auctior. Offenbachi. 1692. in 4°. Общее заглавіе 11 (одиннадцатаго) изданія напечатаннаго въ больш. 8°, слѣдующее: Eryci Weismanni Lexicon bipartitum Lat.-Germ. et Germ.-Lat. Editio undecima, in faciliorem ordinem redacta et multis partibus aucta et emendata: Cum praefatione Io. Aug. Ernesti. Francof. et Lips. 1758. Нѣмецко-Латинская часть озаглавлена особливо: „Pars secunda Lexici Germanico-Latina inserviens compositioni, voces et phrases Classicas debito ordine exhibens. Объ этой нѣмецко-латинской части, Эрнести въ одномъ изъ предисловій своихъ говоритъ, что она многократно умножена и исправлена.

Описывая второе русское изданіе лексикона Вейсманна (приведенное выше), Бакмейстеръ находитъ что оно совершенно сходно съ первымъ, какъ относительно внутренняго расположенія, такъ и формата; они оба, по разсмотрѣніи многихъ страницъ и сличеніи ихъ между собою, содержатъ въ себѣ до 14000 нѣмецкихъ словъ; относительно послѣднихъ, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣмецкихъ рѣченій, часто занимающихъ собою цѣлыя страницы, и равнымъ образомъ порядка ихъ расположенія, оба изданія совершенно одинаковы; если же и встрѣчаются отмѣны, то онѣ довольно рѣдки и незначительны. Упомянутый въ началѣ предисловія перваго русскаго изданія переводъ, не можетъ быть иной, какъ только русскій, а какъ онъ, о чемъ сказано въ томъ же предисловіи, былъ уже готовъ, и не могъ быть исполненъ только за нѣсколько лѣтъ назадъ возникшею академіею, что впрочемъ видно изъ русскаго правописанія, которое несомнѣнно старѣе бывшаго въ употребленіи въ 1731 году; то русскій переводъ лексикона могъ быть сдѣланъ еще въ XVII столѣтіи (?), между тѣмъ какъ въ переводѣ предисловія на русскій языкъ употреблено правописаніе 1731 года. Есть извѣстіе, говоритъ Бакмейстеръ, что трое изъ тогдашнихъ академическихъ переводчиковъ трудились надъ русскимъ переводомъ лексикона; но подъ этимъ едва ли не слѣдуетъ

разумѣть одно только исправленіе, печатаніе книги или корректуру. Второе изданіе 1782 года, не имѣетъ ни предисловія, ни даже извѣстія о порядкѣ расположенія лексикона; извѣстно что оно напечатано стараніемъ Протасова, члена Академіи Наукъ, и умершаго въ 1784 году, И. Стафенгагена; что же касается до „Начальныхъ основаній къ изученію русскаго языка", то они перепечатаны съ перваго изданія страница въ страницу и строка въ строку. Второе изданіе лексикона дѣйствительно, какъ упомянуто въ заглавіи, явилось въ печати по пересмотрѣ перваго, и умноженіи латинскаго и русскаго текстовъ; но этотъ пересмотръ весьма мало повліялъ на тексты всѣхъ трехъ языковъ [1], даже такъ, что относительно нѣмецкаго, лексиконъ остался тѣмъ же, что напечатанный первымъ изданіемъ. Исправлять нѣмецкій текстъ, по мнѣнію Бакмейстера, не стоило труда, который несомнѣнно представился бы весьма тяжелымъ, такъ какъ исправленіе правописанія устарѣвшихъ и вышедшихъ изъ употребленія нѣмецкихъ словъ и замѣна ихъ болѣе новѣйшими, повела бы къ перемѣщенію ихъ на иныя мѣста алфавита, не говоря уже о другихъ затруднительныхъ послѣдствіяхъ подобной работы; латинскія выраженія или переводъ нѣмецкихъ словъ и цѣлыхъ рѣченій въ рѣдкихъ мѣстахъ измѣненъ, но по большой части увеличенъ прибавленіями, которыя всѣ извлечены изъ латинской части вышепомянутаго одиннадцатаго изданія; впрочемъ, иныя изъ нихъ могли находиться въ нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ ему изданіяхъ. Вообще же одиннадцатое изданіе, за рѣдкими исключеніями, содержитъ въ себѣ весь нѣмецкій и латинскій тексты 2-го петербургскаго изданія, и сверхъ того, несравненно большее число словъ и рѣченій, какъ латинскихъ такъ и нѣмецкихъ.— Старинное русское правописаніе перваго русскаго изданія 1731 года замѣнено во второмъ новымъ, общеупотребительнымъ, вслѣдствіе чего глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи перемѣнили букву „и" на „ь", такъ напримѣръ: вмѣсто „дѣлати" „дѣлать"; и также окончанія: „я" на „ь", напр., вмѣсто „соглашаюся" „соглашаюсь", и т. п.; преимущественно же, русскій переводъ, встрѣчающійся подъ рѣченіями

---

[1] Бакмейстеръ приводитъ три примѣра такихъ исправленій послѣ пересмотра 1го изданія (Bacmeist Russ. Bibl. X Band. s 124).—У Сопикова при указаніи перваго петербургскаго изданія лексикона, сказано что переводчикомъ его былъ Сергѣй Волчковъ, но Бакмейстеръ въ Русск. Библ., равно и Пекарскій въ Истор. Акад. Наукъ, объ этомъ не упоминаютъ; хотя Волчковъ по основательному знанію нѣмецкаго языка, могъ если не перевести, то принять участіе въ переводѣ 2-го изданія лексикона.

или пословицами, увеличенъ многими прибавленіями [1]. —Всѣ изданія лексикона Вейсманна, какъ нѣмецкія, такъ и русскія, давно уже забыты; но первое академическое 1731 года, останется навсегда замѣмѣчательнымъ, какъ первая попытка нѣмецко-русскаго словаря напечатаннаго въ Россіи.—Студенту Ададурову —впослѣдствіи адъюнкту—поручено было составить русскую грамматику, которая въ 1731 году напечатана была въ видѣ прибавленія къ нѣмецко-россійскому Лексикону [2].

№ 15. Регламентъ Каммеръ-Коллегіи. На послѣдней страницѣ внизу: Печатано въ **Москвѣ** при Сенатѣ; Іюня 23 дня, 1731 году. Въ листъ. 36 нум. стр.

Сопик. Ч. 4. № 9714.—Смирд. Ч. 1. № 1961.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. Стр, 241. № 28.

Особливаго заглавнаго листа нѣтъ, но на первой страницѣ находится Указъ начинающійся словами: „Божіею Милостію Мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч., въ которомъ излагаются причины изданія и напечатанія вновь „Регламента Камеръ-Коллегіи“, даннаго ей Петромъ Великимъ при учрежденіи Коллегій, но нынѣ сообразно времени пополненнымъ, съ цѣлью достигнуть исправнаго, бездоимочнаго и своевременнаго поступленія въ казну таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ тому подобныхъ сборовъ „Регламентъ“ состоитъ изъ слѣдующихъ 35-ти пунктовъ: 1. Какимъ образомъ имѣть той Коллегіи надъ окладными и неокладными доходами надзираніе, и о сочиненіи окладной книги.—2. О собраніи всѣмъ доходамъ для сочиненія окладной книгѣ справедливыхъ, подробныхъ вѣдомостей.—3. О исправномъ Государственныхъ доходовъ платежѣ, и о присылкѣ Губернаторамъ по третямъ года подробныхъ рапортовъ.—4. О рассматриваніи государственныхъ расходовъ.—5. О мнѣніи окладныхъ книгъ подробныхъ подушному збору, и о рапортованіи по полу году.—6. Какимъ образомъ платить подушныя деньги.—7. О сочиненіи о приходѣ и о расходѣ въ губерніяхъ счетныхъ выписокъ, и о присылкѣ для счету и свидѣтельства въ Каморъ-коллегію, и объ отсылкѣ изъ той Коллегіи въ Ревизію.—8. О подтвержденіи Губернаторамъ и новымъ Воеводамъ, о зборѣ изъ доимокъ доходовъ, и по перемѣнѣ Воеводъ, во исправленіи ихъ, ка-

[1] Бакмейстеръ приводитъ къ тому примѣры: стр. 125—128.

[2] Сборникъ матеріаловъ для Истор. Акад. Н. А. Куника, стр. XI.

кимъ образомъ Губернаторамъ съ ними поступать.—9. О ненакладываніи Каморъ-Коллегіи вновь зборовъ, такожъ и старыхъ о перемѣнѣ, собою чинить не должно.—10. О доходахъ Коммерцъ и Бергъ—коллегіи имѣть вѣдомости, и о товарахъ въ отпускѣ заморской, какимъ образомъ съ Коммерцъ-коллегіею корреспондовать.—11. О сношеніи о приходѣ и о расходѣ Каморъ-коллегіи съ Штатсъ-Канторою, и о рассматриваніи штатовъ.—12. Какимъ образомъ Каморъ-коллегіи съ Ревизіонъ коллегіею въ счетахъ, и кто въ неисправленіи явится, поступать.—13. О корреспонденціи Каморъ-коллегіи съ Губернаторами.—14. О учиненіи въ Каморъ-коллегіи въ откупахъ, подрядахъ контрактовъ до 10.000 рублевъ, а которые отъ 10.000 рублевъ и свыше, о тѣхъ съ апробаціи Сенатской.—15. Какимъ образомъ отданные на откупъ зборы уравнять, дабы иссчислялись съ начала года, и о платежѣ доходовъ по третямъ года исправно, и о репортованіи о томъ Губернаторамъ въ Каморъ Коллегію.—16. О пріобрѣтеніи вновь зборовъ, отъ которыхъ бы народной тягости не было, а безъ указу о такихъ вновь зборахъ позволенія не давать.—17. Съ какой предосторожностію на откупы отдавать, и о томъ публикаціи чинить.—18. О продажѣ казенныхъ всякихъ товаровъ.—19. Какимъ образомъ подряды чинить.—20. Объ отдачѣ таможенныхъ, кабацкихъ и протчихъ подобныхъ зборовъ на ратуши.—21. Объ отдачѣ подрядовъ и откуповъ купецкимъ людямъ того города, въ которомъ оное будетъ чиниться, ежели другихъ городовъ свыше того давать не будутъ.—22. Какихъ откупщиковъ, подрядчиковъ и тѣхъ, которые казенные товары покупать будутъ, до того допускать, и въ вѣрности ихъ и попутчиковъ свидѣтельство имѣть.—23. Какимъ образомъ о откупщикахъ и подрядчикахъ и о ихъ порутчикахъ, ежели они не въ состояніи, поступать, и о дачѣ имъ сроковъ, также о выдачѣ по контрактамъ подрядчикамъ денегъ безъ удержанія.—24. Объ отдачѣ Губернаторамъ таможенныхъ и кабацкихъ и всякихъ оброчныхъ статей на откупы, до коликой суммы поступать должно.—25. Ежели откупщикъ по прошествіи первой трети въ платежѣ явится неисправенъ, то какъ поступать должно.—26. О пожалованныхъ дворахъ, лавкахъ, деревняхъ, по смерть.—27. О исправной отдачѣ положенныхъ на адмиралтейство зборовъ —28. О казенныхъ винокуренныхъ заводахъ и рыбныхъ промыслахъ.—29, О содержаніи въ уѣздахъ въ добромъ порядкѣ дорогъ и мостовъ чрезъ рѣки, гостиныхъ дворовъ и магазиновъ.—30. О содержаaіи въ добромъ порядкѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ; такожъ па оные и па винокуренные заводы лѣсовъ, чтобъ напрасно не рубили.—31. Какимъ образомъ той коллегіи Президенту, Вице-Президенту надъ тою колле-

гіею генеральную дирекцію и смотрѣніе имѣть.—32. О росписаніи экспедицей и въ нихъ членовъ.—33. О присылкѣ Губернаторамъ о таможенныхъ и кабацкихъ и прочихъ канцелярскихъ зборахъ, по третямъ, и о подушномъ полугодовыхъ репортовъ —34. О запискѣ присылаемыхъ о доходахъ репортовъ въ записную книгу.—35. О сочиненіи о приходѣ и о расходѣ изъ присылаемыхъ вѣдомостей генеральной табели.—Подлинной за подписаніемъ Собственныя Ея Императорскаго Величества руки.—

Кромѣ настоящаго изданія „Регламента" камеръ-коллегіи въ „Опытѣ" Сопикова указаны изданія: 2-е напечатанное въ С.-Петербургѣ 1765 г. и 3 е въ Москвѣ 1802 г. Въ „Росписи" Смирдина, изданіе 1803 г., въ Москвѣ, напеч. въ типогр. Селивановскаго.

№ 16. Морскій пошлинный **Регламентъ** или **Уставъ** повелѣніемъ **Ея Императорскаго Величества** въ Москвѣ напечатанъ; а въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ съ Россійскаго оригинала на Нѣмецкій языкъ переведенъ; къ которому присовокупленъ реэстръ и придатокъ о заключенномъ въ вѣчныя времена, между Россійскою Имперіею и Датскою Короною, трактатѣ о салютаціи на морѣ. Neues See-Zoll-**Reglement** Auf allergnädigsten Befehl **Ihro Kayserlichen Majestät** durch den Druck zu Moskau publiciret. Nach dem Ruszischen Original übersetzet, und mit einem Register versehen. Nebst einem Anhange, von dem zwischen Ruszland und Dännemarck geschlossener ewigen Salutations-Tractat zur See.— **St. Petersburg**, bey der Academie der Wissenschafften. 1731. 4°. 14 ненум. стр. (реэстръ главамъ) изъ которыхъ страницы по счету: (10-я, помѣчена цифр. 134; 12-я—128 и 14-я, 133), и 135 нум. стр.

Сопик. Ч. 4. № 9719.—Плавильщиковъ. Ч. 11. № 2117.—Смирд. Ч 1. № 1723 (4°).—Библ. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1845, стр. 201. № 635.

Напечатанъ столбцами нѣмецкій переводъ [1] на правой, и русскій текстъ на лѣвой сторонѣ. Въ началѣ, на 14-ти страницахъ помѣщенъ: „Реестръ морскаго пошлиннаго регламента главамъ и артикуламъ"; самый регламентъ состоитъ изъ пяти главъ, раздѣленныхъ на девяносто девять артикуловъ, объясняющихъ въ подробности содержаніе рег-

---

[1] Нѣмецкій переводъ едва ли не принадлежитъ Адодурову, на которомъ лежала обязанность вообще все особенно важное въ академической конференціи, переводить, то на русскій, то на нѣмецкій языкъ". Истор. Акад. Наукъ П. Пекарск. Т. I, стр. 505.

ламента:“ Глава 1-я. О корабляхъ приходящихъ и отходящихъ, какъ являться, объявленіи подавать, выгружаться, и о лихтерахъ, и за какія вины штрафованы будутъ, ежели въ противность поступятъ.— Глава 2-я. О купцахъ или хозяевахъ товаровъ, какъ имъ объявленіи въ настоящей таможнѣ подавать, и о невѣрныхъ объявленіяхъ, и о конфискаціяхъ, и о пошлинахъ и о мѣлочныхъ зборахъ.—Глава 3-я. О посылкѣ деклярацій и объ отпускѣ кораблей въ настоящую таможню.—Глава 4-я. О таможенныхъ служителяхъ, какъ съ ними и имъ съ другими порядочно поступать и о награжденіи изъ конфискованнаго, и о проронкахъ въ счетахъ, и о доносахъ въ утаикѣ товаровъ.— Глава 5-я. О торгующихъ Россійскихъ подданныхъ на собственныхъ въ Россіи дѣланыхъ, и на покупныхъ, и на наемныхъ чужестранныхъ корабляхъ, какой быть пошлинѣ при портахъ Санктпетербургскомъ, Архангелогородскомъ, Колскомъ и Пустоозерскомъ.—На послѣдней, 107-й страницѣ, подъ указомъ: „Подлинной за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества Собственныя Руки, Марта 31 дня 1731. Печатанъ въ Москвѣ въ Сенатской типографіи 9 дня Апрѣля, 1731 года. Слѣдуетъ приложеніе къ „Регламенту“, подъ заглавіемъ: „Новыя Салютаціи, Трактатъ между Россійскою Имперіею и Датскою Короною сочиненъ“; и на слѣдующей страницѣ: „Трактатъ Салютаціи между Россійскою Имперіею и Дацкою короною, заключенный въ вѣчныя времена, чрезъ уполномоченныхъ съ обоихъ сторонъ въ Москвѣ, Октября въ 30 день 1730. Онъ состоитъ въ 19 пунктахъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ сказано: „Ратификаціи настоящаго о салютаціи трактата съ обоихъ сторонъ въ 75 дней отъ числа подписанія изготовлены, и здѣсь въ Москвѣ размѣнены, и потомъ оной не токмо въ адмиралтействахъ обоихъ государей, но и вездѣ при Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ, лежащихъ въ Россійскихъ и Дацкихъ приморскихъ городахъ, для извѣстія всенароднаго публикованъ быть имѣетъ.“

Во увѣреніе всего того отъ вышеписаннаго о салютаціи трактата, два единогласящіе ексемпляра сочинены отъ обоихъ сторонъ министровъ по имѣющимъ полномочіямъ, собственноручно припечатаны, и тако подписаны, печатьми ихъ размѣнены, еже учинено въ Москвѣ Октября 30 дня, 1730 году. Слѣдуютъ подписи Канцлера Графа Головкина, Вице-Канцлера, графа Остермана и Г. Г. Вестфалена.— Второе изданіе „Регламента“ перепечатано въ С.-Петербургѣ, въ 1775 году; въ „Опытѣ“ Сопикова, ч. 5, № 12235, указанъ: „Уставъ морской пошлинный“. Спб. 1724 г. въ листъ; но въ изслѣдованіи Пекарскаго: „Наука и Литература въ Россіи при Петр. В.“ т. 2-й, подъ 1724 годомъ, книги съ этимъ заглавіемъ не находится.

№ 17. **Календарь* или Мѣсяцословъ* Історіческіи* и Генеалогіческіи*.** На лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1731* † Указующіи **Затмѣнія Лунная и Мѣсячная Рожденія и Полныи Мѣсяцъ съ Четвертми.** Также время солнечнаго восхожденія и захожденія; долгоденствіе, долгонощіе и теченіе луны въ зодіакахъ на всякіи день. **Учіненныи по Меріdіану и Шірінѣ царствующаго Санктъ-Петербурга, Москвы,** и протчихъ знатныхъ городовъ.—Напечатанъ въ **Санктпетербургѣ** въ Типографіи Академіи Наукъ м. 8°. 98 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). Въ текстѣ двѣ фигуры съ изображ. солнечнаго и луннаго затмѣнія и рудомета. Отмѣченныя звѣздочкой слова и цифра года, напечатаны киноварью.

Справочн. Слов. о Русск. писат. и ученыхъ и Списокъ русск. книгъ Геннади, т. 2, стр. 93 а. Магазинъ. Землевѣден. и Путешествій географич. сборникъ, изд. Н. Фроловымъ. М. 1854 г. т. III, стр. 535.

Въ Календарѣ 1731 года, четвертый столбецъ первой страницы каждаго мѣсяца, въ которомъ до того обыкновенно помѣщались аспекты планетъ, испещренъ топорами, ножницами, крестами и проч., и ежедневными предсказаніями погоды; даже являются здѣсь предсказанія сѣверныхъ сіяній, (начатыя съ августа 14-го, продолжаемыя съ сент. 17-го и 18-го, октябр. 8-го и 9-го, и въ ноябрѣ 29-го и 30-го числ.). Праздники и знаки солнца и луны напечатаны киноварью. Между торжественными днями отмѣчены слѣдующіе: Генваря 19. Возшествіе на Россіискіи Престолъ Ея Імператорскаго Велічества Анны Іоанновны. 28 го, Рожденіе Ея Імп. Велічества (род. въ 1693 г.. 37-й годъ). Февраля 3. Тезоименитство Ея Імп. Веліч. Апрѣля 18. Коронованіе Ея Імп. Веліч. въ 1730 г. 2-й годъ Іулія 30. Рожденіе Государыни Царицы Евдокіи Θеодоровны. Августа 4 Тезоименитство Ея Велич. Сентября 5. Тезоименитство Государыни Цесаревны Элисаветы Петровны. 24. Рожденіе Государыни Царевны Параскевы Іоанновны (род. въ 1695 г., 36 годъ). Октябрь 14. Тезоименитство Государыни Царевны Екатеріны Іоанновны, Герцогини Мекленбургъ Шверінгскія (род. 1692 г., 39 годъ). Ноябрь 24. Тезоименитство Царевны Екатеріны Іоанновны. Декабря 3. Рожденіе Елісаветы Катерины Хрістіны, Прінцессы Мекленбургъ Шверінгскія (род. 1718 г. 15 л.). 18. Рожденіе Ея Высочества Государыни Цесаревны Елісаветы Петровны (род. 1709 г. 22-й годъ).

За святцами, на послѣдней страницѣ находится таблица съ показаніемъ „стоянія планетъ на первый день каждаго мѣсяца"; за тѣмъ

слѣдують: I. Изъявленіе знаковъ: 1. Планеты. 2. Знаки и имена 12 Зодіи. 3. Знаки Аспектовъ. 4. Знаки Временъ. 5. Знаки въ которые дни сѣмена сѣять, садить, лѣсъ рубить, лѣкарство принимать, кровь пускать жильную и рожечную, волосы стричь; причемъ отмѣчены благополучные и неблагопучные дни. Противъ каждаго изъ вышеозначенныхъ дѣйствій поставлены соотвѣтствующіе имъ знаки, какъ-то: вѣтка, топоръ, рожокъ, ножницы и проч.—6. Знаки мѣсячные.—II. Хронологія Вещей Достопаматныхъ, гдѣ между прочимъ показано: отъ рожденія Ея Імператорскаго Величества Анны Іоанновны 38 лѣтъ, и отъ Коронованія 2 года. Затѣмъ слѣдуетъ весьма замѣчательный, писанный виршами „Прогностікъ“ на 1731 годъ, содержащій предсказанія съ наставленіями на каждый мѣсяцъ означеннаго года, о чемъ объявлено въ концѣ „прогностика“: „Присемъ вѣдать надлежітъ, что сеи прогностікъ только до тѣхъ касается, которыя во всякомъ мѣсяцѣ нынѣшняго 1731 года родиться имѣютъ“. Эти предсказанія съ наставленіями содержащіяся въ весьма плохихъ виршахъ довольно своеобразны, потому и выписываются здѣсь вполнѣ:

Генварь.

Хоть нынѣ зима стужу намъ и прибавляетъ
Но въ нѣкоторыхъ пожаръ домахъ запылаетъ.
Тѣмъ надлежитъ всякому жить мѣрно, опасно
Чтобъ потомъ о противномъ не тужить всечасно.

Кто въ Генварѣ родітся: будетъ роста средня
и статна, любимъ музы: ему ссора предня.
Также и воина вездѣ случатся щастливы,
будетъ въ дняхъ долгіхъ, полныхъ, какъ въ соку Оливы.

Февраль.

Блюди здоровье: многихъ побилъ Марсъ сердитои,
буде такъ драгои вещи, какъ изъ мѣди слітои
Болванъ; не побережешь, то слово не ложно
На тебѣ все сбудется мое не отложно.

А ктобъ въ семъ мѣсяцѣ имѣлъ народиться,
съ любовными бѣдами часто ему биться.
Гласъ тонкіи, на ліцѣ знакъ своемъ возъимѣетъ,
много досадъ ему злость лицъ знатныхъ подѣетъ.

Мартъ.

Часто лукавыхъ друзей лицемѣрны лицы
въ бѣду тя ввесть потщатся, какъ вредны лисицы.
Но буде осторожно ты съ ними поступишь,
то безъ вреда на нихъ всѣхъ въ смѣлости наступишь.

Кто въ семъ мѣсяцѣ на свѣтъ возъимѣетъ выти,
съ долгои шеѣи и съ горбомъ нада тому быти.
Болѣзни, въ торгу накладъ, въ дорогѣ напасти
часто потерпитъ: въ полкахъ можетъ въ честь попасти.

Апрѣль.

Зная какъ твоихъ надлежитъ управлять домашнихъ
ибо тѣ въ невѣрностяхъ бываютъ всегдашнихъ,
Живи въ теплѣ и мѣрно, не пеи пойла силна,
А иначе, то твои домъ и жизнь будетъ хилна.

Кто въ Апрѣлѣ родится, будетъ лба высока
и губъ великихъ, также лукавства глубока.
Возъимѣетъ богатство много, купно чести:
но вдругъ великіи уронъ все имѣетъ съѣсти.

Маіи.

Нынѣ земля всѣ парй свои отворяетъ
весь снѣгъ на лицѣ ея зѣло скоро таетъ
Выходятъ злыя парй изъ оныя многи:
люби по утру, въ вечеръ, тѣмъ твои чертоги.

Кто въ Маи на свѣтъ выдетъ, будетъ роста мѣрна,
много бѣдъ ему подастъ сія жизнь невѣрна
Будетъ взгляденъ и знатенъ, всѣми ненавідімъ
безъ бережи, водою и огнемъ обидимъ.

Іюнь.

Кто съ умѣренностію всю зиму провождалъ,
тотъ бы убытку теперь никакова не ждалъ,
Примать лекарство нада, также жить свободно,
и ставити все то на столъ, что кому угодно.

Кто въ Іунѣ родится, тотъ сухощавъ будетъ
правымъ худъ глазомъ, и бѣдъ разныхъ не избудетъ
Какъ на земли, такъ и въ мори. Въ протчемъ лица знатны
ему, гдѣ бы онъ ни былъ, всѣ будутъ пріятны.

Іуль.

Мужъ разумныи и во всемъ прямъ и не хвастливыи
много добра получитъ вездѣ есть щастливыи
Нада ему беречься отъ зависти дивно,
иначе можетъ ему случится противно.

Кто въ Іулѣ родится, тотъ велики очи
будетъ имѣть, и много надъ другими мочи,
Лице свѣжо и бодро, пользу въ земледѣлье,
отъ того наслѣдіе даетъ ему веселье.

Августъ.

Богатыи корабль домои прибудетъ щастливо,
товары всѣ выгрузитъ очюнь бережливо;
Держи исправны книги, также всяки щеты,
и такъ богатство долги умножишь на лѣты.

Кто въ Августѣ родится, пригожъ и дородныи
быть имѣетъ, а князья и всякъ благородныи
Любовъ его возведутъ весма въ честь высоку,
Здравъ оныи будетъ до своего року.

Сентябрь.

Прощаи преступленія всегда твоимъ біжнымъ,
такъ будешь послѣдовать совѣтамъ всѣмъ книжнымъ
Наичасто велики рождаются ссоры:
щастливъ, кто знаетъ свои сдержать разговоры.

Кто въ Сентябрѣ родится, лице будетъ бѣло
тому въ здравіи, въ щастіи смугловато тѣло,
Особливо полюбитъ онъ весь чинъ духовныи
отъ того будетъ богатъ, также многословныи.

Октябрь.

Наказуи часто словомъ, лозои твои дѣти,
такъ велико тѣ будутъ щастіе имѣти:
Не допускаи къ бѣдамъ оныхъ и напастемъ
не пустишь скоро къ смерти; также къ мірскимъ сластемъ.

Кто въ Октябрѣ родится, имѣть глаза малы
будетъ; лице коротко, во всемъ неусталы.
Нещастливъ и на воинѣ и въ духовномъ чинѣ
индѣ въ благополучнои можетъ быть прічінѣ.

Ноябрь.

Не презирай никогда, не ищи чюжова
Не хвали свово добра, иногда худова,
Такъ слыть ни завистнымъ, ни гордымъ не станешь,
а у всѣхъ за разумна повсюду прославешь.

Кто въ Ноябрѣ родится, быти взгляденъ собою
имѣетъ: слабъ, но щастливъ на Марсовомъ бою,
Отъ знатныхъ любимъ, также будетъ онъ возвышенъ
хорошо, когда бъ не былъ отъ того онъ пышенъ.

Декабрь.

Добрыи совѣтъ и разумъ многи соблюдаетъ
Земли, также и часто ихъ опровергаетъ
Небо только навсегда добрымъ сердцемъ любитъ
а злоба съ безчестіемъ сама себя губитъ.

Кто въ Декабрѣ родится, будетъ роста мала
Ликъ долгои, красоту власъ, что ему прістала
Возъимѣетъ: а вышекъ нада опасаться
И волокитныхъ тяжбъ, чтобъ не проиграться [1].

III. О Затмѣніяхъ сего Года. Содержаніе статьи состоитъ въ обстоятельномъ описаніи имѣющихъ быть въ 1731 году солнечномъ и лунномъ затмѣніяхъ; причемъ объясняются причины, по которымъ объявляется о нихъ въ Календаряхъ; здѣсь же въ текстѣ находятся два чертежа, изображающіе помянутыя затмѣнія.—IV. О четырехъ временѣхъ года. Объясняются причины распространенія выше помѣщенныхъ въ Календарѣ предсказаній; статья начинается любопытнымъ сравненіемъ „Піитовъ" съ „Календарщиками", и разсужденіемъ о необходимости Календаря. Авторъ статьи говоритъ: „уже изстари о Піитахъ сказано, что они къ пользѣ и увеселенію народа охотно услужить желаютъ; тоже и о Календарщикахъ разумѣть надлежитъ, ибо

[1] Эти вирши, по мнѣнію нашему, принадлежатъ Тредіаковскому, и едва ли подобное предположеніе не будетъ справедливымъ, если разсмотрѣть внимательно слогъ, также нѣкоторыя особенности правописанія, и сравнить настоящія вирши съ другими произведеніями въ стихахъ и прозѣ помянутаго писателя, то можно придти къ заключенію о принадлежности ему какъ „Прогностика", такъ и нѣкоторыхъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ Календарѣ 1731 года. Тредіаковскій въ 1731 году считался уже на службѣ въ Академіи Наукъ.

безъ нихъ народу почти и обоитися нельзя, и въ порядочномъ домостроительствѣ безъ Календаря, такъ слово въ слово, какъ безъ зеркала или какія нибудь другія въ домѣ потребныя вещи пробыть невозможно. Но они же служатъ и къ увеселенію, понеже какъ извѣстно есть, что многіе любопытные головы чрезъ весь годъ, однимъ глазомъ на Календарь и на его пророчества, а другимъ на погоды и случаи міра смотрятъ: и буде случится, что одно съ другимъ сходно, то они тѣмъ забавляются, что изъ толь многихъ Календарскихъ провѣщаній, одно или два удалися, а буде и ничего не удастся, какъ то почти всегда случается, то и тѣмъ паки веселятся. И понеже уже такъ сталося, то мы ту забаву весма нехулимъ, которая бываетъ съ разумомъ и осторожностію, но оныя всякому охотно желаемъ. Мы было съ начала въ прежнихъ нашихъ Календаряхъ всѣ предсказанія и угадки весма оставили; и потомъ когда ихъ и потребовали, не очюнь много употребляли. Но понеже мы часъ отъ часу больше слышимъ, что нынѣшній живой народъ помянутыя забавы весма не хочетъ лишиться, но еще нѣкоторое право къ тому требуетъ, того ради, мы желая оное хотѣніе исполнити, обязаны были, нынѣ въ нашихъ предсказаніяхъ чивѣе поступить, нежели какъ оное прежде учинено; и не сомнѣваемся, что сеи драгія талантъ, о которомъ не всякъ похвалиться можетъ, чрезъ употребленіе, со временемъ у насъ такъ умножится, что мы впредь и наибольшихъ до новинъ охотниковъ отъ части возможемъ удоволствовать. Однакожъ мы весма не надѣемся чтобъ то, что мы напередъ угадываемъ, очюнь праведно было; и понеже такъ часто подобныя симъ предсказанія не сбываются, того ради мы всякому на разсужденіе оставляемъ, что на толь малое число копеекъ, по скольку Календари покупаются, не очюнь много правды купить можно"[1]. Слѣдующія статьи: 1. О зимѣ, веснѣ, лѣтѣ и осени, содержатъ въ себѣ предсказанія о погодѣ означенныхъ временъ, въ 1731 году[2].—V. О протчихъ сего 1731 г. случаяхъ. Шуточная статейка,

[1] Статейки эти показываютъ, какъ тогдашніе добросовѣстные „Календарщики" всячески старались отклонить отъ себя честь быть пророками или предсказателями; но суевѣріе и жажда знать будущее были, особливо въ то время присущи, за малымъ исключеніемъ, всѣмъ сословіямъ общества; такъ что издателямъ Календарей оставалось, изъ опасенія плохой ихъ распродажи, угождать насколько можно господствующему вкусу.

[2] Современники Крафта, и товарищъ его по Академіи, Штелинъ, сохранили извѣстіе, что императрица Анна чрезвычайно вѣрила въ астрологическія предсказанія съ тѣхъ поръ, какъ сочинитель Курляндскихъ Календарей, докторъ Бухнеръ удачно предсказалъ ей, что она вступитъ на русскій престолъ.

принадлежащая по видимому одному и тому-же перу съ предыдущей; авторъ возвращается къ „Календарщикамъ" и говоритъ: „несмотря на то, что ихъ считаютъ состоящими въ тайной корреспонденціи съ небомъ и звѣздами, и хотя существуетъ мнѣніе, что звѣзды въ тихомъ своемъ теченіи, примѣчая все, что творится на землѣ, астрономамъ, какъ своимъ повѣреннымъ, ово то, ово другое на ухо сказываютъ; послѣднимъ въ этомъ вѣрить неосновательно, такъ какъ звѣзды, видя что знаніе астрономовъ повергаетъ живущихъ на землѣ, ово въ суетную печаль, ово же въ радость, прекратили съ своими агентами всякія дружескія сношенія, вслѣдствіе чего астрономы или Календарщики, просятъ себѣ хоть малаго снисхожденія, особливо въ предсказаніяхъ на нынѣшній годъ войны и мира". Несмотря однако на эти благоразумныя разглагольствія, далѣе слѣдуютъ опять предсказанія о плодородіи, съ наставленіями огородникамъ и земледѣльцамъ; относительно здоровья, авторъ статьи говоритъ между прочимъ „что всякъ очюнь хорошо здѣлаетъ, ежели вмѣсто Календаря, природному и неповрежденному своему хотѣнію послѣдовать будетъ; сіе хотѣніе есть безъ сомнѣнія самыи лучшіи лекарь, и его аптекарь есть воздержаніе, такая дѣвица (?!), которую не многіе знаютъ..." Не забытъ и рудометъ, которому въ заключенье статьи дается такая рекомендація: „онъ какъ слышно, по сіе время себя изрядно содержалъ, и многихъ отъ медіческого совѣта избавилъ, потому и представляется къ дальнѣйшей услугѣ".—VI. О употребленіи сего Календаря. Двѣ таблицы показывающія солнечное восхожденіе и захожденіе въ городахъ: Ригѣ, Архангельскѣ, Астрахани, Кіевѣ и Тобольскѣ; за тѣмъ слѣдуютъ Присовокупленіе о Земледѣльствѣ и Домостроительствѣ, содержащее въ себѣ разсужденіе о сѣмени и удобномъ времени для посѣва; въ концѣ помѣщены слѣдующія, вновь появившіяся примѣчанія: „Нева стала, и ходить по ней начали Ноября 30 дня 1729 года, а прошла Апрѣля 12 дня, 1730 года; склоненіе магнита прошлаго 1730 года, было 4 градуса, 40 минутъ къ западу.—Въ продолженіи „Извѣстія о землѣ

Потому государыня часто обращалась въ Академію, требуя отвѣтовъ на свои вопросы и задачи. „Сіе дѣло" говоритъ Штелинъ, „всегда касалось до тогдашняго профессора Крафта.." Часто при долговременной ненастной погодѣ, посылала императрица въ Академію съ вопросомъ, когда перемѣнится погода? Профессоръ Крафтъ всегда отвѣтствовалъ по своему счисленію, какъ то самъ публично въ Академіи разсказывалъ, и отвѣты его всегда въ означенный день и полнялись для подкрѣпленія императорской благосклонности къ Академіи. (Stählin's Original Anecdoten von Peter dem Grossen. Leipzig. 1755. 357 и „Москвитянинъ" 1842. I. 50). Истор. Акад. Наукъ, т. I, стр. 461—462.

Камчаткѣ", составители Календаря извѣщаютъ, что они два года тому назадъ сообщали „благосклонному читателю" различныя свѣдѣнія о землѣ Іессо, причемъ сознаются что принимали эту страну за одну и ту же съ Камчаткою [1]; но въ прошедшемъ году, они новыми извѣстіями исправили свою погрѣшность, и надѣются впредь предложить публикѣ таковыя же, но болѣе вѣрныя и обстоятельныя. Далѣе сообщаются свѣдѣнія о заслугахъ бывшаго въ Тобольскѣ, въ концѣ XVII столѣтія, судьею сибирскаго приказа, голландца Андрея Виніуса, и Якутскаго воеводы Дорофея Траунихта, которые изъ усердія къ пользѣ Россіи, рѣшились на походъ за горы, по ту сторону рѣки Лены, о чемъ первый изъ нихъ предлагалъ въ государственномъ московскомъ правленіи, на что и получилъ всемилостивѣйшій указъ. Начальство надъ экспедиціею ввѣрено было Траунихтомъ пятидесятнику Атласову, который и былъ отправленъ съ достаточнымъ числомъ людей въ послѣднихъ числахъ августа, 1699 года; потомъ слѣдуетъ подробное извѣстіе самой экспедиціи [2].—Въ концѣ Календаря помѣщенъ „Штатсъ-Календарь" указующіи дни рожденія высокихъ фамиліи на 1731 годъ.

1732.

№ 18. Панегирикъ или Слово похвальное Всемилостивѣйшеи **Государынѣ Імператріцѣ** самодержицѣ всероссіискои **Аннѣ Іоанновнѣ** чрезъ всеподданнѣйшаго Ея Величества раба **Васілья Тредіаковскаго** сочиненное, и Ея Імператорскому Величеству въ день Тезоименитства Ея поднесенное Февраля въ 3 день 732 года. Нынѣ же повелѣніемъ Ея Імператорскаго Величества напечатанное въ Санктпетербургскои типографіи Академіи Наукъ. MDCCXXXII. 4°. 19 нум. стр.

Сопик. ч. 4. № 8071.—Словарь Русск. Свѣтскихъ Писателей митр. Евген. т. II, стр. 214.—Избранн. сочиненія Тредіаковск. изд. П. Перевлѣсскаго. М. 1849, стр. XXVI.—Библіот. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1845, отд. II, стр. 194. № 551. Исторія Акад. П. П. Пекарскаго. Т. II, стр. 31.

Тредіаковскій въ началѣ своего панегирика, напоминаетъ о первомъ своемъ представленіи государынѣ, и говоритъ ей: „Когда первѣе лице твое Всемилостивѣишая Государыня Імператріца, Самодержица Всероссійская, сподобился я видѣть, и припадая къ стопамъ Величества

---

[1] См. Календарь на 1729 г., № 12.

[2] Подробности о путешествіи Атласова въ „Магаз. Землевѣд. и Путешеств." т. III, стр. 536—537.

Вашего, должность всеподданнѣйшаго раба предъ тобою учинить; тогда всемилостивѣйше повелѣть изволила, чтобъ каковое нибудь слово я сочинилъ.

Исполняя оное Вашего Величества повелѣніе, изложилъ я слово, но слово похвалы Вашего Величества гласящее; ибо въ чомъ бы я лучше моглъ упразднится какъ въ оныхъ, которыя всѣмъ за общую имѣются матерію?...“—Расточая похвалы императрицѣ, панегиристъ изображаетъ между прочимъ, величіе ея слѣдующими словами: „ибо по истиннѣ, чтобы Всеблагіи Богъ не даровалъ Величеству вашему, по внѣшнему Величества достойное? чѣмъ бы не украсилъ въ Величествѣ Вашемъ самое Величество? Главу тебѣ далъ достоиную вѣнца, руцѣ достоиныя Скиптра, всего тѣла станъ достоиныи Порфѵры....“ Затѣмъ, упоминая о подслушанномъ имъ по словамъ его „народномъ гласѣ“ говоритъ: „не надлежитъ тамо имѣть доводовъ къ утвержденію, гдѣ самая вещь истиннѣишимъ есть доводомъ. И ежели народныя рѣчи годно есть присовокупить здѣсь; то единъ и единодушныи у многихъ слышать случилось мнѣ гласъ сеи, якобы всѣ согласившеся со мною:

То-то есть прямая Царица!
То-то бодра Імператріца!

Причемъ онъ объясняетъ причину этихъ „подслушанныхъ“ имъ въ народѣ словъ: „сія въ простыхъ народа сердцахъ ревность, сіе восклицаніе гласа, сіе искреннѣишее слово на языкѣ, ни отъ чего инаго, какъ отъ величественнои Высоты Величества Вашего, вседостоиныя Престола причиняется....“

Тредіаковскій для большаго прославленія твердости и энергіи государыни, намекаетъ въ „Панегирикѣ“, на заговоръ и дѣйствія верховниковъ, имѣвшихъ цѣлью ограниченіе самодержавія; что и выражаетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ; или лучше вопросахъ: „Кто печаль нашу на радость преложила, когда лишилися мы младаго Монарха въ цвѣтѣ своея жизни съ горестію отъ насъ отъятаго? Кто бѣспующихся помышленія, тогда вредныя всему Государству искоренила, а насъ всѣхъ въ прежнемъ послушаніи съ веселіемъ нашимъ благоволила оставить? Кто миръ и тишину нынѣ намъ даровала? И на каждый изъ вопросовъ сочинитель „Слова“ даетъ одинъ отвѣтъ: „Самодержица Анна. О имене достоинаго Самодержицы Всероссіискія! и Самодержицы Всероссіискія достоиныя имене!...“ Послѣ сравненія императрицы съ Петромъ Великимъ и упоминая „объ общемъ чаяніи быть сей величаишею“, панегиристъ возвращаясь къ побѣдѣ Анны надъ верховниками, продолжаетъ: „Разсуждая начало царствованія

онаго, ни когда довольно всѣми оплакуемаго Імператора, (Петра В.) и царствованіе Вашего Величества, таковыя жъ и подобныя напасти злыми и Богоненавистными душами умышленныя противу обоихъ обрѣтаемъ, но родомъ и видомъ различныя.... Но изчезли злыя злѣ въ самомъ начаткѣ, погибли проклятыя души и сердца; погибла и память ихъ съ шумомъ. Тако погибнутъ и всѣ злобою дышущи зміиною: помазанніи елеемъ царствованія, елеемъ радости, никогда прикосновеніи быть не могутъ..." (Панегир. стр. 9—10). Не довольствуясь безмѣрными хвалами такъ щедро расточаемыми воспѣваемой имъ государыни, Тредіаковскій, какъ подобаетъ „піитѣ" какъ бы затрудняясь чему ее уподобить, возноситъ ее на Олимпъ, гдѣ отводитъ ей мѣсто выше „Пандоры" излюбленной богами: „Баснь оныя Пандоры почтенныя отъ Боговъ всѣмя дарами, тѣмъ наипаче презираемъ, что истинную въ тебе Пондору всѣми дарованіями и добродѣтельми внѣшними и внутренними возвеличенную почитаемъ.... Перестали уже мы удивляться историческимъ оным Царицамъ, Семірамидѣ и Тамурідѣ; изящненшу тебе не сравненно Імператріцу прославляемъ и имѣемъ Анно! (Панегир. стр. 11).

За „Словомъ" слѣдуетъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: Стіхи Всемилостивѣишеи Государынѣ Імператріцѣ, Самодержицѣ Всероссіискои по Словѣ Похвальномъ (стр. 13—14). Приводимъ здѣсь двѣ начальныя строфы:

«О Імператріце Велика!
Падающаго вѣка Атласъ!
Священны вознесшися крилы
Надъ всѣмъ свѣтомъ простирается.
Тебе поютъ гусли, кимвалы,
Тебе славятъ трубы громъгласны
Воспои Самодержицу, Воспои Муза, Анну.
Излии на насъ днесь благодати,
Возведи въ лицѣ на насъ свѣтломъ
Зрака твоего сіяніе;
Милостію всѣхъ насъ осѣни,
И покрои щедротою купно:
Отъ тебе мы вѣчно зависимъ.
Воспои Самодержицу, Воспои, Муза, Анну...»

и экспромтъ, замѣчательный своимъ заглавіемъ: „Эпіграмма, произнесенная предъ Ея Імператорскимъ Величествомъ, когда въ первыя сподобился я быть допущенъ до Священнѣишія Ея Імператорскаго Величества Руки:

«Пускаи тѣ злато, другй честь Высоку
Любятъ, тѣ имѣтъ во всемъ власть широку.
Но мнѣ сеи токмо верхъ есть славы данныи
Что Величества Вашего подданныи».

На страницѣ 16-й помѣщена: Рѣчь поздравительная Ея Імператорскому Величеству по благополучномъ Ея прибытіи въ Санктпетербургъ. Здѣсь Традіаковскій, привѣтствуя государыню прибывшую въ свою столицу, обращается къ ней съ слѣдующими словами: „Хотя, Всемилостивѣйшая Государыня Імператріца, и одинъ токмо теперь произношу предъ вами слово, но безъ сомнѣнія, всѣхъ горячая желанія и радости полная сердца̀ Вашему приношу Величеству". Обращая вниманіе императрицы на торжественную иллюминацію бывшую въ Петербургѣ по случаю ея прибытія, авторъ „рѣчи" выражаетъ мысль, что у всѣхъ внутреннія чувства радости превышаютъ внѣшнее ея проявленіе: „У всѣхъ сердечныи пламень желанія къ Вашему Величеству, толико превосходитъ свѣтящіяся огни повсюду, колико тысящи тысящеи превышаютъ единицу. Въ семъ токмо единомъ сходны быть могутъ, что оба для вашего Величества".

Въ заключеніе, на послѣдней, 19-й страницѣ брошюры, находится стихотвореніе посвященное Тредіаковскимъ герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, первой покровительницѣ его музы; оно озаглавлено: Стіхи Ея Высочеству Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Екатерінѣ Іоанновнѣ, Герцогинѣ Меклембургъ—Шверінгской. Для благополучнаго Ея прибытія въ Санктпетербургъ сочиненныя, и Ея Высочеству поднесенныя. Въ нихъ выражается радость „піиты" при встрѣчѣ герцогини. Выписываемъ начальныя строфы:

Жаль, что не говорятъ человѣча сердца!
Обычное бо наше не довольно слово
Всю великость радости тебѣ изъявити,
Что Ваше Высочество здѣсь изволитъ быти,
И что тѣмъ причиняетъ щастіе намъ ново.
Жаль, что не говорятъ человѣча сердца!

Жаль, что не говорятъ человѣча сердца!
Лишь твое пришествіе слышно намъ быть стало,
Всѣхъ сердца закипѣли, мысли заиграли,
И веселіе токмо всяку обѣщали
И что то, есть прямое нашихъ благъ начало.
Жаль, что не говорятъ человѣча сердца! [1]

---

[1] Истор. Акад. Наукъ, т. II, стр. 32.—По старинному обычаю, Тредіаковскій свой Панегерикъ представлялъ въ подносъ знатнымъ. 20 декабря

1733.

№ 19. Его Высочеству Прінцу, и Господину Антонію Улріку Господину, Господину Браунвеигъ-Лунебургскому въ 1 день Іюня, 1733 года Императорскую Академію Наукъ Высокимъ своимъ присутсвіемъ почитающему, Всепокорнѣише сіе поднесли Тупографы тоя Академіи. На одной сторонѣ большаго листа.

За этимъ посвященіемъ напечатаннымъ въ 10 строкъ слѣдуютъ вирши:

Прінцъ!
от оныхъ Героевъ Богомъ данно Племя,
Мечемъ, Перомъ, какъ Цесарь, славныхъ въ свое время,
Которы хвалы себѣ толь славно писали,
Коль непріятелей всѣхъ храбро побѣждали.
Музъ проповѣдуетъ хоръ о Гвелфахъ всѣмъ гласныи,
Что никогда Прінцъ бывалъ не учонъ ихъ власныи;
Есть имъ библіотека, въ свѣтѣ чють не главна,
Въ тои зрятся оныхъ Прінцовъ труды, память славна.
Парнассъ Вашими красенъ многими древами,
Ревность другимъ, тому честь чинятъ тѣ плодами.
Добръ Браунвеигскіи конь ретивъ быть все ищетъ,
И какъ Пегасъ отъ часу на высоту рыщетъ.
Но быстрѣишіи въ твою Прінцъ, тотъ будетъ потребу,
И вознесенъ Вашего славу рода къ небу!

Вѣроятно переводъ сдѣланный съ нѣмецкихъ стиховъ Готлоба Фридриха Юнкера Тредіаковскимъ, получившимъ въ то время титулъ академическаго секретаря, но только безъ утвержденія въ этой долж-

---

1732 года онъ послалъ это произведеніе свое въ Москву Семену Салтыкову при письмѣ, въ которомъ говорилъ: „не сумнѣваюсь, чтобъ дерзновеніе, которое я привялъ ваше превосходительство сею утрудить посылкою, не показалось вамъ диковато; однако уповаю, что и прощенія достойно, потому что содержитъ сія книжка похвалы ея императорскаго величества, что всякому вѣрному подданному всегда сладко слышать...“ Салтыковъ написалъ въ отвѣтъ благодарственное письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ справлялся у сына своего: „когда онъ, Тредіаковскій, такія же книжки подавалъ тамошнимъ кавалерамъ, то дарили-ль его чѣмъ или нѣтъ, и буде дарили, то что надлежитъ—и ты его подари что надобно. Библіографич. Записки 1858 года, № 18, стр. 555, 556; письмо Тредіаковскаго сообщено г. Забѣлинымъ. Истор. Акад. Наукъ, т. II, стр. 32—33.

ности [1]. На стихотворца Юнкера, съ самаго его пріѣзда въ 1731 году изъ Лейпцига въ Россію, возложена спеціальная обязанность—сочиненіе объясненій иллюминацій, фейерверковъ, поздравительныхъ и привѣтственныхъ стиховъ, одъ и т. п.—Пекарскій, въ жизнеописаніи Юнкера, упоминаетъ между прочимъ о посѣщеніи академіи наукъ герцогомъ Антономъ Ульрихомъ 1-го ноября, 1733 года, и о поднесенномъ ему при этомъ случаѣ Юнкеромъ подобнаго настоящему, стихотворнаго привѣтствія [2]. Что нѣмецкіе стихи Юнкера были толковы и складнѣе русскихъ съ нихъ переводовъ, можно усмотрѣть изъ приведенныхъ Пекарскимъ подобныхъ же стиховъ, поднесенныхъ нѣмецкимъ стихотворцемъ, посѣтившей Академію принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, тогда же напечатанныхъ, и также на одной сторонѣ листа; [3] такъ равно и изъ другихъ сопоставленныхъ вмѣстѣ произведеній стихотворцевъ русскаго и нѣмецкаго, какъ на пр. „Оды о сдачѣ города Гданска,“ въ которой опять таки переводчикомъ превзошедшимъ автора оды, Тредіаковскаго, является тотъ же Юнкеръ.

1734.

№ 20. **Ода Торжественная** о здачѣ города Гданска сочиненная въ вящщую Славу Имени Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія **Великія Государыни Анны Іоанновны, Імператріцы** и Самодержицы Всероссійскія, чрезъ Василья Тредіаковскаго Санктпетербургскія Імператорскія Академія Наукъ Секретаря.—**Печатано въ Санктпетербургѣ** при Імператорской Академіи Наукъ, MDCCXXXIV.—**Siegs Ode** auf die Eroberung der Stadt Dantzig zu höchstem Ruhm des groszen Nahmens Der Allerdurchlauchtigsten Groszmächtigsten Fürstin und groszen Frauen, **Frauen Anna Ioannowna** Kayserin und Selbstherrscherin von gantz Ruszland etc. aufgesetzt von Basilio Trediakoffski, Secretaire bey der Kayserl. Academie der Wissenschafften zu St. Petersburg.—St. Petersburg, gedruckt bey der Academie der Wissenschafften. 1734. 4°. 32 ненум. стр. Двѣ виньеты вырѣзанныя на мѣди (гербъ).

---

[1] Исторія Акад. Н. т. 2. стр. 44. Послѣ назначенія въ президенты Академіи Наукъ Германа Кейзерлинга, Тредіаковскій окончательно вступилъ на службу въ Академію, причемъ съ нимъ было заключено обязательство на французскомъ языкѣ, переводъ съ котораго писанный рукою Тредіаковскаго, сохранился въ академическихъ дѣлахъ. (Тамъ же стр. 43).

[2] (Тамъ же т. I. стр. 481).

[3] Тамъ же стр. 482.

Сопик. Ч. 4. № 7010.—Слов. митр. Евген. т. II, стр. 216.—Избран. сочиненія Тредіаковск. Вып. III, изд. Перевлѣсскаго, стр. 23.—Истор. Акад. Н. т. I, стр. 483 и т. II, стр. 45.—Сборникъ матеріаловъ для Истор. Акад. Н. въ XVIII в. А. Куникъ. Ч. I, стр. 6.

Посвященіе помѣчено 3-мъ іюля 1734 года: „Его Сіятельству Высокоблагородному Господину, Господину Эрнсту Іоанну, священныя Римскія Имперіи Графу фонъ-Бірону, Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія оберъ-камеръ-геру." Въ этомъ до крайности подобострастномъ и льстивомъ обращеніи къ могущественному временщику, сочинитель оды говоритъ о давней своей искренней ревности питаемой имъ къ первому, и понуждавшей его засвидѣтельствовать ее „чрезъ нѣчто внѣшнее"; но что „глубокопочитающій страхъ его удерживалъ, а случай недопускающій до толикаго дерзновенія воспящалъ;" причемъ сравниваетъ смѣлость свою въ посвященіи своего произведенія Бирону, съ „дерзостью граждань Гданскихъ" передъ императрицею.—Какъ къ посвященію, такъ къ самой одѣ, и слѣдующему въ концѣ „Разсужденію о одѣ вообще", приложенъ на правой сторонѣ нѣмецкій текстъ въ переводѣ профессора Готлоба Фридриха Юнкера. Надъ обоими текстами по одной и той же виньетѣ, изображающихъ Палладу и Беллону съ ихъ атрибутами, сидящихъ по обѣ стороны украшенной на верху императорской короною урны, съ вензеловымъ именемъ императрицы Анны, и стоящими позади Паллады, геніемъ и нимфами. На землѣ, у ногъ богинь лежащія ядра и стоящія орудія, изъ которыхъ одно стрѣляющее въ поле; позади видна крѣпость.—Ода состоитъ изъ 19 строфъ и написана силлабическимъ размѣромъ, который впослѣдствіи Тредіаковскій передѣлалъ въ тоническій [1]: она есть подражаніе одѣ Буало, сочиненной на взятіе Намюра, и начинающейся такъ:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes nymphes de Permesse
N'est ce pas vous que je voi?

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ написана ода Тредіаковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать отношеніе къ ней нѣмецкаго ея перевода,

[1] Въ послѣднемъ размѣрѣ, Тредіаковскій помѣстилъ ее въ своихъ „сочиненіяхъ и переводахъ", напечатанныхъ въ 1752 году въ двухъ томахъ. Т. II, стр. 21—34. (См. Вып. 1-й настоящаго труда стр. 123 № 75).

здѣсь выписываются изъ нея на обоихъ языкахъ первая и послѣдняя строфы:

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славной причинѣ
Чистое Парнасса убранство
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ,
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры! молчите;
Храбру прославлять хощу Анну.

Welch eines nüchtern Rausches Zug
Macht mich beredt, hat mich entklommen?
Wie? Seh ich nicht euch keuschen Schmuck
Des Helicons, ihr Musen, kommen?
Ia eurer Cyther krafft und Thon,
Ia, eure Lieder hör ich schon;
Ich fühle was ihr Nachdruck zeigt.
Ihr Völcker mercket, mit Vergnügen!
Ihr Winde, stürmt nicht mehr und schweigt!
Ich singe nur von Anna Siegen
....
....
Престань, Лура! время скончити;
Великую Анну достоинно
Кто можетъ хваля возносити,
И храбрость съ выше при Тои стройно?
Въ семъ хвала Аннѣ есть многа,
Что любима отъ вышня Бога.
О семъ, побѣждать Еи желаю
И побѣждать всегда имѣетъ,
Кто противенъ быть ни посмѣетъ.
Тѣмъ, Виватъ Анна! восклицаю

Nun ist es Zeit; hör Leyer auf!
Wer kann Ihr würdig Lob beschreiben!
Da Anna Ihren Helden-Lauf
Von Gott entflammt zo weit kann treiben
Hierinnen liegt Ihr gröster Ruhm;
Er liebt sie als sein Eigenthum
Durch ihn tritt, wie mein Geist itzt glaubt,

Sie fort auf Siegs—und Ehren—Stuffen
Und aller Ihrer Feinde Haupt!
Nun musz ich Anna lebe! ruffen.

Слѣдующее за одою „Разсужденіе свое [1], Тредіаковскій начинаетъ объясненіемъ значенія греческаго слова ᾠδή, переведеннаго на русскій языкъ словомъ „Пѣснь", и говоритъ что „Ода есть собраніе многихъ строфъ, то есть статеекъ, состоящихъ изъ равныхъ, а иногда и неравныхъ стіховъ, которыми описывается всегда и непремѣнно матерія благородная, важная, и великолѣпная, въ рѣчахъ весьма поэтическихъ и очюнь высокихъ". Далѣе объясняетъ онъ различіе между одою и эпической поэзіей, состоящее въ краткости первой, которая болѣе 19-ти стиховъ содержать въ себѣ не можетъ, хотя бы каждая строфа имѣла менѣе десяти стиховъ; также и родомъ стиха; „понеже Ода никогда не пишется героіческимъ стіхомъ, въ Россіиской Поэзіи тринадцатью слогами, а шестью стопами состоящимъ, весьма отъ эпіческія Поэзіи разнится". За тѣмъ всякую „мірскую пѣснь", уподобляетъ онъ одѣ, въ томъ, что первая состоитъ также изъ строфъ содержащихъ иногда равные, иногда и неравные стихи; но разница между обоими родами поэзіи состоитъ по словамъ автора разсужденія въ томъ, что ода отличается важностью предмета и глубокостью рѣчи „понеже матерія пѣснеи часто, и почти всегда есть любовь, либо иное что подобное и легкомысленное, и только что сердце человѣческое улещивающее; рѣчь же самая бываетъ въ нихъ иногда сладкая, а всегда льстящая, часто суетная и шуточная, нерѣдко мужицкая и ребячья".

Строфы называемыя французами „стансы" Тредіаковскій опредѣляетъ такъ: „Есть и еще родъ статеекъ, которои всегда какъ около среднеи матеріи, то есть не очюнь благороднои, ни весьма общеи какъ пѣсня, обращается, такъ и рѣчами средними, то есть, ни очюнь высокими, ни гораздо низкими, больше отъ высокости нѣчто, нежели отъ низкости занимающими идетъ..." Далѣе онъ говоритъ: „Я правильно или неправильно всегда таковымъ стіхамъ налагалъ имя Пѣснь, а не пѣсня, хотя бы оная пѣснь на голосѣ у меня положена была, хотя быжъ и просто для чтенія предлагалася". Какъ образецъ такихъ строфъ названныхъ имъ „пѣснью", онъ ссылается на сочиненные имъ поздравительные стихи съ новымъ годомъ, положенные на голосъ и пѣтые предъ императрицей Анной Іоановной въ

---

[1] Оно заимствовано изъ „Discours sur l'ode" Буало.

первый день 1733 года [1]; возвращаясь къ „разсужденію" объ одѣ, авторъ его указываетъ ту высоту, на которой стояли древніе лирики.—Пиндаръ и Горацій, какъ писатели одъ, которыхъ по достоинству оцѣнилъ французскій сатирикъ Буало въ своей „Наукѣ о поэзіи"; онъ приводитъ здѣсь слѣдующій стихъ этого писателя, относящійся къ красотамъ „оды", съ приложеніемъ собственнаго своего русскаго перевода:

«Son stile impetueux souvent marche au hazard,
Chez elle un beau désordre, est un effet de l'art.»

То есть:

«Ея стілъ ѵстремительнои часто ходитъ на отвагѵ.
Въ неи красныи безпорядокъ, ѵмышленное есть искѵсство».

„Симъ правиломъ" продолжаетъ авторъ „Разсужденія" никто на Французскамъ языкѣ, какъ кажется, лучше не употребилъ самаго Аѵгора Депро, которое онъ самымъ дѣиствомъ совершенно всѣмъ показалъ въ преизряднѣишеи своей Одѣ, сочиненнои по случаю взятья города Намѵра отъ французскаго воиска. Гораздожъ не малъ энтузіасмъ въ Одахъ и господина Малгерба, славнаго лѵрическаго Піиты Французскаго".

Несмотря на высокое о себѣ мнѣніе какъ о писателѣ и поэтѣ, Тредіаковскій часто отдавалъ справедливость произведеніямъ другихъ, которыхъ считалъ выше, даровитѣе себя; похвалы его, правда, были не рѣдко преувеличены, и сопровождались лестью доходившею до пошлости, особливо когда дѣло касалось высокопоставленнаго и вліятельнаго по своему общественному положенію лица; положимъ что этотъ грѣхъ водился въ то время и не за однимъ Тредіаковскимъ,

[1] Пѣснь сочиненная на голосъ, и пѣтая предъ Ея Императорскимъ Величествомъ Анною Іоанновною самодержицею всероссійскою. Она напечатана на стр. 74—79 Новаго и краткаго способа къ сложенію россійскихъ стиховъ, и начинается такъ:

Новый годъ начинаемъ
Радость всѣ ощущаемъ

и проч. (Ода торжеств. о здачѣ город. Гданска. Разсужд. стр. 3).

Потомъ эта пѣснь была авторомъ передѣлана и помѣщена въ Сочиненіяхъ и Переводахъ т. II стр. 180—182, съ ошибочнымъ указаніемъ, что она пѣта въ новый 1732 годъ, тогда какъ только въ половинѣ января этого года императрица Анна и дворъ переѣхали изъ Москвы въ Петербургъ. Истор. Акад. Н. т. 11. стр. 38. Сборн. матеріал. для Истор. Акад. Н. Ч. I. стр. 68. (Способъ къ слож. Росс. Стих.)

который по крайней мѣрѣ смиренно сознавался въ своихъ подражаніяхъ, заимствованіяхъ и недостаткахъ своихъ трудовъ, не дожидаясь чтобъ на нихъ указывали другіе; не такъ поступалъ самолюбивый до крайности и заносчивый Сумароковъ, не любившій хвалить встрѣчавшихся съ нимъ на литературномъ поприщѣ, писателей. Въ подтвержденіе сказаннаго, приводимъ здѣсь непомѣрныя похвалы, расточаемыя Тредіаковскимъ въ „Разсужденіи" своемъ объ „Одѣ" сочиненной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; Тредіаковскій ставитъ перваго не только выше Буало и Малерба, но даже Пиндара и Горація: „Говоря о Грекахъ и Римлянахъ", пишетъ онъ, „не могу я умолчать о природномъ нашемъ Россіянинѣ, то есть, о Преосвященнѣйшемъ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Архіепископѣ Великоновгородскомъ и Великолуцкомъ, Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Сѵнода первенствующемъ членѣ, которой, по истиннѣ, какъ другіи Гораціи, толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся въ предражайшей своей Одѣ, сочиненной имъ на латінскомъ языкѣ, когда блаженныя и достославныя памяти, Петръ Вторыи, Імператоръ и Самодержецъ Всероссійскіи отправлялся въ Москву для Коронованія, что Гораціи бы самъ, посмотрѣвъ оную въ удивленіе пришолъ, и тужъ бы его Преосвященству справедливости похвалы учинилъ, которую я ему теперь отдаю. Въ ней самое начало важно, средина великолѣпна, и прямаго Энтузіасма піитіческаго конецъ удивителенъ, и достоинъ во всемъ языка священноначальническаго; а наипаче Парафразісъ сотого псалма, толь къ стати, толь хитро, толь съ мудрымъ избраніемъ словъ равняющихся почти подлинныхъ высотѣ, наконецъ толь разсудительно, и остро отъ его преосвященства положенъ, что симъ самымъ кажется, и Пиндара и Горація, Боало и Малгерба превзошелъ онъ, и почти отнялъ у нихъ всегда зеленѣющіися Лаѵръ Лѵрічества". Похвалы свои одѣ Прокоповича, Тредіаковскій заканчиваетъ сообщеніемъ о впечатлѣніи произведенномъ на него этимъ по мнѣнію его, высочайшимъ произведеніемъ, выходившимъ когда либо изъ подъ пера писателя; такъ описываетъ онъ при чтеніи оды, восторгъ свой: „Я когда пріѣхалъ изъ Франціи въ Санктпетербургъ, и чрезъ пріятство одного мнѣ друга, въ Санктпетербургской Імператорской Академіи наукъ достойного Адъюнкта [1], лишь въ первые сталъ читать сообщенную мнѣ ту Оду, и почувствовалъ Энтусіасмъ Ея превысокіи, то въ толь великіи Энтусіасмъ удивленія и самъ пришолъ, что не могъ, свидѣтельствуюся совѣстію моею, удержаться, чтобъ съ дважды, или съ

---

[1] Василій Евдокимовичъ Адодуровъ.

трижды не выкричать: Боже мой! какъ эта Ода хороша, и мастерски сдѣлана...“—Далѣе авторъ „Разсужденія“ указываетъ на высокія красоты псалмъ Давида, говоря что они тѣ же оды: „и понеже еще я по сіе мѣсто говорилъ все о Одахъ чужестранными языками написанныхъ; того ради Охотникъ Россіискіи можетъ примѣтить высоту слова, какова должна быть въ Одахъ, въ псалмахъ святаго Піиты псалтиріческаго, то, есть, блаженнаго Пророка и Царя Давіда: ибо псалмы не что иное, какъ Оды, хотя на Россіискіи языкъ не стіхами переведенные, какъ и на прочіе христіанскіе языки, но на Евреискомъ всѣ они стіхами сочиненные, по тогдашнему евреискихъ стіховъ обычаю. Увидитъ онъ тутъ и благородство матеріи, и богатство украшенія, и великолѣпіе слова; увидитъ мудрую перерывку разума, а отъ разума не отходящую; увидитъ удивительное вознесеніе къ высотѣ слогомъ вовлетающее, каково Піндаръ и Горацiи имѣетъ, и каково Господинъ Боало Депро имѣть приказываетъ; увидитъ и скажетъ, что то самыи божіи языкъ“ [1].

Любопытно слѣдующее сообщеніе Тредіаковскаго о томъ, какъ онъ, сочиняя свою оду, старался подражать Пиндару, или по выраженію его „піндарізовать“, что однако ему, какъ кажется, не совсѣмъ удалось, и чего, по словамъ его, не надѣялся достигнуть и самъ Горацій. „Оду, которую я сочинилъ“, говоритъ Тредіаковскій, „и по причинѣ которыя сіе учинено разсужденіе, такъ же и которую преискуснѣишіи изъ лvріческихъ Піитъ нѣмецкаго народа, то есть, Господинъ Юнкеръ, въ Сактпетербургскои Імператорскои Академіи Наукъ, публічнои Профессоръ, благоволилъ перевесть на Нѣмецкои языкъ, не даю я за такую, каковои еи надлежало быть по правилу, и каковыя самъ я хвалю; но только отдаю въ разсужденіе искуснымъ, объявляя имъ, что я всячески старался піндарізовать, то есть, Піндару во всемъ подражать, такъ что я въ неи, мечь сердитымъ, а трезвымъ піанство назвалъ, и прочія многія, гораздо дерзновенныя употреблялъ фігуры, съ великолѣпіемъ наивозможныхъ мнѣ словъ, по примѣру древнихъ Піитъ Діоvрамбіческихъ, какъ то видно изъ всея Оды, а наипаче въ четвертои на десять строфѣ, изъ фігуры называемыя Гvперболы, которая, хотя и чрезвычаина, и съ правдою мало сходна, но Діоvрамбічества, чтобъ вольно было такъ сказать, продерзост-

[1] Тредіаковскому принадлежитъ стихотворное переложеніе псалмовъ Давида, начатое въ 1750, и оконченное въ 1755 году; несмотря на всѣ хлопоты его объ изданіи своего произведенія, оно не было напечатано. Истор. Акад. Н. т. II. стр. 173.

ного закономъ позволенная. Не меньше жъ у меня и пятая строфа смѣла, которая полагаетъ, что якобы сама Ея Императорское Величество при осадѣ присутствуетъ и полководствуетъ, вмѣсто того, чтобъ отдать, по правдѣ, ту честь его сіятельству Графу фонъ Миниху, войскъ Ея Императорскаго Величества Генералу фелдмаршалу".—Объясняя эти „піитическія" вольности, на основаніи которыхъ, Минихъ уступаетъ въ одѣ мѣсто свое императрицѣ, что по словамъ Тредіаковскаго „не можетъ учинить ни Гісторикъ, ни Ораторъ, и Піита не всякой, да только діѳѵрамбіческой", онъ заключаетъ свое „Разсужденіе" тѣмъ, что отдаетъ нѣмецкому переводу оды преимущество передъ своимъ русскимъ подлинникомъ, сознавая недостатки его: „я не сомнѣваюсь", говоритъ онъ, „что переводъ нѣмецкой по всему красные, и осанковатѣе, вѣдая искусство, чрезъ пять, шесть Одъ, господина Юнкера, не былъ моего подлиннаго сочиненія, однакожъ, я то себѣ только въ великую ставлю славу, и за великое почитаю щастіе, что я могъ чрезъ сію Оду изъявить, въ толь радостныи случаи Ея Императорскому Величеству горячую мою ревность, и купно чрезвычайную радость, по должности всеподданнѣйшаго Ея раба, и по собственному къ Ея Императорскому Величеству, пламенѣющему моему доброусердію"[1].

№ 21. Умозрительство душевное, описанное стихами о переселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной **Баронессы Строгановой Маріи Яковлевны,** сочиненное **Петромъ Буслаевымъ.** Санктпетербургъ, 1734. 4°. 44 нум. стр. и складной листъ съ двумя надгробными надписями.

[1] Въ переправленномъ и помѣщенномъ во второмъ томѣ „Сочиненіи и Переводовъ" Разсужденіи, находится болѣе скромный отзывъ Тредіаковскаго о своемъ произведеніи; превознося оду Буало, онъ, сознаваясь въ подражаніи ей, пишетъ: „признаюсь необыкновенно, сія самая Ода подала мнѣ весь планъ къ сочиненію моея о здачѣ города Гданска; а много я въ той взялъ и изображеній; да и не весьма тщался, чтобъ мою такъ отличить дабы никто неузналъ; я еще ставлю себѣ въ нѣкоторый родъ чести, что возмогъ нѣсколько уподобиться въ моей, столь громкому и великолѣпному произведенію.... Что жъ до моей (Оды), коль я ни тщался, однако, вѣдая мое безсиліе, не уповаю, чтобъ она столько жъ сильно была сочинена, сколько Боалова, которой моя есть Подражаніе; довольно съ меня и того, что я нѣсколько возмогъ оной послѣдовать".—Я впрочемъ и не даю моея Оды за совершенный образецъ въ семъ родѣ сочиненія: но при важности въ матеріи, и при Имени похваляемыя и восхваляемыя въ ней, она нѣчто имѣетъ въ себѣ, какъ мнится нѣсколько не бесславное, а именно, самая первая есть на нашемъ языкѣ". Послѣднее, тридцать восемь лѣтъ спустя, повторилъ Новиковъ въ біографіи Тредіаковскаго, Опытъ Словаря о Росс. Писат. стр. 210.

Сопик. Ч. 5. № 12140.—Всеобщ. Библіот. Россіи Чертк. Приб. 2-е 1845, стр. 377. № 1.—Русск. книжн. рѣдкости, Геннади стр. 31. № 6.—Справочн. Словарь его же, т. I, стр. 116—117.—Опытъ Словаря о Росс. Писат. Новикова стр. 23.—Обзоръ Духовн. Литературы архіеп. Филарета, т. II, 36.—Исторія Москов. Славяно-Греко-Лат. Акад. Смирнова, стр. 248.—Энциклопедич. Лексиконъ, изд. Плюшара, т. VII.—Словарь митр. Евген. 1845 г., т. I, стр. 68.—Обзоръ Кратк. Исторіи Русск. Литер. Греча. Спб. 1822, стр. 117.

Стихотвореніе составляющее поэму написанную силлабическими стихами и раздѣляющееся на двѣ части, изъ которыхъ каждая содержитъ въ себѣ по девяти параграфовъ съ аллегорическимъ описаніемъ; первая—о кончинѣ баронессы Строгановой, и вторая—о возшествіи души ея на небо съ добродѣтелями ее украшавшими. Въ первомъ параграфѣ, авторъ отмѣчаетъ время кончины баронессы:

«По Рождествѣ Христовѣ сіе дѣло стало,
Какъ солнце свои кругъ тогда обтекало
Тысяща седмсотъ тритцать третеи, днемъ то было:
Девятои луны, число девятое плыло;
А полночь десять часовъ какъ ужъ удалялась
Только что десятая минута являлась.
Баронесса Марія вся болѣла тѣломъ
Здраважъ душа одѣта въ платье была бѣломъ...» [1]

За тѣмъ онъ описываетъ, какъ окружавшіе смертный одръ ея, пребывая въ молчаніи, прозрѣли не чувственными полными слезъ, но душевными очами, что „Духъ Силы всемогущеи Божіей благодати хочетъ принять душу Маріи. Во второмъ параграфѣ изображается появленіе Христа и Пречистой его Матери посреди сонма невидимыхъ силъ; здѣсь поэтъ говоритъ о божественномъ свѣтѣ облекавшемъ Христа, тѣло котораго покрыто было кровью и язвами какъ бы послѣ недавнихъ мукъ, что не потемняло нисколько славы Его, но выражало божественную Его любовь.

«Очи являли милость, лице же все радость.
Весь онъ былъ желаніе, весь пріятна сладость....»

---

[1] Въ примѣчаніяхъ, находящихся внизу страницъ объясняются тѣ мѣста поэмы, которыя авторъ считалъ не довольно ясными для читателя. Изъ перваго примѣчанія усматривается, что баронесса Строганова скончалась 1733 года, 9 ноября, въ десять минутъ одинадцатаго по полуночи.

Въ третьемъ параграфѣ, авторъ влагаетъ въ уста умирающей молитву къ Богу и Пречистой Дѣвѣ, о скорѣйшемъ разлученіи души ея съ тѣломъ, котораго она жаждетъ „какъ елень желаетъ на вѣды". Царь Славы внемлетъ молитвѣ праведницы, и повелѣваетъ Ангелу смерти принять душу ея, и послѣдній приступая къ тѣлу ея съ другими Ангелами „крылами паряще", простираетъ объятія свои, чтобы исполнить волю Божію. Въ четвертомъ—онъ влагаетъ „опасно" въ уста умирающей, изъ сосуда исполненнаго смертоноснымъ питіемъ, какъ бреліантъ исты, небесный фіалъ". Наступаетъ окончательный моментъ агоніи баронессы, который Буслаевъ изображаетъ слѣдующими стихами:

«Отъ чего вся плоть ея возмятося страстно,
Зракомъ смотрить тѣлеснымъ, было преужасно.
Дыханіе отъ сердца металось жестоко,
Зракъ очеи ея свѣтлыхъ, затекалъ глубоко.
Смертновидная блѣдность лице покрывала
Кровь отъ обращенія оставаться стала.
Уста почерпѣвъ мало, скоро затворились
Плоти ея добрѣты въ моментъ премѣнились.
Теплота природная, вездѣ стала хладна
Тогда душа отъ тѣла, изскочила жадна.
Ко Ангеламъ пресвѣтлымъ въ распростерты руки
Избавльшися тѣлесной болѣзни и муки.....»

Послѣ момента кончины баронессы, видимой чувственнымъ глазамъ окружающихъ, онъ переходить къ изображенію неописанной горести ихъ поразившей, и въ 5-мъ параграфѣ представляется картина отчаянія и воплей раздававшихся между осиротѣвшими:

....
«Кровавыхъ слезъ источники въ сердцѣ закипѣли
Горестно всѣ плакали: всѣ пропасть хотѣли
Ревуще; челюсти какъ въ мукахъ разверзали;
Власы и лице свои свирѣпо терзали
Младые и старые, и разные люди.
Самихъ ся ненавидя, тяшко бились въ груди.
Скрежетали зубами, визжали не лѣно,
О стѣны и о землю, разшибались слѣпо...»

Въ примѣчаніи къ этому параграфу, авторъ поэмы указываетъ на многія подобныя описанія у древнихъ поэтовъ: Виргилія, Овидія и другихъ. (Прим. стр. 12). —Далѣе изображается, какъ плачущіе „зі-

яющими устнами" выражаютъ скорбь свою по усопшей, сопровождая слезы свои, похвалами ея христіанскимъ добродѣтелямъ. Въ 6-мъ параграфѣ описывается отчаянная горесть трехъ сыновей баронессы въ то мгновеніе, когда до нихъ достигла вѣсть о ея кончинѣ, причемъ упоминается и о траурѣ, въ который, по обыкновенію, всѣ облеклись. Въ 7-мъ—положеніе тѣла умершей въ гробъ, и несеніе его, сопровождаемое пѣніемъ; въ примѣчаніи, авторъ говоритъ что за гробомъ, позади Архіерея и прочихъ духовныхъ особъ, шли съ помощью другихъ, трое убитыхъ печалью сыновей баронессы, и что они часто, по свидѣтельству автора „въ алтерацію или оморокъ впадали...." (стр. 18). Параграфъ 8-й рисуетъ картину принесенія гроба въ церковь и послѣднее прощаніе съ тѣломъ умершей, о чемъ въ примѣчаніи сказано въ слѣдующихъ словахъ: „Принесли въ церковь святаго Нїколая, называемаго въ Котельникахъ, и совершили лїторгїю, по лїторгїежъ отпѣвали погребательные стїхи; тогда всѣ тѣснились и падали на гробъ, цѣлуя тѣло ея, и прощаяся въ послѣдніе, въ которомъ дѣиствѣ отъ гроба отстать не хотѣли, и упадали безъ памяти". (Прим. стр. 19). Слѣдуетъ описаніе плача и рыданія разносившагося между провождавшими гробъ, когда наступило время погребенія; далѣе авторъ сообщая, что баронесса была погребена рядомъ съ мужемъ своимъ извѣщаетъ о томъ въ слѣдующихъ стихахъ:

....

«Тогда закрывъ Марію положенну ю гробѣ,
Предали плоть бездушну, земляной утробѣ,
Опустили ю въ землю не весьма глубоку,
Жену какъ ребро къ мужню положили боку...»

Въ примѣчаніи къ 8-му параграфу сказано: „Надъ ними же камень изряднымъ художествомъ истесанны съ надписаніями отъ святаго писма взятыми, съ украшеніемъ поставленъ. И для вѣчной памяти, противу камня, о знатнои въ дѣлахъ добрыхъ жизни ихъ надгробныя надписи поставлены, на камнѣ же томъ, по ихъ чести гербы, и для познанія, оныхъ персоны водружены. (Прим. стр. 21).—Въ 9-мъ и послѣднемъ параграфѣ изображается рыданіе въ стѣнахъ опустѣвшаго безъ хозяйки дома, раздававшееся между возвратившимися съ погребенія; ихъ душевное состояніе изображаетъ авторъ поэмы такъ:

«Слезы день и нощь, были многимъ вмѣсто хлѣба
Не много служила, сна покоина потреба.
Питіе же, со плачемъ горкимъ растворенно.

Памятью о Маріи, сердце сокровенно,
Паче мирры и желчи всякъ часъ огорчалось
Лице въ домѣ живущихъ горемъ омрачалось...»

Буслаевъ, несомнѣнно бывшій очевидцемъ описываемаго имъ въ поэмѣ событія, и взысканный благодѣяніями баронессы Строгановой, въ примѣчаніи къ послѣднему параграфу, говоритъ между прочимъ, оканчивая первую часть своего произведенія: „Конецъ же сея части: вѣчною памятью сея Баронессы, Авторъ вѣчно сю одолженны, заключаетъ“ (стр. 22).

Вторая часть подъ общею нумераціею страницъ съ первою, озаглавлена: „О возшествіи души ея на Небо съ слѣдующими добродѣтельми“. Въ первомъ параграфѣ изображается душа баронессы, представшая послѣ разлуки съ тѣломъ, передъ Христомъ и Пречистой его Матерью; изъ оплакивающихъ усопшую:

«Иные въ дѣлахъ добрыхъ и вѣрѣ крѣпчайши
Имущія зракъ души въ чистотѣ тончайши
Зрѣли разсужденіемъ о Маріи явно:
Какъ душа восходила, въ вѣчную жизнь славно...»

Въ примѣчаніи, авторъ объясняя сказанное въ стихахъ, говоритъ о подчинившихъ плотскую немощь разумной душѣ и „не въ слезахъ, но въ богомысліи упражнялись“. Далѣе онъ изображаетъ принятіе вошедшей на небо души Христомъ, и слова Его къ ней обращенные:

....
«Марія! ты благу часть отъ мене избрала,
Живущи въ мірѣ, міра страсти всѣ попрала:
Люты были болѣзни свѣта ти съ напасти
Но азъ подкрѣпляхъ всегда моими тя страсти
Скончала теченіе, соблюла ты вѣру,
Сего ради пріяхъ тя, возлюбивъ надъ мѣру...»

Во 2-мъ параграфѣ изображаются авторомъ олицетворенныя добродѣтели представшей передъ Христомъ души, явившіяся вмѣстѣ съ нею, для свидѣтельства о ея праведной жизни:

Въ то время пріидоша ѕѣло красны лица
Въ одеждахъ пресвѣтлыхъ, какъ чисты дѣвицы...»

Твердую Вѣру описываетъ авторъ слѣдующимъ образомъ:

Первая казалася въ лѣтахъ совершенна
Воинскимъ убранствомъ вся была украшенна
Одежды ея блистали, паче нежели златы,
Рамена были крѣпки, къ тому же крилаты.
Отъ молніина блеска крила выспрь паряще,
Очи пламенѣющіи, на Господа зряще.
Въ рукахъ блещущій мечь остро обоюдны
Тверда есть вѣра. Мечь глаголъ Божія чюдны.

Въ параграфахъ 3—6-го изображены подобнымъ образомъ, съ объясненіями въ примѣчаніяхъ, и прочія добродѣтели съ принадлежащими каждой изъ нихъ аллегорическими и символическими аттрибутами: чистая совѣсть, милость, святая молитва, и наконецъ предпочитаемая имъ „любовь Христова". Въ 7-мъ параграфѣ описывается восшествіе Маріи до лѣствицы къ небесному граду, гдѣ встрѣчаютъ ее „сладкіе ангельскіе гласы"; и соименная ей Марія Магдалина:

«Многоцѣнное мvро въ рукахъ та держала,
Облобызавъ Марію до сердца прижала
Рекла къ тезоименной душѣ восходящей:
Вниди душе святая въ свѣтъ незаходящей.
Въ вертоградѣ коснутся ко Хрісту воскресшу,
Самъ той удержалъ меня, до него притекшу,
Тѣмъ предъ исходомъ, къ Хрісту дважды прикоснулась...»

Въ примѣчаніи слѣдующее объясненіе: „сія баронесса прикоснулась дважды предъ смертію ко Хрісту, то есть дважды черезъ шесть часовъ сообщилась тѣла и крови Его, чѣмъ наслѣдовала жизнь вѣчную...." (стр. 40). Наконецъ въ 8-мъ параграфѣ, описывается, какъ душа баронессы достигаетъ „райскихъ вратъ", которыя отворяетъ ей апостолъ Петръ:

....

«Красенъ былъ вратникъ лицемъ, въ морщинахъ съ брадою,
Навислы были брови; со главою сѣдою
Ажно онъ былъ Апостолъ Петръ, Хрісту теплѣишіи
Держалъ въ рукахъ своихъ ключь, паче звѣздъ свѣтлѣишіи...»

О селеніяхъ горнихъ, недоступныхъ уму человѣка, авторъ между прочимъ говоритъ:

«Красотажъ того мѣста весма непостижна
Описать не достанетъ и разума книжна
Пространство непомѣрно всѣхъ людей глазами,
Нѣтъ тамъ раба подданна, всѣ живутъ князями...»

Послѣдняя картина поэмы представляетъ отверзстое небо, и встрѣчу праведной души баронессы небесными силами и множествомъ святыхъ славославящихъ Бога. Озаренная блаженствомъ душа восходитъ за Господомъ и Пречистою Матерью Его, „въ свѣтъ неприступенъ".— Въ двухъ надгробныхъ на особливомъ листѣ, находятся извѣстія о числѣ прожитыхъ лѣтъ, времени рожденія и кончины барона Григорія Димитріевича Строганова родившагося въ 1656 году, скончавшагося 60-ти лѣтъ ноября 21-го; причемъ упоминается о добродѣтеляхъ и доблестныхъ. качествахъ души его. Изъ надгробной баронессѣ видно, что она родилась въ 1677 году, іюля 20, и происходитъ изъ рода Новосильцовыхъ, отъ родителей Іакова и Маріи; сочеталась бракомъ будучи отъ рожденія 15-ти лѣтъ, мая 10-го; лишилась супруга 1715 года, ноября 21-го; и скончавшись въ 56 лѣтъ, 3 мѣсяца и 20 дней отъ рожденія, ноября 9-го, оставила трехъ сыновей. Вся надгробная баронессы, состоитъ въ похвалахъ добродѣтелямъ, человѣколюбію, и благочестію, которыми душа ея была исполнена.

Одинъ изъ современныхъ Буслаеву писателей и стихотворцевъ— Тредіаковскій нашелъ въ авторѣ „Умозрительства Душевнаго" большія достоинства; въ „разсужденіи" своемъ „о древнемъ, среднемъ и новомъ стіхотворствѣ Россійскомъ", помѣщенномъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" 1755 года, іюнь, стр. 496, Тредіаковскій приводитъ вполнѣ 2-й параграфъ поэмы Буслаева, и восхищаясь ею, говоритъ: „Что выше сего выговорить возможно? но что и сладоснѣе и вымышленнѣе? Еслибъ въ сихъ стихахъ паденіе было стопъ возвышающихся по опредѣленнымъ разстояніямъ, то что сихъ Буслаевыхъ стіховъ моглобъ быть и глаже и плавнѣе?..." Спустя 17 лѣтъ, едвали не первый біографъ Буслаева—Новиковъ, въ „Опытѣ историческаго Словаря о русскихъ писателяхъ" называетъ его „острымъ и словеснымъ человѣкомъ", при чемъ сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія: „сей, по совершеніи Богословскаго курса былъ сперва Діакономъ въ Московскомъ Соборѣ; но по смерти своей жены, оставилъ свой санъ и жилъ до смерти бѣльцомъ. Сочинилъ онъ въ двухъ частяхъ поему стихами, на смерть самыя добродѣтельныя, боголюбивыя, страннопріемныя и благоразумныя въ жизни жены, вдовствовавшія Бароньши Марьи Яковлевны Строгановой... Стихи сего Буслаева суть средняго Россійскаго стихотворства; но впрочемъ, за многія преизрядныя и тонкія мысли, превеликой достойны похвалы... Изъ примѣчаній Буслаева на его поему усмотрѣть можно, что онъ былъ человѣкъ ученой, и что не безъизвѣстны были ему всѣ лучшіе древніе писатели и стихотворцы. На 12-й страницѣ, упоминаетъ онъ Гомера, Виргилія и другихъ, приводя въ примѣръ ко

своей поемѣ" [1] Новиковъ приводитъ тотъ же 2-й параграфъ 1 й части поэмы, плѣнившій нѣкогда Тредіаковскаго, и въ примѣчаніи помѣщаетъ извлеченіе изъ „Разсужденія его о древнемъ, среднемъ и новомъ стіхотворствѣ".

Въ наше время странно было бы судить о произведеніи Буслаева съ точки зрѣнія Тредіаковскаго и Новикова, но нельзя также положительнымъ образомъ отрицать въ его авторѣ дарованія, проблески котораго видны въ нѣкоторыхъ изъ стиховъ составляющихъ поэму, и ставящихъ Буслаева выше многихъ современныхъ ему стихотворцевъ. Не смотря на невыработанный языкъ, которымъ написаны вирши, и схоластическіе пріемы автора, въ поэмѣ встрѣчаются мѣста, съ поэтическими мыслями; такъ напр., столь удачно отмѣченный Тредіаковскимъ, 8-й параграфъ первой части, далеко оставляетъ за собою многихъ какъ современныхъ Буслаеву, такъ и позднѣйшихъ писателей подобнаго рода произведеній; изъ прочихъ стиховъ поэмы, заслуживаетъ вниманіе описаніе момента агоніи баронессы, въ которомъ изображается постепенно угасающая жизнь [2], также безмѣрная горесть и плачь окружавшихъ болѣзненный одръ умершей, что по словамъ автора есть подражаніе Виргилію, Овидію и др. древнимъ поэтамъ [3].— Во второй части поэмы, тамъ гдѣ авторъ „созерцаетъ вмѣстѣ съ иными имущими зракъ души въ чистотѣ тончаиши", восхожденіе души праведной баронессы на небо, то приступая къ изображенію ея „апотеоза", онъ хотя и лишается той, такъ сказать, почвы дѣйствительности, которая служила основаніемъ первой части его произведенія, тѣмъ не менѣе, во второй, гдѣ изображаемыя имъ событія чисто фиктивныя, требовали гораздо большаго усилія воображенія, встрѣчаются также довольно удачныя мѣста, какъ напр., изображеніе нѣкоторыхъ изъ олицетворенныхъ авторомъ христіанскихъ добродѣтелей, представшихъ передъ лицемъ Христа одновременно съ душею, которую онѣ украшали при жизни [4].

„Умозрительство душевное" есть, сколько извѣстно единственное литературное произведеніе Буслаева, но имя его не предано полному забвенію; въ числѣ учившихся съ нимъ въ одной и той же Славяно-Греко-Латинской Академіи „на ряду съ лицами пріобрѣтшими впослѣдствіи извѣстность на поприщѣ служенія государству, наукѣ и литературѣ, поставлено—съ именами В. Н. Баженова, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, А. М. Брянцева, С. Г. Зыбелина, А. Д. Кантемира,

---

[1] Опытъ Словаря стр. 27—28.—[2] Умозр. душевн. параграфъ 4. Ч. I стр. 9—11.—[3] Тамъ же. Ч. I. Парагр. 5 и 6. стр. 11—16.—[4] Ч. 2. Парагр. 2, 6.

Е. Н. Кострова, С. П. Крашенинникова, М. В. Ломоносова, и смиренное имя бывшаго потомъ дьякона Успенскаго Собора, Петра Буслаева [1].—Въ „Пантеонѣ Русскихъ Авторовъ, изданныхъ П. Бекетовымъ 1801 года, въ 4-хъ тетрадяхъ, съ 20-ю портретами, въ 3-й находится портретъ автора настоящей поэмы.

№ 22. Gründlich verfaszte Reguln oder kurtze Anleitung zu der **Zeichen-Kunst**: herausgegeben von **Iohann Daniel Preissler**, Der Nürnbergischen Kunst-Mahler-Academie Director. — Основательныя прáвила или Краткое Руководство къ **Рисовальному Художеству** изданныя отъ **Даніила Прейслера**, Управителя Нирнбергской Академіи живописнаго художества.—Переведено съ Нѣмецкаго языка при Академіи Наукъ.—**St. Petersburg.** Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschafften. 1734, въ 1°. 3 части. 38 ненум. стр. и 54 листа съ чертежами и фигурами. Счетъ съ заглавнаго листа; помѣта внизу страницъ нѣмецкими литерами. На лѣвой сторонѣ столбецъ нѣмецкаго текста и на правой русскаго перевода. Въ 1-й части 16 стр. и 18 л. чертежей; 2-й 14 стр. и 18 л. чертеж.; въ 3-й 8 стр. и 18 л. чертеж.

Сопик. Ч. 4. № 8828.—Чертк. Всеобщ. Библ. Росс. М. 1838, стр. 460, № 36.—Геннади, Русск. Книжн. Рѣдкост. Дополн., стр. 130, № 227.—Истор. Акад. Н., т. I, стр. 643.

На первой страницѣ книги подъ заглавіемъ: „Любознательнымъ ученія отрокамъ Потребное Увѣщаніе (Nöthiger Vorbericht) принадлежащее до перваго листа“, объясняется все, относящееся къ начальнымъ понятіямъ о рисовальномъ искусствѣ. Авторъ говоритъ: „Der Anfang dieses Wercks scheinet sehr gering und einfältig zu seyn: Iedoch ist er von groszer Wichtigkeit, und fast das Fundament des gantzen Wercks“. „Начало сего дѣла кажется быть очень мало и просто: однакожъ оно есть великой важности и почти основаніе всего дѣла“. Для нагляднаго понятія правилъ этой вступительной къ искусству теоріи, присоединенъ первый листъ съ пятью фигурами; выше-

[1] Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи С. Смирнова. м. 1855 г. стр. 246—250. Объ окончаніи Буслаевымъ полнаго Богословскаго курса упоминаютъ Новиковъ и митр. Евгеній, но едва ли это вѣрно, такъ какъ Буслаевъ оставя Академію поступилъ діакономъ въ Успенскій Соборъ. Обыкновенно студенты Богословія и философіи имѣли право просить себѣ мѣстъ священническихъ въ столицѣ; ученики риторики могли поступать на мѣста дьяконскія; ученики синтаксиса и піитики опредѣлялись въ причетники“.—Тамъ же стр. 226.

помянутое „Потребное Увѣщаніе“, оканчиваетъ издатель наставленіями, относящимися къ изложенной въ немъ основной теоріи искусства, въ заключеніе которой говоритъ: „Schlüszlich solt ihr niemahls ein Blat umwenden, es sey dann, dasz ihr das vorige gehöriger Maaszen verstehet. Dieser Fehler findet Sich bey denen meisten, die da nur immer etwas neues anzufangen begierig sind, und doch zuletzt aus keinem einen Nutzen schöpfen werden. Jo ihr aber meynet, dasz ihr dieses erste Blat wegen aller dieser schon obezehlten Dinge wohl begriffen: so gehet dann weiter auf das andere Blat, auf welchen euch anfangs wie auch bey allen nachkommenden Blättern, jede Vorstellung aus der Theorie, und dann auch aus der Practic nach meiner Methode gezeiget wird. Die Theorie aber müst ihr jederzeit wohl verstehen lernen, alsdann ist das andere desto leichter zu begreiffen“.—„Напослѣдокъ никогда за другой листъ не принимайтеся, пока перваго надлежащимъ образомъ не познаете. Въ томъ погрѣшаютъ наибольше тѣ, которые только всегда нѣчто новое начать желаютъ, а при окончаніи никакой пользы не получаютъ. Но ежели надѣетесь, что вы первый листъ для всѣхъ вышеобъявленныхъ причинъ совершенно поняли, то поступайте далѣе къ другому, на которомъ вамъ съ начала, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ листахъ, дѣлается всякое представленіе изъ теоріи, а потомъ изъ практики по моему маперу показывается. Но прежде надлежитъ вамъ теорію совершенно знать, а потомъ можете вы слѣдующее тѣмъ легче понять“.—За тѣмъ слѣдуетъ: „Краткое изъясненіе всѣхъ прочихъ листовъ. I. О Глазахъ. II. О Ушахъ. III. О нижней части лица. IV. О головахъ въ сторону смотрящихъ. V. О прямо смотрящихъ головахъ. VI. О движеніи головы. VII. О рукахъ. VIII. О ступняхъ.—Здѣсь также, какъ при объясненіи о различныхъ движеніяхъ головы, имѣющихъ неравное раздѣленіе, издатель ссылается на Альбрехта Дюрера, оставившаго для показанія надлежащаго размѣра въ ступняхъ, превосходныя изображенія, которыя представляетъ составитель настоящаго руководства, съ измѣненіемъ однако ихъ размѣра и съ прибавленіемъ того, что необходимо знать.—IX. О цѣлыхъ рукахъ. X. О ногахъ. XI. О тѣлахъ.—Вторая часть озаглавлена: „Потребное Извѣстіе и Ученіе о находящихся здѣсь фигурахъ (Nöthiger Bericht von den hierin befindlichen Figuren). Издатель между прочимъ говоритъ, что первая часть представляла отдѣльные члены человѣческаго тѣла; вторая же, научитъ какъ слѣдуетъ поступать при упражненіи въ первомъ начертаніи (Entwurff) и абриссѣ (Umriss) при соединеніи въ правильной пропорціи; потому ясно, что не изучивъ изложенное въ первой части, нечего и

приниматься за вторую. Онъ поясняетъ сказанное имъ примѣромъ человѣка желающаго подняться на гору, не начавшаго восхожденія своего съ подошвы ея; далѣе онъ находитъ, что настоящую вторую часть, лучше всего уподобить строенію, котораго первая служитъ основаніемъ. Во второй части какъ и въ первой онъ, по словамъ его, слѣдуетъ принятому имъ порядку, состоящему въ соединеніи теоріи съ практикой, причемъ старался онъ, не только о предложеніи способа къ нѣкоторому изученію человѣческаго тѣла, хотя члены его представлялись отдѣльно, но и о пріученіи глаза къ правильному размѣру въ вышину и ширину какъ большихъ, такъ и малыхъ предметовъ, чтобъ черезъ то усвоить величину ихъ разстояній. Такимъ образомъ, начиная съ теоріи, издатель руководства приступаетъ къ объясненію „О Пропорціи человѣческаго тѣла“, причемъ упоминаетъ о книгѣ знаменитаго А. Дюрера (Proportions Werck des berühmten A. Dürers). Затѣмъ слѣдуетъ: I. „О первомъ или простомъ изображеніи (Vom Entwurff). II. (Изъясненіе слѣдующихъ 8-ми фигуръ). III. О прочихъ фигурахъ. IV. О Украшеніи Обрисованія (Umriss).— Третья часть, или правильнѣе содержаніе ея, озаглавлено: „Потребное Извѣстіе и Ученіе о Пользѣ сея послѣдпія части“. (Nöthiger Bericht und Lehre dieses letztern Theils). Эта часть служитъ довершеніемъ первыхъ двухъ, содержащихъ въ себѣ ученіе о первомъ начертаніи и правильномъ абриссѣ, и излагаетъ руководство къ произведенію на рисункѣ тѣни, свѣта и одежды. Желающимъ приступить къ правильному пользованію содержащихся въ ней наставленій, издатель считаетъ нужнымъ предупредить, что правилъ къ изображенію тѣни и свѣта весьма мало; поэтому необходимо, какъ въ предъидущихъ, такъ и въ настоящей третей части рисовальнаго искусства, обращать болѣе вниманія на практику, и чѣмъ она обширнѣе, тѣмъ сокращеннѣе можетъ быть теорія. Въ статьѣ „О Тѣни и Свѣтѣ“, опредѣляя ихъ онъ говоритъ: „Тѣнь и Свѣтъ суть яко животъ всего рисованія, отчего оно свое возможное совершенство получаетъ“. (Schatten und Licht, machen gleichsam das Leben aus von einer Zeichnung und diese bekommt durch jene seine mögliche Vollkommenheit). Далѣе излагаются правила о произведеніи тѣни и свѣта въ рисункахъ, и въ заключеніе книги, подъ заглавіемъ: „О Одеждѣ“, преподаются таковыя же, къ изображенію одѣтыхъ человѣческихъ фигуръ, причемъ издатель признаетъ полезнымъ не довольствоваться копированіемъ ихъ въ настоящей части какъ въ руководствѣ, но упражняться также въ срисовываніи рисунковъ, составляющихъ произ-

веденія извѣстныхъ и знаменитыхъ художниковъ, здѣсь имъ исчисленныхъ.

Переводъ „Руководства къ рисовальному художеству" Прейслера, на русскій языкъ принадлежитъ Тауберту, и читанъ имъ, равно съ прочими данными ему для перевода книгами, въ учрежденномъ для исправленія академическихъ переводовъ, россійскомъ собраніи [1]. Означенная книга перепечатана, съ тѣми же рисунками въ 1749 [2], третьимъ изданіемъ въ 1754 [3], четвертымъ въ 1781 [4] и пятымъ въ 1810 году [5], всѣ въ листъ.

№ 23. Календарь* или Мѣсяцословъ* Історіческій На Лѣто отъ Рождества Хрістова 1734* которое есть простое лѣто, содержащее 365 днеи, сочиненныи на знатнѣишія мѣста **Россіискаго Государства.—Въ Санктпетербургѣ*** при Імператорскои Академіи Наукъ. м. 8° [6]. 95 ненум. стр. (счетъ съ загл. листа). Избараженіе въ текстѣ рудомета. Отмѣченные звѣздочкой слова и цифра года, напечатаны киноварью.

Магазин. Землевѣд. и Путешеств., ч. III, стр. 540—541.

Содержаніе настоящаго календаря сходно съ таковыми же предшествовавшихъ годовъ; кромѣ аспектовъ планетъ, въ первый разъ помѣщена отдѣльная табличка положеній Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры и Меркурія на первыя числа каждаго мѣсяца. Такъ какъ въ этомъ году не было ни одного луннаго затмѣнія, то изображенія ихъ не находится въ текстѣ, и статья для нихъ опредѣленная, наполнена относящимися къ нимъ анекдотами изъ древней и новой исторіи въ доказательство пользы происходящей отъ знанія причинъ естественныхъ явленій. Въ статьѣ озаглавленной: „Протчія приключенія на 1734 годъ", издатель сильно нападая на астрологическія предсказанія настоящаго года, приведшихъ въ 1666 году, многихъ простыхъ людей въ страхъ; то были слухи распространенные какими то старинными стихами ходившими по рукамъ во Франціи, и предсказывавшими кончину міра. Означенное извѣстіе приведенное для подтвержденія нелѣпости предсказаній, содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Ежели Георгіи Хріста распнетъ, Маркъ изъ мертвыхъ воскреситъ, а Іоаннъ выне-

---

[1] Истор. Акад. Наукъ. т. I. стр. 643.—[2] Сопик. Ч. 4. № 8829.—[3] Книжн. Рѣдкости Геннади, стр. 130, № 227. — [4] Сопик. № 8830.—[5] Тамъ же № 8831. Плавильщ. Ч. I. № 883. Смирд. Ч. III. № 5367.—[6] Подъ этимъ заглавіемъ былъ напечатанъ въ первый разъ Календарь на 1733 годъ.

сетъ, что сіе знаменовало: когда страстная пятница случится въ день Георгія, свѣтлое воскресеніе въ день Марка, а праздникъ Тѣла Хрістова въ день Іоанна, тогда будетъ кончина міра, и великое смятеніе въ свѣтѣ учинится. А понеже сіе въ 1666 году случилось, то оное особліво во Франціи примѣчали, и того ради нѣкоторому ученому человѣку нарочно писали, которои свое мнѣніе о томъ печатью издалъ и въ дневныя записки ученыхъ людей (Journal des Savants, т. I. p. 320) внесъ. Оно въ томъ состояло, что все то отъ неразсудной простоты происходитъ. Ежели бы оное пророчество было праведно, тобъ оно по старому календарю во многихъ годахъ по Рождествѣ Хрістовомъ сбываться долженствовало." Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе помянутыхъ годовъ съ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Сіе всегда примѣчено было, что Астрологія, изъ которыя суетныхъ основаній сію главу истолковать надлежало, нигдѣ въ толь великомъ почтеніи не была, какъ у слѣпыхъ язычниковъ, истиннаго и единаго токмо производителя всѣхъ бываемыхъ приключеніи, не вѣдающихъ, о чемъ безчисленныя свидѣтельства подаютъ описанія, путешествіи, нравы и употребленія такихъ народовъ въ себѣ содержащія; но лучшимъ ученіямъ послѣдующіе, щастіе и спасеніе свое гораздо выше ѕвѣздъ и выше того ищутъ, куда человѣческіи разумъ доступить можетъ". Заключеніе статьи содержитъ разсужденіе о томъ, что слѣдуетъ признавать власть лишь одного Творца всяческихъ, а не вѣрить вліянію планетъ Имъ созданныхъ, на видимыи міръ и судьбу человѣческую, и отвергать лжеумствованія заблуждающихся суевѣровъ."

Послѣ извѣстія одинаковаго съ прошлогоднимъ (1733), о склоненіи магнитной стрѣлки, вскрытіи и замерзаніи Невы, слѣдуютъ приложенія, состоящія изъ двухъ небольшихъ статей; первая изъ нихъ: „Краткое описаніе о неподвижныхъ ѕвѣздахъ", содержащая полныя о нихъ потому времени свѣдѣнія. Авторъ, говоря въ ней о созвѣздіяхъ, упоминаетъ о попыткахъ нѣкоторыхъ ученыхъ перемѣнить ихъ древнія имена, и дать имъ названія, заимствованныя изъ Библіи, чему знаменитѣйшіе астрономы рѣшительно воспротивились, считая это помышленіе по справедливости безполезнымъ введеніемъ, которое могло произвести только одно замѣшательство.—Во второй статьѣ, озаглавленной: „Історіческое извѣстіе о исканномъ отъ Голландцовъ около Нордъ-Оста ходѣ въ Остіндію", находится свѣдѣніе о первомъ въ 1594 году путешествіи въ Остъ-Индію, голландскаго купца изъ Миддельбурга, въ Зеландіи, съ подробнымъ описаніемъ помянутой экспедиціи, и между прочимъ сказано, что онъ былъ „тамошній мѣщанинъ,

а въ прочемъ въ кораблеплаваніи зѣло разумныи и искусныи человѣкъ:

Календарь оканчивается извѣстіемъ о приходѣ и отходѣ почтъ: Нѣмецкой, Шведской, Московской, Архангельской, Кронштадской, Рижской и Ревельской [1].

1735.

№ 24. Сіноѱісъ или Краткое Описаніе о началѣ славенскаго народа, о первыхъ Кіевскихъ Князехъ, и о житіи Святаго Благовѣрнаго и Великаго **Князя Владиміра** Всея Россіи первѣйшаго Самодержца, и о его наслѣдникахъ, даже до Благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя **Ѳеодора Алеѯіевича Самодержца Всероссіискаго**, въ пользу любителямъ Історіи третьимъ тисненіемъ изданное.—**Въ Санктпетербургѣ** При Імператорскои Академіи Наукъ 1735. м. 8°. 294 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 4, № 10250.

Изданія настоящей книги напечатаны въ первый разъ гражданскимъ шрифтомъ: въ 1714 году, подъ заглавіемъ: Сінопсісъ или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ Авторовъ. Напечатана же повелѣніемъ Царскаго Величества". Вторый разъ въ 1718 году съ тѣмъ же заглавіемъ „въ Санктъпітербургской Тvпографіи; Маія въ 13 день; оба изданія въ 8-ю долю листа [2]. Настоящее, 1735 года, по счету третье, есть первое напечатанное при Академіи Наукъ. Книга эта представляетъ сборникъ разныхъ сказаній изъ русской исторіи подъ названіемъ Синопсиса (сокращеніе), безъ раздѣленія на главы, но каждое изъ помѣщенныхъ въ ней событій опредѣляется заглавіемъ, указывающимъ самое содержаніе, и кромѣ того, на поляхъ страницъ находятся ссылки на историковъ: Стрыйковскаго, Ботера, Крамера, Мѣховскаго, Бѣльскаго, Гвагнини, Зонара и Длугоша; ниже укажемъ на болѣе замѣчательныя статьи сборника. Первое изданіе напечатано въ Кіевѣ, 1674 года въ 4°, славянскимъ шрифтомъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: Сvнопсисъ или краткое собраніе, отъ разныхъ лѣтописцовъ: о началѣ Славяно-Россійскаго народа, о первоначальныхъ князей богоспасаемаго града Кіева; о житіи святаго благовѣрнаго великаго князя Кіевскаго всеа Россіи первѣйшаго самодерца Владиміра,

---

[1] Извѣстіе о почтахъ появилось въ первый разъ въ календарѣ на 1733 годъ.—[2] Наука и Литер. въ Россіи. Т. II, стр. 333. № 279.

и о наслѣдникахъ благочестивыя державы его Россійскія, даже до пресвѣтлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Алексія Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца. Во святои великои чудотворнои лаврѣ Кіево-Печерскои, ставропигіи вселенскаго Константипопольскаго патріархи, по благословенію пречестнаго о Хрістѣ господина отца Иннокентія Гізіеля, милостію Божіею архимандрита тояжде Лавры, изображенное тупомъ: въ лѣто отъ созданія міра 7182, отъ воплощенія же Бога Слова 1674 [1].—Во второмъ изданіи 1673 г. [2], прибавлены нѣкоторыя событія изъ царствованія Θеодора Алексѣевича; и въ третьемъ 1680 г. [3], помянутыя событія дополнены „вторымъ басурманскимъ приходомъ подъ Чигиринъ", и оно какъ послѣднее и болѣе полное послужило къ перепечаткѣ вышепомянутыхъ изданій гражданскимъ шрифтомъ безъ всякихъ перемѣнъ, такъ что въ изданіи 1735 года даже сохранилось въ концѣ книги стихотворное обращеніе типографовъ къ читателю, и краткое послѣсловіе.

Митрополитъ Евгеній въ біографіи Гизеля, между, прочимъ, полагаетъ, что „Синопсисъ" исполненный ошибокъ и неисправностей не сочиненъ или составленъ собственно Гизелемъ, но могъ быть сокращенъ имъ самимъ или кѣмъ либо другимъ во время его настоятельства [4], и мѣстами дополненъ изъ хроники игумена Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, Θеодосія Софоновича; не говоря положительно, что „Синопсисъ служилъ когда либо учебникомъ Исторіи Русской, митр. Евгеній упоминаетъ о несуществованіи до „Краткаго Россійскаго Лѣтописца" Ломоносова, ни какой другой печатной Русской Исторіи; вслѣдствіе чего, единственный „Синопсисъ" былъ многократно перепечатанъ при С. Петербургской Академіи Наукъ, такъ что не считая два петровскихъ изданія 1714 и 1718 годовъ, вышло до 1810 года 9 академическихъ изданій гражданскимъ шрифтомъ [5]. Въ „Опы-

---

[1] Тамъ же, т. II, стр. 431. № 309. Описаніе старопечатн. книгъ Славянск. и Россійск. гр. О. А. Толстова, изд. И. Строева. М. 1829. стр. 324 № 154.—Ундольскій. Каталогъ Славяно-Русск. книгъ Библ. А. И. Кастерина, отдѣльн. изд. стр. 85. № 447.—Каратаевъ. Хронологич. Роспись Славян. книгъ 1491—1730, стр. 106. № 808. — [2] Ундольск. стр. 87. № 459. — Каратаевъ, стр. 110 № 842.—[3] Ундольск. стр. 89 № 472.—Карат. стр. 114. № 873.—[4] По благословенію настоятеля Лавры, печатались всѣ книги въ Кіевопечерской типографіи Наука и Литер. т. I, стр. 316—317; первый, назвавшій Гизеля авторомъ Синопсиса былъ Николай Бергъ, въ Exircitatio de statu eccl. et rel. moscovicae, 1709.—[5] Тамъ же т. II, стр. 333.—[6] Словарь Историч. о бывшихъ въ Россіи писат. духовн. чина изд. 1827. Т. I, стр. 199.

тѣ" Сопикова указываются еще петербургскія изданія Синопсиса годовъ: 1746 въ 4°, 1762, 1774, 1778, 1785 и 1810; существуютъ изданія позднѣйшія, изъ которыхъ одно, напечатанное 1823 года упомянуто митрополитомъ Евгеніемъ, съ присовокупленіемъ росписей великихъ князей, царей и императоровъ россійскихъ, великихъ князей литовскихъ, королей польскихъ, удѣльныхъ князей русскихъ, митрополитовъ кіевскихъ, гетмановъ малороссійскихъ, хановъ великой орды, и крымскихъ, воеводъ и Костеллановъ кіевскихъ [1]. Наконецъ Пекарскій упоминаетъ о видѣнномъ имъ изданіи „Синопсиса" обозначенномъ 1836-мъ годомъ [2].

Изъ болѣе замѣчательныхъ сказаній содержащихся въ „Синопсисѣ" можно отмѣтить слѣдующія: 3-е. „О свободѣ или Вольности Славенской (изданіе 1735, стр. 4—6). Здѣсь разсказывается о томъ, какъ славяне воевали „крѣпко подвизающеся" противъ древнихъ греческихъ и римскихъ кесарей, и за то, что способствовали царю Александру Македонскому и отцу его Филиппу покорить подъ власть „свѣта сего державу" получили отъ перваго „грамоту на пергаминѣ, златомъ написанную"; о томъ какъ Августъ кесарь не желалъ съ ними воевать, и что по лѣтописцамъ польскимъ Длугошу и Стрыковскому, власть славяно-россійская и „Рима досязаше", и нѣкій славянороссійскій князь Одонацеръ „войною досталъ Римъ". 10-е. О Мосохѣ, прародителѣ славянороссійскомъ и о племени его (стр. 17. Стрыковскій). Повѣтствуется о Мосохѣ вышедшемъ въ 131 лѣтѣ по потопѣ изъ Вавилона съ племенемъ своимъ, и покорившемъ въ Азіи, Европѣ и надъ брегами Чернаго моря народы „Мосховитовъ". Впослѣдствіи, по умноженіи народа, онъ приближаясь постепенно къ полуночнымъ странамъ за Черное море, поселился и распространился надъ Дономъ и Волгою. „И тако" заключаетъ сказаніе: „отъ Мосоха, праотца Славенороссійскаго, по наслѣдію его, не токмо Москва, народъ великій, но и вся Русь, или Россія вышереченная произыде" [3].—33-е (стр. 58). О Ідолѣхъ. Это замѣчательное сказаніе состоитъ изъ подробнаго извѣстія о пяти идолахъ: „Перуна, бога грому, молніи и облаковъ дождевыхъ; Волόса, бóга скотовъ, Позвизда, исповѣдающе бога быти воздуху, ведру и безгодію; Ладо, сего имяху бога веселія и всякаго бла-

---

[1] Тамъ же стр. 199 — 200. — [2] Наука и Литер. т. I, стр. 316 — 317. — [3] О источникахъ этого сказанія, и гдѣ оно прежде было въ употребленіи, находится обстоятельное извѣстіе въ статьѣ г. Лавровскаго: „Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской". Учен. Зап. II отд. акад. наукъ. кн. II. Вып. 1. стр. 77—160.

гополучія, жертвы ему приношаху готовящеяся къ браку, помощію Лада мняще себѣ добро веселіе и любезно житіе стяжати. Сія мерзость отъ древнѣйшихъ їдолослужителей произыде, иже нѣкіихъ боговъ Леля и Полеля почитаху: ихже богомерзское имя, и до нынѣ по нѣкіимъ страномъ на сонмищахъ игралищныхъ, лелюмъ полелюмъ возглашаютъ. Такожде и матерь лелеву и полелеву, Ладу поюще: ладо, ладо. И того їдола ветхую прелесть діавольскую на брачныхъ веселіяхъ руками плещуще, и о столъ біюще воспѣваютъ. Пятый їдолъ Купало, его же бога плодовъ земныхъ быти мняху, и ему прелестію бѣсовскою омраченніи, благодаренія и жертвы въ началѣ жнивъ приношаху. Такожде Купала бога, или истиннѣе бѣса, и доселѣ по нѣкіимъ странамъ Россійскимъ еще память держится: Наипаче въ навечеріи Рождества святаго Іоанна Крестителя, собравшеся въ вечеръ юноши, мужеска, дѣвическа и женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ ѕелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще же на томъ бесовстѣмъ игралищи кладутъ и огнь, и окрестъ его, емшеся за руцѣ, нечестиво ходятъ и скачутъ, и пѣсни поютъ, скверного купала часто повторяюще, и чрезъ огнь прескачуще, самыхъ себѣ тому же бѣсу Купалу въ жертву приносятъ. И оныхъ дѣйствъ діавольскихъ, много на скверныхъ соборищахъ творятъ, ихже и писати нелѣпо есть. По семъ святого Іоанна крестителя праздникѣ, еще и о праздницѣ святыхъ верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, свою сѣть діаволъ запинаетъ чрезъ колыски (качели), на нихъ же бо колышущимся приключается внезапу упасти на землю, убиватися, и ѕлѣ, безъ покаянія душу свою испущати. Сего ради и колысокъ, яко сѣти діавольскія, хранитися всякому христіанскому человѣку, да не впадетъ и увязнетъ вню, нужда есть". При этомъ сказаніи находятся ссылки на Крамера, Стрыковскаго и Гвагнини.—47-е. О семъ, коль краты Россы прежде Владиміра, даже до царствія его крестишася (стр. 90). Означенное сказаніе не находилось въ хроникѣ Софоновича и въ „Синопсисѣ"; но словамъ Пекарскаго, она заимствована изъ печатнаго Патерика, или изъ Густинской лѣтописи[1]; однако при ней имѣются ссылки кромѣ лѣтописи Нестора, на Крамера, Стрыковскаго, Баронія и Зонара. Исторія о нашествіи Мамая, какъ сочиненіе русское и пользовавшееся у насъ большою популярностью, внесено также въ „Синопсисъ", и во всѣхъ статьяхъ къ этому событію относящихся (изд. 1735, стр. 162—233), ссылокъ на какихъ-либо историковъ не находится; точно также, начиная отъ сказанія: „О возвращеніи на первое паки царственное

---

[1] Наука и Литерат. т. I, стр. 316—317.

бытіе богоспасаемаго града Кіева" (стр. 255) и до самаго конца сборника, помянутыхъ ссылокъ нѣтъ.

На послѣдней страницѣ помѣщены слѣдующіе вышепомянутые стихи „Къ читателю сего лѣтописца отъ Типографовъ":

Изволившему Богу помощь свою дати,
О бы книжица сія изшла въ міръ изъ печати,
Аллилуіа рещи яко подобаетъ,
Напечатанно дѣло концъ возглашаетъ.
Аще же и грѣхъ яковъ знаидется въ семъ дѣлѣ,
Разумъ каковъ, самъ вѣси, въ немощномъ есть тѣлѣ,
Мудрость дарова ти богъ зло и добро знати,
И любовію грѣхи како покрывати.
Широтою здѣ словесъ тебѣ не стужаемъ,
Есмы ли скудоумны, умну ся смиряемъ.
Не вотще ся хуждше лучшу покоряетъ,
Когда самъ Господь, такъ повелѣваетъ.

За тѣмъ слѣдуетъ послѣсловіе: Богу въ святѣй Троицѣ, единому Отцу и Сыну, и Святому Духу, изволившему сію благопотребную книжицу глаголемую Сvнопсісъ, начати и совершити, да будетъ честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Да труждающихся въ семъ начинаніи, промышляющихъ, работающихъ, исправляющихъ благословитъ, и въ большее тщаніе укрѣпитъ, чтущымъ же ю, и пользующимся благодать и милость даруетъ. Аминь.

№ 25. Артікулъ Воінскій, съ краткимъ толкованіемъ, напечатася повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества, Вторымъ тисненіемъ.— **Въ Санктпетербургѣ** При Императорской Академіи Наукъ **1735** года. **Krieges Articuln** mit beygefügten kurtzen Anmerkungen. Auf Jhro Kayserl. Majest. allergnädigsten Befehl Gedruckt zum zweyten mahl, **in St. Petersburg,** bey der Kayserl. Academie der Wissenschafften. **1735.** 8°. 255 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 2. № 2056.—Смирд. Ч. 1. № 1784.—Геннади Справочн. Словарь о Русск. Писат., т. I, стр. 47.

На правой сторонѣ русскій, и на лѣвой нѣмецкій тексты. Въ началѣ помѣщенъ Указъ Петра Великаго (стр. 4—6). Указъ о присягѣ (стр. 6) и самая присяга (стр. 8—10).—Артикулъ Воинскій о содержитъ въ себѣ двадцать четыре главы и 269 артикуловъ съ толкованіями напечатанными курсивомъ; содержаніе главъ слѣдующее: 1. О

страсѣ Божіи (стр. 12—20).—2. О службѣ Божіи и о священникахъ (стр. 20—26). 3. О командѣ, предпочтеніи и почитаніи вышнихъ и нижнихъ офицеровъ и о послушаніи рядовыхъ (стр. 26—46). 4. О самовольномъ обнаженіи шпаги, о тревогѣ и караулѣ (стр. 46—60). 5. О всякои солдатскои работѣ (стр. 60—66) 6. О воинскихъ припасѣхъ, ружьѣ, мундирѣ, о потратѣ и небреженіи онаго (стр. 66—70). 7. О смотрѣ (стр. 70—74). 8. О корму и жалованьѣ (стр. 74—78). 9. О отпускѣ изъ службы (стр. 78—84). 10. О маршахъ и походномъ строю (стр. 84—90). 11. О квартирахъ и лагеряхъ (стр. 90—98). 12. О дезертерахъ и бѣглецахъ (стр. 98—108). 13. О штурмахъ или приступахъ (стр. 108—112). 14. О взятіи городовъ, крѣпостеи, добычи и плѣнныхъ (стр. 112—122). 15. О здачѣ крѣпостеи, капітуляціи и аккордахъ съ непріятелемъ (стр. 122—132). 16. О измѣнѣ и переппскѣ съ непріятелемъ (стр. 132—142). 17. О возмущеніи, бунтѣ и дракѣ (стр. 142—154). 18. О поносительныхъ писмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ (стр. 154—160). 19. О смертномъ убіиствѣ (стр. 160—180). 20. О содомскомъ грѣхѣ, о насиліи и блудѣ (стр. 180—192). 21. О зажиганіи, грабительствѣ и воровствѣ (стр. 192—206) 22. О лживои присягѣ, и подобныхъ сему преступленіяхъ (стр. 206—212). 23. О палачѣ и профосахъ (стр. 212—214). 24. О утаеніи и увозѣ ѕлодѣевъ (стр. 214—219).—Затѣмъ слѣдуетъ: „Реестръ на слѣдующыя главы сея книги" (стр. 220—223), и „Реестръ Артикуловъ Воинскихъ (стр. 224—255).

„Артикулъ Воинскіи 1735 года, есть перепечатка съ петровскаго изданія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Артікулъ воінскіи съ краткімъ толкованіемъ, напечатася повелѣніемъ царскаго велічества въ Санктпітербурхѣ. Лѣта Господня 1715, ноября 16 дня. Krieges Articuln mit beygefügten kurtzen Anmerkungen gedruckt in St. Petersburg 1715. 8° [1].

1736.

№ 26. Споръ любви и ревности **Кантата** на два голоса съ хоромъ. Сочинена къ Торжественному дню Преславнаго **Коронованія** Великія Государыни Імператріцы **Анны Іоанновны** Самодер-

[1] Наука и Литер. т. II, стр. 346. № 292. Въ этомъ воинскомъ уставѣ, составляющемъ законоположеніе для воинскихъ чиновъ, содержаніе нѣкоторыхъ „артикуловъ" можетъ равнымъ образомъ относиться и до другихъ званій и сословій государства; къ этимъ главамъ принадлежатъ слѣдующія: 17, 18, 19, 20, 21 и 22. Геннади упоминаетъ объ изданіяхъ „Артикула": 1744, 1755 и 1780. Справочн. Слов. Т. 1, стр. 47.

жицы Всероссійскія Апрѣля 28 дня, 1736 года. Музыку сочинилъ Г. Францискъ Арая Неаполітанецъ, Ея Императорскаго Величества Капель-Мейстеръ.—Печатана въ **Санктпетербургѣ** При Императорской Академіи Наукъ.—**La Gara** D'ell' Amore, e del Zelo Cantata a due voci, e choro per l'Annua solennita della **Coronatione** Faustissima di sua Maesta Imperiale **Anna Giovannona** Imperatrice di tutte le Russie, li 28 Aprile 1736, La Musica del Sign. Francesco Araja, Napolitano, Maestro di capella di S. M. Imperiale. — **St. Petersburgo** Niella Stamperia dell' Academia delle Scienze. 4°. 15 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 3. № 5039.

Русскій переводъ кантаты едва ли не безошибочно можно отнести къ трудамъ Тредіаковскаго, которому въ 1735 году, по приказанію бывшаго въ то время начальникомъ Академіи, барона Корфа, велѣно было переводить перечни италиянскихъ комедій и интермедій, о чемъ первый самъ впослѣдствіи расказывалъ [1]. Русскій переводъ на правой, италіанскій текстъ на лѣвой сторонѣ, и содержаніе пьесы составляетъ споръ, происходящій между „Прославленіемъ" (Fiama) и Славой" (Gloria). Кантата начинается хоромъ слѣдующимъ, дважды повторяющихся, двухъ строфъ:

Преславнаго сего дня,
Въ которой Анна Тронъ пріяла,
Съ желаніемъ, восклицаніемъ,
Да восплещетъ въ возвращеніе
Ея вѣрныхъ подданныхъ сердце.

*
* *

Сея жъ сердце Августѣйшія
Радующагося Народа
Да пріиметъ пламенну ревность
Да воспріиметъ его любовь.

За тѣмъ „Прославленіе" воздастъ хвалы великимъ дѣяніямъ императрицы Анны, и ея любви къ непобѣдимому народу ея; указываетъ на то, что на мѣстѣ преждебывшаго „бѣднаго жилища подлаго рыбаря" (D'umile Pescator povero Nido), нынѣ прекрасный и славный городъ, сдѣлавшійся морскою школой и мѣстопребываніемъ наукъ, такъ что можетъ назваться Венеціею Балтійскаго моря (del Baltico

---

[1] Истор. Акад. Н. т. II, стр. 59.

mar l'Adria novella); что подъ покровомъ императрицы пребываютъ здѣсь въ спокойствіи Галлы, Британцы и Бельги, и что благодаря ей, процвѣтаютъ здѣсь: искусство, красота и мудрость.... На удивленіе выраженное „Славою" краткости похвалъ приносимыхъ императрицѣ, „Прославленіе" говоритъ „Славѣ", „что трудно исчести Аннину славу" и когда послѣдняя начинаетъ въ свою очередь исчислять великія дѣла Анны, прибавляя ихъ къ упомянутымъ уже „Прославленіемъ", то какъ бы усмотрѣвъ невозможность исполнить принятый на себя подвигъ, умолкаетъ, сознавая все безсиліе своего дерзновенія" и потомъ говоритъ:

Хотѣвши дерсска Анны хвалу
Исчислить и дѣла высоки,
Не уразумѣла я, что звѣзды
Никогда сочесть невозможно...."

„Прославленіе" прекращаетъ споръ, обращаясь къ „Славѣ" съ слѣдующими словами: „Не говореноль отъ меня тебѣ было, что намъ лучше молчать? Хвалъ солнце никогда не требуетъ. Всѣмъ вѣдомо, всякъ, каково его сіяніе знаетъ и видитъ. Такова есть нынѣ Анна. И такъ да молчимъ. А вмѣсто хвалъ Ей нашихъ, да пріиметъ Ея сердце желанія наши въ сей день, въ который общая радость, Августѣйшая Государыня, при звукѣ громоподобныхъ оружіи и громогласныхъ военныхъ пѣсней празднуетъ, что Ты зришься на Престолѣ".— Кантата оканчивается слѣдующимъ, также какъ и въ началѣ, дважды повторяющимся хоромъ:

Любви, купно ревности
Преизрядный споръ намъ есть таковъ,
Какова роса живетъ цвѣтамъ
При свѣтлости утренней зари

*
* *

Тѣмъ что нынѣ Пальмомъ и Лавромъ
Ревность вѣнчаетъ Главу Аннѣ;
Она всѣмъ своимъ обѣщаетъ
Преизрядный вѣкъ златый.

№ 27. Календарь или Мѣсяцословъ Історіческіи. На лѣто отъ Рождества Хрістова **1736**, которое есть вісокосное лѣто, содержащее 366 днеи, сочиненныи на знатнѣишія мѣста Россіискаго Государства.—**Въ Санктпетербургѣ.** При Імператорской Академіи Наукъ. м. 8°. 106 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). 1 таблица съ рисунк., и изображ. рудомета.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 93а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. 111. стр. 541—544.

Въ календарѣ 1736 года помѣщено въ первый разъ „Церковное Счисленіе" въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ оно долгое время печаталось въ послѣдующіе года; также означены дни Преполовенія и Вознесенія. Кромѣ того распространена табличка положенія планетъ на первый день каждаго мѣсяца. Къ статьѣ VIII: „О Затмѣніяхъ сего года" приложена таблица съ чертежами имѣющихъ быть въ 1736 году двухъ полныхъ лунныхъ затмѣніяхъ съ такимъ примѣчаніемъ: Слѣдующая таблiца показываетъ въ которое время начало, середина и конецъ сего затмѣнія въ знатнѣйшихъ мѣстахъ Россiискаго Государства учинится;" затмѣнія эти вычислены для городовъ—Риги, Пернова, Ревеля, Дерпта, Нарвы, Кіева, Новгорода, Москвы, Архангельска, Казани, Астрахани, Дербента, Тобольска, Камчатки и Санкт-Петербурга. Въ VI-й статьѣ помѣщены астрологическія предсказанія о болѣзняхъ, возможныхъ въ настоящемъ году, хотя онѣ, по словамъ автора происходятъ болѣе отъ нашего невоздержанія, нежели отъ аспектовъ планетъ. Въ приложеніяхъ любопытны по отношенію своему къ исторіи астрономіи слѣдующія двѣ статьи, первая: „О явленіи Меркурія въ Солнцѣ" содержащая извѣстіе о предстоящемъ въ 1736 году прохожденіи Меркурія черезъ солнце; здѣсь издатель перечисляетъ годы и имена астрономовъ, видѣвшихъ это важное для исторіи астрономіи явленіе; при чемъ въ текстѣ находится чертежъ его изображающій. Потомъ авторъ статьи излагаетъ подробно все то, что извѣстно было въ его время о планетѣ Меркуріѣ, и между прочимъ говоритъ: „Ежели кто желаетъ знать, каково небо изъ Меркурія долженствуетъ казаться, то можетъ прежде Григоріи (англійскій астрономъ и геометръ) читателево любопытство въ семъ удовольствовать. Онъ ѣздилъ въ сію планету мнѣніемъ, и чрезъ основательное рассужденіе нашолъ, что ежели бы въ оной разумной смотритель находился, то надобно бы было слѣдующимъ явленіемъ тамъ казаться. Первое, понеже Меркурій содержится внутрь круга земли, то принуждены ему неподвижныя звѣзды въ такомъ же порядкѣ являться, какъ намъ на землѣ. Потомъ, понеже онъ къ солнцу почти въ трое ближе нежели земля, то долженствуетъ и солнечной діаметръ противъ нашего, втрое больше казаться, а слѣдовательно солнечная поверхность тамъ увидится всемеро больше нежели здѣсь, чего ради и солнечной жаръ тамъ имѣетъ быть всемеро здѣшняго больше, которой по Невтоновымъ основаніямъ воду въ такую горячесть привести можетъ, что

она будетъ кипѣть. Отсюда слѣдуетъ безъ прекословія, что тамъ такіе жители быть не могутъ, какіе здѣсь находятся. Однакожъ Апоутъ старался доказать, бутто солнечной жаръ тамъ не такъ силенъ, чтобъ онъ могъ жечь; не упоминая того, что не сходство въ центрѣ (эксцентрицитетъ) и ея (планеты) обращеніе, не малую перемѣну въ солнечномъ жарѣ учинить могутъ. Ктомужъ можетъ быть планета довольно твердаго свойства и потому можетъ жару больше противиться, какъ бы онъ великъ не былъ. Ежели бы кто съ Меркурія смотрѣлъ на солнце, тобъ могъ онъ увидѣть, что солнечныя пятна, буде бы какія тамъ были, по большои части движеніе свое совершали прямою линѣею отъ востока къ западу для того, что Меркурій не далеко отъ солнечнаго экватора отстоитъ"[1]. Слѣдующая статья „о Кометахъ", написанная по случаю ожиданія появленія Кассиніевой кометы 1663 года, заключаетъ въ себѣ весьма основательное о нихъ разсужденіе; причемъ авторъ указываетъ на сочиненіе маркиза и епископа „Кейслера", въ предисловіи котораго къ его „Эфемеридамъ" можно получить болѣе пространныя свѣдѣнія о настоящемъ предметѣ, откуда большею частью и заимствована помѣщенная здѣсь статья; особливо рекомендуется желающимъ найдти помянутыя свѣдѣнія, прочесть нхъ въ обширномъ трудѣ названнаго выше писателя въ (Commercio Astro), также въ Меморіяхъ королевской Академіи Наукъ.—Въ статьѣ озаглавленной „О прочихъ приключеніяхъ сего года" помѣщено краткое, но основательное вычисленіе Пасхи по юліанскому и грегоріанскому календарямъ; авторъ воспользовался случаемъ бывшей въ 1736 году, самой поздней пасхой, пришедшейся 25 апрѣля; говоря о ней, какъ о преходящемъ праздникѣ, авторъ объясняетъ причины разновременнаго ея празднованія, и предлагаетъ правила для нахожденія самой поздней Пасхи.—За отмѣткою о замерзаніи и вскрытіи Невы, слѣдуетъ „Сокращенное Історіческое Извѣстіе о Камчаткѣ" содержащее въ себѣ обстоятельное описаніе перваго путешествія коммандора Беринга, продолжавшагося съ половины 1725, по 1 марта 1736 г.[2]

---

[1] Эта любопытная выписка находится въ „Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій." т. 3, стр. 512—513.—[2] Составитель настоящаго календаря былъ астрономъ Христіанъ Николай Винцгеймъ. Онъ составилъ въ первый разъ таковой на 1735 годъ, и потомъ постоянно сочинялъ эту справочную книгу вмѣстѣ съ предсказаніями, которыя для тогдашнихъ читателей казались необходимы. Истор. Акад. Наукъ, т. 2. стр. 476.

1737.

№ 28. Атласъ сочиненный къ пользѣ и употребленію **Юношества и Всѣхъ Читателей** вѣдомостей и историческихъ книгъ.—напечатанъ въ **Санктпетербургѣ** при Імператорской Академіи Наукъ. 1737. въ м. продолгов. 8°. 27 нум. картъ.

Сопрд. Прибавл. 2-е. Отд. VII. № 11137.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи. 1838. стр. 460. № 37.—Геннади, Справочн. Словарь о росс. писат. т. 1. стр. 49.—Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1856 г. книжка 1. Спб. 1856. Ч. 16. № 1.

За гравированнымъ заглавнымъ листомъ слѣдуютъ 27 картъ: 1. Система міра Птоломея съ русской и нѣмецкой подписями: Чертежъ Свѣта по мнѣнію Птоломея. Die Welt nach der Meinung des Ptolomaei.—2. Ч. С. по мн. Тихобрага. D. W. nach d. M. des Tycho Brahe.—3. Ч. С. по мн. Коперніка. D. W. nach der. M. des Copernici.—4. Изображеніе армилярныхъ сферъ съ подписями: Сфера Коперникова.—Сфера Птоломеева.—5. Изображеніе компаса.—6. Генеральное изображеніе земноводнаго глобуса, (въ проекціи экваторіальной, которая безъ сомнѣнія есть самая удобная для плоскощарій.)—7. Европа (общая карта). 8. Португалія и Гишпанія. 9. Францїя. 10. Великая Британія. 11. Італїа. 12. Швейцарїа. 13. Германїа. 14. Голландїя. 15. Норвегїя и Швецїя. 16. Польша. 17. Венгерїя и Грецїя. 18. Азия. 19. Турцїя Азїатїческая. 20. Персїя. 21. Монгольское Владѣнїе. 22. Китаи. 23. Африка. 24. Америка Сѣверная. 25. Америка Южная. 26. Імперіи Россїйскїя часть первая. 27. Імперіи Россїйскїя часть вторая.—Надпись каждой карты украшена виньетой.

На верху первыхъ трехъ картъ съ изображеніемъ системъ міра, съ правой стороны помѣчено: ad pag: 20, 28 и 50, какъ бы указывающія на принадлежность свою къ страницамъ текста; но о текстѣ къ настоящему атласу не находится указаній въ извѣстныхъ каталогахъ. Пять первыхъ картъ атласа, изображающія системы міра, двѣ сферы и компасъ напечатаны досками, которыя впослѣдствіи послужили для оттисковъ, помѣщенныхъ въ учебникѣ географіи Крафта, изданномъ академіею наукъ въ 1738 году на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Einleitung zur mathematische und natürlichen Geografie, nebst dem Gebrauche der Erdkugeln und Land Karten, zum Nutzen Russischen studirenden Jugend; ebend. 1739. 8° [1]. Тѣ же самыя от-

---

[1] Исторія Акад. II т. 1. стр. 464.

тиски помянутыхъ пяти картъ приложены и къ русскому переводу этого учебника, напечатаннаго при академіи наукъ въ 1739 году, съ объясненіемъ ихъ изображеній на страницахъ текста, на которыя указываютъ помѣты находящіяся на картахъ [1].

Д. Перевощиковъ, въ статьѣ его, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Имп. Географическаго Общества, отзывается съ весьма невыгодной стороны объ „Атласѣ 1737 года, полагая его самымъ старѣйшимъ изъ подобныхъ сборниковъ картъ, изданныхъ въ Россіи, а вмѣстѣ съ признаніемъ его старшинства по времени, академикъ ставитъ на видъ всѣ его грубыя ошибки, бьющія въ глаза неисправности, словомъ, всю непригодность „Атласа“ котораго считаетъ не стоившимъ изданія, и отдаетъ ему справедливость лишь относительно гравировальнаго искусства находившагося въ Академіи Наукъ и въ то время въ удовлетворительномъ состояніи „и постепенно улучшавшагося“.—По поводу находящагося на 6-мъ листѣ „атласа“ генеральнаго изображенія земноводнаго круга, Перевощиковъ замѣчаетъ: „Весьма малый форматъ „атласа“ и узорная рама съ арабесками, съ дикарями, турками, древними римлянами и христіанской вѣрой въ видѣ женщины, сидящей на высокомъ престолѣ, не оставили достаточно мѣста для плоскошарій, и потому не было возможности помѣстить на нихъ какихъ нибудь подробностей; между Европой и Азіею не показано границъ, Африка совсѣмъ пуста, Сѣверная Америка простирается только до 50° широты, и надъ ней общая надпись „земля арктическая“. На общей картѣ Европы изображена большая часть Сибири, которой западная граница почти совпадаетъ съ Сѣверной Двиною и оканчивается у Волги, западнѣе Казани. Въ прочихъ европейскихъ государствахъ означены только главные города.

Частныя карты этихъ государствъ довольно подробны, кромѣ Швейцаріи и Европейской Турціи. Азія, Африка и обѣ Америки также весьма бѣдны. Но всего безобразнѣе двѣ карты Россіи; на одной изъ нихъ помѣщена европейская ея часть, вмѣстѣ съ Сибирью до восточной границы Енисейской провинціи, на другой же—провинція

---

[1] Матеріалы для Русск. Библіогр. Вып. 1. стр. 66. № 35. Пекарскій показалъ ошибочно, что русскій переводчикъ учебника географіи Крафта былъ Иванъ Голубцовъ, въ „Росписи“ Смирдина, на которую ссылается академикъ, указанъ переводъ Голубцова другаго учебника, также изданнаго Крафтомъ, и означеннаго подъ № 3953, съ слѣдующимъ заглавіемъ: Краткое руководство къ Теоретической Геометріи въ пользу учащагося въ Гимназіи при Имп. Акад. Наукъ Россійскаго юношества, соч. Георга Крафта, Спб. въ Т. Акад. Н. 1748 г. 8°.

Иркутская, Охотская и Камчатка. Въ Европейской Россіи означены только: Санктпетербургъ, Нарва, Ревель, Рига, Митава, Архангельскъ, Новгородъ, Москва, Смоленскъ, Полтава, Бѣлгородъ, Бахмутъ, Астрахань, и потомъ общія подписи: Малороссія, губернія Воронежская, царство Казанское, царство Астраханское, Юраты, (?) Самоѣды, Остяки, Калмыки, Башкирцы, Киргизы и Тунгузы. Второй листъ, или вторая часть совсѣмъ пуста, потому что въ ней показаны только города: Якутскъ, Иркутскъ, Нерчинскъ, Охотскъ и Албазинъ. При томъ очертаніе Охотскаго моря совершенно искажено.

Наконецъ замѣтимъ, что въ названіяхъ странъ, городовъ и морей господствуетъ совершенный произволъ: на однѣхъ картахъ написано: Шкоція, Гельвеція, Миланъ, Океанъ и проч., а на другихъ: Шотландія, Швейцарія, Мейланъ, Океанусъ и проч. Вмѣсто округъ вездѣ кругъ; Женева названа Генфомъ, женевское езеро—Генфорскимъ, Минхенъ—Менихомъ и проч... О правописаніи и говорить нечего; особенно съ буквою *і*, никакъ не могли сладить; напримѣръ писали „Сібірь, Італія, Турция, Босния, Бразілія и пр.—Можно судить, на сколько былъ полезенъ настоящій „атласъ изданный" къ пользѣ и употребленію юношества и всѣхъ читателей вѣдомостей и историческихъ книгъ, „и который по замѣчанію Перевощикова, былъ не лучше скудной и крайне неточной генеральной карты съ латинскими надписями, изданной въ 1734 году оберъ-секретаремъ Сената Иваномъ Кириловымъ [1].

№ 29. Санктпетербургскій **Календарь** на лѣто отъ Рождества Хрістова 1737, которое есть простое лѣто, содержащее 365 дней, сочиненныи на знатнѣйшія мѣста **Россійскаго Государства. Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°, 112 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа), на которомъ виньета съ изображ. госуд. герба; въ текстѣ изображ. рудомета, и таблица съ чертеж. затмѣній, вырѣз. на мѣди.

Геннади Справочн. Словарь, т. 2. стр. 96.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 544.

---

[1] Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1856 г. Кн. 1. Каталогъ географич. картъ Россіи. Вып. 1. О географич. картахъ XVIII столѣтія хранящихся въ Библіот. Акад. Наукъ, статья Д. Перевощикова. стр. 6—7. О картахъ изданныхъ въ XVIII столѣтіи находятся также свѣдѣнія въ „Каталогахъ издаваемыхъ Географическимъ Департаментомъ, въ книгѣ „Историческій Обзоръ Учебниковъ общей и русской Географіи. Спб. 1877, стр. 23—25; и въ „Stuckenberg's Versuch eines Quellen-Anzeigers etc. 2 B. Pet. 1849—1852.

Съ 1737 года заглавіе календаря измѣнилось; къ слову „Календарь" прибавлено „Санктпетербургскій" и оставлено прибавленіе къ нему: „или Мѣсяцесловъ Історіческии". Другихъ перемѣнъ противъ предъидущихъ годовъ въ немъ не находится; въ приложеніяхъ, четыре статьи тѣже что въ календарѣ 1736 года, по V-я, содержитъ объясненіе причинъ „затмѣвій" которыхъ въ 1737 будетъ три: одно солнечное имѣющее начаться въ февралѣ, въ 4 часа и 55 мин. пополудни, второе лунное 5-го марта пополудни, и третье лунное 29 августа въ 5 час. и 21 м. пополуночи. Извѣстіе о „Рудометѣ" помѣщено здѣсь вмѣстѣ съ предсказаніями о здравіи и болѣзняхъ, не столько по убѣжденію въ полезности, сколько для удовольствія читателей, привыкшихъ видѣть то и другое на страницахъ календаря. Доказательствомъ тому какъ издатели календарей старались уклониться отъ помѣщенія въ нихъ подобныхъ нелѣпостей, служитъ объявленіе въ статьѣ VI-й, что вмѣсто „неосновательнаго предсказанія о здравіи и болѣзняхъ предлагается здѣсь „благосклоннымъ читателямъ" таблица съ означеніемъ самой большой, и самой меньшей вышины барометра на каждый мѣсяцъ прошлаго 1734 года; къ таблицѣ сдѣлано примѣчаніе, что здѣсь дюймы разумѣются англійскіе. За тѣмъ является неизбѣжный рудометъ, и слѣдующее о немъ, въ угожденіе читателямъ, объясненіе: „Хотя рудометъ уже за восемь лѣтъ предъ симъ нашимъ читателямъ себя представлять началъ, однакожъ кажется, что онъ еще не совершенно открылся, и понеже его знаки нѣкоторымъ не весьма ясны показались, то сообщаемъ мы нынѣ для нихъ слѣдующее изъясненіе:

„Части человѣческаго тѣла приписаны 12 небеснымъ знакамъ такимъ порядкомъ, что овну, какъ первому изъ оныхъ, опредѣлена голова, тельцу шея, горло, и такъ далѣе, какъ то на помянутаго рудомета проведенныя лінѣи изъявляютъ. Сіе привело послѣдующихъ Астрологіческому ученію Медіковъ о себѣ въ такое мнѣніе, бутто они примѣтили, что изъ той части тѣла, или для оныя, кровь пускать не полезно, когда луна въ томъ знакѣ находится, которому оная часть подвержена.

По сему основанію значитъ приложенное при овнѣ словцо Gut (хорошо) что въ тотъ день кровь пускать хотя и хорошо, однако жъ не изъ головы, для того что сею частію овенъ владѣетъ.

Слово Mit, (посредственно) которое положено при знакѣ рака, значитъ что тогда кровь пускать посредственно, однакожъ оное пусканіе крови легкому, печени и селезенкѣ вредительно.

Напослѣдокъ словцо Bos, (худо) которое находится при тельцѣ, изъявляетъ что въ тотъ день, когда луна въ семъ знакѣ бываетъ,

кровь пускать худо, и особливо изъ шеи, для того сія часть тѣла придана помянутому знаку".—Въ VIII-мъ и IX-мъ приложеніяхъ къ календарю, помѣщены двѣ любопытныя статьи: одна астрономическая—„Краткое описаніе о планетѣ Юпитерѣ и о его спутникахъ"; другая этнографическая, подъ заглавіемъ: „Разныя Історіческія извѣстія о Черемисахъ и Мордвѣ", взятыя изъ восточныя и сѣверныя Татаріи, Ніколая Вітсена, которая на голландскомъ языкѣ издана вторымъ тисненіемъ. Между различными извѣстіями о религіи, образѣ жизни, правахъ, обычаяхъ, одеждѣ и оружіи Черемисъ и Мордвы, помѣщенъ для образца, черемисскаго языка переводъ на послѣдній съ русскаго молитвы Господней, и въ извѣстіи о Мордвѣ, вмѣсто находящейся въ книгѣ Витсена пространной росписи мордовскихъ словъ, названіе на ихъ языкѣ чиселъ.

Въ заключеніе помѣщенъ: „штатскій календарь, указующій дни рожденія высокихъ фамиліи на 1737 годъ. Роспись опыхъ господскихъ праздниковъ и статскихъ торжественныхъ дней, въ которыя отъ публичныхъ работъ дается свобода". На пасхѣ означены свободными только три первые дня. Отходъ и приходъ почтъ показанъ: нѣмецкой, шведской, московской, архангелогородской и кронштадтской; также приходъ и отходъ почтъ въ Ригѣ: нѣмецкой, россійской и ревельской.

1738.

№ 30. Истинное Изображеніе Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія и Непобѣдимыя Государыни Императріцы **Анны Іоанновны** Самодержицы Всероссіискія, и прочая, и прочая, и прочая, въ высокоторжественный день **Коронованія** Ея Імператорскаго Величества 28 апрѣля 1738 года съ всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ представленное отъ Імператорскія Академіи Наукъ.

—statius

Juvat ora tueri

Mixta notis belli placidamque gerentia pacem.—**Въ Санктпетербургѣ.** При императорской Академіи Наукъ 1°—10 ненум. страницъ. Въ началѣ и концѣ книги изображеніе лицевой и обратной стороны медали.

Сопик. Ч. 3. № 4458.—Смирд. Приб. 11. № 11036.—Всеобщ. Библ. Россіи, стр. 342. № 2.—Справоч. Словарь о русск. писател. т. II, стр. 51.

На оборотѣ заглавнаго листа эпиграфъ:

Claudianus Lib. III. v. 9—13.

Excipe magnanimum pectus, quo frena reguntur
Imperii, cuius libratur sensibus orbis.

Os sacrum, quod in aere colis, miraris in auro,
Cerne libens. Haec est felix quae bellat ubique.

то есть:

Пріими съ радостію сіе благородное сердце, которое всю Имперію управляетъ, и котораго мудрыми учрежденіями свѣтъ въ равновѣсіи содержится. Наслаждайся зрѣніемъ сего священнаго лица, которое ты на мѣди почитаешь и которому удивляешься, когда оное на золотѣ изображенное видишь. Оно изъявляетъ ту Великую Героїню, которая вездѣ благополучно воюетъ.

На первой страницѣ:..... Celsi nitor igneus oris

Membrorumque modus, qualem nec carmina fingunt
semideis......

Claudiam 1. c. L. 1. 45. (между двумя парал. чертами).

Настоящій панегирикъ въ видѣ поэмы, посвященный императрицѣ Аннѣ, принадлежитъ перу академика, стихотворца Якова Штелина, извѣстнаго въ свое время сочинителя оффиціальныхъ стиховъ въ честь царствующихъ особъ, придворныхъ торжествъ, также описаній народныхъ иллюминацій и т. п.; содержаніе панегирика, какъ и слѣдуетъ, состоитъ въ похвалахъ громкихъ дѣяній и добродѣтелей государыни. Обращаясь къ лицу ея, авторъ говоритъ, что съ того времени, какъ ея достойнѣйшая глава увѣнчалась императорскою короною, то и „Геликонъ чистымъ ея сіяніемъ оживотворился, и что ея давно славимая милость, показывала всегда наукамъ божественному подобное защищеніе". За тѣмъ онъ извѣщаетъ императрицу, что ради возвращенія того дня, въ который имперія, корона и благополучіе пришли въ соединеніе, поютъ и Парнасскіе жители веселыя пѣсни, повторяя радостныя восклицанія народа; ликуютъ по словамъ стихотворца и музы „въ тихой, приводимой въ движеніе благополучнымъ Зефуромъ, посвященной имъ рощѣ". Далѣе изображаются музы въ радости украшающія торжество вѣнцами изъ цвѣтовъ и лавровъ, поющія пѣснь свою къ честь монархини, поспѣшающія въ храмъ свой, посыпающія фиміамъ на жертвенникъ, и потомъ занимающія свои мѣста. Приступаетъ изъ нихъ одна лишь Эрато, и въ рѣчи своей къ сестрамъ, обращаетъ вниманіе ихъ на то, что на небѣ украшенномъ звѣздами, луна уже сто пятьдесятъ четвертый кругъ совершаетъ послѣ того, какъ красота храма „Апполінъ" отъ нихъ отлучился; и что хотя образъ его и изображенъ на камнѣ и металлахъ, а дѣла изваяны на проиэ-

веденныхъ его же разумомъ мѣдныхъ доскахъ, которыя будутъ прославлять его житіе какъ чудо всего міра во всю вѣчность; „но между тѣмъ“ продолжаетъ Эрато, „мѣсто его въ храмѣ и рощѣ не должно лишиться своего великолѣпія“; причемъ она напоминаетъ музамъ, что уже семь лѣтъ протекло съ того времени, какъ онѣ къ благополучію своему узнали, „кто Аполліну во всемъ подобенъ“; съ этими словами она указываетъ на преемницу его, къ которой всѣ онѣ (музы) благоговѣютъ, не видавъ еще образа ея. „Но коликое“, восклицаетъ красноречивая муза, „получилъ бы храмъ нашъ великолѣпіе, если бы могли показать истинное Ея изображеніе!“

Продолжая рѣчь свою, муза говоритъ, что если многіе народы слышащіе съ удивленіемъ о великихъ дѣлахъ Анны, давно жаждутъ имѣть истинный образъ столь славной государыни, чтобы „сіе украшеніе временъ можно было напечатлѣть въ сердцахъ всѣхъ людей“, то тѣмъ болѣе имъ, музамъ, того желать и искать должно. Эрато указываетъ на искусство, которое хотя и покусилось на подобный подвигъ, но принуждено было сознаться въ безсиліи своемъ изобразить „толикое Величество, которое видъ выше всякаго человѣка въ себѣ имѣетъ, совершенно сходно, чисто и по достоинству“. Оно во многихъ странахъ побуждало художниковъ къ успѣшному исполненію этой трудной задачи, но усматривало въ ихъ опытахъ, иногда большіе, иногда малые недостатки, такъ что труды ихъ представлялись далеко не достигающими совершенства. Наконецъ, муза съ усиліемъ вспоминаетъ объ одномъ швейцарцѣ всегда удовлетворявшемъ требованіямъ искусства, которое его воспитало, и благодаря его стараніямъ онъ достигъ знанія изображать на медаляхъ знаменитыхъ героевъ, и тѣмъ самымъ завѣщаетъ образъ ихъ всѣмъ послѣдующимъ временамъ. Къ этому художнику и взываетъ искусство, обращаясь къ нему устами музы: „Любезный Гедлингеръ! Ты избавь художество своимъ искусствомъ отъ поношенія: Тебѣ оставлена сія честь, чтобы здѣлать истинное изображеніе державнѣйшія въ свѣтѣ Монархини! Муза предоставляетъ помянутому художнику исполнить изображеніе „Анны“ и входитъ въ различныя подробности, придуманныя авторомъ поэмы, которыхъ Гедлингеръ, конечно, не въ состояніи былъ вполнѣ изобразить своимъ рѣзцомъ [1]. Въ заключеніе, своей къ нему рѣчи, муза го-

[1] Яковъ Штелинъ въ 1738 году подробно описалъ медальонъ императрицы Анны, Хедлингера (Hedlinguer), и помѣстилъ въ Примѣчанія къ петербургскимъ вѣдомостямъ. Истор. Акад. II. т. I. стр. 362.—Поэтическое, но через мѣру льстивое изображеніе императрицы въ настоящей поэмѣ не должно удив-

ворить: „Такъ подаетъ намъ художество образъ „великія Анны, которой Ей и той совершенно подобенъ, которая латы, копіе и щитъ въ знакъ своего божества носитъ; которая на войнѣ поражаетъ непріятелей, а въ мірѣ мудростію своею правосудіе и милость производитъ".

За тѣмъ краснорѣчивая Эрато указываетъ на находящійся въ храмѣ первый опытъ искусства, и предлагаетъ Парнассу воспроизвести черезъ питомцевъ его, сходно съ произведеніемъ художника, подобный же божественный образъ. Хоръ музъ поднимаетъ изображеніе „великія Анны", и ставитъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ до того стояло украшенное лаврами подобное же „Аполліново" съ надписью: „Петръ Великій"; и музы поютъ хвалу „великой Императрицѣ", отъ щедротъ которой, посвященный имъ храмъ, получилъ столь великое украшеніе, равняющееся тому покровительству, которымъ прежде отъ нея пользовался.—По окончаніи пѣснопѣнія, показывается исполненная вдохновенія „Калліопе"; остановясь передъ алтаремъ, открываетъ скрывавшую его зеленую завѣсу, и, прервавъ молчаніе, обращается къ сестрамъ своимъ, напоминая имъ о своей обязанности заносить громкія дѣянія великихъ героевъ на скрижаляхъ исторіи; и спрашиваетъ ихъ: „когда время представляло предметъ столь достойный ея пѣснопѣнія, какъ похвала „героичныя Анны?". Она говоритъ, что хотя и страшится важности предстоящаго ей дѣла, но что „милость и снисходительство" придаютъ смѣлость къ великимъ предпріятіямъ, и проситъ ихъ разсмотрѣть слабое изображеніе дѣяній императрицы, причемъ извѣщаетъ ихъ, что на представляемыя сію таблицы, изъ многихъ лѣтъ царствованія Анны, внесены только три первые года, чтобъ онѣ могли видѣть, не смотря на непродолжительное время, опытъ изображенія великой государыни; за тѣмъ муза проситъ „Истинну", скрывающуюся подъ завѣсомъ, объявить, что она управляла перомъ ея, и сказать, сколько геройскихъ дѣяній не могли помѣститься на таблицахъ по причинѣ малаго ихъ объема. Наконецъ Калліопа указываетъ Музамъ на изображеніе великой монархини, владѣющей престоломъ своихъ

лять, если вспомнимъ, что въ то давнее время грубой и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательной лести, каждый изъ стихотворцевъ, тѣмъ болѣе оффиціальныхъ, подобныхъ Штелину, считалъ своимъ долгомъ расточать безграничныя похвалы воспѣваемому имъ лицу, особливо особамъ императорскаго дома. Можно указать кромѣ него и на другихъ, принадлежавшихъ къ числу знаменитыхъ „поэтовъ" XVIII столѣтія, которые восхваляя не только царей, но и покровителей своихъ, переступали въ панегирикахъ своихъ границы благоразумія, и въ этомъ отношеніи произведенія ихъ отличались тѣми же достоинствами, которыя находятся въ настоящемъ сочиненіи Штелина.

прародителей, при чемъ говоритъ, что „вступленіе ея на него довольно показываетъ, что только она одна способна къ правленію столь сильною монархіей". Начиная воспѣвать дѣянія императрицы, Калліопа извѣщаетъ „что во время своего помазанія и принятія скипетра и короны, Анна" изгнала всякую продерзость и учинила награжденіе вѣрности; подала произвожденіемъ чиновъ непоколебимыя подпоры, которыя всѣмъ подверженнымъ Ей народомъ не токмо совѣтомъ, но и самымъ дѣломъ пользу приносятъ. Муза упоминаетъ о „пернатой славѣ", объявившей о томъ всему свѣту, вслѣдствіе чего представились изъ всѣхъ странъ свѣта послы для принесенія монархинѣ поздравленій съ принятіемъ престола. Далѣе Калліопа говоритъ объ отдаленныхъ народахъ, явившихся тогда для представленія новой императрицѣ, и называетъ Персовъ, Турокъ, Калмыковъ, Китайцевъ и Мунгаловъ, пришедшихъ къ „Аннину императорскому престолу" и смиренно преклонившихъ передъ нимъ колѣна; приступая къ своему пѣснопѣнію, муза исчисляетъ всѣ милости, оказанныя по вступленіи на престолъ императрицею, которая по движенію сердца своего „всѣхъ винныхъ изъ узъ и темницъ свободить велѣла" [1].

„Изгнаніе продерзости" и „награжденіе вѣрности," очевидно есть намекъ на попытку верховниковъ ограничить самодержавіе, и награды восторжествовавшей партіи. Штелинъ пользуясь правами автора поэмы, заставляетъ музу продолжать пѣснопѣніе, и устами ея, относитъ дальнѣйшія правительственныя распоряженія лично къ самой императрицѣ, возводя ихъ въ то же время на степень ея великихъ дѣяній; причемъ подтверждаетъ ихъ несомнѣнность ссылками на указы ея помѣщенными внизу страницъ съ обозначеніемъ чиселъ и годовъ ихъ изданія.—По словамъ автора поэмы или музы, вѣнецъ Петра возложенный на себя Анною, возбуждаетъ въ ней по волѣ Божьяго Промысла тѣ же „героичныя" движенія, которыя одушевляли царя въ царствованіе его; и такъ какъ Штелинъ видитъ въ императрицѣ продолжательницу начинаній Петра, то говоритъ, что духъ его съ высоты небесъ радостно взираетъ на приводимыя благополучно къ желанному окончанію, стараніемъ „державнѣйшія Анны" достохвальныя его предпріятія; какъ примѣръ приводитъ авторъ строющуюся повелѣніемъ императрицы, морскую каменную гавань для защиты Кронштадта отъ непріятеля, и самаго Нептуна [2]. Петръ, по словамъ музы, видитъ свой Петербургъ „многими умноженъ палатами [3], художниками, различными

[1] Указъ Е. И. В. отъ 22 іюня, 1730 г.—[2] Указъ отъ 1 мая 1730 г.—
[3] Указъ отъ 22 іюля 1730 г.

промыслами и купечествомъ; особенно радуется онъ тому, что то дѣло при Ладожскомъ озерѣ, которое онъ для пользы Европы и Азіи намѣренъ былъ исполнить, пришло къ совершенству, и приведено Анной къ окончанію въ тотъ день, въ который нѣкогда сила Петра приблизилась къ Шлюссельбургу [1]; основанное Петромъ адмиралтейство, Анна возвысила, что доказывается спускомъ корабля „Новая Надежда" въ море. Муза указываетъ, какъ „перо премудрыя Анны" направляемое Астреею (богиня правосудія), возобновляетъ законы, изгоняетъ неправду, и во всѣхъ дѣлахъ повелѣваетъ производить скорое рѣшеніе [2]; и за такую помощь Астреи воздвигнуты ей два новые храма: въ первомъ, должна она прекращать всѣ ссоры; во второмъ „производить правосудіе съ наказаньемъ и жестокостью [3]. Неистощимая въ похвалахъ императрицѣ муза, изображаетъ, какъ искусство въ „штатскихъ" (государственныхъ) дѣлахъ, приводитъ Анну въ Совѣтъ, гдѣ подноситъ ей зрительную трубу, въ которую государыня обозрѣваетъ вдругъ, какъ собственныя владѣнія, такъ равнымъ образомъ всю Европу и Азію, и вслѣдствіе того „производитъ по состоянію времени мудрѣйшія заключенія [4]. По возвращеніи изъ Совѣта, она предается попеченію о воспитаніи дѣтей, распространеніи христіанства, чему доказательствомъ служитъ заведеніе христіанскихъ школъ между Калмыками [5]. Многіе народы по словамъ музы, отреклись отъ магометанства и стараются обратить въ православную вѣру своихъ согражданъ; „Императорскій перунъ искореняетъ суевѣріе, обманъ и злобу огнемъ, и богомерзское чародѣйство, смертью, чѣмъ освобождаетъ Россійскій народъ отъ ложнаго мнѣнія и суетнаго страха"— [6]. Далѣе изображается какъ государыня „въ видѣ бодрыя Паллады" помышляющей и въ мирное время о военныхъ приготовленіяхъ, заботится о своей военной силѣ [7]; здѣсь учреждаетъ она многіе новые полки [8], тамъ прозорливо разсматриваетъ все пространство имперіи, укрѣпляетъ ея предѣлы, и достаточнымъ числомъ войскъ содержитъ степныя мѣста и границы въ безопасности [9]; ея попеченіемъ возрастаетъ насажденный садъ обучающагося военному искусству юношества [10]. И хотя намѣ-

[1] Октября 11. 1702.—[2] Указъ отъ 6 іюня 1730 .—[3] Указъ отъ 22 іюля, 1730 г.—[4] На прим.: заключенный тогда союзъ съ Римскимъ цесаремъ, Королемъ Датскимъ и проч.—[5] Указъ отъ 22 февраля, 1732.—[6] Указъ 26 мая, 1731.—[7] Учрежденіе Военной Коммиссіи для сочиненія новаго штата, октября 25, 1731 г.—[8] Учрежденіе двухъ полковъ гвардіи: Измайловскаго и Конной Гвардіи, также новыхъ кирассирскихъ и другихъ напольныхъ полковъ.—[9] Указъ отъ 30 мая, 1732 г., о приведеніи въ совершенное состояніе Украинской линіи. —[10] Указъ о учрежденіи Шляхетнаго Кадетскаго корпуса, отъ 22 іюля и 2 ноября 1731 г. (Прим. автор. Изобр.).

ренія ею предпринимаемыя вездѣ благополучно исполняются, но монархиня всѣ учрежденія высокимъ своимъ надзоромъ свидѣтельствуетъ, и сама гавани, крѣпости, арсеналы, войско и лошадей осматриваетъ......"

„Такъ", говоритъ въ заключеніе авторъ: Калліопе рѣчь свою къ Музамъ окончила, потомъ со страхомъ предъ Твоимъ Образомъ поклонившись, сказала: Богъ да сохранитъ Тебя всѣхъ вѣнцовъ достойнѣйшую Імператрицу, и да учинитъ твои день коронованія радостнымъ торжествомъ въ безконечные вѣки".—На послѣдней страницѣ между двумя параллельными чертами подпись: „Nec vaga dilecto satiantur lumina vultu. Claudian. l. c.

На первой страницѣ книги изображеніе лицевой стороны медали съ портретомъ императрицы въ профиль (на право) съ короною на головѣ; волосы украшены цвѣтами изъ дорогихъ камней, и по плечамъ ниспадаютъ вьющіеся локоны; на груди драгоцѣнное украшеніе и орденъ св. Андрея Первозваннаго. На плеча накинута, нѣсколько спущенная съ нихъ, царская мантія, подбитая горностаями. Круговая надпись: Анна Б. М. Імператрица и Самодержица Всеросс.; внизу на лѣвой сторонѣ подпись: І. С. Н. Подъ медалью: Резалъ Іванъ Соколовъ прі Ак: Н:—На послѣдней страницѣ оборотная сторона той же медали; императрица представлена въ видѣ сидящей на облакахъ Минервы въ шлемѣ, держащей въ правой рукѣ копье, и лѣвой, опирающейся на щитъ; по правую сторону видѣнъ остатокъ колонны и различные у ногъ богини лежащіе аттрибуты наукъ и художествъ. Круговая надпись: Въ мирѣ и войнѣ славна. Внизу, въ отрѣзѣ медали: 1738 [1].

№ 31. Санктпетербургскій Календарь. На лѣто отъ Рождества Христова **1738**+которое есть простое лѣто содержащее 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійскаго Государства. **Въ Санктпетербургѣ,** При Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 110 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). Изображеніе рудомета.

Геннад. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 96.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 544.

Календарь на 1738 годъ замѣчателенъ слѣдующими любопытными приложеніями: въ статьѣ „О затмѣніяхъ" находится извѣстіе о двухъ ожидаемыхъ въ этомъ году солнечныхъ затмѣніяхъ причемъ

---

[1] Д. Ровинскій. Русскіе граверы и ихъ произведенія. стр. 281. 10.

объясняются причины, ихъ производящія. Въ статьѣ VI-й содержится свѣдѣніе: „О уравненіи дней и разности между уравненнымъ и подлиннымъ временемъ"; она помѣщена въ первый разъ, и кромѣ содержанія своего замѣчательна тѣмъ, что изложена ясно, написана легкимъ слогомъ, хоть бы и не для того времени; къ статьѣ приложена таблица, указывающая способъ уравненія времени черезъ повѣрку часовъ по солнцу.—Далѣе слѣдуетъ примѣчаніе о „рудометѣ", въ которомъ замѣтно стараніе издателей календаря привести мало-по-малу въ исполненіе, намѣреніе поколебать давнишній его авторитетъ. Упомянувъ о недавнемъ истолкованіи нѣмецкихъ словъ, при немъ находящихся, издатели говорятъ, что относительно кровопусканія гораздо безопаснѣе слѣдовать совѣту искуснаго врача, нежели „рудомету", но что впрочемъ, вѣрующимъ въ него, предоставляется прибѣгать и къ нему.—„Краткое Разсужденіе о Планетѣ Марсѣ" начинается извѣстіемъ, что первый изъ астрономовъ, усмотрѣвшій посредствомъ тщательныхъ и неусыпныхъ наблюденій, теченіе и свойства означенной планеты, былъ знаменитый Кеплеръ, помѣстившій ученое о ней извѣстіе въ сочиненіи своемъ: „Commentarius de Motibus stellae Martis"; въ остальной части статьи объясняются движеніе и свойства планеты.—Въ слѣдующемъ „Краткомъ Описаніи оныхъ обрядовъ, которыя въ 1729 году отъ 22 числа Іюня, по 12 Іюля въ мѣстечкѣ Ургѣ, на рѣкѣ Элбінѣ, при перерожденіи Кутухты, знатнѣйшаго изъ мунгальскихъ ідольскихъ жрецовъ примѣчены были", содержится обстоятельное и хорошимъ слогомъ изложенное описаніе торжественнаго обряда обоготворенія означеннаго жреца Кутухты, сына жреца того же имени [1].

Въ число торжественныхъ дней отмѣченныхъ въ настоящемъ календарѣ, внесены: возшествіе на престолъ, рожденіе, тезоименитство, и коронованіе императрицы Анны Іоанновны; рожденіе, тезоименитство цесаревны Елисаветы Петровны и принцессы Анны; въ число кавалерскихъ праздниковъ включено „Воспоминаніе замиренія съ Шведскою Короною".

1739.

№ 32. Экстрактъ Штурманскаго Искусства изъ наукъ принадлежащихъ **къ Мореплаванію**, сочиненный въ вопросахъ и отвѣтахъ для пользы и безопасности Мореплавателей.—**Въ Санктпетербур-**

---

[1] Пространная выписка изъ означенной статьи помѣщена въ Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 545—546.

гѢ При Морской Академической Типографіи. 1739. м. 8°. 8 ненум., 190 нум. (текстъ) не считая заглавн. листъ; 40 ненум. стр. (таблицы). Фронтиспис и три таблицы рѣзан. на мѣди. Нумерація ошибочная и начинается съ 5-й стр.

Сопик. ч. 5. № 12725.—Сипрд. Приб. 2-е. 1832. № 11187.—Слов. Митр. Евген. 1845. т. II. стр. 178. (съ невѣрн. заглавіемъ и безъ обознач. года).

Книга посвящена императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ „всенижайшимъ и всеподданнѣйшимъ рабомъ Ѳедоромъ Соймоновымъ"; онъ, восхваляя дѣянія государыни, успѣшно оканчивающей недовершенное Петромъ, упоминаетъ также о томъ, что между распространенными въ Россіи полезными науками и знаніями и полезнѣйшее мореплавательное искусство достигло до такой степени совершенства, что должно почитаться за „великое украшеніе великія державы Великія Анны". Распространяясь о необходимости и пользѣ навигаціи, онъ считаетъ въ этой наукѣ главнѣйшимъ „доброе правительство корабля, достигаемое посредствомъ теоріи „должности штурманской". За тѣмъ онъ упоминаетъ о себѣ и изданной имъ книгѣ: „Моя должность требовала отъ меня не токмо все то, по крайней возможности наблюдать и примѣчать, что въ сей наукѣ при толь многочисленныхъ приключеніяхъ, самымъ искусствомъ познать мнѣ случилось; но и все оное изъ принадлежащихъ къ мореплаванію наукъ выбирать и записывать, что во время осмнатцатилѣтной морской службы, будучи чрезъ нѣкоторые годы и главнымъ командиромъ, усматривать, и нынѣ въ пользу мореплавателей вкратцѣ на свѣтъ издать рассудилъ за потребно."—Далѣе слѣдуетъ предисловіе „любезному читателю и доброхотному мореплавателю", состоящее въ доказательствахъ пользы и необходимости штурманскаго искусства, причемъ авторъ ссылается на 13-й артикулъ морскаго устава Петра Великаго, сознавшаго необходимость помянутаго искусства въ мореплаваніи. За тѣмъ переходя къ царствующей императрицѣ упоминаетъ о томъ, что она, оставя въ Морскомъ Уставѣ во всей силѣ учрежденіе „штурманской должности, повелѣла для лучшаго за нею надзора, учредить въ новосозданномъ морскомъ штатѣ особливый „мастерской чинъ въ классѣ оберъ-офицера".—Въ заключеніе предисловія авторъ „Экстракта" проситъ благосклонныхъ читателей, въ особенности искусныхъ мореплавателей исправить могущія встрѣтиться въ книгѣ погрѣшности и недостатки (стр. 3—14).

„Экстрактъ" Соймонова поданъ былъ на разсмотрѣніе профессору морской академіи Андрею Фархварсону, давшему за подписью своею,

слѣдующее одобреніе, помѣщенное въ книгѣ на стр. 15—16: „Свидѣтельство о книгѣ сей, математики профессора Господина Фархварсона. Книжица названная экстрактъ штурманскаго искусства къ безопасному правленію корабля, въ которыи собраны навигацкіе правила.

И хотя оные правила взяты изъ математико-навигацкихъ наукъ, однакожъ собраны и изображены въ вопросахъ и отвѣтахъ порядочно, что къ пользѣ правленія корабля, недостатка не имѣется.

А понеже предложена оная книжица въ академію математическихъ и навигацкихъ наукъ, бывшаго той академіи ученика Өедора Соймонова, которая по его прошенію, по моей же той должности, что онъ тою наукою произшелъ, въ бытность мою при той же академіи, того ради, яко профессоръ тѣхъ наукъ, поданную для опробаціи отъ обученнаго мною, оную разсматривалъ, и удостоиваю оную книжицу для тѣхъ, которые совершенно мореплаванія наукъ достигли, и благополучно желаютъ истинное мореплаваніе дѣйствомъ исполнять, нужную и полезную быть, памяти ради, въ содержаніи тѣхъ нужнѣйшихъ правилъ, безъ которыхъ, правда, яко безъ очей, путешественнику въ совершенномъ мореплаваніи трудно есть."

На страницѣ 17-й помѣщено: „Краткое Описаніе штюрманскаго искуства о нѣкоихъ навігацкихъ правилахъ, нужно къ мореплаванію при надлежащихъ. Книга раздѣляется на слѣдующія 11 главъ: 1. О взысканіи полнаго наводненія (стр. 17—29).— 2. О обсерваціи сонца (sic) стр. (30—39).—3. О обсерваціи звѣздъ (стр. 39—52).—4. О взысканіи склоненія компаса чрезъ Амплитуды (стр. 53—69).—5. О взысканіи склоненія компаса чрезъ Азімуөы стр. 69—74).—6. О древнемъ описаніи склоненія компаса (стр. 74—78).—7. О плоской и меркаторской навигаціи (стр. 78—84).—8. О (сочиненіи Діурнала (стр. 85—121).—9. О сочиненіи плоской хартины, и о искуствѣ размѣренія цыркелми по ней (стр. 121—147).— 10. О учиненіи правой хартины и о размѣреніи по оной (стр. 148—165).—11. О описаніи заливовъ, пристаней, и бреговъ морскихъ (стр. 166—189). Въ послѣдней главѣ находятся, подъ общей нумераціей страницъ, двѣ печатныя таблицы относящіяся: первая—къ 173, и вторая къ 181 стр. текста; кромѣ того въ концѣ книги, на 40 ненум. страницахъ таблицы съ надписями: „Таблицы. Положенія мѣстъ въ которыхъ во время новолунія и полнолунія бываетъ полное наводненіе или просто прикладной часъ. А (на 10 стр.) „Таблицы прямаго восхожденія слнца" (sic) (на 3 стр.); прочія же показываютъ склоненіе солнца на 1721—1724 г.), и „Табель Склоненія звѣздъ съ разстояніемъ ихъ отъ поля"; при томже во 100 лѣтъ умножаемое и

уменшаемое склоненіе, и прямое восхожденіе, и величина ихъ исчисляемая на 1701 годъ. На оборотѣ 1-й страницы или таблицы, показаны „Имена главнѣйшимъ звѣздамъ."

На фронтисписѣ изображеніе „сѣверной звѣзды", въ видѣ женщины съ блистающей надъ головою звѣздой, сидящей на облакѣ, опирающейся пр. рукою на компасъ, и лѣвою держащей корабль. На небѣ усѣянномъ звѣздами видна часть зодіака, и внизу восходящее солнце освѣщающее море съ плывущимъ къ населеннымъ берегамъ кораблемъ. Подъ гравюрою подпись въ стихахъ:

Сѣверная звѣзда здѣ, Западу не знаетъ
Тѣмъ мореплавателей, Вмощи провождаетъ.
Егдажъ свѣтила міра, Лучи имъ сіяютъ,
Тогда желаемыя Порты получаютъ.

На трехъ гравированныхъ таблицахъ, представлены слѣд. чертежи: 1. Градусы Екваторныя (гл. 10 стр. 158).—2. Фигура раздѣлѣния на части градусовъ меридіанныхъ искуствомъ циркуля (гл. 10. на оборотѣ ненум., но по счету 161 стр. 3. Безъ подписи (гл. 11. стр. 182).

№ 33. Книжица о сочіненіи и описаніи сектора скалъ плоскои и Гунтерскои со употребленіемъ оныхъ Інструментовъ, въ рѣшеніи разныхъ математическихъ проблемъ. **Отъ профессора математики Андреа Фархварсона изданная.**—Напечатана въ Морскои Академическои Типографіи.—Лѣта 1739: въ м. 4°. 54 нум. 2 нен. (стихи) и 3 нум. стран. (оглавленіе); Два складн. листа съ 19 фигурами.

Сопик. Ч. 3. № 5240.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи. 1838. стр. 461. № 41.

На 1-й страницѣ заглавіе: „Краткое Описаніе Сектора или: Какъ отъ нѣкоторыхъ называется ціркула пропорціоналного, гдѣ также показывается употребленіе изряднаго онаго інструмента въ рѣшеніи разныхъ проблемъ математіческихъ. Книга состоитъ изъ слѣдующихъ десяти главъ: 1-я. Описаніе хордъ, сінусовъ, тангенсовъ и проч.—2-я Какъ лінеи хордъ, сінусовъ, натуральныхъ тангенсовъ, секансовъ и проч., чертить и переносить на обыкновенныя скалы.—3-я. О скалѣ плоскои.—4-я. Толкованіе и сочиненіе лінеи нумеровъ, сінусовъ и тангенсовъ артифиціальныхъ.—5-я. О секторѣ, и описаніе лінеи тамъ положенныхъ.—6-я. О основаніи сектора и его употребленіи въ обще.—7-я. О употребленіи лінеи равныхъ частей. Состоитъ изъ семи

проблемъ.—8-я. О употребленіи лінеи хордъ, сінусовъ, тангенсовъ и секансовъ обще.—9-я. О нѣкоторыхъ особливыхъ употребленіяхъ лінеи круговыхъ сірѣчь хордъ, сінусовъ и проч., состоитъ изъ осьми проблемъ.—10-я. Подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Тригонометріа или употребленіе натуралныхъ и артіфіціалныхъ лінеи на секторѣ положенныхъ, въ рѣшеніи плоскихъ треуголниковъ прямоуголныхъ; за тѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе тригонометріи (Дефініціа): „Тригонометріа есть наука, которая учитъ мѣрять боки и углы всѣхъ треуголниковъ, и 4 проблемы съ рѣшеніемъ ихъ геометрічески и „чрезъ Гунтерскую скалу; то есть чрезъ черты артифіціалныя числъ сінусовъ и тангенсовъ.“ Книгу заключаетъ: „Прибавка“ съ предварительными словами составителя ея: „Хотя уже дано въ четвертой главѣ общее употребленіе артифиціалныхъ лінеи на Гунтерской скалѣ, однакожъ, понеже во употребленіи лінеи тангенсовъ, случится могутъ пропорціи, которыя остановку сдѣлаютъ, того ради, я захотѣлъ ея употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ полняе показать. Слѣдуютъ три случая съ „прикладами (примѣры) поясняющими вышеупомянутое употребленіе линій тангенсовъ, съ могущими встрѣтиться при немъ пропорціями. Далѣе излагается объясненіе, озаглавленное: „О двухъ лінеяхъ сінусовъ, версусовъ артифіціалныхъ, съ лінеею меридіоналною, и равныхъ на экваторѣ частей; на поляхъ страницъ находятся указанія на фигуры изображенныя на двухъ приложенныхъ къ книгѣ таблицахъ.

Довольно любопытны вирши написанныя отъ лица типографовъ, состоящія по обыкновенію стараго времени, въ прозьбѣ къ читателямъ извинить погрѣшности:

Всякіи книжицы сея, Кто ни будь читатель
Или пользы изъ нея, Прилѣжныи снискатель.
Труждающихся потомъ, Прошу изъ вините.
Негли въ чемъ погрѣшили, За то не клените,
Всякъ бы токмо имѣетъ, въ челѣ по два ока.
Кто самъ себе усмотритъ, Мудрость въ томъ глубока.

Какъ извѣстно, многіе учебники для морской академіи переведены съ латинскаго „хирургусомъ“ Сатаровымъ [1]; можетъ быть, ему же принадлежитъ переводъ и настоящей книги; она, также какъ и другіе математическіе учебники того времени, употреблявшіеся преподавателями, не отличается удобопонятностью, и ясностью изложенія.— Андрей Фархварсонъ (Farwharson или Fargwarson) профессоръ абер-

---

[1] См. Эвклидовы Элементы. Губерти. Матеріалы для Библіогр. Вып. 1. стр. 65, № 34.

динскаго университета былъ приглашенъ Петромъ Великимъ, когда послѣдній былъ въ Англіи, въ 1698 г. Даже въ офиціальныхъ бумагахъ сохранилось извѣстіе о значеніи этого англичанина въ исторіи русскаго просвѣщенія, и о томъ, что съ помощію его „первое обученіе математики въ Россіи введено, и едва ли не отъ высшихъ и до низшихъ, къ мореплаванію въ навигацкихъ наукахъ обучены [1]. О Фарварсонѣ Веберъ въ „Das veränderte Russland, (1, 136) говоритъ, что онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ учителей математическихъ школъ; въ совершенствѣ зналъ русскій языкъ и уже выслалъ много образованныхъ людей въ морскую и военную службу. Фарварсонъ же выбиралъ учениковъ для морской академіи въ Петербургъ, куда и былъ самъ переведенъ потомъ [2]. Сохранилось извѣстіе, что онъ исправлялъ переводы помянутаго Сатарова, что нѣкоторые изъ трудовъ Фарварсона по части математики служили руководствомъ для учениковъ, для которыхъ ихъ списывали учители и подмастерья; что имъ сочинены Тригонометрія, Алгебра, трактатъ о новой инвенціи для отвращенія вліянія качки при обсерваціяхъ и т. д. Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ остались только указанія въ оффиціальныхъ бумагахъ, самыя же сочиненія не отысканы. 3. Учители маѳематико-навигацкихъ школъ были — Ѳархварсонъ, Стефанъ Гвинъ (Stephen Gwyn), Ричардъ Грейсъ (Richard Gries) и Леонтій Магницкій [3]).

№ 34. Санктпетербургскій **Календарь** на лѣто отъ Рождества Христова, **1739**, которое есть простое лѣто, содержащее 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійскаго Государства.— Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 117 ненум. стр. Государств. гербъ рѣз. на деревѣ, рудометъ и таблица съ чертежомъ затмѣній.

Геннади, Справочн. Слов. Т 2. стр. 96. — Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 546.

Въ „Календарѣ" никакихъ перемѣнъ противъ таковаго же предъидущаго года не находится; изъ приложеній, въ V статьѣ, послѣ объясненія причинъ происхожденія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, из-

---

[1] Наука и Литерат. въ Росс. при Петрѣ Велик. т. 1. стр. 122—123.— [2] Тамъ же стр. 272.— [3] О первыхъ нашихъ спеціальныхъ заведеніяхъ—математической и навигацкой школѣ въ Москвѣ, и морской Академіи въ Петербургѣ, собраны свѣдѣнія въ трудѣ г. Веселаго." Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса. Спб. 1852 г. (Наука и Литер. въ Росс. т. 1. стр. 122).

вѣщается и имѣющихъ быть въ 1739 году—одномъ лунномъ и двухъ солнечныхъ; въ приложенной таблицѣ показано время, въ которое лунное затмѣніе, имѣющее начаться 13 января, вечеромъ въ 11-мъ часу. 41 м. 20 секундъ, произойдетъ въ другихъ городахъ россійской имперіи, показанныхъ въ помянутой таблицѣ. Относительно солнечныхъ затмѣній, издатели объявляютъ, что по разнымъ причинамъ они исчислены ими только для С. Петербурга по таблицамъ де ла Гира; для Москвы же, заимствовали опредѣленіе времени и величины затмѣній изъ Гононскихъ Эфемеридъ, составленныхъ по рукописнымъ таблицамъ Кассини; такъ что первое солнечное затмѣніе начнется въ Петербургѣ, 24 іюля (4 августа), въ 5-мъ часу, 6 м. пополудни; средина его будетъ въ 6-мъ часу. 56 м., конецъ не будетъ видимъ вслѣдствіе того, что луна съ солнцемъ по захожденіи его, еще не совершенно разойдутся. Второе солнечное затмѣніе начнется въ Петербургѣ 19 (30) декабря, въ 11 часовъ, 40 м. по утру, средина въ 11-мъ часу 25 м., и конецъ въ самый полдень. Въ Москвѣ, начало этого затмѣнія видимо будетъ въ 11-мъ часу, 8 м., средина въ 7 м. пополудни, и конецъ въ 1-мъ часу, 7 м.—Въ VI-й, превосходной астрономической статьѣ, имѣющей заглавіе: „О времени перваго движенія и о солнечномъ времени, объясняется сравненіе звѣзднаго времени съ среднимъ солнечнымъ, причемъ приложены таблицы, 1-я: показывающая, сколько время перваго движенія производитъ средняго солнечнаго времени, и 2-я, сколько среднее солнечное время производитъ времени перваго движенія или звѣзднаго времени; въ помянутыхъ таблицахъ доли секундъ выражены въ терціяхъ.

Быстрый переходъ отъ ученой статьи къ пользовавшемуся въ то время у читателей календарей большимъ авторитетомъ „рудомету", вызываетъ невольную улыбку; впрочемъ, издатели, представляя здѣсь неизмѣнное его изображеніе, ограничились на этотъ разъ, слѣдующими немногими о немъ словами, выражающими желаніе возбудить къ нему недовѣріе: „Защитители Астрологіи утверждаютъ, бутто извѣстное раздѣленіе рудомета, котораго части подвержены 12-ти небеснымъ знакамъ, чрезъ долговременное употребленіе уже довольно засвидѣтельствовано; и что кромѣ онаго, достаточнаго въ томъ основанія объявить можно. Однакожъ, дабы всякъ, имѣя случай чрезъ собственное искусство себя о томъ увѣрить, то обыкновенный рудометъ здѣсь опять представляется. VIII-я статья содержитъ: Краткое разсужденіе о планетѣ Венерѣ. Несмотря на краткость разсужденія, оно содержитъ въ себѣ подробныя по времени свѣдѣнія о помянутой планетѣ, основанныя на извѣстіяхъ о ней знаменитыхъ современныхъ астроно-

мовъ.—Въ IX-й, слѣдующей статьѣ, озаглавленной: „О прочихъ приключеніяхъ сего года“, находится между прочимъ разсужденіе о кометахъ, въ которомъ издатель говоритъ: „Хотя и невѣроятно чтобъ мы въ нынѣшнемъ году, кромѣ вышепоказанныхъ затмѣній могли что нибудь особливое примѣчанія достойное при планетахъ усмотрѣть, однакожъ извѣстный Ростъ обнадеживаетъ въ своей книгѣ называемой откровенный астрономъ, что въ семъ году явится опять небольшая комета, которая ужѐ въ 1707 и въ 1723 годахъ усмотрѣна была.“ За тѣмъ, для большаго удостовѣренія, издатели статьи приводятъ собственныя слова астронома, находящіяся на стр. 138-й его книги: „Напослѣдокъ, надлежитъ еще примѣтить, что явившаяся въ 1707 году комета, имѣетъ во всѣхъ своихъ феноменахъ совершенное сходство съ тою кометою, которая въ октябрѣ и ноябрѣ 1723 года, какъ здѣсь въ Нирнбергѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ внутрь и внѣ Эуропы примѣчена была; чего ради можно обѣ оныя кометы съ довольнымъ основаніемъ за одну почесть и приписать ей шестьнадцатилѣтнее время обращенія, какъ то уже Езуитъ Ніказій Грамматікъ учинилъ, которой въ своемъ рассужденіи о кометѣ случившейся въ 1723 году, нѣсколько доказалъ, что она явится опять въ 1739 году, въ началѣ Сентября, подъ созвѣздіемъ Козерога.“—Въ исторической статьѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе погребательнаго препровожденія и обрядовъ, каковы имѣли калмыки при сожженіи тѣла Чакуръ Ламы, недалеко отъ Санктпетербурга, въ Маіѣ мѣсяцѣ, 1736 года.“ Чакуръ пріѣхалъ въ Петербургъ съ ханомъ Чере-Дондукъ, сыномъ Аюки-хана, заболѣлъ и умеръ въ маіѣ, 1736 года [1].—Въ концѣ настоящаго календаря, какъ въ прошлогоднемъ, помѣщенъ „Штатскій Календарь показующій дни рожденія высокихъ особъ, на 1739 годъ; Роспись господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ въ которые отъ публичныхъ работъ дается свобода и извѣстіе о приходѣ и отходѣ почтъ въ С.-Петербургѣ.

1741.

№ 35. Подлинное и обстоятельное **Описаніе** построеннаго въ **Санктпетербургѣ** въ Генварѣ мѣсяцѣ 1740 года **Ледянаго Дома** и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ съ приложенными при томъ гридорованными фигурами, также нѣкоторы-

[1] Разсказано въ краткихъ словахъ, въ 3-й части книги: Магаз. Землевѣд. и Путешеств. стр. 546—547.

ми примѣчаніями о бывшей въ 1740 году во всей Эвропѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной науки чрезъ **Георга Волфганга** К р а ф т а Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ члена и Физики Профессора.—Печатано при Императорской Академіи Наукъ 1741. 4°. 2 ненум. и 36 нум. стран., VI таблицъ съ фигурами.

Смирд. Ч. II. № 2735.—Геннад. Справочн. Слов. т. 2. стр. 177. Истор. Акад. Наукъ т. 1. стр. 464.—Слов. Митр. Евген. 1845. т. 1. стр. 313.

Въ началѣ книги помѣщена состоящая изъ 24-хъ строкъ эпиграмма на латинскомъ языкѣ, въ стихахъ, сочиненная академикомъ, филологомъ Христіаномъ Крузіусомъ къ Крафту, котораго превозноситъ похвалами, и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищается „Ледянымъ домомъ". „Ad clarissimum Auctorem, epigramma Christiani Crusii."

Quid mihi Pyramidas, manibus quas vilis inemtis
Urgens adsiduum turba peregit opus;
Quid Triuiae, molli multum laudata colono
Culmina, queis veteres jactat opes Asia;
Coctilibusue etiam moris altam Babylona;
Aëre vel vacuo pensile tollis onus?
Aut quid naumachias, circos, templa, amphitheatra
Suspicis, antiquas et legis historias?
Ecce novus potiora tulit miracula mundus,
Jussit et oblitos spernere maior avos!
Aedificat glacie; vitreis tecta alta columnis
Surgunt; concreto conditur amne domus.
Vidimus adstrictam Vulcanum spargere lympham,
Aptaque tormentis amnica terga fiunt.
Nerea tum credo, tentantem cernere pompas,
Fluctibus e mediis exseruisse caput;
Nereidumque choros plausum geminasse sub undis
Et stupuisse Deas ludicra monstra reor.
Quid? quod et haec thermas, lectum et bellaria mensis
Imposita, atque larem praestitit et thalamum
Singula quid referam? solus cum credere possit
Spectator, cuius tradita sunt oculis.
Postera quin altas credet: sed credere K r a f f t i,
Ante tuum librum cum legerit, poterit [1].

[1] Это стихотвореніе было едва ли не первымъ произведеніемъ Крузіуса по пріѣздѣ его въ Россію. (Истор. Акад. Наукъ. т. 1. стр. 691). Эпиграмма помѣщена здѣсь вполнѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ „Описанія" Ледяваго дома, она не находится.

Авторъ „Описанія начинаетъ разсужденіемъ о томъ, что искусство употребляетъ для произведеній своихъ, приносящихъ человѣку пользу или удовольствіе, различные матеріалы, и что въ природѣ нѣтъ почти ни одного предмета не усовершенствованнаго человѣческимъ умомъ и искусствомъ; что между всѣми матеріалами ею представляемыми, одинъ только ледъ донынѣ почти не былъ употребленъ въ дѣло, несмотря на ту значительную пользу, которую онъ можетъ принести будучи въ твердомъ видѣ. Авторъ говоритъ далѣе, что сколько ему извѣстно, искусство, по прозрачности льда, употребляло его вмѣсто стекла, или выдѣлывало изъ него оконницы, стаканы, употребляемые въ Италіи, или зажигательныя стёкла; послѣднія по словамъ его изобрѣтены еще недавно, и не были извѣстны главнымъ въ свое время естествоиспытателямъ—Аристотелю и Плинію, умѣвшимъ добывать огонь посредствомъ воды, заключенной въ пустомъ стеклянномъ шарикѣ, поставленномъ противъ солнечныхъ лучей; но не знали приспособленія къ тому же дѣлу, льда. Крафтъ, между прочимъ подробно сообщаетъ о способахъ употребленныхъ для производства ледяныхъ зажигательныхъ стеколъ, знаменитымъ французскимъ физикомъ Маріотомъ [1].

Упомянувъ о немногочисленныхъ предметахъ произведенныхъ до настоящаго времени искусствомъ изъ льда, авторъ указываетъ на двѣ причины, послужившія препятствіемъ къ распространенію и усовершенствованію льдяныхъ произведеній. Холодъ мѣшавшій работѣ, и непрочность самаго матеріала въ большей части странъ земнаго шара; помянутыя двѣ причины, не должны по мнѣнію Крафта, несмотря на достаточную свою основательность, удерживать дѣйствій нашихъ надъ льдомъ, и употребленія надъ нимъ долота и рѣзца, съ цѣлью достиженій какого-либо неожидаанаго открытія, или пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній о веществахъ, обладающихъ прочностью и продолжительностью въ другихъ небесныхъ тѣлахъ. Авторъ входитъ здѣсь въ разсужденіе о томъ, что ледъ не во всей вселенной такъ непроченъ, какъ у насъ на землѣ, и что желѣзо, сопротивляющееся долѣе другихъ металловъ дѣйствію огня, было бы всегда жидко въ солнцѣ, и могло бы служить для питья и умыванія жителямъ этой планеты, если таковые въ ней находятся; какъ равно и жители, которыхъ можемъ себѣ вообразить, въ Венерѣ и Меркуріѣ, могли бы точно также употреблять свинецъ и олово. По словамъ автора, достовѣрно и то, что

---

[1] На стр. 5 „Описанія“ въ выноскѣ указаніе автора на сочиненіе Маріота: „Oeuvres de Mr. Mariotte. A.Leyde 1717. t II. p. 607.“

вода, видимая нами здѣсь, какъ жидкое тѣло, должна находиться въ Сатурнѣ въ видѣ камня, твердостью подобнаго мрамору, имѣющаго свойство таять отъ сильнаго огня; изъ чего необходимо слѣдуетъ, что постоянно жестокая стужа въ Сатурнѣ, по чрезмѣрному отдаленію его отъ солнца, производитъ надъ водою то же дѣйствіе, какъ у насъ умѣренный сравнительно холодъ. Слѣдовательно, если въ Сатурнѣ есть вода, то она по словамъ Крафта не можетъ тамъ существовать иначе какъ видѣ мрамора; и если эта планета населена жителями, которыхъ необходимость заставила бы строить дома, то они безъ сомнѣнія употребляли бы на то водяной камень. Авторъ высказываетъ мысль, что если бы у насъ нашелся художникъ, поощренный наградою отъ какой либо знатной особы, который употребилъ бы искусство свое на изобрѣтеніе какого-либо предмета, еслибъ даже и не получилъ за него денежной награды, то несомнѣнно распространилъ бы наши познанія, представя намъ на примѣръ: подобіе загороднаго дома выстроеннаго можетъ быть въ Сатурнѣ, или пирамиды, сооруженіемъ которой, искусный художникъ въ той же планетѣ, обезсмертилъ имя свое; или къ великому удовольствію нашему, что нибудь подобное.

За тѣмъ Крафтъ вспоминаетъ о жестокой стужѣ бывшей въ зиму, 1740 года, давшей почувствовать себя всей Европѣ, и оставившей печальные послѣ себя слѣды, ощущаемые до настоящаго времени, и наградившей массами льда страны, въ которыхъ его обыкновенно не бываетъ, такъ что это послужило поводомъ любознательнымъ людямъ, испытать искусство свое надъ льдомъ—веществомъ, часто для насъ вреднымъ, и тѣмъ принесть, если не дѣйствительную пользу, то по крайней мѣрѣ, нѣкоторое удовольствіе. Сказанное имъ, онъ подтверждаетъ примѣромъ, сообщая о сдѣланномъ въ Любекѣ, передъ голстинскими воротами, во время жестокой стужи, поручикомъ Мейнертомъ ледянаго льва, длиною въ 7 футовъ, но изображеннаго съ такимъ искусствомъ, что никакой рѣзщикъ не могъ бы лучше вырѣзать его изъ дерева; такъ и о находящихся около помянутаго льва, ледяныхъ—больверкѣ съ 5-ю пушками, солдатѣ и будкѣ [1], работы того же художника.

Приступая къ извѣстію о несравненно замѣчательнѣйшемъ сооруженіи въ Петербургѣ „Ледянаго дома" авторъ „Описанія" говоритъ что онъ былъ построенъ изъ чистаго льда, по правиламъ тогдашней

---

[1] Въ выноскѣ, на стр. 10. указаніе на: „Kurtz gefaszte Historische Nachrichten auf das Iahr 1740 XIII—tes Stück. p. 256.

новѣйшеи архитектуры; и восхищаясь имъ, считаетъ его достойнымъ не только такого же долговѣчія какъ наши обыкновенные дома, но даже быть перенесеннымъ въ число звѣздъ въ Сатурнѣ; затѣмъ сообщаетъ, что честь почина этой необыкновенной постройки принадлежитъ Алексѣю Даниловичу Татищеву, получившему на то соизволеніе императрицы Анны Іоанновны, принявшей на себя необходимыя для работъ значительные расходы; далѣе Крафтъ расказываетъ о немедленномъ началѣ означенныхъ по строенію дома работъ, начавшихся въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1739 года, сперва на льду Невы передъ зимнимъ дворцомъ, по причинѣ нахожденія подъ руками необходимаго матеріала. Несмотря однако на твердость невскаго льда, выдерживающаго, какъ говоритъ Крафтъ многія тысячи вооруженныхъ людей, пальбу изъ большихъ пушекъ и мортиръ, или взятіе построенной для военныхъ упражненій на льду крѣпости обороняемой гарнизономъ, при первомъ опытѣ постройки, ледъ, подъ тяжестью дома, котораго стѣны доведены были до значительной высоты, началъ опускаться, что произошло не столько отъ давленія зданія на ледъ, сколько отъ того, что продолжали работу, не давъ окрѣпнуть фундаменту; къ тому же сдѣлалась оттепель, не возвращавшаяся потомъ во всю зиму. По словамъ автора „Описанія" это обстоятельство замедлившее исполненіе задуманнаго намѣренія построить Ледяной домъ нисколько не ослабило, но напротивъ удвоило ревность къ окончанію предпріятія. Мѣсто избранное вновь для постройки, находилось между адмиралтейскою крѣпостью и новымъ въ то время, зимнимъ дворцомъ сооруженнымъ покойною императрицей Анною. Здѣсь авторъ излагаетъ подробно ходъ приготовительныхъ работъ, и за тѣмъ сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени построенъ былъ домъ, длиною въ 8, шириною въ $2\frac{1}{2}$, и вышиною вмѣстѣ съ кровлею въ 3 сажени; и прибавляетъ къ тому, что онъ казался великолѣпнѣе, чѣмъ еслибы былъ построенъ изъ самаго лучшаго мрамора, потому что представлялся какъ бы вылитымъ изъ одного куска; и по прозрачности и синему цвѣту, походилъ на камень несравненно драгоцѣннѣйшій мрамора.—По рѣдкости книги, въ настоящее время трудно находимой, приводится здѣсь дословное описаніе сдѣланное Крафтомъ съ мельчайшими подробностями, какъ внѣшняго вида, такъ и внутренняго расположенія „Ледянаго дома" со всѣми предметами, въ немъ содержавшимися. Для большей ясности, авторъ въ „Описаніи" своемъ, указываетъ по мѣрѣ надобности на фигуры таблицъ приложенныхъ къ книгѣ, означенныя латинскими литерами, и объясняетъ раздѣленіе масштабя находящагося при планѣ дома. Правописаніе того времени соблюдено въ точности:

17

„Не каждый день всякому позволено было въ сіе строеніе ходить и оное смотрѣть, но отъ того произошла было безпрестанная тѣснота, такъ что вскорѣ надлежало тамъ караулъ поставить, дабы оной при чрезвычайномъ собраніи народа, которой туда для смотрѣнія приходилъ, содержалъ нѣкоторой порядокъ. Для помянутой же причины около всего ледянаго строенія воткнуты были деревянные колышки и соединены брусками. Напереди передъ домомъ стояло 6 ледяныхъ точеныхъ пушекъ, которыя имѣли колеса и станки ледяныя жъ, что и о всемъ послѣдующемъ уразумѣть должно, развѣ что неледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Помянутыя пушки величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехъ фунтовыхъ здѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ не однакратно стрѣляли, въ которомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четверти фунта, а притомъ посконное или желѣзное ядро закачивали. Такое ядро нѣкогда въ присутсувіи всего Императорскаго придворнаго штата, въ расстояніи 60 шаговъ доску, толщиною въ два дюйма, насквозь пробило. Ещежъ стояли въ томъ же ряду съ пушками, двѣ мортиры. Оныя мортиры здѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухъ пудовой бомбы, изъ которыхъ многократно бомбы бросали, причемъ на зарядъ въ гнѣздо по четверти фунта пороху кладено. Напослѣдокъ въ томъ же ряду у воротъ стояли два делфина. Сіи делфины помощію пасосовъ, огонь отъ зажженой нѣфти изъ челюстей выбрасывали, что ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряду пушекъ и мортиръ, здѣланы были около всего дому изъ ледяныхъ балясъ изрядные перилы, между которыми въ ровномъ расстояніи четвероугольные столбы стояли. Когда на оной домъ изъ близи смотрѣли, то съ удивленіемъ видна была вверьху на кровлѣ четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галерѣя, а надъ входомъ преизрядной фронтишпицъ, въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенной. Самой домъ имѣлъ дверные и оконишные косяки, также и пилястры выкрашенные краскою на подобіе зеленаго мармора. Въ ономъ же домѣ находилось крыльцо и двои двери; при входѣ въ домъ были сѣни, а по обѣимъ сторонамъ покои безъ потолоку, съ одною только крышкою. Въ сѣняхъ были четыре окна, а въ каждомъ покоѣ по пяти оконъ, въ которыхъ какъ рамки, такъ и стекла изъ тонкаго, чистаго льду здѣланы были. Ночью въ оныхъ окнахъ не однократно много свѣчь горѣло, и почти на каждомъ окнѣ видны были на полотнѣ писанныя смѣшныя картины; причемъ сіяніе сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядной и весьма удивительной видъ показывало. Въ перилахъ кромѣ главнаго входа, находились еще двои

стороннія ворота, и на нихъ горшки съ цвѣтами и съ померанцевыми деревьями; а подлѣ нихъ простыя ледяныя деревья, листья и вѣтьви ледяныя жъ имѣющія, на которыхъ сидѣли птицы, что все изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны были покои: Первая половина покоя (уборная). Тутъ стоялъ уборной столъ, на которомъ находились зеркало, нѣсколько шандаловъ съ свѣчами, которыя по почамъ будучи нѣфтью намазаны, горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. Другая половина покоя (спальня); тутъ видна была преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелею, подушками и одѣяломъ, двои туфли, два колпака, табуретъ и рѣзнои работы комель, въ которомъ лежащія ледяныя дрова нѣфтью намазанныя многократно горѣли. Половина покоя (гостиная). Тамъ стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса, сквозь свѣтлои ледъ видны были. Сверьхъ сего, на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ лежали для игранія примороженныя подлинныя карты съ марками. Подлѣ стола, по обѣимъ сторонамъ стояли рѣзнои работы два долгія стула, а въ углахъ двѣ статуи. Другая половина покоя (буфетъ). Тутъ стоялъ по правую руку рѣзнои угольнои поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изольду здѣланы, и приличными натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дому украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ Во первыхъ, на всякои сторонѣ на педесталѣ съ фронтишпицомъ, поставлено было по четыреугольнои пирамидѣ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя ззади отъ дому входъ имѣли. На каждои оныхъ сторонѣ, высѣчено было по круглому окну, около которыхъ снаружи размалеванныя часовыя доски находились, а внутри осьміугольнои бумажнои большои фонарь висѣлъ, у котораго на каждои сторонѣ всякія смѣшныя фигуры намалеваны были, и въ которомъ ночью свѣчи горѣли. Оной фонарь, находившеися внутри потаинои человѣкъ вдругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно изъ помянутыхъ фигуръ, одну за другою, смотрители видѣть могли.

Второе, по правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ, на которомъ сидѣлъ Персіянинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ ево, еще два Персіянина въ обыкновеннои человѣческои величинѣ стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ, и такъ хитро здѣланъ, что днемъ воду, вышиною на 24 фута пускалъ, которая изъ блиско находившагося канала Адмиралтеискои крѣпости трубами приведена была, а ночью съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смот-

рителеи горящую нѣфть выбрасывалъ. Сверьхъ же того, могъ онъ какъ живои слонъ кричать, которои голосъ, потаеннои въ немъ человѣкъ производилъ. Третіе, на лѣвои сторонѣ дома, по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изольду построена была баня, которая, казалось, бутто изъ простыхъ бревенъ здѣлана была; и которую нѣсколько разъ топили, и дѣиствительно въ неи парились.“

Послѣ этого подробнаго и тщательнаго „описанія ледянаго дома,“ Крафтъ сообщаетъ о томъ, что по случаю жестокого мороза наступившаго въ началѣ января и почти безпрерывно продолжавшагося до марта мѣсяца, домъ до означеннаго времени стоялъ безъ всякаго повреждения; но въ исходѣ марта началъ клониться къ паденію, и мало по малу разрушаться, особливо съ полуденной стороны; описатель его прибавляетъ, что изъ обвалившихся льдинъ, самыя большія были отвезены въ императорскій ледникъ; и за тѣмъ говоритъ, что кромѣ удовольствія доставленнаго этимъ домомъ публикѣ, на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на физическій опытъ тѣмъ болѣе полезный, что онъ произведенъ въ большихъ размѣрахъ, и слѣдовательно расширилъ кругъ познаній нашихъ; и что теперь мы ясно видимъ возможность при сильномъ морозѣ сооружать зданія изъ льду, и поливая льдины водою, немедля сплачивать; точно также точить, сверлить, рубить ледъ, и намазавъ его нефтью, получать огонь, и наконецъ, сдѣлавъ изъ него пушки, производить изъ нихъ пальбу безъ вкладыванія въ ледяное орудіе жестяной трубы; не смотря на общую нашу увѣренность къ истинѣ всего сказаннаго, нашлись, по словамъ автора „Описанія“ нѣкоторые люди въ Германіи, которымъ большая часть сообщеннаго выше, показалась невѣроятнымъ и вымышленнымъ, и что чѣмъ далѣе слухъ о ледяномъ домѣ нашемъ распространится въ полуденныхъ странахъ, тѣмъ болѣе расказы о немъ покажутся баснословными.

Наконецъ онъ пускается въ доказательства возможности пальбы изъ ледяныхъ пушекъ, и разсуждаетъ о великой пользѣ, которая бы произошла, еслибы жестокія зимы подобныя бывшимъ въ 1709 и 1740 годахъ, можно было предвидѣть, и предъугадать годы ихъ повторенія; по мнѣнію его, для этого могли бы служить подробныя записки о годахъ, въ которыхъ были холодныя зимы; причемъ нужно бы замѣтить, не слѣдовали ли онѣ въ періодическомъ порядкѣ. Затѣмъ онъ предлагаетъ въ видѣ опыта, перечень таковыхъ годовъ, начиная съ 177 года до Р. Х., до 1740 по Р. Х. включительно, и дѣлаетъ выводъ, что холодныя зимы бывали обыкновенно черезъ каждое тридцатилѣтіе. Помянутый перечень холодныхъ годовъ, представленный Крафтомъ въ видѣ таблицы (Опис. стр. 24—29) основанъ имъ на из-

вѣстіяхъ древнихъ писателей, въ особенности на хронологіи Сифа Кальвазія, почерпавшаго свѣдѣнія изъ другихъ авторовъ и разныхъ сочиненій. — Разсужденіе оканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ о жестокой стужѣ въ концѣ 1739, и началѣ 1740 годовъ. Величайшій въ Петербургѣ морозъ былъ въ 1739 году съ 10-го ноября по 14-е, и съ 20, по 24 число стараго стиля; съ 5-го декабря по 13-е, и съ 25-го по 31 число. Въ 1740 году, безпрерывный морозъ въ продолженіи всего января; въ февралѣ въ первые 18, и послѣдніе 3 дня; въ мартѣ съ 1-го па 3-е, и съ 8-го, на 16-е число. 28 января былъ наижесточайшій морозъ; въ этотъ день на императорской обсерваторіи въ 7 часовъ утра, ртуть по фаренгейтову термометру стояла на 30° ниже нуля.—14-го марта 1740 года, снѣгъ лежалъ еще въ С. Петербургѣ на 2 фута, но земля подъ льдомъ была уже тала, и промерзла только на 4 фута. Для лучшаго объясненія жестокости зимы 1739 года, Крафтъ приводитъ примѣръ опыта произведеннаго надъ выставленными на воздухъ крѣпкою французскою водкою, соленою, вареною и рѣчною водою, пивомъ и краснымъ виномъ, съ показаніемъ времени въ которое означенныя жидкости начинали замерзать. Въ концѣ книги, на стр. 30, помѣщена таблица, составленная изъ извѣстій напечатанныхъ въ вѣдомостяхъ, съ указаніемъ бывшихъ въ разныхъ городахъ Германіи холодахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ, чиселъ, также именъ ученыхъ, дѣлавшихъ надъ этимъ свои наблюденія.

На VI-ти, приложенныхъ къ „Описанію" таблицахъ изображены, на верхней половинѣ таб. I. № 1: фасадъ дома, съ правой стороны котораго фигура слона, съ лѣвой бани; на нижней половинѣ № 2: планъ дома и означенныхъ двухъ предметовъ. Таб. II и III: Разрѣзъ первой половины покоя: уборная и спальня. Таб. IV и V: Разрѣзъ второй половины покоя: гостиная и буфетъ.—Таб. VI. Ледяные дельфины и пушки [1].

„Описаніе Леденяго дома" было переведено съ нѣмецкаго членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ и профессоромъ Исторіи,

---

[1] Рисунки къ „Описанію" Ледянаго дома, но въ меньшемъ размѣрѣ помѣщены вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ текста, въ повременномъ историческомъ изданіи „Русская старина" 1873 г., мартъ, стр. 354. Фасадъ дома, изображенный на табл. 1-й „Описанія" былъ воспроизведенъ изъ книги Крафта, и едва ли не въ первый разъ, на гравюрѣ приложенной ко 2-й части романа „Ледяной домъ" (1835) извѣстнаго въ свое время писателя И. Лажечникова, который на стр. 3—10, первой части своего произведенія, помѣстилъ извлеченіе изъ „описанія" Крафта, и въ примѣчаніи къ страницамъ 2 и 3, полное заглавіе этой и въ то время уже рѣдкой книги.

Петромъ Людвигомъ Ле Руа на французскій языкъ, и напечатано подъ заглавіемъ: „Description et Representation exacte de la Maison de Glace construite à St. Petersbourg au mois de Janvier 1740, et de tous les meubles qui s'y trouvoient; avec quelques remarques sur le froid en général, et particulièrement sur celui qu'on a senti cette même année dans toute l'Europe; composée et publieé en faveur des amateurs de l'histoire naturelle par George Wolffgang Krafft, Membre de l'Academie Impériale de St. Pétersbourg et Professeur de Phisique. Traduit de l'Allemand par Pierre Louis Le Roy, Membre de l'Academie Imperiale de St. Petersbourg et Professeur de l'Histoire. A St Petersbourg, De l'Imprimerie de l'Academie des Sciences. 1741. 4°. 32 нум., 2 ненум. стр., и VI табл. съ фигурами.—Заглавіе нѣмецкаго изданія: „Warhafte und umständliche Beschreibung und Abbildung des im Iahr 1740 in Petersburg aufgerichteten Hauses von Eis, etc.... 1741. 4°[1].

№ 36. Граціанъ Придворной человѣкъ съ французскаго на Россійскій языкъ переведенъ канцеляріи Академіи Наукъ Секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ. А напечатана сія Книга по всевысочайшему повелѣнію, и въ первое лѣто Богомъ хранимой державы **Его Императорскаго Величества Іоанна III. Императора и Самодержца Всероссіискаго** во время благополучнаго правленія Государствомъ **Ея Императорскаго Высочества** Благовѣрныя Государыни Великія Княгини и Правительницы всея Россіи **Анны.** При Императорской Академіи Наукъ 1741 году. 4°. 4 ненум., и 262 нум. стран. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 2. стр. 273.—Геннади Справочн. Слов. т. I. стр. 170.—Губерти Матеріалы. Вып. I. № 43 (съ ошибочнымъ показаніемъ 1740 года).

Экземпляръ 1-го изданія 1739 года, съ новымъ заглавнымъ листомъ. На 3-й ненум. стр., посвященіе: „Ея Императорскому Высочеству Пресвѣтлѣйшей Державной Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ и Правительницѣ всея Россіи Анны, всемилостивѣйшей Государынѣ всеподданнѣйшее приношеніе". За тѣмъ на оборотѣ страницы, переводчикъ обращается къ Правительницѣ съ слѣдующими словами мало чѣмъ отличающимися отъ содержанія посвященія той же книги въ 1742 году императрицѣ Елисаветѣ:

---

[1] Подлинникъ, послужившій для русскаго и французскаго переводовъ.

„Съ какимъ всеглубочайшимъ респектомъ сей убогой трудъ ЕѢ Императорскому Величеству въ Бозѣ Опочивающей Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Императрицѣ и Самодержици Всероссіиской, Вашего Императорскаго Высочества вселюбезнѣйшей Государынѣ Теткѣ въ прошломъ 1735 году, мною всенижайшимъ и послѣднѣйшимъ рабомъ всеподданнѣйше поднесенъ, съ тѣмже самымъ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ пріемлю дерзновеніе оной и къ Вашего Императорскаго Высочества стопамъ во всякомъ подобострастіи низположить; ако онымъ и самаго себя повергая, въ глубочаишеи девоціи прошу, сіе всеусердное съ природнымъ Вашего Императорскаго Высочества милосердіемъ всемилостивѣйше воспріять, что за неизреченную радость и за крайнее благополучіе своей жизни со всеглубочайшимъ подобострастіемъ почитать не престану“ [1].

№ 37. Всеподданнѣйшее поздравленіе для восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Императрицы **Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскія въ торжественныи праздникъ и высокій день рожденія Ея Величества декабря 18. 1741. всеподданнѣйше представлено отъ Императорской Академіи Наукъ. **Въ Санктпетербургѣ.** Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 1°. 4 ненум. страницы.—Allerunterthänigster Glückwunsch zum Antritt der erwünschten Regierung Jhro Majestät der Allerdurchlauchtigsten und Grossmächtigsten Kayserin **Elisabeth Petrowna** Beherrscherin aller Reussen u. s. w, am frohen Gedächtniss—Fest der hohen Geburth Jhro Kayserl. Majest. den 18 December 1741. demüthigst abgestattet von der Kayserl. Academie der Wissenschafften.

Учен. Записки Акад. Наукъ по перв. и трет. отд. Т. III. Вып. 2. стр. 284—290.—Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова 1865. стр. 4.—Истор. Акад. Наукъ. Т. II. стр. 320.—Геннади. Справочн. Словарь. Т. 2. стр. 249.

---

[1] Въ 1-мъ Выпускѣ настоящаго труда, стр. 75 № 43, ошибочно упомянуто о четырехъ изданіяхъ книги: „Граціанъ придворный человѣкъ“ въ переводѣ Волчкова. Первое изданіе не повторялось, но только снабжалось новыми заглавными листами, что и видно изъ экземпляровъ съ заглавіями 1741 и 1742 годовъ. Необычайная рѣдкость перваго изъ двухъ, состоитъ какъ въ заглавіи, такъ и въ посвященіи, которыя замѣнили заглавіе и посвященіе появившіяся вновь въ слѣдующемъ, 1742 году. Въ 1760 году переводъ Волчкова былъ перепечатанъ въ 8°, съ сохраненіемъ того же заглавія и посвященія императрицѣ Елисаветѣ.—* Такъ какъ содержаніе книги извѣстно по экземпляру съ заглавнымъ листомъ 1742 года, (Вып. I. № 43) то считаемъ излишнимъ о немъ распространяться.

Незавидна была участь оффиціальнаго одописца XVIII столѣтія, вынужденнаго силою обстоятельствъ опровергать свои льстивыя хвалы, которыя недавно такъ щедро расточалъ закатившемуся навсегда свѣтилу, чтобы обратиться съ ними для привѣтствія восходящаго вновь благотворнаго солнца. Эту участь раздѣлялъ со многими другими профессоръ аллегоріи Я. Штелинъ, неутомимый сочинитель похвальныхъ и поздравительныхъ одъ, искусный составитель изъясненій аллегорическихъ иллюминацій и фейерверковъ. Ему, по обстоятельствамъ, какъ сказано выше, отъ него не зависѣвшимъ, выпалъ жребій прославлять нѣмецкими стихами добродѣтели и доблести не только императрицы Анны, соименной ей правительницы Россіи, и малолѣтнаго императора Іоанна III, но называть чуть не „златымъ вѣкомъ" страшное время „бироновщины", когда такъ много пролито было русской крови.—Настоящая ода Штелина, переложенная въ русскіе стихи Ломоносовымъ, написана въ похвалу только-что вступившей на престолъ императрицы Елисаветы; здѣсь муза Штелина была искренна, такъ какъ наступившее царствованіе новой императрицы могло назваться раемъ въ сравненіи съ ужасами владычества Бирона, неурядицей господствовавшей въ фиктивномъ царствованіи младенца-императора и правленіи безпечной его матери.—Приводимъ, здѣсь нѣкоторыя строфы оды въ подлинникѣ, и въ русскомъ ихъ переводѣ: [1]

Welch allgemeiner Freuden-Strahl
Lässt sich in Russland Gräntzen nieder!
Welch munters Licht erhellt einmal
Das Chor der schüchtern Musen wieder!
Es sieht, und weiss vor Lust nicht was;

[1] Ода Штелина какъ въ подлинникѣ, такъ и переводѣ состоитъ изъ 12-ти строфъ, по 8-ми стиховъ въ каждой; она напечатана въ „Примѣчаніяхъ" къ Вѣдомостямъ 1741 года, ч. 98—102. стр. 403—408, вслѣдъ за „Изъясненіемъ фейэрверка и Иллуминаціи „на день рожденія императрицы. „То, и другое переведено на русскій языкъ изъ нѣмецкаго изданія тѣхъ же „Примѣчаній." Пекарскій, упоминая объ этой одѣ, между прочимъ говоритъ: „съ самой первой минуты воцаренія новой императрицы, не только въ Петербургѣ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Сибири, сложилось убѣжденіе, что она не благоволитъ къ иноземцамъ, и не намѣрена терпѣть вліяніе ихъ, которое такъ чувствовалось въ царствованіе Анны Іоанновны и ея внука. Неудивительно потому, что ода Штелина не могла явиться съ однимъ нѣмецкимъ текстомъ; его необходимо слѣдовало перевести по-русски, и притомъ стихами. Шумахеръ обратился къ Ломоносову, и этотъ, исполняя добросовѣстно возложенное на него порученіе, переложилъ въ русскіе стихи нѣмецкія строфы Штелина. Истор. Акад. Н. Т. II. стр. 320.

Warum? dem schattichten Parnass
Macht ein entzückend Licht die Mine
Als ob sein Stiffter ihm erschiene.

Въ этой первой строфѣ, авторъ оды представляетъ музъ пребывавшихъ до того времени въ ужасѣ, но повеселѣвшихъ при сіяніи радостнаго луча прогнавшаго мракъ, и озарившаго предѣлы Россія; и ликующій въ восторгѣ Парнассъ, какъ бы узрѣвшій своего основателя. Та же строфа въ переводѣ Ломоносова:

Какой утѣхи общей лучь
Въ Россійски свѣтитъ намъ предѣлы!
Которой свѣтъ прогналъ тьму тучь?
По страхѣ Музы толь веселы
Не знаютъ, что за ясность зрятъ,
Чей толь пріятнои свѣтитъ взглядъ,
Парнасской верьхъ въ восторгъ приводитъ,
Не Основатель ли того приходитъ?

Авторъ оды, въ 7-й строфѣ обращаясь къ императрицѣ, говоритъ ей о тайной надеждѣ, которая давно взирала на нее съ горячимъ желаніемъ, почитая любвеобильный ея образъ за путеводную звѣзду; и хотя буря сокрушила мачту и якорь, но первый поддерживалъ свѣтлое упованіе, что извлечетъ корабль ея изъ мрачныхъ, непостоянныхъ волнъ, и укроетъ его въ безопасное пристанище:

Wie hat die stille Hoffnung nicht
Mit Sehnsucht Dich so lang betrachtet
Und Dein liebreiches Angesicht
Als ihren lichten Stern geachtet.
Der, wenn auch Mast und Ancker brach
Ihr stets noch hellen Trost versprach,
Aus dunckeln Unbestand der Wellen
Ihr Schiff in Sicherheit zu stellen.

Ломоносовъ передаетъ эту строфу слѣдующими стихами:

Надежда долго въ тишинѣ
Съ желаньемъ на Тебя взирала
Любезное Твое лице
Какъ ясно солнце почитала,
Которо въ грозныхъ бѣдъ волнахъ
Несносной утоляло страхъ
Хотѣло изъ погодъ ужасныхъ
Въ мѣстахъ поставить безопасныхъ.

Въ 8-й строфѣ Штелинъ изображаетъ долговременныя воздыханія и громкія вопли народной вѣрности и любви къ отечеству; отъ имени подданныхъ взываетъ къ императрицѣ о спасеніи самой себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ государства, и оказаніи покровительства общему къ ней усердію и ревности; умоляетъ ее взойти на престолъ, гдѣ ожидаютъ уже ее благія пожеланія, благодарность и клятва въ вѣрности, и чтобы этимъ возвышеніемъ ея, исполнить волю неба, народа, и возстановить законныя права престолонаслѣдія:

Wie lange seufzt und schreyt zugleich
Die Treu und Vaterlandes Liebe.
Ach rette Dich! auch hilf dem Reich
Und schütz den Eifer unsrer Triebe!
Besteige Würdigste, den Thron!
Wunsch, Danck, und Eid-Schwur warten schon
Des Himmels, Volcks, und Erb-Rechts Willen
Durch Dien Erheben zu erfüllen.

Та же строфа въ переложеніи Ломоносова:

Отеческой земли любовь
Коль долго по Тебѣ вздыхала
Избавь, избавь Россійску кровь,
Отъ злаго скорбныхъ дней начала,
Достойна, на престолъ вступи!
Къ присягѣ мы готовы вси,
Отдай красу Россійску трону
По крови, правамъ и закону.

Полагаемъ, что выписанныхъ нами нѣмецкихъ строфъ изъ оды, съ русскимъ переводомъ достаточно для того, чтобъ видѣть, какъ отнесся Ломоносовъ къ подлиннику. Если послѣдній имѣетъ преимущество передъ переводомъ въ болѣе художественной отдѣлкѣ стиля, изысканности выраженій и удачнаго стихосложенія, то все это безспорно можно приписать не столько дарованію и навыку въ подобныхъ произведеніяхъ Штелина, сколько выработанности нѣмецкаго языка удобнѣе укладывавшагося въ стихъ, чѣмъ русскій, только-что начавшій тогда освобождаться отъ тяжелыхъ своихъ славянскихъ формъ. Ломоносовъ при переводѣ оды сдѣлалъ все, что тогда для него было возможнымъ; и нельзя не усмотрѣть, какъ въ настоящей такъ и въ другихъ переводныхъ, и собственныхъ его одахъ составляющихъ его первые литературные труды, быстрыхъ успѣховъ въ чистотѣ слога и

даже самомъ стихосложеніи; его произведенія въ этомъ родѣ далеко оставили за собою первую, имъ же переведенную изъ Фенелона оду, въ Марбургѣ, 1738 года [1].

№ 38. Изображеніе и изъясненіе Фейэрверка и Иллуминаціи которые въ высокоторжественный и всенародный день рожденія Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя **Іоанна III, Императора и Самодержца Всероссійскаго**, и прочая, и прочая, и прочая. 12 Августа 1741. въ Санктпетербургѣ представлены были. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 1°. 6 стр. (не считая заглавн. листа).

Учен. Зап. Имп. Акад. Н. Т. III. Вып. 2. стр. 267—270.—Отчетъ Имп. Пуб. Библ. за 1852. стр. 74. № 4.

Напечатано на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, въ двухъ столбцахъ, сочинено Штелинымъ, и въ русскомъ переводѣ помѣщено было въ „Примѣчаніяхъ" къ Вѣдомостямъ 1741 года, (ч. 66—69. стр. 261—266); впослѣдствіи въ большей части экземпляровъ уничтожено. Въ концѣ брошюры также въ два столбца приложенъ: Планъ Иллуминаціи и Фейэрверка которые 12 Августа 1741 года на высокій день Рожденія Его Императорскаго Величества Іоанна III, Самодержца Всероссійскаго въ Санктпетербургѣ представлены были. Объясненія чертежей на планѣ напечатаны только на одномъ русскомъ языкѣ. Въ началѣ настоящаго „Изображенія" переведеннаго Ломоносовымъ, Штелинъ разсуждаетъ о томъ, что между многими оставленными потомству греками и римлянами изображеніями на металлахъ и мраморѣ, нѣтъ ни одного сходствующаго съ употребительными въ настоящее время девизами, которые по тщательномъ изслѣдованіи, не далѣе какъ за триста лѣтъ сдѣлались извѣстными..." Главнѣйшія изъ небесныхъ и земныхъ тѣлъ", говоритъ авторъ, „употреблены были до нынѣ, уже при безчисленно многихъ эмблемахъ, однакожъ съ различными надписями; такъ что по его словамъ, одно солнце служило можетъ быть уже нѣсколько тысячь разъ девизомъ, къ которому не одна сотня лучшихъ и приличныхъ надписей находится въ печати. Но несмотря

[1] Онъ въ томъ же году представилъ ее въ собственноручномъ спискѣ Академіи Наукъ. Означенная ода съ русскимъ и французскимъ текстомъ была отпечатана Академіею въ единственномъ экземплярѣ для поднесенія Московскому Университету въ день его юбилея. Учен. Записки Акад. Н. по перв. и трет. отд. Т. III. Вып. 2. 1855. „Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681, переводъ Ломоносова", стр. 256.

на то, по мнѣнію Штелина, для девиза Петра Великаго, въ „благополучное и долговременное царствованіе котораго, науки и художества достигли своего совершенства, ничего лучшаго не придумали какъ изобразить одно только солнце, съ извѣстною при немъ остроумною надписью".

Вслѣдствіе чего авторъ „Изображенія" по словамъ его, не усумнился въ настоящій торжественный и радостный день, въ который императоръ Іоаннъ III, первый годъ своего царствованія называемаго Штелинымъ „достохвальнымъ", и впредь бы также препровождалъ, представить „восходящее солнце въ образѣ „Аполлина" съ слѣдующею надписью:

Augescet ventura in Tempora Lumen
то есть:
Сіяніе свое умножитъ.

Составитель „Изображенія и Изъясненія фейерверка и иллуминаціи" въ витіеватыхъ словахъ представляетъ благотворную силу солнца восходящаго надъ Россіею и разгоняющаго мракъ надъ ней сгустившійся: „И хотя достохвальное государствованіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Анны Іоанновны никоимъ образомъ съ нощію сравнено быть не можетъ, по которой наше солнце воссіяло: однако ежели рассудимъ глубокую оную и на всю имперію нечаянною кончиною сея монархини нашедшую печаль, и притомъ въ мысли своей себѣ представимъ, коликій мракъ вскорѣ по Ея кончинѣ на Россію наступать видѣлся, но которой матернимъ промысломъ и мудрыми учрежденіями Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини и Правительницы всея Россіи къ общей всѣхъ радости отвращенъ и прогнанъ; то не можно намъ не удивляться сему достопамятному случаю, и не признавать онаго за благословеніе отъ Бога начала государствованія Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя, имѣя притомъ тѣмъ бо́льшую надежду, что и впредь всѣ мрачные облаки, которые бы къ предѣламъ нашимъ не приближались, сильными и проницательными лучами сего восходящаго солнца вскорѣ разогнаны быть имѣютъ."

Послѣ этой кудрявой тирады, авторъ упоминаетъ о непреложномъ законѣ природы, по которому все, живущее на землѣ не вдругъ достигаетъ своего совершенства, но обязано ожидать положеннаго ему для того времени; что помянутому закону подлежитъ и самое солнце, которое только при наступленіи полудня освѣщаетъ весь міръ полнымъ своимъ свѣтомъ, и согрѣваетъ своею теплотою. Съ этимъ свѣ-

тиломъ сравниваетъ онъ младенца-императора, который по возрасту своему не можетъ управлять имперіей при всей его самодержавной и никакихъ предѣловъ не имѣющей власти; но что Россія можетъ между тѣмъ считать, что всемогущество Божіе „сіе правленіе поручило Ея Императорскому Высочеству Свѣтлѣйшей Государынѣ Великой Княгинѣ, которая все то, что къ высочайшему интересу Его Имп. Велич. и къ пользѣ подданныхъ склоняться можетъ, премудрыми своими учрежденіями, ежедневно съ неусыпнымъ стараніемъ производить изволитъ."

Авторъ предоставляетъ Россіи при такомъ по увѣренію его „благополучномъ положеніи, ожидать съ радостнымъ сердцемъ того времени, когда Всемилостивѣйшій Государь и Императоръ по желанію и изволенію Свѣтлѣйшихъ Своихъ Родителей и по Ихъ достохвальному примѣру, въ государственное правленіе Самъ вступитъ и благополучіе имперіи собственными своими дѣлами въ вѣчныя времена утвердить изволитъ."—За тѣмъ слѣдуетъ продолженіе описанія и объясненія девизовъ:

„Въ обоихъ по сторонамъ (солнца) помѣщенныхъ: съ правой стороны представлено молодое лавровое дерево, которое обнимаетъ колѣнопреклоненная Россія; сверьху его освѣщаетъ небесное сіяніе, съ надписью:

colit et expectat
то есть:
Почитаетъ и ожидаетъ.

Съ лѣвой, молодое пальмовое дерево, подлѣ котораго по одну сторону стоитъ Христіанская вѣра, а по другую, храбрость, изображенныя въ видѣ женщинъ, съ надписью:

Sic Custodita Vigebit
то есть:
Сими хранимо возрастетъ.

Авторъ даетъ слѣдующее объясненіе девизамъ: „Чрезъ сіе показывается отчасти, что Россія умноженія дѣлъ Его Имп. Величества отъ Бога въ глубочайшемъ смиреніи ожидаетъ; и отчасти, что Благочестіе и Храбрость какъ врожденныя Его Имп. Величеству отъ его Свѣтлѣйшихъ Родителей свойства, государствованіе Его Велич. паче всѣхъ прочихъ достопамятнымъ учинить имѣютъ".

Наконецъ Штелинъ въ заключеніе своего „Изображенія", говоритъ, что въ противность древнимъ Персамъ, безразсудно покланяв-

шимся. восходящему солнцу, мы возносимъ желанія наши и молитвы къ Тому который какъ солнцемъ на небѣ, такъ и сердцами всѣхъ земныхъ царей управляетъ по предвѣчнымъ судьбамъ своимъ. Далѣе слѣдуетъ молитва о здравіи и благополучномъ царствованіи императора, несчетные годы.

Въ концѣ брошюры сказано: „при семъ великолѣпномъ фейэрверкѣ, представлена была изрядная иллюминація, которая на обыкновенномъ театрѣ фейэрверкомъ разноцвѣтными огнями показывала веселое положеніе мѣста и аллей, площадокъ, партеровъ, фонтановъ и проч., состоящее; въ срединѣ онаго видно было кедровое дерево, которое обнимаетъ Россія".

№ 39. Ода которую въ торжественный праздникъ высокаго рожденія Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя **Іоанна Третіяго**, Императора и Самодержца Всероссійскаго 1741 года Августа 12 дня веселящаяся Россія приноситъ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 1°. 6 стр.

Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ. т. III. Вып. 2. стр. 271—277.—Истор. Имп. Акад. Наукъ. т. II. стр. 315—316.—Билярск. Матеріалы для Біогр. Ломоносова. стр. 4.—Будиловичъ. Ломонос. какъ писатель. Спб. 1871. стр. 4.

На страницахъ нѣмецкихъ „Примѣчаній" къ Вѣдомостямъ 1741 года (части 66—69) была напечатана по случаю торжествованія дня рожденія императора Іоанна III, ода профессора Штелина; въ русскихъ „Примѣчаніяхъ (стр. 267—272), ода Ломоносова, вполнѣ перепечатанная г. академикомъ Куникомъ въ „Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній (Т. III. Вып. 2. стр. 271—277). Онъ полагаетъ, что настоящее листовое изданіе этой оды, есть продолженіе „Изображенія фейерверка"; она содержитъ въ себѣ 21 строфу, по 10-ти строкъ въ каждой, кромѣ послѣдней 21-й, состоящей только изъ 7 строкъ. Приводимъ нѣкоторыя строфы оды:

„Нагрѣты нѣжнымъ во́ды югомъ
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
Всегдашнимъ льдомъ покрыты волны,
Скачите нынь веселья полны,
Въ берегахъ (sic) чините веселъ шумъ.
Повсюду вѣйте вѣтры радость,
Въ Невѣ пролейся меда сладость,
Іоанновѣ нектаръ пьетъ мой умъ."

Въ слѣдующихъ строфахъ изображается „веселящаяся, нижайшая раба Россія“, распаленная сильною любовью къ младенцу-императору и просящая позволенія цѣловать его „щедры Очи, небесный въ коихъ блещетъ лучь; ручки, что къ державѣ природа мудра въ свѣтъ дала“, и наконецъ одописецъ заставляетъ Россію обратиться къ ножкамъ его; и говоритъ отъ лица вельможъ и многихъ народовъ:

„Вы Ножки, что лобзать желаютъ
Давно уста высокихъ лицъ:
Подданство знака Вамъ являютъ
Языки многи, павши ницъ,
Въ Петровъ и Анеинъ слѣдъ ступите....“

10-я, и 11-я строфы не намекаютъ, но прямо говорятъ о минувшемъ регентствѣ уже падшаго во время написанія оды, Бирона:

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велитъ себя въ неволю славить
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить,
Превыситъ хочетъ вышню Власть,
На мой животъ ужъ зубы скалитъ;
Злодѣйство кто его не хвалитъ,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

Но зрю съ весельемъ чудо славно,
Дивняе нежъ Алкидъ чинилъ;
Какъ онъ лишь былъ рожденъ недавно,
Скрутивъ зміямъ главы сломилъ,
Мой Императоръ громъ примаетъ,
На гордость Свой перунъ бросаетъ,
Внезапно пала та стремглавъ,
Съ небесъ какъ древня въ адъ денница;
За рай ужъ держитъ ту темница.
Ну, гдѣ же твой кичливый нравъ?

Вмѣсто извѣстной интриги, лишившій Бирона верховной власти и свободы, Ломоносовъ въ силу поэтической, вольности приписываетъ сверженіе бывшаго временщика Іоанну III, влагая въ его младенческую руку грозный „перунъ“ поразившій Бирона какъ древняго Люцифера; при чемъ сравниваетъ также императора съ младенцемъ „Алкидомъ“ задушившимъ собственными руками змѣй, направленныхъ

на него злобою Юноны.—Наконецъ двѣ послѣднія строфы оды воспѣваютъ правительницу, мать Іоанна, чуть-ли уже не принявшую тогда титулъ Великой Княгини, также и ея супруга. Ода оканчивается пожеланіями племени августѣйшей четы всевозможныхъ благъ, и царствованія надъ Россіею „въ вѣчное время".

№ 40. Первыо Трофеи **Его Величества Іоанна III,** Императора и Самодержца Всероссійскаго, чрезъ преславную надъ Шведами побѣду, Августа 23 дня 1741 года въ Финландіи поставленные, и въ высокій день тезоименитства **Его Императорскаго Величества,** Августа 29 дня 1741 года въ торжественной одѣ изображенные отъ всеподданнѣйшаго раба Михаила Ломоносова. Печатано **въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ, **1741 года,** 1°. 6 стр.

Сопик. Ч. 5. № 12031.—Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1852 г. стр. 73. № 3.—Истор. Имп. Акад. Наукъ въ Спб-гѣ. т. II. стр. 316—317 и прим. 1.—Ученыя Зап. по I и III. отд. Акад. Н. т. III. Вып. 2. стр. 277—284.—Ломоносовъ какъ писатель А. Будиловича. Спб. 1871. стр. 5—6.—Матеріалы для Біограф. Ломоносова. Билярскій. Спб. 1865. стр. 4.—Справоч. Слов. о русск. писат. т. 2. ст. 249.—Собр. сочиненій извѣстнѣйш. Русск. Писат. Вып. 1. Избран. сочин. М. В. Ломоносова. изд. П. Перевлѣсскаго М. 1846. стр. XLVII.

На оборотѣ заглавнаго листа эпиграфъ:

„.............. Vivite Fortes
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius.

Настоящая ода первоначально напечатана была въ „Примѣчаніяхъ" къ Вѣдомостямъ 1741 года, стр. 286—296 [1], изъ которыхъ вскорѣ по прошествіи означеннаго года, вырѣзана вмѣстѣ съ другими литературными произведеніями относящимися къ тому же времени. Она перепечатана г. академикомъ Куникомъ съ другими первыми литературными произведеніями Ломоносова, въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, (т. III. Вып. 2. 1855 г. стр. 265—290), подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о вновь открытыхъ одахъ Ломоносова 1741 года". Хотя настоящая ода въ 1838 году перепечатана въ журналѣ „Сынъ Отечества, (т. II.) но съ такими, по словамъ г. Куника „произвольными поправками", что онъ счелъ себя въ полномъ правѣ пере-

---

[1] Историч. Розысканіе о Русск. повремен. изданіяхъ и сборникахъ А. Н. Неустроева, стр. 38.

печатать ее изъ „Примѣчаній".—Она состоитъ изъ 23 строфъ, по 10-ти стиховъ въ каждой; приводимъ стихи изъ нѣкоторыхъ строфъ въ которыхъ Ломоносовъ изображаетъ побѣды русскихъ надъ шведами, превознося храбрость первыхъ, и относясь отчасти съ глумленіемъ къ послѣднимъ. Судить въ настоящее время объ этихъ первенцахъ поэтическаго дарованія Ломоносова, и рѣшить насколько удовлетворяютъ они художественности, было бы также трудно, какъ и понять чѣмъ могли они нравиться читателямъ и возбуждать въ то время сочувствіе къ таланту ихъ автора. Съ современной точки зрѣнія, вообще первыя произведенія пера знаменитаго Ломоносова какъ поэта, бросаются въ глаза тяжелыми виршами, нескладными оборотами рѣчи и грубоватыми выраженіями. Но стоитъ вспомнить эпоху русской литературы во время появленія въ свѣтъ помянутыхъ произведеній, и послѣдующія великія заслуги русскому языку и другимъ научнымъ знаніямъ, которыя оказалъ Ломоносовъ, чтобы объяснить то вниманіе, которое они тогда, на себя обращали, и въ настоящее время вполнѣ заслуживаютъ; несмотря на всѣ ихъ недостатки, въ нихъ нельзя не видѣть проблесковъ генія.

Россійскихъ войскъ хвала растетъ
Сердцà продерсски страхъ трясетъ,
Младой Орелъ ужъ льва терзаетъ,
Прежъ нежель ждали, слышимъ вдругъ
Побѣды знакъ, палящій звукъ.
Россія вновь трофей вздымаетъ
Въ другой на Финскихъ разъ поляхъ.
Свой ядъ премерску зависть травитъ;
Въ неволю тая храбрость славитъ,
Въ Россійскихъ зрила что полкахъ.

Въ 5-й строфѣ послѣдніе три стиха говорятъ о бдительности правительницы матери императора:

....
Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высóко
Вторая есть, Которой око
Зритъ, твой къ чему намѣренъ полкъ.

О воображаемыхъ шведами мнимыхъ побѣдахъ своихъ, Ломоносовъ съ насмѣшкою говоритъ въ 10-й строфѣ:

Однако топчутъ, рѣжутъ, рвутъ,
Губятъ, терзаютъ, грабятъ жгутъ,

Склоняютъ насъ враги подъ ноги;
Россійску силу взяли въ плѣнъ,
Шурмуютъ блиско нашихъ стѣнъ,
Щитаютъ вотъ добычи многи
Да гдѣжъ? Въ спѣсивомъ ихъ мозгу.
А въ дѣлѣ ужасъ пótомъ мочитъ,
И явно въ сердце дрожь пророчитъ,
Что будетъ имъ лежать внизу.

Въ 15-й строфѣ изображается храбрость русскихъ и бѣгство шведовъ послѣ побѣды:

Вдается въ бѣгъ побитый Шведъ
Бѣжитъ Россійской конникъ въ слѣдъ
Чрезъ Шведскихъ труповъ кучи блѣдны
До самыхъ Вилманстрандскихъ рвовъ,
Безъ щету топчетъ тѣхъ головъ,
Что быть у насъ желали вредны...
....

Въ 21-й строфѣ обращеніе къ правительницѣ и похвала скончавшейся императрицѣ:

Добротъ чистѣйшій ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зритъ въ Россіи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ
На матернихъ Твоихъ рукахъ...»
....

Послѣдняя строфа заключаетъ въ себѣ обращеніе къ Богу, съ молитвою о постоянныхъ побѣдахъ Россіи.

№ 41. **Палаты Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Библіотеки и Кунсткамеры** которыхъ представлены планы, фасады и профили, приписанныя **Ея Императорскому Высочеству Государынѣ и Правительницѣ Всея Россіи.** Печатано при Императорской Академіи Наукъ **въ Санктпетербургѣ 1741 года.— Gebäude der Kaiserlichen Academie der Wissenschafften nebst der Bibliothec und Kunst-Cammer** in St. Petersburg nach ihrem Grundriss, Aufriss und Durchschnitt vorgestellet und **Jhro Kayserlicher Hoheit der Gross-Fürstinn und Reichs-Verwalterin von gantz Russland** allerunterthänigst zugeeignet.

Ausgefertiget bey der Kayserlichen Academie der Wissenschafften in S.-Petersburg 1741. Въ 6. листъ фронтиспис и 12 гравированныхъ на мѣди таблицѣ на 6. листахъ.

Ученыя Записки Имп. Акад. Наукъ по Перв. и Трет. Отдѣлен. Т. I. Вып. 4. стр. 513—553.—Истор. Акад. II. т. I. стр. 45.—Наход. въ Москов. Рум. Муз.—Москов. Архивѣ Минист. Иностран. дѣлъ.—Геннади, Русск. Книжн. Рѣдк. стр. 37. № 13.

Въ началѣ книги находится слѣдующее посвященіе правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, сочиненное Шумахеромъ: „Свѣтлѣйшая Великая Княгиня и Правительница всея Россіи Всемилостивѣйшая Государыня! По всемилостивѣйшему указу Его Императорскаго Величества Петра Великаго и Его славнѣйшихъ преемниковъ имѣлъ я щастіе какъ въ первомъ основаніи и собираніи Библіотекъ и Кунсткамеръ, такъ и въ послѣдовавшемъ потомъ учрежденіи Императорскія Академіи Наукъ и принадлежащихъ до нея частей, при бывшихъ по нынѣ Президентахъ Арескинѣ, Блюментростѣ, фонъ Кейзерлингѣ, фонъ Корфѣ и фонъ Бреверне, чрезъ двадцать семь лѣтъ трудъ свой съ всеподданнѣйшею ревностію употреблять.

И хотя Великій Петръ такое учрежденіе признавалъ за весьма важное и къ славѣ Россійскія имперіи и общему поправленію своего государства за необходимо нужное, однако промыслъ Божій по недовѣдомымъ своимъ судьбамъ кромѣ перваго тому начала ничего болѣе Ему видѣть не позволилъ. Исполненіе Его премудрыхъ и къ прославленію своея имперіи клонившихся намѣреній оставило смотрѣніе Божіе до временъ Анны Великія. Въ Ея владѣніе пришла и Академія Наукъ въ толикое совершенство, а собраніе толь многихъ любопытства достойныхъ вещей получило такое умноженіе, что я за должность себѣ почитаю впредь свѣту сообщить нѣкоторое изображеніе сего отъ естества и искусства произведеннаго сокровища; а къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества, при которыя достохвальномъ правительствѣ имперіи и всѣ науки и художества часъ отъ часу въ бóльшее приходятъ распространеніе, въ сей книгѣ первые начатки онаго положить съ глубочайшею покорностію. Отъ просвѣщеннаго разума Вашего Императорскаго Высочества, отъ милостивѣйшихъ Вашего Высочества намѣреній, и отъ собственнаго Вашего познанія въ наукахъ, желаніе достохвальнѣйшихъ Вашего Императорскаго Высочества въ Россіи прародителей получаютъ и въ семъ случаѣ свое исполненіе, то есть: науки и художества растутъ и процвѣтаютъ. Ихъ учрежденія въ добромъ содержаніи хранятся и умпо-

жаются, и вся Академія пользуется милостивѣйшимъ защищеніемъ и призрѣніемъ, и чрезъ то ко всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ наисильнѣйшаго поощренія надѣяться можетъ.

Коликаго благополучія не должны мы ожидать отъ правительства Вашего Императорскаго Высочества, и коликаго щастія не имѣемъ впредь надѣяться отъ владѣнія дражайшаго Вашего Высочества сына, нашего всемилостивѣйшаго Государя и Императора; когда Ваше Императорское Высочество не токмо въ прозорливости и мудрости штацкой, но и въ милостивѣйшемъ попеченіи о приращеніи наукъ и художествъ, послѣдуя по слѣдамъ великаго оныхъ основателя и великія покровительницы, совершенный образецъ Его Величеству собою представлять изволите! Чрезъ то самое въ желаемомъ состояніи сохранено будетъ трудами и иждивеніемъ понынѣ содержанное учрежденіе, и первое оное намѣреніе исполнится, которое притомъ о умноженіи славы Россійскія имперіи, о произведеніи наукъ, о распространеніи полезныхъ ученій, о наивящщемъ приращеніи художествъ, о искорененіи незнанія, о приведеніи добродѣтелей въ почтеніе, а пороковъ въ ненависть и презрѣніе, и учиненіи подданныхъ добрыми гражданами, а добрыхъ гражданъ разумными жителями, воспріято было.

Но къ содержанію и продолженію толь полезнаго дѣла, не можетъ ничто такъ способствовать, какъ единое токмо Вашего Императорскаго Высочества великодушное къ наукамъ и художествамъ призрѣніе, котораго несомнѣнный знакъ милостивѣйшее воспріятіе сея книги подать имѣетъ; причемъ мое наибольшее благополучіе въ томъ состоять будетъ, что Ваше Императорское Высочество и на мои по сіе время продолжавшіеся труды и старанія, милостивое око чрезъ то обратить соизволите, въ которой надеждѣ съ древнею вѣрностію моею до конца жизни пребываю Вашего Императорскаго Высочества Всенижайшій рабъ Іоаганъ Даніэль Шумахеръ [1].

Приводимъ здѣсь слѣдующее описаніе „фронтисписа, перваго изданія „Палатъ“, составленнаго Шумахеромъ: „Напереди того листа, на которомъ надпись, положена большая гридорованная фигура пред-

---

[1] Настоящее посвященіе и слѣдующее за тѣмъ описаніе фронтисписа, перепечатаны г. академикомъ Куникомъ изъ „Примѣчаній къ Вѣдомостямъ 1741 года“ стр. 364, въ Учен. Зап. Имп. Акад. Н. т. I. Вып. 4 стр. 535—553; тамъ же, заимствованное изъ тѣхъ же „Примѣчаній“ помѣщено написанное Шумахеромъ: „Краткое Содержаніе Оной превзрядной книги, которая недавно при здѣшней Императорской Академіи Наукъ напечатана подъ титуломъ: Палаты Академіи Наукъ, библіотеки и Кунсткамеры“.

ставляющая Ея Императорское Высочество въ образѣ Минервы, на которую по сторону стоящее предувѣденіе изъ лавровъ сплетенной вѣнецъ налагаетъ. Притомъ она правою рукою держитъ руль положенной на оружіе, разныхъ къ наукамъ принадлежащихъ инструментахъ, и другихъ признакахъ благополучія государства, а лѣвою показываетъ любовь къ отечеству, которая держитъ за руку младенца, Академію Наукъ и Библіотеку, предъ которою въ женскомъ образѣ представленныя науки и художества оную съ желаніемъ принимаютъ. Вдали между палатами Академіи Наукъ видна конная статуя Императора Петра Великаго, какъ основателя Академіи, при чемъ на педесталѣ оной статуи изображена добродѣтель соединенная съ наукою, которыя топчутъ ногами невѣденіе и пороки"—Подъ гравюрою подписи: Bartolomeo Tarsia inv. P. G. Mattarnovy sculp. Послѣ заглавнаго листа слѣдуютъ историко-статистическія свѣдѣнія о состояніи Академіи до царствованія Іоанна Антоновича включительно, подъ заглавіемъ: „Императорская Академія Наукъ со всемъ что до оныя принадлежитъ"; здѣсь находятся съ означеніемъ имянъ и фамилій списки президентовъ, совѣтниковъ и профессоровъ какъ состоящихъ въ наличности, такъ отлучившихся и умершихъ; двадцати трехъ почетныхъ членовъ, девяти адъюнктовъ, причемъ отмѣчено, съ котораго года каждое изъ помянутыхъ лицъ находится или находилось на службѣ въ Академіи; составъ подвѣдомыхъ Академіи учрежденій; наконецъ краткія свѣденія какъ о ней, такъ равно о Библіотекѣ и Кунсткамерѣ подъ заглавіемъ: Краткое Изъясненіе о состояніи Академіи Наукъ, также и Библіотеки и Кунсткамеры. Въ концѣ, между прочимъ находится замѣтка: „О всѣхъ вкратцѣ здѣсь предложенныхъ пунктахъ, находится пространнѣйшее извѣстіе въ обстоятельномъ описаніи Академіи Наукъ, и всего что до оныя надлежитъ".

Изображенія на 12 таблицахъ гравированныхъ на большихъ листахъ сочинены архитекторомъ Шумахеромъ братомъ совѣтника [1]; онѣ суть слѣдующія: I. Планъ Санктпетербурга съ подписью: Планъ столичнаго города Санктпетербурга сочиненной въ 1737 году; таже подпись на нѣмецкомъ языкѣ, и внизу: G. J. Unvertzagt sculps.—II. Планъ Императорской Академіи Наукъ, на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ. грыд. Андрей Поляковъ.—III. A. фасадъ Академіи Наукъ на востокъ. B. фасадъ Академіи Наукъ на

[1] Свѣдѣнія о томъ находятся въ Штриттеровыхъ Матеріалахъ. Учен. Зап. Акад. Н. т. I. Вып. 3. Прибавлен. къ стат. Геннади: о книгѣ Палаты. Акад. Н. стр. 315.

западъ. С. А. Wortmann sculp.—IV. фасадъ Акад. Наукъ на полдень, профиль на полдень, профиль книжной лавки и залы конференціи на полдень. Грыд. Іванъ Соколовъ.—V Планъ башни для астрономическихъ обсерваціи. Грыд. Григорій Качаловъ.—VI. Фасадъ Императорской Библіотеки и Кунсткамеры на востокъ. Грыд. Григ. Качаловъ.—VII. Тотъ же профиль на востокъ. P. G. Mattarnovy sculp.—VIII. Фасады Имп. Библіотеки и Кунсткамеры на полдень и профили на полночь и на полдень. Грыд. Григ. Качаловъ.—IX. Профиль второй залы съ куріозными вещьми въ первомъ апартаментѣ: А). Шкафы съ анатомич. вещьми господина Руиша. В.). Шкафы въ которыхъ хранятся всякія рыбы, ящерицы и инсекты. Грыд. Григ. Качаловъ.—X. Профиль Галеріи первой залы съ куріозными вещьми во второмъ апартаментѣ на востокъ. С. А. Wortmann sculps.—XI. Профиль Кунсткамеры на полдень; безъ означенія гравера.—XII. Перкпективной видъ Библіотеки втораго и третьяго апартаментовъ. Girolamo Bon delineavit Petropoli. L. A. Wortmann sculpsit.—Эти рисунки представляютъ зданіе Академіи и Кунсткамеры со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ подробностяхъ, какъ они были до пожара 1747 года... Въ разрядѣ башни Кунсткамеры видѣнъ знаменитый готторпскій глобусъ, привезенный еще при Петрѣ Великомъ [1].

Второе листовое изданіе „Палатъ" напечатано въ томъ же 1741 году, съ русскимъ и нѣмецкимъ заглавіемъ и текстомъ, но безъ посвященія Аннѣ Леопольдовнѣ [2]; и въ заглавіи послѣ слова „профили" слѣдуетъ прямо: „Печатано при Имп. Академіи Наукъ, въ Санктпетербургѣ 1741 года; фронтиспись тотъ же, но въ рукахъ „Славы" листъ съ надписью: Петръ I началъ, Елисавета I совершила! Подъ гравюрою и 12-ю таблицами принадлежащими къ книгѣ, подписи тѣхъ же граверовъ [3]. Въ трехъ изданіяхъ въ 4°: нѣмецкомъ, русскомъ

[1] Описаніе рисунковъ листоваго изданія находится въ изслѣдованіи г. Ровинскаго: Русскіе Граверы и ихъ произведенія. М. 1870. Словарь Граверовъ стр. 175—176.—[2] Не долѣе какъ за двѣнадцать дней до воцаренія Елисаветы, въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ была помѣщена статейка по случаю выхода въ свѣтъ „Палатъ" изданныхъ съ витіеватымъ посвященіемъ отъ Шумахера Аннѣ Леопольдовнѣ. Послѣ вступленія на престолъ новой императрицы, Шумахеръ предполагая выпустить эту книгу въ продажу, распорядился уничтожить въ ней все, что могло напоминать предшествовавшее царствованіе императора Іоанна III; по назначеніе слѣдственной Коммисіи помѣшало тому. Пекарск. Истор. Имп. Акад. Н. т. 1. стр. 45.—[3] Это изданіе описано Геннади въ вышепомянутой его статьѣ, и помѣщено въ Учен. Зап. Ак. Наукъ т. 1. Вып. 3, стр. 343—344. также указано во „Всеобщ. Библ." А. Черткова 1838. т. 1 стр. 294. № 3, и у Геннади въ Русск. Книжн. Рѣдкост. стр. 37. № 13. г. Березинъ-Ширяевъ въ своихъ Дополнительныхъ Матеріалахъ для Библіографіи Русск. и Иностранныхъ книгъ и проч., на стр. 312, приводитъ извѣстіе, что изданіе

и латинскомъ, фронтисписъ и гравюры работы тѣхъ же художниковъ, но уменьшенныя въ размѣрѣ по формату книги; и первое изъ нихъ напечатано на нѣмецкомъ языкѣ: Gebaüde der Kayserl. Academie der Wissenschafften, Bibliothec und Kunst-Cammer in St. Petersburg nebst einer kurtzen Anzeigung aller daselbst vorhandenen Kunst-und Natur Sachen zum Gebrauch derjenigen, welche die Academie besehen wollen. Gedruckt in St. Petersburg, bey der Kayserlichen Academie der Wissenschafften. 4°. 23 стр., фронтисписъ, и 12 табл. Это первое, изданіе, въ 4°, но по счету третье, напечатано въ 1744 году и другія два на русскомъ и латинскомъ языкахъ; послѣднее съ заглавіемъ: Conspectus Aedium Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae; nec non Bibliothecae et Technophylacii: una cum summario indice rerum artificiosarum et naturalium ibi conservatarum, in eorum usus qui aedes has invisere cupiunt. Petropoli, Typis Imperial. Academ. Scientiar. MDCCXLIV. 24 pag. et XII tabulae [1]. На фронтисписѣ означенныхъ изданій, фигура „Минервы" отлична отъ изображенной въ листовыхъ; также нѣтъ надписи: „Петръ I началъ" и проч.; въ рукѣ „Славы" согнутый листъ съ вырѣзанными на немъ связанными вмѣстѣ буквами П. и Е. Хотя въ текстѣ этихъ изданій находится только краткое извѣстіе о Академіи Наукъ, учрежденіи Библіотеки и Кунсткамеры; но за то присоединена опись чертежей зданій Академіи и Кунсткамеры (нѣмец. изд. стр. 8—23); и эта опись не помѣщенная въ листовомъ изданіи, облегчаетъ разсматриваніе рисунковъ, и еще ближе знакомитъ съ подробностями зданія Академіи. Въ текстѣ нѣмецкаго изданія нѣтъ списка чиновъ Академіи.

№ 42. Санктпетербургскій Календарь на Лѣто отъ Рождества Христова 1741 которое есть **Простое Лѣто** содержащее 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійскаго Государства. **Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 102 ненум. стр. (считая съ заглавн. листа).

Справочн. Словарь о Русск. Писат. Геннади т. 2. стр. 96—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 543.

„Палатъ" второе листовое, и третье въ 4°, очень рѣдки, потому что большая часть экземпляровъ сгорѣла во время пожара бывшаго въ 1747 году, въ зданіи Академіи.

[1] Учен. Зап. Акад. Наукъ т. 1. вып. 3. Геннади О книгѣ „Палаты Академіи Наукъ". стр. 344—345. Русское изданіе въ 4°, описано также въ Выпускѣ 1-мъ „Матеріаловъ для русск. Библіогр." Губерти, но по ошибкѣ обозначено 1743 годомъ, тотъ же годъ указанъ въ „Опытѣ" Сопикова.

Въ настоящемъ, весьма рѣдкомъ Календарѣ, въ статьѣ „о Затмѣніяхъ сего года" находится разсужденіе о солнечномъ и лунномъ затмѣніяхъ, и при упоминаніи о помѣщенномъ въ „прошлогодскомъ" Календарѣ (1740) объясненія разницы между помянутыми затмѣніями, присоединены въ настоящей статьѣ, всѣ обстоятельства каждому изъ нихъ свойственныя. За предсказаніями на каждое изъ четырехъ временъ года, въ извѣстіи „О приключеніяхъ сего года", между прочимъ упоминается объ особливыхъ соединеніяхъ планетъ по „Эфемеридамъ" Манфреди въ Бононіи, состоящихъ въ сообщеніи о близкомъ въ названномъ мѣстѣ прохожденіи подлѣ луны: Юпитера 9 (20) апрѣля, и 7 (18) мая, и Марса 12 (23) апрѣля. Но такъ какъ для паралакса въ обширной Россійской Имперіи, это можетъ случиться совершенно иначе, и каждый любитель астрономіи долженъ исчислить помянутое соединеніе и прохожденіе планетъ для своего меридіана, то составитель статьи довольствуется объявленіемъ времени, когда этого ожидать должно.—Въ статьѣ „О Лунѣ и лунныхъ пятнахъ", начало которой напечатано въ календарѣ 1740 года, авторъ ея при объясненіяхъ своихъ ссылается на знаменитыхъ астрономовъ „Гугенія", Гевеллія (гданскаго ратсгера) и Рикціоля; при извѣстіи о перемѣнахъ совершившихся въ лунѣ, которымъ, по внимательномъ наблюденіи астрономовъ, подвержены всѣ небесныя тѣла наравнѣ съ нашею землею, и что означенныя перемѣны подтверждаются измѣненіемъ большаго числа пятенъ, сравниваемыхъ съ горами, долинами и морями; авторъ говоритъ: „за 60 лѣтъ, нѣкоторая сторона луны имѣла видъ женскаго лица, которое тогда еще довольно молодо и живо казалось, но нынѣ уже такъ состарѣлось, что онаго и признать не можно; ибо щеки впали, носъ сталъ гораздо долѣ, и наибольшія его пріятности исчезли"; при этомъ авторъ статьи приводитъ относящееся сюда, по словамъ его, болѣе ясное извлеченіе, изъ сочиненія Фонтенелля „О множествѣ міровъ" въ переводѣ кн. Антіоха Кантемира, который между прочимъ говоритъ: „Усматривая въ лунѣ фигуру нѣкую отмѣнную, которая имѣла видъ головы женской исходящей изъ нѣкакихъ горъ, а теперь въ томъ мѣстѣ сдѣлалась отмѣна. Отпали нѣкакіе куски горъ тѣхъ, которыя оставили намъ видимы три вершинки, что не могутъ больше къ иному быть годны, какъ только составлять лобъ, носъ и бородокъ нѣкакой старухи...." Затѣмъ, въ заключеніе замѣтка автора статьи: „продолженіе нашихъ разсужденій о лунѣ, и все то, что еще до сей матеріи надлежать можетъ, оставляемъ до другаго времени".—Далѣе слѣдуютъ: „Историческое Извѣстіе о вѣроятности мореплаванія чрезъ Сѣверное и Тихое море въ Америку и Остиндію,

сообщенное издателю статьи искуснымъ мореплавателемъ признающимъ означенный путь возможнымъ; и самое „извѣстіе" состоящее въ описаніи путешествія капитановъ Фокса, отправлявшагося изъ рѣки Темзы мая 5-го дня 1631 г., и Джемса изъ рѣки Северны, мая 3-го, того же года.

Подъ обычнымъ въ тогдашнихъ Календаряхъ изображеніемъ „рудомета" находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Понеже чрезъ нѣкоторое время, на нашего рудомета никакихъ особливыхъ жалобъ не происходило, то разсуждаемъ, что онъ смотрителямъ своимъ еще не такъ наскучилъ, чтобъ онъ и впредь, сего опредѣленнаго ему мѣста сохранить не могъ". Въ „Изъясненіи Календарныхъ знаковъ, помѣщенныхъ въ началѣ его, внесены кромѣ знаковъ зодіакальныхъ, аспектовъ, временъ, --мѣсячные и обычные, указывающіе на время благопріятное для сѣянія сѣмянъ и сажденія, рубки лѣса, кровопусканія и отнятія дѣтей отъ груди; таблицы восхожденія и захожденія солнца, вычисленныя для городовъ: Астрахани, Кіева, Тобольска, Риги и Архангельска; затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о вскрытіи и замерзаніи Невы съ 1718, до 1740 года.

Въ святцахъ праздники отмѣчены кругами съ тремя внутри ихъ точками, крестами, полукругами съ крестомъ и просто крестами; также отмѣчены на страницахъ гласовъ и чтеній евангельскихъ къ каждому мѣсяцу, слѣдующіе торжественные дни: Генваря 17. Тезоименитство Его Высочества Антона Улриха Герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Августъ 12. Рожденіе Его Величества Императора Іоанна Третьяго въ 1740. 1 годъ. 29. Тезоименитство Его Имп. Велич. Сентября 5. Тезоименитства Ея Высочества Государыни Цесаревны Элисаветы Петровны. Октябрь 18. Вступленіе на Всероссійскій престолъ Его Велич. Императора Іоанна Третьяго. Декабрь 7. Рожденіе Ея Императорскаго Высочества Государыни Правительницы Великія Княгини Всероссійскія Анны, род. въ 1718 г. 23 года. 9. Тезоименитство Ея Имп. Высоч. 18. Рожденіе Ея Высоч. Цесаревны Элисаветы Петровны.—Въ „Хронологіи вещей достопамятныхъ" между прочимъ показано: отъ рожденія и вступленія на престолъ Его Велич. Императора Іоанна Третьяго 1 годъ.—Въ „Росписи господскихъ праздниковъ и статскихъ торжественныхъ дней" внесены дни рожденія и вступленія на престолъ и тезоименитства Императора Іоанна III, также дни рожденія и тезоименитства вышепоименованныхъ особъ императорскаго дома. Въ заключеніе остается упомянуть о „Штатскомъ Календарѣ, показывающемъ дни рожденія владѣтельныхъ въ Европѣ Государей и другихъ высокихъ королевскихъ и кня-

женскихъ особъ, на 1741 годъ" (на 12-ти стр.), и объ извѣстіи прихода и отхода почтъ [1].

---

[1] На прокладныхъ листкахъ, сохранившихся въ описываемомъ экземплярѣ календаря встрѣчаются обычныя, разныя домашнія записки тогдашняго его владѣльца, не представляющія никакого интереса, за исключеніемъ слѣдующихъ, показавшихся намъ довольно любопытными для того, чтобы привести ихъ здѣсь вполнѣ. Первая изъ этихъ замѣтокъ современная Календарю, относится къ царствованію имп. Іоанна Антоновича, и содержитъ краткое описаніе торжественнаго въѣзда и встрѣчи въ Москвѣ персидскаго посла (отъ Тахмасъ-Кули-хана); вторая касается привезеннаго въ Москву объявленія о вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы. Означенныя замѣтки принадлежатъ повидимому лицу купеческаго сословія; написаны безграмотно, неразборчиво, и мы представляемъ ихъ здѣсь съ точнымъ сохраненіемъ правописанія: Генварь. На страницѣ гласовъ и евангельскихъ чтеній. 26. Приехалъ в' Москву комерцъ К. Президентъ баронъ ѳонъ Менденъ (Менгденъ).—Іюль 2. На прокладн. листкѣ: пополуночи въ 10 часу мимо насъ была встрѣча персицкаго посла, встрѣчали его нашихъ купцовъ 400, подячихъ 200 человѣкъ, потомъ гвардия со знамены. с' трубы и с' литавры и з' барабаны, посолская потомъ свита и пред' ними 12 слоновъ по 3 в' рядъ, шли за темъ на верблюдахъ и на мулахъ ево музыка, двѣ сурны, два малыхъ тулумбаса и два лукошка на подобіе барабановъ и 6 трубъ медныхъ на подобіе яко наши шандалы выносныя церковныя; затемъ посолъ ехалъ верхомъ, за нимъ великое знамя ихъ, за нимъ и перед' нимъ с' ружіемъ сотнями (?) болѣе 2000 человѣкъ, потомъ 2 еще слона по росту чудныя вели и заключилъ полкъ российскихъ кирасировъ; всего слоновъ великихъ 14 были.—На стр. гласовъ противъ іюля 15: родилась принцеса Екатерина Антоновна.—Ноябрь: на 29 день прибылъ Капитан' Гвардиї семеновскаго полку Петръ Василіевичь сынъ чадаевъ со объявленіемъ о возшествіи на престолъ Ея Императорскаго величества всемилостивѣйшей нашей Императрицы Елисаветы Петровны; до обѣдни по прочтеніи Манифеста молебенъ со звономъ и пушечною стрелбою; тогожъ вечеру полковникъ Господинъ Миропов в' москвѣ в' домъ мои прибылъ. 30-го былъ я с' полковникомъ Мироновымъ в' успенскомъ соборѣ в' присутствіи генерала М. Я. волкова у присяги при секретарѣ сергѣе алеѣичи, и оттого числа вседневно звонъ в' соборѣ и у всехъ церквеи целую неделю былъ, и нощию вездѣ илюминация в' приказахъ і в рядехъ. Декабрь 5 числа із Москвы в сан П. Б. о' купечества отправлены 5 человѣкъ депутаты къ Ея Императорскому величеству в' санкъ П. Б. с' поздравленнемъ, которымъ дано на покупку в' подносъ 3.500 р. Седмого числа звонъ вседневнои и нощная ілуминація престола.—9. всѣ мои служители и Тихона Ивановича андреи были у присяги во дворцѣ, у Спаса в' присутствіи асесора Каморъ Калегиї князя Щетинина за секретаря при Николае Івановѣ.—10 дня в' ратуше былъ балъ и илюминация; присутствовали Генералъ аншевтъ и Каваллеръ М. Я. Волковъ, губернаторъ и Каваллеръ Его Сіятельство К. Б. Г. Юсуновъ, и тутъ подарено от' московскаго капечества гвардіи семеновскаго полку, капитану Петру васильевичу чаадаеву денегъ 1000 руб.

1742.

№ 43. Описаніе обоихъ Тріумфальныхъ воротъ поставленныхъ въ честь Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Первой Самодержицѣ Всероссійской по воспріятіи въ Москвѣ короны, Шведовъ побѣдившей, всю Финландію державѣ своей покорившей, и торжественно въ Санктпетербургъ возвратившейся, для засвидѣтельствованія всеподданнѣйшія ревности и всеусерднѣйшихъ желаній **Ея Императорскому Величеству** съ глубочайшимъ благоговѣніемъ **отъ Сенатской Канторы** поднесенное.—Въ Санктпетербургѣ, декабря 22 дня, 1742 года. Въ б. 1°. 18 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 4. № 7754.—Пекарск. Истор. Имп. Акад. Наукъ т. 1. Стр. 692.—Каталогъ изданій Имп. Акад. Н. Спб. 1876. Стр. 44. № 319.

На 3-й страницѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе Первыхъ Тріумфальныхъ воротъ“ помѣщено введеніе къ самому описанію, начинающееся напоминаніемъ о Петрѣ Великомъ, пріобрѣтшемъ отечеству своему безсмертную славу, за что Россія по общепринятому всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ древнему обычаю, прославила дѣла его сооруженіемъ публичныхъ зданій. Здѣсь составитель „Описанія“ переходитъ къ громкимъ хваламъ великихъ заслугъ оказанныхъ Россіи Елисаветою, состоящихъ въ приведеніи государства въ цвѣтущее состояніе; и содѣйствіи своимъ мудрымъ правленіемъ ко всеобщему благоденствію подданныхъ; причемъ упоминая о блистательныхъ побѣдахъ государыни, способствовавшихъ къ расширенію его предѣловъ, онъ говоритъ: Сихъ ради причинъ, за должность себѣ отечеству, почитаю показать какой ни есть знакъ глубочайшаго почтенія къ своей Самодержицѣ. И такъ указомъ Правительствующаго Сената и тщаніемъ Его Высокографскаго Сіятельства, господина Адмирала, Кавалера, и надъ столичнымъ городомъ Санктпетербургомъ, въ отсутствіи Ея Императорскаго Величества, Главнаго Командира Николая Ѳеодоровича Головина, поставлены двои тріумфальныя ворота въ честь и славу Всеавгустѣйшія нашея Государыни Императрицы Елисаветы Первыя, благочестивой, благополучной, великодушной. При семъ зданіи столь великое иждивеніе и тщаніе употреблено, что ничего почти не оставлено, что бы къ бóльшему великолѣпію служить еще могло, а напослѣдокъ для бóльшаго прославленія въ чужихъ государствахъ и должайшей памяти въ послѣдующіе роды учиненныхъ нынѣ дѣлъ

Всеавгустѣйшія Императрицы, того же высокоповелительнаго Сената указомъ, сочинено краткое сего зданія описаніе, въ которомъ предлагается изъясненіе статуй, надписей, историческихъ и эмблематическихъ картинъ".—За тѣмъ сообщается что первыя ворота построены были „отъ канцеляріи отъ строеній", и поставлены на „большой перспективѣ", улицѣ, которая ведетъ отъ ямской до адмиралтейства, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинается городское строеніе; и что онѣ стоятъ лицомъ на востокѣ, а заднею стороною на западъ, и однимъ бокомъ къ полуночи, и другимъ къ полдню; и что ихъ видъ и архитектура здѣсь не описываются, потому что все это ясно показываетъ приложенный при книгѣ фасадъ [1]. Ворота какъ съ лицевой, такъ и съ задней стороны украшены „статуями", надписями, историческими картинами и эмблематическими фигурами. Здѣсь исчисляются помянутыя статуи изображающія, какъ сказано въ описаніи, „возобновленіе имперіи чрезъ Августѣйшую Императрицу нашу", въ видѣ миѳологическихъ боговъ и богинь, съ объясненіемъ ихъ значенія относительно зданія и приводится слѣдующая главная надпись, которая, по словамъ составителя „Описанія", „содержитъ въ себѣ причину, для которой сооружено сіе зданіе, и показываетъ всеобщее веселіе, глубочайшее почтеніе и усердіе къ Ея Императорскому Величеству". Надпись эта состоитъ изъ 18 строкъ: „Для торжественнаго вшествія Августѣйшія Императрицы Елисаветы Первыя, въ знакъ усерднаго поздравленія благополучно совершившимся коронованіемъ и пріобрѣтеніемъ безсмертныя славы чрезъ одержаніе надъ непріятелемъ побѣдъ и разширеніе Имперіи сіи тріумфальныя врата соорудили и желанія свои благоговѣйно приносятъ Сенатъ и всѣ протчіе чины Россійской Имперіи". Далѣе слѣдуетъ описаніе двухъ главныхъ картинъ поставленныхъ надъ проѣздомъ воротъ; первой находящейся на входной и второй на сторонѣ обращенной къ городу; причемъ объясняется подробно ихъ содержаніе съ девизами и надписями на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ такомъ же порядкѣ и съ тою же подробностью описывается содержаніе шестнадцати малыхъ историческихъ картинъ, относящихся къ царствованію Елисаветы; двѣнадцати эмблематическихъ согласующихся съ главною, первою картиной, и потому на той же сторонѣ расположенныхъ; также двѣнадцати подобныхъ картинъ, поставленныхъ со внутренней стороны воротъ.

[1] Помянутаго „фасада" при настоящемъ экземплярѣ не находится; о немъ не упомянуто Пекарскимъ въ „Исторіи Академіи Наукъ", и ничего не сказано въ „Каталогѣ изданій Акад. Наукъ 1876 года".

На 8 й страницѣ подъ заглавіемъ „Описаніе другихъ воротъ Тріумфальныхъ“. Объ этихъ воротахъ сооруженныхъ надъ Мойкою, „Описаніе“ сохранило на страницахъ своихъ слѣдующее подробное о нихъ извѣстіе: „сіи ворота, которыхъ строеніе производилося подъ главнымъ надзираніемъ отъ артиллеріи Генерала Лейтенанта и Кавалера де Генина, по той же дорогѣ поставлены только далѣ внутрь города, между Адмиралтействомъ и Зеленымъ мостомъ, лицомъ къ первымъ воротамъ, а заднею стороною къ Адмиралтейству. Но для положенія мѣста; потому что тутъ большую перспективу поперечная другая переходитъ Построены они на четыре проѣзда, такъ чтобъ во всякую сторону можно было проѣжжать; наружный ихъ видъ восьміугольной, который раздѣляетъ зданіе сіе на четыре широкихъ, и на четыре узкихъ стороны. Всякая изъ нихъ украшается двѣма колумнами ордина называемаго Композиты, которыя поставлены на своихъ базахъ, имѣя за собою надлежащіе пиластры, а на капителяхъ, вмѣсто обыкновенныхъ крахштейновъ, изображено имя Ея Императорскаго Величества особливою фигурою. Со всякой узкой стороны ѻдаль поставленъ трофей съ оружіемъ Россійскимъ, и всякая широкая сторона раздѣлена воротами вверхъ выгнутыми. Надъ каждыми ворѻтами поставлены щиты подъ короною лавровыми и пальмовыми листьями украшенные, которые съ обѣихъ сторонъ поддерживаютъ по два большихъ, а внизу по два малыхъ геніевъ. Съ перваго лица отъ востока, и съ противной стороны отъ запада, двѣ изображены на платкахъ развѣшенныхъ подписи, а съ третьей отъ полудня имя Ея Имп. Величества, напротивъ котораго съ четвертой стороны гербъ имперіи Россійской. Между колумнами, на всякой узкой стѣнѣ здѣланы три мѣста, на которыхъ изображены картины. У всякой колумны на пѣдесталѣ во впадинахъ намалеваны эмблематическія фигуры, и надъ всякою колумною поставлена статуа. Верхній постаментъ сихъ воротъ четвероугольной, и всякой его уголъ подпертъ крахштейномъ, которые вмѣсто пиластровъ въ семъ мѣстѣ употреблены. На всѣ четыре сто́роны поставлены большія картины, а около угловъ, геніи. Къ самому верьху все сіе соединено острою фигурою, и на самой вершинѣ воротъ стоитъ статуа представляющая Славу. Вся внутренность сихъ воротъ украшена пиластрами, между которыми здѣланы фрамбуги, и въ нихъ статуи на своихъ базахъ поставлены, а верьхъ поддерживается сводомъ. Снаружи все строеніе размалевано на подобіе мрамора; плоскости всѣ зеленымъ росписаны, а столбы и пиластры краснымъ, карнизы напротивъ того бѣлымъ. Прочіе орнаменты, какъ статуи, такъ и другія рѣзьбы всѣ вызолочены“.

За этимъ подробнымъ описаніемъ „вторыхъ воротъ" приведены слѣдующія двѣ надписи, изъ которыхъ одна съ лицевой, и другая съ противной стороны поставлены; первая надпись въ 22 строки: „Радость всеобщую о возвращеніи Августѣйшія непобѣдимѣйшія Императрицы Елисаветы Петровны красотою, величествомъ, милосердіемъ сіяющей, добродѣтелями отеческими и дѣлами славу временъ просвѣщающей, вкупѣ благодарное сердце и всеобщія желанія въ незабвенную память сооруженнымъ симъ зданіемъ, сохраненное отечество славою, предѣлами и непріятельскою добычею обогащенное, всеподданнѣйше изъявляетъ въ Санктпетербургѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1742".—„Описаніе" прибавляетъ, что настоящая надпись выставлена на фронтонахъ воротъ слѣдуя обычаю древнихъ Римлянъ, сохранявшихъ въ памяти славныя дѣла, и тѣмъ объяснявшихъ причину, по которой они сооружали подобныя зданія; и возводили ихъ не для одного только великолѣпія, но и для прославленія подвиговъ совершенныхъ недавно ихъ государями.—О другой надписи въ 14 строкъ сказано, что она болѣе относится къ заслугамъ Елисаветы оказаннымъ ею Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ нѣсколько всеобщую къ ней благодарность; она состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: „Августѣйшей Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ благополучной, великодушной, милостивой, по воспріятіи въ Москвѣ Императорской Короны, возвратившейся, непріятеля побѣдившей, разширеніемъ Имперіи благополучной, возстановленіемъ безсмертной, Матери Отечества, утѣхѣ россійскаго рода, добродѣтелей отеческихъ преемницѣ, радостно и благоговѣйно сіи врата Тріумфальныя подданство Ея соорудило".

Далѣе слѣдуетъ описаніе семнадцати статуй изображающихъ Славу, и восемь добродѣтелей съ ихъ исчисленіемъ, которыя въ „Ея Императорскомъ Величествѣ ко всеобщему удивленію наипаче обитаютъ"; и восемь богинь, „которыми имперія Россійская нынѣ цвѣтетъ и разширяется". За тѣмъ четырехъ большихъ картинъ съ подробнымъ объясненіемъ ихъ содержанія, равно какъ девизовъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ; двѣнадцати малыхъ „по мѣстамъ пристойнорасположенныхъ", и на которыхъ изображены достопамятнѣйшія дѣйствія во время шведской войны; пятидесяти шести картинъ эмблематическихъ расположенныхъ по четыремъ сторонамъ такъ, что онѣ со всякой стороны согласуются содержаніемъ своимъ съ большою верхнею картиной, или дѣйствіемъ коронованія. Означенныхъ картинъ на каждой сторонѣ по 14. Въ текстѣ книги помѣщено объясненіе ихъ эмблемъ, девизовъ и надписей на латинскомъ и русскомъ языкахъ.— Въ концѣ „Описанія" находится слѣдующее примѣчаніе: „Сіи-то два

великолѣпныя зданія, которыми Ея Императорскому Величеству оставшаяся здѣсь Правительствующаго Сената Кантора, желанія свои оказать старалася. Изобрѣтеніе статуй, картинъ и подписей поручено было Императорской Академіи Наукъ, въ которой трудился именемъ всея Академіи Адъюнктъ тоя же Академіи X. Крузіусъ [1].

№ 44. Вѣнчанная Надежда Россійскія Имперіи въ высокій праздникъ Коронованія Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Елисаветы Петровны Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, при публичномъ собраніи Санктпетербургской Императорской **Академіи Наукъ** всерадостно и всеподданнѣйше въ Санктпетербургѣ апрѣля 29 дня 1742 Года стихами представленная отъ Готлоба Фридриха Вилгельма Юнкера, **Ея Императорскаго Величества** Надворнаго Каммернаго Совѣтника, Интенданта соляныхъ дѣлъ и члена Академіи Наукъ. Съ Нѣмецкихъ Россійскими стихами перевелъ Михайло Ломоносовъ, Академіи Наукъ Адъюнктъ. Въ 1°. 12 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа), и двѣ виньеты.

Сопик. Ч. 4. № 7244.—Истор. Акад. Н. т. I, стр. 488—489.—Березина Ширяева „Описаніе русск. и иностран. книгъ и пр. Спб. 1873. Стр. 14.—Катал. изданій Имп. Акад. Н. Спб. 1876. Стр. 50. № 374.—П. Перевлѣсскаго. Собраніе сочинен. извѣстнѣйш. писат. Вып. 1. Избран. соч. М. В. Ломоносова. М. 1846. Стр. XLIX.

Бывшій академикъ Юнкеръ [1], для прославленія новой императрицы написалъ на нѣмецкомъ языкѣ оду, которая если не подверглась забвенію, то едва ли только не потому, что была переведена на русскій языкъ Ломоносовымъ и украшена въ печачи его именемъ; однако, можно при этомъ замѣтить и то, что труды плодовитаго нѣмца-поэта, имѣли въ то время довольно большое значеніе, и нѣкото-

---

[1] Въ 1742 году Крузіусъ по порученію академической Канцеляріи, занимался составленіемъ надписей и эмблемъ къ тріумфальнымъ воротамъ для въѣзда Императрицы Елисаветы въ Петербургъ послѣ коронаціи. Истор Акад. Наукъ т. 1, стр. 692.

[1] Въ 1737 году, графъ Левенвольдъ далъ знать Академіи, что императрица Анна пожаловала Юнкера „надворнымъ камернымъ совѣтникомъ и надрирателемъ бахмутскихъ соляныхъ заводовъ, и жалованье производить ему изъ соляной суммы“, а изъ Академіи уволила... (Истор. Акад. Н. т. 1. стр. 486). Благодаря протекціи Мюниха, Юнкеръ промѣнялъ свое ложное положеніе при Академіи на практическую карьеру. (Сборникъ матеріал. для Истор. Акад. Н. А. Куника. Ч. 1. стр. XXVI). Изъ самаго заглавія оды видно, что онъ сохранилъ званіе члена Академіи.

рыя его произведенія могли прослыть образцовыми [1]. За исключеніемъ Ломоносова, трудно указать хотя бы на одного подходящаго къ Юнкеру русскаго стихотворца или сочинителя одъ, рода поэзіи, бывшаго тогда въ большомъ ходу. Тредіаковскій считавшій себя, какъ извѣстно, далеко не послѣднимъ „піитою" и сочинившій оду „О сдачѣ города Гданска", въ „разсужденія объ одѣ" смиренно сознавалъ превосходство перевода ея, сдѣланнаго Юнкеромъ, передъ своимъ произведеніемъ.—Не имѣя подъ руками нѣмецкаго оригинала настоящей оды, невозможно судить объ отношеніи русскихъ стиховъ Ломоносова къ стихамъ Юнкера, и усмотрѣть превосходство однихъ передъ другими.

Ода состоитъ изъ 35 строфъ, изъ которыхъ въ каждой по 8 строкъ; содержаніе ея состоитъ въ прославленіи вступившей на престолъ и принявшей корону императрицы; авторъ оды не поскупился на громкія предсказанія о будущей славѣ царствованія ея, идущей по стопамъ Петра Великаго. Приводимъ здѣсь двѣ первыя строфы оды въ переводѣ Ломоносова:

Россія, что тебя за веселъ духъ живитъ?
Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбитъ:
Тебѣ грозитъ раздоръ, лукавство сѣти ставитъ,
Продерсскій полкъ землей и моремъ бѣгъ свой правитъ,
Что мыслью въ твой предѣлъ уже давно вступилъ,
Пограбилъ всѣ мѣста, твое добро зглотилъ.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали?
Подкрались Тигры къ вамъ, внезапно львы напали.

Но радость истинна; уже призналъ весь свѣтъ:
Какъ Ты на тронъ Петровъ взошла, Елисаветъ,
Чрезъ сильный духъ Его въ противныхъ страхъ вложити;
Онъ будетъ свой трофей, Твой щитъ наслѣдство крыти.
Вступила вольной Ты въ стезю его ногой,
Гдѣ рокъ Его вспятилъ, тутъ путь начался Твой.
Ты будешь, такъ какъ Онъ, любовь во всей вселенной,
Князей примѣръ, покровъ земли. Тебѣ врученной.... [2]

---

[1] У Пекарскаго находятся два извѣстія относящіяся къ музѣ Юнкера: первое, что по отзыву Стриттера, настоящая его ода достоинствами своими превосходитъ всѣ прежнія произведенія въ этомъ родѣ, нѣмецкаго поэта (Истор. Акад. Наукъ. т. II. стр. 324); и другое, что въ прошедшемъ столѣтіи оды Юнкера, и даже надписи его къ фейерверкамъ и иллюминаціямъ находили достойными сохраненія отъ забвенія, для чего въ 1760 г., предполагалось издать ихъ въ отдѣльномъ сборникѣ. Это предпринялъ кенигсбергскій профессоръ Бокъ, но смерть помѣшала ему осуществить такое предпріятіе. (Тамъ же, т. I стр. 482. прим. 3). [2]—Если это стихотвореніе и не совсѣмъ удачно, то слѣдуетъ за-

Изъ двухъ виньетъ находящихся въ книгѣ, первая въ началѣ ея, представляетъ аллегорическое изображеніе императрицы въ коронѣ со скипстромъ въ правой рукѣ, стоящей на возвышеніи о трехъ ступеняхъ и частью скрытой камнемъ на которомъ надпись: Juvante Nomine, и около него по обѣимъ сторонамъ лежатъ циркуль, градусникъ, линейка и угольникъ; позади представлена Нева и зданіе Академіи Наукъ освѣщенныя солнцемъ; вверху парящій двуглавый, коронованный орелъ, держащій корону и скипетръ. Все помянутое заключено внутри фигурной арки увитой лавромъ и пальмой, по обѣимъ сторонамъ которой на платахъ начертаны буквы P и E; внизу, на послѣдней ступени возвышенія, на правой сторонѣ воинская арматура, на лѣвой атрибуты наукъ и художествъ, и посреди труба и щитъ, положенные на лаврѣ и пальмѣ.—Вторая виньета изображаетъ постаментъ съ стоящими на немъ обращенными другъ къ другу коронованными одноглавыми орлами; изъ за находящагося на правой сторонѣ, выказывается изъ облака рука держащая корону; оба орла украшены орденомъ Св. Андрея. Все поименованное образуетъ собою щитъ украшенный наверху императорскою короною, поставленною на два крестообразно лежащіе скипетра; подъ короною на протянутомъ лентіонѣ надпись: DAT. ET AVFERT. На томъ же постаментѣ, по обѣимъ сторонамъ щита два обращенные одинъ къ другому задомъ сфинкса, изъ которыхъ первый опирается на треугольникъ, второй на лиру. Подъ обѣими виньетами подпись: Вырѣзалъ Иванъ Соколовъ.

№ 45. **Милосердіе Титово Опера** съ прологомъ представленная во время высокоторжественнаго дня **Коронаціи** Ея Императорскаго Величества **Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскои. Въ Москвѣ, 1742 года.—Печатано въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ. 4°. 10 ненум. (не считая заглавн. листа) и 48 нум. стр.

Сопик. Ч. 4. № 7452.—Смирд. Ч. IV. № 7694.—Словарь. Митр. Евген. т. 1. стр. 92.—Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 312—313.—Драматич. Словарь 1787 г. стр. 138.

Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ аріями, хорами и прологомъ помѣщеннымъ на первыхъ 6-ти ненум., страницахъ съ заглавіемъ: Рос-

мѣтить, что онъ здѣсь не былъ творцомъ, и потому не могъ слѣдовать вполнѣ за полетомъ своей геніальной мысли, такъ ярко озаряющей нѣкоторыя изъ собственныхъ его поэтическихъ произведеній.

сія по печали паки обрадованная. Прологъ къ Оперѣ называемой Милосердіе Титово [1]. На оборотѣ страницы списокъ Персонъ (дѣйствующихъ лицъ) въ прологѣ: Рутенія (Россія)—г-жа Джорджи, Астрея—г-жа Роза Рувинетти-Бонъ, и два мальчика представляющіе дѣтей Рутеніи. Дѣйствующія лица безъ рѣчей танцующія балетъ и изображающія „пять главныхъ свойствъ или добродѣтелей Ея Императорскаго Величества; пять главныхъ свойствъ вѣрныхъ подданныхъ, и лица поющія хоръ, состоящія изъ народовъ четырехъ частей свѣта. Прологъ составляютъ два явленія, изъ которыхъ передъ первымъ, въ скобкахъ находится слѣдующее примѣчаніе относящееся къ сценѣ, изображающей аллегорически грустное состояніе Россіи: „Театръ является въ темности чуть свѣтлой, и представляетъ запустѣлую страну, дикой лѣсъ, и въ разныхъ мѣстахъ отчасти начатое, но недовершенное, а отчасти развалившееся и раззоренное строеніе, какъ на земли, такъ и на морѣ. Рутенія, сидящая у каменной горы, предается печали о томъ, что земли ея покрылись мракомъ, темнотою и проч., причемъ вспоминаетъ благополучныя времена Петра Великаго, и жалѣетъ о нихъ; дѣти ея плачутъ, и она утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что Петръ еще живъ въ лицѣ своей дщери, и что онъ можетъ возвратить Россіи ея прежнюю славу. Печаль и сѣтованія, какъ свои, такъ и дѣтей своихъ, „Рутенія" выражаетъ въ слѣдующей аріи:

Сжальтесь, сжальтесь небеса! милосерды боги!
Зря на мать, и на дѣтей, и на муки многи,
Стражду въ горестной любви, духъ изнемогаетъ,
Ревность скорби въ естествѣ вышше силъ раждаетъ [2].

---

[1] Переводъ представленной въ Москвѣ, во время коронаціи имп. Елисаветы, большой итальянской оперы: Clemenza di Tito, съ прологомъ „la Russia afflita e riconsolata", на новомъ театрѣ построенномъ на берегу рѣки Лузы; кромѣ итальянскихъ артистовъ; и оперистовъ, играли въ сей оперѣ нѣмыя роли, обучавшіеся въ Сухаревой башнѣ молодые дворяне; хоры же придворные пѣвчіе пѣли съ согласіемъ и пріятностію удивившими иностранныхъ министровъ, которые признавались что лучше оныхъ въ самой Италіи они не слыхивали. Декораціи къ сей оперѣ писалъ г. Героламо Бонъ, принятый въ службу при императрицѣ Аннѣ. Балетмейстеръ Ланде съ русскими дѣвочками и мальчиками, которые по большей части были дѣти придворныхъ конюшенныхъ служителей, обучавшіяся у него, танцовалъ изрядный балетъ. Я. Штелинъ. С. Петерб. Вѣстникъ 1779. ч. 4. мѣсяцъ августъ, стр. 88—89. „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 года, сочиненное на нѣм. языкѣ. [2] Какъ эти, такъ и прочіе приведенные здѣсь стихи, могутъ служить образцами виршей, которыми написаны аріи и хоры оперы.

Однакожъ она не теряетъ надежды, и становится нѣсколько бодрѣе и тверже, представляя себѣ, какъ благополучны могутъ быть опять владѣнія ея, если Петровы времена будутъ снова возстановлены его кровью, истинною и законною его наслѣдницею. Здѣсь чувства оживляющія печальную до того „Рутенію", отражаются на природѣ (при горизонтѣ показывается наступающая утренняя заря) и „Рутенія" сравнивая появленіе ея съ надеждою своею, и прославляя заслуги оказанныя родителями Елисаветы, и собственныя достоинства послѣдней, поетъ:

Ежель образомъ боговъ долженъ быть Царь свѣта,
Кто достойнѣе владѣть, какъ Елисавета?
Сей доброты изрещи, не льзя и помыслить;
Развѣ прежде въ небесахъ звѣзды всѣ исчислить.

При умножающемся часъ отъ часу свѣтѣ, „Рутенія" удвоиваетъ утѣшенія дѣтей своихъ, и исполненная надежды, начинаетъ выказывать удовольствіе; и услышавъ издали веселый хоръ музыки и поющихъ лицъ, приходитъ въ удивленіе, чувство радости и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣнія.

Во второмъ явленіи изъ разверзстаго неба, при свѣтло восходящемъ солнцѣ, является Астрея держащая щитъ съ именемъ Елисаветы, сопровождаемая по обѣимъ сторонамъ хоромъ добродѣтелей императрицы и свойствъ вѣрныхъ подданныхъ. Между тѣмъ, изъ четырехъ угловъ сцены выходятъ четыре части свѣта; прежніе дикіе лѣса обращаются въ лавровыя, кедровыя и пальмовыя рощи, и запустѣлыя поля въ пріятные сады. Астрея поднимаетъ упавшую къ ногамъ ея „Рутенію" и объявляетъ ей, что она Астрея, не безъ причинъ одарила императрицу высокими свойствами и царскими добродѣтелями; и что давно сознала она всю великость ихъ, и вняла приносимымъ Россіею жалобамъ, желаніямъ и надеждѣ, и что всѣ добродѣтели украшающія императрицу, увѣнчала она наконецъ царскою короною, чтобы возстановить опять Россію, просвѣтить ее и сдѣлать благополучною. Сказанное выражаетъ она въ слѣдующей аріи:

Видитъ свѣтъ, и я сама, въ Ней доброты причины:
Идетъ по слѣдамъ Петра и Екатерины.

За тѣмъ „Рутенія" благодаритъ Астрею, и послѣдняя обнадеживаетъ ее въ возвращеніи временъ Петра Великаго и совершенномъ благополучіи ея дѣтей, причемъ возбуждаетъ ее къ похвалѣ и прославленію имени императрицы и сооруженію въ честь ея „публичныхъ

монументовъ", на что „Рутенія" съ радостью соглашается; въ тоже время появляется посреди сцены великолѣпный памятникъ съ надписью:

Да здравствуетъ благополучно
Елисавета
Достойнѣйшая, Вождѣлѣнная, Коронованная
Императрица
Всероссійская
Мать Отечества
Увеселеніе человѣческаго рода
Титъ временъ нашихъ
1742.

Послѣ того, Астрея взявъ за руку „Рутенію" ведетъ ее въ государство ея, приведенное снова въ цвѣтущее состояніе и славу, и затѣмъ обѣ оставляютъ сцену. Народы, удивленные произшедшимъ событіемъ, выражаютъ радость свою, и поютъ хоромъ:

Милость съ храбростью царя, лавры сплетала
Титова когда рука Римскій скиптръ держала;
Образъ коего и мы зримъ на тронѣ нынѣ,
И того днесь похвалы сплетемъ богинѣ.

Въ заключеніе, вышеупомянутыя добродѣтели и добрыя свойства, танцуютъ „радостный балетъ", чѣмъ и оканчивается прологъ [1].—На 7-й ненум., стр., находится: „Аргументъ" оперы, изъ котораго видно ея содержаніе. Приводимъ его вполнѣ и съ сохраненіемъ правописанія: „По согласію едва не всѣхъ историковъ, не обрѣталося въ древности такъ лучшаго, ни любезнѣйшаго монарха какъ Титъ Веспазіанъ; ибо въ немъ всѣ вкупѣ, какъ рѣдкія дарованія разума, такъ наипріятнѣйшія поступки удивленія были достойны. Паче всего имѣлъ онъ природную свою склонность къ милосердію, которымъ припудилъ любить себя всѣмъ потолику, что всесвѣтно его проименовали „Увеселеніемъ человѣческаго рода". Съ тѣмъ со всемъ не миновалъ сохраниться отъ сѣтей нечестивыхъ. Обрѣтался между такими, а наипаче своими наиближайшими, которыя умышляли измѣнить ему.—Возстали на него два молодыя Патриція (то есть: Римляне знатной фамиліи), изъ которыхъ онъ единаго такъ любилъ сердечно, что награждалъ его всякъ день своими щедротами, а какъ объявилася измѣна ихъ, и обличилися виновны и

[1] Сочиненіе „Пролога" принадлежитъ Я. Штелину: (Истор. Акад. Н. т. 1. стр. 542).

осуждены уже на смерть по суду Сената: тогда сей милосерднѣйшій Монархъ тѣмъ былъ доволенъ, что ихъ отечески потазавъ, соизволилъ дать не только имъ, но ихъ сообщникамъ полное и великодушное прощеніе.—Дѣйствіе на пригоркѣ палатинскомъ, при площади Римской.

На оборотѣ страницы поименованы дѣйствующія лица оперы, и имена изображавшихъ ихъ артистовъ: Титъ Веспасіанъ, императоръ римскій—г-жа Жоржи.—Вителлія, дочь императора Вителія—г-жа Росина.—Сервиллія, сестра Секстова, любовница Анніуса—г-жа Мадонисъ.—Секстусъ, другъ Тйтовъ, любовникъ Вителліевъ—г. Мориджи.—Анніусъ, другъ Секстовъ, любовникъ Сервилліевъ.—г. Жоржи.—Публіусъ, префектъ преторской—г-жа Катерла.

Хоръ состоящій изъ Сенаторовъ и Римскаго народа. Поэзіи авторъ г. П. Метастазій.—Музыку компановалъ г. Мадонисъ, Ламе, Даллоліо (а въ нѣкоторыхъ аріяхъ музыка непремѣнна осталася композиціи г. Гасса). Декораціи (украшенія) учреждалъ Жеронимъ Бонъ.—Балетъ вымышлялъ балетмейстеръ г. Ланде.—Рѣчи переводилъ съ Италіанскихъ виршей на Россійскія переводчикъ Иванъ Меркурьевъ".

Для того чтобы дать понятіе о переводѣ И. Меркурьева, считаемъ достаточнымъ привесть слѣдующій небольшой отрывокъ изъ начала явл. 5, втораго дѣйствія оперы:

Вителлія, а потомъ Секстусъ.
Вителлія. Скажите для милости, гдѣ Секстуса взяти?
Бѣдная! напрасно я хочю испрошати,
Напрасно ищу ево, напрасно неложно
Ежели бы Титуса сыскать было можно.
Секстусъ. Гдѣ безщастный спрячуся, куды бѣжать вѣчно? (не видя ее).
Вит: Ахъ Секстусъ слушай
Секст: .... Указъ твой безчеловѣчной.
Довольна ль жестокая, во всемъ свершился.
Вит: Ахъ што!
Секст: .... Ахъ што! а Титусъ..... уже умертвился.
Вит: Ахъ бози! что здѣлалъ ты?......

Аріи поются во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ оперы; хоры въ 3-мъ явленіи перваго, и въ 10-мъ третьяго дѣйствія; кромѣ того, послѣ перваго дѣйствія—балъ латинскихъ крестьянъ. Послѣ втораго—африканцевъ, и послѣ третьяго—народа римскаго радующагося о милосердіи Тйтовомъ.

№ 46. **Рѣчи,** которыя въ публичномъ собраніи **Императорской Академіи Наукъ** читаны были Апрѣля 29 дня 1742 года. Переведены съ Латинскаго языка чрезъ **Григорья Теплова,** Натуральной Гисторіи Адьюнкта. — **Въ Санктпетербургѣ,** при Императорской Академіи Наукъ. 4°. 6 непум., (посвященіе и вступленіе) и 31 нум. стр. Въ началѣ и концѣ книги по виньетѣ, гравиров. на мѣди.

Сопик. Ч. 4. № 9963.—**Катал.** изданій Имп. Акад. Н. Спб. 1876 г. стр. 7.— **Истор. Акад.** Н. т. 1. стр. 464—465.

Рѣчь на латинскомъ языкѣ, 1742 года о „clavecin oculaire“ Кастеля, напечатана вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нее академика Вейтбрехта, подъ заглавіемъ: „Sermones in solemni Academiae scientiarum imperialis conventu publice recitati (1742, 4°). Въ началѣ русскаго перевода, находится на двухъ непум. страницахъ слѣдующее, напечатанное въ 42 строки, посвященіе Августѣйшей Императрицѣ Елисаветѣ, Благочестивой, великодушной, благополучной, достославнѣйшей всея Россіи Самодержицѣ, Государынѣ и Покровительницѣ своей всемилостивѣйшей. Возшествіемъ на отеческій императорскій престолъ силою Вышняго основанный, всего отечества укрѣпленный наслѣдною императорскою короною свыше воспріятою поздравляеть, щастливое и благоденственное государствованіе предвозвѣщаетъ, радость свою и общее веселіе купно со всею возможностію разума своего всеглубочайше и всеподданнѣйше приноситъ и посвящаетъ, воскресшій образъ въ Августѣ сей въ Бозѣ почивающихъ Петра Великаго и Екатерины благоговѣйно почитая всенижайшая и всеусерднѣйшая Академія Наукъ“.

Въ обращеніи „Къ Читателю“ говорится о томъ, что академія наукъ слѣдуя за радостными восклицаніями жителей Петербурга при встрѣчѣ императрицы, почла обязанностью засвидѣтельствовать истинное свое къ ней усердіе; вслѣдствіе чего, по установленію Петра Великаго, оставленнаго назадъ тому нѣсколько лѣтъ, назначила быть публичному собранію въ 29 день апрѣля. Далѣе сообщается о томъ, что „профессоръ экспериментальной и теоритической физики, Георгъ Вольфгангъ Крафтъ, говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ о изобрѣтенномъ недавно во Франціи „такомъ клавикордѣ, которой служить можетъ не для увеселенія ушей, но для увеселенія глазъ человѣческихъ; причемъ старался онъ разрѣшить по физическимъ основаніямъ сей вопросъ: могутъ ли цвѣта, извѣстнымъ нѣкоторымъ образомъ рас-

положенные, произвести въ глазахъ глухаго человѣка согласіемъ своимъ такое увеселеніе, какое мы чувствуемъ ушами изъ пропорціональнаго расположенія тоновъ въ музыкѣ?". За тѣмъ упоминается объ отвѣтѣ данномъ отъ имени всей академіи на рѣчь Крафта, докторомъ медицины и профессоромъ физіологіи, Іосіемъ Вейтбрехтомъ; и о похвальныхъ стихахъ императрицѣ, прочитанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ по окончаніи рѣчей обоихъ профессоровъ, надворнымъ Камернымъ совѣтникомъ и почетнымъ членомъ академіи, Готлибомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Юнкеромъ.—Означенное обращеніе „къ читателю" помѣчено „маія 15 дня, 1742 года".

Не безъизвѣстно что если не каждому, то многимъ изъ русскихъ писателей и ученыхъ XVIII столѣтія нерѣдко, по необходимости, приходилось съ научными познаніями, совмѣщать въ себѣ качества ловкаго панегириста, и заявлять ихъ при торжественныхъ событіяхъ. Точно такъ въ настоящемъ случаѣ и Крафтъ, слѣдуя общепринятому обычаю, начинаетъ рѣчь свою воскуриваніемъ вѣрноподданническаго фиміама, сперва въ Бозѣ почившему Петру Великому, и за тѣмъ, только что воцарившейся императрицѣ. Среди громкихъ хваленій, между прочимъ помѣщены на стр. 3 й, слѣдующіе стихи [1]:

„Творецъ всѣхъ, неба и земли,
Услыши вѣрной гласъ науки,
Нестройный Марсовъ мечь растли;
Подай самъ Жезлъ покоя въ руки
Да правитъ тѣмъ Августа всѣхъ
Да зримъ на весь востокъ въ успѣхъ
Пусть спѣютъ жатвы въ день надежный
И въ морѣ намъ покой живетъ
Когда по немъ корабль плыветъ,
При томъ дай Музамъ плодъ полезный".

Переходя къ предмету своего разсужденія, профессоръ Крафтъ упоминаетъ на основаніи свидѣтельства Св. Писанія, о древности происхожденія музыки; и говоритъ о сочиненіяхъ многихъ древнихъ, особливо дошедшихъ до насъ греческихъ писателей, въ которыхъ сохранилось извѣстіе о усовершенствованіи музыки уже и въ тѣ времена, не услаждавшей одно лишь чувство слуха, не смотря на то что умъ

[1] Пекарскій упоминая объ этомъ стихотвореніи, говоритъ, что оно въ то время не могло быть сочинено никѣмъ другимъ какъ только Ломоносовымъ. Истор. Акад. Н. т. I. стр. 465.

человѣческій прилагалъ стараніе о томъ, чтобы наслажденіе доставляемое музыкою въ органѣ слуха, раздѣляли бы и прочія чувства; для болѣе яснаго показанія этого, профессоръ считаетъ нужнымъ объяснить сущность и преждебывшее состояніе музыки.

Онъ упоминаетъ о Пиѳагорѣ, какъ о страстномъ ея любителѣ, находившемъ отдыхъ отъ глубокихъ своихъ размышленій въ играніи на струнахъ и пѣніи; и что долговременное упражненіе въ помянутыхъ искусствахъ убѣдило его въ существованіи тоновъ, производящихъ вслѣдствіе болѣе или менѣе быстраго ударенія струнъ, пріятное или непріятное ощущеніе на человѣка. Между тѣмъ, какъ онъ не могъ доискаться причины этихъ дѣйствій звуковъ, случилось ему проходить мимо кузницы, и услыхать слѣдующій одинъ за другимъ стукъ молотовъ о наковальню, и найти въ этихъ ударахъ подобіе музыки; ближайшее наблюденіе дало ему возможность замѣтить, что низость и высота молотовыхъ тоновъ происходитъ отъ тяжести или легкости самыхъ молотовъ, такъ что ударъ большимъ, даетъ низкій, и малымъ высокій тонъ. Какъ геометръ Пиѳагоръ взвѣсилъ тѣ молоты на вѣсахъ, и нашелъ что тоны первыхъ молотовъ и тяжесть ихъ, имѣютъ между собою геометрическую пропорцію самую простую и короткую. Это и есть, по словамъ Крафта, основаніе „Науки Музыкальной", кажущееся само по себѣ очень не важнымъ; но если вспомнимъ о томъ, что изъ него впослѣдствіи произошло, то сознаемся въ великомъ его значеніи. Авторъ рѣчи говоритъ между прочимъ о томъ, что итальянецъ Галилей (по академическому прозванію Линціусъ), первый возъимѣлъ мысль о доставленіи зрѣнію человѣческому удовольствія подобнаго тому, которое испытываетъ подъ вліяніемъ музыки слухъ. Далѣе сообщается опытъ его качанія привѣсокъ: „привязалъ онъ на ниткахъ къ неподвижнымъ мѣстамъ три пропорціональныя гирьки, которыя, когда онъ ихъ разомъ раскачалъ такъ, чтобы качаніе ихъ въ обѣ стороны было равно; то въ одинъ и тотъ же моментъ, первая гирька однажды, вторая дважды и третья трижды качнулась. Такимъ образомъ показалось ему, будто онъ уже и представилъ глазамъ тоже согласіе музыкальное, которое ощущаютъ уши, то есть, ноту первую съ пятою и восьмою, или какъ у насъ обыкновенно называютъ "съ квинтою и октавою". Правда, что онъ представилъ согласіе, но согласіе мертвое, не живое, не музыкальное; „вмѣсто живаго и полнаго тѣла, мертвыя и сухія кости; вмѣсто великолѣпныхъ палатъ, гнусной шалашъ". (Рѣч. стр. 7).

Вся рѣчь Крафта состоитъ изъ доказательствъ несостоятельности, какъ вышепомянутыхъ опытовъ, задачею которыхъ было найти что

музыка можетъ пріятно дѣйствовать, не только на слухъ, но и на зрѣніе, точно такъ и новѣйшаго въ то время изобрѣтенія — „клавесина Кастеля“, машины исправленной и увеличенной противъ того вида, который она имѣла за 16 лѣтъ назадъ, и о которой профессоръ входитъ въ пространное описаніе [1] (Рѣч. стр. 10—12).—Оканчивая разсужденіе свое, Крафтъ говоритъ: „оставимъ теперь въ покоѣ всякое чувство при своемъ услажденіи; и безъ всякой замѣны пускай для ушей будетъ Музыка, а для глазъ Великолѣпіе. Довольно мы увѣрены, что она не дается иному чувству кромѣ слуха на разсужденіе, такъ какъ и Александръ Великій никому иному свой портретъ намалевать не далъ, кромѣ Апеллеса“ (стр. 20). Въ заключеніе рѣчи, авторъ представляетъ разсужденіе о томъ, чѣмъ намѣренъ былъ дополнить Кастель, изобрѣтенный имъ „клавесинъ“ который Крафтъ называетъ трудомъ суетнымъ и напраснымъ“. Наконецъ онъ упоминаетъ о ясномъ и пространномъ мнѣніи Фонтенелля который о томъ пишетъ и разсуждаетъ какъ мудрецъ и ученый, говоря: „Въ тонахъ музыкальныхъ находится вся пропорція чиселъ, которая тонъ отъ тона отдѣляетъ; и чтобы то же можно было найти въ разныхъ цвѣтахъ, никакъ не надѣюсь. Теперь смѣло вѣрю, что перемѣнить тоны на цвѣта, выше нашей силы и понятія, и что можно противное намъ думать Гораціеву слову: „Fortius, a nе Signius irritant animos demissa per aurem quam quae sunt oculis commissa fidelibus. Слухъ больше, а не меньше возбуждаетъ духъ нашъ нежели вѣрное око“. (Рѣчи стр. 23).

Отвѣтная рѣчь Вейтбрехта содержитъ въ себѣ одобреніе всего высказаннаго Крафтомъ, съ которымъ первый совершенно соглашается относительно невозможности замѣны звуковъ цвѣтами, или красками; и что хотя послѣднія и пріятны, но дѣйствуютъ на зрѣніе совсѣмъ иначе, чѣмъ музыкальные звуки на слухъ. Въ заключеніе рѣчи своей, содержащей собственныя его разсужденія о томъ же предметѣ, онъ въ концѣ ея упоминаетъ и объ опытѣ Галилея надъ привѣсами въ слѣдующихъ словахъ: „Приходитъ мнѣ на мысль: можетъ быть Галилей, когда онъ увидѣлъ качаніе привѣсовъ въ разстояніи времени такомъ, въ какомъ струны дрожатъ въ той же пропорціи натянутыя, отъ радости подумалъ, что онъ тутъ и музыку слышитъ. Но какая

---

[1] Въ примѣчаніи къ стр. 16, сказано, что о инструментѣ Кастеля упоминается въ Journal des savants, 1738. февр. стр. 208; въ Traité de l'opinion par Mr le Grande. T. III. кн. 4. гл. 2. стр. 132; въ Joh. Krüger Vater-Lehre. гл. XI. § 503. Здѣсь же въ „Рѣчи“ выписано обстоятельно изъ письма присланнаго изъ Парижа 25 іюля, 1741 года.

сія музыка? мнимая и философская; когда онъ усматривая привѣсовъ движеніе, думалъ о пропорціи музыкальной и соравнялъ оную съ такимъ дрожаніемъ струнъ, котораго глазами постичь никакъ не возможно".

Виньета на первой страницѣ изображаетъ клавесинъ Кастеля въ фигурной рамкѣ, съ тремя на верху коронами, одной большой по серединѣ, и двумя малыми по сторонамъ; на боковыхъ сторонахъ рамки лиры и лавровые вѣнки. На послѣдней страницѣ: между двухъ лавровыхъ вѣтвей соединенныхъ внизу, стоящая на постаментѣ лира, завершающаяся кверху двумя орлиными главами, держащими въ клювахъ лентіонъ съ надписью: „Communis in Gaudia Concentus", надъ ней лира съ головой Апполона.

№ 47. Описаніе Дѣйствія, какимъ образомъ по Всевысочайшему Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы **Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскія соизволенію въ Царствующемъ градѣ Москвѣ, въ придворной **Ея Императорскаго Величества** церькви, объявленіе **Наслѣдникомъ Всероссійскаго Императорскаго Престола** Его Императорскаго Высочества Государя Великаго **Князя Петра Θеодоровича** вседражайшаго внука Высокославныя и Вѣчнодостойныя памяти Государя Императора **Петра** перваго, и **Ея Императорскаго Величества** племянника учинено, и како пріятіе православновосточныя греческаго исповѣданія вѣры Его **Императорскимъ** Высочествомъ, и таинство священнаго мѵропомазанія Его Императорскому Высочеству совершалось. Въ 1° 4 нум. страницы. На послѣдней: Печатано въ Москвѣ при Сенатѣ, Ноября дня 1742.

Листъ содержащій въ себѣ описаніе обстановки бывшей безъ малаго за полтораста лѣтъ назадъ при совершившемся, нижеслѣдующемъ событіи. Церемонія происходила въ придворной церквѣ Лузскаго Зимняго дома императрицы, куда и приказано было собраться Синоду, Сенату, генералитету и всѣмъ прочимъ знатнымъ особамъ, и гдѣ ожидалъ прибытія императрицы и великаго князя преосвященный архіепископъ новгородскій Амвросій. Составитель описанія повѣтствуетъ о томъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ церкви противу Царскихъ вратъ поставлены были вопервыхъ налой, а на немъ святое Эвангеліе и животворящій Крестъ, предъ онымъ накрытой пребогатымъ изъ золотной матеріи здѣланнымъ и обложеннымъ золотною жъ съ масифными кистьми бахрамою покровомъ, столъ, на которомъ столѣ на золотыхъ

блюдахъ поставлены были: на первомъ, въ яшмовомъ драгоцѣнными каменьями и золотомъ преизрядною древнею работою здѣланномъ сосудѣ святое мvро, и золотой преизрядной же работы сучецъ; на второмъ, животворящій съ ризою Спасовою и многими святыми мощами наполненный (которой съ приличными церковными молитвами, потомъ возложенъ для всегдашняго ношенія на Его Императорское Высочество) святый Крестъ; на третіемъ губка, которою по помазаніи Его Императорскаго Высочества святымъ мvромъ, тѣ мѣста отираны были; предъ тѣмъ же столомъ послана была вмѣсто ковра обшитая золотною масифною бахрамою, и по угламъ съ великими же масифными кистьми изъ многихъ полотнищъ сшитая парча, и на оной положена посрединѣ, ближе къ столу изъ пребогатой же парчи съ масифными кистьми подушка, на которой во время святаго мvропомазанія колѣнопреклоненно Его Императорское Высочество стоять изволилъ".

По прибытіи въ 10 мъ часу утра императрицы съ великимъ княземъ, и по прочтеніи сенатскимъ оберъ-секретаремъ манифеста съ объявленіемъ великаго князя наслѣдникомъ престола, Его Высочество приступилъ къ налою для принятія греческаго вѣроисповѣданія, за тѣмъ мvропомазанія. „Описаніе" разказываетъ о томъ въ слѣдующихъ словахъ: „по прочтеніи манифеста изволилъ Его Императорское Высочество приступить къ налою, на которомъ положенъ Святый Крестъ и священное Эвангеліе, для принятія греческаго исповѣданія вѣры, и ставъ на посланной передъ помянутымъ столомъ парчѣ изволилъ въ слухъ всѣхъ предстоящихъ Россійскимъ языкомъ учинить съ великимъ усердіемъ и желаніемъ, обыкновенное отъ противныхъ православно-восточной каѳолической церьквѣ, и отверженныхъ отъ нея всѣхъ еретическихъ мудрованій отрицаніе; и потомъ прочитавъ Символъ Святыя вѣры съ усерднымъ всѣхъ догматовъ, которыя церковь православновосточная съ начала своего отъ Христа Спасителя, отъ Апостоловъ и отъ Святыхъ селенскихъ и помѣстныхъ соборовъ приняла и донынѣ непоколебима содержитъ, исповѣданіемъ. Всѣ оныя догматы православныя вѣры, отъ самаго Іисуса Христа Святымъ Его ученикомъ преданныя, а потомъ и соборами утвержденныя, принимать, а противныя и несогласныя церкви православно восточной отметнуть, и анаѳемѣ предать изволилъ. И потомъ, по обыкновенныхъ церьковныхъ молитвахъ, помянутымъ преосвященнымъ новогородскимъ помазанъ Его Императорское Высочество Святымъ мvромъ, помазанные же мѣста отиралъ губою преосвященный Стефанъ, Епископъ Псковскій".

Далѣе упоминается о томъ, что при дѣйствіи мvропомазанія великаго князя, восприемницею была императрица. Послѣ поздравленій

его всѣми присутствующими какъ духовными, такъ и свѣтскими особами, началась божественная литургія, и пріобщеніе в. князя св. таинъ, причемъ принесено какъ императрицѣ, такъ и ему вторичное поздравленіе. По окончаніи литургіи послѣдовала торжественная присяга великому князю какъ наслѣднику престола, отъ Синода, Сената, генералитета и прочихъ знатныхъ особъ, и за тѣмъ отъ присягнувшихъ въ третій разъ принесены императрицѣ и ея наслѣднику поздравленія. За тѣмъ сообщается о краткой поздравительной рѣчи архіепископа новгородскаго по возвращеніи императрицы съ в. княземъ во дворецъ; объ обѣденномъ столѣ за которымъ находились сенаторы и лица первыхъ двухъ классовъ; и о бывшей въ тотъ день вечеромъ во всемъ городѣ и домахъ „презрядной иллюминаціи". „Въ 6 часовъ по полудни", говоритъ „Описаніе" „собрались всѣ паки ко двору Ея Императорскаго Величества, гдѣ въ переднемъ залѣ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Император. Высочества, и всѣхъ собравшихся знатныхъ особъ, была италіанская музыка съ пѣніемъ, и продолжалась до 10 часа пополудни; 8 числа по утру, въ 10 часовъ императрица и в. князь Петръ Ѳеодоровичь слушали обѣдню въ Архангельскомъ соборѣ по случаю храмоваго праздника, и прикладывались къ мощамъ Св. царевича Дмитрія; за тѣмъ принесена присяга лейбъ-компаніею Ея Величества и гвардейскими полками. По окончаніи литургіи отправлено было, какъ въ Архангельскомъ, такъ въ другихъ соборахъ и всѣхъ прочихъ церьквахъ благодарственное молебствіе со всеобщимъ колокольнымъ звономъ, продолжавшемся три дни во всѣхъ церьквахъ, послѣ окончанія обѣдни, до начала вечерняго благовѣста. По возвращеніи Императрицы и в. князя во дворецъ, какъ лейбъ-компанія, такъ и всѣхъ гвардейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры принесли поздравленія и были допущены къ рукѣ императрицы [1].

1744.

№ 48. Книга о Атакѣ* и Оборонѣ* крѣпостей изданная чрезъ Господина де Вобана*, Маршала Франціи и Генерала Директора надъ фортификаціями Королевства Французскаго, переведена чрезъ Ивана Ремезова Порутчика Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. — **Въ Санктпетербургѣ*** при Императорской Академіи Наукъ 1744.

---

[1] Находится въ книгѣ: Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Russischen Kaysers Peters des Dritten etc... aus zuverläszigen Nachrichten ans Licht gestellt von einem Freunde der Wahrheit. Leipzig 1773. 8°. стр. 118 и слѣд.

4°. 8 ненум., (посвященіе и увѣдомленіе), 5 (табель главамъ) 181 нум., и 1 ненум., стр. (погрѣшности) 32 таблицы чертежей съ принадлежащими къ нимъ 44 стр. пояснительнаго текста. Отмѣченное звѣздочкой напечатано киноварью.

Сопик. ч. 2. № 2517.—Плавильщик, ч. I. № 215.—Смирд. ч. III. № 4337.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838. стр. 462. № 49.—Геннади Русскія Книжн. Рѣдкости. стр. 38. № 14.

Въ началѣ посвященіе перевода книги императрицѣ Елисаветѣ, въ которомъ говорится о попеченіяхъ Петра Великаго и Екатерины I о подданныхъ и процвѣтаніи въ ихъ царствованіи наукъ вообще, и между ними науки военной; за тѣмъ переводчикъ переходитъ къ похваламъ Елисаветѣ какъ довершившей то, что начато было ея знаменитыми предшественниками. Дѣянія императрицы возбудили усердіе его „положить къ священнымъ стопамъ Ея Величества знакъ малаго его искусства въ архитектурѣ военной", которое онъ по словамъ его въ „рачительномъ воспитаніи шляхетнаго кадетскаго корпуса самъ получилъ, а нынѣ и прочихъ ему обучаетъ". Въ „Увѣдомленіи къ читателю" онъ между прочимъ извѣщаетъ, что настоящая книга переведена гораздо прежде напечатаннаго въ Голландіи французскаго изданія [1], а именно въ 1737 году; и съ того времени служитъ постоянно учебникомъ фортификаціи при шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Далѣе онъ говоритъ, что для настоящаго перевода служило не помянутое голландское изданіе, но списокъ съ подлинника автора, полученный съ великимъ трудомъ, что и было причиною разницы существующей между первымъ, и французскимъ изданіемъ, и что въ послѣднемъ недостаетъ цѣлой главы содержащей въ себѣ толкованіе о пользѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, находящейся въ самомъ началѣ рукописи автора; причемъ нѣсколько главъ въ той-же рукописи, въ печатномъ французскомъ изданіи, соединены въ одну, которыя русскій переводчикъ подробно перечисляетъ.

Книга раздѣляется на двѣ части изъ которыхъ первая (о Атакѣ) содержитъ слѣдующія тридцать пять главъ: 1. О пользѣ крѣпкихъ мѣстъ (стр. 1—3).—II. О намѣреніи и учрежденіяхъ къ осадамъ (стр. 3—5).—III. О Магазейнахъ (стр. 5—7).—IV. О окруженіи мѣстъ

---

[1] Изданіе о которомъ упоминаетъ переводчикъ напечатано подъ заглавіемъ: Traité de l'attaque et de la défense des places, avec un traité des mines, par Seb. de Vauban. La Haye 1737—1742. 2 vol. in 4°. fig. (Brunet. Manuel du Libr. 1820 t. IV. p. 153. № 5912).

(стр. 7—10).—V. О строеніи мостовъ для коммуникаціи съ квартерами (стр. 10—11)—VI. Табель содержащая мѣры шести профилей по которымъ линеи дѣлать (стр. 12—13).—VII. О дѣланіи линей (стр. 13—14).—VIII. О входахъ линей и о рогаткахъ (стр. 15).—IX. О линіи контравалаціи (стр. 15—16).—X. О пріуготовленіяхъ къ Атакамъ (стр. 16—17).—XI. О пріуготовленіяхъ къ главному артиллерійскому магазейну (стр. 17).—XII. Продолженіе пріуготовленія къ главному артиллерійскому магазейну о мантелетахъ (стр. 17—18).—XIII. О инструментахъ употребляемыхъ при осадахъ (стр. 18—19).—XIV. О примѣчаніяхъ къ лучшему распознанію крѣпостей (стр. 19—32). XV. О начатіи траншей (стр. 32—39). (Въ настоящей главѣ предложенъ способъ, какъ найти разстояніе отъ начатія траншей до покрытаго пути, причемъ указывается на чертежъ XV; на стр. 36: Примѣчаніе о преломленіи траншей, съ указаніемъ на чертеж. V).—XVI. О Саппѣ (стр. 39—43) съ указаніемъ на черт. VIII.—XVII. О линѣяхъ параллельныхъ, называемыхъ пласдармахъ (стр. 44—49); указаніе на чер.: VIII, VII и V).—XVIII. О Вылазкахъ (стр. 49—50).—XIX. О пушечныхъ батареяхъ (стр. 58—67), съ указаніемъ на черт.: V, IX, IV и XI.—XX. О мортирныхъ батареяхъ къ бросанію бомбъ (стр. 67—69); указ. на черт.: V и VI.—XXI. Продолженіе траншей (стр. 69—70), указ. на черт. XIII.—XXII. О переднихъ рвахъ и аванпостахъ (стр. 70—71).—XXIII. О взятьѣ покрытаго пути (стр. 71—79); указ. на черт. XI, XIII, V и XI.—XXIV. О сходѣ въ ровъ равелина (стр. 80—81); указ. на черт. XIV и IV.—XXV. О взятіи полумѣсяца (стр. 81—85).—XXVI. О переходѣ чрезъ главной ровъ и о способѣ взятья бастіоновъ (стр. 86—94); указ. на черт. XIV, XI и VI.—XXVI [1]. О подкопахъ (стр. 95).—XXVII. О дѣлѣ пороха и о его дѣйствіяхъ (стр. 95—96); указ., на черт. XV. фиг. 6.—XXVIII. О способѣ исчисленія взорванной земли подкопомъ (стр. 100—108), указ., на черт. XV, фиг. 7 и 8. Въ настоящей главѣ помѣщена „Табель разныхъ подкоповъ, которые при порядочныхъ осадахъ употреблены быть могутъ, и проч., и за тѣмъ: „Употребленіе вышеупомянутой табели, съ присоединеніемъ примѣра".—XXIX. О подведеніи минера къ валу и его работѣ (стр. 108—113), указ. на черт. XVII. XXX. О разности подкоповъ (стр. 113—120); указ. на черт. XVIII, литеры A, B, C.—XXXI. О Атакѣ нерегулярныхъ крѣ-

[1] XXVI-я глава повторена ошибочно два раза; и потому должно считать въ 1-й части XXXV главъ.

постей (стр. 120—141), съ приведенными осьмью примѣрами: О Атакѣ въ различныхъ мѣстоположеніяхъ находящихся, и различнымъ образомъ укрѣпленныхъ крѣпостей. XXXII. О должности генераловъ въ траншеѣ (стр. 142—145).—XXXIII. О способахъ къ недопущенію сикурса въ крѣпость (стр. 145—155); указ. на черт. XXXII).—XXXIV. Повтореніе имѣющихся въ сей книгѣ правилъ о Атакѣ крѣпостей (стр. 155—162).

Вторая часть содержитъ краткое введеніе и слѣдующія 6 главъ: I. О предосторожностяхъ, которыя прежде осады крѣпостей имѣть надлежитъ (стр. 165—169).—II. О контръ-апрошахъ (стр. 169—170).—III. О Вылазкахъ (стр. 170—173).—IV. О оборонѣ контрескарповъ (стр. 173—175).—V. О оборонѣ полумѣсяца (стр. 177—179).—VI. О оборонѣ бастіоновъ (стр. 179—184).

Къ книгѣ приложены слѣдующія таблицы на складныхъ листахъ съ чертежами: I. Часть лагеря укрѣпленнаго линѣею контравалаціи на неровномъ положеніи мѣста.—II. Генеральныя профили про всѣ линѣи.—III. Выходы и въ нихъ стоящія Рогатки или надолбы.—IV. Машины и Инструменты, которымъ быть надлежитъ при Атакѣ крѣпостей въ главномъ Артиллерійскомъ Магазинѣ или Станѣ.—V. Регулярныя Атаки.—VI. Продолженіе предъидущаго.—VII. Сапы.—VIII. Пласдармы или параллельныя линѣи.—IX. Пушечныя батареи.—X. Мортирныя батареи.—XI. Продолженіе Атакъ показанныхъ на чертеж. V и VI.—XII. Приверзы.—XIII. Траншейной Кавалієръ.—XIV. Планъ схода въ сухой ровъ подъ покрытой путь.—XIV. (повторено). Планъ схода въ водяной ровъ Галериею состоящею изъ блиндъ сверху, со стороны отъ фланка и спереди прикрытою кучею фашинъ. XV. О дѣйствіяхъ пороха.—XVI. О дѣйствіи подкоповъ.—XVII. Профиль представляющей Подведеніе Минера къ стенѣ крѣпости для дѣланія подваломъ подкопа, и минерные инструменты.—XVIII. Разныя подкопы.—XVIII. (повтор.) Разныя подкопы.—XIX. Подкопы о пяти камерахъ съ однимъ Западомъ.—XIX. (повтор.) Подкопы о шести камерахъ съ однимъ западомъ; такой подкопъ здѣланъ былъ при разореніи города Напси въ 1663 году.—XX. Регулярныя Атаки. Первый примѣръ.—XXI. Продолженіе Атакъ веденныхъ на лежащей Горнверкъ предъ бастіономъ.—XXII. Второй примѣръ: Атаки ведены на лежащей Горнверкъ предъ куртиною.—XXIII. Продолженіе Атакъ веденныхъ на лежащей Горнверкъ предъ куртиною.—XXIV. Третій примѣръ Атаки Фоссбреею окруженной крѣпости.—XXV. Продолженіе Атакъ Фосебреею окруженной крѣпости.—XXVI. Четвертый примѣръ: Атака старинной крѣпости, которой оборона

состоитъ только изъ однихъ башенъ, и по нынѣшнему способу укрѣпленія строенными наружными пристройками прикрыта.—XXVII. Продолженіе Атакъ той же крѣпости.—XXVIII. Пятый примѣръ: Атака лежащей на болотѣ крѣпости, которую, кромѣ что на плотинахъ, атаковать не можно.—XXIX. Шестой примѣръ: Атака крѣпости лежащей на высокомъ мѣстѣ, въ которую ходъ узокъ и труденъ.—XXIX. (повтор.) Седмой примѣръ: Атака города Клермонта.—XXX. Осмый примѣръ: атаки укрѣпленной турбастіонами крѣпости.—XXXI. Продолженіе Атакъ крѣпости укрѣпленной турбастіонами.—XXXII. Профили циркумвалаціонныхъ линѣи, которыя употребляются для недопущенія сикурса въ атакованную крѣпость и планъ лагеря.—При всѣхъ означенныхъ чертежахъ мѣра масштаба выражается въ туазахъ [*].

№ 49 Селевкъ. Опера представленная При Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ Въ Высочайшій день Коронованія **Ея Императорскаго Величества** Великія Государыни **Елисаветы Петровны** Императрицы и Самодержицы Всероссійскія и при всенародномъ торжествованіи заключеннаго между **Ея Императорскимъ Величествомъ** и **Швецкою Короною** вѣчнаго мира.—Стихи сочинялъ Докторъ Іозефъ Бонекки, флорентинецъ, стихотворецъ **Ея Императорскаго Величества** Всероссійскаго, (sic), Музыка сочинена отъ Франциска Араіи Неаполитанца, Капелмейстера **Ея Императорскаго Величества**.—**Въ Москвѣ**, Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Апрѣля 25 дня, 1744 года. 4°. 6 ненум., (не считая заглавн. листа) и 54 нум. стр.

Сопик. Ч. 4. № 7482.—Драматическій Словарь 1787. стр. 122.

Въ началѣ, на 6-ти ненум. стр., довольно пространное изложеніе содержанія оперы, взятаго изъ сирійской исторіи, при чемъ упомянуто о многихъ сдѣланныхъ въ пьесѣ прибавленіяхъ. Извлекаемъ

---

[*] Имя Вобана было еще извѣстно въ царствованіе Петра Великаго; въ 1724 году напечатанъ былъ русскій переводъ сочиненія Вобана, подъ заглавіемъ: Истінныи способъ укрѣпленія городовъ изданныи отъ славного Інженѣра Вобана на французскомъ языкѣ. Нынѣ же преложенъ съ французскаго на Россійскій. Въ Санктпетербургской типографіи Лѣта Господня 1724 года февраля въ день. (Наука и Литер. въ Россіи, т. II стр. 227—228.) Этотъ переводъ принадлежитъ Василью Ивановичу Суворову, отцу извѣстнаго фельдмаршала, и замѣчателенъ тѣмъ, что отецъ училъ по немъ фортификаціи своего впослѣдствіи знаменитаго сына. (Тамъ же. т. I. стр. 618—619).

изъ помянутаго содержанія то мѣсто, съ котораго по замѣчанію помѣщенному въ скобкахъ, она начинается:.... „Вологезъ (царь пареянскій) который вмѣсто всего воздаянія за свои побѣды (надъ Селевкомъ) ничего больше не требовалъ, какъ токмо любезной своей Артенисы (дочь Селевка), даровалъ тотчасъ свободу Принцу Димитрію (сынъ Селевка), и отославъ его назадъ къ отцу, велѣлъ ему предложить, что онъ намѣренъ возвратить ему все его владѣніе, ежели онъ только за него отдастъ дочь свою Принцессу Артенису.

Но сей бесчеловѣчный Царь, хотя уже побѣжденъ и всѣхъ своихъ земель лишенъ былъ, однакожъ едва токмо услышалъ о смерти своего сына, котораго онъ любилъ съ такою горячестію (Антіохъ, не состоящій въ числѣ дѣйствующихъ лицъ пьесы), то вмѣсто принятія отъ своего побѣдителя мирныхъ предложеній, клялся наижесточайшими клятвами, что до того времени не оставитъ оружія, пока или жизни своей не лишится, или убивства Антіохова смертію Вологезовою не отмститъ.

Печаль, которою Артениса себя сокрушала, какъ по должности къ ся отцу, такъ и по горячести къ своему любовнику; неукротимая ярость Селевкова, которой, не имѣя надежды учинить побѣдителю своему отмщенія, самъ себя наибезчеловѣчнѣйшимъ образомъ жизни лишаетъ; вѣрность Исменина, (сестра Вологеза) которая какъ своего брата такъ и любовника отъ сѣтей Селевковыхъ и отъ измѣны Гирканової (генералъ арміи Вологеза) освобождаетъ; великодушіе Вологезово въ прощеніи своего непріятеля и въ возвращеніи Димитрію завоеваннаго имъ престола, и героичная храбрость Димитріева, которой напослѣдокъ надъ несправедливостію и измѣною торжествуетъ, подаютъ матерію сея оперы, которая учинена для вящщаго прославленія высочайшаго дня коронаціи нашей всемилостивѣйшей Монархини, постановившей дарованіемъ подданнымъ своимъ славнаго и полезнаго мира, совершенное спокойство въ своей имперіи.

О дѣйствіи оперы сказано, что оно „отправляется въ Селевкіи, столицѣ Сирской, или въ окрестностяхъ помянутаго города“.—Затѣмъ слѣдуетъ списокъ дѣйствующихъ лицъ, съ обозначеніемъ именъ участвовавшихъ въ пьесѣ артистовъ и музыкантовъ камерной музыки Ея Имп. Величества: Селевкъ, Царь Сирскій—Филиппъ Джорджи, Римлянинъ. Артениса, дочь Селевкова, любовница Вологезова—Роза Рувинетти Бонъ. Исмена, сестра Вологезова, любовница Димитріева—Катерина Мазани. Вологезъ Царь Пареянскій, любовникъ Артенисинъ—Катерина Джорджи. Димитрій сынъ Селевковъ, любовникъ Исменинъ—Лаврентій Салетти, Флорентинецъ. Гирканъ, гене-

ралъ арміи Вологезовой и потаенный любовникъ его невѣсты—Доминикъ Крики, Болонезецъ. Балеты изобрѣталъ и сочинялъ Фоссано, балетмейстеръ Ея Императорскаго Величества. Перемѣны въ Украшеніяхъ и машины во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ оперы изобрѣтены отъ Іозефа Валеріани, Римлянина, театральнаго архитектора и живописца Ея Императорскаго Величества.

Самая книжка содержащая оперу, представляетъ собою нѣчто въ родѣ либретто съ изложеніемъ одного только хода пьесы, дѣйствій ея и рѣчей актеровъ, о которыхъ говорится въ третьемъ лицѣ. Исключеніе составляютъ переведенные русскими виршами аріи и хоры. Послѣ первыхъ двухъ дѣйствій оперы, слѣдуютъ балеты: 1. гуссарскій и 2 состоящій изъ людей разныхъ народностей въ маскахъ. Въ заключеніе третьяго дѣйствія помѣщены стихи въ честь императрицы, которые поетъ „Слава" при слѣдующей указанной въ скобкахъ обстановкѣ сцены: „На облакахъ опускается машина представляющая храмъ славы. Внутри онаго храма показаны по порядку изображенія меньшихъ боговъ и славнѣйшихъ въ древности Героевъ, посреди которыхъ на возвышенномъ и знатнѣйшемъ мѣстѣ видѣнъ портретъ Ея Императорскаго Величества". Приводимъ начало стиховъ:

Не можно Тя Императрица,
Героемъ прежнимъ уподобить,
Твое Величество и храбрость,
Твои побѣды и щедроты
Ихъ честь и память омрачаютъ.
Театръ явивъ похвальна Князя
Явилъ Тебѣ не для примѣру,
Но только лишь къ Твоей забавѣ.
Ни дѣйствіе, ни стихотворство,
Гласъ звонкій Жительницъ Парнасскихъ
Тебѣ подобія не сыщетъ.
Похвальнѣй такову Тя видя
Молчать, и молча удивляться.....

Опера оканчивается „балетомъ героевъ послѣдующихъ за „Славою".

1745.

№ 50. Соединеніе Любви и Брака театральное увеселеніе сочиненное и представленное чрезъ французскихъ комедіантовъ **Ея Імператорскаго Величества Элисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая. На Тор-

жественное брачное сочетаніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрнаго Государя Великаго Князя **Петра Ѳеодоровича** и Благовѣрной Государыни **Екатерины Алексѣевны.—Въ Санктпетербургѣ** при Імператорской Академіи Наукъ 1745 года. 4°. 17 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 4. № 7490.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. Приб. къ статьѣ VIII. стр. 462. № 51.

Содержаніе книжки составляютъ: „вполнѣ помѣщенное театральное увеселеніе „Соединеніе Любви и Брака“ и одни только перечни другихъ двухъ комедій: „Прінцесса Элідская, Зенеіда, и балета Цвѣтковъ“. Изъ помѣты находящейся на послѣдней страницѣ книги видно, что первая пьеса означенная на заглавномъ листѣ, представлена послѣ прочихъ.—На оборотѣ, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, роли миѳологическихъ боговъ исполнены были артистами новоприбывшей тогда французской труппы: Гименъ—г. де Сериньи. Любовь—г. Сериньи младшій. Венера—г-жа Друэнъ. Эвфразія 1-я Грація—г-жа Дюшолмонтъ. Ціана 2-я Грація—г-жа Лабрюнъ. Аглая 3-я Грація—г-жа Лаконтъ. Марсъ—г. Роземондъ. Минерва—г-жа Префлёри.—Служащіе Гимену на правой сторонѣ, гг. Дюссонъ, де Морамбертъ, де Префлёри, Лаконтъ; съ лѣвой: г. Префлёри сынъ, Гебертъ, Дюшолмонтъ и де Шатонёфъ.

Для объясненія содержанія и эмблематическихъ декорацій пьесы, помѣщенъ слѣдующій, такъ названный „Перечень дѣла“, который выписывается вполнѣ съ сохраненіемъ правописанія: „Театръ представляетъ нѣкоторое мѣсто изъ садовъ Ея Императорскаго Величества, убранное для веселаго празднованія. Въ срединѣ стоитъ великое пальмовое дерево, которое достаетъ до самыхъ облаковъ. Съ одной стороны покрываетъ оно своими вѣтьвями лавровое, а съ другой мѵртовое. Пальма, которая значитъ честь, великость, Імперїю, побѣду и торжество, посвящена славѣ Ея Императорскаго Величества. Лавръ, которой значитъ науку, достоинство, таланты, храбрость и завоеванія, посвященъ имени Его Імператорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя, Великаго Князя. Мѵрта которая значитъ тихость, нѣжность, угожденіе, красоту и пріятность, посвящена чести Ея Імператорскаго Высочества благовѣрныя Государыни Великія Княгини. На самомъ верьху пальмоваго дерева виденъ Россїйской орелъ, у котораго на грудяхъ, вмѣсто обыкновеннаго герба изображено солнце окруженное сіяющими лучами, а въ срединѣ у него, написано вензловое имя Ея Императорскаго Величества, съ слѣдующею латін-

свою надписью: Quid Melius? то есть, что солнца лучше и полезнѣе свѣту? Равнымъ образомъ, которой Государь можетъ быть лучшій и полезнѣйшій своимъ подданнымъ какъ Ея Імператорское Величество, которыя благодѣянія и милость приводятъ въ веселіе и благополучіе всѣхъ людей живущихъ подъ Ея преславнымъ владѣніемъ? Нѣкоторой шнуръ убранной цвѣтками, протягается изъ солнечныхъ лучей, и кажется что связываетъ въ едино Лавръ и Мїрту, что изображаетъ высокую брачную церемонію Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Всежъ сіе, есть точный, твердый, и дражайшій залогъ милости и великодушія Ея Імператорскаго Величества; также оказаніе матернія Ея любви къ своимъ подданнымъ, и знакъ мудраго Ея промышленія къ утвержденію тишины и безконечнаго благополучія. Подъ Пальмою стоитъ благоговѣйный Гименовъ жертвенникъ, надъ которымъ сей богъ и Любовь кленутся предъ всѣмъ Свѣтомъ, сохранить между собою ненарушимый миръ, и обѣщаются взаимно между собою, жить въ соединеніи по узаконеніямъ Ея Імператорскаго Величества, и стараться токмо отнынѣ о благополучіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Служащіе Гимену, всѣ украшенные разными цвѣтками, окружаютъ жертвенникъ, и присутствуютъ свидѣтелями ихъ союзу. Венера, и всѣ три Граціи слѣдующія всегда за Любовію, стоятъ на переди театра, и изъявляютъ радость, которую онѣ чувствуютъ отъ соединенія сихъ боговъ, въ чемъ состоитъ благополучіе и спокойствіе всего Свѣта".— Вся пьеса состоитъ только изъ двухъ явленій, изъ которыхъ въ первомъ происходитъ та клятва между Любовью и Бракомъ, о которой сообщается въ „Перечнѣ"; послѣ произнесенія клятвы, они обнявъ другъ друга, утверждаютъ посреди Грацій союзъ свой, и Венера призываетъ всѣхъ къ прославленію этого великаго дня, составляющаго ея торжество и славу, и затѣмъ обращаясь къ Граціямъ говоритъ:

.... Граціи! кто бы когда повѣрилъ
Что Бракъ ужé пребываетъ въ мирѣ съ Любовью? [1]

Не смотря на то, Гименъ какъ бы сомнѣваясь въ прочности клятвы данной Любовью, спрашиваетъ ее:

Могу ли я надѣяться на твою клятву?
Сей благополучный день, ужéль смущенія мои окончитъ?
Для благополучія двухъ совершенно любящихся;
Соединишь ли мою сладость съ твоею пріятностію?

---

[1] Оба явленія пьесы напечатаны столбцами, въ видѣ стиховъ, которыми несомнѣнно написанъ былъ подлинникъ; имя переводчика пьесы намъ неизвѣстно.

На это Любовь отвѣчаетъ:

По истиннѣ, я тебѣ обѣщаюсь,
Что никогда не оставлю сихъ высокихъ Супруговъ;
Я кленусь окончить для нихъ войну,
Которая отъ давнихъ временъ разлучала меня съ тобою;
Потщимся совокупно о спокойствіи всея земли,
Сопрягая толь слаткій союзъ.

Бракъ отвѣчаетъ полною готовностью позабыть ссору съ Любовью; за тѣмъ превозноситъ похвалами императрицу Елисавету, и говоритъ:

.... Подданныхъ своихъ она есть Матерь;
А желая учинить наивеличайшее имъ благодѣяніе,
Съ достойною отраслїю преславнаго Своего Отца,
Совокупляетъ Она нынѣ исполненную красоты Прінцессу.

Онъ обращается къ благополучному народу, приглашаетъ его пѣть и прославлять Имперію августѣйшаго Ея Величества, подъ законами которой, ничего не можетъ быть „докучно"; совѣтуетъ народу жить въ тишинѣ, увѣряя его, что „слатко быть управляемымъ разумомъ и мудростью".—Любовь обращается къ Браку съ словами, что подобно тому, какъ было въ златой вѣкъ, всѣ сердца будутъ носить ея оковы; и что многія красоты, которыми преисполненъ дворъ, будутъ непрестанно горѣть огнемъ ея, и Брака, и что они посредствомъ „наинѣжнѣйшихъ побѣдъ" и „наиблистательнѣйшихъ" увеселеній, возбудятъ зависть свѣта къ ихъ „наисладчайшимъ" пріятностямъ. Венера, съ своей стороны предсказываетъ, что „супруги будутъ любовниками своихъ вѣрныхъ супругъ, и не будетъ болѣе ссоръ, холодности и брани, и что имъ пріятно будетъ веселіе, и жаръ ихъ будетъ всегда возобновляющимся.—Въ концѣ перваго явленія, при звукахъ литавръ и трубъ показываются Марсъ и Минерва, и приводятъ въ смятеніе Любовь и Бракъ; но появившіеся боги, не только не объявляютъ имъ войны, но одобряютъ ихъ, увѣряя, что пришли соединиться съ ними для торжествованія „преславнаго дня" и подвергнуть свою силу любезнымъ законамъ Ея Императорскаго Величества.—Во второмъ и послѣднемъ явленіи, Бракъ въ смущеніи изумляется тому, что могло заставить Марса или Минерву покинуть небеса? на что Марсъ отвѣчаетъ, что они пришли излить дары свои на „прекрасную пару" и что почитая память „преславнаго Монарха", обѣщаютъ сдѣлать „Беллону и Викторію" неотлучными отъ стопъ его потомковъ, а народъ

ихъ всегда торжествующимъ!—Минерва говоритъ, что благополучна та юность, которой желаніями управляетъ Мудрость"…. что руководимый ея свѣтомъ, и покрытый ея щитомъ, самъ наивеличайшій изъ императоровъ преодолѣлъ всѣ несчастія, и что она всегда исполняетъ желанія его щедролюбивой дщери. Наконецъ желаетъ теперь удвоить великодушную свою помощь, чтобы сдѣлать безсмертною августѣйшую Ея фамилію. Венера въ свою очередь объявляетъ, что охотно покидаетъ Пифійской и Цитерской острова, и водворится въ этомъ „веселомъ домѣ", которой есть благополучное пребываніе Грацій; и прибавляетъ, что красота такая богиня, которую всѣ почитаютъ, и что слѣдуетъ въ честь ея посвятить настоящій свѣтлый день. За тѣмъ Любовь восклицаетъ:

Да плещетъ вся Вселенная
Силѣ Красоты!
Да гремитъ все Небо
Желаніями услажденнаго Народа!

Гименъ призываетъ „Забавы" и „Игры" послѣдовать за „Любовью" и „Граціями"; пьеса, или „увеселеніе" оканчивается балетомъ, въ которомъ совокупившіяся по голосу „Брака" „Игры и Забавы", ведутъ за собою всѣ народы Царствъ и Провинцій, имѣющіе счастье быть подданными Ея Імператорскаго Величества.

Въ примѣчаніи къ пьесѣ „Прінцесса Элідская (стр. 11), упомянуто что это героическая и любовная „Комедія" состоящая изъ пяти дѣйствій, и половина которой сочинена стихами и другая прозой „чрезъ Мольера", и представится такъ, какъ представляется въ Парижѣ, „безъ інтермедій". Затѣмъ поименованы дѣйствующія лица, роли которыхъ исполнены тѣмъ же персоналомъ труппы Серины. „Принцессѣ Элидской предшествуетъ балетъ объясняемый въ книжкѣ: „Театръ представляетъ пріятную пустыню; всѣ служители и служительницы Элідскія Прінцессы собираются при восхожденіи зарницы, и изъявляютъ балетомъ свою радость, что видятъ пріуготовляемое торжество. Потомъ всѣ бѣгутъ въ назначенное мѣсто на охоту, на которой будетъ Элідская Прінцесса съ своими. Послѣ сего балета начинается „комедія". Но комедіи, какъ сказано выше, въ книгѣ не помѣщено, и находится одинъ лишь „перечень" всѣхъ ея пяти дѣйствій, точно такъ и „Балета Цвѣтковъ". Замѣчанія заслуживаетъ то, что вмѣстѣ съ французскими артистами: Греньякомъ, ле Брюномъ, Симономъ и тремя маленькими танцовщицами, въ балетѣ принимали участіе, извѣстныя

въ то время русскія знаменитости и лучшія танцовщицы: Аксинья [1], Елисавета.... [2], и Аграфена [3]. О комедіи одноактной въ стихахъ „Зенсида“ ея примѣчаніи сказано что она „недавно весьма увлекала французской дворъ“ [4].

По возвращеніи двора послѣ коронаціи изъ Москвы въ Петербургъ, съ директоромъ новоприбывшей изъ Касселя труппы французскихъ комедіантовъ, Серинъи, заключенъ былъ контрактъ, по которому ему слѣдовало получать ежегодно 25.000 рублей, играть на придворномъ театрѣ, причемъ имѣть отъ двора музыкантовъ, театральныя декораціи и освѣщеніе, за исключеніемъ костюмовъ. Въ труппѣ его лучшими артистами были: Роземондъ, Префлёри и г-жа Префлёри. Со времени заключенія помянутаго контракта, пріѣзжіе артисты играли комедіи и трагедіи къ большому удовольствію двора и публики [5].

№ 51. **Архімедовы Теоремы Андреемъ Таккветомъ Езуитомъ** выбранныя, и **Георгіемъ Петромъ Домкіно**, сокращенныя, съ латінскаго на россінскій языкъ Хїругусомъ Іваномъ Сатаровымъ **преложенныя.—Напечатаны при Санктпетербургѣ** въ Морскои Академїческои Тѵпографіи Первымъ Тѵсенїемъ, 1745 Лѣта. 4°. Книга начинается съ 286-й страницы и кончается 457-й (не считая первыхъ 3-хъ страницъ, т. е. заглавн. листа и предисловія; одна таблица съ фигурами Архимедовыхъ теоремъ.

Сопик. Ч. 2. № 2064.—Смирд. Приб. 2. 1832. отд. VIII. стр. 46. № 11165.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россія 1838. Прибав. къ статьѣ VIII. стр. 462. № 52.

Въ началѣ книги, Георгій Петръ Домкіно въ обращеніи къ читателю объясняетъ причину изданныхъ и сокращенныхъ имъ для

---

[1] Аксинья Сергѣевна лучшая русская танцовщица († въ 1748 г.), была ученицею Ланде, бывшаго танцмейстеромъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, и перешедшаго въ 1738 г. въ придворную службу балетмейстеромъ съ жалованьемъ по 2000 руб. въ годъ, по случаю увольненія отъ службы перваго придворнаго балетмейстера Фузано, вступившаго въ эту должность въ 1736 году, по случаю введенія при дворѣ итальянскихъ оперъ; въ это же время введены были на театрѣ и балеты. [2]—Одна изъ извѣстныхъ русскихъ танцовщицъ. [3]—Аграфена Игнатьевна, танцовавшая въ балетахъ при дворѣ Великаго Князя Петра Федоровича въ 1760 г., въ Ораніенбаумѣ. (Штелинъ, Кратк. Извѣст. о театральн. въ Россіи представл. С. Петерб. Вѣсти. 1779. мѣсяцъ Октябрь. стр. 246, 247 и 254. [4]—Сообразно первой изъ пьесъ, представляющей Соедин. Любви и Брака, и прочія, содержащіяся въ настоящей книгѣ, представляютъ счастливые браки любящихся. [5]—С. Петерб. Вѣсти. 1799. м. Августъ. стр. 89.

„юныхъ учениковъ", теоремъ Архимеда, служащихъ прибавленіемъ къ объясненнымъ имъ же „Эвклидовыхъ элементовъ" [1]. Приводимъ вполнѣ это, въ русскомъ переводѣ Ивана Сатарова [2], любопытное предисловіе: „Хотя въ математическихъ наукахъ премного было славныхъ и дивныхъ мужей; однакожъ первая слава, нѣкіимъ согласіемъ Архімеду Сиракузянскому приписана. Но его многтія (болѣе) хвалятъ, нежели читаютъ; дивятся многтія (болѣе) нежели разумѣютъ. Причины, мню, суть Эѯземпляровъ величина и рѣдкость; нарѣчія съ греческаго переведеннаго нѣкая темность; долгія и трудныя показанія. Сего ради, я возмнилъ что будетъ потребно юнымъ (молодымъ) ученикамъ, къ элементамъ уже изъясненнымъ отъ мене, выбранныя Архімедовы Теоремы и много удобнѣе и корочѣ показанныя прибавить; а я (выбралъ) тѣ, которыя и удивленія и пользы болѣе имѣютъ; путь таковыи я въ показаніи держалъ, что надѣюся, кто Элементы разумѣетъ, сія высочаишаго Геометра изряднѣйшая изобрѣтенія удобно выразумѣетъ. Во окончаніи я прибавилъ 13 предлоговъ, Архімедову о цулиндрѣ и сферѣ науку; яжъ распространяю, и межъ прочіми показываю, что полуторная пропорція въ 3-хъ корпусахъ, сферѣ, цулиндрѣ и равнобочномъ конусѣ продолжается; когда опишутся оба около сферы. Еще разныя, или многія въ разныхъ мѣстахъ предлоги, межъ которыми предлогъ 12, и королларіи предл.: 14 (пущыя) начальныя изрядныя суть, и схоліоны всѣ прибавилъ. Употребляи сихъ, избранникъ геометріи, и сколько ты изъ Эуклида успѣлъ, въ Архімедѣ опытъ учини, и понеже ты чувствуешь что ты утвердился въ разсужденіи изрядныя истины, умъ отъ нижнихъ сихъ вещеи благополучно уже отлученныи, вознеси еще выше и управь къ истиннѣ первои, вѣчнои, безмѣрнои, то есть къ Богу, которыя истины, мню, что нѣкогда неизреченнымъ зрѣніемъ вѣчно ублажимся. здравствуи. Петръ Георгіи Домкіно".

---

[1] Предисловіе къ „Элементамъ" написано также Георгіемъ Домкіно. Вып. I настоящаго труда, стр. 65. № 4.—[2] Пекарскій въ Изслѣдованіи своемъ „Наука и Литература въ Россіи", т. I. стр. 271—272, прим. I. ссылаясь на Морской Сборникъ 1856 г. № 14, часть неоффиц. стр. 173—174, приводитъ упомянутое тамъ находящееся въ архивной рукописи Акад. Н. за 1716—26 гг. письмо Лаврентія Блюментроста, въ которомъ послѣдній говоритъ о назначеніи лѣкаря Максима Петрова Сатарова, по повелѣнію Петра Великаго, переводчикомъ при Акад. Наукъ. Между тѣмъ, какъ въ настоящемъ переводѣ, такъ и въ „Эвклидовыхъ Элементахъ" упоминается Иванъ Сатаровъ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать между собою.

На стр. 286-й, или первой по счету книги, находятся „Дефініцін", или нѣкоторыхъ словъ толкованія „съ указаніемъ на 26-ю фигуру приложенной къ книгѣ таблицы; и на слѣдующей 287-й „Аξіомы" въ числѣ 6-ти, съ подобнымъ же указаніемъ. За тѣмъ слѣдуютъ „Предлоги" (предложенія), которыхъ въ книгѣ находится 46; Георгій Домкіно упоминая въ вышеприведенномъ предисловіи о томъ, что онъ въ концѣ прибавилъ послѣдніе 13 „предлоговъ", и распространилъ ученіе Архимеда о сферѣ и цилиндрѣ, на 430 страницѣ въ „схоліонѣ" говоритъ о предыдущей теоремѣ, полагающей означенное ученіе, и что Архимедъ на столько дорожилъ ею, что завѣщалъ начертать на гробу своемъ сферу въ цилиндрѣ. Объясненіе какъ обѣихъ теоремъ, такъ и многихъ иныхъ, въ которыхъ по словамъ Домкіно „познастся дивная натура сферы" онъ обѣщаетъ изложить въ вышепомянутыхъ 13-ти предлогахъ.—Что было сказано нами о русскомъ переводѣ „Элементовъ" [1], то приходится повторить и о настоящемъ переводѣ Сатарова; языкъ для учебника не ясенъ, и мѣстами неудобопонятенъ; мы не разумѣемъ подъ этимъ его устарѣлость; сравнительно, многія изъ петровскихъ изданій однороднаго содержанія въ переводѣ Сатарова представляютъ и для настоящаго времени изложеніе болѣе доступное для понятія.—Извиненіемъ русскому переводчику теоремъ отчасти служитъ то, что онъ переводилъ ихъ съ латинскаго текста переведеннаго въ свою очередь по словамъ Домкіно съ греческаго; и этотъ переводъ при темноватости своей изобиловалъ длинными и трудными объясненіями: [2]—Въ таблицѣ приложенной къ книгѣ изображены 32 геометрическіе чертежа, съ надписью вверху: „фігуры архимедовыхъ теоремъ". Внизу, съ правой стороны надпись: „сія фигуры справилъ подмастерья петръ билцовъ" и ниже: „Грыд. Яковъ Мордвиновъ".—Въ „Опытѣ" Сопикова эта книга показана съ невѣрнымъ заглавіемъ: „Архимедовыхъ Ѳеоремъ Дефиниціи, или нѣкоторыхъ словъ толкованіе".

№ 52. Юности **Честное Зерцало** или **Наказаніе** къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ Авторовъ повелѣніемъ Его Императорскаго Величества **Государя Петра Великаго** блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, и нынѣ четвертымъ тиснені-

---

[1] Матеріалы, Выпускъ I. стр. 65. № 34. [2]—Что касается до счета страницъ начинающагося съ 286-й стр., то можно, если не ошибаемся, объяснить его тѣмъ, что Ив. Сатаровымъ удержана пагинація обширнаго латинскаго подлинника; и такъ какъ „Хирургусъ" началъ свой трудъ съ 286-й страницы, то она и сдѣлалась первою въ русскомъ переводѣ.

емъ напечатанное.—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1745. въ м. 8°. 78 нум. стр.

Сопик. Ч. 5. № 12761.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838. Приб. къ стат. VIII. стр. 374. № 1.

На первой страницѣ заглавіе славянскимъ шрифтомъ: „**Изображеніе древнихъ и новыхъ писменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ**". въ два столбца, причемъ въ лѣвомъ по семи видовъ одной и той же буквы прописной и строчной, стоящихъ въ одинъ рядъ; въ правомъ читается ихъ названіе и произношеніе по славянской азбукѣ.—Далѣе помѣщены: „Слози двописменніи, отъ согласныхъ начинаеміи. Слози триписменніи.—Нравоученія отъ Священнаго Писанія по Алфавиту избранная. Слыши сыне и вразумляйся. На 19-й стр., подпись: кто сохранитъ сія, и спасется. Конецъ и Богу слава. Затѣмъ изображеніе цифръ: „Число Церьковное и Ариометическое. Ино показаніе великаго счисленія. Объявленіе числа школьнаго. Наконецъ цифры славянскія, арабскія и римскія въ трехъ столбцахъ; „милліоны" изображены въ два столбца арабскими и римскими цифрами.

За букваремъ на стр. 27-й, повтореніе заглавія книжки и самое начало „Зерцала" содержащее въ себѣ въ 63-хъ пунктахъ наставленія касающіяся обязанностей дѣтей къ родителямъ, постороннимъ лицамъ, духовнымъ особамъ и служителямъ; также правила, какъ долженъ младый отрокъ, (называемый попеременно „благочестивымъ кавалеромъ, младымъ человѣкомъ и младымъ шляхтичемъ) держать себя въ обществѣ, также говорится о томъ, какими качествами долженъ обладать, желающій сдѣлаться прямымъ, настоящимъ и умнымъ придворнымъ человѣкомъ (пункты 18, 19 и 20. стр. 34—35). Приводимъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ этого стариннаго, но несомнѣнно не русскаго кодекса общежитія; такъ напр.: 10-й пунктъ „Зерцала" научаетъ отрока обращенію съ слугами: „съ своими или посторонними служителями гораздо не сообщайся. Но ежели оные прилѣжны, то такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отошедши прочь, на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилѣжно, когда что хочешъ о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А имянъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ догадаться было не можно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны". Цѣль изученія иностранныхъ языковъ по „Зерцалу" слѣдующая: „Младые отроки долж-

ны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли: а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ (отроковъ) отъ другихъ болвановъ распознать: ибо каждый купецъ товаръ свой похваляя, продаетъ какъ можетъ".—Противъ панибратства съ прислугою преподается правило: „Слугамъ своимъ и челядинцамъ, не должно давать злаго приклщаду, и передъ ними никакова соблазну не чинить, и ниже допускать, чтобъ они всякими глупостьми хозяину подлещались, какъ обычайно такіе люди дѣлаютъ, но держать ихъ въ страхѣ, и больше двухъ кратъ вины не спущать, но выгнать изъ дому: ибо лукавая лисица нрава своего не перемѣнитъ. Когда кто своихъ домашнихъ въ страхѣ содержитъ, оному благочинно и услужно бываетъ, и слуга можетъ отъ него научитися, и другіе его ровестники за разумнаго его почитать будутъ. Ибо раби по своему праву невѣжливи, упрямы, безстыдливи и горди бываютъ: того ради надобно ихъ смирять, покорять и унижать".—Не безъинтересны также правила благопристойности и чистоплотности, изученіе которыхъ было дѣломъ вовсе не лишнимъ особливо для тогдашняго русскаго юноши; „Зерцало" на стр. 48-й, въ 57-мъ пунктѣ поучаетъ: „рыгать, кашлять, и подобныя такія грубыя дѣйствія въ лицѣ другаго не чини, или чтобъ другой дыханіе и мокроту желутка, которая востанетъ, могъ чувствовать, но всегда либо рукою закрой, или отворотя ротъ на сторону, или скатертію, или полотенцомъ прикрой, чтобъ никого не коснуться тѣмъ згадить. И сія есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубитъ, или громко чхаетъ, бутто кричитъ, и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей, или въ церьквѣ дѣтей малыхъ пужаетъ и устрашаетъ!—Еще же зѣло не пристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чиститъ, яко бы мазь какую мазалъ, а особливо при другихъ честныхъ людяхъ". (стр. 37, 49. пункт. 27, 58 и 59).—За тѣмъ, безъ раздѣленія на пункты слѣдуютъ наставленія въ правилахъ благопристойности, отроку, что озаглавлено: „Какъ младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ беєѣдѣ съ другими сидитъ". Это наставленіе относится вполнѣ къ приличному сидѣнью за столомъ; „Зерцало" рекомендуетъ: вопервыхъ обрѣзать ногти, „да не явится яко бы оныя бархатомъ обшиты"; за тѣмъ умыть руки и сидѣть благочинно, прямо, не жрать какъ свинія, и не дуть въ ушное, чтобъ вездѣ брызгало". Между другими, касающимися благочиннаго возсѣданія за трапезою поученіями, находится и слѣдующее: „надъ ѣствою не чавкай какъ свинія, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и

кашлять не пригоже".—Застольное поученіе оканчивается преподаніемъ способа какъ ѣсть яйцо, такъ чтобы оно не вытекло; не разбивать скорлупы, не облизывать перстовъ, и т. д. Въ заключеніе всѣхъ наставленій, „Зерцало" учитъ: „Коимъ образомъ имѣетъ отрокъ поступать между чуждыми", и не менѣе любопытны наставленіи молодымъ дѣвицамъ изложенныя въ „Зерцалѣ" подъ заглавіемъ: „Дѣвическія чести и добродѣтели вѣнецъ, состоящій въ послѣдующихъ двадесяти добродѣтеляхъ". Не останавливаясь на тѣхъ, которыя могутъ украшать юношество какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, упомянемъ, объ относящихся непосредственно къ дѣвицѣ; такъ напр.: „четвертая на десять дѣвическая добродѣтель по словамъ „Зерцала" есть чистота телѣсная, въ которой дѣвица умываясь, въ честной одеждѣ и пристойномъ убранствѣ, чисто себя содержать имѣетъ; такимъ образомъ, чтобъ съ одной стороны гордости, а съ другой, скверной не было поступки, ежели токмо кто право о томъ разсуждать будетъ (Зерц. стр. 61). Шестая на десять добродѣтель есть дѣвственное цѣломудріе, когда человѣкъ безъ всякаго пороку, или съ другими смѣшенія, и безъ прелести плотскія наружно и внутренно, душею и тѣломъ, чисто себя внѣ супружества содержитъ".—Объ этой добродѣтели говорится пространнѣе подъ заглавіемъ: „Дѣвическое Цѣломудріе". По правиламъ „Зерцала", „стыдливая дѣвица потупляетъ свои очи, яко Ревекка, егда узрѣ еще изъ далеча Іакова грядуща; яко въ книгахъ Моvсеа, въ главѣ 24 пишетъ, что оная закры тогда лице свое; и каждая стыдливая дѣвица закрываетъ окна сердца своего. Ибо сердце всегда прелестно очамъ послѣдуетъ". Далѣе слѣдуетъ такое обращеніе къ дѣвицѣ: „Того ради блюди, дабы дѣвической стыдъ пристойную красоту, очи въ землю потупляя, являлъ. Также и ты, когда на тебя человѣкъ взираетъ, покраснѣвся очи свои не возвышай, но зракъ свой въ землюниспущай. Украсненіе дѣвицъ и младыхъ невѣстъ, также и замужныхъ, есть достохвальная фарба или цвѣтъ; и о семъ Діогенъ пишетъ: что украсненіе есть признакъ къ благочестію, съ чѣмъ соглашается и Назіанзинъ".—Наконецъ въ подтвержденіе того, какъ необходимъ и привлекателенъ красный цвѣтъ на щекахъ дѣвицы, являющій собою какъ бы вывѣску стыдливости, приводится слѣдующее извѣстіе: „Въ другихъ странахъ, (въ какихъ, не сказано) когда невѣста въ день замужества своего, имѣетъ итти въ церковь, предуготовляютъ ей и при ней дѣвицамъ обрѣтающимся, съ сахаромъ и корицею вареное віно, доброй вінной супъ, и подчиваютъ ихъ, дабы кушали, увѣщевая: что отъ того могутъ быть изрядно красны, когда пойдутъ въ церковь. Но ежели невѣста отъ себя сама не можетъ быть со стыду красна, то

вінной супъ не долго можетъ краску въ лицѣ содержать, а кромѣ того говорится: Принужденная любовь и притворная краска не долго постоятъ" (стр. 64).

Въ противоположность цѣломудренной и стыдливой дѣвицѣ, въ „Зерцалѣ" представляется слѣдующее изображеніе „нецѣломудренной и безстыдной: „Непорядочная дѣвица со всякимъ смѣется и разговариваетъ, бѣгаетъ по причиннымъ мѣстамъ и улицамъ розиня пазухи, садится къ другимъ молодцамъ и мужикамъ, толкаетъ локтями, а смирно не сидитъ, но поетъ блудныя пѣсни, веселится и напивается пьяна. Скачетъ по столамъ и скамьямъ, даетъ себя по всѣмъ угламъ таскать и волочить, яко стерьва. Ибо гдѣ нѣтъ стыда, тамъ и смиреніе не является".—Въ подтвержденіе сказаннаго, приводятся похвалы „благочестивой дѣвицѣ" приписываемыя ей нѣкоторыми древними мудрецами, и наконецъ Лютеромъ. Книжка заключается разсужденіемъ, озаглавленнымъ: „Дѣвическое Смиреніе", изобилующимъ ссылками на Св. Писаніе и отцовъ церкви.

Въ царствованіе Петра Великаго напечатано было четыре изданія „Зерцала"; первое вышло подъ заглавіемъ: „Юности Честное Зерцало или показаніе къ житеіскому обхожденію. Собранная отъ разныхъ авторовъ. Напечатася повелѣніемъ Царского Величества. Въ Санктъпітербурхѣ, Лѣта Господня 1717. февраля 4 дня, 8°. 29 и 38 стр. съ особ. нумераціею [1].—Второе, въ томъ же году, съ тѣмъ же заглавіемъ и числомъ страницъ; но вмѣсто февраля—іуліа 30 дня [2].—Третье въ 1719 году, съ тѣмъ же заглавіемъ и числомъ страницъ, но вмѣсто іуліа 30—іуліа 5 дня. (Сходно съ первымъ изданіемъ) [3].—Четвертое изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ, числомъ страницъ, составляетъ перепечатку перваго изданія (Пекарск. № 339); напечатася повелѣніемъ імператорскаго величества въ Санктъпітербурхѣ въ 1719 году, а въ Москвѣ противъ тогожъ первое 1723 году въ Ноябрѣ [4].

---

[1] Наука и Литерат. въ Россіи, т. II стр. 331. № 339.—[2] Тамъ же стр. 387. № 346.—[3] Тамъ же стр. 456. № 415.—[4] Тамъ же стр. 602. № 554.—Пекарскому при описаніи перваго изданія не удалось отыскать подлинника, съ котораго переведено у насъ „Зерцало"; но по словамъ его не подлежитъ сомнѣнію, что его надобно искать въ нѣмецкихъ руководствахъ начала XVIII вѣка, когда были въ ходу Spiegel für der Bildung, der Goldne Spiegel, и т. п. сочиненія, напоминающія по своему заглавію петровское „Юности честное Зерцало". На французскомъ языкѣ подобныя изданія были еще въ XVI вѣкѣ. Такъ напр.: Miroir de la jeunesse pour former à bonnes moeurs et civilité de vie. Poitiers. par Pierre et Jean Moines frères 1559 in 16° à Paris chez Jean Bonfons et de Cp. Graesse Lit. Gesch. vol III, P. 1. стр. 697. При выпискѣ изъ „Зерцала" настав-

Въ „Опытѣ“ Сопикова, указаній на два первыя изданія нѣтъ; но показаны изданія 1719 и 1723 годовъ (послѣднее названо вторымъ) 1740 г. (третье) и 1745 г. (четвертое), но въ дѣйствительности по счету шестое.

№ 53. Апоѳеегмата то есть краткихъ **витіеватыхъ** и нравоучиучительныхъ **Рѣчей книги три**, въ нихъ положены различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ філософовъ, переведены съ польскаго на славенскій языкъ.—Противъ перваго изданія третьимъ тисненіемъ напечатаны. **Въ Санктпетербургѣ** 1745 года. 8°. 154 нум. и 6 ненум. стр. (Реэстръ).

Сопик. Ч. 2. № 2003.—Справочн. Слов. Геннади. т. I. стр. 40.

Три книги составляющія „Апофегмату“ имѣютъ слѣдующія заглавія: Книга первая: Сократово ученіе (стр. 1—100); она содержитъ въ себѣ мысли и изрѣченія и другихъ мудрецовъ древности, имена которыхъ простираются до 46-ти. Краткихъ и узловатыхъ повѣстей книга вторая, въ ней положены повѣсти Кесарей римскихъ, королей, князей, вождей воинскихъ, сенаторей и иныхъ чиноначальныхъ. (стр. 101—138).—Книга третія, въ ней же заключаются повѣсти Лакедемонскія (стр. 139—153).

Этотъ сборникъ различныхъ анекдотовъ и изреченій появился первоначально на польскомъ языкѣ въ началѣ XVII вѣка, и напечатанъ подъ заглавіемъ: „Krotkich a węzlowatych powieści, ktore po grecku zową Apophegmata, ksiąg czworo przez Bieniasza Budnego, Z rozmaitych przedniejszych autorow zebrane [1]. — Въ XVII же столѣтіи этотъ сборникъ переписанъ былъ у насъ прямо съ польскаго подлинника русскими буквами подъ титуломъ: „Кроткыхъ и вензловатыхъ повіесцѣ всіе книги“. (рукоп. Публ. Библ. Q, XV, 12). Далѣе встрѣчаемъ уже настоящій переводъ на русскій языкъ, также XVII вѣка: Апоѳегматъ, сіе есть сплетенныхъ, краткихъ повѣстей книга

леній касающихся обращенія съ слугами, Пекарскій называетъ ихъ „нѣмецко-дворянскими наставленіями для русскаго дворянства (Наука и Литература въ Россіи, т. II стр. 382.

[1] Относительно этого изданія и авторѣ сборника Беніашѣ Будномъ, Пекарскій указываетъ на Мацѣевскаго: „Piśmiennictwo polskie“ III, 371, 372 и Іохера „Obraz bibliograficzno—historyczny, literatury i nauk w Polsce, I, II. Наука и Литерат. т. II. стр. 264. прим. 1. съ ссылкою на Очерк. литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ, г. Пыпина, стр. 260—262.

1-я. Краткихъ и сокровенныхъ повѣстей книга 2-я, въ ней же положенная словеса царей, королей, воеводъ, сvгклитикъ и иныхъ старѣйшинъ. Краткихъ и узловатыхъ повѣстей книга 3-я, въ ней же заключаются повѣсти Лакедемоновъ.—Краткихъ и узловатыхъ повѣстей книга 4-я, въ ней же положенная гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ не простыхъ" [1]. По сличеніи этой рукописи съ печатнымъ изданіемъ 1711 года, (о которомъ будетъ упомянуто ниже), оказывается, что въ послѣднемъ не помѣщено четвертой книги, и что въ началѣ есть нѣкоторыя разности въ текстѣ; но въ концѣ рукопись и печатная книга почти одинаковы; замѣтно, что издатель пользовался переводомъ изъ прежнихъ рукописей.

Первое русское изданіе напечатано подъ заглавіемъ: „Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей. кнігі трі. Въ нихъ же, положены различныя вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и бесѣдованія различныхъ філософовъ древніхъ. Переведены съ полского на славенской языкъ. (На оборотѣ): Повелѣніемъ же царского величества напечатаны въ Москвѣ лѣта Господня 1711. въ мартѣ 8° [2].—Второе изданіе строка въ строку съ первымъ, но заглавіе слѣдующее: „Апоѳегмата то есть краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчеи книги три. Въ ніхъ же, положены различныя вопросы и отвѣты, жітія, и поступки, пословіцы, и разговоры разлічныхъ древніхъ философовъ. Переведены съ полскаго на славенской языкъ. (На оборотѣ): Повелѣніемъ же царскаго величества напечатаны въ Москвѣ лѣта Господня 1712 въ февралѣ. 8° [3].—Третье съ тѣмъ же заглавіемъ: „Напечатася повелѣн. царскаго велич. въ Санктъпітербургской Тіпографіи. Лѣта Госп. 1716 Генваря въ 18 день 4° [4].—Четвертое, одинаковое съ первымъ, заглавіе тоже; (на оборотѣ): Повелѣніемъ Царского величества. Напечатаны въ Москвѣ Лѣта Господня 1716 въ Августѣ 8° [5].—Наконецъ пятое изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ, одинаковое съ первымъ. (На оборотѣ заглавн. листа): Повелѣніемъ его величества Петра Великаго, Імператора и самодержцаа всероссіискаго. Въ Санктъпітербургской Тvпографіи, лѣта Господня 1723, Іулїа 12 дня 8° [6].—Это изданіе также одинаково съ первымъ.

По этому указанію на петровскія изданія „Апофегматы", будетъ правильнѣе считать изданіе 1745 года шестымъ, а не третьемъ, ка-

---

[1] Эта рукопись въ Публ. Библ. отъ Каменецкаго, Q, XV, 33. Пекарск. стр. 264.—[2] Тамъ же стр. 264. № 206.—[3] Тамъ же, т. II. стр. 279. № 220.—[4] Тамъ же стр. 360. № 310. Сопик. Ч. II. № 2001.—[5] Пекарск. стр. 366. № 322. Сопик. № 2000.—[6] Пекарск. т. II. стр. 593. № 547. Сопик. ч. II. № 2002.

кимъ оно показано у Сопикова; при этомъ онъ замѣчаетъ, что эта книга была неоднократно вновь издаваема въ Петербургѣ. Въ росписи Смирдина указано петербургское изданіе 1765 г. въ 8°. Ч. 1. № 1236.

№ 54. Книга Iменуемая Брюсовскоі Календарь. 47 нум. одностороннихъ листовъ, вырѣзанныхъ на мѣди. Въ продолговатую 4°.

Сопиков. Ч. 3. № 4984.—Ровинскій. Русскія Народн. Картинки. Книга II. 1881 г. стр. 392—432.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838. Отд. IV. стр. 483. № 5.

Листъ I. Заглавный ненумерованный, въ фигурной рамкѣ и раздѣленный пополамъ двойною поперечною чертою, по обѣ стороны которой помѣщается оглавленіе содержанія календаря:

1. сотворѣние света.
2. таблица ісчисленіе летъ праотец'.
3. святцы 12 мцовъ влицахъ.
4. означение планетъ на всяки міръ подкоторымї млнцы родятся.
5. седмь соборовъ. листъ. 7.
6. опраздницех яже каждаго лета преходят.
7. четыре мира.
8. ѳигура осияніи луны.
9. новая таблица круга лунпаго.
10. исчисленїе долготы широты їимена звезламъ.
11. денство особное нобщѣе.
12. предзнаменованіе денствъ навсякїднь.
13. предзнаменованіе временї навсякї год.
14. таблица Їмѣет версты кросиіскім губерніямъ и городамъ.
15. трактъ ксанпитербургу идоЇностранных городов дознатных митреи Їдоимператорских дворцов иколикое число соборовъ и монастырей и церквей.
16. долготы широты поградусомъ знатныхъ городовъ.
17. ланкарта московская.
18. ланкарта питербурская.
19. Гербъ российскои имперіи спротчими Гербами.

Листъ 2 (№ 1) раздѣленный пополамъ тройною поперечною чертою; вверху продольная полоса надъ которой въ шести квадратахъ изображенія: сіяющаго въ облакахъ солнца съ надписью: Сотвореніе свѣта.—Дерево съ сидящими на вѣтвяхъ, и летающими около него

птицами: Четыре времена года.—На каждомъ изъ остальныхъ четырехъ квадратовъ изображеніе четверти солнечнаго диска, лучи котораго упираются въ четверть дуги зодіака, за которымъ небо усѣянное звѣздами. На частяхъ зодіака надписи: мартъ, апрѣль, маи и знакъ Льва; іюнь, іюль, августъ и знакъ Рака. Сентябрь, октябрь, ноябрь и знакъ Вѣсовъ. Декабрь, генварь, февраль и знакъ Козерога. Надъ этими четырмя квадратами надписи: весна, лѣто, осень, зима. Внизу листа таблица съ 48 графами и поперечными надписями въ каждой: лѣта отъ рождества (1710 по 1940).—кругъ солнцу.—кругъ луны.—вруцѣ лѣта.—основанïе.

Листъ 3 (№ 2). Вверху надъ продольной полосой, надъ которой въ шести квадратахъ изображенія съ объяснительными надписями: „Потопъ.—открышася верси горъ.—Ізхожденïе Ізковчега.—сотвори нои жертву Бг҃у.—столпотвореніе.—погубленіе содома. Подъ означенными квадратами между двумя продольными чертами надпись: Таблица Існѣсленія лѣт житія стых пра отцъ отпотопа до іякова, сочіненная Іскниги Бытія; она раздѣлена на 21 графу, съ слѣдующими въ каждой изъ нихъ надписями: Імява стых пра оцъ (отъ Арфаксада до Іякова).—Лѣта рождества іхъ.—вѣкъ житія ихъ.—вколікихъ лѣтехъ отначала міра Преставішася. вкоторыхъ лѣтех по Потопѣ родішася.—Попотопѣ преставішася.—Сколко лѣт которыи скѣм вжітіи пребыша.—вкоторых лѣтех рождали. Здѣсь же помѣщена родословная отъ Сима до Іуды. За тремя двойными чертами вкось проведенными отъ середины листа внизъ къ правому углу, въ образовавшемся означенными чертами треугольникѣ, помѣщено краткое извлеченіе изъ книги Бытія, извѣстіе о Ноѣ, потомствѣ его и потопѣ.—За тѣмъ слѣдуютъ 12 нум. таблицъ со святцами, къ каждой изъ этихъ таблицъ принадлежитъ за однимъ съ таблицею нумеромъ листокъ съ „описаніемъ дѣйствъ въ рожденіи человѣческомъ“ въ каждомъ знакѣ зодіака.

Листъ 4 (№ 3). Вверху надпись: „мѣсяцъ мартъ“. За тѣмъ полоса въ которой въ шести квадратахъ изображены: стая преподо: м̃ евдокïа. стыı велïк: м̃: 40. всевастïи. прпдбнып алексïи члвк. бжiи. блговѣщен: прстые бцды. соборъ св: архгл: гавріила, препд: іоаннъ лѣств: соученï.—Внизу таблица съ показаніемъ въ 28-ми графахъ съ надписями; число міра.—вруцелѣтіе.—планеты.—седмицы.—Нарицанія влчных и бгородичныхъ и стых празднованія свиды и вступленія.—Зодиаки.—градусы.—Отъ сотворения мира или свѣта лѣта показаннымъ стилемъ.—часы послѣ полудъня. (часы. четверти. знаки, планеты).—звѣзды.—восхожденіе солнца вмоскв. и с. п. бург.—Захожденіе солн-

ца в моск. вс. п. бур.—долгоденствіе (тоже).—долгонощіе. (тоже).—числа міа.

Листъ 5 (№ 3). Текстъ въ рамкѣ изъ двойной черты, напечатанъ поперекъ листа: Описаніе двою надесяти небныхъ знаковъ дѣйствъ врожденіи чл҃ческомъ. (Овенъ). Oрочá рóждьшеесѧ междѹ 12 Днем мáрта и 12 Днéмъ Апріллїа есть Наклоненіѧ знакѹ ѡвнá ѿ естествà Мáрта. Жарко, сухо, не смиренъ, движимъ, Добрыѧ Бесѣды, мѹжескагѡ изряднаго тѣла, долговатаго лицá и шеи, мало крови имѣетъ крѹглый образъ, великїѧ óчи великїѧ жилы налбѹ, кѹдрявъ и многоволосенъ, скоро и любезно гл҃голивъ смѣлъ срдцемъ, Гордъ, нетерпеливъ, скораго оѹма смысла скорогневливъ, омстителенъ говоритъ Во гневѣ ѡчесóмъ ѡпóслѣ самъ раскается и Жалостенъ Бываетъ. Скѹпъ, Скѹчливъ, скоро гнѣвается и́ потомъ Паки Бл҃гъ. ѡттѹдѹ имѣетъ Онъ великіѧ Жи́лы налбѹ. имѣет же Онъ некогда знáкъ на гл҃вѣ; Боится велми́ óчéи. спадет сверхѹ нечи́стъ, нецеломѹдръ скоролюбивъ кженамъ искоро покидает. естествó его требѹетъ Трех честных жéнъ. Первѹю Младѹю двцѹ. Вторѹю вдовѹ или инако пе Дв҃ѹ. Младъ сѹще достигнетъ наѹкѹ. и Дх҃óвнымъ вещам. но обачеже[познѣишіи есть емѹ мирскіи чи́нъ. мнóго Пострáждетъ. в'юности, ѡхотно ѡбходитсѧ в'воинскихъ дѣѧніахъ. и Оныя несѹтъ Емѹ нещастливы. и симъ Онъ вéлїю чéсть внародѣ Приѡбрѣтаетъ. Естъ и пїетъ добрó, и Чáсто немощенъ бывáетъ хѹдо спи́тъ. Честилюбивъ, Слáвы ищецъ квѣщамъ оумногихъ людеи Бл҃го емѹ есть и в'великихъ дѣиствахъ имѣетъ снисканїе ко щастїем. вогнѣве своем твердъ есть не мл҃рдъ крѣпкаго несмирéнства смы́сла своегó. склоненъ оубйти плоть, видѣти кровь чл҃ческѹю, чáсто терѧет имѣнїе и добрóживоты́ свóе, нó ѡбачеже и́ны́мъ спóсобомъ пáки приѡбрѣтáетъ. чáсто желает себѣ Смéрти, ктомѹже не ѕѣло всемá ѡскѹдѣет и не весмá Богат. жизнь своѝ преПровождает вó ѡтечествїи своемъ вынѹ, шест҃віе егó высочáишее есть щáстїе. рáдость. Полза, прибыток достоинствъ повышенїѧ Его. Чести наклапаютсѧ кземлѧм востока Сл҃нца иполѹдню. Запад есть емѹ средствен. Величайшее егó нещастїе ѐсть оубытокъ оуниженіе чести напàсть, нѹжда. темница. трѹд, недрѹжба совсякою Противностию содержанїя показѹют страны́ к'севѣрѹ. крáска егó склонѧетсѧ к'желтомѹ и красномѹ. черно или сѣро смѣшено. сини" зеленым сѹть емѹ болѣзни или смертнѹю напасть показѹют емѹ. Подвигъ землѐ ростиѧ величайшее нещастїе его оубытка накладѹ приходит емѹ изѹпотребленїѧ водѧных наслѣдїев. Болѣзнь или недѹгъ тѣла бывает часто в'ногах. в'главѣ. или слѹх влѣвой странѣ внѹтреннїѧ, смéрть случится за мѹжество. и опѹхол чрев камен ѧдовитыѧ водѧныѧ матерїи или ѡловїто толсто сожженыѧ крó-

ви, когда сл҃нце втелце, имѣет прибытокъ, и сщастїе во всех вѣщах хотя народѣ или насвхе. лвчшїи Бвдет междв Братїами своими. и переживет Оц҃а своего имѣти бвдет честныхъ дѣтеи. когда сл҃нце вдѣвах да брежется ѕлых напитковъ и пищъ, и да не начинаеть много: В' вѣсахъ имѣет щастїе женитися. В' скорпїи едва не приключится емв смертная Болѣзнь: Въ стрелцѣ имѣетъ щастїе пвтешествїе творити, и все емв Бл҃го слвчается. Въ водоливѣ Приходитъ емв добро. Въ рыбахъ мало имѣетъ щастиѧ. Бвде переживетъ 24 лѣтъ, тожить бвдетъ до 71 Годв. Дѣва рождшаѧсѧ междв вышепомянутыми двемá днями, едвá нетогожде есть наклоненіѧ и естество собственно, и к'себѣ Привлекаетъ прїемлетъ, пригожа взоромъ образомъ, лицемъ Красноватыѧ краски, смѣющаѧсѧ ѩвлаетсѧ оустами, веселыѧ Очи, пригожїѧ власы на главѣ или налицѣ Бвдвг оукрашенна. Болѣзни ѐѧ свть Болѣзни матернїя чрéва и внвтреннего, Нещаститсѧ ей врождéнїи дѣтей крѣпко любитъ мвжа своего. честно, набожно себѣ ведетъ противъ всѧкаго, но обачеже неползветься ей долгое времѧ страданїи бвдетъ переговоромъ скорогнѣвствомъ своим лживе закровéнїе басней виновнвют ей много распри, ненависти, зависти. гнѣва междв женами ѡнемѣже мнози ѕлыѧ вещи инегодованыѧ произходѧт. полза и щастие сѧ и нещастїѧ слвчай Болѣзней, и смерти содержатся в'земляхъ и прежде писанныхъ Краскахъ.

Листъ 6-й (№ 4). „Мѣсецъ Апрѣль". Изображ. въ 6-ти квадр.: прпд: марїа егїп: с҃. еѵѳїмїи. с҃: мч. агапїа. їрина, хїонїа—с҃: велікомч: георгїи побѣдо:—ст҃ыі еѵг҃лїстъ марко.—с҃: апс҃тлї іассон исосїпатръ.—Ч: девеѣь м҃: иже въ кvзїцѣ.

Листъ 7-й (№ 4); текстъ: (Телѣцъ) Ѿгрокъ рожденыи междв 12 днемъ априллїа и 12 маїа есть склоненїи знака телца и естества венвса, меланхоликъ или задумчивъ, мнителен стваен, свхъ, плодовитъ женеск. постоѧннаго смысла, великъ крѣпокъ тѣломъ смешенныѧ краски Лица, смирныѧ добрыѧ речи, самъ себѣ знаетъ в'совѣсти своей, имѣетъ широкїѧ рамы плеча, крвгловикъ смешенною краскою высоквю грвдь, и знакъ на лакте рвцѣ великїѧ хорошїѧ глаза, долгїи лобъ, худыи нос Великїѧ звбы, и плечы толстыѧ или силныѧ ноги, Гордо и высокоумно ходит Поствпкв, имѣетъ чистотв вѣденїѧ тѣла своего оукрашеніе в платїи, ѡхота и забава его есть пѣнїе, стрвно играніе ѡрганъ, трвбны. и всѧкаѧ возклицанїѧ, безгнѣва и совсѧкимъ говоритъ недоволно, чесо ради его хвалѧт, и како смиренъ мало благодаренїѧ заслвживаетъ, заблгдѣнїѧ к'же творитъ инымъ, поздно прїидетъ к богатствв и славѣ, велїи, но Обаче же бвдет Обманчивъ, и обманываетъ ѡхотно Оныхъ которыѧ вѣрны Емв, есть же ещé жела-

теленъ хвáлимъ бы ѿвсѧкаго, велми гордъ бѹдетъ, неизобилно бѹдетъ мѹдръ, безпрестанныѧ смирныѧ рабóты, дѣлаетъ времени довремени позно ќбогатствѹ прїидетъ, даже допольстарости своѧ Тогда прїидетъ в'добрый покои, радость и веселомѹ сѹществѹ, сéй бѹдет болши целомѹдрїю нежели Нечистъ, Обѧвисѧ емѹ бракъ, бѹдетъ два, приключающїися слѹчай часто ѧвлѧетсѧ оунегó, невесть ѿкѹдѹ, прїиметъ ѕлѹю слѹжбѹ ѿнихъ, имже блго творитъ, и болши прїемлетъ млти ѡт иностранных, нежели ѡт домашнихъ прїѧтелей, правдѹ глетъ, никомѹ творитъ ѕлá ни прáвды ни ѡбиды, ѡставлѧетъ вéтхи ей бы́ти, ничесó предначинаетъ нóваго, вогнѣве своемъ скоро забывчевъ: Егда слнце в тѣлце есть, то имѣетъ щастїе и всѧ емѹ споспѣшествѹютъ, аще начнетъ сóбственное свое дѣѧнїе. аще нощїю родитсѧ богáтъ бѹдетъ. В'раке имѣет щастїе странствовати. Волвѣ да непокѹпаетъ ниже продаетъ, переживетъ Оца своего и матерь, дѣти егó бѹдѹтъ множáйшее дѣвки В'вѣсахъ имѣетъ нéмощъ в'главѣ Стрѣлецъ есть смертонóсенъ емѹ В'козерогѣ имѣетъ щастие оувеликих Гдъ В'водолее приобрѧщетъ богатство аще желаетъ и оутреннюсть В'рыбах имѣетъ щастїе кѹпить и продать Во ѡвнѣ да брежетсѧ лживáго и лстиваго свидѣтелства еже ѡтнѣкоторыхъ панего зачнетсѧ, но Обаче ложно наипаче дабрежется слѣпых людей Величáишее шéствїе егó, щастїе, рáдость, полза, прибы́токъ, всех достоинствъ величаишїю его честь показѹют земли полѹдниа, запада, севѣра, величаишее его нещастїе оубытка оубавленїѧ чести, напасть, нѹжда, недрѹжба, всѧких противносте наклоненїѧ показѹют емѹ зéмли, востóка слнца, всѣ краски добры емѹ ѡприч́ь лазóревои счерномъ смéшеннои и зеленой, величаишаѧ и щасливаѧ его пóлза и пóдвигъ бѹдѹтъ все земле родѧщїѧсѧ плоды водѧныѧ наслѣдїѧ, воднаго образа и ещеже все плоды, воздѹха, древесъ и лоз. Величаишее нещастїе подвига его или дѣѧнїѧ есть все оное изходѧщее изстихїи ѡгнѧ или ѻгнемъ при ѡбрѣтающееся недугъ болѣзнь тѣла бѹдетъ собственнѣ вщеїи, плечахъ, ѡчесахъ, ѡпѹхоль, рѹкахъ, ногахъ, пѹпа, чреслъ смерть его бѹдет ѕними женáми иͣ домъ: или жаромъ огнѧ ѧвлена, аще переживетъ 28 лѣтъ, то бѹдетъ до 70 года Дѣвá рождшаѧсѧ вопомѧнѹтое врéмѧ согласѹетсѧ ономѹ естествѹ природе толстá, великаго 'тѣла; весéлаго оума, добраго гласѹ, противъ всѧкаго честна, добродѣтелна сладкими словеси хотѧ она различнаѧ изкѹшает и изпытѹет, еже в'сердце мыслит сїе да дерзает творити хотѧ блго или ѕло покажется комѹ ни бѹди много страждет стыда, и переговорѡв налице имѣетъ знакъ, ѧвлѧютсѧ ей тѧжкїѧ ичюдныѧ сны, стананіе еѧ есть глава, Очи, оуши, вгортани много приключаемых болѣзнеи чѹвствѹет. страждет болѣзни

врожденіи тяжко раждает дѣтей: злымъ языкомъ ядовитымъ, волшебствомъ діаволским привидѣніями смерть ей явится является.

Листъ 8 (№ 5) „мѣсецъ маіи."—Изображенія: „пренесеніе мощеи с: оца Николаа чюдо: ѕ аптлъ сімон зілот. ѕ: црвич дімитріи. ѕ: великіе цри константін іелена. 3-е: обрѣтеніе чест: гавы іоанна пред.—прпдо: ісаакіи далмат.

Листъ 9-й (№ 5). Текстъ: „Близнецы." Ѿроча рождшіяся ѡкрестъ времени 12 дня маіа и 12 іюнемъ: есть склоненіа знака Близнецевъ, естества меркуріа изкровнаго тепла волготенъ движимаго смысла, но Обаче добрагѡ, Остраго ума ревнитель многимъ Бгочестіям, черноволосъ, и очи черныя, долгіи лобъ, шіа, и носъ, явнаго лица, малая дира на щеке ямачка. Егда смѣется великія зубы имѣти будетъ знакъ на ногтяхъ, и на груди, слабъ тѣломъ, тонокъ изряденъ языком, искусно Глаголетъ и хвалу самъ ѡ себѣ ведетъ; чюдными подражапіями, вогнѣвѣ много говоритъ, приѡбрящетъ знаніе свеликими Гдинами, будетъ празднолюбецъ ѡхотникъ гулят. скоро седѣетъ, непостоянненъ, движущіися кдобру или злу легко, куды хощетъ, и велмиже мудръ быти хощетъ, сіе иному вящшее будетъ нежели ему самому, оученный лстивъ вовсехъ помышленіяхъ и художествахъ, ѡхотно работаетъ в' подвизѣ своемъ, служитъ ему щастіе к'различному различное щастіе ему будетъ но обачеже преходитъ в'скоре всрединѣ жизни своея, будетъ велми богатъ, и жена принесетъ много богатства ему, имѣет велію ѡхоту и любовь к' зеленымъ травамъ ко украшенію и ѡдѣянію, много приѡбрящаетъ друзей, но обаче мало щастія имѣетъ Ѿнихъ, назиждаетъ ѡхотно чуждыя земли, скоролюбивъ женамъ, три супружества покажется ему, первая вдова, ѿ двема имѣти будетъ сопротивности. Време близнецов бго есть во всемъ. Въ раке, давуплятъ, переживетъ братиевъ Ѿца своего наслѣдіемъ необладаетъ, жена его есть близнецъ, или родитъ ему близнецевъ. В' скорпіи имѣетъ болѣзни и тяжкая времена. В' стрелцѣ да непоймет супружества, или женитбы. В' козероге, ѡбъявится ему смертная болѣзнь и кровотеченіе носа. В'водолиѣ щастіе ему ѣздити и добро прилѣпится ему Ѿ гдинѡвъ великихъ. В' рыбахъ, много имѣнія стяжетъ, но обаче да брежется воды. Во ѡвнѣ имѣетъ великоо щастіе продавати и купляти. В' телце имѣетъ печаль, и напастя, здѣ ничесо да непредначинаст, величаншее его шествіе радость, полза, прибытокъ, все щастіе его достоинствъ и вышніа чести но всемстранам наклоняются опричь полудния земли сущія тамо, показуютъ величайшее нещестіе наклад оубы-, токъ чести напасть, нужду, работу, недружбу, все краски сугь ему приличные, идобры опричь черныя Всякія промыслы ихже дадѣет

суть емꙋ полѣзны добры ищасливы. Опричь земленыхъ вещеи, и ихъ рощѣнія, болѣзнь его слабость тѣла, покажꙋтъ емꙋ в' мꙋжествѣ, начреслѣх огнемъ и водою смерть его случиться, тлѣ творных вѣтръ, или мора, бꙋде переживетъ 25 лѣтъ, то придетъ на 60 лѣтъ. Дѣва рождшаяся междꙋ помянꙋтыми днями равнаго есть наклонѣнїа якожс ѿтрокъ, совсемъ повѣденїемъ исклоненїемъ тонкаго ѡстраго оума, оучѣнна, многими хꙋдожествы предиными оукрашенна, и вся еже оумѣти хощетъ возблагодарится єи сицевое оучити, но обаче нетихого смысла, водвиженіи гъдобромꙋ, или зломꙋ охотно в'чꙋждыя земли идет обвинится в'вещах, и неправда еи случится, но обаче счестію ѿтꙋды ѿидет итако бꙋдет молчалива, дрꙋзи ся мала добра ей покажꙋют и кчести пріимется без их помощи, два честныя мꙋжа еи покажꙋтся єдин ѕло ей творит, или недобро снѣю жити бꙋдетъ. Величайшая радость полза и прибытокъ всякаго щастїа: склоняются ковсем землям, опричь полꙋдня земли тамо сꙋщїа, покажꙋют всякое нещастїе єя, краски, болѣзни и смерть случается еи яко выше, яко оу ѿрочати.

Листъ 10-й (№ 6) „Мѣсецю Іуніи."—Изображенія: г҃: кірілъ александ н: кірілъ бело.—с. м. ѳеодоръ стр.—нд оnуѳри.—велі: нд: петръ аѳонс: рождество честнаго прорка іоанна пред:—прд самѱсона страннопрї.—к҃. апостлъ петра и павла.—соборъ стыхъ славныхъ агглъ двунаде.

Листъ 11-й (№ 6) Текстъ: (Ракъ) Ѿроча рождшїися междꙋ 12 днемъ іꙋнемъ и 12 іꙋлемъ, есть природы знаменія рака наклоненїя лꙋны ѳлегматикъ стꙋденъ, мокръ, имѣти бꙋдетъ полное тѣло, бꙋдетъ бѣ часто женескъ, непостояннаго сꙋщества, семо и овамо, сꙋхощавъ полонъ лицемъ брада, власы, неравныя зꙋбы, очи его семо и овамо предъходятъ, инеравно крꙋглоглавъ, широкїи лобъ, оускꙋю грꙋдь, подпоясомъ болши тѣломъ, нежели в'верхꙋ, едва небогатъ жєлѣнїемъ, таравать, боятися, бꙋдетъ страдати великія болѣзни, врꙋкахъ и ногахъ, или имѣти бꙋдетъ знакъ, настегнехъ, и окрестъ пояса мꙋдръ, оумобогатъ, о хꙋдожествахъ, однако лживъ, возлюбитъ злобꙋ еще что приѡбрящетъ небꙋдетъ брещи крѣпокъ вогнѣве своемъ инако смиренъ молчаливъ, терпитъ порꙋганїа ѿ иныхъ людеи, добре вѣритъ, есть работливъ, скоръ добрѣ ꙋченъ, ростетъ внадеждꙋ и оумаляется, разное щастїе имѣетъ вдобромъ, идолго оунего непребываетъ вѣтроꙋмїемъ его нѣсть долгое пребываніе наединомъ мѣсте, скоро гнѣвается малыя ради вещи искоро престанетъ, и в себѣ самъ ѡдꙋмается, како непостояненъ онъ есть однакоже иногда правдꙋ глаголетъ иже оукращаетъ гнѣвъ его, аще имного ѕла оунего есть, оуничижаетъ многїе вещи безвинны ичꙋждымъ боле творитъ покорствомъ

нежели дрѹзіемъ своимъ, и хотѧ велми таінъ есть в'вещах своихъ, однакоже всем ꙗвны бѹдѹтъ, что к'добрѹ задѹмаетъ зломъ кончится, мѹдръ есть во многих вещахъ но небрежетъ, что творитъ, имѣетъ часто многіꙗ любви к'женамъ, покажѹтсꙗ емѹ двѣ честныꙗ жены, обѣ дѣвы, однакоже мало щастие сними имѣетъ бесѣдѹ лѹчшѹю свою имѣетъ съ злыми нечестивыми людми и ѿ сего охотно втемницѹ веденъ бываетъ, бѣз заслѹженіꙗ, и колико работы инавѣтовъ имѣ ѿ юности, однакоже много милости ѿ мірскихъ гдѣ обрѣтает; ихже мнози ꙗко бгги емѹ ꙗвлѧютьсꙗ быти, однакоже ложне, емѹ же онъ долгое времꙗ вѣрил зло емѹ творитъ, и злѣ его оставит, нѣсть же онъ сосѣдѹ своемѹ долгое времꙗ недрѹгъ, извидетъ ѿ всех злых ѡбвенѣніи с' великою честию. В' лвѣ имѣетъ щастіе ко всꙗкому скотѹ исеменамъ, переживетъ братію, и прійдетъ пред кончиною своею вѹбожество, чада его бѹдѹтъ своеволны, и емѹ сопротивны, пріиметъ стыдливѹю женѹ однакоже бѹдетъ смирна и добра Егда слнце врыбахъ есть, имѣетъ щастіе на водахъ ѣздити, пѹтешествовати Во ѡвнѣ имѣетъ щастіе во всемъ еже начинаетъ, Величайшее его щастіе шествіе радость, полза, достоинства его вышніѧ чести, сѹть страны к' полѹнощи, полѹдень и востокъ слнца склонны подданны, западъ же ꙗвлѧетъ оубытокъ, нещастіе, чести оубытокъ, напасть, нѹжда трѹд, непріꙗтство, сопротивность, насилованіꙗ, щасливейшаꙗ его полза пропитаніѧ, ипромысла, покажѹтсꙗ изводнаго наслѣдіꙗ, и воднаго образа, или что огнемъ или сквозь огнь приѡбрѣстисꙗ можетъ, земныꙗ вещи ненавидими сѹть емѹ, сѹть же емѹ посредственны, и не очен велми щасливы, оубытокъ его величайшіи промысла его, сѹть вещи воздѹха, древа виноградіе, воздѹшнаго рѹкодѣліꙗ, древо дѣлателіе, каменно дѣлцы, корабленицы, и иныꙗ мастеры, весити, мерити, глаголати на сѹдѣ, такождеже все цвѣты сѹть емѹ добры безсинего лазореваго, смешеннаго и черпаго. смерть его прійдетъ ѿ злодѣꙗніа женъ, и нехощетъ оумрети, голени ранены бѹдѹтъ, смерти его знакъ есть ѿпѹхоль, навѣтъ его бѹдетъ первѣе болѣзнь нарѹках, зверми вредимо оскорблено стрелꙗніе, огнь, горꙗчаꙗ вода, или воденаꙗ болѣзнъ окрестъ грѹди печени лехкаго смерть его обращаетсꙗ къ ꙗдовитомѹ моровому поветрію, или ꙗдовитой крови костей ногъ, егда аще 23 лѣтъ переживетъ, то приствпитъ на 60 лѣтъ. Ѿроковица рождшаꙗсꙗ, междѹ прежде помꙗнѹтыми днꙗми, тогожде склоненіꙗ есть иприроды, наклоненіꙗ еѧ есть скоро гневливо, нестерпиво, ипаки вскоре добро живетъ и на свѣте, даже до 30 годѹ, тогда наречетсꙗ домоправительница и вѣра еи бѹдетъ всегда, ѿ нѣлеже да пропитаетсѧ честію, ѿ двѹхъ мѹжеи щастіе имѣетъ итворитъ мѹжѹ своемѹ многа блга и приведетъ его к'чести звѣрь или

пёсъ назнаменитъ ю или оугрызетъ оуязвитъ, такожде жена, голени почнетъ язвы, знака спадетъ сверхы. Щастіе ся и болѣзнь, падежъ и смерть слычаеться яко выше писано бѣ.

Листъ 12-й (№ 7) „Мѣсецъ іуліи".—Изображенія: „положеніе честные рїзы пре: біы.—прпд: аөанасіи. прпд: сергіи.—с: м: прокопіи устюж:—с: мч: кврікъ їулїта.—с владїмер:—с: хрїстїна. с: мч: борисъ и глѣбъ.—с. бгопрамтер анна.

Листъ 13-й (№ 7). Текстъ: (Левъ) Өроча рождшіися междв 13 днемъ, Іуліа, и 15 днёмъ авгвста есть природы знака лва склоненія слнца, колерикъ, сыхъ, мыжественъ постоянпаго оума приобрящетъ sѣлѡ чистый лице и образ тѣла всего имѣетъ великія и многія власы, натѣле, великія гыбы, негладкія подбородокъ...[1] сильныявый, смѣшанныя краски бѣлъ, бледенъ скраснымъ, пригожвю брадв, малыя брови, высокую грвдь, долгова великаго, силнаго тѣла, великия кости, и великія ноги, яркого гнѣва, искорозабывчивъ, правдив бѣзлсти, постояннаго оума небрежетъ своихъ завистникѡвъ и sло словящих насебя любимъ бываетъ болши ѿчыждыхъ, нежели ѿсвоихъ дрызеи, приствпитъ ивеликой чести цртвію, прежде даже неумретъ; смелъ, смирен чистъ неявится внемъ sлочестія, и блгодѣянія его бвдвтъ людемъ пріятны съ благогодареніемъ, поведеніе его добры свть, и любимъ бывает ѿжеи велми лехко вменъ во всемъ мыдръ добро ѡбыченъ, оученъ, имного знати желаетъ, добраго языка и кротокъ, предполвднемъ дховенъ есть, потомъ живетъ какъ хощетъ, веселъ идобровменъ, илюбитъ к'драгоценномв одѣянію, и прилѣжитъ своей добротѣ и правотѣ, дховно оучрежденъ смелосердеченъ, встаросте великія тяжкія работы, таины любитель жеи будетъ млад нецеломвдръ, и много игривъ В'лвѣ имѣетъ щастіе Въ дѣвахъ имѣетъ щастіе в'беседѣ, переживетъ братей своихъ исестрами своими, брань имѣти бвдетъ наслѣдія ради, и малѡ бвдетъ оусвоих дрызеи Во ѡвнѣ пріпадетъ емы много добра И в'телце богатъ бвдетъ В'близнецахъ имѣетъ щастіе ѣздити ѿграда ко градв.....[2] И враке имѣетъ щастіе наводѣ, аватся емв два свпрвжества, и прійдвтъ ѿстранныхъ рвкъ бѣздрвзей его, послѣднюю долго имѣетъ и погребетъ его.....[3] Величайшее его щастіе шествія и радости, полза и прибытокъ высочаншія его чести показвютъ земли востока слнца, и полвдня западъ есть емв щасливъ но несовершенно Величаншее его нещастіе шествія и пагвба всехъ вещей, спаденіе чести, напасть, нвжда, трвд, свара или сопротивность, показветъ емв страна къ полвнощи свщая всекраски блги емв свть, и щасливы, опричь черныя,

---

[1] Точки въ подлинникѣ.—[2] Точки въ подлинникѣ —[3] Также.

зелёныѧ, бѣлыѧ оныѧ сꙋть емꙋ смéртны и нещасливы Величайшее его полза и промыселъ огнѧ или что оным стѧжатисѧ можетъ, вещь воздꙋха сꙋть посредственны, но несовершенны. Но величайшее его оубытокъ и нещастіе сꙋть промыслы въ водѣ или тогождѣ образа, и водепáго наслѣдіѧ, Величáйшаѧ его вреда недꙋгъ, и болѣзнь тѣла, приближитсѧ къ прáвомꙋ бóкꙋ рéбръ, срдца, желꙋдка, пóчекъ, мозга, ôка, кости, ногъ, много претерпитъ болѣзней ѿюности, смéрть его слꙋчаетсѧ сопꙋхолью Около грꙋди, срдца желꙋдка, ногъ или коленъ, излехкіѧ водеплыѧ кравоты, аще пріидетъ въ 31 годъ, то живéтъ до 80 годꙋ.....[1] Ѿроковица рождшаѧсѧ междꙋ сіми днѧми равенствꙋетсѧ.....[2] ономꙋ склонéнію, мꙋжественна гнѣвлива, гóрда, гóрдыхъ ѧвныхъ дѣяніевъ, жаркаго оума чꙋвствꙋ сй знаѧ налице, глаголетъ ѧвно невскрыте, смѣлá, мꙋдраго смысла, терпѧтъ и разточаетъ, мнóго добрà мꙋжами, и оучитъ много хꙋдожествъ, имиже самасѧ питáетъ піéтъ мнóго, трезво, и многотерпитъ болѣзней женскихъ немощей иноса, собака или иный звѣрь оуѧзвитъ ю, или оугрызéтъ покажꙋтсѧ ей двà сꙋпрꙋжества, имиже достигнетъ щастіѧ и чести, спадéтъ сверхꙋ итерпитъ же болѣзни желꙋдка, Огневꙋю, щастіе еѧ и нещастіе слꙋчаетсѧ ѧкѡ выше помѧнꙋсѧ.

Листъ 14-й (№ 7) „мѣсецъ Іꙋліи"—Таблица, вверху которой изображенія семи вселенскихъ соборовъ, (въ семи раздѣленныхъ полосами квадратахъ); подъ ними въ 14-ти графахъ показаны: „Соборы.—Лѣта ѿ адама до 1 собора.—Лѣта ѿ хр҃та до 1 Собора.—Лѣта между Соборовъ.—Число ѿцевъ.—Імена Градов.—Цріе.—Папы.—Патріархи Констянтіно:.—Алеѯандріиски.—Антіохіскія.—Іерусалимскія.—Накого.—Изакакую ере҃."

Листъ 15-й (№ 8) „мѣсяцъ Августъ. Изображенія: проіхожденіе древ ч҃тнаг кр҃та.—преображеніе г҃да Іи҃са хр҃та.—образ хр҃тов нерукотворен.—с҃: мч: андреи страти:—усѣкновеніе гл҃вы Іоанна пред:—с҃: патріархи алеѯан:"

Листъ 16-й (№ 8). Текстъ: „Дева.—Ѿроча родъшасѧ междꙋ 16 днемъ авгꙋста и 13 днемъ сентевриѧ есть природы знакъ девы наклоненіѧ меркꙋриѧ меланхоликъ, стꙋденъ сꙋхъ женскаго ѡбычаѧ ѡбычнаго смысла пригожиѧ главы илица благаго зрака и вида коротки лобъ хꙋдои носъ остраго вида долгаго скораго тела тонкиѧ чресла долгиѧ голени инози духовнаго ѡбычаѧ благъ ѧвлѧетъсѧ быті ѡднакожъ завистливъ добраго поведениѧ скоро гневливъ советник советливъ остро уменъ ѡстрыя слова, честенъ чистъ непостоѧннаго смысла I

---

[1] Точки въ текстѣ оригинала.—[2] Также.

скоро подвигнетъса гдобрв излв камо кто хощетъ иверитъ все еже емв глаголемо бываетъ зритъ или слышитъ охотно студъ или порвганія имеетъ семо новамо ходащия ѡчи и всехъ техъ любитъ еже неподъсимъ знакомъ рождени свтъ будетъ междв братиеми своими всезавидълевиїши переживетъ ѿца иматерь свою много обещаетъ а мало содержит ѡхотно осматриваетъ строепиа чвжиа земли дабы любезно емв было творити чвденъ впомышленїи всѣхъ басенъ учителенъ икрасно глаголателенъ всакомв можетъ удоволие дати навопросы ѡнъ падастъ ѿ достоинствъ гдрвгомв пополовине старости его ѿверсто первее бвдетъ щастие его честенъ есть чисто ходитъ веренъ вделехъ своихъ имеетъ щастие увеликихъ господъ нвесахъ еще имеетъ сщастие вводоливе почветъ болезнь и немощи вочреве припвпе ѡче инаазыке приїметъ сподливвю женв време смерти его есть воовне имеетъ щастие странствовать втелце вблизнецах имеетъ щастие ковсемъ вещамъ и богатствв враке возвыситъса збогатъствомъ вчюждвю землю достоание вольве имеетъ напасть и нвждв да брежтъса всие время женитиса величаншаа его щастие полза прибыток радость величаиие его чести чина имени вшествию показвютъ емв земли полвдна подлежащиа изапада сонца полунощпыа же посредсвенныа невелми пользвющиа дабрежется ѿ востока понеже пристоитъ тв напасть смертная нещаслива и подобнаа печаль беда трвдъ свара всекраскї свтъ щасливы опричь серыа зеленыа красноватыа черныа свтъ неподлинны нещасливы излы величаншаа его польза ипромыселъ і прибыткв суть нераствщиа вещи ичто ѿземли бываетъ такожде все воздвшныа іводеныа вещи или наследие но все ѿ огна исходащиа или имъ стажвтса нещасливо емв есть изло величаншаа болезнь ипемощъ тела слвчатъса что постраждетъ темницами такожде Стенаниа главы ушеи ѡчесъ сердца чрева внутреннева лихораткою убавления развма исмысла аще доживетъ 40 летъ тобудетъ даже до 60 летъ.

Темже временемъ.

ѿроковица родшаася междв помянвтыми днами имеетъ много тоежде склоненїа поесть лехкаго серца ѿсвоихъ зла многа приїмет велїчаїшаа щастиа мвдра советлїва охотно ходитъ кболащим стыдлива питатися бвдетъ работою учениемъ многих тонких хвдожеств долгое времѧ ксоседом бвдетъ сварв имети їли гневатисавеселае есть ѻна зимою нежели летомъ много желаетъ ипосле многихъ наветовъ приїдетъ кчести любатъю прїидетъ ѿдвухъ мвжеи квысочаншему чину жена емв благо сотворитъ несколко времени гневатиса будетъ сродителми

приїметъ ранꙋ или знакъ наглаве первое дитѧ долго будетъ жить много случаютсѧ сй реткие болезни лихораткою поносомъ главою желꙋткомъ сердечною болезнию.

Листъ 17-й (№ 9). „Мѣсецъ септемвріи". — Изображенія: „блгословіши вѣнец лѣта благсти твоеѧ Гди.—с: прркъ захаріа.—воздвиженїе чтнаг крта гдиѧ.—с: мч: соѳіа ї дщери вѣра любовь надежда.—с: апль ієvгліст іωаннъ бгослов.—прд: оцъ харїтон їсповѣдвікъ."—Въ 6-й графѣ вверху. Тезоименитство Еѧ высочества Гдрыни цесаревны Елїсаветы Петровны.

Листъ 18-й (№ 9 и 10). Текстъ въ два столбца, строки идутъ вдоль страницы): „Вѣсы. ♎. Ѿроча рождъшїнсѧ междꙋ 14 днемъ септевріа и 13 ωктовріа, есть пріроды знака вѣсовъ, изкровнаго теплоїмокро мꙋжественъ движімаго смысла безлости бгатоуменъ. ωднакоже чꙋденъ глꙋбокимъ прїгожна очи недобрыї лобъ. Бꙋдетъ нарочитыи великои носъ имѣти великиѧ бровї їрамї малꙋю брадꙋ великиѧ бородавки на горле. прїгожъ лїцемъ бледен скраснымъ смешенъ, великїиротъ, высоковатымї губами краткїѧ лакти долгїѧ костї имїгаетъ очмї. охотно ходит скрївивши главꙋ Бꙋдетже іпозабывченъ, скоро гневаетсѧ. понедолго сїе пребывает стыдлївъ веселаго сꙋщества и что ктомꙋ прїстоїно. ктомꙋже. блго емꙋ есть. їмѣетъ великое прїлѣжанїе тѣло свое ꙋкрасити охотникъ слꙋшать осѣбе хвалꙋ. ісовсѧкимъ говорїтъ недоволно смїренъ скорого гневаскоро ωбращаетсѧ забывчїваго смысла імѣет иногда знакъналїце їли натѣле. младъ нецеломꙋдръ. їсклоненъ кблꙋдꙋ. щастїе есть разлїчное. падаетъ ѾдостоинствЪ аще и охотꙋ їмѣетъ кмногимъ хꙋдожествамъ імѣетъ любовь івещи своѧ хранїтъ вскрытѣ покажꙋтсѧ емꙋ сопрꙋжества оно даневозпрїиметъ до 24 годꙋ старости своеѧ аще нїстраждетъ болезни. ако послѣдꙋетъ внапасть падетъ Ѿдѣвы. или дѣвою. вѣсы емꙋ есть добры ищастлївыи знакъ. въ скорпїи їмѣетъ щастие. кꙋплями їпродажами. проидетъ земли, однакоже оумретъ во ωтечестве своемъ. переживетъ Ѿца своего. мало ползы Ѿчадъ своихъ імѣти бꙋдетъ іврыбахъ много болѣзнеи претерпитъ зимою женитсѧ. стѧжетъ велїю любовь къ женѣ. втелце време смертї его. вблїзнецахъ імѣетъ сщастїе странствовать. враке нарочито емꙋ богатство приразитсѧ аще ꙋтренниоетъ оно емꙋ. Величаишее его щастие шествїе радость полза прибтокъ Величайшыѧ его честї. Бꙋдетъ вполовїнꙋ времѧ жизни. его. Волве едва небогатъ есть. вдѣве имѣетъ печаль іпротивности чинъ его ипитанїе склонѧютсѧ кзападꙋ солнца кполꙋнощї востокъ есть посредственеиъ нещаслївъ. краски сꙋть емꙋ добры. яко. асилковаѧ. бѣлаѧ. желтаѧ. чернаѧ. зеленаѧже. краснаѧ. сераѧ смешаны сꙋть нещаслївы. и злы. велїчаишее его полза іпромыслъ. прї-

ѣтка. показуютъ ему все воздушныа. воденыа вещі. сицеваго образа или употребленіа. ічто весъ дати могутъ. овощъ лекарство. іли что огнемъ стажатиса может есть посредственно. повсе земленыа вещи сутъ ему ни несщастліві ніже злы Болѣзнь его інемощъ тѣла чувственні будутъ вглавѣ повреждениа. авлаютъ веліи недугъ вшеи. плечахъ. внутреннемъ въ левомъ боке. смерть его обращаетса контравленію крові. или отраву (адъ) пріимет чрезъ злыа жены. Ѿроковіца рождшаяса мужду семи двемадцамі неможетъ сіцеваго ізавленнаго наклоненіа удалітіса прігожа будет. бела скрасным смешенна іротъ увсакихъ похотеі тела. бл҃го еи есть. іеденіем ипитіемъ. изрядное украшені одѣаніа танцовати. скакати. пѣти забавлатіса бл҃гоугождатіса еи. есть тіхаго лехкаго ума острыа слава іславна влюдехъ вса женская дѣаніа любовь і блудъ досканчаніа своего творитi будет. мудра несколко есть ионедолго унеі сіе пребывает. покажетса еи супружнікъ онаго едвалюбит. почует вред илі знакъ наліце іли болѣзнь горащею водою. івстарості много пріключающихса болѣзнеи вглавѣшеі. наногахъ ивочревѣ претерпитъ.

Скорпіа. ♏. Ѿроча рождшіиса между 14 днемъ октовріа і 12 декемвріа есть природы [естества] скорпіи. образафлегматікъ. студенъ, і мокръ. женескъ. наклоненіа марса. Будет прамыи. ч҃лкъ скорого тѣла. ідобрыа краски. круглыа главы шірокіи (веліkіи) лобъ. полон ліцемъ. толстыа і белыа губы. веліkая брада. много власовъ непрігожь образчістъ. і гордъ вдѣлех своих стоит ако левъ. кому бл҃готворит тои ему злодѣет. імнозі ненавідат его. хота велмі добро. всакому хощет. боазлівъ. тих смі́ренъ. однакоже скупъ невѣренъ. нелюдімъ. іегда познаетса. то возлюбленъ будетъ женамі. завіслівъ. іжестокъ вогневе. тако что нескоро оставит. гневъ. егда подвижетса. будетже інаморе инаинныхъ веліkіхъ водахъ путешествоватi ипромышлатi. пріидет кчесті идоброму случаю супружною своею женою. іональ пріидет ему чрезъ дховность разточит імѣніе свое сзлочестівымі. которыа ему потомъ ругаютса іпоносатъ. бл҃го мнит себѣ быти егда хвала ему прілогаетса. аще онъ честолюбивъ. вса помышленіа его ідут кнечістоте і великоі любве женъ. імало его пріемлют. и немного любит іграть. есть тіхъ таінъ свещмі своими. і боазлівиіхъ. іному мудръ совѣтомъ нежели себѣ самому много мыслитъ всебѣ нообаче не много паки вздумаетъ. глупато ср҃дца много есть іиіетъ спит зло. [худо] пріраженіемъ чудныхъ помысловъ. отагченъ многою печалію (меланхоліею) дрокъ. скоро вогнѣве движімъ іг҃лголетъ авиа его. потомъ. зжалѣетса. ивреда последуетъ. вогнѣве своемъ немилосердъ есть. и мыслитъ сотворіти ѕло. однакоже оставлаетъ оное. хота долго оное помышлаетъ.

невсякому поверяетъ добре обещанія своя. хотя (аще) и скоровѣрит сам. втрудѣ своемъ іли вещехъ. всегда есть жестокъ. непрестанчивъ. немиренъ искоро раскаеватся. есть же д҃ховнаго состоянія. Вскорпіи імѣетъ щастіе купиті іпродаваті. переживетъ отца своего и мать. дѣти его будутъ разумныя люді. есть же онъ лучшіи между братиями съвоіми. скорби его будутъ силная лїхоратка і вихри. ісицевое ему кащее покажется. Въ овнѣ. егда солнце внемъ есть. Егда въюнце жену поиметъ. щасливо ему будетъ. Вблізнецахъ смерть ему грозится. Враке щастіе іблгодать имѣетъ. Волвѣ стяжетъ богатство. вдѣве імѣетъ щастіе вовсемъ еже начнетъ. Въ вѣсахъ імѣетъ противности. Ѡложнаго свидетельства. надпімъ случающимся. Величаішее его щастіе шествія ползы і прибытка. величаішія его честі. суть землї квостоку с҃лнца іполунощі. полудень есть посредственъ. несовершенъ. новеличаішее его нещастіе всехъ вещеі Ѡпаденіе честі напасть. нужду. попеченіе печаль непріятство протівності. показуют ему земли запада с҃лнца. лучшія его краски суть зеленая бѣлая. лазоревая. но желтая. іли черная красная. смешенна синемъ. суть ему нещасливы узлы. Величаішіи его прибытокъ ползы суть промыслы водяныхъ вещеі илї наслѣдіевъ ічто огнемъ случается. Іли жаркия вещі. смирны. коренія. вино. землепитанія (промыслъ) несуть ему щаслівы. ноточию посредственны' но все воздушныя вещі ввысотѣ суть смертны и нещасливы. такожде же вся дѣанія женская і украшенія. болезнь інемощъ его тѣла есть раненіе истенанія главы очен. слуха. болѣзнь влевои странѣ. ломъ рукъ. лактеи мужества. смерть его із сихъ скорбеи едіна приключается. или ядовитымъ воздухомъ моровымъ кровленіемъ. волшебствомъ. Іlі диаволскими привидѣніемъ (навожденіемъ) аще 40 лѣтъ доживетъ. то живетъ даже до 72 лѣтъ. вслужбе Б҃жіи умретъ іпогребенъ будетъ. Ѡроковица рождшаяся между помянутымі двема днямі содержится подобнаго естества постояннаго смысла. пріидетъ кчесті мужемъ своим інедолго унего смірна есть ізлочестія непочитает. творитъ своі трудъ. гневомъ. іговорит гнѣвліво любитъ ложъ. ічто пагнѣвъ привестї может. завідліва ненавістліва. внутрі есть помышленія б҃жественнаго. ілід҃ховнаго ума стенанія іскорбі ея есть окрестъ пупа. печені. пузыря. скорбь главная очесъ. зубовъ іединою Ѡскорбеі умретъ іlі моровым воздухом. іиспорченым кровленіем. жена сотворит еі зло волшебством ідіаволским навожденіемъ. спадет же она сверху оскорбленіем іlі знакъ паліце. інарукахъ пріимет щастіе ея падет. ікраскі одѣяны соземлямі иболѣзниіяватся яко выше начертася".

Листъ 19-й (№ 10). „мѣсецъ октωврїи". Изображенія: покров прстые влдчіцы нашеа бдцы.—стыи аплъ ѳома.—с: мчнк: логгин: сотнікъ.—с: аплъ їеvглїст: лука.—с: аверкїи їерапол: с: 7: отрок воефесѣ.—с: велікомъ: дїмїтріи селун:.

Листъ 20. (№ 11). „мѣсецъ ноемврїи". Изображенія: „стые чюдот: косма і дамїан.—собор: архїс: мїхаила.—с: іωаннъ златоустыи.—вход въ храм престые бдцы.—с: велікомч: екатеріна.—с: аплъ андреи первозванныї".

Листъ 21. (№ 11 и 12). Текстъ въ два столбца (какъ на листѣ 18-мъ). Стрѣлецъ ♐. Ѿроча рождьшїися междв 12 днемъ ноемврїа и 13. днемъ декемврїа прїиметъ прїродв наса. знака стрѣлца ізхолера (гнѣва) жарокъ. свхъ. мвжъ їзрадныи юноша. израдныа краски не глаткиа главы. долгїа хвдыа власы. долгое лице. добраго глаголаніа. їзрадныа ωчи. великиа брови. нарочїтаа брада. іщеки долги. крївои носъ. посредственныи ротъ. ізрадныа гвбы. верхнїа звбы болши нежели изподниа. верхнїа два зуба ширеи нежелї протчїи. красныа краски імѣетъ знакъ наперсехъ. стажетъ хвдое тѣло. задомъ лвчшїи взоромъ (видится) нежели преди. ізраднаго лїца. прїатенъ силныа лактї тонкиа власы. великиа голени. добрыи чл҃къ бвдетъ. Бл҃годаренъ. вѣренъ. праведенъ безлжи любитъ правдв. скоро гневлївъ. їскоро паки бл҃гъ нїкомв тако вреда есть ако самв себе. есть смѣхотливъ. и веселъ людми. мїлосердъ. ωхотно размышляетъ (завѣщаетъ) народъ любитъ его тихъ ипостоаннаго сердца. имѣетъ много чести Ѿнарода. богатъ бываетъ. великїи домодержецъ (водецъ) противъ людеи добръ глаголанїемъ не много почитаетъ ѕло без его (за очи) гл҃голющихъ. гл҃етъ ωхотно съ собою самимъ. добрыи совѣтникъ. любятъ его чвждыа инеявляется же никое злочестіе внемъ. и имѣтибвдетъ знакъ наногахъ или наголенахъ. первее есть боязливъ. иегда правдв быти прїметитъ то онъ много смѣлѣишїи и дерзокъ. впадетъ в печаль і бѣдв. искоро победитъ много добра начинаетъ. но маложе скончевает дх҃овныи чинъ есть полѣзнѣишїи емв мирскаго. любитъ ижены. два свпрвжества емв покажвтся ї аще ωнъ дх҃овнаго чинв (промысла) есть. то бвдвтъ два дрвга Ѿтвдв полвчитъ имѣнїе и честь. Въ стрелце имѣетъ доброе щастие. Ивкозероге имѣетъ щастие вжелѣзныхъ вещахъ. и бл҃годать Ѿчвждыхъ имже мало добра. творитъ. Ѿ оныхъ имже добро творитъ имѣетъ неищеванїе (роптанїе) инеблагодаренїе. Въ козероге. в водолїве имѣетъ же щастїе. ипобѣдитъ в жизни своеи Ѿца и матерь. чада его бвдвтъ премвдрыи. оучены. Ивоωвнѣ имѣти бвдетъ болѣзни: Ѿ изобилна холера и кровности. И аще пониметъ женв возлюбитъ его. Ивраке есть време смерти его. Въ лвѣ имѣетъ щастие ѣздити. Ивъ

дѣве имѣетъ щастие оувеликихъ. гдѣ къ богатству. Въ вѣсахъ. приразітся ему добро аще оному подражаетъ. Въ скорпіи имѣетъ напасть. инужду. Величаишее его щастие вшествіи радость. полза. прибытокъ достоинствъ. ихъ чести авляютъ ему. земли. востока солнца. иполудна. западъ есть посредственъ. Но величаише его нещастие оубытка оубавления чести. нужда. свара. Показуютъ земли. кполуноши. лежащиа. щасливыа его краски. суть черна. красно. желто. красновато сине. смешено. позелено. лазорево. бѣло суть ему злы. Величаишиа его полза или промыслъ прибыли. сиа суть все огненныа или сицеваго дѣаниа. такожде все разтащее иземли. воздушное. или земленое. Но величаишее. его оубытокъ суть впромыслѣ воданыхъ вещеи. или сицевыхъ наслѣдиевъ. Величаишаа его скорбь. болѣзнь тѣла. покажутса в̓ лѣвомъ боке. около груден. печени. легкаго. внутреннего и вшеи. приключитса ему реткиа болѣзни. егда пріидетъ влучшее свое состоание оумретъ и оугаснетъ ако свѣща. аще переживетъ. 23. лѣтъ. то то пріидетъ на 80. Отроковица рождшаашаа всицевое время. подобенствуетъ такои природѣ будетъ (бываетъ) пригожа стыдлива. тѣмнословесна. не имѣетъ женскаго поведенія или обычаа на себѣ. впадетъ впечаль имного навѣтовъ пострадждетъ. сва сама себѣ творитъ. клевретъ ѕло еи творитъ. она внѣ дховнаго повѣденія. клюдемъ. но внутри же юродивыа любви. мужеи вблудѣ. новстарость пріидетъ кдоброму пропітанію. от двухъ супружниковъ. щастіе еа напасть прибытка. пристоитъ ако выше изъависа.— Козерогъ. ♑. Отроча рождшіися между 13 днемъ декемврія. и 11 ианнуарія. есть природы козерога. измеланхоліи наклоненіа сатурна. студенъ. сухъ. жнскаго обычаа непостоаненъ движімаго смысла. сладкословесенъ. круглолицъ смешенъ сщерным. І черноватымъ. погнутую главу имѣетъ. зритъ долѣ. толстыа губы кудреватъ волосомъ. великиа очи великиа брови. широкія ноздри. полонъ ліцемъ. толстую шею имѣетъ. высокуюгрудь. сухъ тѣломъ. и тонокъ. иширокъ вкостяхъ. волосоватъ (косматъ). Імѣти будет знакъ на персехъ. слабу. малыа голени. велико има его. егда занѣ жівет. Бгу молітса охотно. много думаетъ одінъ і неумногихъ бываетъ. охотно говорітъ съ собою самѣмъ. инако всрдце чаетъ. нежели словами і что блго творитса. Іли служитъ нѣсть ни кое блгодареніе. неумствомъ (неумѣніемъ) своимъ. чуждаго добра милостивъ своего имѣнія скупъ. Імѣет охоту многими дѣанми влюдехъ. егоже нестъ попечениа. или авленіемъ ако быти ему доброму клеврету. втаи ложенъ. истыдныа невѣръности адовитаго срдца. внѣ добръ. внутри ложенъ. обещаетъ иговоритъ много носодержитъ итворитъ мало. лживъ и славенъ однако же нѣсть коварства. ктомуже обманітъ мно-

го женъ. ѡднакоже немпого Бого Боазливъ будетъ. оуБогъ. неБлго-даренъ. Боазливъ будетъ ако козелъ. Бываетъ гнѣвливъ. сие недолго пребываетъ. много есть ипиетъ. имного женъ приведетъ. кпадению. Два супружества ему показуются иѿтѣхъ имѣетъ щастие поневѣритъ. имъ. ѿ дѣтеи своихъ всемъ прибыткомъ искати дабы былъ тисненъ (понужденъ) будетъ. болши убогъ нежели богатъ. и много труда страждетъ даже до 40 лѣта. В послѣдниа лѣта (старости) ѡбратїтся щастїе его кпаденїю (непаденїю) собакою или инымъ звѣремъ назпаменуется или ѡскорбится. что инымъ покидаетъ. (оставляетъ) то онъ охотно подымаетъ худо битса аще кто ему погрозитъ. Козерогъ есть домъ ѡбитаниа (житиа) его Ивводоливѣ имѣетъ щастие купити и продавати. нонсбрежетъ же онъ аще инеправдою приѡбрѣте.. братиа его. сутъ лучши и богобоазливѣе его. будетъ противъ оца и мтри своеи братиса. Въ близнецахъ имѣти будетъ болѣзнь на ѡчахъ. наазыке. ивпечени. и аще жену поиметъ вдова будетъ. Ив вѣсахъ щастие имѣетъ ковсемъ вещамъ. величаишее его щастие вскорпїи такожде величаишее. щастие кползѣ и прибытку его вышнїхъ достоинствъ склоняются къ земле запада слнца. и полудне. земли полунощи сутъ средная. землї востока показуютъ ему нещастие ипротивности. Щасливую ползу пропитаниа возпрїати себѣ приходятъ ему и оупотреблениа. всехъ воздушныхъ вещеи всего земле дѣланїа. и тажкаа рукодѣлиа. плотничать. камень рѣзать. стѣну вести. гору копать. покрывати. водяныа оупотреблениа. или наслѣдиа сугь среднаа. и зелѡ злы. лучшыа его краски сутъ. черно. красно. исмешено с синимъ. бѣлѡ сутъ соедина. протчїа сутъ. нещасливы. ѕлы и сопртївны. все дѣанїе или стяжанїе огна ему нещаслївы и ѕлы. болѣзни искорби его тѣла начнуrся нарукахъ. налактехъ. стегнахъ. и ногахъ. срдце. почки. желудокъ. аще 22 года переживетъ. то прїидетъ на 40 лѣтъ. Ѿроковица рождшаяса вуреченное время приѡбщается онои природѣ целомудра. разумна. смѣащїися ротъ. возлюбится ѿ людеи велию благостынею. прїидетъ кчести ибогатству ѿчуждыа руки. и раздѣлаетъ хлѣбъ свои совсякимъ. болши чиста нежели нечиста. естество ея требуетъ дву мужеи сочетаниа. ѡныхъ честитн будетъ совѣтомъ своимъ. илюбитъ ѕѣло дѣтеи много сопротивно пострадетъ ѿ сосѣда своего. много скорбеи ѡкрестъ срдца ея щастие. падение. и болѣзнь есть яко выше.

Листъ 22. (№ 12) „мѣсецъ декемврїи". Изображенія: „г: вел: мч: варвара. прд: Їоаннъ дама.—.г нїколаи чюдот:—с амвросїи медїол: пд: Їоан пост:—зачатїе с: анны. егда зачат с: бдцу.—педѣля стых праотцъ.—ржтво гда їсиса нашего Їиса хрта.—Въ 6-й графѣ вверху, Рожденїе ея Высочства Гдарыни Прїнцесы Анны. 1718.—Рожденїе ея Высочества государыни цесаревны елїсаветы Петровны. 1709.

Листъ 23. (№ 13). „мѣсецъ їаннуар"и." Изображенія: „ѡбрѣзание Гдне.—стое богоявленїе Гдне.—поклоненїе верігам с: Петра.—с: макарїи рім: пдо: макарїи егі:—с: еѳрем: сvрї: с: ефрем. новото:—с: васілїи. вел. с: грігорїи. їоаннъ. Въ 6-й графѣ вверху: возшествїе навсерссїнкїи прстол ея імператорскаго велїчества Анны Іоаннόвны. в 19. рожденїе ея Імператорскаго велїчества Анны Іоанновны. в' 1693.

Листъ 24. (№ 13). Текстъ (напечатанъ поперегъ страницы). Водолѣи ≈. Ѿроча рождшїися междꙋ 11 днемъ їаннуарїа. даже до 9 днеи феврꙋарна есть природы и собства знака водолѣа. и скровности теплои. волготнои. воздꙋшно мꙋжественно. постоянenъ наклоненіа сатꙋрна. долгаа глава. илице. долгїи хꙋдыи. носъ. пригожиа брови. смешенъ счерпымъ (черноватъ) власы икраска. искоро краснѣетъ подлицемъ. имѣетъ хꙋдое тѣло. добрыа ипостаси. тѣломъ. взоромъ бываетъ блгоглаголивъ молчаливъ. исмиренъ. тихаго срдца. илехкиа крови. добрыа воли. ненавидитъ лжи. и которыа сие творятъ. имѣти бꙋдетъ знакъ палактехъ. или паногтяхъ скоро гневливъ. тонкаа краткаа рѣчь. ѡхотно ѡдинъ сокровенныа вещи творитъ. и вса дѣанїа. славенъ влюдехъ. добрыа воли. нѡхотно прибесѣдѣ и можетъ себа внародꙋ примирити (оумилостивитиса) прїидетъ кпадежꙋ. истраждетъ. оубожество. иникто ѡнемъ непопечетса. ѡ немже вѣритъ. По тритцети лѣтехъ прїидетъ кдоброму покою. и тогда имѣти бꙋдетъ постоанное житїе. ѡхота его есть шествїе покажꙋтса емꙋ два сꙋпрꙋжества. едина вдова иѕело возлюбитса Ѿженъ. имѣетъже ичесть Ѿ нихъ охотꙋ кчадомъ имѣетъ. есть ѡнъ немного. скꙋпъ. илѣнивъ. всегда имѣетъ попечение ипечаль мечтꙋетъ или говоритъ съ собою самъ. Братомъ своимъ прїидетъ (впадетъ) вразъпрю. скѡро сѣдѣетъ. добрыа старѡсти. и имѣетъ ѡхотꙋ кчерной краски. ѡнъ есть междꙋ братиями своими лꙋчшїи и переживетъ Ѿца имать съвою, чадо его оубиении изведены бꙋдꙋтъ. многихъ женъ разтлитъ. имѣетъ охотꙋ кчерной краски.

Величаишее его щастие кползе и прибыткꙋ. радости. шествиа. велиа чести сꙋть земли къ западꙋ слнца. и полꙋнощи. Востокъ есть посредственъ. несовершенъ. Но землиже полꙋдныа сꙋть нещасливы. и злы. смертны. сопротивны Вводолѣи имѣетъ онъ лехкїи оумъ ивеселыи.

Въ рыбахъ имѣетъ щастие и прибытокъ на водѣ. Ивраке имѣетъ болѣзнь. В двѣ есть времa смерти его. Въ вѣсахъ имѣетъ щастиа и странствовати. Въ скорпїи бꙋдетъ богатъ.

І Встрѣлце ничесо да не предначинаетъ зане всѣ емꙋ нещасливо всие времa. щасливыя его краски сꙋть серое. зеленое. нобѣлоеже сине смешено нещасливы. сꙋть прочиа средни.

Величаишаѧ его полза ѝ промыселъ прибытка кпропитанию. сѹть все воздѹшныѧ ѝводаныѧ вещи ѝсицеваго наслѣдиѧ ѧко трѹды. Сажелки. мелницы. и подобналь промыслъ огнѧ есть среднеи. незлы но все еже стѧжанпѧ земли исицеваго наслѣдиѧ сѹть нещасливы. и аще 32 лѣта переживетъ то бѹдетъ старъ 80 лѣтъ. Болѣзнь его тѣла творитъ (зачинаетсѧ) вколѣнахъ иголеняхъ. ѿкрестъ главы. грѹди. печени. чрева и протчиѧ.

Ѿроковица рождьшаѧсѧ вподобное (знаменованное) времѧ. равенствѹется ѡномѹ естествѹ. мѹдра. ичестна внароде. наипаче ѿ дховнаго чинѹ. ѝ ѿтого кбогатствѹ приидетъ. ивеликои чести. имного собираетъ добра скорымъ гнѣвомъ часто приходитъ она внапасть ихѹдо слышитъ. знакъ или примѣта налице. собака или звѣрь назначитъ еи. Болѣзнь въ водѣ. главѣ. ѻчасѣхъ. оушахъ. грѹдахъ. лехкомъ печени. чревѣ. внѹтреннемъ и пастегна прїидетъ. щастие еѧ ипадение краски и протчиѧ слѹчаютсѧ ѧко выше начертасѧ".

Листъ 25. (№ 14). „Мѣсѧцъ феѵруарїи".—Изображенія „стое стрѣтенїе гдне.—г҃ сѵмеон бгоп. г҃: анна прор:—г҃ :харлампїи. п҃: прохор лоб: г҃: велїк: мч: ѳеѡдор тѵрон.—обрѣтенїе главы Їоанна пред:—прпдбныї кассїанъ римлѧ":—Въ 6-й графѣ вверху: „Тезоименитство Ея Императорскаго величества Анны Іоанновны. въЗѳл.

Листъ 26. (№ 14). Текстъ. (напеч. поперекъ стр.) Рыбы. ӿ. Ѿроча родьшїйсѧ междѹ 9 днемъ феврѹарпа и 12 днемъ марта есть природы знака рыбъ. ѳлегматикъ стѹденъ мокръ воданъ. женескъ простыѧ ипостаси. среднего тѣла ишеи. долгое лице. имѣти бѹдѹтъ знакъ назади или нарѹкахъ хѹдыї лобъ и носъ. израдныѧ крѹглыѧ очи. велиѧ брови. имѣетъ посредственныи ротъ. выставленныѧ зѹбы. израдныѧ гѹбы. смешеныѧ краски бѣлыѧ счерпымъ. долгиѧ хѹдыѧ власы. хожденїе краткое. честнаго житиѧ. скѹпъ бѹдетъ. ѧстъ и пиетъ много. добръ имилостивъ. Мало говорливъ. инекогда (иногда) лживъ стыдливъ. заговорливъ. непостоѧненъ. слабаго естества. болѧзнивъ. ктомѹ скоро пиѧнъ. и ради малыхъ вещеи несмиренъ. (споритъ сваритсѧ) сладкословесенъ. бѹдетъ же велїчашпи вбрати своеи. ипротивъ ѿца своего бѹдетъ брань чинить и разпри дѣѧти. покоренъ предмпоми людми. скораго щастиѧ. любитъ хвалѹ самъ ѡсебѣ израдныи глголатель бѹдетъ. неверитъ. боитсѧ вдомѣ своемъ. ивозтѹжитсѧ имѣетъ ѡхотѹ рыбъ ловити. извѣреи. исимъ добрыи клевретъ, нецеломѹдръ. жена его прїидетъ емѹ ѿчѹждыѧ рѹки и ѿнеѧ имѣетъ честь и добро. но невѣритъ еи. того ради часто во оубожество впадаетъ. есть немощныѧ природы всилѣ своей. Врыбахъ есть онъ лехкоѹменъ. Во ѡвнѣ имѣетъ. щастие вовсехъ плодахъ земли. Волвѣ ѝмѣетъ болѣзнь. ичѹ-

денъ бѹдетъ всие времена. Аще въ вѣсахъ боленъ бѹдетъ смерти себѣ даожіdаетъ. И вскорпіи имѣетъ щастие шествовати. Встрелце бѹдетъ богатъ. И вкозероге имѣетъ щастие кѹпляти и продавати. Въ водоливе ничесо даненачнетъ зане сие времѧ сѹпротивность емѹ Величаишее его щастие высочаишиѧ части. ползы. прибытка. шествіе склоняются вземлямъ. полѹнощи. ивостокѹ сл҃нца земли кполѹднию. сѹть емѹ нещастливы. но западъ сл҃нца есть золъ и сопротивенъ. лѹчшаѧ его краски сѹть сераѧ бѣлаѧ. Зеленаѧ протчиѧ сѹть злы. си несмешенно средьне. лучшіи его промыселъ книще и прибыткѹ сѹть воданыѧ вещи или наслѣдиѧ и что иземли обрѣтается ѡгненныя вещи сѹть средниии но всѧ воздѹшнаѧ дѣаниѧ. велми сѹть нещастливы излы. Болѣзнь искорби телѣсьныѧ. ѡбъявляютсѧ вполъ старости. ѿколо срдца. желѹтка (стомаха). почекъ. боковъ. иребръ. наголенехъ или ногахъ. жаромъ. или ѡгненною болѣзьнию (смерть пріиметъ злымъ ѧзыкомъ ѡкормленіемъ ѿженъ. волшебъствомъ или диаволскимъ привидѣніемъ.

Дѣва родшаѧсѧ всицевое времѧ. тогожде склоненіѧ бѹдетъ честна велика. богобоѧзливаго лица. дх҃овнаго житиѧ гнѣвлива. иногдаже имѣет. дивѹю ипостась иретко обладаетъ ѿеческимъ наслѣдиемъ. есть тонька вномышленіи дѹрачевскаго повѣденіѧ. приметъ рѹкодѣлника инемѡществѹетъ. съ сосѣдомъ сваритсѧ бѹдетъ несколко времени. припадающимъ редкимъ щастиемъ. наипачеже ѿдховыхъ велми почтенна. претерпитъ стыдъ и срамотѹ (оубытокъ) оѵперваго мѹжа или въ юности. спервымъ мѹжемъ. еѧ величаишее щастие ивстарости доживетъ добрыѧ. радости. илиеже неѹповаетъ. постраждетъ болѣзни матерниѧ ѡгнемъ. голенеи. ногъ. желѹтка. срдца. ипочекъ смерть еѧ пріидетъ спаденіемъ или окормлениемъ. краски еѧ щастиѧ ѝнапасти. ѧкоже выше. изъявисѧ.

Листъ 27-й (№ 15). Изображенія: „Прітч: мытаря іоаресея.— Страшнои Судъ.—Вход во Іерусалим.—Воскресеніе.—Вознесеніе.— Молніе хр҃тово“. Подъ ними таблица въ которой показаны: „празніки лѣта“ и „неісходімая па҃схалія“ поключевым па҃схалнымъ літерам опразніцех яже віждаго лѣта преходит“.

Листъ 28-й. (№ 16). Изображеніе большаго круга раздѣленнаго двумя горизонтальными линіями на три части заключающія въ себѣ три малыхъ круга: „МІРЪ II АГГЛСКІИ“, „МІРЪ III ЗВѢЗДNЫИ“ и „МІРЪ СТІХІNЫИ или ТѢЛЕСNЫИ“.—Каждый изъ этихъ малыхъ круговъ также раздѣленъ на три части и заключаетъ въ себѣ по три еще меньшихъ круга: „1. NАЧАЛТВО ПЕРВОЕ“ 10. NАЧАЛСТВО ВТОРОЕ „и 100. NАЧАЛСТВО ТРЕТІЕ“ (въ первомъ маломъ

кругѣ); „1 ЧИNЪ ПЕРВЫИ", „10 ЧИНЪ ВТОРЫЇ" и 100 ЧИNЪ ТРЕТЇИ (во второмъ); тоже (въ третьемъ). Каждый изъ послѣднихъ круговъ раздѣляется въ свою очередь на три части и заключаетъ по три самыхъ малыхъ круга, которыхъ числомъ девять: „2 сераѳімі", „3 херувїми", „4 престолї (въ первомъ изъ меньшихъ круговъ); 20 господствїя", „30 начала", „40 власти (во второмъ); „200 силы", „300 архангелї", „400 анъгели. (въ третьемъ); „2 перводвіжїмое" „3 твердь", „4 ♄" (въ четвертомъ) „20 ♃", „30 ♂", „40 ☉" (въ пятомъ); „200 ♀", „300 ☿ „400 ☽" (въ шестомъ); „2 огнь", „3 воздух", „4 вода" (въ седьмомъ); „20 земля", „30 кружцї іли руды", „40 ди и возрастающі я" (въ осьмомъ); „200 сѣмена чувствителная", „300 земная, жївотная, водная", „400 человѣкъ" (въ девятомъ). На большомъ кругѣ надпись круговая: „МІРЪ ПЕРВЫИ ПРЕNАЧАНѢІШІИ ІЛИ ОБРАЗNЫИ И МЫСЛИТЕЛЬНЫИ".—Надъ нимъ дугообразная: „ЧЕТЫРЕ МІРА ПО РАЗУМѢNІЮ ДРЕВНИХЪ. ЧЕТВЕРОГУБЫМЪ СОЕДІНЕНЇЕМЪ СРАВNЕНNЫЯ". По обѣимъ сторонамъ круга двѣ фигурныя колонны съ стоящими на нихъ глобусами или шарами и кругомъ орнаменты изъ арабесокъ, цвѣтовъ, плодовъ и листьевъ.

Листъ 29-й (№ 17).—„вторая таблица новолунія Іпервои Четверти во днех Ічасах пополудни Іпополунощи такоже Іполнолунія (вверху таблицы между двумя чертами); справа помѣщены: вверху—„фигура ѡсіянія луны, внизу—„Показанія лунного сіянія" съ объясненіемъ употребленія таблицы.

Листъ 30-й. (№ 18). „Новая таблица круга луннаго на. 19. лѣтъ. Їпаки обращается на первое внеиже предложено Полнолуніе Іпоследняя Четверть во днехъ Ічасахъ Пополудни Іпополунощи Ісчисленная". На правой сторонѣ помѣщены: вверху—„Ѳігура озатменіи слнца Ілуны отчего бываетъ полнолуніе І новолуніе". Внизу—„употребленіе Таблїцъ".

Листъ 31-й (№ 19). Поперекъ страницы напечатанная таблица съ заглавіемъ „ИЗЪЧИСЛѢNИЕ Долготы. широты и великости. началнѣишихъ недвижимыхъ ѕвѣздъ. Ѿразсужденіи тїхоническихъ. Кначалу ѡписанїя іулиава приведенное. Въ графахъ таблицы заголовки: „ИМЕНА ЗВѢЗДЪ". Долгота. Широта.

Листъ 32-й (№ 20). Продолженіе предъидущ. табл: внизу, въ первой графѣ, подъ двойною чертою примѣчаніе: „Сихъ звѣздъ качества и дѣиства ѡбрѣтаются воиных планетныхъ книгахъ ѡписаны суть. Здѣже за пространность ѡставихом ѡписати.

Листъ 33-й (№ 21). Посрединѣ большой фигурный осьмиугольникъ раздѣленный на четыре равныя части крестомъ, состоящимъ изъ

знаковъ планетъ, и по сторонамъ котораго въ четырехъ таблицахъ разграфленныхъ каждая нл 21 маленькихъ квадрата показаны зависимость погоды и атмосферическихъ явленій отъ планетъ. Вверху съ правой и лѣвой стороны осьмиугольника изображены круги на фигурныхъ подставкахъ съ надписями, па одномъ: „дѣйство особное о премѣненіи воздуха осхожденія планет вразныхъ знакахъ зодіачныхъ"; на другомъ: „дѣйство обще впремѣненіи воздуха осхожденія ісообразованія планет"; внизу пв сторонамъ осьмиугольника два треугольника, на которыхъ надписи: „дѣиство ѡпремѣненіи воздуха ♁. ♂. П. ♉. планетъ времени весеннего Iлѣтнего"; и „дѣиство опремѣненіи воздуха ♁. ♂. П. ♉. планетъ времени есенного и зимнего. Подъ осьмиугольникомъ подпись: „Предзнаменованіе времена отсхождѣнія Ісообразованія планет.

Слѣдующіе четыре листа съ однимъ и тѣмъ же заголовкомъ: „Предзнаменованіе дѣиствъ на каждыи день потеченію луны взодіи". Листъ 34-й (№ 22). Изображенія: „♈. Человѣкъ рубящій топоромъ дерево.—Нагой человѣкъ лежащій на кровати, и другой сидящій, которому стоящій передъ нимъ пускаетъ кровь; подпись: „Древа посецать. и кровь испущать"—♉. Пастухъ выгоняющій стадо въ поле и играющій па рожкѣ;—Ученый сидящій въ кабинетѣ за книгами; „На паству пущать, и мыслити начать.—п. Школа, и учитель спрашивающій уроки у двухъ стоящихъ передъ нимъ учениковъ; „ѡтроки в' оучилище отъдавать. За тѣмъ слѣдуетъ: Употребленіе I. таблицъ", и помѣщена таблица съ названіями мѣсяцевъ, числами и слѣдующимъ объясненіемъ: „Всеи первои таблицѣ взыщи настрокѣ желаемыи коілибо мц҃ъ авверхнеи строкѣ изъ 31. числа існомое чісло ізрівтабліце сеи про тивъ того мц҃а и чи҃сла вограніцѣ коликое чи҃сло будет. которое должно ти іскати вовторои табліцѣ сіцевым образом". Подъ таблицею свѣдѣніе о ней: „Таблица или правило сіе изыскано. чрезъ мартына алберта ѳеофратіческаго медіка. прудоискателѧ ѿкемніци. ѩже преведеннаѧ отцесарскаг діалекта изъ кніги. Астрологіи. или планетныѧ. волфганга гилдебранда. ѩнымже чіномъ преложеннаѧ соизображеніем дѣіствъ. Ісоѡбтеченіемъ луны в'зодіах зѣло кратким способомъ в табліцѣ сеи. вограждансвои тіпографіи: чітателю мои прелюбезныи возмни что трудъ сеи небезмездныи: ітако обием разумѣваи. что творца твоего прізнаваи: ѩко тои ти может ісправить. что ізло в'бл҃го превратіт. зане всѧкаг е҃стества чінъ. богъ какъ хощет побѣдітъ чрезъ чінъ".

Листъ 35-й (№ 23). Изображенія: ♋. Сраженіе; подпись: „Баталию творить."—♌. Два дома, каменный и недостроенный деревянный, около котораго плотникъ съ поднятымъ въ рукахъ топоромъ;

„Домы созиждати." ♏. Женихъ и невѣста въ брачныхъ вѣнцахъ стоящіе въ церквѣ передъ священникомъ, одѣтые: женихъ въ парикѣ и французскомъ кофтанѣ, невѣста въ платьѣ со шлейфомъ; „Бракъ имѣть или вжену пояти. Затѣмъ: употреб. 2 таблицы; и самая таблица съ названіями и изображеніями знаковъ зодіака, числами ихъ для опредѣленія времени совершенія изображенныхъ „дѣйствъ". подъ которыми слѣдующее объясненіе: „Во второи сей таблїцѣ обрѧщи желаемаго коего либо мѣста налѣвои странѣ кругъ луны. и противъ оного зрї встрокѣ вграницѣ чїсла еже впервои таблїцѣ обрѣтох іаще взыщеши. то смотри вверхнюю строку подкоторою зодїею оное стоит. іто прїблїжно ест. что втом зодїи іскомаго чїсла твоего. луна теченїе творитї будет.

Листъ 36-й (№ 24). Изображенія: Человѣкъ сидящій, и держащій въ рукѣ рюмку съ лѣкарствомъ; другому, стоящій передъ нимъ стрижетъ волосы; „♎" Лѣкарство принимать. и власы стричь.—Въ поле, всадникъ съ копьемъ гоняется за звѣрями и человѣкъ удитъ рыбу въ рѣкѣ по которой плыветъ лодка. ♐ звѣрей и рыбу ловить.—Человѣкъ брѣетъ бороду сидящему передъ нимъ; иконописецъ пишетъ образъ Спаса нерукотвореннаго. ♐. браду брить, и малевать.—Подъ ними слѣдующее объясненіе и таблица: „всеи третіеи таблїцѣ. обрѧщи в'трех предѣлах зодіака. знак зодїи взысканныи во 2и таблїцѣ. ізри против онои зодіи в'трех предѣлахъ потребы дѣиства на странѣ объявленныѧ. юже творїти имать луна чрезъ натуру свою оного взыскиваи паг вкоемъ либо мсцѣ что в'первои таблїцѣ обрѣтох вограничнои строкѣ противъ знака узриши литеры. Д. то значитъ блого. ачто. с. есть посредственно. а ежели ѕ. суть зло есть.—Въ таблицахъ послѣднихъ двухъ листовъ, послѣ каждаго вертикальнаго столбца съ надписью: 12: Знаменїи в'животныхъ", слѣдуетъ столбецъ съ 12-ю знаками зодіака и съ буквами: д, с, ѕ.

Листъ 37-й (№ 25). Изображенія: Мѣльница.—Два крестьянина стоящіе на колѣнахъ передъ сидящимъ бояриномъ. ♑. Молоть и просить господъ".—Нѣсколько человѣкъ запруживающихъ прудъ и море съ плавающими по немъ кораблями. ♒. „Пруды запружат и шествоват моремъ.—Портной, отрѣзывающій развернутый кусокъ матеріи.—пять человѣкъ моющихся въ банѣ. ♓: „Плате кроить и мытисѧ в' мылнѣ. Подъ ними слѣдующее объясненіе и таблица: „Кииждыѧ потребы творїти· понеже луна къ намъ блїжае есть того ради натурою силнѣїши суть. обаче бгъ ідѣже хощет. побѣждаетсѧ естества чїнъ, аще заправѣе увѣдати желаешъ теченїе луны. то дазри вокалендари всѧкаго лѣта въ которои зодїи и градусѣ течетъ луна. и посеи таб·

лицѣ потребы дѣиствъ ѡныѧ разсуждаи.—Въ листѣ 36-мъ (№ 24), въ первомъ столбцѣ 12. знаменiи животныхъ: „Кровь и жильную руду пущать. Чины и достоинства воспрiимать. Начати учiтисѧ прiлѣжно чтоб все паметовал. Лѣкарство внутрь и снаружи. Перепускати ѡбыкновенные руды. Лѣкарство токмо снаружи. Паритсѧ въ банѣ дабы немощь непостiгла. Брады брить чтобъ нескоро выростали. Строiти храмы чтобы огнь непрiшелъ туду. Тавлѣи играти безъ спору. Посылати вѣстнiки чтобъ они право здѣлалi. ѡгущати. Уговоръ творити. Выкрасовати или розцвѣчивати. Располагати или розправляти. Служебные вѣстнiки посылат чтобъ было iсполнено. Истѧзатiсѧ или имѣти прѣние. Драгие каменис покупать. Брань iмѣт iуговарiватисѧ послюбы дружелюбно жiли. Испытание сокровенныхъ художествъ. Наслѣдiе покупат чтобъ отопого велiю ползу iмѣть. Испытанiе ѡного что потерѧно есть. Соедiненiе iсоюзъ творити по постоѧнству. Работати во ѡгнѣ нечувствуѧ болѣзни. Содружие дѣѧти чтоб ѡное постоѧнно было. Изображатi несовершенныѧ руды. Перепущати или процѣживати. Рыбы ловити чтобы много нхъ поiмати. Кнѧзеи и Господъ просити. Ко кнѧземъ и гоcдамъ в̊первые кним прiити.—Въ другомъ столбцѣ „дѣйства" помѣщены на однѣхъ и тѣхъ же линейкахъ съ „дѣйствами" перваго, и одно противъ другаго: „Перепущатi или плавiтi худые руды чтоб лучше былi. Вѣсiти чтобъ руда благо издаласѧ. Полоненныхъ iзаключенныхъ отпустiти чтобъ неотмщалi. Содружество творiти копостоѧнiю iщастiю. Дѣла (нужды:) задуманiе творити. Села нанива купити (деревню). Власы съ главы стрiчь чтобъ мозгъ укрѣплѧло. Торгъ зачатi уговарiватiсѧ чтоб блгополучно. Бракiлi домодержанiе сотворитi чтоб онi богатi былi. Домы iлi жiлiща строiтi чтобъ долго стоѧли. Домы купiти да благоти тамо будетъ. Древа с'сѣкать чтобъ червь неизнурилъ· Наполи ловити чтобы звѣрь неушелъ. Купить и продавать всѧкие товары. Покупать четвероножные звѣри чтобъ обстоѧлiся. Платье кроити доблаготи воѡномъ будетъ. Новое одѣѧние еже вопервое ег надѣти. Ѿрочатъ отнматi отсосцев чтобъ онѣ крѣпкi былi. Дѣтеи воучiлiще отдатi чтобъ были зѣло учены. Вопервыхъ наiти отнелѣже добрыи плѣн получiтi. Глiну копати чтоб мышеи исверчковъ iзганѧло. Молоти чтобы хлѣбъ неплѣсневелъ. Молоти чтобы хорошо удалось. Шествовати моремъ или водою. Мешати, Умножати и прибавливати. Ногти обрѣзывати чтобъ видъ неiзмѣнiлсѧ. Быки iручные скоты ввѧзоват коунитанiю. Ѡбмазывать. Садiтi всѧкiе древеса чтоб вовсѧ годы плод прiносiлi.—На слѣдующемъ листѣ (37): 12: знаменiи животныхъ: Перемѣшивати. Поспѣшатисѧ Ѡрати чтобъ нива плевелъ неносила. Ѡгъводити въ спѧть. Ѡбновлѧти. Разрѣшати развѧзывати

свобождати. Перебивати или ѡтъ бывати. Ѣздити чтобы добрѣ получіти. Конеи пущать объ закладъ. Лошадеи івсѧкихъ звѣрей на паству пущать. Конеи івсѧкихъ звѣреи класть чтоб обстоѧлісь. вшашки ступать іннакъ без'сдору играть. Сѣѧти ісадіти забогатою лихвою іползою. Баталию или бои творити. Возносити или подѣяти навысоту. Долгъ платити чтобъ обнужденіѧ небыло. Долгу просіти чтобъ заплаченъ былъ. Пруды исажавіи заградіти чтоб рыбы велікі рослі. Хлѣбъ вснпати чтобъ долѣ лежалъ. ручные звѣри покупать чтоб хорошо удалось. На красномъ всѧкие руды наводить. Первыи раз животїну на паству послать чтобъ волкъ несѣлъ. Странствовати сѣмо іовамо. інакї смїром возвратітїсѧ вдомъ. Дикихъ звѣрей покупать. Дікїх звѣрей ѩко медвѣдеи и волковъ ловить. Вжїлища или домы первѣе перевозїтисѧ. Прѣние начати и кнему причіны искати. въ приѧтелѧ итьти.

Листы 38 и 39 (№ 26 и 27) складные. Надъ каждымъ изъ нихъ надпись: „Предзнаменование времени на всѧкои годъ поп ланѣтамъ. На № 26-мъ, съ правой стороны помѣщена табличка показывающая: „Лѣта повругу солнечному и вруцелѣтію на 112 лѣтъ, и проч., за тѣмъ: „Употребленіе всеѧ Таблїцы“; съ лѣвой въ трехъ квадратахъ изображены фигуры планетъ въ человѣческомъ видѣ: „Венусъ“—Меркурій“ —Луна. Подъ каждымъ изображеніемъ планеты находятся таблицы съ метеорологическими наблюденіями и предсказаніями погоды и болѣзней перепечатанными вполнѣ съ 3-го листа большаго Брюсовскаго шестилистоваго календаря; на правой сторонѣ подъ табличкой указанной выше слѣдующее примѣчаніе: Ещеже неточїю знаменованїе времени. но и многихъ расположенных избранных вещеи. которыѧ дѣютсѧ откаждои силнѣйшїѧ и господствующїѧ планеты чрез кїиждыи год повсѧ Четыре времена всего лѣта. Преведена славїнскаго діалекта із кнїги Іѡанна Загапъ: Чиномже учрежденнаѧ втїсневїю предана. Повелѣнїемъ его Црскаго Величества вогражданскои типографїи в'москвѣ. 1710. За тѣмъ слѣдуетъ четверостишїе помѣщенное уже выше на л. 34-мъ:

1. Читателю мои прелюбезныи.
возмни что трудъ сеи небезмездныи.
2. и тако обнемъ разумѣваи.
что творца твоего признаваи:

На 39-мъ листѣ изображены: „Сатурнъ—Юпитеръ—Марсъ—Солнце. Въ лѣвой, первой графѣ таблицы, слѣдующіе заголовки указывающіе на текстъ находящійся какъ и въ предъидущемъ листѣ между горизонтальными и вертикальными линіями, которыми таблица

раздѣлена: „Образы седми планет иже вину прииша ѿ древнихъ еллинских боговъ яко имена сице и начертания.—Весна.—Лѣто.—Есень.—Зима.—Сѣвъ веспенны.—Сѣвъ Есенны.—Овощь древесны.—Лозы и Вино.—Вѣтры непогоды інаводненіе.—Гади.—Рыбы.—Болѣзни искорби насилствуемыя.

Листъ 40 (№ 28). „Таблица имѣющимся вовсеи россіискои имперіи Всегѡ Гоcдарства Вътуберниахъ и книмъ приписныхъ городовъ растѡяниемъ верстъ поалѳавиту Которые версты выписаны изъ ямскои Книги поямамъ".—Таблица разграфлена на 8 широкихъ и 8 узкихъ полосъ, изъ которыхъ въ первыхъ означены названія городовъ, и во вторыхъ число верстъ.

Листъ 41-й (29). Таблїца трактамъ Ксанктъ питербурху Кнарве криге Кревелю. иотмосквы в'кітаиское Гсдарство: и доиностранных знатныхъ градовъ. такожъ россїискои імперїи дознатных мнтреи и доимператорскихъ дворцовъ селъ іволостеи верстъ іколікое чїсло вовсеи россіиской імперїи соборов мнстреи цркѣеї". (Расположено сходно съ предыдущ. табл.)

Листъ 42-й (№ 30) двойной вдоль: „Таблїца въ неїже опїсуется Долгота и Широта пtriградусомъ градовъ знаменітыхъ наземномъ крузѣ' Листъ 43 (№ 31). двойной вдоль и Листъ 44-й (№ 32). Продолженіе той же таблицы.

Листъ 45 (№ 33). Два ангела держащіе съ обѣихъ сторонъ развернутую ленту занимающую собою верьхъ листа; на ней надпись: Губерніа Московская раздѣленная въ 9 провінцїи; въ срединѣ двуглавый орелъ поддерживаемый четырьмя ангелами и на развѣвающейся надъ орломъ лентѣ, надпись: аггломъ заповѣ гдь о тебѣ сохраніті тя вовсѣх путехъ твоихъ на руках возму тя".—Слѣва планъ съ подписью „Москва"; справа—„маштабы: Или скалы разныхъ Гдрствъ Приведенные Коединому Градусу.—Версты Московскія въ 1 град. по 75 верст; Верстыж общія Московскія въ 1 град. по 80. Мили Геометрические въ 1 град: по 60. Мили цесарскія въ 1 град. по 15 миль. Вся страница занята картою Московской губерніи. Внизу подпись: „1726 году міца Авгута. тщан: в: к. (Василія Кипріянова).

Листъ 46-й (№ 34). Карта Петербургской Губерніи. Двѣ сидящія женскія фигуры держащія портретъ Петра III въ рамкѣ изъ лавровъ, по обѣимъ сторонамъ по рогу изобилія разсыпающему плоды и деньги. Каждая изъ помянутыхъ двухъ аллегорическихъ женскихъ фигуръ держитъ медальонъ съ вензеловымъ именемъ Елисаветы и Петра. На лѣвой сторонѣ вверху восходящее солнце, на правой облака и летающія птицы. Подъ портретомъ видъ Петербурга; Нева съ

плавающими судами, въ которыхъ производятся выстрѣлы. На небѣ лента съ надписью: „Санктъ Петербургъ". Самая карта представляетъ только часть болѣе обширной карты, что видно съ боковъ по нѣкоторымъ неоконченнымъ надписямъ и другимъ, которыхъ замѣтны одни ѡкончанія словъ. На лѣвомъ полѣ карты, за рамкой подпись: „мартинъ нехорошевски" и слова: аминь—силенъ.

Листъ 47-й (№ 35). двоиной вдоль. Въ срединѣ, подъ короной обвитый андреевской цѣпью, щитъ съ двуглавымъ орломъ, на груди котораго московскій гербъ. Надъ щитомъ надпись „бгъ", окруженная сіяньемъ и по сторонамъ два летящіе ангела, изъ которыхъ одинъ держитъ корону и скипетръ; другой лавровую и миртовую вѣтви. Ниже два круга: на право порожній, и на лѣво съ вензелемъ императрицы Елисаветы Петровны; подъ ними съ обѣихъ сторонъ изображеніе андреевской звѣзды. Внизу виды: слѣва „Москва градъ", справа С. Петеръ бурхъ". По обѣимъ сторонамъ листа гербы. „сибирски. астраханскі, казански, киевски, владімерскі, новогородскі, тверски, ліѳлѧндіа, смоленски. псковскі, естлѧнскі, корѣльски, черніговскі, болгарскі, пермскі, югорски, вятски, ніжегородс҃кі, обдорски, белоезерс҃ки, ростовски, резанскі, ѧрославски, удорски, кезголмски, мстіславс҃кі, иверски, кондіиски, карталінски, грузинскиі, рижскѧ, нарвскиі, ежерскиі, карбадінскі, черкаскиі, волынскї, їнгермоланскі, подольски.—Внизу листа подпись составляющая посвященіе: „Всеавгустѣишеи благовѣрнои бл҃гочестивѣишеи ї хртолюбивои самодержавнѣишеи великои Гдрынѣ нашеи Бг҃овѣнчанної іпревознесеннои Елисаветѣ Петровне Імператрице всероссіискои ея цесарскому величеству Московскои, Киевскои, Владимерскои, Новогородскои цр҃це Казанскои цр҃це астраханскои. цр҃це сибирскои гс҃дрынѣ Псковскои и великои Кнѧгинѣ Смоленскои. Кнѧгинѣ Естляндскои. Лифляндскои Корѣльскои. Тверскои, Югорскои Пермскои Резанскои. Ростовс҃кои Ѩрославскои. Бѣлоезерскои. Удорскои. Обдорскои. Кандїискои и всеѧ Сѣверныѧ страны Повелительнице и Гс҃дрынѣ Іверскіѧ земли. Карталинскихъ и Грузинскихъ цр҃еи. и Кобардинскиѧ земли и Горскихъ Кнѧзеи и иныхъ наслѣдной Гс҃дрынѣ и ѡбладательнице".—Настоящее изданіе составляетъ одно изъ послѣдующихъ 6-ти листоваго, въ настоящее время весьма рѣдкаго Брюсова календаря [1] который можно считать первообразомъ 47-ми листоваго;

[1] Большой Календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова, пользовался уваженіемъ, и расходился во множествѣ изданій, не потому только, что тамъ помѣщались астрологическія предсказанія, но и отъ того, что въ немъ было не мало другихъ полезныхъ свѣдѣній, такъ напр.: тамъ можно было найдти не

изданнаго въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; но послѣдній полнѣе перваго и богаче его разными приложеніями [1] и онъ есть первый, напечатанный въ такомъ видѣ и форматѣ (длинной 4°). О томъ что онъ изданъ былъ въ помянутое царствованіе и даже въ первыхъ его годахъ, свидѣтельствуетъ, какъ 47-й, послѣдній листъ съ посвященіемъ, такъ и „карта петербургской губерніи, (листъ 46) съ именемъ гравера „Нехорошевскаго [2]; по находящейся подъ картою московской губерніи (листъ 45) помѣтѣ: „1726 году, мѣсяца августа. тщаніемъ Василія Кипріянова) и по встрѣчающимся въ святцахъ (листы 17, 22, 23 и 25) отмѣченныхъ дней: возшествія на престолъ, рожденія и тезоименитства императрицы Анны Іоанновны, цесаревны Елисаветы и дня рожденія принцессы Анны (правительницы), указываютъ на то, что нѣкоторыя изъ досокъ календаря были изготовлены заранѣе [3]. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ 47-ми листоваго календаря, времени Екатерины II, старыя доски были замѣнены другими, скопи-

---

исходную пахалію, лунникъ, время восхода и захожденія солнца и т. п. Всѣ вычисленія были сдѣланы на многіе годы, такъ что разъ пріобрѣтавшій такой календарь, освобождался на долгое время отъ покупки новаго.—На первомъ листѣ, вверху и внизу гравюры, заглавіе и выходъ: „Ново сія таблица издана, въ ней же предложено вступленіе солнца въ 12 зодїй приближно, такожде восхожденія и захожденія солнца, яко на оризонтъ сей, тако и со оризонта; еще же величество дней и нощей въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, яже имѣетъ широту 55 градусовъ 45 минутъ; вычтено и тисненію предано обще, яко на едино лѣто, тако и на прочіе годы непремѣнно, повелѣніемъ его царскаго величества, во гражданской типографіи подъ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генерала лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тщаніемъ библіотек. Васи. Кипрія: мая 2, 1709": Вверху гравюры двуглавый орелъ, съ андреевскимъ крестомъ на груди, увѣнчавшій кромѣ трехъ обыкновенныхъ коронъ, четвертою большою надъ щитомъ, который держатъ два генія. По сторонамъ изображены круги солнечный и лунный около земли. Справа и слѣва по двустишію. На второмъ листѣ другое заглавіе; подробное описаніе 6-ти листоваго Брюсова календаря находится въ изслѣдованіи П. Пекарскаго: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1862. т. I. стр. 304—309. Словарь русск. граверовъ Ровинскаго М. 1870. стр. 233—234, и Русскія Народныя Картинки. Кн. II. Спб. 1881. стр. 360—391.

[1] Д. Ровинскій. Русскія Народн. Карты. Книг. V, стр. 91—92.—[2] Словарь Русскихъ граверовъ стр. 258 г. Ровинскій говоритъ, что въ Брюсовскомъ Календарѣ изданномъ при Елисаветѣ, нѣсколько листовъ работы гравера Нехорошевскаго.—[3] По всей вѣроятности часть досокъ была изготовлена для изданія 47-ми листоваго календаря самимъ Василіемъ Кипріяновымъ, за тѣмъ послѣ его смерти трудъ Кипріянова былъ продолженъ другими мастерами. Это предположеніе подтверждается поставленіемъ на картѣ (л. 46) имени гравера Нехорошевскаго. Русск. Народн. карт. кн. IV. стр. 512.

рованными точь въ точь съ первыхъ, но въ нихъ не находится, ни вышеупомянутыхъ помѣты и подписей, ни слѣдовъ минувшихъ царствованій; перепечатываніе этихъ календарей продолжалось до первой четверти XIX столѣтія.

Г. Ровинскій указываетъ на четыре позднѣйшія изданія Брюсова календаря, напечатанныя въ царствованіе Екатерины II; въ одномъ изъ нихъ, на 35-мъ листѣ помѣщено посвященіе императрицѣ. Судя по бумагѣ, первое изданіе этого календаря выпущено послѣ 1780 года; другое напечатано на синей бумагѣ, съ водянымъ знакомъ 1809 года уже принадлежащее къ началу XIX столѣтія. Есть еще третье изданіе съ истертыхъ и подправленныхъ досокъ. Наконецъ онъ упоминаетъ еще объ одномъ изданіи котораго доски скопированы въ концѣ XVIII столѣтія съ незначительными измѣненіями съ досокъ перваго 47-листоваго елизаветинскаго календаря [1].

Рѣдкость этихъ календарей въ настоящее время даже въ позднѣйшихъ изданіяхъ была поводомъ къ перепечаткѣ „Брюсова Календаря“ въ томъ же форматѣ, но къ сожалѣнію съ весьма ветхаго и неполнаго экземпляра екатерининскаго времени, о чемъ издатель его г. Росинскій заявляетъ въ самой книгѣ; къ календарю приложенъ портретъ знаменитаго графа Я. В. Брюса, и весьма краткая его біографія, напечатанная крупнымъ шрифтомъ на одной страницѣ. Заглавіе календаря измышленное издателемъ слѣдующее: „Первобытный Брюсовъ календарь съ начала перваго его выхода при жизни Брюса, съ портретомъ графа Брюса. Изданіе Т. Росинскаго. Харьковъ. Типографія и Литографія М. Зильберберга. Рыбная улица, домъ № 71. 1875“. въ продолгов. 4°. 47 одностороп. листовъ. На нижней сторонѣ обертки выставлена цѣна—4 рубли. Къ этой плохой копіи съ неисправнаго оригинала г. Росинскій присоединилъ въ видѣ приложенія на 26-ти нум. стран: „Астрономическій, экономическій и политическій Брюсовъ двухъсотлѣтній календарь, сочиненный и расположенный съ нынѣшняго столѣтія отъ 1800 года. (26 стр.)

1746.

№ 55. **Таблицы Логаріѳмовъ**, отъ Единицы даже до 10000, ко употребленію сінусовъ и Тангенсовъ Логаріѳмовъ. (На оборотѣ): Таблицы Логаріѳмовъ числъ отъ единаго даже до 10000 и Натуралныхъ Сінусовъ, Тангенсовъ и Секансовъ **съ Логаріѳмами**

---

[1] Русск. Народн. карт. кн. II. стр. 432—433.

Сінусовъ и Тангенсовъ ко удобному всякихъ тріугольниковъ прямочертежныхъ и Сферическихъ, рѣшенію подлежащія. За Повелѣніемъ. Ея Императорскаго Величества Государыни Імператрицы Еліоаветы Петровны Самодержицы Всероссіискія.— Печатаны въ Санктпетербургѣ, въ Морскои Академіческои Тvпографіи Первымъ Тvсненіемъ. Декабря 20 дня, 1746 года. 4°. 141 нумеров. листовъ.

Сопик. ч. 5. № 11671.— Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи. 1838. стр. 463. № 55.—Геннади. Справочн. Слов. о русск. писат. и учен. т. 11. стр. 278.

На 51-мъ листѣ еще слѣдующее заглавіе: „Правила Сінусовъ, Тангенсовъ, Секансовъ и Логаріѳмы Сінусовъ и Тангенсовъ.—Извѣстно что въ Россіи, первыя таблицы логарифмовъ, съ заглавіемъ напечатаннымъ славянскимъ шрифтомъ и таблицами логарифмъ арабскими цифрами, появились въ 1703 году; онѣ были составлены учителями навигацкихъ школъ.—Фарварсономъ, Гвиномъ и Магницкимъ. Заглавіе таблицъ слѣдующее: **Таблицы логаріфмωкъ и̓ сѝнѹсωкъ, тангéнсокъ, сѣкансокъ. къ наѹ́ченїю мѹдролюбивыхъ тщателей, напечатася повелѣнїемъ благочестивѣйшаго великаго нашего цр҃я и великаго кн҃зя Петра̀ Алеѯїевича, всея великїя и малыя и бѣлыя Россїи самодержца. При бл҃городнѣйшимъ великомъ гд҃рѣ нашемъ цр҃евичѣ, и великомъ кн҃зѣ Алеѯїи Петро́вичѣ, в̓ цр҃ствующемъ великомъ градѣ москвѣ въ лѣто ѿ сотворенїя мїра ҂ζсаі, ѿ рождества же по пло́ти Бг҃а слова а҂ѱг гω, їндїкта аі҃ мц҃а маїа 8° рі҃м л** [1].—Спустя 13 лѣтъ, напечатано второе изданіе съ тѣмъ же числомъ листовъ, но съ заглавіемъ гражданскимъ шрифтомъ и съ примѣсью мѣстами славянскихъ буквъ; при чемъ указаны имяна составителей: **Таблицы синѹсωвъ, тангенсωвъ и сѣкансωвъ, таже и числъ еже есть ѿ единаго даже до 10.000 со изъясненіемъ ѹдобнѣйшимъ онымъ довольствомъ возможно разрѣшити вся тріугольники прямолинѣйныя и сферическія и множайшая вопрошенія астрономическая. За повелѣніемъ Пресвѣтлѣйшаго царскагω величества. Во употребленїе и знанїе Маѳематиконавигацкимъ ученикамъ, которыя содержатся подкомандою генерала, адмирала, кавалера, губернатора, тайнаго совѣтника и президента адмиралтеиства, графа Ѳеωдора Матвѣевича**

---

[1] Пекарск. Наука и Литерат. въ Россіи при П. В. т. 11 стр. 74. № 63. Сопик. ч. 1. № 1132. Обстоятельное Описан. староп. книгъ Славян. и Росс. библіотек. гр. Ѳ. А. Толстова. изд. П. Строевъ. стр. 418. № 205. Хронологич. Роспись Славянск. книгъ 1491—1730 г. составилъ И. Каратаевъ. стр. 156 № 1218. Библіот. Общества Исторіи и Древностей Росс. М. 1845. стр. 222. № 747.

Апраксина. Тисненію преданы в'Москвѣ вторымъ типомъ, первѣе же нынѣ въ гражданской типографіи: подъ надъзрѣніемъ господина генералъ-фелицейхъмейстера и кавалера Іакова Вилимовича Брюса. Тщаніемъ и за освидѣтелствомъ мнѳематико-навигацкихъ школъ учителей Андрея Ѳархварсона, Стеѳана Гвына и Леонтія Магницкаго [1] ѿ библіотекаря В: Кипріанова лѣта ѿ воплощенія Христова 1716. 8°. 141 нум. лист. съ гравиров. заглавн. листомъ [2].

Второе изданіе 1716 года можно считать перепечаткой перваго, но только относительно таблицъ, но никакъ не заглавія совершенно отличнаго; въ изданіи 1746 года, заглавіе вновь измѣнено, хотя отчасти и заимствовано изъ заглавія предыдущаго изданія. Четвертое изданіе напечатано подъ заглавіемъ: „Таблицы логарифмовъ на числа отъ единицы до 10.000, и на синусы, тангенсы, косинусы и котангенсы всѣхъ градусовъ и минутъ четверти круга. С. Петербургъ. Въ Типогр. Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. 1761 года 4° [3], и пятое, С. Петербургъ 1791 г. 4° [4].

1747.

№ 56. Санктпетербургскій Календарь На Лѣто отъ Рождества Христова **1747** + которое есть **Простое** содержащее 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. —**Въ Санктпетербургѣ** При Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 92 ненум. стр. (считая заглавн. листъ). и 1 складная таблица.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 95а.— Магазинъ. Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 550.

Въ настоящемъ календарѣ, въ первый разъ появляется надъ мѣсяцомъ январемъ надпись: „Благослови́ши вѣнецъ лѣта благости Твоея Господи“, взамѣнъ прежней помѣщавшейся до 1747 года: „Здравіе, благословеніе и миръ да подастъ Богъ всѣмъ православнымъ“. Отмѣчены слѣдующіе торжественные дни: февраля 10. Рожденіе Его Имп. Высочества, благовѣрнаго Государя Наслѣдника, Великаго Князя Петра Ѳеодоровича всея Россіи, внука Государя Императора Петра Ве-

---

[1] Леонтій Филипповичъ Магницкій, издатель первой ариѳметики напечатанной славянскимъ шрифтомъ, и съ арабскими цифрами.—[2] Пекарскій Наука и Литература. т. II. стр. 371. № 328. Строевъ. стр. 521. № 33. Сопик. ч. 5 № 11670—[3] Сопик. ч. 5. № 11672. Смирд. ч. III. № 4003.—[4] Сопик. ч. 5. № 11673.

ликаго, въ 1728. (19 лѣтъ)[1]—21. Рожденіе Ея Имп. Высоч. благовѣрн. Государыни, Вел. Княгини Екатерины Алексѣевны въ 1729. (18 лѣтъ). 25-го Коронованіе Ея Имп. Велич. Госуд. Императрицы Елисаветы Петровны, Самод. Всеросс.—Іюня 29-го Тезоименитство В. Кн. Наслѣдн. Петра Ѳеодоровича.—Сентября 5-го. Тезоименитство Ея Имп. Велич. Госуд. Имп. Елисаветы Петровны.—Ноября 24-го. Тезоимен. Ея Имп. Высоч. В. княгини Екатерины Алексѣевны.—25-го. Вступленіе на Всерос. престолъ Ея Имп. Велич. Елисаветы Петровны.—Декабря 18-го. Рожденіе Ея Имп. Величества императрицы Елисаветы Петровны въ 1709 (38 й годъ).—За тѣмъ слѣдуетъ обычное „Изъясненіе календарныхъ знаковъ", съ обозначеніемъ дней, въ которые „благополучно сѣмяна сѣять и садить, лѣсъ рубить, лѣкарство принимать, кровь пускать, волосы стричь и дѣтей отъ груди отнимать".

Статья „О затмѣніяхъ сего года", содержитъ извѣстіе о солнечномъ затмѣніи исчисленномъ въ 1735 году по таблицамъ Делагира изданнымъ на французскомъ языкѣ, и по исчисленіямъ Манфреди сдѣланнымъ имъ по таблицамъ Кассини; о затмѣніи лунномъ вычисленномъ по его же таблицамъ. Къ статьѣ приложена складная таблица съ двумя видами затмѣній и подписями на нѣмецкомъ языкѣ; подъ первымъ: den 14 (25) Febr. 1747, и подъ вторымъ: den 28 (11) 1747.—Другая таблица напечатана на слѣдующей страницѣ, въ текстѣ, съ показаніемъ въ какихъ мѣстахъ имперіи оно будетъ видимо или невидимо въ началѣ своемъ, срединѣ и концѣ.—Послѣ извѣстія о вскрытіи и замерзаніи Невы, начиная отъ 1718 года, помѣщена статья „О прочихъ небесныхъ приключеніяхъ", содержащая между прочимъ извѣстіе „о догадкахъ" Гислера, касающихся имѣющей „будто бы" явиться въ настоящемъ 1747 году кометѣ, о которой приводится свѣдѣніе изъ предисловія первой части „Эфемеридъ"; слѣдуютъ указанія его вычисленій относящихся къ явленію, или возвращенію въ 1747 году помянутой кометы, показавшейся по его предположенію въ 1532 году.—Далѣе помѣщено „Продолженіе Описанія и Исторіи о Великой Татаріи". Эта статья переведена съ французскаго, изъ сочиненія езуита Гербильона, и помѣщена въ 4-й книгѣ стр. 50 и слѣд., описанія Китая дю-Гальда; начало ея было напечатано въ календаряхъ на 1744, 1745 и 1746 год.

---

[1] Въ Календарѣ на 1743 годъ, владѣтельный герцогъ шлезвигъ-голштинскій Петръ, въ первый разъ названъ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ россійскаго престола.

Заключительныя статьи настоящаго календаря, составляютъ „Штатскій Календарь, Роспись господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ, въ которые отъ публичныхъ работъ дается свобода, и извѣстіе о дняхъ прихода и отхода почтъ въ С. Петербургѣ".

1748—1754.

№ 57. **Содержаніе Ученыхъ Рассужденій** Императорской Академіи Наукъ изданныхъ въ первомъ томѣ **Новыхъ Комментаріевъ** послѣ всемилостивѣйшей аппробаціи отъ **Ея Императорскаго Величества.** новаго Академическаго регламента. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ (Безъ означ. года). 4° 88 нум. стр.—**Содержаніе Ученыхъ Рассужденій** Императорской Академіи Наукъ изданныхъ во второмъ томѣ **Новыхъ Комментаріевъ.**—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. (Безъ означенія года) 4°. 42 нум. стр.—**Содержаніе Ученыхъ Рассужденій** Императорской Академіи Наукъ изданныхъ въ третьемъ томѣ **Новыхъ Комментаріевъ.**—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. (Безъ означенія года) 4°. 36 нум. стр.—**Содержаніе Ученыхъ Рассужденій** Императорской Академіи Наукъ изданныхъ въ четвертомъ томѣ **Новыхъ Комментаріевъ.**—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ (Безъ означ. года) 4°. 84 нум. стр. (Во всѣхъ 4-хъ томахъ счетъ страницъ съ заглавн. листовъ).

Сопик. ч. 4. № 11070.—Смирд. ч. IV. № 6430.—Учен. Запис. Имп. Акад. Н. по 1-му и 3-му отд. т. 1. Вып. I. Спб. 1852. стр. LV—LVII.—Неустроевъ. Розысканіе о Русск. повремен. изданіяхъ. стр. 40—46.

Въ началѣ 1-го тома помѣщено слѣдующее предисловіе къ содержанію „Ученыхъ Рассужденій: [1] „Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ, которая блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государемъ Петромъ Великимъ въ 1724 году основана, и отъ любезнѣйшей Его супруги и Преемницы престола всемилостивѣйшея Государыни Екатерины Алексѣевны въ 1725 учреждена была, въ прошедшемъ 1747 году отъ наслѣдницы родительскихъ добродѣтелей, щастливо нынѣ владѣющія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, утѣшенія человѣческаго рода, достохвальной регла-

[1] Предисловіе во всѣхъ 4-хъ томахъ напечатано крупнымъ шрифтомъ.

ментъ получила, изобильнымъ жалованьемъ прещедро удовольствована, и приведена въ твердое состояніе.

Прозорливая Мать Отечества послѣдуя во всемъ высокославнымъ Своимъ Родителямъ, премудро разсудить изволила, что для распространенія наукъ и художествъ въ пространнѣйшемъ изъ всего свѣта Ея владѣніи, необходимо надлежитъ утвердить такое ученыхъ людей собраніе, которое бы науки и художества новыми изобрѣтеніями приращать, изобрѣтенія другихъ разсматривать и довершать, справедливыя отъ несправедливыхъ отдѣлять, а притомъ и строго наблюдать могло, чтобъ чрезмѣрныхъ расходовъ на дѣлá безполезныя, или и со всѣмъ невозможныя не было, и что оное общимъ совѣтомъ и раченіемъ несравненно больше учинитъ пользы, нежели какъ бы того порознь отъ самыхъ искусныхъ въ наукахъ людей можно было надѣяться.

Ученое оное собраніе, пристойными правами и законами по крайней мѣрѣ для того снабдить надлежало, чтобъ члены вѣдали, какъ каждому изъ нихъ поступать, и въ чемъ упражняться должно.

А чтобъ читателю причина новаго титула комментаріевъ была вѣдома, то сообщается здѣсь краткое о томъ извѣстіе: Принадлежащія къ прежнимъ комментаріямъ ученыя разсужденія по самой 1746 годъ въ печать уже отданы, которыми оныя комментаріи и окончатся. А сей томъ и слѣдующіе, впредь издаваться имѣютъ подъ именемъ новыхъ комментаріевъ для того, что Академія Наукъ снабдѣна нынѣ новымъ регламентомъ, и диссертаціи въ нихъ отмѣннымъ отъ прежняго порядкомъ располагаются. Ибо въ новыхъ сихъ комментаріяхъ, только математико-физическія разсужденія издавать велѣно, а касающіяся до исторіи и критики, изъ которыхъ прежде состоялъ третей классъ прежнихъ комментаріевъ, оставленъ. Чего ради въ первой части новыхъ сихъ комментаріевъ содержатся математическія; во второй Физико-математическія, то есть касающіяся до физики Експериментальной и Механики; въ третьей физическія, то есть Анатомическія, Ботаническія и Химическія; а въ четвертой Астрономическія, которыя ради объявленной въ первомъ томѣ прежнихъ комментаріевъ на стр: 466 причины, всегда при концѣ печататься будутъ и въ новыхъ комментаріяхъ; а содержатся въ сей послѣдней части однѣ почти Астрономическія обсерваціи.

Надлежитъ читателю и о томъ вѣдать, что сіе содержаніе ученыхъ разсужденій, которое можетъ быть нѣкоторымъ безъ мѣры пространно покажется, сочинено особливо для Россійскаго народа, чтобъ оному во удовольствіе любопытства яснѣе понять можно было, въ

чемъ именно. Авторы сихъ рассужденій о приращеніи наукъ полагали стараніе". -Далѣе слѣдуетъ указъ сенату за подписью императрицы, данный въ Царскомъ Селѣ въ 24 день іюля 1747 г., (стр. 8—11), въ которомъ упоминается о учрежденіи Академіи Екатериною I, и о повелѣніи ея къ опредѣленной на помянутую Академію Петромъ Великимъ суммѣ 24.912 рублей, и ею утвержденной вскорѣ по вступленіи на престолъ, прибавить на содержаніе предположенной царемъ Академіи Художествъ, распространеніе библіотеки и кунсткамеры еще 28.386 рублей; слѣдовательно отпускать ежегодно изъ статсъ-конторы на обѣ Академіи и находящагося при томъ университета 53.298 рублей. Въ указѣ сказано между прочимъ: „А дабы ученымъ людямъ въ заплатѣ ихъ жалованья никогда остановки не было, то всемилостивѣйшее Наше соизволеніе есть, дабы оная сумма всегда по требованіямъ Президентовъ той Академіи, или въ небытность онаго притомъ, по требованіямъ Академической Канцеляріи безъ задержанія отпускаема была. А какимъ образомъ ученые люди при Академіи Наукъ и впротчемъ поступать имѣютъ, о томъ мы, сочиненной регламентъ всемилостивѣйше апробовавъ Академію Наукъ снабдили. И потому всѣ Наши вѣрноподданные для обученія Штатскихъ наукъ и художествъ, какъ дворяня, такъ и всякаго званія люди, кромѣ положенныхъ въ подушной окладъ, для учиненія себя къ службѣ Нашей годнѣйшими, пренебрегать не имѣютъ дѣтей и свойственниковъ своихъ въ Академію отдавать, гдѣ мы повелѣваемъ тѣмъ наукамъ и художествамъ, которыхъ кто пожелаетъ, безъ всякой платы, токмо на собственномъ своемъ содержаніи обучать."—Затѣмъ помѣщенъ „Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ съ краткимъ предисловіемъ [1], въ которомъ упоминается о сочиненіи еще при жизни Петра Великаго помянутаго регламента, аппробованнаго и подписаннаго его рукою; что таковаго же для Академіи Художествъ не послѣдовала за кончиною царя; но что въ царствованіе Екатерины I-й, какъ тому, такъ и другому намѣренію „добре начало и основаніе положено". Въ концѣ предисловія помѣщено извѣстіе какъ о сочиненіи регламента и штата всѣхъ должностей при Академіяхъ, такъ и о производимомъ имъ содержаніи (стр. 12—13).

Регламентъ [2] подписанный собственною рукою императрицы въ 24 день іюля 1747 года въ Царскомъ Селѣ, и утвержденный государственною печатью, напечатанъ въ С. Петербургѣ при Имп. Академіи Наукъ 1747 года сентября 25-го дня [3]. Онъ состоитъ изъ слѣ-

---

[1] Напечатано крупнымъ шрифтомъ.—[2] Напечатанъ курсивомъ.—[3] Истор. Имп. Академіи Наукъ. П. Пекарск. т. II. Предисл. стр. XXVII.

дующихъ 64 параграфовъ, изъ которыхъ первый, озаглавленъ: „Академія Наукъ раздѣляется на Академію собственно и на университетъ (10 ть §§). — Должность Академиковъ и Адъюнктовъ (§ 11—33).— Польза отъ Академиковъ (§ 34- 35).—Университетъ (§ 36—44).— Науки въ Университетѣ (§ 45 —49).—О канцеляріи (§ 50). Библіотека и Кунсткамера (§ 51—53).—Художествы: Типографія (§ 54).—Книжная лавка (§ 55).—Словолитное искусство (§ 56).—Переплетное мастерство (§ 57).—Типографія грыдоровальныхъ фигуръ (§ 58).—Художники и мастеровые люди (§ 59—64).

Здѣсь сообщается „Экстрактъ изъ диссертацій Академиковъ, которыя по силѣ вышеобъявленнаго регламента, въ 1746 году, въ приватныхъ собраніяхъ читаны были."—Математическія Профессора Эйлера: Рассужденіе о нахожденіи поверхностей косыхъ конусовъ и другихъ коническихъ тѣлъ (40—41).—Правила съ доказательствами, о дѣлителяхъ въ числахъ (41—44).—Разныя геометрическія доказательства (44—45).—Рассужденіе о томъ, какимъ образомъ удары въ мѣстѣ, наполненномъ упругими тѣлами распространяются (45—47).— Розысканіе способу, какъ на кораблѣ помощію Махины внутри онаго поставленной и никакою своею частію внѣ онаго непростирающейся плавать, который нѣкогда отъ остроумнаго математика Якова Бернулліа предложенъ былъ (47—52).—Георга Вольфганга Крафта: Диссертація Геометрическая о нѣсколькихъ коническихъ задачахъ какимъ образомъ оныя чрезъ алгебру удобно рѣшить можно (52—53).—Доказательство двухъ теоремъ Геометрическихъ (53—55). — Физико-Математическое. Метеорологическія наблюденія въ Тибингѣ 1745 году и 1746 (55—57).—Г. В. Рихмана: Рассужденіе о количествѣ теплоты, которой отъ смѣшенія двухъ жидкихъ тѣлъ опредѣленной теплоты произойти должно; причемъ подтверждается опытами образецъ выкладки, употребляемой для познанія градуса теплоты, которая происходитъ, когда два жидкія тѣла разной теплоты вмѣстѣ соединяются, и чемъ оная превосходитъ стужу, которая происходитъ отъ смѣшенія нашатыря съ снѣгомъ (58—59). Изслѣдованіе свойства, какъ жидкія тѣла въ сосудахъ на воздухѣ, непремѣнной теплоты, въ нѣкоторое опредѣленное время простываютъ или нагрѣваются, и изобрѣтеніи онаго, а притомъ правило, какъ дѣлать термометры совершенно согласные, которое на помянутомъ изобрѣтеніи имѣетъ основаніе (59—60).—Приступъ къ опредѣленію порядка, по которому дѣлается исхожденіе паровъ изъ теплой воды въ постоянномъ холодномъ воздухѣ (60).—М. Ломоносова: О причинѣ теплоты и стужи рассужденіе (60—62). Рассужденіе о упругости воздуха (62 —63).—

О химическихъ растворахъ во обще разсужденіе (63—64).—О движеніи воздуха, которое въ рудокопныхъ ямахъ примѣчено (64).—Г. В. Рихмана: О знатномъ и чрезвычайномъ случаѣ физическомъ, то есть, о сжатіи воздуха, въ 1837 кратъ меньшую величину, помощію замораживанія воды въ бомбѣ, и о нахожденія по выкладкѣ силы, какую замороживанная вода въ бомбѣ разширившись, къ разорванію оной употребить должна (64—65).—Приступленіе къ изъясненію чрезвычайнаго физическаго приключенія, то есть такого, что ежели термометръ ртутной изъ воды вынется, то ртуть во воздухѣ, которой тепляе воды, опускается внизъ, и показываетъ меньшую теплоту нежели воздухъ, около онаго термометра находящійся, имѣетъ (65—67.—М. Ломоносова: Къ Разсужденію о упругости воздуха прибавленіе (67—68).—Физическія. Вейтбрехта: Анатомическія примѣчанія о женской маткѣ (68—71).—А. К. Бургава: Описаніе анатомическое барана, котораго почитали гермафродитомъ (71—74).—Анатомическія примѣчанія (74—76).—Степана Крашенинникова: Описаніе рѣдкихъ травъ (76—77)—Астрономическія. Эйлера: Разсужденіе о перемѣнѣ наклоненія луннаго пути къ пути солнечному и о движенія пересѣчекъ путей оныхъ между собою (77—81).—Точнѣйшее изслѣдованіе о томъ, сколь великіе непорядки луна въ теченіи земли произвести можетъ (81—82).—Г. В. Крафта: Примѣчаніе солнечнаго затмѣнія, дѣланное имъ въ городѣ Тибингѣ іюля 14 дня 1748 году.—Николая Винсгейма: Правила о непорядкахъ въ теченіи неподвижныхъ звѣздъ (83).—Годфрида Гейнзіуса: Примѣчанія небесныя въ Лейпцигѣ 1746 году, лѣтомъ дѣланныя (84—85)—Продолженіе Астрономическихъ наблюденій въ Лейпцигѣ, 1746 году учиненныя (85).—Продолженіе Астрономическихъ наблюденій въ Лейпцигѣ 1747 году, по новому штилю учиненныхъ (85—86).—Наблюденія солнечнаго затмѣнія іюля 14 дня, 1748 году въ Лейпцигѣ учиненныя (86—88).

Въ предисловіи ко второму тому, между прочимъ упоминается, что онъ „представляетъ благосклонному читателю новые, и толь же щастливые плоды трудовъ императорской Академіи, на всѣ классы изъ которыхъ она состоитъ, раздѣленные". Къ извѣстію о числѣ диссертацій въ каждомъ классѣ, издатели прибавляютъ, что „императорская Академія показываетъ равномѣрную благосклонность какъ иностраннымъ членамъ, такъ и здѣсь присутствующимъ, и тѣмъ не меньше съ одной стороны, какъ съ другой прославляется". Содержаніе втораго тома: Математической классъ. Л. Эйлера: Диссертація о приведеніи кривыхъ линей въ дуги круга (5—6).—Г. В.

Крафта: Изслѣдованіе зажигательныхъ точекъ во всякихъ кривыхъ возможныхъ линеяхъ (6—7).—Л. Эйлера. Рѣшеніе претрудной задачи предложенной отъ Фермація (7—8). К. Н. фонъ Винегейма. О совершенныхъ числахъ (8—9).—Г. В. Крафта: О содружныхъ числахъ (9—10).—Классъ Физико Математическій. Г. В. Рихмана. Сочиненіе такого атмометра, или машины идростатической для вымѣриванія количества паровъ изъ воды одинакой теплоты исходящихъ, помощію котораго и самую малую убыль воды, напр. на нѣсколько только грановъ примѣтить, и правило о исхожденіи паровъ повѣрить можно (10—17).—М. Ломоносова. Описаніе Анемометра (17—18).—Г. В. Рихмана. Изслѣдованіе причины для чего воды въ глубокихъ мѣстахъ или сосудахъ больше парами выходитъ нежели въ мѣлкихъ, изъ такой же матеріи здѣланныхъ; и подтвержденіе новымъ опытомъ сего объявленія (18—19).—О Исхожденіи паровъ изъ воды, которая холоднѣе воздуха; наблюденія съ слѣдствіями (19—22).—Опыты надъ сжиманіемъ воздуха въ извѣстное время чиненные, наипаче же посредствомъ воды въ бомбахъ замороженной (22—23).—Употребленія правила о убываніи теплоты въ опредѣленіи середней теплоты воздуха въ извѣстное время; и о новомъ инструментѣ метеорологическомъ, способномъ ко изобрѣтенію середней теплоты воздуха (24).—Рассужденіе о изобрѣтеніи въ опредѣленное время средней вышины барометра, и о сочиненіи къ сему случаю способной машины (24—25).—Х. Г. Краценштейна: О безмѣнѣ географическомъ или мореплавательскомъ диссертація (26—27).—Описаніе новоизобрѣтенной машины къ греблѣ принадлежащей, помощію которой грузовыя суда способнѣе проводить можно (27—29).—Рассужденіе о часахъ, въ безпрестанномъ движеніи находящихся (29—31).—Физическій классъ. Г. В. Крафта: О происхожденіи растущихъ вещей опыты и слѣдствія (31—34).—Авр. Кау Бургава: Примѣчаніе анатомическое найденнаго имъ въ груди не натуральнаго мускула, и въ разныхъ трупахъ, разнаго (34—35).—Степана Крашенинникова: Описаніе особливаго роду клену (35).—Г. В. Штеллера: О морскихъ звѣряхъ (35—39).—Астрономическій классъ. Г. Гейнсія: Примѣчанія луннаго частнаго затмѣнія 8 го дня авг. по нов. стил. 1748, въ Лейпцигѣ дѣланное (32—41).—Никиты Попова: Способъ какъ примѣчать затмѣнія свѣтилъ небесныхъ (41—42).

Академія Наукъ въ предисловіи къ третьему тому увѣдомляетъ, что по силѣ регламента опредѣлено классы составляющіе Академію предложить читателямъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они расположены въ двухъ первыхъ томахъ. Содержаніе третьяго тома слѣдую-

щее: Математической классъ. Леонгарда Эйлера: Вновь произведенной способъ, какъ изъ дифференціальныхъ эквацій вышшихъ степеней находить интегралъ (5—7).—О опредѣленіи продолженныхъ одинакимъ порядкомъ числъ, или новой способъ находить генеральные такихъ числъ термины (7—10).—Рассужденіе о нѣкоторыхъ алгебраическихъ рядахъ числъ особливыя свойства имѣющихъ (10—11).— Г. В. Крафта: О Изслѣдованіи дѣлителей числъ (11—12).—Л. Эйлера: О раздробленіи чиселъ (12—15).—Генриха Кина: Рассужденія о невозможныхъ количествахъ (15).—Л. Эйлера: Рѣшеніе задачи геометрической (15—16).—О непорядкѣ въ теченіи планетъ происходящемъ отъ некруглой или несовершенно сферической ихъ фигуры (16—18).—О машинахъ вообще (18—21).—О равновременномъ движеніи сложныхъ отвѣсовъ (21—23). Физико-Математической Классъ. Г. В. Рихмана. Рассужденіе и опыты о ртути скоряе теплоту принимающей, и скоряе теряющей, нежели многія жидкія тѣла, которыя ея легче (24—25).—Рассужденіе о опредѣленіи пропорціи теплоты, и пропорціи густости прямыхъ лучей къ густости въ стеклѣ преломленныхъ (25—27).—Л. Эйлера: Исправленіе двухъ діоптрическихъ инструментовъ, куріозной темной камеры, и солнечнаго микроскопа (28—31).—Христіана Готлиба Краценштейна: Примѣчаніе о сочиненіи морскихъ часовъ (31).—Г. В. Крафта: Метеорологическія наблюденія въ Тибингѣ въ 1747, 1748 и 1749 годахъ, чиненныя (31—32).—Физической Классъ. І. Ф. Шрейбера: Наблюденія анатомико-практическія (32—33).—Г. В. Штеллера: Генеральныя наблюденія касающіяся до всей исторіи о рыбахъ (33—34).—Астрономической Классъ. Г. В. Крафта: Содержаніе наблюденія солнечнаго затмѣнія которое въ 1750 году генваря 8 дня, онъ учинилъ въ Тибингѣ и въ письмѣ къ г. Винегейму академикамъ сообщилъ (34).—Г. Гейнзіуса: Продолженіе Лейпцигскихъ наблюденій дѣланныхъ въ 1748 году (35).—Адъюнкта Никиты Попова: Астрономическія наблюденія затмѣній спутниковъ Юпитеровыхъ, во время Камчатской экспедиціи по разнымъ мѣстамъ Сибири, дѣланныя порутчикомъ Андреемъ Красильниковымъ; которые здѣсь по приказу Его Высокографскаго Сіятельства, Академіи Наукъ г. Президента предлагаетъ Адъюнктъ Никита Поповъ (35—36).

Въ предисловіи къ четвертому тому, объясняется причина запоздавшаго выхода его: „что четвертый томъ новыхъ Комментарій пожже, какъ надлежало, въ свѣтъ издается, въ томъ предъ единоземцами извиняться нѣтъ нужды, для того, что они, увѣрены будучи о нашемъ тщаніи въ изданіи полезныхъ книгъ, безъ сомнѣнія благода-

рить будутъ Академію, что она подражая другимъ Академіямъ, и стараясь о пользѣ отечества издаетъ напередъ книги на природномъ языкѣ, а не на иностранномъ; а иностраннымъ, ежели они позднымъ долгу нашего воздаяніемъ недовольны, а особливо господамъ Авторамъ, ежели они негодовать будутъ, что сочиненія ихъ, въ семъ томѣ содержащіяся, отъ насъ теряютъ пріятность новости, объявляемъ, что изданіе другихъ томовъ безъ всякаго замедленія слѣдовать будетъ. Потому что при Академіи умноженіемъ числа становъ и трудящихся въ типографіи, удовлетворительно будетъ отечеству, вкупѣ и иностраннымъ".—Содержаніе 4-го тома: Классъ Математической. Сей классъ весь состоитъ изъ сочиненій г. Леонарда Эйлера: О числахъ которыя составляютъ сумму двухъ квадратныхъ чиселъ (5—8). О самомъ лучшемъ строеніи вѣтреныхъ мѣльницъ (9—16).—Начала знанія о толстыхъ тѣлахъ, и доказательство нѣкоторыхъ особливыхъ свойствъ толстыхъ тѣлъ въ плоскихъ бокахъ включающихся (16—20).—О движеніи тѣлъ небесныхъ (20—24).—Классъ Физико-Математической.— Г. В. Крафта: Рѣшенія задачь до Архитектуры гражданской принадлежащихъ (24—29).—Г. В. Рихмана, посмертныя сочиненія: Опыты о магнитной силѣ, безъ магнита сообщенной (30—31).—Изслѣдованіе правила, по которому теплота въ тѣлахъ въ воздухѣ находящихся, увеличивается и уменьшается (31—34).—Разсужденіе и опыты, какъ мѣрять распущеніе, которое совершается въ разныхъ градусахъ теплоты (35—36).—Способъ опредѣлять содержаніе разныхъ теплотъ, помощію стеколъ выпуклистыхъ и термометровъ (36—38).—Объ указателѣ електрическомъ, и его употребленіи при опытахъ електрическихъ, какъ натурою, такъ и искусствомъ произведенныхъ (39—43).— Классъ Физическій. Разсужденія разныхъ авторовъ. Авраама Кау Бургава: Разсужденіе о сольнутіи (Cohaerentia) плотныхъ частей тѣла человѣческаго (43—52)—Іо. Георг. Гмелина: Выхухоль по лат., Mus aquaticus exoticus; Клюзія прибавленіе и Раія синопсисъ о четвероногихъ (53—58). Степной баранъ, по лат: Rupicorpa Cornibus orietinis, по калмыцки Аргали (53—67).—Описаніе Мскусоваго звѣря по Русски Кабарга называемаго (68—76)—Геор. Вильг. Стеллера. Примѣчанія касающіяся до гнѣздъ и яицъ птичьихъ (76—78).—Іос. Ад. Брауна: Метеорологическія наблюденія отъ 1744 по 1748 годъ съ примѣчаніями и съ слѣдствіями (78—79).—Классъ Астрономической. А. Н. Гришева: Способъ опредѣлять параллаксисъ Луны и другихъ Планетъ, основанной на закрытіяхъ неподвижныхъ звѣздъ отъ Луны и Планетъ (79—81).—Наблюденія необыкновеннаго Южнаго сіянія въ Санктпетербургѣ случившагося (82).—Наблюденія въ Лейпцигѣ, дѣлалъ г. Гейнсіусъ (83—84).

Содержаніе „Ученыхъ Разсужденій служитъ продолженіемъ" Краткаго Описанія Комментаріевъ изданнаго въ 1728 году; что настоящее изданіе выпущено Академіею вслѣдствіе новаго даннаго ей, въ 1747 году императрицей Елисаветой Петровной, регламента, видѣть можно въ 32-мъ параграфѣ упомянутаго регламента, гдѣ сказано: „въ концѣ ноября мѣсяца Конференцъ Секретарь долженъ публиковать съ переводомъ Русскимъ содержаніе всѣхъ диссертацій, которыя въ цѣлой годъ учинены, и притомъ прикладывать свои ученыя о всемъ помянутомъ, рассужденія (Регл. Учен. Разсужд. стр. 25).—Первый томъ „Содерж. Учен. Рассужд." изданъ въ 1748-мъ, второй въ 1750 году; годъ выхода третьяго тома неизвѣстенъ; четвертый въ 1754 году, и онъ былъ послѣднимъ, такъ какъ изданіе прекратилось [1].

№ 58. Санктпетербургской **Календарь на Лѣто отъ Рождества Христова 1748.** Которое есть **высокосное** содержаніе 366 дней. сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи.**—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 102 ненум. стр.— 1. Таблица (затмѣніе) и карта Росс. Имперія вырѣз. на мѣди граверомъ М. Махаевымъ.

Геннади. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 95а.—Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 551.

Въ приложеніяхъ къ Календарю не находится астрономическихъ и историко-географическихъ статей, кромѣ одной „о затмѣніяхъ, съ приложенною къ ней табличкой; въ этой статьѣ, послѣ краткаго изложенія причинъ затмѣній, извѣщается о четырехъ имѣющихъ произойти въ 1748 году: двухъ солнечныхъ, и двухъ лунныхъ и что въ Россіи видимы будутъ: солнечное, имѣющее начаться 14 іюля по старому стилю, вычисленное по таблицамъ де-ла Гира; въ Петербургѣ оно будетъ въ 12-мъ часу 51 м. Тоже затмѣніе по Кассиніевымъ таблицамъ, и по показанію Эфемеридъ Манфреди, начнется въ Москвѣ въ

---

[1] Причина прекращенія этого изданія неизвѣстна. Можетъ быть, это зависѣло отъ того, что Миллеръ опредѣленный въ Мартѣ 1754 года секретаремъ ученой Конференціи, призналъ его несоотвѣтствующимъ современному требованію публики, вслѣдствіе чего онъ сдѣлалъ предложеніе Академіи о необходимости изданія съ программою энциклопедическаго журнала, который и явился въ 1755 году, подъ названіемъ: Ежемѣсячныя Сочиненія къ пользѣ и къ увеселенію служащія; съ 1758 по 1762 годъ подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы къ пользѣ, ипроч." (Учен. Зап. Акад. II.—т. 1. Вып. 1. стр. LVI—LVII.—Историч. Розыскан. о повремен. изд. г. Неустроева. стр. 41).

1-мъ часу 38 м.—Лунное затмѣніе можно видѣть въ Петербургѣ 29 іюля по старому стилю, и оно начнется утромъ въ 1-мъ часу, 17 м. Въ текстѣ помѣщена таблица со спискомъ городовъ, въ которыхъ лунное затмѣніе будетъ видимо.

Въ настоящій календарь перенесены изъ придворнаго календаря напечатанныя въ немъ впервый разъ 1747 года: „Роспись повсягодно въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ поминовеніямъ и панихидамъ“, и почтовый дорожникъ подъ заглавіемъ: „Вѣдомость, по которымъ дорогамъ учреждены почтовые станы, и въ какомъ расстояніи верстъ, станъ отъ стану находится“.

1749.

№ 59. Происхожденіе **Народа и Имени** Россійскаго въ высочайшее Тезоименитство Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни **Елисаветы Петровны** Императрицы и Самодержицы Всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая всемилостивѣйшія нашея Государыни въ публичномъ собраніи **Академіи Наукъ** Сентября 6 дня 1749 года изъясненное Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ Императорскимъ Исторіографомъ, Университета Ректоромъ и Профессоромъ, Императорскія Академіи Наукъ и Королевскаго Аглинскаго Соціетета Членомъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 4°. 56 нум. стр. (считая заглавн. листъ).

Сопик. ч. 4. № 9086.—Всеобщ. Библ. Россіи Чертк. 1838. стр. 342. № 3.—Геннади Русск. Книжн. Рѣдкости. стр. 39. № 16.—Справочн. Словарь. т. 2 стр. 319.—Словарь митр. Евген. 1845. стр. 63.—Истор. Акад. Наукъ. т. 1. стр. 360, 405. т. II. стр. 423 и Приложеніе стр. 239.—Отчетъ Публ. Библ. за 1858 г. стр. 57.

Въ „приступѣ“ [1] къ диссертаціи, авторъ ея, обращаясь къ слушателямъ говоритъ между прочимъ: „Во исполненіе при нынѣшнемъ торжественномъ собраніи положенной на меня должности, намѣренъ я, вывесть васъ на поле, гдѣ повсядневно мои труды бываютъ, не на чужое, но наше собственное, которое хотя по большой части еще не учреждено, однако цвѣтовъ и плодовъ довольно произращаетъ; а имян-

[1] Начало и конецъ вступленія, какъ равно и заключеніе диссертаціи, содержитъ въ себѣ похвалы и выраженія глубочайшей благодарности основателямъ Академіи Наукъ, Петру Великому, Екатеринѣ I, и Елисаветѣ; безъ чего въ то время, какъ извѣстно, и особливо въ торжественные дни, не обходилась ни одна публичная академическая рѣчь.

но: я вознамѣрился представить вамъ позорище славныхъ и великихъ дѣлъ Россійскаго народа. Но взирая на великое множество достопамятныхъ приключеній, которыми Россіяне во всемъ свѣтѣ прославились, чѣмъ бы начать сумнѣваюсь. Однако послѣдуя порядку времени, стану говорить о первыхъ началахъ Россійской исторіи, и покажу происхожденіе Россійскаго народа. Объявляю наипаче о тѣхъ временахъ, о которыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ и въ другихъ Россійскихъ историческихъ книгахъ, или вовсе не упомянуто, или достовѣрныхъ и подлинныхъ извѣстій не имѣется, чего ради исторія оныхъ временъ и подлежитъ многимъ затрудненіямъ. Предложу, какіе въ Россіи народы поселились, какъ одинъ другаго преодолѣли, и побѣдители побѣжденными владѣли. Предъявлю, какъ отъ разныхъ народовъ произошли ваши предки, которые потомъ толь тѣсными союзами соединились, что бывшаго между ими прежняго различія, никакого слѣду не осталось. Изъясню подробно происхожденіе Россійскаго имени. Изъявлю о дѣлахъ прежде Россіянъ въ Россіи учинившихся, которые однакожъ до Россійской исторіи свойственно принадлежатъ, потому что къ доказанію происхожденія Россійскаго народа немало служатъ. А для обстоятельнѣйшаго ихъ изъясненія, не будетъ безполезно изъ чужестранныхъ сосѣдственныхъ народовъ книгъ, объявить то, что въ домашнихъ ненаходимъ".

Чтобы очистить мѣсто для своихъ догадокъ и выводовъ, исторіографъ начинаетъ диссертацію свою опроверженіемъ извѣстій приводимыхъ различными писателями о первобытныхъ обитателяхъ нынѣшней Россіи. Такимъ образомъ, онъ признаетъ мнѣніе кіевскаго „Синопсиса", по которому авторъ его производитъ отъ „Мосоха, сына Афета" „Мосховъ", бывшихъ въ древнія времена азіятскимъ народомъ, давшимъ имя городу и рѣкѣ Москвѣ, ошибочнымъ, такъ какъ по словамъ Мюллера, одно созвучіе именъ, безъ другихъ болѣе достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, недостаточно для доказательства о происхожденіи народовъ. О мнимомъ переселеніи „Мосховъ" изъ Азіи въ Европу, исторія не только никакихъ свидѣтельствъ не представляетъ, но и самое имя „Москвы" до основанія этого города никогда не было извѣстно. Второе опроверженіе Мюллера относится къ тому же „Синопсису", который говоритъ о встрѣчающемся у пророка Езекіиля имени „Росъ" соединенномъ съ именами „Мосоха" и „Тубала", изъ чего выводится заключеніе, что этимъ именемъ обозначается родоначальникъ русскаго народа (Синопс. стр. 12). За тѣмъ исторіографъ упоминаетъ о мнѣніи „Бошарта", который въ 3 томѣ, главѣ 13 священной Географіи, слово „Росъ" не принимаетъ за на-

именованіе одного лица, но цѣлаго народа обитавшаго, по его словамъ въ Мидіи, около рѣки „Аракса“ называемой у географа нубійскаго именемъ „Россъ“, которая соединившись съ рѣкою „Куромъ“, впадаетъ въ Каспійское море; но этотъ историкъ, говоритъ Мюллеръ, ссылается на „Іосифа Горіонида“, по утвержденію котораго „Россы“ обитали у рѣки Куры, впадающей въ Каспійское море, изъ чего и заключаетъ что русскій народъ произошелъ отъ помянутыхъ „Россовъ“. Послѣднему писателю, Мюллеръ вовсе не довѣряетъ, и говоритъ: „токмо въ такомъ сумнительномъ дѣлѣ не можно утверждаться на мнѣніи лживаго изъ жидовъ, новыхъ временъ автора, который подъ именемъ „Іосифа“, сочинилъ ложную о іудейскомъ народѣ Исторію“. Кромѣ того исторіографу кажется невѣроятнымъ, чтобъ за столько сотенъ лѣтъ назадъ, въ Мидіи, странѣ извѣстной изъ древней Исторіи, обиталъ народъ называемый „Россами“, и что о томъ не упоминаетъ никто изъ древнихъ историковъ!—Онъ полагаетъ также излишнимъ ссылаться на басню существующую между турками, персіанами и татарами о „Руссѣ“ одномъ изъ сыновей Афета, для того чтобы произвести отъ послѣдняго, начало русскаго народа; къ тому же разряду извѣстій относитъ Мюллеръ принятое многими какъ ясно доказанное и неоспоримое, о происхожденіи русскихъ отъ „Роксоланъ“; здѣсь, кромѣ положительно непризнаваемаго имъ за доказательство сходства именъ, нѣтъ и надобности переселять народъ изъ одной части свѣта въ другую, такъ какъ, по свидѣтельству Страбона, Роксоланы обитали въ русскихъ предѣлахъ, между Дономъ и Днѣпромъ [1]; мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ подтверждено, говоритъ Мюллеръ, покойнымъ архіепископомъ Ѳеофаномъ, сочиненнымъ имъ на кончину Петра Великаго Словомъ, озаглавленномъ на латинскомъ языкѣ „Lacrimae Rocsolonae“, т. е. слезы Роксоланъ. По мнѣнію автора диссертаціи, какъ недостаточно для доказательства о происхожденіи Россіянъ одного сходства именъ, такъ недостаточно и того предположенія, что въ первыхъ вѣкахъ по Рождествѣ Христовомъ, народъ роксоланскій обиталъ въ русскихъ предѣлахъ; но нужно доказать, какъ названіе Роксоланъ измѣнилось въ Россіянъ; подтвердить достовѣрными историческими свидѣтельствами переселеніе Роксоланъ изъ южныхъ странъ къ сѣверу, и объяснить, что за народъ были Роксоланы,

---

[1] Здѣсь авторъ диссертаціи ссылается на профессора Байера, который вначалѣ держался того же мнѣнія, какъ видно изъ академическихъ комментаріевъ (т. 1. стр. 398); но впослѣдствіи въ диссертаціяхъ своихъ, отъ него отказался (прим. стр. 9).

и какимъ языкомъ говорили.—„Буде же сіе“, говоритъ Мюллеръ, такъ подробну изъяснено не будетъ, чтобъ изъ того подлинно видѣть можно было, что Россіяне происходятъ отъ сего народа, то меня въ томъ никто порицать не можетъ, ежели я, утверждаясь на своемъ мнѣніи, постараюсь изслѣдовать другія, надежнѣйшія о происхожденіи ихъ свидѣтельства“; причемъ онъ прибавляетъ, что по „Гернанду“, Роксоланы въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х., подвластны были Готѳамъ, съ которыми вѣроятно слились въ одинъ народъ, и впослѣдствіи отъ Гунновъ, шедшихъ для завоеванія Паннонiи, вмѣстѣ съ первыми, были прогнаны и разсѣяны въ западныхъ странахъ, почему и имя ихъ не упоминается ни однимъ изъ писателей послѣдующихъ временъ.

Для опроверженія того же мнѣнія относительно происхожденія Россіянъ отъ Роксолановъ, Мюллеръ считаетъ необходимымъ указать на погрѣшность одного изъ древнихъ греческихъ писателей „Агафемера“, который, упоминая о рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море, называетъ рѣку Волгу „Россъ“, на чемъ писатель „Шетгенъ“ основываетъ свое мнѣніе о помянутомъ происхожденіи русскаго народа; нѣкоторые по словамъ исторіографа ссылаются на Геродота, назвавшаго по мнѣнію ихъ Волгу—Араксомъ, и этимъ объясняютъ возможность приписать помянутой рѣкѣ названіе „Россъ“; онъ говоритъ затѣмъ, что читающіе внимательно Геродота едва-ли найдутъ, чтобы онъ объ Араксѣ написалъ болѣе того, чего о каждой большой, малоизвѣстной рѣкѣ нельзя было сказать; здѣсь авторъ диссертаціи выражаетъ догадку, что если и принять за достовѣрное слово Геродота разумѣвшаго по мнѣнію ихъ, подъ именемъ Аракса, Волгу, то это названіе употреблено имъ для того, чтобъ дать понятіе о ея величинѣ; и „Агафемеръ“ можетъ быть, узнавъ персидское названіе „Арасъ“ произносившееся „Россъ“, и не зная какой рѣкѣ „Араксъ“ приписать его, не долго думая назвалъ такъ Волгу. По мнѣнію Мюллера, болѣе достовѣрно названіе помянутой рѣки Птоломеемъ, именемъ „Раа“, потому что народъ Мордва вблизи ея обитающій, и происшедшій вѣроятно отъ первобытныхъ обитателей этой мѣстности, называетъ и въ настоящее время Волгу тѣмъ же именемъ, что самъ Мюллеръ слышалъ въ бытность свою въ тѣхъ странахъ.

Опровергнувъ мнѣнія и догадки вышепомянутыхъ историковъ, авторъ диссертаціи спрашиваетъ—не слѣдуетъ ли принять предположеніе по которому Россіянъ производятъ обыкновенно отъ Скифовъ и Сарматовъ? На этотъ заданный себѣ вопросъ, онъ отвѣчаетъ, что Греки, и за ними Римляне, всѣхъ малоизвѣстныхъ имъ, къ сѣверу обитавшихъ, дикихъ и невѣжественныхъ народовъ, называли Скифами,

также точно какъ мы, прибавляетъ онъ, называемъ всѣхъ восточныхъ народовъ татарами; и названіе „Сарматы" употребляется въ подобномъ же обширномъ значеніи. Слѣдовательно, это названіе болѣе за наименованіе странъ считать должно, и производящіе Россіянъ отъ Скифовъ и Сарматовъ, доказываютъ только то, что первые обитали въ скифскихъ и сарматскихъ земляхъ, что ясно само собою, и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя греческіе и византійскіе историки во многихъ мѣстахъ называютъ Россіянъ народомъ скифскимъ, Скифами, Тавроскифами и Тавранами, то есть народомъ обитающимъ въ Скифіи, около таврическаго полуострова (что нынѣ Крымъ); но этимъ они, по словамъ Мюллера, ничего не говорятъ о происхожденіи помянутаго народа, но только о мѣстѣ ихъ жительства; и такъ какъ Россіяне предпринимали воинскіе походы въ девятомъ вѣкѣ по Рожд. Хр., то слѣдовало бы объяснить, откуда пришелъ этотъ воинственный и сильный народъ! Имя его сдѣлалось не за долго до того извѣстно Грекамъ, узнавшимъ о немъ либо отъ Болгаръ, либо отъ самихъ Россіянъ, такъ какъ можно достовѣрно доказать, что до девятаго вѣка, о имени ихъ вовсе не знали. Далѣе Мюллеръ приводитъ филологическія догадки „Синопсиса", что Россіяне названы такъ отъ слова „разсѣяніе"; или отъ „русыхъ волосъ" [1], или отъ „сильнаго крика" который они испускали въ бою [2]; но онъ прибавляетъ, что всѣ эти толкованія основаны опять таки на созвучіи словъ, и не подтвержденныя историческими доказательствами, не могутъ быть приняты; причемъ упоминаетъ также о томъ, что всѣ почти польскіе писатели, чтобъ показать происхожденіе русскихъ отъ одного корня съ Богемцами и Поляками, выдумали князя Русса, брата Чеха и Ляха; въ „Синопсисѣ" есть извѣстіе, что Россіяне происходятъ отъ города „Старой Руссы"; „но вѣроятнѣе", замѣчаетъ Мюллеръ, „что оной городъ названъ по Россіянамъ, а не Россіяне по городу". Здѣсь онъ заключаетъ свои опроверженія чужихъ мнѣній и догадокъ, и приглашаетъ вмѣстѣ съ собою слушателей своихъ, разсмотрѣть, какіе народы поселились въ Россіи, и изслѣдовать, что говорятъ „домашніе" писатели о происхожденіи Руссовъ, чтобы тѣмъ самымъ его собственныя положенія могли быть основательнѣе и достовѣрнѣе имъ предложены.

„Извѣстно изъ древнихъ русскихъ лѣтописцовъ", говоритъ Миллеръ, „что русскіе въ настоящихъ странахъ должны почитаться за пришельцевъ, и что всѣ прежніе обитатели страны поселившіеся въ

---

[1] Баіеръ. Комментар. т. VIII; стр. 407. 411. 415.—[2] Преторій, міръ Готф. кн 2. стр. 10.

нихъ до пришествія русскихъ, называются по русски „Чудь". Онъ сообщаетъ о собственномъ своемъ наблюденіи, по которому, не только въ срединѣ Россіи и предѣлахъ сѣверныхъ, но и въ южныхъ, при рѣкахъ Волгѣ, Тоболѣ, Иртышѣ, Оби, Енисеѣ и Селенгѣ, даже на китайскихъ границахъ—если кто либо увидя древнее укрѣпленіе, достопамятныя зданія, могилы, дома, статуи, и подобные имъ предметы, спроситъ, какому народу это принадлежитъ? Русскіе ли это соорудили? то получитъ въ отвѣтъ, что это принадлежитъ „Чуди"—народу, обитавшему здѣсь въ древнѣйшія времена. По словамъ Мюллера, когда въ русскихъ лѣтописцахъ упоминается о Чуди, обитавшей въ сѣверной части Россіи, то подъ этимъ названіемъ особливо должно разумѣть Чухонцевъ, Кореловъ и Эстляндцевъ; по мнѣнію его, можно даже допустить предположеніе, что они были первоначальными жителями этихъ странъ, такъ какъ не имѣется историческихъ доказательствъ тому, что они когда-либо обитали въ другихъ мѣстахъ, или что другой, какой либо народъ имѣлъ жительство въ странахъ ими заселенныхъ. Они не были извѣстны Грекамъ по причинѣ большаго разстоянія съ первыми ихъ раздѣлявшаго; но Римляне, покорившіе Германію, имѣли о нихъ достаточное свѣдѣніе по свидѣтельству Тацита, который такъ правдиво и вѣрно ихъ описываетъ, какъ будто бы самъ находился въ чухонскихъ жилищахъ.—„Но моглолибъ то мнѣ притти только на умъ", прибавляетъ исторіографъ, „произвесть Россіянъ отъ толь неславнаго народа?"

На 14-й страницѣ диссертаціи своей, авторъ объявляетъ слушателямъ своимъ, что „прадѣды ихъ отъ славныхъ своихъ дѣлъ, въ древнія времена „Славянами" назывались, и отсюда начинаетъ излагать разсужденіе свое о происхожденіи и началѣ Руси, повѣствуя о томъ, что Славянъ обитавшихъ нѣкогда у рѣки Дуная, и которыхъ, по русскимъ лѣтописцамъ выгнали оттуда „Волохи", т. е. Римляне, поселились у рѣки Днѣпра, овладѣли всею Польшею и построили вопервыхъ Кіевъ, откуда идя вверхъ по Днѣпру, пришли на рѣки впадающія въ озеро Ильмень, и по которымъ имъ удобно было плыть внизъ, они скоро, и безъ всякаго труда, вытѣснили чухонцевъ, и принудивъ послѣднихъ уступить болѣе пространства, основали знаменитый „Новгородъ", и можетъ быть другіе русскіе города, въ числѣ которыхъ „Смоленскъ" и „Черниговъ", положительно построены пришельцами; но времени, когда это совершилось, опредѣлить достовѣрно нельзя, только изъ сказаннаго выше, можно заключить, что Новгородъ построенъ послѣ Кіева. По свидѣтельству Стрійковскаго, (Синопс. стр. 76), Кіевъ построенъ княземъ Кіемъ въ 430 годъ по Р. Х.—

Здѣсь Мюллеръ указываетъ на „Нестора" опровергающаго ложныя извѣстія нѣкоторыхъ современныхъ ему писателей, утверждавшихъ что Кій, будучи не знатнаго происхожденія, питался перевозомъ на Днѣпрѣ, и то мѣсто называлось сперва „Кіевъ перевозъ", сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ городомъ. Неосновательность этого извѣстія, Несторъ доказываетъ тѣмъ, что Кій ходилъ войною подъ Царьградъ, что было бы для него невозможно, еслибы онъ небылъ княземъ. По словамъ того же лѣтописца, Кій, по заключеніи съ Греками мира, побѣдилъ Болгаровъ, живущихъ у рѣки Дуная, и избравъ въ тѣхъ странахъ по вкусу своему мѣсто, началъ построеніе города для своего мѣстопребыванія, но будучи тревожимъ частыми набѣгами сосѣдственныхъ народовъ, возвратился въ Кіевъ; о чемъ по свидѣтельству Нестора въ его времена, именно въ XII-мъ вѣкѣ по Р. Х., сохранились еще слѣды; и развалины помянутаго города построеннаго при Дунаѣ Кіемъ, назывались „Кіевцемъ". Мюллеръ прибавляетъ: „все сіе изрядно, только оное такъ истолковать надлежитъ, дабы тѣмъ у греческихъ писателей жившихъ прежде Нестора, не отнять достовѣрности".—Чтобы покончить съ біографіей Кія, авторъ диссертаціи приводитъ о немъ мнѣніе профессора Байера (VIII т. Комментар. стр. 434), гдѣ послѣдній считаетъ Кія за готскаго царя „Книву", о которомъ подробнѣе пишетъ Іернандъ; между тѣмъ, Мюллеръ говоритъ, что наши лѣтописцы отвергая готское происхожденіе Кія, признаютъ его единогласно княземъ; къ тому же и время, когда жилъ царь „Книва" отдѣляется отъ времени Кія, почти двумя вѣками, и потому вышеупомянутое мнѣніе основано только на нѣкоторомъ сходствѣ именъ, и остается бездоказательно. Кій жилъ во время греческаго императора Феодосія втораго, и неизвѣстно чтобъ при жизни его или послѣ, Славяне приступали къ Царьграду; но тогда Гунны, напавшіе на Дунайскія страны бились съ Греками, и при проходѣ ихъ мимо Кіева, Кій добровольно или по принужденію далъ имъ нѣкоторую часть своего войска, и самъ ходилъ съ ними противъ Грековъ; по мнѣнію же Мюллера, Кій находился въ войскѣ Гунновъ полководцемъ. Подобнымъ образомъ объясняетъ онъ сказаніе Нестора о Болгарахъ побѣжденныхъ Кіемъ, и о построеніи послѣднимъ города при Дунаѣ; потомъ походъ его противъ волжскихъ и камскихъ болгаръ, и о возвращеніи его послѣ побѣды надъ ними въ Кіевъ.— При этихъ объясненіяхъ нельзя не усмотрѣть старанія исторіографа согласить лѣтописца Нестора съ греческими историками, чтобы по вышеприведеннымъ словамъ его, „не отнять у послѣднихъ достовѣрности".

На 20 й страницѣ, Мюллеръ, покончивъ съ Славянами, переходитъ къ извѣстію о другомъ народѣ, отъ котораго, по словамъ его „Россія не токмо жительми населена, но и Царей, и имя свое получила". Онъ говоритъ, что помянутый народъ вначалѣ отличался отъ Славянъ языкомъ и образомъ жизни, но впослѣдствіи до того слился съ ними, что уже за много вѣковъ назадъ, оба народа нельзя было различить между собою. Въ періодъ владѣнія Россіею Славянами, отъ времени до времени приходили съ сѣвера Скандинавы, славные силою оружія на морѣ и на сухомъ пути, какъ и торговлей. Они выступивъ сперва на берега курляндскіе, лифляндскіе и эстляндскіе, покорили тамошнихъ жителей, и подступивъ къ новгородцамъ, взяли съ нихъ дань, и поставивъ имъ царей, отправились съ коммерческою цѣлью въ Кіевъ, и потомъ въ Грецію. Хотя ихъ впослѣдствіи изъ Россіи и выгнали, однако они были въ такомъ уваженіи, что новгородцы призвали ихъ назадъ торжественнымъ образомъ для принятія власти какъ надъ ними, такъ и надъ сосѣдственными народами; здѣсь Мюллеръ, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ имъ, что они безъ сомнѣнія признаютъ „своихъ Варяговъ", упоминаемыхъ во всѣхъ лѣтописяхъ и русской исторіи; и хотя этимъ именемъ, какъ извѣстно никакой народъ въ Скандинавіи не назывался, но можно съ достовѣрностью доказать, что Варяги выѣхали не изъ какой либо другой страны, но изъ Скандинавіи. Далѣе онъ пускается въ изслѣдованіе происхожденія имени Варяговъ; причемъ упоминая объ извѣстной о нихъ диссертаціи Байера (академич. коммент. т. 4. стр. 275 и слѣд.) полагаетъ, что можетъ обойтись безъ пространнѣйшаго объясненія объ этомъ предметѣ.

Онъ вмѣстѣ съ „Синопсисомъ" не причисляетъ Варяговъ къ Славянамъ, и утверждаетъ что подобное положеніе историковъ можетъ быть опровергнуто однимъ словомъ; указывая притомъ на Нестора и и другіе достовѣрные источники ничего не упоминающіе о родѣ Варяговъ, удивляется, откуда авторъ „Синопсиса", могъ почерпнуть о томъ извѣстіе, и основываясь на своихъ догадкахъ приписывать предкамъ языкъ, которымъ нынѣ говорятъ потомки; говоритъ что онъ бы лучше сдѣлалъ, еслибы принялъ въ соображеніе варяжскія имена князей и другихъ военачальниковъ упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ нашихъ и не имѣющихъ въ себѣ ничего славянскаго; да и кто можетъ доказать намъ переселеніе славянъ изъ сѣвера въ Россію?.. „Тогдашній россійскій языкъ", говоритъ Мюллеръ, „былъ варяжскій (что ниже будетъ доказано) и варяжскія имена, сколько бы ихъ въ лѣтописяхъ нашихъ ни находилось, признаетъ онъ почти всѣ за скандинавскія,

полагая что каждый согласится съ нимъ, сравнивъ ихъ между собою. Продолжая рѣчь свою о Скандинавахъ, авторъ диссертаціи производитъ ихъ отъ Готѳовъ, обитавшихъ прежде около Чернаго моря, и что они, прогнанные Римлянами, прошли черезъ Сармацію и Германію, и на крайнемъ сѣверѣ основали три королевства: датское, норвежское и шведское, состоявшія часто подъ державою одного владѣтеля. За тѣмъ онъ говоритъ, что помянутый народъ, храбрый и въ древнія времена отличавшійся воинскимъ духомъ, доводившимъ его до самыхъ отдаленныхъ странъ, возводилъ изъ рода своего на престолы королей Англіи и обѣихъ Сицилій; завладѣлъ не малою частью Франціи, и наконецъ побѣдоноснымъ оружіемъ „благополучно покорилъ себѣ Россію", или лучше сказать „Австрію, Острогардію, Гардарикію, Голмгардію, Хунигардію и Гунnландію; „этими именами", говоритъ Мюллеръ назывались тогда наши страны сосѣдственными народами, не знавшими въ то время имени „Россія".

Приводимыя ниже исторіографомъ извѣстія изъ шведскихъ, норвежскихъ и датскихъ хроникъ, указываютъ на то, что Скандинавы старались пріобрѣсти славу походами на Россію, причемъ онъ ссылается на „Саксона Грамматика" упоминающаго о сильномъ на морѣ „Россійскомъ царѣ Траннонѣ" побѣжденномъ датскимъ королемъ Фротономъ Первымъ „нѣкою воинскою хитростью"; впрочемъ нельзя сказать чтобъ всѣ означенныя извѣстія и ссылки Мюллера на сказанія историковъ пусть и достовѣрныя, были слишкомъ лестны для русскихъ и для древней ихъ исторической славы; на каждой почти страницѣ диссертаціи разказываются побѣды датчанъ и шведовъ надъ несчастными славянскими князьями называемыми авторомъ ея „россійскими царями", которыхъ первые разбивали на голову въ сраженіяхъ, опустошали ихъ владѣнія мечемъ, огнемъ и грабежемъ, и отнимали у нихъ сокровища. Точно также славянскимъ землямъ онъ даетъ названіе „Россіи" чтобы по словамъ его, „подать вѣрное понятіе о тѣхъ странахъ, о которыхъ говоритъ".

Замѣчателенъ разсказанный на 32-й страницѣ, и основанный на извѣстіяхъ иностранныхъ писателей, именно въ норвежской исторіи „Трофея", но несогласный съ нашими лѣтописцами раздѣлъ русскаго государства княземъ Владиміромъ Святославичемъ, между сыновьями своими; причемъ не упомянуто о столицѣ всего царства—Кіевѣ. Но Мюллеръ нашелъ средство исправить „мнимый" промахъ норвежскаго историка, и согласить противорѣчія его русскимъ лѣтописцамъ, объясняя ихъ тѣмъ, что подъ названіемъ „Кеногардія", слѣдуетъ разумѣть—Кіевъ; также гдѣ „Трофей" упоминаетъ о „Буриславѣ" по на-

шимъ лѣтописямъ, „Святополкѣ", то по мнѣнію автора диссертаціи, и это можно согласить, предположивъ что помянутый князь по примѣру другихъ русскихъ князей, носилъ два имя. Продолжая изслѣдованія свои о многочисленныхъ походахъ шведскихъ и датскихъ королей, Мюллеръ вначалѣ обращается, кромѣ шведскихъ и норвежскихъ историковъ, и къ скандинавскимъ сагамъ.

Онъ утверждаетъ (стр. 46), что лѣтописцы наши погрѣшаютъ, признавая Оскольда и Дира за двухъ различныхъ князей, съ обща владѣвшихъ Кіевомъ, сражавшихся вмѣстѣ противъ Грековъ, вмѣстѣ возвратившихся, одновременно скончавшихся, и бывшихъ въ такой тѣсной дружбѣ, что „казалось одна душа въ нихъ дѣйствовала". Но по его мнѣнію, существовалъ въ дѣйствительности только одинъ Оскольдъ, прозванный по сану своему „Діаръ", что на готѳскомъ языкѣ означало „судью или начальника"; причемъ Мюллеръ ссылается на 4-й томъ Коммент., гдѣ пишетъ объ этомъ Байеръ и говоритъ, что сочинители нашихъ лѣтописей, не разумѣя значенія слова „Діаръ", называли такъ князя, будто бы владѣвшаго Кіевомъ вмѣстѣ съ Оскольдомъ. За тѣмъ Мюллеръ указываетъ на Нестора и другихъ по немъ лѣтописцевъ, упоминающихъ о походѣ Оскольда противъ Царьграда, предпринятомъ до отправленія новгородцами посольства къ Варягамъ для призванія себѣ князя, и означенномъ подъ 859, 860 и 861 годами отъ Р. Х. Рюрикъ, какъ пишутъ, прибылъ съ братьями своими въ 862 году отъ Р. Х., изъ чего слѣдуетъ, что или Несторъ ошибся въ исчисленіи времени или Оскольдъ княжилъ до Рюрика; „изъ греческихъ лѣтописцевъ видно", прибавляетъ Мюллеръ, „что вышеприведенное исчисленіе достовѣрно".

Упоминая о неизвѣстномъ авторѣ, и Симонѣ Лагофетѣ, (стр. 50) полагающихъ—первый въ жизнеописаніи императора греческаго „Романа Лакапена", и второй во „фрагментѣ Бандурія", происхожденіе Россіянъ отъ „Франковъ", онъ замѣчаетъ: „не говоря уже о томъ, что греки почти всѣхъ европейскихъ народовъ, и особливо говорившихъ древнимъ франкскимъ, т. е. германскимъ языкомъ, называли вообще „Франками", и въ то время когда различіе языковъ одного корня было еще не такъ велико, Варяги можетъ быть немного отличались языкомъ своимъ отъ Франковъ; мнѣніе свое Мюллеръ подтверждаетъ тѣмъ, что Венгры называютъ русскихъ обыкновенно „Франціай непекъ" т. е. франкскимъ родомъ; литовцы же, лифляндцы и курляндцы: „Гудде"; изъ чего по словамъ его, ясно, что они или большая ихъ часть, по мнѣнію сосѣдственныхъ народовъ, произошла отъ готѳовъ.

Авторъ диссертаціи, опасаясь чтобы слушателямъ его не показалось, что онъ предпочитаетъ основывать положенія свои о происхожденіи русскаго народа на извѣстіяхъ однихъ только иностранныхъ писателей и народныхъ свидѣтельствахъ, приводитъ подлинныя слова изъ лѣтописи Нестора, гдѣ о Рюрикѣ и братьяхъ его сказано такъ: „отъ тѣхъ Варяговъ находниковъ прозвашася Русь, и оттолѣ словетъ Русская земля, еже суть новгородстіи люди и до нынѣшняго дня, прежде бо нарицахуся Словяне, а нынѣ Русь и отъ тѣхъ Варягъ прозвашась, сице бо Варяги прозвашася Русью". (стр. 52). Далѣе исторіографъ указываетъ на „Степенную Книгу", гдѣ въ житіи св. Великой Княгини Ольги, именно написано: „отъ Варягъ бо Русью прозвахомся". По мнѣнію его, нельзя требовать болѣе яснаго доказательства, что имя Россіянъ началось уже по прибытіи Варяговъ въ Россію, и отъ нихъ перешло къ прочимъ обитателямъ, т. е. славянамъ. Здѣсь, чтобъ объяснить какъ это произошло, и не находя въ Скандинавіи никакихъ слѣдовъ помянутаго имени, Мюллеръ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе, которое основываетъ на томъ что финны называютъ Шведовъ, неизвѣстно по какой причинѣ, и до настоящаго времени „Россами", на ихъ языкѣ „Россалейне"; русскихъ—Веннелейне, т. е. Венедами; нѣмцевъ—„Саксалейне", т. е. саксонцами, и самихъ себя.—„Суомалейне, т. е. людьми, въ болотныхъ мѣстахъ живущими. Новгородскіе славяне услыхавъ отъ финновъ имя „Россъ", называли такъ всѣхъ пришельцевъ изъ сѣверныхъ странъ; вслѣдствіе того и Варяги названы славянами „Россіяне". Находясь подъ владычествомъ Варяговъ, сами славяне приняли со временемъ названіе „Россіянъ" точно такъ, какъ Галлы стали называться Франками, и Британцы Англичанами. Никому также не покажется страннымъ, что славянскій языкъ преодолѣлъ варяжскій, такъ какъ славяне превосходили числомъ варяговъ; и въ послѣдующія времена, всѣ духовныя книги были написаны на славянскомъ языкѣ, на которомъ отправлялось и богослуженіе.

Извѣстіе новгородскаго лѣтописца, что будто бы Гостомыслъ былъ въ Новгородѣ княземъ, и сынъ его Словенъ, построилъ городъ близь того мѣста, гдѣ нынѣ Псковъ, и гдѣ онъ по трехлѣтнемъ княженіи скончался, оставя наслѣдникомъ сына своего Избора умершаго отъ укушенія змѣи; и что помянутый городъ сначала названъ „Словенскъ", а потомъ „Изборскъ". Всѣ эти сказанія, Мюллеръ считаетъ басней измышленной Новгородцами для своего прославленія. Онъ затѣмъ указываетъ на лѣтопись Нестора, какъ на древнѣйшую, повѣствующую о новгородскихъ князьяхъ славянскаго рода, въ кото-

рой о сказанномъ выше ничего не упомянуто, но напротивъ того находится извѣстіе, что новгородцы были безъ владѣтелей до тѣхъ поръ, пока не призвали назадъ Варяговъ для принятія княженія. Несторъ называетъ Гостомысла „старѣйшиною", каковые въ то время управляли и другими славянскими народами, что подтверждается свидѣтельствомъ императора Константина Багрянороднаго (О правленіи государствъ, стр. 87). По утвержденію Мюллера, построеніе Изборска, какъ по названію его видно, должно скорѣе приписать варягамъ чѣмъ славянамъ, потому что вслѣдствіе положенія его у рѣки Иссы, ему дано имя „Иссабургъ", а потомъ его не прямо начали называть Изборскомъ.—Не безъинтересна слѣдующая догадка исторіографа о имени Гостомысла, который по имѣющемуся о немъ извѣстію, побудилъ новгородцевъ къ отправленію посольства къ варягамъ для призванія себѣ князя. Мюллеру кажется сомнительнымъ его подлинное имя „Гостомыслъ"; „или", говоритъ онъ, „не прозванъ ли онъ такъ по склонности своей къ иностранцамъ? Можетъ статься въ первыхъ лѣтописяхъ писано было, что нѣкто „Гостомилъ", т. е. къ чужестраннымъ склонный, новгородцамъ оное присовѣтовалъ".

Въ заключеніе своей диссертаціи, авторъ ея говоритъ, что мнѣніе его объ отечествѣ варяговъ, нисколько не опровергается извѣстіемъ что князья варяжскіе пріѣхали „изъ нѣмецъ", разумѣя подъ этимъ именемъ нынѣшнихъ германцевъ, такъ какъ никому хоть немного свѣдущему въ русской исторіи не можетъ быть неизвѣстно, что всѣ западные народы, исключая славянскихъ, называемы были „нѣмцами". Далѣе онъ упоминаетъ о томъ, что лѣтописцы разумѣли можетъ быть Лифляндію, которая по завладѣніи ею германцами, названа была преимущественно въ Россіи „нѣмецкою землею"; достовѣрно то, что отправленнымъ къ варягамъ, новгородскимъ посламъ, нѐ-зачѣмъ было ѣхать за̀ море, такъ какъ всѣ берега Балтійскаго моря, Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи и особливо расположенный въ сосѣдствѣ городъ Альдейгабургъ [1], наполнены были Варягами.

Полагаемъ что нѣкоторыхъ извлеченій, главныхъ положеній и выводовъ представленныхъ нами изъ диссертаціи Мюллера достаточно будетъ для знакомства съ ея содержаніемъ и цѣлью труда ученаго историка XVIII столѣтія. Судьба этой въ настоящее время весьма рѣдкой книги, замѣчательна по обрушившимся на нее гоненіямъ и невзгодамъ; она была даже приговорена къ уничтоженію за то, что ав-

[1] Объ этомъ городѣ, Мюллеръ приводитъ извѣстія разныхъ писателей (стр. 36 и 37).

торъ ея осмѣлился доказывать происхожденіе первыхъ русскихъ князей отъ Норманновъ или Шведовъ, что въ то время найдено крайне оскорбительнымъ для государя. Да и самая оцѣнка диссертаціи сдѣлана почти всѣми судьями-академиками, товарищами Мюллера, не съ научной точки зрѣнія, но съ большимъ къ автору ея недоброжелательствомъ и придирками, указывавшими на многое въ историческихъ положеніяхъ автора, найденное этими рецензентами, предосудительнымъ и безславнымъ для Россіи. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя подробности по дѣлу о диссертаціи Мюллера изъ „Исторіи Академіи Наукъ, и нѣсколько словъ о документахъ къ нему относяшихся, сообщенныхъ въ „Матеріалахъ для Біографіи Ломоносова", академика Билярскаго.

„Въ мартѣ 1749 года, по предложенію Шумахера [1], президентъ Академіи Наукъ распорядился, чтобъ къ торжественному собранію Академіи, 6 сентября того же года, приготовили рѣчи Ломоносовъ и Мюллеръ. По академическимъ обычаямъ, Мюллеръ обязанъ былъ предварительно прочитать свою рѣчь озаглавленную „Происхожденіе народа и имени россійскаго", въ академическомъ засѣданіи; но онъ почему-то медлилъ этимъ, такъ что, менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до собранія (10 августа), Шумахеръ жаловался на то Теплову [2], и просилъ, чтобы рѣчь Мюллера была прежде печатанія разсмотрѣна академиками. Когда это было наконецъ исполнено, то въ засѣданіи встрѣтились возраженія противъ высказанныхъ Мюллеромъ положеній, отъ которыхъ авторъ отступиться не пожелалъ. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія графа Разумовскаго, а онъ приказалъ отложить торжественное собраніе Академіи до 26 ноября, послѣ чего Шумахеръ распорядился поручить расмотрѣніе рѣчи Мюллера тѣмъ изъ академиковъ, которые считали себя на столько свѣдущими въ избранномъ Мюллеромъ предметѣ, что могли высказать свои сомнѣнія и возраженія. Имъ именно вмѣнялось въ обязанность „рѣчь освидѣтельствовать, не отыщется ли въ оной чего для Россіи предосудительнаго?" [3]. Отзывы большей части академиковъ были неблагопріятны для Мюллера; и тогда Шумахеръ предложилъ, чтобъ назначенъ былъ другой академикъ для чтенія рѣчи въ собраніи 26 ноября. Это и было такъ сдѣлано, а между тѣмъ 15 сентября отосланы къ гр. Разумовскому отзывы академиковъ. Тепловъ

---

[1] Членъ и Совѣтникъ Акад. Н.—[2] Григорій Николаевичь, адъюнктъ и асессоръ Канцеляріи Академіи.—[3] Означенные академики, которые по приказу Шумахера данному 7 сентября разсматривали диссертацію Мюллера были: Фишеръ, Штрубе, Поповъ, Тредіаковскій, Крашенинниковъ и Ломоносовъ. (Билярскій стр. 756).

въ отвѣтѣ на это представленіе, принялъ сторону большинства и писалъ, что Мюллеръ „во всей рѣчи ни одного случая не показалъ къ славѣ россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ, а именно, какъ означенный народъ многократно разбивали въ сраженіяхъ, гдѣ грабежемъ, огнемъ и мечемъ опустошали и у царей ихъ сокровища грабили"... А напослѣдокъ удивленія достойно, съ какой неосторожностью употребилъ экспрессію, что скандинавы побѣдоносным своимъ оружіемъ, благополучно себѣ всю Россію покорили...." Почему велѣно было отобрать всѣ экземпляры этой рѣчи, даже рукописные и корректурные, и хранить ихъ въ архивѣ до указа [1]. Мюллеръ принесъ жалобу гр. Разумовскому, что объ его диссертаціи спрашивали мнѣніе только тѣхъ, которые ему не доброхотствуютъ, вслѣдствіе чего президентъ велѣлъ снова разсматривать рѣчь академика „въ генеральномъ собраніи, безъ всякаго пристрастія".

Это новое разсмотрѣніе злосчастной рѣчи продолжалось съ 28 октября 1749 по 8 марта 1750 года. Нельзя не замѣтить во многихъ возраженіяхъ противъ Мюллера особеннаго къ нему нерасположенія, что можно объяснить отчасти его не совсѣмъ уживчивымъ нравомъ и язвительностью, доходившею въ спорахъ до грубости...... Академическая Канцелярія, принявъ въ основаніе отзывы Ломоносова, Крашенинникова и Попова, постановила рѣчь Мюллера уничтожить, „такъ какъ она предосудительна Россіи [2]. Изъ числа помянутыхъ отзывовъ „репортъ" Тредіаковскаго написанный отъ 13 сентября 1749 г, при осужденіи диссертаціи, почти не принятъ въ соображеніе; онъ отличается отъ поданныхъ прочими академиками, уклончивостію и возможнымъ безпристрастіемъ, такъ какъ онъ признавая рѣчь Мюллера по положеніямъ и мнѣніямъ его „вѣроятною", говоритъ что можно согласиться со мнѣніями „Синопсиса", „Нубійскаго географа", и профессора Байера, точно также, какъ съ положеніями и догадками автора диссертаціи, подтверждающаго ихъ „вѣроятными", но не достовѣрными доказательствами, и что каждое изъ предложенныхъ мнѣній какъ Мюллера, такъ и другихъ писателей будетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ, но не будетъ математически достовѣрнымъ; вслѣдствіе чего, онъ не можетъ осудить диссертаціи, не находя въ ней ничего безусловно

---

[1] 24 января 1751 года, предписано было совѣтнику Акад. Тауберту хранить при библіотекѣ экземпляры рѣчи Мюллера: 6 рукописныхъ, русскихъ 488, и латинскихъ 491. Истор. Акад. Н. т. 1. стр. 361. прим. 1.—[2] Тамъ же стр. 360—361.

предосудительнаго для чести Россіи. Одно только казалось Тредіаковскому щекотливо, предосудительно, и оскорбляло его національное чувство, это то, что по словамъ его въ Россіи, о Россіи, по Россійски, предъ Россіянами, говорить будетъ чужестранный, и научитъ ихъ такъ, какъ будто они ничего того по нынѣ не знали"...[1] Далеко не однородное содержаніе съ отзывомъ Тредіаковскаго, представляетъ собою „репортъ" Ломоносова, написанный имъ 16 сентября 1749 года, въ 12-ти пунктахъ, изъ которыхъ въ каждомъ, отвергаются всѣ положенія диссертаціи, какъ доказывающія по мнѣнію профессора, пренебреженіе къ русскимъ лѣтописямъ, которыя Мюллеръ недостаточно изучалъ; за тѣмъ, исторіографъ уличается судьею своимъ въ „безчестномъ для историка плохомъ знаніи латинскаго языка; вообще Ломоносовъ осуждаетъ диссертацію, и признаетъ что она „весьма недостойна, а россійскимъ слушателямъ и смѣшна и досадительна, и по его мнѣнію, отнюдь не можетъ быть такъ исправлена, чтобъ она когда къ публичному дѣйствію годилась.—Еще рѣшительнѣе осудили диссертацію Мюллера, академики Поповъ и Крашенинниковъ. Даже Модерахъ и Лебедевъ, переводившіе ее съ латинскаго, письменно заявили въ Канцелярію, что они не отвѣчаютъ за неисправность слога, потому что авторъ переправлялъ ихъ слогъ по своему[2].

Въ экстренныхъ засѣданіяхъ открытыхъ по приказу Шумахера, для окончательнаго изслѣдованія въ теченіе недѣли диссертаціи Мюллера, возраженія подавались писанныя, и изложенныя по русски, переводились на латинскій языкъ; на томъ же языкѣ отвѣчалъ и Мюллеръ. Объ извлеченіяхъ изъ мнѣній поданныхъ Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ, сообщенныхъ г. Билярскимъ, нельзя сказать чтобы они различествовали съ представленными отъ нихъ „репортами". Во мнѣніи о диссертаціи Тредіаковскаго, однако усматривается, что онъ пошелъ на нѣкоторыя уступки общему о ней отзыву академиковъ. Такъ, на примѣръ, онъ между прочимъ говоритъ, что „если онъ и заключилъ что диссертація „вѣроятна" и можетъ быть напечатана, то не въ томъ видѣ какъ написана она нынѣ, ибо въ ней найдется что перемѣнить, исправить, умягчить и выцвѣтить". Тутъ пускается онъ въ разсужденія о томъ, что „правда должна быть предлагаема нѣкото-

---

[1] Билярскій, матеріалы для біографіи Ломонос. стр. 756—758.—[2] Тамъ же стр. 758—763. Диссертація Мюллера напечатана на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Origines gentis et nominis Russorum"; списокъ съ этого произведенія Мюллера посланъ Шлецеромъ въ Гёттингенъ, Геттереру, помѣстившему его въ пятой части „Allgemeine historische Bibliothek." Истор. Акад. Н. т. 1. стр. 465.

рымъ пріятнѣйшимъ образомъ, и что нагая истина ненависть рождаетъ, а что гибкая и удобообращающаяся поступка, пріобрѣтаетъ множество друговъ и благодѣтелей"...... [1]

Въ заключеніе нашего обозрѣнія рѣчи Мюллера, приводимъ слѣдующія слова Пекарскаго, о мнѣніяхъ поданныхъ о ней академиками: „Мнѣніе Тредіаковскаго о Мюллеровой диссертаціи не сходилось съ тѣмъ, которое было высказано остальными академиками изъ русскихъ: Ломоносовымъ, Крашенинниковымъ и Поповымъ. Послѣдніе осуждали выводы Мюллера не съ научной точки зрѣнія, но во имя патріотизма и національности—руководителяхъ не всегда надежныхъ какъ извѣстно, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ исторической истинѣ. Что побудило Тредіаковскаго держаться па почвѣ научнаго рѣшенія вопроса, теперь сказать трудно. Конечно можно предполагать что онъ это сдѣлалъ изъ недружбы къ Ломоносову, который особенно нападалъ на Мюллера за умышленное будто-бы униженіе имъ славы Россіи и т. п., въ такихъ событіяхъ, которыя происходили почти за девять столѣтій"......—Какъ бы то ни было, однако теперь не подлежитъ сомнѣнію, что Тредіаковскій въ дѣлѣ о Мюллеровой диссертаціи, какъ ученый, былъ болѣе правъ, чѣмъ названные выше товарищи его [2].

№ 60. Deutliche Anweisung und gründliche Vorstellung von der **Anatomie der Mahler**, mitgetheilet von Iohann Daniel Preiszlern, der Nürnbergischen Kunst-Mahler-Academie Director.—Ясное Показаніе и Основательное Представленіе о **Анатоміи живописцовъ**, сообщено отъ Іогана Данила Прейслера Нирнбергской живописнаго художества Академіи Директора.—Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1749 года 1°. 15 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа) и XV листовъ съ фигурами.

Сопик. ч. 4. № 8483—Чертк. Рссобщ. Библіотек. Россіи 1838. Приб. къ стат. VIII. стр. 464. № 59.—Русскія Книжн. Рѣдк. Дополн. стр. 132. № 230.

Текстъ въ двухъ столбцахъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ; въ предисловіи, помѣченномъ: „Нирнбергъ 27 марта, 1732 года, Іоганъ Даніель Прейслеръ", разсуждается о пользѣ для художника, состоящей въ анатомическомъ познаніи костей и мышцъ человѣческаго тѣла, и

---

[1] Билярск. Дополненіе стр. 769.—[2] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 144—145; также помѣщено вполнѣ, въ концѣ жизнеописанія Тредіаковскаго, Прилож. IV. стр. 239—247. Мнѣніе его о диссертаціи, и таковое же Ломоносова въ прилож. IV, къ его жизнеописанію, стр. 897—907.

доказывается необходимость его для основательнаго изученія рисовальнаго искусства. Тѣмъ которые не удостовѣряются въ томъ доказательствами издателя книги, онъ предлагаетъ разсмотрѣть художественныя произведенія древности—статуи, барельефы и монеты, служащіе намъ какъ во всѣхъ наукахъ, такъ и искусствахъ вѣчнымъ примѣромъ для подражанія; или мастерскіе образцы заявившихъ себя и въ новѣйшія времена счастливыми послѣдователями древнихъ художниковъ; причемъ упоминаетъ имена Рафаеля, Микеля Анджело и Караччи, составляющихъ украшеніе Италіи, и которые славою своихъ произведеній обязаны подражанію въ совершенствѣ природѣ, основанному на предлагаемомъ издателемъ знаніи анатоміи.—„Сіе было", говоритъ далѣе Прейслеръ „основаніемъ принятаго уже мною въ 1706 году намѣренія, въ которое время я вознамѣрился славнаго Карла Чезіо Италіанца изданное, но у насъ мало знаемое, такъ называемое „ясное и основательное показаніе о Анатоміи живописцовъ, и въ нашихъ земляхъ въ печать произвесть. Оное намѣреніе въ томъ же году исполнилось, ибо при помочи господина Іеронима Белмана, самыя таблицы точно, и весьма чисто на мѣди вырѣзаны, и сообщены приложенныя при томъ на полѣ краткія имъ изъясненія на нѣмецкомъ языкѣ. Но понеже къ тогдашнему изданію многіе охотники сыскались, да и понынѣ объ ономъ еще спрашивали; то я тѣмъ меньше медлить похотѣлъ симъ вторымъ изданіемъ, чтобъ охоту тѣхъ, которые съ основаніемъ рисовальному художеству учиться желаютъ, удоволъствовать, чемъ больше я запотребно усмотрѣлъ, чтобъ сіе познаніе въ любящихъ рисовальное художество, распространилось. Тѣ, которые по изданному недавно отъ меня руководству къ рисовальному художеству, первыя основанія въ томъ положили, сіи таблицы вмѣсто потребнаго прибавленія или дальнѣйшаго продолженія ихъ употреблять могутъ"....

Упоминаемое въ настоящемъ предисловіи, напечатанное также съ русскимъ переводомъ изданіе, подъ заглавіемъ: „Основательныя правила или Краткое Руководство къ Рисовальному Художеству", и котораго „Ясное Показаніе" можетъ служить продолженіемъ, переведено также въ Академіи Наукъ гдѣ и напечатано въ 1734 году; о немъ описаніе подъ № 22. Въ „Ясномъ Показаніи о Анатоміи живописцовъ", на XV таблицахъ изображены остовы и кости человѣческіе (таб. I—II) и мышцы (таб. III—X) съ подробнымъ объяснительнымъ текстомъ.

№ 61. Описаніе и Изъясненіе **Фейерверка** и **Иллуминаціи**. при благополучномъ и всерадостномъ прибытіи въ Москву **Ея Вели-**

чества Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія и Непобѣдимыя Государыни **Императрицы Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая. **Въ Новой 1749 годъ**, Предъ Императорскимъ лѣтнимъ дворцомъ представленныхъ.—Beschreibung und Erklärung des **Feuerwercks und der Illumination** welche in Moskau nach glücklicher und höchsterfreulicher Ankunft **Ihro Majestät** der allerdurchlauchtigsten, grosz mächtigsten und unüberwindlichsten **Kayserin Elisabeth Petrowna**, Selbstherrscherin aller Reuszen etc. etc. etc. **am Neu-Iahrs-Abend 1749**, auf dem Kayserl. Schlosz-Platz aufgeführet worden.—Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1°. 4 ненум. стр. (не считая заглавн. листъ), и одинъ складной листъ съ изображ. фейерверка.

Сопик. ч. 4. № 7766 (показано напечатаннымъ въ Москвѣ).—Смирд. Прибавл. 2-е. Спб. 1832. № 11047.

Текстъ напечатанъ двумя столбцами, на правой сторонѣ нѣмецкій, на лѣвой русскій; на первой страницѣ предварительно объясняется, что „со времени вступленія императрицы на престолъ, вѣрная Россійская Имперія не токмо желанное благополучіе въ пространныхъ своихъ предѣлахъ, но и славу свою и честь во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, годъ отъ году въ приращеніи очевидно и всерадостно могла видѣть? Далѣе составитель „Описанія“ говоритъ, что для изъявленія о томъ радости, равно какъ и о приращеніи благополучія всевысочайшей Основательницы и Покровительницы всеобщаго благосостоянія, счастливые подданные, состоящіе подъ скипетромъ благополучной Монархини, привыкли каждый случай ревностно наблюдать. „И понеже“, сказано въ заключеніе, „какъ по всерадостномъ прибытіи Ея Императорскаго Величества, въ старинной Свой, столичной городъ Москву, такъ и при благополучнѣйшемъ наступленіи новаго года два случая соединились, то подданные при изъявленіи радости и ревности намѣрены всенародно оказать чрезъ двоякой увеселительной огонь и горящую ревность и усердныя желанія. Первый состоитъ въ фейерверкѣ соединенномъ изъ трехъ сложныхъ плановъ, и всѣхъ прочихъ родовъ увеселительныхъ огней“. На оборотѣ страницы слѣдуетъ описаніе фейерверка съ объясненіемъ его аллегорическихъ картинъ, и латинскою съ русскимъ переводомъ надписью, помѣщенною на тріумфальныхъ воротахъ „средняго плана“ фейерверка, и состоящею въ слѣдующихъ словахъ: „По нашему желанію—Ея предводительствомъ нераздѣльно пребываютъ“. За тѣмъ поясняется что: „Знаменованіе представленія на всѣхъ трехъ соединенныхъ планахъ коротко содержится

въ слѣдующихъ къ Ея Императорскому Величеству склоняющихся стихахъ:

«Такъ нынѣ Новый годъ къ намъ щастіе приводитъ,
Твоею славою таланъ нашъ верьхъ восходитъ».

Увеселительный огонь по словамъ описанія „состоитъ на театрѣ вышиною въ 17, а длиною въ 60 саженъ, въ великолѣпной иллуминаціи". На послѣдней страницѣ находится объясненіе аллегорической картины представляющейся въ иллуминаціи; въ концѣ объясненіе: Знаменованіе сего представленія, содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Взираетъ вѣрность на Тебя
Во храмѣ полнаго блаженства.
Пространная Твоя земля
Тогожъ достигнетъ совершенства.

На гравюрѣ приложенной къ книгѣ внизу, изображеніе тріумфальныхъ воротъ описанныхъ въ фейерверкѣ, и вверху храма, стоящаго въ центрѣ иллюминаціи. Подпись на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Изображеніе фейэрверка и Иллуминаціи которыя въ новый 1749 годъ предъ лѣтнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ въ Москвѣ представлены были".—Abrisz des Feuerwercks und der Illumination welche an dem neuen Jahrs-Tage 1749 vor Jhro Kayserl. Mayestät somer-Pallast in Moskau vorgestellet worden [1].

---

[1] Настоящее „Описаніе" сочинено профессоромъ Я. Штелинымъ; русскій переводъ принадлежитъ вѣроятно Ломоносову, который пересталъ только въ 1755 году, заниматься переводомъ штелиновскихъ нѣмецкихъ виршей. Еще въ 1748 году, въ письмѣ своемъ 22 апрѣля къ Теплову, Ломоносовъ, относительно Штелина, выразилъ досаду на обычай заставлявшій его переводить „нѣмецкія вирши, въ которыхъ нѣтъ ни складу ни ладу". Съ 1752 года академическая канцелярія поручила Штелину и Ломоносову писать порознь проэкты иллюминацій и стихи къ нимъ, что и продолжалось до конца 1755 года, когда обиженный предпочтеніемъ отданнымъ проэктамъ иллюминаціи и фейерверка на 1755 годъ Штелина, Ломоносовъ въ рапортѣ 24 марта 1755 года, поданномъ въ академическую Канцелярію писалъ: „Его высокобрагородіе г. надворный совѣтникъ Стелинъ неоднократно жаловался, что я у него его должность отнимаю, дѣлая проэкты къ иллюминаціямъ и фейерверкамъ; а я то чинилъ по ордерамъ Канцеляріи Академіи Наукъ. А чтобъ помянутый г. надворный совѣтникъ Стелинъ не имѣлъ причины впредь на меня жаловаться, то Канцелярію Академію Наукъ прошу, чтобъ меня впредь отъ того уволила, что я сверхъ моей профессіи и безъ того много дѣла имѣю".—Съ тѣхъ поръ проэкты иллюминацій и фейерверковъ, сочинялъ одинъ Штелинъ, а нѣмецкіе стихи его перелагали академическіе студенты, сначала Поповскій, а потомъ Адріанъ Дубровскій". Истор. Акад. Н. т. 1. стр. 547—548.

1750.

№ 62. Квинта Курція Исторія о **Александрѣ** Великомъ **Царѣ Македонскомъ** съ дополнѣніемъ Фрейнсгейма и съ примѣчаніями переведена съ Латинскаго языка вторично, Степаномъ Крашенинниковымъ Академіи Наукъ Профессоромъ. 2 Тома. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1750 года 8°. Въ первомъ томѣ 30 (счетъ съ заглавн. листа) и 602 нум. стр. Фронтиспись и три ландкарты. Во второмъ 11 и 540 нум. стр.; 1 неум. стр. (погрѣшности въ первомъ томѣ).

Сопик. ч. 3. № 4801.—Смирд. ч. II. № 3266.— Опытъ Словар. Новикова стр. 96.— Словарь Митр. Евгенія изд. 1845. т. 1. стр. 316.— Бант.-Каменск. Словарь достопамятн. людей 1836. ч. 3. стр. 110.—Геннади. Справочный Словарь о русск. писат. т. 2. стр. 178.

Русскій переводчикъ Курція говоритъ въ предисловіи своемъ, что читавшіе этого писателя только на русскомъ языкѣ, удостовѣрятся, что первый переведенъ вновь, и что первыя двѣ книги не имѣютъ никакого сходства съ таковыми же московскаго изданія, такъ что настоящій трудъ можетъ почесться не излишнимъ, если объяснить причины по которымъ онъ былъ предпринятъ. Однако же несходство между переводами первыхъ двухъ книгъ можетъ подать мысль къ вопросу—почему усматривается разница въ началѣ произведенія одного и того же писателя? и вслѣдствіе того возбудить сомнѣніе въ вѣрности того или другаго перевода; но по прочтеніи предлагаемаго здѣсь краткаго предувѣдомленія, несходство помянутыхъ двухъ книгъ объяснится, и вторичный переводъ въ которомъ сообщается о Курціѣ и его твореніи, такъ равно и о несостоятельности прежняго перевода, покажется не безполезнымъ.

Авторъ предисловія, признавая важное значеніе творенія Квинта Курція, говоритъ о великихъ похвалахъ съ которыми относятся къ нему писатели ближайшихъ къ намъ вѣковъ, но выражаетъ сожалѣніе о томъ что твореніе его не было извѣстно до десятаго вѣка по Р. Х.; между тѣмъ, первыя двѣ книги его безслѣдно утратились, пятая, шестая и десятая мѣстами попортились, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ ученыхъ желая вознаградить помянутую утрату, составили вновь двѣ первыя книги, и прочія въ надлежащихъ мѣстахъ пополнили. Извѣстнѣйшими изъ нихъ почитаются: Христофоръ Брунонъ, Іоаннъ Фрейнсгеймъ и Христофоръ Целлярій, о достоинствѣ дополненій котораго упоминаетъ съ похвалою Христіанъ Юнкеръ, въ разсужденіи своемъ о жизни

Курція [1]. Целларій справедливо порицаетъ дополненія Брунона за чрезмѣрную ихъ краткость и сухость; что же касается до Фрейнсгейма, то по обстоятельному описанію достопамятныхъ событій и возвышенному слогу, дополненія его всѣми единодушно похваляются, и потому, еще въ XVII вѣкѣ начали издавать Курція, большею частью съ его дополненіями, оставя таковыя же Брунона, съ которыми творенія древняго писателя появлялись почти съ половины XVI столѣтія. Изъ переводовъ, авторъ предисловія отдаетъ преимущество французскому, Вожела́ (Vaugelas) [2], надъ которымъ послѣдній трудился 30 лѣтъ, и который цѣнился такъ высоко, что нѣкоторые затруднялись рѣшить—латинскій ли подлинникъ превосходитъ французскій переводъ красотою слога, или на оборотъ?—За тѣмъ Крашенинниковъ, обращаясь къ первому русскому переводу Курція, отзывается о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „Прежній россійскій переводъ столь недостаточенъ, что и въ слогѣ, и въ изъясненіи авторовыхъ мыслей, подверженъ превеликимъ порокамъ. Въ слогѣ, что состоитъ изъ славенскихъ, россійскихъ, малороссійскихъ и чужестранныхъ рѣчей безъ нужды употребленныхъ; впротчемъ, что во многихъ и не трудныхъ мѣстахъ, со всѣмъ противенъ автору; а въ такихъ мѣстахъ, которыя потрудняе, особливо же гдѣ бо́льшая красота и важность авторова сочиненія, рѣдкой періодъ имѣетъ точное свое знаменованіе. Однимъ словомъ, сей переводъ только къ тому полезенъ, что по немъ рассуждать можно, въ какомъ состояніи наука въ Россіи была около времени своего начала. По причинѣ несовершенства этого перевода, Курцій переведенъ вторично съ дополненіями Фрейнсгейма, переведенными и на другіе языки по своему превосходству."—По словамъ русскаго переводчика, въ настоящемъ трудѣ, мысли автора выражены точнѣе чѣмъ въ первомъ переводѣ, хотя и не совершенно передана красота его слога; онъ говоритъ также, что настоящее изданіе можетъ удовлетворить любознательныхъ читателей, такъ какъ къ тексту писателя пріобщены пространныя историческія, географическія и критическія примѣчанія, способствующія къ лучшему уразумѣнію повѣствованія; причемъ приложены также ландкарты изъ древней географіи съ изображеніями, на первой: Греціи и Македоніи; на второй Малой Азіи,

[1] Христіанъ Юнкеръ, директоръ гимназіи въ Алтенбургѣ, отецъ академика и стихотворца Готлиба Фридриха Юнкера. Истор. Акад. II. т. 1. стр. 480.—
[2] De la vie et actions d'Alexandre-le-Grand, de la traduct. de Vaugelas, avec les supplem. trad. par de Royer. Paris 1659. in 4°. Brunet. Manuel du Libr. 1820. t. I. p. 483.

и на третьей Персіи и Индіи, чтобы дать возможность читателю видѣть точное положеніе мѣстъ упоминаемыхъ въ сочиненіи своемъ Курціемъ; въ началѣ помѣщено родословіе Александра Великаго и краткое содержаніе пяти книгъ перваго тома съ означеніемъ годовъ: 1) до Р. Х. 2) отъ начала Рима. 3) отъ лѣтъ считаемыхъ по олимпіадамъ и 4) отъ рожденія Александра; изъ чего видно, на которомъ году отъ рожденія совершилъ онъ то, или другое дѣло, и за сколько лѣтъ до Р. Х.—За предисловіемъ слѣдуетъ „Родословіе Александра Великаго изъ „Рейнекція" и „Краткая лѣтопись Курція", заключающая въ себѣ вышепомянутое содержаніе первыхъ пяти томовъ.

На фронтисписѣ приложенномъ къ первому тому, представленъ пьедесталъ въ видѣ жертвенника, украшенный фигурами, и съ стоящимъ на немъ медальономъ, на которомъ изображено обращенное на лѣвую сторону лице Александра Македонскаго въ видѣ Юпитера Аммона, съ надписью вокругъ: „Александръ Македонскій". На стѣнѣ составляющей фонъ гравюры, по обѣимъ сторонамъ пьедестала и надъ нимъ, въ видѣ раздѣленныхъ между собою картинокъ, изображены событія относящіяся къ исторіи македонскаго царя.—Надписи на трехъ ландкартахъ въ первомъ томѣ украшены слѣдующими четырьмя виньетами: „1. Греціи древней и острововъ положеніе: гора Парнассъ съ сидящимъ Аполлономъ, опирающимся на лиру и окруженномъ музами, и колѣнопреклоненнымъ передъ нимъ человѣкомъ со свиткомъ въ рукахъ; позади бога, геній играющій на музыкальномъ инструментѣ (віолончель?) и у подошвы горы, поэтъ на колѣняхъ, утоляющій жажду водами Пермесскаго тока истекающими съ высоты Парнасса изъ подъ ногъ поднявшагося для полета Пегаса.—2. Азія Меншая. Два воина нападающіе на азіятца въ виду осажденнаго и пылающаго города.— 3. Востокъ. Персія, Индія и проч.; надпись на лентѣ развѣвающейся надъ восходящимъ солнцемъ, и летящая денница въ видѣ божества съ утреннею звѣздою надъ головою и свѣтильникомъ въ рукѣ; на правой сторонѣ карты, вверху виньета съ изображеніемъ Юдиѳи умерщвляющей Олоферна. Второй томъ состоитъ изъ продолженія „Краткой Курціевой лѣтописи и содержанія остальныхъ пяти книгъ „исторіи", начинающейся съ шестой книги означеннаго тома.

Первый русскій переводъ Курція, о которомъ упоминаетъ Крашенинниковъ въ предисловіи своемъ, напечатанъ при Петрѣ Великомъ съ слѣдующимъ заглавіемъ: Кніга квінта Курціа о дѣлахъ содѣянныхъ Александра велікого царя македонскаго. Преведена повелѣніемъ царскаго велічества съ латінского языка на россіїскії лѣта 1709 го. I напечатася въ Москвѣ того же лѣта въ октоврії мѣсяцѣ 4°. 476 стр.

Съ 1 до 25 стр: приложенія къ квинту Курцію о дѣлахъ содѣянныхъ Александра Великаго (на 7-ми ненум. стр.) [1]—Это изданіе было перепечатано потомъ въ годахъ: 1711, также въ Москвѣ съ слѣдующимъ добавленіемъ противъ перваго изданія: „повѣсть краткая о Александрѣ Великомъ отъ церковнаго историка Кедрина"; за тѣмъ 1717 г., и въ С. Петербургѣ 1724 года.—Старѣйшее изъ латинскихъ изданій появилось около 1470 года подъ заглавіемъ: Quintus Curtius Ruffus de rebus gestis Alexandri magni libri; въ б. 4°; напечатано въ Римѣ круглыми литерами (ronde). Другое изданіе вышло въ 1470 или 1471 году [2].

Пекарскій говоритъ, что по свидѣтельству Вебера, мекленбургскаго посла въ Россіи при Петрѣ, русскій переводъ Курція сдѣланъ былъ подъ надзоромъ пастора Глюка; но доказательствъ ни опроверженій этому извѣстію нѣтъ. Остались только свѣдѣнія, что Петръ въ октябрѣ 1708 г., приказывалъ чрезъ Мусина-Пушкина Поликарпову, исторію Курціеву объ Александрѣ Македонскомъ исправя напечатать Рукописный и по всѣмъ признакамъ подлинный экземпляръ переводчика хранится въ Имп. Эрмитажѣ, въ галлереѣ Петра В.; но въ немъ нѣтъ никакихъ указаній о переводившемъ книгу; „если не ошибаюсь" прибавляетъ Пекарскій, „то рукопись написана Ильею Копіевскимъ". Въ спискѣ книгъ приготовленныхъ Копіевскимъ къ изданію, значилась также и исторія Квинта Курція.

Переводъ Крашенинникова перепечатанъ въ слѣдующихъ годахъ: вторымъ изданіемъ; 1767—1768; третьимъ: 1775, четвертымъ 1782 и пятымъ 1800 года [3].

До перваго печатнаго русскаго перевода произведенія Квинта Курція, въ старинной рукописной русской литературѣ, въ многочисленныхъ спискахъ, существовала различнаго состава и разныхъ редакцій сказочная „исторія о Александрѣ Македонскомъ" не имѣющая ничего общаго съ первымъ; помянутые списки указаны въ каталогахъ славяно-русскихъ рукописей, или встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ. Одинъ изъ старѣйшихъ списковъ имѣетъ заглавіе: „Повѣсть Арріана, раба бывшаго Епиктита философа, и хитро отъ него философіи навыкъ, сотвори же повѣсть сію о Александрѣ гречестѣмъ царѣ, сирѣчь Македонскомъ, во время Нерона, Кесаря Римскаго; рукопись полууставомъ XVI вѣка на 169 л. 4°.

---

[1] Пекарскій Наука и Литер. т. II. стр. 217. № 158. - [2] Brunet. 1820. t. I. p. 482.—[3] Всѣ означенныя изданія указаны въ 3-й части „Опыта" Сопикова подъ № 4802—4805, и у Геннади въ „Справочномъ Словарѣ". т. II. стр. 178.

Редакція совершенно отлична отъ другихъ извѣстныхъ редакцій „Александріи". (Славяно-русск. рукп-си В. Ундольскаго. Памятники древне-русск. литерат. 31). Въ томъ же каталогѣ упоминается о 10-ти спискахъ этой повѣсти по тексту псевдо-Калисѳена XVII вѣка съ разницею въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, состоящею въ сокращеніяхъ и видоизмѣненіяхъ въ текстѣ и составѣ, особливо въ началѣ и концѣ.— Въ описаніи рукописей графа Толстаго показаны два отдѣльныхъ списка: 1. „Жизнь Александра Македонскаго съ присоединеніемъ разныхъ отрывковъ изъ древней Исторіи, на Бѣлорусскомъ нарѣчіи; скоропись XVII в. на 83 стр. въ 1°. (Обстоятельное Описаніе Славено-Русск. рукп-сей гр. Ѳ. А. Толстова. 1825. Отд. I. стр. 60. № 110). 2. Сказаніе о житіи славнѣйшаго и премудраго, добродѣянаго и велеумнаго мужа Самодержца Александра, великого Царя, въ наказаніе храбрымъ нынѣшняго времени, и проч., скоропись XVII вѣка на 168 л. Прочіе списки всѣ XVII вѣка, кромѣ двухъ XVIII, вошли въ составъ сборниковъ, съ заглавіями болѣе или менѣе схожими. Событія изъ исторіи Александра Македонскаго изображались и на народныхъ картинкахъ, такъ напр.: „Славное побоище царя Александра Македонскаго съ царемъ Индійскимъ Поромъ, изъ Квинта Курція (Снегиревъ. Лубочн. картинки русск. народ. въ московскомъ мірѣ, стр. 70, № 2. Русск. народн. картинки Д. Ровинскаго. Ч. II. стр. 10. № 297). Изъ сказочной исторіи: Люди дивіи найденные царемъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ Кутухтовыхъ, заимствовано изъ Космы Индикоплова и Слова Меѳодія Патарскаго (Снегиревъ. стр. 70. № 3. Ровинскій т. II. стр. 12. № 298, и т. IV. стр. 366—374).

№ 63. Санктпетербургскій Календарь На Лѣто отъ Рождества Христова **1750** + которое есть **Простое** содержащее 365 дней сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. **Въ Санктпетербургѣ.** При Императорской Академіи Наукъ. м. 8° 126 ненум. стр. (считая съ заглавн. листа).

Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 551.— Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 95а.

Составъ настоящаго календаря во всемъ сходенъ съ таковымъ же предыдущаго года, съ тою разницею, что въ первомъ помѣщено: „родословное показаніе царствующихъ и владѣющихъ въ Европѣ высокихъ Государей и княжескихъ фамилій, сочиненное по алфавиту". Въ извѣстіи „О Затмѣніяхъ" объявлено о двухъ имѣющихъ быть въ настоящемъ году, полныхъ лунныхъ, изъ которыхъ первое произой-

детъ 8-го іюня, и второе 2-го декабря по старому стилю; причемъ въ текстѣ помѣщена таблица съ названіями городовъ, гдѣ помянутыя затмѣнія будутъ видимы. Послѣ „Росписи Господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ слѣдуетъ табель высокоторжественнымъ днямъ рожденія, тезоименитства, возшествія на престолъ и коронованія Ея Императорскаго Величества; рожденія и тезоименитства Его Императорскаго Высочества, государя Наслѣдника и супруги его. Викторіальные дни съ показаніемъ „въ которыхъ оные мѣсяцахъ и числахъ и съ какою церковною церемоніею въ священнослуженіяхъ отправлять надлежитъ; также когда въ Санктпетербургѣ бываютъ крестныя хожденія".—Подъ 25-мъ апрѣлемъ отмѣчено: „Коронованіе Ея Имп. Величества, всенощное бдѣніе св. апостолу и евангелисту Марку, и по литургіи благодарственный молебенъ по напечатанной 1742 г., ноября 13 дня, особливой книжицѣ, со звономъ во весь день;" подъ 9-мъ сентябремъ: тезоименитство Ея Имп. Величества, всенощное бдѣніе по напечатанной и изданной въ 1719 году, апрѣля 8 дня, свв. и праведнымъ Захаріи и Елисаветы службѣ, и по литургіи молебенъ со звономъ". Въ „Росписи бываемымъ повсягодно въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ поминовеніямъ и панихидамъ", обозначены дни въ которые совершается память Россійскихъ царей, царицъ, царевичей, царевенъ, императоровъ, императрицъ, Вв. князей, князей, княгинь и княженъ. Календарь оканчивается извѣстіемъ о приходѣ и отходѣ почтъ, и „краткимъ родословнымъ показаніемъ", о которомъ упомянуто выше.

1751.

№ 64. **Cancellariae Medicae Acta** cum oculista **Iosepho Hillmero,** impressa sumtubus **Directoris** Petropoli, typis Academiae Scientiarum **M. D. CC. LI.**—**Медицинской Канцеляріи Поступки** съ окулистомъ **Іосифомъ Гильмеромъ,** напечатано коштомъ **Директора.** Въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ. 1751 года. 4°. 174 нум., и 2 ненум. стр.

Чертк. Всеобщ. Библіогр. Россія 1838. стр. 295. № 5.—Геннади. Справочн Словарь. т. 2. стр. 88.

Книга напечатана въ два столбца, съ латинскимъ текстомъ на лѣвой и русскимъ на правой сторонѣ (стр. 1—63 и 143—157). Содержаніе ея состоитъ въ обличеніи самозванца-окулиста и шарлатана Іосифа Гильмера, называвшаго себя докторомъ и профессоромъ, и

явившагося въ Россію съ цѣлью посредствомъ обмана нажить деньги. Продѣлки этого бродяги надѣлали много хлопотъ и непріятностей директору медицинской канцеляріи, тайному совѣтнику Германну Бургаву [1], который наконецъ арестовалъ Гильмера и спровадилъ его за границу.—Помянутое обличеніе написанное Бургавомъ, съ подписью его „Hermannus Kaau Boerhaave", занимаетъ собою 63 страницы, изъ которыхъ видно, что Гильмеръ по прибытіи своемъ въ Петербургъ представился Бургаву какъ директору медицинской канцеляріи, съ прозьбою о дозволеніи ему по званію окулиста лѣчить глазныя болѣзни, какъ посредствомъ операцій, такъ и вѣрными внутренними медикаментами, которые бы могъ публично продавать. Бургавъ, любезно принявъ его, сообщилъ ему объ указѣ Петра Великаго подтвержденномъ императрицей Елисаветой, по силѣ котораго никому подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, не позволяется практиковать какъ медику, ни продавать лѣкарства не имѣя на то дозволенія Медицинской Канцеляріи; однако Гильмеръ уклонился отъ освидѣтельствованія, обѣщаясь не лѣчить ни какихъ болѣзней кромѣ глазныхъ, также не продавать ни наружныхъ, ни внутреннихъ медикаментовъ, хотя онъ въ разныхъ мѣстахъ выхвалялъ печатными рекламами тайныя свои лѣкарства, увѣряя въ сверхъестественной ихъ силѣ.—На третій день послѣ обѣщанія даннаго имъ Бургаву, онъ подалъ въ Медицинскую Канцелярію прошеніе о дозволеніи доказать свое искусство операціями глазъ, и ходатайствовалъ о правѣ продавать публично свои лѣкарства, которыхъ нѣсколько пробъ оставилъ въ канцеляріи. Она разрѣшила ему приступить къ глазнымъ операціямъ съ условіемъ, чтобъ онъ въ назначенный день послѣ производства таковыхъ, бѣднѣйшихъ изъ паціентовъ оставлялъ у себя до окончанія излѣченія, и на своемъ иждивеніи; по совершенномъ же ихъ исцѣленіи, представлялъ бы ихъ въ Медицинскую Канцелярію. Но онъ условія эти нарушилъ, и послѣ

[1] Каау-Бургаве или Бургавъ (Hermann Kaau Boerhaave), сынъ доктора Каау (Іакова) и дочери знаменитаго лейденскаго профессора Германа Бургаве, который передалъ ему свою фамилію и имущество. Изучивъ медицину въ Лейденѣ, получилъ въ 1727 г. степень доктора медицины за диссертацію „de argento vivo".—По рекомендаціи Фишера онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ, въ качествѣ лейбъ-медика, съ чиномъ статскаго совѣтника, и въ 1746 году, послѣ ареста Лестока, назначенъ директоромъ медицинской Канцеляріи. Онъ мало занимался своимъ вѣдомствомъ, и предоставилъ дѣла своимъ помощникамъ, заботясь только о своей придворной службѣ и выгодахъ. Умеръ 7 января 1758 г. въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ двора. (Геннади. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 88).

своихъ операцій обирая у кого только можно было деньги, отпускалъ больныхъ домой, не заботясь нисколько о печальныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ постигнуть изувѣченныхъ имъ жертвъ. Бургавъ по случаю отъѣзда съ дворомъ въ Царское Село, не имѣлъ возможности присутствовать лично при первыхъ операціяхъ Гильмера, и не зная когда возвратится въ Петербургъ, поручилъ извѣстнѣйшимъ врачамъ при нихъ находиться; и всѣ они пришли въ ужасъ, видя, какъ этотъ невѣжда, не имѣя никакого свѣдѣнія о строеніи глаза, отважно приступалъ, вооруженный иглою, къ совершенію операцій, противъ всѣхъ правилъ науки. Такимъ образомъ Гильмеръ не получивъ еще окончательнаго разрѣшенія медицинской канцеляріи на производство операцій, такъ какъ по первымъ, имъ совершеннымъ, она не имѣла возможности составить положительнаго опредѣленія о степени его искусства. „Онъ въ слѣдующіе дни", говорится въ обличеніи, „продолжалъ не токмо публично, надъ другими бѣдными людьми очныя операціи производить, но и при томъ подлыя и извѣстныя свои лѣкарства, выхваляя ихъ безстыднымъ образомъ, какъ великія тайности къ предосужденію Императорскихъ аптекъ и народному вреду, толь дорогою цѣною продавать, вынуждая безбожнымъ и не позволеннымъ образомъ деньги, какъ обманщикъ".

Бургавъ удивлялся „неслыханной дерзости человѣка, пріѣхавшаго въ Россію безъ всякаго приглашенія, неученаго, неискуснаго и незнающаго, дерзнувшаго опредѣленіями Медицинской Канцеляріи ругаться, оную обманывать и облыгать, привилегіи и преимущества оной нарушать, и отъ благоизобрѣтенія и суда оной уклоняться" (стр. 8).— Хотя по данной ей отъ императрицы власти, канцелярія и могла съ нимъ сладить, но директоръ ея предпочелъ „сперва отвѣдать, не возможно ли сего человѣка добрымъ образомъ къ послушанію привесть". Разсуждая такимъ образомъ, Бургавъ вздумалъ написать письмо на французскомъ языкѣ знаменитому медику Графу, физику и доктору медицинской канцеляріи, съ прозьбою призвать туда Гильмера, и прочесть ему помянутое письмо отъ слова до слова; если же онъ не вполнѣ понимаетъ по французски, то перевесть ему на нѣмецкій языкъ. По словамъ Бургава, онъ потому употребилъ французскій языкъ, что какъ онъ самъ, такъ и всѣ съ нимъ бывшіе, замѣтили не безъ удивленія, что Гильмеръ не только какъ докторъ медицины, но и какъ профессоръ (вѣроятно единственный на свѣтѣ), такъ мало зналъ латинскій языкъ, что онъ изъ предложенныхъ ему вопросовъ „на которые ребенокъ изъ нижняго класса подлой школы могъ бы отвѣчать, не понималъ ни одного слова, и тѣмъ далъ право заклю-

чить о свѣдѣніяхъ его въ медицинскихъ наукахъ".—За тѣмъ слѣдуетъ подробное объясненіе способа къ производству глазныхъ операцій и сообщенія о томъ, какъ приступалъ къ нимъ и совершалъ ихъ шарлатанъ Гильмеръ.

Далѣе упоминается о томъ, что въ медикаментахъ Гильмера, подъ именемъ „секретныхъ и апробованныхъ", которые онъ безмѣрною цѣной навязывалъ публикѣ, и изслѣдованныхъ медицинской канцеляріею „никакой тайности, или чего-либо не нашлось, ибо оные изъ самыхъ подлыхъ и извѣстныхъ вещей составлены, кои въ аптекѣ весьма легко здѣланы, и за дешевую цѣну продаваны быть могутъ". На стр. 51-й указано подробное исчисленіе сдѣланное Бургавомъ, тѣхъ веществъ, изъ которыхъ Гильмеръ составлялъ свои секретныя лѣкарства какъ для излѣченія глазъ, такъ и другихъ болѣзней. Въ концѣ своего „обличенія, Бургавъ упоминаетъ, не называя его, о какомъ то „главнѣйшемъ защитникѣ" Гильмера, котораго всегда почиталъ за честь называть своимъ пріятелемъ; „этотъ патронъ" Гильмера, по словамъ Бургава, „ради сего ни къ чему годнаго человѣка, доброе мое имя и честь Медицинской Канцеляріи отважнымъ образомъ оскорблялъ не только у приватныхъ людей, но и у высочайшихъ персонъ". (стр. 57).

Нужно замѣтить, что въ обличеніи своемъ Гильмера, Бургавъ старается доказать, что ни зависть, никакое либо другое низкое побужденіе не руководили имъ въ строгихъ мѣрахъ принятыхъ имъ наконецъ противъ обманщика-окулиста; напротивъ того, продолжительное къ нему снисхожденіе достаточно, по словамъ директора медицинской канцеляріи, показываетъ желаніе послѣдняго, образумить Гильмера кроткими относительно его дѣйствіями, и заставить его понять, что во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, низкія, недостойныя продѣлки, приносящія видимый вредъ, не могутъ оставаться безнаказанными; и что только одно лишь дерзкое ихъ продолженіе подвергло его заслуженному наказанію. Здѣсь приводится перечень различныхъ документовъ состоящихъ изъ возникшей по поводу преступныхъ дѣйствій Гильмера, переписки между разными лицами; противъ него свидѣтельствуютъ рапорты директору Медицинской Коллегіи, медиковъ изъ разныхъ городовъ, гдѣ подвизался на медицинскомъ поприщѣ Гильмеръ. Въ этихъ донесеніяхъ содержатся описанія операцій произведенныхъ имъ съ полнѣйшимъ незнаніемъ дѣла, но съ полнымъ умѣньемъ опустошать кошельк" легковѣрныхъ людей; такъ что трудно рѣшить, чему слѣдуетъ болѣе удивляться—невѣжеству ли въ наукѣ называвшаго себя докторомъ и профессоромъ, или той дерзости съ

которой принимался онъ за бѣдственное для его паціентовъ, врачеваніе глазъ и другихъ болѣзней жителей тѣхъ мѣстъ, которыя онъ къ несчастью ихъ посѣтилъ. Всѣ вышеозначенные документы обозначены литерами: А. письмо изъ Царскаго Села, сентября отъ 15 числа 1751 года, отъ т. с. Кааy Боергаве, къ физику и медику-консиліарію медицинской канцеляріи и г. доктору Графу (стр. 65—73). французскій текстъ на лѣвой, и русскій переводъ на правой сторонѣ. Содержаніе письма—положительное запрещеніе Гильмеру продавать публично свои лѣкарства не имѣющія той силы которую изобрѣтатель имъ приписываетъ; причемъ присоединенъ разборъ веществъ ихъ составляющихъ; равнымъ образомъ недозволеніе производить глазныя операціи до того времени пока по сдачѣ экзамена не получится разрѣшеніе медицинской канцеляріи.—G. Переводъ нѣмецкаго рапорта присланнаго въ медицинскую канцелярію отъ штатъ-физика, доктора Кейлинга изъ Нарвы отъ сентября 19 дня 1751 года (стр. 74--79), съ поименованіемъ 10-ти больныхъ, подвергшихся глазнымъ операціямъ Гильмера, изъ числа которыхъ, онъ за первую, произведенную имъ надъ супругою ландрата, баронессою Розенъ, получилъ отъ нея 100 червонныхъ; не смотря на такую щедрую плату, она по донесенію Кейлинга, послѣ жестокихъ мученій, видѣвши сколько нибудь до операціи, совсѣмъ ослѣпла.—Н. Переводъ французскаго письма къ т. с. Кааy Боергаве, отъ штатъ-физика, доктора Бурхарта изъ Ревеля, сентября отъ 25 числа 1751 года (стр. 80—81); содержитъ сообщеніе о неуспѣшныхъ операціяхъ Гильмера и безполезныхъ его медикаментахъ продаваемыхъ высокою цѣною.—К. Переводъ французскаго письма къ т. с. Кааy Боергаве отъ штатъ-физика и гарнизоннаго доктора Графа изъ Риги, ноября отъ 30 дня 1751 года (стр. 82—84) въ которыхъ онъ сообщаетъ объ операціяхъ произведенныхъ Гильмеромъ, и о продажѣ имъ своихъ медикаментовъ; съ приложеніемъ списка 14-ти больныхъ выдержавшихъ его операцію, и изъ которыхъ большая часть приведена въ худшее, сравнительно съ первымъ, положеніе.—Е. Переводъ посланнаго изъ медицинской канцеляріи къ окулисту Гильмеру на нѣмецкомъ діалектѣ указа, съ подтвержденіемъ отнюдь не производить операцій безъ позволенія медицинской канцеляріи; также медикаментовъ не продавать; за подписью Кааy Боергаве (стр, 84—85).—I. Переводъ съ нѣмецкаго рапорта присланнаго въ медицинскую канцелярію отъ штатъ-физика и гарнизоннаго доктора Висселя изъ Пернова, октября 28 дня, 1751 года (стр. 86—90), объ операціяхъ произведенныхъ Гильмеромъ надъ 9-ю больными, и о продажѣ медикаментовъ, какъ самимъ окулистомъ, такъ и повѣреннымъ его, пернов-

скимъ почтмейстеромъ Фризилемъ. О лѣченіи Гильмеромъ подполковника Ульриха жизненнымъ эликсиромъ, и другихъ больныхъ разными медикаментами.—1. Переводъ нотаріальнаго атестата (стр. 90—91) за подписью и приложеніемъ печати городскаго нотаріуса Андрея Гарріэнъ о лѣченіи матери его Анны Кристины Форшъ, которая послѣ операціи Гильмера надъ здоровымъ ея глазомъ вмѣсто больнаго, ослѣпла.—I. Переводъ нѣмецкаго репорта присланнаго въ медицинскую канцелярію отъ штатфизика и гарнизоннаго доктора Висселя изъ Пернова, декабря отъ 2 дня, 1751 года (стр. 91—92), о лѣченіи подполковника фонъ Ульриха Гильмеромъ, своимъ жизненнымъ эликсиромъ, и о смерти паціента.—F. Переводъ нѣмецкаго атестата о учиненномъ Его Протопресвитерству Протопопу Слонскому, чрезъ штатфизика, доктора Лерхе, Гофъ-Хирурга Залцера, главнаго лѣкаря Полмана, оператора фонъ Меллена и лѣкарей Шейна и Тимана въ разныхъ числахъ осмотрѣ (стр. 93—95).—L. Переводъ перваго нѣмецкаго атестата о учиненномъ господиномъ Гофхирургомъ Зальцеромъ осмотрѣ (стр. 95—96).—L. Переводъ вторичнаго нѣмецкаго атестата о учиненномъ чрезъ господъ Гофхирурговъ Зальцера и Фусадея осмотрѣ Катеринѣ Поликарповой (стр. 96—97).—M. Переводъ съ писаннаго на французскомъ діалектѣ репорта, по приказу Его Превосход. г. т. с. Каау Боергаве, въ Имп. Медиц. Канцелярію, отъ Гофхирурга Фусадея (стр. 97—98).—B. Подъ сею литерою, слѣдуютъ переводы всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ атестатовъ о учиненныхъ оперованнымъ въ Санктпетербургѣ отъ Гильмера надъ тускомъ или катарактою, чрезъ господъ медикуса-консиліарія, доктора Лерхе, лѣкарей Полмана, Родета и Линдвурма, да оператора фонъ Меллена и лѣкаря Тимана, въ разныя числа осмотрахъ (стр. 98—114); всѣхъ осмотровъ числомъ 25.—C. Подъ этой литерой слѣдуютъ переводы всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ и французскихъ атестатовъ о учиненныхъ оперованнымъ отъ Гильмера въ Санктпетербургѣ надъ глазами отъ разныхъ поврежденій, яко стафиломы, перлы, паннусъ и проч., чрезъ прежде имянованныхъ докторовъ и лѣкарей, также чрезъ Гофхирурга Баррея, въ разныя числа осмотровъ (стр. 114—125).—Переводы двухъ французскихъ репортовъ отъ гофхирурга Баррея.—Д. Слѣдуютъ тѣ больные, кои отъ болѣзни трихіазисъ, оперованы и лѣчены были“ (стр. 125—137), и за тѣмъ поименованіе больныхъ. Далѣе, подъ литерою N, приложены слѣдующіе документы касающіеся баронессы Розенъ и Гильмера: Прошеніе на Высочайшее имя флигель-адъютанта покойнаго фельдмаршала Лесси, барона Іогана Розенъ отъ имени матери его генералъ-маіорши и ландратши баронессы фонъ Розенъ, на оку-

листа Іозефа Гильмера. Въ прошеніи приносится жалоба на недобросовѣстность его, производившаго помянутой баронессѣ глазную операцію въ г. Нарвѣ, и что послѣ той операціи, паціентка невыносимо страдала; помощи же отъ оператора никакой болѣе не получала, будучи оставлена имъ безъ присмотра и пользованія. Она проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ, о взысканіи съ него ста червонныхъ, заплоченныхъ ему паціенткою за его не только безполезное, но и зловредное лѣченіе.— Переводъ съ присланнаго отъ госпожи Баронши фонъ Розеновой къ находящемуся въ С. Петербургѣ сыну ея, г. капитану Іогану Генриху, барону фонъ Розену, повѣреннаго письма на взысканіе съ Гильмера заплоченныхъ за операцію ста червонныхъ, за подписью свидѣтелей (стр. 138—140).—О. О послѣдствіяхъ операціи сдѣланной Гильмеромъ надъ глазами ландрата фонъ Гильденштубе, изображенныхъ въ двухъ письмахъ и экстрактѣ изъ третьяго: 1. Переводъ съ нѣмецкаго письма отъ почтмейстера изъ Аренсбурга, г. Букова, ноября отъ 8-го, въ Ревель къ почтмейстеру г. Гофману, содержащее сообщеніе о ландратѣ фонъ Гильденштубе, не могущемъ хорошо видѣть безъ тусковыхъ очковъ, и заплатившемъ Гильмеру за операцію сто червонныхъ. Переводъ съ нѣнецкаго письма отъ онаго жъ почтмейстера, декабря отъ 13-го, тогожъ году въ Санктпетербургъ, къ господину почтъ-директору Ашу—объ операціи Гильденштубе сдѣланной ему Гильмеромъ за сто червонныхъ. Переводъ экстракта съ нѣмецкаго письма изъ Аренсбурга, отъ 8-го ноября, 1751 года, ландсрата фонъ Гильденштубе, г. унтеръ-камергеру Петерсону въ С. Петербургѣ, въ которомъ изъявляетъ ему благодарность за поздравленіе съ излѣченіемъ глазъ г. Гильмеромъ, и что онъ, Гильденштубе, считаетъ сего человѣка со всѣми его медикаментами за хорошаго тускнаго и денежнаго колотеля, а не за творца зрѣнія... (стр. 141—142).

Заключеніе (стр. 143—158) подобно началу, напечатанное въ два столбца съ латинскимъ и русскимъ текстами, состоитъ изъ обвиненія Гильмера въ незаконно производимыхъ имъ, бѣдственныхъ для его паціентовъ операцій, и продажѣ медикаментовъ за которые собралъ онъ множество денегъ. Подъ литерою Р. помѣщено мнѣніе данное собраніемъ докторовъ о глазныхъ операціяхъ Гильмера, такъ и о дѣйствіи наружныхъ и внутреннихъ его медикаментовъ. За тѣмъ изложено какъ, въ противность всѣмъ правиламъ науки, и примѣрамъ извѣстныхъ знаніемъ своимъ искуснѣйшихъ операторовъ, производилъ онъ свои операціи, причемъ отпускалъ паціентовъ своихъ безъ совѣту и лѣкарства .. Окончательная оцѣнка дается Гильмеру въ слѣдующихъ словахъ: „его (Гильмера), не иначе почитать возможно какъ за са-

маго простаго считающагося ханжу, которой изъ одного города въ другой, изъ одной провинціи въ другую разъѣзжаетъ, съ людьми черезъ чинимыя имъ безъ успѣху операціи, немилосердно поступаетъ, и чрезъ дорогіе свои медикаменты, подъ титуломъ аркана универсальнаго, въ опасеніе живота приводитъ, или и моритъ, что всемѣрнобъ и учинилось, ежели бы медицинская канцелярія (колико учиниться могло) не употребила неусыпное смотрѣніе на онаго Гильмера, и на продажу дорогихъ его медикаментовъ; такъ что мы вообще подписавшіеся Медицины Доктора́ и Лѣкари, того Іозефа Гильмера изъявили, и симъ изъявляемъ за считающагося емпирика и шарлатана, которой ухватки свои надъ глазами бѣдныхъ людей, показываетъ такъ, какъ бы изъ кармана игралъ, (Taschenspiel), чтобъ тѣмъ смотрителей омрачить, и подъ такимъ видомъ негодные свои, а во многихъ припадкахъ и опасные медикаменты дорогою цѣною продавать, и у людей деньги выманивать".—Здѣсь слѣдуютъ тридцать три подписи имянъ и фамилій докторовъ, хирурговъ и лѣкарей сухопутныхъ войскъ, флота, военно-учебныхъ заведеній, госпиталей, академіи наукъ; императорскаго двора и медицинской канцеляріи.—Q. Переводъ съ латинскаго экстракта изъ журнала (стр. 159—173), содержащій въ себѣ подробное изложеніе всего дѣла, начиная съ пріѣзда Гильмера въ Петербургъ, дѣйствій его, и наконецъ приговоръ медицинской канцеляріи, о домашнемъ его арестѣ и высылкѣ подъ конвоемъ за границу; въ означенномъ экстрактѣ упоминается между прочимъ о двухъ письмахъ Гильмера, посланныхъ имъ во время ареста, одномъ—къ „великому своему патрону" съ жалобами на медицинскую канцелярію, и другомъ, къ директору ея, съ нелѣпыми угрозами. Въ ту же ночь, вскорѣ караульные услыхали шумъ, и усмотрѣли что Гильмеръ съ женою пробовали пистолеты насыпаніемъ на курки пороху, для испытанія, даетъ ли кремень по спускѣ на полку огонь; помянутые караульные наблюдая далѣе, увидали что онъ сталъ заряжать пистолеты порохомъ и свинцомъ, о чемъ не медля извѣстили директора, по распоряженію котораго, все оружіе у Гильмера было отобрано; точно также были отняты веревки, которые хотѣлъ тайно пронести къ нему его служитель, подъ тѣмъ предлогомъ, что они нужны будутъ господину его для увязки саней и коляски въ которыхъ онъ долженъ ѣхать; но такъ какъ коляска стояла на дворѣ, а Гильмеру недозволено было оставлять комнату, то медицинская канцелярія легко проникла намѣренія его, а потому приказала усилить караулъ. Между тѣмъ строжайшее изслѣдованіе преступныхъ дѣйствій Гильмера, какъ то: втайнѣ безъ позволенія производимыхъ имъ операцій, и продажи по разнымъ мѣ-

стамъ лѣкарствъ продолжалось, то наконецъ состоялся приговоръ заключавшійся въ томъ, что хотя онъ, на основаніи указовъ 1721, 1729 и 1750 годовъ подлежалъ не только денежному штрафу, но и тѣлесному наказанію; но по представленію Ея Императорскому Величеству отъ директора, и всемилостивѣйшей Ея аппробаціи, Гильмера отъ штрафа освободить, и по уплатѣ убытковъ по содержанію его во время ареста, и по возвращеніи денегъ тѣмъ изъ паціентовъ его, которые подали прошенія въ медицинскую канцелярію, отправить его съ женою подъ конвоемъ одного унтеръ-офицера и четырехъ солдатъ за границу государства, при взятіи съ него реверса, никогда въ Россію не въѣзжать.—Переводъ съ письма на нѣмецкомъ діалектѣ отъ окулиста Гильмера къ Его Превосходительству, т. е. г. Боергаве, слово въ слово, какъ оно отъ него на нѣмецкомъ языкѣ написано; объ этомъ письмѣ упомянуто выше, но считаемъ не излишнимъ привести здѣсь русскій переводъ его, такъ, какъ онъ въ концѣ напечатанъ: „Ваше Превосходительство со мною, думаю что не по турецки поступите, и насъ еще больше въ таковыхъ варварскихъ обстоятельствахъ подъ карауломъ держать не будете, или по меньшей мѣрѣ извѣстіе дайте, куды люди мои взяты, и для чего мои безсловесныя лошади питателя своего, то есть, моего кучера теряютъ, и оголодѣть должны; во первыхъ я теряю ужé всю надежду, что Ваше П-сво надъ нами бѣдными христіанами правосудія не оказываете, и буде я чрезъ мое нижайшее предпочитаніе и послѣднее искреннее прошеніе, завтра къ обѣщанному мнѣ времяни, лучшаго вспоможенія не увижу, то на шею Вашего П-ва пошлю Божіе отмщеніе, которое намъ печальнымъ вспоможетъ, а Васъ конечно найдетъ. Я сегодня иду спать еще съ лучшею надеждою, и вѣрю что Ваше П—во Христіанинъ, человѣкъ, а не варваръ быть имѣете. Я прошу ради пяти святыхъ ранъ Христовыхъ, укротите Вы свое фальшивое сумнѣніе, и окажите себя сего дня буде можно такъ Христіански, какъ я есмь Вашему П--ву. Преданнѣйшій I. Гильмеръ. Петербургъ, Ноября 12 дня 1751."

На двухъ ненум. страницахъ въ концѣ книги, помѣщено объявленіе медицинской канцеляріи, служащее прибавленіемъ къ несовсѣмъ точному извѣстію объ операціи произведенной Гильмеромъ ландрату Гильденштубе (лит. О. стр. 141 и 142). Помянутая канцелярія, получившая уже по отпечатаніи всего дѣла, письмо послѣдняго къ доктору Висселю въ Перновѣ, считаетъ нужнымъ какъ для уясненія настоящаго состоянія зрѣнія Гильденштубе, такъ и для того, что слава Гильмера начала распространяться, и онъ этой операціею безсовѣстно хвастался, пріобщить здѣсь помянутое письмо, въ которомъ Гильден-

штубе сообщаетъ, что семь лѣтъ назадъ онъ подвергся глазной операціи кенигсбергскаго окулиста Гуліэта, на столько поправившей глаза его, что онъ только не могъ читать и писать, и то вслѣдствіе того, что помянутый окулистъ не выслалъ ему тусковыхъ очковъ за которые получилъ отъ него деньги, и что узнавъ объ окулистѣ Гильмерѣ черезъ розданные имъ печатные листы, рѣшился ѣхать въ Перновъ, чтобы вторично подвергнуться операціи, дорого ему стоившей; и что выдержавъ ее, онъ мало поправился, тогда какъ по его словамъ, послѣ первой, зрѣніе его былъ лучше; и что получивъ отъ Гильмера тусковые очки, онъ выигралъ тѣмъ, что можетъ нѣсколько читать и писать, чѣмъ бы пользовался и послѣ первой операціи, еслибы получилъ отъ Гуліэта обѣщанные очки. Письмо помѣчено: „Ф. Гильденштубе. Аренсбургъ. Февраля 8 дня 1752 года.

№ 65. Евдоксія Вѣнчанная или Ѳеодосіи Вторый **Опера** представленная въ первый разъ **При Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ** Апрѣля 25-го 1751 года. Въ торжественное воспоминаніе **Коронованія Ея Императорскаго Величества Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскія и проч. и проч. и проч.—**Сочиненіе** Г. Доктора Бонекія Флорентинца Ея Императорскаго Величества Стихотворца.—**Переводъ** Съ Італіанскаго на Россійской языкъ Надворнаго Совѣтника Адама Олсуфьева.—**Музыка** Г. Франциска Араія Неаполитанца **Ея Императорскаго Величества** Капель-Мейстера.—**Печатана въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. Апрѣля 25 дня, 1751 года. 4°. 70 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. ч. 4. № 7421.—Смирд. ч. IV. № 7666.—Драм. Слов. 1787 г. стр. 51.—Митр. Евген. Словарь. изд. 1845. т. 11. стр. 106.

Приводимъ дословно съ сохраненіемъ правописанія напечатанное курсивомъ содержаніе оперы: „Евдоксія, супруга Императора Ѳеодосія Втораго, безпрекословно почитается отъ всѣхъ за особу острымъ умомъ и многими добродѣтельми украшенную.—Историки тогдашняго времени согласнымъ утверждаютъ свидѣтельствомъ, что она въ разсужденіи не только многихъ и достохвальныхъ душевныхъ дарованій, но и чрезвычайныя красоты, за лучшее своего полу украшеніе поставляема, и во всей восточной имперіи въ особливомъ была почтеніи.—Отецъ ея былъ Леонъ, дворянинъ Аѳинскій, и доколѣ она жила въ отечествѣ своемъ, Атенаидою называлася.—Въ то время случилося

пріѣхать въ Аѳины Варанецу, сыну Издегарда, Царя Персидскаго, которой увидѣвъ Атенаиду въ нее влюбился, и хотѣлъ вступить съ нею въ супружество. Но понеже то было весьма противно отцу его, которой крайнимъ бѣдствіемъ угрожалъ Леону, есть ли онъ сына его допуститъ жениться на дочери своей, того ради принуждена была Атенаида тайнымъ изъ Аѳинъ бѣгствомъ разлучиться съ Варанецомъ, и искать себѣ обще съ отцомъ своимъ безопаснаго убѣжища въ Константинополѣ.—Тамъ приняла она православную Греческую вѣру, и въ святомъ крещеніи наречена Евдоксіею. Добродѣтели и доброправіе вскорѣ привели Евдоксію въ знакомство и дружбу съ Пулхеріею, Ѳеодосіевою сестрою, чрезъ которыя посредство она потомъ Императору и обручена.—Въ самое то время, какъ уже Евдоксія видѣла себя почти на высочайшей щастія своего степени, и какъ уже къ совершенію брака ея съ Ѳеодосіемъ, день назначенъ былъ, пріѣхалъ Варанецъ въ Константинополь, и присудствіемъ своимъ общую возмутилъ радость.—Ибо онъ упросилъ наконецъ отца своего, и провѣдавъ, что Атенаида съ Костантиномъ скрылася, нарочно туда пріѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ и съ тою надеждою, чтобъ помощію Императора Ѳеодосія (которой отцомъ его крайнѣ одолженъ былъ) исполнить свое желаніе и съ Антенаидою совокупиться бракомъ.—Но съ несказаннымъ удивленіемъ нашелъ въ Евдоксіи любезную свою Атенаиду, уже не себѣ, но Императору невѣстою.—Крайняя досада и печаль, которыя Варанецъ о семъ нечаянномъ въ любви своей препятствіи скрыть уже не могъ, возбудили въ Ѳеодосіи ревность. Онъ свѣдавъ прежнее Евдоксіи знакомство и любовь съ Варанецомъ, и будучи внушеніями наперстника своего Хризафія, тайнаго Евдоксіи непріятеля, вящше раздраженъ, толь великое о ея вѣрности получилъ подозрѣніе, что супружество свое разорвать и ее изъ Константинополя выслать вознамѣрился.—Но добродѣтельная Евдоксія, преодолѣвъ невинностію своею всѣ тѣ препятствія, которыя коварство, злословіе и ненависть въ щастіи ея полагали, съ Ѳеодосіемъ благополучно бракомъ соединилась и взошла на Императорскій престолъ, котораго она добродѣтельми и прочими естественными дарованіями показала себя совершенно достойною".—Затѣмъ находится слѣдующее примѣчаніе: „О сей исторіи пишетъ Сократъ въ главѣ 7. Ѳеодоритъ въ главѣ 5. Никифоръ и почти всѣ писатели Византійскія исторіи.—Далѣе подъ чертою, извѣстіе о причинѣ перемѣны двухъ собственныхъ именъ, и балетахъ въ концѣ каждаго изъ дѣйствій оперы: „Для лучшія въ музыкѣ способности вмѣсто именъ Варанеца и Хризафія, употреблены Камбизъ и Аттикъ. Дѣйствіе есть въ Константинополѣ въ Императорскомъ домѣ, и въ

близости онаго.—Балеты въ Италіанскихъ операхъ съ представляемымъ дѣйствіемъ, обыкновенно хотя никакого не имѣютъ сходства; однако въ сей оперѣ оному совершенно приличны. Первый изображаетъ торжество, которымъ корабельщики въ портѣ Константинопольскомъ изъявляютъ радость свою въ благополучномъ Камбиза прибытіи, представляя басню о Галатеѣ, Полифемѣ и Ацисѣ, такъ какъ оная Овидіемъ описывается. Вторый, есть позорище данное народу при случаѣ торжествъ Императорскаго брака, взятье Златаго руна представляющее. Третій—изображаетъ веселіе Ѳеодосіева двора о бракѣ семъ".

На 6-й страницѣ помѣщенъ списокъ именъ актеровъ и актриссъ играющихъ и поющихъ въ оперѣ: „Катерина Джорджи Римлянка.—Катерина Масани изъ Праги.—Дѣвица Нунціата Гарани изъ Болоніи.—Лаврентій Саллети флорентинецъ.—Филиппъ Джорджи римлянинъ.—Константинъ Кампасси изъ Пизы, и наконецъ Марко Полторацкій Малороссіянинъ.—О театральныхъ украшеніяхъ и машинахъ сказано, что онѣ изобрѣтены Іосифомъ Валеріани, римляниномъ, живописцемъ Ея Императорскаго Величества и профессоромъ перспективы С. Петерб. Академіи Наукъ—[1]. На послѣдней страницѣ книги находится извѣстіе что вышепомянутые балеты изобрѣтены и составлены Антоніемъ Ринальдо Фоссано, балетмейстеромъ Ея Имп. Величества.

Переводъ аріи оперы, составляетъ нѣчто въ родѣ нерифмованныхъ стиховъ; слѣдующій хоръ заканчивающій послѣднее дѣйствіе пьесы, обращенъ болѣе къ императрицѣ Елисаветѣ чѣмъ къ Евдоксіѣ о чемъ авторъ (или переводчикъ) счелъ нужнымъ сообщить въ слѣдующихъ словахъ: „Признаюся, что подъ именемъ Евдоксіи скрывается мое почтеніе. Стихи мои нѣчто величайшее представляютъ. Когда безсмертную ея славу, Геройскія и тронъ украшающія добродѣтели прославляю, то въ устахъ Евдоксію, а въ сердцѣ Елисавету имѣю".

Достигайте до концовъ вселенныя
Похвала и слава великаго имени той,
Которая добродѣтельми своими
бо̀льшее трону даетъ,
Нежели отъ него получаетъ сіяніе,

---

[1] Валеріани, какъ театральному архитектору, приказано было начертить планъ каменнаго опернаго дома. Спб. Вѣстникъ августъ 1779 г. „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ" Я. Штелина стр. 83.

Ужé увѣнчанна глава ея
Лаврами и короною,
Ужé получила добродѣтель
Достойное себѣ награжденіе.

№ 66. Санктпетербургскій Календарь на Лѣто отъ Рождества Христова 1751. которое есть Простое содержащее въ себѣ 365 дней сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 134 нум. стр.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 95а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. Т. III. стр. 551.

Настоящій календарь извѣщаетъ о имѣющихъ быть четырехъ затмѣніяхъ—двухъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ; изъ которыхъ будутъ видимы въ Европѣ, только два послѣднихъ, потому что оба солнечныхъ затмѣнія, изъ которыхъ первое произойдетъ 13 (24) мая, и второе ноября 5 (17), видимы будутъ только въ Америкѣ, первое въ сѣверной, и второе въ нижней части ея. По Кассиніевымъ таблицамъ, первое лунное затмѣніе будетъ 29 мая, и второе 21 ноября въ Петербургѣ.—Въ VI-й статьѣ, подъ заглавіемъ „О прочихъ небесныхъ приключеніяхъ, содержится извѣстіе о явленіи кометы, которой обхожденіе по предположенію маркиза Гислеръ (нынѣ умершаго) совершится въ продолженіе 87 лѣтъ, и видимо будетъ по мнѣнію его въ настоящемъ 1751 году, потому что онъ признаéтъ ее за ту самую, которую видѣли знаменитый датскій астрономъ Тихобраге въ 1577 году, и отецъ знаменитаго нынѣ Кассини, въ 1664 году; и что обѣ помянутыя кометы въ 11-мъ градусѣ льва, стояли всѣхъ ближе отъ земли, и обѣ шли назадъ, какъ объявляетъ о томъ Вистенъ въ своихъ физико-математическихъ лекціяхъ. Кромѣ того Рикціоль, въ числѣ видѣнныхъ имъ кометъ, открылъ двѣ, которыя теченіе свои совершили въ періодъ времени около 87 лѣтъ. Здѣсь, въ текстѣ помѣщена табличка изъ первой части астрономическаго журнала Гислера на 1721 г. „И такъ“ говоритъ въ заключеніе авторъ астрономической статьи, „время покажетъ, кому лучше удастся первую комету угадать Гислеру, или Галлею, который на 1758 годъ, явленіе кометы прорекалъ“.—Въ статьѣ IX-й: „О неравенствѣ сутокъ между собою“, помѣщены опять таблицы о уравненіи времени, которыя находятся въ календарѣ на 1752 годъ.—Прочія приложенія тѣ же, что въ календарѣ 1750 года.

1752.

№ 67. **Начальное Основаніе Математики**, сочиненное Николаемъ Муравьевымъ Капитанъ-Порутчикомъ отъ Инженеровъ.— Часть первая.—Печатано **Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ 1752 года 8°. 4, (посвященіе) 4, (къ читателю) 310 нум., и 2 ненум. стр. (Оглавленіе).

Сопик. Ч. 3. № 6694.—Смирд. Ч. III. № 3882.—Словар. митр. Евген. изд. 1845. Т. II. стр. 92.—Геннад. Справочн. Слов. т. 2. стр. 355.

Авторъ книги Муравьевъ (Николай Ерофеевичь) посвящаетъ ее графу Петру Ивановичу Шувалову, котораго проситъ о благосклонномъ принятіи малаго его труда. Затѣмъ въ обращеніи къ читателю, упоминая о необходимости математическихъ наукъ въ человѣческой жизни, онъ исчисляетъ пользу приносимую ими въ обществѣ. На чье-либо возраженіе, что каждый членъ его на столько свѣдущъ въ математикѣ, насколько для него это нужно, авторъ отвѣчаетъ, что хотя крестьянинъ употребляетъ рычагъ для подъема бревенъ, клинъ для колки дерева, и ставитъ мѣльницу не имѣя понятія о законахъ механики, то изъ этого нельзя вывесть заключенія о безполезности математическихъ выкладокъ; ибо каждому легко разсудить, что свѣдущій въ наукѣ можетъ предвидѣть успѣхъ своего предпріятія, и потому трудъ его будетъ не напрасенъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ не на угадъ; „лучше", говоритъ авторъ, „знать напередъ, поднимется ли тяжесть моею силою, чѣмъ не зная того, поднимать ее? Также лучше строить мѣльницу, зная напередъ, что она не будетъ снесена водою? но этого нельзя достигнуть безъ вычисленій, которыя потому и необходимы". Далѣе авторъ указываетъ на множество разорванныхъ плотинъ, мѣльницъ дорого стоившихъ и стоящихъ безъ дѣйствія за оскудѣніемъ воды; что и приписываетъ онъ недостаточности въ строителяхъ научныхъ познаній. Все сказанное здѣсь, и побудило его къ смѣлости предложить любителямъ математическихъ наукъ настоящее сочиненіе, которое разсматривалъ, и для бо́льшей ясности умножилъ профессоръ и членъ академіи Поповъ. Трудъ свой раздѣлилъ авторъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой, предлагаемой „благосклонному читателю", описываетъ и изъясняетъ „правила выкладокъ"; причемъ разсудилъ употреблять общіе знаки, т. е. литеры, а не цифры. Во второй, предложилъ десять книгъ Эвклидовыхъ, и нѣкоторыя основанія

высшей геометріи [1]. Такъ какъ, по словамъ автора, онъ настоящее сочиненіе предназначалъ для начинающихъ, то всѣ изложенныя въ немъ правила, старался пояснить примѣрами.

Первая часть „Начальныхъ Основаній", составляющая настоящій трудъ Муравьева, раздѣляется на слѣдующія восемь книгъ: Первая: О Математикѣ вообще (стр. 1—29).—Вторая. О Алгебрѣ вообще и о четырехъ главныхъ дѣйствіяхъ (стр. 30—75).—Третья. О возвышеніи и о извлеченіи радиксовъ (стр. 76—117).—Четвертая. О Доляхъ.—(стр. 118—132).—Пятая. О Ирраціональныхъ величинахъ (стр. 133—150).—Шестая. О пропорціяхъ (стр. 151—184).—Седьмая. О простыхъ сравненіяхъ и о задачахъ Ариѳметическихъ, которыя помянутыми сравненіями рѣшаться могутъ (стр. 185—261.—Осьмая. О натурѣ высшихъ сравненіевъ (стр, 262—310).

1753.

№ 68. Письмо Горація Флакка о Стихотворствѣ къ Пизонамъ, переведено съ Латинскаго языка Николаемъ Поповскимъ.— Печатано въ **Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ 1753 года. 8°. 40 нум. стр.

Сопик. ч. 2. № 2853.—Опытъ Словаря Новикова Спб. 1772 стр. 168.—Бант. Каменск. Словарь достопамятн. людей ч. 4. стр. 171.—Митр. Евген. Слов. изд. 1845. т. II, стр. 132.—Пекарскій. Истор. Акад. Н. т. 2 стр. 509. Прим.

Въ началѣ книги помѣщено „Письмо" и пять слѣдующихъ одъ: „Carminum L. 1. Od 22. integer vita. — Carm. L. 2. Od. 20. Non usitata nec tenui ferat.—Carm. L. 3. Od. 2. Iustum et tenacem.—Carm. L. 4. Od. 2. Pindarum quisquis.—Epodon. Od. 2. Beatus ille.— Этотъ стихотворческій переводъ Поповскаго былъ отпечатанъ въ академической типографіи въ мартѣ 1753 г., въ количествѣ 637 экзем-

---

[1] Помянутая вторая часть труда Муравьева не была напечатана. Н. Г. Муравьевъ впослѣдствіи генералъ-инженеръ, сенаторъ, генералъ губернаторъ города Риги, и главный директоръ строенія государственныхъ дорогъ, участвовалъ 1766 года въ составленіи инструкціи о генеральномъ размежеваніи. О настоящемъ его трудѣ упомянуто въ біографіи сына его Н. Н. Муравьева, сообщенной Н. В. Путятою въ „Современникѣ 1852 г. Въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 6. (Геннади Справ. Слов. т. 2. стр. 355).—По свидѣтельству Новикова въ его „Опытѣ Словаря о росс. писат." стр. 143, и Митр. Евгенія, Н. Е. Муравьевъ писалъ также много разныхъ стихотвореній, а особливо пѣсенъ. (Слов. т. II, стр. 92).

ляровъ [1]; въ „Опытѣ“ Сопикова (ч. 2. № 2854) указано изданіе (едва ли вѣрно) обозначенное 1801 годомъ, въ 12°, и въ реэстрахъ Плавильщикова и Смирдина (ч. III. № 5102 и ч. IV. № 7843) изданіе того же формата 1801 года, о которомъ упоминается въ подробномъ жизнеописаніи Поповскаго; въ этомъ изданіи, по словамъ біографа, кромѣ нѣкоторыхъ одъ Горація, съ прибавленіемъ другихъ, и за исключеніемъ одной: „кн. 3. Ода 1., помѣщены два перевода Поповскаго въ стихахъ, съ французскаго „о добродѣтели“ и „о человѣкѣ“ [2]. Послѣ перваго изданія 1753 года, переводы его изъ Горація появились въ первомъ и второмъ томахъ (1760) періодическаго изданія Хераскова „Полезное Увеселеніе“, за тѣмъ въ 1763 году, академической переводчикъ Иванъ Барковъ помѣстилъ этотъ трудъ Поповскаго при переведенныхъ имъ Сатирахъ Горація, какъ достойной „должной похвалы у потомства“ [3].

Въ концѣ 1753 года, Поповскій представилъ переводъ свой „Письма Горація“ наставнику своему въ стихотворствѣ Ломоносову, и послѣдній, стараясь обратить вниманіе академической канцеляріи на слушателей своихъ въ учебномъ заведеніи состоявшемъ при Академіи, написалъ 12 января 1753 года о находившемся въ числѣ ихъ Поповскомъ, собственноручное доношеніе, въ которомъ отзываясь съ похвалою объ особливыхъ способностяхъ порученнаго ему для наставленія въ стихотворствѣ студента Николая Поповскаго, и упоминая о сочиненной послѣднимъ въ 1752 году, одѣ на день коронованія императрицы Елисаветы, заслужившей похвалу многихъ придворныхъ благодѣтелей Ломоносова которымъ профессоръ ее показывалъ, пишетъ далѣе въ донесеніи своемъ: „А въ послѣднихъ мѣсяцахъ минувшаго 1752 года, онъ (Поповскій) подалъ мнѣ свой переводъ Гораціевыхъ стиховъ о стихотворствѣ (ars poetica) и нѣкоторыхъ одъ, который такъ хорошо сдѣланъ, что напечатанія достоенъ. И при отъѣздѣ двора, знающіе въ краснорѣчіи силу, желали ихъ видѣть въ печати. Того ради Канцелярія Академіи Наукъ да соблаговолитъ оныя напечатать, и помянутому студенту Поповскому сдѣлать одобреніе отъ прочихъ награжденіемъ ранга и жалованья; ибо онъ уже нынѣ въ состояніи искусствомъ своимъ въ чистотѣ Россійскаго штиля и стихотворства приносить Академіи Наукъ честь и пользу. Сочиненные имъ съ Гораціевыхъ стихи, при семъ прилагаются“ [4].—Поповскій пе-

---

[1] Исторія Имп. Акад. Наукъ. т. 2, стр. 503. прим.—[2] Біографич. Словарь Профессоровъ Москов. Универс. 1855 г. стр. 317. Въ біографіи Поповскаго ни слова не упомянуто о первомъ изданіи его перевода Горація, напечатанномъ въ 1753 году.—[3] Тамъ же стр. 316.—[4] Истор. Акад. Наукъ т. 2. стр. 508.

ревелъ „Посланіе Горація къ Пизонамъ" александрійскимъ размѣромъ. „Этотъ переводъ въ отношеніи къ языку", говоритъ біографъ его, „гораздо выше перевода его поэмы Попе; онъ не всегда близокъ къ подлиннику; иногда грѣшитъ противъ истины мѣстными красками; но нельзя не удивиться чистотѣ, ровности и бойкости языка Русскаго. О нѣсколькихъ переведенныхъ Поповскимъ одахъ Горація, біографъ его замѣчаетъ, что хотя здѣсь видна также отчетливость въ формѣ, однако дидактическая стихія слишкомъ охлаждаетъ лирическій полетъ. „Впрочемъ", прибавляетъ онъ, „встрѣчаются иногда выраженія сильныя, равно значительныя подлиннику, и поразительныя для того времени [1].

№ 69. Санктпетербургскій Календарь на лѣто отъ Рождества Христова 1753. которое есть Простое содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 126 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Геннади. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 95а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 551.

Въ настоящемъ календарѣ находится статья озаглавленная: „Сокращенная Исторія Купечества и Мореплаванія въ древнія и среднія времена; въ концѣ этой статьи сказано, что сочиненіе котораго она представляетъ только содержаніе, будетъ состоять изъ пяти томовъ и появится въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Генеральная исторія о купечествѣ и кораблеплаваніи, манифактурахъ и художествахъ, о доходахъ и камерныхъ дѣлахъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и проч". Въ заключеніе статьи, или лучше введенію къ вышепомянутому, задуманному пятитомному сочиненію, авторъ, оканчивая написанное имъ объ исторіи купечества и мореплаванія въ древнія времена говоритъ: „въ новѣйшихъ временахъ описано будетъ по географическому порядку и кораблеплаваніе, манифактуры и художества, доходы и камерныя дѣла во всѣхъ частяхъ свѣта; и третьимъ, четвертымъ и пятымъ томомъ вся книга окончится". Однако это сочиненіе приготовляемое въ Петербургѣ, въ 1752 году, повидимому не было издано, и читатели должны были удовольствоваться обѣщаніемъ его появленія, и сокращеннымъ его содержаніемъ, помѣщеннымъ въ настоящемъ календарѣ. Въ немъ слѣдуетъ отмѣтить одну замѣчатель-

[1] Біограф. Слов. професс. Москов. Универс. ч. II, стр. 316.

ность, состоящую въ томъ, что день Нерукотвореннаго образа причисленъ къ „господскимъ праздникамъ"; все прочее его содержаніе совершенно сходно съ календаремъ на 1752 годъ [1].

1754.

№ 70. Санктпетербургскій Календарь на лѣто отъ Рождества Христова 1754. которое есть Простое содержащее въ себѣ 365 дней. сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 126 ненум. стр.

Геннади, Справочн. Слов. т. 2. стр. 95а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 552.

Содержаніе календаря одинаковое съ предыдущимъ кромѣ слѣдующихъ статей: „Изъясненіе и употребленіе таблицы, показывающей восхожденіе и захожденіе луны въ С. Петербургѣ, и другой: „О разпознаваніи на небѣ планетъ между собою и отъ протчихъ звѣздъ неподвижныхъ". Признаки способствующіе къ помянутому распознаванію въ этой полезной статьѣ указаны слѣдующіе: лучи, цвѣтъ, время и страны восхожденія и захожденія планетъ, и особливо соединеніе ихъ съ луною и разстояніе отъ нея, во время этого соединенія. Въ статьѣ о затмѣніяхъ, извѣщается, что въ нынѣшнемъ году не будетъ нигдѣ ни одного солнечнаго затмѣнія, но будутъ два полныхъ лунныхъ. Первое изъ нихъ наступитъ 27 марта, и будетъ видимо только въ Америкѣ; но въ Россіи его нигдѣ не видно будетъ. Второе настанетъ 20—30 сентября, и видимо будетъ также только въ Америкѣ и въ самыхъ восточныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи, начиная отъ Якутска до Петропавловской гавани—съ вечера, а въ С. Петербургѣ и Москвѣ, его совсѣмъ не видно будетъ".—Далѣе помѣщена дѣльная статья другаго рода, подъ заглавіемъ: „Мнѣніе о различныхъ дѣйстві-

---

[1] Въ описаніи календаря на 1752 годъ (Вып. I. стр. 123. № 78), сдѣланномъ по дефектному экземпляру, не упомянуто о находящемся въ немъ фронтисписѣ работы гравера Соколова, съ изображеніемъ императрицы въ видѣ Минервы, и слѣдующими подписями:

..... Iustam propositique tenacem
Препятствіе презрѣвъ, къ концу приводитъ трудъ,
И праведный даетъ народамъ многимъ судъ.

Также находится приложенною почтовая карта Россійской Имперіи.

яхъ горячаго вина на тѣлѣ человѣческомъ". Она содержитъ разсужденіе о степени пользы и вреда для человѣка происходящихъ отъ употребленія вина; въ началѣ авторъ ея говоритъ: „Сожалѣнія достойно, что немногіе въ предложенномъ мнѣніи могутъ себѣ сыскать удовольствіе; особливо тѣ имъ недовольны будутъ, которые сей изрядной напитокъ весьма жалуютъ, и признаютъ за пятой элементъ. Слово: горячее вино не требуетъ пространнаго изъясненія; ибо не много такихъ людей, которые родятся не на винѣ замѣшанными, или которые хотя мало не отвѣдывали его прежде, нежели могли сіе слово выговорить. За всѣмъ тѣмъ горячее вино отъ часу приходитъ въ большее употребленіе; чего ради столь становится извѣстнѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти столькоже домовъ, сколько винокуренъ"...... На страницѣ, на которой начинается статья, внизу находится примѣчаніе, что послѣдняя принадлежитъ Ивану Готфриду Питту, и предлагается здѣсь въ пользу читателей въ сокращеніи, причемъ указывается на 3 й томъ, 2 ю часть, и стр. 145, Гамбургскаго Магазина, съ примѣчаніемъ что эта статья переведена съ нѣмецкаго языка на русскій студентомъ Алексѣемъ Константиновымъ.

1755.

№ 71. Описаніе Земли **Камчатки** сочиненное **Степаномъ Крашенинниковымъ**, Академіи Наукъ Профессоромъ. Томъ Первый и Второй. Въ **Санктпетербургѣ**. При Императорской Академіи Наукъ 1755 году. 4°. 16 ненум., (предисловіе) 2, (увѣдомленіе и оглавленіе 1-й и 2-й части). Въ первомъ томѣ, содержащемъ первыя двѣ части, 438 страницъ текста подъ общею нумераціею, и 10 отдѣльныхъ, гравированныхъ на мѣди листовъ: картъ, плановъ и фигуръ; во второмъ томѣ, содержащемъ части третью и четвертую: 2 ненум, (оглавленіе 3-й и 4-й частей), 319 стр. текста и 11 отдѣльныхъ листовъ съ фигурами.

Сопик. Ч. 4. № 7467.—Смирд. Ч. II. № 3682.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. стр. 153. № 1.—Библіот. Имп. Обществ. Истор. и Древн. Росс. стр. 187. Отд. II. № 460. Словарь митроп. Евген. изд. 1845. стр. 315.—Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 178.—Бантышъ-Каменск. Словарь достопамятн. людей русск. земл. Ч. 3. 1836 г. стр. 109—110. Новиковъ Опытъ словаря о росс. писат. 1772. стр. 96.

Предисловіе академика Мюллера [1], помѣщенное въ первомъ томѣ, начинается разсужденіемъ о пользѣ и особливомъ удовольствіи достав-

[1] Издатель „Описанія" земли Камчатки. Ему принадлежитъ предисловіе и двѣ карты. Истор. Акад. Наукъ т. I, стр. 418; указаніе на „Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen. III. 110.

ляемомъ описаніемъ странъ, съ которыми мы имѣемъ бо́льшее сообщеніе нежели съ другими, или тѣхъ о которыхъ не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій; затѣмъ исчисляются свѣдѣнія которыя необходимо собрать государственнымъ лицамъ, для полнаго знакомства съ ввѣренною ихъ управленію страною. На этомъ основаніи издатель выражаетъ надежду, что „Описаніе земли Камчатки" будетъ благосклонно принято читателями; и такъ какъ смерть не допустила автора настоящаго труда сообщить въ приготовлявшемся имъ къ книгѣ предисловіи о тѣхъ путяхъ и средствахъ, которыми добывалъ онъ получаемыя имъ свѣдѣнія, то издатель „Описанія" представляетъ объ этомъ краткое извѣстіе, вполнѣ здѣсь нами приводимое: „При отправленіи въ 1733 году по имянному Императорскому указу второй Камчатской експедиціи для учиненія разныхъ изобрѣтеній по берегамъ Ледовитаго моря, а паче по Восточному около Камчатки, Америки и Японіи океану, воспріято было намѣреніе, чтобъ всѣми мѣрами стараться о возможномъ описаніи Сибири, а особливо Камчатки, по точному ихъ положенію, по натуральному земли состоянію и по обитающимъ въ нихъ народамъ; словомъ, чтобъ собрать извѣстія по всѣмъ вышепоказаннымъ нами обстоятельствамъ къ совершенному земли описанію принадлежащимъ. Для исполненія сего, Императорская Академія Наукъ отправила вмѣстѣ съ морскою експедиціею трехъ Профессоровъ, которые порученныя имъ дѣла раздѣлили между собою такимъ образомъ, чтобъ одному исправлять астрономическія и физическія наблюденія; другому чинить то, что принадлежитъ къ натуральной исторіи; а третьему сочинять исторію политическую и описаніе состоянія земли, нравовъ народныхъ и древностей. Симъ Академіи членамъ придано кромѣ другихъ чиновъ разнаго званія и способности людей, шесть человѣкъ Студентовъ Россійской націи, дабы подъ предводительствомъ ихъ упражнялись въ наукахъ, и тѣмъ бы пріобрѣли себѣ способность къ чиненію въ предбудущее время самими собою таковыхъ же наблюденій".

Степанъ Крашенинниковъ уроженецъ города Москвы, положивъ тамъ въ Заиконоспасскомъ училищномъ монастырѣ въ Латинскомъ языкѣ, въ Краснорѣчіи и въ Философіи доброе основаніе, превосходилъ товарищей своихъ понятіемъ, ревностію и прилежаніемъ въ наукахъ, впрочемъ и въ поступкахъ былъ человѣкъ честнаго обхожденія. Хотя онъ опредѣленъ былъ наипаче къ исторіи натуральной, то есть къ наукѣ о произращеніяхъ, животныхъ и минералахъ; однако являлося въ немъ также къ гражданской исторіи и географіи столько склонности, что онъ еще въ 1735 году употребленъ бывалъ съ

пользою въ особенныя отправленія для описанія по географіи и исторіи натуральной нѣкоторыхъ мѣстъ, въ которыя сами Профессора не заѣзжали. Между тѣмъ прибывшіе Академическіе члены въ Якутскъ въ 1736 году увѣдомились, что учрежденія къ вступленію въ морской путь далеко не доведены еще до такого состоянія, чтобъ можно было продолжать имъ путь до Камчатки безъ замедленія. Нельзя имъ было препроводить на Камчаткѣ нѣсколько лѣтъ, когда кромѣ описанія оныя, находилось для нихъ множество другихъ дѣлъ въ Сибири, которыхъ упустить имъ не хотѣлось. Потому разсудили они за благо, послать на Камчатку напередъ себя надежнаго человѣка, для учиненія нѣкоторыхъ пріуготовленій, дабы имъ тамъ по пріѣздѣ своемъ меньше времени медлить. И въ сію посылку выбрали господина Крашенинникова, тѣмъ наипаче, что можно было ему поручить на время отправленіе всякихъ наблюденій; и къ сему дѣлу снабдили его инструкціею во всемъ томъ, что на Камчаткѣ примѣчать и исправлять надлежало.

По случаю здѣлалось, что изъ Профессоровъ до Камчатки доѣхалъ токмо упражнявшейся въ чиненіи астрономическихъ обсервацій; прочіе же оба указомъ Правительствующаго Сената уволены были отъ Камчатской поѣздки; а вмѣсто того велѣно было имъ на возвратномъ пути обстоятельнѣе описать всѣ тѣ въ Сибири страны, въ коихъ они до того не были, или хотя и были, но токмо на малое время. И такъ, едва не всѣ въ Камчаткѣ испытанія досталися къ отправленію одному только господину Крашенинникову, которыя онъ уповательно и могъ бы исправить безъ знатнаго недостатка; ибо упражненіемъ привелъ онъ себя отъ времени до времени въ большое искусство; профессоры снабдили его тѣми же способами, какіе дозволено было имъ самимъ употреблять Правительствующаго Сената указомъ; онъ объѣздилъ всю Камчатку изъ конца въ конецъ, и имѣлъ при себѣ толмачей, стрѣлковъ и другихъ людей потребныхъ; ему позволено было пересматривать и списывать приказныя дѣлà въ острогахъ; а когда случалося ему въ дѣлахъ до наукъ касающихся какая трудность, что профессоры могли усматривать по часто присылаемымъ отъ него репортамъ, то отправляли они къ нему при всякомъ случаѣ вновь наставленія.

Но между тѣмъ Академія усмотрѣвъ множество дѣлъ въ Сибири, разсудила за благо, въ 1738 году послать туда еще для вспоможенія въ дѣлахъ по натуральной исторіи, адъюнкта Георга Вильгельма Штеллера, которой слѣдующаго года пріѣхалъ къ профессорамъ находившимся ужè на возвратномъ пути въ Енисейскѣ. Сей искусный и тру-

долюбивый человѣкъ имѣлъ превеликую охоту ѣхать на Камчатку, а оттуда желалъ также отправиться въ морской путь; того ради и отправленъ онъ былъ туда по его желанію. Для сего дали ему профессоры инструкцію, равно какъ и господину Крашенинникову, съ предписаніемъ довольнаго наставленія во всемъ, что о Камчаткѣ вѣдать ни надлежало; и послали съ нимъ живописца къ исправленію рисунковъ къ натуральной исторіи и къ описанію народовъ надлежащихъ. Какъ по прибытіи его на Камчатку, господинъ Крашенинниковъ могъ полученнымъ ужѐ своимъ искусствомъ чинить ему вспоможеніе, такъ напротивъ того господинъ Штеллеръ былъ ему полезенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своимъ руководствомъ. Они вмѣстѣ были на Камчаткѣ по 1741 годъ, въ которомъ учинилось отправленіе въ морской путь для изобрѣтенія находящихся близь Камчатки земель Американскихъ. Въ сей путь поѣхалъ и господинъ Штеллеръ, а господинъ Крашенинниковъ отправленъ былъ отъ него въ Иркутскъ, о чемъ какъ увѣдали находившіеся тогда еще въ Сибири профессоры, то приказали они ему ѣхать къ себѣ съ возможнымъ поспѣшеніемъ, что и учинилось; въ 1743-мъ году возвратился онъ купно съ ними назадъ въ Санктпетербургъ. А господинъ Штеллеръ умеръ ноября 12 дня, 1745 году въ городѣ Тюмени горячкою, на возвратномъ пути изъ Сибири въ Россію.

По поданіи отъ господина Крашенинникова Академіи Наукъ о учиненномъ имъ въ бытность его на Камчаткѣ дѣлахъ обстоятельнаго репорта, и по полученіи оставшихся послѣ господина Штеллера писемъ, разсуждено было запотребно, обоихъ труды совокупить во едино, и совершеніе всего дѣла поручить тому, которой имѣлъ уже въ томъ наибольшее участіе. Изъ того произошло сіе описаніе земли Камчатки"....

Мюллеръ оканчиваетъ это извѣстіе, сообщая о производствѣ автора „Описанія" въ адъюнкты въ 1745, и профессоромъ ботаники въ 1750 году; наконецъ упоминаетъ о времени смерти его, съ произнесеніемъ ему весьма умѣренной похвалы.—Въ концѣ предисловія упоминается также о пріобщенныхъ къ книгѣ для лучшаго уразумѣнія географическихъ извѣстій сообщенныхъ въ самомъ описаніи и двухъ ландкартахъ камчатки съ прилежащими къ ней странами; причемъ указывается на значительную разницу, существующую между изображенными на настоящихъ ландкартахъ и прежнихъ, находящихся въ изданномъ Академіею Наукъ Атласѣ Камчатки съ сосѣдственною частью Сибири; что помянутыя измѣненія сдѣланы на картѣ не безъ основанія, и что будетъ впредь подтверждено важными доказательствами. Въ „Увѣдомленіи къ читателю" сообщается о томъ, что ав-

торъ „Описанія", какъ видно изъ его посмертныхъ записокъ, намѣренъ былъ въ началѣ сочиненія своего извѣстить читателей въ пространномъ предисловіи о случаѣ, по которому былъ онъ отправленъ въ Камчатку, и какъ онъ дѣйствовалъ" тамъ въ силу данныхъ ему инструкцій; кавія свѣдѣнія были имъ собраны въ разныхъ мѣстахъ, и насколько пользовался онъ при сочиненіи своемъ трудами бывшаго въ Камчаткѣ и умершаго въ Сибири на возвратномъ пути адъюнкта Стеллера; но за смертью автора, какъ вышепомянутое начатое имъ предисловіе, такъ и сочинявшаяся по его указаніямъ генеральная карта земли Камчатки, остались недоконченными.

Первая часть „Описанія" состоитъ изъ краткаго извѣстія о „Камчаткѣ и о странахъ, которыя въ сосѣдствѣ съ нею находятся, и слѣдующихъ 12-ти главъ: 1. О положеніи Камчатки, о предѣлахъ ея, и о состояніи вообще.—2. О рѣкѣ Камчаткѣ.—3. О рѣкѣ Тигилѣ. 4. О Кыкшѣ или Большой рѣкѣ.—5. О рѣкѣ Авачѣ.—6. О рѣкахъ впадающихъ въ восточной Океанъ отъ устья Авачи на сѣверъ до рѣки Камчатки, и отъ Камчатки до Караги и до Анадыря.—7. О рѣкахъ впадающихъ въ Восточное море отъ устья Авачи на югъ до Курильской лопатки въ Пенжинское море до Тигиля и до Пустой рѣки.—8. О рѣкахъ текущихъ въ Пенжинское море отъ Пустой до рѣки Пенжины, и оттуду до Охотскаго острога и до рѣки Амура.—9. О Курильскихъ островахъ.—10. О Америкѣ.—11. О проѣзжихъ камчатскихъ дорогахъ. Къ первой части принадлежатъ выходящіе изъ размѣра книги, складные листы: 1. Карта земли Камчатки съ около лежащими мѣстами.—2. Карта Курильскихъ острововъ, съ около лежащими мѣстами.—3. Рѣка Камчатка.—4. Озеро Кайначь и горы Тыймъ и Щоки.—5 Петропавловская гавань.—6. Охотской портъ.—7. Планъ Охотскаго порта.—8. Американецъ въ байдарѣ.—9. Американская байдара.—Во второй части помѣщено извѣстіе: „О выгодѣ и недостаткѣ Камчатки, и слѣдующія 12 главъ: 1. О свойствѣ камчатской землицы въ разсужденіи недостатковъ ея и изобилія.—2. О огнедыдущихъ горахъ и о происходящихъ отъ нихъ опасностяхъ.—3. О горячихъ ключахъ.—4. О металлахъ и минералахъ Камчатскихъ.—5. О произрастающихъ, особливо которыя къ содержанію тамошнихъ народовъ употребляются.—6. О звѣряхъ земныхъ.—7. О Витимскомъ соболиномъ промыслѣ.—8. О звѣряхъ морскихъ.—9. О рыбахъ.—10. О птицахъ. Настоящая глава подраздѣляется на 3 статьи: 1) О морскихъ птицахъ. 2) О птицахъ, кои по большей части около водъ, прѣсныхъ водятся.—(Здѣсь, въ текстѣ помѣщенъ положенный на ноты Стеллеромъ крикъ птицы Савки, или морскаго вострохвоста, стр.

338).—3). О птицахъ, которыя на сухомъ пути водятся (въ этой главѣ помѣщенъ реэстръ произрастающимъ, звѣрямъ, рыбамъ и птицамъ съ именами ихъ камчатскими, коряцкими и курильскими).—11. О насѣкомыхъ и гадахъ.—12. О приливѣ и отливѣ Пенжинскаго моря и Восточнаго Океана.—Въ концѣ главы, въ текстѣ помѣщены таблицы (стр. 354—399) показывающія: Примѣчаніе прилива и отлива морской воды въ Большой рѣкѣ, 1739 года.—Примѣчанія прилива и отлива морской воды, чиненныя при устьѣ жъ Большой рѣки 1740 году.—Наблюденія прилива и отлива морской воды Пенжинскаго моря, чиненныя флота капитаномъ, г. Елагинымъ въ Охотскомъ при устьяхъ рѣкъ Охоты и Кухтуя, іюля мѣсяца отъ 13 дня 1738 году; въ Охотскомъ острогѣ 1739 году, іюня отъ 22 числа.—Наблюденія прилива и отлива морской воды Восточнаго океана, флота капитаномъ г. Елагинымъ, въ гавани св. Петра и Павла, 1741 года, мѣсяца Апрѣля.—Примѣчаніе прилива и отлива морской воды, чиненныя флота капитаномъ, г. Елагинымъ, у перваго Курильскаго острова на сторонѣ W, когда прибываетъ изъ Восточнаго океана въ Пенжинское море; мѣсяца іюля 1742 года.—Въ концѣ перваго тома находится краткій азбучный указатель именъ и предметовъ содержащихся въ 1-й и 2 й частяхъ (стр. 400—438).—Ко второй части приложены 4 гравированныхъ листа, изъ которыхъ 3 складныхъ, выходящихъ изъ размѣра, и 4-й въ размѣрѣ книги. 1) Камчатская огнедышащая гора.—2) Планъ горячихъ ключей, которые текутъ въ рѣки: Пауджу и Озерную.—3) Планъ горячихъ ключей, которые текутъ въ Большую рѣку.—4) Планъ горячихъ ключей, которые текутъ въ рѣчку Бааню.

Третья часть содержитъ въ себѣ слѣдующія 22 главы: 1. О Камчатскихъ народахъ вообще.—2. О произхожденіи званія Камчадалъ и камчатскаго народа по однимъ токмо догадкамъ.—3. О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа.—4. О Камчатскихъ острожкахъ.—5. О домовой посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потребностяхъ.—6. О мужской и женской работѣ.—7. О Камчатскомъ платьѣ.—8. О пищѣ и питіи камчатскаго народа, и о пріуготовленіи оныя.—9. О ѣздѣ на собакахъ и разныхъ къ оной припадлежащихъ приборахъ.—10. О военномъ камчатскомъ ополченіи.—11. О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры.—12. О Шаманахъ камчатскихъ.—13. О праздникахъ и наблюдаемыхъ притомъ церемоніяхъ.—14. О пирахъ и забавахъ Камчатскихъ. (Въ текстѣ настоящей главы, на стр. 114—115, помѣщена пѣсня сложенная Камчадалами на подполковника Мерлина, Маеора Павлуцкаго и студента Крашенинни-

кова, съ голосомъ положеннымъ на ноты)[1].—15. О сведеніи дружбы и о подчиваніи гостей партикулярно.—16. О сватаньѣ и свадьбахъ.—17. О рожденіи и воспитаніи дѣтей. (Въ текстѣ помѣщены мужскія и женскія имена Камчадаловъ).—18. О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.—19. О погребеніи умершихъ.—20. О различныхъ нарѣчіяхъ камчадальскаго народа (помѣщено собраніе словъ разныхъ камчатскихъ нарѣчій, и часть молитвы Господней, на языкѣ южныхъ Камчадаловъ, по запискамъ Стеллера, стр. 138—145).'21.—О Коряцкомъ народѣ (помѣщено собраніе словъ различныхъ Коряцкихъ нарѣчій, и коряцкія названія рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и извѣстнымъ имъ растеніямъ (стр. 169—178).—22. О Курильскомъ народѣ (помѣщены имена мужскія и женскія, собраніе словъ и счетъ курильскаго народа (стр. 184—188).—Къ третей части принадлежатъ 10 гравированныхъ складныхъ листовъ: 1. Внутреннее строеніе зимней камчатской юрты, и какъ женщины сидя по нарамъ въ разныхъ трудахъ упражняются.—2. Изображено на одномъ листѣ: 1) Жиръ варятъ изъ рыбы каленымъ каменьемъ въ лодкахъ. 2) Рыбу пластаютъ и чистятъ. 3) Рыбу вывѣшиваютъ. 4) Ходятъ въ лодкахъ въ верхъ по рѣкамъ и внизъ плаваютъ. 5) Собакамъ и себѣ, ѣсть варятъ. 6) Зимняя юрта. 7) Балаганы. 3. Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ.—4. Камчадалка съ дѣтьми въ уборномъ платьѣ.—5. Камчадалка съ дѣтьми въ простомъ платьѣ.—6. Камчадалъ въ лѣтнемъ платьѣ.—7. Камчадалка въ самомъ великолѣпномъ убранствѣ.—8. Ѣзда на собакахъ съ бродовщикомъ, который дорогу показываетъ.—9. Бродовщикъ, который на ланкахъ прокладываетъ дорогу.—10. Чукотскія бабы[2].

Въ четвертой части 9 главъ: 1. О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ камчатскихъ и о заведеніи въ той сторонѣ Россійскаго поселенія. — 2. О бунтѣ камчатскихъ казаковъ и убійствѣ трехъ прикащиковъ; о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія островов и Японскаго государства для заслуженія винъ своихъ.—3. О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго камчатскаго бунта, что при которомъ достойнаго примѣчанія сдѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска

---

[1] Подполковникъ Якутскаго полка Василій Мерлинъ, и товарищъ его маіоръ Павлуцкій присланы были въ Камчатку для розыска. (Опис. Камчат. т. 2. Ч. 4. гл. 4. стр. 233).

[2] Въ нѣкоторыхъ экземлярахъ „Описанія" листы съ фигурами отъ № 3 до 7-го и №№ 9 и 10-й вставлены по размѣру книги.

въ Камчатку чрезъ Пенжинское море.—4. О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.—5. О нынѣшнемъ состояніи камчатскихъ остроговъ, и ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненіи между собою.—6. О житіи тамошнихъ козаковъ; о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина; о куреніи, о прежней винной продажѣ и о доходахъ козачьихъ.—7. О подчиненныхъ каждому россійскому острогу, камчатскихъ и корятскихъ острожкахъ; о посылаемыхъ къ нимъ сборщикахъ, и о другихъ казенныхъ камчатскихъ доходахъ (помѣщено показаніе въ мѣстахъ означенныхъ въ текстѣ число острожковъ стр. 250—251, и 253—257).—8. О купечествѣ.—9. О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска въ Камчатку ѣздятъ.—Ко второму тому, также какъ и къ первому, приложенъ азбучный указатель именъ и предметовъ; къ четвертой части принадлежитъ одинъ гравированный складной листъ съ изображеніемъ Нижняго Камчатскаго острога.

Профессоръ Мюллеръ, издатель замѣчательнаго труда Крашенинникова, не принадлежалъ къ числу его доброжелателей, что видно изъ предисловія, гдѣ первый не отказывая автору „Описанія" въ умѣренныхъ похвалахъ, явно выказываетъ желаніе умалить ученыя заслуги бывшаго спутника своего студента, давая понять, что Крашенинниковъ былъ какъ у него, такъ и у прочихъ участвовавшихъ въ экспедиціи профессоровъ, въ подчиненіи [1]. Изъ недоброхотовъ Крашенинникова, является еще нѣкто Іоаннъ Бенедиктъ Шереръ, сынъ Стразбургскаго профессора восточныхъ языковъ; въ напечатанномъ имъ за границею: „G. W. Stellers... Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Francfort und Leipzig. 1774", посвященномъ ученымъ обществомъ парижскому, лондонскому и стокгольмскому, съ помѣщеніемъ біографіи Стеллера, онъ въ посвященіи своемъ отозвался пре-

---

[1] По неудовольствіямъ объявленнымъ Шумахеромъ, Ломоносовымъ и Поповымъ на Мюллера, и по разнымъ другимъ обвиненіямъ его въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, онъ по приговору графа Разумовскаго былъ разжалованъ изъ академиковъ въ адъюнкты, съ жалованьемъ по 360 рублей въ годъ. На чрезвычайномъ академическомъ собраніи, онъ между прочимъ обвинялся въ томъ, что говорилъ Теплову и нѣкоторымъ профессорамъ о Крашенинниковѣ, что онъ, Крашенинниковъ, былъ у него (въ продолженіи Камчатской экспедиціи) подъ батожьемъ. Непристойный отзывъ Мюллера о Крашенинниковѣ, бывшемъ студентѣ во время путешествія академиковъ по Сибири, невольно останавливаетъ на себя вниманіе. Такой отзывъ служитъ доказательствомъ, что просвѣщенные иноземцы въ Россіи XVIII столѣтія поступали иногда нисколько не лучше тѣхъ, кому они придавали такъ охотно названіе варваровъ. Истор. Акад. Наукъ. т. I, стр. 365.

зрительно о Крашенинниковѣ, называя его ученикомъ Стеллера, приданнымъ послѣдему въ качествѣ студента, въ путешествіи по Камчаткѣ. Подтвержденіе самостоятельности какъ практическихъ трудовъ, такъ и составленнаго Крашенинниковымъ описанія, находимъ въ опроверженіяхъ, написанныхъ Бюшингомъ (A. F. Büschings Wöchentliche Nachrichten, 1774. 21. Stück. 163—167; 24. Stück. 185—187), и приведенныхъ Пекарскимъ невѣрностей Шерера касающихся біографіи Стеллера, такъ и ложныхъ извѣстій относящихся къ Крашенинникову; приводимъ послѣднія: опроверженіе того, будто бы Крашенинниковъ былъ ученикомъ Стеллера, дѣлаетъ Бюшингъ ссылаясь на предисловіе Мюллера, къ „Описанію Камчатки"; что же касается до самой книги, то нѣмецкій ученый говоритъ: „Крашенинниковъ не искажалъ и не сокращалъ сочиненія Стеллера, и составилъ изслѣдованіе изъ своихъ собственныхъ и стеллеровскихъ наблюденій, которое вышло на русскомъ языкѣ въ 757 страницъ въ большую четвертку; тогда какъ стеллеровское напечатано на 384 страницахъ въ большую осьмую долю листа. Крашенинниковъ выбралъ изъ стеллеровской рукописи, что онъ находилъ хорошаго, и часто ссылается на него, сообщая притомъ свои собственныя наблюденія и примѣчанія. Онъ многое взялъ изъ Стеллера, почему у нихъ встрѣчаются сходства, но у Крашенинникова есть многое, въ чемъ онъ предупредилъ Стеллера [1].

Пекарскій упоминаетъ еще объ одномъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи, которое при разборѣ шереровской книги „Steller's Beschreibung von dem Lande Kamtschatka" горячо принялъ сторону униженнаго въ посвященіи Шерера—Крашенинникова, что тѣмъ болѣе замѣчательно, что этого ученаго въ то время давно не было въ живыхъ. Статья о томъ подписана двумя буквами Pc. (Allgemeine deutsche Bibliothek 1775. XXV. 537—543), и въ ней читаемъ: „Покойный профессоръ Крашенинниковъ, отъ котораго мы имѣемъ первое описаніе Камчатки, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и былъ снабженъ подробными наставленіями отъ даровитыхъ—Мюллера, Гмелина и Делиля. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ имѣлъ досугъ и поддержку привести въ порядокъ свои рукописи. Въ тоже время ему переданы были бумаги умершаго Стеллера, такъ-что онъ могъ выработать полное, обстоятельное сочиненіе изъ его, и своихъ собственныхъ наблюденій... Издатель приходитъ въ восторгъ отъ заслугъ своего писателя, и въ посвященіи восклицаетъ: „уже давно ученый свѣтъ не имѣлъ собранія превосходныхъ сочиненій знаменитаго Стеллера! Чтобъ до-

[1] Истор. Акад. Наукъ т. I, стр. 606—609.

казать это, г. Шереръ не постыдился презрительно отзываться о Крашенинниковѣ и его „Описаніи“, называя его ученикомъ Стеллера и обвиняя, что онъ воспользовался собраніями послѣдняго, заимствовалъ его карты, рисунки и т. п.“ Послѣ сильныхъ опроверженій недостойныхъ нападковъ на русскаго ученаго, періодическое изданіе продолжаетъ: „мы можемъ почти положительно сказать, что Крашенинниковъ по своемъ возвращеніи, ни разу не заимствовалъ стеллеровскихъ рисунковъ, точно также, какъ въ русскомъ подлинникѣ сообщено гораздо болѣе, чѣмъ мы находимъ у Стеллера. Съ большимъ основаніемъ спрашиваемъ мы издателя, не взялъ-ли онъ изъ нѣмецкаго извлеченія сочиненія Крашенинникова обѣ карты и другіе рисунки, именно лѣтнихъ и зимнихъ юртъ, гавани Петра и Павла и Охотска? При сравненіи ихъ между собою, оказывается несомнѣннымъ, что при изданіи описанія Стеллера, помѣщены копіи съ гравюръ, въ которыхъ не взято даже труда измѣнить и малѣйшее украшеніе и по произволу расположенныя облака?...[1]

Послѣдующія изданія „Описанія“: въ 1786 г. въ С. Петербургѣ въ 4°; помѣщено также въ изданіи: Полное Собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Акад. Наукъ съ примѣчаніями, изъясненіями и дополненіями 7 частей. 8°. т. 1. Описаніе Камчатки. Ч. 1 и 2. 1818. Т. 2, продолженіе ч. 3. и 4-я, 1819, и первая тетрадь Атласа, содержащая въ себѣ 1 карту, 2 плана и 9 изображеній. (Кеппена. Матеріалы для исторіи просвѣщ. въ Россіи. № 1. 1826. Библіографич. Листы № 24. столб. 389—340). Смирд. Ч. II. № 3799.—Переводы на иностранные языки; англійскій: „The history of Kamtschatka and the Kurilski islands, publisched in the russian languägue and translated in enylisch by Grieve (James). Glocester. 1764. 4° (съ фигур.)—Французскій: Description abrégée du pays de Kamtschatka. Erlang. 1768. 8°.—Histoire de Kamtschatka, des iles Kurilski et des contrées voisines, trad. du russe en anglais (par Grieve) et de l'anglais par M. E... (Eidous). 2. vol. Lyon, 1767. 12°, et Amsterdam. 1770 [2].—Голландскій: Aardrykokundige en natuurlyke Beschryving van Kamtschatka.. Vervolgens in het Engelsch en Hoogduitsch en nu in het Nederduitsch vertaald. Haerlem, 1770 8°.—Joem, Amsterdam, 1770. 8°.—Нѣмецкій: Beschreibung des Landes Kamtschatka aus dem Englischen, von J. T. Köhler. Lemgo. 1766 und. 1789. 4° [3]

---

[1] Истор. Акад. Наукъ. т. 1. стр. 611—612.—[2] Brunet, edit. 1820. t. II. p. 123 et 318.—[3] Геннади справ. Словарь. т. 2. стр. 178.

№ 72. **Александръ въ Индіи, Опера** представленная При Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, для торжественнаго дня Всерадостнаго Рожденія **Ея Императорскаго Величества Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссінскія и проч. и проч. и проч.—Сочиненіе Г. Аббата Метастасія, Стихотворца Ихъ Римскихъ Императорскихъ Величествъ.—Музыка Г. Араія, Ея Императорскаго Величества Капель-Мейстера.—**Печатана въ Санктпетербургѣ** При Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 4°. 2 ненум. стр. (не считая заглавн. листъ), 55 нум. и 1 нен. стр.

Сопик. Ч. 4. № 7387.—Смирд. Ч. IV. № 7631.—Драм. Словарь. 1787. стр. 17.

Въ началѣ помѣщено слѣдующее „Краткое Изъясненіе" содержанія оперы: „Извѣстное Александрово великодушіе къ побѣжденному имъ неоднократно и плѣненному Индѣйскому Царю Пору, которому возвращалъ онъ всегда царство и свободу, составляетъ главное дѣйствіе сея оперы. Къ связанію всѣхъ различныхъ представленій способствуютъ хитрости Клеофиды, Царицы надъ нѣкоторою частію Индіи, которая влюблена была въ Пора, но притомъ красотою своею и притворствомъ столько уловила и Александра, что владѣнія своего не лишилась.

Дѣйствіе начинается отъ втораго разбитія Поровыхъ войскъ при рѣкѣ Гангѣ, гдѣ на одномъ берегу видѣнъ станъ Александровъ, а на другомъ столица Клеофиды. Затѣмъ сообщено извѣстіе что „Украшенія театра изобрѣтены Г. Валеріани, Ея Императорск. Велич., первымъ театральнымъ живописцемъ; и С. Петербургской Академіи Художествъ профессоромъ перспективы. На оборотѣ страницы показанъ списокъ дѣйствующихъ лицъ оперы, съ именами ихъ изображавшихъ артистовъ: Александръ, г. Джорджи.—Поръ, царь индѣйскій, любовникъ Клеофиды, г. Карестини.—Клеофида царица, любовница Пора— г-жа Манціо.—Эриксена сестра Пора—дѣвица Гарани.—Гандартъ, вождь войскъ Пора, любовникъ Эриксены—г. Салетти.—Тимагенъ, наперсникъ Александра, но тайный его непріятель—г. Компасси.— Македонскіе и Индѣйскіе воины—гг. кадеты Ея Имп. Велич. сухопутнаго, шляхетнаго кадетскаго корпуса. Дѣйствія актеровъ сопровождающія рѣчи, или совершаемыя послѣ нихъ, напечатаны внизу страницъ подъ чертою, аріи поющіяся въ оперѣ, переведены съ италіанскаго нерифмованными стихами, и послѣ каждаго изъ трехъ дѣйствій пьесы, представлены балеты; въ концѣ третьяго, хоръ поетъ хвалу Александру:

«Доколѣ достигають лучи солнечные
И сколько объемлеть пространный Океанъ;
Да повинуется все державѣ
Великаго Героя, Іовишева отродія и возлюбленника,
И да не умолкнетъ никогда гремящая слава
Возвѣщать повсюду Величество имени его».

О третьемъ балетѣ упомянуто, что онъ „учрежденъ на подобіе балетовъ парижскія оперы“, и что они всѣ три изобрѣтены и составлены г. Фоссаномъ, Ея Имп. Велич. балетмейстеромъ.

Драматическій Словарь 1787 года указываетъ на изданіе оперы „Александръ въ Индіи съ русскимъ и италіанскимъ текстами, о подобныхъ же двухъ изданіяхъ упоминаетъ Геннади въ Справочн. Словарѣ т. 2. стр. 313; но намъ они не встрѣчались. Изъ изданія оперы съ итальянскимъ и французскимъ текстами видно, что она была играна на ораніенбаумскомъ театрѣ въ 1759 году [1]; италіанское ея заглавіе слѣдующее: „Alessandro nell Indie, Dramma per Musica da rappresentarsi in Oranienbaum, per comando di sua Altezza Imperiale Monseigneur Il Gran Duca di tutte le Russie etc. etc. etc. Nel suo novissimo teatro.—La Poesia é del celebre Signor Abbate Pietro Metostasio, Poeta des Sua Maestá Cesarea.—La Musica é del Signor Francesco Araya, Maestro di Cappella di sua Maestá Imperiale di tutte le Russie etc. etc. etc. In St. Pietroburgo Nella stamperia dell' Accademia Imperiale delle Scienze. 1759.“ (125 нум. стр. м. 4°).— Въ этомъ году роли исполняемы были уже другими артистами съ слѣдующими именами: Александръ—г-жа Елисавета Замбра. Поръ, любовникъ Клеофиды—г. Максимъ Березевскій. Клеофида, любовница Пора—г-жа Марія Камата Брамбилла, прозванная Фаринелла. Эриксена—дѣвица Элеонера Бриганъ. Гондартъ, вождь войска Пора, любовникъ Эриксены—дѣвица Нунціата Гарани изъ Болоньи. Тимогенъ, наперсникъ и тайный врагъ Александра—г-жа Катерина Бригонци.— (Всѣ въ службѣ Его Имп. Высоч., исключая г-жу Гарани, показанную въ службѣ Ея Имп. Величества). Далѣе слѣдуютъ имена декораторовъ и живописцевъ: Жузеппе Валеріани, первый живописецъ и театральный инженеръ Ея Имп. Велич., и членъ С. Петерб. Акад.

---

[1] Драматич. Словарь 1787-го года упоминаетъ объ этомъ, тогда вновь построенномъ театрѣ, на которомъ опера была представлена въ первый разъ, 1759 года; театръ былъ построенъ по образцу Берлинскаго и находился подъ управленіемъ г. Кальцаваро. Штелинъ „Краткое Извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ.“ С. Петерб. Вѣстн. мѣсяцъ. Октябрь 1779 г. стр. 252.

Художествъ.—Антоній Перезанотти, живописецъ Ея Имп. Велич.—Франческо Градици—художникъ С. Петерб. Академіи.—Балеты изобрѣтены и поставлены Франческо Кальцаваро балетмейстеромъ Его Имп. Высоч. Велик. князя. На 5-й стр. помѣщено извѣстіе, что новый ораніенбаумскій театръ построенъ по рисунку и подъ надзоромъ Антоніо Ринальди изъ Рима, архитектора Ея Имп. Высоч. Великой Княгини.

Для сравненія италіанскихъ стиховъ съ русскими приводимъ здѣсь хоръ въ концѣ третьяго балета оперы, помѣщенный выше на русскомъ языкѣ:

Serva ad Eroe si grande,
Cura di Giove, e prole,
Quanto rimira il Sole,
Quanto circonda il mar.
Nè lingua adulatrice
Del Nome suo felice
Trovi più dolce suono,
Di chi risiede in Trono
Il fasto a lusingar.

Извѣстіе о представленіи оперы въ 1756 году, находится въ Московскихъ Вѣдомостяхъ этого года (№ 4. вторникъ мая 7).—Изъ Санктпетербурга отъ 29 Апрѣля: „Вчерашняго дня представлена была Италіанская опера: Александръ въ Индіи, господина Метастазія, Италіанскаго стихотворца. Искусное сочиненіе музыки господина Араія, капельмейстера Ея Императорскаго Величества, пѣніе славныхъ господъ Каристинія и Салетія; украшеніе и изобрѣтеніе махинъ господина Валеріани, театральнаго архитектора, все оное отъ Ея Императорскаго Величества высочайшую апробацію и общую ото всѣхъ похвалу получило.

№ 73. **Слово Похвальное** блаженныя и вѣчнодостойныя памяти **Государю Императору Петру Великому** въ торжественное празднество **коронованія Ея Императорскаго Величества** всепресвѣтлѣйшія, самодержавнѣйшія, великія **Государыни Императрицы Елисаветы Петровны** Самодержицы Всероссійскія, въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ говоренное Михайломъ Ломоносовымъ Апрѣля 26 дня 1755 года.—Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 4°. 70 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 3. № 6029.—Плав. Ч. III. № 6313.—Смирд. Ч. IV. № 6518. Слов. митр. Евген. 1845. т. II. стр. 22.—Новикова Опытъ Слов. стр. 130.—Бант. Каменск. Слов. Ч. 3. 1836. стр. 199.—Пекарс. Истор. Акад. Наукъ. т. II. стр. 578.—Собран. Сочинен. извѣстнѣйш. русск. писат. изд. П. Перевлѣсскаго. Вып. I. Избран. соч. Ломоносова стр. 230.—Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломонос. Спб. 1865. стр. 303.—Будиловичъ. Ломоносовъ какъ писатель. Спб. 1871. стр. 45. Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 313.

Первое изданіе „Похвальнаго Слова", напечатано красивымъ крупнымъ шрифтомъ въ количествѣ 600 экземпляровъ, изъ которыхъ 150 на александрійской бумагѣ [1]. Рѣчь свою начинаетъ Ломоносовъ похвалами Елисаветы, дщери Великаго Петра, родившейся для славы Россіи (стр. 1—13). За тѣмъ начиная панегирикъ Петру, онъ похваляя его, опять вмѣстѣ съ тѣмъ, похваляетъ Елисавету. Авторъ превозноситъ великія дѣянія Петра относящіяся къ насажденію имъ наукъ, учрежденію войска, флота, побѣдамъ на морѣ и сушѣ, и внутреннему управленію; прославляетъ преодолѣнныя имъ препятствія; описываетъ внутреннюю измѣну, упоминаетъ о внѣшнихъ врагахъ; исчисляя добродѣтели его, признаетъ что въ Исторіи нѣтъ ему подобнаго, и наконецъ, возносящ его выше великихъ мужей древности, приравниваетъ его къ божеству: „Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ здѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дохнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божество постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю". (Слов. стр. 67—68). Въ концѣ рѣчи послѣ краткаго обращенія къ Богу и молитвы о дарованіи долгоден-

---

[1] „Слово" продавалось по 40 коп. Въ декабрѣ 1765 г. напечатано второе изданіе въ 8° (11 и 56 стр.), такъ какъ первое было распродано, а покупатели продолжали спрашивать его; тогда выпущено въ свѣтъ 600 экземпляровъ по 25 коп. каждый.—Французскій переводъ: Panagyrique de Pierre le Grand, prononcé par M. Lomonossow... et traduit sur l'original russien par. M. le baron de Tschoudy. 4°, 42 стр. Въ академическомъ экземплярѣ между послѣдними строками приписка Ломоносова; „mais traduit fort mal, et contre les protestations de l'auteur". Перевода напечатано въ іюлѣ 1759 г. 625 экземпляровъ, изъ коихъ каждый продавался по 15 коп. Истор. Акад. Наукъ. т. II. стр. 578—579 прим. 4.

ствія царствующей императрицѣ за несравненныя предшественниковъ ея благодѣянія оказанныя Россіи, панегиристъ обращается къ великой тѣни Петра Великаго съ слѣдующими словами: „А ты, великая Душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внукъ наслѣдникъ; Правнукъ по желанію нашему родился; мы Тобою возвышенны, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше нежели всѣ силы наши". (Слов. стр. 69—70) [1].

Ломоносовъ обладая несомнѣннымъ даромъ краснорѣчія при глубокомъ знаніи своемъ отечественнаго языка, употреблялъ между тѣмъ чуждые ему обороты латинской рѣчи; ставилъ себѣ образцами древнихъ писателей, у которыхъ заимствовалъ нерѣдко мысли для собственныхъ произведеній, что усмотрѣно и въ настоящемъ его „Словѣ". Первый, указавшій на эти заимствованія въ немъ изъ панегирика Плинія младшаго Траяну, былъ Каченовскій, котораго замѣчанія помѣщены въ „Трудахъ Общества любителей россійской словесности 1812 года. III. Разсужденіе о похвальныхъ словахъ Ломоносова. стр. 92—99". Впослѣдствіи бывшій профессоръ Московскаго Университета, Шевыревъ, забывъ о Плиніи младшемъ утверждалъ: „Ломоносовъ сравниваетъ Петра Великаго съ божествомъ—и справедливо... Это значеніе христіанское" (Москвитянинъ 1843 г. № 6. Критика стр. 526). Вскорѣ за тѣмъ г. Галаховъ напомнилъ Шевыреву, что это сравненіе съ божествомъ Петра, переведено Ломоносовымъ изъ язычника Плинія, который возвелъ въ своемъ панегирикѣ въ бога Траяна... Тогда же г. Галаховъ, на основаніи указаній Каченовскаго, привелъ и другія заимствованія Ломоносова у Плинія (Отечеств. Записки. 1843. XXX. отд. VIII. стр. 59—61) [2].

Въ „Матеріалахъ для біографіи Ломоносова", г. академика Билярскаго, находятся слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся напечатанія и выпуска въ свѣтъ „Похвальнаго Слова": „14 апрѣля. Прошлаго 1754 году, Декабря 10 дня, по опредѣленію Канцеляріи Академіи Наукъ,

---

[1] „Слово" задумано Ломоносовымъ ранѣе, именно 18 апрѣля 1754 г., и почти готово было 4 іюля того же года; оно предназначалось къ произнесенію на 19 декабря, но по разнымъ причинамъ не могло быть произнесено ранѣе 26 апрѣля 1755 года. (Биляр. стр. 264. 272. 275 и 277).—[2] Истор. Акад. Наукъ. т. II. стр. 579—580. прим. I.—Здѣсь показаны всѣ заимствованныя и даже нѣкоторыя переведенныя Ломоносовымъ мѣста „Похвальнаго Слова" изъ Плинія, съ приведеніемъ латинскаго текста. Означенныя мѣста находятся въ „Словѣ" на стр.: 4. 62. 66 и 68.

велѣно рѣчи, сочиненной г. совѣтникомъ и профессоромъ Ломоносовымъ, на день рожденія Ея Імператорскаго Величества, то есть Декабря на 18 число, напечатать для подносу ко двору и для раздачи знатнѣйшимъ особамъ, на александрійской бумагѣ 150, да для продажи на календарной 250, всего 400 екземпляровъ, и по напечатаніи переплесть въ разные переплеты; а понеже та рѣчь къ тому числу поспѣть не могла, а нынѣ ордеромъ Его Сіятельства Академіи Наукъ гдна Президента велѣно приготовить на день коронаціи Ея Имп. Величества, то есть сего Апрѣля на 26 число слово похвальное Гдрю Императору Петру Великому, того ради приказали: объявленное слово показанное число и на такой бумагѣ, да сверхъ того въ прибавокъ 200 экземпляровъ на календарной же бумагѣ напечатать, и по напечатаніи переплесть въ такіе переплеты, въ какіе прежде велѣно, а достальные отдать въ книжную лавку въ продажу. (По журналу 26 Апрѣля, велѣно продавать по 40 коп. за экземпляръ. А по журналу 28 Апрѣля, велѣно переплесть еще 50 экземпляровъ для раздачи знатнымъ особамъ, потому что прежде переплетенныхъ „явилось недостаточно [1]").

„Опытъ Словаря" Новикова, свидѣтельствуетъ, что Ломоносовъ самъ перевелъ „Похвальное Слово" свое на латинскій языкъ. Въ 1754 году возложено было на Штрубе перевести это „Слово на французскій [2], и напечатать сто экземпляровъ.

№ 74. Санктпетербургскій Календарь на Лѣто отъ Рождества Христова 1755, которое есть **простое** содержащее въ себѣ 365 дней сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 132 ненум. стр.; 1 таблица (съ чертеж. затмѣній), и картинка.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 95а.—Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 552.

Святцы и слѣдующія за ними обычныя статьи безъ перемѣнъ. Относительно затмѣній извѣщается что во всей Европѣ въ настоящемъ году, не будетъ видимо ни одного солнечнаго затмѣнія, но только одно лунное, которое по Эфемеридамъ Занотта произойдетъ въ Петербургѣ 17-го марта, раннимъ утромъ; причемъ приложена особ-

---

[1] Билярскій стр. 294. Похвальн. Слово Петру В. № 157. тамъ же стр. 277.—[2] Истор. Акад. Н. т. I. стр. 684.

ливая таблица съ изображеніемъ помянутаго затмѣнія, и другая въ текстѣ съ показаніемъ городовъ Россійской имперіи, гдѣ оно видимо будетъ. Также упомянуто, что оно не будетъ видно въ Иркутскѣ, Якутскѣ, и въ сибирскихъ далѣе къ востоку лежащихъ городахъ. Въ настоящемъ календарѣ появляется въ первый разъ подъ цифрою IX: „Реэстръ Губерніямъ, Провинціямъ и городамъ въ Россійской Имперіи находящимся; губерніи: московская содержащая девять провинцій; новгородская четыре, бѣлгородская двѣ, воронежская четыре, смоленская безъ провинцій, архангелогородская три, казанская пять, нижегородская двѣ, астраханская и Кіевская безъ провинцій, оренбургская двѣ, сибирская двѣ, и наконецъ рижская, ревельская, выборгская и с. петербургская безъ провинцій.—Въ „Краткомъ родословномъ показаніи", Императорскій домъ увеличенъ именемъ В. Князя Павла Петровича, родившагося 1754 года, 20-го сентября; вмѣстѣ съ тѣмъ, день его рожденія и тезоименитства показанъ въ „Росписи господскимъ праздникамъ и торжественнымъ днямъ."

На картинкѣ приложенной къ календарю изображеніе Невы съ плывущимъ суднóмъ; въ отдаленіи представлено зданіе адмиралтейства и Петропавловская крѣпость. Рамка составлена изъ четырехъ геніевъ: одинъ, сидящій у курящагося жертвенника; на площадкахъ скалъ съ правой и лѣвой стороны, стоящій, держитъ въ одной рукѣ чашу наполненную плодами; въ другой копье лежащее на плечѣ; противъ него третій колѣнопреклоненный, съ связаннымъ на плечѣ лежащимъ снопомъ; у ногъ его также снопъ и серпъ. Четвертый парящій въ воздухъ геній съ корзиною цвѣтовъ въ рукахъ; въ облакахъ дующая головка зефира. Подъ гравюрою щитъ увитый цвѣточною гирляндою, съ надписью на немъ: „На С. Петербургскій Календарь".

№ 75. Московскія Вѣдомости 1756 года 4°. (Апрѣля 26—Декабря 31) 72 №№, каждый по 8 ненум. стр., всего 576 стр. и 8 Прибавленій (45 нум. стр.)

В. Коршъ. Столѣтіе Москов. Вѣдом. (1756—1856). М. 1857 г. стр. 4.— С. Шевырева. Исторія Москов. Университета м. 1855. стр. 24.—А. Неустроева. Историч. Розыскан. о Русск. повремен. изданіяхъ и сборн. Спб. 1874. стр. 67

„Московскія Вѣдомости обязаны существованіемъ своимъ правительственной инниціативѣ; черезъ годъ по учрежденіи въ Москвѣ университета, 5-го марта 1756 года изданъ былъ сенатскій указъ о порядкѣ сношеній его съ Коллегіями, Канцеляріями, приказами, конторами и проч.; въ означенномъ указѣ между прочимъ предписано бы-

ло Святѣйшему Синоду передать въ московскій университетъ всю гражданскую часть духовной типографіи со всѣми принадлежностями и гражданскими книгами. Подобный же указъ былъ данъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, и высочайшимъ указомъ была приписана къ новой типографіи Бутырская слобода, гдѣ до настоящаго времени (1856) живутъ наборщики университетской типографіи. — Изданіе Московскихъ Вѣдомостей при университетѣ началось въ пятницу, Апрѣля 26-го дня, 1756 года; въ этотъ самый день вышелъ первый ихъ нумеръ, черезъ годъ по открытіи университета. Первоначально ихъ редакціей завѣдывали профессоры университета: сперва Николай Никитичь Поповскій; потомъ изданіе ихъ поручено было Антону Алексѣевичу Барсову, исполнявшему эту должность въ теченіе девяти лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, за тѣмъ она возложена была на Петра Дмитріевича Веніаминова. Въ первыя семь лѣтъ своего существованія, Московскія Вѣдомости имѣли чисто оффиціальный характеръ; въ составъ газеты входили: Высочайшіе и Сенатскіе указы, высочайшіе приказы, придворныя извѣстія донесенія съ театра войны, такъ называемыя иностранныя извѣстія, и наконецъ объявленія. Литературныхъ статей въ теченіи перваго семилѣтія почти небыло.— Московскія Вѣдомости печатались первоначально на небольшомъ листѣ толстой, сѣрой бумаги, сложенной въ четвертую долю, первое время безъ нумераціи страницъ; на каждомъ нумерѣ газеты находится виньета, изображающая славу, съ лицомъ обращеннымъ вправо, летящую въ облакахъ, трубящую въ трубу, съ висящимъ на ней въ видѣ знамени государственнымъ гербомъ, и держащую въ правой рукѣ другую трубу и овальный щитъ съ изображеннымъ на немъ гербомъ московской губерніи; съ № 33-го 1757 года, въ помянутой виньетѣ произошла небольшая перемѣна состоящая въ томъ, что лицо славы обращено въ лѣвую сторону.—Объявленія объ изданіи „Вѣдомостей“ небыло, но подписка на нихъ предложена въ № 2-мъ, 30 Апрѣля, 1756 года, въ слѣдующихъ словахъ: „Чрезъ сіе объявляется, что учреждена въ домѣ Императорскаго Московскаго Университета, что на Моховой, книжная лавка, въ которой продаваться будутъ всякія книги и принадлежащія вещи къ ученію. Московскія Вѣдомости, которыя два раза въ недѣлю выходить будутъ, продаваться станутъ за четыре рубли въ годъ; и для того, кто оныя имѣть пожелаетъ, изволили бы объявленія подавать въ канцелярію, съ платежемъ годовыхъ денегъ“ [1].

---

[1] Столѣтіе Моск. Вѣд. стр. 4 и слѣд.

Съ самаго начала Московскія Вѣдомости сообщали публикѣ о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ Россіи и Западной Европы; черезъ нихъ сенатъ обнародывалъ высочайшіе указы; университетъ извѣщалъ Москву о своихъ торжествахъ, которыя совершались три раза въ году: въ день высочайшей коронаціи, въ день тезоименитства императрицы, и въ день возшествія ея на престолъ. Прибытіе новыхъ профессоровъ въ столицу, открытіе новыхъ курсовъ, защищеніе диссертацій, диспуты между студентами, награды имъ и ученикамъ, имена исключенныхъ за нехожденіе на лекціи, принадлежали также къ числу постоянныхъ новостей университетскихъ, которыя Россія узнавала черезъ Вѣдомости. Жизнь общественная и промышленная обязана была имъ первымъ своимъ движеніемъ[1].

Представляемъ извѣстія болѣе замѣчательныя и любопытныя о событіяхъ какъ въ Россіи, такъ и въ прочихъ европейскихъ державахъ въ томъ видѣ, въ которомъ они сообщались публикѣ, на страницахъ первой московской газеты; начнемъ съ извѣстій придворныхъ и сообщенія о движеніи тогдашней петербургской жизни: „Отъ 18. Апрѣля. Сего мѣсяца 14 числа, въ день святыя Пасхи, во второмъ часу по полуночи, по прибытіи Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія нашея Государыни, и Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя, Петра Ѳедоровича, въ большую придворную церковь гдѣ множество обоего пола знатныхъ персонъ находились, началась утреня, и послѣ оной тотчасъ литургія. Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня, изволила божественную службу въ малой церквѣ въ Своихъ покояхъ слушать. По окончаніи святыя службы, всѣ находившіеся въ церквѣ приносили Ея Императорскому Величеству, всеподданнѣйшее поздравленіе, и всемилостивѣйше допущены были къ рукѣ. 17 числа былъ куртагъ". (№ 1).— „Отъ 22 Апрѣля: „Въ прошедшее воскресенье, то есть 21 числа сего мѣсяца, былъ при дворѣ день рожденія Ея Императорскаго Высоче-

[1] Истор. Москов. Университета стр. 24. До 1779 года, кругъ читателей „Московскихъ Вѣдомостей", былъ не великъ; ихъ расходилось не болѣе 600 экземпляровъ; въ помянутомъ году вновь поступилъ на службу Кураторомъ Университета Мих. Матв. Херасковъ, оставившій его по случаю переселенія своего въ Петербургъ въ 1770 году. Онъ и внушилъ Новикову мысль снять университетскую типографію въ аренду, вмѣстѣ съ книжною лавкою и изданіемъ „Вѣдомостей". Съ этого времени, благодаря заботамъ Новикова и усердію новыхъ сотрудниковъ, „Московскія Вѣдомости" сдѣлались гораздо живѣе и кругъ читателей сталъ постепенно увеличиваться. (Истор. Розысканіеноврем. изд. и сборниковъ А. Неустроева. стр. 67).

ства, благовѣрной Государыни Великой Княгини; при чемъ по утру, какъ здѣшніе такъ и иностранные господа Министры и протчія знатныя персоны и дворянство, приносили Ея Высочеству свои поздравленія. По окончаніи божественной службы происходила пушечная пальба, а ввечеру въ галлереѣ былъ балъ, и потомъ знатнѣйшіе Кавалеры и дамы и иностранные господа Министры съ Ихъ Императорскими Высочествами кушали вечернее кушанье" (№ 2).—Замѣчательно слѣдующее описаніе аллегорической иллюминаціи, бывшей передъ дворцомъ въ день тезоименитства императрицы: „Показывалось открытое увеселительное Поле, а посреди онаго, зеленой пальмовыми деревьями обросшей Холмъ „яко знакъ нашего щастія; а на немъ сооруженное на педесталѣ великолѣпное зданіе, на которомъ стоя, крылатая, и лавровыми вѣтьвями увѣнчанная статуя то есть, Слава Россійскія имперіи, возноситъ щитъ Имени Ея Императорскаго Величества. Онымъ утѣшается, украшается, и защищаетъ стоящій подлѣ ея щитъ Россійскія Имперіи. Оное поле окружено со всѣхъ сторонъ галлеріею съ отверстыми порталами, а на главномъ оныя гзымзѣ (?) надъ каждыми столбами поставлено вензеловое Имя Ея Императорскаго Величества украшенное трофеями и фестонами; а вдали въ отверстые порталы видно положеніе мѣста, утѣшительныя зеленѣющіяся рощи изъ кедровыхъ и пальмовыхъ деревъ, изображающихъ плоды дѣлъ Ея Императорскаго Величества". Не довольствуясь даннымъ объясненіемъ аллегорической картины, описатель иллюминаціи помѣстилъ еще слѣдующее стихотворное „изъясненіе":

Здѣсь Имя оное ты Слава возвышаешь,
Которымъ ты враговъ Россіи устрашаешь,
Имъ Сѣверъ украшенъ; Россія имъ цвѣтетъ;
Оно ей радости и щастье подаетъ.
Ликуй пространная Россійская держава!
А ты симъ именемъ греми во вѣки Слава!
Доколѣ простоитъ по волѣ вышней свѣтъ,
Царямъ во образецъ тверди Елисаветъ,
Гласи: блистаніе короны умножайте;
Петру и дочери Петровой подражайте. (№ 41)

Другая подобная иллюминація происходила въ день рожденія великаго князя Павла Петровича 20-го сентября, содержаніе которой описывается такъ: „Представленъ былъ великолѣпный садъ, исполненной прекрасными цвѣтниками, и окруженной вдали зеленѣющими аллеями, яко знаками цвѣтущаго Россійскія имперіи состоянія въ своемъ приращеніи; а въ близости огражденной марморными столбами и

порталами съ поставленнымъ на нихъ, и трофеями украшеннымъ вензловымъ Именемъ Ея Императорскаго Величества, для аллегорическаго изъявленія Ея непоколебимой славы и сильнаго защищенія. Посреди сего сада, на обросшей цѣлительными травами и пріятными цвѣтами террасѣ, стоитъ марморный и золотымъ вензловымъ Именемъ Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя Великаго Князя Павла Петровича, украшенной постаментъ; а на немъ въ разсужденіи того, что въ прежнія времена Принцы Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, равномѣрно какъ и Греческихъ Императоровъ порфирородными назывались, поставленъ сосудъ порфирной предорогой, рѣзной работы, у котораго вмѣсто рукоятій находятся два херувима или ангела хранителя, распростертыми крылами осѣняющіе и покрывающіе корень благополучно прозябшаго, и въ прекрасномъ цвѣтѣ находящагося произращенія, называемаго Флосъ Имперіалисъ, то есть Императорскій цвѣтъ, имѣющаго два распустившіеся цвѣтка, и премножество еще цвѣтныхъ головокъ не растворившихся. Надъ симъ драгимъ произращеніемъ является восходящее на оризонтъ, по усердію, и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Россійскія имперіи желанію, солнце Божіяго благословенія и благополучія, и освѣщающее при томъ всю страну сію". За тѣмъ помѣщено стихотвореніе, объясняющее смыслъ аллегоріи:

Сіяй, прекрасный цвѣтъ! Сіяй Петрово сѣмя,
Россія утвердитъ тобой златое время,
Не трогай отрасли сея ты бурный вѣтръ;
Ее произвели съ Екатериной, Петръ.
Съ Екатериной Петръ Ее и насадили;
Чрезъ Анну листики Ея происходили,
Елисаветою подъ солнцемъ возрастетъ.
О Боже! сохрани ты Ей и намъ сей цвѣтъ,
Чтобъ царствуя, для насъ жила Елисавета
Въ Петровскомъ племени до окончанія свѣта! (№ 46).

Слѣдующее извѣстіе относится къ придворному производству нѣкоторыхъ лицъ тогдашней аристократіи: „Изъ Санктпетербурга отъ 3 Іюня: „Вчерашняго дня Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая наша Государыня изволила пожаловать въ свои Каммергеры Камеръ юнкера Ивана Ларіоновича Воронцова. Къ Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, въ Гофъ Маршалы, Камергера Александра Александровича Нарышкина, въ Каммергеры — Каммеръюнкера Петра Кирилловича Нарышкина.

Къ Ея Императорскому Высочеству, Великой Княгинѣ, въ Каммергеры, Каммеръюнкера Льва Александровича Нарышкина. Другое извѣщаетъ о крестинахъ: Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая наша Государыня, изволила быть Воспріемницею съ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Петромъ Θеодоровичемъ, сына Графа Мартына Карловича Скавронскаго Петра, который родился Маія 6 дня.—Далѣе объявляется о томъ, что „Вчерашняго дня два брата Черкасовы, которые были въ Англіи и учились въ Университетѣ называемомъ Кембричь, сюда возвратились, (№ 14).—Изъ слѣдующаго извѣстія отъ 18 Апрѣля видно, что въ высшемъ петербургскомъ обществѣ находились и въ то время любители рѣдкихъ растѣній": Въ саду Его Сіятельства Графа Петра Ивановича Шувалова имѣется смотренія достойное произращеніе съ плодомъ. Оное есть столь славная Муза, банана или бананіера, которая въ Россіи прежде сего ни когда не цвѣла и плода не приносила. Въ февралѣ на этомъ растѣніи было 24 совсѣмъ созрѣлыхъ плода. (№ 1).

Кромѣ придворныхъ торжествъ, иллюминацій, повышеніи въ придворныхъ званіяхъ, имѣется въ „Вѣдомостяхъ" извѣстіе о существовавшемъ тогда въ Петербургѣ итальянскомъ оперномъ театрѣ, на которомъ 28 апрѣля, 1756 года представлена была въ третій разъ опера „Александръ въ Индіи, сочиненіе господина Метастазія Италіанскаго стихотворца. Искусное сочиненіе музыки господина Араіа, Капельмейстера Ея Императорскаго Величества. Пѣніе славныхъ господъ Каристиніа и Салетіа. Украшеніе и изобрѣтеніе махинъ господина Валеріана, театральнаго Архитектора; все оное отъ Ея Императорскаго Величества апробацію и общую ото всѣхъ хвалу получило. (№ 4). Объ увольненіи въ томъ же году отъ службы Каристини съ другимъ придворнымъ пѣвцомъ Жоржи и о награжденіи ихъ помѣщено слѣдующее объявленіе: „Бывшіе въ службѣ Ея Императорскаго Величества, въ камермузыкѣ пѣвчіе, Каристиніи и Жоржіи, свой отпускъ изъ службы получили. Искусство перваго столь извѣстно всѣмъ любителямъ музыки, что не требуетъ нужды о томъ упоминать. Ея Императорское Величество изволила пожаловать Каристиніи тысячу двѣсти рублевъ, а Жоржіи семьсотъ рублевъ (№ 32); кстати привести здѣсь слѣдующее важное извѣстіе и повелѣніи императрицы въ концѣ 1756 года, основать русскій театръ подъ управленіемъ Сумарокова": Ея Императорское Величество изволила указать для умноженія Драматическихъ сочиненій, кои на Россійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу имѣли, установить Россійскій Театръ, котораго дирекція поручена Брегадиру Сумароко-

ву". (№ 49). Черезъ нѣсколько времени напечатано было извѣстіе касающееся пазначеннаго недавно по высочайшей волѣ директора русскаго театра: „Въ Москвѣ Декабря 30 дня, Прошедшаго Августа нынѣшняго года, брегадиръ и Русскаго театра Директоръ, господинъ Сумароковъ, принятъ въ Лейпцигское ученое собраніе Почетнымъ Членомъ, о чемъ нынѣ къ нему дипломъ, отъ него господина Сумарокова, Московскому Университету объявленъ". (№ 69).

О публичныхъ собраніяхъ въ Академіи Наукъ и рѣчахъ ея профессоровъ, помѣщались на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей" извѣстія, изъ которыхъ приводимъ здѣсь два слѣдующихъ, бывшихъ по случаю тезоименитствъ императрицы, наслѣдника и Вел. Кн. Павла Петровича: „Сего Іюля 1 числа, на память основателя въ Россіи Наукъ и Художествъ Петра Великаго, безсмертныя славы Императора; и для всерадостнаго торжества Высокихъ Тезоименитствъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Внука и Правнука Его, благовѣрнаго Государя Наслѣдника Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, и благовѣрнаго Государя, Великаго Князя Павла Петровича празднуемаго Іюня 29 числа, было по опредѣленію Его Сіятельства Ясновельможнаго Малороссійскаго Гетмана и Академіи Наукъ Президента, Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, по утру въ 10 часовъ, публичное въ Академіи собраніе, въ которомъ читалъ рѣчь на Россійскомъ языкѣ о Свѣтѣ и о Цвѣтахъ, Коллежскій Совѣтникъ и Профессоръ Химіи, господинъ Ломоносовъ, а Профессоръ философіи Адамъ Браунъ о знатнѣйшихъ земли перемѣнахъ, на латинскомъ языкѣ". (№ 22).— „Сего Сентября 6 числа, празднуя Академія Наукъ дню Высочайшаго Тезоименитства Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшія Государыни Елисаветъ Петровны, имѣла публичное собраніе, въ которомъ въ началѣ 11 часа по утру, при всѣхъ приглашенныхъ любителяхъ Наукъ, чтены были рѣчи отъ Профессора Юриспруденціи, Фридриха Генриха Штруба-де-Пирмонта: о началѣ и перемѣнахъ Россійскихъ законовъ, на французскомъ языкѣ, да отъ Профессора Ботаники и Натуральной Исторіи, Іогана Христіана Гебенштрейта— о размноженіи плодородія земель трудами земледѣльцовъ, на Латинскомъ языкѣ. (№ 42).

Къ самымъ замѣчательнымъ изъ содержащихся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ извѣстіямъ, принадлежатъ безспорно тѣ, которыя сообщались публикѣ вновь основаннымъ университетомъ, этимъ средоточіемъ возникавшей тогда въ стѣнахъ его ученой дѣятельности, прозваннымъ въ царствованіе императрицы Елисаветы подвизавшимися на поприщѣ науки, профессорами: „alma Universitas Elisabethana".

Онъ первый озарилъ московское общество благотворными лучами просвѣщенія, и первыя познанія въ наукѣ сообщались преподавателями юнаго университета и книгами имъ изданными. Университетъ не замедлилъ открыть книжную лавку, и помѣстилъ въ „Вѣдомостяхъ слѣдующее объявленіе“: Чрезъ сіе объявляется, что учреждена въ домѣ Императорскаго Московскаго Университета что на Моховой, книжная лавка, въ которой продаваться будутъ всякія книги и принадлежащія вещи къ ученію“ (№ 2). Вслѣдъ за тѣмъ сообщалось о томъ, что „въ означенной книжной лавкѣ имѣютъ продаваны быть Математическія готовальни, также и Классическіе Авторы на Латинскомъ языкѣ (№ 3), и въ слѣдующемъ нумерѣ помѣщенъ въ первый разъ реэстръ продаваемыхъ книгъ съ обозначеніемъ цѣнъ, причемъ упомянуто, что онѣ всѣ въ переплетѣ; названія книгъ слѣдующія“: Въ осьмую часть листа: Санктпетербургской печати—Латинская Грамматика, цѣна 70 коп.—Целларіевъ лексиконъ, ц. 1 рубль 30 коп.—Въ шеснадцатую долю листа: Виргилій, ц. 35 коп.—Овидій, ц. 85 коп.—Горацій, 25 коп.—Теренцій 25 коп —Плавтъ, 75 коп.—Ювеналъ, 15 коп.—Авзоній, 25 коп.—Юлій Цесарь, 50 коп.—Корн. Непотъ, 20 коп.—Тацитъ, 65 коп.—Флоръ, 35 коп.—Юстинъ, 35 коп.—Эпиктетъ Греч. и Латинск., 15 коп.—Разговоры Эразмовы, 55 коп. (№ 4) [1]—Въ слѣдующемъ подобномъ же извѣстіи о книгахъ продающихся въ университетской книжной лавкѣ, упомянуто о томъ, „что сверьхъ напечатаныхъ при Университетѣ рѣчей и одъ, издаваемыхъ каждую недѣлю по два раза печатныхъ газетъ, продаются еще слѣдующія книги“: Школьные разговоры на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, 50 коп.—Кастелліоновы священные разговоры. Въ Лейпцигѣ, 45 коп.—Латинская Грамматика на Франц. въ Гагѣ, 70 коп.—Рудименты Латинскіе, на Франц, въ Парижѣ, 30 коп.—Въ девятнадцатую часть листа, Амстердамской печати: Федровы фабулы съ примѣчаніями и прибавленіями, въ Лейпцигѣ, 50 коп.—Въ шеснадцатую часть листа. Здѣсь означены тѣ же классики, что въ № 4, съ прибавленіемъ къ нимъ: „Квинты Курція, 30 коп. и Валерія Максима, 35 коп. (№ 7). Къ этимъ книгамъ въ непродолжительномъ времени были присоединены слѣдующія, но безъ означенія цѣнъ“: Латинскія, въ осьмую часть листа: 1. Юлій Цесарь съ Целларіевыми изъясненіями, въ Лейпцигѣ. 1746 года.—2. Вирги-

---

[1] Какъ этотъ, такъ и послѣдующіе реэстры книгъ, напечатаны въ „Вѣдомостяхъ“ столбцами.

читъ въ полгода. И желающіе оными лекціями пользоваться, могутъ онаго Профессора сыскать въ домѣ его высокородія, господина Директора Университетскаго, близь Университета". (№ 57).—Нѣкоторыя извѣстія касающіяся университета, его дѣятелей и учившагося въ немъ юношества, помѣщены въ „Прибавленіяхъ къ Вѣдомостямъ" и будутъ приведены ниже.

Торжественные дни—возшествія на престолъ, коронованія, тезоименитства и рожденія императрицы, такъ равно и всѣхъ членовъ императорской фамиліи праздновались и въ Москвѣ; въ нихъ принималъ участіе вновь учрежденный университетъ. Въ большомъ Успенскомъ соборѣ совершалась торжественно литургія и молебствіе, въ присутствіи властей и прочихъ высокопоставленныхъ особъ, о чемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" помѣщались извѣстія въ слѣдующемъ видѣ: „Сентября 10 дня. Въ прошедшей Четвертокъ, то есть, сего Сентября 5 числа, въ день Высочайшаго Тезоименитства Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей нашей Государыни, въ большомъ Успенскомъ соборѣ служили божественную литургію, Преосвященный Иларіонъ, Эпископъ Сарскій и Подонской, Мисаилъ, Архимандритъ Новоспаскій съ прочими. При чемъ говорена была достойная похвалы проповѣдь Московской Славяногреколатинской Академіи, школы Философіи учителемъ, Іеромонахомъ Владиміромъ Каллиграфомъ. А при отправленіи молебна были означенные жъ: Преосвященный Иларіонъ, Эпископъ Сарскій и Подонскій, Мисаилъ, Архимандритъ Новоспасскій и прочіе; и для слушанія онаго молебна съѣхались всѣ находящіяся здѣсь знатныя персоны, и присудственныхъ мѣстъ члены, а по окончаніи молебна и учиненіи сигнала, происходила на Красной площади пушечная пальба". На другой день происходило торжество и въ Университетѣ, „гдѣ отправлено было молебственное пѣніе о здравіи Ея Императорскаго Величества, въ присудствіи всѣхъ Университетскихъ членовъ, въ церкви святаго Священномученика Діонисія Ареопагита, состоящей подлѣ Университетскаго дому, что на Моховой; а послѣ того, въ ономъ же домѣ, въ большой Аудиторіи, говорена была Ректоромъ обѣихъ университетскихъ гимназій, господиномъ Шаденомъ, сочиненная на Латинскомъ языкѣ рѣчь: О причинахъ Наукъ, которую, собравшіеся въ великомъ числѣ любители Наукъ слушали съ великимъ удовольствіемъ. Въ вечеру представлена была въ помянутомъ Университетскомъ домѣ иллюминація, и для смотрѣнія оной собралось народу превеликое множество." (№ 41).—Другое извѣстіе напечатано ноября 29-го о праздновапіи дня вступленія на престолъ императрицы; а на другой день, то есть, 26 числа во вторникъ торжествованъ оный же

высочайшій день въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ публичнымъ собраніемъ, въ которомъ онаго Университета Профессоръ Николай Поповскій, говорилъ о преизяществѣ Краснорѣчія рѣчь на Россійскомъ языкѣ, которую собравшіеся во многомъ числѣ любители, слушали съ великимъ удовольствіемъ. Послѣ сего всѣхъ Университетскихъ персонъ, трактовалъ онаго Университета Асессоръ, князь Хованской. (№ 63).—О публичной, въ то время еще мало развитой жизни москвичей, въ „Вѣдомостяхъ“ 1756 года, имѣются весьма скудныя свѣдѣнія; театра, и другихъ какихъ либо общественныхъ увеселеній еще не существовало, и потому московская публика должна была довольствоваться тѣми немногими, незатѣйливыми развлеченіями, которыя ей тогда представлялись, собираясь веселиться гдѣ, и какъ могла; впрочемъ на страницахъ „Вѣдомостей“ находится только одно извѣстіе, кѣмъ-то напечатанное, къ удовольствію тогдашнихъ меломановъ, и заключающееся въ слѣдующемъ: „Въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Генеральши Лицкиной, будетъ всякую недѣлю въ среду концертъ; и начнется съ 5 числа іюня, въ 6 часу по полудни, а каждая персона платить имѣетъ по одному рублю за билетъ (№ 11). — Собиралась публика и на загородныя гулянья, существовавшія въ то время по извѣстіямъ „Вѣдомостей“ въ слѣдующихъ мѣстахъ: „Маія 1 дня. Сего дня былъ великой съѣздъ знатныхъ особъ обоего пола, въ загородномъ мѣстѣ называемомъ „Нѣмецкіе столы“, гдѣ по причинѣ благополучныя погоды, такое множество находилось, что примѣчено около тысячи каретъ, и прогуливались до самой поздней ночи“, (№ 3). Въ то время, какъ и теперь, дурная погода не мѣшала истымъ любителямъ гуляній посѣщать ихъ, что видно изъ слѣдующаго извѣстія. „Іюня 25 дня. Вчерашняго числа, по причинѣ праздника Рождества святаго Іоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня, не смотря на дождливую погоду, которая продолжалась во весь день, было однако великое собраніе пароду на Трехъ Горахъ, гдѣ въ сей праздникъ обыкновенно бываетъ гульбище, а особливо на состоящихъ въ близости онаго мѣста славныхъ прудахъ нязя Гагарина“. (№ 18). Іюля 30 дня. Третьяго дня у праздника въ Но одѣвичьемъ монастырѣ какъ по утру для богомолія, такъ и послѣ полудни для гулянія, было, по причинѣ весьма пріятной погоды, чрезвычайное собраніе народу, и между тѣмъ великое множество въ богатыхъ уборахъ и великолѣпныхъ экипажахъ“. (№ 28).—Почти никакихъ свѣдѣній не встрѣчается въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1756 года о событіяхъ совершавшихся въ жизни высшаго круга московскаго общества; впрочемъ можно указать на одно извѣстіе, сообщающее о двухъ аристократическихъ бра-

кахъ: „Апрѣля 28 дня. Сего числа Иванъ Сергѣевичь Головинъ вступилъ въ супружество съ дѣвицею Княжной Катериной Алексѣевной Голицыной, дочерью покойнаго Князя Алексѣя Ивановича Голицына; гдѣ присутствовали только съ обѣихъ сторонъ ближніе свойственники. Также на сихъ дняхъ, Князь Николай Алексѣевичь Долгоруковъ помолвилъ жениться на дѣвицѣ Аннѣ Александровнѣ Бредихиной, дочери покойнаго бывшаго въ Новѣгородѣ Вице-Губернатора, Александра Ѳедорорича Бредихина". (№ 2).

Замѣчательно что въ 1756 году, оказался въ Москвѣ почему-то запросъ на канареекъ, потому явились и продавцы таковыхъ, иностранцы; въ извѣстіяхъ о продажѣ помянутыхъ птицъ, читаемъ: „Въ приходѣ церкви Петра и Павла, что въ Новой Басманной, въ домѣ купца Меера, у иноземца Ивана Рополда, продаются разныхъ сортовъ канарейки. (№ 55). Онѣ продавались и въ Нѣмецкой слободѣ, близъ аптеки, въ домѣ портнаго мастера Родбейса, причемъ упомянуто что онѣ „вывезены недавно изъ за-моря; наконецъ, разныхъ сортовъ канарейки продавались въ нѣмецкой же слободѣ „въ домѣ иноземца Михайла Фанера, близъ гошпитали, у иноземца Ивана Штыра". (№ 67).—Встрѣчается также извѣстіе о продажѣ табаку „Ревельскаго, Голландскаго рульнаго и прочихъ сортовъ, который потребители его могли получать: „въ приходѣ церкви Николая Чюдотворца что у Большаго Креста, близъ Ильинскихъ воротъ, въ домѣ умершаго Доктора Севасто, у иноземца Петра Вевера". (№ 54).

Немного свѣдѣній встрѣчается на страницахъ газеты 1756 года, о залогѣ недвижимыхъ имѣній въ тогдашнихъ банковыхъ конторахъ. Приводимъ одно изъ такихъ объявленій о продажѣ съ аукціона заложеннаго и просроченнаго имѣнія: „Въ Конторѣ Санктпетербургскаго Государственнаго банка, заложенное и просроченное, Выборгскаго гарнизоннаго полку Прапорщика Ивана Иванова сына Бочерова, недвижимое имѣніе, состоящее въ Рыльскомъ уѣздѣ, въ подгородномъ стану, въ деревнѣ Трошиной; въ ней по послѣдней ревизіи мужеска полу четыре души съ ихъ семействами, съ пашнею, съ угодьи и пожитки, желающимъ съ аукціоннаго торгу купить и дать свыше послѣдней, состоявшейся по первому торгу сего 1756 году, Августа 29 дня цѣны, а именно ста четырнадцати рублевъ, явиться самимъ въ помянутую контору къ торгу, будущаго 1757 году, Генваря мѣсяца, 22 дня". (№ 65). Также извѣщалось о продажѣ съ аукціона на уплату долговъ и движимаго имущества; о чемъ объявляется такъ: „Для удовольствія кредиторовъ покойнаго Статскаго Дѣйствительнаго Совѣтника, и бывшаго Куратора, Его Превосходительства, Лаврентія Лаврентьевича Блюментроста, имѣютъ съ Авкціоннаго торгу проданы

быть оставшіеся послѣ него разные пожитки въ домѣ его покойнаго, состоящемъ въ приходѣ церкви Архангела Гавріила, что на Чистомъ Прудѣ; и оная продажа начнется сего Іюня 25 дня, въ 3 часа по полудни, и будетъ продолжаться по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ". Кредиторамъ предписывалось представлять требованія свои съ достовѣрными письменными доказательствами въ Университетъ директору Аргамакову, а находящимся въ Петербургѣ, просить о томъ Его Пр—ство Николая Андреевича Корфа. (№ 15).

О фабрикахъ и заводахъ въ то время существовавшихъ, „Вѣдомости 1756 года весьма небогаты извѣстіями; указанія встрѣчаются только на казенную лосинную фабрику, состоявшую въ вѣдомствѣ главнаго Коммисаріата, находившуюся въ Московскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Клязьмѣ, и поставлявшую разныя вещи для арміи. Къ ней было приписано до 200 крестьянъ; фабрика эта отдавалась въ частныя руки за извѣстную плату. Въ 1756 году, ею владѣлъ президентъ московскаго Магистрата, Аѳонасій Гребенщиковъ. (№ 8). Въ Малоярославецкомъ, Боровскомъ и Медынскомъ уѣздахъ, находились заводы (не означено какіе), генералъ-аншефа, графа Александра Ивановича Шувалова. (№ 62).

Въ заключеніе русскихъ извѣстій напечатанныхъ на страницахъ московскихъ вѣдомостей 1756 года, приводится одинъ изъ сенатскихъ указовъ, которые не всегда печатались вполнѣ; обыкновенно содержаніе ихъ излагалось въ отдѣлѣ московскихъ извѣстій, ибо они доставлялись въ университетъ, какъ и всѣ другія присутственныя мѣста. Нижеслѣдующій указъ замѣчателенъ тѣмъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ университету: „Сего Маія 17 числа, состоялся въ Правительствующемъ Сенатѣ Ея Императорскаго Величества высочайшій указъ по доношенію Московскаго Университета, которымъ повелѣвается. 1. Недорослей изъ шляхетства, которые въ указные сроки на смотрахъ были, въ помянутой Университетъ для обученія принимать, и дозволить въ ученіи быть до шестнадцати, а смотря по склонности ихъ къ наукамъ и до двадцати лѣтъ; а кто при помянутомъ Университетѣ обучится высокихъ наукъ на своемъ содержаніи, о таковыхъ свободныхъ людяхъ равнымъ образомъ, какъ то въ регламентѣ Санктпетербургской Академіи Наукъ 1747 году въ 42 пунктѣ изображено, представлять въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы они опредѣлены были въ штатскіе чины по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги Оберъ-Офицеровъ армейскихъ: и какъ о принятыхъ нынѣ, такъ и тѣхъ, кои впредь приняты быть имѣютъ, имѣть оному Университету сношеніе съ Герольдіею. 2. Записаннымъ дѣйствительно въ воинской

и гражданской службѣ для обученія въ Университетѣ и остаться до вышепоказанныхъ лѣтъ возраста имъ дозволяется, а по тѣмъ командамъ, гдѣ они въ службу записаны, чинить имъ произвожденіе на ряду съ прочими по старшинству, въ силу указовъ. 3. Кто свыше двадцати лѣтъ склоненъ и способенъ явиться къ обученію вышнихъ наукъ, и дабы таковой далѣе тѣхъ лѣтъ могъ остаться при Университетѣ, о томъ представлять Университету въ Правительствующій Сенатъ для учиненія опредѣленія. (№ 10) [1].

Иностранныя извѣстія имѣющія преимущественно оффиціальный характеръ составлялись удовлетворительно. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ присылалъ изъ Петербурга въ Университетъ отечественныя извѣстія и иностранные журналы, изъ которыхъ заимствовались извѣстія для „Московскихъ Вѣдомостей" [2]. Къ болѣе выдающимся изъ помянутыхъ извѣстій принадлежатъ тѣ, которыя сообщались о начинавшейся въ Германіи семилѣтней войнѣ, въ которой приняли участіе Австрія, Франція и Россія съ одной, Пруссія и Англія съ другой стороны [3]. Приводимъ здѣсь свѣдѣнія касающіяся того что происходило между Франціей и Англіею, о чемъ извѣщаютъ московскія „Вѣдомости": Изъ Лондона отъ 22 марта. Парламентъ согласился просить Короля о перевозѣ въ здѣшнее королевство 12-ти баталіоновъ Ганноверскихъ войскъ, о томъ докладъ ему вчерась, чрезъ своихъ депутатовъ подалъ; Его Величество получа отъ лихоратки облегченіе чрезъ употребленіе Кинкины, принялъ его отъ нихъ въ своихъ покояхъ, и имъ на то въ отвѣтъ сказать изволилъ, что онъ по желанію своего парламента, въ скоромъ времени о томъ указъ въ Ганноверъ пошлетъ". — По поводу необходимости прибѣгнуть къ помощи чужеземныхъ войскъ, въ парламентѣ возникли пренія, о чемъ сообщеніе изъ Лондона отъ 2-го апрѣля помѣщено въ „Вѣдомостяхъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Ни о какомъ дѣлѣ не было такого спору въ парламентѣ, какой былъ 29 Апрѣля по причинѣ Ганноверскаго войска. Какъ скоро о томъ предложено было въ нижнемъ парламентѣ, то тотчасъ нѣкоторые члены начали тому противиться. Инымъ казалось сіе дѣло быть предосудительнымъ истинной пользѣ великія Британіи. Иные производили изъ того опасныя слѣдствія въ разсужденіи вольности и правъ сего народа. Другіе разумнѣйшіе разсуждали только то, что опасность, отъ которой хотятъ себя предохранить помощію сего народа, не столь въ

[1] Исторія Московскаго Университета. С. Шевырева, стр. 22.—[2] Столѣтіе Москов. Вѣдомостей. В. Коршъ, стр. 12.—[3] Участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ начинается съ 1757 года.

самомъ дѣлѣ велика, какъ объ ней думаютъ. Въ прочемъ сіи ихъ мнѣнія отъ противной стороны опровергаемы были весьма доказательнымъ образомъ. Ибо утверждали, что вспоможеніе 12 баталіоновъ не можетъ быть предосудительно пользѣ великія Британіи при такихъ обстоятельствахъ, когда собственное войско не довольно къ усмотрѣнію всѣхъ предпріятій непріятельскихъ, которой съ трехъ сторонъ государства наблюдаетъ, гдѣ больше или меньше силы и сопротивленія; что вольность великія Британіи не только никакой опасности не подвергается, но еще въ такихъ обстоятельствахъ получаетъ новое подкрѣпленіе отъ могущества Монаршескаго чрезъ соединеніе собственныхъ онаго силъ съ Великобританскими; сверхъ того, не столь велико сіе войско, чтобы могло подать подозрѣніе"…. Послѣ жаркихъ преній, предложеніе о призваніи 12-ти Ганноверскихъ баталіоновъ было принято въ Нижней Палатѣ большинствомъ 289 голосовъ противъ 92. Верхняя Палата также одобрила эту мѣру, и парламентъ подалъ адресъ Королю „которой чрезъ употребленіе кинкавины, (sic) находился уже въ лучшемъ состояніи, принялъ сей адресъ въ своихъ покояхъ, и отвѣчалъ, что онъ ихъ предложеніе имѣетъ произвесть въ дѣйство". (№ 1).

Далѣе „Вѣдомости" извѣщаютъ что война между Англіею и Франціею открылась экспедиціею французовъ противъ острова Минорки принадлежавшаго Англичанамъ. Экспедиція эта была предпринята до объявленія войны подъ начальствомъ Маршала, герцога Ришелье. Когда французы высадились на островъ, Минорскій Губернаторъ писалъ къ Маршалу Ришелье, требуя изъясненія причинъ сего нападенія въ такое время, когда еще никакого объявленія войны между двумя коронами не послѣдовало; и оной Маршалъ ему въ краткихъ терминахъ отвѣтствовалъ, что французы то учинили по предпріятіямъ Англичанъ, которые ихъ по новоманерны воевать безъ деклараціи научили, взявъ въ прошломъ, 1755 году въ Америкѣ два Королевскіе корабля, и захватя въ томъ же и въ нынѣшнихъ годахъ на Океанѣ многое число французскихъ судовъ".—За тѣмъ извѣстіе изъ Лондона содержитъ въ себѣ манифестъ англійскаго короля Георга, объявляющій войну королю французскому. Въ этомъ манифестѣ, англійскій король, упоминая о учиненныхъ французами въ его земляхъ и поселеніяхъ великобританскихъ подданныхъ, и особливо въ провинціи Новой Шотландіи наглостей и насильствъ, которыя были столь явныя и многія, говоритъ, что не можно ихъ иначе принять, какъ за совершенный знакъ прямаго предпріятія и намѣренія французскаго двора, чтобъ неправедно исполнить свои гордые виды, не смотря на трактаты и на всѣ обязательства"…. Но какъ учиненное отъ Короля фран-

цузовъ на нашъ островъ Минорку непріятельское нападеніе, довольно доказываетъ, что твердое сего двора намѣреніе есть, ни о какихъ мирныхъ договорахъ не помышлять, напротивъ того, насильнѣйшимъ образомъ еще издавна съ его стороны начатую войну продолжать, то всѣхъ сихъ причинъ ради, мы заблагоразсудили объявить войну королю французовъ, которой оную столь несправедливо началъ". (№ 13).— Генералъ Блекней, губернаторъ острова Минорка, храбро защищалъ его, въ чемъ сознавались самые непріятели; въ извѣстіи изъ Тулона отъ 28 мая, между прочимъ упомянуто о томъ, что въ осаждаемую французами крѣпость Св. Филиппа, донынѣ уже брошено 4000 бомбъ, и 20 тысячъ ядеръ пушечныхъ выстрѣлено; но все то еще Генерала Блякнея не укрощаетъ, и храбрости его не уменьшаетъ". Герцогъ Ришелье сообщая въ письмахъ своихъ объ осадѣ помянутой крѣпости, между прочимъ говоритъ: „однимъ словомъ, мы всѣ хитрости знанія до возможной совершенности во Франціи доведеннаго, употребляемъ для достиженія конечнаго завладѣнія всего острова Минорки". (№ 22).— Изъ Альтоны отъ 12 Іюля извѣщаютъ что на помощь острову Миноркѣ явился Англійскій флотъ подъ начальствомъ Адмирала Бинга; на адмиральскомъ кораблѣ послѣ бывшаго 9 маія сраженія былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ разсуждали о томъ: надлежитъ ли покуситься провести въ крѣпость Св. Филиппа, присланное войско? то капитанъ военнаго корабля Портланда, господинъ Бердъ, всталъ, и прямо сказалъ что онъ не видитъ никакой причины, для чего бы о семъ дѣлѣ совѣтовать должно было. Еслибъ имъ правительство повелѣло и въ Адъ провести помощь, то и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, надлежало бъ употребить всѣ способы какіе только человѣкъ изобрѣсти можетъ; при чемъ онъ самъ обѣщался стараться, чтобъ въ гавань пробиться и проч..." (№ 30). Требованіе капитана не было принято какъ неудобоисполнимое и крѣпость Св. Филиппа вскорѣ сдалась французамъ, и Адмиралъ Бингъ былъ отданъ подъ военный судъ. Процессъ несчастнаго Адмирала принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи англійскаго флота. Адмиралъ Бингъ былъ одною изъ жертвъ англійскаго національнаго чувства, сильно возбужденнаго паденіемъ крѣпости Св. Филиппа [1]. Вотъ что расказываютъ Московскія Вѣдомости въ извѣстіи изъ Лондона, отъ 23 іюля о народной злобѣ къ подсудимому адмиралу: „Народъ безпрестанно показываетъ новые знаки своей на него злобы, продолжая жечь его портреты, и требуя, чтобъ учиненное имъ Великобританскому флагу, какъ

[1] Столѣтіе Москов. Вѣд. стр. 46.

его обвиняютъ, безчестіе, отмщено было жестокимъ наказаніемъ. Вчерашняго числа еще происходило такое дѣйствіе, въ которомъ негодованіе народное изображало себя чрезъ все то, что гнѣвъ наизлостнѣйше вдохнуть можетъ. Множество подлаго народу, къ которому также пристали и матрозы, здѣлали изъ соломы чучелу, оболокли оную въ золотую бумагу весьма страннымъ образомъ, съ веревкою на шеѣ, на подобіе галстуха, и съ табличкою на груди, на которой находилась надпись весьма сходствующая съ вооружающею ихъ противъ адмирала Бинга страстію. Носивши нѣсколько времени сію чучелу съ бранью и клятвою, напослѣдокъ повѣсили ее на высокой висѣлицѣ, которую нарочно для того поставили, и обнесли они ее хворостомъ навязаннымъ на снопы, и еще подложивъ къ тому три смоленыя бочки; напослѣдокъ все то зажгли и чрезвычайно веселились, что видѣли какъ сія чучела горѣла, причемъ великимъ крикомъ своимъ показывали, что они желали бъ чтобъ вмѣсто сего изображенія, самъ Адмиралъ Бингъ въ такія обстоятельства попался. Такое безпорядочное дѣйствіе надлежало сносить, хотя и съ великимъ сожалѣніемъ. Ибо лучше жъ чтобъ народъ изливалъ свой гнѣвъ на бездушныя чучелы, нежели чтобъ предпріялъ что нибудь гораздо опаснѣйшее. Почти ни одного города во всѣхъ трехъ королевствахъ не находится, въ которомъ бы народъ не забавлялся такими зрѣлищами, и сожиганіемъ портретовъ такого человѣка, котораго резоновъ сами не знаютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ становилось сіе сожиганіе дорого, и жители учреждали между собою зборы на иждивеніе въ такой смѣшной и ребяческой церемоніи". (№ 34).—Изъ Лондона, отъ 23 Августа извѣщается о томъ, что Лондонское мѣщанство возмущенное потерею острова Минорки, подало Королю адресъ съ прозьбою о изслѣдованіи причинъ этого событія, и о наказаніи способствовавшихъ къ оному худымъ своимъ поведеніемъ персонъ; помянутый адресъ весьма похваляютъ. Лондонскіе мѣщане, подали всему Аглинскому народу примѣръ честности, благоразумія и справедливости. Сіе произошло не отъ пристрастія какого, но отъ сего зависитъ совершенно польза и благополучіе государства. И подлинно, разсуждаютъ въ нашихъ публичныхъ вѣдомостяхъ, не въ самыхъ ли злополучныхъ обстоятельствахъ находится наша нація, по той причинѣ, что весьма долго умедлено изслѣдованіемъ, куда употреблены тѣ несчетныя суммы, которыя для сохраненія правъ и чести сея короны, и для прикрытія коммерціи подданныхъ были дозволены? Наши поселенія, за недостаткимъ потребной помощи, остались совсѣмъ подвержены нападенію немилосердаго непріятеля, и наша коммерція въ Средиземномъ морѣ

совсѣмъ уже пропала, черезъ безчестное потеряніе острова Минорки. Оное потеряніе не можно почитать неизвѣстнымъ приключеніемъ войны; но оно есть дѣйствительное слѣдствіе извѣстной невѣрности, не радѣнія или неразсудности тѣхъ персонъ, которыя данную имъ власть во зло употребили" и проч. (№ 44).

Въ заключеніе обозрѣнія нашего важнѣйшихъ изъ иностранныхъ извѣстій сообщенныхъ „Московскими Вѣдомостями" 1756 года, приводимъ еще извлеченіе изъ одного доставленнаго изъ Парижа отъ 6 апрѣля; изъ него видно, какія мѣры принимались въ то время въ Европѣ правительствомъ для преслѣдованія сочиненій, на которыя смотрѣли какъ на подрывающія основы религіи и общественной нравственности: „Парламентъ въ собраніи всѣхъ камеръ учинилъ опредѣленіе, чтобы изодрать и сожечь три книги, изъ которыхъ первая называется: Разсужденіе Беліево подтвержденное доказательствами; вторая: Христіада или Возвращенный рай; третья: Исторія о Божіемъ народѣ, вторая часть. А первая часть сей же послѣдней книги, также и нѣкоторыя краткія сочиненія, напр. письма на отвѣтъ, защищенія второй части Исторіи о Божьемъ народѣ, новыя защищенія и прочая, чтобы совсѣмъ уничтожить. Въ то жъ время приказано Патеру Беррюеру (сочинителю вышепомянутыхъ книгъ) явиться во дворѣ для изъясненія своего мнѣнія о первой и второй части Исторіи о Божіемъ народѣ. Господинъ Омеръ Жоли-де-Флери, генеральной адвокатъ, говорилъ слѣдующую рѣчь: „Когда онъ (Патеръ Беррюеръ) разсуждаетъ о истиннахъ Каѳолическихъ, то разсматриваетъ, свидѣтельствуетъ и ихъ основанія, и противныя имъ мнѣнія. Пирроническимъ образомъ онъ вымышляетъ возраженія столь сильныя, и повторяетъ ихъ съ толь великимъ жаромъ, что умы читателей помрачаетъ тьмою сомнѣній, могущихъ поколебать всю вѣру. Напротивъ того, отвѣты его не имѣютъ такова степени ясности и увѣренія, какое имѣть имъ было должно.

Когда онъ возстаетъ противъ главныхъ догматовъ всякаго рода для заблужденій, кои имъ невѣжество примѣшиваетъ, то баснословитъ, бутто они худо доказаны, превращаетъ и не правильно толкуетъ авторовъ, на которыхъ ссылается; приписываетъ имъ мнѣнія такія, коихъ они никогда не имѣли. Софизмы, парадоксы, своевольны правила, безчестныя сатиры, истинна покрытая густымъ мракомъ, заблужденіе и невѣріе подъ добродѣтельнымъ видомъ, вкорененныя сомнѣнія облака возвышающіяся для затмѣнія благочестія въ противорѣчащихъ вѣроятностяхъ, Анекдоты ненавистныя, ругательныя разсужденія, подозрительныя собранія всѣхъ Системъ философическихъ, и всѣхъ блядословій; и всѣхъ наругательствъ вымышляемыхъ всегда противъ благо-

честія и добронравія. Вотъ вамъ, господа, изображеніе Беліева дикціонарія!

Сдѣлавъ эту оцѣнку сочиненію Патера Беррюера, г. Омеръ переходитъ къ сужденію о самомъ авторѣ, и говоритъ что если обязанность судей возвысить свой голосъ для отмщенія за ученіе и правила отцовъ, отъ Беррюера тайнымъ образомъ опровергаемыя, за честь двора способствующаго истиннымъ правамъ священнаго престола, и имѣющаго высокое мнѣніе и великое почтеніе къ Святѣйшему Папѣ, которой нынѣ на престолѣ посажденъ: то по той причинѣ, мы должны гнушаться и презирать сего автора, которой безъ повелѣнія, безъ всякой нужды, старается разсуждать о такихъ материяхъ, за кои нельзя отважиться приняться, чтобы не произвесть возмущеній.

Напрасно безумный сей писатель вознамѣрился найти въ семъ государствѣ участниковъ правилъ загорныхъ, и Римскому двору даровать обращенныхъ, которыхъ у него не просятъ. Будучи ненавистенъ всѣмъ, кои въ Римѣ и Франціи желаютъ истинныя тишины, могъ ли ласкать себя надеждою, что онъ угодитъ сему миролюбивому Папѣ, которой со всякимъ усердіемъ печется успокоить нашъ народъ и несогласія".—Парламентъ послалъ г. Паскіера въ Езуитскій домъ, чтобы взять отъ Беррюера ретракціи о тѣхъ вещахъ, которыя признаны Парламентомъ за предосудительныя; самъ же авторъ сочиненія не могъ за болѣзнью явиться лично. По взятіи требуемой ретракціи написанной Беррюеромъ формальнымъ образомъ, и Дворъ опредѣлилъ: уничтожить одну часть сочиненія Беррюера, а ретракцію внесть въ публичныя записки; самому автору приказано тѣ мѣста заклеить толстою бумагою, кои уничтожены. Сверьхъ того повелѣно всѣмъ провинціальнымъ начальникамъ и главнѣйшимъ въ Езуитскихъ братствахъ, чтобы были осторожны впредь при случаѣ позволенія пускать въ народъ сочиненія сложенныя членами ихъ братства". (№ 4).

Въ 8-ми „Прибавленіяхъ" къ Московскимъ Вѣдомостямъ, изъ болѣе замѣчательныхъ объявленій отмѣчаемъ слѣдующія: къ № 1. О присутствіи въ большомъ Успенскомъ соборѣ на литургіи и молебнѣ разныхъ высокихъ особъ въ день Высочайшей Коронаціи. О праздновании того же торжественнаго дня въ Московскомъ Университетѣ, и пожалованіи прилѣжнѣйшихъ студентовъ и учениковъ изъ всѣхъ классовъ обѣихъ Гимназій золотыми и серебренными медалями, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ вверьху Императорской короны, внизу скипетра и державы, и въ срединѣ Латинской надписи слѣдующаго содержанія: Елисавета Великая, Наукъ и Художествъ покровительница. На другой сторонѣ изображенъ лавровый вѣнецъ, въ срединѣ котораго над-

писано: Достойнѣйшему. Эти медали присланы были отъ Куратора Ив. Ив. Шувалова къ директору университета, для раздачи отличнымъ студентамъ и ученикамъ съ слѣдующимъ объявленіемъ: „Ея Имп. Величество. всемилостивѣйшая Государыня и Самодержица, въ знакъ высочайшаго своего благоволенія, жалуетъ васъ сими медалями за вашу прилѣжность".

„Напослѣдокъ" говоритъ далѣе объявленіе, „сказана была Магистромъ и Конректоромъ, Николаемъ Поповскимъ, сочиненная на сей торжественный день, рѣчь на Россійскомъ языкѣ, которая вмѣстѣ съ одою его жъ сочиненія, напечатаны въ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета, и присутствовавшимъ знатнѣйшимъ персонамъ раздаваны. Того жъ дня, ввечеру, въ университетскомъ домѣ, что на Моховой, при многолюдномъ собраніи представлена была Иллюминація прозрачною картиною въ 12 арш. вышины, и 8 ширины, съ принадлежащими многими украшеніями слѣдующаго аллегорическаго содержанія: „Музы на берегу Москвы рѣки празднуютъ всерадостный день коронаціи Ея Императорскаго Величества всенароднымъ торжествованіемъ; въ облакахъ Минерва съ щитомъ своимъ оныхъ покрываетъ, и сыплетъ изъ Рога изобилія цвѣты и плоды; знаки чести и богатства. Свыше надъ головою Минервы Слава съ трубою, держитъ одною рукою корону Императорскую, а другою вѣнецъ сплетенный изъ лавровъ. Надпись Латинская (въ русск. переводѣ): „Давно уже любовь народная Тебѣ мыслію предопредѣлила то, что нынѣ съ похвалою цѣлый свѣтъ видитъ на главѣ Твоей! Окрестъ видимы насажденныя аллеи изъ пальмовъ; Темпейская долина и Пегасъ на верьху горы Пинды—знаки временъ благополучныхъ, покоя, веселія и успѣховъ Наукъ и Художествъ. Московскія Музы Ея щедротою ободряемыя, умножаемыя и защищаемыя, въ знакъ благодарности посвятили 1756 года, Апрѣля 26 дня [1]—Въ концѣ прибавленія помѣщенъ списокъ студентовъ и учениковъ получившихъ медали; между студентами встрѣчается имя Дмитрія Аничкова, бывшаго потомъ Ординарнымъ профессоромъ Логики, Метафизики и Чистой Математики; между благородными учениками, знаменитыя впослѣдствіи имена Григорія Потемкина (свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ), Якова Булгакова и славнаго комика Дениса Фонвизина (на 4 стр.)—Къ № 2. Приложено тоже самое „прибавленіе" вторично. (4 стр.)—Къ № 19. Извѣстіе о здачѣ въ арендное содержаніе казенной лосинной фабрики

---

[1] Исторія Имп. Москов. Универс. стр. 21.

близъ Москвы (1 стр.) Къ № 20: Объ отправленіи въ большомъ Успенскомъ соборѣ литургіи и молебна съ архіерейскимъ служеніемъ, по случаю дня Тезоименитствъ Государя наслѣдника Великаго князя Петра Өеодоровича и Великаго князя Павла Петровича.—Извѣстіе отъ Университета о читанныхъ 25 и 26 Іюня рѣчахъ, прибывшими изъ Тюбингена, при вступленіи въ должность: профессора Іог. Генр. Фроммана „объ изяществѣ Философіи" и Ректора І. М. Шадена „о учрежденіи и порядкѣ гимназій" [1].—Объ открытіи для публики университетской библіотеки (4 стр.)—Къ № 35. Изъ Константинополя отъ 7 маія. Описаніе путешествія и церемоніала русскаго посла Князя Долгорукова и о сказанныхъ имъ Верховному Визирю, и Резидентомъ Обрѣсковымъ Султану рѣчахъ (на 12 стр.)—Къ № 62. Капитуляція заключенная фельдмаршаломъ Рутовскимъ и Е. В. Королемъ Прусскимъ (на 8 стр.).—Къ № 66. Указъ Шведскаго Короля Адольфа Фридриха о запрещеніи ввозу въ государство нѣкоторыхъ товаровъ. 4 ноября, 1756 г. (на 10 стр.)—Къ № 69. О разсужденіяхъ и рѣчахъ говоренныхъ на разныхъ языкахъ учениками гимназій Московскаго Университета по окончаніи экзаменовъ, подъ смотрѣніемъ ихъ учителей, и въ присутствіи не малаго числа знатныхъ персонъ.—О рѣчи Ректора гимназіи Шадена: о средствѣ какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться" [2]. О торжествѣ въ Московскомъ Университетѣ 17 числа декабря, дня рожденія императрицы актомъ въ большой аудиторіи. По окончаніи предшествовавшаго всему, молебна о высочайшемъ здравіи, одинъ изъ студентовъ подъ надзоромъ Профессора Поповскаго, говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ: „о пользѣ уединеннаго житія"; затѣмъ подъ предводительствомъ Профессоровъ Дильтея и Фроммана, нѣсколько студентовъ имѣли между собою диспутъ на латинскомъ языкѣ: „О правахъ естественныхъ, Логикѣ и Метафизикѣ". Въ заключеніе одинъ изъ студентовъ говорилъ рѣчь о пользѣ свѣтскаго житія".—Объ отправленіи литургіи и молебна съ служеніемъ архіерейскимъ, въ большомъ Успенскомъ соборѣ въ среду, т. е. 18 числа по случаю дня рожденія Ея Императорскаго Величества. (на 2 стр.).

1757.

№ 76. Опытъ о человѣкѣ Господина Попе. Переведено съ Французскаго языка Академіи Наукъ Конректоромъ **Николаемъ Поповскимъ** 1754 года.—Печатано при Императорскомъ Москов-

[1] Исторія Импер. Москов. Универс. стр. 32.—[2] Тамъ же, стр. 26.

скомъ Университетѣ 1757 года 8°. 6. (предисловіе) 13 нум. 1 ненум. стр. (оглавленіе). 1 виньета, и 4 картинки гравированныя на мѣди.

Сопик. ч. 4. № 7896.—Плавильщ. ч. III. № 3932.—Смирд. ч. IV. № 8171.—Катал. Демидова стр. 215.—Слов. митр. Евгенія 1845. т. II. стр. 132.—Опытъ Слов. о Росс. Писат. Новикова, стр. 168.—Слов. Бант. Каменск. 1836. ч. 4 стр. 171.—Біографическій Словарь Професс. и Преподават. Москов. Университета 1855. Ч. II. стр. 313—314.—Русск. Архивъ, изд. П. Бартен. 1872. № 7. столб. 1311—1322.—Истор. Акад. Н. т. II. стр. 518, 564.

Поэмѣ предшествуетъ предисловіе русскаго переводчика [1], и за тѣмъ самая поэма въ четырехъ письмахъ Попе къ лорду Болингброку, содержащихъ въ себѣ практическое, ясное нравоученіе касающееся важныхъ вопросовъ: „о естествѣ и состояніи человѣка въ разсужденіи вселенной, самаго себя, общества и благополучія". Сильный слогъ и прекрасный стихъ переводчика были причиною успѣха этого перевода; и не увлекаясь мнѣніями современниковъ, слѣдуетъ отдать ему справедливость въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Николай Никитичъ Поповскій (впослѣдствіи ординарный профессоръ Элоквенціи и Магистръ Философіи при Московскомъ Университетѣ), одинъ изъ числа учениковъ синодальныхъ школъ, выбранныхъ въ студенты Академіи Наукъ, сдѣлался любимымъ ученикомъ славнаго Ломоносова. Первое письмо „Опыта о Человѣкѣ" Попе, переведено Поповскимъ въ 1753 году, и 28 августа того же года, Ломоносовъ писалъ о немъ И. И. Шувалову: „Получивъ отъ студента Поповскаго переводъ перваго письма Попіева Опыта о человѣкѣ, не могу преминуть, чтобы не сообщить Вашему Превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни единаго стиха, который бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобъ его въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто Ректорское въ гимназіи послѣ ректора Ратгаккера, которое онъ весьма способно управлять можетъ, зная Латинской языкъ совершенно и при томъ изрядно разумѣя Греческой, Французской и Нѣмецкой; а о искусствѣ въ Россійскомъ, сей примѣръ о немъ свидѣтельствуетъ. Для того и профессоръ Фишеръ, который самъ былъ долго Ректоромъ, весьма его къ сей должности одобряетъ. Ш. (Шумахеръ) хотя кажетъ видъ, что тоже хочетъ дѣлать, однако отнюдь вѣрить нельзя, и больше чаю противное сдѣлать намѣренъ" [2].

---

[1] Извлеченіе изъ предисловія сдѣлано при описаніи ясскаго изданія „Опыта о Человѣкѣ." Матеріалы Вып. 2-й. стр. 393—394.—[2] Избранн. сочинен.

Поповскій окончилъ весь свой переводъ дидактической поэмы въ 1754 году, что видно изъ письма Ломоносова къ Шувалову отъ 28 марта того же года, въ которомъ первый говоритъ: „Господинъ Поповскій свой переводъ всѣхъ стиховъ Попіевыхъ, нѣсколько еще исправленныхъ, сегодня чрезъ меня въ канцеляріи для посылки Его Сіятельству отдалъ“ [1].—Оригиналомъ для перевода служилъ Поповскому прозаическій французскій переводъ сдѣланный Силуэттомъ (Silhouette) и напечатанный 1738 года въ Амстердамѣ, безъ имени переводчика [2]; въ 1757 году изданъ былъ при Московскомъ Университетѣ переводъ Поповскаго поэмы Попе въ числѣ первыхъ книгъ напечатанныхъ при вновь учрежденной Университетской Типографіи [3], и Шуваловъ дѣятельно старался объ изданіи его, что видно изъ слѣдующаго письма Куратора отъ 19 августа 1756 года о дозволеніи издать въ свѣтъ трудъ Поповскаго: „Книга называемая Опытъ о Человѣкѣ, переведенная на россійскій языкъ, въ которой сочинитель, описывая благополучіе человѣка въ разсужденіи всего общества и самаго себя, доказываетъ его слабость и тлѣнность предъ Создателемъ,—весьма кажется быть можетъ небезполезною учащемуся юношеству. Но всякое изданіе, въ которомъ разсужденія о Божествѣ находятся, справедливо отсылается для лучшаго разсмотрѣнія и предосторожности о случающихся печаянно противностей нашему закону и преданію св. отецъ, дабы тѣмъ разсмотрѣніемъ удержать легковѣрныхъ (отъ?) соблазнительнаго изданія. Чего ради императорскій московскій университетъ за благо разсудилъ при семъ приложенную оную книгу представить, прося, по разсмотрѣніи, указу о дозволеніи оной напечатать“ [4]. По разсмотрѣніи книги духовною цензурой, она нашла „что издатель оныя книги ни

Ломоносова, изд. Перевлѣсскаго. М. 1846. Вып. 1. стр. 135—136. Біографич. Словарь Професс. Москов. Универс. Ч. II. стр. 307. Словарь Вант. Каменск. 1836 ч. 4. стр. 171.—Будиловичъ: „Ломоносовъ какъ писатель“ Спб., 1871 стр. 35.—[1] Избран. сочинен. стр. 140. Билярскій, Матеріалы для Біогр. Ломоносова стр. 215 и 261. Русск. Арх. 1872. №7: Исторія изданія „Опыта о Человѣкѣ“ Поповскаго. Н. С. Тихонравова. столб. 1311. Біографич. Слов. Профессор. ч. II. стр. 307.—[2] Считаемъ нужнымъ исправить ошибку сдѣланную при описаніи ясскаго изданія „Опыта о Человѣкѣ“. Во 2-мъ выпускѣ нашего труда, на стр 394, Прим 1, упоминая о французскомъ переводѣ поэмы Попе мы назвали это изданіе, напечатанное 1772 года первымъ, тогда какъ до него уже существовало нѣсколько переводовъ Силуэтта, изъ которыхъ напечатанный 1738 года, служилъ Поповскому, какъ о томъ упомянуто, оригиналомъ для русскаго перевода. [3] Біографич. Слов. Професс. т. II. стр. 313.

[4] Библіографич. Записки 1858. т. I. Письмо Шувалова о дозволеніи издать въ свѣтъ переводъ Поповскаго, ст. Пекарскаго, столб. 489.

изъ Св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и коперникову систему, такожъ и мнѣнія *о множествѣ міровъ*, священному писанію совсѣмъ несогласныхъ, чего ради и къ печатанію оной книги, позволенія дать несходственно [1]; а нѣкоторыя мѣста во всѣхъ четырехъ письмахъ поэмы, духовная цензура признала „сумнительными" [2]. Тогда Шуваловъ, признавая книгу Поповскаго „не безполезною для учащагося юношества", передалъ ее на разсмотрѣніе архіепископа Амвросія, давшаго о ней слѣдующій отзывъ: „Сего февраля 17 дня, 1757 года, въ бытность мою во дворѣ ея императорскаго величества, вручилъ мнѣ его превосходительство дѣйствительный камергеръ и кавалеръ Иванъ Ивановичь Шуваловъ переводъ Поповскаго съ Поппія стихами для разсмотрѣнія, съ требованьемъ отъ меня мнѣнія. Которой переводъ я, разсмотрѣвъ, а что во ономъ священному писанію и политическому узаконенію противное на страницахъ отмѣтивъ, вмѣсто того, безъ дальной перемѣны, въ однихъ токмо терминахъ исправилъ, а на девятой-на-десять страницѣ шестнадцать стиховъ за несходствомъ ихъ съ авторомъ, другіе стихи противъ точнаго французскаго перевода вновь положилъ..... такъ что, ежели въ томъ переводѣ, вмѣсто отмѣченныхъ мною стиховъ, вновь исправленное будетъ взнесено, то въ ономъ переводѣ ничего о множествѣ міровъ, коперниканской системы и натурализму склоннаго не останется; зачѣмъ и въ печать издать несумнительно. Впрочемъ же, что авторъ Поппій о Тріипостасіи Божіи нигдѣ не упоминаетъ, и одними только натуральными доводами какъ къ познанію Бога и промысла его, такъ и къ добродѣтельному житію и полученію вѣчнаго блаженства наставляетъ читателя: и того ему въ порокъ, по мнѣнію моему, ставить не слѣдуетъ, потому что онъ здѣ не богословомъ, и не духовнымъ какимъ учителемъ, но философомъ и стихотворцемъ себя оказываетъ". Преосв. Амвросій, вмѣсто стиховъ, выброшенныхъ по его словамъ „за несходство ихъ съ авторомъ," положилъ другіе, противъ точнаго французскаго перевода, безъ сомнѣнія стихотворнаго, а не прозаическаго близкаго къ оригиналу перевода Силуэтта, которымъ пользовался Поповскій [3]. Шуваловъ требовалъ чтобы Поповскій исправилъ вставленные

---

[1] Библіогр. Записки столб. 490. Русск. Архивъ 1872. № 7. столб. 1312.—[2] Эти „сумнительныя" мѣста приведены какъ въ статьѣ Пекарскаго (Библіогр. Зап.), такъ и г. Тихонравовымъ въ Русск. Архивѣ № 7. столб. 1312.

[3] Г. Тихонравовъ полагаетъ, что Амвросій имѣлъ подъ руками стихотворный переводъ поэмы аббата дю-Ренеля. Русск. Архивъ 1872. № 7. столб. 1313.

Амвросіемъ, не имѣвшіе размѣра стихи, согласивъ ихъ смыслъ съ измѣненіями цензуры; но Поповскій отказался, находя труднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпымъ навязывать знаменитому англійскому поэту мысли, которыхъ не было въ его твореніи; но въ изданіи 1757 года, обозначивъ стихи искаженные или измышленные духовною цензурою, напечатавъ ихъ шрифтомъ болѣе крупнымъ противъ того, которымъ набранъ былъ его переводъ.—Дѣятельное участіе Шувалова въ изданіи труда Поповскаго проявилось даже въ томъ, что Кураторъ озаботился о гравюрахъ къ переводу, которыя оттиснуты были въ синодальной типографіи, потому что университетская не имѣла становъ. Даже печатаніе остановилось однажды за тѣмъ, что типографія нуждалась въ буквѣ *и* съ краткою[1].

При исправленіи труда Поповскаго, преосвященный Амвросій обратилъ вниманіе на тѣ мѣста, которыя были признаны „за сумнительныя духовною цензурою, разсматривавшею до него переводъ; большую часть указанныхъ ею „сумнительныхъ“ мѣстъ книги, онъ замѣнилъ своими стихами, и кромѣ того призналъ необходимымъ передѣлать нѣсколько стиховъ ускользнувшихъ отъ вниманія прежняго цензора.—Въ предисловіи къ своему труду, Поповскій намѣренъ былъ объяснить происхожденіе стиховъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, но былъ удержанъ отъ того Шуваловымъ, который въ октябрѣ 1757 г. писалъ директору московскаго университета, И. И. Мелиссино, и предписывалъ „предисловіе, сочиненное г. Поповскимъ къ книгѣ Попія, печатать съ отмѣною“, т. е. не печатать его съ упоминаніемъ въ концѣ о стихахъ, исключенныхъ или переправленныхъ духовною цензурою. Далѣе въ томъ же письмѣ, Шуваловъ говоритъ, что такъ какъ переводъ Поповскаго принесетъ ему много чести, то онъ, Шуваловъ надѣется, что первое изданіе будетъ скоро раскуплено, и второе напечатается можетъ быть въ томъ видѣ, какъ было переведено, безъ всякихъ перемѣнъ[2]. Приказаніе это было исполнено, но однако Поповскій не оставилъ таки отвѣтомъ ни духовную цензуру, ни самаго куратора въ концѣ своего предисловія, которое набиралось въ то время, когда текстъ перевода былъ уже напечатанъ. 14 Августа, 1757 года, Мелиссино извѣстилъ канцелярію московскаго университета о приказаніи, данномъ ему Шуваловымъ объявить канцеляріи, чтобъ не дожи-

---

[1] Біографич. Слов. Профессоровъ. т. II. стр. 314. Русск. Архивъ 1872. № 7. столб. 1314. Г. Тихонравовъ приводитъ всѣ стихи, исключенные духовною цензурою изъ рукописи Поповскаго, также какъ и вставленные Амвросіемъ. — [2] Тамъ же, столб. 1316.

даясь „апробаціи“ его высокопревосходительства, печатать сочиненія г. Ломоносова, также и переводъ г. Поппія, вслѣдствіе чего приказать канцеляріи печатать ихъ безъ всякаго отлагательства, и чтобы каждаго выхода было по тысячѣ двѣсти экземпляровъ“; за тѣмъ въ ордерѣ на имя Мелиссино отъ 3 ноября, Шуваловъ сдѣлалъ распоряженіе, что хотя по донесенію Хераскова цѣна на книгу „Опытъ о человѣкѣ“ назначена достаточная, продавать ее по шестидесяти копѣекъ; кромѣ того, изъ другаго ордера Шувалова видно, что онъ старался о распространеніи книги Поповскаго [1].

Что касается гравюръ приложенныхъ къ переводу, то онѣ составляютъ копіи съ находящихся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ перевода Силуэтта и выгравированныхъ J. Punt'омъ съ картинъ написанныхъ Блекеемъ (Blakey) [2]. Въ изданіи перевода Поповскаго 1757 года, кромѣ виньеты на заглавномъ листѣ, изображающей божество въ видѣ женщины сидящей на облакѣ поддерживаемомъ двумя геніями, приложены слѣдующія гравюры: 1. Стоящій прислонясь къ дереву и опирающійся на посохъ человѣкъ, внимающій говорящей Надеждѣ поддерживающей лѣвою рукою якорь, и правой указывающей на небо. Внизу подпись: „Не превозносися человѣкъ въ упованіи своемъ, и возвышайся со страхомъ, въ ожиданіи наставленій отъ смерти, сея великія владычицы рода человѣческаго; преклоняйся предъ Богомъ“.— 2. Человѣкъ въ борьбѣ съ нагою женщиной, и за нимъ стоящая Надежда. Надъ ними въ облакахъ парящее божество въ видѣ женщины, съ вѣсами и вервіемъ въ рукахъ. Подпись: „Самолюбіе умножаетъ силы свои по размѣру въ отстояніи представляющаго вида.—3. Стоящій въ удивленіи нагой человѣкъ, передъ которымъ отдыхающая на землѣ собака и ползущая змѣя. На переднемъ планѣ гравюры дерево, въ отдаленіи гора, рѣка и лугъ съ пасущимися на немъ лошадью и

[1] Русск. Архивъ столб. 1317.—[2] Тамъ же, столб. 314. Г. Тихонравовъ упоминаетъ объ изданіи вновь перепечатанномъ съ изданія съ гравюрами въ 1754 году: „Oeuvres diverses de M. Pope. Tome second contenant les pièces traduites en prose 1749. Amsterdam et Leipzig. Сюда вошелъ перепечатывавшійся много разъ прозаическій переводъ напечатанный въ 1738 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: „Essai sur l'homme par M. Pope. Traduit de l'anglais. Кстати упомянемъ здѣсь объ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ изданій перевода Силуэтта какъ по шрифту, такъ и по гравюрамъ, напечатанномъ въ 1745 году, подъ заглавіемъ „Essai sur l'Homme, composé en anglais par Alexandre Pope; avec une traduction française en prose et des figures en taille douce. Lausanne. in 4°. Dictionnaire Bibliographique, Historique et Critique des livres rares etc“... A Paris MDCCXCI. t. 2. p. 440.

короной. Надпись въ фигурной рамкѣ: „Кто я? гдѣ я? откуда я пришолъ? что вижу я"? — 4) Группа состоящая изъ женщинъ дѣтей и старца умирающаго на рукахъ Надежды. Въ воздухѣ показывающаяся изъ пламени и дыма смерть, съ занесеннымъ въ рукѣ, мечемъ. Подпись: „Страсти причастныя помоществуютъ каждому лѣтъ нашихъ вѣку; надежда съ нами путешествуетъ и не покидаетъ насъ ниже въ самый часъ нашея кончины".

Кромѣ дѣятельнаго, живаго сочувствія Шувалова и Ломоносова къ труду Поповскаго, переводъ его заслужилъ вообще отличное мнѣніе его современниковъ; одинъ изъ ближнихъ къ его времени писателей Новиковъ, въ біографіи Поповскаго, отозвался о переводѣ его, уже тогда умершаго, въ слѣдующихъ словахъ: „Опытъ о человѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Попія перевелъ онъ (Поповскій) съ французскаго языка на Россійскій, съ такимъ искусствомъ, что по мнѣнію знающихъ людей гораздо ближе подошелъ къ подлиннику и не знавъ Аглинскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли Авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевесть ее трудно, но онъ перевелъ съ французскаго, перевелъ въ стихи, и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и Стихотворецъ" [1].

О выходѣ въ свѣтъ и продажѣ книги „Опытъ о Человѣкѣ" напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1757 года, № 99, слѣдующее объявленіе: „Въ Типографіи Университета вышла изъ печати, въ декабрѣ мѣсяцѣ, книга называемая Опытъ о Человѣкѣ, сочиненія Аглинскаго стихотворца Попе, а переводу Господина Поповскаго стихами, и продается въ книжной университетской лавкѣ безъ переплету, экземпляръ по 60 копѣекъ.

№ 77. Комедіи изъ Театра Господина Мольера переведенныя Иваномъ Кропотовымъ. Томъ Первый. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ (безъ означенія года). 8°.

Сопик. ч. 3. № 5283.—Геннади. Справочн. Слов. т. 2 стр. 182.

На оборотѣ заглавнаго листа означено число комедій содержащихся въ 1-мъ томѣ, на которомъ и остановилось это изданіе. Каждая изъ четырехъ пьесъ составляющихъ книгу, имѣетъ особливый заглавный листъ и отдѣльную пагинацію: № 1. Скупой (въ пяти ак-

---

[1] Опытъ Историч. Словар. о Росс. Писат. Н. Новикова. Спб 1772, стр. 168.

тахъ) 126 нум. стр. счетъ съ заглавн. листа книги, и 1 ненум. стр. (погрѣшности). Представлена была въ первой разъ въ 1757 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, на Росс. театрѣ, въ Санктпетербургѣ[1]. — № 2. Комедія Тартюфъ или Лицемѣръ (въ пяти актахъ), 112 нум. стр. счетъ съ заглавн. листа. Представлена была въ первой разъ въ 1757 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ на Росс. театрѣ. Въ Санктпетербургѣ. — № 3. Комедія Школа мужей (въ трехъ актахъ), 62 нум. стр. (не считая заглавн. листъ). Представлена была въ первой разъ въ 1757 году въ октябрѣ мѣсяцѣ на Росс. театрѣ. Въ Санктпетербургѣ. — № 4. Комедія Школа Женъ (въ пяти актахъ), 92 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). При послѣднихъ трехъ пьесахъ, листковъ съ погрѣшностями не приложено. Помянутыя четыре комедіи перепечатаны вторымъ изданіемъ, и каждая отдѣльно, 1788 года, въ Москвѣ, въ типографіи типографической компаніи[2].

Довольно любопытны по своему неглубокомыслію и чрезмѣрной наивности отзывы „Драмматическаго Словаря“ 1787 года, какъ о вышепомянутыхъ, такъ и о прочихъ игравшихся въ то время, переведенныхъ на русскій языкъ комедій Мольера. Вообще поголовная критическая оцѣнка почти всѣхъ показанныхъ въ „Словарѣ“ драматическихъ произведеній состоитъ въ однообразныхъ и краткихъ похвалахъ пьесѣ, одобренія игры участвовавшихъ въ ней актеровъ публикою, дѣтски въ то время относившеюся къ драматическому искусству, и въ большинствѣ едва ли постигавшею, какъ напримѣръ въ комедіяхъ Мольера глубину психическаго смысла многихъ характеровъ, созданныхъ славнымъ комикомъ; она смѣялась отъ души болѣе доступнымъ ея пониманію шуткамъ и остротамъ, разсыпаннымъ въ пьесѣ, не подмѣчая въ нихъ чертъ высокаго комизма. Но и при такомъ младенческомъ состояніи умственнаго и эстетическаго развитія тогдашняго общества, благодаря постепенно возраставшей въ немъ любви къ театру, комедіи Мольера вмѣстѣ съ произведеніями „отца русскаго театра“—Сумарокова и нѣкоторыхъ другихъ выдававшихся русскихъ

---

[1] Въ этой комедіи трое изъ дѣйствующихъ лицъ являются съ именами передѣланными переводчикомъ на русскій ладъ: слуга Клеанта—„Стрелай“, и двое слугъ Гарпагона—„Сухарь“ и „Треска“.

[2] Онѣ у Сопикова, Плавильщикова и Смирдина указаны подъ слѣдующими нумерами: „Скупой. Сопик. ч. 3. № 5616. Плав. ч. III. № 5902. Смирд. ч. IV. № 7353.—„Тартюфъ“ Сопик. ч. 3. № 5643. Плав. ч. III. № 5928. Смирд. ч. IV № 7379.—„Школа Женъ“ Сопик. ч. 3. № 5688. (у Плав. нѣтъ). Смирд. ч. IV. № 7427.—„Школа Мужей“ Сопик. ч. 3. № 5692 (у Плав. нѣтъ). Смирд. ч. IV. № 7430.

драматическихъ писателей, не сходили съ подмостковъ столичныхъ театровъ, такъ что составитель „Драматическаго Словаря", во время изданія его, могъ считать тридцать лѣтъ со времени перваго появленія на русской сценѣ классической комедіи Мольера. Приводимъ здѣсь замѣчанія „Словаря" на пьесы содержащіяся въ первомъ томѣ переводовъ Кропотова:

„Скупой". Должна почитаема быть изъ лучшихъ комедіекъ. (Драм. Слов. стр. 129).—Тартюфъ или Лицемѣръ. „Почитается лучшею комедіею повсюду. Здѣсь авторъ „Словаря" въ подтвержденіе своего отзыва приводитъ слѣдующее двустишіе, написанное нѣкогда Сумароковымъ:

«Мольеровъ лицемѣръ до тѣхъ поръ не надетъ
Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пребудетъ свѣтъ

Слѣдуетъ похвала Мольеру: „Расположеніе театра и складъ ролей должны быть уважаемы, отдавая справедливость только великому комическому писателю". (стр. 135) [1].—Школа Женъ. „Сія піеса почесться можетъ изъ забавныхъ театральныхъ сочиненій" (стр. 158).—Школа Мужей. Словарь замѣчаетъ: „Желательно было, чтобъ къ матеріи сей піесы мужья имѣли свое вниманіе".—Изъ этихъ краткихъ и немудреныхъ замѣчаній „Словаря" отчасти могущихъ служить отголоскомъ сужденій о комедіяхъ Мольера публики, видно что послѣдняя все таки цѣнила ихъ по своему: Приведенное „Словаремъ" вышепомянутое двустишіе Сумарокова, показываетъ, до какой степени онъ высоко ставилъ французскихъ классическихъ драматурговъ, принимая произведенія ихъ за образцы для подражанія; но къ сожалѣнію послѣднее не слишкомъ ему удавалось. Въ его передѣлкахъ Мольера, всѣ выводимые въ нихъ лица: Кащеи, Финеты, Пролазы и т. д., представляютъ поверхностныя, жалкія и грубо написанныя копіи съ глубоко задуманныхъ, художественныхъ и исполненныхъ смысла характеровъ комедій Мольера; какъ бы то ни было, но его высокія произведенія пришлись по вкусу русской публики, и появленіе ихъ на сценѣ вызывало время отъ времени болѣе или менѣе искусныхъ переводчиковъ знаменитаго французскаго комика.—Кромѣ Кропотова извѣстны другіе переводчики Мольера, на труды и имена которыхъ находятся болѣе

---

[1] Другой переводъ этой пьесы подъ названіемъ: Ханжеевъ или Лицемѣръ въ 5 д. М. въ типогр. Любія. 1809. 8°; переводъ въ стихахъ почитающійся анонимнымъ, но по замѣчанію Полторацкаго, на экземплярѣ Публ. библіот: перев. Алексѣй Мих. Пушкинъ, ум. въ 1825 г. Геннад. Слов. т. 2 стр. 339.—Смирд. ч. IV. № 7408.

или менѣе достовѣрныя указанія въ „Опытѣ" Сопикова, росписяхъ Плавильщикова, Смирдина и др. Приводимъ здѣсь эти извѣстія, дающія понятіе о томъ, что изъ произведеній Мольера было переведено въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX столѣтія; прибавляемъ къ нимъ замѣчанія того же „Драматическаго Словаря" не совсѣмъ безъинтересныя по вышепомянутой нами причинѣ: Скапиновы обманы. (Les fourberies de Scapin) въ 3 д., перев. Василій Григорьевичь Тепловъ. (У Сопикова и Смирд. нѣтъ). Замѣчаніе Драм. Словаря: „Представлена въ первый разъ на Росс. театрѣ въ Санктпетербургѣ, сентября 25 дня, 1757 года, а въ Москвѣ въ 1760 году. Оная пьеса почитается изъ наиприятнѣйшихъ и забавнѣйшихъ для театральнаго представленія" стр. 128). Переводъ Ив. Смирнова. М. 1803. 12°[1].— Докучливые (Les fâcheux); перев. Андрей Андреевичь Нартовъ (у Сопик. и Смирд. нѣтъ); о ней упомянуто въ „Опытѣ" Слов. Новикова 1-е изд. стр. 146, и Слов. митр. Евген. изд. 1845. т. II. стр. 101.—Амфитріонъ въ 3 д., перев. Петръ Семеновичь Свистуновъ. Спб. 1761 г. 8°. Изданіе 2-е. М. Въ компанейской типографіи, 1788. 8°[2]. Драм. Словарь отмѣчаетъ: „Представлена была неоднократно въ придворномъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ. Напечатана въ с.-петербургскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ въ 1761 году. Оная піеса открывается Прологомъ, въ которомъ машины великолѣппы; піеса вся наполнена шутками и множествомъ острыхъ словъ. Бывшіе придворнаго театра актеры, Г. Шумской и московскаго вольнаго Г. Базилевичь, первые комики въ ролѣ Созіи, пріобрѣли себѣ славу". (стр. 18). Мѣщанинъ во дворянствѣ. (Le Bourgeois Gentilhomme) въ 5 д. съ балетами М. 1788. 8°. перев. Петръ Свистуновъ[3]. По извѣстію „Драм. Слов." Представлена въ первой разъ на Росс. театрѣ въ С.-Петербургѣ въ 1758 году, генваря 26, и по сіе время на росс. театрахъ играна бываетъ къ удовольствію зрителей". Далѣе слѣдуетъ примѣчаніе: „Во время представленія сей комедіи, въ разсужденіи большаго спектакля, великаго числа людей, какъ-то пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ дѣйствующихъ въ интермедіяхъ лицъ, балетовъ и богатыхъ декорацій,

---

[1] Сопик. ч. 3. № 5609. Смирд. ч. IV № 7350. Геннади. Справоч. Слов. т. 2. стр. 339—340.—[2] Сопик. ч. 3. № 5285. Смирд. ч. IV съ означеніемъ (ошибочно) 1768 г. Геннади Справ. Слов. изд. 2-е М. 1788. 12°.—[3] Сопик. ч. 3. № 5464. Плав. ч. III. № 5741. Геннади. Спр. Слов. М. 1788. 8°. Смирд. ч. IV. № 7195. М. Въ Унив. Типогр. (безъ имени переводчика).

на вольныхъ театрахъ, за входъ была двойная противъ обыкновеннаго плата" (стр. 84).—Жоржъ Дандинъ или въ смятеніе приведенный мужъ. (Georges Dandin) въ 3 д. пер. Иванъ Чаадаевъ. М. 1775. 8°[1].—Драм. Слов. говоритъ: „Представлена въ первой разъ 1778 года, сентября 24 дня на Росс. театрѣ, и потомъ игранная на С. петербургскомъ и московскомъ театрахъ. Сія комедія на многихъ европейкихъ языкахъ принята съ уваженіемъ, и повсюду часто представляема на театрахъ въ разсужденіи замысловатыхъ и забавныхъ шутокъ". (стр. 58).—Лѣкарь по неволѣ (Le Médecin malgré lui); въ 3 д. М. 1775. 8° и 1788. 8°[2]. (Въ Драм. Слов. нѣтъ).—Мизантропъ или Нелюдимъ въ 5 д переведена въ 1757 году въ С. Петербургѣ (по Сопикову И. Е.) М. 1788. 8°[3]. Примѣчаніе Драм. Слов. „Комедія не выходящая изо вкуса какъ и подлинникъ; на театрахъ часто представляется.—Сганарель или мысленный рогатый (Le cocu imaginaire) въ 3 д. М. 1788. 8°[4] (въ Драм. Слов. нѣтъ).—Принужденная женитьба (Le mariage forcé) въ 1 д. М. 1779 8°[5] (анонимн. перев.) Замѣчаніе о ней Драм. Слов. „Сія піеса приносила множество удовольствія и забавы зрителямъ во время представленія двухъ философовъ разныхъ характеровъ" (стр. 111).—Сицилianецъ. Въ 1 д. Спб. 1766. 12° и М. 1788. 8°[6]. Драм. Слов. Играна довольно на Росс. театрахъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ (стр. 128).—Любовь докторъ съ балетами въ 3 д. М. 1802. 8°[7].—Игрокъ въ 5 д. Спб. 1815. 12°[8].

О давности знакомства Россіи съ комедіями Мольера, находимъ слѣдующее извѣстіе у Штелина: „Во время младолѣтства Петра Великаго, часто въ Заиконоспасскомъ монастырѣ играны бывали комедіи духовныя, а иногда и свѣтскія, съ французскаго на славянскій языкъ переведенныя, яко то: „Врачь противъ воли", и другія. Царевна Со-

---

[1] Сопик. ч. 3. № 5382. № 5383. изд. 2-е. М. 1788. 8°. Плав. ч III. № 5652 (изд. 2-е 1788. 8°). Смирд. ч. IV. № 7105. (безъ означ. года).

[2] Сопик. ч. 3. № 5429. Смирд. ч. IV. № 7156. Плав. ч. III. № 5700. У Смирдина имя переводчика означено литерами П. С.—[3] Сопик. ч. 3. № 5451 Плав. ч. III. № 5722. Смирд. ч. IV. № 7172. Геннади Спр. Слов. стр. 339—340.—[4] Сопик. ч. 3. № 5600. Смирд. ч. IV. № 7340. Геннад. Спр. Слов. т. 2 стр. 340. Переводъ въ стихахъ А. Ратчева: Мнимый Рогоносецъ въ 1 д. М. въ тип. Селивановск. 1825 8°. Смирд. ч. IV. № 7177.—[5] Сопик. ч. 3. № 5571.—Плав. ч. III. № 5852, Смирд. ч. IV. № 7308. Геннад. Справ. Слов. т. 2 стр. 340.—[6] Сопик. ч. 3 № 5613. Плав ч. III. № 5899. Смирд. ч. IV. № 7349. Геннад. Спр. Слов. т. 2. стр. 340.—[7] Сопик. ч. 3. № 5439. Плав. ч. III. № 5711. Смирд. ч. IV. № 7161. Геннад. Спр. Слов. т. 2. стр. 340.—[8] Смирд. ч. IV. № 7119. (безъ имени Мольера).

фія съ благородными дѣвицами и мужчинами играла также въ комедіяхъ" [1]. Въ краткой біографіи царевны Софіи упоминаетъ о томъ и митрополитъ Евгеній; онъ говоритъ что „она была любительница Россійскаго театра, и сама написала трагедію, и что въ ея комнатахъ, кромѣ драмъ Симеона Полоцкаго и другихъ малороссійскихъ писателей, были играны переведенныя произведенія Мольера [2].—Пекарскій, касаясь исторіи драматическаго искусства въ Россіи, признаетъ въ ней два заслуживающихъ вниманія момента, изъ которыхъ во второмъ, встрѣчаемъ подстрочные переводы разныхъ драматическихъ пьесъ, въ числѣ которыхъ находится произведеніе Мольера—отрывокъ Донъ Жуана [3]. За тѣмъ въ приведенныхъ авторомъ двухъ весьма любопытныхъ спискахъ: „описаніе комедіямъ что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ, мая по 30 число 1709 года", подъ № 13 перваго списка значится: Докторъ принужденный; „упоминаніе объ означенной 13 пьесѣ въ первомъ спискѣ", говоритъ Пекарскій, подтверждаетъ вполнѣ слухъ о существованіи у насъ перевода извѣстнаго произведенія Мольера „Le médecin malgré lui", въ которомъ осмѣяны невѣжество и шарлатанизмъ докторовъ". За тѣмъ послѣ краткаго изложенія содержанія самой пьесы, онъ объясняетъ причину, почему изъ многихъ комедій Мольера, выборъ палъ на вышеозначенную [4].—Кромѣ этой комедіи извѣстны въ переводѣ на русскій языкъ при Петрѣ Великомъ „Донъ Жуанъ [5], Амфитріонъ [6], и извѣстная своимъ не поддѣльнымъ юморомъ и меткими выходками, мольеровская комедія „Les précieuses ridicules", отрывокъ сохранившійся въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго за 1708 годъ, написанный съ сохраненіемъ польскаго выговора, и подъ страннымъ заглавіемъ „Драгыя смѣянныя". Переводъ этотъ, по словамъ Пекарскаго ниже всякой посредственности, сдѣланъ былъ однимъ изъ царскихъ шутовъ, полякомъ, носившимъ титулъ короля самоѣдскаго [7]. Тутъ же приводится отрывокъ изъ русскаго перевода и французскаго подлинника означенной комедіи.

Между комедіями и интермедіями, или вѣрнѣе перечнями этихъ пьесъ, переведенныхъ въ 1735 году по указу барона Корфа съ италіанскаго языка Тредіаковскимъ, двѣ слѣдующія принадлежатъ Мольеру: „Больнымъ быть думающій", и Посадскій дворянинъ, (въ нѣмец-

---

[1] Краткое извѣст. о театральн. представл. и проч. Я. Стелина. С.-Петерб. Вѣстн. 1779 г. М. августъ стр. 84.—[2] Словарь митр. Евген. 1845. т. II. стр. 174 —[3] Наука и Литер. въ Россіи. т. I. IV. стр. 380.—[4] Тамъ же стр. 429.—[5] Тамъ же, стр. 467.—[6] Тамъ же, стр. 475.—[7] стр. 477.

комъ переводѣ „Der bürgerliche Edelmann"). Всѣ означенныя пьесы составляютъ въ настоящее время величайшую рѣдкость; онѣ напечатаны при Академіи Наукъ, на почтовой и простой бумагѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, каждаго завода на русскомъ 100, да на нѣмецкомъ 100, цѣною заводъ по 8 рублей въ переплетѣ изъ волнистой и золотой бумаги[1].

Комедіи Мольера разыгрывались по извѣстію Штелина не только на сценахъ публичныхъ театровъ, но при дворѣ, дамами и кавалерами блестящаго двора императрицы Екатерины II. „За недѣлю до масляницы (1764 г.) придворныя дамы и кавалеры, также и другіе изъ благородныхъ играли при дворѣ переведенную съ французскаго на россійскійскій языкъ Маліерову комедію „le malade imaginaire"…. Изъ дѣйствующихъ въ сей комедіи лицъ превосходно играли свои роли господа гвардіи капитаны Кропотовъ и Волковъ и три сестры дѣвицы Бибиковы"….[2]—Изъ всего сказаннаго здѣсь видно, что произведенія европейскаго знаменитаго комика почти двѣсти лѣтъ существуютъ какъ въ русской литературѣ, такъ равно и на сценахъ русскихъ театровъ, не теряя обаянія своего для знатоковъ драматическаго искусства, и до нашего времени.

№ 78. Краткое **Математическое Изъясненіе Землемѣрія** Межеваго. 1757 годи. Санктпетербургъ. 8°. 24 ненум. (посвященіе и оглавленіе матеріямъ) 112 нум. (текстъ и толкованіе таблицъ). 8 таблицъ съ фигурами. Заглавный листъ гравированный.

Сопик. ч. 3. № 4555.—Плав. ч. I. № 73.—Смирд. ч. III. № 4019.

Книжка посвящена графу Петру Ивановичу Шувалову „просвѣщеніемъ разума и добродѣтелей высотою одаренному, въ трудахъ неутомимому, имперіи всероссійской вѣрнѣйшему патріоту, Генералъ-фельдцейгмейстеру и Сенатору". Затѣмъ въ самомъ посвященіи, напечатанномъ крупными литерами, авторъ „Краткаго Изъясненія", князь Дмитрій Павловичъ Циціяновъ, разсыпаясь въ подобавшихъ тому времени непомѣрно льстивыхъ похвалахъ передъ могущественнымъ вельможею, говоритъ что имя его, которое онъ не безъ удивленія встрѣтитъ къ началѣ „сей малой, хотя нѣсколько и полезной, но не высокой матеріи книжицы, достойно быть написано златомъ на твердѣйшихъ мраморахъ, и изображено на великолѣпныхъ обелискахъ; и

[1] Исторія Акад. Наукъ. т. I. стр. 59. Прим. 3,—[2] С. Петерб. Вѣстникъ 1779 г. мѣс. сентябрь, стр. 170.

что мудрѣйшіе мужи въ писаніяхъ своихъ о высокихъ и важныхъ матеріяхъ, справедливо предпоставили его своимъ твореніямъ; и что поводъ къ тому могли бы имѣть—какъ моралистъ, такъ и политикъ, почерпая какъ въ источникѣ славословія своего, въ государственныхъ заслугахъ, дарованіяхъ и добродѣтеляхъ графа, исчисляемыхъ авторомъ настоящей книжки на страницахъ посвященія ея своему главному начальнику. Удивленіе къ дѣяніямъ начальствующаго межевымъ корпусомъ и собственное горячее усердіе автора, побудили послѣдняго къ предпринятію настоящаго труда, содержащаго въ себѣ указанія обученнымъ Арифметикѣ, Геометріи и Тригонометріи, равно и состоящимъ геодезистами при межеваніи, на обращеніе съ астрелябіею, необходимою при землемѣріи. Не смотря на полезность составленнаго имъ краткаго руководства, авторъ между прочимъ сравниваетъ трудъ свой съ необходимымъ въ цифрахъ нулемъ, котораго достоинство можетъ опредѣлить приставленная къ нему „высокою Его графскаго сіятельства апробаціею, цифра".

Въ слѣдующемъ за тѣмъ „Предувѣдомленіи" (стр. 1—6) краткое изложеніе: „опредѣленія межеванья и всего къ нему необходимаго; о знаніяхъ потребныхъ геодезисту, и о томъ, что именно составляетъ содержаніе настоящей книги, частяхъ ея, и главахъ первой части; въ началѣ объясняется „О сниманіи фигуры земли". Слѣдуетъ Глава 1. О Инструментѣ.—2. О землѣ.—3. О дѣйствіи съ иструментомъ.—4. О журналѣ или запискѣ геодезической.—Часть вторая. „О начерченіи на планъ". Глава 1. О инструментахъ къ черченію надлежащихъ. 2. О вещахъ къ черченію надлежащихъ.—Глава 3. О самомъ начерченіи плана.—Часть третья. „О исчисленіи плана".—Глава 1. О числѣ и его свойствахъ.—Часть четвертая. „О свидѣтельствѣ плановъ, какія свидѣтельства разныя быть должны". Глава 1. О свидѣтелъствѣ исправности фигуръ, по угламъ, ромбамъ и линіямъ.—На стр. 109—112: „Толкованіе таблицъ—второй третьей и четвертой".

На заглавномъ листѣ изображена парящая на облакахъ и трубящая Слава, держащая въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ и небольшой щитъ съ вензеловымъ именемъ Шувалова. Подъ ногами ея развѣвающаяся лента съ надписью: „обоихъ достоинъ есть". Заглавіе книги въ фигурной рамкѣ; внизу изображены кусты, съ лежащими между нимп, и принадлежащими къ землемѣрію предметами, какъ то: „глобусомъ, треугольниками, угольниками, циркулями, ландкартами и проч.".

1758.

№ 79. **Санктпетербургскій Календарь** на Лѣто отъ Рождества Христова **1758**, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи. Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ, 8°. 160 ненум. страницъ.

Справочн. Словарь Геннади т. II. стр. 95а.—Магазинъ Землевѣд. и Путешествій. Н. Фролова. т. 3. стр. 552.

Содержаніе календаря тоже что и предъидущихъ, до страницы 74-й, на которой помѣщено „Продолженіе изъясненія о поставляемомъ въ календарѣ церковномъ счисленіи", сочиненное профессоромъ Никитою Поповымъ; оно начинается здѣсь шестымъ параграфомъ: 3-е. „О вруцелѣтіи простомъ, и о нахожденіи онаго на всякой данной годъ". Означенная статья начата въ календарѣ 1757 года, и въ настоящемъ не окончена; въ ней разрѣшены только три вопроса: 1) опредѣлить годъ индикта; 2) опредѣлить годъ солнечнаго круга съ вруцелѣтіемъ, и 3) найти букву даннаго дня мѣсяца. Изложеніе помянутой статьи весьма тяжелое по его многословію и безполезнымъ повтореніямъ, происходящимъ отъ дурнаго расположенія предметовъ [1]. Въ концѣ „изъясненія" обѣщано его продолженіе „въ предбудущемъ календарѣ". На стр. 110-й, въ азбучномъ порядкѣ помѣщено: „Толкованіе собственныхъ имянъ въ календарныхъ святцахъ находящихся".—Въ Россійскомъ Императорскомъ домѣ, прибавлено имя Великой Княжны Анны Петровны, родившейся въ 1757 году, 9 декабря; остальныя статьи не отличаются отъ содержащихся въ предыдущихъ календаряхъ за исключеніемъ помѣщеннаго въ настоящемъ: реэстра губерній и почтоваго дорожника.

1759.

№ 80. Санктпетербургскій **Календарь** на **Лѣто** отъ Рождества Христова **1759**, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ, м. 8°. 132 ненум. стр. и фронтиспис.

Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 95а. Фролов. Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 553.

---

[1] Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. 3. стр. 552.

Календарь извѣщаетъ о трехъ затмѣніяхъ въ настоящемъ году: одного луннаго и двухъ солнечныхъ, которыя не будутъ видимы во всей Европѣ; лунное начнется 2-го января по утру, но видимо будетъ въ нѣкоторыхъ городахъ россійской имперіи только одно его начало, и то при самомъ захожденіи луны за горизонтъ. Изъ двухъ солнечныхъ затмѣній, первое будетъ 13 іюня послѣ полудни, и второе 8-го декабря, также въ это время, но оба будутъ видимы въ Африкѣ и Америкѣ. Въ календарѣ 1759 г., подъ цифрою VIII, является въ первый разъ, потомъ въ слѣдующихъ уже постоянная статья: „Хронологическое показаніе достопамятныхъ приключеній съ 1756, по Октябрь 1758 года". Выписываемъ изъ этого любопытнаго обозрѣнія произшествія, относящіяся къ Россіи, и начинающіяся съ 1757 года, 24 іюня: Взятіе крѣпости Мемеля, побѣдоноснымъ оружіемъ Ея Имп. Величества Самод. Всеросс.—19 Іюля. Занятіе города Тильзита въ Пруссіи, Россійскими Императорскими войсками. 20. Вступленіе Россійской Императорской арміи съ Польской стороны въ Пруссію.—19 Августа. Побѣда одержанная Росс. Имп. арміею надъ Пруссаками при Гросс-Эгерсдорфѣ.—9 Декабря. Всерадостное рожденіе Ея Имп. Высочест. Благовѣрн. Госуд. В. Княжны Анны Петровны.—1758. 11 Января. Занятіе столичнаго города Кенигсберга въ Пруссіи Росс. Имп. арміею, и овладѣніе потомъ всѣмъ Королевствомъ прусскимъ.—15 Февраля. Расположеніе Росс. Имп. арміи кардономъ по Вислѣ, и занятіе ею Эльбинга, Маріенбурга и Торуня.—6 Апрѣля. Росс. Имп. армія начала переходить рѣку Вислу.—3 Іюля. Занятіе города Дризена, Росс. Имп. войсками.—17. Городъ Ландсбергъ занятъ Росс. Имп. войсками.—22 Іюля. Вступленіе Росс. Имп. арміи въ границы монархіи Бранденбургской.—4 Августа. Бомбардированіе и сожженіе крѣпости Кистрина Росс. Имп. арміею.—14 Августа. Побѣда одержанная Росс. Имп. арміею надъ Королемъ Прусскимъ, на кровопролитной баталіи при Фирстенбергѣ и Цорндорфѣ.

На гравюрѣ, приложенной къ календарю, изображенъ пьедесталъ съ Россійскимъ гербомъ; на груди орла, Андреевскій крестъ замѣнилъ всадникъ—на пьедесталѣ находится вензеловое имя императрицы Елисаветы Петровны, окруженное тремя геніями.

1760.

№ 81. **Рассужденіе** о твердости и жидкости тѣлъ ради торжественнаго праздника **Тезоименитства Ея Величества** Всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія **Государыни Императри-**

цы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ сентября 6 дня 1760 года Читанное Господиномъ Коллежскимъ Совѣтникомъ и Профессоромъ, и Королевской Шведской Академіи Наукъ членомъ Михаиломъ Ломоносовымъ. **Въ Санктпетербургѣ** при Академіи Наукъ. 4°. 22 непум. стр. и 1 таблица съ фигурами.

Сопик. ч. 3 № 6024 (съ ошибочно означен. 1749 г.).—Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 251.—Пекарск. Истор. Акад. Н. т. II. стр. 709.

„Разсужденіе" Ломоносова содержитъ въ себѣ 26 параграфовъ, изъ которыхъ въ первомъ, авторъ упоминаетъ о рѣчи профессора Брауна, прочитанной имъ въ томъ же академическомъ засѣданіи, прежде Ломоносова: „О удивительной стужѣ искусствомъ произведенной". Во второмъ параграфѣ, Ломоносовъ является противникомъ существованія притягательной силы, называя ее „мнимою". „Ежели бъ подлинно была притягательная сила", говоритъ онъ въ 3-мъ параграфѣ, „то бы она врождена была тѣламъ, какъ причина къ произведенію движенія. Однако и ударенiемъ или отраженіемъ въ тѣлахъ движеніе производится, что всѣмъ явно". Далѣе онъ ссылается на Ньютона, который по словамъ его „притягательной силы не принималъ въ жизни, по смерти учинился невольный ея предстатель, излишнимъ изслѣдователей своихъ радѣніемъ". Въ 4-мъ параграфѣ, авторъ „Разсужденія", допуская на часъ существованіе притягательной силы, все таки кончаетъ тѣмъ, что доказательствами и приведеннымъ примѣромъ опровергаетъ его и наконецъ въ 9-мъ параграфѣ говоритъ: „Доказано мною прежде сего (въ Разсужденіи о причинахъ теплоты и стужи въ 1-мъ томѣ новыхъ комментарій) что Елементарной огонь Аристотельской, или по новыхъ ученыхъ штилю, теплотворная особливая матерія, которая изъ тѣлъ въ тѣло переходя и странствуя, скитается безъ всякой малѣйшей вѣроятной причины, есть одинъ только вымыселъ; и купно утверждено, что огонь и теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи частицъ, а особливо самой матеріи тѣла̀ составляющія. Сія моя система отъ неосновательныхъ возраженій защищена, и тщетныя прекословія во тщету вмѣнились. И сверхъ того новыя пріобрѣла неподвижныя утвержденія" (Рассужд. § 9).—Въ 23-мъ параграфѣ, Ломоносовъ подробно расказываетъ о своемъ опытѣ декабря 26-го, 1759 года, какъ у него при искусственномъ охлажденіи, ртуть опустилась до 1260 градусовъ; въ послѣднемъ, 26-мъ параграфѣ, онъ говоритъ о не маломъ числѣ жидкихъ тѣлъ, не обращающихся при здѣшнихъ сильныхъ морозахъ въ ледъ, и требующихъ какъ и ртуть

испытанія. Оканчивая „разсужденіе" воспоминаніемъ о Петрѣ Великомъ, какъ о учредителѣ настоящаго собранія, Ломоносовъ говоритъ: „Божіе Провидѣніе поспѣшествующее благосостоянію Россіи и счастію Всемилостивѣйшей Самодержицы нашея, къ безсмертной Ея славѣ не престанетъ продолжать и умножать здѣшнихъ наукъ успѣхи, равно какъ и протчихъ къ пользѣ Отечества премудрыхъ Ея учрежденій. Вкоренится и усилится раченіе и превосходство остроумныхъ сыновъ Россійскихъ въ высокихъ наукахъ, подъ щедрымъ покровительствомъ Великія Елисаветы; и сей пресвѣтлый день пребудетъ образъ, примѣръ и поощреніе къ изъявленію истинныхъ преимуществъ и безконечной благодарности господствующаго ученія въ нашемъ Отечествѣ во всѣ будущіе роды".

„Разсужденіе" Ломоносова напечатано было отдѣльно въ количествѣ 478 экземпляровъ, изъ которыхъ 6 на александрійской бумагѣ. Каждый экземпляръ обошелся по 6 копѣекъ безъ нѣсколькихъ долей, и продавался по 6 копѣекъ; оно было также напечатано вмѣстѣ съ рѣчью Браупа „De amirando artificiali" въ 248-ми экземплярахъ; въ январѣ 1761 года было отпечатано 412 экз. этого же „Разсужденія" въ латинскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Meditationes, de solido et fluido". 4°. 18 стр. и таблица [1].

Замѣчательно что „Разсужденіе" Ломоносова почему то не попало въ изданія собранія его сочиненій, за исключеніемъ изданнаго въ 1778 г. архимандритомъ Дамаскинымъ въ настоящее время рѣдкаго, въ которомъ и было въ первый разъ перепечатано (т. II. стр. 575—592). „Неудивительно по этому" говоритъ Пекарскій, „что о Разсужденіи Ломоносова касательно твердости и жидкости тѣлъ не встрѣчается упоминанія ни въ одномъ отзывѣ позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ".

№ 82. Краткой **Россійской Лѣтописецъ** съ Родословіемъ. Сочиненіе **Михаила Ломоносова.—Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ 1760 года 8°. 12 ненум. (Посвященіе и Показаніе Россійской древности) и 75 нум. страницъ.

---

[1] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 709. прим. 2. Билярскій. Матеріалы для Біографіи Ломонос. стр. 457. Будиловичь: „Ломоносовъ какъ писатель" стр. 64.— Въ „Приложеніяхъ" къ жизнеописанію Ломоносова, XI. стр. 927 (Истор. Акад. Н. т II) помѣщенъ черновой собственноручный набросокъ его диссертаціи „о твердости и жидкости тѣлъ" на лат. языкѣ, находящійся въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ, хранящихся у Н. М. Орлова.

Сопик. ч. 3. № 6013.—Опытъ Словар. Новикова стр. 129.—Museum Демидова ч. 1. стр. 221.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1833. отд. 1. стр. 1. № 2.—Библіот. Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. отд. IV. стр. 179. № 366.—Слов. митр. Евген. 1845. т. II стр. 24.—Слов. Бант. Камен. ч. 3. 1836. г. стр. 198.—Геннад. Справ. Словарь. т. 2. стр. 251.

Ломоносовъ посвящаетъ трудъ свой великому князю Павлу Петровичу къ которому обращается съ пророчествомъ выраженнымъ въ слѣдующихъ стихахъ.

„Россію предпріявъ ущедрить небеса,
Являютъ Твоея породы чудеса:
Младый Великій Князь, Ты восходя сіяешь,
И вѣку Своего свѣтъ полный обѣщаешь.
Чудимся радуясь природной остротѣ
Пристойной Праотцевъ пресвѣтлыхъ высотѣ.
Предвидимъ, рассудивъ мы дѣтски разговоры,
Отрадою ко всѣмъ сіяющіе взоры,
Что будешь подданныхъ веселіе, покровъ,
Въ правленіи примѣръ, во брани страхъ враговъ....“

За тѣмъ при различныхъ пожеланіяхъ, поэтъ питаетъ надежду, что воспѣтый имъ великій князь возвеличитъ Россію шествуя во слѣдъ предкамъ своимъ; предвидитъ въ юномъ великомъ князѣ „военный духъ“ Петра и Карла, перешедшіи къ родителю Павла являющемуся сотрудникомъ побѣдъ Елисаветы; указываетъ на Екатерину супругу Петра Великаго, и на ихъ дщерей, на августѣйшую тетку в. князя, укрѣпленную, возвышенную и прославленную имъ Елисавету, и наконецъ на мать в. князя Екатерину. Конецъ стиховъ слѣдующій:

„Рости, и восходи, крѣпись къ трудамъ преславнымъ
Со Прадѣдовыми великостію равнымъ
Достигни позднихъ лѣтъ, какъ можетъ человѣкъ;
Дополни Богъ Тебѣ неполный предковъ вѣкъ.
Гряди по ихъ стопамъ, во слѣдъ Елисаветѣ:
Ты будешь, какъ они великъ, возлюбленъ въ свѣтѣ.
Доброты вкоренишь, и исторгнувъ смертныхъ зло,
Умножишь истинныхъ Россійскихъ хвалъ число,
Достигнешь чрезъ моря богатаго Офира;
Откроешь Россамъ путь кругомъ земнаго міра
Поставишь всѣмъ странамъ недвижимый законъ;
Науки лишь пройди, и будь нашъ Соломонъ!“

Слѣдующее за стихами „Показаніе Россійской Древности" сокращенное изъ сочиняющейся пространной исторіи, состоитъ изъ 6-ти параграфовъ и заключаетъ въ себѣ мнѣніе Ломоносова о происхожденіи Руси, высказанное имъ при разборѣ диссертаціи Мюллера [1], равно какъ „извѣстій изъ которыхъ явствуетъ величіе славенскаго народа".—Въ таблицахъ помѣщенныхъ на каждой изъ 75-ти нум. страницъ книги, въ средней графѣ находятся имена и краткое описаніе дѣяній государей; въ двухъ первыхъ: степени начиная отъ Рурика, число государей, и въ трехъ послѣднихъ: „Начало владѣнія отъ Христа, лѣта владѣнія и лѣта жизни". Въ средней (широкой) графѣ, великія княженія означены въ слѣдующемъ порядкѣ: Великое Княженіе Кіевское, Новгородское и Владимирское (стр. 11).—Великое Княженіе Владимирское и Новгородское (стр. 18--20).—В. Княженіе Московское (стр. 21—29).—Царство Всероссійское (стр 30—48).—Имперія Всероссійская (стр. 49—54).—Пространнѣе и подробнѣе изложено описаніе дѣяній Петра Великаго, которыми и оканчивается лѣтописецъ; здѣсь вѣроятно по свѣжимъ еще преданіямъ его современниковъ, приведены нѣкоторыя черты изъ дѣтства его. Такъ напр. авторъ „Краткаго лѣтописца" сообщаетъ что „Петръ Великій во время стрѣлецкихъ бунтовъ обучался военному дѣлу, двѣнадцати лѣтъ сталъ рядовымъ солдатомъ, и съ товарищи своими не токмо въ одномъ былъ внесенъ спискѣ, но и спалъ въ одной палаткѣ, ту же принималъ пищу, стоялъ по очереди на караулѣ, исправлялъ всѣ солдацкія работы, возя землю къ своему потѣшному крѣпостному строенію на тѣлешкѣ построенной своими руками; дабы извѣдать, что солдатъ можетъ, и показать что долженъ дѣлать...." (стр. 47—48).

Находящееся въ концѣ книги: Родословіе Россійскихъ Государей мужскаго и женскаго полу, и брачные союзы съ иностранными Государями, написано помощникомъ библіотекаря при Академіи, Богдановымъ. Оно начинается съ Рурика, и кончается правнуками Петра Великаго: В. Кн. Павломъ Петровичемъ, и В. Княжной Анной Петровной.—Слѣдуетъ примѣчаніе автора увѣдомляющаго „благосклоннаго читателя" о томъ, что многихъ государей супруги, также и дѣти особливо женскаго пола, по лѣтописцамъ и родословнымъ книгамъ, также по иностраннымъ писателямъ, неизвѣстны и говоритъ что „при второмъ изданіи сея книжицы все, что еще въ лѣтописцахъ и извѣстіяхъ сыскаться можетъ, присовокуплено будетъ; и есть ли что

---

[1] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 708.

по другимъ надежнѣйшимъ извѣстіямъ инако найдется, безъ поправленія не останется".

Приводимъ здѣсь извѣстія сообщенныя Пекарскимъ о напечатаніи „Краткаго Лѣтописца" и выпускѣ въ продажу его экземпляровъ: 12 іюня 1760 года, въ академической канцеляріи было опредѣлено печатать сочиненный Ломоносовымъ „Лѣтописецъ съ родословіемъ", который и былъ напечатанъ въ концѣ того же года [1]. Сначала этой книги велѣно было напечатать 1200 экземпляровъ на заморской комментарной, и по шести экземпляровъ на александрійской и любской бумагѣ; впослѣдствіи это количество было увеличено, и книги вышло 2406 экземпляровъ, которые обошлись 277 руб. 32 коп., а продавался каждый по 25 коп. [2].

„Лѣтописецъ" Ломоносова былъ переведенъ на языки: нѣмецкій Петромъ Штелиномъ, сыномъ академика Якова Штелина и напечатано подъ заглавіемъ: „Kurzgefaztes Jahrbuch der russischen Regenten aus dem Russischen des Herrn Etats Raths Michailo Lomonosoff, übersetzt durch Peter von Stählin, J. Kais. Maj. aller Reussen Legations Secretaire bey Allerhöchst Dero selben Gesandschaft am Königl. Dänicher Hofe. Neue, so wohl dem Inhalte als der Übersetzung, verbesserte Auflage. Riga. I. Fr. Hartknoch. 1771" [3].—Первое нѣмецкое изданіе напечатано въ 1765 г. Copenh. u. Leipzig.—Англійскій переводъ „A chronogical abridgment of the Russian history. London. 1767 [4].

№ 83 Житіе Канцлера Франциска Бакона перевелъ съ Французскаго на Россійской **Василій Тредіаковскій** Профессоръ и Членъ Санктпетербурскія Императорскія Академіи Наукъ.—Печатано при Императоръ Московскомъ Университетѣ 1760. 4°. 162 нум. стр. (счетъ съ загл. листа). Заглавіе, имя и фамилія переводчика напечатаны киноварью.

Сопик. ч. 3. № 4066.—Плавильщ. ч. II. № 3273.—Смирд. Часть II. отд. VI. № 3398.—Museum Демидова стр. 227.—Митр. Евген. Слов. 1845. т. II. стр. 224.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838. Приб. къ стат. VIII. стр. 465. № 70 и стр. 466. № 71.—Избран. соч. Тредіаков. М. Перевлѣсскаго 1849. Вып. 3-й

---

[1] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 708.—[2] Билярскій приводитъ извѣстіе, что автору выдано безденежно 30 экземпл. Матеріал. для Біогр. Ломоносова стр. 456, 482 и 511.—Будиловичъ стр. 67.—[3] Bacmeister Russ. Bibliothek. 2 Band. 1 Stück. s. 74—75. Бакмейстеръ говоритъ что надъ переводомъ трудились Штелинъ съ професс. Шлецеромъ.—[4] Геннади Справочн. Словарь стр. 251.

стр. XXXII. № 5.—Описаніе Русск. и Иностр. книгъ или Дополн. Матеріалы для Библіографіи. Я. Березина-Ширяева. Спб. 1878 стр. 225.—Исторія Акад. Н. т. II. стр. 213.

Французскій переводъ изданъ подъ заглавіемъ: „Vie du chancelier Fr. Bacon, trad. de l'anglais de D. Mallet (par Pouillot). Amsterdam. 1755 in 12° [1]. На стр. 132 русскаго перевода помѣщенъ „Опытъ о Королевѣ Елисаветѣ“ съ посвященіемъ ея памяти, передъ которымъ находится краткое предисловіе, озаглавленное: „Для Извѣстія“; приводимъ его здѣсь въ переводѣ Тредіаковскаго: „Слѣдующїй Опытъ полюбится читателямъ, хотящимъ знать разсужденїе Фїлософовъ о Государяхъ. Засвидѣтельствованїе, подаемое Бакономъ памяти Елїсаветиной, кажется быть толь меньше подозрительно, что не происходитъ оно отъ благодарности, потому что Канцлеръ, какъ то видѣть можно въ его житїи, не имѣлъ участія въ милости Королевиной. Ежели начертанїя сїи произведены удивленїемъ, то они стóятъ вышшїя цѣны, нежели оные благодарственные похвалы, единственная и послѣдняя дань, получаемая Королями по смерти. Но ѹде сїя рѣчь произнесена въ собраніи градоначальствующихъ правителей, или мужей ученыхъ; то не можно быть споруче҃нїю въ томъ, чтобъ въ ней не было ласкательства“.

Дѣйствительно, хотя авторъ рѣчи и говоритъ, что не думаетъ писать ни исторіи королевы, ни сдѣлаться ея панегиристомъ, но между тѣмъ, почти каждая строка „Опыта“ исполнена весьма льстивыхъ и даже чрезмѣрныхъ похвалъ мудрости, цѣломудрію и энергіи королевы.—Въ концѣ жизнеописанія Бекона, на стр. 150-й помѣщено: „Похвалы Канцлеру Бакону“. Въ этой статьѣ, авторъ собралъ всѣ отзывы о немъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, какъ то: Балье въ жизнеописаніи Картезія, Гассенди; также приводится сказанное о немъ въ „Journal des Savants“, отъ 8 марта, 1666 года; наконецъ лестныя похвалы Вольтера, Дидро и д'Аламберта, (въ предисловіи къ энциклопедіи).

Къ „житію Бакона“ присоединено: „Сокращенїе Філософіи Канцлера Франціска Бакона, Томъ Первый. Переведено съ Французскаго Васильемъ Тредіаковскимъ. Въ Санктпетербургѣ. 1760. 221 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). На его оборотѣ находится „Извѣщеніе сократителево“, (напечатанное курсивомъ): „Намѣреніе сего сокращенія состоитъ въ томъ, чтобъ возбудить людей имѣющихъ нѣкоторую силу

[1] Brunet. Manuel du libraire 1820. t. 4. p. 462. № 17625.

разума, къ чтенію подлинника, и увольнять бы отъ того не могущихъ имѣть время, и не хотящихъ воспріять трудъ пойти къ самому источнику. Оно содержитъ слѣдующія 44 главы: I. Апологія или защищеніе наукамъ.—II. О зломъ употребленіи въ наукахъ.—III О Путеводствѣ.—IV. Объ Естествѣ.—V. Объ испытаніи.—VI. О Метафизикѣ.—VII. О Богословіи.—VIII. О Врачествѣ.—IX. Объ Исторіи.—X. Объ Языкахъ.—XI. О Краснорѣчіи.—XII. О нѣкоторыхъ Наукахъ.—XIII. О Сцептичествѣ.—XIV. Объ Изобразованіи.—XV. О Предразсужденіяхъ.—XVI. О Страстяхъ.—XVII. О Добрѣ.—XVIII. О Премѣнѣ человѣческихъ вещей.—XIX. О Правительствѣ.—XX. Объ увеличеніи государствъ.—XXI. О Смятеніяхъ и бунтахъ.—XXII. О Совѣтѣ.—XXIII. Объ отправленіи дѣлъ.—XXIV. О Достоинствахъ.—XXV. О Благородствѣ.—XXVI. О Должностяхъ Судіи.—XXVII. О Лихвѣ.—XXVIII. О Честолюбіи.—XXIX. О Богатствѣ.—XXX. О Зависти.—XXXI. О Скрытности.—XXXII. Объ Искусствѣ разговаривать и себя представлять.—XXXIII. О Добродѣтели.—XXXIV. О Природности и пріобыкновеніи.—XXXV. О Славѣ и Доброславіи.—XXXVI О Похвалахъ и Самохваленіи.—XXXVII. О Бракѣ и безженствѣ.—XXXVIII. О родителяхъ и чадахъ.—XXXIX. О любви и дружелюбіи.—XXXX. О юности и старости.—XLI. О красотѣ и безобразіи.—XLII. О безбожіи и суевѣріи.—XLIII. О Надеждѣ и смерти.—XLIV. Наставленіе политическое написанное къ нѣкоторому министру.

Во время изданія русскаго перевода „житія Бакона" Тредіаковскій находился въ Москвѣ, чѣмъ и объясняется напечатаніе книги при московскомъ университетѣ. Престарѣлый академикъ подалъ въ 1758 году прошеніе объ отставкѣ, а 17 іюня 1759 года просилъ о паспортѣ, такъ какъ онъ намѣревался „отъѣхать отсюду (изъ Петербурга) для собственныхъ нуждъ и для житья въ Москву [1].

№ 84. **Узнанная Семирамида опера** представленная въ новомъ театрѣ въ **Ораніенбоумѣ** повелѣніемъ **Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Великаго Князя и Наслѣдника Всероссійскаго.** Сочиненіе Аббата Петра Метастасія придворнаго стихотворца Ихъ Римскихъ Императорскихъ Величествъ. Музыка Г. Винцента Манфредини Его Императорскаго Высочества Капельмейстера.—**Въ Санктпетербургѣ** Въ Типографіи Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. 1760. 4°. **La Semiramide Riconosciuta Dramma per Musica** da rappresentarsi **In Oranienbaum,** per comando

[1] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 211.

di **Sua Altezza Imperiale** Monseigneur **Il Gran Duca** Di tutte le Russie, etc. etc. etc. nel suo novissimo Teatro. La poesia è del celebre Signor Abbate Metastasio Poeta di Sua Maesta Cesaréa; La musica è del Signor Vicenzo Manfredini Maestro di Capella di Sua Altezza Imperiale. **In St. Pietroburgo.** Nella Stamperia del nobil Corpo dei Cadetti. 1760.—121 нумеров. (счетъ съ заглавн. листа) и 4 ненумеров. стр. (Изъясненіе балета).

Сопик. ч. 4. № 7499. Смирд. Приб. 1-е. 1829. отд. XX. № 10551. Чертк. Всеобщ Библ. Россіи. 1838. стр. 466. № 76.—Геннади Справочн. Слов. т. 2. стр. 313.—Museum Демидова. ч. 1. стр. 217.

Русскій текстъ пьесы, начиная съ заглавнаго листа напечатанъ на правой, и итальянскій на лѣвой сторонѣ; на 5-й страницѣ находится изложеніе содержанія оперы, которое приводится съ сохраненіемъ правописанія, въ русскомъ переводѣ:

„Извѣстно изъ Исторіи, что Семирамида Аскалонитская, которой приписываютъ отъ нѣкоей Наіяды рожденіе а отъ голубей воспитаніе, была супругою Нина Короля Ассирійскаго, и послѣ его смерти владѣла въ мускомъ одѣяніи подъ именемъ малолѣтнаго сына своего Нина. Сему обману способствовало сходство лица ихъ и уединеніе, въ которомъ жили всѣ женщины въ Азіи, и что она по открытіи сего обмана, была утверждена на престолѣ отъ подданныхъ, которые разумъ и храбрость ея не однократно испытали.

Главное дѣйствіе сей Драммы состоитъ въ узнаніи Семирамиды, а для изобрѣтенія случая къ оному узнанію потребно было, уничтожа ея баснословное происхожденіе, перемѣнить въ иное: будто она дочь Весора, короля Египетскаго, и имѣла брата именемъ Миртея, воспитаннаго съ младенчества при дворѣ Зороастра Короля Бактріанскаго; будто она влюбясь въ Шиталька, владѣтеля нѣкоей части Индіи, прибывшаго ко двору Весорову подъ ложнымъ именемъ Идрена, и не могши испросить ево себѣ въ супруги у отца своего, ушла съ нимъ изъ града; будто Шиталькъ по измѣнническому наговору Сибара, мнимаго его пріятеля, которой былъ самъ влюбленъ въ Семирамиду и любовь свою скрывалъ, получа къ ней жесточайшую ревность, хотѣлъ ее заколоть въ перьвую ночь своего съ нею побѣга, но только ранилъ и въ Нилъ бросилъ; и будто она, послѣ сего приключенія, странствовала въ безъ извѣстіи, и наконецъ случилося уже то съ нею, что о ней исторія повѣствуетъ.

Дѣйствіе въ Вавилонѣ, куда съѣхались изъ разныхъ мѣстъ Принцы, желающія получить въ супружество Тамиру, наслѣдную При-

цессу бактріанскую, которая жила подъ покровительствомъ Семирамиды, почитаемой за Нипа.

День назначенный для избранія супруга Тамирѣ, былъ причиною тому, что многія Принцы и знатныя люди изъ разныхъ мѣстъ въ Вавилонъ съѣхались; иныя изъ любопытства, чтобъ видѣть великолѣпіе торжества сего, другія съ намѣреніемъ, чтобъ получить Принцесу Тамиру въ супружество; и такъ вѣроятнымъ образомъ день сей подалъ случай Семирамидѣ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время увидѣться съ братомъ ея Миртеемъ, съ любовникомъ Шиталькомъ и съ измѣнникомъ Сибаромъ, а изъ ея свиданія съ ними слѣдовало необходимо и открытіе ея".—Слѣдующія страницы озаглавлены: „Перемѣна украшеній" (Mutationi di scena); внизу примѣчаніе: „Украшенія Г. Франциска Градици, живописца при Санктпетербургской Академіи Художествъ.—Балеты изобрѣтенія Г. Франциска Кальцавара, Его Имп. Высоч. Балетмейстера.—За тѣмъ означены дѣйствующія лица пьесы: Семирамида въ мускомъ одѣяніи, подъ именемъ Нина короля Ассирійскаго, любовница Шиталькова, котораго она знала, и полюбила прежде подъ именемъ Идрена, бывшаго при дворѣ Египетскомъ.—Госпожа Марія Бранбилла, называемая Фаринелла, въ службѣ Его Имп. Высочества.—Миртей, князь египетской, братъ Семирамиды, которой онъ не знаетъ, и любовникъ Тамиры—Господинъ Іосифъ Милико въ службѣ Ея Имп. Величества.—Ирканъ, князь Скиѳской, любовникъ Тамиры—Господинъ Максимъ Беревевскій, въ службѣ Его Имп. Высочества.—Шитальхъ, нѣкоей части Индіи владѣтель, почитаемой Семирамидою Идреномъ, любовникъ Тамиры—Госпожа Нунціата Гарани, Болонянка, въ службѣ Ея Имп. Величества.—Тамира, наслѣдная княжна Бактріанская, любовница Шиталькова—Госпожа Марія Монари, Болонянка, въ службѣ Его Имп. Высочества.—Сибаръ, наперстникъ Семирамиды, любовникъ ей неизвѣстной—Госпожа Катерина Бригонци.

Пьеса написана въ трехъ актахъ; въ концѣ книги помѣщено: „Изъясненіе балета называемаго „Приношеніе Ифигеніи на жертву", съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Балетъ вымышленъ и установленъ Г. Франц. Кальцаваромъ Балетмейстеромъ Его Имп. Высочества. Машины г. Іосифа Бригонци, машиниста Его Имп. Высочества".—Переводчики театральныхъ пьесъ были извѣстны еще въ царствованіе Анны Іоанновны; кромѣ Тредіаковскаго который по приказу президента Академіи Наукъ, барона Корфа перевелъ большое число комедій и интермедій, Петру Медвѣдеву принадлежитъ переводъ двухъ драмъ Метастазія, первая изъ нихъ: „Артаксерксъ" напечатана на русскомъ

и итальянскомъ языкахъ въ Петербургѣ въ 1738 г. (8°) [1] и другая „Притворный Нинъ или Семирамида познанна". съ музыкою въ 3 д. Спб. 1737. 4° [2]. Вѣроятно подлинникъ съ котораго былъ сдѣланъ этотъ переводъ, послужилъ какъ можно полагать, и для вторичнаго перевода пьесы въ 1760 году, Петру Семеновичу Свистунову, переводчику нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ; это подтверждается отчасти и тѣмъ, что „Узнанная Семирамида", отпечатана въ типографіи кадетскаго корпуса, въ которомъ переводчикъ находился на службѣ.

№ 85. **Описаніе увеселительныхъ огней** представленныхъ на день брачнаго сочетанія **Ихъ Императорскихъ Высочествъ** Государя Великаго Князя **Петра Θеодоровича**, и Государыни Великой Княгини **Екатерины Алексѣевны** въ Ораніэнбаумѣ Августа 21 дня 1760 года.—Beschreibung des am Gedächtnisz-Tage der hohen Vermählung **Ihro des Grosz-Fürsten Peter Feodorowitsch** und der **Grosz-Fürstinn Katherina Alexiewna Kayserlicher Hoheiten** den 21 Augusti 1760 in Oranienbaum vorgestellten Feuerwercks.—**Въ Санктпетербургѣ.** При Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1°. 3 ненум. стр. (не считая заглавн. листъ), и двѣ таблицы съ изображ. увеселительн. огней, грав. на мѣди.

Чертк. Всеобщ. Библіотека Россіи. м. 1838. стр. 228. № 8.

На правой сторонѣ нѣмецкій, на лѣвой русскій тексты. Въ описаніи фейерверка находится объясненіе двухъ чертежей приложенныхъ къ книгѣ. О первомъ изъ нихъ означенномъ литерою А сообщается слѣдующее:... „фитильный планъ, представляющій галлерію на подобіе амфитеатра полуциркулемъ, которой съ обѣихъ сторонъ замыкается двумя зданіями сооруженными въ честь каждому изъ обоихъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, какъ то и гербы означающіе оныя съ обѣихъ сторонъ, съ одной Голштеинъ-Шлезвигской, а съ другой Ангалтъ-Цербстской державные Геніусами, показываютъ. Въ украшеніежъ симъ зданіямъ, въ приличныхъ мѣстахъ поставлены статуи, Согласія и Любви". Надъ среднею галлеріею видно въ воздухѣ закрытое обла-

---

[1] Сопик. Ч. 2. № 3305.—[2] Сопик. Ч. 2. № 3434. Въ „Краткомъ Извѣстіи" Штелина упомянуто что въ 1737 году въ первый разъ была представлена большая итальянская опера соч. капельмейстера Арайя, послѣ нея уже каждый годъ новыя представлялись. Первая изъ представленныхъ оперъ называлась „Abiasare, a вторая: „Semiramide ol finto Nino. Спб-скій Вѣстникъ мѣсяцъ Августъ 1779 года. Кратк. Извѣстіе о театральн. въ Россіи представл. стр. 87.

ко, изъ котораго потомъ является „Гименъ“ со множествомъ окружающихъ его и веселящихся Геніусовъ, и которой опускаясь внизъ, подноситъ вѣнецъ надъ стоящій щитъ съ сплетеннымъ именемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, поставленный на постаментѣ, и поддерживаемый „Геніусами“. Объясненіе втораго чертежа означеннаго литерою В, слѣдующее: „Послѣ чего, какъ фитильный планъ прогоритъ, тогда представится изъ бѣлаго огня великолѣпное зданіе, посвященное Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. На чертежѣ А находится подпись: „Изображеніе великолѣпнаго зданія ізразныхъ увеселитенныхъ (sic) агнеи поставленнаго въ ораніенъ: бауме 1760 года августа 21 дня“. На второмъ чертежѣ означенномъ литерою В: „Изображеніе Священнаго Храма въ честь ихъ Императорскихъ Высочествъ Ісcамыхъ бело блистающихъ агнеи.“

Прочія части фейерверка состоятъ по „Описанію“ въ слѣдующемъ: онъ начинается „бѣгущимъ колесомъ“ зажигающимъ два другія, имѣющія форму „цвѣтковъ“ измѣняющихся въ два „солнца“ принимающихъ въ свою очередь видъ двухъ „восходящихъ звѣздъ“, изъ которыхъ въ каждой видно вензеловое имя обоихъ высокихъ новобрачныхъ; помянутыя звѣзды поднявшись на вышину горизонта, и соединясь между собою, представляютъ въ великолѣпномъ сіяніи общее вензеловое имя ихъ высочествъ, окруженное многими „солнцами“ изъ бѣлаго огня, что наконецъ измѣняется въ три большіе „каскада“; послѣ чего, на мраморныхъ постаментахъ, между двумя зелеными фитильными огнями, горитъ „алый“ украшенный букетомъ распустившихся цвѣтовъ, по сторонамъ котораго видны два апельсинныя дерева съ плодами. За тѣмъ слѣдуютъ различные увеселительные огни: сперва четыре малыхъ „каскада“, за которыми являются три „прорѣзныя машины, измѣняющіяся въ разнообразныя формы; потомъ зажигаются три машины, и средняя между ними представляетъ соединенные между собою вѣнцы, окруженные звѣздами. Далѣе слѣдуютъ опять три машины изъ которыхъ средняя имѣетъ форму „Розы“ горящей въ бѣломъ огнѣ окруженной искорнымъ; другія двѣ изображаютъ вьющіеся и переплетающіеся между собою вѣнцы изъ тѣхъ же огней. Симметрически играющіе огни оканчиваются представленіемъ пяти большихъ машинъ; двѣ изъ нихъ превращаются въ „неподвижныя солнца“, за тѣмъ измѣняются въ цвѣты, потомъ въ вѣнцы, не покидая составляющаго ихъ искорнаго огня.—По окончаніи зрѣлища представляемаго двумя зданіями изображенными на обоихъ чертежахъ, начинаются „иррегулярные огни павлиньимъ хвостомъ“ и множествомъ „бѣгающихъ ракетъ; за тѣмъ, смѣняя одни другихъ появляются горящіе“ ландъ и

лустъ-кугели, ракеты, Марсовъ огонь, и весь фейерверкъ оканчивается „большимъ павлиньимъ хвостомъ и множествомъ звѣздъ."

На послѣдней страницѣ „Описанія" помѣчено: „Сіи увеселительные огни, сочинены подъ смотрѣніемъ отъ Артиллеріи Полковника, г. Мартынова, Артиллеріижъ Порутчикомъ, г. Нѣмовымъ".

1757.

№ 86. Описаніе фейерверка по окончаніи великолѣпнаго торжества **о благополучно заключенномъ мирѣ** между Его Величествомъ Императоромъ **Петромъ Третьимъ** Самодержцемъ Всероссійскимъ и прочая, и прочая, и прочая и Его Величествомъ **Фридерикомъ Третьимъ** Королемъ Прусскимъ и Курфирстомъ Бранденбургскимъ и прочая, и прочая, и прочая. представленнаго въ Санктпетербургѣ, предъ Императорскимъ новымъ зимнимъ домомъ на Невѣ рѣкѣ. Іюня 10 дня 1762 года.— **Beschreibung der Feuerwerks—Vorstellung**, die zum Beschlusz der prächtigen Festivitäten bey der öffentlichen Feyer des zwischen **Jr. Majestät Peter dem Dritten**, Kaiser und eigenmächtigen Beherrscher aller Reuszen etc, etc, etc, und **Jr. Majestät Friedrich dem Dritten**, König von Preuszen, Churfürst zu Brandenburg etc, etc, etc. **glücklich geschlossenen Friedens**, vor dem Kaiserl. neuen Winter—Palais auf dem Newa—Strohm aufgeführet worden, zu st. Petersburg den 10 Junii 1762.—печатано при Императорской Академіи Наукъ. 1°. 6 ненум. стр. (считая и заглавн. листъ).—Двѣ виньеты изъ которыхъ одна вначалѣ, и другая въ концѣ книги; гравюра на складномъ листѣ, съ изображ. фейерверка.

Сопик. ч. 4. № 7779.—Всеобщ. Библ. Россіи. 1838. стр. 228. № 7. d).

Книга напечатана въ два столбца съ текстами русскимъ на лѣвой, и нѣмецкимъ на правой сторонѣ. Въ началѣ находится краткое разсужденіе о томъ, что сообразно природѣ всего существующаго, живущаго въ мірѣ, радость или удовольствіе необходимо проявляется внѣшними знаками; но нельзя признать эту радость совершенною, ни даже получить о ней понятіе, если она не выражается видимыми проявленіями внутренняго удовольствія, какъ то видимо бываетъ у всѣхъ, особливо просвѣщенныхъ народовъ. Ежедневный опытъ доказываетъ, что выраженіе радости бываетъ всегда соотвѣтственно степени ощущаемаго удовольствія или счастія; когда же цѣлый народъ принимаетъ участіе въ общемъ благополучіи, или оно такого свойства,

что великіе міра достиженіе его, считаютъ особеннымъ счастіемъ, то въ такомъ случаѣ и внѣшнее проявленіе радости народной, должно выступить съ бо́льшимъ великолѣпіемъ". За тѣмъ авторъ „Описанія" говоритъ:" Петръ Третій, великодушный и мужественный Императоръ, коего всѣ дни государствованія съ перваго и по нынѣ, достопамятны по великодушію, премудрости, человѣколюбію и попеченію Его о подданныхъ; Петръ Внукъ и Подражатель Петра Великаго, заключаетъ миръ съ Фридерикомъ, почитанія достойнымъ Королемъ Прусскимъ, коего премудрости, мужеству и по нынѣ свѣтъ удивляется, и коего великости, великіе его не пріятели со всею ихъ силою умалить не могутъ. Коликое искреннее веселіе для сихъ обоихъ Великихъ Монарховъ! Какая радость для искусныхъ въ войнѣ и храбрыхъ ихъ народовъ о возстановленномъ союзѣ и дружествѣ!—Можетъ ли какое веселіе быть больше того, которое чувствуютъ о возстановленномъ мирѣ между государствами, и о дружествѣ между Потентатами? Что пристойнѣе изъявленія радости при столь благополучномъ произшествіи? И что свойственнѣе великодушному сердцу нашего Монарха, какъ чтобъ всенародно праздновать сіе по Его соизволенію, склоняющееся къ поспѣшествованію всеобщаго покоя во всей Европѣ, вожделѣнное мирное торжество!" [1]

Послѣ этого витіеватаго вступленія, слѣдуетъ описаніе фейерверка съ объясненіемъ аллегорическихъ изображеній находящихся въ книгѣ, виньеттъ и фигуръ на приложенной къ ней таблицѣ. По обыкновенному пушечному сигналу данному атиллеріей, сопровождаемому четырмя хорами трубъ, литавръ и прочей полевой музыкою, сожжена тысяча ракетъ, какъ небесный знакъ Союза, Примиренія, Дружества и Мира; за Радугой брошено на воздухъ множество лусткугелей съ блестящими звѣздами.—Дальнѣйшимъ описаніемъ объясняются обѣ виньеты и эстампъ: при вышеозначенномъ освѣщеніи на Невѣ, передъ императорскимъ дворцомъ, представляется островъ окруженный съ задней стороны двѣнадцатью проспективами пальмовыхъ деревьевъ, и съ передней великолѣпными перилами; середина ограждена мраморными столбами, верхи которыхъ, какъ и пьедесталы украшены воинскими доспѣхами и трофеями. На переднемъ планѣ острова представ-

---

[1] Настоящее, такъ и многія другія описанія и сочиненія фейерверковъ, т. е. ихъ картинъ и девизовъ, такъ какъ иллюминацій, принадлежитъ тогдашнему спеціалисту по этой части, академику Штелину, который составлялъ ихъ на нѣмецкомъ языкѣ; описанія эти переводились на русскій, иногда не совсѣмъ удачно.

лено начало возобновленнаго дружества и союза, и отъ него произшедшаго мира: изображеніе щита, окруженнаго воинскою арматурой съ вензеловымъ именемъ Петра III, прикрѣпленнаго къ стволу пальмоваго дерева, котораго вѣтви простирающіяся на обѣ стороны, прикрываютъ тѣнью своею два другіе щита украшенные трофеями побѣдъ, и вверху коронами съ гербами Россійской Имперіи и Прусскаго Королевства. Этимъ объясняется 1-я виньета съ подписями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Переднеи Планъ въ Свѣтломъ Огнѣ“. Vorplan in Licht-Feuer.—Эти три щита послѣ горѣнія своего въ полномъ сіяніи измѣняются на томъ же мѣстѣ въ фитильный огонь слѣдующимъ образомъ: вмѣсто средняго щита, является ваза съ молодымъ посаженнымъ въ нее масличнымъ деревцомъ, съ правой стороны которой Россія, и съ лѣвой Пруссія, въ видѣ коронованныхъ женъ въ горностаевыхъ мантіяхъ, подаютъ другъ другу правыя руки; лѣвыми же поливаютъ масличное деревцо постепенно возрастающее въ зеленомъ огнѣ, и принимающее видъ возросшаго дерева съ вѣтвями, листьями и плодами. На вазѣ надпись взятая изъ Виргилія: Prisca. Fides. Invictaque. Bello. то есть: Ненарушенная и самою войною, древняя дружба и вѣрность. На нѣмецкомъ та-же надпись переведена слѣдующимъ двустишіемъ:

„Der alten Freundschaft wird den geprüften Waffen
Noch mehr Verehrung von der Welt, und allzeit Sieg verschaffen.

Среди зеленаго луга, на островѣ воздвигнуто украшенное колоннами и статуями зданіе, представляющее „отверзтый Храмъ Мира“, и въ немъ богиня Мира, Ирена, въ вѣнцѣ изъ цвѣтовъ и колосьевъ, держащая въ одной рукѣ масличную вѣтвь и рогъ изобилія, другою рукою соединяетъ на древнемъ римскомъ алтарѣ щиты съ вензеловыми именами императора и короля голубою и ранжевою лентами. На переднемъ фасѣ, надъ входомъ въ храмъ, находится щитъ украшенный лавровыми и масличными вѣтвями съ надписью: Nectuntur. Foedere. Amico. то есть: „Дружественнымъ связуеми союзомъ“ и нѣмецкое двустишіе:

„Ein neugeschlosz'nes Freundschafts-Band
Verbindt die Herzen wie die Hand.“

За тѣмъ на острову передъ перилами начинаютъ вертѣться множество огненныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе огненными же рѣками. Фонтаны (jets de feu), одинъ отъ другаго въ равномъ разсто-

янія, бьютъ огнемъ въ большой бассейнъ, по окончаніи чего, вышепомянутые хоры играютъ, объявляя тѣмъ о концѣ перваго дѣйствія фейерверка. Второе дѣйствіе состоитъ въ томъ, что на передней части острова представляются на пять рядовъ раздѣленныя, искусственныя огненныя машины, измѣняющіяся передъ взорами удивленныхъ зрителей, во множество различныхъ видовъ; второе дѣйствіе оканчивается при звукахъ четырехъ оркестровъ музыки.—Это описаніе острова и составляетъ объясненіе эстампа, подъ которымъ читаются слѣдующія подписи: J. Stehlin invt. Fr. Gradizzi delin.— F. d Melissino Execut. По срединѣ: Грыд. при Императорской Академіи Наукъ. „Изображеніе фейерверка въ Мирное Торжество въ Санктпетербургѣ предъ Императорскимъ Зимнимъ домомъ на Невѣ рѣкѣ Іюня 10 Дня 1762 Года представленнаго.— Vorstellung des Feuerwerks so an dem Friedens—Feste. Zu S-t Petersburg, vor dem Kayserl. Winter—Palais, auf dem Newa—Strohm, den 10 Iuni, 1762 aufgeführt worden.[1]

По третьему пушечному сигналу, началось третье и послѣднее дѣйствіе фейерверка: послѣ послѣдняго выстрѣла, вмѣсто острова, представляется увеселительный садъ съ великолѣпными цвѣтниками, вазами, статуями и прочими обычными садовыми украшеніями. Въ глубинѣ сада стоитъ „Замокъ непоколебимаго Спокойствія“, на верху котораго видна стоящая Минерва, и подлѣ фронтона, надъ входомъ сидящія „Спокойствіе и Благополучіе“; множество разнородныхъ швермеровъ летаютъ и прыгаютъ около замка, показывая тѣмъ враждебныя намѣренія, еслибъ возможно было произвести какъ въ замкѣ, такъ и въ саду тревогу, безпорядокъ и смятеніе; причемъ сверху опускается на замокъ множество гремящихъ гранатъ и огненный дождь. Но „замокъ Спокойствія“ въ сіяніи своемъ остается непоколебимымъ, и увеселительный садъ, не смотря на происходящій сверху и снизу трескъ, пребываетъ въ полномъ своемъ цвѣту. Наконецъ для отвращенія этого тщетнаго покушенія къ причиненію тревоги, изъ за жилища „Спокойствія“ поднимается лучь, болѣе нежели изъ тысячи ракетъ, который покрываетъ весь горизонтъ и истребляетъ грозившее отъ разныхъ огней безпокойство.—Этимъ объясняется вторая виньета подъ которой подписи: Послѣдней планъ въ блистающемъ огнѣ.— Schluss—Plan, in Glanz—Feuer.—Послѣдній общій залпъ артиллеріи при звукахъ музыкино служилъ сигналомъ окончанія фейерверка.

---

[1] Ровинскій. Русскіе граверы и ихъ произведенія М. 1870 стр. 332.

№ 87. Новыя Оды Михаила Хераскова.—Печатаны въ Москвѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1762 года 12°. 4 (посвященіе) 2 ненум. (оглавленіе) и 74 нум. страницы.

Сопик. ч. 4 № 7373 — Смирд. ч. IV. № 7845.—Опытъ истор. слов. о Росс. Писат. Новиков. стр. 236.

Въ началѣ книги стихотворное посвященіе автора трудовъ своихъ „Ея Сіятельству, княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой“.

«Настроя нову лиру,
О чемъ писать не зналъ,
И слѣдуя зефиру
Мѣста перемѣнялъ.

Съ ужаснымъ шумомъ понта
Я лиру соглашалъ,
То вкусъ Анакреонта
Съ слезами я мѣшалъ.

Къ порокамъ отвращенье
Старался умножать,
И честныхъ утѣшенье
Хотѣлъ изображать.

Ты ненависть сугубишь
Къ порокамъ безъ стиховъ,
Ты добродѣтель любишь
Гоня ея враговъ.

Колику сердцу можно,
Являешь въ ней плоды;
Тебѣ, тебѣ и должно
Принесть мои труды.

Воспѣвая добродѣтель
И искренность сердецъ,
Я сдѣлался свидѣтель
И ихъ, и твой пѣвецъ!»

Слѣдуютъ XXVIII одъ: 1) Къ своей Лирѣ. Поэтъ приказываетъ ей готовиться предстать „въ простомъ своемъ уборѣ, предъ очами разумной Россіянки“; онъ говоритъ лирѣ, что она въ такомъ уборѣ понравится первой, болѣе чѣмъ громкими струнами и пышными словами;

убѣждаетъ лиру въ томъ, что безхитростное пѣнье и простыя мысли лиры пѣвца, подобны сердцу и духу той, которой посвящаются пѣсни; онъ проситъ послѣднюю не разсердиться на нестройность его стиховъ, и говоритъ что сдѣлаться славнымъ творцомъ въ свѣтѣ, стóитъ великихъ трудовъ; а что пользы въ томъ не много. Наконецъ признается откровенно, что не усиливается подняться къ вершинамъ парнасскимъ, пѣть съ Гомеромъ и Овидіемъ Назономъ; но что сладость и простота пѣсней Анакреонта приводитъ его въ восторгъ, и не думая съ нимъ сравниться, удовольствуется названіемъ „его свирѣлокъ эхомъ", и видитъ награду свою въ одобреніи княгинею пѣсней своихъ.—II. О силѣ разума.—III. О вредѣ произшедшемъ отъ разума.—IV. О Воспитаніи.—V. О суетныхъ желаніяхъ.—VI. Благополучной Бракъ.—VII. Истинное благополучіе.—VIII. О силѣ Добродѣтели.—IX. Искреннія желанія въ дружбѣ, къ А. А. Р... (Алексѣй Андреев. Ржевскій). Эта ода написана Херасковымъ по случаю отъѣзда Ржевскаго изъ Москвы въ деревню.—X. О важности стихотворства.—XI. Сила любви.—XII. Истинное утѣшеніе.—XIII. (Безъ заглавія). Въ этой одѣ, поэтъ говоритъ между прочимъ, что не завидуетъ любящему „гремящей лиры пѣсни, и увеселяющемуся въ стихахъ шумомъбореевъ; но молитъ музъ послать ему даръ подобный тому, которымъ онѣ наградили „Анакреонта", или такой, которымъ украшенъ „пріятный С...." (Сумароковъ?).—XIV. О долготѣ жизни.—XV. О Разумѣ.—XVI. Подраженная (ода) Анакреонту.—XVII. Истинное сокровище.—XVIII. (безъ заглавія) здѣсь поэтъ говоритъ, что иные строятъ лиру, чтобы прославиться на свѣтѣ, и достигнуть „вѣнца Парнасска"; другому, стихотворство служитъ избавленіемъ отъ скуки; иной слагаетъ стихи для обличенія пороковъ; онъ же (Херасковъ) пишетъ стихи, и часто строитъ лиру, чтобы игрою своею понравиться любезной.—XIX. (безъ заглавія). Поэтъ говоритъ что какъ въ природѣ всѣ стихіи, животныя, дѣйствуютъ такъ какъ она имъ указала, такъ и между людьми, каждый живетъ и поступаетъ согласно своимъ свойствамъ и желаніямъ; точно такъ и онъ какъ поэтъ, при радости и печали хватается за лиру, засыпаетъ и просыпается съ нею, потому что она „ему природна", хотя онъ и не виноватъ, „что поетъ она нестройно".—XX. Любовь стихотворца къ Музамъ.—XXI. Неутолимая злоба.—XXII. Подраженная Анакреонту.—XXIII. О добродѣтели.—XXIV. О Терпѣніи.—XXV. Суеты Міра.—XXVI. О златѣ.—XXVII. Пріятный Сонъ.—XXVIII. Заключеніе. Въ которомъ Херасковъ умоляетъ Музу не улетать отъ него „со взоромъ отвращеннымъ", потому что она служитъ ему утѣхою въ скукѣ и отрадою въ печали; напоминаетъ ей о томъ, что она не покидала „Анакреонта"

въ старости, но украшала вѣнками „власы его сѣдые“, и что можетъ быть своимъ пріятнымъ слогомъ и страстью своею, онъ былъ ей любезенъ; покидаемый музою поэтъ, проситъ ее подождать, когда и его „не стройная лира, съ вѣкомъ дней его созрѣетъ“, что тогда ея холодность еще успѣетъ оскорбить его; наконецъ что еще есть время исправить нестройность пѣсней его о добродѣтели и слабое въ нихъ обличеніе пороковъ, какъ сердце его и стихи. Когда же онъ покроется сѣдиною, то совсѣмъ устанетъ, перестанетъ дѣйствовать „свирѣлью и трубою“ и спокойно полетитъ за Музою въ темную вѣчность.[1]

„Новые оды“ перепечатаны въ Собраніи сочиненій Хераскова изданномъ подъ заглавіемъ: „Полныя творенія Михаила Хераскова М. 1796—1800. т. 7-й, стр. 169, подъ заглавіемъ: „Анакреонтическія оды“ (въ числѣ 28-ми). [2]

№ 88. Ода на всерадостный День Рожденія Его Величества Благочестивѣйшаго Государя Петра Θеодоровича Императора и Самодержца Всероссійскаго и проч. и проч. и проч. Сочиненная Иваномъ Барковымъ.—Печатана въ Санктпетербургѣ. 1762. 4°. 8 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. лист.).

Сопик. ч. 4. № 7333.—Геннади. Справочн. Слов. т. 1. стр. 66.

Ода состоитъ изъ 16-ти строфъ, изъ которыхъ въ первой, авторъ обращаясь къ Россіи, совѣтуетъ ей „оживиться и воспрянуть въ настоящій торжественный день отъ печали ея, по случаю кончины „богини“ (Елисаветы); и указываетъ на видимые имъ въ туманѣ будущаго ясные дни.—Въ слѣдующей строфѣ, одописецъ, по словамъ его, зритъ императора Петра III, „храбраго героя и отца въ славѣ, которой желаетъ отъ лица всѣхъ подданныхъ „крѣпости“; причемъ уподобляетъ новаго императора Елисаветѣ, кротостью, щедростью, незлобіемъ и попеченіемъ о благѣ подданныхъ. Послѣ похвалъ приносимыхъ тѣни Петра Великаго, „сіяющаго“ по словамъ автора оды, „въ небесныхъ странахъ, и затмѣвающаго тамъ собою языческихъ боговъ“, онъ сознаетъ, что ему, по „безсилію духа и слабости разума“, невозможно по достоинству прославить дѣла покойнаго императора; пане-

---

[1] Хотя на заглавномъ листѣ книги не означена типографія, но первая несомнѣнно напечатана при Московскомъ Университетѣ, въ чемъ свидѣтельствуютъ даже флероны гравированные на деревѣ, находящіеся во многихъ книгахъ отпечатанныхъ въ Москов. Университетской типографіи.—[2] Сопик. ч. 5. № 11741. Плавильщ. ч. III № 6480.—Русск. Арх. 1873. № 8. столб. 1467 № 10.

гиристъ утѣшается тѣмъ, что „герой Петръ Великій, воскресъ въ „прехрабромъ внукѣ“; за тѣмъ призываетъ юныхъ и старыхъ къ престолу для воспріятія обильныхъ даровъ щедрости молодаго монарха. Изображая его продолжателемъ и исполнителемъ великихъ трудовъ Петра Великаго, авторъ оды рисуетъ въ слѣдующихъ, 10-й, и 11-й строфахъ, картину благотворной дѣятельности Петра III:

«Премудрыхъ дѣлъ Твоихъ въ початкахъ
Мы образъ зримъ и духъ Петровъ;
Единъ уставъ во всѣхъ порядкахъ
Ты съ Нимъ, Монархъ хранить готовъ....
. . . .
Се предъ исправными полками
Тебя зрю въ потѣ и трудѣ
Но отягченнаго дѣлами
На кроткомъ вижу вдругъ судѣ,
Искусства тамъ примѣры рѣдки,
Здѣсь живо милосерды предки
Въ щедротахъ вобразились намъ.
Отринувъ строгую неволю,
Влилъ ревность чрезъ щастливу долю
Къ усердной службѣ всѣмъ рабамъ.

Далѣе авторъ превознося эти „безпримѣрныя“ дѣянія императора, говоритъ о немъ, что онъ „просіялъ единъ въ двухъ лицахъ, и являетъ геройствомъ Петра Великаго, а щедростью, кротостью, и спокойствомъ Елисавету, такъ что два сліянныя въ немъ свѣтила, даютъ Россіи бо́льшій свѣтъ“.—Наконецъ сочинитель оды обращается съ похвалою къ называемому имъ „младымъ гроздомъ“ в. князю Павлу, съ пророчествомъ, что Россія

«Чудяся видитъ восхищенна
Въ немъ быстрый умъ и свѣтъ наукъ;
Ея надежда несомнѣнна,
Что въ Павлѣ будетъ Дѣдъ и Внукъ.
Чрезъ остроту природы сила
Въ цвѣтущей юности открыла,
Что можетъ произвесть собой?
Съ наукой обще добродѣтель
Неложный Россамъ есть свидѣтель,
Что мудрый будетъ Онъ Герой.

№ 89. Санктпетербургскій **Календарь** на **лѣто** **отъ Рождества Христова 1762,** которое есть **Простое** содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія **мѣста Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 120 ненум. стр.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2 стр. 95-а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 553.

Въ настоящемъ календарѣ, въ числѣ праздничныхъ дней, 10-го февраля означено: Рожденіе Его Величества Благочест. Императора Петра Ѳеодоровича въ 1728 г. Апрѣля 21. Рожденіе Ея Величества Благочест. Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны въ 1729 г.—Іюня 29. Тезоименитство Е. В. Императора Петра Ѳеодоровича и Цесаревича, В. Князя Павла Петровича, родившагося 1754 г.— Въ статьѣ: „О четырехъ временахъ года и о прочихъ небесныхъ приключеніяхъ", извѣщается о двухъ затмѣніяхъ на 1762 годъ: большомъ солнечномъ и лунномъ. Солнечное, вычисленное по Галлеевымъ таблицамъ, начнется въ Петербургѣ утромъ 6 октября въ 10-мъ часу 33 м. по-полудни; лунное будетъ 21 октября и начнется въ Петербургѣ же въ 10-мъ часу и 14 м. по-полудни. Причемъ въ текстѣ приложена таблица съ названіями городовъ Россійской Имперіи, гдѣ оно будетъ видимо. Въ извѣстіи о вскрытіи и замерзаніи Невы, не видимъ уже въ началѣ его, прежняго вступленія: „Ежели кто желаетъ вѣдать, когда рѣка Нева съ 1718 года по нынѣ становилась" и проч.—Изъ „Продолженія хронологическаго показанія достопамятныхъ приключеній 1760-го, продолжающихся до 5-го декабря 1761 года, выписываемъ военныя дѣйствія относящіяся къ таковымъ русскаго войска. 1760 22 декабря. Разбитіе прусскаго деташемента у Бельгарда въ Помераніи Россійскими Императорскими легкими войсками— 1761 года, 15 Августа. Соединеніе Россійской Императорской арміи съ Австрійскою у Яуэра въ Силезіи.—29. Россійская Императорская армія отдѣлилась отъ Австрійской.—3-го Сентября. Разбитіе Россійскими войсками прусскаго деташемента у города Трептау въ Померанія, и взятіе въ полонъ прусскаго генерала-лейтенанта Вернера.—19. Взятіе приступомъ города Швейдница австрійцами, при помощи Россійскаго Императорскаго войска.—14 Октября. Взятіе въ полонъ Россійскими войсками въ городѣ Трептовѣ прусскаго генерала Кноблоха со всѣмъ его деташементомъ.

Нельзя оставить безъ замѣчанія, что въ настоящемъ календарѣ, въ „Краткомъ родословномъ показаніи" при именахъ трехъ особъ, со-

ставлявшихъ императорскій домъ, императрица Екатерина еще названа „природная Принцесса Ангальтъ-Цербстская".—На приложенной къ календарю гравюрѣ, изображеніе призматической колонны, на пьедесталѣ которой сидитъ корованная жена (Россія) держащая шифръ императора Петра Өеодоровича; надъ нимъ геній съ пальмовою вѣтвью, лавровымъ вѣнцомъ и песочными часами.

1763.

№ 90. Первыя основанія **Металлургіи,** или **Рудныхъ дѣлъ.—Въ Санктпетербургѣ,** печатаны при Императорской Академіи Наукъ 1763 года. 8°. 5 частей и два Прибавленія; 12 ненум. (посвященіе, оглавленіе) 416 нум., и 2 ненум. (погрѣшности) 7 складн. таблицъ изображеній. (счетъ стр. съ заглавн. листа).

Сопик. ч. 3. № 6020.—Плавильщ. ч. I. № 319.—Смирд. ч. III. № 5520.—Бант.-Камен. Слов. ч. 3. стр. 199.—Митр. Евген. Слов. 1845. т. II. стр. 22.—Геннадія, Справочн. Слов. т. 2. стр. 252.—Пекарск. Истор. Акад. Наукъ т. II. стр. 810.

Въ концѣ посвященія книги своей императрицѣ Екатеринѣ, помѣченнаго октября 11, 1763 года, Ломоносовъ въ обращеніи своемъ къ ней говоритъ: „Ваше Императорское Величество Геройскимъ на Всероссійскій престолъ Елисаветину подобнымъ восшествіемъ увѣрили Отечество, что Всевышній Господь недовѣдомыми судьбами и чуднымъ промысломъ предпріялъ продолжать и усугубить наше блаженство, и удовольствовать Россію всякими избытками. Между которыми предстанутъ предъ пресвѣтлымъ престоломъ Вашимъ понынѣ потаенныя сокровища въ Россійскомъ Офирѣ, къ украшенію Величества, къ удивленію свѣта, ко устрашенію враговъ, и къ избыточному довольству вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ. Мраморы и Порфиры воздвигнуты будутъ изъ нѣдръ земныхъ на высоту въ великолѣпныя зданія, посвящаемыя въ бесмертную Вашего Императорскаго Величества славу, за Ваши добродѣтели, за громкія дѣла и заслуги.

Металлургія какъ предводительница къ сему внутреннему богатству, не обинуясь притекаетъ въ покровительство Вашего высокоматерняго попеченія, каковымъ пользуются другія науки, паче же тѣ, кои простираются къ размноженію домашнихъ достатковъ.

О семъ распространить здѣсь слово хотя требуетъ матерія; но многія Вашего Императорскаго Величества попечительныя о нашемъ добрѣ упражненія возбраняютъ. Проницательное зрѣніе просвѣщеннаго Вашего разума довольно объемлетъ таковаго дѣла важность.

Краткое сіе наставленіе о рудныхъ дѣлахъ, которое къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества полагаю, съ преднаписаніемъ Всепресвѣтлѣйшаго Имени Вашего Императорскаго Величества, издать въ свѣтъ для того принялъ дерзновеніе, дабы вѣрные Ваши подданные онаго сіяніемъ озаряемы и предводимы, вяще и вяще вникнули разумомъ и раченіемъ въ земныя нѣдра, къ большему приращенію государственной пользы и къ Вашего Императорскаго Величества неумолчному прославленію"....

Книга состоитъ изъ пяти частей, изъ которыхъ первая разсуждаетъ: О металлахъ, и съ ними въ земли находящихся другихъ минералахъ; вторая: О рудныхъ мѣстахъ и жилахъ, и прійскѣ ихъ; третія: О учрежденіи рудниковъ; четвертая: О пробованіи рудъ и металловъ; пятая: О отдѣленіи металловъ и минераловъ изъ рудъ.—За тѣмъ слѣдуютъ прибавленія: 1-е О вольномъ движеніи воздуха въ рудникахъ примѣченномъ (изъ перваго тома новыхъ Комментаріевъ стр. 64 Пер. Основ. Металург. стр. 233—236). 2-е. О слояхъ земныхъ (стр. 237—416).

Первыя основанія Металлургіи были изданы какъ самостоятельный трудъ, писанный по указанію самаго Ломоносова въ примѣчаніи на стр. 20 еще въ 1742 году. Между тѣмъ въ Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, выходившихъ въ 1777 г., стало быть четырнадцать лѣтъ спустя послѣ появленія разсматриваемаго произведенія, помѣщенъ въ № 21, на стр. 161—165, разборъ его, при чемъ въ заглавіи сдѣлано неизвѣстнымъ рецензентомъ отъ себя, такая прибавка словъ: „переведенныя съ нѣмецкаго на россійскій языкъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ химіи М. В. Ломоносовымъ". Здѣсь послѣ подробнаго описанія книги, въ заключеніе говорится: „Сочинитель Первыхъ основаній металлургіи есть Христофоръ Андрей Шлютеръ, который въ сей наукѣ долголѣтнее упражненіе имѣлъ. Всѣ искусные въ сей наукѣ люди согласны въ томъ, что о плавленіи рудъ никто основательнѣе, искуснѣе и пространнѣе не писалъ, какъ славный г. Шлютеръ. Что же касается до перевода россійскаго, то кажется намъ, что довольно уже оному похвалы и одобренія скажемъ, когда припомнимъ что проистекъ оный отъ пера славнѣйшаго россійскаго писателя Ломоносова". Это мнѣніе повторили потомъ безъ дальнихъ справокъ митрополитъ Евгеній [1] и авторъ одной позднѣйшей рецензіи Собранія сочиненій Ломоносова изданнаго Смирдинымъ (Москов. Вѣдом. 1852. № 46) [2]. Любопытно что спеціалисты выска-

[1] Слов. митр. Евген. 1845. т. II. стр. 22.—[2] Тоже повторено Перевлѣсскимъ въ его изданіи. Избран. соч. Ломоносова. Вып. I. 1846. стр. LII; гдѣ

завшіе приводимыя ниже мнѣнія по случаю юбилейныхъ празднествъ въ память Ломоносова въ 1865 г. всего болѣе распространялись о его Первыхъ основаніяхъ Металлургіи, и въ то же время совершенно прошли молчаніемъ вопросъ, на сколько Ломоносовъ былъ самостоятеленъ по отношенію къ Шлютеру? [1]

Сочиненіе Шлютера составляетъ огромный трудъ, такъ что въ сравненіи съ нимъ произведеніе Ломоносова по объему кажется книжечкою. Заглавіе обширнаго труда Шлютера слѣдующее: „Gründlicher Unterricht von Hütte Wercken, worin gezeiget wird, wie man Hütten Wercke auch alle dazu gehörige Gebäude und Oefen aus dem Fundament recht anlegen solle, auch wie sie am Hartz und andern Orten angeleget sind. Und wie darauf die Arbeit bey Gold-Silber-Kupfer-und Bley Ertzen, auch Schwefel-Vitriol-und Aschen-Wercken geführet werden müsse. Nebst einem vollständigem Probier-Buch, darin enthalten wie allerley Ertze auf alle Metalle zu probieren, die Silber auf unterschiedene Art fein zu brennen, Gold und Silber mit Vortheil zu scheiden und alles, so dazu gehöret zu verrichten. Braunschweig. 1738. (въ 4°. 612, и 198 стр., не считая реэстровъ, и 58 листовъ съ гравированными на мѣди изображеніями). Въ 1750 г., эта книга издана въ французскомъ переводѣ съ примѣчаніями члена парижской Академіи наукъ Гелло, подъ заглавіемъ „De la fonte des mines, des fonderies etc... Здѣсь въ предисловіи сказано, что во Франціи, кромѣ трактата Агриколы писаннаго по латини, не было тогда никакого сочиненія по части металлургіи; а въ Германіи трудъ Шлютера можетъ считаться почти единственною и уважаемою книгою по этой отрасли знаній. Оцѣнка произведенія Шлютера сдѣлана Керстеномъ въ его System der Metallurgie. Berlin 1831. 1. 207.

Пекарскій обращаясь опять къ труду Ломоносова, напоминаетъ что въ немъ, и въ особенности въ прибавленіяхъ, есть нѣсколько мѣстъ, которыя лично относятся къ Ломоносову, и никакъ не могутъ принадлежать Шлютеру или Агриколѣ и Фохту, о сочиненіяхъ которыхъ, касательно рудныхъ дѣлъ и горной геометріи, нашъ академикъ самъ упоминаетъ. Въ тѣхъ мѣстахъ Ломоносовъ именно говоритъ о своемъ пребываніи за границею, или о предметахъ минеральнаго кабинета при нашей Академіи Наукъ. Всѣ подобныя упоминанія приведены академикомъ Куникомъ въ его Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ. (II. 373—376) [2].

настоящій трудъ Ломоносова означенъ между его переводами, и названъ; „Металлургія Шлюттера".

[1] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 811—813.—[2] Тамъ же стр. 813—814.

Наконецъ Пекарскій приводитъ подробно, въ хронологическомъ порядкѣ отзывы о „Первыхъ основаніяхъ металлургіи", слѣдующихъ позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ: академика Д. М. Перевощикова, профессора московскаго университета Щуровскаго, и профессоровъ харьковскаго университета Борисяка и Леваковскаго [1].

Въ заключеніе приводимъ свѣдѣніе сообщенное Пекарскимъ о напечатаніи и продажѣ труда Ломоносова: „1761 года, февраля 5 дня, въ журналѣ канцеляріи Академіи Наукъ записано: Гднъ Коллежскій Совѣтникъ Ломоносовъ предложилъ для напечатанія книгу сочиненія его, называемую Первыя основанія Металлургіи, для пользы и приращенія горныхъ дѣлъ и россійской имперіи, и требовалъ чтобъ оную напечатать въ новой типографіи въ осмую долю листа на казенномъ коштѣ. Приказали оной книги напечатать въ новой типографіи 1225 экземпляровъ" [2]. Книга съ гравированіемъ изображеній обошлась типографіи 832 руб. 72½ коп., каждый экземпляръ по 71 коп., а продавался по 1 рублю. Подносные экземпляры Ломоносовъ хотѣлъ было для государыни и наслѣдника престола переплесть въ золотой и серебряной глазетъ, но Таубертъ совѣтовалъ—въ красный сафьянъ съ богатою позолотою, на что первый изъявилъ согласіе [3].

№ 91. Учрежденіе Императорскаго **Воспитательнаго Дома** для приносныхъ дѣтей и **Госпиталя** для бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ.—Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1763 года. м. 8°. 2 ненум. (указъ), 4 (манифестъ) 6, (докладъ), 10 (генеральный планъ Восп. Дома), 28 (предувѣдомленіе) 61 нум, 1 ненум. стр. (стихи) и двѣ виньеты грав. на мѣди.

Сопик. ч. 5. № 12324.—Смирд. ч. 1. № 1882.—Слов. митр. Евген. изд. Снегирева. стр. 98.—Бант. Камен. Слов. ч. 1. стр. 167.

Въ началѣ помѣщены: имянной Указъ Е. И. В. данный правительствующему сенату сентября 1 дня 1763 года, повелѣвающій обнародованіе во всемъ государствѣ приложеннаго къ нему манифеста,

---

[1] Истор. Акад. Н. стр. 814—818.—[2] Билярскій Матеріалы для Біогр. Ломоносова стр. 505.

[3] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 810—811. прим. 2. Билярскій стр. 505, 618. Въ „Опытѣ" Сопикова указано изданіе 1791 г.; но вѣроятно годъ означенъ ошибочно. Перв. Основ. Метал. перепечатано въ 1796 г. страница въ страницу и строка въ строку противъ перваго изданія; оно и должно считаться вторымъ.

также конфирмованныхъ Доклада и Плановъ о построеніи и учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома, поднесеніе къ высочайшему подписанію жалованныхъ грамотъ на правà и преимущества помянутаго дома; о приступленіи главному Попечителю къ сему учрежденному отъ Ея Величества богоугодному дѣлу. Манифестъ о конфирмованіи представленнаго генералъ-поручикомъ Бецкимъ проэкта съ планомъ о построеніи и учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома для приносныхъ дѣтей съ особливымъ Госпиталемъ сирымъ и неимущимъ родильницамъ. Данъ въ Санктпетербургѣ Сентября 1 дня 1763 года [1]. Докладъ за подписями кн. Якова Шаховскаго, Н. Панина и гр. Эрнста Миниха: 1. О предоставленіи свободы дѣйствій исполнителямъ проэкта и плановъ Воспитательнаго Дома въ случаѣ могущихъ встрѣтиться непредвидимыхъ случаевъ, и власти первому Попечителю исправлять и перемѣнять „по своему благоизобрѣтенію во внутреннихъ обрядахъ воспитанія и домоводства того дома", безъ вмѣшательства Опекунскаго Совѣта. 2. Представленіе объ освобожденіи продаваемыхъ Воспитательнымъ Домомъ законно переданныхъ ему деревень, покупаемыхъ и продаваемыхъ имъ земель, мѣстъ, строеній и проч., отъ всѣхъ государственныхъ пошлинъ. На оборотѣ страницы: Конфирмовано въ Санктпетербургѣ, Августа 26 дня 1763 года.—За тѣмъ слѣдуетъ „представленіе" за подписью Ивана Бецкаго поданное въ Москвѣ іюня 10 дня, 1763 года, въ которомъ онъ въ обращеніи своемъ къ императрицѣ, изображаетъ передъ ней бѣдственную участь покидаемыхъ безчеловѣчными матерями новорожденныхъ дѣтей, иногда рожденныхъ даже въ законномъ бракѣ, и что всего ужаснѣе, нерѣдко ими умерщвляемыхъ; и что между великимъ числомъ въ здѣшнемъ городѣ покинутыхъ вслѣдствіе бѣдности дѣтей несравненно болѣе такихъ, которые „едва успѣвъ принять дыханіе, лишаются онаго втайнѣ отъ немилосердыхъ своихъ родительницъ и ихъ безчеловѣчныхъ помощниковъ и помощницъ. „Далѣе авторъ, изображая краснорѣчиво бѣдственную судьбу помянутыхъ несчастныхъ дѣтей, говоритъ, что дерзнувъ призвать въ помощь имъ великодушіе и милосердіе государыни, онъ проситъ всеподданнѣйше дозволить ему всемилостивѣйше средства не только къ доброму и полезному бѣдствующихъ дѣтей воспитанію, но и къ отвращенію безчисленнаго множества убійствъ безчеловѣчно совершаемыхъ какъ надъ произшедшими уже на свѣтъ, такъ и на-

---

[1] Бецкій издалъ „Учрежденіе Восп. дома при содѣйствіи профессора А. Барсова. Слов. Митр. Евген. изд. Снегир. стр. 48. Біографич. Словарь професс. Москов. Универс. ч. 1. стр. 57.

ходящимися еще въ утробѣ матери младенцами; что учрежденіемъ особливаго дома по примѣру видѣнныхъ имъ въ Голландіи, Франціи, Италіи и прочихъ странахъ, не только помянутыя злодѣянія истребятся, но приносимые въ учрежденный домъ младенцы могутъ быть съ пользою воспитаны, вслѣдствіе чего уменьшится число праздношатающихся и нищенствующихъ молодыхъ людей. Къ прозьбѣ своей о дозволеніи основать подъ высочайшимъ покровительствомъ императрицы домъ для находимыхъ и покинутыхъ родителями дѣтей, и госпиталь для бѣдныхъ родильницъ, Бецкій присоединяетъ другую, состоящую въ томъ, чтобы сверхъ пожалованной на основаніе означенныхъ заведеній суммы „всемилостивѣйше указать предоставить для строенія мѣсто, называемое Гранатный дворъ съ Васильевскимъ садомъ близь Москвы-рѣки, со всею около лежащею, казенною землею и строеніемъ, вмѣстѣ съ отданною отъ Адмиралтейства мельницею что на Яузѣ, и употребить въ строеніе старую городскую стѣну; также потребное число караула повелѣть отпускать отъ воинской команды.

Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о подносимомъ имъ „для всемилостивѣйшей апробаціи, всего касающагося до учрежденія Воспитательнаго Дома, и состоящаго изъ шести главъ, чему предшествуетъ, пространное „Предувѣдомленіе" къ читателю, въ которомъ Бецкій излагаетъ цѣль учрежденія помянутаго дома съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ особливыхъ примѣчаній. Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о качествахъ необходимыхъ въ главномъ надзирателѣ, выборъ котораго долженъ обусловливаться личными его достоинствами и способностями, независимо отъ его болѣе или менѣе знатнаго происхожденія или какихъ-либо рекомендацій; также и о прочихъ служащихъ имѣющихъ состоять подъ его вѣдомствомъ, избранію которыхъ должны служить основаніемъ ихъ внутреннія достоинства. За тѣмъ упоминается о правилахъ установленныхъ для пріема приносимыхъ въ Воспит. Домъ младенцевъ, о чемъ въ самомъ „Планѣ" обстоятельно изложено; о разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ касающихся вскармливанія дѣтей, и преимуществѣ груднаго молока передъ коровьимъ или козьимъ; причемъ авторъ говоритъ о тщательно произведенныхъ опытахъ по этому предмету во Франціи и Англіи, и о полученныхъ результатахъ въ пользу кормленія грудью. Излагается также разсужденіе объ умственномъ, нравственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей, обученіи ихъ различнымъ ремесламъ. —Не отрицая пользы отъ награжденій и наказаній, Бецкій не вполнѣ согласенъ съ почитающими жестокія наказанія за лучшее средство къ исправленію; мнѣніе свое подтверждаетъ онъ примѣчані-

емъ, что въ странахъ, гдѣ менѣе наказаній, оказывается менѣе преступленій.

На замѣчаніе нѣкоторыхъ, что учрежденіе Воспитательнаго Дома обойдется весьма дорого государству, авторъ приводитъ въ примѣръ всѣмъ довольно извѣстную разчетливость отца нынѣшняго короля прусскаго, не задумавшагося употребить четыре милліона ефимковъ одними деньгами на поселеніе въ Пруссіи двадцати семействъ зальцбургскихъ жителей; „преполезныя отъ того слѣдствія", замѣчаетъ Бецкій, „нынѣ довольно оправдываютъ тогдашнее его разумное вычисленіе".—Сомнѣваясь въ утайкѣ чьего-либо пожертвованія въ пользу возникающаго учрежденія, авторъ обнадеживаетъ въ правильномъ употребленіи взноса, такъ что, при умноженіи подаяній окажется за всѣми необходимыми расходами еще остатокъ, имѣющій быть употребленъ на воспитаніе и обученіе бѣдныхъ дѣтей, какъ дворянъ, такъ и другихъ сословій, въ особливыхъ для того построенныхъ и назначенныхъ по „Плану" разныхъ, для дѣтей обоего пола домахъ; при этомъ сообщаетъ о томъ, какимъ вниманіемъ пользуются подобныя учрежденія у другихъ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ, гдѣ въ каждомъ болѣе или менѣе извѣстномъ городѣ, человѣколюбивые жители, движимые любовью къ отечеству и ближнему, оказываютъ помянутымъ учрежденіямъ сочувствіе и посильную помощь; гдѣ знатныя и богатыя особы, какъ то, герцоги, графы, лорды и проч., принимаютъ на себя управленіе этихъ столь спасительныхъ учрежденій; и знатнѣйшія дамы, составляя особливыя общества, содержатъ на собственное иждивеніе госпиталь для бѣдныхъ и безпомощныхъ родильницъ, и посѣщая ихъ помогаютъ и служатъ имъ. Далѣе авторъ говоритъ о пожертвованіяхъ въ помянутыя заведенія первыхъ духовныхъ, и также знатнѣйшихъ лицъ во Франціи и Италіи; вспоминаетъ о удивленіи своемъ въ бытность свою во Франціи, при видѣ ліонскаго госпиталя для больныхъ; причемъ приводитъ нѣкоторыя подробности какъ объ означенномъ учрежденіи, такъ и объ основанномъ нынѣ вновь госпиталѣ для бѣдныхъ родильницъ въ Касселѣ, который не смотря на бѣдствія понесенныя имъ въ нынѣшнюю войну, поставилъ себѣ долгомъ употребить всѣ свои средства на учрежденіе помянутаго госпиталя.

Авторъ выражаетъ надежду, что всѣ сословія составляющія общество не откажутся подать руку помощи для спасенія и поддержанія жизни и воспитанія невинныхъ созданій, тѣмъ болѣе вѣдая „что сіе богоугодное предпріятіе есть дѣйствіе безпредѣльнаго милосердія Ея Имп. Величества". Онъ между прочимъ обращается къ нѣжнымъ сердцамъ „любезныхъ читательницъ", возбуждая состраданіе ихъ къ поло-

женію бѣдной, всѣми покинутой родильницы, и новорожденному безвинно и безвременно подверженному неминуемой гибели!—Бецкій, предполагая что нѣкоторыя изъ усердствующихъ особъ здѣшняго города, гдѣ полагается основаніе Воспитательнаго Дома, будутъ сѣтовать на то, что при составленіи „Плана" многія изъ нихъ не выбраны Попечительницами и Попечителями; никакъ не думаетъ, чтобъ это могло отвратить сердца ихъ отъ состраданія къ бѣднымъ и безпомощнымъ; и не смотря на то, что ему извѣстно, какихъ благодѣяній, помощи и награжденій можетъ ожидать отъ нихъ новоучреждаемый домъ, онъ все таки не осмѣлился бы обременить имъ помянутыми званіями, потому что, какъ воспитанники и воспитанницы, такъ и самый домъ будутъ у нихъ всегда передъ глазами, и поэтому могутъ служить для нихъ предметомъ благотвореній, безъ принятія ими на себя званія попечительницъ.—Въ заключеніе своего „Предувѣдомленія", Бецкій обращается къ лицу благотворительницъ съ слѣдующими словами: „Все сіе при наивозможнѣйшемъ исполненіи предписаннаго „Плана", и при щедрой помощи Вашей, удобно можетъ быть произведено въ дѣйство, подъ высочайшимъ покровительствомъ Великія нашея и Премудрыя Монархини, которая собственнымъ Своимъ побужденіемъ чрезъ сіи учрежденія, предпріяла самые пороки перемѣнить въ источникъ добродѣтелей, и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердецъ, щастливые и похвальные плоды произвесть къ очевидной пользѣ вѣрноподданнаго Своего народа, и къ вѣчнодостойному Имени Своего во всей подсолнечной прославленію. Наконецъ обѣщаны особливыя печатныя объявленія отъ Опекунскаго Совѣта, когда все приготовлено будетъ къ пріему младенцевъ и родильницъ.

Генеральный Планъ Воспитательнаго Дому для приносныхъ дѣтей и Гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ за подписью Ивана Бецкаго (стр. 1—61), состоитъ изъ слѣдующихъ шести главъ: 1-я О начальникахъ и служителяхъ воспитательнаго дому, содержащая 14 пунктовъ объясняющихъ званіе, качества и достоинства требуемыя отъ начальствующихъ и состоящихъ подъ ихъ вѣдомствомъ служащихъ.—2-я О принимаемыхъ въ воспитательный домъ младенцахъ, изъ 14 пунктовъ, содержащихъ установленныя для этого принятія правила.—3-я. О Гошпиталѣ для бѣдныхъ родильницъ; 5 пунктовъ съ объясненіемъ правилъ пріема приходящихъ беременныхъ женщинъ, и обязанностей относительно къ нимъ служащихъ при госпиталѣ, до которыхъ это касается.—4-я. О суммѣ потребной къ сему учрежденію; 5 пунктовъ объясняющихъ въ чемъ могутъ состоять приношенія постороннихъ лицъ; отчетъ эконома въ доходахъ и предосто-

рожности къ отвращенію всякаго похищенія; расходы изъ поступающихъ денежныхъ суммъ.—5-я. О награжденіи и наказаніи въ 13 пунктахъ, излагающихъ правила для награжденія за отличныя, такъ и наказанія за противозаконные поступки начальствующихъ и служащихъ, такъ равно и воспитывающихся.—6-я. Объясненіе въ 19 пунктахъ преимуществъ, которыми пользуются, какъ самый Воспитательный Домъ, начальники его и служащіе, такъ и воспитывающіеся мужескаго и женскаго пола; (въ 10-мъ и 11-мъ пунктахъ, извѣщается объ установленныхъ разныхъ степеней почетныхъ наградахъ, присвоенныхъ жертвователямъ и доброхотнымъ дателямъ).

На послѣдней ненум. страницѣ, вѣроятно для большаго возбужденія общества къ приношеніямъ, помѣщена слѣдующая похвальная надпись, сочиненная Ломоносовымъ:[1]

Блаженство Общества вседневно возрастаетъ
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ
Стараясь о добрѣ великихъ намъ отрадъ,
О воспитаніи печется малыхъ чадъ;
Дабы, что въ отчествѣ оставлено презрѣнно,
Пріобрѣло ему сокровище безцѣнно;
И чтобъ изъ тяжкаго для Общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите съ радостью полезному питомству:
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать:
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности Монаршаго примѣра:
Екатерина васъ предводитъ къ чести сей,
Спѣшите щедростью какъ вѣрностью за Ней.

Виньета на заглавн. листѣ изображаетъ „Щедрость" въ видѣ увѣнчанной лаврами и сидящей на облакахъ жены, поддерживающей правою рукою щитъ съ вензеловымъ именемъ Екатерины II и въ лѣвой держащей рогъ изобилія съ сыплющимися изъ него цвѣтами и плодами, которые подбираютъ три нагихъ младенца.—Флеронъ на стр. 1-й, „Предувѣдомленія" изображаетъ продолговатое зеркало въ фигурной рамкѣ.—Есть изданіе этой книги напечатанное въ одинаковомъ форматѣ, церковнымъ шрифтомъ.

---

[1] Смирд. Полн. Собр. соч. 1. 269—270. Будиловичъ: Ломонос. какъ писат. стр. 81.

№ 92. **Торжествующая Минерва, Общенародное Зрѣлище представленленное большимъ Маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года, Генваря. дня.—Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 4°. 24 нен. стр. (счетъ съ заглавн. листа). Двѣ виньеты гравированныя на мѣди.**

Довольно рѣдкая брошюра, которой другое изданіе описано въ 1-мъ выпускѣ настоящаго труда (стр. 188. № 121) и представляетъ слѣдующія различія съ настоящимъ. Послѣ заглавія совершенно одинаковаго въ обоихъ изданіяхъ, слѣдуетъ помѣщенное въ началѣ „объявленіе, представляющее первое между ними различіе: „Въ брошюрѣ настоящаго изданія оно напечатано такъ: „Сего мѣсяца 28. 30. февраля 1 и 2. то есть, во вторникъ, въ четвертокъ, суботу и воскресеніе, по улицамъ и т. д. число „28“ и слова „во вторникъ“ выпущены; послѣ числа „30“ вставлено: „и“, и въ этомъ уже исправленномъ видѣ, „объявленіе напечатано въ прежде описанномъ изданіи. На страницѣ 10-й, подъ стихами „Къ большому маскараду“, въ настоящемъ изданіи подпись автора означена буквами М. Х., въ другомъ же напечатана съ полнымъ именемъ: М. Херасковъ. Наконецъ, двѣ виньеты настоящаго изданія изображающія—на заглавномъ листѣ: скачущаго сатира, и на стр. 20-й, подъ текстомъ голову сатира съ ослиными ушами, увѣнчанную виноградными листьями, смѣющуюся и показывающую языкъ, замѣнены въ другомъ изданіи типографскими, вырѣзанными на деревѣ флёронами. Кромѣ помянутыхъ, никакихъ болѣе различій между двумя изданіями не встрѣчается, за исключеніемъ „объявленія“, въ обѣихъ брошюрахъ различающагося наборомъ; но въ текстѣ шрифтъ одинъ и тотъ же, и онъ напечатанъ страница въ страницу, и строка въ строку.

№ 93. **Свободныя Часы.** (Іюль—Декабрь) 1763 года. При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 8°. отъ 385—736 стр.

Сопик. ч. 3. № 3858.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. стр. 484. № 11.—Слов. митр. Евген. 1845. т. II. стр. 236.—Новик. и Москов. Мартинисты стр. 19 — 20, прим. 10.—Неустроевъ, Историч. Розыскан. о Русск. поврем. изд. и сборник. стр. 93.

При описаніи перваго полугодія настоящаго ежемѣсячника [1] (Январь—Іюнь), не было упомянуто о томъ, что заглавные листы, и „оглавленія“ каждаго мѣсяца состоятъ подъ общею нумераціею страницъ, которыхъ и находится въ первомъ полугодіи 384 [2]. На заглав-

---

[1] Выпускъ I. стр. 178. № 117.—[2] Общаго оглавленія статей журнала нѣтъ.

ныхъ листахъ журнала вырѣзанная на деревѣ виньета, въ серединѣ которой, въ кругу изображены облака съ сіяющими на верху звѣздами; по сторонамъ солнце и луна; все украшено сверху досударственнымъ гербомъ.— Во второмъ полугодіи изданія, подъ статьями встрѣчаются подписи: В. Майкова, А. Ржевскаго, В. Санковскаго, А. Вершницкаго, Хераскова и Пермскаго (подписывавшагося также литерами С. М. П. (студентъ Михаилъ Пермскій); подписи Сумарокова встрѣчающейся въ первомъ полугодіи журнала, во второмъ нѣтъ. Перечень статей содержащихся въ послѣднихъ шести мѣсяцахъ, мы начнемъ съ прозы, помѣщенной безъ подписей именъ авторовъ и переводчиковъ, хотя они и извѣстны: Аллегорія (іюль стр. 387 — 397).— Изображеніе въ аллегорическихъ картинахъ различныхъ свойствъ человѣческихъ какъ то: любопытства, боязливости, сатиры, легковѣрности и злости, наказуемыхъ за всѣ бѣдствія причиняемыя ими людямъ Истинною чрезъ исполнителей ея приговоровъ: „угрызеніе и стыдъ".— Письмо о пользѣ наукъ. Переводъ (стр. 410 — 420), доказывающее необходимость и пріятности наукъ вообще, разсмотрѣніе каждой изъ нихъ порознь, и возраженій опровергающимъ вышепомянутыя ихъ качества.—Письмо къ наборщикамъ пятое (стр. 433—443). Обѣщаннаго „продолженія впредь" не послѣдовало, вѣроятно за прекращеніемъ журнала; въ этомъ письмѣ, авторъ его сообщаетъ о путешествіи своемъ по „лабиринту любви", представившемуся ему во снѣ, подъ видомъ великолѣпнаго сада, гдѣ онъ попеременно созерцаетъ и самъ испытываетъ всѣ наслажденія и бѣдствія любовной страсти, пока не приводится къ „храму брака"; на этомъ письмо и прерывается.—Письмо о истинномъ пути къ прославленію себя (Августъ стр. 451—456). Статья отчасти сатирическаго направленія, въ которой указывается способъ посредствомъ искуснаго шарлатанства, прослыть ученымъ человѣкомъ, не будучи имъ въ дѣйствительности.— Повѣсть (стр. 471 — 475). Переводъ состоящій въ короткомъ сатирическомъ разказѣ о нѣкоемъ г. Пурсонвиль, сотворенномъ куклою, и родившемся „кукольски" въ кулиссѣ, отъ оперной куклы и отъ славнаго кавалера Москолорисъ, владѣтеля Пamaдора и другихъ мѣстъ. Когда при смерти своей, приключившейся отъ простуды, этотъ образцовый петиметръ испустилъ свою кукольную душу, то по анатомированіи его трупа, въ головѣ не нашлось ни капли мозгу, и вмѣсто него, весьма нѣжный составъ, таявшій какъ воскъ. Всѣ жилы его были гораздо тонѣе паутины; сердце, отъ котораго проходила жизненная сила, весьма узко, и гораздо менѣе обыкновеннаго..... отъ крови пахло розовой водой, и мясо имѣлъ онъ весьма мягкое и нѣжное.

Въ заключеніе упомянуто, что кокетки о смерти его сокрушались, а петиметры радовались, что избавились опаснаго соперника. Одинъ изъ его учениковъ создалъ ему „мазолею“, состоявшую въ уборномъ столикѣ, на которомъ были разныя сокровища: табакерки и коробки наполненныя румянами, мушками, бѣлилами и разныя воды; въ заключеніе приводится и надпись вырѣзанная на гробѣ его золотыми литерами.— Обращеніе Свѣта или Видѣніе Бабука, писанное имъ самимъ (стр. 498—511. Сентябрь, стр. 515—531); вѣроятно переводъ: Итуріель первостепенный изъ духовъ, начальствующій надъ царствомъ міра, имѣющій удѣломъ верхнюю Азію, приведенный въ гнѣвъ беззаконіями Персовъ, посылаетъ въ Персеполь скифа Бабука, чтобы по расмотрѣніи этимъ послѣднимъ преступленій помянутаго города, исправить или совсѣмъ истребить его. Бабукъ, исполняя повелѣніе духа, приходитъ въ указанный ему городъ, и увидавъ что въ мірѣ добро смѣшено со зломъ, по возвращеніи своемъ отдаетъ отчетъ въ миссіи своей Итуріелю, и представлетъ ему небольшую, заказанную имъ городскому литейщику статую, составленную изъ всѣхъ металловъ, минераловъ, земель, каменьевъ какъ драгоцѣнныхъ, такъ и самыхъ простыхъ, причемъ спрашиваетъ духа: разобьетъ ли онъ эту статую потому только, что въ ней не все золото и бриллiанты? — Итуріель, понявъ Бабука, вознамѣрился не думать болѣе о разореніи Персеполя, сказавъ притомъ: „хотя не все хорошо, однако все еще сносно“; и Персеполь остался въ прежнемъ его состояніи.—Басня. О старой мышѣ и о ея дѣтяхъ (стр. 548—553). Наставленія умирающей, старой и разумной мыши дѣтямъ и родственникамъ своимъ, которые по смерти ея не послѣдовали мудрымъ ея словамъ и были за то наказаны. Мораль этой басни та, что предостереженіе отцовъ ни къ чему не служитъ дѣтямъ.—Свойство и жизнь Аріаны или искушеніе роскошей и бѣдности (стр. 554—563). Разсказъ о тщеславной кокеткѣ, вдавшейся въ порочную жизнь, но исправившейся бѣдностью и необходимостью труда.— Переводъ изъ Смотрительницы (октябрь стр. 579 — 584). Разсужденіе о непомѣрной любви къ сообществу людей, и пользѣ таковой къ уединенію.—О Неблагодарности (стр. 600 — 615). Извлеченіе примѣра неблагодарности изъ Критской Исторіи.—О Воспитаніи, переводъ. (ноябрь. стр. 646 — 651). Въ заключеніе этого краткаго разказа выражается мысль, что ничто такъ не ведетъ молодаго человѣка къ добродѣтели, какъ добрые примѣры, и ничто такъ его не портитъ какъ окружающіе его порочные люди; а потому, по совѣту автора, всѣ отцы желающіе дать дѣтямъ своимъ доброе воспитаніе, обязаны съ большимъ вниманіемъ слѣдить за наставниками первыхъ,

и тѣми людьми, которыхъ обществомъ они пользуются.— Похожденіе Аристоново (Декабрь. стр. 675—694).—Проэктъ о составѣ Елексира изъ книгъ для употребленія игрокамъ не имѣющимъ времени учиться (стр. 702—720). По словамъ автора этой сатиры, цѣль его, изобрѣтеніемъ своего эликсира, излѣчить честныхъ людей отъ непомѣрной страсти къ игрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріохотить ихъ къ чтенію украшающихъ разумъ книгъ, на которое у игроковъ недостаетъ времени; автору по многомъ размышленіи, приходитъ на мысль изобрѣсти эликсиръ, котораго составныя части сообщаетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ: „Прилѣжа съ малыхъ лѣтъ къ химіи, и послѣ многочисленныхъ испытаній, пріобрѣлъ совершенное искусство очищать смѣси и раздѣлять слагающія ихъ разныя частицы. Вижу себя въ состояніи составить Еликсиръ, которой можетъ служить способомъ честнымъ людямъ, соблюдающимъ рачительную игру, наполнить произведенную отъ недостатка чтенія пустоту въ ихъ разумѣ. Для сего, должно положить въ кубъ съ однимъ раздѣляющимъ и особливо принадлежащимъ къ оному составомъ (которой только мнѣ извѣстенъ), нѣсколько выборныхъ книгъ, изъ которыхъ я весь разумъ выгоню чрезъ наилучшую операцію; а оной разумъ подправленной нѣсколькими драхмами Соли „Діанонтиконъ“ (въ выноскѣ объясненіе, что это слово греческое значитъ „благоразсужденіе“), составляетъ объявленной Елексиръ“.—За тѣмъ авторъ извѣщаетъ о способѣ раздачи эликсира, и говоритъ что самое важное въ немъ, выборъ книгъ которыя должно класть въ кубъ; тутъ же прилагаетъ три письма къ нему адрессованныя, и свои на нихъ отвѣты.—Три послѣднія изъ прозаическихъ статей журнала напечатаны съ подписями ихъ авторовъ и переводчиковъ: М. Х(ераскова). Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Ф: и П. (Философомъ и Портнымъ. Сентябрь. стр. 564—567). При встрѣчѣ ихъ, первый доказываетъ превосходство своей науки передъ ремесломъ второго, который въ свою очередь превозноситъ своё мастерство, считая его для смертныхъ нужнѣе философіи; соглашаясь отчасти съ портнымъ, философъ говоритъ послѣднему, что если онъ и былъ кому необходимъ, то людямъ суетнымъ, безполезнымъ, и только съ успѣхомъ умножалъ происходящее отъ нихъ зло. Угрожая портному неизбѣжнымъ вѣчнымъ мытарствомъ, философъ прибавляетъ, что онъ дуракамъ подобнымъ портному, всегда смѣялся; на что послѣдній предлагаетъ философу, теперь вмѣстѣ плакать, такъ какъ здѣсь не на кого шить, и не надъ кѣмъ смѣяться, съ чѣмъ философъ соглашается, но говоритъ портному, что считалъ его всегда за футляръ безумныхъ людей, а себя душой людей просвѣщенныхъ.—Михаила Пермскаго, переводъ съ

англійскаго: Господину Спектатору (Октябрь стр. 621—623). Письмо къ нему одной дѣвицы, въ которомъ она сообщаетъ, что разбирая нѣкогда его сочиненія, она „начитала" осла, у котораго привязано было по обѣимъ сторонамъ по кошелю съ сѣномъ; и сіе сѣно заражая его дыханіе, приманивало его и на ту, и на другую сторону. Съ этимъ положеніемъ осла, сравниваетъ она свое собственное, и расказываетъ что влюбилась въ двухъ молодыхъ дворянчиковъ, одного весьма богатаго, и другаго весьма красиваго; колеблемая между красотою и богатствомъ, она нѣсколько времени не рѣшается, чему отдать предпочтеніе, пока не останавливаетъ выбора своего на богатомъ, а съ бѣднымъ красавцемъ прощается.—(Съ подписью С. М. П. (студентъ Михаила Пермской). Похожденіе Червонца. (Ноябрь стр. 661—668). Содержаніе статьи составляетъ разсказъ червонца о приключеніяхъ жизни своей, начиная отъ самаго рожденія его, бывшаго не по далеку отъ деревни „Перу". Авторъ похожденія червонца воспользовался случаемъ при переходѣ послѣдняго изъ рукъ въ руки, описывать нравы и характеры лицъ различнаго званія, состоянія и положенія въ обществѣ многихъ странъ.

Автора и переводчики не соблаговолившіе означить имена свои подъ прозаическими статьями журнала заблагоразсудили подписать ихъ подъ стихотворными произведеніями, но не всѣми. Изъ стиховъ подписанныхъ авторами, встрѣчаются слѣдующія: В. М. Майкова Изъ Превращеній Овидіевыхъ. Басиь VII. Потопъ.—Басиь VIII. Девкаліонъ и Пирра возобновляютъ землю, населеніемъ новаго народа (Іюль. стр. 397—409).—Басиь IX Аполлонъ убиваетъ Питона.—Басиь X. Превращеніе Дафны въ лавръ (Августъ стр. 457—466).—Басня. Собака на сѣнѣ (стр. 469—471).—Басиь XII. И Іо превращается въ богиню Изисъ (Ноябрь стр. 632—635).—А. Ржевскаго: Эклога, Элегія, 4 загадки и Эпиграмма (Іюль стр. 422—432). 2 Сонета, 4 притчи: 1. Стрѣлокъ и Птица. 2. Ребенокъ и Наставникъ. 3. Любовь слѣпа. 4. Пастухъ и Левъ. 2 Станса. 2 Любовныя Оды, 10 Мадригаловъ, 5 Эпиграммъ и 2 Идилліи (Августъ. стр. 479—492).—Разныя Стихотворства: Элегія. Идиллія. Цыдулка клеветникамъ. Размышленіе. Любовникъ. Совѣтъ. Сонетъ. Стансъ. Рондо (Сентябрь стр. 532—539).—VI Притчей: I. Лисица и Заяцъ. II. Ученой Чижъ. III. Парнасской духакъ. IV. Щастіе. V. Хвастливой грачъ. VI. Волки (Октябрь стр. 585—593).—Героида. Филлида къ Демофонту, Сочиненіе Публія Овидія Назона, въ Росскіе стихи, дѣлана съ переводу (Ноябрь стр. 636—646).—Разныя Стихотворства: Письмо къ А.... В.... П(арышкину) философическаго содержанія, о недовольствѣ каждаго своею судьбою.—

VII. Загадокъ. Ода Анакреонтическая. Элегія (Декабрь. стр. 721—735).—М. Хераскова: Притча. Сраженіе (Іюль стр. 444—445).—Нравоучительныя мнѣнія. Эпиграмма, съ отвѣтомъ на вопросъ: почему музы не входятъ въ брачныя узы? (Августъ стр. 493—495).—Двѣ эпистолы: На день Высокоторжественнаго Коронованія Ея. Имп. Велич. На день Рожденія Его Имп. Высоч. Госуд. Цесар. и В. Кн. Павла Петровича.—Къ Евтерпѣ.— Притча Сова (Октябрь стр. 593—597).—Ода на Высокоторжеств. день тезоименитства Ея. Имп. Велич. (Ноябрь стр. 627—631).—Двѣ Притчи: I. Мышь въ сырѣ. II. Разумный человѣкъ. (стр. 669—670).—Эпистола къ большому алмазу. Подраж. французской (Декабрь стр. 694—697).—Стансы которыми воспѣваются деньги, какъ главнѣйшій предметъ желаній человѣческихъ въ продолженіи его кратковременной жизни (Декабрь стр. 698—701).—Василья Санковскаго: Элегія (Августъ стр. 476—478).—Три Элегіи: I. Винценція Фабриція. Жалоба Дивы. Переводъ. II и III (безъ заглавія. Сентябрь. стр. 568—575).—Двѣ Элегіи (Октябрь стр. 597—599).—Овидія Насона, книга первая Печалей Элегія первая (стр. 616—620).—Элегія Винценція фабриція: Жалоба матери Моисеевой когда она сына своего въ рѣку пускала (Ноябрь стр. 652—654).—Публія Овидія Насона Книга первая Печалей Элегія Вторая.—Элегія Винценція Фабриція. Жалоба Давидова, когда онъ убѣгалъ отъ сына своего Авесалома. (стр. 659—661).—А. Вершницкаго: Элегія (Августъ. стр. 466—469).—Немногія изъ стихотворныхъ произведеній помѣщены безъ подписей: Сонетъ и Эпиграмма на заданныя рифмы и двѣ анакреонтическія оды (Іюль. стр. 421—422).—Эклога и Эпиграмма (стр. 445—447).—Осень (Августъ. стр. 496—497).—Въ этомъ стихотвореніи, поэтъ при видѣ осени, представляетъ гордому уму человѣка конечное разрушеніе всего существующаго въ мірѣ.

Объявленіе о выходѣ въ свѣтъ журнала „Свободные Часы" напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ концѣ 1762 года, №. 99, слѣдующее: „съ 1763 года будетъ издаваться журналъ подъ именемъ Свободные часы. Желающіе оной получать, могутъ прислать съ объявленіемъ своихъ именъ, въ книжную лавку Императорскаго Московскаго Университета, къ книгосодержателю Школярію, заплатя напередъ три рубли за весь годъ. Оной журналъ будетъ раздаваться въ послѣднемъ числѣ каждаго мѣсяца, состоящей изъ четырехъ листовъ печатныхъ, въ восьмую долю листа; а въ розницу, каждая книга будетъ продаваться по 25 копѣекъ".

№ 94. Санктпетербургскій **Календарь** на **Лѣто** отъ Рождества Христова 1763, которое есть **Простое** содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. — Въ **Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 124 ненум. стр. (считая заглавн. листъ) и фронтиспись.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 95а.—Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. 1854. т. III. стр. 554.

Въ Календарѣ 1763 года, противъ 28 іюня, вновь причисленнаго къ торжественнымъ днямъ, и потому отмѣченнаго кругомъ, означено: Вступленіе на Всероссійскій престолъ Ея Величества Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны. Въ „Хронологію вещей достопамятныхъ“ внесено, что отъ вступленія на престолъ Императрицы протекъ 1 годъ. — О затмѣніяхъ въ настоящемъ году сообщается, что ни одного луннаго не будетъ, при замѣчаніи, что это рѣдко случается. Солнечныхъ затмѣній объявлено два: одно 2 апрѣля, другое 26-го сентября, и ни одно изъ нихъ не будетъ видимо въ Петербургѣ; но первое видно будетъ только въ Африкѣ, и на югѣ Европы, другое въ южной части Африки.—Въ приложеніяхъ къ календарю, подъ цифрою VIII, помѣщено извлеченіе изъ метеорологическихъ наблюденій на 1761 годъ, подъ заглавіемъ: „Экстрактъ примѣченныхъ въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ погодъ и другихъ воздушныхъ явленій во всѣ мѣсяцы 1761 года, и подъ цифрою IX хронологія озаглавленная: „Продолженіе хронологическаго показанія достопамятныхъ приключеній за 1761 и 1762 годъ, доведеннаго до 21 октября. При первомъ изъ помянутыхъ годовъ, отмѣчено: „Преставленіе Ея Имп. Величества, Госуд. Императрицы Елисаветы Петровны 25 декабря; подъ вторымъ: Заключеніе перемирія между Россіею и Пруссіею 5 марта.—Заключеніе вѣчнаго мира между Россіею и Пруссіею.—Вступленіе на Всероссійскій престолъ Ея Велич. Благочестивѣйш. Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодерж. Всеросс. 28 іюня.—Преставленіе бывшаго Императора Петра III, 6 іюня.—Отъѣздъ Ея Имп. Вел. Самодерж. Всеросс. изъ Санктпетербурга въ Москву для Коронованія, 1-го сентября.—Торжественное вшествіе въ Москву Ея Имп. Величества 13, и 22-го, Коронованіе Ея Имп. Величества.—Вступленіе на престолъ и коронованіе помѣщены также въ „Росписи господскимъ праздникамъ и штатскимъ торжественнымъ днямъ“.

На фронтисписѣ весьма хорошей работы, гравированномъ на мѣди, изображеніе генія на облакахъ, держащаго медальонъ съ шифромъ императрицы Екатерины II, на который съ благоговѣніемъ взираетъ коронованная жена, съ государственнымъ гербомъ; у ногъ ея два генія, изъ которыхъ одинъ съ оливковою, и другой съ пальмовою вѣтвью. Подъ гравюрою подпись: J. d. Stehlin invt.—Е. Виноградовъ и внизу двустишіе:

Исполнивъ нашихъ Ты желанія сердецъ,
Благослови Ея намѣренія Творецъ.

1764.

№ 95. Доброе Намѣреніе. Генварь (—Декабрь) 1764 года.—Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 8°. 576 нум. стр.

Соп. Ч. 3. № 3784.—Плавильщ. Ч. III. № 6789.—Опытъ Слов Новикова стр. 201. — Слов. митр. Евген. т. II. стр. 161. — Лонгиновъ, малоизвѣстные Москов. журналы 1760—1764 въ Москов. Вѣдом. 1857. № 3. Лит. Отдѣлъ. стр. 161.—Новиковъ и Москов. Мартинисты стр. 20.—Трутень изд. 3-е. П. А. Ефремова. Прим. къ 1770 г. стр. 368.—Русск. Архивъ 1879 кн. 9. Русскій провинціальный журналъ „Уединен. Пошехонецъ“ А. Н. Трефолева. стр. 92.—Исторія Москов. Университета С. Шевырева стр. 162.—Историч. Розысканіе о русск. повремен. издан. и сборник. А. Н. Неустроева 1871. стр. 98—101.

Ежемѣсячное изданіе выходившее въ продолженіи всего 1764 года, начиная отъ января, въ каждый мѣсяцъ по книжкѣ, что къ концу года составило томъ, въ которомъ счетъ страницъ послѣдовательный. На послѣдней страницѣ каждой изъ книжекъ помѣщено оглавленіе содержащихся въ ней статей.—„Доброе Намѣреніе“ журналъ по преимуществу студенческій, такъ какъ за исключеніемъ издателя его Василья Демьяновича Санковскаго, не задолго предъ тѣмъ покинувшаго университетскую скамью; сотрудниками журнала являются товарищи его—студенты помѣщавшіе въ „Добромъ Намѣреніи“ опыты своихъ литературныхъ трудовъ, состоявшихъ въ болѣе или менѣе удачныхъ стихотвореніяхъ и переводахъ въ прозѣ [1]. Обязанность редактора журнала приходилось взять на себя опытнѣйшему изъ среды товарищей своихъ по университету—Санковскому, искусившемуся уже въ писательствѣ, и какъ бывшему соучастнику въ журналахъ тогдашняго Куратора московскаго университета, Хераскова

[1] Санковскій родомъ малороссъ, получилъ образованіе сначала въ Кіевской, потомъ въ Московской академіяхъ, за тѣмъ поступилъ въ московскій уни-

„Полезное Увеселеніе (1760—1762), „Свободные Часы[2] и „Невинное Упражненіе“ [3]. Главными вкладчиками въ журналъ Санковскаго, были: Михаилъ Пермскій, единственный сотрудникъ „Добраго Намѣренія“ въ первое время его изданія, (январь—май); какъ отличному знатоку англійскаго языка, Пермскому можно безошибочно приписать всѣ статьи переведенныя съ означеннаго языка, хотя и не подписанныя его именемъ [4]. Алексѣй Вершаницкій [5] помѣщалъ переводы съ латинскаго. Иванъ Слатвинскій и Василій Пустовойтовъ доставляли въ журналъ переводы: первый съ латинскаго, второй съ нѣмецкаго. Семенъ Веницѣевъ помѣстилъ одну статью, переводъ съ латинскаго [6]. Василій Григор. Рубанъ [7] переводчикъ статей съ нѣмецкаго, французскаго и (кажется) одной съ латинскаго языка. Василій Петровичъ Петровъ [8], бывшій во время сотрудничества своего въ „Добромъ Намѣреніи“ студентомъ московской духовной академіи, напечаталъ въ журналѣ нѣсколько своихъ стихотвореній. Александръ Ив. Перепечинъ [9], помѣстилъ четыре стихотворенія религіознаго содержанія. Павелъ Ив. Фонвизинъ [10], которому принадлежитъ не малое количе-

---

верситетъ, гдѣ окончилъ свое образованіе, и выпущенъ съ золотою медалью въ 1763 году.—[2] Матеріалы для Русской Библіографіи Губерти. Вып. 1. стр. 178. № 117 и Вып. 3. № 93.—[3] Тамъ же, Вып. 1. стр. 184. № 118.—[4] Пермскій, петербургскій уроженецъ, обучался въ Александро-Невской семинаріи, потомъ отправился въ Англію на должность дьячка при домовой церкви русскаго посланника. Усвоивъ отлично англійскій языкъ, Пермскій возвратился въ Россію въ 1760 году, и поступилъ въ московскій университетъ. Новиковъ и митр. Евгеній приписываютъ Пермскому много полезныхъ переводовъ съ англійскаго на русскій языкъ. Въ бытность свою преподавателемъ англійскаго языка въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, онъ издалъ переведенную имъ съ означеннаго языка „Практическую грамматику“, напечатанную въ типографіи корпусной въ 1766 г. въ 8°. (Смирд. Ч. IV. № 5830). Біографич. свѣдѣнія о Пермскомъ см. „Опытъ Слов. Новикова. стр. 161. Слов. митр. Евген. 1845. т. II. стр. 117. Русск. Архивъ 1879. кн. 2. Уединен. Пошехонецъ. ст. Трефолева. стр. 98.—[5] Впослѣдствіи священникъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ (тамъ же стр. 98).—[6] О нихъ не упоминаютъ Новиковъ, митр. Евген. и Смирдинъ.—[7] Извѣстенъ какъ сочинитель множества надписей, переводчикъ съ иностранныхъ, древнихъ и новыхъ языковъ, издатель довольно плохихъ журналовъ: „Ни то, ни сё“, „Трудолюбивый Муравей“, „Старина и Новизна“.—[8] Впослѣдствіи литературная, но давно забытая знаменитость екатерининскаго вѣка.—[9] Поручикъ при имп. москов. университетѣ; писалъ торжественныя оды (Сопик. Ч. 4. №№ 7081, 7169. 7253. 7277. 7036); издалъ также брошюру подъ заглав: „Стихотворенія (sic) 1787 года Александра Перепечина напечатано въ С. Петербургѣ“ 8°. (Смирд. Ч. IV. № 6683).—[10] Одинъ изъ короткихъ пріятелей Санковскаго; о дружественной ихъ связи усматривается доказательство на страницахъ журнала.

ство разнородныхъ стихотвореній, и двѣ статьи въ прозѣ. Александръ Костровскій, переводчикъ одной статьи въ прозѣ, и К. Ѳедоръ Г., помѣстившій съ этою подписью одно небольшое стихотвореніе.

Главная забота редактора журнала, была по видимому украсить страницы его „цвѣтами поэзіи", что и дѣйствительно не мало способствовало къ оживленію и разнообразію его содержанія; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что тогдашніе не взыскательные читатели „Добраго Намѣренія", предпочитали вирши Санковскаго и сотрудниковъ его не представлявшимъ интереса прозаическимъ, и особенно переводнымъ статьямъ журнала. Трудолюбивый его издатель, былъ самымъ усерднымъ, особливо въ первое время, почти единственнымъ вкладчикомъ плодовъ вдохновенія своей музы, что доказывается огромнымъ количествомъ его стихотворныхъ произведеній, встрѣчающихся въ каждой книжкѣ журнала; несомнѣнно и то, что дубоватые юмористическіе и эротическіе его стихи читались охотнѣе его же плохихъ элегій и мадригаловъ пересыпанныхъ междометіями, выражающими безнадежность любви и сердечное страданіе; подобная сентиментально-пошлая поэзія, была впрочемъ во вкусѣ того времени, и герои ея, пастушкй и пастушки, съ именами Тирсисовъ, Клеандровъ Кларисcъ и Аглай, сколки съ французскихъ оригиналовъ, распложались до безконечности подъ перомъ нашихъ первостепенныхъ и второстепенныхъ стихотворцевъ; и не смотря на свои французскія имена не переставали долго украшать собою поэтическія ихъ творенія.

Въ началѣ январской книжки помѣщены вирши подъ заглавіемъ: „Всякое дѣло должно начинать съ разсужденіемъ (Добр. Намѣр. янв. стр. 3—6), въ которыхъ Санковскій выказываетъ сильную боязнь къ предстоящимъ ему редакторскимъ обязанностямъ. Упоминая о поступкѣ Фаетона поссорившагося съ Епафомъ, онъ выводитъ мораль: „что не слѣдуетъ приступать къ дѣлу скоро, и не одумавшись".

„Но должно первѣе на мысли привести:
Я бремя сихъ трудовъ могу-ли понести?
Окончу-ли сіе, во что теперь вступаю,
Не сверьхъ-ли силъ моихъ я дѣло начинаю,
Когда то выше силъ, оставить долженъ я,
Пускай достанется другому честь моя....

Въ эту минуту раздумья „быть или не быть" редакторомъ журнала, въ этомъ состояніи робости и неувѣренности въ себѣ, передъ мысленнымъ взоромъ „піиты" отверзается Парнассъ, откуда слышится голосъ музъ, вѣщающій ему такъ:

„То дѣло, къ коему теперь ты приступилъ,
Не превосходитъ ли твоихъ незрѣлыхъ силъ?
Ты прочимъ разсуждать предписуешь уставы.
Почто же ищешь самъ безъ разсужденья славы?
Чрезъ цѣлой годъ писать.... ты можешь ли сіе...“

Въ отвѣтѣ музамъ, Санковскій не нашутку сначала оробѣвшій, услыхавъ отъ нихъ, что онѣ всегда готовы ему помогать въ трудѣ его, пріободряется, и начинаетъ рисоваться, изображая изъ себя какого-то борца за правду, готоваго обличать чужіе и даже свои грѣхи; но дѣло въ томъ, что такимъ борцомъ и обличителемъ онъ никогда не былъ, да и не могъ быть, по причинѣ своего дюжиннаго ума, узкаго міросозерцанія, и безусловнаго поклоненія всему, что считалъ выше себя; это былъ самый безобидный, но трудолюбивый и вмѣстѣ съ тѣмъ бездарный писатель, не бывшій по означеннымъ качествамъ своимъ, въ состояніи выступить публично съ мѣткой сатирой, или простымъ и прямымъ обличеніемъ подобно Фонвизину или Новикову Преклоняться передъ взошедшимъ свѣтиломъ и порицать закатившееся, было отличительною чертою не только писателей подобныхъ Санковскому, но многихъ считавшихся въ то время первостепенными.

Вышеупомянуто о томъ, что сначала выхода журнала, онъ наполнялся только произведеніями пера самаго редактора; приступая къ обзору стихотвореній, отмѣчаемъ изъ нихъ тѣ, которыя представляютъ собой сколько нибудь интереса: Январь Злато стр. 11). Изображеніе золъ и напастей происходящихъ между людьми отъ жадности къ золоту.—Притча Конь (стр. 14). Конюшій, наряжающій и похваляющій хозяйскаго коня, но въ то же время морящій его голодомъ; мораль притчи: „что за честь, когда нечего ѣсть.“—Публія Овидія Назона превращеній книга XI. Басня X. Переводъ (стр. 24).—Февраль. Принужденный проповѣдникъ (стр. 51). Путникъ-монахъ предсказывающій схватившимъ его разбойникамъ ожидающую ихъ страшную участь, и потомъ ими убитый.—Елегія (стр. 53).—Злая жена (стр. 55). Арестъ молитъ небеса о спасеніи его отъ злой жены, недающей ему покоя; наконецъ онъ бѣжитъ отъ нея на корабль отходящій въ далекія страны, но жена-мегера настигаетъ его, и осыпаетъ ругательствами; несчастный поневолѣ отплываетъ вмѣстѣ съ ней. Къ счастью его, корабль садится на мель, и кормщикъ въ отчаяніи, требуетъ чтобы всѣ попутчики побросали въ море имѣющіеся при нихъ тяжелые предметы; тогда:

„Аретъ схватилъ жену, и бросилъ не стеня,
Сказавъ: она всего тяжелѣ для меня,
Пошелъ потомъ корабль, пловцы возвеселились,
И всѣ Аретовы напасти прекратились."

Публія Овидія Назона: печалей книга третія, Елегія IV; онъ совѣтуетъ другу, убѣгать сообщества великихъ людей, и проситъ отъ него себѣ помощи (стр. 57).—Ученый и Переученый (стр. 60). Жалобы какого-то переводчика съ французскаго языка, писателя любовныхъ одъ и элегій, не получившаго за нихъ никакой чести; сожалѣя о томъ, что надъ ними даромъ „потѣлъ и готову чесалъ", онъ говоритъ:

„Не слыша похвалы, я самъ не понимаю,
За чѣмъ надъ риѳмами я голову ломаю,
Оставлю хлопоты, оставлю суеты!
Вскричали музы вдругъ: умняе будешь ты!...

Мартъ. Ивана Бокація славнаго Флорентинца Соколъ (стр. 101).—Размышленіе (стр. 109).—Философическое разсужденіе о мірской сустѣ, жизни и смерти.—Славная жизнь Гноримонова (стр. 112). Изображается недоросль въ родѣ Фонвизинскаго Митрофанушки, типа нерѣдко встрѣчавшагося въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка; онъ къ отрадѣ родителей своихъ появляется на свѣтъ „въ столичномъ градѣ" и началомъ славныхъ дѣлъ Гноримона есть то, что „изъ небытія, онъ въ бытіе пришелъ". Дикое невѣжество въ которомъ онъ ростетъ, и достигаетъ зрѣлыхъ лѣтъ, описываетъ авторъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Уже нашъ Гноримонъ пятнадцать лѣтъ имѣетъ
А Русской азбукѣ доселѣ не умѣетъ....
Живетъ какъ юноша, имѣя двадцать лѣтъ,
Въ головушкѣ ума ни на полушку нѣтъ....
Уже нашъ Гноримонъ въ тридцатый годъ ступилъ
И новыя себѣ деревни прикупилъ,
Женился, и уже на тридцать пятомъ лѣтѣ
Не стало нашего разумника на свѣтѣ!
Всѣхъ дѣлъ его нельзя въ сихъ помѣстить листкахъ;
Но я, для краткости, вмѣщу ихъ въ двухъ строкахъ:
Родился Гноримонъ, спалъ, ѣлъ, пилъ, забавлялся,
Женился, наконецъ въ невѣжествѣ скончался."

Въ заключеніе, Санковскій обращается къ юношамъ съ увѣщаніемъ не быть похожими на Гноримона.—Апрѣль. Апрѣля первой день (стр. 147). Мысли „пінты" находясь въ состояніи покоя, пользуются

разрѣшеніемъ его „стремиться, куда онѣ хотятъ", и вотъ пошли онѣ носиться по всѣмъ мѣстамъ; летятъ въ лѣса, поля, долины; погружаются въ прбпасти, взбираются на вершины; со дна морей бѣгутъ на берегъ. Словомъ, мысли до-нѣльзя расходились

„И безпорядочно свой простираютъ бѣгъ.
Въ смятеньи семъ одна другую разрываетъ;
И первую изъ нихъ, вторая убиваетъ".

Поэтически настроенное воображеніе стихотворца сравниваетъ разбушевавшіяся мысли свои съ вѣтрами вездѣ крутящимися съ разрѣшенія Эола снявшаго съ нихъ оковы, и утихающими по его повелѣнію; подобно тому и мысли „піиты" стихли по повелѣнію царя своего—разсудка, обуздавшаго ихъ стремленье, и приказавшаго имъ, покинувъ горы, долы, прбпасти и моря гдѣ нечего смотрѣть; онъ направляетъ ихъ въ городъ, гдѣ царствуютъ веселье и забавы, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ толпѣ гнѣздятся лукавство, выдумки, притворство и обманъ. Возвышенныя мысли поэта не могутъ выносить этого зрѣлища, и летятъ вдаль, для отысканія святой истины, которую нигдѣ не обрѣтаютъ. Стихотворецъ встрѣчаетъ мужа съ нагбенною спиной, котораго толпа радостно встрѣчаетъ; и старецъ этотъ—олицетворенный поэтомъ обычай, повелѣвающій обманывать на первое апрѣля; онъ между прочимъ говоритъ о себѣ:

«То правда, что теперь въ народѣ правды нѣтъ,
Но виноватъ ли онъ, когда уставы чтетъ,
Которы строго я хранить повелѣваю...
Какъ ночи мартовой минетъ послѣдня тѣнь,
Съ обманомъ я велю встрѣчать Апрѣля день...»

Авторъ стихотворенія возводитъ этотъ излюбленный толпою обычай на степень лжи и говоритъ что „обманывать людей законы запрещаютъ:

«Съ намѣреньемъ кого, иль въ шутку обмануть,
То все равно, то все людскую портитъ грудь...
Какая польза въ томъ? позоръ и поношенье,
Не трудно никому обманщикомъ прослыть,
Но трудно ахъ! сіе названье истребить,
Примѣтивъ разъ одинъ, что ближній лицемѣритъ,
Ужъ послѣ никогда сосѣдъ ему не вѣритъ».

Въ заключеніе этихъ довольно пошлыхъ виршей, Санковскій приводитъ разказъ о пастухѣ обманывавшемъ товарищей своихъ крикомъ о помощи противъ нападавшаго будто-бы на его стадо волка. Когда же однажды послѣдній дѣйствительно задавилъ у него нѣсколько овецъ, то товарищи не тронулись съ мѣста чтобы помочь ему, принимая отчаянные его крики за обманъ Наконецъ, читатель награждается такою моралью:

«Читатель! если ты въ такомъ виновенъ дѣлѣ:
Когда ты обманулъ кого-нибудь въ Апрѣлѣ,
Который въ шестьдесятъ четвертомъ былъ году,
То мню, что на себя я гнѣвъ твой наведу:
Однакъ я истинну святую защищаю.
И хитру ложь гоня, твой гнѣвъ пренебрегаю»...

Стансы (стр. 152): Сожалѣніе о протекающей молодости, и ропотъ на приближающуюся старость.—Ивана Бокаціо; славнаго флорентинца: Юпитеръ, звѣри и человѣкъ (стр. 154).—Элегія (стр.157): Жалобы на измѣну любезнаго.—Елегія: На смерть Кларисы (стр. 158).—Маій. Публія Овидія Насона Героида: Аріадна Тезею (стр. 195).—Любовь (стр. 201). Изображеніе гибельныхъ послѣдствій любовной страсти. Авторъ обращаясь къ любовникамъ и любовницамъ, совѣтуетъ воздерживаться отъ пылкой любви; представляя всѣ бѣды отъ нея происходящія, онъ увѣряетъ, что самъ никогда ей не поддается:

«Не лучше-ли сіе, чтобъ страстно не любя,
Здоровья не терять, и не крушить себя.
Кто хочетъ, тотъ пылай, и будь любовью страстенъ,
А я такой любви не буду въ вѣкъ подвластенъ».

Епиграмма (стр. 207).—Чужое бремя легко (стр. 207—208).—Іюнь. Стихи на Высокоторжественный день восшествія на Престолъ Ея Имп. Величества Екатерины Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія (стр. 243). „Піитъ“ превозноситъ похвалами благотворное царствованіе Екатерины, и выражаетъ сочувствіе свое къ лучшимъ ея дѣяніямъ; такъ напр. онъ въ слѣдующихъ стихахъ отзывается о недавнемъ тогда учрежденіи „Воспитательнаго Дома“:

«Не Божіе-ль мы въ томъ имѣемъ повелѣнье,
О бѣдныхъ чтобъ имѣть и жалость и призрѣнье;
Екатерина Мать стараньемъ и трудомъ,
Нещастнымъ сиротамъ соорудила домъ.
Чтожъ можетъ быть сего полезнѣе устава?
Въ чужихъ странахъ о семъ летаетъ громка слава...»

Не менѣе того возбуждаетъ радость его, основаніе императрицею женскихъ учебныхъ заведеній:

«Стократно ты блаженъ, блаженъ Россійской родъ
Ты въ скоромъ времени плоды увидишь новы,
Къ произращенію тѣхъ ужъ сѣмена готовы,
Незнанья мрачный вѣкъ вконецъ уже минетъ,
И просвѣщеніе въ Россіи возрастетъ,
Хотя довольныя и днесь мѣста имѣемъ,
Въ которыхъ будучи, разсудкомъ богатѣемъ
По мужескій лишь полъ то можетъ получать:
Не должно-ль и дѣвицъ подобно обучать?
Монархиня о томъ старанье приложила
И къ обученью дѣвъ, мѣста́ опредѣлила...»

Дубоватые стихи, оканчиваетъ авторъ обращеніемъ къ императрицѣ въ которомъ содержатся намеки на прошедшее несчастное царствованіе:

«Россійска Мать! въ сей день восшедшая на Тронъ
И съ нами спасшая и Вѣру и Законъ,
Цвѣти во здравіи, и будь на семъ престолѣ
Въ намѣреньяхъ препонъ не видя ни отколѣ;
А мы по жизнь свою тотъ славить будемъ часъ,
Въ который Богъ Тебѣ вручилъ въ призрѣнье насъ.
Владѣніе Твое прославятъ всѣ народы,
А жизнь Твою пускай умножатъ наши годы».

Еклога (стр. 250). Любовная тоска пастуха Палемона, въ разлукѣ съ пастушкой Кларисой.—Елегія (стр. 252).—Вопль любовника объ умершей возлюбленной его Климены.—Чувствительность дѣвушки (стр. 253).—Осторожная дѣвушка (стр. 253—256) Стишки довольно игривые, напечатанные безъ подписи и принадлежащіе вѣроятно Санковскому. Въ нихъ описывается случай произшедшій съ дѣвушкою обманутой во время сна божкомъ любви; она предостерегаетъ дѣвицъ вообще, и пастушекъ въ особенности, чтобъ онѣ не ложились спать на траву; причемъ расказываетъ имъ, какъ однажды легла она отъ усталости и на травѣ уснула. Во снѣ является ей амуръ, плѣняетъ ея сердце, и она очарованная имъ все таки начала было ему сопротивляться, плакать и называть его даже злодѣемъ; въ это время она чувствуетъ что лишается силъ... и бѣдная жертва амура заключаетъ разказъ свой слѣдующими словами:

«Но ахъ! амуръ меня въ то время разбудилъ
И я подлѣ себя Сильвандера узнала....»

Іюль, Публія Овидія Насона Героида: Елена Парису (стр. 291).—Переводъ съ французскаго: живописецъ влюбившейся въ портретъ, имъ самимъ нарисованный (стр. 300). Павелъ фонвизинъ.—Купидонова ошибка (стр. 300—304). В. С. Купидонъ вручающій по ошибкѣ стрѣлы и лукъ Кларисѣ, принявъ ее за свою мать Венеру.— Августъ. Стансъ (стр. 399): Прозьба любовника къ Ирисѣ о смягченіи къ нему жестокости.—Двѣ басни: 1 Любовь и Разумъ.. 11 Да, и нѣтъ къ... (стр. 340).—Сумнѣніе.—Худое Предвѣщаніе (стр.342).— Эпиграмма (стр. 343).—Басня Пастухъ и Сирепа (стр. 343—345), перевелъ Павелъ фонъ-Визинъ (вѣроятно съ франц.).—Разговоръ, который имѣли между собою два лица: Афтерреда и Лейденъ (стр. 346), въ которомъ изображается недовѣріе Лейдена къ объясненію въ любви къ нему Афтерреды.—Элегія (стр. 369). П. фонъ-Визинъ.— Грусть поэта въ разлукѣ съ любезной покинувшей Москву, гдѣ остающійся любовникъ не находитъ ни въ чемъ утѣшенія.—Мадригалъ, (стр. 352). П, Ф.—Сентябрь. Двѣ элегіи (стр. 387). П. Ф.—Въ первой содержатся сѣтованія на жестокость возлюбленной; во второй грусть любовника, разлучающагося по волѣ судьбы съ своей милой.— Коротко да ясно.—Сонетъ (стр. 391).—Идиллія (стр. 392).—Стихи Анакреонтическіе: Превращенная любовь (стр. 397).—Загадка П. Ф. Отгадка.—Эпиграмма (стр. 399). Совѣтъ человѣку не рожденному для любви, стараться погасить въ себѣ любовный жаръ.—Разговоръ между ученымъ и щеголемъ. П. фонъ-Визинъ.—Разговоръ между щеголемъ и ученымъ (стр. 400).—(Замѣтимъ здѣсь, что до мѣсяца іюля, Санковскій трудился только одинъ для своего журнала; всѣ стихотворенія помѣщенныя въ немъ безъ подписи принадлежатъ ему; съ вышепомянутаго мѣсяца, въ продолженіе сентября, сотрудникомъ является П. фонъ-Визинъ; и на стр. 399—400, усматриваются слѣды пріятельскихъ отношеній между редакторомъ и сотрудникомъ. Они предаются невинной стихотворной шалости, и шутя, слегка подтруниваютъ другъ надъ другомъ).—Октябрь. Два станса (стр. 435).— Идиллія (стр. 438).—Кларинда спящая (стр. 439). Любовникъ, (безъ сомнѣнія пастушокъ), осмѣливается поцаловать уснувшую на травкѣ, подлѣ овецъ своихъ, Кларинду; и ожидая за дерзость свою достойнаго наказанія, намѣревается извиняться, но къ удивленію его, пастушка, взглянувъ на него, сказала ему только: „не бойся ничего! я сплю, и не слыхала!“—Епиграмма (стр. 439). П. фонъ-Визинъ.—

Публія Овидія Насона книга первая печалей. Елегія IV. Къ другу, который въ нещастіи вѣрнымъ остался, и котораго весьма похваляетъ (стр. 440). В. Санковскій.—Баснь: Портной и обезьяна (стр. 443). П. Ф. Ревнивой стихотворецъ (стр. 445).—Къ соловью (стр. 445).—Музыка. (стр. 445) пер. П. Ф. (П. фонвизинъ).—Ода Духовная (стр. 446).—Молитва (стр. 447). А. Перепечинъ.—Декабрь[1]. Описаніе Ненастья (стр. 531). Москов. Академіи С. Василій Петровъ. Поэтъ, изобразивъ всѣ ужасы бурной ночи, и страхъ каждой твари при ужасной грозѣ сокрушающей все на пути своемъ, оканчиваетъ слѣдующимъ стихомъ:

«Но всѣ ненастья непогоды
Въ мгновенья ока протекутъ,
Какіе страха будутъ роды
Представь? Какъ будетъ страшный судъ!»

Епиграмма. Сочинилъ К. Θеодоръ Г.—Любовный договоръ (стр. 533).—Три Епиграммы (стр. 534).—Уединенная Клариса (стр. 535). Поэтъ изображаетъ красавицу, которой красота, плѣнявшая многихъ, увяла „противной скорбью истребясь"; вслѣдствіе чего видя, что за ней перестали ухаживать, она, послѣ „ежедневно проливаемыхъ горькихъ слезъ", удаляется въ деревню, гдѣ на просторѣ разсуждаетъ о суетѣ, и тщетности женской красоты, и успокоясь совершенно, поучаетъ женщинъ:

«Прелестной полъ! симъ научися,
Красою не хвалиться въ вѣкъ;
Ты симъ талантомъ не гордися.
Но вспомни, что есть человѣкъ!»

Искусной въ Митологіи (стр. 536); эта Епиграмма довольно забавна:

«Кай въ Митологіи искусенъ безъ примѣра,
Понеже испыталъ, что Бахусъ, что Венера.»

Ошибка (стр. 537).— Преложеніе псалма 85 (стр. 539). М. А. С. Василій Петровъ. Предъидущее стихотвореніе хотя и безъ подписи, но вѣроятно принадлежитъ также Петрову. — Раскаяніе (стр. 572).—Молитва (стр. 574). А(лександра П(ерепечина).

Оригинальныхъ прозаическихъ статей въ журналѣ не встрѣчается, но онѣ всѣ безъ исключенія состоятъ изъ переводовъ большею

[1] Въ ноябрѣ стихотвореній не помѣщено.

частью нравоучительнаго содержанія, и которыхъ однимъ изъ главныхъ „поставщиковъ“ безспорно былъ Пермскій, почерпавшій обильный матеріалъ для трудовъ своихъ изъ англійскаго изданія „Спектаторъ“. Второе мѣсто по количеству доставляемыхъ статей, принадлежитъ Вершницкому, дѣятельному переводчику съ латинскаго языка; слѣдуетъ замѣтить, что стихотворный отдѣлъ журнала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко оставляетъ за собой прозаическій, котораго перечень статей мы здѣсь представляемъ: Январь. О Водолазѣ (стр. 6—11)—Письма къ Спектатору (стр. 16—18). Не должно имѣть звѣрскаго сердца (стр. 19). Перевелъ съ Аглинскаго Михайло Пермской.—Письмо къ Спектатору (стр. 38).—Осторожность женскаго пола (стр. 40).—Нѣтъ совершеннаго человѣка на свѣтѣ (стр. 43).—Сколь великое дѣйствіе имѣетъ совѣсть въ человѣкѣ (стр. 45). Перевелъ Студентъ Михайло Пермскій.—Февраль. Государство славы и довольства (стр. 65).—Награжденіе добродѣтели бывшей въ безпокойствѣ (стр. 71).—Женская Библіотека (стр. 91). М. Пермской.—Мартъ. Сонъ (стр. 113). Передъ этой статьею напечатано курсивомъ примѣчаніе объясняющее причину помѣщенія ея въ журналѣ· „Можетъ быть, видѣніе и описаніе (въ непристойное время) различныхъ сновъ, которые сочинителями изданы, а читатели въ разныхъ ихъ сочиненіяхъ читывали, трудолюбивымъ и несонливымъ людямъ давно уже наскучили; однако сей сонъ, которой въ настоящемъ мѣсяцѣ напечатанъ, отъ публики извиненъ быть можетъ для двухъ причинъ: первое, что почти всякой человѣкъ, какъ самымъ опытомъ ежедневно видимъ, въ сіе весеннее время и поневолѣ спать долженъ; другое, что въ разсужденіяхъ своихъ, толь порядочные сны рѣдко видѣть случается. Содержаніе сна—аллегорія поучительнаго свойства.—Письмо къ пріятелю находившемуся въ нещастіи (стр. 127); переведено изъ Аглинскаго журнала.—Письмо къ Спектатору (стр. 129).—Исторія о нѣкоторомъ купцѣ (стр. 131), переведено изъ Спектатора.—Письмо къ пріятелю о расточительности и сребролюбіи (стр. 135), изъ Спектатора.—Въ чемъ состоитъ человѣческое благополучіе? (стр. 138), перевелъ изъ Аглинскаго журнала С. М. Пермской.—Апрѣль. О великолѣпномъ ужинѣ Антонія и Клеопатры, на которомъ Клеопатра дорогую жемчужину съѣла (стр. 161).—Виргилій объявляетъ Августу Кесарю, кто былъ Августовъ отецъ (стр. 163).—Какъ Демокрита обманула служанка (стр. 166).—Описаніе исторіи Абиссинскаго принца Расселія (стр. 167); перевелъ изъ Аглинскаго журнала С. М. Пермской.—Май. Тайны своей никому открывать не должно (стр. 209). Изъ Аглинскаго журнала.—Правила касающіяся до сохраненія

младенческихъ, юношескихъ и престарѣлыхъ лѣтъ; о младенчествѣ, юношествѣ, мужественныхъ лѣтахъ и старости (стр. 218); переведено изъ Аглинскаго журнала.—Извѣстіе о пожарѣ случившемся въ городѣ Каирѣ, на 1755 (стр. 225).—Описаніе раззореннаго города Балбека (стр. 228); изъ Аглинскаго журнала перевелъ С. М. Пермской.—Описаніе случая произшедшаго во время владѣнія М. Аврелія Антонина достохвальнаго Римскаго Императора, съ нѣкоторымъ Римскимъ гражданиномъ Антигономъ (стр. 233). перевелъ съ латинскаго Студентъ Семенъ Веницеевъ.—Іюнь. Разговоръ Стиликона, дядьки Аркадія и Онорія съ нѣкоторымъ философомъ о воспитаніи молодаго Принца, гдѣ философъ показываетъ, какимъ людямъ не должно жить при дворахъ Государей (стр. 257); переведено съ латинскаго.—Описаніе жизни нѣкотораго славнаго мужа изъ Флоренціи, называемаго Магліабекъ, гдѣ показывается, что ученіе и труды безъ награжденія не бываютъ (стр. 261).—Писъмо къ пріятелю, гдѣ объявляется, что часто люди непристойные свои поступки, называютъ своимъ званіемъ и должностью (стр. 267); переведено изъ Аглинскаго журнала.—О правосудіи, которое самымъ дѣломъ съ строгостію исполнять должно (стр. 273). Изъ Аглинскаго журнала.—Описаніе жизни Госпожи Даубины (стр. 279). Перевелъ съ Аглинскаго Студентъ Михайло Пермской.—Іюль. Взаимная между различными народами ненависть происходитъ отъ суеты (стр. 305). Переведено съ Аглинскаго.—Рѣчь Папуція Секретаря къ Императору Марку Аврелію, при его кончинѣ (стр. 311); перевелъ съ латинскаго С. Алексѣй Вершницкой.—Великодушіе оказанное Королемъ Франциcкомъ Графу Гиліому, которой хотѣлъ его умертвить (стр. 321).—Выдумка одной женщины, которая сыскала способъ уйти своему любовнику, когда мужъ ея будучи кривъ, думалъ ея съ нимъ найти вмѣстѣ (стр. 326); переведено съ французскаго.—Всякъ жребіемъ своимъ доволенъ быть долженъ (стр. 329).—Августъ. Продолженіе статьи (стр. 333); перевелъ съ Аглинскаго С. М. Пермской.—Приключеніе Мирпдаса (стр. 357). Перевелъ П. Ф.—Описаніе почи (стр. 362). Перевелъ съ нѣмецкаго П. фонъ-Визинъ.—Рѣчь нѣкотораго крестьянина пришедшаго отъ рѣки Дуная, говоренная къ Римскимъ Сенаторамъ (стр. 372). Сентябрь. Продолженіе статьи (стр. 401); перевелъ съ латинскаго Студентъ М. Пермской.—Письмо нѣкотораго философа къ его пріятелю о томъ, что въ древнія времена, Государи и прочіе знатные всегда любили разумныхъ людей (стр. 419). Перевелъ съ латинскаго С. М. Пермской.—Рѣчь Марка Аврелія Императора Римскаго, говоренная имъ самимъ при его кончинѣ, къ сыну своему и наслѣднику престо-

ла Коммоду (стр. 429). **Октябрь.** Продолженіе предъидущ. статьи (стр. 449); перевелъ съ латинскаго С. А. Вершницкій.—О Віантѣ греческомъ философѣ (стр. 476); перевелъ са латинскаго С. Иванъ Слатвинскій.—**Ноябрь.** Повѣсть о султанѣ Акшидѣ (стр. 483). Перевелъ съ нѣмецкаго Студентъ Василій Пустовойтовъ. Обманъ и невѣрность жены къ мужу. Съ нѣм. В. Пустовойтовъ.—О церемоніяхъ которыя въ древнія времена при бракосочетаніи употребляемы были (стр. 509). Перевелъ А. Вершницкій.—Вѣрность жены къ своему мужу (стр. 513). Перевелъ А. Вершницкій.—О свадебныхъ пирахъ древнихъ язычниковъ (стр. 521). Перевелъ Василій Рубанъ.—**Декабрь.** Остроумной отвѣтъ Агличанки Неаполитанскому купцу противъ любовнаго предложенія (стр. 541). Перевелъ Александръ Костровскій.—Письма Аѳинянъ къ Лакедемонянамъ (стр. 545).—О Бруксилліи древнемъ философѣ (стр. 549). Перевелъ съ латинскаго Студентъ Алексѣй Вершницкій.—Приключеніе нѣкотораго чужестранца въ Парижѣ (стр. 555). Перевелъ съ французскаго К. Р. Василій Рубанъ.—Лекарство хромымъ, слѣпымъ и колченогимъ (стр. 567).—Нравоучительное примѣчаніе (стр. 571). Перевелъ съ Нѣмецкаго К. Р. Василей Рубанъ.

№ 96. Описаніе мундирамъ строеваго убранства конфирмованное высочайшимъ **Ея Императорскаго Величества** подписаніемъ.— Печатано въ Санктпетербургѣ при Государственной Военной Коллегіи 1764 Года. 8° 17 нум. стран. и 59 картинъ.

Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи. 1838. Отд. III. стр. 586, № 1.

Вся книга (кромѣ объяснительнаго текста) состоитъ изъ вырѣзанныхъ на мѣди, выгравированныхъ на голландской бумагѣ, иллюминованныхъ изображеній кафтановъ, камзоловъ и конскихъ уборовъ какъ высшихъ, такъ и субалтернъ-офицеровъ разныхъ родовъ русскаго войска. Въ текстѣ находится подробное свѣдѣніе о формѣ и цвѣтѣ мундировъ, камзоловъ съ ихъ шитьемъ, такъ равно и прочихъ принадлежностяхъ къ мундирамъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, съ отличіемъ въ нихъ по чинамъ. Объясненіе изображеній начинается съ формы установленной: 1) Генералъ-фельдмаршаламъ, полнымъ генераламъ, генералъ-поручикамъ, генералъ-маіорамъ и бригадирамъ.—2) Примѣчаніе о томъ что гг. фельдмаршаламъ дозволяется имѣть кромѣ пѣхотнаго, и кавалерійскій мундиръ.—3) Генералитету при Кавалеріи.—4) Генераламъ при Артиллеріи и въ Инженерномъ корпусѣ —5) Генералитетамъ при Комиссаріатѣ; Генералъ Кригсъ-Комиссару, Генералъ-Маіорамъ при Комиссаріатѣ, Бригадирамъ и

прочимъ членамъ при Комиссаріатѣ.—6) Генералъ-Провіантмейстеру, Бригадиру и прочимъ чинамъ при Провіантской коммисіи.—7) Генеральному Штабу: Генералъ-Квартемистрамъ.—8) Генералитету дѣйствительно въ армейскихъ спискахъ состоящему, какіе имѣть шарфы, и о шарфахъ всему Генеральному Штабу и Адъютантамъ.—9) О шляпахъ для всего генералитета.—10) О простыхъ мундирахъ дозволенныхъ генералитету съ усвоенными отличіями.—11) О формѣ для генералъ-адъютантовъ и адъютантовъ при генералахъ.—12) О формѣ сюртуковъ для Генеральсъ-адьютантовъ Генералитета, Генеральнаго Штаба, Генеральсъ-Адьютантовъ и адьютантовъ комиссаріата, провіанткой комиссіи, состоящихъ по кавалеріи и пѣхотѣ.—13) О чепракахъ какъ для всего генералитета, начиная съ фельдмаршала; также для бригадировъ, генеральсъ-адьютантовъ въ пѣхотѣ и кавалеріи.—14) О шпорахъ для генераловъ и генеральнаго штаба.—15) О формѣ коллетовъ, мундировъ, камзоловъ, тесаковъ, галстуховъ, шарфовъ и шляпъ для штабъ и оберъ-офицеровъ карассирскихъ полковъ. О конскихъ уборахъ.—16) О формѣ кафтановъ, штановъ, шпагъ, галстуховъ, шарфовъ и конскихъ уборовъ для штабъ и оберъ-офицеровъ карабинерныхъ полковъ.—17) О формѣ для Ландмилицкихъ, Украинскихъ и Закамскихъ конныхъ полковъ: кафтановъ, штановъ, шпагъ шарфовъ, портупей, темляковъ, галстуховъ, перчатокъ, сапоговъ, шпоръ, штиблетовъ, манжетъ, шляпъ конскаго убора и всего прочаго по образцу карабинерныхъ полковъ.—18) О формѣ для штабъ и оберъ-офицеровъ пѣхотныхъ полковъ.—19) О формѣ для штабъ и оберъ-офицеровъ пѣхотныхъ ландмилицкихъ полковъ.—20) О формѣ кафтановъ и прочаго, также и конскихъ уборовъ для штабъ и оберъ-офицеровъ драгунскихъ полковъ.—21) О формѣ мундировъ въ гарнизонныхъ баталіонахъ для генеральскаго чина, оберъ-комендантовъ и офицеровъ.

1765.

№ 97. Православное Ученіе или сокращенная Христіанская Богословія, для употребленія **Его Императорскаго Высочества** Пресвѣтлѣйшаго **Всероссійскаго Наслѣдника**, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя **Павла Петровича**; сочиненная **Его Императорскаго Высочества** учителемъ, **Іеромонахомъ Платономъ** 1765 года.—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 4°. 22 ненум. (посвященіе В. К. Павлу Петровичу, обращеніе къ читателю), и 173 нум. стр.

Сопик. ч. 2. № 2275.—Митр. Евген. Словарь писат. духовн. чина. 1827. ч. II. стр. 177. Bacmeister. 1 Band. 2 und 3 stück. s. 119.

Въ посвященіе труда своего цесаревичу Павлу Петровичу, авторъ обращаясь къ нему, объясняетъ причины побудившія его предпринять сочиненіе настоящей книги, и говоритъ между прочимъ: „Сочиненіе сіе содержитъ въ себѣ не иное, развѣ что ужѐ Ваше Высочество въ мысли своей довольно изображенное имѣете, а именно: Ваше Высочество увидите въ немъ высокія оныя истинны о бытіи Божіи и безконечныхъ его совершенствахъ, и какъ-то сіе преблагое и премудрое существо прекрасный міра сего составъ произвело, украсило, связало, и сей союзъ неусыпнымъ своимъ промысломъ не токмо сохраняетъ ненарушимымъ, но и всѣ въ немъ содержимыя вещи къ своимъ надлежащимъ управляетъ концамъ. Вашу мысль осіяютъ удивительнѣйшія Евангельскія таинства, въ которыхъ открывается Божественное Вѣры начало и основаніе, славное ея прохожденіе, чудный способъ, которымъ всѣ народы ею уловлены, и что онажъ чрезъ наижесточайшія ко истребленію ея, бывшія гоненія болѣе возрастала и возносила свою главу. Вы окомъ ума своего усмотрите, какъ-то естественныя въ познаніи Бога и спасенія нашего недостатки и скудости Божественнымъ дополнены откровеніемъ; какъ мыслей нашихъ погрѣшительныя мнѣнія, словомъ Духа святаго обличены и исправлены; также какимъ образомъ падшій человѣческій родъ возставленъ, и увидѣлъ себя въ первое возводима блаженство, увидѣлъ себя избавляема небеснымъ посольствомъ Божественнаго Ходатая таинствами преисполненымъ. При всемъ томъ Вашъ разумъ просвѣтится чистѣйшими Евангельскими нравоученіями съ самымъ подробнымъ испытаніемъ добра и зла, добродѣтели и порока, и того, что отъ нихъ происходитъ; съ показаніемъ притомъ и тѣхъ средствъ, съ которыми можемъ мы получить побѣду надъ страстями и быть подъ владычествомъ добродѣтели. И какъ такое ученіе по основаніямъ разума и вѣры разсуждаетъ о Богѣ и о надлежащемъ до благочестія, то по справедливости оно присвояетъ себѣ великолѣпное имя „Священныя Христіянскія Богословіи". Далѣе авторъ пространно доказываетъ, насколько знаніе закона полезно и необходимо, какъ для всѣхъ людей вообще, и для государя въ особенности; упоминая о владѣтеляхъ благочестивыхъ, исполнявшихъ обязанности свои относительно подданныхъ, и содѣлавшихъ государства свои цвѣтущими, равно и о тѣхъ, которые истребивъ въ себѣ страхъ Божій, оставили имя свое въ омерзѣніе всѣмъ вѣкамъ, законоучитель великаго князя, указываетъ ему на великіе примѣры въ лицѣ его предковъ, достойные подражанія, и особливо въ лицѣ Петра великаго, причемъ говоритъ

ученику своему: „Вы сынъ премудрыя Государыни, въ лицѣ которыя, яко въ чистомъ зерцалѣ, сіяетъ весь ликъ добродѣтелей къ благополучію Россіи и къ подражанію Вашему... Вы воспитаны на благочестивыхъ рукахъ блаженныя Елисаветы, которая будущими о Васъ надеждами наичувствительнѣйше увеселялась. Они всѣ привѣтствуя Васъ говорятъ: „Ты отрасль наша златая! Ты надежда Россіи сладчайшая! когда десница Вышняго вѣнцемъ увѣнчаетъ главу Твою, желанія наши исполни, славу умножь, благополучіе продолжи, и докажи благородство крове пресвѣтлѣйшаго Всероссійскаго Дома. За тѣмъ законоучитель припоминаетъ своему высокому ученику слова сказанныя послѣднимъ при чтеніи евангельскихъ словъ „не начинайте глаголати въ себѣ, отца имамы Авраама"; и при разсужденіи о томъ что напрасно Іудеи величались именемъ помянутаго великаго своего праотца, не подражая вѣрѣ и дѣламъ его: „Такъ какъ, де я напрасно бы хвалился, что отъ Великаго Петра произошелъ, ежели бы не захотѣлъ подражать дѣламъ его".

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что сочиненіе свое по возможности старался написать яснымъ порядкомъ, утверждаясь на несомнѣнномъ Божіемъ словѣ, и приводя къ вспомоществованію тогожъ, изъясненія здраваго разума.—Въ обращеніи своемъ къ читателю, авторъ, указывая на высокій примѣръ в. князя, увѣщеваетъ родителей воспитывать дѣтей своихъ „отъ младыхъ ногтей въ законѣ Господни, и тѣмъ бы заблаговременно пріуготовлять ихъ къ честности нравовъ и непорочному житію". Далѣе онъ поставляетъ на видъ о существующемъ къ этой цѣли маломъ числѣ духовныхъ наставленій, которыя бы съ краткимъ изъясненіемъ вѣры и нравоученія евангельскаго, могли послужить первому невысокому понятію отроковъ, но еще менѣе того примѣчается, по словамъ автора, охоты и попеченія о томъ у родителей относительно дѣтей своихъ, особливо въ настоящія времена, въ которыя упражненіе въ свѣтскихъ наукахъ предпочитается спасительному знанію закона, которое есть начало премудрости, и въ которыя отдаютъ всѣхъ себя „въ наученія странна и различна", а благодатію духовнаго наставленія не утверждаютъ слабыя свои сердца". „И сіе то", замѣчаетъ авторъ, „притчиною есть, что въ немалой части христіанъ примѣчается столько распустныхъ нравовъ, своевольства и самыхъ развращенныхъ мнѣній".

Сочиненіе Платона расположено въ слѣдующихъ трехъ главныхъ частяхъ: 1. О Богопознаніи естественномъ.—2. О Богопознаніи утверждаемомъ на откровеніи. 3—О заповѣдяхъ закона или о нравоученіи; при чемъ онъ говоритъ, что означенное расположеніе книги

сдѣлано на основаніи естественнаго порядка: ибо мы начиная позна-ніе отъ естественнаго разсужденія, приходимъ потомъ къ откровенію. На послѣдней ненум. стр. эпиграфъ взятый изъ книги Премудрости Царя Соломона гл. 9, начинающійся словами: „Боже отцевъ и Господи! по милости Твоея сотворивый вся словомъ Твоимъ: даждь мнѣ Твоимъ Престоломъ присѣдящую премудрость, и не отрини мене отъ отроковъ Твоихъ: яко азъ рабъ Твой и сынъ рабыни Твоея, человѣкъ немощенъ, и мало временевъ и умаленъ въ разумѣ суда и законовъ"...

Въ концѣ первой части, содержащей въ себѣ ученіе о Богопознаніи естественномъ, руководствующемъ къ вѣрѣ евангельской (стр. 1—27), находится слѣдующее примѣчаніе: „Доселѣ изъ разсужденія здраваго разума доказываемо было, приводя ко изъясненію пристойныя изъ св. Писанія мѣста; но слѣдующая часть на единомъ Божіемъ словѣ утверждается; хотя ко изъясненію того жъ и естественныя понятія служить могутъ".—Въ концѣ второй: „Здѣсь заключается все, что надлежитъ до вѣры и надежды, первѣйшихъ христіанскихъ добродѣтелей"; и въ концѣ третьей приложены: молитва Господня съ изъясненіемъ, и четыре необходимыхъ на каждый день. За тѣмъ слѣдуетъ „Разсужденіе о Мельхиседекѣ, Его Императорскому Высочеству, поднесенное 1764 года мѣсяца Ноября. Здѣсь іеромонахомъ Платономъ, вслѣдствіе желанія в. князя, собраны, на основаніи Св. Писанія, всѣ свѣдѣнія о царѣ Салимскомъ и Священникѣ Бога Вышняго, какъ первообразѣ верховнаго священника Іисуса Христа; на это изслѣдованіе авторъ его получилъ отвѣтъ ученика своего вслѣдъ за тѣмъ помѣщенный подъ заглавіемъ: „На оное разсужденіе Его Императорское Высочество удостоилъ сочинителя слѣдующимъ письменнымъ отвѣтомъ". Въ этомъ отвѣтѣ, помѣченномъ Ноября 20 дня 1764 году", за подписью Павла, и сочиненномъ безъ сомнѣнія, не малолѣтнимъ ученикомъ Платона, между прочимъ превозносится польза и наслажденіе доставляемыя науками, но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ мнѣніемъ законоучителя, выраженномъ въ началѣ книги, говорится о томъ чтобъ распространяемое ими просвѣщеніе имѣло непремѣннымъ основаніемъ законъ Божій, котораго твердое наставленіе должно предшествовать прилежному къ наукамъ руководству [1].

---

[1] Православное Ученіе съ разсужденіемъ о Мельхиседекѣ и отвѣтомъ перепечатано въ VII томѣ сочиненій Преосвящ. Платона, начатыхъ изданіемъ съ 1799 года, подъ заглавіемъ: „Его Императорскаго Высочества Учителя въ Законѣ и Проповѣдника Придворнаго, Св. Правительствующаго Синода Члена,

„Православное Ученіе" Платона напечатано въ томъ же году въ Москвѣ, церковнымъ и гражданскимъ шрифтомъ, и многократно повторялось. Оно переведено на латинскій, нѣмецкій, англійскій, французскій, голландскій, греческій, армянскій, грузинскій и болгарскій языки. Латинскій переводъ, сдѣланный въ Геттингенѣ студентомъ Дмитріемъ Семеновымъ Рудневымъ (впослѣдствіи епископъ Дамаскинъ) издателемъ сочиненій Платона, напечатанъ въ Петербургѣ при Акад. Наукъ 1774 г. [1]; нѣмецкій въ Ригѣ г. Роде и Лейпцигѣ 1770 г.— французскій, бывшаго при парижскомъ посольствѣ священника Семена Матвѣева, и напечатанный въ Петербургѣ 1776 г.; греческій (простаго языка), со многими примѣчаніями въ Вѣнѣ 1786 г.; англійскій г. Пинкерстона въ Эдимбургѣ 1815 г.; голландскій, сдѣланный по утвержденію нѣкоторыхъ съ англійскаго перевода, напечатанъ въ Нидерландскомъ королевствѣ, а грузинскій и армянскій не были изданы. Наконецъ извѣстенъ Болгарскій переводъ священноинока Іларіона Стоянова Еленчанина, напечатанный въ Царьградѣ 1844 года 8° [2].

№ 98. **Сочиненія и Переводы Владимера Лукина. Часть первая.**—Въ Санктпетербургѣ 1765 года. Продается въ Миліонной улицѣ близъ стараго Зимняго двора у переплетчика Г. Миллера; цѣна 60 копѣекъ. 12°. 13 ненум. стр.: (Заглавн. листъ, посвященіе, извѣстіе, погрѣшности) XXXI (предислов. къ комед. Мотъ) и 215 (1—150): Комедія Мотъ; (151—156): (предислов. къ комед. Пустомеля); (157—215): Комед. Пустомеля.—**Часть вторая.** Въ Санктпетербургѣ 1765 года. Продается въ Милліонной улицѣ, близъ стараго Зимняго дворца у переплетчика Г. Миллера; цѣна 70 коп. 12°. 2 нен. (Заглавн. листъ и оглавленіе) XXVII (предислов. къ комед. Награжд. Постоянство) и 245. (1—144): Комед. Награжд. Пост.; (145—161): Письмо къ Г. Ельчанинову; (162—167) (предислов. къ ком. Щепетильникъ); (169—245): Ком. Щепетильникъ.

Сопик. ч, 4. № 11164.—Смирд. ч. IV. № 6844.—Митр. Евген. Слов. 1745. т. 2 стр. 36.—Макаровъ Репертуаръ и Пантеонъ 1841 г. матеріалы для истор. русск. театра. Влад. Лукинъ драм. писат. 1765 г.—Геннади, Справочн. Слов. о

Преосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Московскаго и Калужскаго и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандрита Поучительныя Слова и другія сочиненія, отъ Московской Академіи выпечатанныя—[1]. Митр. Евген. Слов. писат. Духовн. чина, изд. 1827. ч. II. стр. 181.—[2]. Тамъ же, стр. 183 и 184.

русск. писат. т. 2. стр. 261.—П. Ефремовъ. Трутень Новикова 1769—1770. изд. третье 1865. Прим. къ 1769 году, стр. 333.—Русск. Писатели, Сочинен. и Перевод. В. И. Лукина. Спб. 1768.

Въ началѣ книги помѣщено напечатанное курсивомъ „приписаніе" книги Ивану Перфильевичу Елагину, которое приводится здѣсь вполнѣ и съ соблюденіемъ правописанія автора, не смотря на то что было уже перепечатано въ изданіи Глазунова: „Русск. Писат. Лукинъ и Ельчаниновъ": „М. Г. Пользуясь благодѣяніемъ Вашего Превосходительства, ежедневно ко мнѣ умножающимся, съ прискорбіемъ вижу, что за него услугами моими не возмогу я отплатить достойно. Единая моя благодарность удобна доказать, колико я за то чувствителенъ, и колико жаждущъ засвидѣтельствовать мое къ вамъ нелѣстное почтеніе и усердную преданность. Желалъ бы я въ томъ и вещественно васъ удостовѣрить; но способовъ не имѣю. Произволеніемъ судьбины пресѣченъ мнѣ путь ко всякой отплатѣ за ваше великодушное обо мнѣ призрѣніе. Я родился на свѣтъ къ принятію одолженій отъ сердецъ великодушныхъ, и до сего времени по неимуществу моему и тѣмъ людямъ, кои меня бѣдные, иныя помощи, кромѣ искренняго о нихъ сожалѣнія и нелицемѣрнаго о достоинствахъ ихъ отзыва, подавать не могу [1]. А есть ли бы я когда піесть и пришелъ въ такое избыточное состояніе, въ коемъ возмогъ бы моему благодѣтелю отплатить за оказанныя мнѣ милости; то и тутъ не имѣлъ бы сего удовольствія. Всякое за благотворенія мздопріятіе, и

---

[1] Такъ какъ посвященіе книги, и слѣдующее за нимъ извѣстіе, содержатъ въ себѣ нѣкоторыя данныя относящіяся къ біографіи Лукина, и что для насъ важнѣе, намеки на тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ онъ находился въ продолженіи своей литературной дѣятельности, то считаемъ не лишнимъ присовокупить сюда слѣдующія извѣстія, извлеченныя изъ статьи о Лукинѣ А. Н. Пыпина въ изданіи: „Русск. Писат. Соч. и перев. В. И. Лукина и Ельчанинова. Спб. 1868. стр. 1—LXXII". Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ родился въ 1737 году, и происходилъ изъ какого-то невысокаго званія, которое давало дворянину Фонъ-Визину случай попрекать его породой. Гдѣ и чему онъ успѣлъ научиться въ молодости, какъ поступилъ на службу, неизвѣстно. Съ первыми извѣстіями объ немъ, мы находимъ его на службѣ въ придворномъ вѣдомствѣ, въ которомъ онъ остался до конца своихъ дней. Литературные непріятели попрекали его еще званіемъ „кописта" чѣмъ онъ, вѣроятно и попалъ въ первый разъ въ эту службу; здѣсь его покровителемъ былъ Елагинъ, черезъ котораго онъ вышелъ потомъ въ люди. Тотъ же Елагинъ былъ, по тогдашнему обычаю, меценатомъ и руководителемъ, при помощи котораго Лукинъ вступилъ на литературное поприще. (тамъ же стр. III.)

всякая корысть единый видъ неблагопристойности имѣющая, гнусна въ глазахъ вашихъ. Вы не для полученія отплаты помогаете въ нуждѣ сущимъ; но для показанія врожденнаго въ васъ человѣколюбія. Все сіе знаю я опытами, и не отрекусь во всякое время то же объ васъ сказать, что теперь сказываю, потому что не чинъ вашъ и не милость къ вамъ государская, а достоинствы ваши меня оное говорить заставляютъ. Но въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ не остается мнѣ, милостивый государь, ничѣмъ изъявить моей къ вамъ искренности, кромѣ весьма слабыя жертвы, теперь приносимыя. Она состоитъ въ надписаніи Вашему Превосходительству начальныхъ моихъ трудовъ въ словесныхъ наукахъ, въ первой части изданныхъ. Я уповаю, что вы здѣлавъ мнѣ къ письменамъ поощреніе, приношенія моего не отвергнете. Оно происходитъ отъ сердца благодарностію къ вамъ преисполненнаго, и отъ такого, которое нынѣ лучшаго чувствительности своей знака, произвесть не въ силахъ. При томъ же и самая хула на мою комедію здѣланная [1], меня къ тому побуждаетъ. Она отъ завистниковъ къ предосужденію была изреченна; но послужила къ совершенному мнѣ удовольствію. Отъ многихъ я слышалъ, что нѣкоторые зрители, сумнѣваясь во мнѣ, приписывали сочиненіе мое перу вашему. Сей слухъ несказанно меня обрадовалъ, польстивъ мнѣ, что я конечно уже до того по нѣскольку достигнулъ, къ чему всѣ мои желанія стремились; ибо сумнѣніе зрителей увѣряло меня, что въ моемъ слогѣ видѣнъ учитель мой [2].

Не отрекитесь, милостивый государь! удостоить принятіемъ трудовъ моихъ. Въ приписаніи моемъ нѣтъ сѣтей къ уловленію добрыхъ сердецъ разставленныхъ; нѣтъ въ немъ скрытыя отравы, то есть: похвалы лестныя и излишнія, къ сплѣтенію коей я не пріобыкъ и

[1] Мотъ любовію исправленной.

[2] Макаровъ расказываетъ со словъ сенатора Гавріила Алексѣевича Кропотова, знавшаго лично Лукина: „Сами Сумароковъ и Майковъ не надѣясь, чтобы неизвѣстный Лукинъ хотябы что-нибудь могъ написать порядочно, приписывали всѣ его сочиненія Елагину--по слогу; а слогъ Елагина тогда почитался однимъ изъ наилучшихъ!“ (Реперт. и Пант. 1844. стр. 466). Лукинъ началъ свои труды подъ покровительствомъ Елагина, который поощрилъ его литературныя занятія и игралъ въ отношеніи къ нему роль не только мецената, но и наставника и руководителя въ литературныхъ вещахъ. Подобное покровительство было въ большомъ ходу въ то время; и для Лукина такимъ наставникомъ всего скорѣе могъ быть Елагинъ, начальникъ его по службѣ, и потому, что Елагинъ въ то время уже составилъ себѣ репутацію хорошаго писателя и переводчика. Современники отзывались съ большимъ уваженіемъ о его трудахъ (Пыпина. В. И. Лукинъ стр. IX).

не пріобыкну. Я приношу вамъ труды мои, какъ ученикъ вашъ, и купно человѣкъ вами одолженный, и изъясняю нелѣстныя мои мысли которыя вѣчно во мнѣ пребудутъ...“—Въ слѣдующемъ затѣмъ „Извѣстіи“ Лукинъ говоритъ: „Сердце мое мнѣ предвѣщаетъ, что многіе люди, коимъ не припишу я имени прилагательнаго, а оставлю на догадку читателей, будутъ меня безъ всякія пощады не только осуждать, но и бранить за то, что я издаю частями мои сочиненія и переводы. Станутъ они разныя въ хулу мнѣ приписывать притчины на примѣръ: что виною тому мое самолюбіе, незнаніе и проч... Скажутъ они что надлежало бы мнѣ обождать и написать что нибудь получше, для того, что и довнопишущіе, не издаютъ собранія своихъ сочиненій. На сіе могъ я имъ сказать, что тѣ господа писатели может быть имѣютъ неизвѣстныя мнѣ притчины не выдавать вдругъ трудовъ своихъ; а я, по моимъ обстоятельствамъ, принужденъ мои выдать, и за то всѣмъ строгимъ судіямъ не долженствую ни малымъ отчетомъ. Однако удаляяся отъ таковыхъ колкихъ отвѣтовъ, которые нерѣдко и въ ссоры заводятъ, скажу всѣмъ моимъ читателямъ истинное мое намѣреніе. Я предпріялъ чрезъ сіе изданіе сохранить переведенныя мною изъ дѣлъ чужихъ писателей и на наши нравы исправленныя коммедіи и прочіе мѣлкіе переводы, которые навсегда, по содержанію ихъ, чтенія достойны. И сіе дерзновеніе пріемлю я болѣе для переводовъ, нежели для собственныхъ моихъ сочиненій, и по совѣсти моей могу въ томъ побожиться; чему всѣ тѣ люди, которые совѣсть имѣютъ, не премѣнно мнѣ повѣрятъ, а кто ея не имѣетъ, до того мнѣ и нужды нѣтъ, потому что и хула таковаго переговорщика въ похвалу мнѣ послужитъ. Вѣрьте, любители словесныхъ наукъ, что я для удовольствія вашего печатаю труды мои изъ другихъ Авторовъ запмствованные и мною сочиненные, которые почастямъ выдавать буду“.

Ни одна изъ комедій вошедшихъ въ изданіе „Сочиненій и Переводовъ“ 1765 года, не была до того времени напечатана, и всѣ онѣ кромѣ „Мота“, передѣлки „Пустомеля“ изъ „le Babillard“ Буасси представленъ былъ, какъ означено въ заглавіи пьесы „на придворномъ россійскомъ театрѣ“, вмѣстѣ съ „Мотомъ“; комедія „Награжденное Постоянство“ передѣлана изъ „L'amante amant“ Кампистрона; „Щепетильникъ“ изъ французской пьесы „Boutique de bijoutier“ переведенной съ англійскаго. Онѣ были впослѣдствіи перепечатаны въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ“ безъ перемѣнъ, но съ пропускомъ предисловій и имени автора; первая (ч. XIX. стр. 5—150, 1788); вторая (ч. XXXV. стр. 273—348. 1790) и третья (ч. XXXVI, стр. 5—146, 1790).

Далеко не признавая авторитетъ Сумарокова, Лукинъ смѣялся надъ нимъ за его диктаторскій тонъ, который любилъ принимать на себя „отецъ русскаго театра"; намеки на Сумарокова и произведенія его встрѣчаются въ „предисловіяхъ" Лукина, въ которыхъ послѣдній обнаруживаетъ замѣчательное для того времени стремленіе къ національности, страстную любовь къ театру и пониманіе его требованій.— Высоко могло бы стоять имя Лукина въ исторіи драматической нашей литературы, если бы онъ имѣлъ на столько дарованія, чтобы примѣнить теорію свою къ дѣлу; тѣмъ не менѣе помянутыя „предисловія" являютъ намъ его умнымъ человѣкомъ, за сто двадцать лѣтъ дѣльно разсуждавшимъ о томъ, какъ должно понимать комедію, и старавшимся объяснить современныя ему требованія драматическаго искусства. Протестъ Лукина, хотя и не совсѣмъ ясно выраженный, противъ тогдашняго состоянія русскаго театра не можетъ не обратить на себя вниманія; онъ съ сознаніемъ указываетъ на тотъ ложный путь, по которому шли комики наши до Фонвизина. Въ предисловіи къ „Моту", Лукинъ прежде всего объясняетъ причины побудившія его написать эту комедію, и за тѣмъ показываетъ, что передѣлано или введено противъ пьесы „Dissipateur"Де-Туша, взятаго имъ за образецъ.— „Сочинивъ сію комедію", говоритъ онъ, читалъ я ее знакомымъ мнѣ молодымъ писателямъ, потому что изъ старыхъ, иные мнѣ вовсе не знакомы, а иные очень мало; къ инымъ же, какъ я, такъ и прочіе молодые писатели съ бѣдными нашими трудами подступить не смѣютъ; ибо они и не читавши нашихъ сочиненій, не только вовсе ихъ осуждаютъ, но и насъ называютъ дураками и дерзновенными невѣжами, за то, что при нихъ жизни за перо принимаемся, а иные изъ нихъ и названіе старыхъ писцовъ (писателей), только по числу лѣтъ, а не по достоинству трудовъ своихъ присвоиваютъ...."—Далѣе авторъ „предисловія" открываетъ истинную причину негодованія „осуждателей" молодыхъ писателей: „Долго не могъ я понять, изъ какого источника истекаетъ на насъ хула и всегдашнее начальныхъ нашихъ трудовъ осужденіе..... но наконецъ узналъ истинную тому притчину. Они желаютъ отъ насъ раболѣпствія, что бы мы сперьва ползая у ногъ ихъ испросили разрѣшенія къ писанію; и потомъ написавши приходили бы къ нимъ въ праздничный день, когда у нихъ гостей побольше бываетъ, съ сочиненіемъ нашимъ, и униженно бы просили исправленія нашихъ погрѣшностей".... „Между тѣмъ" продолжаетъ онъ далѣе, „смертельно того ненавидящіе, что другіе люди за полезное упражненіе принимаются, услышавъ о комедіи моей, разныя внущали о ней толкованія. Самохваловъ говорилъ: смѣшно де и слышать, что

уже и Лукинъ комедію здѣлалъ..... А! Да ето вить Мотъ будетъ. Такъ мы увидимъ худой переводъ Детушева Диссипатора, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченной"..... Короче сказать, много было разныхъ на меня хулителей, изъ которыхъ иные не читавъ моего Мота, а иные и меня вовсе не зная, вообще его опровергали. А мнимо властный судія въ нашихъ словесныхъ наукахъ [1], присуждалъ меня изъ города выгнать, за то, что я отважился здѣлать драмму пятиактную, и тѣмъ здѣлалъ въ молодыхъ людяхъ заразу"..... Лукинъ между прочимъ описываетъ слѣдующимъ образомъ первое представленіе своего „Мота": „Въ среду, въ 5 часовъ, почти весь партеръ наполнился; а ложи и того ранѣе. Пронесся слухъ: „будетъ де играна новая Руская Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.... началась комедія. Первое дѣйствіе до конца прошумѣли, прокашляли, просморкали и табакъ пронюхали; а два главные языка своего ненавистника, Пустозвяковъ и Чужехватовъ, разносили по партеру прошлогодніа вѣдомости, сказавши зрителямъ, что веселяе ихъ читать, нежели представляемой вздоръ слушать. Второе дѣйствіе побудило зрителей ко вниманію; а въ послѣдующихъ была тишина рѣдко случающаяся. Словомъ, въ противность желанія моихъ ненавистниковъ, комедія большой успѣхъ имѣла, нежели я уповать могъ, и я удостоился за нее благоволенія Государя Наслѣдника нашего, и получилъ привѣтствіе отъ многихъ зрителей.... [2] Вмѣстѣ съ тѣмъ Лукинъ сознается, что успѣхомъ комедіи своей обязанъ артистамъ въ ней участвовавшимъ, изъ которыхъ и называетъ болѣе выдававшихся своею игрой: „Дмитревскаго, Попова, Шумскаго и артистку Михайлову; при чемъ говоритъ: „Дѣлая комедію, и зная хорошо Актеровъ, старался я лица дѣйствующія сочинять свойственно съ ихъ способностями, что далѣе и объясняетъ. „Вѣдомость о комедіи моей" продолжаетъ Лукинъ, „тогожъ вечера достигла до Всемилостивѣйшей Государыни. Приказано оную вторично представить, что чрезъ пять дней и исполнено. Въ ономъ представленіи имѣла она тотъ же успѣхъ какъ и въ первомъ; и я, какъ уже выше сказано, удостоился благоволенія моей Монархини, поощряющаго меня къ продолженію"... [3]—

---

[1] Намекъ на Сумарокова, одного изъ недоброхотовъ Лукина; Фонвизинъ сдѣлался также врагомъ его, встрѣтившись съ нимъ у Елагина; но злѣйшими непріятелями Лукина явились журналы 1769—1770 годовъ. На него возстали „Всячина, Смѣсь, Трутень, Адская Почта и Полезное съ Пріятнымъ." (Русск. Сатирич. журналы А Афанасьева. 1859). Впрочемъ „Всячина" его потомъ защищала (стр. 83—88).—[2] Сочин. и Перев. В. Лукина. ч. I. Предисл. къ „Моту" стр. XXIV—XXV.—[3] Тамъ же стр. XXVII—XXVIII.

Въ предисловіи написанномъ къ комедіи „Пустомеля", авторъ называя ее „смѣхотворною" говоритъ что хотѣлъ было „начеркать"[1] къ ней не весьма лаконическое предисловіе, но изрѣченіе, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія", отъ этого его удержало. Здѣсь объясняетъ онъ читателю, что передѣлка комедіи не есть присвоеніе чужаго труда, если трудившійся надъ ней, не выдаетъ ее за собственное свое произведеніе; причемъ указываетъ на „осуждателей" своихъ дѣлающихъ то же, но съ тою разницею, что они по словамъ басни, подобно воронѣ украшаютъ себя чужими перьями; за тѣмъ онъ упоминаетъ о прочитанныхъ имъ нѣкогда комедіяхъ, весьма похожихъ на старинныя наши игрища, написанныхъ будто бы „строгими судіями", которые почитаютъ ихъ въ правилахъ театральныхъ расположенными и порядочно въ карактирахъ выдержанными, и предлагаютъ начинающимъ писателямъ въ примѣръ комическихъ сочиненій. Но противъ ожиданія самихъ наставниковъ, не находится въ этихъ прозведеніяхъ ни завязки, ни развязки, и что они сверхъ того оказываются неудачно выкраденными изъ иностранныхъ писателай; и „къ стыду нашему", говоритъ авторъ предисловія, „по не свойству характеровъ, и по странному расположенію и сплѣтенію, на нашъ языкъ почти силою втащены. Хотѣлъ бы я спросить: почто онымъ господамъ собственная ихъ, изъ вѣтоши „перекропышь" постыдною не кажется". Наконецъ Лукинъ называетъ порицателей своихъ людьми, которые и безъ очковъ у ближняго сучокъ въ глазахъ видятъ, а у себя и въ микроскопъ цѣлаго бревна не усматриваютъ[2]... Заимствовать не обходимо надлежитъ, мы на то рожденны, но надлежитъ въ томъ признаться; а чужое присвоивать есть дѣло весьма непохвалъное. Полно нынѣ такой вѣкъ, что во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ, и искусненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе".... Въ заключеніе, онъ обращается съ благодарностью къ актеру Дмитревскому, исполнявшему роль „Пустомели", бывшей для этого артиста „опытною" т. е. пробною ролью; прочіе артисты по словамъ автора „достаточно содѣйствовали успѣху пьесы".

Предисловіе къ комедіи „Награжденное Постоянство", Лукинъ начинаетъ опроверженіями „осуждателей и поносителей своихъ, которыхъ обличаетъ въ голословныхъ и бездоказательныхъ порицаніяхъ его трудовъ, чѣмъ они по словамъ его обнаруживаютъ незнаніе того, что „брани не суть доказательства".... Лишь только они (осуждатели)

---

[1] Одно изъ любимыхъ выраженій Лукина, не рѣдко имъ употреблявшееся.
[2] Соч. и перев. Предисловіе къ Пустом. ч. I. стр. 153—154.

провѣдали „говоритъ онъ", что я комедіи мои печатать отдалъ, то съ того же часа начали поносить меня и оное ежедневно усугубляютъ. Что же мнѣ противъ нихъ дѣлать? Лучше всего оставить ихъ въ покоѣ. Пусть они на бездѣльѣ языкъ чешутъ"....[1]—Лукинъ перевелъ по словамъ его: „Награжденное Постоянство" „уже тому блиско трехъ лѣтъ", подъ названіемъ: „Любовницею Любовникъ (L'Amante Amant), но потомъ замѣнилъ его другимъ, такъ какъ первое названіе „весьма не изобразительно." Переводныя пьесы не удовлетворяли Лукина, и онъ пустился въ передѣлки; но къ сожалѣнію въ нихъ было мало оригинальнаго, и все дѣло заключалось только въ измѣненіи внѣшностей: „мнѣ всегда несвойственно казалось", говоритъ онъ, „слышать чужестранныя рѣченіи въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не столько общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лицы, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Циталидою и Кладиною; и говоритъ рѣчи не наши поведеніи знаменующіе".... И естьли говорить истинну, то всякой невычищенной, то есть на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, несклоненной въ драммѣ образецъ, покажется на театрѣ ничто иное какъ смѣсь, иногда русской, иногда французской, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры на себѣ имѣющей".... [2] За тѣмъ авторъ предисловія приводитъ примѣръ могущихъ произойти на русской сценѣ несообразностей отъ подобнаго „смѣшенія" русскихъ нравовъ съ французскими. Съ самаго начала „преложенія" комедіи, началпсь по словамъ Лукина „безпричинное, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестокое негодованіе нѣкоторыхъ людей за сіе не только невинное, но и доброжелательное намѣреніе"; этой же участи подверглись по словамъ его три комедіи въ прошломъ (1764) году: „Французъ Русскій", изъ театра Гольберга, переведенная Елагинымъ; въ примѣчаніи (внизу стр.) Лукинъ говоритъ, что въ этой комедіи четыре главныя лица—герой, его отецъ, мать и тесть „живо нашихъ обрасцовъ представляютъ, и сія комедія очень нужна для отученія многихъ молодчиковъ отъ вздорнаго и постыднаго французскимъ шалостямъ подражанія"; вторая—„Каріонъ"—Фонвизина и „Награжденная Добродѣтель"—Ельчанинова. По общепринятому въ то время мнѣнію, которое, какъ мы видимъ, вполнѣ раздѣлялъ и Лу-

---

[1] Соч. и перев. Предисл. къ „Награжд. Постоянств." ч. 2. стр. III.—[2] Тамъ же стр. VI.

кинъ, что цѣль комедіи—исправлять наши общественные пороки, то ему казалось, что пьеса изображающая чужіе нравы, съ дѣйствующими лицами носящими непонятныя большинству зрителей имена, званія и костюмы, не можетъ благотворно вліять на нравственность русскаго общества.

Продолжая защищаться отъ „ругателей" и отстаивать пользу „преложенія" комедій на русскіе нравы, Лукинъ, упоминая о той брани, которая встрѣтила едва успѣвшую показаться на сценѣ „Пустомелю", говоритъ что судьи его не столько нападали на комедію, сколько на него самого, за что онъ называетъ ихъ „пустозвяками", такъ какъ всѣ ихъ опроверженія „въ болтаніи заключаются" и побожиться можно, что какъ въ ихъ рѣчахъ никто не сыщетъ, не только сильнаго правильнаго возраженія, но и простонародныхъ мыслей; а услышитъ одинъ крикъ; а они лишь слѣдующими словами всегда мнѣніе свое утверждаютъ: „Передѣлывать комедіи стыдно для прелагателя; а потому безчестно и для его одноземцевъ. Лучше де свои подлинныя дѣлать, или надъ чѣмъ нибудь полезнымъ трудиться".... На это Лукинъ наивно возражаетъ, „что желалъ бы и онъ сочинять наши подлинныя комедіи, но не только что силъ, да и времени для того не имѣетъ".... Для большаго оправданія стремленія своего „къ преложеніямъ", онъ указываетъ на многихъ знаменитыхъ драматическихъ писателей, въ числѣ которыхъ называетъ Де-Туша, Вольтера, Мольера и нѣкоторыхъ другихъ, съ поименованіемъ образцовъ, служившихъ имъ для передѣлокъ. На могущій послѣдовать ему отвѣтъ, что названные писатели подражали, но не передѣлывали, Лукинъ объясняетъ разницу между подражаніемъ и передѣлкою: „Подражать", говоритъ онъ, „значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное, и такъ нѣсколько заимствовать, а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить; а протчее, то есть главное оставить и склонять на свои нравы".... Разсуждая о комедіяхъ и доказывая пользу и необходимость „склонять ихъ на наши нравы", такъ какъ „словесный" переводъ всѣхъ содержащихся въ нихъ и служащихъ для нихъ украшеніемъ шутокъ и острыхъ словъ, для многихъ будутъ непонятны, „и что осмѣеваемые въ комедіи образцы" изъясняются не сообразно съ нашими нравами и одѣты въ чужеземные костюмы, Лукинъ справедливо замѣчаетъ что „французъ, Англичанинъ, Нѣмецъ и прочіе народы, театры имѣющіе, держатся всегда своихъ образцовъ, коихъ они изображаютъ, а чужихъ изрѣдка, да и то побочно вводятъ; для чего же и намъ не своихъ держаться?..."[1]

---

[1] Соч. и Перевод. Предисл. стр. XVI.

Жалуясь на недоброжелательство своихъ судей, не хотящихъ понять цѣль его трудовъ, Лукинъ негодуетъ также на непониманіе и равнодушіе зрителей, которымъ нѣтъ дѣла до того: „свойственная ли нашимъ нравамъ комедія представляется, или и виду сходствія не имѣющая? Они только лишь желаютъ чтобы имъ посмѣяться!“....; при чемъ указываетъ на свидѣтельствующую о томъ комедію Мольера „Принужденная Женидьба“: „въ ней“ говоритъ Лукинъ, услышишь неутишающее хохотаніе; а чему? Двумъ, не только нашимъ обычаямъ, но и всему естеству несходственнымъ лицамъ. Панкратъ лишь появится, то вздорнымъ своимъ болтаніемъ, или лучше сказать крикомъ, до тѣхъ поръ смѣшитъ, покуда Сганарель каменьями его не прогонитъ. Большая часть изъ нихъ не знаютъ истиннаго слову Педантъ понятія, и когда имъ сіе неизвѣстно, то уже кольми паче не свѣдомы имъ латинскія рѣченіи и наименованіи наукъ въ рѣчь Панкратову вплетенныя. На смѣну Панкрату выйдетъ Марфуріусъ. Тихій его разговоръ, или лучше сказать, длинная шапка, а паче всего палка, которою Сганарель его потчуетъ, потому что рѣчей его всѣмъ зрителямъ и слышать не можно, опять новый шумъ производитъ, и тутъ смѣляе еще, за бо́льшую часть зрителей положиться можно, что они не вѣдаютъ, чему смѣются. Не извѣстно многимъ изъ нихъ, что такое Пироники, скоты они или люди; а которые уже наслышались что они люди, такъ и тѣ того не вѣдаютъ, что въ нихъ смѣху достойно... Онъ осуждаетъ также и тѣхъ зрителей, которымъ не только не кажутся неприличными въ переводныхъ комедіяхъ, обычаямъ нашимъ, имена дѣйствующихъ лицъ, и „протчія рѣченія чужеземскія дѣла образующія;“ но что они и въ подлинныхъ тоже видѣть желаютъ. Сіи слова утверждаютъ они тѣмъ, что къ таковымъ комедіямъ они уже привыкли. Пусть же они при сей привычкѣ и останутся; ибо какъ я, такъ и нѣсколько протчихъ людей, нынѣ по склонности своей въ театральныхъ дѣлахъ трудящихся, не для нихъ время тратятъ, но употребляютъ оное для тѣхъ, которые истинный вкусъ имѣютъ. Оныя же къ иностраннымъ комедіямъ привыкшія, говорятъ, что они бы всегда хотѣли видѣть театръ россійской въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ съ начала. По этова я съ ними вмѣстѣ не пожелаю, когда уже и того не хочу, чтобы и они вѣчно таковыми остались, каковы теперя“...

Лукинъ оканчиваетъ предисловіе жалобой на то, что у насъ нѣтъ никакаго сочиненія, могущаго служить руководствомъ для писателей, начинающихъ упражняться въ драматическомъ искусствѣ, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ, какъ бы мимоходомъ брошенныхъ въ „Эпистолѣ

Сумарокова". Вслѣдствіе чего можно, по мнѣнію его, простить погрѣшности встрѣчающіяся у молодыхъ писателей, такъ какъ они не видали оригинальныхъ комедій на русскомъ языкѣ, и не читали ни о какихъ сценическихъ условіяхъ, и кто изъ нихъ хотя малый успѣхъ имѣлъ, то обязанъ самому себѣ, тѣмъ, что знаетъ иностранные языки, или заимствовалъ свѣдѣнія отъ знатоковъ драматическаго искусства. За тѣмъ обращаясь къ своей комедіи „Награжденное Постоянство", Лукинъ говоритъ: „Увидѣвъ что нещастную мою комедію, и по выправкѣ, опять болѣе года не представляютъ, и услышавъ что многіе говорятъ, будто бы она для дурнаго перевода играніемъ не удостоена, намѣрился я ее напечатать"... Онъ выражаетъ надежду, что она будетъ благосклонно принята читателями, и что можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ пожалѣютъ что не увидятъ ее на сценѣ, между тѣмъ какъ она по содержанію, безъ сомнѣнія не хуже „Привидѣнія съ барабаномъ, „Генриха и Перниллы" Скапиновыхъ обмановъ", и прочихъ подобныхъ комедій.

Въ письмѣ къ другу своему, Богдану Егоровичу Ельчанинову, Лукинъ, посвящая ему комедію свою „Щепетильникъ", сознается что голова его при помощи помянутаго друга, ни мало не трудилась, но только правая рука называемая имъ „скородѣлка" нѣсколько часовъ „черкала" на бумагѣ, тогда какъ мысли его къ несчастью не столь быстры: что и заставляютъ эту руку останавливаться и класть перо.— Убѣждаемый другомъ своимъ къ „преложенію на наши нравы" англійской сатиры „Boutique de bijoutier" не только солью, но и селитрой исполненной", онъ прочиталъ ее въ одинъ день два раза; и чѣмъ болѣе въ нее вникалъ, тѣмъ менѣе надѣялся справиться съ работой, отъ которой и прежде всегда отказывался въ виду предстоящихъ трудностей; наконецъ, утомленный, и цѣлый день о ней думая, но не рѣшаясь однако приняться за ея „преложеніе", легъ спать и увидѣлъ ее во снѣ. „Вдругъ узналъ я себя", разсказываетъ авторъ письма, „не знаю какимъ случаемъ въ числѣ зрителей комедіи, на всенародномъ театрѣ представленной. Но какой же комедіи! Самой той, о которой довольную отъ тебя вытерпѣлъ я докуку, и которую тебѣ приписываю"... Здѣсь въ примѣчаніи слѣдуетъ любопытное сообщеніе объ этомъ всенародномъ театрѣ, составлявшемъ завѣтную мысль Лукина: „Со втораго дня Святыя Пасхи открылся сей театръ. Онъ здѣланъ на пустырѣ за малою Морскою. Нашъ нискія степени народъ толь великую жадность къ нему показалъ, что оставя другія свои забавы, изъ которыхъ иныя дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище збирался. Играютъ тутъ охотники изъ разныхъ мѣстъ

собранные, и между ними два три, есть довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезмѣрную. Сія народная потѣха можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но современемъ и писцовъ (писателей), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ слѣдствіи исправятся. Словомъ, я искренно тебя увѣряю, что сіе для народа упражненіе весьма полезно, и потому великія похвалы достойно". На этомъ „народномъ" театрѣ, по словамъ Лукина давались комедіи: „Скупой", „Лѣкарь по неволѣ", „Генрихъ и Пернилла", „Новопріѣзжіе", „Чадолюбіе" и „Привидѣніе съ барабаномъ". О своей комедіи онъ говоритъ что „Галантерейщикомъ" не назвалъ ее потому, что это бы значило „чужое слово написать нашими буквами, и потому далъ ей заглавіе: „Щепетильникъ"; въ защиту этого названія, оказалось необходимымъ, написать еще предисловіе, въ концѣ котораго, авторъ комедіи говоритъ что много сожалѣлъ о томъ, что она не можетъ быть играна, такъ какъ въ ней нѣтъ ни „любовнаго сплѣтенія, ниже завязки и развязки" какъ въ англійскомъ подлинникѣ, и она ничто иное „какъ характеры, на театръ выходящіе..." причемъ однако надѣется, что многіе будутъ ее читать, подобно прочимъ сатирическимъ сочиненіямъ, которыя и въ чтеніи приносятъ удовольствіе и пользу всякому читателю, съ добрымъ намѣреніемъ за книгу принимающемуся.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь свидѣтельство „Опыта историческаго Словаря" о произведеніяхъ Лукина. Новиковъ, одинъ изъ его современниковъ, не щадившій его какъ упомянуто выше, въ „Трутнѣ", спустя семь лѣтъ послѣ представленія его пьесъ и напечатанія „Сочиненій и Переводовъ", даетъ о немъ слѣдующій сдержанный и умѣренный отзывъ, несмотря на то, что вообще не скупился въ „Словарѣ" своемъ на похвалы: „сочинилъ комедію Мотъ любовію исправленной... она принята была изрядно, но сочинитель сей комедіи весьма много одолженъ Актерамъ ее представлявшимъ, какъ о томъ и самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняется. Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которымъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственныхъ къ тому платьемъ, зрителей весьма смѣшили. Онъ сочинилъ еще драму: Благодѣяніе пріобрѣтаетъ сердца, которая также напечатана, но не была представлена. Также перевелъ онъ и преложилъ на Рускія нравы нѣсколько комедій, кои всѣ напечатаны; иныя изъ нихъ играны и приняты довольно изрядно". („Опытъ" изд. 1772 стр. 131).

1766.

№ 99. Санктпетербургскій **Календарь** на лѣто отъ Рождества Христова 1766, которое есть **Простое** содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 135 ненум. стр. (счетъ съ загл. листа).

Геннади Справочн Слов. т. 2. стр. 95а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. 854. т. III. стр. 555.

Въ календарѣ на 1766 годъ, извѣщается о двухъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ затмѣніяхъ, изъ которыхъ первое солнечное будетъ 29 января, и видимо только въ южной части земнаго шара; второе 25 іюля, видимое во всей Сѣверной Америкѣ, и передъ захожденіемъ солнца, во всей почти Европѣ. За тѣмъ упомянуто объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно по исчисленію Лакалія будетъ усмотрѣно въ Петербургѣ. Лунныя затмѣнія послѣдуютъ: первое, видимое во всей Европѣ, 13 февраля, и второе 8 августа, нигдѣ не видимое, кромѣ Америки; далѣе, по вышепомянутому исчисленію, сообщено извѣстіе о томъ, при какихъ обстоятельствахъ означенное затмѣніе будетъ видимо въ Петербургѣ; при чемъ приложена табличка съ именами городовъ, гдѣ оно также будетъ усмотрѣно.—При „изъясненіи" календарныхъ знаковъ отброшены уже цвѣточекъ, топоръ, рожокъ и проч., означавшіе дни въ которые слѣдуетъ сѣять сѣмена, рубить дрова, пускать кровь, принимать слабительное и исполнять прочія потребности; однако остались еще предсказанія о состояніи погоды на цѣлую недѣлю. Въ приложеніяхъ къ календарю напечатана статья подъ заглавіемъ: Извѣстіе о Изобрѣтеніяхъ до долготы мѣста касающихся, содержащее исторію способовъ употребляемыхъ для опредѣленія точныхъ разностей между земными меридіанами; здѣсь достойно замѣчанія описаніе устройства первыхъ хронометровъ Гаррисономъ; при чемъ сообщается, что въ 1714 году, въ Англіи учреждена была особливая коммисія, на которую возложили изобрѣтеніе вѣрнѣйшихъ способовъ къ опредѣленію долготы на морѣ. Въ этой коммисіи между прочими присутствовали Ньютонъ, Вистонъ и Кларкъ; Ньютонъ, въ предложенномъ означеннымъ собраніемъ сочиненіи, исчислилъ всѣ средства служащія къ опредѣленію долготы на морѣ, и трудности каждаго изъ нихъ, вслѣдствіе чего, собраніе предложило правительству, чтобъ трудящимся въ столь полезномъ изобрѣтеніи назначено было награжденіе соотвѣтствующее задачѣ; членамъ коммисіи,

и особливо пяти изъ нихъ, предоставлено было право принимать всѣ предложенія конкуррентовъ, относящіяся къ поставленной задачѣ, и если которое изъ нихъ окажется на столько основательнымъ, что будетъ заслуживать опыта, то въ такомъ случаѣ, адмиралтейство обязывается выдать на то сумму въ размѣрѣ назначенномъ коммисіею, даже до двухъ тысячь фунтовъ стерлинговъ; въ то же самое время опредѣлено, за представленный способъ къ опредѣленію долготы на морѣ съ ошибкою не болѣе какъ на градусъ, выдать изобрѣтателю десять тысячь фунтовъ. Если же поэтому способу можно будетъ опредѣлить долготу на морѣ до двухъ третей градуса, то удостоить награды въ пятнадцать тысячь фунтовъ, и наконецъ двадцать тысячь фунтовъ тому, кто откроетъ способъ опредѣленія долготы на морѣ съ ошибкою не болѣе какъ на полградуса. Въ числѣ конкуррентовъ явился знаменитый впослѣдствіи Іоаннъ Гаррисонъ; имѣя въ виду присужденную коммисіей награду, онъ предпринялъ сдѣлать часы, которыя и на морѣ не сбивались бы съ ходу; между тѣмъ, многіе, сомнѣваясь въ успѣхѣ подобныхъ часовъ, хлопотали болѣе о приведеніи въ совершенство лунныхъ таблицъ.—„Сей славный художникъ" говоритъ издатель статьи о Гаррисонѣ, „будучи еще столяромъ, пришелъ въ Лондонъ, и посвятилъ себя часовому искусству, и въ 1726 году, сдѣлалъ часы, одни Астрономическіе, которые чрезъ цѣлый мѣсяцъ больше одной секунды разности въ ходу своемъ не показывали, а другіе морскіе съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ они отъ колебанія корабля не теряли порядочнаго ходу. Въ 1735 г., Галлей, Шмидтъ, Брадлей, Машинъ и Грегамъ дали Гаррисону письменное свидѣтельство въ томъ, что онъ изобрѣлъ и въ дѣйство произвелъ машину для вычисленія времени на морѣ, на такихъ основаніяхъ, что имъ кажется, что отъ оной довольной точности надѣяться должно, а потому они думаютъ что Гаррисонъ отвратилъ неравности въ ходу часовъ отъ перемѣны тепла, стужи и качанія корабля происходящія. Въ 1739 году, коммисія убѣдила Гаррисона окончить другую машину и обогатить ее новыми совершенствами; машина испытана была тепломъ, стужею и жесточайшими качаньями, нежели какимъ она могла подвержена быть на морѣ въ бурную погоду; окончаніе опытовъ доказала, что часы довольно вѣрны къ опредѣленію долготы мѣста, съ предписанною отъ Парламента точностью. Учиненныя Гаррисономъ опыты надъ двумя первыми машинами, въ состояніе его привели сдѣлать третью. Главное намѣреніе, котораго Гаррисонъ въ третьемъ опытѣ достигнуть старался, было то, чтобъ машину сдѣлать простяе; чтобъ она занимала меньше мѣста, чтобы другіе мастера подражая ей, мо-

гли подобныя дѣлать, и не требовали бы великаго иждивенія. Въ 1749 году, ноября 30 дня, г. Факсъ, президентъ Королевскаго Соціэтета наукъ говорилъ рѣчь, въ которой описывалъ, какія Гаррисонъ отъ времени до времени въ часахъ своихъ дѣлалъ для совершенства ихъ перемѣны; потомъ обратясь къ Гаррисону и вручая ему медаль, на которой было вырѣзано имя его, говорилъ: „Именемъ всего Королевскаго Соціэтета представляю вамъ сей слабый знакъ его къ вамъ почтенія; все собраніе чрезъ меня поздравляетъ васъ съ успѣхомъ. Я отъ всего сердца желаю, чтобъ опыты, которые вамъ еще дѣлать остается, соотвѣтствовали толь изрядному началу; чтобъ толь похвальные подвиги награждены были совершеннымъ успѣхомъ къ пользѣ вашей и къ прославленію вашего имени....“ и т. д. Послѣ этихъ ученыхъ почестей и послѣ испытанія часовъ въ путешествіи изъ Портсмута въ Портъ-Рояль и обратно, Гаррисонъ получилъ отъ парламента 10000 фунтовъ стерлинговъ; вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ наградилъ Эйлера 300 ф. ст., а наслѣдниковъ астронома Майера 3000 ф. ст., перваго за теорію луны, а послѣднихъ за лучшія таблицы, вычисленныя по этой теоріи Майеромъ.

Далѣе слѣдуетъ въ календарѣ: „Экстрактъ примѣченныхъ въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ погодъ и другихъ воздушныхъ явленій во всѣ мѣсяцы 1764 года“, и „Продолженіе хронологическаго показанія достопамятныхъ приключеній за 1764 г., до 23 декабря, и за 1765 годъ до 16 сентября; здѣсь между прочимъ упоминается о „Лагерѣ многочисленнаго Корпуса Россійскихъ Императорскихъ войскъ, собранныхъ подъ Краснымъ Селомъ въ Ингерманландіи, въ м. іюнѣ; и 7-го іюля. „Инавгурація Императорской Академіи Художествъ въ С. Петербургѣ“.

1767—1768.

№ 100. **Учрежденіе** Императорскаго Воспитательнаго для приносныхъ Дѣтей **Дома** и **Госпиталя** для бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ. III Части. Изданіе второе. При Императорской Академіи Наукъ 1767 года. Прибавленіе къ изданію трехъ частей **Генеральнаго Плана Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома**, для желающихъ вѣдать знатнѣйшія заведенія и произшествія служащія въ пользу Дому и Обществу.—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 1768 года. 4°. Въ первой части 47 ненум. (7. Представленіе, 5. Докладъ, 1. Оглавленіе, 3. Манифестъ, 1. именной указъ синода; 23. генеральный планъ Восп. дома и гос-

питаля; стихи, Предъувѣдомленіе) и 56 нум. стр. текста.—Во второй части: IX ненум. (отъ главнаго попечит. къ членамъ Опекун. Сов.—Донесеніе Е В. Указъ Сенату. Донесеніе о помѣщенн. высочайш. наставленій во 2-й и 3-й части) и 39 нум. стр. текста.—Въ третей части: (Оглавленіе на об. загл. листа) и 94 нум. стр.—Прибавленіе. (Оглавл. на об. загл. листа) и III нум. стр. текста (стр. 3 повторен. 2 раза), и 5 нум. стр.: «Краткое Изъясненіе Иконологическимъ изображеніямъ въ книгѣ генеральн. плана Имп. Воспит. Дома.

Сопиковъ ч. 5. № 12325.—Плавильщ. ч. II. № 2288.—Смирд. 1883.

Въ началѣ книги находятся документы помѣщенные въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Представленіе И. И. Бецкаго Императрицѣ.—2) Докладъ Императрицѣ за подписью кн. Якова Шаховскаго, Н. Панина и гр. Эрнста Миниха. За тѣмъ слѣдуетъ „Оглавленіе 1-й части содержащей въ себѣ: Манифестъ имп. Екатерины объ учрежденіи Восп. Дома.—Имянной Указъ Е. И. В. данный Прав. Сенату сентября 1 дня 1763 года. —Объявленіе Св. Прав. Синода за его подписаніемъ отъ декабря 31 дня, 1763 г. въ которомъ между прочимъ, эпархіальнымъ архіереямъ, подтверждается обязанность ихъ, своими собственными, и черезъ проповѣдниковъ своихъ, внушать простому народу поучительными словами, милосердіе и долгъ сохраненія жизни младенцевъ. Далѣе говорится о желательномъ учрежденіи въ каждой эпархіи сиропитательницы, могущей быть устроенной каждымъ изъ архіереевъ хотя отъ подаяній Христолюбцевъ; при чемъ приводится въ примѣръ митрополитъ Іовъ, учредившій въ Новгородѣ до 10-ти сиропитательницъ. Это воззваніе синода оканчивается уподобленіемъ рачителя о призрѣніи и воспитаніи бѣдныхъ сиротъ евангельскому самарянину, воспоминаемому св. Лукою.—На оборотѣ заглавнаго листа генеральнаго плана Восп. Дома, помѣщено стихотвореніе Ломоносова; далѣе слѣдуетъ „Предъувѣдомленіе къ читателямъ отъ „Бецкаго", шесть главъ текста, составляющихъ съ первымъ изданіемъ 1763 года [1] сюда внесеннымъ но съ прибавленіемъ „Объявленія Синода", 1-ю часть настоящаго 2-го изданія.—Въ началѣ второй части находится сообщеніе: „Отъ главнаго Попечителя Имп. Восп. Дома къ Высокопочтеннымъ Господамъ Членамъ Опекунскаго Совѣта", въ которомъ, обращаясь къ нимъ, онъ говоритъ, что помянутый домъ,

[1] 3. Вып. № 91

одаренный отъ Ея Величества особливыми привилегіями и снабженный законами, можетъ процвѣтать до позднѣйшаго времени и принести плоды Отечеству, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) „чтобъ уставы и узаконенія во всемъ наиточнѣйше исполняемы были, и 2) чтобы знать, какъ въ послѣдующее время производить въ дѣйствіе данныя сему дому привилегіи". Главный Попечитель извѣщаетъ членовъ Совѣта о дополненіи къ изданному въ 1763 году генеральному плану Воспитательнаго Дома, заключающему въ себѣ двѣ послѣдующія части плана, изъ которыхъ во второй показано: „къ чему обязаны начальники сего дома, и коимъ образомъ узаконенія точно исполняемыми быть могутъ; въ третьей изображены должности подчиненныхъ и способъ воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ сіе учрежденіе послѣдовало".—За тѣмъ онъ приглашаетъ членовъ приступить съ усердіемъ и ревностью къ познанію истиннаго побужденія великодушныхъ намѣреній монархини:—Донесеніе Е. И. Величеству отъ 10 августа 1767 года, за подписью Н. Панина, г. Э. Миниха, кн. Александра Голицына и гр. И. Чернышева о прочтеніи ими по высочайшему повелѣнію второй и третей части генеральнаго плана московскаго Воспитательнаго дома, и Высочайшій указъ сенату за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Имп. Величества отъ 13 августа 1767 года, при доставленіи для напечатанія второй и третей части помянутаго генеральнаго плана, которая содержитъ въ себѣ обращеніе Бецкаго къ императрицѣ, гдѣ онъ превозноситъ ее похвалами за благодѣяніе въ учрежденіи Воспитательнаго дома, и оканчиваетъ словами: „Вселенная взираетъ съ удивленіемъ на вседнєвные и достопамятные труды Ваши украшающіе мудростію престолъ Императорскій; Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души".—Вторая часть состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ главъ: 1) О должности Опекунскаго Совѣта; въ 13-ти пунктахъ этой главы содержится подробное объясненіе всѣхъ обязанностей Совѣта относительно Воспитательнаго дома.—2) О Собраніяхъ Опекунскаго Совѣта.—3) О приставникахъ въ домѣ. Здѣсь излагаются правила для руководства при пріемѣ служащихъ; о качествахъ необходимыхъ въ главномъ надзирателѣ, его помощникѣ, надзирательницѣ, экономѣ и экспедиторѣ. Въ заключеніе второй части сказано: Когда мы не ошибемся въ выборѣ сихъ пяти начальниковъ, тогда по справедливости скажемъ: исполнилось желаніе наше, достигли средства къ наблюденію пользы; не претерпимъ безпокойства духа, и исполнимъ съ удовольствіемъ должность и званіе наше".—Третья часть генеральнаго плана состоитъ изъ слѣдующихъ

XIV пунктовъ: I. О надобности воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ заведенъ домъ воспитательный. Въ этомъ разсужденіи о нравственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей Воспитательнаго Дома, авторъ признаетъ, что оно должно быть различно отъ таковаго же дѣтей высшихъ сословій; онъ говоритъ что въ заведеніяхъ подобныхъ воспитательному дому не нужны танцмейстеры и проч.; еще менѣе того потребны дѣвочкамъ учительницы для „показанія имъ модъ", безполезныхъ пріемовъ свѣтскаго обращенія, и множества подобныхъ этому вредныхъ и гнусныхъ излишествъ, произшедшихъ отъ роскоши и нынѣ у праздныхъ жителей большихъ городовъ въ обыкновеніи". Затѣмъ онъ обращается къ мысли о „третьемъ чинѣ, (tiers état) и говоритъ:" въ чужихъ государствахъ „третій чинъ" народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь сей чинъ еще не находится, то мнится, во ономъ и нужда состоитъ. Слѣдовательно приуготовить основаніе сего чина заведеніемъ сперва учителей и учительницъ имѣющихъ потребныя качества для воспитанія и обученія обоего пола дѣтей, какъ сего требуетъ намѣреніе [1].—II. О содержаніи дѣтей. Здѣсь объясняются правила касающіяся физическаго воспитанія дѣтей, съ „Показаніемъ", чему слѣдуетъ учиться питомцамъ обоего пола.—III. О обученіи дѣтей отъ пяти лѣтъ возраста, пока сами одѣваться могутъ. Излагаются правила для первоначальнаго нравственнаго воспитанія дѣтей.—IV. Обученіе дѣтей познанію вѣры, рисовать, читать и писать съ того времени, какъ сами одѣваются. Объясненіе метода первоначальнаго преподаванія какъ закона Божія, такъ и элементарныхъ познаній въ чтеніи, письмѣ и рисованіи —V. О способѣ и причинѣ обученія питомцевъ Ариѳметикѣ и Географіи. Разсужденіе о пользѣ познаній въ означенныхъ наукахъ для каждаго гражданина вообще —VI. Вопросъ. Надобно ли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано? Авторъ находитъ здѣсь мѣсто къ рѣшенію этого вопроса, прежде показанія необходимости и пользы предложенныхъ для воспитанія способовъ, и начинаетъ разсужденіемъ о значеніи женщины въ мірѣ и въ жизни каждаго человѣка: „Ей", говоритъ онъ", обязаны мы за первое наше питаніе, за первую къ намъ любовь, заботы, наставленія; и этой женщинѣ препятствуемъ мы въ развитіи и пріобрѣтеніи познаній, тщеславясь своимъ по мнѣнію нашему умственнымъ превосходствомъ, и въ чемъ не ошибаемся —крѣпостію силъ

---

[1] См. Вып. 1. стр. 218—219. № 135.

своихъ. За тѣмъ онъ обращаетъ просвѣщенный взглядъ свой на самодурство баръ-крѣпостниковъ, изнуряющихъ дѣтей своихъ надъ ученьемъ изъ жалкаго тщеславія, и увѣренныхъ въ то же время, что крѣпостные люди ихъ, какъ рабы, не имѣютъ права на человѣческое развитіе; что эти жертвы произвола, не могутъ, и не должны быть ни къ чему другому полезны, какъ только къ ихъ барскимъ услугамъ и прихотямъ. Далѣе, авторъ, доказывая гибельную ошибку помянутыхъ баръ ввѣряющихъ дѣтей своихъ тѣмъ же презрѣннымъ рабамъ, говоритъ: „Какъ бѣденъ человѣкъ такимъ образомъ ослѣпившійся! иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостный, котораго ты столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду. Тотъ самый крѣпостный или крѣпостная, первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну твоему, или дочери твоей. Дѣти твои, коихъ ты любишь, какъ утробу свою, напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостію, всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо, и столь надменно пренебрегаешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самого времени юношества, и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы; въ ихъ мысли вперяются разказы тѣмъ гнуснѣйшіе, и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ рабами.

Такіе-то плоды пріобрѣтаетъ человѣкъ воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общества подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ."

Все зло, по мнѣнію автора, на которое жалуются имѣющіе негодныхъ дѣтей, происходитъ единственно отъ того, что у этихъ дѣтей „подлые рабы" первыми учителями, сверстниками и друзьями были. Въ заключеніе онъ выражаетъ надежду, что понявъ все сказанное выше, никто не станетъ отвергать необходимости развитія и образованія женщины.—VII. О надобности учить дѣтей искусству вести счетъ купеческой, называемый бухгалтерскимъ. Слѣдуетъ объясненіе пользы помянутаго званія, которому Локкъ въ сочиненіи своемъ о воспитаніи, совѣтуетъ учиться въ молодыхъ лѣтахъ.—VIII. Какъ поступать съ учителями и приставниками?—Объясняется необходимость уваженія къ нимъ начальниковъ, и вѣжливое съ ними обращеніе послѣднихъ, особливо въ присутствіи дѣтей, которымъ учителя и надзиратели заступаютъ мѣсто родителей.—„Какое

изящество, какая добродѣтель, какое прамодушіе", говоритъ между прочимъ авторъ разсужденія, „могутъ произрасти въ сердцахъ сиротъ нашихъ, когда съ тѣми. коихъ они родителями себѣ по справедливости признаютъ и почитаютъ, поступать будутъ — какъ съ невольниками!" Далѣе слѣдуетъ дальнѣйшее обсужденіе объ отношеніяхъ начальствующихъ къ „приставникамъ". — IX. **Опытъ о наставленіи и обученіи**, заключаетъ въ себѣ разсужденіе о нравственныхъ наставленіяхъ дѣтямъ, и необходимыхъ для нихъ познаній. Воспитателямъ вмѣняется въ обязанность поучать дѣтей не только наставленіями, но и благими примѣрами; пріучать ихъ къ вѣжливости не только другъ передъ другомъ, но и съ послѣдними служителями въ домѣ. Авторъ-педагогъ совѣтуетъ между прочимъ, во время уроковъ избѣгать всякаго стѣснительнаго для тѣла дѣтей положенія, имѣя въ виду, что имъ для умственныхъ занятій необходима тѣлесная крѣпость и бодрость духа. Затѣмъ онъ—переходя къ обученію дѣтей чтенію, называетъ „обычаемъ смѣха достойнымъ" ученіе грамотѣ въ школахъ по книгамъ церковной печати, и совѣтуетъ пользоваться для того букварями издаваемыми на „употребительномъ нынѣ языкѣ"; между тѣмъ не отвергаетъ изученія славянскаго языка въ Воспитательномъ домѣ, и признаетъ даже полезнымъ преподаваніе дѣтямъ иностранныхъ языковъ, для уразумѣнія книгъ приличныхъ для будущаго званія учащихся. Авторъ обращаетъ вниманіе и на дѣтскую любознательность, которая, по мнѣнію его, должна быть всегда удовлетворяема воспитателями, которые обязаны на всѣ вопросы дѣтей отвѣчать съ ясностью и вразумительностію, приспособленною къ понятіямъ ихъ возраста.—X. **Опытъ о способѣ сочиненія на обыкновенномъ нашемъ языкѣ, краткой правоучительной книги для питомцовъ, въ чемъ вся важность обученія состоитъ.** Авторъ упоминая о похваляемой многими книгѣ сочиненной для брауншвейглюнебургскихъ училищъ г. Мосхенъ, допускаетъ пользу ея для особливыхъ учрежденій той страны, но признаетъ ее не совсѣмъ удобною для употребленія питомцевъ Воспитательнаго дома; помянутое сочиненіе по словамъ автора, написано для нѣмецкихъ школъ, приготовляющихъ духовныхъ сановниковъ, градоначальниковъ, учителей и профессоровъ, тогда какъ питомцы Воспитательнаго дома назначаются въ художники и ремесленники. Онъ требуетъ чтобы сочиненіе для нихъ составленное, могло бы служить имъ руководствомъ въ жизни соотвѣтствующей ихъ назначенію. По этому онъ считаетъ для нихъ равно безполезными творенія Ксенофонта, Цицерона, Сенеки, Плутарха, Марка Аврелія, Пуффендорфа, „любви дос-

стойнаго" Локка и другихъ; такъ какъ всѣ „метафизическія правила" объясняющія обязанности наши, и философскія разсужденія, не могутъ имѣть мѣста въ предполагаемомъ сочиненіи, въ которомъ автором настоящей книги не допускаются „теорическія основанія", но ясное и простое представленіе того, что „ощутительно", и что учащіеся могутъ разумѣть и за тѣмъ исполнять во всю послѣдующую жизнь. Слѣдуетъ объясненіе въ 9-ти пунктахъ всего того, что должно войти въ составъ помянутаго сочиненія.—XI. О наказаніяхъ. По мнѣнію автора, кажется невозможнымъ опредѣлить точнаго устава о наказаніяхъ, которыя въ учрежденіи подобномъ нашему, и особенно у насъ употреблять бы можно было; онъ находитъ, что при изслѣдованіи съ одной стороны всѣхъ принятыхъ обычаевъ, оказывается, что нельзя обойтись безъ употребительныхъ наказаній; съ другой стороны, это мнѣніе опровергается разсужденіемъ о человѣческой природѣ, домашнихъ животныхъ и самыхъ хищныхъ звѣряхъ, также воспоминаніемъ о чудныхъ дѣйствіяхъ производимыхъ воспитаніемъ въ тѣхъ же людяхъ и животныхъ. За тѣмъ авторъ признаетъ несостоятельность и малоуспѣшность карательныхъ законовъ служащихъ не къ исправленію людей, но только къ воздаянію за ихъ вины; причемъ говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ законовъ служащихъ къ предупрежденію зла, но что всѣми существующими узаконеніями прилагается наказаніе превосходящее одно другое жестокостью. Далѣе, онъ придаетъ важное значеніе выбору служащихъ при Воспитательномъ домѣ, желая чтобъ помянутый выборъ падалъ на людей кроткаго и обходительнаго нрава, притомъ не молодыхъ, но еще крѣпкихъ; онъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній дѣтей, доказывая весь вредъ подобной мѣры, отъ которой сердца ихъ ожесточаются, и они лишаются кротости, которая есть мать человѣчеству; потомъ входитъ въ подробное изложеніе различныхъ видовъ легкихъ наказаній за каждую погрѣшность, требующую исправленія, и что на послѣднее необходимо было бы глубокое знаніе движеній души и страстей человѣческихъ, котораго нельзя ожидать вполнѣ отъ воспитателей руководящихъ юношествомъ. Разсужденіе оканчивается сообщеніемъ автора нѣкоторыхъ примѣчаній для желающихъ знать, какія вины заслуживаютъ большей или меньшей строгости. — XII. Повтореніе всего вышесказаннаго. Здѣсь упоминается о главной цѣли воспитанія, состоящей въ „произведеніи питомцевъ здоровыхъ, крѣпкихъ, добрыхъ способныхъ служить отечеству художествомъ и ремесломъ; составить, въ нихъ разумъ и сердце такъ, чтобъ они были полезны сами себѣ, но были бы добрыми христіанами и вѣрными гражданами. За тѣмъ

слѣдуютъ наставленія относящіяся къ воспитанію и обращенію съ дѣтьми, такъ равно и указанія воспитателямъ на средства къ избѣжанію дѣйствій могущихъ сдѣлать всѣ узаконенія составленныя въ пользу дома, безсильными и слѣдовательно безполезными.—XIII. Разсужденіе о званіи, къ которому питомцовъ пріуготовить должно. Говоря о назначеніи питомцевъ, авторъ считаетъ нужнымъ разсмотрѣть въ какое званіе они по выпускѣ изъ Воспитательнаго дома могутъ быть употреблены съ пользою; указывая только на два сословія, существующія въ государствѣ: дворянъ и крѣпостныхъ, онъ полагаетъ что питомцы составятъ слѣдовательно „третье" такъ какъ они съ потомствомъ своимъ дѣлаются свободными. Польза, которую они могли бы принесть свѣдѣніями своими, вступивъ въ сообщество съ купцами, художниками, торговцами и фабрикантами, будетъ несомнѣнно отстранена послѣдними, по словамъ автора„ брадоносцами" ложною честію и мнимымъ правовѣріемъ ослѣпленными, и по закоснѣлости и зависти къ воспитанникамъ. Далѣе предлагается средство, могущее при соблюденіи его, устранить нѣсколько помянутое; означенное средство предлагаемое авторомъ, состоитъ въ заведеніи на мѣстахъ принадлежащихъ Воспитательному дому, мануфактуръ и фабрикъ, и приглашенія искусныхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ изъ честныхъ и хорошаго поведенія иностранцевъ, для основательнаго обученія мастерствамъ питомцевъ; причемъ въ слѣдствіе предписаній помѣщенныхъ въ 1-й части генеральнаго плана, всѣ безъ исключенія работы послѣднихъ, продавать въ пользу помянутаго учрежденія, въ которомъ лучшимъ изъ учениковъ, обучаться шесть или семь лѣтъ, а въ продолженіи этого времени, необходимо, чтобы содержаніе ихъ и надзоръ за нравственностью, соотвѣтствовали ихъ воспитанію. Авторъ признаетъ излишнимъ упоминать гг. Опекунамъ, чтобы до выпуска воспитанниковъ обоего пола, стараться соединить ихъ бракомъ, и за всѣмъ тѣмъ не сомнѣвается, что предложенное имъ средство приведенное въ дѣйствіе сообразно Уставу, принесетъ пользу, и что все купечество и фабриканты мало-по-малу сознаются, сколь необходимы имъ будутъ наши воспитанники.—XIV. Дополненіе къ сказанному выше. Авторъ упоминаетъ о неприведенномъ еще въ дѣйствіе учрежденіи вдовьей и ссудной казны, принесшемъ бы не малую пользу основаніемъ особливаго сиротскаго дома; но до того времени онъ указываетъ на обязанность московскаго Воспитательнаго дома содѣйствовать этому благому дѣлу пріемомъ сиротъ; далѣе слѣдуетъ разсужденіе о преимуществѣ, которое должны имѣть въ глазахъ нашихъ достойныя сожалѣнія сироты передъ новорожденными младенцами: „ибо", гово-

ритъ авторъ, „первымъ, столько же какъ и вторымъ покровительствуетъ наша государыня, которая есть первая благоутробная мать таковыхъ несчастныхъ".—Заключеніе, въ которомъ говорится о томъ, что главнѣйшая цѣль заведенія состоитъ въ приготовленіи отечеству подданныхъ, полезныхъ въ художествахъ и ремеслахъ, но что при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду между ними тѣхъ, которые обнаруживаютъ проницательный умъ и отличныя дарованія къ искусствамъ, хотя бы и не соотвѣтствующимъ званію къ которому они назначены; и что такъ какъ дѣло идетъ „о созданіи новыхъ людей", то нужно неусыпно слѣдить за помянутыми выше отличныхъ способностей воспитанниками, и всѣми силами способствовать къ образованію превосходныхъ людей по уму ихъ и талантамъ.—Прибавленіе къ изданію трехъ частей генеральнаго плана, содержитъ въ себѣ слѣдующіе X отдѣловъ: I. Планы и Фасадъ строенія Императорскаго Воспитательнаго Дома, и описаніе оныхъ. Подробное описаніе всѣхъ апартаментовъ Воспитательнаго дома, изображенныхъ на приложенныхъ къ книгѣ трехъ планахъ, съ объясненіемъ ихъ назначенія.—II. О Основаніи и Открытіи въ Москвѣ Императорскаго Воспитательнаго Дома: Описаніе открытія его въ день рожденія Императрицы; происходившаго церковнаго торжества, заложенія зданія при пушечной пальбѣ, и о первомъ положенномъ въ основаніе его генералъ-фельдмаршаломъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ камня, съ надписью означающею время заложенія зданія, и со вставленной въ тотъ камень выложенной внутри свинцомъ скрыни съ монетами различнаго названія и металла, въ царствованіе Екатерины II, употребляемыми въ Россіи, и двухъ мѣдныхъ досокъ съ надписями на русскомъ и латинскомъ языкахъ, указанныхъ на слѣдующей страницѣ, на оборотѣ которой сообщается о трудѣ оказанномъ при заложеніи зданія духовными и другими особами, состоящемъ въ положеніи перваго камня, обмазкѣ и проч., при чемъ употреблены тафтяные, бѣлые запоны, матеріалы и орудія, подносимые на серебреныхъ блюдахъ двѣнадцатью прилично одѣтыми по этому случаю каменьщиками; и такъ какъ главнѣйшая часть торжества состояла въ исполненіи перваго долга, предмета возводимаго зданія, а именно благотвореніе, то въ этотъ день накормлено большое число нищихъ; обвѣнчано до 50 паръ бѣдныхъ молодыхъ мастеровыхъ, желавшихъ вступить въ бракъ, которые угощены, снабжены одеждой, и на первое обзаведеніе деньгами. Затѣмъ слѣдуетъ „Слово Архимандрита и Московскаго Заиконоспасскаго Училища Ректора Геннадія, при заложеніи и открытіи Императорскаго Воспитательнаго дома въ Москвѣ 1764 года,

Апрѣля 21 дня". Слово приличное совершившемуся событію, и касающееся неизреченныхъ наградъ ожидающихъ души сострадательныхъ къ ближнему и сочувствующихъ его несчастію. Проповѣдникъ прославляетъ щедроты императрицы къ покинутымъ младенцамъ и сирымъ, и возноситъ ее превыше императора Тита Веспасіана; въ заключеніе призываетъ всѣхъ послѣдовать примѣру Ея Величества и наслѣдника Цесаревича Павла Петровича въ состраданіи къ безпомощнымъ; текстъ избранный для Слова: „Милуяй нищія блаженъ" притчей 14 гл. ст. 21.—III. Медаль изданная въ память заведенія Восп. Дома: Описаніе оборота медали, на лицевой сторонѣ которой изображеніе императрицы.—IV. Молитвы утренняя и вечерняя.—V. Надпись у поставленныхъ для подаянія кружекъ съ подписью Г. Т.—VI. Листъ отъ Собранія Опекунскаго, предающій потомству память добродѣтели принимающихъ званіе Попечителей и Попечительницъ, и Печать Восп. Дома; форма листовъ за подписью главнаго попечителя и опекуновъ, которые подносились благотворителямъ съ извѣщеніемъ, что имена ихъ „записаны въ архивной книгѣ на вѣки", при чемъ сказано, что настоящій листъ послужитъ потомкамъ благотворительнымъ примѣромъ.—VII. Благодарственное Свидѣтельство благодѣтельствующимъ дому, за подписью главнаго Попечителя и Опекуновъ.—VIII. Объявленіе въ Россійскихъ и Иностранныхъ вѣдомостяхъ. 1) въ Маіѣ мѣсяцѣ 1764 года. О удовольствіи которое принимаютъ и Чужестранные въ послѣдовавшемъ въ Москвѣ человѣколюбивомъ заведеніи. Въ началѣ помѣщенъ переводъ слѣдующихъ писемъ помѣченныхъ 1 апрѣлемъ 1764 года, за подписью: „Человѣколюбецъ" (Philantrope); Бецкій говоритъ объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго дома, какъ о такомъ памятникѣ, который будетъ свидѣтельствовать о безпримѣрномъ человѣколюбіи Екатерины Второй до тѣхъ поръ, пока добродѣтель не перестанетъ составлять счастія человѣческаго рода; и что ей приносится всеобщая благодарность, не только нашего отечества, но и добродѣтельные люди другихъ странъ выражаютъ сочувствіе свое великому событію, такъ какъ каждый изъ друзей человѣчества признаетъ вселенную отечествомъ своимъ. Такъ нѣкто неизвѣстный, заявилъ по этому случаю сочувствіе свое письмомъ на французскомъ языкѣ; текстъ означеннаго письма, въ настоящей книгѣ, напечатанъ въ два столбца, съ подлинникомъ на лѣвой, и русскимъ переводомъ на правой сторонѣ страницы. Неизвѣстный превозноситъ похвалами учрежденіе Воспитательнаго дома, равнымъ образомъ и щедроты, изліянныя отъ державной руки Монархини; причемъ извѣщаетъ Бец-

каго о приношеніи въ пользу новаго учрежденія, отъ г. Клифорта векселя въ сто червонныхъ. За тѣмъ на оборотѣ послѣдней страницы, содержащей окончаніе письма, находится извѣстіе, что оно прислано было на почту въ пакетѣ съ надписью на имя главнаго директора россійскихъ почтъ, г. Аша, въ С. Петербургъ черезъ Варшаву; и другой вложенный въ первый, съ надписаніемъ г. Бецкому, и проч.; наконецъ извѣщается, что черезъ двѣ недѣли по присылкѣ помянутаго письма, англійскій купецъ, г. Гоммъ, по полученному имъ отъ г. Клифорта векселю, принесъ къ главному Попечителю сто голландскихъ червонныхъ, въ то же время переданныхъ въ Воспитательный домъ.— Далѣе слѣдуетъ: отвѣтъ на письмо отъ главнаго Попечителя, помѣченный іюня 1767 года, напечатанный также въ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, въ которомъ Бецкій между прочимъ сообщаетъ неизвѣстному о будущихъ благотворительныхъ заведеніяхъ, надъ приведеніемъ въ исполненіе которыхъ, императрица неусыпно трудится; вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтъ главнаго Попечителя исполненъ лестныхъ для „неизвѣстнаго" похвалъ и подписанъ: „Вашихъ добродѣтелей почитатель; (въ подлинникѣ: le Zélé admirateur de Vos rares vertus."). На оборотѣ страницы помѣщено извѣстіе о томъ, что настоящій отвѣтъ на французскомъ языкѣ напечатанъ въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, и что главнымъ Попечителемъ сообщено г-ну Клифортъ въ Амстердамъ благодарственное свидѣтельство отъ Опекунскаго Совѣта, и отчеканеныя въ память основанія дома серебреная и бронзовая медали, съ прозьбою доставить все означенное „неизвѣстному благодѣтелю", но по незнанію первымъ какъ его самаго, такъ и мѣстопребыванія его, напечатать объявленіе въ вѣдомостяхъ.—2) Въ 1767 году. О Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества въ Воспитательномъ Домѣ присутствія. Извѣстіе о неожиданномъ прибытіи императрицы въ Воспитательный домъ, и выраженіе ею удовольствія за отличный порядокъ и добрыя распоряженія; о положенной по ея повелѣнію въ поставленную для проходящихъ запертую и запечатанную кружку значительной денежной суммы, и пожалованіи двухлѣтнему младенцу Никитѣ трехъ сотъ червонныхъ.— 3. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1767 года. О послѣдовавшемъ въ домѣ знатномъ подаяніи, и Гомбургцахъ воспитываемыхъ на получаемыхъ отъ онаго прибыткахъ: Извѣстіе о поданномъ привратнику дома, неизвѣстнымъ, запечатаннаго письма, помѣченнаго іюня 24, 1767 года, и подписаннаго: „неизвѣстная" адресованнаго членамъ Совѣта, въ которомъ находится извѣстіе объ завѣщанномъ покойной свѣтлѣйшей ландграфинею и наслѣдною принцессой гессенгомбург-

скої, Настасіей Ивановной, рожденной княжны Трубецкой, денежной суммы, которая съ 1775 года по настоящее время составила съ приращеніемъ указныхъ процентовъ, 10000 рублей, каковую сумму душеприкащица согласно желанію завѣщательницы, употребить на призрѣніе бѣдныхъ, считаетъ за лучшее передать въ Воспитательный Домъ; причемъ проситъ Опекунскій Совѣтъ отдать означенное пожертвованіе въ банкъ, и получаемые 600 рублей ежегодныхъ на сумму процентовъ, употреблять на воспитаніе младенцевъ, число которыхъ будетъ соразмѣрно получаемой суммѣ. Въ память же оказаннаго благодѣянія въ вѣчные роды, назвать тѣхъ воспитанниковъ „Гамбургцами", и въ силу Гл. 6 § 10, генеральнаго плана, поставить между прочими въ Совѣтѣ портретъ завѣщательницы. За тѣмъ помѣщено извѣстіе объ исполненіи воли покойной ландграфини.—IX. Объявленіе отъ Опекунскаго Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Дома о учрежденіи вдовьей и ссудной Казны 1767 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Состоитъ изъ 6-ти пунктовъ, содержащихъ въ себѣ взглядъ на бѣдственное положеніе вдовъ, остающихся по смерти мужей не рѣдко съ малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію; за тѣмъ авторъ говоритъ о „корыстолюбіи и алчности ростовщиковъ притѣсняющихъ сограждапъ своихъ, и о томъ, что первые, провождая сами время въ праздности, ожидаютъ добычи, которая сама собою впадаетъ въ ихъ сѣти...." и что жертвами ихъ дѣлаются не однѣ вдовы, но многіе другіе различнаго званія люди. Далѣе объявляется, что такъ какъ ни строгостью, ни увѣщаніями нельзя исправить помянутыхъ бичей человѣчества, то и положено основать почти вездѣ „по примѣру" полезныхъ узаконеній въ иностранныхъ государствахъ 1) вдовьей казны для предохраненія вдовъ и сиротъ отъ нищеты 2) учрежденіемъ ссудной казны для помощи всѣмъ имѣющимъ нужду въ деньгахъ и притѣсняемыхъ ростовщиками; далѣе слѣдуетъ объявленіе о сочиненныхъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ вслѣдствіе сказаннаго выше, двухъ плановъ, одного о вдовьей, и другаго о ссудной казнахъ, для учрежденія таковыхъ по возможности въ Москвѣ и С. Петербургѣ; причемъ читатели приглашаются къ заявленію мнѣній и замѣчаній своихъ на означенные планы въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ полезныя сообщенія будутъ приняты Совѣтомъ какъ знакъ отличнаго усердія къ помянутымъ человѣколюбивымъ заведеніямъ. Далѣе слѣдуетъ списокъ 6 ти должностныхъ лицъ имѣющихъ быть опредѣленными по обѣимъ казнамъ Воспитательнаго дома; наконецъ извѣщается о томъ, что кромѣ упоминаемыхъ въ планахъ, никакихъ другихъ расходовъ при казнахъ не будетъ, равно какъ о невмѣшательствѣ Опекунскаго

Совѣта, въ могущіе произойти при всей осторожности и совершенномъ порядкѣ наблюденій споры и пререканія, для прекращенія которыхъ онъ употребитъ всевозможныя миролюбивыя средства, и въ случаѣ ихъ недѣйствительности передастъ о чемъ надлежитъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію въ судебныя мѣста. Въ заключеніе сообщается, что при обѣихъ казнахъ никто не потерпитъ замедленія и затрудненій, но каждый будетъ удовлетворенъ вслѣдствіе наблюдаемаго порядка, безпристрастія, вѣжливости и снисхожденія управляющихъ, что равномѣрно требуется и отъ посѣтителей. Потомъ помѣщенъ „Планъ вдовьей казны въ пользу всякаго званія людямъ Россійскимъ и Иностраннымъ, находящимся внутри и внѣ имперіи, учреждается на слѣдующемъ основаніи; онъ состоитъ изъ 11 параграфовъ въ которыхъ объясняется устройство вдовьей казны, правила для вкладовъ и выдачи пенсій, причемъ приложены образцы объявленій, билетовъ, вѣрющихъ писемъ, свидѣтельствъ, и проч.—X. Объявленіе отъ Опекунскаго Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Дома публикованное въ декабрѣ мѣсяцѣ 1767 года о Учреждаемой Сохранной Казнѣ. Въ началѣ помѣщенъ: Докладъ отъ Опекунскаго Совѣта императрицѣ, марта 29, 1767 года, за подписями главныхъ попечителей—Князя Сергія Гагарина, Петра Вырубова, Ивана Тютчева, Богдана Умскаго и Алексѣя Дурново объ учрежденіи сохранной казны; правила устройства, которыя объяснены въ 11 параграфахъ съ приложеніемъ формы присяги для служащихъ и образцовъ билетовъ, писемъ, объявленій и росписки. Въ концѣ книги находится: Краткое Изъясненіе иконологическимъ изображеніямъ въ книгѣ генеральнаго Плана Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Въ 1-й части, кромѣ фронтисписа работы гравера Сребрницкаго, находятся слѣдующія виньеты надъ каждой изъ 6-ти главъ: 1. Человѣколюбіе, Г. С. Панинъ. 2. Милосердіе Сребрницкій.—3. Медицина. Г. С. Панинъ.—4. Щедрота, вырѣзалъ Д. Г.—5. Награжденіе.—6. Вольность (послѣднія двѣ безъ подписи граверовъ).—Флероны: на заглавномъ листѣ, послѣдней стр. предъувѣдомленія и стр. 11, 23, 31 и 56.—Часть II. На заглавномъ листѣ флеронъ работ. Панина; виньеты: Опекунство Г. С. Панинъ.—Совѣтъ. Г. С. Панинъ.—Исправленіе должности Д. Герасимовъ.—Флероны: стр. 13. 24 и 39.—Часть III. На заглавномъ листѣ: флеронъ. Виньета: Надежда, и на стр. 94 флеронъ. Г. С. Панинъ.—Въ Прибавленіи: 3 плана на складныхъ листахъ: 1. Видъ Императорскаго Воспитательнаго Дома со стороны Москвы рѣки (Объясненіе всѣхъ частей плана внизу означено литерами).—II. Подъ планомъ изображеніе Москвы рѣки, на

берегу которой четыре генія, изъ которыхъ одинъ измѣряетъ циркулемъ лежащій масштабъ; другіе два держатъ цвѣточную гирлянду и четвертый опирающійся на тумбу, съ флагомъ въ рукѣ; Планъ III. Кромѣ того: Изображеніе медали (стр. 19) Печати Воспитат. Дома (стр. 24), и флероны: на заглавномъ листѣ и страницахъ 8, 52, 111 и 5 (послѣдній въ „Краткомъ Изъясненіи Иконологич. Изображ.).

Къ книгѣ присоединено переплетенное вмѣстѣ съ ней: „Краткое Наставленіе выбранное изъ лучшихъ Авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества. Въ Санктпетербургѣ 1766 года, при Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ 3 ненум. стр. (оглавленія) и 49 нум. стр.[1]

1768.

№ 101. Имянной списокъ Господамъ **Депутатамъ**, выбраннымъ въ **Коммисію** о сочиненіи проекта **Новаго Уложенія**, кто изъ котораго мѣста выбраны, и кто кому имянно здали, также въ разныя учрежденныя отъ большаго собранія частныя Коммисіи опредѣлены и нынѣ дѣйствительно находятся Генваря по 1 число 1768 году.—Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. м. 8°. 61 стр. изъ которыхъ 5. ненум. (не считая заглавн. листа).

Сопик. ч. 4. № 11132.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи. 1838. стр. 235. № 3.—Геннади. Русск. Книжн. Рѣдкост. стр. 42. № 23.

На первой нум. страницѣ нѣсколько измѣненное заглавіе: „Имянной Списокъ господамъ Депутатамъ, выбраннымъ въ Коммисію сочиненія проекта новаго Уложенія, кто изъ котораго мѣста выбранъ, и что кому именно здали; и кои нынѣ дѣйствительно при Коммисіяхъ находятся, Генваря по 1 число 1768 году". Всѣ страницы до первой ненум., заняты таблицами раздѣленными на четыре продольныя графы, изъ которыхъ въ первой означены нумера показывающіе число депутатовъ; во второй—откуда избраны; въ третьей—чины, имена, званія и фамиліи; въ четвертой—время, когда явились въ Коммисію. Для показанія образца того порядка, въ которомъ составлены таблицы, приводятся изъ списка имена депутатовъ назначенныхъ изъ государственныхъ учрежденій: 1. Отъ Святѣйшаго Синода: митрополитъ Димитрій Новгородскій умре 14 Декабря, 1767 года.—2. Отъ Прави-

[1] Вып. 1. стр. 217. № 135.

тельствующаго Сената: Генералъ-Аншефъ, сенаторъ и кавалеръ Князь Михайло Волконской.—3. Отъ Коллегіи Иностранной: Тайной Совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Михайло Собакинъ, іюня 14.—4. Военной: Генералъ-Маіоръ, князь Ѳедоръ Щербатовъ, іюля 2.—5. Адмиралтейской: Вицъ-Адмиралъ Алексѣй Ногаевъ 13 іюля.—6. Правительствующаго Сената Герольдмейстерской Канторы, Герольдмейстерской товарищъ Михайло Приклонской мая 1.—7. Отъ Коллегій. Камеръ: Генералъ Порутчикъ, сенаторъ и кавалеръ Алексѣй Мельгуновъ іюля 16.—8. Юстицъ: Полковникъ Иванъ Олсуфьевъ 5 іюля. 9. Юстицъ—Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ: Вицъ-Президентъ: Тимоѳей фонъ-Клингштетъ іюня 19.—10. Вотчинной: Тайной Совѣтникъ Михайло Лукинъ 20 іюля.—11. Ревизіонъ: Статской Совѣтникъ Андрей Карташевъ 19 іюля.—12. Коммерцъ: Статской Совѣтникъ Сергѣй Межениновъ марта 21.—13. Бергъ: Асессоръ Яковъ Роде іюня 3.—14. Бергъ-Коллегіи Монетнаго Департамента: Артиллеріи Подполковникъ Андрей Нартовъ апрѣля 6.—15. Мануфактуръ: Вицъ-Президентъ Ѳедоръ Сукинъ апрѣля 6.—16. Экономіи: Статской Совѣтникъ Алексѣй Ермоловъ іюля 23.—17. Медицинской: Коллежской Совѣтникъ и Арміи Генеральной Штабъ-Докторъ Баронъ Георгъ-Ашъ іюня 14.—18. Малороссійской: Коллежской Совѣтникъ Дмитрій Натальинъ августа 11.—19. Главнаго Магистрата: Коллежской Совѣтникъ Николай Дурасовъ іюня 22.—20. Отъ Канцелярій Главной Полицiймейстерской: Бригадиръ и Оберъ-Полицiймейстеръ Михайло Зыбинъ іюля 9.—21. Ямской: Главнаго Кригсъ-Коммисаріата Прокуроръ Иванъ Нелидовъ іюня 18.—22. Академіи Наукъ: Коллежской Совѣтникъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ [1] іюня 18.—23. Конфискаціи: Надворный Совѣтникъ Ѳедоръ Ладыженской іюля 25.—24. Строенія Государственныхъ дорогъ: Полковникъ Александръ Волковъ іюня 4.—25. Главной надъ Таможенными зборами: Дѣйствительной Тайной Совѣтникъ и Кавалеръ: Графъ Эрнстъ Фонъ Минихъ іюля 23.—26. Опекунство Иностранныхъ: Статской Совѣтникъ Василей Баскаковъ апрѣля 14; августа 13 дня здалъ Коллежскому Совѣтнику Григорью Козицкому.—27. Камеръ-Конторы Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ: Коллежской Совѣтникъ Артемій Шишковъ ноября 26.—28. Суднаго Приказа: Главный судья, Стат-

[1] Вмѣсто академика Я. Штелина, избраннаго въ депутаты, и не бывшаго въ состояніи по болѣзни ѣхать въ Москву (Русскіе граверы и ихъ произведенія Д. А. Ровинскаго, стр. 332).

ской Совѣтникъ Аѳанасій Афросимовъ іюля 5.—Въ точно такомъ же порядкѣ продолжается таблица списка депутатовъ собранныхъ со всѣхъ губерніи, областей, городовъ, посадовъ, казацкихъ войскъ, и мѣстъ обитаемыхъ раскольниками и иновѣрцами. На 1-й ненум. стр. означенный списокъ озаглавленъ: Присутствующіе въ большомъ собраніи и въ разныхъ учрежденныхъ отъ онаго Коммисіяхъ. Отсюда таблица раздѣляется тремя графами, съ означеніемъ въ первой: нумеровъ; во второй: тѣхъ уѣздовъ, городовъ и т. д., отъ которыхъ назначены депутаты; въ третей показаны ихъ званія, имена и фамиліи.

Въ спискѣ между именами депутатовъ встрѣчаются многія лица сдѣлавшіеся знаменитыми какъ государственные дѣятели и сподвижники Екатерины, или какъ ученые и писатели. Такъ напр., состоявшіе опекунами разныхъ иновѣрцевъ: Тайный Совѣтникъ, сенаторъ Адамъ Олсуфьевъ.—Камеръ-юнкеръ и Лейбъ-гвардіи коннаго полку, поручикъ Григорій Потемкинъ (стр. 56); знаменитый въ свое время духовный витія съ обличительнымъ, рѣзкимъ словомъ, митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ (стр. 1. № 1); графъ Захаръ Чернышевъ (стр. 4. № 30), депутатъ отъ Волоколамскаго уѣзда Московск. губерніи (и 1 неп. № 1).—Присутствующій въ Дирекціонной Коммисіи, Генералъ-поручикъ и кавалеръ Александръ Бибиковъ, отъ Костромскаго уѣзда и присутв. въ больш. собраніи.—Графъ Яковъ Брюсъ (стр. 5 и 3 неп.), отъ Козельскаго уѣзда, въ Коммиссіи о разборѣ родовъ государственн. жителей, графъ Петръ Панинъ (стр. 7 и 3 ненум.) отъ Московскаго уѣзда, присутств. въ большомъ собраніи, и въ Коммиссіи о Юстиціи.—Левъ Нарышкинъ (стр. 8), отъ Перемышльскаго и Воротынскаго уѣздовъ.—Князь Александръ Вяземскій (1 нен. стр.) генералъ-прокуроръ въ большомъ собраніи.—Графъ Андрей Шуваловъ (стр. 1 неп.) въ больш. собраніи. Генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ Григорій Орловъ (стр. 15. № 146). Отъ Копорскаго дворянства и въ Экспедиціонной Коммисіи (стр. 2 ненум.)—Графъ Алексѣй Орловъ (стр. 16. № 146), отъ С. Петербурга. Графъ Александръ Строгоновъ (стр. 9 и 10) отъ Серпейского уѣзда, въ Коммисіи о разборѣ Наказовъ и Проэктовъ (2 нен. стр.)—Иванъ Елагинъ (стр. 17) отъ Пусторжевскаго уѣзда и присутствующій въ экспедиціонной Коммиссіи (стр. 2 непум.)—Графъ Романъ Воронцовъ отъ Шлиссельбургскаго уѣзда, и въ Коммисіи о разборѣ Наказ. и проэкт. и др.—Наука и Литература дала также своихъ представителей; между депутатами встрѣчаются имена: исторіографа Г. Ф. Мюллера, АлексѣяНогаева, Андрея Нартова (стр.

2, № 14) Ивана Елагина, Григорія Козицкаго (стр. 7), Сергѣя Домашнева, Адама Олсуфьева, Николая Мотониса (стр. 57, № 352) и нѣкоторыхъ другихъ.

Свѣдѣнія о екатерининской Коммиссіи напечатанныя С. В. Соловьевымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1861 года, октябрь стр. 103—340, побудили покойнаго Лонгинова къ изданію въ свѣтъ 2-го изданія списка депутатовъ Коммисіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія, собранныхъ въ 1769 году, съ собственнымъ предисловіемъ и всѣми примѣчаніями Н. С. Кошелева много потрудившагося надъ разработкой матеріаловъ для исторіи этой Коммисіи. Трудъ его есть сводъ двухъ печатныхъ депутатскихъ списковъ напечатанныхъ въ то время [1]. На второе изданіе не показанное въ „Опытѣ" Сопикова, находится указаніе въ „Отчетѣ Публич. Библіот. за 1851 г. (стр. 5 и 6). Заглавіе его слѣдующее: „Именный списокъ господамъ депутатамъ, находящимся въ Коммисіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія, съ показаніемъ кто изъ оныхъ въ разныя, отъ большаго собранія учрежденныя частныя коммисіи членами и кандидатами опредѣлены, и нынѣ дѣйствительно находятся февраля по 24-е число, 1769 года. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. м. 8°. 97 страницъ (кромѣ загл. листа). Оба изданія чрезвычайно рѣдки.

Въ заключеніе приводимъ здѣсь извлеченіе изъ „Записокъ М. А. Фонвизина, роднаго племянника знаменитаго писателя Дениса Ивановича; представляя въ краткомъ очеркѣ царствованіе Екатерины II, онъ, между прочимъ касается причинъ подавшихъ ей мысль къ созванію депутатовъ въ Коммисію о сочиненіи проэкта новаго Уложенія, и заставляетъ померкнуть ореолъ окружавшій императрицу какъ свободолюбивую и мудрую правительницу подвластныхъ ей народовъ; и одно это событіе, которое, еслибы приведено было къ окончанію, и затѣмъ утверждено на незыблемыхъ основаніяхъ, долженствовавшее покрыть ее безсмертною славою, осталось памятникомъ несовершенства человѣческой природы, общаго всѣмъ смертнымъ, не исключая и правителей народовъ.—„Будучи еще великой Княгиней", говоритъ Фонвизинъ, „Екатерина съ страстію читала творенія политическихъ писателей Монтескьё, Мабли, Беккарія, также сочиненія французскихъ энциклопедистовъ Вольтера, д'Аламбера, Дидро, отличавшихся необыкновеннымъ вольномысліемъ въ рѣшеніи самыхъ важныхъ философскихъ, нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Въ Блекстонѣ и Делольмѣ,

---

[1] Матеріалы для Исторіи Коммисіи сочиненія проэкта новаго Уложенія (1767—1779) Русск. Вѣсти. 1861. Декабрь, томъ XXXVI. Приложеніе.

изучила она конституціонную систему Англіи и тогдашнія смѣлыя теоріи, благопріятствовавшія политической свободѣ—теоріи, которыхъ энциклопедисты были самыми ревностными распространителями. При всемъ властолюбіи своемъ и внутреннемъ влеченіи къ самовластію, Екатерина высоко цѣнила мудрованія энциклопедистовъ—съ нѣкоторыми изъ нихъ дружески переписывалась—дорожила ихъ мнѣніемъ и похвалами, налагала на себя личину свободомыслія, и не хотѣла казаться самовластною. Чтобъ заслужить ихъ доброе мнѣніе, она старалась смягчить почти азіатскую, суровую внѣшность (тогдашняго) деспотизма болѣе благовидными европейскими формами. Небывалая въ Россіи до нея кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти, и нѣкоторое уваженіе къ законности ознаменовали царствованіе Екатерины: этимъ Россія была обязана уваженію императрицы къ энциклопедистамъ и ея желанію быть ими прославляемой.

Съ этою цѣлью, она въ 1767 году рѣшилась созвать въ столицу депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій русскаго народа, избранныхъ съ точнымъ соблюденіемъ формъ народнаго представительства.

Собраніе это, съ характеромъ государственныхъ чиновъ, должно было заняться разсмотрѣніемъ кодексовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, предложенныхъ ему правительствомъ. По зрѣломъ обсужденіи проэкта уложенія собраніемъ представителей, имъ даровалось право сдѣлать въ немъ нужныя измѣненія или дополненія, и труды свои поднести на утвержденіе верховной власти. Екатерина сама начертала для депутатовъ инструкцію, содержащую въ себѣ политическія начала и истины, заимствованныя ею по большей части изъ твореній Монтескьё и Беккарія. Это торжественное событіе, долженствовавшее доставить русскимъ политическую самобытность, кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, въ которыхъ болѣе осмысленные изъ депутатовъ позволили себѣ коснуться важныхъ политическихъ вопросовъ, какъ то: о противоестественности крѣпостнаго рабства почти половины населенія имперіи, которая лишена всѣхъ гражданскихъ правъ—также, будетъ ли верховная власть, послѣ изданія новаго уложенія, измѣнять его именными указами и т. п. Вслѣдствіе этого, собраніе представителей было распущено, подъ предлогомъ начинавшейся турецкой войны. Екатерина угадывала въ собраніи депутатовъ будущее противодѣйствіе своему неограниченному самовластію. Депутаты удостоились изъявленія монаршей признательности за труды, которые они еще не предпринимали, и розданныя имъ зо-

лотыя медали, были памятниками эфемернаго существованія перваго и послѣдняго представительнаго собранія [1]".

№ 102. Санктпетербургскій **Календарь на Лѣто** отъ Рождества Христова **1768**, то есть **Високосное** содержащее въ себѣ 366 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—Въ **Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. м. 8°. 118 непум. стр. (считая заглавн. листъ).

Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 95а.—Магаз. Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 556.

Въ настоящемъ Календарѣ хотя и объявлено о трехъ солнечныхъ затмѣніяхъ, но прибавлено, что такъ какъ они во всей Европѣ не будутъ видимы, то о нихъ особенно и не упоминается. Лунныхъ затмѣній будетъ два: одно 18 іюля по старому стилю, и другое 12 декабря въ 4-мъ часу, 26 м. вечера; причемъ приложена табличка съ указаніемъ городовъ, гдѣ оно также видимо будетъ.—Помѣщена та же опять таблица уравненія времени, составленная чрезъ каждые три дня, и къ ней присоединено: какъ боевые и карманные часы ставить исправно, и что у карманныхъ часовъ примѣчать должно. Въ слѣдующей за тѣмъ статьѣ: „О Календарѣ" издатели сообщаютъ исторію его преобразованія начиная отъ Ромула. Обѣ эти статьи повторены въ календарѣ 1769 года, съ прибавленіемъ третей: „О солнечномъ кругѣ и о литерахъ недѣльныхъ, т. е. пасхаліи, или нахожденія числа св. Пасхи посредствомъ двухъ приложенныхъ при этомъ таблицъ [2].

1768—1769.

№ 103. Уставъ Воспитанія двухъ сотъ **Благородныхъ Дѣвицъ**, учрежденнаго **Ея Величествомъ** Государынею Императрицею **Екатериною Второю** Самодержицею Всероссійскою, **Матерію Отечества** и протчая, и протчая, и протчая.—Въ Санктпетербургѣ, При Императорской Академіи Наукъ 1768 года. 4°. 63 нум. (счетъ съ заглавн. листа) и 4 ненум.

---

[1] Записки Михаила Александровича Фонвизина „Очерки Русск. Исторіи; Примѣчанія къ „Histoire philosophique et politique de Russie" par Enneaux et Chennechot. 5 vol. 1835. Тобольскъ. 16-го февраля 1853. (Русск. Старина 1884 г. Апрѣль. кн. IV. стр. 57—58).

[2] Таблицы эти перепечатаны въ „Магазинѣ Землевѣденія и Путешествій, при описаніи календаря 1768 г. т. III. стр. 557.

стр. (краткое изъясненіе иконологич. изображеніямъ); фронтиспись, двѣ виньеты и пять флероновъ.

Сопик. Ч. 5. № 12203.—Плавильщ. Ч. II. № 2290.—Смирд. Ч. I. № 1884.

„Уставъ“ состоитъ изъ двухъ главъ, передъ которыми помѣщено слѣдующее донесеніе отъ мая 2-го дня, 1764 года за подписью „всеподданнѣйшихъ рабовъ“: князя Якова Шаховскаго, Н. Панина, графа Э. Миниха, кн. Сергѣя Гагарина, гр. Г. Орлова и кн. А. Голицына: „Во исполненіе всевысочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, мы нижеподписавшіеся разсматривали съ должнымъ прилежаніемъ, при семъ и всеглубочайшимъ почтеніемъ возвратно подносимой планъ, сочиненной Генераломъ Поручикомъ Бецкимъ, о воспитаніи дѣвицъ благородныхъ. Соединенная въ немъ истинная государственная польза съ христіанскимъ человѣколюбіемъ, инаго намъ не оставляетъ, какъ предварить нашими искреннѣйшими желаніями, желанія всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, дабы за матернее Вашего Императорскаго Величества особливое призрѣніе такой важной части всего общества, Всевышній сугубо благословилъ драгоцѣнный вѣкъ Вашего Величества къ собственной Вашей радости и удовольствію, которыя матернее сердце Вашего Величества наполнять будутъ изъ дѣйствительныхъ плодовъ сего награжденія при самыхъ наиотдаленнѣйшихъ предѣлахъ жизни человѣческой“.

Глава первая содержитъ въ себѣ шесть „Раздѣленій“ и въ первомъ изъ нихъ изложены въ десяти параграфахъ правила: 1-е. О должностяхъ господъ попечителей, и о принятіи въ общежитіе благородныхъ дѣвицъ“, за собственноручнымъ утвержденіемъ императрицы. 2-е. „О раздѣленіи принимаемыхъ дѣвицъ на четыре возраста, о штатѣ ихъ и ученіи“, съ означеніемъ перваго возраста отъ шести до девяти, втораго отъ девяти до двѣнадцати, третьяго отъ двѣнадцати до пятнадцати, и четвертаго отъ пятнадцати до осьмнадцати лѣтъ; при каждомъ изъ помянутыхъ возрастовъ показаны штатъ, ученіе его и одежда.—3-е. О госпожѣ начальницѣ; о которой въ 12-ти параграфахъ сказано слѣдующее: „Какъ скоро госпожа начальница отъ Ея Императорскаго Величества опредѣлена будетъ, то и получитъ она отъ того часа всю власть въ распоряженіяхъ всего дома, и надъ всѣми въ должностяхъ при ономъ находящимися“.—Слѣдующіе параграфы содержатъ объясненіе обязанностей ея и правъ ей предоставленныхъ. 4-е. О госпожѣ правительницѣ въ 9-ти параграфахъ; въ пер-

вомъ сказано о ней: „Оная состоитъ второй особою по госпожѣ начальницѣ, и потому почитается какъ вторая воспитательница, или какъ помощница въ великихъ трудахъ и упражненіяхъ первой; получаетъ приказанія отъ нея, и поступая по онымъ, исполняетъ свою должность". Далѣе объясняются обязанности помянутой „правительницы".— 5. О госпожахъ надзирательницахъ, 11 параграфовъ. Въ первомъ содержится объясненіе, что „Госпожъ надзирательницъ для двухъ сотъ дѣвицъ, опредѣляется четыре: въ каждомъ классѣ по одной. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы прилѣжно смотрѣть за дѣвицами ея класса при всѣхъ случаяхъ; и естьли которая изъ нихъ въ чемъ преступитъ, то поправлять съ благопристойною кротостью: а сверьхъ сего долженствуютъ онѣ вспомоществовать госпожамъ учительницамъ въ преподаваемыхъ имъ наставленіяхъ. А буде которая за болѣзнію, или другой какой законной причины, при классѣ быть не можетъ, тогда надзирательница занимаетъ на то время ея мѣсто".—6. О госпожахъ учительницахъ и мастерахъ, въ 19-ти параграфахъ; въ первомъ объяснено: „Число обучающихъ для перваго и втораго возраста дѣвицъ опредѣляется по четыре, для третьяго и четвертаго по двѣ, и того двѣнадцать, полагая напередъ, что при выборѣ оныхъ, ничего не проронено, и что онѣ одарены всѣми потребными къ тому качествами, дабы должность свою исправно, честно и съ похвалами исполнять въ состояніи были. Въ слѣдующихъ параграфахъ излагаются обязанности учительницъ въ отношеніи дѣвицъ.—Глава вторая состоитъ изъ 42 параграфовъ (безъ раздѣленій) въ которыхъ содержатся правила „о воспитаніи вообще", а важность всѣхъ предметовъ въ него входящихъ, какъ то: молитва, ученье, пища и столовое содержаніе, одежда, прогулка, забавы, посѣщеніе дѣвицъ родителями и родственниками, спальныя каморы, мыльни; о немоществующихъ докторѣ и лѣкарѣ, и наконецъ о привратникахъ. Въ заключеніе всего къ „Уставу" присоединена таблица (стр. 63—66), показывающая: „Генеральный Штатъ воспитательнаго общества для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, съ означеніемъ четверыхъ господъ попечителей изъ числа сенаторовъ или другихъ знатнѣйшихъ особъ, и затѣмъ всѣхъ служащихъ при учрежденіи, какъ живущихъ въ самомъ, такъ и внѣ воспиталища.—Далѣе помѣщено: „Краткое изъясненіе иконологическимъ изображеніямъ при Уставѣ воспитанія двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, (4 ненум. стр.) изъ объясненій помянутыхъ аллегорическихъ фигуръ; фронтисписъ. „Осіявающее вензловымъ Ея Императорскаго Величества именемъ пальмовое дерево, служитъ зна-

комъ продолженія Монаршаго покровительства къ благополучному сему учрежденію о воспитаніи юношества. Младость веселящихся около сего древа Грацій украшенныхъ благодѣяніями и благодарностію значить, что память полученнаго благодѣянія, старѣть никогда не должна. Живность ихъ и поспѣшность значатъ, что благодѣяніе медлѣнія не терпитъ. Совокупность ихъ рукъ значитъ, чтобъ люди взаимнымъ благодѣяніемъ союзъ свой крѣпче соединяли. Въ низу сидящая Нева опершись на свой урнъ, показываетъ свое удовольствіе въ томъ, что сіе преполезное учрежденіе основано и самымъ дѣломъ исполняемо на ея брегахъ"; внизу подпись: Грав. Гри. Сребрицкій.—Виньеты: „Великодушное Благодѣяніе; пылающее сердце въ рукѣ великолѣпно одѣтой жены, съ пламенемъ на головѣ ея, которую окружаютъ веселящіеся младенцы, значитъ горячность ея, которая никогда потухнуть не можетъ. На пьедесталѣ скипетръ, корона и рогъ изобилія; позади лежащій левъ, великодушіе государя. Г. С. Панинъ (гл. I. стр. 5). Поученіе къ Вѣрѣ и свѣтскимъ добродѣтелямъ: Почтеннаго вида жена, имѣющая при себѣ крестъ и книгу завѣтовъ, означаетъ таинство вѣры; въ правой рукѣ озаренное солнце, значитъ просвѣщеніе въ вѣрѣ отъ заблужденія тьмы невѣжества; свѣтскія же добродѣтели, яко то: цѣломудріе, непорочность, вѣрность и воздержаніе, назначены находящимися при ней младенцами". Г. С. Панинъ (Гл. II. стр. 41).—Къ Учрежденію Особливаго Училища: Благополучіе Общества: „Пріятное и веселое обхожденіе, тишина и изобиліе суть главные знаки благополучія: чего для и представлена въ видѣ молодомъ и пригожемъ жена увѣнчанная цвѣтами, держащая въ рукѣ Меркуріевъ жезлъ (кадуцей), чрезъ который древніе представляли миръ и благополучіе; палка, змѣй и крылья значатъ власть, премудрость и прилѣжаніе; оныя свойства весьма потребны для произведенія съ успѣхомъ какого-либо предпріятія; рогъ изобилія, обыкновенный есть символъ общаго благополучія". Грав. Д. Герасимовъ (стр. 1).—Въ концѣ главы II-й „Устава" флеронъ съ изображеніемъ витающихъ въ облакахъ трехъ геніевъ, держащихъ цвѣточную гирлянду. Гр. Герасимовъ (Уставъ Глава II. стр. 68).

2. **Учрежденіе** особливаго **Училища** при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ **Монастырѣ** для воспитанія малолѣтныхъ дѣвушекъ; при Императорской Академіи Наукъ 1769 года 4°. 8 ненум. стр. (кромѣ 3-й) и виньета.

Сопик. Ч. 5. № 12335.—Смирд. Ч. 1. № 1885.

За собственноручнымъ подписаніемъ императрицы генваря 31 дня 1765 года, состоитъ изъ 10-ти параграфовъ, изъ которыхъ пер-

вый содержитъ извѣстіе объ основаніи помянутаго училища для 60-ти малолѣтныхъ дѣвушекъ, въ особенно опредѣленномъ строеніи Воскресенскаго монастыря; въ слѣдующихъ параграфахъ изложены правила опредѣленныя для пріема и обученія каждаго изъ трехъ возрастовъ, выпуская ихъ по 12 ти лѣтнемъ пребываніи въ училищѣ въ замужство, поступленіе на срочные годы въ службу съ договоромъ и платою, при училищѣ благородныхъ дѣвицъ, или оставленіе при своемъ училищѣ на три года, не въ числѣ классныхъ, съ полученіемъ отъ училища компаты, дровъ и свѣчей.—Послѣднее приложеніе:

3. **Краткое Наставленіе** выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о **Воспитаніи Дѣтей** отъ рожденія до юношества.—Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1768 года. 4°. 4 ненум.; шмуцъ-титулъ и оглавленіе) и кромѣ заглавн. листа: 50 пум. стр., виньета и флеронъ.

Сопик. Ч. 4. № 6501.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. стр. 243. № 44

Перепечатка къ присоединеннаго къ книгѣ: „Учрежденія Имп. Воспит. Дома; 1767 года „Наставленія изданнаго въ 1766 году [1]; Въ настоящемъ изданіи та же виньета, но съ подписью: Гр. Сребрницкій, которой нѣтъ въ первомъ; и въ статьѣ: „О Баняхъ" на послѣдней 50-й страницѣ флеронъ перваго изданія замѣненъ другимъ, изображающимъ моющихся въ банѣ троихъ дѣтей.

№ 104. Россійская универсальная **Грамматика** или **Всеобщее Письмословіе** Предлагающее Легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ вещей.—Clericus est legito hoec Laicus! legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles. D. Collis.—**Издано во градѣ Святаго Петра.** 1769 года. 6 ненум. (приношеніе, предисловіе, оглавленіе, опечатки) и 424 нум. стран. мелкой печати.

Сопик. Ч. 2. № 2954.—Смирд. Прибавл. 2-е. № 11152.—Геннади. Русск. Книжн. Рѣдкости стр. 42 № 25.—Новикова Опытъ Историч. Словар. о Росс. Писат. стр. 113.—Митр. Евгенія Словарь о Русск. свѣтск писат. 1845. т. 1. стр. 328.—Геннад. Справочн. Словарь о Русск. писат. и учен. т. 2. стр. 203.—Веселаго. Очеркъ. Морск. Кадет. Корпуса стат. о Кургановѣ.—Библ. для Чтен.

---

[1] Матеріалы для Русск. Библіогр. Выпускъ 1-й, стр. 217. № 135.

1857. т. 141. № 1.—Москов. Телегр. 1831. т. 42, № 241. стр. 439 и слѣд.—Колбасинъ. Литературные дѣятели прежняго времени. стр. 169—239.

Заглавный листъ въ фигурной рамкѣ, украшенный гравирован. на деревѣ виньетой, изображающей плывущаго и трубящаго въ рогъ тритона; на оборотѣ слѣдующіе пять эпиграфовъ: „Суть же убо слова (рѣчи) осмь елика глаголемъ и пишемъ, внѣ же сихъ ничтоже есть, и не мощно слова изъяснити безъ сихъ"; Якоже рече Іоаннъ святый Дамаскинъ.—„Грамматика есть знаніе, какъ писать и познавать читаемое, и оная есть всѣхъ наукъ основаніе". Аристотель въ книгѣ VII. Топиковъ.—„Грамматика есть дражайшее паче иныхъ свободныхъ наукъ знаніе". Виргилій въ книгѣ 1, въ главѣ 7, о изобрѣтателяхъ вещей.—„Тупа Ораторія, коспоязычна Поэзія, неосновательна философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики". М. Ломоносовъ.

«Нельзя чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ, ни правилъ».
Въ Эпистолѣ, А. П. Сумароковъ.

На слѣдующей страницѣ Кургановъ, авторъ грамматики [1], въ „приношеніи" своемъ читателю, говоритъ: „Читатель благочестивый, Человѣкъ добрый! Писатели будучи одарены отъ Бога способностью, и вѣдая качества добродѣтели, должны по возможности упражняться въ полѣзныхъ дѣлахъ, и отечеству своему приносить жертву плодами оныхъ; и тако, вашему благоразумію посвѣщая трудъ мой въ знакъ моего усердія, издана въ свѣтъ книга сія. За щастіе почитаю, что я вамъ, какъ любителю словесныхъ наукъ, и нашимъ согражданамъ между прочемъ и сею малодѣльностью услужить могъ, въ чемъ состояло главное мое намѣреніе и желаніе, чтобъ вы оною благочинно и благополучно пользовались. Благородный господинъ, Вашему благонравію доброжелатель. Н. К". — Въ предисловіи къ „Россійской Универсальной Грамматикѣ", которое приводится здѣсь

---

[1] Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ 1726 г. сыномъ унтеръ-офицера, обучался математическимъ наукамъ на московской Сухаревой башнѣ, ум. 1769 г., въ Кронштадтѣ, въ чинѣ подполковника, и въ званіи профессора, помощника и инспектора классовъ Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса.

вполнѣ, и подобно „приношенію" съ точнымъ сохраненіемъ правописанія автора книги; объясняя цѣль предпринятаго имъ труда, и упоминая о пользѣ его для учащагося юношества, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознается въ могущихъ встрѣтиться въ его сочиненіи недостаткахъ. „Книгу сію", говоритъ онъ, „издать не мое бы, да и скучное дѣло; но по древней нашей пословицѣ: не боги горшки та обжигаютъ, тѣ же люди. Нужда придаетъ охоту, а прилѣжность трудъ преодолѣваетъ. Нѣкогда и вздумалъ дѣтей моихъ поучить свойству нашего языка по преждеизданной руской Грамматикѣ, но она показалась мнѣ для нихъ трудною; и такъ я принужденъ оную преобразить, подражая славянскимъ и чужестраннымъ грамматикамъ для наученія юношества, въ удобнѣйшее расположеніе и объясненіе, со многимъ исполненіемъ. Сверхъ того обогатилъ ее присовокупленіями разныхъ благопристойныхъ вещей, вѣдая, что перемѣнность веселитъ, обогащаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ; ибо въ нихъ есть много дѣльнаго и нравоучительнаго, и то, что послужитъ полезновеселымъ упражненіемъ. Станется въ семьѣ не безъ урода; нѣкоторыя рѣчи въ пословицахъ и въ повѣстцахъ найдутся простоваты, и ошибки въ словотолкѣ, чему причиною новое сіе дѣло, могущее исправиться въ будущихъ изданіяхъ. Въ прочемъ должно взирать на хитрость пчелъ, и внимать ученію: Будите мудри яко змія и цѣли яко голубіе. Критики избѣжать трудно, и всѣмъ управить невозможно; человѣкъ есть животное подверженное смѣху, и надъ другими смѣяться любящее. И легче судить и цѣнить, нежели сочинять и учить. Въ книгу сію занятая чуждинка не порокъ; ибо и творцы нынѣшнія походятъ больше на Историковъ или бытописцевъ".—Слѣдующій затѣмъ „Краткой Повѣстной Лѣтописецъ", какъ видно изъ находящейся подъ „Опечатками" подписи: „Для оставшей осьмушки помѣщенъ", представляетъ весьма неполный перечень именъ и событій, начинающихся извѣстіемъ о числѣ лѣтъ протекшихъ отъ сотворенія міра до потопа по счисленію греческому и римскому; о началѣ Іюліанскаго и Григоріанскаго лѣтосчисленія; объ изобрѣтеніи книгопечатанія, открытіи Америки и проч., о началѣ народа еврейскаго, ассирійской, персидской, греческой и римской монархій и о раздѣленіи послѣдней Феодосіемъ Великимъ и проч. Находятся извѣстія и такого рода: „во время Р. Христова, въ Британіи былъ король Симбелинъ, въ Даніи Фрото III, въ Швеція Ерикъ III... Въ извѣстіяхъ касающихся Россіи, упомянуто о В. князѣ Рюрикѣ, В. кн. Ольгѣ, в. кн. Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ; первомъ патріархѣ Ларіонѣ, объ основаніи Кіева; присвоеніи римскаго герба

двуглаваго орла в. кн. Иваномъ Васильевичемъ. О в. кн. Василье Ивановичѣ и царѣ Иванѣ Васильевичѣ, взятіи при немъ Казани, Астрахани и Сибирскаго царства. О заведеніи въ Москвѣ первой книгопечатни. Между важнѣйшими событіями царствованія Петра перваго упоминается о зачатіи россійскаго флота и учрежденіи регулярной арміи въ 1696 году; о первомъ по списку русскомъ генералъ-адмиралѣ Францѣ Лефортѣ, и славнѣйшемъ корабельномъ мастерѣ Петрѣ Михайловѣ. Этотъ весьма краткій лѣтописецъ оканчивается извѣстіемъ объ учрежденіи изъ бывшей въ 715 году морской академіи, въ концѣ 752 года, морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса.

„Вступленіе въ Грамматику" содержитъ опредѣленіе ея, съ показаніемъ азбуки, различія буквъ, знаковъ препинанія и удареній. Собственно грамматика (стр. 3—108) раздѣлена на слѣдующія три части: 1. О произведеніи словъ.—2. О сочиненіи словъ и рѣчей.—3. О произношеніи и правописаніи россійскомъ. Въ первой части помѣщены два „предварительныхъ отдѣла: „О знаменательныхъ частяхъ рѣчи вообще" и о Происхожденіи и сложеніи словъ. Затѣмъ слѣдуетъ: Глава первая. О Имени съ раздѣленіемъ на V отдѣловъ, содержащая указаніе разнородныхъ именъ. — Гл. вторая. О Мѣстоименіи, въ 11 отдѣлахъ: о раздѣленіи и склоненіи Мѣстоименій.—Гл. III. О Глаголахъ, въ четырехъ отдѣлахъ, о свойствахъ глагола вообще; о спряженіи простыхъ глаголовъ; о глаголахъ сложенныхъ обоего спряженія; о безличныхъ, неправильныхъ и неполныхъ глаголахъ.—Гл. IV. О Причастныхъ.—Гл. V. О Нарѣчіи. — Гл. VI. О Предлогахъ. — Гл. VII. О Союзахъ. Гл. VIII.—О Междометіи. Въ заключеніе первой части, какъ примѣры для грамматическаго разбора, предлагаются учащимся молитвы: Господня „Отче Нашъ" и „Царю Небесный"; причемъ составитель грамматики говоритъ: „Напослѣдокъ предлагаю порядокъ Технологіи, т. е. собѣседованія объ осми частяхъ рѣчи по вопросамъ и отвѣтамъ, дабы учащіеся пріобыкли всякой рѣчи слова, по предписаннымъ правиламъ различать; ихъ роды разбирать, виды показывать, числа сказывать, начертанія объявлять, падежи узнавать, склоненія памятовать, о залогахъ и временахъ разсуждать и пр."—Первая глава второй части грамматики состоитъ изъ слѣдующихъ осьми отдѣловъ: О сочиненіи словъ вообще, а особливо именъ.—О сочиненіи мѣстоимѣній.—О сочиненіи глаголовъ.—О сочиненіи причастныхъ.—О сочиненіи нарѣчій.—О сочиненіи предлоговъ.—О сочиненіи союзовъ.—О сочиненіи междометій.—Вторая, изъ трехъ

отдѣловъ: О простомъ сочиненіи рѣчей.—О сложномъ сочиненіи рѣчи.—О чинѣ и порядкѣ грамматическомъ.—Первая глава третей части, предлагаетъ въ трехъ отдѣлахъ, какъ дополненіе къ сказанному уже во вступленіи: о азбукѣ россійской, о различіи и произношеніи буквъ. Въ пяти отдѣлахъ второй главы объясняется: о правописи буквъ; о складахъ и словахъ; о просодіи или гласоудареніи; о препинаніяхъ, или строчныхъ знакахъ.—О раздѣленіи книгъ (показаніе раздѣленія ихъ на части, главы, отдѣлы, параграфы или статьи и стихи).—Въ концѣ грамматики, составитель ея помѣстилъ приводимое здѣсь дословно „заключеніе увѣщательное", въ которомъ онъ обращается къ родителямъ и воспитателямъ съ слѣдующею наставительною рѣчью: „О пользѣ, силѣ же и дѣйствѣ достохвальнаго и въ человѣческомъ обществѣ весьма потребнаго сего грамматическаго знанія (перваго изъ словесныхъ наукъ), которое уже на разныхъ языкахъ отъ различныхъ божественнаго писанія учителей и прочихъ свѣтскихъ мудрецовъ, премногихъ похвалъ удостоеннаго, чтобы моимъ просторѣчіемъ и тупою тростію о томже повторять, почитаю за излишнее и непристойное дѣло; но оставя премудрымъ о томъ витійствовати, предлагаю слѣдующее, подражая прежнимъ писателямъ.

Внемлите усердно, чадолюбивые родители, любомудрые учители и трудолюбивые тщатели, предписаннымъ славнѣйшихъ науками мужей свидѣтельствамъ; а наипаче великаго святыя восточныя церькви Богослова и вселенскаго свѣтителя, святаго Іоанна Дамаскина, сему увѣщательному поученію: „По божію образу созданному человѣку, и слова почтенному саномъ, сего части, имиже состоится, не безъ ученія оставити потреба. Аще бо и кромѣ сихъ въ души состоитъ слово, якоже учатъ богоносные отцы, но ко второму рожденію плоти, еже устами и гласомъ изъявляему, и прочими сего орудіями плотскими, тогда и частей къ составленію требуютъ. Кромѣ бо сихъ изъяснити, о нихже слово, невозможно. Суть же убо слова частей осмь, елико глаголемъ и пишемъ, внѣже сихъ ничтоже есть. Суть же сія: имя, глаголъ, вмѣстоимѣніе, причастіе и прочая...." Примите и сію трудовъ Ломоносовыхъ и прочихъ давныхъ писателей (негли же отъ части при помощи Божіей и нашихъ) возновленную изданіемъ Грамматику, съ любовью усердно, и какъ плодъ новопрозябшій, по себѣ независтно раздѣляйте: и чемъ болѣе оная станетъ обращатся, тѣмъ множае будетъ приращатся; отъ скрывающаго же, паче чаянія, сего ученія даръ возмется. Памятуя притомъ, что молодыхъ людей нѣжные нравы, всюду гибкія страсти и мягкія ихъ, и воску подобныя мысли добрымъ воспитаніемъ управляются.

Въ вашей любопытательные учители состоитъ должности, чтобъ присмотру, попеченію и промыслу вашему ввѣренныя дѣти, время своего назадъ возвратится не могущаго, втуне не тратили, за что вы слово въ день страшнаго суда Божія воздать повинны будете. Зрелые же возрастомъ и разумомъ сего не требуютъ, будучи въ состояніи и учащаго научить. И ежели кто самъ непоученъ грамматики, тотъ дѣтямъ, читать уже по русски умѣющимъ, къ наизустному ея изученію преподавать можетъ.

Впрочемъ благоразумные родители и трудолюбивые дѣтей учители, вамъ особливо сіе наблюдать надлѣжитъ, чтобъ ваши чада и ученики по изученіи букваря и прочаго христіанину знать должнаго, неотменно вступали въ грамматическія правила, помоцію которыхъ сочиненію и письму русскому навыкнетъ ученикъ, хотя бы былъ и не весьма рачительны. И который по совершеніи грамматики обрящетъ ключь разумѣнія какъ исправно читать и писать, и симъ простретъ разумъ, и съ прилежаніемъ вникнетъ въ чтеніе священныхъ и свѣтскихъ книгъ, къ лучшему и яснѣйшему ихъ понятію. Ибо когда по осмичастному разуму слова (даннаго отъ Бога уму нашему разсуждать и языку говорить, для взаимнаго сообщенія нашихъ мыслей) читаемое будетъ разбирать и порядочно располагать по приложеннымъ въ концѣ части 1 примѣрамъ, то можетъ избѣжать погрешностей въ писаніи, и претыканія въ переводѣ съ иноязычныхъ книгъ. „Il ne faut pas mépriser comme bagatelles, les petites choses, sans les quelles les grandes ne sauraient subsister. S. Jerome, Epitre à Laeta“.

Не смотря на то, что Кургановъ по собственнымъ его словамъ, руководствовался при трудѣ своемъ извѣстными славянскими, также многими иностранными, но болѣе всего грамматикой Ломоносова, собственный его учебникъ, по справедливости слѣдуетъ признать трудомъ самостоятельнымъ, приспособленнымъ къ тогдашнимъ, современнымъ требованіямъ науки; почти всѣ опредѣленія въ его грамматикѣ отличаются ясностью и вразумительностью; и въ нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ имъ, и вообще удачно подобранныхъ примѣрахъ, замѣтно остроуміе, а мѣстами выказывается юморъ, иногда иронія. Такъ на примѣръ, по поводу разсужденія о употребленіи частицы или „прилога“ де, онъ приводитъ слѣдующій примѣръ, въ которомъ разказываетъ о взяточничествѣ новомодныхъ юристовъ: „Нѣкто кандидатъ говорилъ полурусски такъ: служилъ де я сорокъ лѣтъ, а капиталу нѣтъ; и я де о томъ юристовъ просилъ, но они де и не азардируютъ нынѣ на акциденцію (взятку), точію де по новомодной поведенціи очень политично ексхузуясь (извиняясь), завтренятъ (обѣщаютъ завтра) и проч.

„А въ просторѣчіи", продолжаетъ онъ, „вмѣсто той частицы „де", употребляютъ какое то рѣченіе „дискать": я дискать туда ходилъ, да ничего не получилъ; до Бога дискать высоко, а до Царя далеко. Еще употребляется „де", говоритъ онъ, „въ крѣпостныхъ выписяхъ, въ допросахъ и въ прочихъ симъ подобныхъ приказныхъ дѣлахъ, третьимъ лицемъ. На пр. „Сидоръ въ допросѣ показалъ, что пришедъ къ нему Карпъ, говорилъ такую небылицу: это де зѣло обидно, что де у нихъ, маломошныхъ, постой всегда, у иныхъ иногда, а у многихъ никогда; да къ тому де, что съ одного, то и съ десятернаго двора, ходитъ тажъ дубина и десятня, а тому де причиною... „Тутъ прекращается небылица разсказанная Карпомъ о притѣсненіи бѣдныхъ крестьянъ. Въ слѣдующемъ примѣрѣ, объясняя чѣмъ замѣняется частое повтореніе де, умный и своеобразный грамматикъ осмѣеваетъ предсказаніе нѣкотораго астронома: „Въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ" разказываетъ онъ, „подражая иностранному штилю или пописи, вмѣсто частаго повторенія де, чужую или постороннюю рѣчь ставятъ прямо, безъ всякой перемѣны другою азбукою, или отмѣтя каждую строку только двойными запятыми. Напр: нѣкій мудрецъ предсказавъ въ академическихъ месячныхъ сочиненіяхъ о будущемъ затмѣніи солнца Венерою, говоря сице: по прошествіи 120ти лѣтъ, считая съ 1761 года, наконецъ паки видно будетъ тоже самое явленіе. А въ напечатанной при академія запискѣ бывшаго въ 1761мъ году, такова же затмѣнія, между прочихъ, достойныхъ любопытства вещахъ, стоитъ слѣдующее... что сіе достопамятное прохожденіе Венеры по солнцу, паки въ 1769 году, маія 23 дня по старому стилю случится, которое хотя въ Санктпетербургѣ видѣть и сомнительно, токмо многія мѣста около здѣшней параллели, а особливо далѣе къ сѣверу лежащія, могутъ быть свидѣтели, и т. д." Этой академической запиской и опровергается предсказаніе мудреца, приведенное выше. Хотя Кургановъ сознаетъ неумѣстность подобнаго примѣра, непонятнаго подобно „физическимъ письмамъ" не только геодетамъ, но даже инымъ астрономамъ; но между тѣмъ, предпочитая приведенное здѣсь „пустымъ романамъ" сообщаетъ далѣе любопытнымъ о пяти подобныхъ же затмѣніяхъ солнца отъ планеты Меркурія быть имѣющихъ, и съ означеніемъ годовъ [1].—Большая часть примѣровъ приведенныхъ въ „Универсальной грамматикѣ", весьма разнообразны, и въ нихъ, мѣстами высказывается направленіе и складъ автора ея, являющагося попеременно, то строгимъ педагогомъ, то забавнымъ разкащикомъ и

[1] Росс. Универсальн. Грам. ч. втор. стр. 81—82.

сатирикомъ; слѣдующій въ формѣ стихотворенія, представленный какъ примѣръ „вопрошенія и восклицанія" содержитъ въ себѣ жестокую и горячую укоризну:

«Доколѣ терпѣть? о чудное правосудіе!
О пища ты червей! о прахъ и пыль презренный!
О ночь! о суета! за чемъ ты такъ надменный?...» [1]

Въ другомъ мѣстѣ, Кургановъ, какъ коренной руссакъ, не упускаетъ кольнуть хорошо ему извѣстною слабостію соотечественника своего; такъ напр., говоря о томъ, что цѣну изображаетъ дательный падежъ съ предлогами по и въ, онъ поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ: „французская (водка) не дорога, по восьми гривенъ штофъ; а сивухи или пенпухи, въ два съ двадцатою ведро [2]. Въ разсужденіи своемъ объ орѳографіи, авторъ грамматики учитъ, чтобъ „каждый стихъ начинать въ стихотворствѣ съ прописной буквы, и подтверждаетъ это правило двустишіемъ, въ которомъ высказываетъ мнѣніе свое о преимуществѣ танцовщика передъ профессоромъ, или о предпочтеніи ногъ головѣ:

«Танцовщикъ ты богатъ, Профессоръ ты убогъ:
Конечно голова въ почтеньи меньше ногъ.» [3]

Любопытно примѣчаніе объ употребленіи буквъ *ѣ* и *е*, въ которомъ авторъ „грамматики старается доказать безполезность существованія первой изъ нихъ, признавая его совершенно лишнимъ: „Можно бы", говоритъ Кургановъ, „оставя букву *ѣ*, вездѣ писать *е*, да понеже выговоромъ, а паче писаніемъ въ надлежащихъ словахъ буквы *ѣ* вмѣсто *е*, различаются слова разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, какъ: лечу, лечить отъ лѣчу, лѣтѣть; пеню, имя въ винительномъ отъ пѣню, глагола; пленъ, родит. множеств. имени плѣна, отъ плѣнъ, то есть полонъ, и другіе многіе слова сими двумя буквами различаются, какъ въ писмахъ, такъ и въ произношеніи, а особливо у малороссовъ, кои хотя въ томъ и великіе знатоки, однако оную букву *ѣ* гораздо мягче падлежащаго произносятъ, превращая ее въ *ье* и въ *и*, какъ: мьесто или мисто за мѣсто. И часто нѣкоторые изъ нихъ *о* за *а*, *ы* за *и*, *ъ* за *ь*, и въ противъ, весьма неправильно выговариваютъ, а иные и пишутъ. Въ прочемъ предписанное затрудне-

---

[1] Русск. Универсальн. Грам. ч. трет. стр. 104.—[2] Тамъ же, ч. втор. Сочиненіе предлоговъ по разнымъ обстоятельствамъ, стр. 78.—[3] Тамъ же, ч. трет. стр. 95.

ніе въ различеніи *е* отъ *ѣ*, кажется совсѣмъ излишнымъ и обходимымъ мудрованіемъ: а сіе какъ видно, и въ славенскій языкъ съ начала введено отъ Кіевлянскихъ переводчиковъ, подражая греческому и польскому произношенію. Лучше бы остаться при одной буквѣ *е*, уничтожа помянутое различіе словъ, кое по смыслу рѣчи само собою вразумительно; сего ради, многіе наши писцы, несмотря на тѣ правила, всегда одно *е* употребляютъ, потому что для себя, а не для иноземцовъ пишутъ, которые не за свои деньги сему легко обучаются...[1]" Нельзя не согласиться, что дѣльныя опредѣленія въ грамматикѣ Курганова, примѣры подобные вышеприведеннымъ, наконецъ своеобразные и самостоятельные взгляды его на науку, высказанные имъ на страницахъ учебника, невольно удерживались въ памяти учащагося. Книга Курганова имѣла громадный успѣхъ, что доказывается многочисленными ея изданіями, повторявшимися въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія; она расходилась во множествѣ экземпляровъ, благодаря конечно не одной только помѣщенной въ ней грамматикѣ, но едва ли не болѣе, по любопытнымъ „присовокупленіямъ" приходившимся по вкусу всякаго разбора читателей, такъ что занимательная книга изчезала въ народѣ, не столько отъ времени, сколько отъ употребленія.—Покончивъ съ грамматикой, авторъ нашъ, оставляетъ на время указку педагога, и отъ поученія юношества, переходитъ къ занимательной бесѣдѣ съ читателями возраста болѣе зрѣлаго.

Семь „Присовокупленій" слѣдующія за грамматикой, составляютъ весьма своеобразную хрестоматію, или первый, въ русской литературѣ, въ этомъ родѣ учебникъ, хотя и расположенный безъ всякой системы. Первое изъ помянутыхъ „присовокупленій" вмѣщаетъ въ себѣ до 960 пословицъ и поговорокъ въ азбучномъ порядкѣ (стр. 180—181), между которыми встрѣчаются нѣкоторыя весьма неблагозвучныя и циническаго свойства, какъ напримѣръ: „Бабка скачетъ задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.—Брюзжитъ какъ худое пиво у афедрона.—Кто попу не сынъ, тотъ блядинъ сынъ.—Пришло узломъ къ гузну.—Второе, подъ заглавіемъ: „Краткія замысловатыя повѣсти" (стр. 126—184), представляетъ собраніе анекдотовъ и острыхъ словъ, заимствованныхъ и переведенныхъ по словамъ самаго Курганова, большею частью изъ иностранныхъ книгъ[2]; но въ то

---

[1] Универс. Грам. Ч. трет. стр. 97.—[2] Эти „повѣсти" встрѣчаются въ старыхъ иноязычныхъ учебникахъ какъ на прим: французской грамматикѣ Лемонда, итальянской Венерони, и разныхъ сборникахъ анекдотовъ и острыхъ словъ.

время, эти „повѣсти", со всѣми ихъ остротами и часто пошлостями, были для большинства читателей новостью, и могли служить для людей невзыскательныхъ, пріятнымъ развлеченіемъ; онѣ всѣ состоятъ изъ коротенькихъ, часто въ нѣсколько строкъ, разказцевъ, и несмотря на то, что названы „повѣстями" далеко не представляютъ того, что въ настоящее время разумѣется подъ этимъ названіемъ. Здѣсь главная заслуга Курганова заключается въ томъ, что онъ собравъ въ книгѣ своей чужія произведенія, съумѣлъ выразить въ нихъ отчасти свой собственный взглядъ на современное ему общество; и указывая на недуги общественнаго организма, онъ преслѣдуетъ слабости и пороки сатирою. въ лицѣ несправедливыхъ судей-взяточниковъ, мошенниковъ-стряпчихъ, нападаетъ на скупость, мотовство, хапжество и лицемѣріе; издѣвается надъ кокетствомъ и распущенностію легкомысленныхъ женщинъ; порицаетъ обжорство и пьянство. Чтобы дать понятіе объ этихъ „замыслóватыхъ повѣстяхъ", приводимъ нѣкоторыя изъ числа ихъ, простирающагося до 300; иныя должны быть русскаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ переводъ которыхъ сдѣланъ съ припаровленіемъ ихъ къ русскимъ нравамъ: „Подьячей при допросѣ нѣкоего раскольника говорилъ: буде у тебя совѣсть столь велика какъ твоя борода, такъ сказывай правду. Государь мой, отвѣчалъ суеверъ: ежели вы совѣсть бородами измѣряете, то видно вы безсовѣстны, для того что голобороды".—„Стряпчей, при кончинѣ написалъ въ духовной такъ: всѣ мои пожитки раздѣлить глупымъ, бѣснующимъ и сумазбродамъ. Когда же спросили его: для чего онъ обидѣлъ своихъ сродственниковъ? для того, онъ отвѣчалъ: что я отъ такихъ все нажилъ". (стр. 128).—„Камбизъ, грозный Государь и гонитель неправды, приказалъ съ одного своего судьи и любимца содрать съ живаго кожу за взятки и неправосудіе, и покрыть ею стулъ, и пожаловавъ сына того въ судьи, велѣлъ ему всегда садиться на томъ стулѣ" (стр. 148).—„Мужикъ будучи обиженъ отъ сосѣда, пошелъ къ воеводѣ жаловаться, и подарилъ ему кувшинъ молока, а виноватой снеся поросенка выкрутился. Тотъ сожалѣя, спросилъ подъячего: ахъ, гдѣ-то мое молоко? Подъячей открывъ тайну, сказалъ: выпилъ поросенокъ. Эка мерская скотина, пострѣлило бы ее горой!" (стр. 149).—Нѣкій судья жаловался на купца президенту въ порицаніи его во взяткахъ. Плюнь братъ на него, сказалъ ему предсѣдатель; эти люди по природѣ грубы и невѣжи; они обыкли называть всякую вещь по имени" (стр. 150).—„Судья сказалъ своему челобитчику: я изъ твоего дѣла, не вижу никакой тебѣ пользы. Но тотъ уразумѣвъ его слова, вынялъ изъ своего кармана два червонца, и давъ ихъ судьѣ, молвилъ: Такъ вотъ сударь, я дарую вамъ хорошую

пару очковъ".—Въ иныхъ разказахъ выводятся на позоръ недостойныя лица духовнаго званія: „Попъ поссорясь съ одной бабой на пиру, грозилъ ее за то поколотить. Но она ударяя себѣ по бедрѣ, сказала: дай Боже ей здравье, я тебя нисколько не боюсь. Попъ... поди, ну къ чорту плёха! а она закричала: извольте господа прислушать; онъ открылъ мою исповѣдь!" (стр. 142).—Нѣкій мызной пасторъ похоронилъ на кладбищѣ любимую свою собаку. Епископъ хотѣлъ было его наказать за такое беззаконіе. Но Попъ, вѣдая что онъ корыстолюбивъ, объявилъ: Ваше Преподобіе! ежели бы вы знали, какъ эта собака была умна, вы бы ее почли за разумную животную; она здѣлала духовную, по которой вамъ оставила серебреную чашу, изъ коей она ѣла; и такъ я вамъ ее вручаю. Епископъ убѣжденный симъ подаркомъ, предалъ тотъ грѣхъ забвенію" (стр. 165). Безпорядочнаго поведенія женщины клеймятся въ разказахъ, позоромъ: „Дѣвицы, гуляя полемъ, встретились на дорогѣ съ пастухомъ несущимъ козленка. Тогда одна изъ нихъ подошла, и любуясь имъ, говорила своимъ подругамъ: посмотрите-ка сестрицы, какой пригоженькой козленочекъ! да и безъ рогъ. Пастухъ слыша то, сказалъ: вѣдь еще онъ „станя" холостъ" (стр. 135).—„Нѣкто женился на дѣвушкѣ, которая вскорѣ родила другую, и по разнесшемуся слуху, иные новобрачному смѣялись, что онъ женился на кобылѣ съ жеребенкомъ. Другіе говорили, что плодъ еще очень рано поспѣлъ. Но одинъ сказалъ ему: неогневайтесь сударь, вы очень поздно съиграли свадьбу" (стр. 154).—„Двухъ кокетокъ, поссорившихся, спросилъ одинъ знакомой: о чемъ вы бранитесь? О честности, отвѣчали онѣ. Жаль, что вы ни за что взбѣсились" (стр. 159).—„Нѣкто, женясь на кокеткѣ, и захотя посмѣяться одному мудрецу, сказалъ: Хотя тебя почитаютъ за преученаго, но не думаю, чтобъ ты могъ что-либо совершенно знать. Обманываешься другъ, отвѣчалъ онъ; ибо я совершенно знаю то, что ты съ рогами". Къ этому разказу, Кургановъ прибавляетъ четверостишіе, состоящее въ оправданіи одной прелюбодѣйки передъ мужемъ своимъ, въ невѣрности.

«Я друга твоего люблю зракъ твой любя,
Ево цалуючи, цалую я тебя:
Едина въ васъ душа, извѣстно мнѣ то дѣло;
Такъ думается мнѣ, одно у васъ и тѣло.» [1]

[1] Замѣтимъ что нѣкоторые разказы и вирши, напечатанные въ грамматикѣ Курганова, встрѣчаются также въ еженедѣльникѣ Чулкова: „И то и Сё".

„Молодецъ, женясь, сказалъ своей женѣ на первой ночи: ежели бы я тебя такъ зналъ прежде, то бы никогда на тебѣ не женился. Это правда, отвѣчала она: я сама подумала; потому что меня прежде разъ пять уже обманули, и я опасалась болѣе въ такой обманъ вдаваться".— Далѣе помѣщены: „Различныя шутки". „Разносмысленныя предложенія (относящіяся къ планетамъ и звѣздамъ), и „Достопамятныя рѣчи" въ родѣ слѣдующихъ: „Четыре вещи невозвратимы: младость, время, выговоренное слово и дѣвство.—Четыре вещи лишаютъ человѣка разсужденія: любовь, сребролюбіе, гнѣвъ и пьянство.—„Три вещи Богу и людямъ ненавистны: нищъ гордъ, богачь скупъ и лживъ, старъ прелюбодѣй".—„Четыре вещи человѣка приводятъ въ убожество: роскошь, лакомство, лѣность и вражда.—„Три вещи худо употребляются въ свѣтѣ: птицы въ рукахъ дѣтскихъ, молодушки у стариковъ, вино у боярынь, которыя ево не пьютъ, но только имъ лакомятся".—„Говорилъ нѣкто: что рыжева Італіанца, бѣлокураго Іспанца и чернаго Нѣмца, весьма надобно опасаться" (стр. 177).

Успѣхъ и популярность книги Курганова упрочились и тѣмъ, что многое изъ содержащагося въ ней, (конечно исключая всего относящагося къ грамматикѣ и разнымъ наукамъ) приходившагося по вкусу народа, перешло въ лубочную иллюстрацію, и сдѣлалось достояніемъ народныхъ картинокъ [1]. Такъ напр. текстъ статьи: „О женщинахъ и уборѣ", описаніе женской красоты, послужило для лубочной картинки [2]; помянутую статью, состоящую изъ прозы и стиховъ, и весьма пикантнаго свойства, приводимъ здѣсь вполнѣ: „Женское пригожство составляютъ: младость, средней ростъ и дородство. Стройность всѣхъ частей. Длинные и бѣлокурые волосы. Тѣло нѣжное и чистое. Здоровая и румяная бѣлизна. Ровные и немускулистые виски. Брови прямыя. Глаза свѣтлосѣрыя, большіе не на выкатѣ, но равно съ лицемъ имѣющіе приятной взоръ. Носъ долговатъ. Щеки немного выпуклы съ небольшими ямками. Губы румяныя, милой ротъ, бѣлые и ровные зубы. Нѣсколько продолговатую бородку съ ямкою. Небольшія уши прилегшія къ головѣ. Грудь бѣлая и крутоватая. Кисти у рукъ бѣлыя длинноватыя и полныя. Тихое дыханіе. Пріятной голосъ и добрая ухват-

---

[1] Расказы и вирши для простонародныхъ картинокъ скоромнаго содержанія, заимствованы были не только изъ иностранныхъ жартовъ и фацецій, но изъ твореній Измайлова, Сумарокова и пресловутаго „Письмовника" нашего доморощеннаго Вольтера, профессора С.-Петерб. Академіи Курганова.—Русск. народн. Картинки, г. Ровинскаго, ч. V. стр. 165—166.—[2] Тамъ же ч. IV. стр. 241. № 139.

ка, съ перехватомъ станъ. Благородная и скромная походка.—Представивъ этотъ въ физическомъ отношеніи, идеалъ женской красоты, авторъ, или скорѣе переводчикъ, продолжаетъ: „Женщины кои немного румянятся, подражаютъ здоровью и красотѣ; а кои безмѣрно, тѣ подражаютъ гнѣву, лихоманкѣ, нечистотѣ и называются малеваными идолами. И для того, нѣкто думалъ, что всѣ красавицы румянятся; то какую не увидя, спрашивалъ: оригиналъ ли это, или копія? — Женщина произведена въ земномъ раю, а не мущина, и благороднѣйшимъ образомъ. Богъ не взялъ ее изъ его головы, опасаясь быть ей гордою, не изъ его ногъ, чтобъ не была презираемою, но изъ его ребра, дабы онъ ее утоварищалъ. Вотъ для чего онѣ намъ нравятся". — О бракѣ, читаемъ такія разсужденія: „Бракъ пожинаетъ въ одинъ день всѣ цвѣты, кои амуръ производилъ многія лѣта.—Женившися старикъ на молодой, подобенъ лишь родившемуся козлу, у котораго чрезъ годъ выходятъ рога.—Бракъ есть лѣкарство отъ амура.—Пригожая любовница, худая жена.—Гименъ приходитъ по зву, а амуръ когда захочетъ.—Женъ—нѣмцы господа; англичане—слуги; французы—товарищи; италіанцы—тюремщики; испанцы—мучители, россіяне—и такъ и сякъ.—Проповѣдникъ увѣщеваетъ слушателей о понесеніи креста ихъ; тогда одинъ мужъ, вышедъ изъ церкви, понесъ на себѣ свою жену.—Барыня слюбится за дѣло съ судьею: взятка ли?—Къ женщинамъ кокеткамъ относится слѣдующее: „Женское платье и уборы дѣлаются болѣе для продажи ихъ тѣла, а не для покрытія. Инымъ потребно украшеніе, какъ приправа къ кушанью для аппетита.—Сердце кокетки есть зеркало, кое принимаетъ всѣ предметы, а ни одного не удерживаетъ.—Похотливыя женщины меньше чувствуютъ свое сердце, нежели аппетитъ; а благочинныя, храня чистоту сердца, любятъ своихъ полюбовниковъ нѣжно и просто, а своими мужьями съ отвращеніемъ пользуются.—Жизнь многихъ госпожъ есть комедія въ трехъ дѣйствіяхъ: Первое состоитъ въ амурѣ, второе въ игрѣ, а третіе въ набожности!—Въ заключеніе своей игривой бесѣды „о женщинахъ и бракѣ", Кургановъ приводитъ слѣдующіе „Забавные стихи разныхъ риѳмачей":

Ты будущей себя женою утѣшаешь,
Какую взять тебѣ? усердно вопрошаешь;
Возми богатую, такъ будешь ты богатъ,
Возми большой родни, боярамъ будешь братъ
Возми разумную, любви къ похвальной страсти,
Возми прекрасную, телѣсной ради сласти:
А ты отвѣтствуешь: хочу имѣть покой,
Такъ лучше не бери, пожалуй никакой!

*

Нагнала бабушка предъ свадьбой внучкѣ скуку,
Расказывая ей про свадебну науку,
Твердила: вытерпи, что ночь ни приключитъ
Тебя, опричь меня, мою любезну внуку
При случаѣ такомъ, никто не поучитъ;
А внучка мыслила, цѣлуя бабку въ руку:
Ужъ эту, бабушка, я вытерпѣла муку!» —

*

«Вчера свершился мой, жена съ тобою бракъ,
Что я хотѣлъ найти, не сдѣлалося такъ;
Жена ему на то: не тѣ ужъ нынѣ годы,
Трудненько то найти, что вывелось изъ моды».

*

Не разъ ты мнѣ, жена невѣрность учинила:
Скажи мнѣ, сколько разъ ты мужу измѣнила?
Рогатый говорилъ. Въ отвѣтъ на то жена:
Я арифметикѣ, ей ей! не учена». (стр. 78).

За этими стихами и приведенной выше прозой, не совсѣмъ приличными на страницахъ учебника, слѣдуетъ: „Опредѣленія и сравненія или уподобленія“ и „Хорошія мнѣнія“, состоящія изъ краткихъ изрѣченій относящихся къ различнымъ дѣйствительно существующимъ, и отвлеченнымъ предметамъ и понятіямъ (стр. 100—183); тутъ же находится табличка съ заглавіемъ: „Опись качествъ знатнѣйшихъ Европейскихъ народовъ“, и между прочимъ космографическія свѣдѣнія такого рода: „Голландцы народъ грубой, жены у нихъ госпожи. А Голландія есть такая земля, гдѣ четыре стихіи ни къ чему годны. И тамъ золотой демонъ сидитъ на сырномъ тронѣ, въ табашной коронѣ“.—Въ концѣ помѣщены три загадки. (стр. 134). Присовокупленіе III заключаетъ въ себѣ: „Древнія Апофегмы и Эпиктитово нравоученіе“, съ примѣчаніемъ напечатаннымъ курсивомъ, что онѣ выбраны изъ книжки, называемой: „Краткія, витіеватыя и нравоучительныя повѣсти, печатанной на славянскомъ въ Москвѣ 1711 года, коя послѣ многократно уже издаваема была въ академіи наукъ, съ прибавленіемъ только надписи греческимъ словомъ: Апофегмы“.—II. Выбранныя правила Эпиктитова нравоученія изъ Беллегардова французскаго переводу съ нѣкоторымъ толкованіемъ“ (стр. 185—209).—Присовокупленіе IV, содержащее въ себѣ разные „учебные“ разговоры (стр. 210—243).—1. Разговоръ между

книжникомъ и мальчикомъ. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что нѣкій юноша, гуляя по берегу рѣки, встрѣчается съ „грамотѣемъ зѣло задумчивымъ“ и на вопросъ перваго о причинѣ такой задумчивости, грамотѣй отвѣчаетъ, что думаетъ о томъ, гдѣ бы можно найти новыхъ книгъ, такъ какъ онъ всѣ, сколько ихъ ни есть перечиталъ, и знаетъ ихъ наизусть. Тогда мальчикъ выражаетъ желаніе свое предложить грамотею нѣсколько вопросовъ, за правильное рѣшеніе которыхъ книжникомъ, отдаетъ ему свой катихизисъ, зная что тотъ его еще не читалъ и долго не прочтетъ. Получивъ отъ усмѣхнувшагося при этомъ ученаго, позволеніе начать свои вопросы, юноша задаетъ ему такіе, изъ которыхъ грамотей ни на одинъ не можетъ дать настоящаго отвѣта; онъ краснѣетъ отъ стыда, слыша опроверженіе своихъ отвѣтовъ мальчикомъ, и спрашиваетъ, кто научилъ его такой премудрости? На отвѣтъ послѣдняго что учили его отецъ и мать, книжникъ освѣдомляется о ихъ именахъ, и мальчикъ говоритъ ему, что отецъ его называется „правда“, а мать „простота“. На вопросы книжника, начавшаго въ свою очередь испытывать знаніе юноши и задавать ему разные нелѣпые вопросы, между которыми находятся напр. и такіе: „Что Богъ дѣлалъ до сотворенія міра? и получаетъ въ отвѣтъ: „готовилъ адъ, чтобъ его населить тѣми, кто о семъ безполезно любопытствуетъ; или: „для чего мышь называется мышью, а вошь, вошью? Отвѣтъ: ежели бы мышь называлась кошкою, то она бы не была мышью; а когда бы вошь могла прыгать, тогда бы ее называли блохою; кромѣ того, книжникъ предлагаетъ ему и загадки въ родѣ слѣдующихъ: „что за животное, кое сперва на четырехъ, потомъ на двухъ, а напослѣдокъ на трехъ ногахъ ходитъ? Или: кто бѣжитъ безъ ногъ, глядитъ безъ глазъ, пьетъ безо рта, стучитъ безъ рукъ, и ѣздитъ безъ лошадей? Получивъ на все сверьхъ ожиданія своего вполнѣ удовлетворительные отвѣты, книжникъ начинаетъ сердиться, и наконецъ съ возрастающимъ гнѣвомъ, спрашиваетъ юношу по латини: Dic mihi omniam doctorum subiectum? и получивъ въ отвѣтъ: „Наука“ отходитъ съ великимъ стыдомъ (стр. 210—212). Этотъ разговоръ замѣчателенъ тѣмъ, что перешелъ дословно въ текстъ простонародной картинки [1].—II. „Разговоръ называемый Утро, между Бодрымъ и Сонливымъ о наставленіи не терять времени напрасно; сокращенный изъ Ломоносовой Риторики въ пользу юношества“ (стр. 212—216).—III. „Разговоръ Кевита ученика Сократова о картинѣ или образѣ житія человѣческаго, ради юношества сокращен-

[1] Ровинск. Русск. народн. картин. Ч. IV. стр. 353.

ный, и оный, такъ какъ и Эпиктитово ученіе, по ихъ полезности, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ имѣются". Далѣе слѣдуетъ: „объясненіе картины Кевита." (стр. 216—228).—IV. „Разговоръ о Мифологіи или Митологіи" (стр. 228—236). Кургановъ, упоминая между прочими богами о Венерѣ, называетъ ее „полюбовницей Марсовой, и женою Вулкановой"; „Циклопы чрезмѣрно велики и безобразные мужики, съ однимъ глазомъ посреди лба". О упражненіи каждой изъ девяти музъ, разсказывается въ слѣдующихъ виршахъ:

«Кліа точны бытія, въ память предаетъ поя,
Мелпомена восклицаетъ, и въ трагедіи рыдаетъ.
Таліа да будетъ правъ, осмѣхаетъ въ людяхъ нравъ.
Пáжить, равно жатву серпа, во свирѣль гласитъ Евтерпа
Гуслей Терпсихора звукъ, соглашаетъ разный вдрукъ,
Ерата смычкомъ, ногами, скачетъ также и стихами,
Уранія звѣздъ предѣлъ, знаетъ свойство и раздѣлъ.
Калліопа всѣхъ трубою, чтитъ героевъ всезлатою,
Упражняясь наконецъ, въ преклоненіи сердецъ,
Полимнїа нарядно, вѣщаетъ все изрядно
Движетъ превыспренній Умъ: музъ сихъ купно оныхъ шумъ:
Посреднѣ Фебъ самъ внемлетъ, а собою все объемлетъ».

Въ концѣ „разговора" объясняется сходство между мифологіею и священнымъ писаніемъ.—V. „Разговоръ о различіи изреченія и писанія" (стр. 238—243).—Здѣсь говорится о способѣ, посредствомъ котораго можно исправно говорить и писать, и проч., и сообщаются имена первыхъ иноязычныхъ грамматиковъ; о происхожденіи различныхъ діалектовъ и древнѣйшемъ языкѣ; о превосходнѣйшемъ діалектѣ, который по мнѣнію Ломоносова есть русскій; о пользѣ отъ письма, времени начала книгопечатанія; о началѣ прозы и стиховъ; опредѣленіе метафоры, поэзіи, также словъ: строфа, куплетъ, рифма и проч.; о разныхъ родахъ поэмы, и опредѣленіе словъ „ода". Славнѣйшимъ одописцемъ, Кургановъ называетъ Ломоносова у русскихъ; у иностранцевъ Малерба и подражателей его: Фонтена, Деламотта и Попе. Затѣмъ продолжается объясненіе словъ: стансъ, идиллія, элегія, эклога, сатира; упоминается о „стихахъ осуждающихъ пороки человѣческіе". „Боало, Руссо у французовъ, Горацій и Ювеналъ у латинянъ, князь Кантемиръ, А. Сумароковъ у Россовъ признаются славными сатириками;" далѣе объясняются слова: сонетъ, эпиграмма, мадригалъ, рондо и гимнъ.—На вопросъ нужно ли обучаться поэзіи? Кургановъ отвѣчаетъ: „Сіе знаніе всякому пріятно, и видно, что въ древности вели-

кіе разумы въ немъ единственно упражнялись. Однако не смотря на то, оно почитается нынѣ за послѣднюю науку, и которой прилично только прилѣжать не способнымъ для инаго лучшаго упражненія, или кто къ сему искусству отмѣнную склонность имѣетъ.....“ Для того чтобъ вышепомянутые роды поэзіи видѣть въ примѣрахъ преподается совѣтъ читать сатиры кн. Кантемира, разныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ, Сумарокова, Тредіаковскаго, „стихописателей какъ здѣшняго, такъ и московскаго Парнасса“; „между тѣмъ“ прибавляетъ къ этому совѣту Кургановъ, „прочти хоть для забавы слѣдующее присовокупленіе предлагающее описаніе стихами разныхъ вещей, то есть: стихотворную смѣсь, или и то и сё, или всякую всячину [1]. Присовокупленіе V. Занимаетъ собою 90 стр. (244—334), и озаглавлено: „Сборъ разныхъ стиходѣйствъ“, между которыми находятся образцы всѣхъ родовъ поэзіи исчисленныхъ въ предыдущемъ „Присовокупленіи“ на стр. 242-й; здѣсь встрѣчаются: молитвы, псальмы; эпитафія Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, надписи къ статуѣ Петра I, къ образу его, къ ботику, на врата Славы, и на „бытіе соединенныхъ флотовъ при Копенгагенѣ“; оды: о добродѣтели, благочестіи; эклога, идиллія, рондо, элегія, сонетъ, стансы; также между прочими мелкими стихотвореніями, слѣдующее, подъ заглавіемъ „понеже“, направленное противъ „подъячихъ“, употреблявшихъ помянутое слово въ разговорѣ и письмѣ:

Понеже—говорятъ подъячіе въ приказѣ,
Понеже имъ прожить не можно безъ того.
Понеже въ головѣ у нихъ, и въ каждомъ глазѣ;
И для тово, писать не можно безъ нево.
Понеже, носятъ всѣ подъячіе во рту:
И за тѣмъ просятъ съ понежомъ за работу.
Понеже—де писалъ, и пролилъ много поту,
И потому давай за всякую черту.
Подъячіе бы всѣ пропали безъ понеже,
Не можетъ быть затѣмъ у нихъ понеже рѣже.

Далѣе слѣдуютъ стихотворенія: „Польза отъ терпѣнія“; Эпистолы или письма: „Къ неправеднымъ судьямъ“, Къ Эвтерпѣ“, „Новизна“, „Разумный человѣкъ“, и нѣсколько мелкихъ:

[1] Намекъ на сатирическіе журналы 1769—1770 года съ означенными названіями, изъ которыхъ авторъ универсальной грамматики заимствовалъ нѣкоторыя „стиходѣйства“.

„**Политика**", „**Календарь**": четверостишіе Рубана, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ изъ его „любопытныхъ мѣсяцеслововъ", вмѣсто эпиграфа:

«Морозовъ, иль тепла, иль мрачныхъ дней, иль ясныхъ,
Погоды тихія, иль вѣтровъ преужасныхъ,
Иль ведро, иль дождя со снѣгомъ должно ждать.
Правдивъ сей календарь, и вѣкъ не можетъ лгать.

Два гимна: **Солнцу** и **безпорочной пріятности деревенской жизни**. Три басни: **Фортуна**, **Свинья въ лисей кожѣ** и **Завистникъ**; перепечатанъ также переводъ **прошенія въ стихахъ** „кое **Акцызной Секретарь Гаикенъ подавалъ, Польскому королю**; изъ Академич. Примѣч. 1729 году".—За тѣмъ помѣщены двѣ басни, пять эпитафій, семнадцать эпиграммъ, сказочка и тридцать пять загадокъ. Стихи: „**Древнее суевѣрство**" и „**Политическое извѣстіе**", суть отрывки заимствованные и перепечатанные изъ „**Стиховъ на Семикъ**" Чулкова [1].—„**Сатира на Противоестественниковъ**". „**Должность Честнаго человѣка**" [2]; къ этому стихотворенію, Кургановъ рекомендуетъ чтеніе знаменитой поэмы Попе: „**Опытъ о Человѣкѣ**", въ переводѣ Поповскаго; при чемъ предлагаетъ объясненіе всѣхъ четырехъ писемъ ее составляющихъ, и затѣмъ помѣщаетъ „**Окончанія послѣднихъ трехъ писемъ**". Въ заключеніе находятся: „**Псальмы или духовныя пѣсни**", въ числѣ которыхъ три „Кіевокалѣкскія"; приводимъ здѣсь начало послѣдней:

„Стукнуло грянуло въ лѣсѣ. 2. Комаръ съ дубу свалился. 2.
Упалъ онъ на коренище. 2. сбилъ онъ до гола плечище. 2.
Слѣтались мухи горюхи. 2. славныя громотухи. 2.
Стали онѣ возглашати 2. о Комарѣ вспомяпати...."

и „**Канта въ похвалу Екатеринѣ II, и Павлу Петровичу**".—Во второй отдѣлъ „**V-го Присовокупленія**", подъ заглавіемъ: „**Свѣтскія пѣсни или дѣло отъ бездѣлья**", вошло 57 пѣсенъ, появляющихся печатно въ первый разъ; также какъ святочныя и подблюдныя, помѣщенныя потомъ Чулковымъ въ еженедѣльникѣ: „**И то и сё**". Какъ

[1] Означенные стихи помѣщены въ еженедѣльникѣ „И то, и Сё", и въ отдѣльномъ изданіи Чулкова: „Плачевное Паденіе Стихотворцевъ". Изъ этого видно, что Кургановъ пользовался для труда своего сатирическими журналами; книга его, по направленію, имѣетъ съ ними въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ много общаго.—[2] Это стихотвореніе въ переводѣ Тредіаковскаго приложено къ концу изданной имъ книги: „Истинная Политика знатныхъ и благородныхъ особъ".

первыя такъ и послѣднія, почти всѣ находятся также въ его сборникѣ пѣсенъ. Въ книгѣ Курганова помѣщены пѣсни: былевыя, военныя, любовныя, пастушескія весьма скабрезнаго содержанія и нѣкоторыя другія, которыя всѣ почти извѣстны по чулковскимъ сборникамъ и другимъ пѣсенникамъ, изданія которыхъ во множествѣ перепечатывались въ первой половинѣ XIX-го столѣтія, такъ равно по нѣкоторымъ изъ изданій жизнеописаній „Ваньки Каина", гдѣ помѣщены пѣсни будто бы имъ самимъ сочиненныя или пѣтыя. Въ концѣ „Присовокупленія находится стихотворная „Притча" въ которой расказывается о нѣкой состарѣвшейся, бывшей нѣкогда деревенской красавицѣ, лежащей на краю печи, и вспоминающей безвозвратно прошедшіе, красные дни свои. Кряхтя и кашляя, старуха засыпаетъ и храпитъ; въ это время, „Морфей" представляетъ ей бывшаго въ молодости ея любовника, такъ живо, будто на яву; она протягиваетъ голову, чтобы поцѣловать милаго сердцу, сваливается съ печи, переламываетъ себѣ крестецъ, и потомъ клянется, что пока жива, не ляжетъ на край печи. Изъ этого, сочинитель притчи выводитъ слѣдующую мораль:

Старуха! умствовать полезнѣе тогда,
Доколѣ не пришла бѣда.

Въ V-мъ „Присовокупленіи" имѣющемъ заглавіе: „Обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣческихъ", или „Всеобщій чертежъ наукъ и художествъ", Кургановъ, покончивъ съ пословицами, анекдотами, стихами и пѣснями, превращается изъ макароническаго писателя, опять въ сурьезнаго педагога, и предлагаетъ разсужденія о различныхъ наукахъ и отросляхъ знанія. Въ краткомъ „Вступленіи", сообщая свѣденія о „знаніи и наукѣ", онъ объясняетъ существующее между ними различіе, причемъ дѣлитъ первое на „историческое и философическое"; науки, на свободныя, „механическія или рукотворныя". Въ первомъ отдѣлѣ настоящаго „Присовокупленія" имѣющемъ заглавіе „Происхожденіе человѣческихъ знаній", онъ говоритъ объ „общемъ и основательномъ" раздѣленіи знаній человѣческихъ, происходящихъ отъ трехъ главныхъ качествъ разума: памяти, воображенія и разсужденія; посредствомъ перваго, т. е. памяти—усвоивается Исторія; второе рождаетъ поэзію, и третье—философію. Затѣмъ объясняется раздѣленіе Исторіи на священную, гражданскую и естественную; поэзіи—на повѣствующую, драматическую и параболическую. „Общій раздѣлъ Философіи", предлагаетъ свѣденія о раздѣлѣ ея на умственную (теоритическую), и дѣятельную

или нравоучительную (практическую), причемъ объясняется содержаніе какъ первой, такъ и второй. Далѣе слѣдуетъ объясненіе „генеалогическаго раздѣла философіи": на науку о Богѣ, Человѣкѣ и Естествѣ, и подробное изложеніе понятія о каждой изъ поименованныхъ наукъ. Во второмъ отдѣлѣ: „О употребленіи наукъ", гдѣ при опредѣленіи „Астрономіи", Кургановъ, говоря между прочимъ, что она показываетъ причину и время „затмѣніямъ, прохожденія Венеры и Меркурія противъ солнца", сообщаетъ въ примѣчаніи напечатанномъ курсивомъ внизу страницы, весьма интересный эпизодъ изъ собственной своей ученой дѣятельности. Этотъ автобіографическій отрывокъ, состоитъ изъ слѣдующихъ астрономическихъ наблюденій автора „Универсальной грамматики": „Въ 1639 году, Горокцій англиской Астрономъ, отъ начала свѣта первый былъ, который видѣлъ сіе рѣдкое явленіе (прохожденіе Венеры). Чрезъ 122 года, то есть, въ 1761 году, насъ двое примѣчали съ академической Обсерваторіи такое же явленіе. А въ 1769, наблюдено мною подобное прохожденіе съ благовѣщенской колокольны, въ присудствіи ученыхъ, Господъ Полковниковъ Шубина и Дьякова, Капитана Смирнаго и Доктора Штелина. Наблюденія чинены въ двѣ зеркальныя трубы, по новоздѣланнымъ часамъ наподобіе гаррисоновыхъ, исправленнымъ мною прежде и послѣ того наблюденія соотвѣтствующими высотами солнца. А въ академической Обсерваторіи, тогда же наблюдали многіе выписные звѣздочеты...." За тѣмъ слѣдуетъ ученое разсужденіе Курганова о пользѣ помянутыхъ наблюденій для науки; къ этому же разсужденію объ астрономіи приложена: „Табель затмѣніямъ солнечнымъ и луннымъ, вычисленнымъ на 30 лѣтъ, съ 1770 по 1800 годъ на Лондонское время, по старому штілю", съ поясненіемъ и примѣчаніемъ (стр. 364—365). Затѣмъ помѣщены: „Признаки о будущихъ погодахъ, взятые изъ достовѣрныхъ источниковъ", показывающіе какъ опредѣлять погоду по солнцу, лунѣ, звѣздамъ, небу, облакамъ и радугѣ; въ „прибавокъ" сообщаются относящееся къ помянутымъ примѣчаніямъ, извѣстіе изъ гидрографіи г. Фурньє.—Въ „Разсужденіи о Физикѣ" и проч. (стр. 368), встрѣчаемъ опять подобную вышеприведенной, и равно интересную ремарку Курганова, которую приводимъ вполнѣ, какъ и то мѣсто въ текстѣ, по поводу котораго она помѣщена". Часто случающіяся, говоритъ авторъ, небесныя явленія, какъ то: затмѣнія солнца, луны, звѣздъ, сѣверныя сіянія, и рѣдко бываемыя прохожденія Венеры и Меркурія, явленія кометъ и пр., требуютъ двоякаго изъясненія. Первымъ должно отводить отъ людей непросвѣщенныхъ никакимъ ученьемъ, всякія неоснователь-

ныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общаго покоя. Не рѣдко легковѣрныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ явленіяхъ пророчествуютъ нищіе, бродяги и суевѣры, кои не токмо во весь свой долгой вѣкъ о имени физики не слышали, и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ прорекателей и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе, ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, мученіе ево должно зачитать емужъ въ наказаніе за собственное его суемысліе. Незнаніе есть источникъ удивленія, оножъ есть источникъ и презрѣнія. Неучь смѣется Астроному, какъ пустому верхогляду..." Внизу страницы въ выноскѣ, Кургановъ говоритъ: „Въ Императорской Академіи Наукъ, первый Профессоръ Астрономіи былъ Г. Делиль, вызванной изъ Франціи 1726 года, а изъ русскихъ Г. Профессоръ Н. Поповъ. При нихъ былъ маіоръ и Адъюнктъ Астрономіи, Г. Красильниковъ, ученикъ Профессоровъ Делиля и Фаварсона, перваго основателя въ Россіи математическихъ и Навигацкихъ училищъ, вызваннаго изъ Англіи государемъ Петромъ Великимъ около 1700 года. Г. Красильниковъ былъ въ Камчатской Експедиціи 13 лѣтъ, ради небесныхъ наблюденій, потребныхъ для сочиненія россійскаго Атласа; а послѣ, онъ, со мною Кургановымъ, (ибо я съ нимъ и съ Г. Поповымъ упражнялся много лѣтъ въ Астрономическихъ наблюденіяхъ на академической обсерваторіи), ѣздили моремъ въ Лифляндскіе и Эстляндскіе города и на острова, для опредѣленія тамъ широтъ, долготъ и склоненія компаса, что служило знатнымъ поправленіемъ морскихъ картъ. А въ 1761 году, примѣчали мы на помянутой обсерваторіи явленіе Венеры на солнцѣ. Съ 1750 года, былъ еще Профессоръ Астрономіи Г. Гришовъ, который со мною отправлялъ важныя астрономическія наблюденія больше года въ Аренсбургѣ. что на островѣ Эзелѣ, ради точности лунной теоріи, весьма потребной для исправнаго сниcканія долготъ на морѣ; и сіе было въ 1752 году".—Въ заключеніе слѣдующаго затѣмъ довольно пространнаго и дѣльнаго трактата о наукахъ и художествахъ, Кургановъ говоритъ, что „философія со всѣми своими науками, имѣетъ весьма великую обширность, и польза ея на всякое человѣческое знаніе изобильно простирается... Буде человѣкъ натуру вещей довольно разсмотритъ, то узнаетъ откуду онѣ свое начало получили, и на какой конецъ сотворены, когда, и какимъ образомъ опять изчезаютъ; что въ нихъ вѣчно и перемѣнно. При семъ онъ вcесодержащее и всеуправляющее существо увидитъ, а притомъ и самаго себя, за гражданина всего свѣта, какъ великаго города признаетъ...." Онъ оканчиваетъ разсужденіе свое

выраженіемъ мысли, что если философія ведетъ насъ къ такому совершенству, то мы имѣемъ основаніе видѣть въ ней источникъ добродѣтельной и непорочной жизни нашей, такъ какъ она выработала тѣ законы и убѣжденія, которыми должны мы руководствоваться и сохранять ихъ въ жизни.—Въ подтвержденіе сказаннаго, помѣщается здѣсь „стансъ" въ похвалу философіи:

„Все Философіи ты долженъ человѣкъ,
Безъ ней бы на всегда плѣненъ ты былъ страстями,
Не вѣдалъ бы въ чемъ свой, провесть ты долженъ вѣкъ,
И къ щастію притти какими могъ путями.
Она и радостны и горестны часы,
Въ своемъ подданствѣ зритъ всегда и управляетъ;
Она блестящею рукой свои красы
На мрачну жизнь твою обильно изливаетъ.
Богатство, честь и власть пріятны только тѣмъ,
Что давятся за все, иль гордо жизнь весть тщатся;
Но знанія наукъ даютъ премудрость всѣмъ,
И щастливы лишь тѣ, что ими богатятся!"

За этими виршами слѣдуетъ притча Сумарокова „На хулящихъ ученіе". Въ „Наказѣ Медицинскомъ" завершающемъ VI-е „Присовокупленіе", изложены правила предписывающія средства къ продолженію человѣческой жизни и сохраненію здоровья; и въ концѣ этой краткой макробіотики сказано, что если бы люди соблюдали тщательно эти правила, то могли бы дожить до глубокой старости; „но жаль" прибавляетъ авторъ, „что многіе признаютъ необходимость здоровья, будучи уже его лишены, „и тогда прибѣгаютъ къ врачебству, когда уже Бахусъ и Венера сдѣлаютъ ихъ болѣзни неисцѣльными". Здѣсь же прилагается извѣстное въ календаряхъ того времени изображеніе, съ надписью: „Рудометъ Нѣмецкій" нагаго человѣка, стоящаго посреди окружающихъ его знаковъ зодіака съ проведенными къ нимъ линіями; означенные знаки представляютъ мѣсяца въ теченіе которыхъ болѣе или менѣе полезно кровопусканіе, что означено нѣмецкими словами: Bös, Gut и Mit....

Весь послѣдній отдѣлъ, не смотря на отрывочность и отсутствіе системы въ изложеніи, исполненъ весьма полезными и разнообразными научными свѣдѣніями, такъ что составляетъ нѣчто въ родѣ энциклопедіи, изъ которой могъ почерпать весьма многое не только учащійся, но и читатель зрѣлаго возраста. Въ каждомъ изъ предлагаемыхъ Кургановымъ разсужденій, замѣтно съ какимъ уваженіемъ,

даже можно сказать благоговѣніемъ относится онъ къ наукѣ; причемъ собственоыя его, мѣстами высказанныя воззрѣнія, показываютъ въ немъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ, ученыхъ и многосторонне образованныхъ людей своего времени.— VII-е и послѣднее „Присовокупленіе": „Словарь разноязычной или толкованіе Еврейскихъ, Греческихъ, Латинскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ и прочихъ иноземскихъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ Славянскихъ словъ", названный составителемъ его: „Словотолкъ Русскій"; онъ состоитъ изъ 2890 словъ, расположенныхъ обыкновеннымъ азбучнымъ порядкомъ. За тѣмъ представленъ примѣръ толкованія собственныхъ именъ, находящихся въ концѣ Библіи; причемъ упомянуто и о прозваніяхъ иностранцевъ произшедшихъ подобно нашимъ, отъ названій предметовъ и дѣйствій; такъ между прочимъ, онъ на пр., переводитъ „Ньютонъ (англ.)—новогласовъ; Картезій (франц.)—картовъ; Волтеръ—коловратовъ, и т. д.—Помѣщенъ также: „Толкъ седмичнымъ днямъ и мѣсяцамъ". Слѣдующее за тѣмъ „заключеніе или оговорку", Кургановъ начинаетъ словами Сумарокова: Воспріятіе иностранныхъ словъ, а особливо безъ нужды, есть не обогащеніе, но порча языка"; высказывая и собственное свое неодобреніе этому обычаю, онъ говоритъ: „Предки наши присвоили языку нашему нѣсколько татарскихъ словъ: нѣмцы насыпали въ него нѣмецкихъ; петиметры ввели французскихъ; педанты латинскихъ; переводчики духовныхъ книгъ греческихъ. Греческія слова вошли въ нашъ языкъ по необходимости, и дѣлаютъ ему нѣкое украшеніе; а французскія и нѣмецкія его обезображиваютъ, кромѣ изъясненія такихъ вещей, какихъ въ Россіи не бывало; однако и тѣмъ надлежало бы изыскивать пристойныя русскія названія, по примѣру какъ вычищенъ нѣмецкій языкъ. Не говоря о не наблюденіи русскаго правописанія, многіе изъ насъ обыкли употреблять иноземскія слова въ 'разговорахъ, и не смысля ихъ силы и значенія, говорятъ ни мало не къ статѣ. Въ здѣшнемъ словарѣ довольное число оныхъ объяснено ради незнающихъ иныхъ языковъ, а не для того, чтобъ ихъ всѣ употреблять, но доказать что они чужія (кромѣ славянскихъ словъ для разумѣнія церковныхъ книгъ), и что многія изъ нихъ введены въ русскій языкъ, преизобильный своими словами" [1]. (стр. 423).—Къ этому разсужденію приведены авторомъ

[1] Ту же мысль относительно введенія иностранныхъ словъ въ русскую рѣчь, выразилъ и Чулковъ при помѣщеніи попытки подобнаго же словаря въ своемъ еженедѣльникѣ „И то, и Сё" (іюнь недѣля 26 и 27. Цѣль этихъ писа-

грамматики два стиха изъ первой „Эпистолы“ Сумарокова о русскомъ языкѣ:

„Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.“

Кургановъ предлагаетъ для примѣра еще болѣе пятидесяти словъ, которые почелъ излишнимъ внести въ свой словарь; какъ на прим.: „Вкусъ—смакъ. Мамка—гувернанта. Насмѣхаться—мокероваться. Отправленіе, письмо—депешъ. Уборной столъ—Нахтишъ. Козырь—атутъ. Шутка—жарта, и т. д.—За тѣмъ онъ трунитъ надъ тѣми, которые схвативъ на лету нѣсколько иностранныхъ словъ, любятъ употреблять ихъ, мѣшая съ русскими. „Всего смѣшнѣе“, говоритъ онъ, „иной какъ попугай, или непремѣнно будучи какъ „Трутневъ“ поросенокъ, перенявъ нѣсколько чужихъ словъ, за честь почитаетъ по „бѣсовски“ вводить вновѣ, мѣшая ихъ съ русскими словами; такъ: „Я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя здѣлала мнѣ инфиделите, а я, а ку сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться. „А надлежало бы говоритъ авторъ въ заключеніе, „стараться оныя истреблять, и въ лучшее приращеніе приводить отеческой языкъ, и не вводить въ нево чужова ничего, но собственной своей красою украшаться.

Въ этой горячей выходкѣ противъ непрошенныхъ нововводителей, Кургановъ указываетъ на журналы. „Трутень“ Новикова, и „Адскую Почту“ Эмина. Въ слѣдующей небольшой выноскѣ выражается мнѣніе о нихъ автора грамматики, въ которомъ умный рецензентъ нѣсколькими словами опредѣляетъ достоинство и значеніе этихъ двухъ сатирическихъ изданій: „Трутень, такъ называемая книга, въ коей есть извѣстіе: „ѣздившій за моря поросенокъ, возвратился совершенной хрюкалой“. Книга именуемая Адская Почта, въ коей черти переписываясь о людскихъ дѣйствіяхъ, ввели новыя слова: лорнетъ, фарасъ, депеша, имитація и пр. Обѣ оныя книги между прочимъ забавно открываютъ разныя человѣческія плутни и заблужденія. Ѣдкость таковыхъ обличеній могутъ оправдать слѣдующія слова:

„Язвлю тебя? Молчи; ветъ я не именую,
Кричишь: не я; да ты являешь совѣсть злую.“
(Въ Сатир. Кн. Коптемира. Архимандр. Ѳеофилъ).

телей, толкованіемъ иностранныхъ словъ, была не способствовать къ употребленію ихъ въ нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ, но доказать что они, за исключеніемъ славянскихъ, ему чужды.

Qui legis ista, tuam reprehendo, si mea laudas omnia, stultiam; si nihil invidiam.
Owenus.

Этимъ оканчивается объемистый, почтенный трудъ Курганова; онъ при разставаніи съ читателемъ, вызываетъ опять его улыбку слѣдующими заключительными словами, напечатанными въ концѣ книги: „Все тутъ. Нѣтъ больше. Только."—На послѣдней страницѣ, внизу, помѣщено „Извѣстіе о продающихся въ Морской Типографіи книгахъ, между которыми большая часть его изданій.

Грамматика Курганова еще при жизни его, кромѣ перваго, въ настоящее время рѣдкаго, выдержала 5 изданій, изъ которыхъ—2-е напечатано подъ заглавіемъ: „Книга Письмовникъ", а въ ней наука россійскаго языка съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ вещесловій. Новое изданіе пересмотрѣнное, поправленное и умноженное. Цѣна не одѣтой пятнадцать гривенъ. Во Градѣ Святаго Петра. Въ книгопечатнѣ морскаго общества благородныхъ юношей. 1772. 8°." 472 нум. стр. мелкой печати [1]. Здѣсь помѣщены не находящіяся въ 1-мъ изданіи: Мнѣнія графа Оксенштирна, и краткое извѣстіе о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ.—3-е, намъ не встрѣчавшееся, и не указанное въ извѣстныхъ каталогахъ; оно напечатано вѣроятно между 1778 и 1789 годами.—4е, вновь выправленное. Спб. 1790. 2 ч. [2].—5-е въ 1793, и 6-е: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку Россійскаго языка, со многими присовокупленіями разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія; выправленное и пріумноженное Профессоромъ и Кавалеромъ Николаемъ Кургановымъ. 2 ч.. Спб. 1796. Въ Типографіи Академіи Наукъ. Печатано на иждивеніе Ивана Глазунова.—Множество изданій книги Курганова принадлежитъ XIX столѣтію, въ которомъ она перепечатывалась почти до 1840 года, подъ заглавіемъ: „Письмовникъ" и проч., между тѣмъ какъ заглавіе перваго изданія было почти забыто. Къ новымъ изданіямъ присоединились и новыя прибавленнія; такъ на пр. 8-е и 9-е изданія „Письмовника" въ 2-хъ частяхъ напечатаны въ С. Петербургѣ, въ типографіи Глазунова, въ 1809 и 1818 годахъ, съ присовокупленіемъ: „Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Русскихъ"—Книга издавалась постоянно въ 8-мую долю.

[1] Сопик. ч. 4. № 8256. Бакмейстер. Russ. Bibl. VII Band. 1781. стр. 94—97.—[2] Сопик. ч. 4. № 8257.

№ 105. И то и сіо. Строками служу, бумагой бью челомъ, а обое вообще извольте покупать, купивъ считайте за подарокъ, для тово, что не большова оное стоитъ. (На оборотѣ заглавнаго листа): Concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur. Отъ согласія малыя вещи возрастають, а отъ несогласія и великія разрушаются. 8°. 416 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. ч. 3. № 8895.—Плавильщ. ч. III. № 6092.—Смирд. ч. IV. № 9677.—Новиковъ. Опыт. Истор. Словаря о росс. писат. стр. 243.—Митр. Евген. Словарь т. 2. стр. 242.—Геннади Справочн. Слов. о русск. писат. т. 2. стр. 73.—Русск. Книжн. Рѣдкост. стр. 44. № 29.—Историч. Розыск. о русск. повром. изд. и сборн. А. Неустроева. стр. 132.—Булича „Сумароковъ". стр. 252.—Афанасьевъ. Русск. Сатирич. журн. стр. 258.—Лонгинова Новиковъ и Москов. Мартинисты. стр. 22, 3.

Издателемъ журнала былъ Михаилъ Дмитріевичь Чулковъ, первый нашъ собиратель этнографическихъ матеріаловъ [1]. Изъ числа сотрудниковъ его по изданію извѣстны: Семенъ Башиловъ [2] и Михаилъ Поповъ, помѣщавшій въ „И то и се" разныя стихотворенія; между прочими, однимъ изъ сотрудниковъ почитается и Сумароковъ [3].—Журналъ началъ выходить въ концѣ января, по вторникамъ, по полулисту, состоящему изъ 8 ненумерованныхъ страницъ, и продолжался весь 1769 годъ. Всѣхъ полулистовъ или „недѣль", заключается въ изданіи 52; послѣдніе нумера, 51-й и 52-й, вышли въ одномъ выпускѣ. Цѣна журнала была по двѣ копѣйки за нумеръ, или одинъ рубль четыре копѣйки за цѣлый годъ. Въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1769 года, въ № 9, 30 января, напечатано слѣдующее объявленіе о выходѣ „И то и се": „Еженедѣльное сочиненіе подъ именемъ И То и Сіо, которое продолжаться будетъ цѣлый годъ и выходить по вторникамъ, продается въ Малой Миліонной, въ домѣ Асессора Савы Яковлева, у переплетчика Веге, каждый листъ по 2 коп.; въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ, въ № 12, 10 февраля, то же объявленіе перепечатано съ слѣдующимъ варіантомъ: „Еженедѣльное сочиненіе и проч.; а кто поизволитъ внести деньги за цѣлый годъ впередъ, то оные приняты

---

[1] Чулковъ былъ неутомимымъ компиляторомъ многихъ не безполезныхъ по времени разнаго рода книгъ относящихся къ юриспруденціи, сельскому хозяйству, медицинѣ, торговлѣ, и особенно славянской мифологіи и древнихъ русскихъ повѣрій; но какъ эти книги написаны безъ всякой критики, то и не могли имѣть научнаго значенія. Ему же принадлежитъ извѣстный и въ настоящее время весьма рѣдкій сборникъ русскихъ пѣсенъ.—[2] Буличь. „Сумароковъ" стр. 255.—[3] Афанасьевъ. Русск. Сатирич. Журн. стр. 3.

будутъ, и можно получать экземпляры каждую недѣлю по вторникамъ".

Первая недѣля содержитъ въ себѣ слѣдующее, приводимое здѣсь вполнѣ „поздравленіе съ новымъ годомъ", наполненное пошлостями, и съ притязаніемъ на шуточный тонъ: „Тысяща семьсотъ шестьдесятъ осмой годъ, былъ не крѣпостной, но вольной; онъ прошелъ по своему желанію, и никто не осмѣлился его остановить, слѣдовательно мы поклонились и домой воротились, будетъ съ насъ и тово.

Господинъ Читатель! какъ тебѣ кажется ето начало, хорошоль я заговорилъ или дурно? Но ты молчишь, и мнѣ не отвѣчаешь; такъ я тебя больше и спрашивать не стану; а буду одинъ упражняться въ моемъ намѣреніи въ удовольствіе твое, по пословицѣ: Свой умъ царь въ головѣ; яжъ голову имѣю собственную; слѣдовательно и разумъ въ ней не купленный.

Имѣю я уста пространныя, голосъ громкой и произношеніе рѣчей весьма твердое, природу обыкновенную, а тѣло тяжелое, да и такое, котораго не могутъ поднять вѣтры; и такъ, пущу я голосъ мой во всѣ концы пространныя Россіи, и поздравлю всѣхъ моихъ одноземцовъ съ тѣмъ торжественнымъ днемъ, въ которой начался новой тысяща семь сотъ шестьдесятъ девятой годъ, и въ которой смѣнила девятая цыфра осмую. Чтожь я пожелаю при семъ моемъ поздравленіи? благополучія; кажется что не ошибся, да и нельзя; ибо еще съ малыхъ лѣтъ научился я быть разуменъ и политиченъ. Хотя это и неправда, а походитъ на очевидную ложь, однако надѣюсь, что для такой радости простятъ мнѣ сію погрѣшность. Развѣ для тово только она извиненія недостойна, что въ самомъ началѣ года прихватилъ я на душу такую небылицу, и прибавилъ къ старымъ моимъ грѣхамъ золотника два, три походу. Можетъ быть иной забавникъ разсмѣются, видя такое мое несчастіе, и подумаетъ что мнѣ полюбилось дурачество; однако знай, всякая вещь свою имѣетъ цѣну; я солгалъ съ намѣреніемъ, чтобъ ты, видя гнусность сего порока, никогда не держался такой замашки. Симъ малинькимъ правоученіемъ, въ торжественный день новаго года я тебя подарилъ. Подарокъ сей невеликой цѣны, но твое большое великодушіе увеличить ево можетъ; ты мнѣ отплати за сіе, да знаешь ли чѣмъ? твоею благосклонностію, за всю за то, что ты услышишь отъ меня въ цѣлой наступившей годъ, и такъ похвалятъ насъ за это обѣихъ. Меня за то, что я служу тебѣ со всякимъ усердіемъ; а тебя за другое, что тѣ услуги мои принимаешь съ благодарностію.

Не погнѣвайся Господинъ Читатель, что не краснорѣчиво говорю, но ето зависитъ отъ тебя, естьли ты мнѣ здѣлаешь ободреніе какимъ бы то образомъ ни было, то я тебѣ наскажу и то, и сю по пословицѣ: Отъ прибытку уста глаголютъ. Не подумай же, чтобъ я просилъ у тебя денегъ, однако естьли ты мнѣ оныхъ дашь, то я право не отрекусь; ибо я человѣкъ такой, что отъ хорошева отговариваться не стану, да сверхъ же тово, еще не заплачено за мои труды; а за какіе, егова я тебѣ не открою, для тово что я вельми и вельми скроменъ, естьли ково не увижу, то уже конечно не открою ввѣренной мнѣ тайности. Такой добродѣтели учился сто лѣтъ и дватцеть; однако и до сихъ поръ въ этой школѣ нахожусь послѣднимъ ученикомъ, а тебѣ не совѣтую и одной минуты упражняться въ сей наукѣ, для тово, что честному человѣку она непонятна:

Всякой да спляшетъ, да не какъ скоморохъ.

Когда случаются у простолюдиновъ пирушки, то они имѣютъ обыкновеніе съ лишкомъ подчивать своихъ гостей, я думаю для тово, чтобъ меньше они ѣли, или можетъ для той причины, чтобъ усерднѣе нагружали пищею и виномъ желудки, о чемъ я у нихъ не спрашивалъ; и когда подчиваютъ они женщину, то оная по благоразумному своему обыкновенію, отвѣчаетъ тогда пословицею: и такъ уже батюшко копной передо мной. Сердце мнѣ предвѣщаетъ, что и Господинъ Читатель скажетъ сію пословицу тогда, когда увидитъ передъ собой побасенокъ съ пятьдесятъ. Болтать я охотникъ, только не имѣю дару смѣшить людей благоразумно, а ето происходитъ отъ того, что я не настолько умёнъ какъ другіе; однако человѣкъ доброй обѣщался поучить меня нѣсколько, и дѣло теперь остановилось только за тѣмъ, чтобъ порядиться съ нимъ, сколько онъ возметъ на мѣсяцъ за ученье. Человѣкъ онъ взрослый, и весма искусной Парикмахеръ; онъ безъ всякой ошибки расчесываетъ волосы и говоритъ что имѣетъ къ тому природное дарованіе; увѣрялъ меня нѣкогда, что словесныя науки гораздо меньше стоятъ, нежели волосоподвивательное искусство. Сперва было я тому не вѣрилъ, но онъ убѣдилъ меня весьма сильными доказательствами, которыхъ никакъ опорочать не можно: сказывая, что азбуку, часословъ и псалтирь выучилъ онъ въ полгода, а подвивать волосы учился невступно двенатцеть лѣтъ, но и теперь ставитъ не весьма завидные кудри.

И такъ, занявъ у него нѣсколько высокой ево премудрости, чувствую я по своему тѣлу, что нѣсколько поисправлюсь, и буду продолжать начатое мною дѣло съ хорошимъ успѣхомъ. Впрочемъ, Господинъ Читатель, не ожидай ты отъ меня высокихъ и важныхъ за-

мысловъ; ибо я и самъ человѣкъ не важной, и когда правду тебѣ сказать, не утруждая совѣсти, то состояніемъ моимъ похожу на самое сокращенное животное. Я предпріялъ увеселять тебя, и шутить передъ тобою столько, сколько силы мои позволятъ, единственно для той причины, чтобъ заслужить твою благосклонность, и довести тебя до тово что бы имѣлъ ты обо мнѣ хорошія мысли.

Охота смертная, да участь горькая. Сей листъ, или сіе первое изданіе, сочинялъ я три года съ половиною, и истратилъ для переписокъ, на одну только бумагу всю оставшееся мнѣ послѣ покойнаго отца моего имѣніе; прибавилъ еще къ тому годовое мнѣ жалованье, однако и тово не достало, и такъ чтобъ въ послѣдній разъ переписать ево на бѣло, занялъ я листокъ у искренняго моего друга и сущаго пріятеля, которой конечно не оставляетъ меня въ такихъ нуждахъ, и думаю, хотя попрошу я и полдести, такъ онъ мнѣ повѣритъ, только подъ роспиську; ибо онъ держится сей пословицы: денежка де всегда счотъ любитъ.

По сему описанію кажется мнѣ, будто бы я похожу на изряднаго простофилю; и какъ будто уже во мнѣ нѣтъ никакой надежды къ продолженію принятова мною намѣренія; однако Господинъ Читатель, увѣряю тебя, что ты получишь въ слѣдующую недѣлю другой листокъ, и въ цѣлой годъ всѣ по порядку, еже не станешь жалѣть денегъ, а мы люди не причудливые, не гоняемся за золотомъ и серебромъ, примемъ отъ тебя и мѣдью, и докажемъ тебѣ, что мы благосклонны въ то время, когда намъ даютъ деньги.

Зачалъ я за здоровье, а свюлъ за упокой, чѣмъ и доказалъ ясно, что я пишу и то и сю; и такъ примолвимъ одну пословицу, и останемся довремени съ покоемъ. Первый блинъ, всегда бываетъ комомъ".

Еженедѣльникъ „И то и сё" не уживался въ мирѣ съ собратами своими и велъ ожесточенную войну съ журналами Трутнемъ" и „Адскою Почтой"; онъ питалъ непріязнь даже къ „Поденщинѣ" и не оставилъ въ покоѣ „Всячину", не смотря на то, что вскорѣ послѣ появленія своего на свѣтъ обратился къ ней, называя ее старшею родною сестрой, съ слѣдующимъ привѣтствіемъ, и извиненіемъ въ томъ, что считаясь родней, позабылъ засвидѣтельствовать ей на первомъ листѣ своемъ должное почтеніе: „Государыня моя Всякая Всячина! не погнѣвайся на меня, что я наименую тебя родною моею Сестрою, и сестрою большою или старшею, для того что прежде ты вышла на свѣтъ изъ природныя утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюся тебѣ роднюю. Ты родилась на Парнасѣ, да и я

не подалеку оттуда; тебя производила Муза, да и меня, я думаю таже... Я не изъ числа тѣхъ людей, у которыхъ прибиты шапки къ головѣ алтынными гвоздями, и которые увидѣвъ на дорогѣ человѣка почтеннаго и достойнаго всякой чести, охотнѣе обойдутъ три улицы и еще нѣсколько переулковъ, единственно только для тово, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ, и не помять головной своей покрышки, хотя она ниже сотой доли не составляетъ его имѣнія... И такъ Государыня моя Сестрица Госпожа Всякая Всячина, извини меня въ томъ, что я позабылъ мой долгъ, и въ первомъ листѣ не здѣлалъ тебѣ почтенія; впрочемъ сама ты вѣдаешь, что конь о четырехъ ногахъ, однако и тотъ спотыкается..."[1] Не смотря на эту родственную любезность, въ одномъ письмѣ къ „Господину Сочинителю Тово и Сево" подписанномъ литерами Д. П., находимъ не слишкомъ лестный отзывъ о „Всячинѣ", нападки на „Трутень" и „Адскую Почту"; выхваляется только одно „И то, и Сё". Отзывы и нападки такъ и дышутъ непріязнью Чулкова къ издателямъ ихъ, изъ которыхъ болѣе другихъ досталось Новикову, издателю „Трутня". „нѣсколько дней разсуждалъ я" говоритъ авторъ письма „Д. П.", у котораго бы изъ сочинителей испросить позволеніе къ перепискѣ?... для чего, прошедшую недѣлю, собравъ всѣ листки еженедѣльно издаваемые, и ежемѣсячно обѣщанные, я прилагалъ всевозможное стараніе, по свойству сочиненій, составить хотя малое понятіе о качествахъ сочинителей нашихъ. Признаюсь вамъ чистосердечно, что прежде нежели прочолъ сочиненіе каждаго, не на васъ упалъ мой жребій. Древность почитать всѣмъ намъ свойственно; почему Всякая Всячина, какъ праматерь, овладѣла было моимъ желаніемъ, но забылъ, что старость имѣетъ свои слабости, и что съ уменшеніемъ тѣлесныхъ силъ, ослабѣваютъ вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приводя сіе на мысль, разсудилъ я прежде прочесть послѣдній листокъ ее сочиненій. Но какъ я удивился, увидя ее начинающею учиться лягушечья языка! съ крайнимъ сожалѣніемъ сердца познавъ сіе ея состояніе, Боже мой! сказалъ я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ: вотъ какъ тебѣ угодно было въ свѣтъ произвести человѣка. Чрезъ нѣсколько лѣтъ и я Всякой Всячинѣ подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣчество; возненавижу можетъ быть и я такъ же людей, какъ она возненавидѣла, и буду стараться искать тѣхъ совершенствъ въ презрѣнныхъ тваряхъ, которыя тебѣ угодно было дать избраннѣйшей..." Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе Господина Трутня. Сей

---

[1] И то и Сё, недѣля III.

человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ себя непріятелемъ всего рода человѣческаго. Тутъ кромѣ язвительныхъ браней и ругательства я не нашелъ ничево доброва; для чево послалъ я къ одному моему пріятелю попросить еще нѣсколько листковъ ево же журнала: но что я увидѣлъ? тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; ево вѣдомости сошлетены были изъ ругательства и поношенія ближнихъ, и естьлибъ ему вѣрить, то бы надлежало возъимѣть совершенное отъ всѣхъ людей отвращеніе; но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что можетъ быть пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны; но какъ онъ описалъ себя весьма празднымъ, то сіе наипаче утвердило меня въ семъ мнѣніи, поколику праздность есть кормилица пороковъ, въ нѣжныхъ которой объятіяхъ созрѣваютъ сіи благословенные плоды весьма поспѣшней, нежели подъ терніемъ трудолюбія; то сіе разсужденіе принудило меня возъимѣть противное мыслямъ ево о немъ заключеніе. Будучи же всегдашній другъ общества, въ числѣ которыхъ полагая и самаго себя, не могъ согласиться съ имъ, чтобъ услаждаться другихъ поношеніемъ. Адская почта, хотя наименованіемъ своимъ меня и не устрашаетъ; но какъ она весма нова, и имѣетъ нѣкоторыя еще не вразумительныя намѣренія, почему о ней никакова заключенія здѣлать невозможно; при томъ же, я съ самого младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзѣніе, что не только переписки съ ними, но и полученіе писемъ чрезъ курьера сего рода, мнѣ не нравится; и для того ее оставляю. Наконецъ читая изданіе ваше, удовольствовалъ мое желаніе. Оно показалось мнѣ самымъ невиннымъ упражненіемъ, приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе. Я не примѣтилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни такъ же язвительной критики. Сіе привело меня возъимѣть къ вамъ особливое почтеніе и просить позволенія о перепискѣ съ вами...“

Въ той же „недѣлѣ“, издатель еженедѣльника помѣстилъ стихотвореніе исполненное грубою бранью, предметомъ которой служитъ издатель „Трутня“—Новиковъ, и „Адской Почты—Эминъ; и г. Д. П. написалъ слѣдующій отвѣтъ“. Имѣть съ вами переписку, отъ всего моего сердца желаю; но притомъ прошу имѣть къ намъ снисхожденіе, ибо мы не Цицероны, но и въ томъ находятся погрѣшности, слѣдовательно извиненія вашего, мы не недостойны“. Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ вышепомянутаго стихотворенія, какъ образецъ тогдашней журнальной полемики:

. . . .

Кто думаетъ, что онъ умнѣе всѣхъ людей
За тѣмъ, что выше всѣхъ взбиваетъ лишь тупей
Дуракъ.

Кто думаетъ о томъ, чтобъ модно нарядиться,
И въ платьѣ томъ, какъ бѣсъ предъ завтреней вертится
Дуракъ.

Кто отъ роду нигдѣ, лѣнясь не работаетъ
Но только живучи на свѣтѣ семъ мотаетъ
Дуракъ.

Кто льститъ другимъ въ глаза, а за очи бранитъ
И ближнему сплести погибель наровитъ
Дуракъ.

Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за ето проситъ
Дуракъ.

Кто цыфровъ не училъ, но лѣтописи строитъ
И Волгою брега Санктпетербургски моитъ
Дуракъ.

Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла
Дуракъ.

. . . .

Кто въ запуски писать примается съ Волтеромъ
И думаетъ тому въ писмѣ онъ быть примѣромъ.
Дуракъ.

Кто думаетъ себя хвалой превознести
За то, что онъ умѣлъ Романа три сплести,
Дуракъ.[1]

. . . .

„Трутень" не остался въ долгу, и въ отвѣтъ на брань журнала „И То и Сё", отвѣчалъ также стихами не уступающими памфлету Чулкова; издатель „Трутня" довольно удачно вставилъ имя послѣдняго въ свои стихи, которыхъ отрывокъ здѣсь также приводится:

---

[1] И то и сё. Недѣл. 28.

Задача.

Читатели! прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣлъ, а пишетъ на удачу,
Уменъ или дуракъ?

За прародительски страдая кто грѣхи,
Мараетъ безъ стыда прегнусные стихи,
Уменъ или дуракъ?

. . . .

Кто отъ роду не бывъ со музами знакомъ,
Дерзаетъ воспѣвать качели съ семикомъ—
Уменъ или дуракъ?...."

. . . .

Наконецъ „Рѣшеніе" предложенной задачи представлено слѣдующее:

Возможно ли, чтобъ тотъ разумно написалъ,
Кто вмѣстѣ съ молокомъ невѣжество сосалъ,
И кто въ поэзіи аза въ глаза не знаетъ,
Уже поемы вдругъ писати начинаетъ
По мнѣнью моему писатель сей таковъ,
Какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ не вздѣвъ сперва чулковъ.
И есть ли это такъ,
Конечно онъ дуракъ![1]

Издатель еженедѣльника „И то, и сё" не оставилъ въ покоѣ какъ уже сказано, листковъ неосторожно его задѣвшей „Поденьшины" и придрался къ тому, что она по словамъ его напечатана на бумажкахъ, которыя онъ съ помощью переплетчика никакъ не могъ приладить страницу къ страницѣ, „ибо не находилъ въ нихъ толку"; но любя всякую книгу свою видѣть непремѣнно въ переплетѣ, разсудилъ за благо переплесть Поденьшину въ разноцвѣтную мраморную кожу, такъ какъ книжку сочинилъ маляръ[2]. „Первое нѣчто" по словамъ раздражительнаго порицателя „Поденьшины", напечатано на осьмушкахъ... осьмой и девятой день марта на лоскуткахъ, которые и сбили его съ толку, такъ равно и переплетчика, который прикладывалъ тѣ лоскутки къ осьмушкамъ съ разныхъ сторонъ и угловъ, но безъ вся-

[1] Нѣкоторая часть этихъ стиховъ напечатана въ „Русскихъ Сатирич журн. Афонасьева, стр. 42, и вполнѣ, въ „Примѣчаніи къ Трутню 1769 года, стр. 344—346. Изд. г. Ефремова. Трутень 1769 года, стр. 111—112.

[2] Издатель „Поденьшины" называетъ себя маляромъ.

каго успѣха, такъ что они въ переплетъ не годились...—О содержаніи девяти листковъ „Поденьшины" хулитель ея говоритъ между прочимъ, что имѣлъ удовольствіе прочитать ихъ, но только съ безпокойными мыслями, и потому не могъ примѣтить всей „красоты и сладости" этого сочиненія; но замѣтилъ только одно, а именно „что можетъ быть увидимъ скоро" новый Лѣчебникъ и новый Календарь съ описаніемъ лѣсныхъ обращеній..." Окончивъ чтеніе листковъ, Чулковъ вспомнивъ пословицу что „на суслѣ пива не узнаешь", положилъ ихъ между своими книгами. За тѣмъ слѣдуетъ его же разказъ о томъ, какъонъ вмѣсто „поминанья", перемѣшавъ его съ „Поденьшиной", послалъ въ церковь съ слугою знавшимъ по счастью грамотѣ, и во время разсмотрѣвшимъ, что вмѣсто „поминанья", у него въ рукахъ „новосочиненная Поденьшина".—Одинъ изъ неизвѣстныхъ корреспонтовъ „И то и сё", подписавшійся „Незнаевъ" является будто бы защитникомъ его издателя, и пишетъ къ нему, что хотя по старости своей, онъ никогда не принялся бы за перо, но что принудила его къ тому „Поденьшина", причинившая ему досаду не ссорою своею съ издателемъ, но тѣмъ, что отняла у послѣдняго время „дѣлать удовольствіе публикѣ увеселительнымъ листковъ его наполненіемъ"; къ „Поденьшинѣ" подписавшійся „Незнаевымъ" обращается съ слѣдующею рѣчью: „Госпожа Поденьшина! любили бъ тебя многіе столько же, какъ и другія сочиненія; но ты неспокойна въ себѣ. Не успѣла показаться свѣту, то и задѣла и То, и Сіо, кое обществу приноситъ собою удовольствіе своими новостями; а ты перервала у сочинителя предпріятіе. Не думаешь ли ты удивить всѣхъ своимъ ругательствомъ? оно и безъ тебя извѣстно; ты отягощаешь только читателей несносною своею вздорливостію и дѣлаешь отъ себя всѣмъ отвращеніе. Пускай бы и То и Сё веселилось тѣмъ, и писало, чтобъ хотѣло; вить оно никово не трогаетъ. Итакъ уймись пожалуй ругать честное и То и Сіо, и дай ему время продолжать начатое имъ предпріятіе. Я знаю, что ты схватишься и со мною; и хотя мнѣ будетъ и не подъ лѣта съ тобою бороться, однако я неуступалова десятка, не спущу тебѣ Госпожа нововыѣзжая выскочка, и смогу еще съ тобою сладить..." [1] Поглумившись вдоволь надъ злосчастной „Поденьшиной", издатель „И то и сё" смягчается и какъ будто старается оправдать себя въ своихъ на нее нападкахъ: „При изданіи сего листа, чувствую я", говоритъ онъ, „что обымаетъ сердце мое великое сожалѣніе; и совѣсть какъ первой судія дѣлъ нашихъ, терзаетъ мою внутренность. Я узнаю или

[1] Нед. II, стр. 3.

догадываюсь, что етотъ листъ будетъ не хорошъ; да и можно ли быть тутъ чему нибудь доброму, гдѣ хотя и съ весьма дальною околичностію, однако говорится о Поденьшинѣ, не къ поврежденію ея чести, но по крайней мѣрѣ желая разсердить се нѣсколько. Ето дурно, однако, я отдаю то, что въ займы мнѣ дано..." Разсуждая, что нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже несогласія и распри, издатель еженедѣльгика приходитъ къ сознанію, что это случается „отъ неумѣреннаго нашего желанія и отъ излишняго самолюбія", и оканчиваетъ разсужденія свои, говоря что прекращаетъ свои „правоученія", чувствуя „по планетѣ своей" что моралистомъ быть не способенъ, и къ тому не родился..., но пишетъ только единственно для одного увеселенія, а другаго намѣренія не имѣетъ, потому что силъ его къ тому не достанетъ; также не требуетъ похвалы, и за славой не гоняется, считая себя ихъ недостойнымъ.

Разбранившись, какъ мы выше видѣли, такъ сказать въ сласть съ своими собратами журналистами, издатель еженедѣльника возчувствовавъ себя въ миролюбивомъ настроеніи изрекаетъ: „Усмотря, что всѣ почти наши записки наполнены ссорою, которая ни мало не приличествуетъ журналамъ, ибо не на томъ они должны имѣть свое основаніе, а должны содержать въ себѣ важное съ полезнымъ, прекращаю отвѣтствовать всякому, хотя бы собственно коснулся онъ мнѣ, не только что моему сочиненію, зная что хулителей много, но мало разумныхъ...."—Въ концѣ этого нѣсколько поздняго сознанія, слѣдуетъ напечатанный курсивомъ постскриптумъ: „Критикъ приноситъ сочинителямъ пользу, но критикъ со вкусомъ. Здѣсь такихъ людей весьма мало, которые бы со вкусомъ критиковать могли; слѣдовательно ни намъ, ни имъ пользы отъ тово не выходитъ"...[1]

Приведенной выше выходкой еженедѣльника противъ „Поденьшины" прекращается его перепалка съ другими журналами. Если ему не удалась вполнѣ ѣдкая насмѣшка, острая шутка и еще менѣе грубая брань, то напротивъ того многія статьи въ „И то и Сё" рисующія черты стародавняго отжившаго быта, и представляющія картины тогда современной, но въ настоящее время давно изчезнувшей жизни и обычаевъ, составляющихъ любопытное для насъ преданіе, походятъ, при отсутствіи сатирическаго элемента, болѣе на простодушные разказы, чѣмъ на попытку рѣзкаго обличенія. Такъ на пр., издатель приводитъ примѣръ суевѣрія въ лицѣ нѣкоего отставнаго капитана, шедшаго къ знатному господину за полученіемъ милости, и возвращавшагося два раза домой по причинѣ встрѣчи съ монахомъ и попомъ;

[1] Недѣля 9. стр. 2—8.

но бывъ принужденъ по необходимости идти опять къ благодѣтелю, суевѣрный капитанъ встрѣчаетъ дѣвку съ коромысломъ и ведрами полными воды; видя въ этой послѣдней встрѣчѣ, счастливое предзнаменованіе, радуется, но между тѣмъ, опаздываетъ, вслѣдствіе своихъ невольныхъ прогулокъ, къ милостивцу, и не получаетъ отъ него „ни тово, ни сево".—Въ другомъ „примѣрѣ" суевѣрія, авторъ разказываетъ, что ему случилось видѣть приказнаго служителя, который чаще бывалъ въ кабакѣ, чѣмъ въ приказѣ, за что каждую минуту ожидалъ справедливаго наказанія; одѣваясь, застегнулъ камзолъ черезъ пуговицу, и когда увидалъ это, то сказалъ, „что быть ему въ тотъ день или пьяному, или битому, что въ дѣйствительности и подтвердилось. По утру его высѣкли, а къ вечеру онъ съ горя напился; хотя и сказалъ, что или пьянъ или битъ будетъ, но съ нимъ случилось и то, и другое [1]. Къ болѣе полнымъ статьямъ съ сатирическимъ направленіемъ, принадлежитъ изображеніе петербургскаго петиметра, представляющаго сколокъ, или каррикатуру петиметра парижскаго. Такъ какъ по словамъ автора, петиметры „начались" здѣсь недавно, то и невозможно объяснить, что значитъ „петиметръ" на русскомъ языкѣ; „однако", говоритъ онъ, „многіе утверждаютъ, что петиметръ значитъ по руски вертопрахъ, или такой человѣкъ, которой ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только одѣться по правиламъ моды; одѣвшись, долженъ быть самолюбивъ, тщеславенъ и необузданъ въ своихъ желаніяхъ...." Вотъ какъ описывается утро петиметра: „Проснувшись въ два часа по полудни, ибо они такъ какъ мѣсяцъ, съ вечеру встаютъ, а по утру ложатся, петиметръ мажетъ лице свое нѣкоторой мазью, которая выдумана въ Парижѣ, и которая дѣлаетъ тѣло мягкимъ; натирается потомъ соками и кропитъ себя пахучими водами, подсурмливаетъ брови, и лѣпитъ на лицо мушки, ежели онѣ потребны смотря по погодѣ петиметрскаго горизонта. Какъ бы хорошо собственной ево слуга волосы не причесывалъ, и хотя бы ставилъ пукли на подобіе горлицыныхъ крылышекъ, а вержетъ счосывалъ бекасовымъ носомъ, но впрочемъ тово ему недоволно; онъ посылаетъ за французомъ, которой за одно только имя беретъ по два червонца, и есть многіе гораздо хуже русскихъ, однако до того нужды нѣтъ. Причесавшися, садится между четырью зеркалами, выдумываетъ новоманерные поклоны и разные взгляды; кланяется, пожимается, вертится, танцуетъ и насвистываетъ новые минуеты...." Авторъ изображая пустой образъ жизни петиметра, его время провожденіе и проч., говоритъ между прочимъ что „петиметрское упражненіе состоитъ въ томъ, что

[1] Нед. 8. стр. 5—6.

бы безпрестанно хвалить кокетокъ, вытверживать изъ романсовъ нѣкоторыя мѣста, и восхищаться любовными враками, которые въ Парижѣ продаются по копѣйкѣ; то есть, идилліи, стансы, сонеты, мадригалы и балеты, презирая великихъ авторовъ для тово, что оные разумными своими сочиненіями у петиметровъ похищаютъ честь въ стихотворствѣ, думать о себѣ что онъ исполненъ всѣми дарованіями...." Въ заключеніе изображенія „петиметровъ", авторъ раздѣляетъ ихъ на пять сортовъ: на петиметра—Нарцисса, обезьяну, вѣтра, хамелеона и арлекина; съ объясненіемъ ихъ одежды, дѣйствій и т. д. [1]. Замѣчателенъ также разказъ очевидца, въ которомъ описываются свадебные обряды [2]; въ другомъ: „крестины у приказнаго, съ помѣщенною вначалѣ, вмѣсто заглавія, поговоркою: „Азъ пью квасъ, а гдѣ увижу пиво, то не пройду уже мимо"; [3] и третьемъ воспитаніе сына богатаго купца." [4]

Не смотря на то, что издатель еженедѣльника относится съ насмѣшкою къ стихотворцамъ вообще, и къ одописцамъ въ особенности, его собственный журналъ, кромѣ бранчивыхъ стиховъ на издателей: „Трутня" и „Адской почты", изобилуетъ стихотворными произведеніями, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ Чулкову и сотруднику его Михаилу Попову. Между стихотвореніями перваго, отмѣтимъ: „Стихи на качели [5], и „Семикъ" [6]; также находится большое число притчей, басенъ, элегій, мадригаловъ, эпитафій, загадокъ и проч. Глумленіе Чулкова надъ стихотворцами, кромѣ высказаннаго въ изображеніи „петиметровъ" является болѣе рѣзкимъ въ стихахъ на „Семикъ" гдѣ, между прочимъ, дѣлая оцѣнку разнороднымъ поэтическимъ произведеніямъ, авторъ говоритъ:

„Съ Парнасса внизъ я одами дышу
Безъ дѣйствія души и разума пишу....
Стараюсь вѣчность я, достать себѣ стихами,
Кроплю мои труды Парижскими духами,
Чтобъ запахъ таковой читатель мой вкушая,
Сказалъ что выдумка довольно хороша,
За вкусъ я не берусь, а что же горяченько
То здѣлаю тотчасъ, и нѣсколько смѣшненько.
Извѣстіе сіе во первыхъ я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копѣйка мадригалъ, съ полушкой епиграмма,

[1] Недѣля 23. стр. 3—8.—[2] Нед. 43. стр. 1—8.—[3] Нед. 44. стр. 2—7.—[4] Нед. 45. стр. 2—6.—[5] Нед. 16, 17 и 18.—[6] Нед. 22.

Три денежки рондо, и пять копѣекъ драмма,
Елегія алтынъ, пять денежекъ сонетъ.
Идиллія хоть грошъ, полушка за билетъ.
Дешевлѣ всѣхъ стиховъ спускаю съ рукъ я оды,
Причина такова, что оные уроды,
Ни смысла добраго, ни правильныхъ стиховъ,
Ни должной похвалы, ниже завистныхъ стровъ
Съ начала до конца въ сложеньи не имѣютъ,
И денежки давать за оныхъ мнѣ жалѣютъ....“

Сочинителямъ элегій досталось еще отъ Чулкова въ статейкѣ, гдѣ разказывается о богатой боярынѣ, заказавшей написать ей плачевную элегію на смерть любимой ея постельной собачки [1].

Если издатель „И то и Сё“ имѣлъ успѣхъ у читателей, то обязанъ этимъ по видимому тому, что придалъ своему журналу нѣкоторый характеръ народности и своеобразную окраску, помѣщеніемъ въ немъ части собранныхъ имъ матеріаловъ для славянской миѳологіи, древнихъ русскихъ обычаевъ, пѣсенъ и т. п. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Чулковъ, подобно другимъ современнымъ ему изслѣдователямъ старины, смотрѣлъ на миѳы древности не съ научной, но болѣе съ нравственной точки зрѣнія, посмѣиваясь надъ ними какъ надъ суевѣріемъ и считая древніе народные обычаи дурнымъ обыкновеніемъ. Этотъ взглядъ высказывается вполнѣ въ разсказѣ его о встрѣчѣ съ „масляницей“ въ видѣ подгулявшей, пьяной женщины. „Усмотрѣлъ я“, говоритъ онъ, „изъ вѣдомыхъ мнѣ повѣствованій внѣшнихъ и домашнихъ, изъ всякихъ сказокъ, пѣсенъ и игръ, что весьма много осталося въ нашемъ народѣ стариннаго, но дурнаго обыкновенія“ [2]. Стремленіе къ народности встрѣчается безпрестанно въ журналѣ, страницы котораго испещрены пословицами и присловьями. Чулковъ едва ли не одинъ изъ первыхъ упоминаетъ о не многихъ въ то время извѣстныхъ памятникахъ старинной русской письменности; такъ напр., разсказывая о старомъ „приказномъ служителѣ“, кормившемся переписываніемъ „разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, онъ упоминаетъ о „Бовѣ Королевичѣ, Петрѣ златыхъ ключахъ, Еруслапѣ Лазаревичѣ, Францылѣ Венеціанѣ, Геріонѣ, Евдонѣ и Берфѣ, Аріасѣ и Размѣрѣ, Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, Фролѣ Скобѣевѣ и Барбосѣ раз-

---

[1] Нед. 42. стр. 6—8.
[2] Нед. 8. стр. 4.

бойникѣ [1]; въ стихотвореніи своемъ „на Семикъ", Чулковъ не обходится конечно безъ обращенія къ древнимъ славянскимъ божествамъ.— Въ журналѣ помѣщено также: „Весьма краткое извѣстіе о Миѳологіи, или о именахъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ, съ нѣкоторымъ присовокупленіемъ Иконологіи, служащее въ пользу тѣмъ людямъ, которые не знаютъ другихъ языковъ"; къ этому „извѣстію" присоединено другое, о древнихъ славянскихъ божествахъ [2]. Наконецъ почтенный миѳографъ и собиратель старины упоминаетъ объ игрищахъ, святочныхъ обрядахъ, которыхъ насчитываетъ до тридцати; также сообщаетъ о старинныхъ обычаяхъ празднованія святокъ, помѣщаетъ въ изданіи своемъ двадцать подблюдныхъ пѣсенъ [3].—Въ подражаніе „Трутню", не смотря на непріязненныя къ нему отношенія, въ еженедѣльникѣ „И то, и Сё" напечатаны также „Вѣдомости" [4], въ которыхъ подъ рубрикою: „Подряды", Чулковъ, забывъ обѣщаніе свое не ссориться, не утерпѣлъ задѣть снова Эмина объявленіемъ, что: „на нѣсколько томовъ нѣкоторой исторіи, потребно толку пудовъ до пяти и болѣе, для тово, что исторія сія не вразумительна и непонятна...." [5] Вслѣдъ затѣмъ появляется выходка противъ стихотворцевъ: „Потребно въ разныя мѣста до нѣсколько сотъ Пегасовъ, то есть крылатыхъ лошадей, на которыхъ разъѣжжаютъ Стихотворцы. Пегасъ отъ начала свѣта былъ только одинъ, и употребляли ево великіе люди, то есть великіе Стихотворцы; но нынѣ умножилося съ лишкомъ Стихокропателей, а Пегасъ имъ не служитъ; того ради надлежитъ здѣлать заводы особливые для Пегасовъ, отъ чего разбогатѣть можно всякому. А до тѣхъ поръ, набравъ оныхъ по разнымъ мѣстамъ, ежели отыскать можно, привести на конную, гдѣ приходя полустихотворцы торговать будутъ, и дадутъ стиховъ по сту за каждаго; впрочемъ, не всѣ стихотворцы знаютъ Пегаса; иной и калмыцкаго аргамака купитъ за тово, которой произошелъ отъ Медузиной крови" [6].

Въ началѣ обозрѣнія настоящаго журнала упомянуто о Сумароковѣ, какъ объ одномъ изъ сотрудниковъ „И то и Сё". Укажемъ здѣсь на слѣдующія статьи, несомнѣнно о томъ свидѣтельствующія, и вошедшія въ „Полное Собраніе" его сочиненій, изданное въ 1781 году Новиковымъ, за исключеніемъ письма къ А. В. Храповицкому, по поводу неблагопріятнаго отзыва послѣдняго о комедіи Лукина, составляющаго содержаніе письма, напечатаннаго Храповицкимъ отъ имени

---

[1] Нед. 10. стр. 2.—[2] Нед. 37. 33. стр. 1—8. 39 стр. 1—2.—[3] Нед. 47. стр. 3—5. 50. стр. 4—6.—[4] Нед. 29 и 30. стр. 7.—[5] Ѳ. Эмина Исторія Росс. 3 т. Сопик. № 4887. Смирд. № 2410.—[6] Нед. 29. стр. 7.

„дѣвицы“ въ журналѣ „Всячина“. Сумароковъ хвалитъ складъ и содержаніе помянутаго письма, говоря, что оно заслуживаетъ похвалу всѣхъ людей со вкусомъ. Отвѣтъ издателей „Всячины“ автору письма „что легче критиковать нежели сочинять“, по мнѣнію его неоснователенъ; „мнѣ кажется“, говоритъ онъ, „что труднѣе со вкусомъ и со справедливостію критиковать, нижели безъ вкуса и не справедливо сочинять....“ Онъ также не признаетъ что у насъ (т. е. въ его время) науки „въ худомъ еще положеніи“; въ доказательство несправедливости такого мнѣнія, онъ указываетъ на проповѣди Ѳеофана, панегирикъ императрицѣ Елисаветѣ, Ломоносова, и нѣкоторыя его строфы; также проповѣди архіереевъ Псковскаго и Тверскаго, архимандрита Троицкаго, не показывающія „парнасскаго младенчества въ Россіи“; Что касается комедіи Лукина, то Сумароковъ изрекаетъ ей слѣдующій безпощадный приговоръ: „Ободренія молодымъ людямъ худо пишущимъ не надобно, дабы въ сіе заблужденіе и другія молодыя люди войти не могли.... Погрѣшности въ сей комедіи не мѣлкія, но самыя крупныя и непростительныя“. Письмо оканчивается похвалою Храповицкому и желаніемъ, „чтобъ таковыхъ начинателей почитати музъ было больше, а таковыхъ комедій, какова Софья Менандровна [1] было меньше; а еще бы лучше было, естьли бы къ чести нашего вѣка не было и ни единой....“ [2] Въ „Противурѣчіи г. Примѣчаеву [3], Сумароковъ опровергаетъ мнѣніе автора статьи утверждающаго въ письмѣ своемъ, напечатанномъ во „Всячинѣ“, „что все доброе во нравахъ нашихъ есть наслѣдіе нашихъ предковъ, а худое все отъ татаръ [4].— Принадлежатъ Сумарокову же, статьи: „О всегдашнѣй равности въ продажѣ товаровъ. [5] Двѣ Притчи [6]. Епиграмма. Загадки“ [7].

Изъ прочихъ статей помѣщенныхъ въ еженедѣльникѣ, замѣчателенъ отзывъ Чулкова о другихъ журналахъ, не исключая изъ числа ихъ, и собственнаго своего. Этотъ приговоръ влагаетъ онъ въ уста портнаго, къ которому понесъ для передѣлки по новой модѣ, отысканный у себя дома, поношенный кафтанъ своего отца, сшитый имъ къ первому браку. Портной, бывши до того времени на родинѣ своей учителемъ и убѣдясь въ невозможности кормиться „учебнымъ ремес-

---

[1] Дѣйствующее лицо въ комедіи.—[2] Нед. 5. стр. 5—6. Настоящее письмо не помѣщено въ „Полн. Собр. Сочин. Сумарокова, но перепечатано вполнѣ въ „Дневникѣ Храповицкаго. Изд. Н. Барсукова. 1874. стр. IV—V.—[3] Нед. 6. стр. 1—4. Полн. Собр. Сочин. 1781. Ч. IX. стр. 350—352.—[4] Всячина. стр. 35—36.—[5] Нед. 6. стр. 4. Полн. Собр. Соч. Ч. IX. стр. 353—354.—[6] Нед. 6. стр. 6—7. Полн. Собр. Соч., Ч. IX. стр. 354—355 и 356.—[7] Нед. 6. стр. 8. Полн. Собр. Соч. т. IX. стр. 357, 159 и 160.

ломъ", оставилъ словесныя науки и началъ учиться портному искусству; пріѣхалъ онъ сюда въ одномъ кафтанѣ, и нажился столько, что можетъ одѣть своими кафтанами цѣлый полкъ. Посреди хлопотъ о передѣлкѣ принесеннаго ему кафтана, портной спрашиваетъ у автора статьи о родѣ его ремесла, и когда послѣдній сказалъ что „пописываетъ книги", то портной усмѣхнулся, и совѣтовалъ принесшему кафтанъ пойдти къ нему въ ученики, прибавивъ къ тому, что хотя будетъ обметывать однѣ только петли, то и тогда достанетъ въ мѣсяцъ больше, нежели за всѣ свои сочиненія въ годъ. „Да кстатѣ", продолжалъ онъ: „когда ты сочинитель, то пожалуй скажи, къ чему у васъ заведено столько еженедѣльныхъ журналовъ, которые я съ начала покупалъ, но нынѣ уже пересталъ; думалъ я что оныхъ начало обѣщаетъ много полезнаго, а какъ послѣ разсмотрѣлъ, то всѣ господа сочинители оныхъ говорятъ всегда объ одномъ, но только разными словами; полгода уже онымъ прошло, а мы ни важнаго ни многополезнаго еще ничево не видимъ, выключая только тово, что находится въ оныхъ вездѣ спорная коммерція, а мы какъ осужденные, платимъ за ссоры ваши, деньги. По моему мнѣнію, Пчела и ежемѣсячныя академическія изданія несравненно сихъ лучше. Для чево вы онымъ не подражаете? Или у васъ на сочиненія мода, такъ какъ у петиметровъ на кафтаны, а у дамъ на корнеты; такъ когда вы такова мнѣнія при изданіи сочиненій вашихъ бываете, то знайте, что кафтанная и чепешная мода весьма скоро перемѣняются, слѣдовательно и сочиненія ваши скоро выйдутъ изъ моды, и нѣкоторыя уже начинаютъ быть противными обществу...." Не въ числѣ ли ты сихъ журналистовъ? примолвилъ онъ.... Признаюсь, говоритъ „пописыватель книгъ", побоялся я ему отвѣчать, что я пишу „и То и Сьо"; онъ бы конечно сказалъ, что еженедѣльникъ мой столько неуклюжъ, сколько нехорошъ для нынѣшней моды принесенной мной къ нему кафтанъ, доставшейся мнѣ послѣ покойнаго моего родителя. Сказалъ же я ему, что я пишу про себя, и ничево еще въ печать не отдавалъ, за что хвалилъ онъ меня самымъ лучшимъ образомъ и совѣтовалъ, что ежели не опробуютъ ево многіе ученые люди, и не удостоятъ своего вниманія, то что бы я не только что не печаталъ ихъ, но никому бы и не показывалъ...." [1] Въ другой статьѣ помѣщенной въ видѣ письма отъ неизвѣстнаго корреспондента (можетъ быть принадлежащей и самому издателю еженедѣльника) дошедшему до какого-то непонятнаго самоуниженія, анонимный авторъ письма, послѣ шуточныхъ похвалъ „ве-

[1] Нед. 24. стр. 5—8.

ликости духа, важнымъ замысламъ, красотѣ въ велерѣчіи, искусству въ изъясненіяхъ издателя, переходитъ все въ томъ же шуточномъ тонѣ, къ слѣдующему отзыву о журналѣ Чулкова; безпрестанно взывая къ нему: О великой человѣкъ, Сочинитель и Тово и Сево! корреспондентъ обращается къ нему съ слѣдующими словами: „Ежели бы мы не имѣли щастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы и до нынѣ сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами, и не умѣли бы отличить худое отъ хорошева. Еженедѣльное твое изданіе просвѣщаетъ разумъ нашъ несказанно, открываетъ намъ мысленные очи, которыми мы видимъ, во первыхъ брань и ссору сочинителей, въ коей открываютъ они намъ сами слабости свои и пороки, которыхъ можетъ статься никогда бы мы и не примѣтили. Во вторыхъ усматриваемъ то, что многіе изъ нихъ перекладываютъ изъ пустова въ порожнее, то есть: говорятъ объ одномъ раза три, или больше, различными только словами. Въ третьихъ, слышимъ и то, какъ хвалятъ они сами себя, не имѣя въ томъ ни малой умѣренности.... безъ твоего еженедѣльника не умѣли бы мы сѣсть къ ставцу лицомъ; ты направилъ грубые нащи нравы и доказалъ намъ, что надобно обѣдать тогда, когда ѣсть хочется....“ За тѣмъ безпощадный анонимъ недоумѣваетъ, куда поставить и спрятать издателя еженедѣльника: „спряталъ бы я тебя въ хорошую библіотеку, но ты зачнешь переводить различныхъ авторовъ, и будешь выдавать сочиненія ихъ подъ своимъ именемъ.... спряталъ бы я тебя на Парнассѣ, но ты высокомѣренъ, презришь свою Музу, и не слѣдуя ея правиламъ, нагородишь изъ мрамора харчевню, и заставишь ее вѣчно плакать, а она и теперь уже глазъ не осушаетъ отъ нѣкотораго описанія....“ [1]—Не находя приличнаго мѣста куда поставить и спрятать „сочинителя и Тово и Сево“, авторъ письма даетъ ему наконецъ слѣдующее наставленіе: „Добро, оставайся ты на своемъ мѣстѣ; безъ большой заслуги, не требуй большаго воздаянія; безъ великаго успѣха, не ищи великой славы; безъ ежечаснаго труда, не желай ежечасной похвалы; будь доволенъ твоею участью, и не пекись о томъ, чтобы слава твоя гремѣла повсюду. Сочиненіе твое есть произведеніе слабаго ума для слабыхъ умовъ; но и въ другихъ мы видимъ, не Граціи танцуютъ, но селскія дѣвки по руски пляшутъ“ [2].

Отзывы о другихъ современныхъ еженедѣльнику Чулкова, изданіяхъ, встрѣчаются въ статьѣ содержащей разказъ автора ея о томъ, что однажды находясь въ „нѣкоторомъ веселомъ собраніи людей“ уви-

---

[1] Намекъ на поэму Майкова; Елисей или раздраженный Вакхъ.—[2] Нед. 45. стр. 2 7.

далъ тамъ „нѣкоего мальчишку“ старавшагося оглушить всю кампанію непристойною живностію, и цѣнившаго не право почтенныхъ и искусныхъ мужей. Когда же помянутый „мальчишка“ прохладилъ преученную столицу свою разными напитками, то принялся оцѣнивать годовые журналы. Адская Почта хороша, кричалъ онъ, есть ли бы авторъ оныя держался нѣсколько умѣренности, и не писалъ бы тово, что съ благопристойностію не сходно. Хороша Адская Почта, повторилъ онъ: естьли бы авторъ не говорилъ въ ней съ такою волностію. Трутень напротивъ тово, продолжалъ говорить молодчикъ, въ большомъ у людей почтеніи, аето отъ тово, что подъ титуломъ ево стоятъ слѣдующія двѣ буквы: А. С. Многіе думая что сочиненіе сіе перваго россійскаго автора, А Сумарокова, покупали ево съ превеликою охотою; усмотрѣвъ наконецъ по слогу, что Трутень отстоитъ весьма далеко отъ ево сочиненіевъ, потеряла къ нему великое то почтеніе. Другіе же журналы, продолжалъ онъ, никуда не годны, выключая Всякую Всячину; она одна только почтенія достойна....“ [1]—Не смотря на приведенные выше въ письмѣ анонима, нелестные отзывы о Чулковѣ и его журналѣ, издатель „И то и Сё, добивается похвалы читателей, поставляя имъ на видъ свои передъ ними заслуги и усердіе. „Въ прозѣ“, говоритъ онъ, „я тебя повеселилъ, а надъ другими посмѣялся; въ притчахъ позабавилъ; въ эпиграммахъ замысловато посмѣялся; загадками укоротилъ скучное для тебя время; въ елегіяхъ передъ тобою поплакалъ, и во всякихъ повѣстяхъ готовъ былъ дѣлать тебѣ увеселеніе“. Онъ требуетъ похвалы и за то, что „хотя и не важнымъ слогомъ, не высокими замыслами, и не философическими терминами, однако сдѣлалъ приращеніе книгамъ....“ [2]

Въ послѣднемъ выпускѣ своего еженедѣльника, Чулковъ говоря читателямъ о своихъ заслугахъ достойныхъ хвалы, вмѣстѣ съ тѣмъ сознается въ грѣхахъ своихъ заслуживающихъ порицаніе. Обращаясь къ читателю, и будучи опять какъ бы въ припадкѣ самоуничиженія, въ которомъ однако замѣтно сквозитъ желаніе уязвить своихъ литературныхъ недруговъ, онъ говоритъ между прочимъ: „Господинъ читатель! ты я думаю никогда не предвѣщалъ, чтобъ началъ я себя хулить. Съ одной стороны достоенъ я былъ твоей похвалы, посмотри жъ

[1] Нед. 51 и 52. стр. 4—5. Приводимъ это сужденіе какъ образецъ тогдашней критики отзывающейся дѣтствомъ; критики въ настоящемъ ея значеніи, тогда не могло существовать, вслѣдствіе младенчества русской литературы и незрѣлаго взгляда на нее какъ общества, такъ и самихъ писателей.—[2] Нед. 51 и 52. стр. 8.

ты прилѣжнѣе, то увидишь, что въ другой, достоенъ я хулы. Во первыхъ принадлежитъ мнѣ хула за то, что принялся я совсѣмъ не за свое дѣло и не справясь въ архивѣ мѣлкаго моего понятія, дерзнулъ сочинять годовой журналъ. Ково ты найдешь еще меня глупѣе? Всякой мало смысленной человѣкъ всѣми силами старается сокрывать ото всѣхъ людей недостатки своего разума; а я, человѣкъ весма многоразсудительной, не только что открылъ всѣ слабости моего разума и весьма скудной талантъ моего понятія, но дерзнулъ еще давать и другимъ наставленія. Человѣкъ исполненъ самолюбія, но малопоученые сочинители, исполнены имъ до верха, иль откровеннѣе сказать: гораздо съ лишкомъ. Намъ кажется что всё то, что хорошо, то конечно уже съ нами; не видимъ мы въ себѣ слабостей; противъ воли судьбины и противъ ея опредѣленія, принимаемъ на себя титулъ народныхъ учителей, и отваживаемся всякому давать наставленіе. О, великое ослѣпленіе! о, великое заблужденіе! мнѣ кажется, что сихъ народныхъ учителей, можно погнать опять въ школу, и тамо, послѣ часослова засадить ихъ протверживать псалтыри. Во вторыхъ принадлежитъ мнѣ хула за то, что связался я съ людьми учеными, самъ будучи ничему не поучонъ; и былъ я между ими, такъ какъ муха между цаплями. Временной ихъ гнѣвъ тревожилъ меня несказанно но, я какъ малая тварь, всегда находилъ мѣсто гдѣ бы мнѣ отъ нихъ укрываться, и благодаря щастливую мою судьбину, остался цѣлъ и не раздавленъ.... [1] Въ заключеніе всего, Чулковъ сообщаетъ, что онъ самъ почти вполнѣ „сочинялъ" свой еженедѣльникъ, и что видитъ ясно неумѣренность свою въ самохваленіи, такъ и въ самопорицаніи; при чемъ говоритъ: „Еще довлѣетъ мнѣ сказать нѣчто: за сіе похвалы или хулы, достоенъ, сево уже не знаю; во всемъ моемъ изданіи трудился я одинъ, безъ всякой себѣ помощи, и выключая нѣкоторое весма малое, которое и по слогу узнаетъ читатель что оно не мое, а принесено ко мнѣ рокомъ...." Онъ сознается и въ томъ, что его еженедѣльникъ не приносилъ, не приноситъ, и не принесетъ никому никакой пользы, по пословицѣ: „Есть-де что послушать, да нечево покушать". Послѣ этой исповѣди своей, онъ счелъ приличнымъ завершить журналъ свой, слѣдующею эпитафіей „И Тому и Сему":

„Не тѣло мертвое сей камень покрываетъ,
Но для тово на мѣстѣ семъ лежитъ:
Идущему напоминаетъ.

[1] Нѣд. 51—52. стр. 12—14.

Что и ему какъ мнѣ умрети надлѣжитъ
Прохожій! естьли ты съ умомъ,
Вдохни; однако не о томъ
Что я уже скончался,
Вздохни, что ты еще на свѣтѣ семъ остался.

На оборотѣ послѣдней страницы помѣщена: „Роспись продажнымъ книгамъ, у переплетчика Веге".

Должно замѣтить, что Чулковъ позволялъ себѣ иногда шутить довольно безцеремонно съ читателями своими; въ послѣднемъ выпускѣ 51-й и 52-й недѣль, страницы 8-я и 11-я, представляютъ умышленные пробѣлы, а 9-я и 10-я, оставлены совершенно чистыми. Къ означеннымъ страницамъ слѣдуетъ прибавить и 8-ю страницу 44- недѣли, на которой, вмѣсто слѣдуемаго текста, издатель, ради шутки, напечаталъ крупными литерами: „Сіе пустое мѣсто на сей бумагѣ, оставлена для тово, что Сочинитель не могъ ничево придумать, чемъ бы наполнить сію недѣлю, и сдѣлать ее равною съ другими; но какъ видно, участь ся горькая, и будетъ она безъ конца; къ чему примолвимъ пословицу: „Въ семьѣ не безъ урода".[1]

Къ журналу продавалась отдѣльно, принадлежащая къ нему сатирическая поэма Чулкова: „Плачевное паденіе Стихотворцевъ". Она была перепечатана въ 1775 году, съ прибавленіемъ стиховъ: „На качели", „Семикъ" и статьи въ прозѣ: „на масляницу"; [2] всѣ они помѣщены въ еженедѣльникѣ, гдѣ послѣдняя статья помѣщена подъ заглавіемъ: „Нечаянная встрѣча", и нѣсколько измѣнена въ изданной отдѣльно книжкѣ. Какъ въ самой поэмѣ, такъ и въ стихахъ „на качели" заключаются насмѣшки надъ литературными трудами Майкова, извѣстнаго своими сатирическими поэмами: „Елисей", „Игрокъ ломбера", эклогами, и переложеніемъ въ стихи прозаическаго перевода „Овидіевыхъ Превращеній". Надъ этими произведеніями, Чулковъ посмѣялся, и въ поэмѣ своей пародируетъ, дѣйствительно грязноватые, но не лишенные нѣкотораго остроумія стихи въ поэмѣ Май-

---

[1] На страницахъ 8-й и 11-й, выпущенный текстъ содержалъ въ себѣ вѣроятно что-либо неудобное для печати, и прежнія страницы замѣнены другими. Что же касается до страницъ 9-й и 10-й, совсѣмъ чистыхъ, то текстъ ихъ былъ исключенъ, уже по напечатаніи листа; или онѣ оставлены для рукописной вставки неудобнаго для печати слова. Неустроевъ. Историч. Розыск. о Русск. повремен. издан. и Сборник. Спб. 1874 стр. 32—33.—[2] Сопик. № 8700. Плавильщ. № 396. Смирд. № 6809. (безъ означ. года; вѣроятно указано изданіе, продававшееся при еженедѣльникѣ).

кова „Елисей"; встрѣчаются также намеки на стихотворное переложеніе Овидія, и между прочимъ задѣвается опять Эминъ.—„Плачевное паденіе Стихотворцевъ" съ приложенными къ нему стихами, внесено по ошибкѣ въ изданіе сочиненій Майкова, напечатанныхъ въ началѣ XIX столѣтія.[1]

О намѣреніи написать поэму, Чулковъ объявляетъ въ журналѣ извѣщая, что отъ расплодившихся стихотворцевъ сдѣлалась великая тѣснота па Парнассѣ, и думаетъ что скоро дойдетъ до того, что „господа сочинители начнутъ спихивать другъ друга съ крутой и высокой той горы; тутъ же будетъ плачь неутѣшный и драка не описанная". „Я воображая", прибавляетъ онъ, „сіе по минутно, и соболѣзнуя о томъ цѣлымъ сердцемъ, а не половиною, предпріялъ сочинить Поэму, подъ именемъ „плачевное паденіе Стихотворцевъ".[2]

Какой либо цѣли, опредѣленнаго направленія или задуманнаго плана, еженедѣльникъ Чулкова конечно не имѣлъ. Его отвлеченная сатира, ни на что исключительно не направленная, при отсутствіи соли, остроумія и яркости красокъ, не представляетъ большаго интереса; она далеко не можетъ сравниться съ живою, мѣткою сатирою „Трутня", или „Всячины". Журналъ „И то, и Сё" весьма легкаго содержанія; а многія изъ его прозаическихъ статей по бѣдности вымысла и замѣчательной небрежности въ изложеніи, не имѣютъ никакого достоинства, даже и по тому времени. Неразборчивость Чулкова въ выборѣ стихотвореній какъ своихъ собственныхъ, такъ и принадлежащихъ его сотрудникамъ, представляютъ этотъ отдѣлъ его журнала весьма слабымъ. Вообще же, можно сказать, что издатель еженедѣльника „не мудрствуя лукаво" писалъ что и какъ придется, или выражаясь его словами, „сочинялъ годовой журналъ", не задумываясь и не заглядывая въ даль, но пользуясь тѣмъ что находилъ около себя, и не заботясь о томъ, чтобы привлечь читателей. Лучшую сторону изданія составляютъ безспорно, какъ замѣчено выше, статьи, въ которыхъ Чулковъ дѣлился съ читателями трудами своими по части русской народности; стремленіе и любовь къ ней замѣтны почти на каждомъ шагу, и выражаются авторомъ въ описаніи древнихъ русскихъ повѣрій, обычаевъ, игрищъ; въ помѣщеніи немалаго числа подблюдныхъ, святочныхъ и другихъ пѣсенъ, и наконецъ сло-

---

[1] Сочиненія В. Майкова, или собраніе остроумныхъ, сатирическихъ, забавныхъ поэмъ, нравственныхъ басенъ и сказокъ, театральныхъ и другихъ его лирическихъ твореній. Спб. 1809 г. 8°.—[2] Нед. 41. стр. 7—8.

варя иностранныхъ словъ употребительныхъ въ русскомъ языкѣ, съ объясненіемъ ихъ значенія; при чемъ, по словамъ автора, онъ объясняетъ ихъ „не для той причины чтобъ они остались въ русскомъ языкѣ, но что хочетъ доказать тѣмъ, что они не наши, и что напрасно старались ихъ вводить, ибо нашъ языкъ и безъ того преизобиленъ...“ [1]

1769—1770. [2]

№ 106. Всякая Всячина. Симъ листомъ бью челомъ; а слѣдующія впередъ изволь покупать. 8°. 8 ненум. и 408 нум. стр.—**Барышекъ** Всякой Всячины.—1770 года (Всѣхъ стат. 176 №№).

Сопик. ч. 3. № 3882.—Плавильщ. ч. III. № 6690.—Смирд. ч. IV. № 9676.—Опытъ Словар. Новикова стр. 101.—Митр. Евген. Слов. т. 1. стр. 296.—Макаровъ. Отеч. Записки 1839. Смѣсь стр. 22—29. Геннади. Справочн. Слов. т. 1. стр. 180.—Неустроевъ. Историч. Розысканіе о русск. повремен. изданіяхъ и сборник. стр. 126.—Буличъ. Сумароковъ и современ. ему критика стр. 24.—Аѳанасьевъ. Русск. Сатирич. Журналы стр. 257—Лонгиновъ. Новиковъ и Москов. Мартинисты стр. 22. 1.

„Всякая Всячина“ стала выходить съ начала 1769 года еженедѣльно, по пятницамъ, по одному полулисту въ 8 страницъ. На нихъ не выставлялось, ни времени выхода, ни нумера, а только въ заголовкѣ сказано „Всякая Всячина“. Впродолженіе года, журнала этого вышло 52 полулиста. Въ концѣ послѣдняго полулиста, на стр. 408, напечатано внизу объявленіе: „Какъ Всякая Всячина еще снабдѣна нѣкоторымъ припасомъ, то она въ слѣдующемъ 1770 годѣ, продолжитъ барышекъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ сего запаса станетъ, а о послѣднемъ своемъ концѣ публику увѣдомить не оставитъ“. Помянутаго запаса достало еще на 18 еженедѣльныхъ полулистовъ выходившихъ подъ указаннымъ выше заглавіемъ, которое обозначалось на всѣхъ полулистахъ 1770 года, кромѣ общаго титула на стр. 409. Счетъ страницъ въ „Барышкѣ“ идетъ послѣдовательный и служитъ продолженіемъ таковаго „Всякой Всячины“, такъ что оба составляютъ одну часть. Первый полулистокъ „Всякой Всячины“ не имѣетъ нумераціи страницъ; она начинается со втораго полулиста. О выходѣ въ свѣтъ „Всякой Всячины, слѣдующее первое извѣстіе напечатано во

[1] Нед. 26. стр. 1—8 и Нед. 27 стр. 1—6.—[2] Слѣдуя хронологическому порядку должно бы помѣстить „Всячину“ прежде; еженедѣльника „И то и Сё“; но такъ какъ „Барышекъ“ вышелъ въ 1770 году то первая поставлена послѣ еженедѣльника Чулкова.

2-мъ нумерѣ Спб. Вѣдомостей, 6 января 1769 года: „Желающіе имѣть издаваемыя нынѣ еженедѣльныя сочиненія подъ именемъ Всякой Всячины, могутъ оныя получать въ Академической книжной лавкѣ, каждой недѣли въ пятницу, при раздачѣ Вѣдомостей, платя за каждое такое сочиненіе по 1½ коп." Если вѣрить сказанному въ заглавіи, то нужно полагать что первый листокъ раздавался базплатно.

Въ началѣ издателемъ журнала помѣщены: „Поздравленіе съ новымъ годомъ" (3 стр.), „Ко Читателю" (2), и „Госпожѣ Публикѣ краткое привѣтствіе;" какъ бы опредѣляющее задачу и направленіе журнала; въ виду значенія помянутыхъ статей, считаемъ необходимымъ привести ихъ вполнѣ. Въ поздравленіи своемъ, издатель „Всячины" говоритъ: „Тысяча седмь сотъ шестьдесятъ девятый годъ отмѣнно щастливо начинаемъ; (еслибы не предстояла война: по даромъ; на начинающаго Богъ) [1]. Всякая Всячина всегда съ нами пребывала, но ни который годъ не могъ похвалиться, имѣть оную напечатанную. До сихъ поръ она была въ дѣйствіяхъ, во словахъ, въ мысляхъ, и вездѣ оказывалась: но нынѣ она положена на бумагу, и увидитъ свѣтъ. О, коль сей годъ отличенъ отъ прошедшихъ! Произхожденія были въ свѣтѣ все тѣже; новаго ничего нѣтъ; но нынѣ оныя можно будетъ читать. День гонимый днемъ, уже съ собою въ вѣчное забытіе не вовлечетъ здѣсь записанныхъ достопамятныхъ произшествій. Достойны быть поздравлены всѣ тѣ, кои дожили до сего отличнаго дня, въ который они можетъ статься, увидятъ себя не только съ наружи въ зеркалѣ, но еще и внутреннія свои достоинства, начертанныя перомъ. О! коль щастливо самолюбіе ваше въ сей день, когда ему новый способъ пріискался смѣяться надъ пороками другихъ, и любоваться собою.

О годъ! которому прошедшіе и будущіе будутъ завидовать если чувства имѣютъ! Каждая недѣля увидитъ листъ; каждый день приготовитъ оный. Но что я говорю? мой духъ восхищенъ до третьяго неба; я вижу будущее. Я вижу безконечное племя всякія всячины. Я вижу, что за нею послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти: будутъ и уроды ея мѣсто со временемъ заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое разсужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачество и вздоры, а другою доброе поколѣніе всякія всячины за руку ведутъ. Но пора мнѣ проснуться. Я самъ себя поздравляю, что мнѣ судьбина опредѣлила говорить съ вами, любезные мои сограждане, цѣлый годъ. Но какъ всякая вещь должна быть взаимна, и я свою

---

[1] Начинавшаяся въ то время война Россіи съ Турціею.

работу не почитаю вамъ быть епитимьею или наказаніемъ; то и васъ поздравляю, что вы со мною будете имѣть дѣло: а для чего? Вы увидите изъ моего сочиненія. Я давно читалъ, что весьма прилично писателямъ, не все прописывая, оставлять кое что на острую догадку читателямъ; и для того прощайте на сей случай".

Къ читателю, издатель обращается съ слѣдующими словами: „Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ за благо разсудится, безъ всякаго порядка. Иногда дамъ вамъ полезныя наставленія; иногда будете смѣяться. Будутъ и такія времена, въ которыя ожидаю отъ васъ удивленія, такъ же и попреканій; но на сіи послѣднія во истинну не буду глядѣть. И подобно какъ рѣдкая плотина можетъ остановить быстрое теченіе большія рѣки, такъ то ни какая препона не можетъ меня отвратить отъ великаго сего моего предпріятія. Мнѣ сказала мама и няня, когда я былъ шести лѣтъ, что я уменъ: у меня есть ласкатели, кои то же нынѣ подтверждаютъ; ибо ни у однихъ Князей и Баръ, да у двора найти сихъ животныхъ можно. Сверхъ ума моего, я за подлинно изъ опытовъ увѣренъ, что у меня сердце доброе. И такъ надѣйтеся, господинъ читатель, что купя мой трудъ, вы не вовсе потеряете свои деньги. Не вздумайте же впрямъ, что мнѣ нужда въ вашихъ деньгахъ: я право дважды въ день сытъ, и еще остается столько, что и васъ накормить можно. Я знаю, что все сіе отправляется на чужой счетъ; ибо доходъ мой есть дань мною положенная на людей, кои болѣе меня работаютъ въ потѣ лица своего; а я то проживаю безъ толикаго труда, а часто безъ благодарности къ нимъ: въ чемъ уже друзья мои часто мнѣ попрекали, говоря, что стыдно въ томъ быть не признательну, и что я равныхъ себѣ мало уважаю, хотя во мнѣ спѣсь и не велика. Я сей свой порокъ приписываю дурному воспитанію и хулительному тѣхъ людей, съ коими обращаюся примѣру, а отнюдь не своей гордости.

Прощай господинъ читатель; чрезъ сіи строки мы довольно спознались. Каково жить будемъ вмѣстѣ, время окажетъ; все сіе зависитъ отъ права такъ, какъ и въ женидьбѣ.

Въ привѣтствіи публикѣ, издатель „Всячины" дѣлаетъ ей первой упрекъ въ непомѣрной любви ея къ каждой новизнѣ, на которую съ жадностію набрасываясь, потомъ скучаетъ ею: „Драгій обычай вашъ есть, весьма жадно приниматься за всѣ новизны, и такъ ожидаю я равнаго отъ васъ жребія. Чрезъ двои же сутки несомнѣнно скучите тѣмъ, съ чѣмъ вы носились неумолкно изъ дома въ домъ, замуча нарочно для того ваши ямскія запряжки. Да какъ и не скучить? Уста ваши по-

чувствують надсаду, произнося безпрестанно нѣсколько часовъ одно и одно.

Просилъ бы я васъ, сдѣлать изъятіе для нашея обоюдныя пользы: но вѣдаю, что моя прозьба будетъ тщетна. И такъ представлю вамъ неопровергаемую, нижеслѣдующую истинну, и разстанусь съ вами. Если бы вы съ меньшею жадностію принимались за новости; то бы не такъ скоро скучили оными. Но глухимъ трудно слышать проповѣди.

Я не уничтожаю никакого человѣка; ибо уничтожая онаго, я бы самъ себя уничтожилъ; понеже я самъ есмь человѣкъ равный ему во всемъ."

Изданіе „Всячины" приписывается Григорью Васильевичу Козицкому, хотя положительныхъ свидѣтельствъ о томъ не имѣется [1]; что касается до сотрудниковъ журнала, то они скрыты подъ разными болѣе или менѣе замысловатыми псевдонимами, какъ напримѣръ: Агафья Хрипухина, Ибрагимъ Курмаметъ, Евдокимъ Примѣчаевъ, Θалалей, Агабъ Самануковъ, Невѣдомый, Леонильда Критюхина, Аристархъ Аристарховъ, Примирителевъ, Терпишкинъ, Остроперовъ, Топтоногова и пр.; исключеніе представляютъ слѣдующія анаграммы именъ: „Іерогиргъ Велашукъ (Григорей Кушалевъ. Притча. стр. 378). Аліахима Вокужъ (Михаила Жуковъ. Письмо къ издателямъ стр. 380) и Сумароковъ, которому принадлежитъ „Надпись ко статуѣ Государя Петра Великаго (стр. 138). Нѣкоторые подписывались различными прописными литерами. Есть догадка еще о двухъ сотрудникахъ: Иванѣ Елагинѣ, по литерамъ И. Е., выставленнымъ подъ статьею: „Рѣшеніе честнаго человѣка на задачи предложенныя во Всякой Всячинѣ на стр. 212. (стр. 257); и Афанасьѣ Лобысевичѣ по литерамъ А. Л. подъ переводомъ съ французскаго, помѣщенномъ въ „Барышкѣ" (стр. 480) [2].—Образцомъ для „Всячины" послужилъ знаменитый англійскій журналъ, издававшійся въ 1711—1712 годахъ Адиссономъ подъ названіемъ: „The Spectator" (Зритель), и послѣ долгое время пользовавшійся успѣхомъ; а вліяніе свое на русскій журналъ оказали также французскія и англійскія періодическія изданія „Новый Метеоръ", „Мизантропъ" и „Пустомеля"; но это вліяніе на наши журналы сохранилось только относительно ихъ внѣшнихъ формъ и тона статей; содержаніе же свое они

[1] Академикъ Пекарскій, какъ увидимъ ниже, не раздѣляетъ относительно этого, общепринятаго мнѣнія.

[2] Булича „Сумароковъ" стр. 216.

брали изъ современныхъ нравовъ и жизни тогдашняго русскаго общества [1]. Самъ издатель „Всячины" по поводу спора своего съ „Трутнемъ", желая, чтобъ сатира имѣла „поболѣе мягкости", не щадилъ однако ничего достойнаго осмѣянія; онъ говоритъ о себѣ: „я ласкаю себя часто, что о моемъ бытіи будутъ говорить съ выраженіями, великую мнѣ честь приносящими. Его разсужденія, не смотря на состарѣвшійся языкъ и темныя выраженія вѣка, въ которомъ сочинитель жилъ, мы довольно разумѣемъ, чтобъ видѣть, какія были забавы и нравы у Россійскаго народа" [2]... „Всячина", какъ первый русскій журналъ съ сатирическимъ вполнѣ направленіемъ, имѣлъ нѣкоторое время большой успѣхъ между читателями, что объясняется не столько похвалами изданію, содержащимися не въ совсѣмъ достовѣрныхъ письмахъ корреспондентовъ „Всячины", сколько бѣдностью въ то время легкаго чтенія, и дешевизной выходившихъ листковъ журнала; о быстрой ихъ распродажѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее объявленіе напечатанное 1769 года, января 16 дня въ № 3 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: „Сочинитель Всякія Всячины, увѣдомясь что по разнообразіи первыхъ ея листовъ, много еще явилось охотниковъ, которые оныхъ требовали, напечаталъ ихъ еще до тысячи, кои теперь и продаются въ Академической книжной лавкѣ по той же цѣнѣ, по которой и протчіе [3]..." Въ концѣ слѣдуетъ приглашеніе въ сотрудники журнала.

Издатель „Всячины", исполненный духомъ прозрѣнія, предвидитъ имѣющее зародиться безконечное племя ея, въ чемъ онъ нисколько не ошибся, сообщая о томъ читателямъ въ „поздравленіи" своемъ; духъ подражанія произвелъ помянутое, довольно многочисленное, но скоро прекратившееся потомство. За „Всячиной" появилась серія журналовъ съ тою же программою сатиры, которою нѣкоторые изъ нихъ не только сравнялись качествомъ сатирическихъ стрѣлъ своихъ, по другіе даже и превзошли родоначальницу свою. Представителями потомства ея были еженедѣльники: „И то и Сё", Чулкова, „Ни то ни сё" Рубана, „Поденьщина" Тузова, „Полезное съ Пріятнымъ", „Смѣсь", „Трутень" Новикова и „Адская Почта" Эмина. „Всячина" называла себя бабушкою, иногда и прабабушкою всѣхъ означенныхъ изданій; но несмотря на столь почтенную степень родства, она не ужилась въ ладу со внуками и правнуками; вся почти семья названныхъ журналовъ, въ продолженіе недолгаго своего существованія, не оказывала

[1] Булича „Сумароковъ", стр. 217. Русскіе Сатирич. Журналы А. Аѳанасьева стр. 5.—[2] Всячина стр. 399.—[3] Выпускъ 1-й настоящаго труда, стр. 256.

должнаго уваженія общей прародительницѣ, но безпощадно нападала на нее; издатели ссорились между собою и бранились съ такимъ азартомъ, что чуть не лѣзли въ драку. Болѣе всего терпѣла „Всячина“ отъ умнаго и прямаго „Трутня“ [1], который не могъ сочувствовать ея узкой и жиденькой морали; ея сатирѣ, вставленной въ рамки казеннаго благочинія, имѣющей основаніемъ правило „цѣлить въ пороки, но не въ особъ“, и порипавшей на практикѣ то, что оправдывалось ею въ принципѣ. На письмо подписанное Правдулюбомъ и адресованное „г. Трутню“, 9 мая 1769 года, въ которомъ выводится на свѣжую воду правило умѣренности „Всячины“ и она уличается въ криводушіи [2], послѣдняя, защищая свои убѣжденія, возражаетъ: „На ругательства, напечатанныя въ Трутнѣ подъ пятымъ отдѣленіемъ, мы отвѣтствовать не хотимъ, уничтожая оныя; а только наскоро дадимъ примѣтить, что г. Правдулюбовъ насъ называетъ криводушниками и потаччиками пороковъ для того, что мы сказали, что имѣемъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ, и что есть разница между пороками и слабостями. Господинъ Правдулюбовъ не догадался, что исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ инпаесть быть могло снисхожденіе; а можетъ статься, что и умъ его не достигаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь“ [3]... Журнальная полемика вообще, или скорѣе перебранка между издателями надоѣдала публикѣ, что видно изъ нѣкоторыхъ писемъ (въ этомъ случаѣ не сомнительныхъ) отъ корреспондентовъ; такъ нѣкто подписавшійся „Аристархъ Аристарховъ сынъ Примирителевъ“ пишетъ: „Будучи охотникъ до издаваемыхъ въ нынѣшнемъ годѣ разныхъ сочиненій, и покупая ихъ съ самаго начала, съ великимъ удовольствіемъ читалъ оныя, и могу сказать по справедливости, что находилъ въ нихъ разумъ, вкусъ и полезность; но нынѣ увидѣлъ въ нихъ сверхъ чаянія моего со всѣмъ неприличную такимъ сочиненіямъ междоусобную ссору, которая въ насъ отъ приятнаго чтенія оныхъ великое произвела отвращеніе“... Издатель соглашается, что выговоръ „Всячинѣ“ за ссоры ея съ другими журналами, весьма справедливъ, и онъ обѣщается воздерживаться на будущее время отъ подобныхъ перебранокъ; причемъ „Всячина“, по праву старшинства, обращается съ увѣщаніемъ къ своему

---

[1] О полемикѣ между „Всячиной“ и „Трутнемъ“, Русск. Сатирич. Журналы, и 1-й Выпускъ настоящаго труда стр. 263.—[2] Всячина, стр. 174.—[3] Тамъ же, стр. 97.

„поколѣнію“ отложить всѣ домышнія распри, и только единственно упражняться довольствовати читателей приятными и полезными задатками“ [1]... Подобное же письмо получаетъ издатель „Всячины“ отъ нѣкоего „Герасима Курилова“: „Напишите что нибудь въ наставленіе тѣмъ матерямъ и бабкамъ, кои дѣтей и внучатъ, начинающихъ лишь только говорить, учатъ, чтобъ отцовъ и другихъ людей бранили... изъ листковъ вашихъ не примѣтилъ я, чтобъ вы нисходящему роду своему, теперь уже до пятаго колѣна простирающемуся, такое преподавали гдѣ либо ученіе; однако нѣкоторые изъ пишущихъ и издающихъ недѣльныя сочиненія, показываютъ въ семъ ремеслѣ удивительные успѣхи, и насъ оными забавлять стараются, не вѣдая того, что благоразумный человѣкъ... негодовать долженъ на сочинителей въ храмъ вѣчности продирающихся, видя вмѣсто полезныхъ поученій разсѣваемые ими, и примѣромъ ихъ ободряемые такіе плевелы“.

Объявивъ себя родоначальницей другихъ періодическихъ изданій, появлявшихся почти съ каждымъ мѣсяцемъ, „Всячина“ говоритъ, что едва только ступила она на свѣтъ, какъ уже „продираетъ глаза То и Сё; одно только спитъ безъ просыпа „Кое что“ [2]... Издатель ея по выходѣ въ свѣтъ первыхъ листковъ еженедѣльника „Ни то, ни Сё“ писалъ слѣдующее: „Многіе родители не столько любятъ и милуютъ дѣтей родныхъ, какъ своихъ внучатъ. Изъ опыта я теперь знаю, каковы милы внучата. Лишь Ни то ни Сё узрѣло свѣтъ, я взялъ оное въ свои объятія на руки, и радовался надъ нимъ, приговаривая по обыкновенію барскихъ барынь: дитя умное, дитя милое, разумное дитя, и проч... Господинъ читатель, радость не знаетъ мѣры... Паки обращаюсь къ любезному своему внучку „Ни то ни сё. Больше онъ мнѣ статься можетъ потому былъ милъ, что перворожденный сынъ (И то и сё), такъ мало благодаренъ родительницѣ своей, что онъ ее называетъ безъ всякаго почтенія большою сестрицею [3]; не упоминая о прочихъ многихъ его поступкахъ противу матери. Но о сей семейной ссорѣ нечего здѣсь упоминать. Однимъ словомъ, кончимъ тѣмъ, что съ молода онъ не обѣщалъ много соотвѣтствовать надеждѣ объ немъ родительской. Внучекъ же, напротивъ того, со дня рожденія показался почтителенъ и ласковъ, и тѣмъ утвердилъ искреннюю къ нему любовь прародительницы, коя взираетъ на него, какъ на подпору рода ея, и утѣшеніе въ старости. Бабушкѣ вить жить одинъ годъ... Но какъ бы

---

[1] Всячина, стр. 224;—[2] Тамъ же, стр. 153.
[3] И то и сё, листъ 3.

то ни было; обыкновенно послѣ радости бываетъ печаль...—Слѣдующія два письма поразили печалію чувствительное сердце бабушкино...[1] въ означенныхъ письмахъ, за подписями „Ибрагима Курмамета и Ѳалалея, приносятся ей слѣдующія жалобы на любимаго и только что хваленаго ею внука: „Читая", пишетъ первый изъ означенныхъ корреспондентовъ, „въ Ни то, ни сё" стихи, отъ частаго произношенія однихъ рѣчей, зачала у меня побаливать голова. Когда это видя, надобно бы мнѣ перестать, но я поупрямился... захотѣлъ увидѣть конецъ; а какъ дочиталъ, то отъ частыхъ, да еще и на другихъ языкахъ: ни То, ни Сё... ни То, ни Сё въ Русскомъ что, что, что..., сдѣлался обморокъ, который такъ силенъ былъ, что и теперь не могу въ натуральный прийти порядокъ; да и то слава Богу, теперь есть полегче отъ Всякой Всячины; а только на автора я не сержусь потому, можетъ быть онъ не съ умысла написалъ"... Въ другомъ письмѣ, подписанномъ Ѳалалей, пишущій его проситъ помощи отъ своей болѣзни жалуясь на нее такъ: „боленъ я бредомъ, и брежу все на яву; а бредъ мой состоитъ въ томъ, что браню худыхъ сочинителей, которые не одумавшися принимаются писать противъ силъ своихъ, и пишутъ вздоръ. Напримѣръ: „Зятя и Тестя и Разумнаго Вертопраха[2] и тому подобныхъ, исключая славныхъ Синава, Хорева, и прочихъ, которыя ясно показываютъ великость духа сочинителева... На сихъ дняхъ... совсѣмъ было выздоровѣлъ, какъ вдругъ опять занемогъ отъ нововышедшаго сочиненія ежесубботняго. Господа сочинители ни Того ни Сего, какъ видно, не будучи достаточны въ хорошихъ матеріяхъ, и наполняя враньемъ свой листокъ, находилися въ затрудненіи, какъ бы окончать оный, но не нашедъ болѣе ничего, вранье свое окончали повтореніемъ на разныхъ языкахъ своего вздора...[3] „Всячина" отвѣчаетъ, „однако не съ сердцовъ", что въ болѣзни нѣтъ лучшаго лѣкарства какъ терпѣніе, и затѣмъ обращается къ помянутымъ изданіямъ съ слѣдующими словами: „Слушай То и Сё, и ты Ни то ни Сё": если не побережемся, наши Корреспонденты насъ поссорятъ. Но для пользы племени есть средство. Не замай они пишутъ; а мы браниться не станемъ. И такъ будутъ безъ удачи тѣ, кои по французской пословицѣ, между корою и деревомъ пальцы положили".—Желаніе жить въ мирѣ съ племенемъ своимъ, не помѣшало однако „Всячинѣ" поднимать на зубки не состоящихъ съ ней въ родственныхъ связяхъ;

---

[1] Всячина. стр. 73—75.—[2] Французскія Комедіи переведенныя Лукинымъ.—[3] Всячина 78, намёки на стихи, напечатанные въ журналѣ: Ни то, ни сё.

дѣйствовала ли она по собственному побужденію, или можетъ быть заразилась бредомъ „Ѳалалѣя", какъ замѣтно изъ письма ея къ „Агаѳьѣ Хрипухиной" просившей лѣкарства отъ безсонницы, наводимой на эту даму ночнымъ храпѣньемъ ея мужа. Первая совѣтуетъ г-жѣ Хрипухиной, ложась спать, прочесть подъ рядъ шесть страницъ „Всячины"; потомъ столько же страницъ „Телемахиды", и увѣряетъ, что за тѣмъ страждущая безсонницею не услышитъ уже храпѣнья супруга [1]. Одинъ изъ анонимныхъ Корреспондентовъ находя лѣченіе предлагаемое „Всячиной" не достигающимъ цѣли, и льстя ей, увѣдомляетъ ее, что оно приведено въ исполненіе однимъ его пріятелемъ, великимъ химикомъ, и по мнѣнію послѣдняго „немножко скоренько", что онъ подтверждалъ въ пространной рѣчи, изъ которой приведено въ письмѣ слѣдующее краткое извлеченіе: „Препроводивъ нѣсколько лѣтъ въ лабораторіи, познаіъ я опытами, что всякая вещь имѣетъ свои способности, которыя будучи отдѣлены и вторично передвоены чрезъ кубъ понятія, открываютъ, что нѣкоторыя хотя и отъ разныхъ взяты вещей, однако имѣютъ великое между собою сходство, а другія великое различіе. И естьли въ лѣкарственную смѣсь употребятся двѣ несходственныя способности, то не произведутъ желаемаго дѣйствія; а какъ Телемахида и Всякая Всячина весьма различны, то потому и не можно ожидать успѣха; для совершеннаго жъ отъ безсонницы освобожденія, потребно было пріобщить къ Телемахидѣ нѣсколько стиховъ изъ Аргениды... Всякая Всячина, соединенная съ вещьми себѣ подобными, произведетъ къ чтенію жадность"... Это письмо пришлось по сердцу „Всячинѣ", за которое она благодаря и восхваляя автора его, любезно сознается въ ошибкѣ своей относительно рецепта прописаннаго ею г-жѣ Хрипухиной, и говоритъ что боялась предписать ей „Телемахиду" безъ другаго чтенія, опасаясь чтобъ первая не произвела дѣйствія опіума, который будучи безъ примѣси „осторожности", обращаетъ сонъ въ „лиѳаргію". „Впрочемъ" говоритъ въ заключеніе „Всячина", „мы спорить не будемъ, что стихи Аргениды одни могутъ служить къ таковому же употребленію; но вмѣстѣ съ Телемахидою они произведутъ терзаніе жилъ, потяготу, тягость и отвращеніе отъ всего...[2]"—Похваливаетъ „Всячину" и Храповицкій въ письмѣ къ издателю отъ „любительницы" Всякой Всячины, нападая на злосчастную

---

[1] Всячина, стр. 14—15. [2] Тамъ же, стр. 30—32. Здѣсь кстати припомнить, какъ смотрѣла на „Тилемахиду" Екатерина II, и какое дѣлала изъ нея употребленіе.

„Телемахиду" и комедію „Тесть и Зять", переведенную Лукинымъ: „мнѣ кажется" говоритъ между прочимъ авторъ письма, „что Всякую Всячину, въ коей, не лестно скажу, видѣнъ острый разумъ, хорошія мысли и приятный слогъ, вы несправедливо сравняли съ прескучною и непонятною Тилемахидою, въ которой Г. Фенелонъ такъ же обезображенъ, какъ Г. Колле въ переведенной его комедіи „Depuis et Deronnais". Она названа по-Руски „Тесть и Зять". Далѣе описывая болѣзнь своей пріятельницы приключившуюся съ любительницей „Всякой Всячины" въ театрѣ, вслѣдствіе представленія помянутой комедіи, авторъ письма расказываетъ, что „лишь открыли завѣсу, она (т. е. пріятельница его и любительница „Всякой Всячины") задумалась, и по окончаніи нѣсколькихъ явленій, спрашивала у меня: по какимъ театральнымъ правиламъ, актеры часто кричатъ „*а! а!* и что сіе значитъ [1]? Также для чего Исидоръ, называя за глаза любовницу свою Софьею Менандровной, самой ей всегда говоритъ: „Софья! А! Софья, я тебя прямо обожаю! Комедія передѣлана на наши нравы и дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ; однакожъ здѣсь любовники такъ не говорятъ: Я не могла ей на сіе отвѣчать. Потомъ она жаловалась, что безпрестанныя „а! а!" разломили ей голову [2]".—Въ отвѣтъ на это письмо, издатели „Всячины" вѣрные однажды принятому правилу: не цѣлить на особъ щадя самолюбіе ближняго", стараются защитить осмѣянную комедію, и считаютъ нужнымъ, перевести для заболѣвшей отъ нея, французскую пословицу: „критика легка, но искусство или ремесло не легко"; и въ заключеніе говорятъ что „въ теперешнемъ положеніи наукъ у насъ, мы думаемъ, что гораздо полезнѣе поощреніе сочинителямъ, переводчикамъ и молодымъ людямъ, кои посвящающаютъ себя наукамъ, нежели строгая критика. И такъ нѣсколько излишнихъ „а". „а"! и одно или два выраженія къ коимъ уши не привыкли, и кои суть слѣдствіе перевода, еще не довольны для доказательства, что цѣлый переводъ не соотвѣтствуетъ желанію трудящагося чтобъ удовольствовать другими глазами смотрящую публику." [3]

„Всячина", слѣдуя программѣ объявленной ею въ своемъ „Обращеніи къ читателю, преподавала также публикѣ „полезныя наставленія", къ чему поводомъ служили большою частью письма корреспон-

---

[1] Междометіе, дѣйствительно часто употреблявшееся Лукинымъ.—[2] Что письмо написано дѣйствительно Храповицкимъ, служитъ доказательствомъ отвѣтъ на него, помѣщенный въ еженедѣльникѣ „И то и Сё", нед. 5, стр. 5, приписываемый Сумарокову. (Буличь. „Сумарок." стр. 255).

[3] Всячина. стр. 43—44.

дентовъ къ издателямъ еженедѣльника, обращавшихся къ послѣднимъ за совѣтами, или съ прозьбою разрѣшить какое либо недоумѣніе, произнести приговоръ поступку, заслуживающему осужденіе. Эпистолярная форма изложенія была тогда въ большомъ употребленіи у издателей журналовъ; она оказывалась для нихъ весьма удобною тѣмъ, что они имѣли возможность, не затрогивая ни чьего самолюбія, преподавать непрошенные совѣты и наставленія, отвѣчая по необходимости на письма къ нимъ адресованныя, но часто въ сущности ими же самими измышленныя.. „Всячина" подобно какъ и другія однородныя съ ней изданія, прикрываясь этими анонимными письмами, могла, удобно для себя, отражать насмѣшки своихъ противниковъ, не церемонясь указывать на общественныя недостатки; словомъ творить судъ надъ людскими пороками и проступками; имѣя программою сатиру, она не упускала случая посмѣяться надъ некрасивыми сторонами современнаго ей общества, нападая довольно мѣтко на злоупотребленія, слабости и предразсудки; поражая ихъ сатирою своей, она предавала ихъ на общее осужденіе и посмѣяніе. Эти картины современныхъ нравовъ, такъ вѣрно названныя Буличемъ „tableaux de genre"[1] и представленныя на страницахъ нашихъ сатирическихъ журналовъ, обращаютъ на себя вниманіе и въ настоящее время яркостью и поразительной вѣрностью красокъ; многія изъ нихъ драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что будучи исполнены мастерскою кистью, не утратили черезъ сто слишкомъ лѣтъ своего интереса, сохранивъ въ такой свѣжести черты жизни давно изчезнувшаго общественнаго быта. Такъ на примѣръ, изображаетъ „Всячина" семейство, погрязшее въ предразсудкахъ и суевѣріи: „ѣздилъ я недавно обѣдать за Москворѣчіе къ одному знакомому мнѣ человѣку. Съ неудовольствіемъ увидѣлъ я весь домъ его въ великомъ унынiи. Я навѣдывался, что тому причиною, и получилъ на то въ отвѣтъ, что жена его видѣла дурной сонъ, который ему, ей, или дѣтямъ грозитъ какимъ-то нещастьемъ. Погодя хозяйка вышла. Она мнѣ казалася въ столь глубокой печали, что она бы произвела во мнѣ много сожалѣнія, если бы я на передъ не узналъ причины. Мы сѣли за столъ. Хозяйка взглянула на меня, и оборотясь къ мужу, сказала ему сіи достопамятныя слова: Сердце мое, взпомни посторонняго который ночесь сидѣлъ за свѣчкою. Потомъ зачала разсуждать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Меньшій ихъ, маленькій сынъ, который сидѣлъ въ концѣ стола, зачалъ говорить: Матушка,

[1] Буличь „Сумароковъ" стр. 219.

въ понедѣльникъ зачну я склады. Въ понедѣльникъ! вскричала мать; сохрани Богъ! съ понедѣльника не начинаютъ. Скажи попомарю чтобъ со вторника началъ. Пока я мысленно дивился, что я нашелъ особу, коя желала установити правиломъ, потерять въ недѣлѣ одинъ день, хозяйка просила меня подать ей соль. Я спѣша сдѣлать ей сію угодность, отъ скорости и робости уронилъ на половинѣ дороги солонку. Увидя сіе нещастіе она затряслась, и тотъ часъ примѣтила что соль просыпалася прямою дорогою къ ней. Я самъ оробѣлъ, и стыдился, что я у всѣхъ произвелъ толикій страхъ. Хозяйка не много опомнясь вздыхая, мужу сказала: голубчикъ! одно нещастіе безъ другаго не бываетъ. Вспомни что голубятня наша обвалилася въ тотъ же день, какъ дѣвка просыпала соль на столѣ. Помню, отвѣтствовалъ мужъ; а на другой день получили мы извѣстіе о Цорндорфской баталіи. Изъ сихъ рѣчей понялъ я, кто въ домѣ верьхъ имѣлъ, и что другъ мой не столь изъ глупости, какъ отъ слабости подражалъ суевѣріямъ своея супруги. Въ прочемъ читатель представить себѣ можетъ мое трудное состояніе при сихъ разговорахъ. Я спѣшилъ наѣсться съ пасмурнымъ видомъ. При концѣ стола, я положилъ на своей тарелкѣ ножъ и вилку не нарочно на крестъ. Но хозяйка просила меня, чтобъ я оные положилъ рядомъ. Мнѣ казалося, что въ томъ никакія неучтивости я не сдѣлалъ; однако видя столько прихотей и унынія, исполнилъ ея желаніе; хотя я тому причины по сей день еще не знаю. Я скоро потомъ узналъ изъ обхожденія сея госпожи, что она меня принимала за человѣка страннаго и за предвѣстника нещастій. И такъ кой часъ отобѣдалъ я, простясь уѣхалъ домой, и запершись въ своей комнатѣ, размышлялъ: сколько безпокойства люди сами себѣ наносятъ глупыми выдумками, иногда обращая самыя простѣйшія приключенія во вредныя себѣ примѣры; и страдая заподлинно отъ таковыхъ пустыхъ вымысловъ. Я зналъ человѣка, который ночь цѣлую не спалъ отъ того, что увидѣлъ сѣверное сіяніе. Иногда крикъ вороны болѣе тревоги въ домѣ производилъ, нежели смерть невѣстки. Послѣдняя бездѣлица бываетъ страшилищемъ ужаснымъ сею болѣзнію зараженнымъ мыслямъ. И тогда старый заржавѣлый гвоздь и кривая булавка, принимаются за чудо. Я помню, какъ былъ я однажды въ бесѣдѣ, гдѣ веселье и удовольствіе отвсюду блистало до тѣхъ поръ, пока одна старушка не примѣтила, что насъ сидѣло тринадцать за столомъ. Услыша сіе, многія женщины испугавшися, вскочили изъ за стола, и побѣжали вонъ изъ комнаты. Но одинъ изъ моихъ знакомыхъ далъ примѣтить, что тутъ же была его беременная сожительница, и что насъ не тринадцать, но четырнадцать, сказавъ при томъ, что не токмо нѣтъ ни-

какія примѣты убыли чрезъ смерть, но явно еще предсказаніе прибыли будущимъ рожденіемъ его жены оказывается... Я зналъ одну дѣвицу, лѣтъ между двадцати пяти и пятидесяти, а точно ея лѣтъ сказать нельзя; ибо дѣвушки, когда онѣ за двадцать лѣтъ, всякій годъ убавляютъ себѣ по двѣнадцати мѣсяцевъ. Я знаю, говорю я, дѣвицу, коя припадки имѣетъ болѣзни, называемыя у насъ невѣжливымъ имемъ матки. Сія красавица причиняетъ множество тревогъ своимъ знакомымъ сосѣдкамъ. Она въ одномъ знатномъ домѣ въ теткахъ живетъ, предсказывая отъ начала года до конца. Она видитъ всегда сны; она предвѣщаетъ смерть, войну и миръ. Нѣсколько дней тому назадъ, какъ она было съ ума сошла отъ того, что дворная собака лаяла, какъ у нее зубы болѣли. Она выслала дѣвку смотрѣть, лаетъ ли собака подымая рыло, или опуская голову къ землѣ. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака со двора ушла; и то была бѣда...." [1]

Не можемъ удержаться чтобъ не выписать слѣдующую картину, живо рисующую всю дикость неопрятной и нелѣпой обстановки домашней жизни тогдашнихъ баръ средней руки, отживавшихъ вѣкъ свой; эта картина поразительна комизмомъ своимъ, не уступающимъ любой сценѣ изъ комедій знаменитаго Фонвизина. Она озаглавлена: „Привычка есть второе естество". Издатель „Всячины" сообщаетъ читателю такого рода случившееся съ нимъ происшествіе: „На сихъ дняхъ съѣздилъ я къ теткѣ моей, барынѣ лѣтъ семидесяти, прощаться, у коей не случилося мнѣ быть лѣтъ съ десять. Не успѣлъ я войти въ двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: бусурманъ, какъ ты въ компаты входишь, да не крестишься? Я извинялся, говоря, что я столь спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся. Она всегда смотритъ нахмурившись: и такъ я разглядѣть не могъ, какъ мое извиненіе было принято. Я старался подойти поближе ко кроватѣ, на коей она сидѣла, чтобъ поцѣловать у нее руку; но почти непреоборимыя препятствія между нами находились и лишали меня долго сего удовольствія. У самой двери направо стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода, сидѣла на землѣ рядомъ слѣпая между двѣмя карлицами, и двѣ богадѣльницы. Передъ ними, ближе ко кроватѣ лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; одна излишняя за статомъ монахиня, двѣ внуки ея родныя, дѣвушки невѣсты; да дура. Монахиня да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ ле-

[1] Всячина. стр. 17—31.

жали на перинахъ; у кровати занавѣски были открыты, знатно отъ духоты, ибо тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣны для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щоку. Ихъ недосуги живо изображало разстрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы показать можно было, что у нее въ компатѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не находился православный. Какъ я служилъ въ Артиллеріи и учился брать дистанціи, мнѣ пришло въ голову, что если мнѣ удастся перескочить черезъ слѣпую, то попаду въ уголъ; а оттудова примѣтилъ я узскій проходъ возлѣ стѣны къ кроватѣ тетки моей. Я отвѣдалъ своего щастія; но скоча не разбѣжавшись, попалъ я одною погою па карманъ весьма мягкій, поскливнулся, и на силу въ углѣ удержался; а концемъ шпаги зацепилъ одну карлицу за тряпицу, коею обверчена была ея голова, и утащилъ ее за собою. Изъ сего приключенія родился крикъ и визгъ необычайной карлицы. Я еще не успѣлъ отцепить, какъ услышалъ что слѣпая возопила веліимъ голосомъ: ахъ проклятый! раздавилъ мои пироги, и весь карманъ мой замаслилъ. Тетушка очень осердилася на меня, и сказала: что ты шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить? Во Франціи у васъ что ли, такій манеръ? Безбожный! на слѣпую напалъ; бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ! и сколько имъ укладыванья было! и дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше мой свѣтъ ко мнѣ не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы сдѣлать развратъ въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ. Лиса побледнѣла со всѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣ обѣда не спала. Тутъ Лиса, ея большая внука, впала ей въ рѣчь, и съ ужимкою молвила: ушъ ужесть бабушка государыня, какъ я изпугалась! а сестрица чуть жива. Груша на то сказала: ахъ радость, мочи нѣтъ, умаритъ; не магу вздумать, какъ онъ па всѣмъ, па всѣмъ: нѣтъ ушъ сестрица, какъ онъ не важенъ; право ужесть, какъ не важенъ; просимъ оставить въ покоѣ. Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то па одну, то на другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородкою; сидя притомъ очень прямо. Я все еще не терялъ надежды приближиться ко кроватѣ теткиной; но стоя въ углу, извинялся какъ могъ, и ожидалъ чтобъ миновалася громовая туча, не представляя себѣ, какъ-то вонъ будетъ итти! Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я подошелъ наклонясь весьма низко, зацепилъ локтемъ столикъ съ изломленною ножкою, на которомъ

закуска стояла, и уронилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь дѣвки прибѣжали; одна зацепила лампаду изъ передъ образовъ занавѣскою. Тутъ монахиня проглaсила: аминь, аминь, аминь, разсыпся. Тетушка вышла изъ терпѣнія, и закричала: подай плѣтей! Какъ я услышалъ сіе, ударился бѣжать, и скакать черезъ всѣхъ, не знавъ для кого плѣтей? Для дѣвки, для меня, или для тѣсноты, коя болѣе меня была всему причиною? Сѣвши въ карету, велѣлъ скакати сколько было мочи лошадямъ, и ни весь я болѣе тогда взпотѣлъ, или нынѣ, описывая сіе посѣщеніе [1].

Обычай унижавшій человѣчество, и процвѣтавшій съ начала какъ въ высшихъ такъ и среднихъ слояхъ русскаго общества XVIII столѣтія и перешедшій потомъ даже на XIX-е, окружать себя шутами, карликами, юродивыми и приживальщиками обоихъ половъ, кромѣ вышеприведеннаго очерка грязной обстановки домашняго быта барыни-старушки, изображается также въ письмѣ къ издателю „Всячины", подписанномъ „Игнатіемъ Зубоскаломъ", гдѣ онъ сообщаетъ о родственникѣ своемъ, котораго домъ полонъ дураковъ.... авторъ письма описываетъ слѣдующими словами ихъ подвиги, и обращеніе съ ними хозяина дома: Когда гости къ нему пріѣдутъ, то первое слово: позовите дураковъ!... сіе есть самый ласковый его пріемъ.... кой часъ дураки войдутъ, то уцепятся другъ другу въ волосы, и кто которому болѣе выдернетъ волосовъ, тому поднесутъ чарку водки.... Хозяинъ обыкновенно хохочетъ тому такъ, что въ третьей комнатѣ слышно. Знатно по привычкѣ уже сердоболія нѣтъ; а того на умъ не прийдетъ что и дураки суть люди. Когда же кто ихъ уйметъ, тогда иные, я слыхалъ, что говорятъ: нѣтъ, ничего, они привыкли.... Сіи же (дураки) бываютъ вымараны, выпачканы, почти наги, обыкновенно босы; рожи у нихъ разбиты и пьяны. Если гости чуть станутъ ихъ унимать чтобъ не дралися, то бросаются на гостей; и тогда бѣги скорѣе вонъ. „Пожалуйте, уймите сіе обыкновеніе", прибавляетъ авторъ письма, „пора покинуть дураковъ...." [2]—Къ помощи сатиры „Всячины" какъ власть имѣющей, или лучше къ издателю ея, обращались письмами съ прозьбою положить преграду злоупотребленіямъ и проступкамъ, иногда болѣе важнымъ и достойнымъ осужденія: „Прошу васъ", пишетъ неизвѣстный корреспондентъ, „уймите злоупотребленіе, которое вкралося между лучшихъ людей, то есть, шептаніе, улыбки и взгляды на всѣ стороны въ церкви, во время службы. Все сіе занимаетъ то время, кое употреблено быть должно къ тому, для чего входятъ въ домъ Божій...." [3]

---

[1] Всячина стр. 69—73.—[2] Тамъ же, стр. 225—226.—[3] Тамъ же, стр. 80.

Дикій произволъ тогдашнихъ рабовладѣльцевъ надъ „крещеною собственностью" не миновалъ порицанія „Всячины". Въ расказѣ ея издателя о покупкѣ каменнаго дома съ безпокойнымъ сосѣдомъ, новый домовладѣлецъ сообщаетъ слѣдующее: „Лишь только я успѣлъ переѣхать, то услышалъ вмѣсто поздравленія, превеликій крикъ. Я освѣдомлялся, что тому причиною? Мнѣ сказали, что мой сосѣдъ милостиво наказываетъ своихъ людей на конюшнѣ своей плѣтьми. Я спросилъ, часто ли то бываетъ? Отвѣтствовали мнѣ, что кромѣ воскресныхъ дней и господскихъ праздниковъ, почти всякій день...." Авторъ расказа изображаетъ за тѣмъ неприглядную обстановку, поразившую его при встрѣчѣ съ палачемъ-сосѣдомъ, къ которому отправился вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ нему въ то время его братомъ. „Сосѣдъ насъ самъ встрѣтилъ въ замасленномъ тулупѣ, въ колпакѣ, и безъ обуви, у дверей въ сѣняхъ, величиною съ чуланъ, и ввелъ насъ черезъ весьма закоптѣлую и ничемъ не обитую переднюю, которыя единственное украшеніе состояло въ нѣсколькихъ скамьяхъ, о трехъ ножкахъ, напослѣдокъ въ комнату обитою бумажками. Здѣсь онъ просилъ насъ сѣсть, и кликнулъ: малый, малый! Сей вбѣжалъ въ епанчѣ; голова не чесаная и въ грязныхъ сапогахъ. Но онъ на него закричалъ: дуракъ, скинь епанчу! Бѣдный малый покраснѣлъ; но однако принужденъ былъ слушаться. И мы увидѣли на немъ сѣрый суконный, изодранный и вымаранный бострокъ, съ мѣдными пуговицами. Принесли намъ соломянные стулья: мнѣ достался цѣлый; но братъ мой чуть сквозь стулъ не провалился.... самъ хозяинъ сѣлъ поперегъ кровати покрытой простынями, кои болѣе имѣли видъ сѣрой тафты, нежели бѣлаго полотна...." За тѣмъ слѣдуетъ описаніе сервировки обѣда, за который хозяинъ пригласилъ гостей: „мы сѣли за столъ, покрытый скатертью съ дирами; салфетки же по крайней мѣрѣ уже служили за осмью обѣдами, да за столько же ужинами. На оловянной посудѣ счесть можно было, сквозь сколько рукъ она прошла, ибо всякаго пальца знакъ напечатлѣнъ на ней остался. Я попросилъ пить; принесли мнѣ стаканъ хотя стеклянный, но чистотою подобный посудѣ, съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что рты, кои изъ него пили, тутъ же означены были. Старикъ между тѣмъ кушалъ, не останавливался, грозя и браня за всякую бездѣлицу слугъ.... Тутъ намъ случай былъ увѣриться, какова велика есть привычка; ибо то, что намъ казалось гадко и дико, ему и непримѣтно было [1].

---

[1] Всячина. стр. 89—94.

Безпощадное преслѣдованіе ябеды и взяточничества Сумароковымъ, котораго живая и ѣдкая сатира, не могла никогда оставить въ покоѣ подъячихъ, появлявшись на страницахъ старѣйшихъ по времени нашихъ журналовъ, нашла себѣ достойныхъ послѣдователей въ издателяхъ листковъ 1769 и 1770 годовъ. Духъ умнаго сатирика оживотворилъ и озарилъ яркимъ свѣтомъ выходки противъ достойныхъ жрецовъ Ѳемиды, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ. Онъ не отрекся бы и самъ на примѣръ выходки противъ „подъячихъ помѣщенной на страницахъ „Всячины"; въ письмѣ къ издателю за подписью „Занапрасно Ободранный", пишущій, предполагая что первый владѣетъ обширной библіотекой, изъ которой почерпаетъ матеріалы для наполненія листовъ еженедѣльника, проситъ его потрудиться, и выписать для него, буде найдется, такой „експериментъ", которымъ бы можно перевести подъячихъ, приведшихъ автора письма „до третьяго градуса" въ изнеможеніе. „Я старался", продолжаетъ онъ, и тѣмъ отъ нихъ избавиться способомъ, которымъ переводятъ клоповъ, блохъ и всѣхъ кровососныхъ насѣкомыхъ, однако ничѣмъ не могъ оборониться; но истоща весь свой домъ на то, и нынѣ стражду отъ сихъ кровососовъ. Вычиталъ было я у Поливія таковую махину, которая по тысячѣ и больше въ день неприятелей побивала; недостатокъ мой оную построить не дозволилъ..." Написавшій письмо прибавляетъ въ припискѣ: „Ежелижъ вашей помощи не получу, то больше не останется способа, какъ пѣть только по книжному: Ты Господи сохраниши ны, и соблюдеши ны отъ рода сего во вѣкъ. На этотъ вопль „Занапрасно Ободраннаго", „Всячина" вѣрная задачѣ своей дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, превозглашаетъ диктаторскимъ тономъ: „Подъячихъ не можно и не должно перевести. Не подъячіе, а ихъ должности суть вредныя, по статься можетъ, что тотъ или другой изъ нихъ безсовѣстенъ. Они менѣе другихъ исключены изъ пословицы, которая говоритъ: что нѣтъ рода безъ урода, для того, что они болѣе многихъ подвержены искушенію. Подлежитъ еще и то вопросу: еслибы менѣе было около нихъ искусителей, не умалилася ли бы тогда и на нихъ жалоба..." Въ концѣ своего разсужденія, издатель „Всячины" предписываетъ „Занапрасно Ободранному" отъ изнеможенія, производимаго въ немъ подъячими, слѣдующія не совсѣмъ легко исполнимыя правила: Ни обижайте никого: кто же васъ обижаетъ, съ тѣмъ полюбовно миритесь безъ подъячихъ; сдерживайте слова, и избѣгайте всякаго рода хлопотъ [1]. Въ другомъ анонимномъ

---

[1] Всячина. стр. 159—160.

письмѣ, подписанномъ „Доброжелателевымъ" находится также порицаніе тѣхъ же служителей правосудія. „Желалъ бы я давно", пишетъ негодующій на нихъ, „увѣдомить васъ о подъячихъ (а тѣмъ презрѣнія достойнымъ именемъ называю я всѣхъ, подъ титуломъ лихоимца содержащихся), но не имѣлъ времени. Сказывали мнѣ недовольные хлопотники, будто подъячіе говорятъ: что намъ нужды надъ челобитчиковымъ дѣломъ трудиться? мы де и безъ труда получаемъ жалованье... хотя де нѣкоторые бѣдняки и покусились на страхъ дарити подъячихъ, но тѣмъ больше въ бѣду вошли. Только де погрозятъ за волокитою прозьбою, то подъячій говоритъ: „извольте ста, извольте просить, а я скажу что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де наказаніе одно, что плуту лихоимцу, то и доброму человѣку просителю. А судьи за принесеніемъ подъяческихъ отговорокъ многодѣліемъ, безъ довольствія челобитчиковъ оставляютъ..." Просящему отъ грабительства подъячихъ помощи, издатели „Всячины" не умедлили отвѣчать что и рады бы помочь, только бы увѣщаніе ихъ имѣло желаемый успѣхъ; но въ Евангеліи написано: Аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, то и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры!..." Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться отъ дѣлъ. И не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ имъ дано жалованье, и жалоба происходитъ, что лѣпятся отъ того что кормъ имѣютъ!"—Далѣе слѣдуетъ „Краткое увѣщаніе лихоимцамъ", въ которомъ подъячимъ преподается совѣтъ не брать взятокъ, что есть не только ослушаніе законовъ, но и неблагодарность вышней власти, которая имъ щедро опредѣлила чѣмъ жить..." Въ заключеніе они извѣщаются, что за подобныя дѣянія и угрозы хотящимъ на нихъ жаловаться, они (т. е. подъячіе) достойны тройнаго наказанія, и что неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или они будутъ истреблены, или исправятся, пока еще на то есть время [1]. Имъ же, въ статьѣ подъ нумеромъ 140-мъ въ отвѣтъ на письмо г. І. С. къ издателямъ, съ описаніемъ подъяческихъ крестинъ и бесѣды, первые предлагаютъ 12 правоучительныхъ заповѣдей подъячимъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Не бери взятковъ ни подъ какимъ видомъ, ибо всякій взятокъ есть родъ подкупа. Не волочи дѣло отъ тебя зависи-

---

[1] Тамъ же, стр. 306—309. О подъячихъ и разныхъ способахъ брать взятки, которыми не умѣлъ воспользоваться одинъ воевода изъ военныхъ, за что и лишился мѣста вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса, „Всячина" разсказываетъ въ статьѣ за подписью „Доброхотова, подъ № 146, стр. 393.

щее. Не сотвори крючковъ. Не говори челобитчикамъ завтре, и т. д... "[1].

Преслѣдуя и обличая разные общественные недуги и слабости, „Всячина" въ слѣдующихъ статьяхъ осуждаетъ пустоту, мотовство кокетство и пристрастіе женщинъ къ роскоши. Авторъ расказываетъ что въ бытность его во Франціи, онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на великолѣпіе каретъ и пестроту платья; онъ видѣлъ однажды между прочимъ, госпожу сидящую въ каретѣ расписанной купидонами; передъ каретою запряжены были шесть лошадей молочнаго цвѣта. Задняя ось нагнулась подъ толикимъ же числомъ разпудренныхъ нахаловъ...." „Часто я размышлялъ", говоритъ онъ, „отъ чего бы женщины столько любили блескъ? Я помню одну молодую дѣвицу, коя имѣла двухъ жениховъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ съ ряду старалися всячески въ запуски пріобрѣсти себѣ ея благоволеніе. Наконецъ одинъ изъ нихъ вздумалъ прибавить галунъ на своей ливреѣ. Сіе имѣло такій успѣхъ, что черезъ недѣлю красавица согласилась выйти за него за мужъ"... Далѣе касаясь обыкновенныхъ женскихъ разговоровъ, авторъ статьи замѣчаетъ, что они „подаютъ поводъ къ распространенію ихъ слабостей. Говорятъ ли о новобрачныхъ, тотчасъ навѣдываются, имѣютъ ли хорошую карету; ѣдятъ ли на серебрѣ, много ли платья въ приданое? Если разговоръ идетъ о отсутственной женщинѣ, то объ закладъ биться можно, что услышишь какое нибудь разсужденіе о ея убранствѣ и алмазахъ. Одинъ маскарадъ служитъ имъ на долгое время къ разказамъ. А о праздникахъ каждый годъ перебираютъ, какъ въ которомъ случаѣ наряжаться прилично" [2]... На это не совсѣмъ лестное сужденіе о женщинахъ, заявленъ протестъ въ письмѣ подписанномъ: „К. Ф. Любопытная", въ которомъ защитница женскаго пола говоритъ, что какъ не обрадовалась она появленію „приятныхъ Всякихъ Всячинъ", но какъ дочиталась до 14-й статьи, то удовольствіе ея при чтеніи уменьшилось; описаніе бывшаго во Франціи ей, какъ одной изъ представительницъ

---

[1] Сатирическія выходки противъ подъячихъ, какъ о томъ упомянуто выше, съ первыхъ по времени журналовъ нашихъ, не прерывались до конца XVIII столѣтія; много времени спустя, послѣ періодическихъ листковъ 1769 и 1770 годовъ, подобныя же обличенія подъячихъ появлялись, въ „Раскащикѣ Аблесимова (1781), Гостиномъ дворѣ Матинскаго (1791), „Ябедѣ" Капниста (1798) и другихъ произведеніяхъ, въ которыхъ типы старинныхъ подъячихъ, нарисованные яркими еще не поблѣднѣвшими красками, сохранили до настоящаго времени всю свою неприкосновенность.

[2] Всячина, стр. 11—12.

женскаго пола, „въ обидность показалось", и разказъ автора о великолѣпіи каретъ и платьевъ нисколько ее не удивило, потому что она въ „здѣшней прекрасной Россіи" столько великолѣпія видѣла, что ей сообщенное авторомъ за ничто показалось"... Затѣмъ обращаясь къ издателю „Всячины", заступница женщинъ говоритъ ему слѣдующее: „Прошу покорно господинъ сочинитель, дать намъ, слабому женскому полу, хотя маленькое оправданіе. Одинъ ли нашъ женскій полъ на прикрасы платья прельщается и супруговъ берутъ?..." На замѣчаніе о разговорахъ между женщинами, обиженная дама спрашиваетъ: „Чтожъ намъ разсуждати? и на вопросъ свой отвѣчаетъ: „мы ужъ такъ рождены, что насъ ни въ какихъ штатскихъ, ни въ прочихъ дѣлахъ не спрашиваютъ... тогда мы будемъ о дѣлахъ разсуждать, когда помянутый описатель намъ присутствіе назначитъ..." [1] Въ статьѣ 91-й обличается страсть женщинъ къ расписыванію лицъ своихъ; издатель „Всячины" разказываетъ о господинѣ явившемся къ нему за совѣтомъ по поводу желанія развестись съ женою своею, обманувшей его такъ, что онъ обвѣнчался не съ той, на которой думалъ жениться... „извѣстно вамъ", началъ онъ, „что дѣвушки неохотно близко къ себѣ допускаютъ жениховъ. Вы знаете, что есть и такія проворныя, кои умѣютъ искусствомъ казаться совсѣмъ инако, нежели какъ онѣ сотворены. Онѣ распишутъ губы розовою краскою, щоки брусничною, лобъ, носъ, бороду (?) шею и грудь бѣлилами; брови растянутъ колесомъ, и намажутъ ихъ обще съ волосами грузинскою краскою; жилы наведутъ карандашемъ, и изъ дали однимъ слономъ кажутся красавицами"... Далѣе несчастный, попавшійся на удочку искусной въ живописи невѣсты, молодой разказываетъ о горькомъ своемъ разочарованіи, когда на другой день, увидалъ въ спальнѣ, вмѣсто „прекрасной молодки", женщину годную въ матери той, въ которую онъ влюбился. „Она сѣла", продолжаетъ онъ, „убираться, и болѣе получаса работала надъ правою стороною лица, прежде нежели я могъ разпознать ее. Я обошелъ на другую сторону и увидѣлъ, что съ недодѣланной стороны кожа растрескалася, знатно отъ употребленія разныхъ красокъ, и что та щека съ природы желта съ прозеленью, а волосы ея суть рыжи. Стыдясь она нѣсколько отъ моего любопытства, оборотилась ко мнѣ; и я съ удивленіемъ примѣтилъ, что съ оконченной стороны она имѣла лице веселое, а съ другой пасмурный видъ" [2]...

---

[1] Всячина, стр. 217–218.—[2] Тамъ же, стр. 237, 238.

Не менѣе любопытно также слѣдующее изображеніе кокетки XVIII столѣтія въ Россіи, и „хлыща" той же эпохи, съ притязаніемъ на остроуміе. Автору статьи случилось встрѣтить въ обществѣ весьма красивую женщину, увѣренную въ красотѣ своей, и старавшуюся выставлять ее всѣмъ на показъ; по словамъ его, „она изыскивала случай кидати глаза вверьхъ, дабы примѣтили сколь она хороша въ семъ положеніи. Потомъ ни къ стати ни къ ладу, протянувъ руку, сказала: кто ето за дверьми стоитъ? сіе значило: дивитеся бѣлизнѣ моей руки. Послѣ того уронила опахало; и наклонясь оное поднять, показала грудь болѣе обыкновеннаго. Опахало подымая, приподняла немного юпку, дабы примѣтили крошечныя ножки, кои удостоены ее носить. Погодя встала съ мѣста, захохотала раскрывая весьма губы; мы узнали, что она зубы намъ показать старалась. Тутъ же нашлася ей пара, человѣкъ, который знаетъ чего онъ стóитъ; ибо ни единого слова не молвитъ безъ приразумѣванія: какъ онъ уменъ, какъ онъ остеръ! Онъ и при семъ случаѣ не позабывался; и любо было смотрѣть, какъ онъ умъ свой мучилъ для произведенія новыхъ и витіеватыхъ выраженій; и наконецъ угождая ей, и для показанія великости своей остроты, не оставилъ человѣка въ городѣ ему и ей извѣстнаго, о которомъ бы не здѣлалъ язвительнаго описанія; и если языкъ аки бритва можетъ быти способенъ нравиться сей госпожѣ, конечно тотъ господинъ долженъ сего дня быть у ней принятъ отмѣннымъо бразомъ!" [1]...

Слѣпое подражаніе модѣ, и дамскія прически того времени подверглись въ свою очередь насмѣшкамъ „Всячины"; рисуя каррикатуры едва ли не превосходящія то, что было въ дѣйствительности, издатель говоритъ, что „женщины всѣ выросли на пядень съ тѣхъ поръ, какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало; но сей ростъ покрытъ волосами (еслибъ сіе случилося съ „нѣкоторыми" мужчинами, то бы сыскать можно было причины, для чего они сей ростъ покрываютъ кудрями; однако лучше оставить на догадку прозорливыхъ, нежели выговорить, дабы ни съ кѣмъ не поссориться безвременно)—но сего роста не примѣчено въ прочихъ членахъ: какъ то руки, ноги, станъ, лице и даже до лба, гдѣ сіе прибавленіе начинается все таки по старому. Однако же сія вышина красоты ни мало не прибавляетъ. Ибо у круглоличекъ другая голова выросла на головѣ, коя столь глаза зрителей занимаетъ, что личика не разсмотришь, а только дивишься поднятому зданію; долголицымъ

---

[1] Всячина. стр. 373—375.

удвояетъ длинника, широкія лица дѣлаетъ четыреугольными, а маленькія вовсе скрадываетъ. Еслибы у щеголихъ выросла отъ естества кулака въ два мясо на головѣ, сколько бы онѣ Ерофеевичевъ замучили чтобъ развести сей пригорокъ. Сказываютъ что даже и плѣшивыя наклокачиваютъ чужіе волосы въ великомъ множествѣ, чтобъ быть по модѣ. Симъ простительно: ибо у насъ морозы великіе; а безъ волосовъ онѣ въ опасности быть могутъ простудиться зимою"... Далѣе авторъ статьи увѣряетъ, что кареты будутъ скоро дороже, и что каретники станутъ ихъ дѣлать выше, чтобъ дамамъ можно было прямо сидѣть; и прибавляетъ, что пошлинному же сбору будетъ ущербъ, и что англійскихъ каретъ, становящихся низкими, привозить болѣе не будутъ. „Въ новомъ моемъ домѣ", продолжаетъ онъ, „я заказалъ двери сдѣлать выше, дабы дочь моя какъ нибудь головою не увязла. Прощайте будуары, въ коихъ рукою достанешь до потолка! прощайте антресоли, гдѣ на цыпочкахъ ходить нельзя, чтобы не разшибить лба; и вы двери невидимки, сквозь которыя согнувшися въ трое, ходить должно было. Бога не боятся! все вить людямъ убытокъ! безпрестанно домы передѣлывать для выдумокъ.... Лѣтъ за двадцать назадъ бывало, расширяй домъ, двери, кареты и прочая для фишбейновъ; а нынѣ возвышай домы. Въ заключеніе, авторъ не надѣясь на то, что насмѣшка его достигнетъ цѣли сообщаетъ извѣстіе о такихъ же высокихъ прическахъ дамъ, существовавшихъ лѣтъ двѣсти тому назадъ въ Англія, гдѣ нашелся проповѣдникъ, на столько убѣдившій дамъ оставить свѣтскую суету, что многія изъ нихъ, тутъ же на мѣстѣ сорвали помянутыя куаффюры съ головъ своихъ, и топтали ихъ ногами. Но по удаленіи оттуда проповѣдника, принялись опять за нихъ по маленьку"; причемъ онъ полагаетъ, что та же участь постигнетъ и его статью: ее прочтутъ позадумаются, а „вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться, и скажутъ: дѣвка, повыше, пожалуй повыше!...." [1] Въ слѣдующемъ письмѣ за подписью „Антониды Вершкихватовой", содержится любопытный очеркъ стародавняго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ грязной обстановки и скряжничества, этой отличительной черты многихъ изъ тогдашнихъ помѣщиковъ средней руки. Представляемая здѣсь картина можетъ служить прекраснымъ „pendant" другой, въ подобномъ же родѣ, помѣщенной на стр. 69—72, „Всячины". Г-жа Вершкихватова описываетъ визитъ свой къ родственникамъ: „Какъ нынѣ святая недѣля, то я должна всякій день обскакивать цѣлую Москву. Я будучи мѣстахъ въ пяти и

[1] Всячина, стр. 390—392.

не заставши никого дома, вздумала заѣхать къ праправнучатной моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточный человѣкъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Сія госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму недѣли на двѣ, для продажи суконъ, понитковъ, холстовъ, веревокъ, лаптей, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ ягодъ, и такъ же, какъ говорила она, чтобы дочери ея переняли московскія моды. Я спросила у моего кучера, можетъ ли онъ сыскати домъ сей? На что онъ сказалъ, что его знаетъ, ибо де недавно купилъ въ семъ домѣ роднѣ своей въ деревню кокошникъ. Мы, проѣхавъ множество переулковъ, остановились передъ одними воротами, которыя были съ обѣихъ сторонъ подперты подставками; въ которое время слуга, стоящій назади кареты, прибѣжалъ отворять дверцы у оной. Я спросила у него, для чего онъ отворяетъ? Велѣлъ бы ѣхать прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что сего учинить никакимъ образомъ не можно; ибо де дворъ ихъ наполненъ пріѣхавшими для покупки сѣна роспусками, которое самъ мой высокопочтенный дядюшка изволитъ вѣсить. И такъ я принуждена была выйти изъ кареты, и обмакнуть въ грязи свои башмаки; ибо не знавши сего случая не взяла съ собою другихъ. Когда вошла я на дворъ, то стоящій въ раздранномъ тулупѣ, любезный мой дядюшка не удостоилъ меня чтобъ съ нимъ поцѣловаться, по той причинѣ, что не было у него краснаго яица; а приказалъ босому и въ одномъ пониточномъ камзолѣ слугѣ, проводить меня къ тетушкѣ. Двери у передней комнаты столь были низки, что я зацепясь принуждена была спехнуть весь головной уборъ (см. статью, № 145). Тутъ сей босоногій просилъ меня садиться на скамейку, а самъ пошелъ докладывати къ тетушкѣ; почему я и осталась одна, кленя себя за сей проклятый пріѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ не дождавшись тетушки. Наконецъ изволила она выплыть, и похристовавшись (по ихъ выговору) со мною съ красненькимъ яичкомъ, повела меня въ другую комнату, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣлогрѣяхъ и въ связкахъ; а изъ нихъ одна домывала полъ, а другая оправливала постелю. Дородная моя тетушка посадила меня на скамью, и велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А какъ посланная за ними дѣвка сказала, что онѣ опочиваютъ, то лѣпообразная моя тетушка встала тотчасъ, и пошла въ комнатку (такъ называла она стоящій въ боку вымазанный хлѣвъ), въ коей раздавался великій вопль. Дверь у нея не очень плотно была притворена; а сродное женщинамъ любопытство и побудило меня посмотрѣть, что дѣлается въ семъ чертогѣ. Тамъ увидѣла я, что большія изъ ея дочерей убирались, а маленькія дѣтки, коимъ было лѣтъ по 10 и больше,

производили играючи въ куклы и кубари ужасный визгъ; на печи же сидѣлъ слуга и плелъ для продажи господамъ лапти, а подъ печкою сидѣли на ящикахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ грезетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосахъ дочекъ. Онѣ были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и насурмлены; имѣли волосы завитые по мужскому, и назади приколотыя многочисленныя косы, а сверьхъ всего того, на головахъ изъ серебрянаго флера лопасти. Онѣ поцѣловались со мною, также съ яицами, просили, чтобы я ихъ жаловала. И когда по разнообразнымъ комплементамъ всѣ мы усѣлись, то любезная моя тетушка приказала подать на харитончикѣ [1] моченыхъ яблокъ и брусницы. А какъ сказала я, что ничего того не хочу, то примолвила она: „Такъ не изволишь ли племянушка съ дочками моими покачаться и поскакать на доскѣ?“ Я ей отвѣтствовала, что качаться и скакать боюсь; а она сказала на то съ сердцемъ: „Куда какъ ты, свѣтъ мой великатна! что тебѣ уже съ нашими дочерьми невмѣстно и кампанью водить; а въ етомъ нѣтъ никакого художества“. Мнѣ надобно было извиниться какъ можно лучше; почему и сказала я, что не нѣжуся, а боюсь очень сего упражненія. „Радость, сестрица“, сказала большая ея дочь, „ты вся на модѣ; да у тебя же и карасе [2] въ головѣ“. Я спросила съ удивленіемъ, что бы такое значило харитончикъ и карасе? А меньшая ея дочь на то и отвѣтствовала мнѣ такимъ образомъ: „Полно издѣваться матушка! ты уже французскую грамоту знаешь, а не разумѣешь, что эта значитъ. „Вотъ эта“, сказала она, указавъ на мой полумѣсяцъ, „называется карасеемъ; а харитончикъ я тебѣ тотъ часъ покажу“. Потомъ кликнула она своего босоногаго лакея, и велѣла принести харитончикъ, почему я и думала, что принесутъ мальчика называемаго Харитономъ. Но разсудите о моемъ удивленіи: ибо въ то время увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, на которомъ было около пальца толщиною грязи и пыли. Наконецъ будучи принуждена выпить чашку помой, что называли онѣ чаемъ, выѣхала изъ сего проклятаго дома, заклявшись никогда къ такой модной роднѣ не ѣздить...“—Издатель „Всячины“ за такое превосходное и вмѣстѣ съ тѣмъ глумливое описаніе, сдѣланное госпожею Вершкихватою житья-бытья и характеристики тетушки съ ея дочками, не пропустилъ случая наградить какъ ихъ, такъ и талантливую описательницу, слѣдующею обычною, не замысловатою, и даже почти азбучною нотаціею: „Худо быть нечисту и неопрятну въ жизни и обхожденіи; да и очень нѣжиться и гну-

---

[1] Guéridon, одноножный столъ.—[2] Croissant, полумѣсяцъ, украшавшій дамскія куаффюры того времени.

шаться всѣмъ, что кажется не по нашему вкусу, равнымъ образомъ худо"[1].

Воспитаніе русскаго юношества ввѣряемое въ то время безъ разбора заѣзжимъ иностранцамъ - проходимцамъ, не миновало также порицанія „Всячины": Въ письмѣ своемъ къ издателямъ, серебренникъ, нѣмецъ Адамъ Варгейтъ, любящій Русь дающую ему хлѣбъ, расказываетъ, что работаетъ на многихъ и между прочимъ на одного учителя француза, которыхъ здѣсь въ Москвѣ, тьма. Тотъ, о которомъ онъ пишетъ, попалъ необыкновеннымъ образомъ въ наставники юношества; будучи сперва сапожникомъ, онъ вдругъ ощутилъ будто бы въ себѣ духъ геройства, но кажется скорѣе всего лѣнь и голодъ принудили его поступить въ солдаты. Послѣ Росбахской „баталіи" онъ въ числѣ многихъ другихъ бѣжалъ; скрывался по разнымъ службамъ, и наконецъ, прибывъ въ Россію, нашелъ себя достаточно способнымъ къ кучерской должности. По соскучившись сидѣть на козлахъ, захотѣлось ему въ карету; и онъ не нашелъ лучшаго къ тому средства, какъ превратиться въ учителя, подражая въ этомъ многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые подобно ему, иные съ козелъ, другіе съ запятокъ, въ кареты посѣли. И такъ, изъ лѣниваго сапожника, бѣглаго солдата и плохаго кучера, вышелъ презрядный учитель. Здѣсь кстати упомянуть о статьѣ относящейся къ воспитанію тогдашняго деревенскаго дворянства; въ анонимномъ письмѣ къ издателю „Всячины", неизвѣстный кореспондентъ сѣтуетъ на бѣдствія постигшія его въ жизни, вслѣдствіе небрежнаго, нелѣпаго воспитанія и чрезмѣрнаго баловства; онъ провождая дни свои въ деревнѣ, воспитывался у бабушки, чрезвычайно его любившей, и разсказываетъ, что первыя лѣта свои упражнялся въ игрѣ по цѣлымъ днямъ на гумнѣ съ крестьянскими робятами; часто случалось что бивалъ онъ ихъ до-крови, и когда приходили они жаловаться учителю его, (старому приходскому дьячку), то послѣдній отгонялъ ихъ плетью, и бранилъ, что осмѣливались жаловаться на своего „боярина..." Бабушка его подъ страхомъ жесточайшаго гнѣва, запретила дьячку огорчать любимца своего даже словомъ... Когда отецъ осмѣливался его бранить, и онъ расплакавшись бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ жаловаться, то онѣ гладя его по головѣ, и утирая его слезы говорили ему: „плюнь на него, другъ мой, не слушай его; этакій отецъ! не стоишь ты имѣть такого сына..." Выучившись у дьячка въ продолженіи четырехъ лѣтъ едва

[1] Всячина. стр. 385—390.

разбирать букварь, марать уродливыя буквы, авторъ письма поступилъ въ руки къ французу, родомъ изъ Коліура, французскаго города въ графствѣ Руссиліонскомъ, человѣку лѣтъ сорока, и притомъ порядочному; но и тутъ баловень матери и бабушки не отличился успѣхами, такъ какъ француза выгнали изъ дому съ ругательствами, за что онъ ударилъ линейкою по рукѣ негодяя, не хотѣвшаго учиться азбукѣ [1]...

Изъ приведенныхъ здѣсь болѣе выдающихся страницъ журнала, не трудно усмотрѣть направленіе и характеръ его; цѣль „Всячины" очевидно была—исправленіе общественныхъ нравовъ посредствомъ сатиры, правда, часто мѣткой, представленной въ мастерски написанныхъ бытовыхъ картинахъ, но за которыми иногда слѣдуетъ узкая и не замысловатая мораль, годящаяся скорѣе для вразумленія школьниковъ, чѣмъ для поученія взрослыхъ читателей журнала. О томъ на сколько издатели „Всячины" достигли своей цѣли, предоставляемъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ концѣ описанія настоящаго еженедѣльника; теперь же переходимъ къ любопытному свидѣтельству объ участіи Екатерины II-й во „Всячинѣ". Въ изслѣдованіи своемъ журнальной и литературной дѣятельности ея, по рукописнымъ документамъ, академикъ Пекарскій указывая на сотрудничество императрицы во „Всячинѣ" приводитъ отрывокъ письма ею сочиненнаго, и предназначеннаго издателю для помѣщенія на страницахъ журнала! Это письмо относится къ „Поздравленію съ новымъ годомъ", „предисловію" и „привѣтствію къ публикѣ", помѣщеннымъ въ началѣ еженедѣльника; содержаніе его слѣдующее: „Господинъ Издатель! Имѣлъ терпѣніе до сегодня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылися—мы небось съ перваго листа узнали куда цѣлите. Поздравленіе съ новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни на есть начать; предисловіе ваше одна есть рѣзвость; привѣтствіе публикѣ, была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новостями. ."—Второй отрывокъ императрицы уже прямо называетъ „Всячину": Госпожа бумагомарательница Всякая всячина! По милости вашей, нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, ко-

---

[1] Оба здѣсь изображаемые, и давно отжившіе типа художественно воспроизведены въ комедіи „Недоросль" Фонвизина; первый въ лицѣ „Вральмана" и второй „Митрофанушки".

торую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ: вѣдь и профессора Рихмана бы громъ не убилъ, если бы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! даже и намъ старикамъ и старухамъ спуску нѣту. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я у васъ спрашиваю? Вѣдь я знаю тетку—она ея сосѣдъ. Ругатели какіе! Ну развѣ вы мнѣ не попадетесь за городомъ, гдѣ ни на есть на встрѣчу" [1]...

Приведенные два отрывка изъ писемъ императрицы не были помѣщены во „Всячинѣ", но напечатанное на страницахъ ея съ подписью „Патрикій Правдомысловъ" принадлежитъ по указанію Пекарскаго, перу Екатерины, принявшей означенный псевдонимъ. „Чтобы понять смыслъ этого письма", говоритъ авторъ статьи, „надобно вспомнить, что „Всякая Всячина" вызвавъ своимъ примѣромъ другія изданія съ сатирическимъ направленіемъ, впослѣдствіи стала изъявлять недовольство на рѣшительность и рѣзкость обличеній своихъ собратовъ, и нерѣдко давала замѣтить, что имъ слѣдуетъ не все же писать одни обличенія, но также не пропускать описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностью къ государю, и т. п. [2] „Всячина" принялась сама за осуществленіе совѣтовъ, которымъ мало слѣдовали другіе журналы, почему и помѣстила на страницахъ своихъ нѣсколько статеекъ, гдѣ уже нѣтъ помину о сатирѣ, а есть похвалы и защита существующему порядку. Къ разряду такихъ статей принадлежитъ и письмо „Патрикія Правдомыслова" [3], въ которомъ опровергаются толки, что у насъ нѣтъ правосудія въ Россіи: „мы всѣ", говоритъ Патрикій Правдомысловъ, „сомнѣваться не можемъ, что нашей великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива... Долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ сограждаyъ, велитъ имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ право я еще не видалъ, чтобы съ умысла случилось. Впрочемъ я не судья и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужное сіе къ вамъ написать для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но на-

---

[1] Матеріалы для исторіи Журнальной и Литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложеніе къ III-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ № 6. Спб. 1863. стр. 2—4.—[2] Всячина. 81. стр. 213—214.—[3] Тамъ же. 103. стр. 276—280.

конецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ: промотались, и не осталось у нихъ (ничего?) окромѣ прихотей, на которыхъ по справедливости слѣдуетъ отказъ... Я сбираюсь прислати къ вамъ еще письмецо съ описаніемъ прихотей нашихъ"...

Этого-то письмеца Патрикія Правдолюбова, во „Всячинѣ" почему-то не напечатано; но оно дѣйствительно было заготовлено, и притомъ самою императрицею. Въ ея черновыхъ рукописяхъ; она отъ лица Патрикія Правдомыслова говоритъ, что недавно обѣщалась прислать „нѣчто", касающееся до прихотей, но нынѣ помѣщается переведенное съ Курильскаго языка письмо изъ Прихотополиса къ Белибердѣ. Здѣсь проводится мысль, что всѣ привыкли жить не по состоянію, отчего проматываются, а потомъ дѣлаются ничѣмъ недовольны и требовательны. Письмо это довольно обширно, а потому и помѣщено при статьѣ, въ приложеніи 1-мъ [1]. По мыслямъ, языку и нѣкоторымъ оборотамъ, оно сходно не только съ письмомъ Правдомыслова, напечатаннымъ во „Всячинѣ", но и съ нѣкоторыми другими статьями этого изданія.—Четвертый отрывокъ, писанный Екатериною, заключаетъ въ себѣ начало очерка какого то помѣщика-собачника. Въ сатирическихъ изданіяхъ было въ обычаѣ помѣщать письма отъ имени осмѣваемыхъ лицъ. Отрывокъ этотъ также не напечатанъ, и, быть можетъ по этому сохранился между черновыми бумагами Екатерины, вмѣстѣ съ вышеописанными. Вотъ онъ: „Иванушка, здравствуй! Посылаю тебѣ грѣшное благословеніе. Я занемогъ больно, и у меня хлопотъ что ни есть конца. Хлѣбъ дешевъ, солома плоха, трàвы были густы, а сѣно коротко. Прошлое лѣто было все противное. Такая-то нынѣ диковинка! Привози съ собою Проньку да сѣрую суку борзую. Щенята ея всѣ перемерли къ немалому моему прискорбію. Я ѣздилъ на сихъ дняхъ съ собаками. Муругой кобель хорошо скачетъ и впереди рыщетъ..."

Судить объ успѣхѣ „Всячины" у читающей публики, по содержащимся во многихъ письмахъ ея корреспондентовъ, похваламъ, такъ какъ и по быстрой распродажѣ первыхъ вышедшихъ ея листковъ, едва ли было бы основательно. Хваленія, часто сомнительныхъ корреспондентовъ, могли быть измышлены самими издателями; а причина успѣшнаго расхода только что появившагося журнала, была вѣроятно отчасти и та, что при тогдашней скудности въ литературѣ нашей легкаго чтенія, „Всячина" представлялось интересной и небывалой новинкой; къ тому же весьма недорогая цѣна листковъ ея, дѣлала ихъ

---

[1] Матеріалы для исторіи Журнал. и Литератури. дѣятельн. Екатерины, Прилож. I къ I тому Зап. Имп. Акад. Наукъ, стр. 40 - 42.

для всѣхъ доступными. Но когда игривая, хотя и отвлеченная сатира „Всячины", принялась изображать мастерскою кистью разнообразныя и вмѣстѣ съ тѣмъ невзрачныя стороны общественныхъ нравовъ, развлекая тѣмъ однихъ, и задѣвая самолюбіе многихъ обличеніемъ присущихъ имъ пороковъ и слабостей; когда на страницахъ еженедѣльника, издатели его, начали угощать, едва ли не диктаторскимъ тономъ публику узкою и пошленькою моралью, не приходившеюся по вкусу каждому изъ читателей, то первые естественно поставили себя въ не совсѣмъ пріязненныя отношенія къ обществу. Въ довершеніе всего, „Всячина" завязала вовсе не интересную для читателей полемику съ другими изданіями одного съ нею пошиба, и эта брань, нѐхотя читаемая покупателями листковъ еженедѣльника, не могла не надоѣдать имъ; и вслѣдствіе такого безцеремоннаго обращенія съ ними „Всячины" прекрасная цѣль издателей ея, сатирою и поученіями способствовать „исправленію нравовъ", врядъ-ли могла быть вполнѣ достигнута. Журналъ не совсѣмъ нравился самой императрицѣ, что видно изъ приведенной выше статьи Пекарскаго; хотя Екатерина принимала въ немъ участіе, помѣщеніемъ въ немъ своихъ статей, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько обуздать издателей-сатириковъ. Къ достиженію благой цѣли издателями „Всячины" послужило имъ преградой также и эфемерное ея существованіе; о томъ что они не расчитывали на полный успѣхъ еженедѣльника, можно усмотрѣть изъ одной статейки помѣщенной на его страницахъ и озаглавленной: „Нельзя всѣмъ угодить". Воистинну удивительная вещь", восклицаетъ издатель; „есть люди, кои бранятъ наше сочиненіе. Но какъ неволи нѣтъ читать оное, то просимъ покинуть. А если продолжатъ и за симъ чтеніе и брань, то уже извѣстно будетъ для чего бранятъ. Здѣсь объявляется: знатно гдѣ ни на есть нашли себя описанныхъ; а какъ сами себѣ непрелестны показалися, то вздумали отомстить намъ ругательствомъ. Но сіе не льнетъ; ибо лишь бы мы не ошиблись въ правилахъ нравоученія, все протчее для насъ не важно.... Скажутъ что не мы правила выдумали. О семъ и спора нѣтъ. Скажутъ что мы переводы списываемъ. Признаемся, что и сіе бываетъ; легко узнать оные можно; осмѣливаемся сказати, что почти всѣ переводы здѣсь внесенные, слабѣе настоящихъ сочиненій. .." [1] Не безъинтересно слѣдующее раздѣленіе читателей относительно вкуса на два разряда, и средство употребляемое издателемъ къ сохраненію благосклонности тѣхъ и другихъ: „Два есть у меня рода читателей", говоритъ онъ; „первые суть люди веселые, кои требуютъ испытаній острыхъ и смѣш-

---

[1] Всячина. стр. 294—295.

ныхъ. Другіе суть степенные, и недовольствуются одними шутками, но напротивъ уничтожаютъ оныя. Еслибъ я всегда имѣлъ степенный видъ въ моемъ сочиненіи, половина читателей меня бы покинула; и еслибы я окромѣ рѣзвостей ничего не писалъ, я потерялъ бы и другую. И для того я долженъ держаться середки, изъ чего обѣимъ шайкамъ можетъ произойти болѣе пользы, нежели когда бы я писалъ одной только въ угодность.... Однимъ словомъ, всякій изъ моихъ читателей садится за мой столъ, незная какая ему пища пріуготовлена, и по крайней мѣрѣ онъ имѣетъ удовольствіе надѣяться, что найдетъ что нибудь по своему вкусу...." [1]. Не смотря на это мудрое соображеніе, издатель упустилъ однако, изъ виду, что читатели сидя, по словамъ его, за его столомъ, если и могли выбирать яства по вкусу, то все-таки принуждены были, если не вкушать, то по крайней мѣрѣ обонять подносимыя имъ блюда, хотя и не для нихъ приготовленныя.

Изъ нѣкоторыхъ писемъ адрессованныхъ къ издателямъ „Всячины", въ которыхъ расточались имъ лестныя похвалы, замѣтно что первые, какъ-будто услаждались ими, и питали надежду на успѣшное достиженіе цѣли ими предположенной. Такъ въ одномъ изъ анонимныхъ посланій, нѣкто сообщаетъ, что прочитавъ „Поздравленіе публики съ новымъ годомъ", убѣдился, на сколько общество обязано благодарностью издателю, во первыхъ за обѣщаніе его—„показать человѣка не только снаружи, но и въ зеркалѣ, а еще и внутреннія каждаго достоинства начертанныя перомъ; во вторыхъ—за то, что какъ нѣтъ ни одного человѣка въ обществѣ, не зараженнаго любопытствомъ, то „Всячина" можетъ таковому каждую недѣлю служить удовольствіемъ. Авторъ письма, извѣщаетъ также о похвалахъ „Всячинѣ" и благодарности къ ея издателямъ, будто бы слышанныхъ анонимнымъ корреспондентомъ отъ многихъ пріятелей; причемъ свидѣтельствуетъ и о собственномъ своемъ усердіи „къ господину сочинителю „Всячины" съ обѣщаніемъ впредь сообщать если угодно, всё, что услышитъ отъ друзей своихъ относительно издаваемаго журнала." — „Мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ", провозглашаютъ въ отвѣтъ самоувѣренно издатели, „и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ; ибо начали твердить наизусть „Всякую Всячину", что вышеписаннымъ письмомъ доказывается. Сочинитель онаго, важность нашего труда совершенно узналъ...." [2]

„Барышекъ", слѣдующій за „Всячиной" и служащій ей финаломъ, представляетъ собою какъ бы угасающую жизнь прародительницы со-

---

[1] Всячина. стр. 123. стр. 327—328.—[2] Тамъ же 44. стр. 121—124.

временныхъ ей сатирическихъ журналовъ; не смотря на то, издатели „Всячины“ видимо стараются „нѣкоторымъ своимъ припасомъ“, протянуть на сколько возможно послѣдніе дни, краткаго ея существованія. Въ началѣ „Барышка“ издатели, исполняя долгъ вѣрноподданныхъ, приносятъ императрицѣ поздравленіе съ новымъ годомъ, подобно тому, какъ въ 1769 году поздравляли ее съ побѣдою надъ турками, и взятіемъ Хотина [1]. Въ „Барышкѣ“ мѣстами, встрѣчаются уже, заявленія нѣкоторыми изъ почитаталей „Всячины“ грустнаго предчувствія близкой ея кончины. Въ письмѣ за подписью: „**Сами отгадаете кто**“, написавшій его, соболѣзнуя о скоромъ прекращеніи „сколь приятнаго, столь и полезнаго журнала, усердно проситъ издателей о продолженіи его и на будущій годъ; на что они отвѣчаютъ, что объявили уже публикѣ, о намѣреніи своемъ продолжать его „пока запаса исписанныхъ бумагъ станетъ, и что продолженіе „Всячины“ будетъ зависѣть отъ доставленія корреспондентами хорошихъ составленій“, которыхъ однако, что-то не много оказалось. Не смотря на видимый упадокъ „Всячины“, въ ея „Барышкѣ“ замѣтно что сатиричическое направленіе не совсѣмъ покинуло еженедѣльникъ, и въ немъ встрѣчаются еще нѣкоторыя статьи „напоминающія лучшую пору его существованія, въ 1769 году. Изъ этихъ статей, отмѣтимъ болѣе замѣчательныя, какъ на примѣръ, письмо подписанное буквами „П. Ф. Б,“ авторъ котораго, помѣстившій во „Всячинѣ“ статьи свои подъ №№ 90 и 93, присылаетъ въ „Барышекъ“ примѣчаніе свое касающееся „любви нашего дворянства, и большей части молодыхъ господъ до ѳеатральныхъ представленій, почитающихъ себя любителями и знатоками драматическаго искусства; и осуждаетъ ихъ легкомысленное и поверхностное къ нему отношеніе. „Едва услышатъ они“ говоритъ онъ, „о новой какой драмѣ, то уже толпами собираются въ ѳеатрѣ, и съ нетерпѣніемъ дѣйствія дожидаются. Но какое имѣютъ они при томъ намѣреніе? чтобы примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характиры ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, ле-Сажъ, или Троспольская, Мартеньша и пр., одѣты были; ихъ голоса, движенія, осанка, составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу, и его самаго; Гарпагонова гнусная скупость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе,

---

[1] Всячина. 115. стр. 305—306.

ополчающія руки чадъ на родителя, исправленіе мота, словомъ всѣ сіи живо изображенные характиры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе наши нравы, и долженствующіе служить образцомъ нашимъ поступкамъ, предаются молчанію, и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживали.... Иные принуждаютъ себя, чтобъ показаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ, и любителями оныхъ, и говорятъ, что балетъ только отъ скуки смотрятъ; но совсѣмъ тѣмъ, можно видѣть, что ничто имъ больше онаго не нравится...." [1] Появляются въ „Барышкѣ" тѣ же безпощадныя выходки на подъячихъ, такъ что и угасающая „Всячина", не перестаетъ преслѣдовать взяточничество, столь ей ненавистное; въ довольно пространной статьѣ съ подписью литеры „Б", объясняется значеніе подъяческаго „завтра", имѣющаго для несчастнаго просителя конецъ, смотря по его деньгамъ, и въ такомъ случаѣ называется денежнымъ; но „безденежное завтра" не ограничено временемъ, и по словамъ подъячихъ, подобному „завтра", нигдѣ и въ законахъ срока не предписано". На вопросъ просителя, какъ ему сдѣлать, чтобъ подъячій употреблялъ по дѣлу его „денежное завтра", знакомый ему отставной офицеръ отвѣчалъ, что это возможно, если только принесть подъячему „барашка въ бумажкѣ", то есть, деньги поверченныя бумажкою...." Когда тебѣ хочется, „продолжалъ онъ говорить", чтобъ твое дѣло шло по ограниченному „завтра", то ты встань гораздо по ранѣе, и поди ты къ подъячему на дворъ, а не въ приказъ, и снеси ему такого „барашка"; а безъ того, и дѣла твои, конца дѣлу твоему не дождутся.. ." [2]—О жалобѣ на подъячихъ, издатель „Всячины" упоминаетъ въ письмѣ г. Воротила Лопотухина изъ Оренбурга и полагаетъ, что они вскорѣ исправятся, вслѣдствіе предписанныхъ имъ нравоучительныхъ заповѣдей, (Всячина № 140). Въ другомъ письмѣ изъ Болхова, по словамъ издателя, пишущій его, „дѣлаетъ напускъ" на нѣкоторую комедію недавно сдѣланную и въ „Трутнѣ" похваленную не называя имени ея; и между прочимъ „задѣваетъ какого-то секретаря „Крючковзяткова", и судей за носъ водителя" [3].—Статья подъ № 157 осуждаетъ безнравственное воспитаніе, изображая картину жестокости и безчеловѣчія, внушаемыхъ невѣжественною матерью дѣтямъ своимъ. Войдя съ ней въ дѣтскую, авторъ статьи увидалъ тамъ четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ „самый маленькій заплакалъ и чтобъ его растѣшить, мама за-

---

[1] Барышекъ. стр. 420-423.—[2] Тамъ же, стр. 441—449.—[3] Тамъ же, стр. 456.

ставила его, платкомъ бить пяню. Сія притворилась, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько батюшка, хорошенько дуру бей; она видишь дитяти досадила. Дитя же старалося крѣпко ударить няню; и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялося. Погодя другое дитя упало; мать велѣла ему плюнуть на полъ, и топтать то мѣсто, гдѣ опъ споткнулся....“ Доказывая неразумной матери всю нелѣпость ея дѣйствій, гость услышалъ визгъ собаки; онъ оглянулся и увидалъ, что третье дитя щиплетъ щенка; а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку хлопая рукою по клѣткѣ, бѣдненькая же птичка бьется изъ угла въ уголъ....[1]

Прочія статьи „Барышка“ изъ числа принадлежащихъ къ оригинальнымъ, хотя и напоминаютъ нѣсколько „Всячину“ 1769 года, но далеко не могутъ сравниться съ прежними ея статьями. Замѣтно что издатели отживающаго еженедѣльника, связанные обѣщаніемъ продолжать его, желали скорѣе сбыть съ рукъ „припасъ Всячины“, чтобъ покончить съ нею. Помянутыя статейки помѣщенныя въ „Барышкѣ“ уже не блестятъ, ни остроумною сатирой, ни картинным описаніемъ современныхъ нравовъ; послѣднія страницы „Барышка“, занимаютъ переводы, не представляющіе большаго интереса, и мало подходящіе къ характеру и направленію журнала. Здѣсь встрѣчаются на примѣръ такіе переводы съ французскаго: „Слово Монтескьё по случаю избранія его въ члены Академіи; изъ Овидіевыхъ превращеній, описаніе пещеры бога сна; изъ Тита Ливія, Плинія, Валерія Максима, и др.—Послѣдняя статья (№ 176) озаглавлена: „Конецъ“ и содержитъ въ себѣ заключеніе издателя о томъ, что „всякой книгѣ должно имѣть конецъ“; основанное на сравненіи „книги безъ конца“, съ разнородными предметами, существованіе которыхъ, по словамъ его, не мыслимо безъ частей и качествъ имъ присущихъ. Такъ сравниваетъ онъ „безконечную книгу“ съ кораблемъ безъ кормы, сочинителемъ безъ самолюбія, любовникомъ безъ нескромности, воиномъ безъ долговъ, подъячимъ безъ сребролюбія, и т. п. Далѣе онъ говоритъ: „Бываетъ часто, что конецъ лучшее есть въ книгѣ для того, что все прочее было или скучно, или глупо; и тогда конецъ обрадуетъ читателя, окончивъ его зѣванія. Я не вѣдаю, мое сочиненіе произвело ли въ двухъ людяхъ одинакое мнѣніе; мое намѣреніе не въ томъ и состояло. Но я хотѣлъ показать, первое—что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, кои

---

[1] Барышекъ. стр. 451—453.

умнѣе меня давать людямъ наставленія забавляя ихъ; и третіе—говорить Рускимъ о Рускихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ; слѣдовательно не могутъ найти забавы въ нихъ; а гдѣ забавы, тутъ обыкновенно скука не далека... Я думаю что не въ однихъ книгахъ должно держаться третьяго сего правила, чтобъ Рускимъ представлять Рускія умоначертанія, но и въ позорищахъ... Ибо Маркизъ на Рускомъ ѳеатрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту, тетушка моя и смысла не привязываетъ..."

Вообще въ журналѣ, сравнительно съ его собратами, другими подобными же ему изданіями, стихотвореній помѣщено весьма не много; изъ чего можно заключить, что издатели его не охотно давали мѣсто на страницахъ „Всячины" произведеніямъ современныхъ поэтовъ; такихъ продуктовъ ихъ музы находимъ въ еженедѣльникѣ: „Двѣ басни (стр. 34).—„Притча, жена красавица" съ подписью; „Пантелей Рогоносцевъ" (стр. 66—67).—„Надпись къ статуѣ Петра Великаго, А. Сумарокова (стр. 138—139).—„Двѣ эпиграммы: I. Совѣтъ. II. Отвѣтъ, съ подписью: Афросимъ Оправдаевъ (стр. 187).—Въ статьѣ: „О Русскомъ платьѣ" (стр. 101—203), двѣ строфы къ ней относящіяся и „Эпиграмма".—„Притча: Письмо къ любовницѣ и отвѣтъ, съ подписью: Іерогиргъ Велашукъ (стр. 378—380).—Въ „Барышкѣ": „Элегія; подп: А. Ш. (стр. 461—462).—Двѣ оды, подп: Гурій Коротко-умовъ (стр. 473—474).—Пѣсни изъ Анакреонта (стр. 487—488)—[1].

Упоминая о томъ, что обыкновенно считаютъ издателемъ „Всячины" Григорья Васильевича Козицкаго, академикъ Пекарскій по видимому, какъ замѣчено выше, не раздѣляетъ относительно этого общепринятаго мнѣнія. Онъ указываетъ на „Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ" Новикова, современника Козицкаго, гдѣ первый называетъ всѣхъ издателей сатирическихъ журналовъ 1769—1770 годовъ, но о принадлежности „Всячины" Козицкому, говоритъ довольно уклончиво. За тѣмъ Пекарскій, исчисляя многосложныя дѣловыя занятія Козицкаго съ 1769 по 1775 годъ, считаетъ труднымъ предположить, чтобы послѣдній, при своихъ разнообразныхъ занятіяхъ, по собственному побужденію вздумалъ еще издавать сатирическіе листки, слѣдить такъ зорко за всѣми своими соперниками на журнальномъ поприщѣ, и даже вступать съ ними въ жаркую полемику. Нѣкоторыя черты, которыми обрисовываетъ себя издатель въ

[1] Нѣкоторыя стихотворенія приписываются Натальѣ Ивановнѣ Титовой, но указать на нихъ положительно нельзя. (Словарь Русск. Писательницъ кн. Голицына. Варшавск. Дневн. 1881 г. № 177).

ачалѣ „Всячины" [1], по мнѣнію Пекарскаго, какъ-то нейдутъ къ Ко-ицкому, недавно занимавшему скромную должность адъюнкта Акаде-іи Наукъ, а въ 1769 году служившему въ небольшомъ чинѣ въ Кабинетѣ у принятія челобитенъ [2]. Не болѣе издателя „Всячины" сдѣлались извѣстными и сотрудники его по журналу, хотя въ „Ба-ышкѣ" и помѣщено довольно подробное описаніе наружности кажда-о изъ нихъ, даже съ указаніемъ особенностей ихъ лицъ, походки, ѣлодвиженій и проч.; также и умственныхъ качествъ [3]; но это опи-саніе, если и не составляетъ вымысла издателя, написаннаго ради мистификаціи или забавы читателей, то во всякомъ случаѣ, едва ли могло, даже для современниковъ, служить путеводной нитью къ от-крытію именъ трудившихся въ еженедѣльникѣ; въ настоящее же время, для насъ покуда остается загадкою вопросъ: какіе изъ писателей того времени, составляли общество издателей и сотрудниковъ „Всячины"?

107. **Поденьшина**, или ежедневныя изданія. 12° 134 страницы. На оборотѣ заглавнаго листа эпиграфъ: Labor omnia vincit. Improbus et duris urgens in rebus egestas. Virg. Трудами всіо преодолѣ-вается. Непріятенъ и къ труднымъ вещамъ понуждаетъ недоста-токъ. Вирг.

Сопик. Ч. 3. № 3905.—Плавильщ. Ч. III. № 6934.—Смирд. Ч. IV. № 9679.—Новиков. Опытъ Словаря, стр. 228.—Митропол. Евгенія Словарь. изд. 1845. т. 2. стр. 227.—Буличъ „Сумароковъ" стр. 266. VIII.—Аѳанасьева Русск. Сатирич. Журналы, Библіографич. Замѣтки. стр. 265.- Геннади. Русск. книжн. рѣдкости. стр. 45. № 31.—Лонгиновъ. Новиковъ и московск. мартинисты стр. 22. 7.—Не-устроевъ. Историч. Розысканіе о русск. поврем. издан. стр. 142.

Издателемъ журнала былъ по свидѣтельству „Опыта Словаря" Новикова „оберъ офицеръ полевыхъ полковъ, Василій Тузовъ; о вы-ходѣ первыхъ листовъ „Поденьшины" 1-го марта, на недѣлю, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1769 года, 6 марта, на стр. 7-й, подъ рубрикою „Продажа" объявлено: „У переплетчика Вебера, живу-щаго въ состоящемъ между Моховою и Литейною улицею каменномъ домѣ священника церкви св. мученика Пантелеймона, продается со-чиненный на недѣлю экземпляръ „п о д е н щ и н ы", по 6 коп.; а впредь каждой дневной листокъ по 1 копѣйкѣ будетъ продаваться съ 8 числа сего Марта". Листки эти состояли изъ 22-хъ страницъ по 29 строкъ на каждой (включая заглавный листъ); за тѣмъ черезъ недѣлю, т. е.

[1] Всячина. стр. 4—5.—[2] Матеріалы для исторіи журнальн. и литературн. дѣятельности Екатерины II. стр. 5—6.—[3] Барышекъ. стр. 462—464.

8 марта, „Поденьщина" стала выходить ежедневно, выдавая на каждое число по 4 стр., исключая листковъ: марта 20, который былъ выданъ въ 6 стр., и 22, въ 4 стр.; но изъ послѣднихъ двѣ первыя относятся къ предыдущему: на нихъ, вмѣсто 29-ти, печаталось только по 21-й строчки. Въ началѣ журнала помѣщено слѣдующее „Вступленіе": „Пользуясь блаженствомъ настоящаго времени, въ которомъ между безчисленными для благополучныхъ Россіянъ выгодами, и изданіе каждому въ печать трудовъ своихъ безпрепятственно дозволяется, предпріялъ я издавать гражданству сіи ежедневные листочки. Начало онымъ здѣлано. Марта первое, и въ немъ за цѣлую недѣлю опишу мою дорогу и пріѣздъ сюда. Первую же недѣлю великаго поста, яко дни пощенія, миную: послѣдуя душеспасительному примѣру изъясненному во Всякой Всячинѣ, и не желая ни малѣйшей подать вины къ соблазну, и къ отторженію православныхъ отъ благоговѣнія. И такъ безпрерывное продолженіе тѣхъ листковъ, начнется Марта 8 числа. Въ нихъ описываны будутъ мои собственные и заимные мысли, и я прещастливымъ и довольно награжденнымъ себя за весь трудъ мой почту, естьли изъ множества не только одинъ листокъ, но хотя одна строчка послужитъ къ угодности читателей. Ни мѣсяцомъ, ни годомъ, я не обязываюсь; а они продолжаться будутъ столько, сколько силы и обстоятельства мои дозволятъ".

Неумѣлость Тузова какъ журналиста, обнаруживается на каждой страницѣ его изданія; по всему замѣтно что онъ принялся за дѣло необдуманно, и какъ говорится, очертя голову, и началъ писать, чтобы какъ нибудь, и чѣмъ попало наполнить издаваемые имъ листки; какой либо серьезной подготовки, онъ къ предпринятому имъ дѣлу не имѣлъ, и по собственнымъ его словамъ „сдѣлалъ себя издателемъ такъ, какъ ставятся попы у раскольниковъ"; чему доказательствомъ служитъ первый выпускъ на цѣлую недѣлю, содержащій въ себѣ лишенные занимательности разказы и разсужденія, продолжающіеся впрочемъ и до конца журнала. Если нельзя отказать издателю „Поденьщины" въ попыткѣ на сатиру, то она является весьма слабо мелькающею и мало замѣтною между обильнымъ пустословіемъ, наполняющимъ страницы ничтожной его книжки. Онъ начинаетъ описаніемъ путешествія своего вмѣстѣ съ племянникомъ изъ своего роднаго города „Алатора", черезъ Москву въ Петербургъ, причемъ выдавая себя за „маляра", прибавляетъ что „имѣетъ отъ роду сорокъ два года, вдовъ, граматѣ читать и писать недоволенъ"; за тѣмъ сообщивъ нѣкоторыя свѣдѣнія о житьѣ своемъ на родинѣ, тамошнихъ обычаяхъ и собственныхъ занятіяхъ, онъ разказываетъ между прочимъ встрѣчу свою на

дорогѣ съ поѣздомъ проматывающагося боярина, ѣдущаго въ Москву жениться; нельзя сказать „чтобы описаніе этого дорожнаго „grand train" барина XVIII-го столѣтія было вовсе безъинтересно, напротивъ того, въ немъ довольно удачно схвачена современная бытовая черта, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно не безъ нѣкоторой сатирической окраски. „Мы увидѣли" разказываетъ сочинитель „Поденьщины", „обозъ состоящій изъ одной кареты и коляски на полозкахъ, и изъ нѣсколькихъ кибитокъ; и вдругъ услышавъ тамо трубный гласъ, кинулись мы туда опромѣтомъ посмотрѣть; однакожъ близко подойти не смѣли, а смотрѣли издали; двое одѣтыхъ въ гусарское платье, производили оную музыку на извитыхъ мѣдныхъ рогахъ называемыхъ волторами. Двое человѣкъ стояли у воротъ съ ружьями, и одинъ у обоза съ обнаженною саблею....—Подробности о проѣзжающемъ баринѣ и его обстоятельствахъ, сообщаетъ „алатырскому маляру" словоохотливый барскій поваръ: „Господинъ мой, человѣкъ богатый", говоритъ онъ; „тысяча за нимъ душъ; доходу съ нихъ четыре, проживаетъ десять: изъ которыхъ на долю нашего дворецкаго достается около половины; долгу на насъ тридцать. Ѣдемъ въ Москву жениться; это играютъ теперь зорю, и всякое утро и вечеръ.... При баринѣ, продолжаетъ поваръ, дворецкій на осьмирублевомъ окладѣ; лакѣевъ здѣсь четверо, имъ—по шести; гусаровъ изъ своихъ людей восемь, да девятой ефлетуръ, имъ—потомужъ; псарямъ, десяти человѣкамъ—по пяти, да мнѣ, повару—по три; а всѣхъ вмѣстѣ насъ больше, одинъ гребетъ денегъ французъ парукмахеръ; ему, ни много, ни мало, даетъ нашъ баринъ по двѣсти рублевъ, платье, кушанье и выѣздъ....."—Подошедъ по ближе къ обозу, расказываетъ издатель „Поденьщины", „нетрудно намъ было узнать француза по бѣлому его кафтану, и что онъ приготовляясь расчесывать волосы господину, доставалъ изъ саней потребныя вещи; однакожъ долго мы догадывались, которой господинъ, которой дворецкой потому что они въ одинакомъ были почти дорожномъ платьѣ, и одинакимъ повелительнымъ видомъ приказывали протчимъ; имъ же, сколько разъ они ни проходили мимо часовыхъ, отдавали честь, то же дѣлали одинъ разъ и французу, когда онъ прошолъ безъ пудрильнаго мѣшка...."—Далѣе издатель „Поденьщины", описываетъ пріѣздъ свой въ Москву, гдѣ останавливается въ Ямской Рогозской, и въ продолженіи двухъ недѣль, сопровождаемый племянникомъ, осматриваетъ удовлетворяя любознательности своей, городъ; зѣваетъ на „высокость" Ивана Великаго, и „огромность" разбитаго колокола; отправляется на Каменный и Спасскій мостъ „смотрѣть хорошихъ печатныхъ листковъ", и живописныя картины продающіяся въ овощномъ ряду. „Нынѣ", го-

воритъ онъ, „стали появляться покупныя съ аукціоновъ изрядныя· однакожь очень мало; а большая часть въ томъ ряду — головки дамскія, закрытыя до половины лица муфтами, которыя гораздо отвратительны, хотя на нихъ и походъ великъ....“ Затѣмъ идетъ разказъ о томъ, какъ онъ, будучи позванъ къ богатой и престарѣлой вдовѣ какъ маляръ, раскрашивать сундуки работы домашнихъ столяровъ, подслушиваетъ разговоръ барыни съ гостемъ о „домостроительствѣ“ въ которомъ она въ простотѣ души, осыпаетъ похвалами обманывающаго ее управителя, получающаго отъ нея по шести рублей въ годъ и запасъ, и приносившаго ей въ день имянинъ по два куска камки въ подарокъ; подивясь этому, любознательный „маляръ“ узнаетъ, что управитель завѣдывая тремя тысячами душъ своей помѣщицы, сверхъ господскаго оброка, имѣетъ съ каждой души и свой. По пріѣздѣ въ Петербургъ, „алатырскій маляръ“ останавливается у приказнаго служителя, и поступаетъ къ нему на хлѣбы; а чтобы достать себѣ мѣсто или работу, выходитъ на перекрестокъ, гдѣ собираются поденьщики.... но не добившись въ продолженіи трехъ дней никакого толку, съ досадою отправляется онъ домой, и ему, вѣроятно раздраженному этой неудачей, пришло на мысль подтрунить надъ еженедѣльникомъ „И то и Сё“: „Идучи“, говоритъ онъ, повстрѣчался я съ мальчикомъ, которой резвясь, кривлялся и махалъ руками; въ одной рукѣ были у нево печатные листы; взглянулъ на меня, и смѣючись спрашивалъ: дядюшка, не хочешь ли купить листочка? Я посмотрѣлъ что за листки, и увидѣлъ въ началѣ написано большими словами То и Сіо; я спросилъ, почему они? Онъ мнѣ сказалъ: по алтыну. — Мнѣ только надо за полушку; отрѣжь мнѣ, говорю ему.—Полно издѣваться-то ста; это не гороховой кисель, этова по полушкамъ не рѣжутъ. Послѣ за одни латинскіе стихи, давалъ я ему денежку—не взялъ....[1] Случилось мнѣ спросить нѣкогда у ученаго человѣка: для чего бы ставились въ Русскихъ книгахъ Латинскія рѣчи въ заглавіяхъ?... Причина тому та, отвѣчалъ онъ мнѣ, что естьли иного сочинителя вся книга ничего не будетъ значить, то по крайней мѣрѣ, хоть бы тѣ стишки, которые обыкновенно берутся изъ хорошихъ авторовъ, съ смысломъ остаться могли. Точно для сей предосторожности, и я поставилъ въ началѣ сего изданія [2].

Содержаніе начинающихся съ 8 марта листковъ журнала, представляетъ собою немного занимательнаго; здѣсь вовсе уже не замѣтно

---

[1] Намекъ на латинскій эпиграфъ заглавнаго листа еженедѣльника „И то, и Сё“.—[2] Поденьщина, стр. 17—18.

сатирическаго элемента, присущаго, хотя въ слабой степени началу его выданному на недѣлю. Остальная часть за исключеніемъ отвѣта на помѣщенные Чулковымъ въ еженедѣльникѣ „И то и сё" нападки на „Поденьшину" (которые приведемъ ниже), издатель послѣдней угощаетъ читателей пустыми разказами и разными отрывками полезныхъ по его мнѣнію свѣдѣній, въ родѣ слѣдующихъ: Въ первомъ ежедневномъ листкѣ, онъ повѣствуетъ о нѣкоемъ щеголѣ, сынѣ приказнаго чиновника, требующемъ у отца своего денегъ на „сазонное" платье; обрадованный старикъ думаетъ что сыну его нужно „сазанное" платье изъ рыбьихъ сазаньихъ кожъ, имѣющихся у него въ запасѣ; но за тѣмъ очень горюетъ, когда ему приходится выдать сыну-щеголю деньги на костюмъ приличный времени года. Вслѣдъ за этимъ, не отличающимся большимъ остроуміемъ разказомъ, издателю листковъ вздумалось восхвалять пріятности четырехъ временъ года, и въ особенности, прелести весны; и онъ описываетъ эту картину природы слѣдующими словами: „Не замедлитъ видима быть повсюду раскидывающаяся зелень. Поля покроются зелеными коврами,, и различными цвѣтами испещряться станутъ; а изходъ весны, благовонная увѣнчаетъ роза. Пѣніе сладкопѣсненнаго соловья и множества птичекъ, смѣшиваясь индѣ съ пріятнымъ шумомъ ключей, слышимо будетъ по рощамъ...." [1]—Въ слѣдующей статьѣ, онъ возвращается къ „къ сазонному платью; любопытствуя узнать значеніе этого слова, спрашиваетъ о томъ вышепомянутаго щеголя, но не получивъ никакого отвѣта, обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ его камердинеру-французу, говорящему по руски, который и удовлетворяетъ любознательности спрашивающаго, объясняя ему, что слово сезонъ на ихъ языкѣ употребляется во многихъ случаяхъ.... „Наконецъ изъ всего сво изъясненія", говоритъ издатель листковъ, понялъ я, что слово сезонъ, означаетъ времена года ... Еще говорилъ онъ, есть у нихъ задній или поздный сезонъ, коимъ называютъ старость; также въ ихъ и италіанскомъ стихотворствѣ, есть зеленый сезонъ, коимъ изъясняется молодость..... а о платьѣ сезонномъ сказалъ онъ, что у нихъ во Франціи, каждое время года имѣетъ особливое платье въ разсужденіи плотности или тонкости шелковыхъ тканей. ." [2]—Далѣе, цѣлыхъ девять листковъ наполнены продолжительнымъ расказомъ озаглавленнымъ „Ворожея", который самъ издатель „Поденьшины" называетъ „вздорною повѣстью", предоставляя благоразумному читателю судить о „ве-

[1] Поденш. Мартъ 3 стр. 4 —[2] Тамъ же. Мартъ 9. стр. 23.

ликости терпѣнія", дозволившаго ему, издателю, выслушать ее; но между тѣмъ онъ не задумался напечатать ее въ листкахъ своихъ, и угостить ею читателей, вѣроятно съ цѣлью испытать, могутъ ли они сравниться съ нимъ въ помянутой добродѣтели. Въ повѣсти или разказѣ своемъ, онъ извѣщаетъ, что какъ-то на дняхъ, непоздоровилось ему отъ простуды, и онъ, по совѣту своего хозяина, обращается къ „ворожéю", пользующему безвозмездно отъ всякихъ болѣзней. Пришедшій къ занемогающему „ворожей", какъ обыкновенно, „простой мужичокъ", говоритъ ему, что болѣзнь приключалась съ глазу, и что шепоту своего тратить нужды не видитъ; но что довольно будетъ того, если больной дастъ облить себя холодною водой сквозъ рѣшето, что по словамъ его полезно въ самой лихорадкѣ во время озноба. Если это не поможетъ, тогда „ворожей" употребитъ врачебныя свои слова, или дастъ что-нибудь повѣсить на шею. „У меня", говорилъ онъ, „очень много такихъ вещей, которыя отгоняютъ лихорадку, а лучшія изъ нихъ: писемца, на которыхъ написаны имяна всѣхъ лихорадокъ двѣнадцати сестеръ; змеиной выползокъ, которой змея съ себя скидываетъ, и съ великимъ трудомъ ево находятъ; сухая трава, которая ростетъ на поляхъ или въ лѣсу, въ костяхъ лошадиныхъ головъ...."— Любознательный пацієнтъ не утерпѣлъ, подпоивъ „ворожéя", обратиться къ нему съ прозьбой открыть тайну цѣлебныхъ словъ его, и повѣдать, отъ кого выучился онъ своему врачебному искусству. Послѣдній начинаетъ длинный разказъ или „вздорную повѣсть" о томъ, какъ онъ будучи въ деревнѣ своей лѣсникомъ, встрѣтился въ лѣсу съ вѣдьмой въ видѣ сороки, сидѣвшей на деревѣ, которая и передала ему свое искусство. Издатель „Поденьщины", какъ человѣкъ цивилизованный, не вѣритъ нелѣпой сказкѣ, и говоритъ: „Сказывалъ я мужичку, что не только вракамъ его не вѣрю; но ниже сходственными съ разсужденіемъ малосмысленнаго человѣка ихъ не считаю.. ."— Въ заключеніе всего, онъ читаетъ ворожéю-мужичку выписку изъ Овидія, возстающаго противъ чародѣйства, и разказавъ ему еще „коротенькую быль", совершенно уличаетъ его во лжи и обманѣ, взявъ съ него обѣщаніе бросить свое ремесло, возвратиться въ деревню, и сдѣлаться трудолюбивымъ пахаремъ.[1] За тѣмъ предлагаются „краткія выписки" о Магіи и Талисманахъ, съ присоединеніемъ извѣстій объ охраняемыхъ ими зарытыхъ въ землѣ сокровищахъ.[2]

„Поденьщина" не осталась въ долгу у задѣвшаго ее еженедѣльника „И то и Сё", и не замедлила отвѣтомъ на нападки Чулкова.[3]

---

[1] Поденщина. Мартъ 11—15 стр. 31—47.—[2] Тамъ же, Мартъ 16—20. стр. 51—67.—[3] См. и То, и Сіо. недѣл. 9. стр. 1—8.

„Не безприскорбно бы мнѣ было", говоритъ издатель „Поденьшины", „естли бы не подъ симъ названіемъ въ какомъ изданіи то было написано; но господинъ и То и Сьо, нѣтъ, господиномъ нельзя назвать; госпожа, и госпожою нельзяжъ, хотя нѣсколько и ближе; И То и Сьо рода средняго; а средняго рода къ вещамъ, господства въ Русскомъ языкѣ не придаютъ; ибо не можно сказать, ни господинъ дерево, ни госпожа безуміе; а говорится, и то не всегда „господинъ дуракъ"; и такъ скажу я просто: И то и сьо, какъ нѣчто сумасшедшее, не стоило бы и отвѣта, да не отвѣчать же нельзя; назовутъ трусомъ. При семъ случаѣ жалѣлъ я очень, для чево не выдаю Поденьшины своей въ цѣлой листъ; полно не только на листу, но на цѣлой дести всего вздора и вракъ Того и Сего не опишешь... Бранятся на письмѣ, токмо не такъ грубо; а на грубость и отвѣчать бы надобно грубостью же; полно по пословицѣ: законъ ей или ему не писанъ...." [1] Въ этомъ-же отвѣтѣ своемъ, расходившійся Тузовъ, говоритъ между прочимъ, что нельзя ему имѣть дѣло съ такимъ сочинителемъ, который „во вракахъ тремя годами его старѣе"; себѣ же ставитъ закономъ смиреніе, и сочинителемъ назваться не смѣетъ, потому что пишетъ по большой части заимное, съ своимъ токмо расположеніемъ; тогда какъ по его замѣчанію „въ листкахъ И То, и Сьо", гордость и пустое высокомѣріе, какъ будто важнаго сочинителя, вездѣ видны...." Въ послѣднихъ листкахъ „Поденьшины" издатель ея предлагаетъ, съ помощью той же „выписки" нѣкоторыя свѣдѣнія, состоящія въ общихъ мѣстахъ о искусствахъ и художествахъ, начиная, по словамъ его своимъ мастерствомъ, то есть: „о живописствѣ"; говоритъ въ краткихъ словахъ о началѣ живописи, различныхъ родахъ ея, и употребляемыхъ для нея красках. Подобныя же свѣдѣнія приводятся о архитектурѣ и музыкѣ. [2] За тѣмъ помѣщены переводы, изъ которыхъ, въ предисловіи къ первому изъ нихъ, озаглавленному: „Искусство украшать лицо, изъ дѣлъ Овидіевыхъ", сказано, что онъ прилагается для одного токмо показанія, что и въ прежнія времяна щегольство и наряды модные, также были, какъ и нынѣ; и слѣдующія статьи: Изъ мнѣній графа Оксенштирна. О смѣхѣ.—Басни: Двѣ лисицы. Волкъ и Барашекъ. [3]

---

[1] Поденш. Марта 20. стр. 71—73. Несмотря, на всю пошлость и мелочность нападковъ Чулкова на „Поденьшину", такъ и отвѣта послѣдней, они любопытны, какъ образчикъ критики и журнальной полемики того времени.— [2] Поденьш. Мартъ 21—24. стр. 71—83.— [3] Тамъ же, Мартъ 25—28. стр. 87—99

Тузовъ, объявляя о прекращеніи „Поденьшины" вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, требующихъ его отъѣзда на родину, сомнѣвается въ томъ, что его сочиненіе понравилось читателямъ, судя по полученнымъ имъ отъ незнакомаго лица письмамъ, подписаннымъ именемъ „Егупа Ивановича Бріохова, который несмотря на заявленіе благодарности своей за ежедневное изданіе, и сравненіе листковъ его съ „хлѣбомъ" и „амброзіею", осуждаетъ однако помѣщенную въ нихъ „деривацію о волшебствѣ и ворожеяхъ", называя все о томъ написанное „мякиною и невѣйкою" [1]. На листкѣ, котораго оборотная сторона оставлена бѣлою, и подъ надписью: „Первое Апрѣля", помѣщена табличка рѣченій на восточномъ языкѣ съ объясненіемъ, что эта бумажка съ „каракульками" заложена издателю „Поденьшины" въ семи рубляхъ съ полтиною, бѣднымъ, крещенымъ жидомъ, увѣрившимъ его, что это вексель данный ему какимъ-то богатымъ татариномъ. Издатель, убѣдившись, что оставленная ему бумажка вовсе не вексель, а только восточныя слова, показавшіяся ему сходными съ русскими, и потому возпамѣрился онъ сравнить съ ними рѣченія слѣдующихъ языковъ: арабскаго, персидскаго, турецкаго и татарскаго; но это сравненіе основано повидимому болѣе на догадкахъ импровизованнаго оріенталиста, чѣмъ на положительномъ знаніи исчисленныхъ имъ языковъ, что легко усматривается изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, какъ результатовъ его изысканій. Разсматривая арабскія рѣченія, сравнивающій ихъ съ русскими, приходитъ къ такимъ выводамъ: „Беитъ—домъ; но пишется такъ, что можно сказать и „Битъ"; въ словенскомъ языкѣ есть слово „витати", но не мудрено къ тому прибавить *о* и сдѣлается: обитати, жить, одомовиться. По латинѣ сходно съ нимъ также habitatio, и тоже значитъ domicilium—жилище, хозяйство; а отъ сего кажется domus, и домъ порусски; но еще замѣчательнѣе догадка, что въ словѣ „Исмь—имя, легко могло временемъ вырониться *С*, и сдѣлаться имъ, а потомъ имя. Или отъ „хаджи" производится „ханжа"—обманщикъ и т. д. [2]—Этимъ и оканчиваются недолго существовавшіе, ежедневные листки „Поденьшины"; издатель ея извѣщаетъ, что скорый его отъѣздъ не позволяетъ ему отвѣтить г. Незнаеву, хулящему его сочиненіе въ еженедѣльникѣ И То, и Сьо [3]; и на прощанье между прочимъ говорить: „Только я не ссорою хочу разстаться; а какъ

---

[1] Поденьшина. Марта 30—31. стр. 111.—[2] Тамъ же, Апрѣля 2—4. стр. 119—130.—[3] И то, и сё.—Нед. 11, стр. 3—4.

г. Незнаеву, такъ и всѣмъ хулителямъ Поденьшины, великодушно прощаю; а они пусть пожелаютъ мнѣ щіастливаго пути".

„Поденьшина" перепечатана вторымъ изданіемъ А. Афанасьевымъ, подъ заглавіемъ: Поденьшина, сатирическій журналъ Василія Тузова 1769. Изданіе А. Афонасьева. Москва, въ Типографіи С. Селивановскаго. 1858. 16°. 136, и 2 ненум. стр. На оборотѣ заглавн. листа находится примѣчаніе о выходѣ перваго изданія.

1770.

108. **Пустомеля** ежемѣсячное сочиненіе. 1770 годъ, мѣсяцъ Іюнь—Іюль. Въ Санктпетербургѣ. 16°. 112 нум. стр.

Сопик. Ч. 3. № 3906.—Геннади. Книжн. Рѣдкости. стр. 47. № 35.—Лонгин. Новиковъ и Москов. Мартинисты. стр. 22. 10. П. А. Ефремовъ. Трутень. изд. 3е. Примѣч. къ 1769 г. стр. 336—367.—А. Неустроевъ. Историч. Розысканіе о Русск. повремен. изданіяхъ и Сборникахъ. стр. 161.—Буличъ. „Сумароковъ". стр. 272.—Афонасьевъ. Русск. Сатирич. Журн. Библіографич. Замѣтки, стр. 268.

Имя издателя неизвѣстно, и обширное поле для догадокъ представляютъ донынѣ двѣ буквы С. П., составляющія его подпись. Журналъ продолжался два мѣсяца, и объявленіе о выходѣ его напечатано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1770 года, 6 декабря, въ № 54: „Въ луговой Миліонной, у переплетчика Веге, продается новаго ежемѣсячнаго сочиненія, подъ заглавіемъ Пустомеля [1], мѣсяцъ Іюнь, съ гридированнымъ виньетомъ и въ бумажномъ переплетѣ, по 25 коп.; а впредь выходить будетъ по той же цѣнѣ оное сочиненіе..." Въ началѣ перваго выпуска находится слѣдующее посвященіе Николаю Алексѣевичу Ладыженскому „(съ опущеніемъ гласныхъ въ означенныхъ имени и фамиліи)" напечатанное курсивомъ въ формѣ письма: „Любезной другъ! Удивишься ты, когда узнаешь, что въ отсутствіе твое судьба, или лучше сказать моя слабость сдѣлала меня авторомъ ежемѣсячнаго сочиненія: я самъ не меньше твоего тому удивляюсь; но дѣло ужь сдѣлано. Я не вѣдаю, хорошо ли будетъ окончаніе моего труда; но знаю то, что ежели оно будетъ худо, то въ бытность твою здѣсь, не сдѣлалъ бы я ему начала: дружба твоя ко мнѣ, и рѣд-

[1] Названіе „Пустомеля" дано вѣроятно въ подражаніе англійскому періодическому изданію „The Tuttler" (Болтунъ), которое съ 1709 до 1711 года выходило подъ редакціею Стиля. Афон. Русск. Сатирич. Журн. стр. 58.

кое чистосердечіе меня отъ того отвратили бы. Я избралъ тебя, любезной другъ, своимъ меценатомъ, и посвящаю тебѣ перьвой мѣсяцъ начальныхъ трудовъ моихъ; естьли понравятся они тебѣ, то я увѣренъ, что понравятся и многимъ; хорошей твой вкусъ, знаніе во словесныхъ наукахъ и безпристрастіе въ томъ меня удостовѣряютъ. Но достанетъ ли тебѣ время на прочтеніе сей бездѣлки? Ты сражаешься съ неприятелями нашего отечества; ты будешь участникомъ тѣхъ славныхъ лавровъ, коими прехрабрыя Россійскія воины по справедливости увѣнчаются. Слава дѣла ваши возвѣститъ позднѣйшимъ потомкамъ и удивитъ ихъ. Нѣтъ, любезной другъ, не трать времени для бездѣлки; оно драгоцѣнно; всякая минута умножаетъ вашу славу. Продолжай ревностно пещися о исполненіи твоей должности; имѣй въ памяти примѣры храбрыхъ и славныхъ людей, и подавай собою примѣры. Посвяти услуги твои и самаго себя премудрой и великой Монархинѣ, истинной Матери подданныхъ своихъ, въ пользу твоего Отечества; преодолѣвай враговъ; ты Россіянинъ, сего ко преодолѣнію и ко приведенію ихъ въ ужасъ довольно. Наконецъ, естьли останется свободная минута отъ исполненія твоей должности, то посвяти ее нашему дружеству. Вспомни, что я на всегда, вѣрный твой другъ С. П.—За тѣмъ помѣщено слѣдующее „Извѣстіе", вѣроятно въ дополненіе къ напечатанному въ вѣдомостяхъ: „Ежемѣсячное сочиненіе, подъ заглавіемъ Пустомеля, выходить будетъ каждаго мѣсяца къ 15 числу, и продаваться въ луговой Миліонной у переплетчика Веге по 25 копѣекъ екземпляръ въ бумажномъ переплетѣ. Есть ли кто пожелаетъ во ономъ изданіи помѣстить письмами сочиненія, тѣ могутъ оныя сообщать къ помянутому переплетчику (Веге) съ надписаніемъ: Господину сочинителю Пустомели".

Подъ заглавіемъ напечатанномъ курсивомъ: „То что употребилъ я вмѣсто предисловія", издатель журнала высказываетъ взглядъ свой на литературныя требованія съ присоединеніемъ нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній на современныхъ писателей; между этими замѣчаніями легко подмѣтить выходку противъ издававшагося Чулковымъ „Парнасскаго Щепетильника" [1] Сочинитель „Пустомели" въ виду затрудненій представляющихся желающему въ первый разъ выступить на авторское поприще, говоритъ: „пустова писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мнѣ и самому несносны тѣ Авторы, которые сочиненія свои начинаютъ вздоромъ, вздоромъ наполняютъ и

[1] Русск. Сатирич. Журн. стр. 59.

оканчиваютъ вздоромъ. Пишутъ все, что ни попадется, спорятъ, критикуютъ, рѣшаютъ, и запутавшись, въ мысляхъ изъясняются весьма не ясно; тутъ слѣдуютъ у нихъ сухія шутки, будто оставляютъ темныя мѣста на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой совѣсти захочетъ признаться, то скажетъ что и самъ онъ того не понимаетъ; и такъ останется истинная причина, что яснѣе не могъ того написать. Многіе нынѣ принимаются писать, думая что хорошо сочинять также легко, какъ продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочіе мелочные товары, коими щепетильники торгуютъ въ деревняхъ, и мѣняютъ ихъ на лапти и яйцы; но они ошибаются... Чтобы умѣть хорошо сочинять, потребно ученіе, острой разумъ, здравое разсужденіе, хорошей вкусъ, знаніе свойствъ Русскаго языка и правилъ грамматическихъ, и наконецъ истинное о вещахъ понятіе... Кто пишетъ не имѣвши дарованій и способностей составляющихъ хорошаго писателя, тотъ не писатель, но бумагомаратель... По несчастію нашему, у насъ много такихъ писцовъ, которые пишутъ все, что съ ними не повстрѣчается, хватаются за все, начинаютъ, и никогда не оканчиваютъ... [1]—Издатель „Пустомели" извѣщая читателя о томъ, что сдѣлался сочинителемъ, говоритъ ему относительно утаеннаго имени своего: „Можетъ быть, захочешь ты прежде всево узнать мое имя, однакожъ не жди, чтобъ я тебя объ ономъ увѣдомилъ... Вы часто о сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣкоторые изъ васъ, и не читавши, по одному только слуху дѣлаютъ неправильныя заключенія; и такъ польза моя требуетъ, чтобы я имя свое утаилъ. Не знавши онаго, какъ скоро прочтешь ты десять строкъ моего сочиненія, то навѣрное заключишь, что я писатель не третьей статьи; можетъ быть подумаешь, что я человѣкъ знатной, слѣдовательно критиковать не осмѣлишься..." [2] Далѣе онъ обращаясь къ писателямъ-невѣждамъ предписываетъ слѣдующій образъ дѣйствій относительно читателей, предлагая первымъ вмѣстѣ съ тѣмъ средство, къ восторжествованію надъ извѣстными уже литераторами завистниками своими, и къ овладѣнію цѣлымъ Парнассомъ: „Пускай, говоритъ онъ съ иропіею, „завистники изъ всей силы кричать будутъ, что твое сочиненіе вздоръ... пусть бѣдные писатели со слезами просятъ, чтобъ ихъ изъ милосердія не критиковали, и пусть испрашиваютъ они у читателей благосклоннаго принятія трудовъ своихъ; тебя не такая ожидаетъ участь; и для того поступай съ читателями отмѣнно. Прими на себя

---

[1] Пустом. стр. 5—8.—[2] Тамъ же, стр. 11—12.

важной видъ, подобной тѣмъ Авторамъ, которые не больше десяти строкъ написавъ, отнимаютъ первенство у всѣхъ прежде ихъ прославившихся творцовъ. Съ первой строки приведи читателей своихъ въ удивленіе, и не давъ имъ опомниться.. повелѣвай ими по своему желанію, приказывай имъ бѣгать во слѣдъ за парящимъ твоимъ разумомъ. Ежели самъ начнешь уставать, то поймай Пегаса, и сѣдши на него, разъѣзжай по своему желанію; мучь его сколько угодно, онъ будетъ тебѣ покоренъ. Но ежели паче чаянія онъ попротивится, и тебя не пуститъ сѣсть, только этому быть не можно. Когда всѣ несмысленные риѳмотворцы сего бѣдняка мучатъ, то какъ онъ осмѣлится противиться тебѣ?... Забудь, что не умѣешь ты ни одного сплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правилъ стихотворства? Пиши прозу, и научись только прибирать риѳмы, ты и тѣмъ себя прославить можешь. Многіе въ стихотворствѣ не больше твоего знанія имѣютъ, но со всѣмъ тѣмъ пишутъ трагедіи, оды, элегіи, поэмы и все, что имъ вздумается; Поймай Пегаса за гриву, оборви крылья, сядь насильно и поѣзжай прямо на Парнассъ... Аполлона за худое управленіе накажи, опредѣли его парнасскимъ коммиссаромъ у пріему всѣхъ сочиненій новыхъ твоихъ стихотворцевъ... самъ сядь на его мѣсто, возьми лиру и греми по своему желанію; что нужды—складно или нѣтъ; удивляться конечно будутъ".—Съ цѣлью осмѣять плохой переводъ „Энеиды" Василья Санковскаго [1]. современныя трагедіи и переводныя комедіи Владимира Лукина [2], издатель „Пустомели" распредѣляетъ музамъ новыя должности и одѣваетъ ихъ въ характерные костюмы: „Плаксивую Мельпомену", говоритъ онъ, одѣнь въ платье изъ трагическихъ листовъ; въ одну руку дай ей чернилицу съ перомъ вмѣсто кинжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и безпрестанно кричать: ахъ, увы, погибло все!—Талію—о! эту насмѣшницу надобно хорошенько помучить; до сего времени она всѣхъ осмѣивала, но ты сдѣлай такъ, чтобы всѣ на нее глядя смѣялись. Платье сшей ей гаерское, въ руку вмѣсто маски, дай ей вызолоченый пузырь съ горохомъ и заставь читать Л*** (Лукина) комедіи, которыхъ она терпѣть не можетъ, и которыя ее конечно измучатъ. Калліопу, сдѣлай приворотникомъ; украшенія всѣ

[1] Журналы 1769 и 1770 годовъ, болѣе всего вооружались противъ дурныхъ переводовъ, искажавшихъ не только красоту формы, но часто и смыслъ подлинника. Русск. Сатирич. Журналы стр. 80.—[2] Противъ переводовъ Лукина, единогласно возставали сатирическія изданія: „Всячина", „Смѣсь", „Трутень", „Адская Почта", и Пустомеля". Тамъ же, стр. 83.

съ нея оборви, она ихъ нынѣ недостойна; епическіе стихи вырви изъ рукъ ея и брось; вмѣсто трубы дай ей рожокъ и прикажи наигрывать повѣсти о троянскихъ витязяхъ. Естьлижъ захочешь ты отвратить посѣщенія, которыя тебѣ, какъ новому воеводѣ прочими богами сдѣлаются, то прикажи ей читать одну изъ новыхъ піесъ; она конечно всѣхъ гостей рыганьемъ своимъ отгонитъ [1]; ибо съ нѣкотораго времени Каліопа стала весьма обжорлива". Раздавъ и прочимъ музамъ соотвѣтственныя занятія, издатель „Пустомели" продолжаетъ свои совѣты: „славныхъ авторовъ сдѣлай разнощиками; прикажи имъ по всѣмъ мѣстамъ продавать свои сочиненія и выхвалять ихъ сколько возможно больше: имъ къ етому уже не привыкать.... Виргилію, наклавши полной мѣшокъ нелѣпыхъ изрѣченій, прикажи ходить по рынку, и продавать ихъ повольною цѣною..." Досталось отъ „Пустомели" и Чулкову въ совѣтѣ назвать Пегаса „щепетильникомъ" и приказать ему продавать по деревнямъ „билетцы, эпиграммы, загадки, эпитафіи, пѣсенки и прочія мелочныя стихотворенья, ца...· [2]" Въ концѣ своей критико-сатирической статьи, предусмотрительный издатель „Пустомели" напоминаетъ о томъ, что умолчалъ въ предисловіи своемъ о направленіи и цѣли издаваемаго имъ журнала, по что поступилъ такъ изъ боязни обѣщать море, вмѣсто котораго послѣ не вылилась бы лужа.

За тѣмъ, подъ № 2, слѣдуетъ статья подъ названіемъ „Историческое Приключеніе", состоящее изъ неоконченной повѣсти, хотя окончаніе ея и обѣщано въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; дѣйствующія въ ней лица носятъ имена: „Доброправа, Добросерда, „Миловиды" и Осторожны". Намѣреніе автора настоящаго разказа было доказать, что люди часто впадаютъ въ пороки по одному добросердечію, но среди самыхъ преступленій, праводушіе ихъ сіяетъ и великость духа сказывается [3]. Въ этой повѣсти встрѣчается любопытное свидѣтельство о театральныхъ пьесахъ того времени, появлявшихся чаще другихъ на сценѣ; и это были: „Привидѣніе съ барабаномъ" [4], „Новопріѣзжіе" [5]; комедіи Мольера: „Скапиновы обманы", „Лѣкарь по неволѣ", „Жоржъ Дандинъ", „Мнимый рогатый", „Принужденная женидьба", и по выраженію „Пустомели", подобныя симъ смѣшныя комедіи... [6]" Если съ статьѣ и встрѣчаются нѣкоторые намеки на модные нравы,

---

[1] Намекъ на помѣщенную въ „Трутнѣ" эпиграмму на переводчика Энеиды, который употребилъ эго выраженіе.—[2] Пустом. стр. 17—19.—[3] Пустом. стр. 23.—[4] Переводъ Нартова.—[5] Соч. Легранда, переводъ А. Волкова. м. 1759 г.—[6] Пустом. 32—33.

то попытка на сатиру оказывается въ нихъ весьма слаба. Въ „Пустомелѣ", по примѣру другихъ сатирическихъ журналовъ 1769 года, помѣщены также „Вѣдомости" со статьями политическаго содержанія, написанными съ нѣкоторою живостью; въ нихъ заключаются насмѣшливые отзывы о Туркахъ и Французахъ, по поводу войны Россіи съ Портою; онѣ любопытны, какъ отголосокъ тогдашняго общаго мнѣнія. Такъ на примѣръ выставляется храбрость русскаго солдата и трусость турецкаго: Слово, „Россійскій солдатъ", наихрабрѣйшаго турка приводитъ въ трепетъ, а въ арміи никто больше остаться не хочетъ. Янычары до сего времени, для полученія золота, во всякую опасность ввергавшіеся, нынѣ оное презираютъ... Повсюду говорятъ о паденіи Турецкой монархіи; народъ во отчаяніи бродитъ по улицамъ и вопіетъ: проснись Магомедъ, мы всѣ погибаемъ; по совсѣмъ не извѣстно, гдѣ онъ теперь, и что о народѣ своемъ помышляетъ.."—„Интереснѣе—„Тайныя серальскія извѣстія"; извѣщается, „что на мѣсто стараго выбранъ новый муфти, который меньше прежняго къ войнѣ имѣетъ склонности. Онъ собравши всѣхъ толкователей алкорана предложилъ имъ для рѣшенія претрудную задачу, а именно: отчего русскіе солдаты несравненно превосходятъ храбростью турокъ? Толкователи пришли отъ сего вопроса въ недоумѣніе; они очень долго потѣли, приискивая приличное сему въ алкоранѣ; но наконецъ заключили, что храбрость сія и неустрашимость происходятъ отъ завиванія и пудрéнія волосовъ. Муфти предложилъ сіе султану, и давалъ свое разрѣшеніе, чтобы всѣмъ янычарамъ обрить бороды и завивать волосы. Султанъ приказалъ немедленно требовать у министра нѣкоторой доброжелательной намъ державы (Франціи), чтобы онъ для турецкой арміи выписалъ парикмахеровъ, пудры и помады; рѣшеніе сіе произвело въ сералѣ ободреніе, тѣмъ паче, что по сіе время ядры, пули и сабли намъ не помогали... впрочемъ сіе почитаютъ вдохновеніемъ пророка Магомета, почему и великую на сіе полагаютъ надежду..." Къ этому извѣстію присоединено другое „Изъ нѣкотораго Европейскаго города (Парижа): „Дружелюбіе нашего двора съ Оттоманскою Портою всему свѣту извѣстно... естьли бы были мы посильнѣе и побогатѣе, то давно бы знаки онаго свѣтъ увидѣлъ; но мы находимся въ такомъ состояніи, что и въ своихъ нуждахъ на наши руки надѣемся мало, а обороняемся всегда головами. Впрочемъ, по требованію Порты, набираются у насъ по всѣмъ мѣстамъ парикмахеры и заготовляется безчисленное множество пудры и помады, что въ скоромъ времени къ блистательной Портѣ и отправится. Вспоможеніе сіе не малой важ-

ности; ибо всѣ жители нашего города не безпричинно опасаются, чтобы не ходить имъ съ незавитыми и непудренными волосами до того времени, пока заведутся новые парикмахеры... Поговариваютъ, что министерство наше вознамѣрилось къ Портѣ отправить нѣсколько тысячъ книгъ о парикмахерскомъ искусствѣ [1].—Въ извѣстіи „Изъ Москвы“ находимъ любопытныя замѣчанія объ игрѣ знаменитаго въ то время актера Дмитревскаго, и о томъ восторгѣ, въ который помянутый артистъ приводилъ современниковъ; помѣщаемъ здѣсь эту статейку вполнѣ: „Г. Д.., актеръ придворнаго Россійскаго театра, пріѣхавъ къ намъ, столько надѣлалъ шуму, что во всемъ городѣ только и разговоровъ что о немъ; и подлинно, московскіе жители увидѣли въ немъ славнаго актера. Онъ игралъ въ Семирѣ Оскольда, и всѣхъ зрителей плѣнилъ. Въ Евгеніи, комедіи графа Кларандона, искусство, съ какимъ онъ сей роль представлялъ, принудило зрителей оную комедію просить еще три раза, въ чемъ они были удовольствованы, и въ каждое представленіе въ новое приходили восхищеніе; казалось будто искуство Г. Д., по степенямъ еще больше возрастало. Надобно отдать справедливую похвалу и г. переводчику сей комедіи; ибо онъ всѣ красоты находящіяся въ подлинникѣ сохранилъ и на Россійскомъ языкѣ. Г. Д... игралъ еще Вышеслава и Ревниваго, съ равномѣрною же отъ всѣхъ похвалою; а еще ожидаютъ представленія Хорева и Беверлея. Зрители собирались въ театръ въ такомъ множествѣ, что многіе по причинѣ великой тѣсноты не могли получать билетовъ, естьли хотя мало опаздывали. Наконецъ должно сіе заключить тѣмъ, что Г. Д.... московскихъ жителей удивилъ, привелъ въ восхищеніе, и заставилъ о себѣ говорить по малой мѣрѣ два мѣсяца.“ [2]—Въ заключеніе перваго, іюньскаго выпуска „Пустомели“, издатель его обращается къ „Читателю“, предлагая ему для разрѣшенія четыре загадки сатирическаго содержанія, такъ какъ послѣдній, по замѣчанію издателя, не оставилъ ни одной изъ древнихъ загадокъ напечатанныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи „Щепетильникъ“, безъ особеннаго старанія ихъ отгадать; предлагаемыя въ „Пустомелѣ“, относятся къ новѣйшимъ: Читателю предоставляется отгадать участь ожидающую „Ласкателя, Взяткохвата, Вертопраха и Розиню.

Второй выпускъ „Пустомели“ (мѣсяцъ іюль) посвященъ Никитѣ Акинфіевичу Демидову (имя и фамилія съ опущеніемъ гласныхъ) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Посвящая сей мѣсяцъ моего труда имени

---

[1] Пустом. стр. 43—49.

[2] Пустом. стр. 49—51.

вашего Высокородія, намѣреніе мое весьма далеко отстоитъ отъ ласкательства и прибытка подлымъ только душамъ свойственнаго; но основывается оно на искреннемъ почтеніи ко многимъ похвальнымъ вашимъ свойствамъ; ко свойствамъ составляющимъ истиннаго христіанина и честнаго человѣка, приносящаго пользу обществу. Нѣтъ сомнѣнія, что добросердечіе есть основаніемъ всѣмъ душевнымъ добродѣтелямъ, а вы одарены имъ въ наивысочайшемъ степенѣ; отъ него-то произтѣкаютъ похвальныя ваши дѣйствія, дѣлающія честь человѣку, а не отъ ложнаго мнѣнія, основаннаго на хитрости уловлять человѣческія сердца щедростію, какъ дѣлаютъ нѣкоторые тщеславныя люди; и не отъ вашего богатства, потому что есть люди богатствомъ васъ превышающія; но они душевными свойствами передъ вами толико бѣдны, колико богатя стяжаніемъ. На мѣсто добросердечія вашего, сердца ихъ наполнены зависiю и алчбою къ неправедному прибытку и хищенію послѣдняго бѣдныхъ стяжанія. Они столько дѣлаютъ вреда обществу, колико дѣлаете вы пользы; тѣ, за малое у подобныхъ себѣ похищаютъ свободу, а вы великія раздаете суммы къ ихъ искупленію. Не я ето говорю, а повсемѣстно взываютъ искупленныя вами отъ поноснаго ига неволи, нѣсколько лѣтъ во оной содержащіяся; и которыя свободою своею и тою пользою, которую они обществу приносить будутъ своими трудами, одолжены вашему добросердечію. Вопіютъ тѣ юноши, которыя по причинѣ ихъ бѣдности лишены были толико нужнаго человѣчеству и полезнаго обществу воспитанія, но по щастію содержатся и воспитываются вашимъ иждивеніемъ; говорятъ тѣ бѣдныя, которыя пользуются вашими благодѣяніями; и наконецъ прославляютъ ваши друзья, которымъ вы, въ противность обычая нашего времени, оказываете не словесныя и ложныя, но истинныя знаки дружества.

Вотъ что дѣлаетъ честь вашему имени, славу роду и пользу обществу! Сіе то самое и было основаніемъ моего къ вамъ почтенія, а приношеніе сего маловажнаго труда моего, есть онаго жертва. Я еще скажу, что ни лесть, ни подлой прибытокъ въ семъ моемъ дѣйствіи ни малаго не имѣютъ участія, по тому что я вами совсѣмъ не извѣстенъ, и уповаю, что вы никогда не узнаете того, которой имѣя къ вамъ почтеніе, останется навсегда.... Подпись, какъ и въ первомъ посвященіи состоитъ изъ буквъ С. П.—Подъ № 5-мъ помѣщено: „Завѣщаніе Юнджена, Китайскаго хана къ его сыну (1735 г.), въ которомъ первый, обращаясь къ Ванамъ и Амбанамъ (принцамъ и вельможамъ), препоручаетъ возвести послѣ себя на престолъ избраннаго имъ наслѣдника, сына своего Хунъ-ли, причемъ свидѣтельству-

етъ о похвальныхъ качествахъ, которыми одарила его природа. „О грозныхъ моихъ указахъ", завѣщаетъ Ханъ вельможамъ своимъ, „разумѣйте то, что выданы оныя на искорененіе мздоимцевъ, хищниковъ, грабителей, льстецовъ и всякихъ въ обществѣ нетерпимыхъ людей, ради поправленія народныхъ обычаевъ и ради удержанія начальниковъ и властителей въ ихъ должности.... Я видѣлъ что нравы людскіе совсѣмъ испортились, что статскіе судьи стали мздопріимны и лакомы, что ввели то въ обычай непостыдной, коего казалось имъ, и во вѣкъ отмѣнять не надлежало".... О прежнихъ Колихапцахъ джурганскихъ и ямунскихъ (Регламенты коллежскіе и канцелярскіе), ханъ говоритъ, что найдя ихъ неисправными и неправедными, счелъ нужнымъ съ верховными своими вельможами передѣлать многія главы, изъ которыхъ усилилъ строгость иныхъ, и облегчилъ ее въ другихъ. Далѣе онъ проситъ благоразумныхъ и добродѣтельныхъ вельможъ своихъ хранить вѣрность, праводушіе, и помогать его наслѣднику совѣтами въ управленіи государствомъ. Сыну своему Хунъ-ли, преподаетъ наставленія къ славному и благополучному царствованію, и наконецъ дѣлаетъ умственную и нравственную оцѣнку всѣмъ остающимся послѣ него, называя каждаго изъ нихъ по имени вельможамъ, начиная старшимъ принцемъ.[1]—Въ слѣдующемъ № 6-мъ, издатель „Пустомели" признаетъ, что „самое негодное дѣло быть авторомъ ежемѣсячныхъ или еженедѣльныхъ сочиненій, дѣлая однако оговорку, что слова его не касаются тѣхъ почтенныхъ авторовъ, которые за свои сочиненія заслужили вѣчную похвалу; но о марателяхъ, которые по пословицѣ: „неучась грамотѣ, становятся попами"[2]. „Ежели посмотрѣть", говоритъ онъ, на молодыхъ нынѣшнихъ писцовъ, то подумать можно, что труднѣе быть посредственнымъ сапожникомъ, нежели авторомъ; всѣ обучаются тому ремеслу, въ которомъ хотятъ упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы, почитаютъ за стыдъ. Сими-то примѣрами по нещастію завлеченъ я въ неисходимой авторства ровъ...."— Описывая то горестное состояніе духа, въ которомъ находился въ началѣ своего журнальнаго поприща, издатель „Пустомели", разсказываетъ о разнорѣчивыхъ толкахъ, похвалахъ и порицаніяхъ, предметомъ которыхъ сдѣлался его журналъ. „Тутъ то, по его словамъ, онъ узналъ, „что не всякой можетъ быть хорошимъ писателемъ, кто только писать имѣетъ охоту.... надобно быть или

---

[1] Пустом. стр. 65.—[2] Можно полагать, что это относится къ издателю Поденьщины, Тузову, сказавшему о себѣ, что сдѣлался писателемъ, какъ ставятся попы у раскольниковъ.

хорошимъ писателемъ, и быть изъ зависти поминутно критикованну; или скверннымъ, и быть посмѣшищемъ всего города, слыть ругателемъ или дуракомъ. Вотъ два награжденія, которыя авторы получаютъ за свои труды. Я бѣсился, рвалъ бумагу, ломалъ перья, проклиналъ ту нещастную минуту, въ которую въ перьвой разъ написалъ: Пустомеля...“ Здѣсь издатель повторяетъ нелестный отзывъ свой о произведеніяхъ Лукина, и говоритъ читателю, что если послѣднему случалось быть въ бесѣдѣ съ Пустомелею, который безпрестанно болтаетъ, а самъ никого не слушаетъ, или... наконецъ съ стихотворцемъ, равняющимся съ славными русскими писателями и говорящихъ только о „чищеніи“ россійскаго языка, похвалу себѣ и хулу другимъ, и которое чищеніе разумные люди называютъ порчею россійскаго, безъ порчи прекраснаго парѣчія; и такъ, если читателю пришлось съ помянутыми людьми бывать, то привелось и узнать, насколько они несносны; „таковъ то несносенъ былъ я самъ себѣ, или еще столько, сколько несносны Таліи Л..., комедіи“ [1], заключаетъ издатель.

Въ томъ же іюльскомъ выпускѣ журнала напечатано, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ первый разъ Фонвизинское „Посланіе къ слугамъ моимъ“; помянутое мнѣніе не лишено основанія, судя по слѣдующей любопытной для насъ замѣткѣ, помѣщенной при этомъ стихотвореніи подъ № 8-мъ: „Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени Автора сего посланія; перо писавшее сіе, Россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки, довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненіи носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, если обстоятельствы автору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многія ожидаютъ увидѣть въ немъ Россійскаго Боало. Его Комедія *** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшаго и Моліеръ во Франціи, своимъ комедіямъ не видалъ припятія и не желалъ; но я умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго“ [2].—Во второмъ выпускѣ „Пустомели“, также какъ и въ первомъ, помѣщены „Вѣдомости“, гдѣ въ „извѣстіяхъ изъ Константинополя, служащихъ продолженіемъ предъ-

[1] Пустом. стр. 90—91.—[2] Тамъ же стр. 104—105.

идущихъ, объявлено: „Почти никакова не видимъ мы средства къ нашему избавленію; ужь и парикмахеры намъ не помогаютъ!.. Недавно предложенный муфтіемъ способъ никакова не имѣлъ успѣха... Онъ, видя безполезность своего намѣренія, всѣхъ присланныхъ къ намъ отъ доброжелательной намъ державы парикмахеровъ, приказалъ употребить къ строенію флота; неизвѣстно, какой и отъ сего успѣхъ будетъ; ибо весьма сомнительно, чтобы народъ пріобыкшій къ чесанію, завиванію и пудренію волосъ и къ новымъ модамъ, въ состояніи былъ сдѣлать преграду непобѣдимому россійскому флоту. Въ слѣдующемъ извѣстіи: „отъ тудажъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ", сообщается, между прочимъ, что „нѣкто на сихъ дняхъ подалъ султану выдумку о наборѣ войскъ въ сераляхъ, которая, какъ сказываютъ, и утверждена..." [1]— Въ извѣстіяхъ изъ С. Петербурга издатель „Пустомели" сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о игрѣ Дмитревскаго, о которомъ уже говорилъ въ іюньскомъ выпускѣ; и въ извѣстіяхъ „Изъ Москвы" о артисткѣ Троепольской; приводимъ и эту статейку вполнѣ: „Недавно здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ, представлена была Синавъ и Труворъ—трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія играна была по переправленному вновь г. авторомъ подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго автора сочиненій; они такъ хороши, что кто только ихъ читалъ, и кто имѣетъ разумъ, тѣ всѣ, отдавая справедливую похвалу, удивляются... Чтожъ касается до актеровъ представлявшихъ его трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. Дмитревскій и г-жа Троепольская привели зрителей въ удивленіе. Нынѣ ужъ въ Петербургѣ неудивительны ни Гарики, ни Лекены, ни Гессенши. Пріѣзжающіе вновь французскіе актеры и актрисы то подтверждаютъ". Здѣсь авторъ „Пустомели" обращаетъ вниманіе на слабость и пристрастіе къ французамъ и упоминаетъ объ одномъ господинѣ-галломанѣ, который во время представленія трагедіи, когда Дмитревскій и Троепольская восхищали публику своимъ искусствомъ, вздыхаючи сказалъ: „жаль, что они не французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ". Черезъ нѣсколько дней при представленіи французской пьесы, тотъ же господинъ не могъ воздержать ни черезмѣрной радости и восхищенія, ни черезмѣрнаго, смѣшнаго своего пристрастія; своею неумѣстною и нелѣпою похвалою французскимъ актерамъ онъ смѣшилъ публику болѣе чѣмъ та смѣшная пьеса, которая шла на сценѣ [2].

---

[1] Пустом. стр. 106—108.—[2] Тамъ же стр. 109—110.

Въ концѣ „Пустомели", подъ № 10-мъ, помѣщена: „Епиграмма Г. Кондратовича къ Г. Издателю Трутня", сочиненная по поводу напечатаннаго въ Трутнѣ 1769 года (стр. 48), объявленія о воеводѣ продающемъ свою совѣсть. Неизвѣстно на кого означенная эпиграмма направлена; она написана слѣдующими тяжелыми виршами, напоминающими собою отчасти стихъ Кантемира:

«Что ты Трутень напечаталъ? будто Воевода
Совѣсть продаетъ, что лёгша есть въ пути выгода?
Здѣсь онъ! и ужь не поѣдетъ, съ воеводства бывъ смѣненъ;
Ибо бывшій подъ командой, каждый онымъ огорченъ;
Есть указъ о Воеводахъ, не смѣнятъ; естьли міръ проситъ;
Міромъ же сей былъ не прошенъ; и смѣненъ; здѣсь вѣсти поситъ
За добро вѣтъ не смѣняютъ; начудесилъ знатно онъ;
Будетъ вѣкъ безъ воеводства, хоть всѣмъ отдаетъ поклонъ [1].

„Пустомеля", по чрезвычайной рѣдкости своей, вполнѣ перепечатанъ А. Афанасьевымъ, подъ заглавіемъ: „Пустомеля, Сатирическій Журналъ 1770. Изданіе А. Аѳанасьева. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго 1858. 16°. 112 нум. стр.—На оборотѣ заглавнаго листа, примѣчаніе издателя: „Пустомеля" издавался въ Спб., въ 16 долю листа; продолжался всего два мѣсяца. Журналъ этотъ весьма рѣдокъ; извѣстенъ только экземпляръ, принадлежащій С. Д. Полторацкому, которымъ мы и воспользовались для настоящаго изданія. Другой экземпляръ, какъ слышно, недавно былъ проданъ въ С.-Петербургѣ. А. А.

№ 109. Ядро Россійской Исторіи, сочиненное ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ, **Князь Андреемъ Яковлевичемъ Хилковымъ,** въ пользу россійской исторіи краткое понятіе имѣть желающихъ въ печать изданное, съ **Предисловіемъ** о сочинителѣ сей книги, и о фамиліи князей **Хилковыхъ.**—Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, иждивеніемъ книгопродавца и Университетскаго Переплетчика Христіана Ридигера, 1770 года. 8°. —14 ненум. (предисловіе), 392 нум., и 8 ненум. стр. (оглавленіе).

Сопик. Ч. 5. № 12767.—Катал. П. Демидова 1806. стр. 221.—Всеобщ. Библіот. Россіи Чертк. 1838. Ч. I. Отд. 1. стр. 3. № 12.—Геннади, Справочн. Сло-

---

[1] Перепечатана въ Трутнѣ, изд. 3-е П. А. Ефремова. Прим. къ 1769 г. Стр. 336—337.

варь, т. II стр. 288 и 319.—Бакмейстера Russ. Bibliothek. 1. Band. s. 78—87.—Новиков. Опыт. Словаря. стр 240.—Бант. Каменск. Словарь достоп. людей 1836. Ч. 5. стр. 235.—Митр. Евген. Словарь 1845. т. II. стр. 75. № 8, и стр. 238.—Пекарскій, Истор. Акад. Наукъ т. 1. стр. 420—421.

Въ началѣ книги находится предисловіе издателя ея, Герарда Фридриха Мюллера, изъ котораго приводимъ здѣсь то, что относится непосредственно къ настоящему сочиненію; онъ приписываетъ его князю Андрею Яковлевичу Хилкову, посланному въ 1700 году резидентомъ въ Швецію, гдѣ вслѣдствіе политическихъ событій, онъ былъ арестованъ, и окончательнымъ мѣстомъ его заключенія, былъ городъ Вестерасъ. „Въ этомъ заключеніи", говоритъ Мюллеръ, „сочинилъ князь Хилковъ предложенную книгу „Ядро Россійской исторіи", какъ онъ самъ при окончаніи оной объявляетъ, а окончилъ оную въ 1715 году, о чемъ свидѣтельствуетъ приношеніе его на имя Петра Великаго, писанное въ Вестерасѣ, апрѣля 7 дня тогожъ году. Сіе приношеніе находится рѣдко при которомъ спискѣ. Оное было сочинено темно и нескладно, или частымъ переписываніемъ испорчено, чего ради не разсудилось, опое здѣсь повторять.

Одно обстоятельство изъ сего приношенія привесть достойно. Пишетъ Князь Хилковъ что имѣлъ на сей трудъ повелѣніе; а особливо, чтобъ описать славныя дѣла его Царскаго Величества, и надъ непріятелями побѣдъ его великолѣпіе. Сіе повелѣніе, кажется, разумѣть должно о знатнѣйшихъ его въ полону сотоварищахъ, князѣ Иванѣ Юрьевичѣ Трубецкомъ и о прочихъ, которые по видимому его почтили за способнѣйшаго къ исполненію сего, а можетъ быть его и снабдили потребными на то Россійскими лѣтописцами, да розрядными и родословными списками, сверьхъ тѣхъ, которые чаятельно князь Хилковъ самъ привезъ изъ Москвы.... По книгѣ самой явствуетъ, что о произшествіяхъ древнихъ временъ, довольно было у сочинителя извѣстій; но о томъ, что до новѣйшихъ временъ надлежитъ, примѣчаемы недостатки, въ чемъ сочинитель и самъ признаётся, и при концѣ объявляетъ, что для сей причины перо покинуть принужденъ былъ.

Но когда чего изъ россійскихъ подлинныхъ доказательствъ ему не доставало, не могъ ли онъ, по знанію своему иностранныхъ языковъ, оное изъ иностранныхъ писателей дополнить? Правда, что князь Хилковъ иное и взялъ изъ иностранныхъ, что въ россійскихъ извѣстіяхъ находится вѣрнѣе; отъ чего и произошли у него нѣкоторыя въ исторіи и лѣтосчисленіи ошибки, о чемъ много уже и упомянуто въ предисловіи къ Новѣйшей Россійской Исторіи, напечатанной 1761 году

въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ: но чѣмъ сіи ошибки казались важнѣе, тѣмъ тщательнѣе мною и исправлены.

Исправилъ я всю книгу и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явились отъ переписчиковъ неискусныхъ описки, какъ то почти всегда такіе списки множествомъ описокъ наполнены бываютъ, которые при каждомъ списываніи болѣе умножаются.... Сіе исправленіе учинилъ я по тремъ спискамъ, и тѣмъ прямое сочинителево писаніе утвердилъ, уповаю, безспорно.

До слога нѣсколько престарѣлаго и до правописанія сочинителева касаться не хотѣлось. И такъ, гдѣ онъ писалъ Русь, Рускіе, то такъ и напечатано, хотя по нынешнему обыкновенію предпочитается писать Россія и Россійской. Признаться должно, что всѣ древнія рукописныя книги въ семъ съ княземъ Хилковымъ согласны, а новое правописаніе тогда токмо началося, когда Россію отъ Россѣянія, слѣдуя иностраннымъ писателямъ, неправильно производить стали.

По другой причинѣ оставилъ я въ своей силѣ неосновательное сочинителево мнѣніе, якобы великій князь Рюрикъ произошелъ отъ крови Кесаря Августа. Чтобъ сіе производство доказать, надлежало было имѣть другихъ свидѣтелей, нежели сочиненную во время государя царя Іоанна Васильевича, митрополитомъ Макаріемъ Степенную книгу. Прежде оной ни въ какихъ россійскихъ писателяхъ, ни малѣйшаго упоминанія о томъ не находимъ. Польскіе же и литовскіе писатели, литовскимъ великимъ князьямъ для прибавленія славы такое же неосновательное родословіе приписывали, что можетъ быть побудило россійскихъ, своимъ древнимъ великимъ князьямъ, равную честь придать, и пріискать Прусса, Кесаря Августа брата, коего не было, который якобы поселился въ Пруссіи, и былъ праотцемъ Рюрика, произшедшаго будто отъ него въ четвертомъ на десять колѣнѣ. Прибавили бы число колѣнъ, естьли бы знали, что по исторіи обыкновенно три, а иногда и четыре колѣна на-сто лѣтъ для исправленія лѣтосчисленія полагаютъ. Но не смотря на доводы противные сему мнѣнію, почитаемо оно бываетъ и въ наше время отъ нѣкоторыхъ, мнящихъ чрезъ то украсить свою исторію. Одинъ по краснорѣчію и стихотворству славной писатель, говоря о семъ производствѣ, заключаетъ: вѣроятности отрещись не хочу; достовѣрности не вижу. Какая то вѣроятность, когда ни по которымъ историкамъ не явствуетъ, чтобъ какіе князи отъ крови древнихъ Кесарей произшедшіе, въ Пруссію переселились; оное другимъ разсуждать оставляю".—Остальная часть предисловія содержитъ въ себѣ родословіе князей Хилковыхъ, составленное Мюллеромъ по находившимся у него рукописямъ, причемъ

онъ говоритъ, что помимо обыкновенныхъ родословныхъ и розрядныхъ росписей, пользовался также собраніемъ домашнихъ записокъ для поминовенія умершихъ предковъ, такъ какъ въ первыхъ обозначены иногда годъ ихъ кончины, лѣта и имена ихъ супругъ; прочее же дополнено Мюллеромъ по изустнымъ преданіямъ. „Предвидится, что сія книга", говоритъ въ заключеніе Мюллеръ, „для множества охотниковъ на оную, въ недолгомъ времени требовать будетъ новаго изданія. Тогда оставшіяся въ ней по нынешней скорости погрѣшенія поправлены быть могутъ, съ пріобщеніемъ реестра матеріямъ по алфавиту, безъ коего историческія книги совершенной въ читателяхъ пользы не производятъ. Надлежитъ ли тогда и слогъ старинной перемѣнить на нынѣшней, дополнить ли являющіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по исторіи недостатки, и прибавить ли до нашего времени, или по крайней мѣрѣ по кончину Петра Великаго, продолженіе? Оное оставляется дальнѣйшему разсужденію. Многіе, можетъ быть, скажутъ, что оставить должно сочиненіе князя Хилкова, каково оно есть, и сіе не будетъ препятствовать другимъ, сообщать свѣту таковыя же о россійской исторіи краткія или пополнительныя сочиненія".

Считаемъ умѣстнымъ привесть отзывъ Мюллера о „Ядрѣ Россійской Исторіи", напечатанный имъ до изданія этого сочиненія, и помѣщенный въ журналѣ „Ежемѣсячныя Сочиненія" подъ заглавіемъ: „Опытъ новѣйшей Исторіи о Россіи", въ которомъ часто ссылается на „Ядро", существовавшее еще въ рукописи. Приписывая его князю А. Я. Хилкову, исторіографъ говоритъ: „плѣнъ въ которомъ находился князь, познакомилъ его почти больше съ иностранными, нежели съ россійскими писателями, и того ради, онъ первымъ иногда больше послѣдовалъ, не зная того, что изъ послѣднихъ явствуетъ тому противное. Онъ по большей части пользовался Петреемъ, который хотя и есть исправнѣйшій и вѣрнѣйшій писатель, бывшій нѣсколько разъ въ Россіи во время внутреннихъ безпокойствій, но сіе не освобождаетъ его отъ погрѣшностей. Еслибъ сочинитель „Ядра", могъ сихъ погрѣшностей избѣгать, или оныя въ сочиненіи исправить, то бы книга его была очень хороша для взятія изъ нея первыхъ знаній о россійской исторіи" [1].

Увѣренность въ томъ, что сочиненіе „Ядра" принадлежитъ князю Хилкову, была общею между писателями, въ числѣ которыхъ можно указать и на Новикова, помѣстившаго въ своемъ „Опытѣ Словаря

---

[1] Сочиненія и Переводы къ пользѣ и увеселенію служащія. Т. I. Генварь 1761. стр. 13.

о Россійскихъ писателяхъ, изданномъ въ 1772 году при краткой біографіи князя Хилкова, слѣдующіе похвальные стихи, какъ самому ему, такъ и приписываемой ему книгѣ:

Сіяющихъ отцевъ блистательнѣйшій плодъ,
Хилковъ разумный Князь! начертавая намъ
Ты славны подвиги Россійскаго народа,
Исторгнуть изо тмы Героевъ Росскихъ родъ,
Простеръ ихъ славу дѣлъ ко чуждымъ небесамъ,
Да вѣдаетъ объ нихъ весь міръ и вся природа
Да будетъ вѣдомо и позднымъ временамъ,
Да всюду древняя Россія будетъ чтима,
Да новая цвѣтетъ краснѣй Аѳинъ и Рима:
Но прославляя ихъ, прославился ты самъ,
И будетъ здѣсь твоя потоль гремѣти слава,
Поколѣ простоитъ Россійская держава [1].

Однако со временемъ обратили вниманіе на то, что въ старѣйшихъ спискахъ „Ядра“, подъ помѣщеннымъ въ началѣ посвященіемъ его Петру Великому, поставлены буквы А. М.; что подало поводъ думать, что сочиненіе принадлежитъ не князю Хилкову, но служившему при немъ секретарю или переводчику; такое извѣстіе находится въ „Словаряхъ достопамятныхъ русск. людей Бантышъ-Каменскаго [2] и митрополита Евгенія [3]; кромѣ того, послѣдній, въ подтвержденіе высказаннаго мнѣнія, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ рукописнаго посвященія, опущеннаго Мюллеромъ въ печатномъ изданіи: „Вашего Царскаго Величества всюду пространно и высокославимое имя, дало мнѣ вину, дабы дерзнуть сей убогій мой трудъ, въ которомъ Исторія Россійская, какъ кратчайше можно было, собрана, Вашему Величеству восписать; а особно повелѣло мнѣ то, славныхъ Вашего Царскаго Величества дѣлъ, и надъ непріятелями побѣдъ великолѣпіе...“ Упоминая о книгѣ своей, авторъ называетъ ее „убогимъ своимъ дѣльцемъ, и бѣднѣйшимъ трудомъ“. Вышеномянутое мнѣніе подтвердилось спискомъ „Ядра“, находившимся въ собраніи рукописей графа Толстова, по которому оказалось, что буквы А. М. означаютъ А. Манкіева [4], котораго Востоковъ въ „Описаніи Румянцовскаго музея“ (стр. 391

[1] „Опытъ Словаря“ Новикова, стр. 240.
[2] Ч. 5. стр. 234—235; онъ говоритъ что „Ядро“ написано тяжелымъ слогомъ и пристрастно.—[3] Т. II. стр. 238—239.—[4] Обстоятельное опис. Славяно-Русск. рукопис. м. 1825 отд. IV. стр. 629 № 27.

№ CLXX) и профессоръ Соловьевъ въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся къ Россіи“ (кн. 2.. полов. 1-я), признаютъ сочинителемъ „Ядра“. Наконецъ, покойному нынѣ, князю М. А. Оболенскому, принадлежитъ окончательное разрѣшеніе вопроса: въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ управлялъ князь, онъ розысканіями своими доказалъ, что дѣйствительно сочинителемъ „Ядра Россійской Исторіи, былъ Алексѣй Ильичъ Манкѣевъ; причемъ кн. Оболенскій говоритъ въ статьѣ своей, напечатанной въ „Бабліографическихъ Запискахъ: „Свѣдѣнія объ авторѣ Ядра Россійской Исторіи, А. М. Манкѣевѣ“ [1], что это извѣстіе подтверждается всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, поданнымъ въ 8 день мая, 1725 года Манкѣевымъ, за собственноручнымъ его подписаніемъ, о прибавкѣ ему жалованья. По собственному его показанію, онъ во время шведской войны находился въ Швеціи, былъ арестованъ, и провелъ въ плѣну 18 лѣтъ; въ продолженіе этого времени 1704 до 1716 года, онъ состоя при резидентѣ нашемъ князѣ А. Я. Хилковѣ, также находившемся въ Швеціи подъ крѣпкою стражею, занимался переводами по дѣламъ службы, и по словамъ его „время всуе не ронилъ“.—„Въ томъ“ пишетъ Манкѣевъ въ своемъ прошеніи: „какъ тайныя писмы и переводы моей руки, изъ разныхъ шведскихъ тюремъ въ Кабинетъ Вашего Императорскаго Величества, и явныя въ Коллегію присыланныя, также и книжица которой титулъ: Ядро Исторіи Россійской, Вашему Императорскому Величеству, черезъ благороднаго господина Александра Ивановича Румянцова всенижайше отъ меня поднесенная, довольно свидѣтельствовать могутъ“ [2]. Далѣе князь Оболенскій приводитъ отзывъ профессора и исторіографа С. М. Соловьева, безспорно вполнѣ компетентнаго судьи историческихъ трудовъ, о книгѣ Манкѣева, о которой профессоръ по тщательномъ ея разсмотрѣніи говоритъ слѣдующее: „обративъ вниманіе на средства автора „Ядра“, и сравнивъ это сочиненіе съ предшествовавшимъ ему опытомъ, „Синопсисомъ Гизеля“, мы не усумнимся дать ему почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, исключая древнѣйшій періодъ; событія переданы въ немъ беззатѣйно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части русской исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ,—и „Ядро“ оставалось относительно

---

[1] Библіогр. Записки 1858 т. I № 8.—[2] Тамъ же, столб. 33—34.

самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію русской исторіи" (Архив. Калачова стр. 5) [1].

Одинъ изъ писателей современныхъ Мюллеру, Бакмейстеръ, въ 1-й части изданной имъ „Русской Библіотеки" при описаніи „Ядра Русской Исторіи", отнесся критически къ шести книгамъ этого сочиненія, и особливо къ древнѣйшему періоду, котораго нѣкоторыя событія призналъ онъ лишенными исторической достовѣрности; приводимъ здѣсь въ переводѣ краткія извлеченія и замѣчанія, сдѣланныя этимъ трудолюбивымъ библіографомъ XVIII столѣтія:" Авторъ „Ядра", говоритъ Бакмейстеръ, „начинаетъ повѣтствованіе свое отъ сотворенія міра, и продолжаетъ до XVII столѣтія по Рождествѣ Христовомъ. Представляемъ здѣсь періодъ времени содержащійся въ каждой изъ шести книгъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми замѣчательными, описываемыми въ нихъ событіями. Книга 1-я, оканчивается пришествіемъ въ Россію Рюрика, въ 361 году[2]. Всемірный потопъ относитъ авторъ къ 17-му апрѣля 1557 года по сотвореніи міра. Ной приводитъ троихъ сыновей своихъ съ ихъ многочисленнымъ потомствомъ къ средиземному морю; показываетъ имъ его берега, и дѣлитъ между ними три части свѣта. Сынъ Яфета, Мосехъ, или Мосохъ, есть родоначальникъ московитянъ, россіянъ и прочихъ славянскихъ народовъ, что авторъ старается доказать цѣлой страницей, ссылокъ на писателей всѣхъ временъ и странъ; такъ на пр., на страницѣ 127-й, онъ утвердительно говоритъ, что городъ Москва отъ

---

[1] Библіогр. Зап. т. I. стр. 36. Кн. Оболенскій приводитъ весьма любопытныя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ „Ядра", и между прочимъ упоминаетъ о томъ, что въ числѣ пожитковъ оставшихся послѣ умершаго въ 1723 году Манкѣева, находились нѣкоторыя книги, и въ числѣ ихъ: „Эпиктета Эпхиридіонъ, писанный по латыни и славенски, его умершаго руки переводъ; эти книги поступили въ Коллегію Иностр. дѣлъ, и нынѣ хранятся въ библіотекѣ Москов. Главнаго архива Министерства Иностр. дѣлъ. На сочиненіи Петрея: Regni Moschovitici sciographia. Stockholm., подпись: „ex libris Alexij Mankewitz",—и этимъ доказательствомъ польскаго происхожденія Манкѣева, воспользовался кн. Куракинъ, выставивъ его предлогомъ къ освобожденію изъ Швеціи автора „Ядра".—Въ статьѣ своей кн. Оболенскій, въ видѣ приложенія помѣстилъ письмо кн. Куракина изъ Амстердама къ переводчику Манкѣеву, съ предложеніемъ прибыть въ Голландію для поступленія къ нему на службу, и двѣ челобитныя состоявшаго при Коллегіи Иностр. Дѣлъ переводчика Алексѣя Манкѣева императору Петру Первому, 1) о прибавкѣ ему, Манкѣеву, кормовыхъ денегъ и 2) о прибавленіи ему къ окладу жалованья, за понесенные имъ труды по службѣ, и за сочиненіе книги „Ядро Гисторіи Россійской". (Библіогр. Зап. столб. 37—38).—[2] Бакм. ч. 1. стр. 1—25.

Мосоха, и следовательно не отъ рѣки, получилъ свое названіе. Кстатѣ упоминаетъ онъ о происхожденіи Югоровъ (Венгровъ), отъ сыновей Неврода Вавилонскаго Магора и Гуннора, но впрочемъ считаетъ болѣе достовѣрнымъ происхожденіе ихъ отъ рѣки Угры въ русскомъ государствѣ. Названіе „Славяны", производимъ отъ Славы, соглашаясь съ Фоссіемъ, что плѣненіе нѣкотораго числа славянъ, послужило поводомъ къ названію плѣнныхъ или невольниковъ, склавами.—Основываясь на извѣстіяхъ иностранныхъ писателей, авторъ расказываетъ, что вскорѣ по 2004-мъ годѣ отъ сотворенія міра, русскіе похитили изъ шведскаго города Сигтуна мѣдныя церковныя двери, которыя будто-бы и нынѣ видѣть можно въ новгородской софійской церкви.—Мѣстомъ жительства Варяговъ назначаетъ онъ берега Балтійскаго моря, начиная отъ Ингерманландіи вплоть до Пруссіи, куда въ древнія времена родоначальникъ Рюрикова дома, двоюродный братъ Августа Кесаря Пруссъ, совершивъ путешествіе моремъ, прибылъ будто-бы съ двумя стами пятидесятью знатныхъ Римлянъ изъ Италіи. — Книга II. Отъ Рюрика и учрежденія россійской монархіи, до кончины в. князя Всеволода Юрьевича[1]. Прежніе русскіе владѣтели, охотно вступали въ бракъ съ дочерьми подданныхъ своихъ, во избѣжаніе воинъ за престолонаслѣдіе.—Когда Владиміръ Великій совершилъ знаменитый походъ свой въ нынѣшній Крымъ, то взялъ сначала городъ Кафу, или Ѳеодосію осадилъ и покорилъ за тѣмъ главный городъ Херсонь или Корсунь. Потомъ потребовалъ отъ греческаго императора, не только въ супруги себѣ царевну Анну, но еще вмѣстѣ съ тѣмъ епископа, и другихъ духовныхъ лицъ, для введенія христіанской религіи въ своихъ владѣніяхъ. Изъ Корсуня отправился онъ моремъ къ устью Днѣпра, и отсюда сухимъ путемъ обратно въ Кіевъ. Великій князь Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ, получившій это названіе за единоборство съ генуэзскимъ главнымъ начальникомъ Кафы, принудилъ императора Іоанна Комнина, прислать ему ту самую корону, которой до того вѣнчались на царство греческіе императоры, и съ тѣхъ поръ коронуются русскіе самодержцы.—Произшедшій отъ него галицкій князь Даніилъ Романовичь, коронованъ папою въ 1246-мъ, и за тѣмъ въ 1253-мъ году русскимъ королемъ; вслѣдствіе чего авторъ иначе его и не называетъ; сынъ князя галицкаго построилъ городъ Лембергъ (Львовъ); столь далеко распространило свои владѣнія на западъ, потомство Рюрика.—Книга III. Заключаетъ въ себѣ цѣлый почти

[1] Бакм. стр. 26—107.

періодъ татарскаго владычества, до 1452 г.[1] Татарскій Ханъ Батый покорившій Россію, захватилъ въ Венгріи королевскую принцессу въ плѣнъ, и жилъ съ нею; братъ ея, тогдашній венгерскій король Владиславъ, разбивъ татаръ, настигъ самаго Батыя, котораго любовница хотѣла защищать противъ своего брата; но раздраженный Владиславъ, изрубилъ въ куски сперва Батыя, и за тѣмъ принцессу.— Книга IV. Отъ в. князя Іоанна Васильевича, освободителя Россіи, до кончины в. князя Θеодора Іоановича, послѣдняго изъ царствовавшаго доселѣ дома[2]. В. Княгиня Елена, по кончинѣ супруга своего, жестоко и несчастливо управлявшая нѣсколько лѣтъ, велѣла ослѣпить и умертвить дядю своего, князя Михаила Глинскаго. По смерти ея, государственныя дѣла, въ предолженіи долгаго времени находились въ рукахъ бояръ, которыхъ безпокойнымъ и своекорыстнымъ поведеніемъ, объясняетъ авторъ причину великой жестокости царя Іоанна Васильевича, какъ противъ нихъ, такъ и прочихъ своихъ подданныхъ; онъ приписываетъ кровопролитіе, совершенное царемъ въ 1570 году въ Новгородѣ, вымышленному (подметному) письму одного наказаннаго и жаждавшаго мести преступника; и такимъ образомъ оправдываетъ новгородцевъ, о которыхъ впрочемъ мѣстами сообщаетъ кое-что предосудительное. Что онъ почитаетъ обманщикомъ вступившаго на русскій престолъ подъ именемъ великаго князя Дмитрія Іоанновича, извѣстно уже изъ 5-й части „Собранія Русской Исторіи (Sammlung Russischer Gesch.).—Книгу V-ю заключаетъ авторъ низложеніемъ съ престола царя Василія Іоанновича Шуйскаго[3]. О царѣ Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ, онъ говоритъ: Intravit ut vulpes, regnavit ut leo, mortuus est ut canis.[4]—Вторымъ самозванцемъ названъ авторомъ тотъ, котораго выдача изъ Тулы царю Василію Іоанновичу Шуйскому, послѣдовала вслѣдствіе наводненія этого города черезъ запруженіе рѣки Упы, и повѣшеннаго царемъ въ Москвѣ.—Книга VI. Междуцарствіе до избранія царя Михаила Федоровича Романова.—Третій Лжедимитрій умерщленъ татарами близь Калуги, и спустя нѣсколько лѣтъ, прижитый имъ съ Мариною Мнишекъ сынъ, будучи далеко несовершеннолѣтнимъ, повѣшенъ въ Москвѣ. О кончинѣ самой Марины пойманной вмѣстѣ съ нимъ, авторъ упоминаетъ только о томъ, что будто бы она умерла въ Москвѣ.—Четвертый Лжедимитрій тотъ, который выданъ былъ псковитянами въ Москву; гдѣ умеръ на висѣлицѣ.—При

---

[1] Бакм. стр. 108—163.—[2] Тамъ же стр. 164—218.
[3] Бакм. стр. 219—273.—[4] Тамъ же, стр. 227.

насильственномъ постриженіи въ монашество Василія Шуйскаго, послѣдній не пожелалъ добровольно произносить обычные обѣты; и вмѣсто него, исполнилъ это присутствовавшій при обрядѣ князь Тюфякинъ, преданный за то патріархомъ проклятію, и постриженный монахомъ.—Авторъ нашъ сильно предубѣжденъ противъ шведскаго генерала Якова Делагарди, котораго хищничество въ предѣлахъ Россіи, особливо въ Новгородѣ, не щадило церквей и монастырей, чему и приводитъ на стр. 296-й, нѣсколько странныхъ примѣровъ.—Ужасныя слѣдствія тогдашней анархіи могли бы еще долго продолжаться, еслибы не возсталъ одинъ нижегородскій гражданинъ, служившій прежде въ войскахъ, Козьма Мининъ, уговорившій согражданъ своихъ предпринять первый шагъ къ спасенію государства русскаго отъ конечнаго разоренія. Они собрали денежную сумму для набора войска, и выбрали въ предводители князя Дмитрія Пожарскаго; изъ многихъ мѣстъ получили они помощь деньгами и людьми. На походѣ въ Москву, князь Пожарскій своею, все болѣе и болѣе умножавшеюся властью, одолѣвалъ всѣ встрѣчавшіяся ему препятствія. Передъ Москвою, онъ въ августѣ, 1612 года, два дня сражался съ гетманомъ Ходкевичемъ, и наконецъ одержалъ побѣду съ помощью Минина; въ октябрѣ принудилъ онъ къ сдачѣ боровшихся въ Москвѣ съ крайнимъ голодомъ поляковъ, чему до нѣкоторой степени способствовалъ кнyaь Трубецзкой съ отрядомъ своимъ, и первый получилъ отъ управлявшихъ тогда государствомъ бояръ, большія награды, которыя были подтверждены избраннымъ потомъ царемъ, Михаиломъ Федоровичемъ. [1]—Книга VII. Отъ помянутаго избранія до 1613 года. [2] Отецъ юнаго царя, Филаретъ Никитичь, находившійся еще плѣнникомъ въ Польшѣ, предпочиталъ лучше не отвѣчать на письма сына, чѣмъ не титуловать его царемъ.—Еще въ 1676 году когда Карлъ XI потерпѣлъ такъ много потерь, со стороны Россіи подумывали о войнѣ со Шведами, но за кончиною царя Алексѣя Михайловича, мысль эта была оставлена.—Новой покрой одежды учрежденъ былъ уже царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ; но онъ отмѣнилъ только стародавнюю (охабни и проч.) не вводя однако одежды иностранной.

Родословныя русскихъ князей, и раздѣленіе родовъ на многія отрасли, приводятся часто авторомъ, какъ-то, на стр. 86, 89, 106, 107 и т. д. Кромѣ вышеприведеннаго разсказа о смерти Батыя, находятся нѣкоторыя другія извѣстія о постороннихъ предметахъ; такъ на пр.,

---

[1] Бакм. стр. 300—322.—[2] Тамъ же, стр. 324—384.

помѣщено свѣдѣніе объ исторіи римскаго права (стр. 92—99); о изобрѣтеніи пороха (стр. 138); и книгопечатанія (стр. 151), о завоеваніи Константинополя, и началѣ турецкаго могущества (стр. 154—165); объ открытіи Новаго Свѣта (стр. 174—176). Во всемъ сочиненіи весьма рѣдко приводятся источники, которыми пользовался авторъ.

Прибавленіе (стр. 385—392) содержитъ въ себѣ описаніе гербовъ большей части странъ и областей помѣщаемыхъ нынѣ въ царскомъ титулѣ, также и нѣкоторыхъ другихъ.

Между рукописями принадлежащими пишущему эти строки, находится списокъ „Ядра" въ листъ, скорописнаго и довольно дурнаго почерка XVIII столѣтія, на 172 листахъ. На 1-й страницѣ помѣщено слѣдующее краткое заглавіе: „Ядро Исторіи россійской из, многихъ достовѣрныхъ исторіографовъ собранное ко угожденію проискательнымъ"; вышепомянутаго посвященія Петру Первому не находится, но есть посвященіе автора „къ Читателю", которое приводимъ здѣсь дословно съ сохраненіемъ правописанія списка: „Между протчими празностьми, которые в' плене моемъ могли приключитца и попеченіе,' в' мысль мне напоследокъ пришлося, дабы время не в' суе прошло из основанія и подлинно о моемъ отечествіи Россіи, ея начатія, возращенія, владетелехъ, и протчее проведать, и время скучное какъ нибудь прокоротать и обмануть, которое коли я, по многу происканію и испытанію книгъ, черезъ несколко времени излишнихъ заплетеніи и протяженно писанныхъ словъ собралъ, жаль показалось маленкой мой трудъ и искуство пустить чтобъ в' забвение погребено было; но за достойно приобресть, чтобъ (было) на бумагу посеяно инымъ, кто до того охотникъ, удовольствовать; и попеже сіе дало, какъ мню, какъ и ушеи свободныхъ, тонкостьми академическими наказанныхъ и вычищенныхъ к' приятности быть, такъ и ушеи многоделныхъ или политическими управлениями заваленыхъ и затружденныхъ, мѣсто имѣть можетъ. Ядромъ исторіи россіискои признать, возмнилося то для того, что сие, какъ Ядро от' пожурины и шелухи, и от' множества внешныхъ, постороннихъ полскихъ и литовскихъ, и протчихъ сарматскихъ присвоеніи очищено, то и для того, что прямая русская история какъ кратчаише можно было, собрана, непропустивше однако главнеишихъ и памяти достоиныхъ поведеніи и дѣлъ; тѣмъ же имеешь, читател благоволителныи Ядро исторіи россіискои, которое и пріими за благо; а коли что въ его вкусе отъ меня, какъ от' человека погрешено, то по своему благоразсудию во благо разкушать изволишь."—Что касается до самаго текста нашего списка, то онъ ничѣмъ почти не от-

личается отъ печатнаго изданія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ встрѣчающихся мѣстами выраженій, замѣненныхъ другими показавшимися издателю „Ядра" болѣе ясными и современными. На послѣдней странпцѣ списка, глава VIII-я седьмой книги, подъ заглавіемъ: „Самодержавство царя Петра Алексѣевича", оканчивается фразою: „онъ (Петръ I-й) всю Русь художествы и веденіемъ просветилъ, и бутто переродилъ"... но слѣдующее за тѣмъ въ печатномъ изданіи, какъ кажется прибавлено Мюллеромъ.

Извѣстны еще два изданія „Ядра Россійской Исторіи: 2-е напечатанное въ Москвѣ, въ Сенатской типографіи у содержателя Гиппіуса, 1784 г. 8°. 14 и 392 стр., и 3-е тамъ же въ Университетской типографіи, у Ридигера и Клаудія 1799 г. 8°. Послѣднее отъ начала Россійскаго Государства до завоеванія Финляндіи Петромъ Великимъ. „Ядро" переведено на нѣмецкій языкъ: „Kern russischer Geschichte, überzetzt von Exter. м. 1781".

№ 110. **Мѣсяцословъ** на лѣто отъ Рождества Христова **1770**, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненныя на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 119 ненум. стр. (считая заглавн. листъ).

Магаз. Землевѣденія и Путешеств. ч. III. стр. 558.—Bakm. Russiche Bibliothek. 1. Band. und. 3 Itück s. 306.—Геннади Словарь о Русск. Писат. т. 2, стр. 365.

Въ 1770 году, новое названіе „Мѣсяцословъ" замѣнило прежнее „С.-Петербургскій Календарь"; содержаніе то же, что Календаря на 1769 годъ, но съ того разницею, что послѣ „Извѣстія о вскрытіи и замерзаніи Невы рѣки", помѣщена метеорологическая статья: „О предзнаменованіяхъ погодъ, какъ по барометру, такъ и по состоянію вѣтровъ и воздуха. Означенная статья, не смотря на то, что не могла содержать вѣрныхъ и постоянныхъ правилъ, была не безполезна для сельскаго хозяйства. Въ первой половинѣ ея говорится о показаніяхъ барометра, котораго скала раздѣлена отъ 26-ти, до 29-ти дюймовъ французской мѣры.—За тѣмъ слѣдуетъ таблица озаглавленная: „Средняя высота барометра на разныхъ высокихъ горахъ, и въ другихъ достопамятныхъ мѣстахъ", къ которой впрочемъ, въ настоящее время нельзя имѣть довѣрія.—Въ „Хронологіи вещей достопамятныхъ", прибавлено извѣстіе о совершенномъ истребленіи турецкаго флота.

1771.

№ 111. Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины II учрежденной Коммиссіи о составленіи проекта **Новаго Уложенія,** переведенный на общій нынѣшній Греческій языкъ Іеродіакономъ **Евгеніемъ Вулгаромъ.** ΕΊΣΗΓΗΣΙΣ ΤΗΣ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚΗΣ ΜΕΓΑΛΕΙΟΤΗΤΟΣ Α'ΙΚΑΤΕΡΙΝΑΣ Β. πρὸς τὴν ΕΠΙΤΑΧΘΕΙΣΑΝ ΕΠΙΤΡΟΠΙΑΝ ΕΠΙ ΤΗΕ ΚΘΕΣΕΙ ΤΟΥ ΠΡΟΒΛΗΜΑΤΟΣ ἑνὸς ΝΕΑΡΟΥ ΝΟΜΙΚΟΥ ΚΩΔΙΚΟΣ Μεταφράθεισα εις τιὼ κοιντώ τῶν νιὼ Ἑλλήνων Διαλεκτον· ύπο Ἱεροδιακόνȣ Ἐυγενιου Bȣλγάρεως. 8°. 44 (два посвященія и предисловіе) и 274 нум. стр, текста (Нумерація съ 26 страницы).

Сопик. ч. 3, № 6457.—Смирд. Прибавл. 2-е 1832. № 10860.—Bacm. Russ. Bibl, I. Band. s. 33—35.—Митр. Евгеній Словарь о писат. духовн. чина издан. 1827. т. 1. стр. 156.—Геннади Справочн. Словарь о русск. писат. т. 1. стр. 330.

На заглавномъ листѣ не означено мѣста и года выхода этого изданія; оно въ „Опытѣ“ Сопикова показано пятымъ[1] и напечатано въ 1771 году при Академіи Наукъ. За исключеніемъ помѣщеннаго въ началѣ книги посвященія русскаго перевода императрицѣ Екатеринѣ II, тексты, русскій и греческій расположены столбцами, первый на правой, и послѣдній на лѣвой сторонѣ. Русскій переводчикъ Степанъ Писаревъ, въ посвященіи своемъ помѣченномъ іюня 27, 1770 года, приводитъ свѣдѣнія касающіяся греческаго перевода Евгенія Булгара; онъ говоритъ, что считаетъ за особенное счастіе, будучи удостоенъ оказать „нѣкоторую малѣйшую услугу для сочиненнаго Ея Императорскимъ Величествомъ Наказа, переводомъ съ греческаго на россійскій языкъ посвященія настоящей книги имени ея, греческимъ ученымъ іеродіакономъ Евгеніемъ Булгаромъ, равно какъ и предисловія его къ читателю, единородцу его; причемъ Писаревъ прибавляетъ, что въ переводѣ своемъ держался болѣе греческихъ словъ, чтобы не отдалиться отъ оригинала. Усмотря нѣкоторыя рѣченія требующія особливаго изъясненія, онъ указалъ таковыя въ примѣчаніяхъ“. Затѣмъ находимъ у него слѣдующее извѣстіе о греческомъ переводѣ Евгенія Булгара: „Евгеній пребывающій въ Лейпцигѣ для печатанія въ тамошней типографіи издаваемыхъ имъ раз-

---

[1] О изданіи „Наказа“ на четырехъ языкахъ, см. настоящаго труда Вып. 1. стр. 276. № 168.

ныхъ греческихъ сочиненій, сію книгу на свой языкъ перевелъ по прошенію Вашего Имп. Величества Оберъ-Егермейстера, господина Нарышкина съ посланнаго имъ отсюда французскаго экземпляра, и оной свой переводъ сюда прислалъ" [1].

Довольно обширное и витіеватое посвященіе труда своего греческимъ переводчикомъ императрицѣ, почти все, наполнено громкими похвалами какъ особѣ ея, такъ и сочиненному ею „Наказу". Евгеній сравниваетъ Екатерину съ величайшими законодателями въ мірѣ; упоминаетъ о славныхъ побѣдахъ ея непобѣдимаго воинства надъ турками и поляками, освобожденіи отъ турецкаго ига Молдавіи и Валахіи; говоритъ также о Греціи, возлагающей надежду свою на императрицу, ожидая отъ нея избавленія своего отъ долговременнаго порабощенія. Далѣе онъ высказываетъ мысль свою о той радости, съ которою греки примутъ и прочтутъ переведенную на ихъ языкъ, и теперь доступную для нихъ книгу!..." — Въ обращеніи къ читателю греческій переводчикъ жалуется на разныя несовершенства новогреческаго языка, что и заставило его прибѣгнуть къ помощи нѣкоторыхъ словъ древнегреческаго. Приводимъ здѣсь это любопытное разсужденіе ученаго іеродіакона, въ переводѣ Писарева, о древнемъ и новомъ греческомъ языкахъ: „Въ настоящемъ 1770 году, говоритъ Евгеній Булгаръ, „поручено мнѣ для переведенія книги сей, съ французскаго на нашъ нынѣшній, общій греческій языкъ. Сколько надобно уменьшиться красотѣ, и природной ясности подлинника, переведеннаго на разные языки; да и сколькожь имѣетъ онъ понизиться на всѣхъ другихъ европейскихъ діалектахъ переводами, не могу я тому числа опредѣлить. Сіе только вѣдаю, что всякой переводъ, по нѣкоему образу, видомъ есть въ переводимой книгѣ принужденія и повреждения. Подобенъ переводъ какой-либо книги съ природнаго языка (на которомъ она сперва сочинена) на другой, тому, какъ бы кто пересаждаетъ древо изъ земли его произрастившей и до совершенства доведшей, на землю другаго климата, разнствующаго свойствомъ. Переводъ сей неудачливостью бываетъ сочиненію переводному; и много отъемлетъ у него и силы, и звучности, да не рѣдко отводитъ и отъ лѣпости и пріятности.

---

[1] Французское изданіе „Наказа", служившее подлинникомъ для греческаго перевода, имѣетъ заглавіе: „Instruction de Sa Majest. Imp. Catherine II pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau Code de Loix. A St-Petersbourg, de l'Imprimerie de l'Academie des Sciences. 1769. 175 стр.8°. (22 Глав.).

Сверьхъ того и о общемъ нынѣшняго нашего діалекта слабосиліи и недостаточествѣ, въ прибавокъ къ статѣ дополняется. Языкъ, которымъ нынѣ мы Греки говоримъ, а особливо естьли случится какой площадной, отъ простаго народа употребляемой, несносенъ есть и страненъ еллино-греческій языкъ знающимъ. Первое потому, что слышится въ немъ примѣшиваніе чюжихъ и грубыхъ именованій; другое, что онъ недоволенъ, скуденъ и слабосиленъ къ представленію предлежащаго разума, по недостачеству нужныхъ рѣченій и связи въ словахъ. А чтобъ исправить кому оную грубость и безпорядочность, и сіе слабосиліе и недостаточество, тому надобно прибѣгать часто къ древнѣйшему оному, отъ котораго новѣйшій сей уклонился и повредился; и тогда-то будетъ языкъ посредственный, не столько грубъ и нескладенъ, сколь болѣе силенъ, и въ нуждѣ дополнителенъ. Такой языкъ по именованіямъ рѣченій, большею частію есть еллино-греческій а по сочиненію и слогу, къ свойству европейскихъ языковъ гораздо подходитъ ближе. Такій-то нѣкій діалектъ имѣютъ во употребленіи почти по большой части и у насъ ученые, коему и я въ семъ дѣлѣ за полезное быть предпочелъ" [1].

Настоящее изданіе „Наказа", содержитъ въ себѣ XXII главы и 655 параграфовъ.—Окончаніе, стр. 227.—Дополненіе къ большому Наказу, стр. 230, и стр. 244.—На послѣднихъ четырехъ страницахъ Описаніе главъ.

№ 112. Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова **1771,** которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. **Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ 8° 112 ненум. стр. (считая заглавн. листъ).

Геннади. Справочн. Словарь о Русск. Писат. т. 2. стр. 360 (съ показаніемъ 124 стр.)—Магазинъ Землевѣд. и Путешествій т. III. стр. 559.

Въ мѣсяцесловѣ на 1771 годъ извѣщается о пяти затмѣніяхъ: трехъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ, изъ которыхъ въ Петербургѣ видимы будутъ только два лунныхъ затмѣнія; но первое солнечное видно будетъ только въ сѣверной Америкѣ и на океанѣ, и произойдетъ 4 апрѣля; второе 3-го мая; оно будетъ видимо только въ южной Америкѣ.—Первое лунное затмѣніе будетъ 18 апрѣля утромъ, въ 4-мъ часу, 6 мин.; второе послѣдуетъ 12 октября, и начнется въ

[1] Предисловіе, стр. 42—43.

6-мъ часу и 38 мин., по полудни. При этомъ сообщеніи помѣщена обычная табличка съ показаніемъ городовъ, гдѣ помянутое затмѣніе видимо будетъ. Далѣе послѣ извѣстія о вскрытіи и замерзаніи Невы находится замѣчательная не по обширности своей, но по полнотѣ статья, содержаніе которой состоитъ изъ обозрѣнія солнечной системы; въ ней излагаются свѣденія о главныхъ планетахъ, ихъ спутникахъ, кометахъ и неподвижныхъ звѣздахъ. Во всемъ прочемъ, мѣсяцесловъ совершенно сходенъ относительно содержанія съ предъидущимъ подъ № 110.

1772.

№ 113. Омирова Ватрахоміомахія, то есть Война мышей и лягушекъ, Забавная Поэма.—На Россійскій языкъ переведена **Васильемъ Рубаномъ**.—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1772 гида. 8°, 31 нум. и 1 ненум. стр. (расположенные по алфавиту имена съ изтолкованіемъ происходившаго между мышами и лягушками упоминаемыми въ Ватрахоміомахіи).—Фронтиспись съ изображеніемъ Гомера, и двѣ виньеты, гравиров. на мѣди.

Сопик. Ч. 4. № 8646.—Russ. Bibliothek v. Bacmeister III Band. s. 56. № CCLXXII.

Рубанъ замѣчаетъ недостатки перевода перваго изданія „Ватрахоміомахіи" въ своемъ приводимомъ здѣсь вполнѣ „предувѣдомленіи": Забавную сію Омирову поэму, еще при жизни **Петра Великаго**, перевелъ прозою нѣкто, временъ тѣхъ стихотворецъ **Илія Копіевскій** съ греческаго и латинскаго языка, славенороссійскимъ нарѣчіемъ, подъ заглавіемъ: **Гомера стихотворца Греческаго, Жабъ и Мышей бой** или брань, что и напечатано было при Есоповыхъ латинскихъ, съ россійскимъ переводомъ притчахъ въ Амстердамѣ, 1700 года. Но г. **Копіевскій**, или не имѣлъ у себя исправнаго подлинника, либо намѣрившись перевесть сокращенно, самыя лучшія красоты стихотворнаго слога въ переводѣ пропустилъ, и мѣшая польское съ славенскимъ нарѣчіе, такъ помрачилъ смыслъ, что развѣ того времени читатели разумѣть его могли, но нашего вѣка людямъ, не только темно и скучно, но и невразумительно кажется. При всемъ томъ, нынѣ уже и книги той почти ни у кого нѣтъ, а кто ее и имѣетъ, тотъ хранитъ ее развѣ для остатка древности. Сіе подало причину приняться мнѣ за вторичный переводъ; а со временемъ можно будетъ оную мнѣ, или кому другому преложить и въ стихи, для удовольствія любопытныхъ, и древнихъ писцовъ забавныя сочиненія въ россійскихъ

стихахъ, желающихъ видѣть читателей. При семъ приложено въ примѣчаніяхъ на каждой страницѣ изтолкованіе греческихъ именъ мышей и лягушекъ, соотвѣтствующее подлиннику, и въ концѣ книги, въ спискѣ представленное. Присовокуплено такъ же и краткое изъясненіе баснословныхъ повѣстей, на пространное коихъ описаніе, чинены ссылки на вышедшей въ свѣтъ 1771 г. словарь, подъ заглавіемъ: Храмъ древности, гдѣ оныя подробно описаны: ибо неразсуждено тѣмъ наполнять листъ сугубо, что уже въ другой книгѣ читатель видѣлъ, или видѣть можетъ. Наконецъ приложено въ примѣчаніи и краткое Омировой жизни и дѣлъ показаніе, со временемъ по римскому и греческому разчисленію, когда сей писатель процвѣталъ. Для украшенія же книги, и для вящщаго читателей удовольствія, пріобщены и приличныя изображенія, вырѣзанныя на мѣди, каковы находятся при нѣмецкомъ сея поэмы г. Вилламова переводѣ. Вотъ все, о чемъ я хотѣлъ читателя предъувѣдомить; остается сказать о моемъ переводѣ, который я отдаю на произвольное каждаго разсужденіе; ибо самому себя хвалить и хулить не прилично. Для меня довольно, что высокоучрежденное собраніе, старающееся о переводѣ чужестранныхъ книгъ на россійскій языкъ, къ изданію въ свѣтъ мой переводъ удостоить благоволило. Писано въ Санктпетербургѣ, марта дня, MDCCLXXII года. В. Р.“

За тѣмъ помѣщено содержаніе поэмы въ слѣдующемъ переводѣ Рубана: „Мышь, убѣгши отъ кошки (или какъ другіе думаютъ, отъ ласточки, полевыхъ мышей похищающей), утомясь бѣгствомъ, пришла къ озеру для утоленія жажды; гдѣ увидѣвшись съ лягушкою и вступя съ нею въ разговоръ о выгодахъ ихъ и своей жизни, будучи приглашена, согласилась на предложеніе, доплыть на хребтѣ лягушки до ихъ жилища, дабы совершеннѣе узнать ихъ домостройство. Во время плаванія ихъ чрезъ озеро, показавшійся изъ воды змѣй устрашилъ лягушку такъ, что она забывъ о своемъ спутникѣ, бросилась на дно, а мышь залилась волнами и лишилась жизни. Что видя съ берегу другая мышь, немедленно о семъ возвѣстила своимъ землякамъ, которые побужденіемъ отца утопшей мыши, объявили лягушкамъ войну. Сіи, прежде по слуху, а потомъ и чрезъ нарочнаго вѣстника о семъ свѣдавши, равнымъ образомъ приготовились къ брани. По даннымъ къ сраженію знакамъ, жестокій происходилъ бой, на который и небесные жители не безъ страха смотрѣли. По не маломъ съ обѣихъ сторонъ убыткѣ, побѣдою щастіе награждало мышей, и они уже къ конечному искорененію лягушекъ стремились. Но Юпитеръ прежде громомъ устрашить ихъ покушался; видя же, что симъ средствомъ смирить ихъ не можно, послалъ на помощь лягушкамъ раковъ, которые карная мы-

шей, обратили ихъ въ бѣгство, и тѣмъ доставили конецъ войнѣ, продолжавшейся съ утра до вечера, то есть одинъ день.

Самая поэма занимаетъ страницы 9—31. Въ началѣ книги картинка съ изображеніемъ сонма боговъ, возсѣдающихъ на Олимпѣ съ Юпитеромъ посрединѣ, взирающихъ на бой мышей и жабъ. Впереди, ниже Юпитера стоятъ во всеоружіи Марсъ и Минерва; подъ картинкою подпись: „Dessiné et gravé par C. M. Roth à S—t. Petersb. На заглавномъ листѣ бюстъ Гомера, обращенный вправо; около головы надпись: ОМИРОС.—На первой виньетѣ представлена мышь переплывающая озеро на хребтѣ лягушки, и выказывающаяся имъ на встрѣчу изъ воды змѣя; вторая изображаетъ Юпитера, низвергающаго съ высоты небесъ перуны на сражающихся мышей и лягушекъ, первыя изъ нихъ преслѣдуются посланными на подкрѣпленіе послѣднихъ раками.

Въ первомъ примѣчаніи (по счету стр. 5), Рубанъ приводитъ краткія извѣстія о жизни и сочиненіяхъ Гомера; упоминаетъ между прочимъ и о настоящей его поэмѣ; „что принадлежитъ до сочиненія Ватрохоміомахіи", говоритъ онъ, „то объ ней писатели заключаютъ разно; одни говорятъ что Омиръ писалъ ее въ молодыхъ лѣтахъ для одной забавы и игры своихъ мыслей; а другіе утверждаютъ, что она писана имъ аллегорически, по случаю бывшей въ его время войны, у Пелопонисцовъ съ Аѳинянами, изъ которыхъ первые на сухомъ пути, а другіе на морѣ сильны были. Изъ чего каждый узнать можетъ, что подъ именемъ мышей сухопутное, а подъ названіемъ лягушекъ морское представляется войско; но увѣряться на сей догадкѣ, предается на волю читателей.

Первое изданіе „Ватрохоміомахіи" въ славянскомъ переводѣ Копіевскаго, вмѣстѣ съ эзоповыми притчами, напечатано подъ заглавіемъ: **Притчи Эссоповы на латинскомъ и рускомъ языкѣ ихже аѯіенїй, стихами изобразѝ, сококупно же брань жабъ и мышей Гомеромъ древле описана со изрядными къ онихъ книгѣ лицами и столкованїемъ. В Амстеродамѣ напечатася оу Ікана Андреска Теснинга. лѣта 1700. 12°.**—Заглавный листъ и 47 картинъ вырѣзаны на мѣди. 1-я представляетъ Эзопа въ нѣмецкомъ платьѣ, окруженнаго звѣрями; на верху подпись: „ex Philostrati imaginibus fabulae; а внизу: „съ филостратовы персонъ или лицъ притчи". Къ баснямъ собственно относятся 40 картинъ, а остальныя къ статьѣ: „Гомерова брань или бои жабъ или лягушекъ и мышей" гдѣ означено, что ее переводилъ съ греческаго и латинскаго Elias Копіевскій; въ началѣ и концѣ знакъ тесинговой типографіи: Ts. Въ басняхъ на одной страницѣ латинскій, а на другой русскій текстъ; въ картинахъ замѣчательно, что боги представлены въ французскихъ

кафтанахъ [1]. Академикъ Пекарскій въ изслѣдованіи своемъ: „Наука и литература въ Россіи", говоритъ что это изданіе есть подражаніе руководства употреблявшагося въ голландскихъ школахъ XVII вѣка." Fabulae Aesopi graece et latinoe, nunc denno selectae: ea item, quos Avienus carmine expressit. Accedit ranarum et murium pugna. Ho mero olim asscripta: cum elegantissimis in utroque libello figuris et utriasque interpretatione, plurimis in locis emendata. Ex decreto D. D. Hollandis ordinum, in usum scholarum. Amstelodami, 1672. Оно съ съ притчами Копіевскаго разнится въ томъ, что вмѣсто греческаго текста, у послѣдняго помѣщенъ славянскій. Кромѣ того, хотя въ русскомъ и стоитъ на заглавіи имя Авіенуса, но тамъ его стихотворныхъ переложеній басенъ Эзопа не помѣщено, между тѣмъ какъ въ голландскомъ руководствѣ оно есть. Гравюры русскаго изданія также заимствованы изъ голландскаго [2].

Въ „Опытѣ" Сопикова указаны еще два изданія гомеровой Ватрахоміомахіи: 2-е, Спб. 1788 года въ 8°, и вновь переведенное Алексѣемъ Огинскимъ: Спб. 1812 г., въ 12°.

№ 114. Антигона музыкальная драмма, сочиненная находящимся въ службѣ Ея Императорскаго Величества стихотворцемъ Маркомъ Колтелиніемъ; представленная на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ 1772 года. Печатана при Императорской Академіи Наукъ.—**Antigona Tragedia** per Musica di Marco Coltellini, poeta al servizio di S. M. J. da rapresentarsi N'ell' Imperial Teatro di St. Pietroburgo Anne 1772. In St: Pietroburgo, nella Stamperia dell' Academia delle Scienze. 4°. 143 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа), нумерація съ 14 стр.; на прав. сторон. русскій, на лѣвой италіанской текстъ.

Сопик. ч. 2. № 3304.—„Геннади Справоч. Словарь. т. II. стр. 153.

Въ началѣ помѣщено слѣдующее содержаніе (Argomento) драмы: „По бѣдственной смерти Едиппа царя Фивскаго, оба его сына, Ете-

[1] П. Пекарскій, Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ; Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ и типографій 1698—1725 годовъ, т. 2. стр. 28. № 28. Обстоятельн. Описаніе старопечатн. книгъ Славянск. и Росс. хранящ. въ Библіот. графа Ө. М. Толстова. Изд. П. Строевъ. М. 1829. стр. 393. № 195. Сопиковъ. Ч. 1. № 912.

[2] Пекарск. т. 2. стр 29; Притчи Есоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ показаны также въ двухъ напечатанныхъ въ типографіи Тессинга реэстрахъ (на латинскомъ и русскомъ языкахъ) книгъ, которыя онъ издалъ, или приготовилъ къ печати, подъ № 7, приложенныхъ къ прошеніямъ Ильи Копіевскаго и Яна Юнга. Тамъ же. т. 1. Приложеніе III. стр. 524

оклъ и Полиникъ согласились между собою управлять отеческимъ царствомъ попеременно, и по единому году. Но Етеоклъ, которому жребій палъ взойти на престолъ въ первой годъ, не смотря на учиненныя съ обѣихъ сторонъ клятвы, восхотѣлъ на всегда удалить брата своего отъ царствованія. Полиникъ, для удержанія права своего въ коронѣ, набралъ многочисленныя войски изъ Аргіянъ, и произвелъ противъ отечества своего кровавую и отчаянную войну. Для окончанія оной утверждено было общественнымъ съ обѣихъ сторонъ договоромъ, что бы враждующіе между собою братья рѣшили войну и ненависть свою особливымъ поединкомъ. Сразившіися соперники пали оба мертвы на мѣстѣ; Креонъ, дядя ихъ съ матерней стороны, вступилъ на фивскій Тронъ, и стараясь вскорѣ пріобрѣсти всеобщую отъ подданныхъ любовь чрезъ какое нибудь усердное къ отечеству дѣло, повелѣлъ, чтобы трупъ Полиника, воздвигшаго оружіе противъ согражданъ своихъ, оставленъ былъ безъ всѣхъ честей погребенія. Сіе почиталось по древнимъ обыкновеніямъ сего народа, самымъ величайшимъ и безчестнѣйшимъ наказаніемъ. Антигона, нещастная сестра погибшихъ братій, и любовница обожаемая Емономъ, сыномъ Креоновымъ, не могла перенесть толикаго безчестїя, и осмѣлилась, не смотря на грозное запрещеніе, погрести брата своего съ честію; чрезъ то навлекла на себя смертную казнь, предписанную преступителямъ безчеловѣчнаго сего закона. Вотъ содержаніе сея драммы, и то же самое, которое подало случай Софоклу сочинить славную трагедію, имѣющую то же имя; но здѣсь учинены перемѣны, какъ въ теченіи, такъ и окончаніи драммы, перемѣны согласующіяся съ правилами музыкальнаго Италіянскаго театра, и съ разборчивостію главныхъ зрителей, для коихъ сіе сочиненїе назначается".

За тѣмъ означены дѣйствующія лица, и имена актеровъ, танцовщиковъ и танцовщицъ участвовавшихъ въ драмѣ, и четырехъ ея балетахъ: „Антигона, принцесса фивская—г-жа Габріелли старшая. Исмена сестра ея—г-жа Габріелли младшая. Креонъ, дядя ихъ по матери—г. Прати. Емонъ, сынъ его—г. Манзолетти. Адрастъ, вельможа фивскій—г. Амати. Хоры Аргїянъ, Фивеянъ, дѣвицъ служащихъ Антигонѣ, и жрецовъ, гг. придворные Ея Имп. Велич. пѣвчія.—Етеоклъ и Полиникъ, сыновья Едипа и Іокасты, совмѣстники и преемники престола фивскаго.—Гг. Трофимъ Слѣпкинъ и Антонъ Біянкинъ. Музыку какъ оперы, такъ и балетовъ сочинилъ г. Томасъ Траета капельмейстеръ. Декораціи изобрѣтены и написаны г. Градиціемъ, живописцемъ и архитекторомъ Театральнымъ.—Машины изобрѣтенія г. Бригонція машиниста.—Платья изобрѣтенія г. Женара, те-

атральнаго портнова.—Переводилъ съ Италїанскаго на Россїйскїй языкъ Иванъ Дмитревской; всѣ находятся въ службѣ Ея Имп. Величества. Четыре Балета, сочиненія Г. Питро (Pitrot), исполнители: главные танцовщики г. Питро, г. Тимоѳей Бубликовъ, г. Камилло Фабіаніи; танцовщицы: г-жа Сантина Обри, г-жа Іозефа Бернарди, г-жа Варвара Михайлова.

Драмма „Антигона" въ 3-хъ дѣйствіяхъ переведена съ италіанскихъ стиховъ, прозою; по окончаніи, пьесы, слѣдуетъ „Празднество оканчивающее зрѣлище".—Есть изданіе съ франц. переводомъ,

№ 115. Мѣсяцословъ на Лѣто отъ Рождества Христова **1772**, которое есть **Высокосное**, содержащее въ себѣ 366 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 124 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Магазинъ Землевѣд. и Путешест. т. III. стр. 559.—Геннади, Словарь, т. 2. стр. 365.

Мѣсяцословъ на 1772 годъ извѣщаетъ объ одномъ солнечномъ, и двухъ полныхъ лунныхъ затмѣніяхъ. Солнечное начнется 15 октября въ 12-мъ часу, 34 м. по старому стилю. Первое полное затмѣніе луны произойдетъ 6 апрѣля, и второе 30 сентября въ 6 часовъ и 28 м. по полудни; для двухъ затмѣній приложена таблица. Дополненіемъ къ статьѣ помѣщенной въ мѣсяцословѣ 1771 года, и содержащей обозрѣніе солнечной системы, служитъ напечатанная здѣсь, подъ заглавіемъ: Сравненіе свѣта восковой свѣчи, съ силою свѣта солнечныхъ лучей, и съ сіяньемъ луны, планетъ и неподвижныхъ звѣздъ. Статья любопытная, извлеченная изъ „фотометріи" Бугера, которая нынѣ довольно рѣдка [1]. Вслѣдъ за ней подъ цифрою II, представлено сравненіе мѣры длины въ различныхъ европейскихъ государствахъ; при чемъ приложены таблицы уступающія въ точности нынѣшнимъ. Наконецъ III-я статья: Указатель солнечный для С. Петербурга и Оренбурга съ приложеніемъ двухъ отдѣльныхъ таблицъ, не имѣетъ серьезно—научнаго значенія,—Въ „Хронологіи вещей достопамятныхъ", оканчивавшейся „побѣдою подъ Полтавой", прибавлено: „о сожженіи турецкаго флота при Чесмѣ".

---

[1] Извлеченіе изъ означеннаго сочиненія Бугера, помѣщено при описанїи Мѣсяцослова 1772 года, въ Магазинѣ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 559—560.

1773.

№ 116. Краткая Россійской Имперіи **Географія**. Второе исправленное изданіе съ **Карманнымъ Атласомъ**.—Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ. 1773 года. 16°. 44 ненум. стр. текста, 14 картъ и 19 видовъ.

Смирд. Прибавл. 2-е, 1832. стр. 41. № 11119.—Геннади Русск. книжн. рѣдкости, стр. 50. № 41.—Bakm. Russ. Bibl. 2. Band. CXLIX. s. 104—105.—Геннад. Справоч. Словарь т. I. стр. 204.

На оборотѣ заглавнаго листа находится слѣдующее извѣстіе: „Первое сей краткой географіи изданіе напечатано было въ географическомъ на 1768 годъ мѣсяцословѣ [1]. А сіе второе изданіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлено, и кромѣ сего содержитъ случившіяся послѣ того перемѣны. Изъ пріобщенныхъ къ сему ландкартъ, нѣкоторыя не новыя, но принадлежатъ къ малому атласу, которой тому лѣтъ съ 10, какъ вышелъ вмѣстѣ съ карманнымъ мѣсяцословомъ". Въ книжкѣ помѣщены свѣдѣнія, заслуживающія какъ болѣе замѣчательныя, вниманія. Слѣдующее извѣстіе довольно любопытно: „Россійская Имперія лежитъ отъ части въ Европѣ, и отъ части въ Асіи. Прямая линея отъ города Риги до Петропавловской пристани, составляющая почти самую большую длину матерой земли, содержитъ 6700 верстъ, и кратчайшая дорога отъ Риги до Анадирскаго острога 11298 верстъ. Ширина во многихъ мѣстахъ 200 верстъ. А пространствомъ оная имперія свыше 15 милліоновъ квадратныхъ верстъ. И такъ она не только больше всѣхъ прочихъ вмѣстѣ взятыхъ въ Европѣ государствъ, но и обширнѣйшая во всемъ свѣтѣ". За тѣмъ помѣщено извѣстіе о достойнѣйшихъ примѣчанія: I) моряхъ и морскихъ заливахъ. II) озерахъ. III) рѣкахъ. IV) каналахъ, причемъ упоминается и о тѣхъ, которые начаты при императрицѣ Екатеринѣ II, для удобнѣйшаго соединенія Волги съ устьемъ Волхова; далѣе показано раздѣленіе Россійской Имперіи на 22 губерніи, и изъ находящихся въ

---

[1] О географическомъ мѣсяцословѣ на 1768 годъ, Перевощиковъ въ статьѣ своей: Обозрѣніе русскихъ календарей и мѣсяцословъ, говоритъ что нашелъ не полный экземпляръ въ Академической Библіотекѣ, причемъ приводитъ нѣкоторыя выписки изъ помѣщенной въ немъ „Краткой географіи россійской Имперіи", изложеніе которой отличается отъ содержащагося въ настоящей, изданной отдѣльно книжкѣ. (Магаз. Землевѣд. и Путешеств. Н. Фролова, т. III. стр. 590. XXV).

Россіи городовъ упоминается только о знатнѣйшихъ и о нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Приводимъ здѣсь извѣстія о Москвѣ и Петербургѣ: „Москва, преждебывшая столица Россійскихъ Царей, въ разсужденіи ея окружности, которая съ предмѣстіями содержитъ 35 верстъ, наибольшій городъ въ Европѣ. Въ ней считается соборныхъ и приходскихъ церквей 270; и людей, отъ 4 до 500000 человѣкъ. Она раздѣляется на слѣдующія 4 части или округа, коихъ всѣхъ рѣка Москва по которой сей городъ именуется, отчасти касается, и отчасти поперегъ ихъ проходитъ, а именно: а) Кремль, въ которомъ находится старинной дворецъ, и b) Китай-городъ въ которомъ гостинной дворъ, состоящій изъ 6000 лавокъ со сводами каменныя, стоятъ на Москвѣ рѣкѣ, одинъ возлѣ другаго. Оба сіи, по самую Москву рѣку окружаетъ: с) Бѣлъ-городъ, обведенной бѣлою стѣною. Въ ономъ состоитъ литейной дворъ и университетъ. d) Земляной городъ, заключаетъ совершенно 3 первые округа, и окружается землянымъ валомъ въ 14 верстъ. Въ ономъ находится большая суконная фабрика.— О троицкой лаврѣ сказано, что: „Троицкой-Сергіевъ—монастырь, въ разстояніи отъ Москвы въ 60 верстахъ, почитается самымъ большимъ въ Россіи монастыремъ. Въ немъ 10 церквей, семинарія и преизрядная библіотека. Святый Сергій почиваетъ въ серебряной ракѣ.— Санктпетербургъ, великой городъ на Невѣ, расположенный по большой части по островамъ, столица Россійскихъ Императоровъ. Въ немъ находятся два Императорскіе дворца; строится изъ одного Россійскаго мрамора церковь, и ежегодно великолѣпныя зданія знатно умножаются. Оный городъ изъ числа наиважнѣйшихъ при Балтійскомъ морѣ, купеческихъ городовъ. Здѣсь находится большая часть Сената и прочихъ государственныхъ коллегій, академія наукъ, академія художествъ и три Кадетскихъ Корпусовъ. Жителей считается около 130000 человѣкъ. Санктпетербургъ, имя собственное крѣпости, которую въ 1703 году застроилъ Петръ Великій. Въ Невскомъ монастырѣ, неподалеку отъ Санктпетербурга стоящемъ, почиваютъ въ церкви мощи святаго Александра Невскаго, въ серебреной ракѣ".

Болѣе обстоятельныя, нежели о прочихъ губерніяхъ, помѣщены въ настоящей книжкѣ извѣстія о двухъ вновь учрежденныхъ изъ присоединенныхъ въ 1772 году къ Россіи польскихъ провинцій —губерній Псковской и Могилевской, причемъ сообщаются слѣдующія, прежнія названія этихъ новыхъ въ то время провинцій: „вся Польская Лифляндія, прилежащая къ правому берегу рѣки Двины, часть Полоцкаго воеводства, все Витебское воеводство, все Мстиславское и нѣко-

торая часть Минскаго. Надъ всѣми въ сихъ провинціяхъ, и вообще во всей Россіи находящимися Католическими церквами и монастырями, учрежденъ католическій епископъ".—О провинціальномъ городѣ Полоцкѣ на рѣкѣ Двинѣ, при устьѣ рѣки Полоты, сказано, что въ немъ великолѣпная езуитская коллегія, и пребываніе свое имѣетъ архіепископъ, къ эпархіи котораго принадлежатъ всѣ находящіеся въ новыхъ, прежде польскихъ провинціяхъ, Уніаты; о двинской провинціи упомянуто, что въ ней „деревенскіе жители латыши, а дворянство по природѣ нѣмецкое, которое будучи больше 200 лѣтъ подъ польскимъ правленіемъ, нынѣ въ языкѣ отъ поляковъ не отличается. Кромѣ полоцкой езуитской коллегіи, таковыя находились въ городахъ Динабургѣ (Двинск. провинц.), Могилевѣ и Оршѣ (Оршанск. провинц.).—Отдѣльными отъ 22 губерній показаны: 1) городъ Нарва, и 11) Екатеринбургское Вѣдомство, къ которому принадлежатъ рудокопные заводы въ Сибири, въ Перміи и въ Оренбургской губерніи, подобно какъ слободы и деревни, которыхъ жители работаютъ на оныхъ заводахъ. Оно именуется по стоящему на рѣкѣ Исетѣ городу Екатеринбургу, въ которомъ находится сибирское горное начальство. Оной городъ выстроенъ правильно и изрядною архитектурою, укрѣпленъ и нареченъ именемъ Государыни Императрицы Екатерины I."

Въ заключеніе отмѣтимъ находящееся въ книжкѣ свѣденіе о Запорожской Сѣчи, о которой въ нѣсколькихъ словахъ сообщается „что она составляетъ главное обиталище Запорожскихъ Козаковъ, лежитъ на западной сторонѣ Днѣпра, окружена земляннымъ валомъ, и имѣетъ крѣпостцу съ Россійскими гарнизонами. Еще упоминается о застроенной въ 1770 году Днѣпрской линіи, которая должна состоять изъ семи крѣпостей въ разстояніи одна отъ другой около 30 верстъ, и что первая изъ нихъ—Александровская, на Днѣпрѣ, при устьѣ рѣки Московки, и послѣдняя Петровская, при устьѣ впадающей въ Азовское море рѣки Берды, уже приведены къ окончанію. Четвертая стоять будетъ при рѣкѣ именуемой Конскія воды, которая втекаетъ въ Днѣпръ.

На гравированномъ заглавномъ листѣ, приложенномъ къ книжкѣ „Атласа", представлено изображеніе щита съ подписью: „Карманной Атласъ Россійской Имперіи", въ рамкѣ составленной изъ гербовъ россійскихъ губерній, украшенный на верху двуглавымъ орломъ, между пальмовой и лавровой вѣтвями, подъ императорскою короною, съ вензеловымъ именемъ Екатерины II на груди. За тѣмъ слѣдуютъ Генеральная карта Россійской Имперіи и 13 картъ губер-

ній: № 1. Московской, Нижегородской и части Новгородской съ изображеніемъ Московскаго и Нижегородскаго гербовъ.—№ 2. Выборгской и части Новгородской, съ изображ. Финляндскаго герба.—№ 3. Новгородской, Смоленской, Эстляндіи, Финляндіи, съ изображ. гербовъ: С.-Петербургскаго, Новгородскаго, Эстляндскаго, Смоленскаго и Лифляндскаго.—№ 4. Части Архангелогородской, Новгородской, Вологодской губерніи и Финляндіи, съ изображ. Финляндскаго герба.—№ 5. Архангелогородской и части Сибири, съ изображ. Архангелогородскаго герба.—№ 6. Бѣлгородской, Кіевской, Новороссійской, части Воронежской и королевства Польскаго съ изображ. гербовъ Кіевскаго и Бѣлгородскаго.—№ 7. Воронежской и Астраханской, съ изображ. ихъ гербовъ.—№ 8. Казанской, съ изображ. герба.—№ 9. Оренбургской и части Астраханской, съ изображ. Оренбургскаго герба.—№ 10. Тобольской и Енисейской провинцій, съ изображ. Сибирскаго герба.—№ 11. Иркутской провинціи, части Китайскаго государства и Сѣверной Америки, съ изображ. Сибирскаго герба. — № 12. Псковской, части Новгородской и Литваніи, съ изображ. Псковскаго герба.—№ 13. Могилевской, части Литваніи съ изображ. Могилевскаго герба.—Къ Атласу приложено 19 видовъ Москвы и Петербурга, исполненныхъ академическими граверами М. Махаевымъ, Ф. Внуковымъ, Челноковымъ и другими [1].

Настоящая книжка была издана на нѣмецкомъ языкѣ, и напечатана въ Ревелѣ подъ заглавіемъ: Kurze Geographie des Russishen Reiches. Zweite verbesserte Ausgabe. Reval. 1773 [2].

№ 117. Мешенина катоноскарроническая. Сочиненіе періодическое въ стихахъ, выходящее въ свѣтъ для забавы покровителей наукъ, знатоковъ и охотниковъ.—**Post Festum**! то есть по автора переводу съ прибавленіемъ, распространеніемъ, примѣчаніями и прочее: въ м. 8°. два нумера, 32 стр.

Пословица есть русска; послѣ ужины горчица,
Но думаю, что можно въ день простой и въ праздникъ бриться,
Такъ съ новымъ годомъ въ масленицужь можно поздравлять.
Нѣтъ ничего, что мы ужъ далеко въ Генварѣ,
Хоть двадесятое число ужъ въ Календарѣ,
Смѣяться будутъ, но не поздо всѣмъ добра желать,

---

[1] Въ описываемомъ экземплярѣ означенныхъ видовъ не находится; Бакмейстеръ при описаніи этой книжки, не упоминаетъ о нихъ ни слова.—[2] Backm. Russ. Bibl. 2 Band. CXLVIII s 103—104.

Какъ?... что?... такъ поздо! нѣкоторые на Автора вскричать
Потише! господа; читайте перьвую страницу.
Охотники наукъ, найдете перцу и горчицу.
Найдете des bons-bons, и далѣ будете читать,
Охотница моя вить Муза до конфектовъ лакомиться;
И потому васъ потчиваетъ каждая страница.
Не меньше на листѣ ума и разума пять унцъ.

Имярекъ.

Кто сочинитель?

Авторъ.

Знающей меня риөмачь
У него печется риөма какъ калачь,
Отвѣтствуетъ: на унцъ по риөмѣ Авторъ....

Санктпетербургъ
въ Генварѣ 1773 года.

Сопик. Ч. 3. № 3901.—Сумароковъ и соврем. ему критика Булича. Спб. 1854. стр. 286.—Афанасьевъ. Русск. Сатирич. Журн. 1859. Библіогр. Замѣтки стр. 281.—Геннади Русск. Книжн. рѣдкост. стр. 49. № 40. и Справочн. Словарь о Русск. Писат. и Списокъ Русск. книгъ. Берлинъ. т. II. стр. 314—315.—Лонгиновъ, Современникъ 1856. № 11. февр. Библіографич. Рѣдкость Мешенина, стр. 143.—Неустроевъ: Историч. Розысканіе о русск. повремен. изданіяхъ и сборникахъ 1874. стр. 201—203.

Заглавный листъ совершенно отдѣленъ отъ статей журнала; оборотъ его оставленъ порожнимъ, и онъ помѣщенъ на первой страницѣ перваго листа „Мешенины“ [1]. На страницѣ 3—5, находится статья въ прозѣ, составляющая нѣчто въ родѣ предисловія: „Не малой, но не скучной кусокъ предисловія, или нужнаго изъясненія автора для критиковъ: „Авторъ Мешенины“. Эта статья написана въ высшей степени безграмотно; авторъ между прочимъ удивляется мудрымъ дѣяніямъ Екатерины II, названной Минервою; онъ говоритъ что Ее воспѣвали всѣ, но никто еще не забавлялъ и проситъ Ее не осердиться на него за намѣреніе позабавить Ее (стр. 7). О себѣ же несетъ такую чушь: „Господа критики! я васъ боюсь, и для того будь вамъ извѣстно...... Нѣтъ! ужъ давно извѣстно и безспорно, что смертный рожденъ и воспитанъ, и прибывшей въ 24-мъ году отъ роду въ Россію, не можетъ знать Россійскій языкъ

[1] „Мѣшенина“ отъ слова: смѣшеніе, смѣсь; послѣднее служило, какъ извѣстно, заглавіемъ одному изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ 1769 года, котораго издатель до настоящаго времени не извѣстенъ; не въ подражаніе ли этому изданію получила названіе свое Мѣшенина?

такъ совершенно какъ уроженецъ ученный Россійскій; слѣдственно Авторъ, вашъ покорнѣйшій слуга, рожденъ, воспитанъ за моремъ, а сверхъ того слѣдовавъ немалой кусокъ времени ворчанію барабановъ и учившійся семь лѣтъ (голова будучи у него тупа), слушай! на караулъ! на плѣчо! слѣдственно я хотѣлъ сказать, авторъ, быть можетъ, учинитъ нѣсколько не смертоубивственныхъ ошибокъ въ слѣдующемъ сочиненіи противъ правилъ, или свойства Россійскаго языка; слѣдственно, господа критики, вашъ покорный слуга, я, безъизвѣстная тварь, положа тупое мое перо къ вашимъ стопáмъ, прошу васъ мнѣ простить десятокъ другой, третій и четвертой не важныхъ ошибокъ, а то „vos ego!...“—За тѣмъ начинаются стихотворенія. Первое изъ нихъ на стр. 9—12, являетъ собою еще какъ-бы предисловіе подъ заглавіемъ: „Къ знатокамъ и охотникамъ“; родъ увѣдомленія въ какомъ родѣ будетъ Мешенина скарроническая, и состоитъ изъ разговора между „авторомъ“ и „Имярекомъ“, который уговариваетъ перваго бросить сочинительство, между тѣмъ какъ авторъ отстаиваетъ свое намѣреніе, и все оканчивается бранью бесѣдующихъ. Вотъ четыре первые и два послѣдніе стиха этой безсмыслицы:

Купите, господа во время!
Купите, госпожи красавицы, ахъ! ахъ! купите,
Лѣкарство мое! деньгами же нужду не терпите!
Вить нужда сердцу колъ и бремя!...“
. . . .
Хоть тѣломъ кто великъ, и у нево есть деньги, чинъ,
Безъ добродѣтелей, заслугъ, ума онъ малъ, аминь!

На стр. 13-й заглавіе: „Мешенина Катоноскарроническая“; отсюда уже начинается, за предъидущими длинными вступленіями, самый журналъ. Послѣ заглавія идетъ прямо стихотворный разговоръ, опять между авторомъ и имярекомъ, начинающійся такъ:

„Ахъ! ахъ! сколько въ свѣтѣ умираетъ до смерти народа“.

Въ немъ идетъ рѣчь о поздравленіяхъ съ праздникомъ и какихъ-то неудобопонятныхъ спорахъ. Все это пересыпано изрѣдка французскими и нѣмецкими рѣченіями съ переводомъ внизу страницы. На стр. 16-й, заключающей 1-й № (или листъ), галиматья эта прерывается на стихѣ:

„По крайней мѣрѣ такъ, какъ канарейка пой“.

За нимъ слѣдуетъ примѣчаніе: „Первый листъ продается по 8 копѣекъ, и вновь печенный Катоноскарроническій Авторъ покорнѣйше

проситъ простить учиненную въ вѣдомостяхъ въ цѣнѣ ошибку. По 4 копѣйки листъ было бы дешевле грибовъ, и очень понятно, что автору надлежало бы воду пить и банкрутомъ сдѣлаться. Въ вѣдомостяхъ будущей пятницы, почтенной публикѣ донесено будетъ, когда можно получать продолженіе „Мешенины".

Первая страница № 2-го (или листа), 17-я общей нумераціи, начинается прямо продолженіемъ стиховъ № 1-го (Ахъ! ахъ сколько въ свѣтѣ умираетъ"....)

„Красавицы иныя можетъ быть тебя цѣлуютъ"....

Авторъ обращается къ музѣ, проситъ ее настроить балалайку или гудокъ для забавы читателей и осмѣянія недостатковъ людскихъ; стало быть принимается за сатиру. Тутъ завязывается у него съ музою такой-же пустой разговоръ какъ съ имярекомъ; муза отказывается пѣть (сначала ломается, но потомъ мало-по-малу соглашается). Въ стихахъ разсѣяны разныя выходки, (весьма плоскія) на критиковъ. За тѣмъ слѣдуютъ похвалы Екатеринѣ Великой и насмѣшки надъ порицателями смѣлыхъ и геніяльныхъ ея предпріятій. Авторъ между прочимъ говоритъ:

Кому же грезилось во снѣ, что Россовъ флотъ и флагъ,
Прибудетъ къ Дарданелламъ, въ Кипръ да и въ Архипелагъ...."

Страницы 24—28, напечатаны въ два столбца и начинаются такъ: „Одинъ гасконецъ рекъ: ça je me donne au Diable...." Въ одномъ столбцѣ стихотворенія: французское, итальянское, англійское (очень длинное) и нѣмецкое, въ которомъ выражается сомнѣніе иностранцевъ на счетъ успѣховъ русскаго оружія; въ другомъ русскій переводъ этихъ стиховъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 28-й, и 29-й, авторъ извиняется въ томъ, что переводы его слабы, и оправдывается въ томъ, что самъ употребляетъ разные языки, говоря что его „предѣлъ въ томъ состоитъ, комическое довести до самой крайности". Послѣднія страницы, 29—32, заняты опроверженіемъ неосновательныхъ выходокъ иностранцевъ, завистниковъ Россіи, и доказательствами успѣховъ Россіи, управляемой мудрою монархинею. Послѣдній изъ этихъ стиховъ:

„Султанъ Мустафа сатирическимъ лицомъ
И грознымъ"

прерывается краткимъ объявленіемъ: „Въ вѣдомостяхъ дано будетъ знать, когда продолженіе Мѣшенины выходить будетъ.

Все вообще содержаніе журнала нисколько не противорѣчитъ безграмотному и безсмысленному его заглавію, изъ котораго видно что издатель и редакторъ „Мешенины" былъ иностранецъ, написавшій ее безъ участія сотрудниковъ; да и не легко было бы найти лицъ способныхъ подобно „г. Унцъ" писать и печатать образцовую галиматью, содержащуюся въ этомъ „періодическомъ" изданіи, состоящемъ изъ двухъ тощихъ нумеровъ; ибо послѣ журналовъ, выходившихъ въ 1769 и 1770 годахъ, съ сатирическими статьями умно и бойко написанными, дышавшими современностію, и обращавшими на себя вниманіе публики, врядъ ли сыскались охотники платить по 8 копѣекъ за листъ безграмотного вздора, наполняющаго 32 страницы „Мешенины", которой рѣдкость въ настоящее время не трудно объяснить. Единственный до сихъ поръ, извѣстный въ Россіи экземпляръ „Мешенины", находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ, принесенный ей въ даръ извѣстнымъ библіографомъ, знатокомъ и любителемъ книгъ С. Д. Полторацкимъ. Онъ обязанъ сохраненіемъ этой рѣдкости, страсти собирать книги, дѣда своего, г. Хлѣбникова, и нашелъ ее уже давно переплетенною съ двумя старинными книжками, отъ которыхъ и отдѣлилъ ее". [1]

---

[1] Лонгиновъ: Библіографич. рѣдкость Мешенина. Современникъ 1856 г. № 11. февр. стр. 144. По свидѣтельству Лонгинова, „Мешенина" долго была ненаходима, такъ что самое названіе ея превратилось въ какого-то „Мѣщанина". Такъ названа она въ росписи русскихъ журналовъ, помѣщенной въ „Телеграфѣ" 1827. № 22. отд. 1. стр. 83. изъ чего и сдѣлалась она въ „Bulletin du Nord" февр. 1828. стр. 140—„Le Bourgeois". Еще прежде того была она названа „Мѣщаниномъ" въ „Новостяхъ Русской Литературы" Воейкова, 1822. книжка 2, стр. 153, а оттуда перешла въ „Revue Encyclopédique" 1827 ч 33. стр. 285—286, подъ фирмою французскаго „Bourgeois", и подала поводъ къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ автора статьи о „tiers état", и проч. Все это произошло отъ того, что Сопиковъ въ своемъ „Опытѣ россійской библіографіи" т. III. стр. 71, № 3901, назвалъ этотъ журналъ неудобопонятнымъ словомъ „Мѣщанина"; причиною тому вѣроятно то, что даже Сопикову не удалось, въ теченіе всей его жизни, посвященной книжной торговлѣ и библіографіи, видѣть этотъ рѣдкій журналъ. Такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, нѣкоторые его современники-любители". Къ всему этому, присоединяемъ и слѣдующую собственную нашу догадку: Слово „Мѣщанина" въ именительномъ падежѣ не имѣетъ смысла и не существуетъ; Сопиковъ не могъ не знать этого, если даже и не видалъ рѣдкой „Мешенины"; и потому думаемъ, что это скорѣе всего типографская ошибка, которыми какъ извѣстно изобилуетъ „Опытъ" и состоящая въ томъ, что вмѣсто буквы Ш, поставлено Щ.

О выходѣ въ свѣтъ „Мешенины" напечатано было слѣдующее объявленіе въ „Прибавленіи къ 6-му № С. Петербургскихъ Вѣдомостей 18 января 1773 года: „Мѣшенина Катоноскарроническая, продаваться будетъ у переплетчика Вебера на Литейной, въ домѣ вдовы Лапшиной; у переплетчика Белке, въ домѣ дѣвицы Скворцовой, что на Невской большой перспективѣ, близь малой Милліонной, и переплетчика Шеля въ Кадетской линіи, одинъ листъ по 4 к.; первой листъ получить можно Генваря 20 дня." Второе объявленіе было помѣщено на послѣдней, 16-й страницѣ перваго нумера журнала, и приведено выше; публикація о выходѣ втораго нумера, напечатана въ „Прибавленіи" къ № 8-му С. Петербургскихъ Вѣдомостей: съ 1 февраля, второй листъ Мешанины Катоноскарронической въ стихахъ, для забавы покровителей, знатоковъ и охотниковъ наукъ, по 8 к. листъ. Въ слѣдующемъ „Прибавленіи" къ № 9. С. Петерб. Вѣдомостей 29 генваря, эта публикація повторена. Хотя издатель „Мешенины" въ концѣ втораго листа, на стр. 32-й журнала, и заявлялъ о его продолженіи, но въ вѣдомостяхъ никакой публикаціи о немъ не повторилось, и слѣдовательно послѣ втораго листа, онъ прекратился.

№ 118. **Мѣсяцословъ** на **Лѣто** отъ Рождества Христова **1773**, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 127 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Магазинъ Землевѣд. и Путешеств т. III. стр. 561.—Геннади. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 365.—Бакмейст. Russ. Bibl. 1. Band. 6 Stück. s. 548.

Мѣсяцословъ извѣщаетъ о четырехъ имѣющихъ послѣдовать затмѣніяхъ: двухъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ, изъ которыхъ одно солнечное, которое случится 12 марта и второе 5 сентября, только въ южныхъ странахъ и южной Америкѣ. Первое лунное затмѣніе произойдетъ 27 марта, и второе 19 сентября въ 7-мъ часу, 14 м. по полудни, видимое въ Россіи; причемъ приложена таблица съ названіями городовъ, гдѣ послѣднее лунное затмѣніе будетъ видимо. Въ приложеніяхъ къ мѣсяцослову, первая статья состоитъ изъ объясненій „О происхожденіи грома". Академикъ Перевощиковъ первый замѣтилъ что въ этой статьѣ ни слова не упомянуто о знаменитомъ русскомъ физикѣ Ломоносовѣ, имѣющемъ несомнѣнное право на открытіе причины воздушнаго электричества, и на введеніе въ физику такого начала, которое составляетъ нынѣ одно изъ главныхъ основа-

ній метеорологіи.[1] Въ настоящей статьѣ ничего не сказано объ открытіяхъ Ломоносова, и теорія грома вполнѣ приписывается Франклину. Лишь нѣсколько словъ упоминающихъ о скоропостижной смерти профессора Рихмана наблюдавшаго отводы вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, и объ опытахъ Рома во Франціи. Между тѣмъ, Ломоносовъ еще въ 1753 году, 26 ноября, произнесъ въ Академіи „Слово о явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ“[2], которымъ онъ доказалъ, что много потрудился надъ наблюденіями по части электричества. Такой пропускъ въ статьѣ, помѣщенной въ мѣсяцословѣ, издававшемся однимъ и тѣмъ же ученымъ обществомъ, состоявшимъ изъ товарищей Ломоносова, которые не могли не вѣдать его трудовъ, представляется намѣреннымъ, и потому бросающимъ невыгодную тѣнь на многихъ изъ тогдашнихъ академиковъ. Въ Исторіи Академіи Наукъ упоминается о томъ, какъ озабочивало Ломоносова желаніе противниковъ его умалить безсмертныя его открытія, и какъ онъ письменно протестовалъ противъ обвиненія въ заимствованіяхъ у Франклина.— Вторая статья приложеній къ мѣсяцослову содержитъ свѣдѣнія „О Магнитной стрѣлкѣ“, съ таблицей о склоненіи ея въ разныхъ мѣстахъ Россіи; и третья: „Сравненіе разныхъ иностранныхъ вѣсовъ съ Россійскимъ.

1774.

№ 119. Госпожа Вѣстникова съ семьею. Комедія въ одномъ дѣйствіи Сочинена въ Ярославлѣ.—Печатана въ Санктпетербургѣ. (безъ означенія года). 8°. 49 нум. стр. (Счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. ч. 3. № 5343.—Плав. ч. Ш. № 5614.—Смирд. ч. IV № 7061.—Геннади, Справочн. Словарь о русск. писат. т. I. стр. 339.—Лонгин. Драматич. Сочинен. Екатер. II. М. 1857. (отд. оттиск. изъ Русск. Бесѣд. стр. 9. Ш.—Щебальскій, Драматич. и Нравоописат. Сочинен. Екатер. II. Русск. Вѣстн. 1871. т. 93. № 5. стр. 118.—Митр. Евг. Словарь русск. свѣтск. писат. изд. 1845. т. I. стр. 208.—Драматич. Словарь 1787. стр. 38.

Эта пьеса помѣщена во II-й части Россійскаго Ѳеатра; показанія года ея напечатанія въ книжныхъ росписяхъ представляютъ разнорѣчія: У Сопикова означенъ 1774, Плавильщикова 1771, и Смирдина 1772 годъ. Въ „Драматическомъ Словарѣ 1787 года, находится о ней слѣдующій отзывъ: „піеса замысловатая, представлена

---

[1] Магаз. Землевѣд. и Путеств. т. III. стр. 561—562. Истор. Акад. Наукъ Пекарск. т. 2. стр. 524—533.

[2] Губерти „Матеріалы“ Вып. I. стр. 129. № 79.

много разъ на Россійскихъ театрахъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ.—Макаровъ утверждаетъ, что по плану задуманному государынею въ 1772 году, „явилась изъ подъ пера Княгини Дашковой", г-жа Вѣстникова съ семьею. Если вѣрить этому показанію сообщенному будто-бы самою Дашковой, то не должно ли признать участіе княгини и въ другихъ пьэсахъ, сочиненныхъ въ Ярославлѣ, и совершенно одинакимъ образомъ изданныхъ? [1] Впрочемъ, покуда не имѣемъ на это прямыхъ указаній, даже въ „Запискахъ Дашковой" [2].

Теперь перейдемъ къ сообщенію содержанія комедіи: Госпожа Вѣстникова сбалмошная, капризная барыня, держитъ въ рукахъ апатичнаго, лѣниваго мужа, постоянно зѣвающаго и чувствующаго непреодолимый позывъ ко сну; не любитъ молодую, красивую свою невѣстку, (жену сына) завидуетъ ей и притѣсняетъ ее на каждомъ шагу; у нея есть и дочь, почти идіотка, которую она, по словамъ горничной Марьи, „бывало за дѣло и не за дѣло безпрестанно тузила въ голову, и наконецъ этимъ добрымъ воспитаніемъ, изъ слабова умишка сдѣлала вовсе полоумною". Сама Вѣстникова любитъ наряды, не прочь помолодиться, и потому къ ней ходитъ торговка, приносящая ей вмѣстѣ съ модными чепцами и другими нарядами разныя новости и сплетни, собираемыя ею по всему городу; полоумную дочку намѣревается Вѣстникова выдать замужъ, и мѣтитъ на молодаго человѣка Тратова, который встрѣчая въ „комедіи" красавицу-невѣстку съ семействомъ Вѣстниковой, принимаетъ ее за ея дочку, влюбляется въ послѣднюю, и чрезъ общихъ друзей дѣлаетъ предложеніе, на которое не получаетъ отвѣта; тогда влюбленный является къ Вѣстниковымъ, чтобы лично посвататься; онъ объясняется съ Вѣстниковой, которая послѣ многихъ отговорокъ, соглашается на прозьбы его, переговорить съ дочерью. Тутъ входитъ невѣстка, принимаемая Тратовымъ за дочь Вѣстниковой, и онъ проситъ ее согласиться на счастіе его; на что она удивленная, отвѣчаетъ, что ему нѣтъ никакой нужды въ ея согласіи, въ случаѣ если отецъ и мать не будутъ противъ его желанія; является мужъ ея, котораго Тратовъ проситъ также о содѣйствіи, и

---

[1] Помѣту „въ Ярославлѣ" должно считать литературною мистификаціей, потому что „въ Ярославлѣ императрица была только въ 1763 г., съ 25 по 28 мая, и въ 1767 г., съ 9 по 13 мая; а въ 1771 и 1772 гг. вовсе не выѣзжала изъ Петербурга (Живописецъ Н. И. Новикова 1772—1773. Изд. седьмое П. А. Ефремова. Спб. 1864. Прим. къ 1-й части, стр. 323).—[2] Библіогр. Зап. т. 1. 1858. столб. 499.

тотъ увѣряетъ, что исканіямъ молодаго человѣка никакихъ препятствій не будетъ; онъ приглашаетъ его къ матери для окончанія дѣла. По уходѣ ихъ вбѣгаетъ полоумная дочь Вѣстниковой, кричитъ, бѣгаетъ по сценѣ съ радости, что у нея есть женихъ, и продолжаетъ дурить, не смотря на увѣщанія невѣстки и горничной вести себя по пристойнѣе, она не перестаетъ болтать всякій вздоръ, между тѣмъ какъ тѣ унимаютъ ее и учатъ, какъ она должна держать себя при женихѣ. Входитъ Тратовъ, и не замѣчая дочери Вѣстниковой, обращается къ невѣсткѣ съ повтореніемъ прозьбы своей о ея согласіи сдѣлать его счастливымъ; наконецъ, видя что она не понимаетъ въ чемъ дѣло, онъ схватываетъ ее за руку, и прямо дѣлаетъ ей предложеніе. Въ концѣ концовъ недоразумѣніе объясняется, и Тратовъ къ великому своему отчаянію, узнаетъ ошибку свою, вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что любимая имъ особа за-мужемъ. Является Вѣстникова и объявляетъ Тратову согласіе свое на бракъ съ дочерью, но онъ говоритъ ей, что его сокровищемъ владѣетъ другой, и потому онъ долженъ отказаться отъ счастія. Вѣстникова, принимая слова его на счетъ дочери, оскорбляется и обвиняетъ его въ намѣреніи безчестить честную дѣвушку, причемъ говоритъ: „Незамай она глупа: только отнюдь она безчестною не бывала". Несмотря однако на завѣренія Тратова что у него и въ мысляхъ не было оскорбить дочь ея, расходившаяся мать не унимается; обвиняетъ нелюбимую невѣстку, нападаетъ на мужа и сына за то, что они не могутъ защитить ея дочь, и выгоняетъ Тратова изъ дома.—На вышепомянутомъ „quiproquo" и основана завязка этой довольно игривой пьэски. Она заключается появленіемъ внука Вѣстниковой съ учителемъ французомъ, заставляющимъ воспитанника своего кланяться „faire la révérence", но не угождаетъ этимъ бабушкѣ, которая говоритъ: „я не знаю зачѣмъ мы деньги тратимъ, держа такого безтолковаго шалуна; чертъ знаетъ чему онъ учитъ"; Наставникъ, слышащій такое нелестное о себѣ мнѣніе, обращается къ ученику съ словами: „Monsieur, dites ce que vous savez; говорить все что знай", и внучекъ залпомъ здоровается со всѣми на французскомъ языкѣ. Вѣстникова не удовлетворяется даже и этимъ, и указывая на учителя говоритъ: „Ужесть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому", и прибавляетъ: „мнѣ обѣщали достать другаго, который гдѣ-то былъ прежде скороходомъ, а этотъ бывшій кучеръ, пусть по прежнему пойдетъ къ кому-нибудь въ кучера". За тѣмъ мужъ ея отправляется спать; на вошедшаго лакея съ докладомъ, что кушанье поставлено, барыня сердится что „рано", бранитъ вообще прислугу и говоритъ: „Да полно что и требовать отъ людей. И свѣтъ-отъ нынѣча

весь не понашему. Въ мое-то время все не такъ было. Все было лучше: да и сама я, правду сказать, не какъ нынѣшніе, была сколсырь-баба; всѣ старухи меня пересужали; ну! пойдемтежъ ужинать; что прошло, того не возвратить".

О времени перваго представленія „госпожи Вѣстниковой" нѣтъ никакихъ указаній. Свидѣтельство митрополита Евгенія о годѣ напечатанія комедіи, согласно съ указаніемъ Смирдина, Лонгинова, Галахова и Геннади съ извѣстіями о томъ Сопикова и Плавильщикова; Г. Щебальскій, не считая помѣту: „сочинена въ Ярославлѣ", за литературную мистификацію, и имѣя въ виду, что комедія была помѣщена въ 11 части „Россійскаго Ѳеатра", вмѣстѣ съ прочими „Ярославскими пьесами принимаетъ свидѣтельство Евгенія и Смирдина [1]. Въ изданіи послѣдняго „сочиненій Екатерины II", комедія также перепечатана; она переведена на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Madame Vestnikova avec sa famille"; и находится въ особомъ сборникѣ 1772 года въ Королевской Библіотекѣ въ Парижѣ (La France littéraire) [2].

1775.

№ 120. Меропа Трагедія господина **Волтера** Переложена въ стихи изъ Русскія прозы **Васильемъ Майковымъ.**—Въ Москвѣ, при Государственной Военной Коллегіи 1775 года. 8°. 83 нум. (счетъ съ заглавн. листа) и 1 ненум. стр. (ошибки типографскія).

Сопик. Ч. 5. № 11926.—Плавильщ. Ч. III. № 6177.—Смирд. Ч. IV. № 6929.—Новик. Опытъ историч. Словар. о Росс. Писат. 1772. стр. 134.—Митр. Евген. Словарь свѣтск. писат. 1845. т. II. стр. 41.—Драм. Словарь 1787. стр. 79.—Катал. Демидова стр. 217.—Геннади, Справочн. Словарь о русск. писат. т. 2. стр. 275.—Сочиненія и Переводы В. И. Майкова, изд. И. И. Глазун. подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб. 1867. Библіографич. Замѣтки. стр. 569.

Переложенная Майковымъ въ стихи трагедія Вольтера относится къ петербургскому періоду литературной дѣятельности этого, въ настоящее время едва ли почти не забытаго писателя; тѣмъ не менѣе, для изслѣдователя литературы XVIII столѣтія и занимающагося изученіемъ ея дѣятелей, не будетъ излишнимъ знать, что прозаической переводъ „Меропы" существовалъ почти за тридцать лѣтъ до стихо-

---

[1] Описаніе трехъ комедій Екатерины II. „Матеріалы" Губерти. Вып. II. №№: 105. стр. 222. 106. стр. 224 и 107. стр. 226.—[2] Щебальскій. Драматич. и нравоописат. сочинен. Екатер. II. Русск. Вѣстн. 1871. т. 93. № 5. стр. 113.

творной его передѣлки Майковымъ, въ русской письменной литературѣ. По незнанію послѣднимъ иностранныхъ языковъ, весьма вѣроятно, что помянутый переводъ служилъ ему подлинникомъ при его трудѣ. Въ библіотекѣ пишущаго эти строки находится списокъ, впрочемъ довольно неисправный русскаго перевода въ прозѣ „Меропы"; рукопись въ четвертую долю листа разнаго дурнаго, но четкаго почерка на 81 листѣ. Приводимъ здѣсь какъ заглавіе ея, такъ начало перваго и конецъ послѣдняго дѣйствія, съ точнымъ сохраненіемъ правописанія, предполагая, какъ сказано выше, что Майковъ для своего переложенія трагедіи въ стихи, могъ пользоваться подобнымъ спискомъ. Думаемъ, что сопоставленіе извлеченія начала и конца рукописи съ тѣми же мѣстами печатнаго изданія „Меропы" въ стихотворномъ переложеніи Майкова, дастъ возможность судить, насколько послѣдній превзошелъ предшествовавшій его труду переводъ трагедіи въ прозѣ.

Заглавіе рукописи слѣдующее: Трагедиа Меро́пы с' Французского переведѣниа на руской; октабрѧ 18 днѧ 1746 годꙋ. К' санктпетербꙋргѣ [1]. На первомъ листѣ помѣщено содержаніе трагедіи: „Предузнанія ра́ди матеріи сей трагедии предлагаетца читателю краткое здесь описание: Царица Меропа Мессенская была дочь славнаго царя Алцида; мужъ ея Кресѳонтъ победилъ сынъ Гераклидовъ от' крови Юпитера происходящи; Полиѳонтъ военачальникъ Кресѳонтовъ победилъ разбойниковъ в' Пилосе і в' Амѳризіи, и потомъ великие чины и милость получилъ ѿ своего Государя, котораго неприятели умножаясь, пришли Мессенъ разорити. Полиѳонтъ, неблагодарной, ѕлостию вразумленны, захотелъ похитить корону, і ненасытнымъ желаниемъ власти, ізменилъ царю своему соединясь съ ево злодѣями; самъ своими руками убилъ Кресѳонта і двухъ сыновеи ево, пустя во градъ неприятеля и возмутя междуусобную брань в' народе. Ежистъ, третеи сынъ Кресфонтовъ, тогда еще былъ четырехъ лѣтъ; Нарбасъ, вѣрнои совѣтникъ отца ево, в' часъ самаго бунта і кровопролития, на рукахъ своихъ унесъ Ежиста, и жилъ с' нимъ в' степяхъ Елидскихъ даже до техъ поръ пока миръ в' Мессене заключили; а царица Меропа между тѣмъ была в' ссылкѣ и во ѡковахъ до техъ поръ, пока Полиѳонтъ успокоя бун-

---

[1] Въ томъ же кожаномъ современномъ рукописи переплетѣ, къ первой присоединена другая подъ заглавіемъ: Добродѣтельная Сициліанка, или о приключеніи маркизы Албелины 1747. Была напечатана два раза: въ 1767 и 1794 годахъ съ заглавіемъ: Жизнь добродѣтельной Сициліянки, или приключенія Маркизы Албелины, переводъ съ Французскаго. 2 ч. Москва. 8°. Сопик. Ч. 3. №№ 3972 и 3973.

тующихъ, привесъ ее въ Мессенъ, чтоб' на ней женитца, и под' видомъ сего брака похитить державы скипетръ". На второмъ листѣ рукописи показаны: „дѣйствующия персоны": Меропа—царица мессенская. Ежистъ—сынъ ея. Полиѳонтъ—возмутитель народа, хищникъ царской жизни. Нарбасъ—хранитель Ежистовъ, которой воспиталъ его в' пустыни. Еврiклесъ—вѣрнои военачальникъ царицы. Ероѯъ—оаворитъ Полиѳонтовъ. Іcмения—поверенная царицы Меропы.—Здѣсь слѣдуетъ начало „акта 1-го, и „Части (явленія) 1-й":

Меропа, Исменія.
Исменія.

„Отбей все страхи великая Царица і наслаждайся приятности днеи ясныхъ, родившихся из' самой утробы ужасныхъ бурей; боги гневъ свой утолили, нынѣ дали намъ покойной миръ с' победой! Чувствуй ихъ благодеяніи! Месенъ пятнадцать лѣтъ терпя войну и брань междоусобну, приемлетъ видъ нетороπливои, лишается, терпитъ грабежъ; глаза ваши не будутъ зреть своихъ злодѣевъ, началниковъ враговъ толь ненавистныхъ, кои хоть разные между собой імели причины, но в' ненависти зловредной все были соединены пролитиемъ напрасной крови, грабежемъ и разореніемъ; наслѣдие царей нашихъ похитить хотели; началники наши нынѣ, і граждапя пред' вашими очами подобны стали органу закона! Служители боговъ свободно готовятъ корону! Не спорно вамъ та принадлежитъ, когда (ее) вручаетъ добродѣтель! Ты едина господствовать над' нами імѣешъ право; ты вдова оставшаяся после Кресѳонта, и дочь преславныхъ царей нашихъ! Тебя великое терпенье бедствия чрезъ пятнатцать лѣтъ, і постоянство чинятъ какъ наіболѣ августейшу, такъ і всемъ намъ милу і приятну! Тебѣ всегда в' сердцахъ нашихъ преданна кровь кипела, хоть всякои жарку мысль скрывать і принужденъ былъ"!—Этотъ же самый монологъ въ стихотворной передѣлкѣ Майкова является такъ:

Исмена.

Царица, изстреби мечтанія ужасны,
Вкушай пріятности надежды въ дни прекрасны,
Которыя теперь изъ нѣдръ свирѣпыхъ тучь
Родившися, ліютъ на всѣхъ насъ ясный лучь;
Побѣду боги намъ и миръ желанный дали.
Довольно ужъ тебя тоска и грусть снѣдали:
Сей градъ пятнатцать лѣтъ гнѣвъ чувствуя небесъ,
Изъ пепла падшихъ стѣнъ, главу свою вознесъ;
Не будешь зрѣть вождей корыстью раздѣленныхъ,

На пагубу людей злодѣйствомъ съединенныхъ
Желающихъ имѣть во области своей
Престолъ—наслѣдіе преславнѣйшихъ Царей.
Жрецы, вѣщатели божественныя власти,
Вельможи и народъ, согласно и безъ страсти,
Хотятъ достоинство на тронѣ увѣнчать;
И естьли истинна не будетъ здѣсь молчать,
То безъ сомнѣнія тебѣ сей тронъ довлѣетъ,
Меропа правá всѣ къ владычеству имѣетъ;
Ты нашихъ дщерь Царей, Кресфонтова жена
И добродѣтель всѣмъ твоя предпочтена;
Ты, коей твердый духъ дней лютость испытала
Священнѣй намъ еще, и драгоцѣннѣй стала
Ты, коей в' тайнѣ вся вѣрна страна сія! [1]

Часть (явленіе) послѣдняя по рукописи:

Меропа, Ежистъ, Ісменія, Нарбасъ, Евриклесъ и народъ.

Евриклесъ.

„Покажите Гд҃рня успокоенному граду удоволствіе новое заобращеніе вѣрности к' наслѣднику, цр҃ю его; имя ево изо устъ лѣтая, всѣ умы плѣняетъ, всѣ сердца переменило! Друзья наши в' недоуменіи; народъ радостные взноситъ клики, почитая цр҃я посланнаго с' нéба, блажитъ вашего сн҃а, блажитъ и любовь к' нему вашу вѣчно всѣ ужасной день сей посвящаютъ! Всякъ хочетъ любезной зракъ ево увидѣть; всякъ желаетъ зреть Нарбаса и вамъ поклонитца; имя Полиѳонта вездѣ проклинаютъ; имя ваше и цр҃я своего славятъ. О цр҃ю! вниди в' радость своея побѣды; вкуси сладость твоего триумѳа! Сія сладость, наша любовь обща; она на свѣте лутче славы!

Ежистъ.

Она не мнѣ і принадлежитъ; слава сія богамъ, буде щастие і добродѣтель намъ отнихъ приходитъ. Пойдемъ взоітить на тронъ, поставя тамъ мать мою прежде; а ты, драгой Нарбасъ, отцъ мнѣ вѣчно буди!

Въ стихотворной передѣлкѣ печатнаго изданія:

---

[1] Меропа, дѣйств. 1-е, явлен. I, стр. 3—4.

Прежніе и Евриклей.

Евриклей.

Царица покажи народу ты себя,
Который съ жадностью желаетъ зрѣть тебя;
Разсѣянная вѣсть о здравьи ихъ владыки,
Произвела въ сердцахъ движенія велики;
Обрадованный градъ въ восторгѣ слезы льетъ,
О немъ и о тебѣ мольбы на небо шлетъ.
И въ празднество сей день ужасный премѣняетъ,
Всякъ зрѣть его лице священное желаетъ,
Хотятъ достойную Парбасу честь воздать,
Всѣ сыну твоему готовы присягать;
И въ знакъ усердія колѣна преклоняютъ.
А Полифонта всѣ, повсюду проклинаютъ.
О Царь! ступай своей побѣдой насладись,
И въ отческомъ вѣнцѣ пароду покажись!

Ежистъ.

Побѣды слава сей богамъ однимъ довлѣетъ,
Вашъ Царь ее отъ ихъ днесь помощи имѣетъ.
Пойдемъ, о мать моя! восприммемъ нашъ вѣнецъ;
А ты возлюбленный Нарбасъ, мнѣ будь отецъ! [1]

Ограничиваемся этими выписками изъ рукописи нашей и печатнаго изданія трагедіи. Кто знакомъ съ драматическими произведеніями Сумарокова, тотъ не можетъ не замѣтить что Майковъ старался подражать „отцу россійскаго театра", какъ тотъ въ свою очередь былъ подражателемъ Расина; если первые по времени русскіе писатели XVIII вѣка, ставили себѣ за образцы творенія французскихъ авторовъ, то немудрено что второстепенные смотрѣли на этихъ подражателей какъ на учителей своихъ [2].

---

[1] Рукоп. стр. 80—81.

[2] Извѣстно, что русская литератута XVIII вѣка, вступая въ тѣсную связь съ литературой западно-европейской, прежде всего усвоила себѣ ту условность и искусственность поэтическихъ образовъ и формъ, которыя господствовали тогда въ послѣдней. Эта условность и искусственность и составляла отличительную черту ложно-классической литературной теоріи. Требованія ея были строго наблюдаемы въ литературѣ XVIII вѣка; тиранія ихъ была такъ велика, что никто и не думалъ ихъ нарушить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ велика была ихъ опредѣленность: въ слѣдствіе того всякій, кто слагалъ стихи по извѣстнымъ

„Меропа“ переложенная въ стихи Майковымъ, и напечатанная въ 1775 году, болѣе не имѣла изданій; трагедія не вошла въ весьма впрочемъ неисправно изданныя сочиненія его въ началѣ XIX столѣтія [1], и не помѣщена въ изданныя П. И. Глазуновымъ подъ редакціею П. А. Ефремова: Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Спб. 1867, вмѣстѣ съ переводомъ „осьми книгъ Овидіевыхъ превращеній“, и частью перевода поэмы Буало: „Налой“, по причинѣ какъ сказано въ предисловіи: „ихъ обширности и малому интересу, который они представляютъ“ [2] Кстатѣ замѣтить здѣсь, что трагедія переложенная въ стихи Майковымъ, заслужила лестный отзывъ Новикова въ его „Опытѣ историч. Словаря (стр. 134). Упоминаетъ о ней кратко и Драматической Словарь; однако этотъ отзывъ относится не къ Майкову, но къ самому Вольтеру: „замѣчательна мысль автора въ сей трагедіи, въ характерѣ Меропы, коя безъ любви тронула всѣхъ сердца“ (стр. 79).

О продажѣ настоящаго изданія трагедіи напечатано извѣстіе въ Прибавленіи къ № 90 Московскихъ Вѣдомостей 1775 года; въ „Росписи продававшихся въ типографіи Государственной Военной Коллегіи безъ переплету, статамъ и другимъ книгамъ“, въ числѣ напечатанныхъ тамъ трагедій Майкова, упомянута и „Меропа“, которой цѣна означена по 50 коп. за экземпляръ.

№ 121. Дейдамія Трагедія, Покойнымъ Надворнымъ Совѣтникомъ и Императорской Санктпетербургской Академіи наукъ краснорѣчія, Профессоромъ Василіемъ Кириловичемъ Тредіаковскимъ, сочиненная въ 1750 году, печатана первымъ тисненіемъ.—**въ Москвѣ, 1775 года.** 8°. 14 ненум. (Посвященіе, краткое описаніе жизни и ученыхъ трудовъ сочинителя сей трагедіи, и оглавленіе трагедіи Дейдаміи), и 127 нум. страницъ. Гравированный на мѣди портретъ Тредіаковскаго.

Сопик. ч. 5. № 11884.—Плавильщ. ч. III. № 6141.—Смирд. ч. IV. № 6888.—Катал. Демид. стр. 217.—Новиковъ. Опытъ Историч. Словаря 1772. стр. 210.—Митр. Евген. Словарь. изд. 1845. т. II. стр. 221.—Драм. Словарь 1787 стр. 44.—Бант. Каменск. Словарь. ч. 5. 1836. стр. 147.—Перевлѣсск. Собр. сочин. извѣстнѣйшихъ писат. Вып. 3-й, Избранн. соч. В. К. Тредіаковск. 1849. стр. XXVIII.—

правиламъ, считался поэтомъ. Сочин. и Переводы В. И. Майкова, 1867. О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова, стр. XLV.—[1] Сочиненія Василія Майкова, или Собраніе Остроумныхъ, Сатирическихъ, Забавныхъ Поемъ, Нравственныхъ Басенъ и Сказокъ, Театральныхъ и другихъ его Лирическихъ твореній. Спб. напечатано при 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1809. 8°.—[2] Сочин. и Перевод. В. И. Майкова, 1867. Нѣсколько словъ объ изданіи. стр. V—VI.

Пекарск. Исторія. Акад. Наукъ. т. II. стр. 231—232.—Соч. Тредіаков. изд. Смирдина. 1849 т. I. Березинъ-Ширяевъ, Матеріалы для Библіографіи. кн. II Спб. 1868 стр. 57—58.

Тредіаковскій посвятилъ трагедію бывшему своему литературному врагу Сумарокову, съ которымъ окончательно примирился въ 1759 году, и сдѣлался сотрудникомъ его въ издававшейся первымъ „Трудолюбивой Пчелѣ[1]. Посвященіе къ „Дейдаміи" помѣщено на первой ненумерованной страницѣ: „Его Превосходительству, Господину Статскому Дѣйствительному Совѣтнику, ордена Святыя Анны Кавалеру, и Лейпцигскаго ученаго собранія Члену, Александру Петровичу Сумарокову, сія Трагедія, По завѣщанію Сочинителя, въ знакъ вѣчныя памяти, посвящается". За тѣмъ слѣдуетъ краткая біографія Тредіаковскаго, въ которой, противъ извѣстій напечатанныхъ о немъ въ „Опытѣ историческаго Словаря" Новикова, упомянуто вновь только о томъ, что онъ „будучи въ 1744 году въ Москвѣ, женился на дѣвицѣ Марьѣ Филлиповнѣ Сибилевой, отъ которой родилъ сына Льва, служащаго нынѣ при герольдмейстерской конторѣ секретаремъ, съ чиномъ Коллежскаго Ассессора" (Дейд. стр. 4 ненум. стр.). Въ концѣ жизнеописанія сказано между прочимъ: что Тредіаковскій „не только исправлялъ рѣшительно все, по его чину ему принадлежащее, но и сверхъ того, трудился въ историческомъ собраніи три года, отправлялъ многократно должность Секретаря, будучи уже Профессоромъ, и въ тоже время читалъ лекціи въ Академическомъ университетѣ, и отправлялъ должность унтеръ-библіотекаря; при томъ, не обинуясь къ его чести сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ правильному стихотворству, и первый положилъ толико труда и прилѣжанія въ переводѣ на Россійскій языкъ преполезныхъ книгъ."— Къ біографіи приложена слѣдующая роспись сочиненій и переводовъ Тредіаковскаго какъ изданныхъ въ свѣтъ, такъ и неизданныхъ, оставшихся въ рукописяхъ. Имѣя въ виду рѣдкость описываемой книги, считаемъ нужнымъ привести здѣсь вполнѣ означенную роспись, со всѣми ея неточностями, ошибками и сохраненіемъ правописанія издателя. Она также какъ и самая біографія, напечатана курсивомъ, и занимаетъ собою около семи страницъ:

„Сочиненія Тредіаковскаго изданные печатно въ свѣтъ: 1. Способъ Россійскаго стихосложенія печатанъ въ С. П. Б. 1735

---

[1] На это примиреніе Ломоносовъ написалъ эпиграмму: „Злобное примиреніе". Москвитянинъ 1854 г. отд IV. Документы изъ портфелей Мюллера 1—3. Исторія Акад. Наукъ Пекарскаго т. II. стр. 212—213.

года.—2. Разговоръ о правописаніи Россійскомъ, напечатанъ въ С. П. Б., 1748 года.—3. Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще, напечатано въ собраніи сочиненій его и переводовъ, въ С. П. Б. 1752 года.—4. Письмо къ пріятелю о пользѣ гражданской, происходящей отъ поэзіи, печатано тамъ же.—5. Есоповы басни въ стихахъ, тамъ же.—6. Разсужденіе вообще объ одѣ, и притомъ 3 оды: 1. На здачу Гданска. 2. На коронацію Государыни Елисаветъ Петровны, и 3, благодарственное къ Ней же, напечатаны тамъ же.—7. Разсужденіе о комедіи вообще, напечатано въ 1 томѣ тогожъ собранія 1752, напечатано и при Комедіи Евнухѣ, 1776 напечатается.—8. Плачь о кончинѣ Петра Великаго, напечатанъ во 2-мъ же томѣ.—9. Трагедія Дейдамія, напечатана 1775 году, въ Москвѣ.—10. Разсужденіе о истинѣ сраженія у Горацієвъ съ Куріаціями, напечатано въ ежемѣсячныхъ Академическихъ сочиненіяхъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, 1755 года.—11. Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ Россійскомъ стихотвореніи, напечатано въ Академическомъ сочиненіи, въ Іюнѣ 1755.—12. Ода о пріятностяхъ весны, напечатана въ Академическомъ ежемѣсячномъ сочиненіи, въ Маіѣ 1756 году.—13. Идиллія Ниса, напечатана въ Мартѣ 1757 году.—14. Разсужденіе о безпорочности и пріятности деревенскія жизни, въ Іюлѣ, 1757 году.—15. Слово о богатомъ, различномъ и несходственномъ витійствѣ, напечатано на Латинскомъ и Россійскомъ языкѣ въ Санктпетербургѣ.—16. Нѣсколько Давидовыхъ псалмовъ, пророческихъ пѣсней въ стихахъ, напечатано въ собраніи сочиненій его и переводовъ, 1752 году.—17 и 19. Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, напечатаны въ С. П. Б. 1773 году.—20. Сонетъ изъ рѣчи: добродѣтель почитающихъ ее вѣнчаетъ. Напечатанъ въ Трудолюбивой Пчелѣ, Марта 1759 года.—21. Слово о терпѣніи и нетерпеливости, напечатано въ собраніи сочиненій и переводовъ его 1752 году.—Переводы напечатанные же: 1 и 2. Два тома Сентъ-Реміевыхъ Записокъ Артиллерійскихъ, въ С. П. Б. 1732.—3. Военное состояніе Оттоманской имперіи, и исторія о двухъ возмущеніяхъ въ Константинополѣ, 1737, въ С. П. Б.—4 и 5. Родословной Татарской исторіи два тома, въ С. П. Б. 1769.—6. Истинная политика Катоновыми стихами, 1735, въ С. П. Б.—7 и 8. Аргениды Барклаевой двѣ части, въ С. П. Б. 1758 году.—9. Боалова наука о стихотворствѣ, въ четырехъ пѣсняхъ.—10. Гораціева епистола о стихотворствѣ же, напечатана въ 1 томѣ его сочиненій и переводовъ, въ С. П. Б. 1752.—11 и 20. Десять томовъ древней исторіи Ролленевой, напечатанной въ С. П. Б. въ разныхъ годахъ, въ 4" листа.—21 и 35. Римской Ролленевой исторіи, шеснат-

цать томовъ, напечатаной въ С. П. Б. въ разныхъ годахъ, въ 4° листа.—36. Житіе и дѣла Аглинскаго Канцлера Бакона, напечатано въ Москвѣ при Университетѣ въ 4° листа, 1759 года.—37. Тилимахида, преложенная бѣлыми безъ рифмъ стихами, съ фенелонова Телемака, съ разсужденіемъ объ ироической піимѣ, въ С. П. Б. 1766 года, въ 4° листа.—38 и 41. Четыре тома Кревіеровой исторіи о Римскихъ Императорахъ, въ С. П. Б., въ разныхъ годахъ, въ 4° листа.—42. Ѣзда во островъ любьви, 1730, въ С. П. Б.—43. Евнухъ, Теренціева комедія 1776.—44. Опытъ историческій и критическій о разгласіяхъ церквей въ Польшѣ, въ С. П. Б. 1769.—45. Полные переводы Оперъ и екстракты комедій, представленныхъ на придворномъ театрѣ въ Императорствованіе Анны Іоанновны, напечатаны въ С.-Петербургѣ въ разныхъ годахъ.—46. Того же времени оды Профессора, г. Юнкера, и Совѣтника г. Штелина, имъ же переводимы, печатаны въ С. П. Б. въ разныхъ годахъ.—Рукописныя его же сочиненія не изданныя еще въ свѣтъ: 1. Россійской Парнасъ.—2. Математическія и Историческія наблюденія о сысканіи Пасхи по старому и новому стилю.—3. Разсужденіе о шелкѣ и червяхъ.—5 (sic) Объ окончаніяхъ Россійскихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ.—6. Объ окончаніяхъ же Россійскихъ женскихъ именъ съ Греческихъ и Латинскихъ на Асъ и Исъ.—7 и 11. Пять разсужденій, о силѣ нравоучительной философіи и о начальномъ правѣ.—12 и 17. Ѳеоптія, или Богозрѣніе, состоящая изъ 6 писемъ въ стихахъ.—18. Собраніе сонетовъ разныхъ.—19. Вся Псалтирь и Пѣсни, преложенныя въ стихи.—20. Имны въ защищеніе духовныхъ лицъ.—21. Духовная его, при самой кончинѣ сочиненная, въ 1769 году.—22. Рѣчи краткія но сильныя.—23. Собраніе епиграммъ краткихъ, но замысловатыхъ на разные случаи, имъ сочиненныхъ.—24. Собраніе духовныхъ и свѣтскихъ пѣсенъ, въ разныя времена имъ сочиненныхъ.—25. Опричь сего, сей трудолюбивый, вѣчной похвалы достойный мужъ, при всякомъ томѣ древней Римской и объ Императорахъ Римскихъ исторіи, какъ и при другихъ своихъ книгахъ, сочинялъ отъ себя пространныя разсужденія о разныхъ матеріяхъ, коихъ собраніе учинитъ нарочитую книгу.—26. Онъ же, превеликое множество переводилъ дѣлъ съ Латинскаго, Французскаго и Греческаго языковъ, для Академической конференціи и канцеляріи. Смотри опытъ историческаго словаря о Россійскихъ Писателяхъ, напечатанный въ С. П. Б. 1772. стр. 217 и 225 [1].

---

[1] Собственная ссылка издателя „Дейдаміи“. Пользуясь при составленіи настоящей росписи „Опытомъ Новикова, онъ внесъ въ нее всѣ неточности и погрѣшности находящіяся въ „Словарѣ“.

Въ заключеніе „росписи", издатель трагедіи говоритъ: „Достодолжная ему хвала, неизвѣстнымъ, но ему подражательнымъ перомъ начертанная, представляется въ сочиненныхъ стихахъ къ его портрету въ 1766 году писанному, А нынѣ вырѣзанному на мѣди, и на хартіи изображенному. Оные сообщаются здѣсь" (Дейд. стр. 12). Помѣщены тѣ же стихи, что находятся подъ портретомъ. О томъ и другомъ будетъ сказано ниже.

Передъ трагедіею помѣщено слѣдующее перечневое ея описаніе сочиненное Тредіаковскимъ, и напечатанное курсивомъ: „Молодшая Өетида, дочь Нереева и Дорисина, бывши выдана за Пелея, Эакова сына, а брата Теламонова, родила отъ него сынажъ, кой былъ названъ Ахиллесомъ. Сія увѣдавши о прореченномъ отъ Калханта жреца, что безъ Ахиллеса сына ея, не можно взять будетъ Грекамъ города Трои, и что онъ тамъ имѣетъ быть убитъ, перерядила его въ дѣвическое платье, когда еще было ему токмо девять лѣтъ, и отослала на островъ Скиросъ (нынѣ называемый Широ, на Нордъ-Остъ отъ острова Эвбеи, или Негропонта), къ Царю Ликодему, дабы ему тамъ быть воспитану и укрыту. Ахиллесъ пребывая у того Царя, (я полагаю, что онъ у него жилъ девять же лѣтъ) и хотя въ дѣвическомъ платьѣ подъ именемъ Пирры, имѣлъ свободный случай полюбить дочь сего Царя, именемъ Дейдамію, и быть отъ нея любимъ взаимно; но когда Греческое ополченіе противъ Трои собралось все въ Авлиду (городъ и портъ Беотическій на Эвбейскомъ, или Негропонтскомъ проливѣ), то Калхантъ объявилъ, что Ахиллесъ укрытъ на помянутомъ островѣ Скиросѣ, дѣвическимъ одѣяніемъ: чего ради и отправленъ по него къ Царю Ликодему посломъ Улиссъ, Царь Итакскій. Между прочими дарами, кои посолъ привезъ Царевнѣ и придворнымъ ея дѣвицамъ, примѣтилъ онъ оружіе, за которое Ахиллесъ по природѣ своей охотнѣе ухватился, оставивъ нѣжные дары другимъ дѣвицамъ. Сіе самое было указаніемъ, по которому Улиссъ призналъ Ахиллеса: „Всежъ сіе есть", говоритъ въ заключеніе Тредіаковскій", „самымъ грунтомъ въ моей трагедіи; но всякъ чувствуетъ, что сей грунтъ приличенъ больше героической комедіи, нежели трагической штукѣ: того ради я былъ принужденъ, выбравъ сей случай въ баснословіи, въ матерію себѣ, вымыслить отъ себя много новаго и соединить съ онымъ приключеніемъ, дабы моей поемѣ быть трагедіею. Вольность сія дана трагическимъ Піитамъ еще отъ Аристотеля и подтверждена, что до басенъ, отъ Великаго Французскаго трагика Петра Корнелія, какъ словами во второмъ его разсужденіи о драммѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ егожъ трагедіяхъ прямымъ дѣломъ. Смотрители и

читатели имѣютъ самы разсудить, былъ ли я счастливъ, сочиняя первую еще трагическую сїю поему, въ наблюденїи вѣроятности въ томъ, что отъ меня вымышлено и придано (Дейд. стр. 1—3) [1].

Пятиактная „Дейдамія" никогда не была играна, хотя авторъ ея надѣялся на то, что она будетъ имѣть „смотрителей"; но едвали нашлось много охотниковъ рѣшившихся на подвигъ даже прочитать ее отъ начала до конца! Какого рода стихами написана трагедія, можно видѣть изъ нижеслѣдующей выписки: „Дѣйствіе первое, явленіе 1-е, стр. 5.

Навплія (дочь нѣкотораго знатнаго князя Скиросскаго, пребывающая при дворѣ Ликодемовомъ, любящая Ахиллеса).

(въ горести и отчаяніи)

Безщастная любовь! несносная противность!
И устремленна внутрь всякъ часъ нетерпѣливость!
Вселившійся давно въ утробу ядъ мою,
Кой производитъ толь въ ней лютость всю твою!
Престань хотя на часъ въ лишившейся успѣха,
Въ незнающей уже, что въ свѣтѣ семъ утѣха!
Чтобъ нынѣ мнѣ себя хоть мало разсмотрѣть
И въ вольности моей съ жалѣніемъ воззрѣть;
А утвердиться въ томъ, о чемъ я помышляю,
На что и съ сердцемъ духъ всемѣрно устремляю
Неблагодарный мой что дѣлаетъ какъ зрю,
То лучше, да любовь во гнѣвъ я претворю,
Упрямствомъ все его, да восприму въ обиду,
Да тайно мщу ему, съ ласканіемъ по виду...
. . . .

Точно также въ слѣдующихъ стихахъ вздыхаетъ и сама героиня трагедіи: Явленіе 3-е. стр. 16.

Дейдамія одна.

Дейдамія! что твоимъ внушила слухомъ,
И какъ спокойна ты пребудешь нынѣ духомъ?
Кто твой, того могла другая ужъ плѣнить.
Ахъ! плачте, плачте вы потокомъ слезнымъ очи,
Веселій свѣтъ померкъ, васъ кроетъ мракъ, тьма ночи

---

[1] Перепечатано также въ изданіи Переведѣсскаго; Собраніе Сочиненій, вып. 3-й стр. XXIX—XXX.

Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить!
Всю внутренность мою лютѣйшій ядъ терзаетъ;
Мнѣ бремени сего ни снесть не премѣнить,
Не движима стою, всѣ члены ужъ слабѣютъ,
Душевны силы всѣжъ и мысли цѣпенѣютъ,
Когда любезный мой возмогъ такъ измѣнить!
. . . .

На послѣдней страницѣ трагедіи помѣчено: „Конецъ послѣдняго дѣйствія, заключающаго въ себѣ 288 двустрочныхъ стиховъ или 575 строкъ, а во всей трагедіи 1359 двустрочій, или 218 строкъ" [1]; и ниже: „Окончена печатаніемъ въ Москвѣ, 21 сентября 1775 года.— На весьма рѣдкомъ въ настоящее время, приложенномъ къ книгѣ портретѣ гравированномъ на мѣди, Тредіаковскій изображенъ сидящимъ въ креслѣ, на спинкѣ котораго виситъ лавровый вѣнокъ, и указывающимъ на „Телемахиду", стоящую съ другими книгами въ находящейся позади него библіотекѣ. Предъ нимъ на столѣ видна лежащая хартія и книга, и ниже, выходящіе изъ рамы портрета горящая лампада, свитокъ, лира и кадуцей. Подъ портретомъ доска съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Стихъ начавшаго стопой прежде всѣхъ въ Россіи,
Взоръ художествомъ черты предъявляютъ сіи,
Онъ есть Третьяковскій, трудолюбивый филологъ.
Какъ то увѣряетъ сь мѣрой и безъ мѣры слогъ;
Почести лишить его страсть какъ ни кипѣла,
Но воздать ему вѣнокъ, правда преуспѣла".

Оригиналъ портрета, котораго гравированная копія приложена къ настоящему изданію трагедіи, написанъ масляными красками, и хранится въ Конференцъ-залѣ Академіи Наукъ [2]; что же касается стиховъ, то они впослѣдствіи перепечатаны подъ портретомъ Тредіаковскаго работы гравера Соколова, находящагося въ изданіи Бекетова: „Пантеонъ Росс. Авторовъ" [3].

---

[1] Драматическій Словарь, упоминая о „Дейдаміи" (стр. 44), говоритъ: „Сія трагедія есть наипродолжительнѣйшая изъ всѣхъ Руских драматическихъ сочиненій. Къ любопытству читателя извѣщается, что находится въ ней 2313 стиховъ двоестрочныхъ; къ этому извѣстію прибавлено другое и невѣрное, что трагедія напечатана „вторымъ тисненіемъ" 1775 года въ Москвѣ.— [2] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 132.— [3] Сопик. Ч. 3. № 5066. Смирд. Ч. II. № 2866.

Считаемъ удобнымъ помѣстить здѣсь весьма любопытныя извѣстія о томъ, что понудило Тредіаковскаго приступить къ сочиненію „Дейдаміи", равно какъ и другія обстоятельства, касающіяся до нея, и помѣщенныя Пекарскимъ во второмъ томѣ „Исторіи Академіи Наукъ": „29 сентября 1750 года, графъ Разумовскій объявилъ въ академической канцеляріи, что императрица Елисавета изустнымъ своимъ, именнымъ указомъ, повелѣла профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову „сочинить по трагедіи".

Оба профессора тотчасъ же поспѣшили въ силу высочайшаго повелѣнія, найти въ себѣ надлежащее вдохновеніе для сочиненія трагедіи [1]. Тредіаковскій смотрѣлъ на это дѣло весьма серьезно, и когда 15 ноября того же года, академическая канцелярія поручила было ему перевести либретто оперы для представленія при дворѣ 26 ноября, то нашъ писатель того же числа отвѣтилъ: „мнѣ двухъ дѣлъ вдругъ дѣлать невозможно, ибо я сочиняю трагедію по указу Ея Императорскаго Величества, и дошелъ уже сочиненіемъ моимъ до третьяго дѣйствія. Я на нее употребляю всѣ мои силы, собирая мысли. А буде ее прервать, то мнѣ паки сдѣлается труда еще больше прежняго, и вся моя работа будетъ ни во что...". Канцелярія, убѣдившись силою такого довода, поручила переводъ либретто Горлицкому.

Два дня спустя, именно 28 ноября, Тредіаковскій, какъ бы въ подтвержденіе справедливости своего отказа, собственноручно писалъ въ академическую канцелярію: „Указомъ Ея Императорскаго Величества велѣно мнѣ сочинить Трагедію, которую я сочиняю, и сочинилъ уже самую бо́льшую половину. А его Графское Сіятельство Господин Презідентъ Академі́и Наукъ, слушавъ у меня оную Трагедію, сколько ея сочинено тогда было, приказалъ мнѣ ее отдать въ Академію для скорѣйшаго напечатанія, именножъ, чтобъ поспѣла къ будущему новому 1751 году. Того ради я при сем взношу въ канцелярію для напечатанія изъ той моей Трагедіи цѣлый первый Актъ, переписанный на бѣло, и буду впредь отдавать въ Типографію чистый же экземпляръ послѣдующаго до конца, по пропорціи тіпографскаго поспѣшенія". При этомъ письмѣ приложенъ: „Прожектъ грыдорованнаго листочка имѣющаго быть при моей Трагедіи, который покорно прошу благоволить отослать къ Высокоблагородному Гдну Академіи Наукъ Асессору

[1] Ломоносовъ сочинилъ трагедію „Тамира и Селимъ" (Истор. Акад. Н. т. II. стр. 356).

Грігорью Ніколаевичу Теплову, какъ то онъ мнѣ самъ приказать изволилъ.

Все дѣйствіе моей Трагедіи представляется въ залѣ, или въ большой царской галереѣ; а катастрофъ моего дѣйствія, есть веденіе царевны на жертву богинѣ Діанѣ: того ради, мнится, что надлежитъ изобразить палаты Двора царскаго, между которыми одну большую и отверстую. Въ ней надлежитъ стоять по обѣимъ сторонамъ женскому и мужскому полу: женскому, покрыту быть надобно долгими черными фліорами, а мужескому въ долгихъ же черныхъ епанчахъ, и нѣкоторымъ изъ сихъ надлежитъ держать факелы съ огнемъ; всѣ жъ они и онѣ плачущія. Сіи всѣ долженствуютъ быть изображены въ тѣни и нѣсколько бдаль отъ входа въ ту палату.

Но свѣтлыя лица долженствуютъ быть слѣдующія, а именно: первый Царь, въ такой аттитюдѣ, чтобъ на нем былъ бѣлый покровъ, такъ что онъ его лѣвою рукою на голову закидываетъ, а правою держитъ за правую же руку дщерь свою. Вторая царевна. Ея аттитюда горесная; на головѣ у нея вѣнокъ изъ цвѣтовъ; руки связаны фестономъ на такое подобіе, какъ они вѣшаются между двухъ столбовъ. Правую руку передала она отцу своему; а лѣвую, также и лице подняла къ небу. Третья Ахиллесова. Сей долженствуетъ быть грозящій царь, а лицем обратившійся къ вшедшей жрицѣ. Онъ уже въ мужескомъ одѣяніи, въ шлемѣ, въ правой рукѣ у него копье, а на лѣвой щитъ. Четвертая, которой надлежитъ быть по срединѣ и гораздо свѣтлой, есть жрица Діанина. Сія въ правой рукѣ держитъ кинжалъ, а лѣвую такъ подняла къ верьху, какъ бываетъ у такихъ людей, которые нѣчто разсказываютъ странное и чрезвычайное". Хотя академическая канцелярія и велѣла было живописцу Гриммелю сдѣлать рисунокъ по мысли Тредіаковскаго, однако онъ не былъ выгравированъ, такъ какъ и самая трагедія называемая „Дейдамія" не была напечатана при Академіи, а издана уже по смерти автора въ Москвѣ [1].

На заглавномъ листѣ трагедіи не означена типографія, въ которой первая напечатана; но по „Росписи" продававшимся въ типографіи государственной Военной Коллегіи, безъ переплету статамъ и другимъ книгамъ, приложенной къ № 90 Московскихъ Вѣдомостей 1775 года, ноября 10-го, видно, что вмѣстѣ съ трагедіями Василья Майкова: „Агріопа", „Фемистъ и Іеронима" и „Меропа", продавалась также и „Дейдамія". Цѣна объявлена—первымъ тремъ трагедіямъ каждой по 50, и послѣдней 40 копѣекъ. Это извѣстіе наводитъ на

[1] Истор. Акад. Н. т. II. стр. 157—159.

предположеніе, что Майковъ былъ издателемъ „Дейдаміи" Тредіаковскаго, напечатанной въ вышеупомянутой типографіи и продавшейся съ трагедіями перваго. Послѣ изданія 1775 года, сколько извѣстно отдѣльныхъ изданій трагедіи Тредіаковскаго не было; но она перепечатана въ третей части Россійскаго Өеатра.

№ 122. Мѣсяцословъ на Лѣто отъ Рождества Христова **1775** которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 120 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Bacmeist. Russ. Biblioth. III. Band. s. 421.——Геннади, Справочн. Словарь, т. 2. стр. 365.

Послѣ обыкновеннаго извѣстія о четырехъ затмѣніяхъ: двухъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ, изъ которыхъ первое солнечное послѣдуетъ 13 февраля и не будетъ видимо; второе 15 августа, и первое лунное 4 февраля, и второе 31 іюля, но будетъ видимо только въ Америкѣ, западной части Африки и Испаніи, слѣдуетъ астрономическая статья: „О кольцѣ Сатурна и о его явленіяхъ, содержащая въ себѣ объясненіе причинъ появленія и изчезновенія его, примѣченнаго въ 1612 году Галлеемъ. Замѣчательно что въ заключеніе означенной статейки составитель ея говоритъ слѣдующее: „желающіе знать причину явленій въ природѣ, утверждаютъ, что кольцо окружаетъ Сатурна для его освѣщенія, такъ какъ по отдаленію его отъ солнца, до него бы доходило весьма мало свѣта. Не менѣе перваго сообщенія любопытно другое; будто бы многіе думаютъ, что Сатурнъ, какъ и всѣ прочія планеты сначала не имѣлъ около себя никакого кольца; но что за нѣсколько столѣтій, къ нему подошла задомъ „одна комета, у которой отдѣлилась часть хвоста, и приставъ къ Сатурну, явилась около этой планеты въ видѣ кольца. Наконецъ извѣщается, что нѣкоторые изъ ученыхъ старались доказать, что и земля до „потопа имѣла также окружавшее ее кольцо; что оно состояло изъ воды и что вслѣдствіе переломленія въ ней солнечныхъ лучей, представляла древнимъ обитателямъ земнаго шара великолѣпное и пріятное для глазъ зрѣлище; но во время времірнаго потопа, помянутое кольцо обезпокоенное „одной подошедшей къ нему кометой", рушилось, и повергаясь внизъ, покрыло собою на нѣсколько времени землю; наконецъ наполнило ея глубины, и образовало великій Океанъ.

Въ первой разъ въ мѣсяцословѣ 1774 года, (не упомянутаго въ нашемъ обозрѣніи), и слѣдовательно во второй разъ въ настоящемъ, появляется въ числѣ торжественныхъ дней, какъ въ святцахъ, такъ въ „Росписи" господскимъ праздникамъ, и въ „родословномъ показаніи, имя Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, супруги Великаго Князя, Цесаревича Павла Петровича.

1776.

№ 123. Армида опера представленная на придворномъ Императорскомъ **Театрѣ** въ Санктпетербургѣ. Сочиненія **Г. Марка Кольтелини**, Піита находящагося въ Императорской службѣ. Съ Италіянскаго переводилъ **И. Д.**—Печатано въ Санктпетербургѣ 1776 года. 4°. 36 нум. стр.

Сопик. ч. 4. № 7393 (1774 г.).—Смирд. ч. IV. № 7639 (1774 г.).—Геннади. Справочн. Слов. т. II. стр. 153.

Содержаніе оперы: Крестоносецъ Ринальдъ опутанный сѣтями волшебницы Армиды, и забывшій священный долгъ свой, утопаетъ съ нею въ сладострастіи, роскоши и нѣгѣ, проводя безпечные дни въ прелестныхъ садахъ обитаемаго ею, неприступнаго острова. Находясь подъ обаяніемъ чаръ вѣроломной Армиды, Ринальдъ усыпленный ея страстью, и предаваясь любви, не видитъ близкой своей гибели; къ счастью его является братъ его по оружію, рыцарь Убальдъ, и покровительствуемый Провидѣніемъ, разрушаетъ всѣ препятствія, преграждающія ему путь къ жилищу волшебницы, отстраняетъ отъ себя обольщеніе нимфъ ея, побѣждаетъ чудовищъ стрегущихъ входъ на островъ, и пробудивъ въ Ринальдѣ чувство долга, освобождаетъ его отъ позорнаго плѣна.[1]

На оборотѣ заглавнаго листа, слѣдующій списокъ дѣйствующихъ лицъ съ означеніемъ именъ артистовъ и танцовщиковъ: Армида, волшебница—г-жа Бонафини.—Исмена, наперсница ея—г-жа Шлаковская.—Ринальдъ и Убальдъ, христіанскіе рыцари—Гг. Сартарини и Прати.—Хоры: дѣвицъ Армидиныхъ, чудовищъ и волшебниковъ.—За тѣмъ извѣстіе о томъ, что: „Поэзія господина Марка Колтелини. Музыка г. Антонія Саліери находящагося въ Вѣнѣ. Балеты балетмей-

---

[1] Считаемъ не лишнимъ помѣстить содержаніе пьесы, не находящееся въ книгѣ.

стера г. Анжолини.—Театральныя украшенія г. Градиція. Машины машиниста г. Дампіери. Платье какъ для оперы, такъ и для балетовъ г. Женара. Въ балетахъ танцуютъ первые танцовщики: гг. Лефевръ и Бубликовъ; первыя танцовщицы: Г-жи Сентина Убри и Варвара Михайлова.

Переводъ оперы въ трехъ дѣйствіяхъ „Армида" на русскій языкъ, принадлежитъ знаменитому въ свое время актеру Ивану Дмитревскому. Какъ самая пьеса, такъ и хоры переведены прозою. Въ концѣ оперы помѣщено содержаніе балета, которымъ заключается спектакль. „Армида" перепечатана въ т. 31-мъ Россійскаго Ѳеатра [1] 1790 г.

№ 124. **Мѣсяцословъ на Лѣто** отъ Рождества Христова **1776**, которое есть **Високосное** содержащее въ себѣ 366 днеи, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. **Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ; м. 8°. 132 ненум. стр. (счетъ съ заглавн. лист.) и гравированный на мѣди фронтисписъ.

Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 564.—Backm. Russ. Bibliot. IV Band. s. 154—155.—Геннади, Справочн. Слов. т. 2. стр. 365.

Въ числѣ торжественныхъ дней отмѣчены: Рожденіе Императрицы Екатерины Алексѣевны, іюня 14. Великой Княгини Наталіи Алексѣевны 28. Вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II, 29. Тезоименитство Наслѣдника Цесаревича, В. Князя Павла Петровича, августа 29. В. Княгини Наталіи Алексѣевны 26. Рожденіе В. Кн. Павла Петровича, коронованіе императрицы и ея тезоименитство.—Въ статьѣ: „О четырехъ временахъ года", извѣщается о изобиліи въ настоящемъ году затмѣній, которыхъ будетъ; пять солнечныхъ и два лунныхъ; причемъ обозначаются мѣсяца и числа совершенія означенныхъ явленій, и пріобщена таблица показывающая, при какихъ обстоятельствахъ первое лунное затмѣніе видимо будетъ въ другихъ мѣстахъ Россійской Имперіи. За извѣстіемъ о вскрытіи и замерзаніи Невы, слѣдуетъ: „Хронологическое Показаніе важнѣйшихъ приключеній во время столь благополучно происходившей съ Россійской стороны противъ Оттоманской Порты послѣдней войны, по самое заключеніе въ 1774 году

---

[1] Италіанскій подлинникъ оперы: Armida opera da rappresentarsi sull' Imperial teatro. P. 1776. 4°. Она была переведена на французскій языкъ: Armide opéra représenté sur le théatre Impérial de St.-Pétersbourg, traduit de l'Italien par M. Duville, Pétersb. 1776. 4°. (Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 153).

славнаго мира". Здѣсь упомянуты всѣ побѣды одержанныя надъ турками, начиная съ 1768 по 1774 годъ включительно, съ указаніемъ на поляхъ страницъ мѣсяца и числа противъ каждаго сраженія, когда оно происходило. Эти важныя для исторіи страницы блистаютъ достопамятными именами сподвижниковъ великой Екатерины; и статья оканчивается отмѣченною подъ 1775 годомъ „Ратификаціею мирнаго трактата со стороны его султанскаго величества 13 генваря", и всеобщаго мирнаго торжества во всей Россійской Имперіи 10 іюля.— Въ „Краткомъ родословномъ показаніи", именуются только вышепомянутыя три особы не многочисленнаго въ то время русскаго Императорскаго дома. На послѣдней страницѣ мѣсяцослова помѣщено извѣстіе о издаваемыхъ Академіею Наукъ мѣсяцослововъ на новый годъ; причемъ она объявляетъ, что кромѣ нынѣшнихъ обыкновенныхъ— большаго россійскаго и нѣмецкаго, также придворнаго Россійскаго, нѣмецкаго и французскаго и такъ-называемаго Адресъ-Мѣсяцослова съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, издаетъ опять: 1) Историческій, 2) Географическій, 3) Экономическій и 4) такъ называемый мѣсяцословъ съ наставленіями; всѣ въ маломъ форматѣ, какъ карманные мѣсяцословы. За тѣмъ исчислены содержащіяся въ каждомъ изъ нихъ статьи. Въ заключеніе сказано, что всѣ поименованныя изданія легко купить за объявленную въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ цѣну, въ академическихъ книжныхъ лавкахъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, или выписать за наличныя деньги.

Гравюра вырѣзанная на мѣди и служащая мѣсяцеслову фронтисписомъ, изображаетъ тріумфальныя ворота, фронтонъ которыхъ украшенъ шифромъ императрицы Екатерины II, окруженномъ лаврами и сидящими около него по обѣимъ сторонамъ Славы и Побѣды; и шестью медальонами съ надписями: Хотинъ, Лагра, Кагулъ, Чесма, Бендеры, Бабадагъ. Подъ ними, на фризѣ изображеніе мира Россіи съ Портою; у подножія воротъ „Исторія", взирающая на изображеніе побѣдъ, и заносящая ихъ на скрижаль свою; въ небѣ „Изобиліе", осыпающее цвѣтами шифръ Императрицы. Подъ гравюрою подписи: J. de st. inv. Roth del. et sculp.

1777.

№ 125. Генріяда Героическая поема въ десяти пѣсняхъ. Сочиненіе Г. **Волтера.** Переложенная Россійскими бѣлыми стихами **Капитаномъ Яковомъ Княжнинымъ.** Цѣна 80 к. **Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. **1777** года. 4°. 10 ненум. (счеть съ загл. лист.) и 170 нум. стран.

Сопик. Ч. 2. № 2545.—Смирд. Ч. IV. № 6681.—Митр. Евген. Словарь изд. 1845. Ч. 1. стр. 289.—Геннад. Справочн. Слов. т. 2. стр. 144.

Въ началѣ помѣщено: „Сокращенное Извѣстіе о произшествіяхъ на коихъ основана поэма Ганріада", съ указаніемъ на то событіе, на которомъ построена самая фабула поэмы. Русскій переводчикъ излагаетъ его въ слѣдующихъ словахъ: „Что приключилося Протестантамъ въ день св. Варѳоломея, то сбылося послѣ съ заговоромъ. Смерть начальниковъ возмутила бунтовщиковъ, и они съ себя сняли личину. Парижъ затворилъ свои врата; и всѣ стали помышлять о единомъ только отмщеніи. Генрихъ третій не былъ почтенъ государемъ, наказавшимъ своихъ преступившихъ подданныхъ, но убійцею защитниковъ вѣры. Притѣсненному отъ всѣхъ сторонъ Генриху третьему надлежало наконецъ примириться съ королемъ Наварскимъ. Сіи оба государя расположили станъ войскъ своихъ противъ Парижа; и отъ сего времени начинается Ганріада".—Каждой изъ десяти пѣсней составляющихъ поэму, предшествуетъ напечатанное курсивомъ ея содержаніе; причемъ обставлена многими историческими примѣчаніями принадлежащими аббату Лангле (Langlet), помѣщенными внизу страницъ, подъ текстомъ. Извѣстно, что Вольтеръ дѣлалъ время отъ времени важныя измѣненія въ своей героической поэмѣ, и хотя неизвѣстно, какое изъ многочисленныхъ французскихъ изданій служило Княжнину для перевода; но во всякомъ случаѣ видно, что не одно изъ первыхъ.—Многіе находили что стихъ употребленный имъ въ переводѣ поэмы не свойственъ настоящему роду поэзіи; такъ извѣстный Радищевъ находилъ ямбическій стихъ не совсѣмъ удобнымъ для поэзіи эпической; онъ писалъ по этому поводу: „Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что россійское стихотворство, да и самъ россійскій языкъ гораздо обогатился бы, еслибы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэмѣ свойствѣннѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ ямбахъ; а ямбы не краесловные хуже прозы"!—[1] Вообще стихи которыми перевелъ Княжнинъ знаменитую поэму Вольтера, не отличаются ни звучностью, ни обработанностью, что и замѣчали его современники во многихъ стихотворныхъ его произведеніяхъ. Эти недостатки отражаются на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ на переводѣ Генріады. Митрополитъ Евгеній упоминаетъ объ этомъ въ біографіи

---

[1] Библіогр. Записки, т. 2. 1859. № 6. столб. 172. Проза А. С. Пушкина, библіографич. замѣчанія по поводу послѣдняго изданія поэта Е. И. Я.

Княжнина и говоритъ: „получая отъ музы своей часто пропитаніе, нужда заставляла его поспѣшно и не очень внимательно обработывать свои творенія въ удовлетвореніе нетерпѣливымъ книгопродавцамъ. Особенно сей недостатокъ имѣютъ его переводы..." [1] По замѣчанію Бакмейстера, стихи въ переводѣ Княжнина ничѣмъ бы не отличались отъ александрійскихъ, нѣмецкихъ, если бы на русскомъ были какъ обыкновенно риѳмованными [2].

Сопиковъ указываетъ на переводъ стихами Генріады кн. Голицынымъ, напечатанный 1790 года въ Москвѣ, и другой Ивана Сирякова, вышедшій въ 1802 году, въ 8°; но отвергаетъ существованіе изданія „Генріады" 1803 года, показанное впрочемъ въ „Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи" Шторха, и говоритъ что оно не было напечатано.

1778.

№ 126. Ѣзда въ островъ Любви. Переведена съ Францускаго на Россійской Василіемъ Тредіаковскимъ. **Въ Санктпетербургѣ.** Печатана вторымъ тисненіемъ 1778 года. 12°. 14 ненум. и 165 нум. стр.

Сопик. Ч. 5. № 12687.—Плавильщик. Ч. III. № 6673.—Смирд. Ч. IV. № 6103.—Перевлѣсск. Вып. III. стр. XXII.

Настоящая книжка перепечатана съ перваго весьма рѣдкаго изданія 1730 года. Неизвѣстный ея издатель счелъ къ сожалѣнію нужнымъ исправить правописаніе Тредіаковскаго, измѣнить совсѣмъ заглавный листъ, и помѣстить слѣдующее объявленіе: „Сія трудовъ славнаго Россійскаго Писателя, Г. Тредьяковскаго книжка, хотя уже и обращалась въ публикѣ, но поелику отъ ея изданія не мало времени протекло, то и разсуждено за благо оную, яко забавную, а при томъ и изъявляющую разверзающееся дарованіе сего трудолюбиваго мужа, для любящихъ его переводы и сочиненія, вторично, и точно въ такомъ порядкѣ напечатать, въ какомъ она прежде была напечатана".—Недостаетъ во второмъ изданіи гравированныхъ на мѣди, картинки, герба князя Куракина и двухъ ненум. страницъ съ погрѣшностями озаглавленныхъ въ первомъ изданіи: „Типографскія погрѣшенія справлены".

При обозрѣніи перваго изданія книжки [3], мы не вдаваясь относительно ея содержанія въ дальнѣйшія подробности, упомянули лишь

---

[1] Словарь Митр. Евген. т. 1. стр. 289.—[2] Bacmeist. Russ. Bibliot. VI Band. 78—79.

[3] Матеріалы. Вып. I. стр. 31. № 14. Настоящее описаніе можетъ служить дополненіемъ къ таковому же 1-го изданія.

въ нѣсколькихъ словахъ о посвященіи авторомъ труда своего князю Куракину, и за тѣмъ, обращеніи его къ читателю, изъ которыхъ послѣднее особенно любопытно тѣмъ, что раскрываетъ передъ нами воззрѣнія молодаго, и только что начинавшаго въ то время свое литературное поприще Тредіаковскаго, на языки славянскій и русскій; въ разсужденіи своемъ, онъ для новой руской литературы, требуетъ другаго, свободнаго отъ ига славянскихъ формъ, языка; языка разговорнаго, неупотребительнаго еще въ то время въ печати. Несмотря на то, что помянутое „обращеніе къ читателю" было уже перепечатано, считаемъ не излишнимъ привести его здѣсь вполнѣ, съ точнымъ сохраненіемъ правописанія автора.

Въ посвященіи своемъ, Тредіаковскій выражаетъ полную душевную благодарность благодѣтелю своему князю; эта искренняя благодарность незначительнаго студента слышится даже въ тѣхъ обычныхъ въ то время похвалахъ, которыми превозноситъ онъ всѣ дѣйствительныя, и можетъ быть отчасти воображаемыя имъ доблести своего патрона: „Сіятельнѣйшій Князь. За высокую Вашего Сіятелства ко мнѣ милость, которую отечески въ чюжестранныхъ краяхъ изволили Вы мнѣ противу чаянія моего показать, и чрезъ нѣсколко лѣтъ на вашихъ денгахъ содержать, я воспріемлю смѣлость нынѣ приписать сію новопреведенную мною книжку Вашему сіятельству, въ знакъ благодарнаго моего чювствія и сердца.

Я Совѣстно признаваюсь сіятелнѣйшій князь что сего ни мало не могу я уплатить благородной и княжеской Вашего Сіятелства щедрости: Ибо и всея моея жизни, которая мнѣ осталась, искреннѣйшія и наивѣрнѣйшія услуги всегда недостаточныхъ себя къ тому найдутъ. Но движеніе неусыпающее вѣчныя въ душу моей благодарности не можетъ оную какъ токмо поручить Вашему Сіятелству, которому все что ни имѣю и ни умѣю, на всегда долженствую.

Правда, что немогъ я быть въ свѣтѣ безъ моего родителя; но немогъ я жіть въ томъ безъ вашихъ ко мнѣ щедротъ. Тому я благодаренъ за рожденіе; но Вамъ Сіятелнѣишіи Князь, за самое почитаи воспитаніе не могу ни когда быть доволно.

Надлежало бы мнѣ удивляться немало и сеи Вашего Сіятелства непонятнои щедрости, ежели бы мнѣ, какъ и великои части свѣта, прочія Вашего Сіятелства верховныя добродѣтели извѣстны не были, которыя, хотябъ и не отъ Княжескаго и Князеи свѣтлыхъ племяни Вы произыти, на сеи же Васъ высокои степень, на которомъ Ваше Сіятелство въ чинѣ Кавалеровъ Святаго Александра стоитъ, безъ сомнѣнія имѣло бы возвесть.

Ваша Сіятельнѣишіи Князь, острота природная; Ваше умѣніе въ совершенность многихъ языковъ; Ваша обыклость многіхъ земель ко нравамъ, и отъ того прозорливость въ мысль каждыхъ надобная отечеству; Ваше глубокое искусство отъ самыхъ младыхъ лѣтъ въ политическихъ дѣлахъ, и не знаю что іное, которое Вы имѣете въ умѣ самомъ, въ рѣчахъ, въ разсужденіи, и въ поступкахъ Вашихъ вящше нежели благородное, извѣстно могли ожидать всегда чинъ Святаго Алеѯандра, и чрезъ тои повсюдную славу.

Желалъ бы я отъ сердца еще другія, но болшія дарованія ваши должною похвалою ублажить, ежели бы, Сіятелнѣишіи Князь, не имѣлъ я страха оныя чрезъ себя, свѣтлыя, неискусньмъ моимъ перомъ затмить паче, нежели уяснить; Таковде, съ другой стороны и въ число вредныхъ ласкателеи попасть.

И тако, Сіятелнѣиши Князь, отдая сіе въ попеченіе искуснѣишимъ, и тѣмъ, которые не могутъ быть въ подозрѣніи ласкательства, всенижаише здѣсь о единомъ токмо прошу Ваше Сіятелство, то есть, благосклонно принять сеи мои подносъ въ тожъ намѣреніе, съ которымъ онои Вашему Сіятелству, такожде и свѣтлымъ при заглавіи именемъ вашімъ ублагорожденъ предъ всѣхъ попустить".

Тредіаковскій обращаясь къ читателю и извѣщая его о переведенной имъ книжкѣ, между прочимъ говоритъ: „она выдана на французскомъ языкѣ въ Паріжѣ въ 1713 году [1], и учинила великую своему творцу славу (которая всѣмъ охотникамъ и въ мою бытность была памятна), по тому что онъ весма разумно ея выдумалъ, и могу послѣ всѣхъ доброразсудныхъ сказать смѣло, что она еще Первая въ своемъ родѣ такова нашлась.

Будучи въ Паріжѣ я оную прочолъ съ великимъ удоволствованіемъ моего сердца усладившися весма какъ разумнымъ ея вымысломъ, стілемъ короткимъ, такъ и віршами очюнь сладкими и пріятными, а наипаче мудрымъ нравоученіемъ, которое она въ себѣ почти во всякои строкѣ замкнула такъ, что я въ тожъ самое время гарячее возъимѣлъ желаніе перевесть оную на нашъ языкъ. И хотя силы я тогда, безъ самохвалства вамъ доношу, столко и могъ имѣть, дабы мнѣ потрудиться въ переводѣ семъ, но въ продолженіи тамо философіи, время мое къ тому меня недопустило. Однако, какъ говорится, Чему быть, того не миновать: ибо способнои случаи самъ себя мнѣ подалъ къ переводу оныя таковымъ образомъ.

---

[1] Заглавіе подлинника: „Voyage à l'île d'Amour, ou la clef des coeurs, par Paul Tallemant. Paris 1713. Съ него Тредіаковскій и перевелъ свою „Ѣзду въ Островъ Любви, изданную въ 1730 году, при Академіи Наукъ.

Когда я былъ въ Гамбургѣ по случаю чрезъ нѣсколкое время гдѣ не имѣя никакова дѣла, со скуки я пропадалъ. Между тѣмъ Его Сіятелство Князь Алеξандръ Борисовичь Куракинъ, которои отеческую и щедрую свою милость и понынѣ мнѣ кажетъ, повелѣлъ мнѣ, чрезъ одно свое писмо изъ Москвы, перевесть какую нибудь книжку французскую на нашъ языкъ, и то для того, дабы всуе мое время нетратилось. Желая дабы чрезъ скорое мое послушаніе такъ великому и свѣтлому моему благотворителю показать, что сколь свято я имѣю его повелѣніе, также съ другои стороны дабы и скука моя не такъ была мнѣ чювствительна, думалъ я долго что какую бы то книжку французскую начать переводить. Тогда впала мнѣ на разумъ сія, которую я тамъ не безъ трудности сыскалъ у одной дѣвицы очюнь охотницы до книгъ, и сталъ оную переводить съ такъ великимъ прилѣжаніемъ, что въ мѣсяцъ еще и менше я совсѣмъ ее окончилъ; а каково, то въ ваше доброе разсужденіе и совѣстное отдаю безъпристрастіе.

Вотъ Доброжелателныи Читателю, причина, которая меня побудила сію книжку французскую учинить Рускою.

Въ протчемъ я ея не чиню никакихъ похвалъ по обыкновенію купцовъ, съ совѣстнои ревностію и худои свои товаръ похваляющихъ, ибо всякъ меня самохваломъ можетъ за то назвать. А почему бы? веть я оныя не творецъ? правда, да я лихъ оную переводилъ; а переводчикъ отъ творца только именемъ рознится. Еще донесу вамъ болше, ежели творецъ замысловатъ былъ, то переводчіку замысловатѣе надлежітъ быть; (я не говорю о себѣ, но о добрыхъ переводчикахъ). А буде кто тому повѣритъ, тому я способно могу доказать еще Математическимъ Методомъ, что я правду сказалъ. А у! я не думая по Філософски ужъ и ссорюсь низачто! Но полно бранитца, пора помиритца.

И тако сами вы прочетъ, Доброжелателныи Читателю, изволите узнать какову сія книга подаетъ утѣху, сладость, и ползу нравоучителную, и уповаю, буде не обманываюсь, что и другимъ ту имѣете хвалить.

На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскои, у насъ есть языкъ церковныи; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенскои въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая не

разумѣютъ. А сія книга есть Сладкія Любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна: Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскімъ особымъ Рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, Доброжелателныи Читателю, покажется что я еще здѣсь въ своиство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу толко похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить; а колиже не учинилъ, то безсиліе меня къ тому не допустило, и сего, видится мнѣ доволно есть къ моему оправданію.

Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и для того толко, что я могъ какъ нибудь оную перевесть; ибо она хотя не велика да мудра, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которыя чли ея на французскомъ, а наипаче оныя, которыя для справки похотятъ ея отвѣдать перевесть. Къ тому жъ, въ чомъ со мною всякъ не можетъ не согласиться, переводя вирши французскія на наши, великую я трудность имѣлъ: ибо надлежало не потерять весма разума французскаго сладости и силы, а всегда имѣть русскую Риѳму. Можетъ статься, что вы не будете доволны разумомъ моихъ виршеи. Того ради, прошу, хотя оныхъ Риѳмы за благо принять, ибо они весма во всемъ прямыя русскія, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ Спасскаго моста стихотворцевъ, даромъ что они не много мнѣ могутъ ползы учинить чрезъ свое освидѣтельствованіе въ мѣрѣ стопъ въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи, и въ родѣ стіховъ, для того что они излагая свои Рацеи, на тѣ правила не смотрятъ, а чтобъ Сказать да Несолгать, можетъ быть и не знаютъ. Но, я уповаю, что знающія имѣютъ мнѣ въ томъ справедливость учинить.

Теперь Доброжелателныи Читателю, сами изволите разсуждать чего мои трудъ достоинъ, и потому смотря ласкаво или съ презрѣніемъ его принять; а лучше бы было, воспріемлю смѣлость мое мнѣніе Вамъ предложить, ежелибъ желали Вы видѣть онои благопріятнымъ окомъ: ибо тѣмъ безъ сумнѣнія, имѣете меня ободрить за другое полезнѣйшее дѣло взяться, а учтивостію вашею всегда хвалиться".

Надежды и желанія Тредіаковскаго сбылись. Его книжка принята была русскими читателями съ удовольствіемъ, и вѣроятно тѣмъ болѣе такими которымъ „надоѣло придерживаться глубокословныя

славенщизны"; хотя исторіографъ Мюллеръ спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ „Ѣзды въ островъ любви", писавшій на память свое извѣстіе для исторіи Академіи Наукъ, когда переводчикъ книжки осмѣянный и даже опозоренный, сошелъ въ могилу, Мюллеръ свысока и отчасти презрительно отзывается о первой литературной попыткѣ Тредіаковскаго. „Эта книжечка", говоритъ исторіографъ, была напечатана при Академіи Наукъ, думаю на счетъ князя Куракина, которому переводчикъ посвятилъ свой трудъ. Подлинникъ не имѣлъ никакого особеннаго достоинства, переводъ также не былъ похваленъ: говорили, что г. Тредіаковскій пренебрегъ духомъ роднаго языка, слишкомъ слѣдуя французскому словосочиненію. Подлинникъ былъ начиненъ небольшими французскими стихотвореніями, которыя переводить по русски стоило Тредіаковскому величайшаго труда: старинный русскій стихотворный размѣръ былъ жёстокъ и непріятенъ, хотя въ немъ были риѳмы, но безъ скансіи и метра. Тогда не было еще лучшаго... Теперь (въ 1776 г.) нигдѣ нельзя достать ни одного экземпляра Ѣзды въ островъ любви: г. Тредіаковскій сжегъ всѣ, которые онъ могъ добыть—геройскій подвигъ, заслуживающій похвалы— что сдѣлано или потому, что ему на старости вовсе не нравилось безполезное содержаніе книги, или отъ того, что онъ, наконецъ, призналъ въ этомъ первомъ опытѣ доказанную неспособность писать стихами также, какъ прозою, почему и желалъ освободить себя отъ всякаго нареканія. Тотъ, кто не захочетъ льстить, долженъ сознаться, что г. Тредіаковскій со всѣмъ своимъ прилежаніемъ, котораго у него нельзя отрицать, сдѣлался мало по малу сноснымъ переводчикомъ, но никогда хорошимъ стихотворцомъ". [1]

Въ противность этимъ, если и справедливымъ, но во всякомъ случаѣ вовсе не лестнымъ извѣстіямъ для литературнаго и поэтическаго таланта Тредіаковскаго вообще, и для изданной имъ книжки въ особенности, находимъ другія, современныя ся изданію, когда судьба доставила переводчику нѣсколько блаженныхъ минутъ, которыя сколько извѣстно, не повторялись уже въ продолженіи трудовой и тяжелой его жизни. Тогда его порадовало во первыхъ то, что герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна отозвалась съ похвалою о его книжкѣ; и во вторыхъ, по отпечатаніи ея, и отдѣльнаго листка съ стихотвореніемъ помѣщеннымъ тамъ же, императрицѣ Аннѣ, съ приложеніемъ нотъ, онъ отправился въ Москву, и жилъ тамъ въ домѣ Се-

[1] Исторія Академіи Наукъ. т. II. стр. 24. (Заимствовано изъ рукописи: Zur Geschihte der Academie der Wissenschaften, 208, 209, 289).

мена Кирилловича Нарышкина, пожинная лавры какъ литературная извѣстность. Къ этому времени относятся сохранившіяся два лестныя письма къ нему Шумахера (въ то время члена и совѣтника Академіи), и отвѣтъ на нихъ Тредіаковскаго, который въ свою очередь давалъ чувствовать все величіе своего положенія [1].

Такъ какъ настоящее обозрѣніе 2-го изданія „Ѣзды" служитъ дополненіемъ, о чемъ уже сказано выше, перваго, напечатаннаго въ 1730 году, то считаемъ нужнымъ закончить его помѣщеніемъ перечневаго исчисленія русскихъ и французскихъ стихотвореній содержащихся въ книжкѣ и присоединенныхъ Тредіаковскимъ къ своему переводу подъ заглавіемъ: „Стихи на разные случаи". Приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они находятся въ книжкѣ [2]: 1. Пѣснь сочинена въ Гамбургѣ къ торжественному праздновавію Коронаціи Ея Величества Государыни Імператрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссінскія, бывшему тамо Августа 10-го (по новому стилю) 1730.—2. Элегіа о Смерти Петра Великаго.—3. Стихи похвальныя Россіи.—4. Стихи Эпиталамическія на бракъ Его Сіятельства Князя Алеѯандра Борисовича Куракина, и Княгини Алеѯандры Івановны—5. Пѣсня на онои благополучнои бракъ (на франц. языкѣ).—6. Балладъ: О томъ, что Любовь безъ заплаты не бываетъ отъ женска пола (на фр. яз.)—7. Басенка о непостоянствѣ дѣвушекъ (на фр. яз.)—8. Пѣсенка Къ красной дѣвушкѣ, которая стыдится, и будто не вѣритъ, когда ей говорятъ что она хараша (на фр. яз.).—9. Объявленіе любви Французской работы.—10. Отвѣтъ на оное моего труда (на фр. яз).—11. Прошеніе Любвѣ.—12. Пѣсенка Любовна.—13. Стихи похвальныя Парижу.—14. Стихи Сенековы О Смиреніи, Переведены съ Латінскихъ.—15. Ода о непостоянствѣ міра.—16. Тажъ самая ода по французски.—17. Эпіграмма Господину К. (на латинск. яз.)—18. Стихи о силѣ любви.—19. Объявленіе Любви одной дѣвицѣ, которая всегда любила чорнинкую собачку на рукахъ держать (на фр. яз.).—20. Желаніе учиненное одной дѣвицѣ (на фр. яз.)—21. Пѣсня къ любовнику и любовницѣ обручившимся (на фр. яз.)—22. Пѣсня однои дѣвицѣ вышедшеи за мужъ (на фр. яз.)—23. Похвала всякои милои (на фр. яз.)—24. Прощеніе при разлученіи со всякои милои (на фр. яз).—25. Тоска любовницына (на фр. яз.).—26. Тоска любовникова (на фр. яз.).—27. Плачь одного любовника, Разлучившагося съ своеи

[1] Исторія Акад. II. ст. II. стр. 25.—[2] Какъ въ посвященіи и обращеніи къ Читателю, такъ и въ перечнѣ стихотвореній соблюдено правописаніе изданія 1730 года.

милои, которую онъ видѣлъ во снѣ.—28. Правила Какъ знать надлежитъ гдѣ ставіть запятую, точку съ запятои, двоеточіе, точку вопросителную и удивителную (на фр. яз.)—29. Пѣсенка Которую я сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на мои выѣздъ въ чужія краи.—30. Описаніе Грозы бывшія въ Гагѣ.—31. Сонъ учиненъ пѣснію на подобіе одной пѣсни французской La Reine si belle, и съ ея же Рефренемъ (на фр. яз).—32. Эпіграмма къ охуждателю Зоилу [1].

Въ 1834 году „Ѣзда на островъ любви" была издана профессоромъ Москов. Унив. И. М. Снегиревымъ и напечатана слово въ слово, съ соблюденіемъ правописанія по изданію 1730 г., въ Москвѣ, въ типогр. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи въ 8°.

№ 127. **Тысяча и Одна Пѣсня, для удовольствія Пѣсенниковъ и Пѣсенницъ изходитъ въ свѣтъ.**—Тетрадь перьвая, содержащая 123 пѣсни.—Цѣна безъ переплету 45 копѣекъ.—Изданіе первое.—**Въ Санктпетербургѣ**, при окончаніи 1778 года. м. 8°.—8 ненум. (Предисловіе и алфавитное указаніе первыя тетрати) и 110 нум. стр.(нумерація нач. съ 3-й стр.)

Сопик. Ч. 5. № 12056.

Въ предисловіи къ этому сборнику пѣсенъ, издатель его сообщаетъ о томъ, что имѣя знакомство съ „пѣснелюбцами обоего пола", онъ слышитъ неоднократныя жалобы на недостатокъ пѣсенъ издаваемыхъ въ свѣтъ, несмотря на то, что четыре части таковыхъ напечатано вдругъ [2], и 3 книги выдано съ нотами порознь, а потому онъ, желая удовлетворить прозьбамъ помянутыхъ „обоего пола пѣснелюбцевъ". началъ собирать рукописныя тетради пѣсенъ, которыми первые обѣщались снабжать его и на будущее время, увѣряя при томъ, что кромѣ пѣсенъ изданныхъ въ свѣтъ, можно ихъ собрать до тысячи, и болѣе; это и побудило его назвать сборникъ свой „тысяча и одна

---

[1] При описаніи перваго изданія ошибочно показано 31 стихотвореніе.—[2] Вѣроятно указаніе на извѣстный и въ настоящее время очень рѣдкій сборникъ пѣсенъ Чулкова, напечатанный подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ пѣсенъ" 4 части. Спб. 1770—1774. 12°. Сопик. Ч. 4. № 10942. Смирд. Ч. IV. № 8047. О изданіи названномъ у Сопикова 3-мъ, см. Матеріалы Губерти. Вып. 2 й. стр. 51. № 27.—Объ упоминаемыхъ „3 книгахъ выданныхъ съ нотами порознь" указаній въ „Опытѣ" Сопикова нѣтъ.

пѣсня; мнѣніе издателя то, что если существуетъ на русскомъ языкѣ „тысяча и одинъ день", „тысяча и одна ночь", „тысяча одинъ часъ", и „тысяча одинъ четверть часа", а на иностранныхъ языкахъ, какъ извѣстно, есть „тысяча одно дурачество" или „тысяча одна глупость" (des 1001 folies; die 1001 Thorheit), то почему не быть и 1001 пѣсни?—Всѣ сіи „тысячаодночислительныя книги" продолжаетъ разсуждать собиратель пѣсенъ, „равнаго уваженія достойны! Я надѣюсь, что обѣщавшіе мнѣ служить присылкою новыхъ пѣсенъ, въ своемъ словѣ устоятъ; но я какъ ихъ, такъ въ запасъ и всѣхъ охотниковъ и охотницъ до пѣсенъ, прилѣжно прошу снабжать меня, какъ своими, такъ и посторонними, сочиненными и переведенными, городскими и деревенскими, свѣтскими и духовными, старыми и новыми пѣснями, коихъ еще въ печати нѣтъ, и оныя, для доставленія мнѣ, отдавать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сія книга продаваться будетъ, а оттуда доставятся оныя въ типографію, гдѣ производится печатаніе. Я же издавъ сію первую тетрать 123 пѣсни содержащую, не умедлю издавать и слѣдующія, пока накопясь 1001 пѣсня, оправдаетъ названіе книги. Въ заключеніе скажу о погрѣшностяхъ, учиненныхъ здѣсь книгопечатниками на многихъ мѣстахъ: въ тѣхъ они просятъ отъ общества извиненія, яко наборъ происходилъ съ разныхъ рукъ и почерковъ, съ трудомъ ихъ малосмысліемъ разбираемыхъ, употребляя въ отговорку старинную Рускую пословицу: первую пѣсенку зардѣвшись пѣть, въ другихъ будутъ осмотрительнѣе; хотя и въ томъ я не могу за нихъ ручаться. Писано въ Санктпетербургѣ въ исходѣ 1778 года.

Между 123-мя пѣснями содержащимися въ этой первой тетради нельзя указать ни на одну чисто-народную, даже почти ни на одну поддѣланную подъ народный складъ, въ родѣ извѣстныхъ пѣсенъ нѣкоторыхъ стихотворцевъ XVIII столѣтія какъ-то: Сумарокова, Николева, Нелединскаго и нѣкоторыхъ другихъ, произведенія которыхъ отчасти проникли въ народъ и были имъ усвоены. Въ настоящемъ сборникѣ помѣщены пѣсни большею частью называвшіяся любовными, содержаніе которыхъ составляетъ—выраженіе тоски о потерѣ предмета страсти, или отчаянія обманутой любви, и тому подобное. Должно замѣтить, что всѣ почти пѣсни сборника написаны плохими изъ рукъ вонъ виршами даже и по тому времени, и часто не имѣющими почти никакого смысла; ко многимъ изъ нихъ кажется трудно бы подобрать какую либо мелодію, или голосъ. Впрочемъ въ двухъ пѣсняхъ помѣщенныхъ въ книжкѣ на стр. 27, № 23 и стр. 89, № 103, отчасти замѣтно подражаніе народному складу; начало первой изъ нихъ слѣдующее:

„Ахъ ты мальчикъ, кудрявчикъ мой,
Кудреватая головушка твоя.
Еще кто тебя спородилъ молодца?
Спородила родна матушка моя,..."

Во второй, только начало напоминаетъ извѣстную пѣсню:

„Мнѣ моркотно молодёнькѣ"

но продолженіе и конецъ совершенно переиначены. Изъ пѣсенъ „любовныхъ" достаточно привести начало слѣдующей, несомнѣнно принадлежащей перу какого-нибудь бурсака того времени, чтобы дать понятіе и о многихъ другихъ помѣщенныхъ въ сборникѣ:

„Ей мою любовь открою,
Внемленъ буду отъ нея,
Очи къ ней свои устрою,
И она воззритъ на мя."

Наконецъ упомянемъ объ одной на стр. 90, подъ № 104, представляющей безсмысленный наборъ словъ и отчасти не совсѣмъ приличныхъ выраженій, что заставляетъ нѣсколько сомнѣваться въ употребленіи этой пѣсни между „обоего пола пѣснелюбцами". Укажемъ еще на извѣстную въ то время пѣсню: „Желанья наши совершились", которая до появленія „Тысяча одной пѣсни" была помѣщена въ изданіи извѣстнаго и въ настоящее время весьма рѣдкаго сборника пѣсенъ Чулкова, и перепечатывалась потомъ въ другихъ пѣсенникахъ позднѣйшаго изданія. Неуспѣхъ ли въ публикѣ настоящей книжки, или можетъ быть неисполненіе обѣщанія, даннаго собирателю пѣсенъ „обоего пола пѣснелюбцами" было причиною, что выпускъ „Тысячи одной пѣсни" прекратился съ первой тетрадью, и сколько извѣстно далѣе не продолжался.

1779.

№ 128. Придворный **Мѣсяцословъ** на Лѣто отъ Рождества Христова 1779, которое есть Простое содержащее 365 дней.—**Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ. 12°. 148 нум. стр., фронтиспись, и 3 картинки; въ текстѣ изображ. орденовъ грав. на мѣди и раскрашенныхъ.

Baemeist. Russ. Bibl. VI Band. s. 103—Геннад. Справочн. Слов. т. 2-й. стр. 367.

Содержаніе мѣсяцослова состоитъ изъ краткихъ святцевъ раздѣленныхъ продольными чертами на семь графовъ, съ означеніемъ въ нихъ знаковъ дней, чиселъ мѣсяца, именъ святыхъ, знаковъ солнца и луны, восхожденія и захожденія солнца и наблюденія погоды; между поперечными двойными чертами отмѣчены недѣли, апостольскія и евангельскія чтенія, За тѣмъ слѣдуютъ статьи: „Хронологія сего года" гдѣ между прочимъ показано, что „отъ сожженія и истребленія Турецкаго флота при Чесмѣ протекло 9; отъ заключенія съ Портою мира за Дунаемъ 5 лѣтъ, и отъ учрежденія Намѣстничествъ 4 года.— Изъясненіе знаковъ и сокращенныхъ словъ.—О Высокихъ праздникахъ. Здѣсь отмѣчены дни: Рожденіе, Вступленіе на престолъ, Коронованіе, Тезоименитство, и торжествованіе о благополучномъ прививаніи оспы Ея Имп. Велич.; также дни рожденія, тезоименитства Наслѣдника Цесаревича В. Кн. Павла Петровича, В. Княгини Маріи Ѳеодоровны, В. Князя Александра Павловича; три Кавалерскіе праздника: св. Александра Невскаго, св. Георгія и св. апостола Андрея.— Въ статьѣ „О четырехъ временахъ года", и о „прочихъ небесныхъ явленіяхъ", сообщаются извѣстія объ имѣющихъ быть въ настоящемъ году трехъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ затмѣніяхъ, изъ которыхъ одно солнечное и одно лунное будутъ видимы въ С.-Петербургѣ; причемъ указаны мѣсяца и числа, часы и минуты совершенія каждаго изъ ожидаемыхъ затмѣній, и тѣ страны свѣта, въ которыхъ они будутъ видимы въ различныхъ своихъ фазахъ.—Подъ заглавіемъ: „Россійскіе Кавалерскіе ордены" помѣщены списки кавалеровъ: ордена св. апостола Андрея Первозваннаго (стр. 18—27). — Св. Екатерины (стр. 28—32)—Св. Александра Невскаго (стр. 33—47).—Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія (стр. 48—70), и Герцогскаго Шлезвигъ-Голстинскаго, св. Анны. При означенныхъ спискахъ находятся слѣдующія гравюры и виньеты работы грав. Н. Саблина: фронтиспись съ изображеніемъ щита, на которомъ шифръ императрицы Екатерины II подъ короною, посреди лавровъ и трубъ, поддерживаемый „войною" въ видѣ вооруженнаго рыцаря, и „миромъ" въ образѣ женщины въ лавровомъ вѣнкѣ, держащей рогъ изобилія, съ сыплющимися изъ него цвѣтами, внизу подпись: „Войною и миромъ". На трехъ прочихъ гравюрахъ изображены: Андреевскій кавалеръ въ полной парадной одеждѣ. Придворная дама съ орденомъ св. Екатерины. Александровскій кавалеръ св. Александра Невскаго; всѣ гравюры съ подписями. Въ началѣ каждаго изъ кавалерскихъ списковъ виньета, изображающая орденскую звѣзду, лежащую на подушкѣ съ развѣвающеюся надъ ней лентою, на которой принадлежащая той звѣздѣ над-

пись; въ концѣ каждаго списка виньета съ изображеніемъ ленты принадлежащей ордену. При спискѣ кавалеровъ ордена св. Георгія, изображены его 4 класса. Наконецъ слѣдуютъ списки, содержащіе: „Учрежденной при дворѣ Ея Имп. Велич. Совѣтъ (стр. 94—95).— Придворный штатъ: Дамы, Кавалеры. Генералъ-Адьютанты. Лица состоящія при Кабинетѣ и при собственныхъ Ея Имп. Велич. дѣлахъ. Кавалергардской Корпусъ. Полки Лейбгвардіи (стр. 108—110). Министры Ея Имп. Вел. въ чужестранныхъ государствахъ (стр, 111—114). Чужестранные министры при здѣшнемъ Императорскомъ дворѣ (стр. 115 — 116). Правительствующій Сенатъ (6 департаментовъ) (стр. 117—123). Святѣйшій Правительствующій Синодъ и его контора (стр. 124—125).—Армія: Дивизіонные командиры (стр. 125—127). Артиллерійской корпусъ (стр. 127). Инженерной корпусъ; Генералъ-Кригсъ-Коммисаръ и Генералъ-Провіантъ-Мейстеръ (стр. 128). Сухопутный Кадетской Корпусъ (стр. 129). Флотъ (стр. 129—130). Государственныя Коллегіи (стр. 131—134). Императорская Академія Наукъ. Медицинская Коллегія. Императорской Московской Университетъ. Императорская Академія Художествъ (стр. 135—136). Канцеляріи. Конторы (стр. 137—139). Намѣстничества и Губерніи (стр. 140—146). Извѣстіе о почтахъ (стр. 148).

Есть изданіе этого же мѣсяцослова на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ тѣми же гравюрами и виньетами, о чемъ упоминаетъ и Бакмейстеръ въ Russ. Bibliothek.

1780.

№ 129. **Духовная**, сочиненная Его Высокородіемъ Статскимъ Совѣтникомъ и Вольнаго Санктпетербургскаго Экономическаго Общества Членомъ **Сергѣемъ Васильевичемъ Господиномъ Друковцовымъ**, въ наставленіе его дѣтямъ обоего пола 1780 года, Генваря 1 дня.—Печатана **Въ Санктпетербургѣ**, 1780 года. въ м. 8°: 32 нум. стр. (счетъ съ загл. листа).

Сопик. ч. 2. № 3502.—Смирд. ч. II. № 2951.—Митр. Евгеній. Словарь. т. 1. стр. 189.—Геннади. Справочн. Словарь о Русск. Писат. т. 1. стр. 323.

Между оригинальными произведеніями русской литературы XVIII столѣтія существуютъ двѣ книги, содержаніе которыхъ составляютъ духовныя завѣщанія двухъ частныхъ лицъ; первое изъ нихъ принадлежитъ перу историка, знаменитаго собирателя русскихъ лѣтописей, тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора Василья Никитича

Татищева [1]; она издана случайно въ свѣтъ С. В. Друковцовымъ, довольно замѣчательнымъ въ свое время сельскимъ хозяиномъ, писателемъ, переводчикомъ и издателемъ многихъ не безполезныхъ книгъ, и напечатана по списку найденному издателемъ ея между бумагами умершаго его отца [2]. Семь лѣтъ спустя послѣ того, Друковцовъ напечаталъ свою собственную духовную, которую не сравнивая съ первою, можно признать заключающею въ себѣ нѣкоторый интересъ. Авторъ ея наставляетъ дѣтей своихъ во всемъ томъ, чему научилъ его самого жизненный опытъ; отецъ какъ ревностный христіанинъ указываетъ потомству своему на вѣру, какъ на краеугольный камень человѣческаго благополучія, и путь ведущій къ вѣчному блаженству. Завѣщая дѣтямъ своимъ хранить непоколебимую вѣрность къ престолу и отечеству, онъ внушаетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ любовь къ ближнему, милость и снисхожденіе къ поставленнымъ судьбою отъ нихъ въ зависимость—крестьянамъ. Пороки и слабости общественные, находятъ въ немъ строгаго порицателя; онъ, между прочимъ, обращаясь къ дѣтямъ, и въ особенности къ дочерямъ своимъ, распространяется въ разсужденіяхъ о бракѣ и брачной жизни; въ иныхъ мѣстахъ, сужденія завѣщателя о взаимныхъ отношеніяхъ и обязанностяхъ супруговъ, напоминаютъ, какъ увидимъ, наставленія „Домостроя". Говоря о воспитаніи дѣтей, авторъ „Духовной", признаетъ „голодъ и розгу" не-

---

[1] Матеріалы для русск. Библіогр. Вып. I. стр. 315. № 181.—[2] Сочиненія по части Экономіи большею частью помѣщаемы были Друковцовымъ въ разныхъ томахъ Трудовъ С.-Петербургскаго Вольнаго экономическаго Общества; многія изъ таковыхъ сочиненій были имъ издаваемы особыми книжками. Митр. Евген. 1845. т. I. стр. 189; по какъ оказывается теперь, Друковцовъ какъ въ сочиненіи своей Духовной, такъ и по части экономіи заимствовалъ многое у Татищева; подобный плагіатъ въ настоящее время едва ли возможенъ! Оказавъ въ свое время заслугу обществу изданіемъ рукописи Татищева, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ погрѣшилъ тѣмъ, что отважился внести въ замѣчательное сочиненіе, свои разсужденія и сдѣлать вставки, исказившія его. Нынѣ благодаря труду г. Островскаго, „Духовная Татищева появилась въ первобытномъ своемъ видѣ; и не мало потрудился почтенный издатель, поработавъ надъ сводомъ многихъ списковъ такъ что ему удалось вполнѣ возстановить замѣчательное сочиненіе Татищева, освободить его отъ наносной путаницы, и тѣмъ оказать большую заслугу русской литературѣ. Книга напечатана подъ заглавіемъ: Духовная Василія Никитича Татищева. Издана подъ наблюденіемъ члена Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Андрея Островскаго. Казань. Типографія Императорскаго Университета 1885.—Въ предисловіи, между прочимъ, сообщено о ходѣ предварительныхъ работъ издателя, и упомянуто объ источникахъ, которыми онъ пользовался.

обходимыми исправительными мѣрами; причемъ крѣпко осуждаетъ обычай ввѣрять юное поколѣніе надзору иностранцевъ, хотя сознается, что самъ, слѣдуя вкоренившемуся обыкновенію, ему подчинился [1].

„Духовная" состоитъ изъ 32 пунктовъ, и первый изъ нихъ начинается словами царя и пророка Давида, въ наставленіе человѣку, желающему благополучной жизни. Затѣмъ завѣщая дѣтямъ христіанскія и гражданскія добродѣтели, онъ относительно „рабовъ и крестьянъ" говоритъ: „не буди Махіавель и Епикуръ; старайся чтобъ волю твою исполняли изъ любви къ тебѣ; безмѣрную строгость, или, лучше сказать, бѣшеной нравъ имѣть никому не должно...." Онъ совѣтуетъ пещись о престарѣлыхъ крестьянахъ и не отягощать ихъ; шестидесятилѣтнихъ къ работѣ и уплатѣ оброка не принуждать." Весьма бы похвально", говоритъ онъ „еслибъ чрезъ десять лѣтъ за годъ оброкомъ всѣхъ прощать; прежде свободной годъ былъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ". За вѣрную услугу, онъ требуетъ отпуска человѣка на волю, и справедливаго наказанія за вину, по словамъ Давида: „Накажу жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ, милость же мою не раззорю отъ нихъ, ни превврежду во истиннѣ моей". Для сильнѣйшаго подтвержденія своего убѣжденія, онъ приводитъ еще изрѣченіе царя Соломона и апостола Павла. Во 2-мъ пунктѣ завѣщатель указываетъ на потворство явнымъ преступленіямъ, какъ на поощреніе ихъ, и не признавая въ этомъ случаѣ милости, угрожаетъ гнѣвомъ Божіимъ. Въ 3-мъ, совѣтуетъ всегда помнить часъ смертный, такъ какъ жизнь человѣка скоро преходяща, и по словамъ Давида: „Дніе его яко сѣнь проходятъ"; сперва бываетъ малъ, а подъ конецъ жизни старъ, и потому остается только средина кратковременной нашей жизни. Въ 4-мъ пунктѣ онъ возстаетъ противъ зависти и роскоши и говоритъ, что каждый долженъ довольствоваться безбѣдной жизнью опредѣленной ему Богомъ, такъ какъ всѣхъ какъ праведныхъ, такъ и грѣшныхъ, равно освѣщаетъ и согрѣваетъ солнце; и что средина жизни какъ сказано выше непродолжительна. Въ дѣтствѣ роскошь не нужна, а въ старости человѣкъ не самъ оставляетъ грѣхъ, но грѣхъ, какъ бы наскуча имъ, его оставляетъ. Далѣе авторъ духовной говоритъ что „для богатыхъ и бѣдныхъ, чорный и бѣлый хлѣбъ одинъ, и что во сто рублей куска хлѣба ни для кого нѣтъ". Затѣмъ, возвращаясь опять къ положенію помѣщика, онъ указываетъ на его

---

[1] Эти воззрѣнія Друковцова не могутъ казаться странными, если вспомнимъ, что едва-ли не до половины XIX столѣтія они вообще существовали во всей своей силѣ; то же можно сказать и о воспитателяхъ иностранцахъ.

значеніе, и говоритъ: „управлять малымъ числомъ крестьянъ болѣе военнаго полку стоитъ труда, терпѣнія и разсужденія; вопервыхъ потребенъ разумъ, языкъ, глаза, уши; руки и ноги; а въ полку все то дѣлаетъ барабанъ и учрежденный единожды навсегда добрый порядокъ и устройство".—5-й пунктъ содержитъ въ себѣ тѣ же гуманныя воззрѣнія завѣщателя на отношенія помѣщика къ крестьянамъ; для того, чтобы жить съ послѣдними въ добромъ согласіи, онъ совѣтуетъ сыновьямъ своимъ „не сосать изъ крестьянина кровь подобно піявицѣ", обременяя его непосильнымъ оброкомъ, причемъ прибавляетъ: „черезъ то, такъ его взбѣсишь, что онъ будетъ искать случая лишить тебя, или себя жизни", но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ справедливою, обязанность крестьянина платить помѣщику за обрабатываемую имъ своими руками землю; сверхъ того онъ долженъ быть благодаренъ послѣднему за доброе распоряженіе и надзоръ.—Какъ на образецъ домостроительства и порядочнаго хозяйства, авторъ духовной, указываетъ на добраго пастуха, любимаго цѣлымъ стадомъ; онъ совѣтуетъ господину не думать, будто бы крестьянинъ не съумѣетъ счесть его приходъ и расходъ; обращаясь къ одному изъ своихъ сыновей онъ говоритъ: „еслибы ты призвалъ къ себѣ портнаго, и велѣлъ бы ему черезъ семь часовъ сдѣлать пару платья, и заплатилъ бы ему за то пятьдесятъ рублевъ; вѣрь мнѣ, что крестьяне о томъ скоро узнаютъ, и уразумѣвъ нетерпѣніе твое, будутъ о тебѣ судить какъ о трехлѣтнемъ ребенкѣ, и ругать тебя..."

Покупку деревни съ цѣлью выбрать изъ нея въ скорѣйшемъ времени заплаченныя за нее деньги, авторъ духовной порицаетъ, и человѣка такъ поступающаго, называетъ не „господиномъ", но „еврейскимъ мучителемъ Пилатомъ", который пуститъ крестьянъ по-міру для прошенія милостыни; и тогда же виновникъ ихъ несчастія получитъ новое названіе „господина нищихъ". Чтобъ быть добрымъ господиномъ какъ отцу дѣтамъ, авторъ обязываетъ оставить „всѣ дурацкія прихоти, роскоши, пьянство, частыя моды и пустыя кукольничества", приносящія только одно безпокойство, убытокъ и разореніе; но стараться сдѣлать покойнымъ и блаженнымъ ввѣренное Богомъ стадо; безумію же и безпечности не предаваться, и не примѣнять къ себѣ слова принадлежащаго только одному Богу: „Рече и быша, той повелѣ и создашася".

Сказанное сейчасъ, по мнѣнію завѣщателя, нисколько не оправдываетъ порицаемой имъ въ 6-мъ и 7-мъ пунктахъ духовной, скупости, и гдѣ онъ заявляетъ свою къ ней ненависть. Онъ требуетъ между нею и роскошью или мотовствомъ средины—полезной бережливости,

и говоритъ, что богатство дается не для того, чтобы находить наслажденіе въ обжорствѣ и тратѣ въ одинъ часъ того, что по расчету должно бы служить для продовольствія на цѣлый мѣсяцъ; ибо слова пр. Давида: „богатство аще течетъ, не прилагайте сердца", не поощряютъ къ мотовству, но запрещаютъ пріобрѣтать деньги въ обиду ближняго. „Если бы всѣ люди были скупы", продолжаетъ авторъ духовной, „то бѣдному бы невозможно было возстановить своего блаженства" (?). Причемъ указываетъ на творенія церковныхъ учителей, великихъ іерарховъ, у которыхъ объ этомъ обширно, удобопонятно и обстоятельно объяснено.—Далѣе онъ разсуждаетъ о томъ, что сохраненіе и исполненіе закона необходимо въ жизни, безъ чего ни въ какихъ предпріятіяхъ не будетъ успѣха „ибо когда въ часахъ полезный членъ, безъ котораго имъ обойтиться не можно, покривится, то вся машина, хотя и раздѣленная на вѣрныя части, потеряетъ въ ходу свою вѣрность".—Въ 8-мъ пунктѣ завѣщанія, предлагается совѣтъ никогда опрометчиво не хвалить и не хулить того, о чемъ не имѣемъ вѣрнаго понятія; даже зная обстоятельно то, что до насъ не касается „можемъ своими о томъ сужденіями неожиданно нанесть другимъ большой вредъ и несчастіе, что свойственно только злонамѣреннымъ людямъ, по мнѣнію которыхъ и міръ не такъ сотворенъ какъ бы имъ хотѣлось; ибо они забываютъ, что каждый во всемъ самъ за себя отвѣчаетъ..." 9-й пунктъ содержитъ въ себѣ предостереженіе отъ суевѣрія, которое авторъ почитаетъ хуже невѣрія; для подкрѣпленія своего мнѣнія, онъ говоритъ, что еслибы кто хотѣлъ его увѣрить, что поданый ему стаканъ съ питьемъ, наговоренъ волхвами, шептунами, колдунами и иными злыми чародѣями; и если онъ подлинно знаетъ, что никакихъ травъ, кореньевъ, мышьяку и тому подобныхъ вещей вредныхъ для жизни человѣческой не положено, то безо всякаго опасенія шептанное и наговоренное пить будетъ...—Далѣе онъ разсказываетъ, что ему часто случалось видѣть какъ „глупые домостроители не стараются въ муравленныхъ горшкахъ и кастрюляхъ приготовлять пищу, и по безумію своему купя мѣдную кастрюлю, не хотя оную ежемѣсячно лудить оловомъ, и не науча поваровъ пріуготовлять пищу, не зная что сіе совершенный вредъ и ядъ здоровью ихъ приноситъ"... Затѣмъ онъ изображаетъ положеніе невинныхъ поваровъ, когда господа вслѣдствіе приготовленія кушанья въ нелуженыхъ кострюляхъ, начинаютъ страдать тошнотой и рвотой, почитая это за порчу, а бѣдные повара, по несмыслію иногда судей, „не знающихъ искусства и просвѣщенія въ наукахъ, дѣлаютъ симъ невиннымъ людямъ тяжчайшее мучительство и кровопролитіе; а многіе отъ несноснаго мученія и

умираютъ...“—Въ заключеніе авторъ остерегаетъ отъ легковѣрія: „не должно“, говоритъ онъ, „никому и ни про што скоро вѣрить, когда чего совершенно не знаешь“; и совѣтуетъ слѣдовать болѣе „здравому разсужденію, а не пустымъ разсказамъ“.

Въ 10-мъ пунктѣ слѣдуютъ наставленія объ обращеніи съ людьми и о средствахъ узнавать ихъ. Авторъ говоритъ, что довольно времени необходимо на то, чтобы совершенно узнать человѣка, которому желаемъ довѣриться; и кто скоро дружится съ незнакомымъ, тотъ въ дружбѣ невѣренъ, не помнитъ добра и услугъ, хвалитъ въ глаза, и за глаза клевещетъ, ругаетъ и поноситъ; и что въ такихъ льстецахъ совѣсти не бываетъ. Далѣе преподается совѣтъ: „не дѣлать наглости и нахальства на подобіе жадной и смѣлой собаки тому, кого искренно любишь и почитаешь“; съ незнакомымъ не скоро дружиться, но сначала узнать о немъ мнѣніе другихъ; не наскучать ему частыми своими посѣщеніями, и еще болѣе того опасаться звать незнакомыхъ къ себѣ „сортъ людей бываетъ такой, если покажется, что ты хорошо живешь—завидуютъ; когда же примѣтятъ твой недостатокъ, вмѣсто сожалѣнія—осуждаютъ, и тобою пренебрегаютъ...“ причемъ цитируется пословица: „Кто у меня не обѣдаетъ, тотъ про меня не вѣдаетъ; злодѣй покушалъ и хозяина скушалъ“, и также изрѣченіе пророка Давида: „Человѣкъ міра моего, на него же уповахъ, ядый хлѣбъ мой, возвеличи на мя запинанія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣщатель упоминаетъ о „глупыхъ не обращающихся въ свѣтѣ людяхъ, которые если кого накормятъ, считаютъ за великое одолженіе, какъ будто бы того на цѣлый годъ накормили. Сказаннымъ здѣсь, онъ не поощряетъ пренебреженія къ другимъ; ибо если кто желаетъ къ себѣ уваженія, долженъ научиться уважать другихъ, но совѣтуетъ не дѣлать имъ того, чего не желаешь себѣ, и не осуждать, чтобы самому избѣгнуть осужденія; потому что какъ бы кто ни былъ уменъ, безъ другихъ ничто. Въ несчастьи друзья лучше денегъ, и счастливъ тотъ, кто имѣетъ вѣрнаго друга. Этимъ житейскимъ наставленіемъ и общею моралью кончается 11-й пунктъ. Въ слѣдующихъ 12-мъ и 13-мъ, заключается разсужденіе автора о женидьбѣ съ совѣтомъ не рѣшаться на нее скоро, чтобъ потомъ не раскаяваться; причемъ женидьба по склонности признается „душевнымъ покоемъ“; въ противномъ же случаѣ—совершеннымъ мученьемъ, вслѣдствіе чего, по мнѣнію автора, не слѣдуетъ смотрѣть на нее какъ на игру, въ которой думаешь выиграть „на авось“, позабывая о проигрышѣ: „барышу накладъ, большой братъ бываетъ“...—Онъ предоставляетъ однимъ богачамъ право и возможность удовлетворять „непросвѣщеніе и жен-

скія прихоти, хотя для безумныхъ щеголихъ, которыя отъ утра до вечера сидятъ противъ зеркала, и большаго имѣнія не на долго станетъ"... затѣмъ онъ говоритъ о имѣющей наступить отъ бѣдности скукѣ взаимномъ между супругами омерзѣніи и ненависти, заставляющихъ ихъ разойтись, о чемъ не стоитъ сожалѣть, если у нихъ нѣтъ дѣтей; но авторъ видалъ много и таковыхъ, которыхъ дѣти покинутые обоими, непричастные злу, растутъ въ нищетѣ, и достойны сострадапія. Онъ запрещаетъ ввѣрять слѣпо дѣтей иностраннымъ учителямъ, такъ какъ дѣльныхъ такъ мало, и они такъ рѣдки, что за большія деньги найти ихъ невозможно; „а клейменыхъ осматривать еще и понынѣ обычаю нѣтъ"; причемъ разказываетъ что самъ при наймѣ дѣтямъ своимъ учителя иностранца, уговаривался съ нимъ, чтобъ позволилъ себя раздѣть и осмотрѣть спину, и предлагалъ заплатить ему за годъ не въ зачетъ; но не смотря на то, охотника между ними не нашлось, кромѣ одного француза по прозванію „Тиранъ", которымъ по смерть его былъ доволенъ. Помянутый французъ былъ въ отечествѣ своемъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ, не зналъ грамматики, но былъ старикъ добраго поведенія, и дѣти были имъ довольны. Въ заключеніе авторъ говоритъ: „Всякъ легко разсудить можетъ, можно ли доброму человѣку оставить свое отечество? Много и русскихъ, подлыхъ бываетъ, однакожъ добрыми людьми назвать ихъ не можно для того, что хорошій человѣкъ вездѣ надобенъ, и всякъ будетъ ему радъ въ своемъ отечествѣ, „чужестранцы же", прибавляетъ авторъ, „мастера сочинять разказы, безстыдно лгать и распространять о себѣ чудеса храбрости, что будто бы спасая жизнь свою вслѣдствіе поединка, принуждены бѣжать, чтобъ не быть повѣшенными; легковѣрные люди повѣря подобной лжи, причиняютъ себѣ тѣмъ большіе убытки и разореніе".

Въ 14-мъ пунктѣ авторъ утверждаетъ что добронравіе переходитъ къ младенцу съ груднымъ молокомъ, и что потому обязанность родителей обращать вниманіе на нравъ дѣтей; грубость и злость послѣднихъ должны исправлять голодомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ также необходимость розги, которой по словамъ его „въ могилу не вгонишь, но и калачомъ изъ могилы не выманишь; и чему быть, то такъ и будетъ". Признавая помянутыя карательныя средства къ исправленію дѣйствительными, онъ въ тоже время предписываетъ родителямъ „требовать отъ дѣтей любовь, почтеніе и исполненіе всѣхъ родительскихъ желаній, въ силу искренной любви къ послѣднимъ, но не вслѣдствіе варварскаго страха. Напоминая дѣтямъ своимъ объ ихъ воспитаніи, авторъ духовной говоритъ имъ, что старался о немъ по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, нанимая учителей французскаго и нѣ-

мецкаго языковъ, и тщательно наблюдая, чтобъ дѣти его „начитавшись пустыхъ и бездѣльныхъ книгъ и паче на французскомъ языкѣ, не стали ненавидѣть и презирать свой языкъ и націю...“ Онъ осуждаетъ безразсудныхъ, которые выучась болтать какъ сороки, врутъ что на умъ взбредетъ, вслѣдствіе чего впадаютъ въ большіе промахи; здѣсь онъ разказываетъ, ему случилось видѣть „мужика съ бородой“, знавшаго по французски, и вошедшаго въ комнату гдѣ болталъ пустомеля. Первый все слушалъ, и когда болтунъ замолчалъ, то мужикъ сталъ его благодарить, сказавъ ему на французскомъ языкѣ, что зналъ отца его, и думалъ что онъ (пустомеля) отъ него рожденъ; но теперь убѣдился что отъ француза, такъ какъ въ рѣчи своей, онъ всѣхъ русскихъ назвалъ свиньями, не исключая и дражайшихъ своихъ родителей. Въ заключеніе преподается совѣтъ остерегаться подобнаго; и завѣщатель желаетъ дѣтямъ своимъ быть лучше честными и добрыми людьми, говоря на одномъ языкѣ, чѣмъ владѣя многими, быть вредными обществу.

Авторъ „Духовной“ выражаетъ въ 17-мъ пунктѣ желаніе, чтобъ дѣти его разсуждали здраво и были бы въ состояніи различать хорошее съ дурнымъ, вѣрное съ невѣрнымъ, и правду съ ложью, роскошь со скупостью; также чужаго съ своимъ не смѣшивать и „математика“, которой онъ ихъ училъ, должна подать имъ, по его мнѣнію, средство подводить вѣрный расчетъ. Присвоеніе чужаго считаетъ онъ преступнымъ и опаснымъ, сравнивая поступокъ этотъ съ „посаженною за пазуху живою змѣею“, которая хотя и не скоро, но укуситъ. Признавая „высшій законъ возмездія“, онъ говоритъ, что отецъ любимыхъ дѣтей не долженъ дѣлать другимъ зла, и наносить обиды, чтобъ не быть причиною остающимся послѣ него, гибели. Далѣе онъ входитъ въ разсужденіе о томъ, что богатство не составляетъ счастья въ жизни, когда духъ и мысли не будутъ покойны, но считаетъ блаженнымъ человѣка довольнаго своимъ положеніемъ, причемъ представляетъ мучительное состояніе одержимаго чувствомъ зависти; таковой по словамъ его „какъ живой въ котлѣ кипитъ, дышетъ злобой, волнуется, алчетъ, жаждетъ, хватаетъ, собираетъ—а кому достанется, самъ не знаетъ“. Подобную жизнь считаетъ авторъ Божьимъ наказаніемъ и безконечною мукою, которую можетъ прекратить одна лишь смерть.

Въ 18-мъ пунктѣ онъ даетъ дѣтямъ своимъ наставленіе, чтобъ они пользуясь молодыми лѣтами и развивающеюся памятью, читали полезныя книги собранныя имъ для нихъ въ порядочномъ количествѣ, что дастъ имъ помощь къ дальнѣйшему образованію, средства сдѣ-

латься людьми полезными отечеству и добрыми согражданами живущими на свѣтѣ не только для самихъ себя, но для пользы общества. Собранная завѣщателемъ библіотека и будетъ по словамъ его, служить для нихъ неоцѣненнымъ сокровищемъ и несчетнымъ богатствомъ; но онъ проситъ ихъ извинить его въ томъ, что не нажилъ для нихъ имѣнія; ибо помнилъ слова премудраго Соломона: „хотящіе богатитися, впадаютъ въ напасть" и черезъ неправое стяжаніе, не желалъ имъ гибели; по его мнѣнію, несчастіе дѣтей происходитъ отъ алчности родителей, и что гораздо лучше имѣть „тѣло здравое, чѣмъ богатство безмѣрное"; онъ прибавляетъ, что самъ сохранилъ все то, что получилъ отъ своего отца, и проситъ дѣтей того не потерять; но желаетъ имъ, если Богъ допуститъ, присовокупить безгрѣшнымъ образомъ къ имѣющемуся то, чѣмъ Богъ ихъ наградитъ.—Онъ завѣщаетъ имъ въ 19-мъ пунктѣ „воздавать достодолжное почтеніе „милостивцамъ его и благодѣтелямъ", которыхъ имѣлъ достаточное число, и говоритъ, что оставляетъ дѣтямъ своимъ „имя безпостыдно"; обращаясь къ нимъ словами: „нагъ пріидохъ на землю, нагъ въ нее отъиду", онъ заключаетъ текстомъ изъ апостола Павла: „Никтоже часть пріемлетъ, токмо званый отъ Бога".

Въ 20-мъ пунктѣ онъ говоритъ дѣтямъ, что если будетъ на то Его святая воля, и заслуга ихъ государю угодна, обществу полезна, и правительству нужна будетъ, то за все помянутое наградою послѣдуютъ—милость, чины и богатство; но между тѣмъ не совѣтуетъ имъ слѣдовать, въ какихъ бы чинахъ они ни были, модѣ, и заводить „скороходовъ бѣгающихъ подобно лягавымъ собакамъ"; такъ какъ мы вѣримъ что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему и подобію, то кажется „подобному предъ подобнымъ бѣгать не прилично".—Сознавая необходимость въ услугахъ людей, онъ требуетъ чтобы онѣ были цѣлесообразны и не противны здравому разсудку, и по силамъ человѣческимъ.

Обращаясь за тѣмъ къ дочерямъ своимъ „онъ поучаетъ ихъ въ 21 и 24-мъ пунктахъ завѣщанія, обязанностямъ относительно ихъ будущихъ мужей, въ случаѣ если онѣ достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, пожелаютъ вступить въ бракъ; онъ совѣтуетъ имъ избирать человѣка по сердечной склонности и опредѣленію Божію; чтобы каждая изъ нихъ могла любить своего мужа вѣрно, но не слѣдовать примѣру другихъ, прельщающихся чиномъ или богатствомъ; „ибо мужъ", говоритъ онъ, долженъ быть „не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ. Красота увядаетъ, богатство тлѣетъ; умъ же и разумъ никогда; по мнѣнію завѣщателя: „умный женихъ, хотя и бѣдный, лучше богатаго

дурака, мота и вертопраха; онъ требуетъ отъ каждой изъ дочерей своихъ, чтобъ она, какого бы мужа судьба ей не послала, и котораго имя она носить будетъ, должна была во всякомъ случаѣ почитать его главою, быть исполнительницею воли его, хотя бы что иногда ей и противнымъ казалось; устранять же помянутую волю мужа, можетъ только къ нему любовью, преданностью, покорностью и лаской.

Главною причиною злонравія въ младенцахъ, авторъ духовной полагаетъ „мамушекъ и нянюшекъ", сѣющихъ пустыми разсказами въ сердце первыхъ злыя искры; такъ что посѣянное ростетъ съ младенцемъ до совершеннаго возраста, когда уже весьма трудно искоренить все дурное; онъ совѣтуетъ также опасаться „разкащицъ и потаскушекъ, желающихъ большею частью добраться до кошелька легковѣрной женщины; онѣ подмѣтивъ ея слабость и малодушіе ее обираютъ, такъ что послѣ разлуки съ мужемъ произшедшей стараніями этихъ сплетницъ, бѣдная жена не имѣя пристанища и покровительства, хотя бы умерла съ голоду, не возбудитъ сожалѣнія въ виновницахъ ея гибели; подобныхъ тварей авторъ совѣтуетъ „бояться болѣе дьявола, что языки ихъ острѣе змѣиннаго жала; и что злая женщина хуже городскаго набата или сигнальнаго колокола; ибо въ праздникъ и простой день, безпрестанно языкомъ звонитъ во вредъ другимъ, и на всѣхъ лаетъ".

По словамъ его мужъ заслуживаетъ отъ жены любовь и уваженіе тѣмъ, что онъ господинъ и хозяинъ въ домѣ; что по его доброму и хозяйственному распоряженію, всѣ его домашніе получаютъ пищу, одежду и покой. Жену безъ мужа, онъ уподобляетъ великолѣпному дому безъ кровли, по русской пословицы: „худой мужъ въ могилу, а добрая жена по дворамъ"; жена должна по мнѣнію его повиноваться мужу и потому, что онъ одаренъ отъ природы большею нежели она физическою силой. „Жена да убоится своего мужа", справедливо учитъ апостолъ Павелъ; „если она будетъ мѣшать жить мужу", продолжаетъ авторъ духовной, „безпрестанно его раздражать по глупому своему разсужденію склонному къ ревности, слѣдуя внушенію своей матери, отъ которой нахлебалась съ молокомъ злонравія, будетъ утопая въ пучинѣ злобы помышлять о томъ, о чемъ бы благоразумная женщина и думать стыдилась, не подавая виду, что она мужу неугодна, и считая любовницъ мужа за ничто; но если злонравная разсуждать будетъ и противорѣчить съ неистовствомъ, грубостью и невѣжествомъ, то онъ съ своей стороны, можетъ, забывъ „выдуманную политику и вѣжливость, крѣпко ее покручинитъ или досадитъ своею сильною пощечиной....." къ этому онъ прибавляетъ, что послѣ такого дѣйствительнаго укрощенія злобы жены, еслибы послѣдняя и вздумала

жаловаться куда надлежитъ на мужа своего, то не скоро бы получила сатисфакцію; а еслибы и такъ, то все-таки полученной пощочины не воротитъ. Поучающій, не ограничиваясь этимъ, идетъ далѣе, и говоритъ, что вслѣдствіе неудовлетворенной жалобы своей на мужа, у жены отъ злобы „будетъ часто подниматься матка; и если она обо всемъ съ ней случившемся безпристрастно разсудитъ, то убѣдится сама что причиною тому ея дурное воспитаніе, грубый нравъ и невѣжество. Здѣсь авторъ приводитъ пословицу: „ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ, и сытъ живетъ".

Продолжая свои наставленія о замужествѣ дочерямъ, онъ говоритъ, что если мужъ и жена мягкосердечны, то можно ожидать совершенной между ними дружбы; въ противномъ случаѣ полнѣйшей вражды. Въ подкрѣпленіе настоящаго своего мнѣнія, онъ разсказываетъ о трехъ нѣкогда знакомыхъ ему женщинахъ, изъ которыхъ первая надоѣдала мужу своему просьбой сдѣлать ей маскерадное платье; но по несчастью у него не было денегъ, занимать же привычки не имѣлъ; она разсердясь, и конечно не сказавъ ни слова мужу, послала продать образъ въ золотомъ окладѣ, и на вырученныя деньги сшила себѣ желаемое платье; только за одинъ выговоръ узнавшаго о томъ мужа, она отъ него ушла. Вторая сдѣлала тоже за то, что не получила отъ мужа въ подарокъ новой кареты; наконецъ третья, вознегодовала на мужа своего за то, что онъ получая не болѣе ста двадцати рублей въ годъ доходу, не угощалъ ее каждый день за столомъ дессертомъ. Въ противоположность этимъ тремъ безумнымъ женамъ, авторъ духовной, сообщаетъ, что нѣкто имѣя жену малорослую, рябую и кривую, но умную, скромную и ласковую, лишась ея, чуть не умеръ съ горя; „изъ чего слѣдуетъ", говоритъ авторъ, „что она мила была ему самымъ дѣломъ, а не красотою и тѣломъ".—За тѣмъ, онъ не оставляетъ порицать также и мужей обирающихъ своихъ женъ, проматывающихъ ихъ состояніе и лишающихъ ихъ пропитанія. Вслѣдствіе пьянства, игры и другихъ прихотей, жены такихъ супруговъ въ бѣдственное состояніе,—„неистовство", и въ болѣзни разныя впадаютъ: „сперва въ ипохондрію", а потомъ и въ „меланхолію". Причиною тому полагаетъ онъ глупаго мужа, которымъ владѣютъ „холопи" ссорящіе мужа съ женою, и родителей съ дѣтьми; отстраняющіе истинныхъ друзей отъ дома, чтобъ удобнѣе обманывать дурака, и поступать по своей волѣ, предаваясь разгулу, что по мнѣнію завѣщателя, нельзя сдѣлать съ человѣкомъ благоразумнымъ...". Онъ утверждаетъ, что умной женщинѣ легче переносить бѣдность, чѣмъ выйдя за дурака и владѣя большимъ состояніемъ, жить для удовольствія мамушекъ, ня-

нюшекъ, и для различныхъ холопскихъ выгодъ..." Причемъ онъ прибавляетъ: „съ умнымъ лучше потерять, нежели нашедъ съ дуракомъ раздѣлить". Оканчивая свое родительское наставленіе дочерямъ, онъ говоритъ имъ: „преслушавый родителей, никто спасенъ быть не можетъ", и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ имъ пятую заповѣдь.

Пунктъ 25-й содержитъ въ себѣ совѣтъ вдовцу и вдовѣ (изъ дворянъ), имѣющимъ дѣтей отъ перваго брака, не вступать въ таковой вторично; по мнѣнію подающаго совѣтъ, не смотря на стараніе воспитать чужихъ дѣтей, благодарности отъ нихъ едва ли можно ожидать; кромѣ того, по смерти супруговъ, между соединенными братьями или сестрами возникаютъ „приказныя ссоры". Здѣсь авторъ духовной упоминаетъ о случаѣ, когда къ имѣющимся у каждаго вступающаго во вторичный бракъ, дѣтямъ, прибавляются вновь родившіеся; такіе браки называетъ онъ явнымъ безуміемъ, ибо слѣдствіе ихъ видимое несчастіе дѣтей, отъ возникающихъ между ними вражды и ненависти—Въ 26-мъ пунктѣ, онъ остерегаетъ сыновей отъ „мнимыхъ любовницъ" и называетъ ихъ „жадными карманными обирохами", которыя сойдясь съ благодушнымъ человѣкомъ, безбожно его разоряютъ и обираютъ „дорогія затѣушечки". Въ 27-мъ, онъ не возбраняетъ монашества дѣтямъ своимъ, кто изъ нихъ снести въ силахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ предпочтеніе честному монашеству достойному уваженія передъ бѣдною и несчастною жизнью въ мірѣ, и говоритъ, что лучше жить въ уединеніи чѣмъ терпя бѣдность, шататься изъ двора на дворъ.

Оставляя дѣтямъ эту записку для памяти, свѣденія и исполненія, авторъ ея упоминаетъ въ 28-мъ пунктѣ о томъ, что старшій сынъ его „соименитый" всѣмъ братьямъ своимъ—Дмитрій, имѣетъ отъ роду только пятнадцать лѣтъ. Онъ называетъ настоящую духовную „своимъ маленькимъ календаремъ", который по словамъ его можетъ руководить дѣтей его „узкою тропою до первой степени обширнаго понятія"; и выражаетъ желаніе, чтобъ они достигнувъ совершеннаго возраста, приложили стараніе привести въ исполненіе извѣстныя имъ его намѣренія, и въ память его, проситъ ихъ прочитывать настоящую духовную хотя по одному разу въ мѣсяцъ.—Главное и послѣднее его желаніе выраженное имъ въ 29-мъ пунктѣ, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти его сохраняли между собою дружелюбіе, чѣмъ заслужатъ милость Божію и благополучіе въ жизни: „Ни что бо добро, и ничто красно, но еже жити братіи вкупѣ", ибо любовь къ Богу, безъ любви къ ближнему не совершенна, по словамъ апостола: „аще Бога любиши, а брата ненавидиши, ложь есть". Здѣсь слѣдуетъ

поясненіе, что эта взаимная между братьями любовь, состоитъ не въ томъ „чтобъ по комъ быть порукою, взять подрядъ или откупъ, и тѣмъ добровольно повергнуть въ несчастье свою семью".

Въ 30-мъ пунктѣ, завѣщатель проситъ дѣтей, въ случаѣ, если Богъ прекратитъ жизнь его, пріобрѣсти сверьхъ завѣщаннаго имъ, большее, и быть полезными другимъ, за что будутъ дойстойны хвалы; ибо каждый воленъ думать какъ хочетъ, но поступать такъ, какъ надлежитъ человѣку доброму и честному.—31-й пунктъ начинается словами: „Дрема клонитъ человѣка ко сну, а болѣзнь къ старости смерть предвѣщаетъ". Заявляя о слабости своего здоровья, авторъ духовной приписываетъ ее несчастію случившемуся съ нимъ 16 апрѣля 1779 года, при переѣздѣ его въ деревню черезъ Москву рѣку на плоту погрузившемся отъ сильной воды въ нее почти совсѣмъ, такъ что спасеніе его жизни совершилось только по волѣ Божіей; причемъ приводитъ изрѣченіе: „Не по беззаконію моему воздалъ еси мнѣ, но по грѣхамъ моимъ спаслъ еси мя".—„Эта опасность", прибавляетъ онъ, „превосходящая человѣческія силы, привела меня въ совершенную слабость". Послѣ помянутаго несчастнаго случая, онъ почелъ долгомъ оставить дѣтямъ своимъ настоящее наставленіе подобно тому, какъ и въ древнія времена родители дѣлали это для своихъ дѣтей.

Наконецъ онъ наказываетъ дѣтямъ своимъ „питать чувствительную благодарность государю, брату и отцу, Платону Ивановичу Орлову, и супругѣ его, милостивой государынѣ невѣсткѣ и матери его Аннѣ Поликарповнѣ, которые какъ его самаго, такъ и дѣтей его всегда одолжали своимъ великодушіемъ и помогали ему при его недостаткахъ, что продолжается и по настоящее время..." [1].

Въ концѣ книги помѣщено слѣдующее, переведенное съ греческаго языка, съ подписью литеръ К. А. Л. С.: „Мнѣніе одного пи-

---

[1] Признаемъ весьма справедливымъ отзывъ г. Островскаго о „Духовной" Друковцова. „Можно замѣтить", говоритъ первый, „отсутствіе послѣдовательности въ изложеніи мыслей и вслѣдствіе этого ничѣмъ не вызванные переходы къ предметамъ ни въ какой связи не состоящимъ съ только что обсужденными. Вездѣ встрѣчается неясность мыслей, неточность въ выраженіяхъ и неожиданность перехода отъ одного предмета къ другому". (Духовная В. Н. Татищ. Казань 1885 г. Стр. VII и 29). Не смотря на помянутые недостатки этого произведенія Друковцова въ литературномъ отношеніи, оно все таки не лишено интереса, потому что представляетъ намъ воззрѣнія современника на жизнь общества XVIII столѣтія, хотя они и выражаются большею частью въ общихъ мѣстахъ и дешевой морали.

сателя о должномъ каждому человѣку заблаговременномъ приготовленіи духовныхъ завѣщаній", и „Письмо къ г. Друковцову отъ одного стихотворца, пріятеля сочинителю", такого же почти содержанія; письмо это написано виршами и помѣчено литерами Н. С. Р. Содержаніе его, какъ и предыдущаго перевода, составляетъ разсужденіе о кратковременности человѣческой жизни, неизбѣжности смерти, и совѣта о необходимости оставлять по себѣ для памяти потомству, письменныя свидѣтельства дѣйствій нашихъ при жизни. Стихотворецъ, обращаясь къ автору духовной, говоритъ ему между прочимъ:

. . . .
«А чтобы нашу жизнь на свѣтѣ продолжить,
То должно что нибудь такое сотворить
Чѣмъ и по смерти мы осталися бы громки,
И наши дѣйствія читали бы потомки
Въ оставленныхъ для нихъ писаніяхъ отъ насъ
И чтобъ отъ рода въ родъ къ нимъ преходилъ сей гласъ;
То и по смерти мы, вѣдь души могутъ мыслить,
Себя живущими на свѣтѣ будемъ числить.
И такъ наставники, учители, отцы
Старайтесь дѣтямъ быть полезныхъ книгъ творцы».

Стихотворецъ-пріятель оканчиваетъ письмо свое, похваляя Друковцова какъ хозяина, заботливаго отца, издателя полезныхъ книгъ, и одобряетъ сочиненную послѣднимъ духовную:

«Я Друковцовъ! твоихъ не исчисляю дѣлъ,
Какъ въ домостройственныхъ ты опытахъ успѣлъ,
И слѣдуя своихъ пріятелей совѣту,
Полезныя издать ты тщился книги свѣту.
Ниже забавныхъ тѣхъ твоихъ трудовъ коснусь
Что Сказки издалъ ты, да не льстецомъ явлюсь
Но память тѣмъ свою ты прямо продолжаешь,
Что нынѣ дѣтямъ ты своимъ предоставляешь,
По мѣрѣ даннаго тебѣ ума Творцомъ;
И что усерднѣйшимъ ты въ жизни былъ отцомъ,
Что чада чадъ твоихъ, и сыновья и дщери,
Которымъ ты отверзть къ блаженству хощешъ двери,
Съ признательностію сего о нихъ труда,
Тя будутъ почитать изъ рода въ родъ всегда» [1]

[1] Намъ извѣстна еще книга, содержаніе которой составляетъ: Завѣщаніе Статск. Сов., кн. Дмитрія Павловича Цыціанова дѣтямъ своимъ, послѣдуемое эпитафіею. Спб. 1768 г. 8°. (Смирд. ч. II. № 2952).

№ 130. Букварь для употребленія Россійскаго Юношества.— Въ Москвѣ, Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова. 8°. 24 нум. стр.

На 3-й страницѣ надпись: „Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь. Боже въ помощь мою вонми, и вразуми мя во ученіе сіе.— За тѣмъ слѣдуютъ гражданская и церковная (славянская) азбуки, показывающія прописныя и строчныя буквы; азбука косыми буквами (курсивъ) съ прописными и строчными буквами.—Названіе буквъ принятое при обученіи чтенію, какъ то: Азъ, Буки, Вѣди и т. д.—Строчныя препинанія.—Склады двойные, тройные и четверные.—Примѣры для чтенія по складамъ.—Двѣ молитвы: утренняя и вечерняя.—Стихи: „Науки юношей питаютъ" и проч.—Десять Заповѣдей.—Молитва Господня: „Отче нашъ".—Символъ православныя вѣры.—Таблица умноженія.

Этотъ первобытный и не хитрый составъ букварей и азбукъ существовалъ съ нѣкоторыми измѣненіями, пополненіями, и при той же методѣ обученія чтенію, едва ли не во все продолженіе перваго двадцатипятилѣтія XIX столѣтія. Какъ видно изъ заглавнаго листа настоящаго „Букваря", онъ напечатанъ на другой годъ послѣ принятія Новиковымъ въ арендное содержаніе московской университетской типографіи (1 мая, 1779 года), которую онъ успѣлъ по времени довести до возможно лучшей степени; по отзыву профессора Шварца [1], она не уступала уже первымъ заведеніямъ этого рода въ Европѣ [2]. Въ первое время своего завѣдыванія типографіей, Новиковъ озаботился распространеніемъ вмѣстѣ съ другими полезными книгами и необходимыхъ элементарныхъ руководствъ къ первоначальному обученію, и къ послѣднимъ принадлежитъ настоящій „Букварь". Несомнѣнно то, что книги, по которымъ русское юношество училось слишкомъ за сто лѣтъ назадъ, имѣютъ важное значеніе для исторіи просвѣщенія въ Россіи.—Въ числѣ осьми русскихъ букварей указанныхъ въ „Опытѣ" Сопикова (ч. 2-я), напечатанныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, настоящаго, напечатаннаго также въ Москвѣ, не находится. Обязанность библіографа вносить въ труды свои всѣ подобные элементарные учебники, какъ бы они съ перваго взгляда не казались незначительными; тѣмъ болѣе что книжки такого рода уничтожались какъ вслѣдствіе употребленія, такъ и отъ небрежности учившихся.

---

[1] Шварцъ, Иванъ Григорьевичъ (Iohann Georg Schwarz) Публичн. Орд. Проф. Философіи. Біогр. Словарь Профессоровъ Имп. Москов. Универс. С. Шевырева. ч. II. стр. 574.—[2] Новик. и Москов. Мартин. Лонгинова. стр. 129.

1781.

№ 131. Житіе Господина N. N. Служащее введеніемъ въ исторію его въ Царствѣ мертвыхъ.—Печатано при Артиллерійскомъ и Инженеромъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ иждивеніемъ Содержателя типографіи Х. Ф. Клеена **Въ Санктпетербургѣ** 1781 года. 8°. 64 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа обведеннаго фигурною каймою).

Сопик. ч. 3. № 4082. (съ обозначеніемъ 1779 года).—Геннади. Справочн. Словарь. т. II. стр. 6.—Библіографич. Записки 1859. т. II. стр. 341.—Бакмейст. Russ. Bibliot. VII. Band. s. 293.

Содержаніе настоящей крупнымъ шрифтомъ напечатанной брошюры, состоитъ изъ краткой сатирической біографіи не названнаго по имени купца-старовѣра, въ лицѣ котораго авторъ осмѣиваетъ міросозерцаніе, нравы, обычаи и нѣкоторыя убѣжденія раскольниковъ. Сатира написана грубымъ слогомъ и вовсе не замысловато, на личность по видимому нѣкогда извѣстную по своей пропагандѣ древлеправославнаго ученія; самый предметъ и образъ изложенія его, достаточно объясняютъ причину неоднократнаго изданія этого сочиненія, котораго содержаніе приводится здѣсь въ краткихъ словахъ. Описатель „житія" сообщаетъ что г. N. N. былъ родомъ изъ Р...., сынъ „знатнаго гостя", хотя нѣкоторые утверждаютъ доподлинно, что онъ родился близъ рѣки Оби, въ весьма набожномъ Аввакумовскомъ скитѣ, гдѣ между премудрыми людьми прошелъ всевозможныя науки, какъ напр. часть букваря, задніе стихи въ азбукѣ, арифметику на счетахъ и проч.; достигнувъ совершеннаго возраста, доходитъ и до большой премудрости—изучаетъ сентябрьскую треть пролога, и съ такимъ успѣхомъ читаетъ древнихъ авторовъ, что напослѣдокъ отыскиваетъ въ нихъ новыя, непреоборимыя доказательства осьмиконечнаго креста. Далѣе авторъ разсказываетъ о культѣ героя къ своимъ усамъ и бородѣ признаваемыми имъ за святыню; такъ что онъ, во время пребыванія своего на макарьевской ярмаркѣ утверждалъ, что голова дана намъ для бороды, и что осьмиугольная борода—всѣмъ бородамъ борода; и вслѣдствіе такого заключенія, онъ старался даже созвать осьмой вселенскій соборъ для того чтобы признать ее за таинство „потому де, что въ ней душа наша обитаетъ"; послѣднее ему однако не удается, такъ какъ поданная о томъ челобитная въ синодъ сгорѣла во время „буянскаго пожара".—За тѣмъ упоминается о крайней его страсти къ древ-

ностямъ, что доказывается чтеніемъ до смерти своей старинной печати, и радостною улыбкой при встрѣчѣ темныхъ мѣстъ для него самаго непонятныхъ. Человѣколюбіе его простиралось до того, что самые „подлые люди“ наслаждались часто его ученіемъ, что доказываетъ великолѣпная проповѣдь противъ сребролюбія, сказанная имъ при переѣздѣ черезъ Неву гребцамъ, на которыхъ она не дѣйствуетъ, ибо проповѣдникъ вздохнувъ, отсчитываетъ имъ „единую мѣдяницу“, соболѣзнуя о томъ, что они на грошъ отъ него полученный, мѣняютъ царство небесное. Авторъ сообщаетъ о дарѣ прозорливости своего героя, узнававшаго по шапкѣ каждаго встрѣчнаго, на которой сторонѣ станетъ носящій ее при второмъ пришествіи; при чемъ зналъ также, въ которой шапкѣ сидитъ сатана и отъ которой бѣгаетъ; набожность, воздержаніе и заслуги г. N. N. своему обществу, надъ которымъ онъ былъ не малое время бургомистромъ, состояли въ обираніи съ своими домочадцами народа безъ всякаго притѣсненія; и не смотря на слова его ненавистниковъ, что какъ городомъ, такъ имъ самимъ будто-бы управляла умная и дородная жена его, онъ въ томъ никогда не сознавался.—Ѣздилъ онъ въ „нѣмецкую землю“, былъ также во всѣхъ городахъ россійской имперіи, но не посѣщалъ церкви, не доходя до нея двадцати шаговъ, на томъ основаніи, что образа святыхъ мучениць будто-бы весьма соблазнительны, и лики угодниковъ не довольно темны. Вознамѣрившись сдѣлать нѣкоторыя поправки въ церковномъ уставѣ, но встрѣтивъ въ томъ отказъ, онъ въ негодованіи удаляется въ скитъ, гдѣ во избѣжаніе соблазна пребываетъ три года, но успѣваетъ переправить свою псалтирь; обладая великимъ краснорѣчіемъ, начинаетъ онъ всегда рѣчь свою отъ времени царя Давида, или по крайней мѣрѣ отъ в. князя Владиміра, произнося слова важно, убѣдительно и съ улыбкою исполненною духомъ премудрости; жаръ его краснорѣчія доходилъ до того, что не находилось никого, кто бы могъ его слушать столько времени, сколько онъ могъ говорить.

Здѣсь авторъ „Житія“ переходитъ къ наружности своего героя“: г. N. N., „говоритъ онъ“, былъ весьма миловиденъ и имѣлъ похвальную привычку улыбаться при каждомъ словѣ, что придавало лицу его пріятность“; затѣмъ слѣдуетъ довольно подробное описаніе его „умильныхъ усовъ, представлявшихъ по словамъ автора „смѣсь гусарскихъ съ калмыцкими“, и доказывавшихъ храбрость его въ „духовныхъ дѣлахъ“; первый пересчитываетъ даже волоски въ усахъ и бородѣ знаменитаго расколоучителя, и находитъ что они, т. е. волоски, состоятъ между собой въ геометрической пропорціи. Далѣе описывается одежда его, состоявшая въ коричневомъ кафтанѣ, сшитомъ по увѣрс-

нію облекавшагося въ него, изъ сукна, которое служило попоною для коня в. князя Владиміра, во время похода его противъ невѣрныхъ агарянъ; владѣлецъ помянутаго кафтана цѣнилъ его какъ древность, и какъ щитъ отъ всѣхъ соблазновъ. Рубахи носилъ онъ красныя или зеленыя съ запонкой на вбротѣ, не уступающей древностью кремлю, съ искусно вставленной въ нее частью ногтя съ указательнаго перста св. пророка Аввакума. Въ заключеніе описанія земнаго поприща г. N. N., разсказывается о великой любви его къ друзьямъ, и между прочимъ, изъ его къ нимъ завѣщанія — не пить кофе и чаю; и „отгребатися табаку", не читать книгъ: „Пращицы", „Розыска", и „неходить въ церковь". Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе о, катастрофѣ положившей предѣлъ земнымъ подвигамъ, и слѣдовательно самой жизни наставника. Причиною его смерти оказывается его любимый ученикъ и наперсникъ, котораго учитель воображалъ уже стоящимъ у самыхъ „вратъ эдемскаго сада" и котораго намѣревался отвести для прославленія своего имени въ аввакумовскій скитъ. Помянутый ученикъ, изъ страха быть наказаннымъ за непослушаніе трехдневною проповѣдью или тяжелымъ книжнымъ переплетомъ, повиновался во всемъ наставнику; набожно вздыхалъ, слушая его поученія, порицая съ нимъ вмѣстѣ „красные колпаки", проклиная современные обычаи и проч.; этого-то, самаго возлюбленнаго ученика застаетъ учитель у своего знакомаго пьющимъ съ хозяиномъ кофе и курящимъ табакъ. Пораженный при видѣ этого ужасомъ, онъ проситъ присутствующихъ вывесть его изъ „Содома и Гомморы", дабы не погибнуть съ беззаконниками; напослѣдокъ, изнемогая, онъ приказываетъ положить себя подъ образа и по нѣкоторомъ молчаніи кричитъ: „изыдите демонскія лица пламенніи, изыдите!"; затѣмъ спокойно спрашиваетъ о безумномъ, соблазнившемся юношѣ, обзывая его сатаною, и считая его недостойнымъ своего попеченія, такъ какъ несчастный „упился адскія желчи", кофе и табаку". Онъ проситъ предстоящихъ бросить отступника въ геенну на безконечное мученье. Авторъ говоритъ, что эти достойныя примѣчанія слова, были послѣдними въ жизни г. N. N. Онъ скончался и хотя въ мѣсяцословъ не занесенъ, но что никто не сомнѣвается, чтобы на томъ свѣтѣ онъ не былъ принятъ по своему достоинству. Здѣсь описывается чудо, совершившееся при послѣднемъ его издыханіи и состоявшее въ томъ, что усы его начали подниматься и опускаться, перебираясь волосъ за волосомъ, „подобно колосьямъ на изобильной жатвѣ". Это чудо, по словамъ автора, было объявлено черезъ нарочныхъ въ аввакумовскомъ скитѣ при собраніи до 7000 старинныхъ бородъ разныхъ лицъ, и осьмисотъ старухъ тайнаго богомоль-

наго совѣта; означенныя лица послѣ панихиды, разсуждали о томъ, чему приписать вышепомянутое явленіе? По мнѣнію „бородъ", движеніе усовъ происходило по случаю вынесенія души „преставльшагося" ангелами; по увѣренію старухъ, усы поднимались и опускались вслѣдствіе прощанья своего съ бородою. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ и чудо записано въ книгу чудесъ тамошнихъ угодниковъ, красною прописью.—Далѣе извѣщается о томъ, что чудеса г. N. N. со смертью его не пресѣклись, въ доказательство чего и приводится посланіе нѣкосго отца Тарасія, „прорицателя Брынскаго и кавалера святаго желто-краснаго и перваго козыря", пишущаго въ Крестецкій Ямъ, старухѣ Савельевнѣ, отправляющей тамъ двадцать-осмой годъ службу въ освященномъ погребѣ, и сообщающаго ей о явившихся ему въ видѣніи двухъ юношей въ смурыхъ кафтанахъ, „въ скобкѣ и порткахъ" съ остриженными подъ гребенку, по христіанска волосами и съ святыми козырями виднѣвшимися у нихъ за плечами, и увѣрившими его, что о загробномъ блаженствѣ покойнаго будетъ обнародовано извѣстнымъ ученикомъ его, о чемъ извѣстно будетъ какъ ей, Савельевнѣ, такъ и ему, Тарасію; въ то же время блаженный мужъ является и бывшему своему усердному ученику и невольному убійцѣ, въ костюмѣ состоящемъ изъ красной рубахи, портокъ и черныхъ тупоносыхъ туфель, по обыкновенію не подпоясанный. и держащій въ рукахъ „житіе Аввакумово" книгу по крайней мѣрѣ десяти вершковъ толщины, которою ударяетъ бывшаго ученика такъ, что послѣдній безъ сомнѣнія упалъ бы, еслибы не лежалъ на постелѣ. За тѣмъ наставникъ прощаетъ ему смерть свою, съ условіемъ, чтобы онъ описалъ какъ земную жизнь его, такъ равно и произшедшее съ нимъ на томъ свѣтѣ, откуда и пошлется будущему описателю жизни умершаго, благовѣстникъ для подаиія ему достаточныхъ силъ къ выполненію этого важнаго предпріятія. Наконецъ явившійся съ того свѣта мужъ приказываетъ ученику своему послать одинъ изъ списковъ „житія" его отцу Тарасію, другой старухѣ Савельевнѣ и третій въ Петербургъ, въ первую линію „для истребленія эллинскихъ мнѣній изъ россійскаго юношества"; послѣ чего, онъ широко разведя руки, обнимаетъ ученика, заставляетъ поцѣловать себя въ освященную запонку, „и невидимъ бысть". Въ заключеніе, ученикъ просыпается, схватываетъ перо и дрожащими руками начинаетъ по вдохновенію духа благовѣстника писать, прославляя чудеса блаженнаго угодника.

Авторъ „житія" сообщаетъ наконецъ о похожденіяхъ знаменитаго расколоучителя въ царствѣ мертвыхъ, которыя и излагаетъ въ видѣ разговора между Харономъ, Меркуріемъ, Миносомъ и душею г. N. N.:

(Житіе стр. 26—64). Послѣдняя является къ берегамъ Стикса съ кулькомъ набитымъ книгами, изъ которыхъ приводитъ различныя цитаты, пересыпая поученія своими оговорками: „прошу не прогнѣваться“, „позвольте вымолвить“, и сопровождая рѣчь свою постоянною улыбкою, до того истощаетъ терпѣніе Харона, что тотъ велитъ Меркурію ударить болтливую душу весломъ по лбу; наконецъ, чтобы заставить ее замолчать, сажаетъ въ греблю, но и это средство оказывается безсильнымъ противъ неумолкающей души бывшаго старовѣра. Доплывъ до берега, Харонъ сдаетъ надоѣвшую ему на водахъ Стикса душу Меркурію, обязанному представить се на судъ Миноса; дорбгой душа продолжаетъ надоѣдать посланнику боговъ, не переставая болтать; и между прочимъ спрашиваетъ Меркурія „есть-ли у него сожительница“? получивъ отрицательный отвѣтъ, совѣтуетъ ему „поискать хорошую дѣвицу, или благочестивую вдовицу, ибо писаніе говоритъ: „лучше женитися, нежели разжизатися“. Намѣревается также разказать ему „житіе отца Аввакума“, но Меркурій избавляется тѣмъ, что приводитъ душу раскольника къ Миносу, который никакъ не можетъ добиться отъ нея отчста въ ея земныхъ дѣлахъ. Здѣсь Меркурій является обвинителемъ г. N. N., и въ краткихъ словахъ разсказываетъ судьѣ протекшую жизнь его, упомянувъ что смерть его произошла отъ того, что на землѣ пьютъ кофе и курятъ табакъ; причемъ жалуется на пытку, которой подвергся Харонъ, переправляя ихъ общаго мучителя черезъ Стиксъ.—Наконецъ самъ Миносъ, видя полную безполезность своихъ допросовъ душѣ не перестающей болтать свое, отдаетъ приказаніе Меркурію напоить ее кофеемъ и заставить курить табакъ; однако же, судья пытается возобновить допросы представшей передъ нимъ душѣ; но убѣдясь окончательно, что не добьется отъ нея никакого толку, изрекаетъ приговоръ, и приказываетъ Меркурію взявъ ее, отдать Тизифонѣ и сестрамъ ея, причемъ надѣть на нее арлекинскій кафтанъ, завязать волосы пучкомъ, привязать къ нимъ кошелекъ, и сколь возможно болѣе напудривъ ихъ, загнуть шляпу по-французски, и заткнувъ въ нее предолгую курительную трубку, водить въ такомъ видѣ по царству тѣней. Въ случаѣ же употребленія душею вышепомянутыхъ любимыхъ ея поговорокъ, напоить ее тотчасъ кофеемъ, заставить курить табакъ и играть въ кости. Впрочемъ Миносъ снисходитъ къ прозьбѣ осужденной души, оставить ей портки, „понеже и в. князь Владиміръ ихъ нашивалъ“; но приказываетъ не давать ей штановъ, и обрѣзать волочащійся по землѣ „гашникъ“.

Теперь остается упомянуть о томъ, кому приписываемо было нѣкоторыми писателями сочиненіе настоящаго памфлета; въ статьѣ

Аѳонасьева: „Новые Матеріалы къ біографіи Д. И. Фонвизина“ помѣщенной во 2-мъ томѣ „Библіографическихъ Записокъ“ (1859 г. столб. 18), авторъ статьи, между прочимъ сообщаетъ замѣтку, въ которой говоритъ, что князь Вяземскій въ сочиненіи своемъ (стр. 283—284) упоминаетъ о переданномъ ему Пушкинымъ мнѣніи своемъ о какомъ-то ѳеологическомъ памфлетѣ „Аввакумовскій Скитникъ“, принадлежащемъ Фонвизину. Такъ какъ сочиненія съ этимъ заглавіемъ не отыскалось, то авторъ замѣтки нашелъ другое, которое и могло подать поводъ къ ошибочному преданію; это: „жизнь нѣкотораго мужа и провозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ-рѣку“. „Но по свѣдѣніямъ болѣе достовѣрнымъ“, говоритъ князь Вяземскій, „оно плодъ пера Адама Васильевича Олсуфьева, статсъ-секретаря при императрицѣ Екатеринѣ II-й“. „Напрасно“, замѣчаетъ Афанасьевъ, „князь Вяземскій не указалъ источникъ откуда почерпнуты имъ эти болѣе достовѣрныя свѣденія; авторъ замѣтки говоритъ, что съ своей стороны, онъ имѣетъ основаніе догадываться, что сочиненіе это принадлежитъ М. Д. Чулкову, издателю сатирическихъ журналовъ: „И то и сё, и Парнасскаго Щепетильника“; ибо въ этомъ послѣднемъ на стр. 30—33, помѣщена имъ характеристика одного старовѣра, вошедшая послѣ въ составъ сочиненія [1]: „Жизнь нѣкотораго мужа“. Затѣмъ онъ приводитъ выписку изъ журнала, содержащую помянутую характеристику. На приведенную замѣтку въ статьѣ Аѳонасьева, помѣщено въ томъ же томѣ „Библіографическихъ Записокъ“ (столб. 340—342), письмо къ нему отъ Геннади, написанное по поводу всего высказаннаго первымъ объ „Аввакумовскомъ скитникѣ“, приписанномъ Фонвизину. Геннади говоритъ въ письмѣ своемъ, что Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ извѣстенъ въ литературѣ только по переводу итальянской оперы, „Евдокія вѣнчанная“, игранной при императрицѣ Елисаветѣ, и что нѣтъ повода приписы-

[1] Первыя два предположенія о принадлежности этой сатиры перу А. В. Олсуфьева, или Д. И. Фонвизина, остаются догадками ничѣмъ не подтвержденными; чтобъ имѣть право считать ее произведеніемъ М. Д. Чулкова, на основаніи характеристики старовѣра, помѣщенной въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ“, необходимо доказательство что она написана собственно Чулковымъ, а не кѣмъ-либо изъ его сотрудниковъ по журналу; въ противномъ случаѣ, и это извѣстіе въ статьѣ Афонасьева, должно счесть предположеніемъ, хотя несравненно болѣе основательнымъ и вѣроятнымъ, чѣмъ мнѣнія о томъ Пушкина и кн. Вяземскаго. Впрочемъ, что касается до приписанія брошюры Фонвизину, то каждый знакомый съ его трудами въ состояніи судить, могъ ли этотъ жалкій памфлетъ выйти изъ-подъ пера знаменитаго нашего комика, творца „Недоросля“?

вать ему сатирическое сочиненіе; еслибы свѣденія біографа Фонвизина были точно достовѣрны, онъ бы вѣроятно не преминулъ сообщить ихъ источникъ, и что если мнѣніе кн. Вяземскаго основано на одной догадкѣ, то гораздо основательнѣе предположить, что это сочиненіе М. Д. Чулкова; что подтверждаетъ приведенный въ статьѣ Аѳонасьева отрывокъ изъ чулковскаго журнала „Парнасскій Щепетильникъ", вошедшій хотя съ прибавленіями и измѣненіями въ брошюру появившуюся спустя 10 лѣтъ.—Н. С. Тихонравовъ, говоря объ „Аввакумовскомъ скитникѣ", также отвергаетъ авторство Фонвизина на томъ соображеніи, что новое изданіе брошюры явилось въ передѣланномъ видѣ уже по смерти Фонвизина и потому г. Тихонравовъ спрашиваетъ, откуда же могли взяться дополненія и измѣненія, если авторъ уже умеръ? [1] Геннади замѣчаетъ здѣсь, что извѣстное ему исправленное изданіе этой брошюры вышло за годъ до смерти Фонвизина, въ 1791 году, и затѣмъ представляетъ списокъ, съ сообщеніемъ о нихъ свѣдѣній, слѣдующихъ имѣющихся у него изданій брошюры:

1) Изданіе первое 1781 года. Въ „Опытѣ" Сопикова ч. 3, № 3994; первымъ значится изданіе 1780 года, между тѣмъ заглавіе приведено такое же, какое находимъ въ позднѣйшемъ 1791 года; очень возможно, что указаніе Сопикова невѣрно, и изданія 1780 г. вовсе не было.— 2) Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ-рѣку. Новое изданіе. Въ Санктпетербургѣ 1791 года 8°. 48 стр. Въ концѣ на стр. 41—48, помѣщено „Посланіе къ слугамъ моимъ", но безъ имени Фонвизима. Изданіе это, какъ и послѣдующія—съ измѣненіями и прибавками, но незначительными [2].—3) Въ томъ же году, въ Петербургѣ вышло въ свѣтъ подобное изданіе, съ такимъ же заглавіемъ, но только въ 12°, 44 стр. и безъ „Посланія" Фонвизина.—4) Жизнь нѣкоего Аввакумовскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и куріозный разговоръ души его, при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ. Съ дозволенія С. П. Ц. Въ Санктпетербургѣ. Печатано при 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ 1802 года. 12°. 48 стр. [3].— Изданіе текстомъ сходное съ предъидущимъ. Сопиковъ подъ № 3996 указываетъ съ этимъ заглавіемъ: третіе изданіе. Спб. 1805. 12° [4];

---

[1] Москов. Вѣд. 1855 г. № 6. Статья о Смирдинскомъ изданіи сочин. Фонвизина.—[2] Въ „Росписи" Смирдина, указано съ этимъ же заглавіемъ изданіе 1791 г. 8° причемъ не упомянуто о приложенномъ къ брошюрѣ „Посланіи"; но послѣ заглавія, прямо названо сочиненіемъ Фонвизина (Смирд. Ч. IV. № 8375).— [3] Смирд. Ч. IV. № 8375.—[4] У Смирд. указанно съ „Посланіемъ Фонвизина".

третьимъ оно не могло быть; но правильнѣе, перепечатка изданія 1802 года; впрочемъ Геннади полагаетъ здѣсь ошибку въ годѣ, что очень возможно при множествѣ типографскихъ ошибокъ въ „Опытѣ“ Сопикова. Въ „Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи съ 1801 по 1806 годъ“ Шторха (Спб. 1810 г. ч. 1), изданіе 1805 года, по замѣчанію Геннади, не указано.—5) Жизнь нѣкотораго Аввакумовскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и куріозный разговоръ души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ. 2-е (?) изданіе. Спб. въ типогр. Крайя. 1835. 12°. 48 стр. (Реэстръ Ольхина № 4593). Между первымъ изданіемъ 1781 года и послѣдующими, разница небольшая, въ нѣкоторыхъ только выраженіяхъ.—Что же касается до Фонвизинскаго „Посланія къ слугамъ моимъ“, то оно было присоединяемо, какъ говорится ни къ селу, ни къ городу, не къ однимъ только изданіямъ „Житія г. N. N.“, но и къ другимъ произведеніямъ; такъ напр. встрѣчаемъ его пополняющимъ собою одно изъ изданій „Предсказанія славнаго Мартына Задека“ [1].

№ 132. Похожденія новаго увеселительнаго **Шута** и великаго въ дѣлахъ любовныхъ **Плута, Совѣст-Драла,** Большаго Носа. Часть I, содержащая въ себѣ 20 похожденій. Переведена съ Польскаго и дополнена съ другихъ языковъ.—и Часть II.—1781.—Похожденія ожившаго новаго увеселительнаго **Шута** и великаго въ любовныхъ дѣлахъ **Плута, Совѣст-Драла,** Большаго Носа. Часть третія. Печатано въ Москвѣ 1781 года. 8°. Въ частяхъ: 1-й 102, 2-й 98 и 3-й 258 страницъ.

Сопик. Ч. 4. № 8611.—Геннади. Русск. Книжн. Рѣдк. стр. 54, № 52.

Слѣды польскаго перевода сохранились и въ русскомъ изданіи „Похожденій Совѣстдрала“; самое имя героя переиначено изъ польскаго „Sowi-Zrzal“ (совиное зеркало), перекроеннаго въ свою очередь изъ нѣмецкаго „Eulenspiegel“; что польская передѣлка и русскій съ нея переводъ сокращены противъ нѣмецкаго подлинника [2], видно изъ того, что всѣ три части русскаго изданія содержатъ только 60 „Похожденій“, тогда какъ нѣмецкій подлинникъ состоитъ изъ 92-хъ „исторій“ (Historien) безъ раздѣленія на части. Стремленіе русскаго переводчика къ обрусѣнію нѣмецкаго „Эйленшпигеля“ и польскаго

[1] Матеріалы Губерти. Вып. I. стр. 271. № 165.—[2] Въ заглавіи нѣмецкаго изданія сказано, что „исторіи“ Эйленшпигеля переведены съ саксонскаго языка.

„Совѣстдрала", замѣтно по нѣкоторымъ вставкамъ, пѣснѣ и измѣненнымъ именамъ; въ заглавіи пѣсни (ч. I, стр. 33) сказано, что она „по сходности мыслей выписана изъ россійскихъ сочиненій"; содержаніе ея составляетъ прославленіе вина поклонникомъ Бахуса. Въ 19-мъ похожденіи (ч. I, стр. 80), озаглавленномъ: „Что Совѣстдралъ въ городѣ Франкфуртѣ съ жидами и съ купеческою женою сдѣлалъ", въ письмѣ Совѣст-драла купчихѣ, онъ называетъ ее: „Епихидой Васильевной".—Въ концѣ второй части помѣщено: „Собраніе разныхъ Совѣст-драломъ Исторій", изъ числа которыхъ многія встрѣчаются въ другихъ книгахъ; такъ напр., во второй разсказывается случай о томъ, какъ каменьщикъ упалъ съ башни и раздавилъ сидѣвшаго внизу человѣка; вызванный въ судъ отвѣтчикъ предложилъ истцу взойти на башню, броситься на него, отвѣтчика, и убить его до смерти. Это же самое помѣщено въ книжкѣ: „Шемякинъ Судъ". Другія изъ этихъ „исторій" встрѣчаются въ „Письмовникѣ" Курганова, и нѣкоторыхъ сборникахъ „Острыхъ словъ". Затѣмъ слѣдуютъ: „Разныя Повѣсти" (ч. II, стр. 64—98).—Къ третей части „Похожденій Совѣст-драла, присоедемена переведенная съ польскаго языка комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ подъ названіемъ „Расточитель" [1].

Успѣхъ въ народныхъ массахъ книгъ, подобныхъ „Похожденіямъ Совѣст-драла, принадлежащихъ къ роду шуточныхъ произведеній или фацецій, положительно несомнѣненъ. Разказы о подвигахъ вора, ловко и безнаказанно похищающаго чужую собственность; плута обманывающаго легковѣрнаго мужа, словомъ разныя забавныя приключенія хитраго пройдохи, которому всевозможныя продѣлки сходятъ всегда благополучно съ рукъ, постоянно привлекали симпатіи вездѣ обрѣтающагося извѣстнаго круга читателей; и потому нѣмецкій „Eulenspiegel„ легко нашелъ себѣ пріютъ какъ въ западныхъ, такъ и въ русской литературахъ, и былъ не однажды перепечатанъ. Для показанія на сколько польская передѣлка „Похожденій Совѣст-Драла въ русскомъ переводѣ, относится къ нѣмецкому подлиннику, считаемъ не лишнимъ сравнить ихъ между собою и привести нѣкоторыя мѣста изъ текстовъ нѣмецкаго подлинника и русскаго перевода. Передъ нами лежитъ одно

[1] Есть отдѣльное изданіе этой комедіи, напечатанной подъ заглавіемъ: „Мотъ или Расточитель" въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ польскаго языка. А. А. Спб. 1773 г. 8°. 2 и 72 стр. Въ „предувѣдомленіи" къ комедіи, написанномъ В. Рубаномъ, сказано, что она есть переводъ съ французской комедіи де Туша „Dissipateur", а въ польскомъ переводѣ: „Marnotrawda". Березинъ-Ширяевъ. Матеріалы для Библіографіи. Кн. VIII. стр. 55.—Сопик. Ч. 2. № 5461.

изъ сѣренькихъ, простонародныхъ изданій „исторій Эйленшпигеля" на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанное на низкаго сорта бумагѣ, со многими грубо вырѣзанными на деревѣ картинками въ текстѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя грязны и непристойны, также какъ и самый текстъ, въ которомъ авторъ не стѣсняется циническими словами и выраженіями въ своихъ разказахъ. Заглавіе книжки: „Der wiedererstandene[1] Eulenspiegel. Das ist: Wunderbare doch seltsame Historien Tyll Eulenspiegels, eines Bauern sohn, gebürtig aus dem Land zu Braunschweig. Aus Sächsischer Sprache auf gut hochdeutsch verdolmetschet, und jetzt wieder aufs neue mit etlichen Figuren vermehret und verbessert, sehr kurzweilig zu lesen, Samt einer lustigen Zugabe. Jetz und abermal ganz frisch gesotten und recht neu gebacken. м. 8°. 208 нум. стр.—Въ началѣ издатель, въ краткомъ предисловіи говоритъ, что по желанію нѣкоторыхъ особъ и добрыхъ друзей обратившихся къ нему съ просьбою собрать и описать приключенія и чудныя, плутовскія продѣлки крестьянскаго сына Тилля Эйленшпигеля, онъ по справедливости не могъ имъ въ томъ отказать, на томъ основаніи, что веселая бесѣда, дѣйствуя благотворно на человѣческую природу, побуждаетъ ее умѣрять и забывать печаль, болѣзнь, ненависть и зависть; вслѣдствіе чего онъ постарался собрать помянутыхъ разказовъ какъ можно болѣе, не желая однако подвигнуть ими кого-либо на зло, но напротивъ того, способствовать къ наученію убѣгать его, и тѣмъ предохранить себя отъ плутовъ. Ибо, къ сожалѣнію, міръ исполненъ коварствомъ и злобою; почему онъ надѣется, что каждый соображаясь съ этимъ, обратитъ вниманіе на настоящее его писаніе, и приметъ его благосклонно".—На заглавномъ листѣ книжки, изображеніе Эйленшпигеля въ средневѣковомъ костюмѣ, ѣдущаго верхомъ на ослѣ, окруженнаго роемъ пчелъ, держащаго въ правой рукѣ сову, и въ лѣвой зеркало, образъ ея отражающее. Первая „исторія" о рожденіи и троекратномъ крещеніи Эйленшпигеля, начинается такъ: „Es ist in dem Lande zu Sachsen, in dem Wald Selb gelegen, ein Dorf, genannt Knettlingen, da war das fromme Kind Eulenspiegel gebohren, dessen Vater hiesz Claus Eulenspiegel, seine Mutter Anna Weltbeckin, und da sie das Kind genasz, schickten sie es zur Taufe in das Dorf Amtleuten, daran ein Schlosz genannt Amtleu erbauet, und von den Magdeburgischen, neben anderer Mithülfe, nachmalen als ein Raubnest vertilget ward. Und als das Kind getauft, war es genannt Tyll Eulenspiegel..."; въ русскомъ изданіи многія подробности о мѣстѣ

---

[1] Ожившій, какимъ является Совѣст-дралъ въ 3-й части русскаго перевода.

крестинъ пропущены, и въ первомъ извѣстіи о рожденіи Совѣст-драла читаемъ: „Въ селѣ Кнотовицахъ Саксонскаго государства, близь одной рощи родился Совѣст-дралъ. Отца его звали Рулясъ Совѣст-дралъ, а мать Анною. Какъ скоро онъ родился, тотчасъ былъ отнесенъ въ костелъ, и дано ему имя Дыла-Совѣстдралъ". Во второмъ „Похожденіи", когда сосѣди жалуются отцу, обвиняя 10-ти лѣтняго Совѣст-драла въ разныхъ плутовскихъ штукахъ, то послѣдній для своего оправданія и въ доказательства того, что жалобы на него несправедливы, проситъ отца проѣхать верьхомъ по улицѣ, и посадить его, Совѣст-драла у себя за спиною, увѣряя притомъ, что какъ бы онъ смирно ни сидѣлъ, его все таки будутъ ругать; когда отецъ исполнилъ прозьбу сына и они поѣхали, то послѣдній „принялся за свое мастерство и дѣлалъ все непристойное". (ч. I. стр. 3). Въ нѣмецкомъ текстѣ, это же самое разсказывается иначе: „Da Eulenspiegel aber 4 Jahr alt war, nahm er von Tag zu Tag in der Büberey zu, dasz auch der Vater täglich überlaufen wurde von Nachbarsleuten die über Eulenspiegel, wie er ein böser, toller, unsinniger Schalk wäre, hart klagten. Obwohl der Vatter ihn deshalben mit Worten strafte, er aber sich allezeit schalkhaftig verantworte; jedoch, dasz der Vatter der Wahrheit beykommen möchte, gedachte er, Eulenspiegel, auf eine Zeit, so die Bauern auf der Gassen versammlet wären, hinter sich auf dasz Pferd zu setzen, und hinführo zu reiten. Da die Zeit kam, gebot er, dasz Eulenspiegel ganz still und züchtig hinter ihm sitzen soll. Was erdacht aber Eulenspiegel, das gehorsame Kind? Er hub saüberlich das Hemd vom Arsch auf, und liesz die Bauern sich in einen neuen Spiegel besehen, und setzte sich wieder stillschweigen nieder. Da haben die Leute an über Eulenspiegel zu schreyen. Pfui des kleinen bösen Schalks! noch wuste der gute Vater nicht wie es zugienge, denn sich Eulenspiegel alsbald gegen seinen Vater beklagte und sprach: Höre, lieber Vater du siehest, dasz ich sitze, und niemand was Arges thue, doch sagen die Leute, Ich bin ein Schalk. Der Vater besinnet sich nicht lange, und setzte seinen lieben Sohn vor sich. Aber Eulenspiegel, als dieweil er vor dem Vater nichts anders thun möchte, sperrete er doch das Maul mit ausgereckter Zunge, so liefen die Leute zu, und sagten: Sehet doch zu, wie ein junger Schalk ist das?..." Какъ эти двѣ первыя „исторіи" которыхъ приводимъ здѣсь отрывки, такъ почти и всѣ прочія, помѣщенныя въ нѣмецкомъ изданіи, переиначены и сокращены въ русскомъ переводѣ; что же касается до нижеслѣдующихъ, то онѣ по грязному и пошлому своему хотя и не безнравственому содержанію, изъ него вовсе исключены; ограничиваемся указаніемъ

ихъ заглавій: „Die 10 Historie. Wie Eulenspiegel für einen Hof-Jungen verdinget, und von dem Herrn gelehret ward, auf das Kraut Hanf (wo das wäre) zu sch..... da sch..... er in einen Senft, denn er meynte Hanf und Senft wäre ein Ding (s 13).—Die 45 Hist. Wie Eulenspiegel zu einem Kürschner verdinget, und ihm in die Stuben sch..... (s. 95).—Die 61 Hist. Wie Eulenspiegel zu Hannover in die Badstuben sch......, und meinte es wäre ein Haus der Reinigkeit (s. 129).—Die 64 Hist. Wie Eulenspiegel zu Bremen den Gästen den Braten aus dem Hintern beträufte. (s. 137).—Die 67 Hist. Wie eine Frau Eulenspiegel zu Gast lud, deren der Rotz aus der Nase hieng und tropfte (s. 143). Die 68 Hist. Wie Eulenspiegel ein weisses Musz allein aufasz darum, dasz er einen Klumpen Rotz ausz der Nasen darein fallen liesz (s. 144).—Die 69 Hist. Wie Eulenspiegl in ein Haus hossirte, und den Gestank durch die Wand in ein anderes Haus bliesz, den man nicht leiden konnte (s. 145).—Die 71 Hist. Wie Eulensp. zu Cölln dem Wirth auf dem Tisch hossirte (s. 152).—Die 76 Hist. Wie Eulensp. eine Wirthin mit dem bloszen Hintern in die Asche setzte (s. 161).—Die 87 Hist. Wie Eulensp. zu Mölln krank wurde, und den Apothecker in die Büchsen hossirte (s. 178). Въ концѣ книжки находится изображеніе совы, сидящей подъ фигурной аркой, на кругломъ зеркалѣ съ распростертыми крыльями; вверху надпись: Eulenspiegels Grabschrift; а внизу; Anno Domini MCCCL. По сторонамъ: Diesen Stein soll niemand erhaben, Eulenspiegel steht hier aufrecht begraben. За тѣмъ слѣдуетъ приложеніе:“ Anhang Lehrreichen Reimen. Der alten Teutschen Wahrheit und Liebkosen“. Старинныя дубоватыя вирши на разные предметы, какъ-то: добродѣтели, людскія качества, правила общежитія и наставленія.

Книга „Похожденія Совѣст-драла“, послужила матеріаломъ и для простонародныхъ картинокъ; лубочная иллюстрація заимствовала изъ нея тексты для лицевыхъ изображеній напр.: „Разговоръ крестьянина съ профессоромъ“, „пьющаго съ непьющимъ [1], изъ которыхъ текстъ первой, выбранъ цѣликомъ изъ 15-го „похожденія“ Совѣст-драла „Какъ Совѣст-драла въ прагскомъ училищѣ съ Ректоромъ и Профессоромъ говорилъ“. Онъ даетъ такіе отвѣты па вопросы профессора, что совершенно сбиваетъ его съ толку [2].

Въ началѣ третей части русскаго перевода, находится нѣчто въ родѣ предисловія, намекающаго пословицами и довольно пошлыми

[1] Русскія народныя картинки Д. А. Ровинскаго. кн. V. Алфавитн. Указат. стр. 501.—[2] Тамъ же, кн. IV. стр. 352.

шутками на мнимую смерть Совѣст-драла, оставшагося въ дѣйствительности живымъ; за тѣмъ подъ стать предисловію слѣдуютъ нелѣпыя вирши подъ названіемъ „Небылица", о которой самъ написавшій ее говоритъ: „Кажется и въ правду, въ сей небылицѣ напутаны вражи...." Въ концѣ предисловія помѣщены слѣдующіе стихи:

«Умолкни всякъ, и гласъ вниманіемъ прерви,
А ты, о Совѣст-Дралъ! изъ мертвыхъ ожпви!
Кто хитрости твоей послѣднія не знаетъ,
Тотъ мертвецомъ тебя и нынѣ почитаетъ
Узнаютъ ону всѣ, ты будешь не мертвецъ:
А будешь, какъ и былъ живой еще плутецъ».

Хотя въ заглавіи третей части и упомянуто что она содержитъ въ себѣ 20 „похожденій, но въ дѣйствительности ихъ находится только восемь, изъ которыхъ ни одного нѣтъ въ нѣмецкихъ „исторіяхъ" Эйленшпигеля; эти 8 похожденій заимствованы по видимому не только изъ польской его передѣлки, но также изъ другихъ какихъ-либо однородныхъ произведеній. Къ третей части, скорѣе всего можно примѣнить сказанное въ заглавіи вообще, что именно она „дополнена съ другихъ языковъ"—Не обошлась и она, подобно двумъ первымъ, безъ стихотворныхъ вставокъ въ текстѣ; во второмъ „Похожденіи" помѣщены стихи Совѣст-Драла къ плебану, и въ 5-мъ: „Письмо къ сучкѣ мамошкѣ", имъ же написанное.

Въ противность этимъ, будто бы посмертнымъ „похожденіямъ" Совѣст-Драла, въ нѣмецкомъ изданіи, всѣ приключенія или „исторіи" героя ихъ, оканчиваются его смертью. Въ послѣдней, 92-й исторіи авторъ разсказываетъ о забавномъ погребеніи Эйленшпигеля не обошедшемся безъ чуда: „Bey Eulenspiegel's Begräbnisz gieng es wunderlich zu, denn sie alle (Leute) standen auf dem Kirchhof, um die Todtenbahr, da Eulenspiegel innen lag, da legten sie ihn auf zwey Seile, und wollten ihn in das Grab senken, da brach das Seil entzwey, so unten bey den Füssen war, und schosz den Sarg in das Grab, dasz also Eulenspiegel auf den Füssen stande. Da sprachen sie alle: lasset ihn stehen, dann er ist wunderlich gewesen in seinen Leben, wunderlich will er auch im Tode seyn. Also scharreten sie das Grab zu, liessen ihn also stehen, und legten einen Stein oben auf das Grab, und hieben auf das halbe Theil eine Eule und einen Spiegel den die Eule in den Klaunen hatte, und schrieben auf den Stein..... Здѣсь слѣдуетъ описаніе изображенія и надписи, о которыхъ упомянуто выше.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ изданіяхъ „Похожденія Совѣст-Драла, которыхъ извѣстно намъ четыре; первымъ изъ нихъ слѣдуетъ считать напечатанное подъ заглавіемъ: Похожденія новаго увеселительнаго Шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ Плута Совѣст-Драла, большаго носа. Часть I, содержащая въ себѣ 20 похожденій, переведена съ Польскаго, и дополнена съ другихъ языковъ и Часть II. Въ Санктпетербургѣ 8°. Безъ означенія типографіи и года напечатанія; въ 1-й части 126, и во 2-й 109 нум. страницъ. Въ концѣ 2-й части читаемъ: „Конецъ второй и послѣдней части", слѣдовательно третья часть прибавлена къ изданію 1781 года; на 73-й стр. второй части напечатано: „Конецъ Совѣст-Драловыхъ похожденій". За тѣмъ прибавленіе, состоящее изъ анекдотовъ и повѣстей, озаглавлено: „Собраніе разныхъ исторій", съ отмѣною противъ изданія 1781 года, гдѣ сказано: „Собраніе Совѣст-Драломъ разныхъ исторій". Вообще же, это первое изданіе превосходитъ второе 1781 года шрифтомъ и качествомъ бумаги. Третье изданіе: Похожденіе хитраго и забавнаго шута Совѣстдрала большаго носа. Санктпетербургъ 1793. 8°. [1]—Четвертое: Похожденія новаго увеселительнаго Шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ Плута, Совест-Драла Большаго Носа. Часть I. Содержащая въ себѣ 20 похожденій—переведена съ Польскаго, и дополнена съ другихъ языковъ Въ Санктпетербургѣ. 1798. Печатано въ Императорской Типографіи, иждивеніемъ И. и М. Глазуновыхъ 8°. Ч. II (содержащая въ себѣ 20 похожденій. Ч. III. Похожденіе ожившаго и проч. содержащая въ себѣ 20 похожденій [2]. Въ началѣ первой части картинка, изображающая сцену изъ похожденій Совѣст-Драла.

1782.

№ 133. **Мѣсяцословъ на Лѣто** отъ Рождества Христова **1782,** которое есть **Простое,** содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 151 непум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

---

[1] Намъ не встрѣчалось это изданіе, и потому не отвѣчаемъ за вѣрность заглавія выписаннаго изъ двухъ книгопродавческихъ росписей 1794 года, книжныхъ лавокъ: Глазунова, Ридигера и Клаудія которые при указаніи этой книги, не разсудили за благо обозначить ея форматъ и число частей; это изданіе не показано у Сопикова и Смирдина.—[2] У Сопикова изданіе 1798 года неправильно показано вторымъ.

Геннади. Справочн. Словарь. т. II. стр. 366.—Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 573.

Составъ мѣсяцослова тотъ-же что и предъидущихъ годовъ; перенесеніе изъясненія календарныхъ знаковъ изъ середины мѣсяцослова къ началу его, появилось въ первый разъ въ изданномъ на 1779 годъ. Начиная съ 1782 до 1795 г., въ мѣсяцословахъ нѣтъ уже никакихъ приложеній, кромѣ извлеченій изъ метеорологическихъ наблюденій и хронологическихъ обозрѣній современныхъ произшествій. Въ вѣдомости о городахъ учрежденныхъ вновь въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины Второй, число ихъ показано 166; также списокъ городамъ которымъ коммисіею о строеніи Санктпетербурга и Москвы планы установлены и Ея Величествомъ конфирмованы (стр. 67—73).— Продолженіе хронологическаго показанія знатнѣйшихъ произшестій, случившихся въ 1780 и 1781 гг. (стр. 74—93) [1]. Октябрь. 1. Здѣшняя Санктъ Петербургская Имп. Академія Наукъ имѣла щастіе принять въ число своихъ почетныхъ членовъ Его Высочество наслѣднаго Принца Прусскаго, и удостоилась поднести ему Дипломъ.—2. Вышепомянутый Принцъ предпринялъ обратный путь изъ Петербурга.—5. Американскій Конгрессъ принялъ учиненную отъ Россійскаго двора, для свободнаго кораблеплаванія нейтральныхъ державъ касающуюся декларацію.—24. Высочайшимъ Ея Имп. Велич. указомъ обнародовано объ учрежденіи государственнаго казначейства.— Ноябрь 5. Часть Россійской ескадры подъ командою Контръ-Адмирала Борисова, прибыла въ Ливорну.—Декабря 13. Учинено открытіе Симбирскаго намѣстничества.—22. Происходило открытіе новоучрежденнаго Вятскаго намѣстничества.—28. По силѣ обнародованнаго именнаго указа, запрещенный вывозъ поташу и перлашу съ 1773 году, вновь дозволенъ.—30 при открытіи новопостроеннаго въ Москвѣ театра, представленъ былъ прологъ, комедія и опера комическая, вмѣстѣ съ балетомъ и маскерадомъ.—31. Происходило открытіе Пензенскаго намѣстничества.—1781 годъ. Генварь 1. Въ началѣ сего года открыты въ С.-Петербургѣ и Москвѣ казначейства для статныхъ и остаточныхъ суммъ.—5. Между новороссійскою губерніею и Польскою Украйною установлены новыя границы чрезъ нарочно назначенныхъ къ тому комисаровъ.—28. Въ Иркутскѣ было землетрясеніе. — Февраль 3. Въ Саратовѣ учреждено вновь намѣстничество.—26. Высочай-

[1] Ограничиваемся какъ прежде, выпискою событій совершившихся въ Россіи или къ ней относящихся.

шимъ Ея Имп. Велич. Указомъ, во всѣ присутственныя мѣста дано знать, чтобъ при будущемъ повышеніи чиновъ, не только взирали на время службы, но особливо смотрѣли на поведеніе и прилѣжаніе служителей.—27. Ея Имп. Велич. Всемилостивѣйше оказать соизволила Высочайшую Свою признательность здѣшнему новоучрежденному губернскому правленію въ разсужденіи оказаннаго во всѣхъ дѣлахъ соразмѣрнаго съ законами правосудія и точнаго отъ каждаго исполненія своей должности. — Мартъ 1. Ея Имп. Велич. чрезъ пребывающаго въ Гагѣ посланника, высочайшее свое посредствіе къ примиренію Англіи и Голландіи предложить соизволила.—Апрѣль 1. По Всевысочайшему Ея Имп. Велич. учрежденію имѣвшаяся въ прежнихъ законахъ при разбирательствѣ и изслѣдованіи кражи и воровства безопредѣленность, отвращена ближайшимъ и точнѣйшимъ опредѣленіемъ случаевъ.—6. На Адмиралтейской части здѣшняго города открыта приказомъ общественнаго призрѣнія первая городская школа, на содержаніе коей, Ея Имп. Велич.. нарочитую сумму денегъ Всемилостивѣйше назначить соизволила.—14. Нева рѣка очистилась отъ льду, которымъ покрыта была 155 дней.—17. Отдѣленная часть Россійскаго флота, перезимовавъ въ Ливорнѣ, выступила опять въ море.—Маія 9. По Всевысочайшему повелѣнію дозволено привозить и вывозить всѣ не запрещенные товары изъ лежащаго въ Вологодскомъ намѣстничествѣ, Онежскаго порта.—15. Зимовавшая въ Лиссабонѣ дивизія Россійской Ескадры, пустилась въ море.—Іюня 7. Высочайшимъ Ея Имп. Велич. указомъ дозволено каждому производить вольную торговлю ревенемъ, какъ внутри, такъ и внѣ государства.—16. Воспослѣдовалъ размѣнъ подтвердительныхъ грамотъ въ расужденіи учиненнаго въ прошломъ Генварѣ мѣсяцѣ размежеванія границъ между Новороссійскою губерніею и Польскою Украйною.—19. Россійская Императорская ескадра, изъ 5 военныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ состоящая, подъ командою контръ-адмирала Сухотина, прибыла на Копенгагенскую рейду.—Іюль 25. Изданный Ея Имп. Велич—омъ, собственноручно сочиненный Морской Уставъ, въ пользу торговли и судоходства Всемилостивѣйше обнародованъ.—28. По Высочайшему Ея Имп. Велич. указу, всѣ находящіеся въ Казанской Губерніи крѣпостные Поляки, принявшіе правовѣрное Греческое исповѣданіе, купно съ дѣтьми ихъ, объявлены вольными.—30. Россійская Ескадра подъ командою контръ-адмирала Борисова, прибыла изъ Средиземнаго моря въ Копенгагенскую рейду.—Августъ 27. Ихъ Императорскимъ Высоч—мъ Вел. Кн.: Александру Павловичу и Константину Павловичу, привита оспа съ вожделѣннымъ успѣхомъ.—31. Заложена въ Херсонѣ камен-

ная соборная церковь, во имя Святыя Великомуч. Екатерины. Отъ приказа общественнаго призрѣнія заведены въ прочихъ частяхъ здѣшней столицы пять публичныхъ школъ. Освящена въ новопостроенныхъ богодѣльняхъ церковь.—Сентябрь 19. Ихъ Имп. Высочества В. Кн. Павелъ Петровичъ и В. Княгиня Марія Θеодоровна соизволили предпринять путешествіе въ иностранныя земли.

„Мѣсяцословъ" оканчивается обычными извѣстіями: Краткое Родословное Показаніе о владѣющихъ въ Европѣ государяхъ и княжескихъ фамиліяхъ (стр. 94—137). О вскрытіи и замерзаніи Невы (стр. 138—139). Роспись Господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ (стр. 140—143). О кавалерскихъ дняхъ празднуемыхъ при дворѣ (стр. 144). Извѣстіе о приходѣ и отходѣ почтъ въ Петербургѣ и Москвѣ (стр. 148—149) и Оглавленіе (стр. 150—151).

1783.

№ 134. Простосердечное наставленіе о **Молитвѣ во первыхъ:** какъ сердце къ усердной молитвѣ внутреннимъ предразмышленіемъ возбуждается и уготовляется; **во вторыхъ:** Какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ, на сіе цѣлое С. Писаніе указуетъ; **въ третьихъ:** Чего ради Христомъ повелѣна молитва, хотя Богъ издалече насъ предупреждаетъ благими своими прежде нежели молимся мы. 8°. (Безъ означенія года и мѣста), 14 и 172 нум. стр. (нумерація ошибочная, начинающаяся съ 6-й стр.).

Сопик. Ч. 4. № 9122.—Лонгиновъ, Новиковъ и Московскіе Мартинисты, стр. 208.

Въ началѣ книжки помѣщено наставленіе пропокѣдника, имя котораго означено литерами Д. Л. о томъ, какъ долженъ человѣкъ пребывать во время молитвы, и къ ней себя приготовлять; наставленіе это заимствовано изъ книги его „О молитвѣ Господней", гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Подобаетъ знати тебѣ, что я не всѣ сіи слова въ молитвѣ говорилъ, ибо сіе было бы наконецъ одно пустозвяканье; но хочу я сердце тѣмъ тронуть и наставить, какія мысли въ „Отче Нашъ", оно имѣть долженствуетъ. Ибо я самъ къ словамъ и складамъ не привязываюсь, и такъ пребываю, сколь могу, всегда ближе къ смыслу и мыслямъ оныхъ. Часто приходитъ и то, что я въ одной части или прошеніи въ такія богатыя захожу помышленія, что оставляю другія шесть прошеній: и когда такія богатыя мысли приходятъ, тогда должно покидать другія молитвы и давать мѣсто таковымъ мыслямъ, и слушать ихъ съ тишиною; сіе-то есть сидѣть съ Давидомъ, и

слушать яже Господь глаголетъ съ нимъ, и отнюдь не препятствовать....“ Далѣе, тотъ же проповѣдникъ научающій молиться, совѣтуетъ приготовить сердце свое къ молитвѣ, слѣдуя словамъ Сираха въ главѣ 18: „предъ молитвою уготови сердце твое, да не искушаеши Бога“.— „Что же иное искушать Бога“, говоритъ проповѣдникъ, „какъ не то, когда языкъ болтаетъ, а сердце инуды разсѣяно? Подобно какъ иной попъ молится такимъ образомъ: „Боже! услыши молитву... дѣтина! запрягъ ли лошадей?... Боже! веселія моего.... поди дѣвка и подой корову!.... Слава Отцу и Сыну.... погоди плутъ, вотъ я тебя!....“ Кто о многомъ размышляетъ, тотъ ни о чемъ не размышляетъ и ничего добраго не дѣлаетъ; кольми паче въ молитвѣ, гдѣ должно быть сердце цѣло и уединенно“.... Воздавая хвалу молитвѣ Господней, авторъ высказываетъ, какъ онъ къ ней относится“. Ибо я, говоритъ онъ, „нынѣ еще сосу яко дитя, въ молитвѣ „Отче Нашъ“, ѣмъ и пью, яко старый мужъ, не могу ею насытиться, и она для меня превосходнѣе Псалтыри (кою я также весьма люблю) прензящная молитва. Подлинно видно, что истинный учитель молитву сію уставилъ и научилъ.“ За тѣмъ, сѣтуя на обращеніе съ молитвою Господней, не соотвѣтствующее ея величію и достоинству, онъ восклицаетъ: „И горе, горе, что таковая мастерская молитва, безъ всякаго благоговѣнія болтается и пустозвякается въ семъ мірѣ“ (стр. 7).

Сказанное, по словамъ автора настоящей книги, достаточно удостовѣряетъ въ необходимости человѣку упражняться въ молитвѣ, „дабы прійти ему наконецъ въ тишину и субботу, и чтобы услышать въ самомъ себѣ Бога, говорящаго: „учись, обрящи живое Слово Божіе въ сердцѣ твоемъ!....“ Онъ между прочимъ совѣтуетъ, для наученія нашего обрѣтать Христа со всѣми его небесными дарами въ насъ самихъ, и для умерщвленія въ насъ Адама, къ чему обязываемся при крещеніи; прочитывать нѣсколько разъ предлагаемую книжку, для изученія ея содержанія; сообщаетъ способъ ознакомиться съ нею въ осьминедѣльный срокъ, что и приведетъ исполнившаго это, къ обрѣтенію въ самомъ себѣ истины, особливо съ помощью проповѣдника, который бы велъ его возвращетельнѣ ко Христу, въ самаго его, а не внѣшнѣ, отъ Христа къ міру; за что съ радостію будетъ благодарить, хвалить и славить Бога.—Подъ заглавіемъ: „О чемъ въ сей книжицѣ трактуется“, издатель ея говоритъ о трехъ вещахъ составляющихъ главнымъ образомъ ея содержаніе, изъ которыхъ первая: Нѣкоторыя плодотворныя и полезныя предварительныя размышленія, возбуждающія и ободряющія умъ человѣческій отъ сна; направляющія его къ Богу и приводящія наконецъ къ усердной молитвѣ въ духѣ и

истинѣ.—Вторая: основательное извѣстіе и наставленіе о томъ, что Адамъ и Христосъ оба въ насъ, а не внѣ насъ суть—осуждены ли мы чрезъ Адама, или спасаемся чрезъ Христа; ибо Адамъ не осуждаетъ тебя внѣ, хотя ты живешь и ходишь въ немъ; такъ же точно и Христосъ не спасаетъ тебя, хотя пребываешь и ходишь въ немъ; а потому ты долженъ дѣйствительно вкушать плоть Его и пить кровь Его. Третья и послѣдняя: краткое изъясненіе молитвы „Отче нашъ“, показывающее какъ „всѣ естественныя благія“ заключаются и содержатся въ семи прошеніяхъ, и какъ Богъ награждаетъ всѣхъ таковыми дарами безъ лицепріятія. „Но никто“, продолжаетъ авторъ, „Его не увидитъ и не достигнетъ, если не будетъ къ тому возбужденъ и ободренъ твердою молитвою въ вѣрѣ; и всѣ три помянутыя вещи указываютъ на то, что Закономъ и Евангеліемъ Адамъ и Христосъ, оба въ насъ познаются; что Адамъ долженъ въ насъ умереть и исчезнуть, Христосъ же возстать и жить въ насъ, и что такимъ образомъ можно прійти къ истинной молитвѣ, духу и истинѣ, которыхъ единственно Отецъ требуетъ, по свидѣтельству Сына Христа. Іоанн. гл. 4“.—Въ краткомъ обращеніи „Къ Читателю“ озаглавленномъ: „Наставленіе для простодушныхъ“, авторъ книги, увѣщеваетъ истинно-вѣрующаго прилежно читать ее, и между прочимъ говоритъ: „Книжица сія научаетъ простодушныхъ, какъ долженствуютъ они предразмышленіемъ и упражненіемъ приходить ко внутренней молитвѣ, причемъ разумѣть надлежитъ, что человѣкъ разнообразнымъ упражненіемъ долженъ внидти „въ тихую Субботу“, въ которой Богъ праведную молитву, Самому Ему благопріятную, Самъ и учреждаетъ и производитъ, ибо безъ всякаго прекословія долженъ Адамъ въ насъ исчезнуть и укрощенъ быть; долженствуетъ Христосъ обрѣсти въ насъ мѣсто и пространство, то есть мы должны прилежно молиться...“ По мнѣнію поучающаго, настоящая книжка можетъ быть читаема истиннымъ, но не устнымъ христіаниномъ...“ (стр. 11).

Въ XXVI главахъ составляющихъ текстъ книги, заключается подробное изложеніе трехъ отдѣловъ означенныхъ на заглавномъ ея листѣ; объясненіе собственно семи прошеній молитвы Господней, начинается отъ стр. 107. гл. XIX. Въ концѣ каждой главы помѣщена приличествующая ей молитва, и въ концѣ книжки находится „заключительная молитва (стр. 164), и „Прибавленіе о молитвѣ“ въ которомъ авторъ опять напоминаетъ о ея необходимости для насъ, и заключаетъ свое увѣщаніе возраженіемъ на различныя мнѣнія ученыхъ, уклонившихся совсѣмъ отъ жизни Христовой, и между прочимъ утверждающихъ, „что если всѣ дары суть въ человѣкѣ прежде, то всѣ они и безъ молитвы

нихъ имѣютъ; авторъ приводитъ слова изъ Мат. гл. 7.: „Кто не молится, тотъ ничего не имѣетъ; кто не толчется, тому не отверзается".— Если же мы и молитвою нашею ничего не получаемъ, то тѣмъ менѣе получимъ, если совсѣмъ не молимся „и для того" добрѣ внемли, что должны мы прилежно и неотступно молиться", и по таковой непрестанной молитвѣ входимъ съ пророкомъ въ „немоленіе, въ тишину, (молчаніе) въ забвеніе о всѣхъ вещахъ. Кратко сказать, потребно себѣ самому умереть, сдѣлаться ничѣмъ, себя самаго отрещися, погубить, возненавидѣть и проч., и въ таковой то субботѣ, все мы получаемъ, ничего не исключая. Сіе называется молиться въ духѣ и истиннѣ...." (стр. 172).

Настоящая книжка переведена съ нѣмецкаго языка тѣмъ тяжелымъ слогомъ перемѣшаннымъ съ славянскими рѣченіями, которымъ переводились въ XVIII столѣтіи и другія многія книги подобнаго содержанія. „Простосердечное наставленіе" напечатано въ тайной типографіи, и принадлежитъ къ числу важныхъ для мартинистовъ книгъ [1]; въ реэстрѣ книгъ заарестованныхъ въ деревнѣ Новикова, она указана подъ № 14 [2].

1784.

№ 135. **Мѣсяцословъ** на **Лѣто** отъ Рождества Христова **1784**, которое есть **Високосное** содержащее въ себѣ 366 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ** при Императорской Академіи Наукъ; м. 8°. 158 нум. стр. (считая заглавн. листъ; на двухъ послѣдн. стр. Оглавленіе).

Магазинъ Землевѣд. и Путешеств. т. III. стр. 574.—Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 366.

Съ 1784 года, видъ астрономической части мѣсяцослова измѣняется; для каждаго мѣсяца опредѣлено по 4 страницы, изъ которыхъ первая раздѣляется на пять столбцовъ: въ первомъ,—знаки дней недѣли, во второмъ—числа мѣсяца, въ третьемъ—святцы, въ четвертомъ—фазы луны и предсказанія погодъ, и въ пятомъ—время разсвѣта; на второй страницѣ находятся чтенія апостоловъ и евангелій; третья содержитъ 7 столбцовъ: въ первомъ—знаки дней недѣли, во второмъ числа мѣсяца, въ третьемъ и четвертомъ—теченіе солнца и луны, въ пятомъ прохожденіе луны чрезъ меридіанъ; въ шестомъ ея восхожденія и захожденія „и въ седьмомъ, явленія планетъ; наконецъ четвертая стра-

[1] Новиковъ и Мартинисты. Лонгиновъ. стр. 206.—[2] Тамъ же стр. 063.

ница раздѣлена на 9 столбцовъ, изъ которыхъ въ первомъ—числа мѣсяца, во второмъ—третьемъ, четвертомъ и пятомъ—восхожденія и захожденія солнца, долгота дней и ночей въ Петербургѣ; въ шестомъ, седьмомъ, осьмомъ и девятомъ, тѣ же самыя явленія въ Москвѣ.

Мѣсяцословъ извѣщаетъ о четырехъ затмѣніяхъ: двухъ солнечныхъ, имѣющихъ послѣдовать—первое 9 февраля, и второе ночью съ съ 4-го на 5-е число августа; но ни одно изъ означенныхъ затмѣній не будетъ примѣтно въ Петербургѣ; и двухъ лунныхъ затмѣній: первое будетъ 25 февраля, и второе 25 августа; но въ Петербургѣ не будетъ видимо, по случаю заката въ то время луны.—Послѣ помѣщенныхъ подъ цифрою V: „Выписки учиненнымъ при С. Петербургской Имп. Академіи Наукъ наблюденіямъ о погодахъ и воздушныхъ приключеніяхъ въ 1782 году", слѣдуютъ извѣстія о вскрытіи и замераніи Невы; подъ цифрою VI—„Росписанія городовъ" и „Вѣдомости о городахъ учрежденныхъ вновь въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, которыхъ показано 193, слѣдуетъ: „Продолженіе хронологическаго росписанія знатнѣйшихъ 1782 и 1783 года приключеній. Росписаніе это начинается съ 1-го октября 1782-го и оканчивается 26-мъ сентябремъ 1783 года. Изъ отмѣченныхъ происшествій, выписываемъ слѣдующія: октябрь 8. Графъ и графиня Сѣверные изъ обратнаго своего путешествія прибыли въ Вѣну.—17. Три Военные Россійскіе корабля прибыли на Ливорнскую рейду.—19. Подписанъ заключенный между Россіею и Даніею торговый трактатъ обѣими договаривающимися державами.—Ноябрь 12. Ихъ Имп. Высочества В. Князь и В. Княгиня благополучно возвратились на границы Россійскаго Государства и въ Ригу. 20. Ихъ Имп. Высоч. В. Князь и В. Княгиня прибыли по благополучно окончившемся путешествіи въ Санктпетербургъ въ вожделѣнномъ здравіи.—30. Въ семъ же мѣсяцѣ прибылъ въ Смирну Россійскій Консулъ, онъ еще первый со стороны Россіи туда посланъ, и тамъ будетъ имѣть пребываніе.—1783 годъ. Генварь 1. Въ Барнаулѣ и другихъ мѣстахъ по Сибири чувствуемо было землятрясеніе.—24 По Всевысочайшему повелѣнію Ея Имп. Величества, Ея Сіятельства Штатсъ-Дама и ордена св. Екатерины Кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, поставлена Директоромъ въ здѣшнюю Академію Наукъ. Всевысочайше повелѣно завести не токмо при Московской иностранныхъ дѣлъ архивѣ новую для печатанія публичныхъ указовъ и другихъ до Россійскихъ дѣлъ касающихся бумагъ Типографію, но и каждому дано позволеніе во всѣхъ городахъ Россійскаго Государства заводить Типографіи, только съ вѣденіемъ того мѣста полиціи, которая обязана каждую въ печать выдаваемую книгу

напередъ разсматривать.—Апрѣль 20. Открыта въ Чесмѣ дума ордена св Георгія.—Май 7. Заложенъ въ Курскѣ каменный воспитательный домъ для благородныхъ дѣтей, со многимъ торжествомъ. 17—23. Происходило избраніе судей для здѣшней губерніи.—Іюнь 15. Ея Имп. Велич., соизволила предпринять путешествіе въ Фридрихсгамъ.—17. Ея Имп. Велич., осчастливить изволила городъ Фридрихсгамъ Высочайшимъ своимъ присутствіемъ куда 18 числа прибылъ также шведскій король подъ именемъ графа Готландскаго.—21. Между Россіею и Оттоманскою Портою заключенъ и подписанъ коммерческій трактатъ.—22. Ея Имп. Велич., предпріявъ обратной путь, соизволила 24-го прибыть въ Сарское село, въ вожделѣнномъ здравіи.—Іюль 4. Назначенный отъ Римскаго папы къ здѣшнему Императорскому двору посланникомъ Мархези Аршетти, архіепископъ Кальцедонскій и Нунцій въ польской республикѣ, имѣлъ у Ея Имп. Велич., публичную аудіенцію.—8. Ея Имп. Велич. изволила Всемилостивѣйше подписать штатъ новоучреждаемому Рижскому и Ревельскому Намѣстничествамъ.—21. Обнародованъ Высочайшій манифестъ Ея Имп. Величества на полуостровѣ Крыму, островѣ Таманѣ и Кубанѣ, касающійся до взятія сихъ мѣстъ подъ Россійскую державу.—24. Между Ея Имп. Величествомъ и Его Высочествомъ царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ Иракліемъ вторымъ, заключенъ договоръ, въ коемъ сей свѣтлѣйшій владѣтель со всѣми своими наслѣдниками и преемниками и со всѣми царствами и областями, призналъ Монаршее покровительство и верховную власть Ея Величества и Ея Высокихъ Наслѣдниковъ и Преемниковъ.—29. Въ Сарскомъ селѣ разрѣшилась отъ бремени Ея Имп. Высоч. Марія Θеодоровна Великою Княжною Александрою Павловною.—Августъ 6. Крещена Ея Имп. Высоч. новорожденная Александра Павловна, въ Сарскомъ селѣ.—9. Въ разныхъ католицкихъ областяхъ запрещено звонить въ колокола во время грозы, а позволено дѣлать отводы, такъ какъ здѣсь въ крѣпости, въ Петропавловскомъ соборѣ сдѣлано.—Сентябрь 7. Скончался извѣстный свѣту по своей учености, вышшей Маθематики Профессоръ Леонгардъ Эйлеръ на 71 году отъ рожденія.—22. Ея Имп. Велич. соизволила подписать утвердительную грамоту на договоръ, заключенный съ Его Высоч., царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ Иракліемъ Вторымъ. Ея Имп. Велич. соблаговолила пожаловать Его Высокопреосвящ. Архіепископа Новгородск. и Санктпетерб. Гавріила въ Митрополиты.—Число прибывшихъ въ Кронштатъ кораблей простирается до 611. Изъ вышедшихъ же въ море, одинъ назначенъ былъ отсюда въ Филадельфію.—26. Въ Высочайшемъ присутствіи Ея Имп. Величества и ихъ Имп. Высочествъ, спущены

были со здѣшней рейды два линейныхъ корабля, одинъ о 100, а другой о 74 пушкахъ. Ея Имп. Величество благоволила наречи: первой—Три Іерарха, и другой—Іоаннъ Богословъ.

Въ мѣсяцословѣ 1784 года, Императорскій домъ показанъ состоящимъ кромѣ императрицы и наслѣдника Цесаревича, изъ слѣдующихъ особъ: В. Княгини Маріи Федоровны, вв. князей Александра, Константина Павловичей, и в. княжны Александры Павловны.—Сверхъ извѣстныхъ по „Росписи" господскихъ праздниковъ и статскихъ торжественныхъ дней, приложенъ списокъ слѣдующимъ празднуемымъ при дворѣ кавалерскимъ днямъ: февр. 3. Ордена св. Анны, сентяб. 22 св. равноапост. кн. Владиміра и ноябр. 26 св. великомученика Георгія.—Благодарственныя молебствія за побѣды: іюля 10. Воспоминаніе побѣды надъ Турками и вѣчнаго мира при Кучукъ-Кайнарджи.—27. Взятіе фрегатовъ при Ангутѣ и при Гренграмѣ.—Августа 9. Взятье Нарвы. 19. Воспоминаніе одержанной надъ прусской арміею побѣды. Сентября 28. Викторія надъ генераломъ Левенгауптомъ, и октября 11. Взятье крѣпости Шлюссельбурга.—Въ „Извѣстіи" о приходѣ и отходѣ почты въ Петербургѣ показаны почты: Рижская, Выборгская, Московская, Архангелогородская и Кронштадтская; въ Москвѣ: С.-Петербургской, Кіевской, Бѣлогородской, Смоленской, Астраханской, Воронежской и Архангелогородской.

1785.

№ 136. Тайна Творенія по видимымъ и невидимымъ **Чудесамъ его** (шмуцтитулъ).—**Тайна Творенія** по видимымъ и невидимымъ **Чудесамъ его**, изъ Божественнаго Магическаго Свѣта показанная **Чадамъ Премудрости** отъ нѣкихъ просвѣщенныхъ **Маговъ**. Нынѣ для размноженія познанія въ первый разъ изданная на свѣтъ изъ древнихъ рукописей.—**Москва.** Въ Типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія. **1785.** 8°. 326 нум. стр. (считая шмуцтитулъ). 8 таблицъ съ рисунками, въ числѣ которыхъ одна складная).

Сопик. ч. 5. № 11681.—Новик. и Москов. Мартин. стр. 243.

Настоящая книга можетъ быть признаваема за одну изъ важнѣйшихъ въ числѣ переведенныхъ съ нѣмецкаго языка и напечатанныхъ московскими мартинистами, такъ что, не смотря на весьма неисправный ея переводъ, она представляетъ какъ бы ритуалъ ученія древнихъ теозофовъ, спагириковъ и мистиковъ старавшихся объяснить высокую и трудно-доступную для ума человѣческаго, величайшую тайну тво-

ренія [1]. Въ предисловіи къ книгѣ напечатанномъ курсивомъ, издатель „толкованій", приступая къ объясненію первой главы книги Бытія, между прочимъ извѣщаетъ, что по причинѣ скрытаго въ основаніи означенной главы доказательства начала происхожденія всѣхъ вещей, и невозможности представить такого доказательства вдругъ, онъ съ Божіею помощью принимаетъ на себя трудъ открыть смыслъ ея „четвероякимъ толкованіемъ"; причемъ замѣчаетъ, что послѣдующее изъ нихъ, будетъ всегда выше и основательнѣе предъидущаго, и четвертое или послѣднее, слѣдуетъ почитать справедливѣйшимъ. Такая постепенность въ порядкѣ объясненія, по словамъ издателя, принята съ цѣлью „привести простодушныхъ людей отъ малыхъ вещей (Dinge) къ большимъ, и отъ видимыхъ, матеріальныхъ, возвести къ духовнымъ, невидимымъ, происшедшимъ прежде первыхъ..." Далѣе онъ между прочимъ замѣчаетъ о томъ, что учившійся какъ животное съ помощью пяти чувствъ своихъ, и не упражнявшійся въ духовныхъ размышленіяхъ, не можетъ имѣть желанія читать, и тѣмъ менѣе понимать четвертое, послѣднее „толкованіе", которое могло бы ослѣпить его, подобно яркому солнцу ослѣпляющему глаза узника, выведеннаго изъ мрачной тюрьмы на свѣтъ Божій. Приступая къ первому „толкованію", авторъ книги говоритъ, что помѣщаетъ его впереди не потому что оно справедливо, но для сравненія этого „грубаго, нескладнаго, толкованія съ другими за нимъ слѣдующими, и для показанія, до какой степени комментаторы его отступили отъ истины, а также, насколько возможно уразумѣть ее тому, кто не пристрастился къ человѣческимъ писаніямъ и славѣ. Въ заключеніе предисловія, онъ говоритъ, что „ложь и истинна относительно объясненія первой книги Бытія, будутъ стоять другъ противъ друга; вслѣдствіе чего можно усмотрѣть, что если толкователь погрѣшилъ въ началѣ, то не окажется правымъ въ толкованіи и другихъ библейскихъ книгъ".

Передъ первымъ толкованіемъ находится слѣдующее заглавіе: „Первое Толкованіе, какъ нѣкоторые изъ древнихъ и новыхъ объясняютъ и разумѣютъ первую главу Моисееву о твореніи, внѣшнимъ, грубымъ и чувственнымъ образомъ". Оно состоитъ изъ слѣдующихъ

---

[1] Въ предисловіи къ книгѣ переведенной съ нѣмецкаго, и напечатанной мартинистами въ тайной орденской типографіи подъ заглавіемъ: „Шестидневныхъ дѣлъ тайное значеніе и проч.", считавшейся ими также очень важною, авторъ ея J. Ф. Ретцель, касаясь того же предмета, говоритъ, что „можно изучать его во всю жизнь и не успѣть выучить". Выписка изъ дедикаціи J. Ф. Ретцеля. „Матеріалы" Губерти. Вып. II. стр. 212.

VIII главъ, съ помѣщеннымъ передъ каждой изъ нихъ напечатаннымъ курсивомъ, содержаніемъ: I· Что Богъ началъ и кончилъ дѣла творенія по очевидному свѣту, или натуральному дню (стр. 13—15).— II. Какъ толкуютъ и разумѣютъ, они о небѣ и земли со свѣтомъ, и о цѣломъ первомъ дневномъ дѣлѣ Божіи. Моисей говоритъ въ текстѣ такъ: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была пуста и праздна, и темно было на глубинѣ, и Духъ Божій носился на водахъ (стр. 15—17).—III. Что сказываютъ они о тверди и о водахъ надъ твердью и подъ твердью? (стр. 17—19).—IV. О третьемъ дневномъ дѣлѣ Божіи, и отдѣленіи морской воды отъ земли, что также въ 24 часа учинилося (стр. 19—22).—V. О толкованіи четвертаго дневнаго дѣла, въ которомъ сотворилъ Богъ солнце, луну и звѣзды (стр. 22—25) —VI. О пятомъ дневномъ дѣлѣ Божіи, какъ то, о сотвореніи рыбъ, птицъ и ползающихъ гадовъ (стр. 25—26).—VII О шестомъ дневномъ дѣлѣ Божіи, какъ то, о сотвореніи высокаго скота и человѣка (стр. 26—28).—VIII. Причина, для чего сіе первое толкованіе здѣсь поставлено (стр. 28—30).—Въ этой послѣдней главѣ, авторъ упоминаетъ о томъ, что вознамѣрился помѣстить впереди „грубое и нескладное" толкованіе первой главы книги Моисея о твореніи, нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ теологовъ, не съ тѣмъ чтобы подвергнуть ихъ порицанію, но потому, что не слѣдуетъ умалчивать о лжи; онъ приписываетъ большую важность основательному и правильному пониманію означенной главы о твореніи; ибо не уразумѣвъ се, нельзя понять, какъ сказано выше, и слѣдующихъ книгъ св. писанія, чему доказательствомъ служитъ неправильное объясненіе библейныхъ книгъ древними и новыми ихъ комментаторами, происшедшее вслѣдствіе неуразумѣнія ими первой книги Моисея, превратно ими понятой и истолкованной. Составитель „четырехъ толкованій", извѣщаетъ, что за первымъ, какъ помянуто выше, внѣшнимъ и матеріальнымъ, слѣдующія возвысятся выше тверди къ верхнимъ водамъ, ангеламъ и Богу, тогда какъ первое придерживается лишь внѣшнихъ видимыхъ созданій; вовсе не объясняетъ сущность водъ надъ твердью, происхожденія ихъ, и не упоминаетъ о времени сотворенія ангеловъ и паденія Люцифера. Оно учитъ, что Богъ сотворилъ сначала видимое тѣло, вдунулъ въ него духъ, что однако не справедливо, какъ о томъ будетъ сообщено въ послѣдствіи; ибо какъ всѣ предметы изъ „ничего" превращаются въ „нѣчто", такъ и всѣ тѣлесныя вещи изъ невидимыхъ, духовныхъ, являются на свѣтъ дневный, и превращаясь въ существо, становятся видимыми.

Второму толкованію на ту же главу Моисея, предшествуетъ сообщеніе ея содержанія, къ повтореніемъ сказаннаго о первомъ,—въ которомъ извѣщается только о матеріальныхъ видимыхъ тваряхъ, и ничего не упомянуто о духахъ, ангелахъ, водахъ надъ твердью, или о паденіи Люцифера; причемъ примѣчается также, что толкователи помянутой главы, каждое изъ шестидневныхъ дѣлъ Божіихъ измѣряютъ 24-мя часами, т. е. утверждаютъ, что Богъ началъ и окончилъ дѣло творенія естественными, чувственными днями. Въ настоящемъ же, второмъ толкованіи, мы, по словамъ автора книги, должны идти далѣе; прозрѣть внутреннимъ окомъ нашимъ къ духовнымъ тварямъ, и постигнуть происхожденіе видимыхъ вещей отъ невидимыхъ. Онъ говоритъ, что человѣкъ владѣетъ троякимъ окомъ, какъ это имъ объяснено въ „Γνῶθι σεαυτὸν"; что первое, или такъ сказать ближайшее изъ нихъ, есть око чувственное или телѣсное (oculum carnis), которымъ онъ смотритъ на міръ; второе—око разума (oculum rationis), которымъ познаетъ науки и художества, и третье—око смысла или ума (oculum intellectus seu mentis), которымъ видитъ и познаетъ надъ собою невидимые, духовные и божественные предметы. Первое око авторъ называетъ звѣринымъ, скотскимъ; второе человѣческимъ, и третье духовнымъ, ангельскимъ; и потому, если мы желаемъ разсматривать порядокъ творенія, то животное око наше должно оставаться въ бездѣйствіи; но внутреннее открытымъ, и этимъ послѣднимъ увидимъ и узнаемъ въ слѣдующемъ второмъ толкованіи, на чемъ стоитъ міръ, о жилищѣ ангеловъ и о томъ, что Богъ нигдѣ не пребываетъ, какъ только въ себѣ самомъ. Намъ будетъ также сообщено, что ангелы сотворены прежде всѣхъ вещей, и что послѣ паденія Люцифера, произошли воды, между водами твердь, и послѣ нея изъ нижнихъ водъ земля, изъ нея зелень; изъ тверди—солнце, луна и звѣзды, затѣмъ рыбы и птицы, и напослѣдокъ „высокій скотъ" и человѣкъ.

Приводимъ содержаніе главъ втораго толкованія, изъ котораго усматривается, на сколько оно отличается отъ перваго буквальнаго; здѣсь спагирикъ постепенно отверзаетъ, по словамъ его, „духовное око" желающаго проникнуть въ великую тайну творенія, и приготовить умъ свой къ пониманію третьяго и наконецъ четвертаго, по выраженію автора, „совершеннѣйшаго" объясненія книги Моисея. Второе толкованіе [1] содержитъ въ себѣ слѣдующія XIV главъ, въ

[1] Во второмъ и третьемъ „Толкованіяхъ", каждая изъ главъ оканчивается по обыкновенію принятому многими теософами и спагирическими писателями,

которыхъ объясняется: I. Что вѣчный Зиждитель усматривается въ твари (стр. 32—37).—II. Что изъ разсматриванія міра должно исповѣдывать Вѣчное, Самосущное Существо, не требующее никакой вещи, и что Богъ ни въ какомъ мѣстѣ есть; что и Ангелы ни въ какомъ мѣстѣ суть, и также что великій міръ ни въ какомъ мѣстѣ не стоитъ (стр. 37—40).—III Что земля и море посреди воздуха стоятъ, и нигдѣ не могутъ пасть (стр. 40—45).—IV. Что небо и земля составляютъ круглый шаръ, и ни на чемъ не стоятъ, и нигдѣ упасть не могутъ (стр. 45—49).—V. Что Богъ есть вѣченъ, и отъ Себя Самаго безъ начала, и нигдѣ не живетъ, какъ только въ свѣтѣ, то есть въ Немъ Самомъ (стр. 49—55).—VI. Что Слово Божіе, или Премудрость Его, сотворила небо и землю [1], и что жилище Божіе не Ему, по намъ, тварямъ, служитъ и полезно (стр. 56—60).—VII. Что нѣкоторыми Имянами Божіими можно возведену быть надъ себя къ Зиждителю, отлагая все сотворенное, временное и несовершенное (стр. 60—64).—VIII. Что Богъ есть живый Духъ, безъ начала и конца, и безнуждный, въ которомъ все имѣетъ нужду (стр. 64—68).—IX. Что Богъ воззываетъ свѣтъ изъ тьмы, и отдѣляетъ его отъ нощи; и что есть такая тьма или нощь? Также что есть свѣтъ въ семъ второмъ толкованіи? (стр. 69—75).—X. Что въ первомъ дневномъ дѣлѣ можно разсматривать 3 вещи, если кто хочетъ научиться прямо разсуждать (стр. 75—81).—XI. О тверди между водами, которая есть второе дневное дѣло Божіе (стр. 81—86).—XII.—Какъ земля происходитъ изъ воды, и море отдѣляется въ особыя мѣста, чтобъ сухое видно было (стр. 86—95).—XIII. Что Богъ ни начиналъ, ни оканчивалъ Своихъ дѣлъ творенія по натуральнымъ днямъ или часамъ, доказывается также изъ сотворенія очевиднаго дневнаго свѣта (стр. 95—106).—XIV. О пятомъ и шестомъ дневномъ дѣлѣ, т. е. о живыхъ звѣряхъ, рыбахъ, птицахъ, и о послѣднемъ звѣрѣ, который есть человѣкъ [2]. (стр. 106—111).

обращеніемъ къ Богу съ молитвою, содержащею въ себѣ хвалу, благодарность и благоговѣйное удивленіе къ великимъ чудесамъ Его.—[1] Понятіе о томъ, что все создано Премудростію Божіею и что Она есть зиждитель всего творенія на небѣ и земли, Духъ Господень носившійся надъ водами лежавшими въ безднѣ; что Она сильнымъ Словомъ своимъ вызвала всѣхъ тварей изъ водъ, и что безъ Нея не сотворилъ Богъ ничего изъ того что сотворилъ, существовало уже у древнихъ языческихъ мудрецовъ, чему доказательствомъ служитъ слѣдующая цитата, приведенная въ текстѣ втораго толкованія. „Juno est conthoralis, omniparens Soror et Conjunx Jovis, sine qua omniparente nihil unquam vixit, et Soror et Conjunx, une Deitas, una Aeternitas cum ipso". Втор. Толков. Гл. VI. стр. 57.

[2] Здѣсь помѣщено извѣстное ученіе теософовъ о сотвореніи человѣка, внѣ-

Третье толкованіе по словамъ автора, должно еще болѣе приблизить читателя къ пониманію глубокихъ умозрѣній и созерцаній невидимаго, изложенныхъ въ четвертомъ его ожидающемъ. Три первыхъ толкованія были предложены съ цѣлью дать уму человѣческому время и возможность постепенно отрѣшаться отъ чувственныхъ и внѣшнихъ понятій, и разверзающимся болѣе и болѣе духовнымъ окомъ своимъ, прозрѣть въ высокія тайны, скрытыя въ первой главѣ Моисея, объясненной однимъ изъ извѣстнѣйшихъ, какъ увидимъ ниже, философовъ XVI столѣтія.—Третье толкованіе состоитъ подобно второму изъ слѣдующихъ XIV главъ: I. Сколь много долженъ размышлять желающій научиться нарочитымъ образомъ разумѣть первую главу Моисееву о твореніи всѣхъ вещей, и пр. (стр. 111—113).—II. Что должно часто пересказывать порядокъ шестидневныхъ дѣлъ, и объ одномъ послѣ другаго размышлять (стр. 113—116).—III. Что вопервыхъ сотворены невидимыя, духовныя творенія; а потомъ видимыя, тѣлесныя твари произошли изъ невидимыхъ (стр. 116—118).—IV. Что называется небомъ и землею; что есть свѣтъ и тьма, день и ночь, вечеръ и утро? (стр. 119—126).—V. О мѣстѣ, на которомъ Богъ утвердилъ или поставилъ твореніе Свое, т. е. глубинѣ или безднѣ; и что она есть? (стр. 127—131). [1]—VI. Что Богъ въ Своей Вѣчности всѣ вещи вѣдаетъ и видитъ прежде, нежели онѣ сотворены (стр. 131—136).—VII. Откуда происходитъ тьма и нощъ, понеже Богъ есть Свѣтъ и День, и творитъ только свѣтъ и день (стр. 136—141).—VIII. Для чего изъ вечера и утра бываетъ день, а не паче изъ утра и вечера;

тающаго въ себѣ весь міръ; что онъ созданъ Богомъ изъ пятой сущности (Quintessenz), и потому есть малый міръ (микрокозмъ); и какъ великій міръ есть двоякій—видимый по тѣлу, невидимый по духу, такъ и малый міръ—человѣкъ, видимъ по тѣлу, и невидимъ по своему духу. Въ немъ два духа: одинъ звѣздный, другой святый, отъ Бога данный.—Ниже, сказано между прочимъ, что какъ первая матерія была сѣмянемъ великаго міра, такъ послѣдній есть сѣмя Адама: ибо какъ міръ лежалъ скрытымъ въ невидимыхъ водахъ на безднѣ, такъ былъ Адамъ скрытъ въ мірѣ. Причемъ толкователь ссылается на Гермеса Трисмегиста, называвшаго міръ и человѣка двумя сынами Божіими. Вт. толков. Гл. XIV. стр. 108—109.

[1] Авторъ говоритъ что міръ съ своими четырмя стихіями не стоитъ ни на какомъ основаніи, какъ только на себѣ самомъ и ничѣмъ не носимый; но носится въ себѣ самомъ на безднѣ, вѣчномъ пространствѣ не имѣющемъ ни дна, ни границъ; и на свой собственный вопросъ: „Гдѣ же будетъ адъ (Jnfernus ubi?) по разрушеніи міра?, отвѣчаетъ: „также въ безднѣ, гдѣ нынѣ міръ стоитъ, и въ которой, адъ осужденныхъ займетъ тогда мѣсто, и гдѣ будетъ лежать тьма, и огненная геенна (стр. 129).

и что такій вечеръ и утро не должно разумѣть объ очевидномъ солнечномъ днѣ (стр. 141—146).—IX. Для чего должно читать въ текстѣ: учинился изъ вечера и утра Одинъ День, а не первый (стр. 147—153) [1].—X. Для чего создана твердь между водами, и на чемъ она есть, и что суть обѣ воды, и пр. (стр. 153—158). Къ этой главѣ принадлежитъ объясненная на стр. 158-й фигура изображающая „Другое дневное дѣло". (Рис. 1. фиг. 1.)—XI. Какъ должно разумѣть о собраніи водъ въ ихъ мѣстѣ, и что называется землею (стр. 159—164). Сюда принадлежитъ объясненная на стр. 164-й фигура изобр. „третье дневное дѣло". (Рис. 1. фиг. 2).—XII. Для чего Седмь Правителей подъ Зодіакомъ, и изъ чего они сотворены. (стр. 168—170). На стр. 170 й объясненіе текста фигурою, изображающею „четвертое дневное дѣло". (Рис. II. ф. 1).—XIII. Для чего сотворены рыбы въ морѣ, птицы подъ небомъ; изъ чего, и какъ Богъ сотворилъ ихъ? (стр. 170—174) [2].—Текстъ на стр. 174-й объясняетъ фигуру, изобр. „пятое дневное дѣло". (Рисун. II. фиг. 2).—XIV. Что человѣкъ есть заключеніе и вмѣстилище всѣхъ тварей подъ небомъ, потому и долженствовалъ онъ напослѣдокъ сотворенъ быть (стр. 174—180).—Текстъ на стр. 180-й, объясняетъ: (Рисун. III. фиг. 1) [3].

---

[1] Здѣсь объясняется, что Моисей говоритъ не о естественныхъ дняхъ опредѣляемыхъ теченіемъ солнца, или движеніемъ свѣтлаго облака, но о такомъ днѣ, котораго никакое человѣческое око не можетъ видѣть; тоже о ночи и вечерѣ. Богъ превысшій всего времени, не творитъ въ естественные часы и дни, но въ мгновеніе ока, вдругъ; (Deus, qui vivit in aeternum creat omnia simul): все вдругъ сотворено однимъ словомъ „fiat" (да будетъ) гл. IX. стр. 147.—
[2] Авторъ, на вопросъ: „магически ли дѣйствовалъ Богъ въ созданіи тварей, какъ-то рыбъ, птицъ и звѣрей, т. е. сотворилъ ли ихъ внѣ стихій, и потомъ поселилъ ихъ туда?...." отвѣчаетъ, что природа согласно съ текстомъ Моисея, даетъ знать, что Богъ естественно вызвалъ въ видимое, существо бывшее въ водахъ невидимымъ...." и за тѣмъ ниже говоритъ, что четыре стихіи суть матери всѣхъ тварей, производящія то, что „астральнымъ образомъ", было въ нихъ посѣяно, когда Богъ сказалъ: „да воздвигнутся воды подъ небомъ!"; причемъ авторъ книги, приводитъ слова Ософр. Парацельса: „что всѣ произведенія звѣздъ дѣлаются землею, т. е. превращаются въ тѣлесныя, осязаемыя вещи...." гл. XIII. стр. 170—172).—[3] Въ настоящей главѣ, между прочимъ доказывается, что Адамъ, по причинѣ безсмертной души своей и божественнаго духа, называется чадомъ Божіимъ, какъ и всѣ рожденные отъ него изъ Еввы, для различія отъ чадъ человѣческихъ, сотворенныхъ не такъ какъ Адамъ. Небо со стихіями родило другой родъ человѣковъ, образомъ и видомъ подобныхъ Адаму, съ плотью и кровью, имѣвшихъ тѣло отъ земли, и жизнь отъ тверди, но не обладавшихъ душою и духомъ Божіимъ; твердь не даетъ вѣчной души, ибо одинъ Богъ можетъ дать ее, и подобныя твари по мнѣнію нѣкоторыхъ, назы-

Въ первой главѣ четвертаго „толкованія" заимствованнаго изъ сочиненій Θеофраста Парацельса, помѣщено предисловіе, въ которомъ объясняется, что онъ упоминая о „Маріи" говоритъ не о „видимой", но о „невидимой Маріи", которая есть Духъ Божій, носившійся надъ водами; человѣкъ сотворенный по образу Божію вдуновеніемъ дыханія Божія, но не персти (limi), изъ которой сотворенъ человѣкъ тѣлесный. Означенный Духъ содѣлалъ ее совершенною, вмѣстѣ съ силою Вышняго, по словамъ Ангела, ее осѣнившею; потому Θеофрастъ называетъ ее „небесною царицею, неизслѣдимою глубиною, источникомъ благодати; ибо Она по благодати получила въ совершенствѣ Духъ Божій, почему и называется благодатною и благословенною. Христосъ получилъ его не по благодати, но по заслугѣ, ибо былъ Ему покоренъ во всемъ, и вполнѣ исполнилъ законъ; вслѣдствіе того, этотъ Духъ именуется Духомъ благодати, также и рабскимъ духомъ"; мы же получили „дѣтскій духъ", не съ тѣмъ чтобъ надѣялись сохранить его только по благодати, но чтобы онъ пребылъ въ насъ, вслѣдствіе нашей заслуги, но никакъ не заслугъ Христа. Онъ есть наше наслѣдіе, пріобрѣтенное Имъ для насъ, и намъ дарованное, потому что Его праведность есть наша праведность, если мы только въ Немъ пребываемъ; и такъ Марія, получившая, какъ сказано, полную, совершенную благодать, пріобрѣтаетъ ее намъ отъ Всемогущаго; и Плодъ чрева Ея, который есть небесный, также заслужилъ и пріобрѣлъ совершенно благодать, нынѣ намъ дарованную...."—За тѣмъ слѣдуетъ: „De Secretis creationis. О Тайнахъ Творенія", Филиппа Θеофраста Парацельса[1], обѣихъ медицинъ доктора. Это послѣднее, какъ сказано выше, „совершеннѣйшее толкованіе" на первую

валисъ чадами человѣческими. Когда же чада Божіи совокупились съ дщерями чадъ человѣческимъ, то родились сильные люди (Gigantes Melosynae); тогда вливалась чадамъ душа, и какъ означенные исполины одержали верхъ, и чада ихъ впали въ злобу блудодѣяніемъ, то были истреблены потопомъ...." Авторъ толкованія сознается, что сообщаетъ сказанное не потому, что самъ тому безусловно вѣритъ; но оставляетъ каждому на произволъ, вѣрить, или отвергать сообщенное имъ. Онъ прибавляетъ, что размножившіеся, рожденные отъ созвѣздій и стихій исполины, погибли также точно какъ умираютъ не одаренные душой водные, земные, воздушные и огненные люди. Гл. XIV. (стр. 178—180).

[1] Θеофрастъ Парацельсъ, теософъ и алхимистъ, писалъ большею частью на нѣмецкомъ языкѣ; его творенія переводились приверженцами его на латинскій, и издавались въ свѣтъ. По алхиміи онъ заимствовалъ много изъ неизданныхъ въ то время сочиненій знаменитаго Василія Валентина, и обоихъ Гол-

главу книги Бытія, раздѣлено на шесть главъ, названныхъ: „Дѣйствіями Божіими“. Въ предисловіи своемъ, Парацельсъ говоритъ, что со времени сотворенія Адама до настоящаго времени, многіе ученые мужи какъ изъ язычниковъ, такъ и христіанъ, просвѣщены были благодатію Бога Духа Святаго, что и познается въ ихъ писаніяхъ; что премудрость есть даръ Божій, который никто не можетъ имѣть иначе какъ только отъ Бога, желающаго и готоваго даровать ее намъ, если мы будетъ просить Его благодати. Ибо Онъ есть высота и глубина всѣхъ наукъ и таинъ, какъ уже то познали сердцами своими древніе языческіе философы, и открыли намъ о томъ въ своихъ писаніяхъ.—Теозофъ увѣщеваетъ читателей своихъ, не поскучать его длиннымъ предисловіемъ, такъ какъ онъ, по словамъ его, не написалъ ни одного слова напрасно; но вникнуть въ него, и обдумать каждое его слово, ибо въ немъ содержатся многія тайны. Далѣе онъ говоритъ между прочимъ, что тотъ кто желаетъ постигнуть истину ученія, которую Всемогущій источникъ текущаго потока Вѣчной Премудрости и Слова Божія [1], даровалъ въ совершенствѣ древнимъ мудрецамъ, долженъ просить у Бога разумѣнія заключающагося въ настоящей книгѣ, въ „истиннѣйшемъ Словѣ“, которое есть самъ Богъ; и отъ Слова, вседражайшаго сокровища сокровищъ, можно съ большимъ прилежаніемъ и глубочайшимъ размышленіемъ или изслѣдованіемъ, получить въ благодати услажденіе, постигнуть совершенства всѣхъ таинъ относительно Бога и Его творенія, также созданныхъ Имъ тварей и природы

Послѣ обстоятельнаго разсужденія о безконечности и безначальности Бога (Deus nec principium, nec finem habet), извѣщается о томъ, что Онъ есть вѣчное существо, въ которомъ заключены были всѣ виды Его тварей. Три лица—единъ Богъ царствовали въ огнѣ Святаго Духа, котораго видъ и образъ было сіяніе огня въ Его Божествѣ....“ Ангеламъ же, и духовнымъ существенностямъ, какъ духамъ, по словамъ теозофа, присвоено голубое существо и сіяніе. Здѣсь

ландовъ. См. Geschihte der Alchemie v. K. C. Schmieder. стр. 267.— [1] Какъ въ настоящемъ предисловіи, такъ и въ текстѣ предъидущихъ трехъ, и четвертомъ, послѣднемъ толкованіи, встрѣчается упоминаемый часто въ Ветхомъ Завѣтѣ „Духъ Божій“, и почитаемый за отдѣльную сущность; „Святый Духъ, Премудрость Божія, Слово“, представляются существующими сами собою. Извѣстно что это послужило источникомъ или зародышемъ „Сафиротовъ, Кабаллы и Эоновъ гностицизма. Къ помянутому ученію объ олицетворенныхъ отвлеченностяхъ, принужденъ былъ прибѣгать монотеизмъ, когда хотѣлъ ввести ихъ въ нераздѣльное существо Божіе.

авторъ толкованія, входя въ изслѣдованіе этого невидимаго голубаго цвѣта или сіянія, говоритъ: „праведная голубая Краска“ (цвѣтъ) содержитъ въ себѣ много свѣтлаго, вмѣстѣ со многими скрытыми нераспознаваемыми красками; и на нее столь усладительно смотрѣть, что блескъ сіянія въ изсіяніи (?!) и паки всіяванія (?!) скрытыхъ красокъ, причиняетъ боль плотянымъ (плотскимъ) очамъ, и помрачая человѣческое зрѣніе, скрываетъ отъ него сіяніе свое, по причинѣ блеска сокровеннаго огненнаго свѣта, который нельзя познавать въ темныхъ, сокровенныхъ существенностяхъ [1]. Плотскія очи не могли видѣть помянутаго свѣта, такъ какъ мракъ и свѣтъ заключающіеся въ голубомъ цвѣтѣ, невѣдомы никакой твари, но только одному Богу; далѣе теозофъ объясняетъ, что прежде чѣмъ сотворилъ Всемогущій небо и землю, не существовало ни тьмы, ни свѣта, и что Онъ есть тѣло и духъ, и былъ видимъ подобно огню въ мрачномъ пламени, такъ какъ огонь почитается за полутѣло и за духъ; ибо что видимо, то тѣлесно, и что не осязаемо, то духовно, и потому извѣщается, что Богъ есть огонь и духъ. Духъ Божій носился въ своемъ высшемъ существѣ, которое было свѣтъ и ясность, духовное тѣло въ воздушномъ существѣ. Здѣсь слѣдуетъ ссылка на пророка Варуха и апостола Павла, но безъ точнаго указанія на мѣста св. писанія, гдѣ приведенныя слова находятся. (Тайн. Твор. стр. 192).

Сообщается также о томъ, что до сотворенія Богомъ всего видимаго и невидимаго, Онъ вѣдалъ о числѣ имѣющихъ быть созданными Ангеловъ и человѣковъ, и сколько первыхъ должно было пасть; равно о числѣ послѣднихъ, долженствующихъ быть соблюденными, или обреченныхъ на погибель; Онъ вѣдалъ равнымъ образомъ будущія дѣйствія и помышленія каждаго человѣка, и родъ смерти каждаго изъ нихъ; о числѣ имѣющихъ существовать различныхъ животныхъ, и вообще всѣхъ тварей. Онъ вѣчно вѣдалъ и видѣлъ въ своемъ Божествѣ, что мощенъ сотворить все, вѣчностію своего Божества (Nihil in effectu, quod non prius fuerit in conceptu). Слѣдовательно должно вѣрить, что Всемогущій Богъ, Вѣчная Премудрость, Творецъ всѣхъ

---

[1] Загадочный, таинственный и своеобразный способъ выражаться, принятый вообще древними теозофами и герметическими писателями, усматривается и въ настоящихъ толкованіяхъ первой главы книги Бытія; кромѣ того, текстъ оригинала затемняется еще болѣе, тяжелымъ и неисправнымъ русскимъ переводомъ, что и побудило насъ, при тщательномъ соблюденіи мысли автора, стараться сдѣлать насколько возможно доступнѣе пониманію тѣ мѣста текста книги, которыя приводятся здѣсь въ извлеченіяхъ.

вещей, есть премудрость всякой премудрости, отъ которой и міръ ее имѣетъ; не долженствовала ли же Вѣчная Премудрость предвидѣть въ высшемъ Божествѣ и премудрости, все что хотѣла она сотворить, какъ оно есть, и какъ будетъ. Невозможно чтобы Богъ въ своемъ божественномъ и премудромъ существѣ не предвидѣлъ и не вѣдалъ начала, средины и конца всего имъ созданнаго; потому Онъ и есть несомнѣнно истинный Богъ, сотворившій все черезъ Вѣчное Слово. Божественная Премудрость упоминаемая въ Библіи, есть Слово Вѣчнаго Отца, и этимъ Словомъ, Вѣчное Слово просвѣщаетъ все существующее и Богомъ сотворенное, какъ то: Ангеловъ, небеса, звѣзды и четыре стихіи, всѣхъ прочихъ тварей и человѣка; все помянутое создано, и явилось, черезъ Вѣчное Слово, которое по словамъ св. Іеронима не вѣдалъ мудрый Платонъ и Демосфенъ: о чемъ пишетъ также апостолъ Павелъ къ Римлянамъ. Въ заключеніе своего предисловія, Парацельсъ предлагаетъ тщательное изслѣдованіе Библіи, которая по словамъ Соломона, есть книга жизни, Завѣтъ Всевышняго, и вѣдѣніе истины, заключающая въ себѣ все сказанное выше; въ ней, по прилежномъ ея изслѣдованіи сыщется и уразумѣется написанное апостоломъ Іоанномъ въ его евангеліи, объясняющее Бога и все созданное Имъ, такъ и правду данную Имъ человѣку, чтобы послѣдній въ ней жилъ и дѣйствовалъ: „Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу, вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ....."

Въ слѣдующихъ шести „дѣйствіяхъ Божіихъ", Парацельсъ открываетъ великую тайну творенія; но объясненіе его (по крайней мѣрѣ въ русскомъ переводѣ) до того темно, растянуто и исполнено повтореній, что представляетъ собою лабиринтъ недоступныхъ понятію отвлеченностей; потому мы постараемся на сколько возможно, передать въ краткихъ словахъ сущность его ученія, изложеннаго въ настоящей книгѣ, какъ и все предъидущее въ темномъ русскомъ переводѣ. Въ первомъ дѣйствіи извѣщается о всей природѣ въ небесахъ и земли, существовавшей въ началѣ черезъ Вѣчное Слово, которое есть самъ Богъ; въ началѣ была жизнь, и свѣтъ бывшій тамъ, свѣтился во тьмѣ, и это Слово вѣчнаго жизни-свѣта названо мудрецами душою (anima). Объясняется также и то, что она произошла отъ вѣчнаго Слова Божія, и что всѣ вещи просвѣщены и живутъ вѣчнымъ свѣтомъ, который есть „средняя натура" (mittelnatur), т. е. самъ Богъ, шестая сущность (essenz). За тѣмъ сообщается, что Богъ, первымъ Имъ сказаннымъ словомъ, сотворилъ свѣтъ жизни: да будетъ

свѣтъ (fiat lux). Этотъ свѣтъ и есть свѣтъ жизни оживотворяющій все созданіе (spiritus Domini replevit orbem terrarum, et hoc quod continet omnem, scientiam vocis habet. Sap. I). Къ жизни и свѣту отъ котораго отдѣлилась, возвращается по уничтоженіи, данная существу жизнь. Всемогущій, сотворившій все существующее, есть сокровенный огнь заключающійся въ первой матеріи. Далѣе извѣщается о сотвореніи ангеловъ изъ пятой сущности (quinta essentia) духовной жизни-огня первой матеріи, одаренныхъ вслѣдствіе подобнаго ихъ происхожденія высокими качествами. Парацельсъ говоритъ что душа человѣческая есть также огнь отъ огня, изъ котораго созданы ангелы, но что Богъ одарилъ ее еще высшею шестою сущностью, и Самъ онъ есть союзъ и жизнь, заключающаяся во всемъ созданномъ, называющаяся душа (anima), которая находится въ равной степени во всѣхъ тваряхъ, и подобно Ему, безконечная. Но это ученіе не даетъ никому права, по словамъ теозофа, полагать, что Богъ сотворилъ что-либо себѣ равное, или могущее съ нимъ сравниться; еслибы Онъ такъ сотворилъ ангеловъ, и открылъ имъ о томъ, то они имѣли бы право почитать себя равными съ Нимъ въ вѣденіи, и были бы его друзьями, но не слугами. Здѣсь указывается на Іисуса Христа поступившаго такимъ образомъ съ вопрошавшими его во храмѣ іудеями о томъ, какою властію творитъ онъ чудеса? Онъ оставилъ ихъ безъ отвѣта, такъ какъ они не были его достойны. Онъ же послѣ вечери и умовенія ногъ, бесѣдуя съ учениками, сказалъ имъ, что называетъ ихъ своими друзьями, ибо все слышанное отъ Отца открылъ и сказалъ имъ; открывающій тайну или знаніе свое другому, дѣлаетъ его себѣ равнымъ, такъ какъ послѣдній узнаетъ то, что извѣстно первому. Потому-то Богъ и удержалъ въ своемъ Божественномъ величіи познаніе души, которая есть тонкое, сокровенное и огненное существо, непостижимое для разумѣнія не только кого-либо, но даже ангеловъ. Если же примѣнить эту тайну насколько возможно къ человѣческому понятію, то душа, принимаемая въ смыслѣ сущности всѣхъ вещей, или духа Господня, Слова и свѣта жизни (lux vitae), есть какъ бы сіяніе и теплота отъ пламени огня; и это пламя есть духъ и дѣйствующая сила огня, которому ничто не можетъ противиться или противустоять; помянутая невидимая теплота есть существо всѣхъ существъ подъ небомъ, и все созданное поддерживается духомъ воздушной теплоты огня. Ибо теплота есть духъ и жизнь, которою всѣ вещи осѣменяются (spermatisiren), живутъ; растутъ и размножаются всѣ одушевленныя и неодушевленныя, разумныя и неразумныя твари.

Объяснивъ затѣмъ силы и дѣйствія души во всѣхъ царствахъ природы, недоступныхъ чувственному зрѣнію и уму человѣка, теософъ, обращаясь къ „средней натурѣ“ (mittelnatur), говоритъ, что она раздѣляетъ и сплочиваетъ всѣ вещи своимъ жаромъ и влажностью; ибо она есть корень, родъ или сѣмя (sperma), огнь и шестая сущность во всемъ растущемъ; причемъ душа имѣетъ свойство посредствомъ особеннаго соединенія стихій въ каждой твари, не допускать одному виду превращаться въ другой, чему онъ приводитъ примѣры. Кромѣ того, онъ называетъ „среднюю натуру“ жизнью духа (spiritus), и душею во всѣхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ тѣлахъ; онъ не полагаетъ различія между душою человѣческою и душою всѣхъ вещей въ мірѣ; ибо что душа (anima) подъ небомъ отягощена воздушными, матеріальными стихіями, отчасти извѣстно по волѣ Всемогущаго, ангеламъ. Душа находящаяся въ небѣ, и душа человѣческая облечены пятою сущностью духовныхъ, небесныхъ, чистыхъ и ясныхъ стихій (spiritus ∇ supra firmam), что недоступно человѣческому понятію; и Богъ есть душа и жизнь природы и жизнь духа (spiritus). Относительно къ душѣ, Онъ называется Творцомъ всего созданія, ибо для нея сотворилъ Онъ небо и землю, и все что въ нихъ находится. На вопросъ: „имѣетъ ли душа и тѣло?“, слѣдуетъ отвѣтъ: „цвѣтъ солнца есть тѣло „средней натуры“, которая представляется человѣческому зрѣнію бѣлою, но духу голубою, и цвѣтъ всѣхъ вещей и стихій скрытъ.....“—Для объясненія порядка и различія творенія, приложены къ тексту изображенія, служащія основаніемъ къ уразумѣнію изложеннаго здѣсь о душѣ. (Рис. 6 и 7).

За тѣмъ извѣщается о волѣ небеснаго Отца, посылающаго единороднаго Сына своего на подвигъ искупленія погибшаго человѣчества; причемъ помѣщены 12 пунктовъ, или по выраженію въ текстѣ: „12 главъ жесточайшихъ“, содержащихъ въ себѣ предначертаніе Отца объ уничижительныхъ для божественности Сына, но неизбѣжныхъ для искупленія нашего, воплощенія Его, и земныхъ Его страданій. Далѣе, возвращаясь къ объясняемой въ настоящемъ „толкованіи“ тайнѣ творенія, теозофъ между прочимъ сообщаетъ о сотвореніи верховнѣйшаго престола неба, ангеловъ и первенствующихъ (Primaten), вѣчнымъ Словомъ своимъ. По слову Творца „да будетъ свѣтъ“ (fiat lux), послѣдній отдѣлился отъ тьмы, и названъ днемъ, и первая ночью; все означенное произведено Вѣчнымъ Его Словомъ изъ „первой матеріи“ видомъ подобной солнечнымъ пылинкамъ (атомамъ); изъ этихъ атомовъ, бывшихъ мрачными Богъ сотворилъ „вдругъ“ первымъ Словомъ небо и ангеловъ, и первая матерія, по тому же слову и въ то же время сдѣла-

лась водою, которая была пуста, праздна, и мракъ былъ на лицѣ бездны и неизслѣдимой стихіи; тогда духъ Божій носился надъ водами въ огненномъ небѣ, называемомъ эмпиреемъ (empyreum); оно есть также „небесный градъ высочайшей власти, престолъ съ возсѣдающимъ на немъ Божествомъ. Ибо престоломъ (Thronus) именуется небо верховнѣйшей святой Троицы, или всевышній престолъ Божій; и это небо, просвѣтленное верховнѣйшимъ свѣтомъ ясности и присутствіемъ ангеловъ, есть самъ Богъ. Теозофъ, между прочимъ, открываетъ также о томъ, что въ водахъ первой матеріи, которыя Богъ назвалъ ночью, содержался сокровенно сотворенный свѣтъ, долженствовавшій появиться изъ тьмы; и ангелы чувствовали, что этотъ свѣтъ вознесется выше ихъ, и что онъ будетъ—человѣческая тварь. Здѣсь слѣдуетъ сообщенное въ слѣдующихъ словахъ объясненіе Парацельса о появленіи Люцифера и его паденіи. Теозофъ извѣщаетъ, что Богъ сотворилъ помянутаго духа съ дружиною его изъ сіяющаго, яснаго воздуха, проходящаго сквозь другой, темный воздухъ; изъ яснаго воздуха возсіялъ свѣтъ, который и былъ Люциферъ; такимъ образомъ видно, что тьма всѣхъ духовъ была сотворена доброю и ясною, безъ грѣха; слѣдовательно, въ началѣ зло было сдерживаемо добромъ, и будущіе злые духи могли устоять въ добрѣ. Но не такъ произошло съ Люциферомъ, постигнувшимъ, что сокровенный свѣтъ (человѣкъ) долженствовалъ засвѣтиться въ первой матеріи водъ [1] и быть вознесеннымъ выше ангеловъ, къ чему ощутилъ зависть и ненависть, тогда же началъ въ немъ открыватьтя темный воздухъ (грѣхъ) скрытый въ ясномъ, и первый побѣдилъ послѣдняго. Самому же преступленію Люцифера, теозофъ предлагаетъ слѣдующее, трудно постигаемое метафизическое объясненіе: онъ говоритъ, что вначалѣ названный ангелъ вознегодовалъ, когда узрѣлъ изображающееся въ ясномъ зерцалѣ святой Троицы пятно, и удивился, какимъ образомъ могло произойти то, что Св. Троица обозначалась подобно окружности круга, солнца, яснаго зерцала, заключающаго въ себѣ всѣ семь добродѣтелей Божества; тогда Люциферъ постигъ, что если Богъ обладаетъ этими всѣми великими добродѣтелями въ Немъ заключающимися, то онъ, Люциферъ, имѣетъ въ себѣ всѣ противныя имъ качества, и увѣдалъ, что послѣднія составляютъ сущность его; если же онъ ихъ въ себѣ возбудитъ и обна-

[1] Въ примѣчаніи, внизу страницы, между прочимъ читаемъ: „Labente Lucifero nondum erat prima materia“, что повидимому противорѣчитъ сказанному въ текстѣ объ ангелахъ, сотворенныхъ изъ первой матеріи, не существовавшей, какъ говорится здѣсь, даже при паденіи Люцифера.

ружитъ, то всѣ добродѣтели Слова Божія скроются, и онъ вознесется на высочайшую степень Бога, который будучи добръ, удалится отъ его, Люцифера, злобы.—Объяснивъ такимъ образомъ событіе, помрачившее высокую славу возмутившагося ангела, теозофъ извѣщаетъ, что когда отверженный Люциферъ дѣйствіемъ своей полной, свободной воли утвердился въ преступленіи своемъ, то съ другими ангелами, соумышленниками своими, низринулся чрезъ всѣ небесныя избранія (свободныя воли), такъ какъ небеса не могли уже вмѣщать его въ себѣ. Такимъ образомъ совершился первый грѣхъ въ небѣ Люциферомъ, сотвореннымъ Богомъ безъ грѣха; но первый свободною волею своею возбудилъ въ себѣ грѣховный, нечистый воздухъ, и потому низринутъ съ неба. Паденіе его совершилось до сотворенія Адама. И такъ завершилось первое дѣйствіе Божіе, чрезъ Вѣчное Его Слово изъ атомовъ первой матеріи, вскорѣ превратившейся въ воду; изъ этой первой матеріи водъ, сотворилъ Всемогущій всѣ вещи, какъ-то: небеса тверди, солнце, луну, звѣзды, и всѣхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ тварей; всемогуществомъ Его раздѣлились воды черезъ Вѣчное Слово Его, которымъ сотворена была первая ихъ матерія.

На стр. 206-й, упоминается о двухъ рисункахъ, объясняющихъ текстъ, изъ которыхъ на первомъ (Рис. 6-й на листѣ выходящемъ изъ размѣра книги), изображеніе круговъ съ находящимися внутри ихъ надписями, и расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Верхній кругъ съ надписью: „Всѣхъ вещей начало и причина, Единъ Богъ Всемогущій, непреходящій, надъ всѣми вещами сущій, всѣ вещи творящій, изъ Ничего произвелъ существо вѣчное, совершенное, первоначальное отдѣленное состояніе".—2.) Средній кругъ подъ предыдущимъ съ надписью: „Существо, или materia prima всѣхъ вещей перваго творенія, въ которомъ суть формы всѣхъ тварей. Myst. Mag. въ твари наибольшій округъ.—3) Кругъ въ лѣвой сторонѣ (отъ зрителя) и предъидущаго круга; съ надп: Quinta essentia духовныхъ стихій сверхъ понятія человѣческаго смысла, изъ которой есть разность supposit. то есть отдѣленіе, что вещь вещи не равна.—4) Большой кругъ подъ предъидущимъ, съ расположенными внутри его крестообразно четырмя малыми, съ надписями: 1. Верхній: „То есть духовный Огнь, только Богу извѣстный, который фигуруетъ Натуру Духовъ. 2. Лѣв: „То есть духовный воздухъ въ дѣйствіи своемъ къ нижнимъ". 3. Прав: „То есть духовная вода въ порядкѣ своемъ поставленная къ нижнимъ. 4. Нижній: То есть духовная Земля, намъ невидимая и намъ неизслѣдимая. 5. Кругъ съ надп: Ангельскія Духи: Человѣческіе Духи: Злые Духи. Подъ этимъ послѣднимъ кругомъ на лѣвой сторонѣ

подпись: „Все невидимое вѣчно“.—На прав. сторонѣ (отъ зрителя): 1. Кругъ съ надписью: Quinta essentia матеріальныхъ стихій, частію явна Ангеламъ, изъ которой Suppositum различается, которая всѣ вещи натурализируетъ. 2. Большой кругъ съ четырьмя малыми, расположенными въ немъ крестообразно: 1. Верхній съ надписью: Матеріальный Огнь, чистая стихія, невидима, скрытая отъ нашего ощущенія и чувствъ.—2. Лѣв: „Матеріальный воздухъ скрытый для насъ. Чистая стихія. Прав: „Матеріальная Вода, чистая стихія. 3. Нижній: „Земля“. 4. Кругъ съ надписью: „Человѣкъ, неразумные скоты, дерева, камни, металлы. Подъ этимъ послѣднимъ кругомъ, на прав. сторон. подпись: „Все невидимо, и однако временно, преходящее, воспослѣдовавшее чрезъ паденіе; и такъ преходящее заключено непреходящимъ.—На Рисункѣ 7-мъ, изображеніе трехъ, одинъ подъ другимъ горизонтально расположенныхъ оваловъ, соединенныхъ между собою лентою, изъ которыхъ на верхнемъ представлены лежащія на землѣ небесная и земная сферы; на среднемъ: человѣкъ сидящій подъ деревомъ, и созерцающій видимую природу; на нижнемъ: всевидящее око въ солнечномъ свѣтѣ, окруженное свѣтлымъ облакомъ; надпись раздѣленная и помѣщенная надъ каждымъ изъ оваловъ: „Сіе зданіе—Ясно показываетъ—что Богъ есть“.

Во второмъ „дѣйствіи Божіемъ“ теозофъ извѣщаетъ о сотвореніи тверди между водами, и что воды бывшія подъ твердью раздѣлялись отъ находившихся надъ твердью, которую Богъ назвалъ небомъ. Небо по словамъ философа создано и извлечено Словомъ вѣчнаго Слова, изъ первой матеріи водъ и благороднѣйшаго, чистѣйшаго, тончайшаго и яснѣйшаго, всѣхъ совершеннѣйшихъ существенностей воздуховъ; и оно есть пятая сущность (quinta essentia) сотворенная изъ водъ. Онъ сообщаетъ, что вслѣдствіе равномѣрности и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразности таковаго смѣшенія жару, хлада, влаги и сухости, означенная сущность никогда не можетъ быть подвержена повредженію, которому недоступна, такъ какъ она есть излишняя нечистота стихій, съ которой соединена пятая сущность, потому она и не можетъ быть видима и усматриваема въ существенныхъ, стихійныхъ вещахъ; если же она извлекается изъ каждой стихійной существенности, то также называется небомъ, и искателю мудрости представляется возможнымъ дѣйствовать естественнымъ образомъ, и изъ существенныхъ, стихійныхъ вещей извлекать двѣ сущности, и затѣмъ изъ нихъ пятую. Парацельсъ открываетъ, что въ небѣ и землѣ заключаются двѣ пятыя сущности, изъ которыхъ одна есть сотворенное изъ водъ небо, другая звѣзды сотворенныя изъ тѣлесныхъ, суще-

ственныхъ небесъ; онъ говоритъ, что и на землѣ можно извлекать пятую сущность изъ вещей содержащихся какъ въ водахъ, такъ и самой землѣ, изъ которыхъ древніе мудрецы по благодати Божіей и вдохновенію Святаго Духа извлекали и производили пятую сущность. Здѣсь упоминается, что когда нѣкій мудрецъ, по имени „Целардусъ" вопросилъ духа: можетъ ли человѣкъ составить „камень", или пятую сущность? то получилъ въ отвѣтъ, что если Богъ сотворилъ что-либо одаренное свойствами, то спрашиваемое возможно человѣку. Означенную искуственную пятую сущность, философы назвали небомъ, ибо она, по увѣренію теозофа имѣетъ силу неба, и что туда, гдѣ находится эта пятая сущность составленная изъ нижнихъ тѣлъ, не можетъ входить злой духъ (spiritus malignus fugit quintam essentiam), ни пребывать тамъ, также точно какъ, не можетъ онъ пребывать въ небѣ; по причинѣ подобной силы своей, пятая сущность производимая по наукѣ, руками человѣческими, уподобляется небу. Въ заключеніе объясненія „втораго дѣйствія" Божія, теозофъ замѣчаетъ, что если однажды какая либо вещь освобождается отъ нечистоты, то въ послѣдствіи не можетъ уже никогда смѣшаться съ нечистыми вещами, потому что по разъединеніи своемъ, онѣ дѣлаются совершенно противоположными; невозможно, говоритъ онъ, „чтобы небо прешло, и соединилось опять съ той матеріею, изъ которой сотворено Богомъ; и хотя для Него все возможно, но Онъ не совершитъ ничего противоестественнаго ни въ чемъ Имъ созданномъ изъ первой матеріи водъ, произведшей небо, или пятую сущность.

Третье „дѣйствіе" Божіе составляетъ собраніе въ одно мѣсто по слову Божію водъ сущихъ подъ небомъ, и появленіе суши, которую Богъ назвалъ землею, собраніе же водъ моремъ. Въ этомъ дѣйствіи Божіемъ произошли вполнѣ четыре стихіи, существенно различныя между собою; изъ которыхъ три видимыя—земля, вода и огонь, и четвертая невидимая—воздухъ. Всѣ онѣ свойственны всѣмъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ тварямъ; причемъ, между тремя видимыми стихіями, находятся только двѣ матеріальныя: земля и вода, доступныя зрѣнію и осязанію, между тѣмъ, какъ другія двѣ: огонь и воздухъ, не подлежащія помянутымъ чувствамъ, суть духовныя. Кромѣ того, первый есть болѣе полу-духъ, такъ какъ его можно видѣть но не осязать; онъ есть благороднѣйшая, высочайшая стихія, ибо безъ огня ничто не могло бы существовать.— Здѣсь теозофъ входитъ въ пространное объясненіе и доказываетъ почему двѣ духовныя стихіи могутъ быть названы мужемъ, и двѣ, матеріальныя, женою. Изъ означеннаго доказательства выводится то, что суть три стихіи духа, изъ

которыхъ двѣ духовныя, огонь и вода; воздухъ же можетъ вполнѣ названъ быть духомъ (spiritus), такъ какъ его нельзя ни видѣть, ни осязать; вслѣдствіе такого свойства, онъ вводитъ другія стихіи во всѣ вещи, изъ которыхъ ихъ же и выводитъ. Но и вода содержитъ въ себѣ воздухъ и огонь, точно также, какъ въ землѣ и воздухѣ заключается вода и огонь. Далѣе Парацельсъ называетъ воздухъ жизнью всего существующаго и стихіею осѣменяющею (spermatisirende) все живущее своею теплотою и влажностью; ибо все раждающее должно быть тепло и влажно; такимъ образомъ въ стихіи воздуха, по словамъ философа есть сѣмя (sperma), всему дающее, и у всего отнимающее жизнь, и находящееся во всѣхъ стихіяхъ. Слѣдовательно всѣ помянутыя стихіи не могутъ дѣйствовать одна безъ другой; причемъ онъ сообщаетъ, что три стихіи, какъ-то: вода, земля и воздухъ какъ бы подчинены четвертой, т. е. огню въ нихъ скрытому; ибо огонь есть природа, все производящая и умерщвляющая, подобно все животворяющему и мертвящему Богу; и когда огонь природы отлучается, то отлучаются воздухъ и водяная влажность, и тогда умираютъ твари, изъ которыхъ отдѣляются прочія три стихіи, такъ какъ онѣ всѣ четыре такъ тѣсно соединены между собою, что не могутъ быть одна безъ другой, и составляютъ какъ-бы одно цѣлое. Парацельсъ сообщаетъ, что на вопросъ одного философа: что должна земля для произведенія плодовъ содержать въ себѣ, огонь или воздухъ? нѣкто отвѣчалъ: то и другое вмѣстѣ; далѣе онъ говоритъ, что Богъ, сотворившій каждую вещь подъ небомъ, вложилъ въ нее четыре стихіи, изъ которыхъ огонь по природѣ своей враждебенъ всѣмъ вещамъ, и эта вражда его увеличивается или уменьшается, по мѣрѣ несообразнаго свойству какой-либо вещи увеличенія или уменьшенія въ ней присутствія другихъ трехъ стихій. Тогда настаетъ борьба, и сильнѣйшая изъ стихій стремится къ господству надъ прочими, и утѣсненію ихъ; что совершается посредствомъ тончайшаго дѣйствія воздуха, отнимающаго влажность и теплоту другихъ стихій; онъ же, какъ духъ жизни, заключаетъ въ себѣ помянутыя качества огня; потому даетъ и отнимаетъ жизнь у всего одушевленнаго и неодушевленнаго, подъ небомъ созданнаго, такъ какъ онъ есть какъ бы господинъ и судья между стихіями, которыя не могутъ дѣйствовать безъ его сущности. Извѣщается также, что Всемогущій Богъ, отдѣливъ высшую степень отъ низшей, сотворилъ для вѣчной чести и славы своей природу, которая есть существо „троичное“, единое внутреннее и внѣшнее, подобно тому, какъ Онъ самъ „троиченъ“ въ существѣ своемъ; сотворивъ природу, Онъ раздѣлилъ ее на три степени, чтобы она содержалась троичнымъ числомъ,

ибо каждое рожденіе и разрушеніе должно совершаться помянутымъ числомъ, и раздѣляться на три степени, подобно Богу троичному и единому въ своемъ величіи, и вѣчному въ себѣ. Теозофъ указываетъ на просвѣщенныхъ древнихъ мудрецовъ, глубоко познавшихъ природу, какъ Богъ сотворилъ ее, такъ и то, что начало всѣхъ созданныхъ вещей произошло изъ одного корня; высокое ихъ прилежаніе къ изслѣдованію, было освящено благодатію св. Духа, черезъ которую они усмотрѣли между несчетными благодѣяніями Божіими изліянными на человѣка дивную славу природы, и въ ней познали волю Всевышняго, какъ и то, что начало всего въ мірѣ произошло отъ одного существа, или единственной, бывшей въ началѣ сущности—первой матеріи, воздушнаго атома (Omnia erant unum in prima materia), превратившагося въ воду, и волею Божіею раздѣлившагося потомъ на три степени; воздухъ, воду и землю; они знали также о томъ, что ничто въ мірѣ не можетъ существовать и размножаться безъ скрытой стихіи, которая есть „огнь огня", почему каждая изъ трехъ стихій отдѣляясь отъ прочихъ, удерживаетъ при себѣ четвертую съ сокровенностью ея, и она есть средство и союзъ связывающій ихъ вмѣстѣ.—За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе сущности и качествъ помянутыхъ трехъ степеней: воды, воздуха и земли, отдѣлившихся отъ природы для того, чтобы каждой по волѣ Божіей дѣйствовать сообразно своему назначенію. Такимъ образомъ совершается дѣйствіе первой степени—воды, въ соединеніи съ землею на растительное царство природы; второй—воздуха, теплотой и влажностью своей способствующаго рожденію и размноженію царства животнаго, ибо въ теплотѣ и влажности заключается начало жизни, обусловливающее существованіе всѣхъ тварей; и безъ этихъ двухъ сущностей—теплоты и влажности, немыслима жизнь, не только одушевленныхъ, но и неодушевленныхъ существъ, которыя по отдѣленіи отъ нихъ помянутыхъ двухъ дѣятелей, разрушаются. Третья степень—земля, посредствомъ различныхъ смѣшеній, рождаетъ и роститъ въ нѣдрахъ своихъ ископаемое царство природы, какъ-то: руды, металлы, и проч. [1]—Объясняя процессъ рожденія и роста металловъ въ земной глубинѣ, теозофъ говоритъ, что земля по природѣ своей есть ни что иное, какъ „ссѣдшаяся вода, или грубая часть стихій", и что Всемогущій Богъ сотворилъ каждую матеріальную существенность земныхъ вещей, во чревѣ земли, помощью солнечной планеты и „ва-

---

[1] Металлы и минералы родятся изъ Меркурія, а не изъ земли. Прим. издателя книги. стр. 233.

ренія", при содѣйствіи другихъ планетъ, откуда получаютъ всѣ три царства природы, жизнь свою и питаніе.

„Четвертое дѣйствіе", въ которомъ по Слову Божію сотворены свѣтила на тверди небесной, отдѣленъ день отъ ночи, и проч., основано на извѣстномъ мнѣніи всѣхъ вообще герметическихъ философовъ—вліяніи небесныхъ свѣтилъ на землю и на все существующее; здѣсь Парацельсъ приводитъ изрѣченіе Гермеса Трисмегиста, сказавшаго „по вдохновенію св. Духа" что всѣ „нижнія вещи, видимыя и осязаемыя нами, и все сокровенно Богомъ сотворенное, сходствуетъ съ „верхними", но никакъ не „верхнія" съ нижними"; по чему каждая звѣзда, по ученію теозофа" имѣетъ втеченіе свое на землю; вслѣдствіе чего, существо подвергающееся втеченію извѣстнаго созвѣздія, имъ и управляется; такимъ образомъ, втеченія звѣздъ образуютъ видъ и образъ человѣка, и другихъ тварей. Замѣчателенъ примѣръ, приведенный здѣсь въ подтвержденіе этого ученія. „Есть", говоритъ Парацельсъ, звѣзда называемая Полусъ, которая господствуетъ надъ камнемъ адамантомъ; такъ равно надъ магнитомъ и желѣзомъ; луна владычествуетъ надъ морскою волною, и солнце надъ всѣмъ, что въ мірѣ существуетъ, ибо оно верховная планета на небѣ (стр. 238)[1]. Онъ также сообщаетъ, что между небесными и земными тѣлами существуетъ столь великая и тѣсная любовь, что каждое изъ нихъ стремится къ исполненію назначенія опредѣленнаго ему Богомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего ученія, Парацельсъ подтверждаетъ что всѣ твари, не исключая даже и человѣка, подчинены втеченію созвѣздій, причемъ говоритъ, что помянутое втеченіе въ человѣка, располагаетъ его къ добрымъ или злымъ поступкамъ, къ которымъ побуждаетъ его стихійный духъ воздуха, возбуждающій въ немъ грѣхъ; ибо посредствомъ стихійныхъ духовныхъ воздуховъ, какъ сказано выше, которыхъ часть проносилась сквозь ясный, чистый воздухъ, давшій начало добрымъ ангеламъ, и содѣйствіемъ смѣшенія стихійныхъ, воздушныхъ духовъ, согрѣшилъ Люциферъ. Этотъ стихійный и воздушный духъ подъ небомъ (spiritus firmamenti), есть духъ жизни неразумныхъ животныхъ и неодушевленныхъ вещей, и въ духѣ дѣйствуетъ втеченіе неба. Далѣе сказано, что Богъ отличилъ человѣка отъ прочихъ неразумныхъ животныхъ, одаривъ его собственною волею находящейся въ душѣ его; и эта воля

---

[1] Вліяніе, которое древніе мудрецы и герметики приписывали небеснымъ свѣтиламъ на всѣхъ земныхъ тварей, было мнѣніемъ общимъ въ древніе и среднiе вѣка; астрологія какъ извѣстно, входила тогда въ составъ наукъ, и занимала многіе замѣчательные умы.

есть одна изъ двухъ „силъ души, которую человѣкъ обязанъ направлять къ добрымъ дѣламъ и желаніямъ, и уклоняться отъ зла, которое входитъ въ душу его по волѣ и внушенію матеріальнаго духа, но слѣдовать добрымъ движеніямъ души—шестой сущности, отсутствующей въ прочихъ тваряхъ, что подчиняетъ ихъ человѣку [1]. Еслибы Люциферъ съ приверженцами своими, имѣлъ въ себѣ шестую сущность безъ смѣшенія съ нею воздушнаго стихійнаго воздуха, бывшаго тогда нечистымъ, то онъ бы не согрѣшилъ. По увѣренію теозофа, звѣзды имѣютъ втеченіе въ каждый членъ человѣческаго тѣла, и семь планетъ управляютъ цѣлымъ міромъ; и что верховнѣйшая и могущественнѣйшая изъ нихъ—солнце, стоитъ посреди планетъ, и распространяетъ сіяніе и лучи свои надъ, и подъ собою, и что оно есть огнь, такъ какъ день есть ничто иное, какъ сіяніе солнца, и всѣ дни суть одинъ день (omnes dies, unus dies). Далѣе Парацельсъ касается отчасти по видимому области алхиміи, бывшей его спеціальностью, и извѣщаетъ, что планеты получающія всю силу свою отъ солнца, также господствуютъ надъ міромъ сотвореннымъ Богомъ, черезъ втеченіе семи планетъ и семи металловъ: свинца, олова, желѣза, золота, мѣди, ртути и серебра; всѣ названные металлы, по словамъ теозофа, раждаются черезъ „вареніе“ солнца и втеченіе другихъ планетъ; причемъ онъ исчисляетъ всѣ металлы находящіеся въ подчиненіи и подъ вліяніемъ семи упоминаемыхъ имъ планетъ съ которыми первые имѣютъ аналогическія свойства. Такимъ образомъ напр.: золото подчинено солнцу, серебро лунѣ, и т. д. [2] кромѣ того, луну онъ называетъ „правительницею водъ“, и объясняетъ вліяніе ея на море, въ періоды различныхъ его видоизмѣненій; также точно по словамъ его, дѣйствуетъ втеченіе неба на духъ человѣка, ибо этотъ духъ состоитъ изъ небесной природы.

Объясненіе „пятаго дѣйствія“ основывается на мнѣніи, что Богъ сотворившій Словомъ своимъ земныхъ пресмыкающихся, птицъ и рыбъ, произвелъ ихъ по великой и сильной любви своей къ человѣку, на пользу его, для того, чтобы жизнь его могла поддерживаться посредствомъ соединенія въ немъ четырехъ-стихійной матеріальной природы, такъ какъ одно живое существо должно восполняться жизнью другаго ему подобнаго; ибо они оба происходятъ отъ одного живаго существа, такъ равно и отъ матеріальныхъ воздушныхъ, чистыхъ сти-

---

[1] Въ примѣчаніи находится: N. B. Ne quid nimis (не совсѣмъ такъ).—[2] О чудесномъ и таинственномъ рожденіи семи планетъ и металловъ писалъ Василій Валентинъ въ сочиненіи своемъ „De occutia philosophia“.

хій. И каждое, (впрочемъ равное) соединеніе природы или существо, служитъ пищею и сохраненіемъ другаго ему подобнаго, вслѣдствіе тонкаго раздѣленія и соединенія произведеннаго природою во всѣхъ тваряхъ, для пищи человѣка, и сохраненія жизни его.—Толкованіе „пятаго дѣйствія" оканчивается краткимъ наставленіемъ теозофа, какъ много человѣкъ обязанъ быть благодарнымъ Богу, отъ котораго происходитъ все что мы имѣемъ, и все существующее въ мірѣ получило начало.

Въ „шестомъ дѣйствіи", ознаменованномъ сотвореніемъ по Слову Божію животныхъ и по образу и подобію Его человѣка, извѣщается что Богъ сотворилъ его изъ „мокроты земли" (земной сырости), глыбы земли, состоявшей изъ осьми частей или существенностей, и бывшей извлеченіемъ изъ четырехъ земныхъ стихій, состоявшихъ въ свою очередь изъ семи сущностей, изъ которыхъ первая произошла изъ атома первой матеріи; вторая изъ морскихъ водъ: третья изъ камня и земли; четвертая изъ небесныхъ облаковъ; пятая изъ вѣтра; шестая изъ солнца и седьмая изъ луны. Далѣе теозофъ говоритъ между прочимъ, что Богъ создалъ человѣки по образу и подобію Своему; напослѣдокъ усовершенствовалъ его осьмою частью, вдунувъ ему дыханіе жизни или Духа Святаго, и черезъ это даровалъ человѣку вѣчную живую душу [1]; онъ сообщаетъ также, что первые человѣки были

---

[1] Вообще всѣ почти герметическіе философы, въ писаніяхъ своихъ сходятся относительно сотворенія человѣка; одинъ изъ нихъ говоритъ о томъ въ слѣдующихъ словахъ: „Nachdem nun Gott alle Dinge erchaffen, hat Er zuletzt den Menschen Adam aus einem himmlischen Thau ohne Zweiffel befeuchteten rohten Doon oder Erdenklosz; Ihme aus dem ersten Liecht die vernünfftige Seele, vermittelst der Lufft, als des Geistes, eingehauchet, oder eingeblasen, und sie also nach seinem Ebenbilde heilig, gerecht, unsterblich, gut und weise etc... nach seinem Gleichnisse aber aus Leib, Seele und Geist bestehend, in der Dreyheit geschaffen..." (Aureum Seculum Patefactum: oder die Eröffnete Güldene Zeit etc... von Alitophilo Chrysandro. Nürnberg. 1706. 8°. s. 129).—Знаменитый Василій Валентинъ, въ сочиненіи озаглавленномъ: „Von dem grossen Stein der uhralten Weisen" пишетъ: „Dasz, wie Adam, der erste Mensch, aus einem Erden-Klosz von dem höchsten Schöpffer formiret ward, erzeigte sich doch keine endliche Beweisung eines empfindlichen Lebens, bisz ihm erstlich Gott einen Athem einbliesz, da ward der Erden-Klosz in ein Leben erwecket; in der Erden war das Saltz, id est Corpus, die einblasende Luft war der Mercurius, der Geist durch solche Einblasung gab ihm alsbald die Luft, eine rechte bequeme Wärme, das war Sulphur, id est, ignis, da regte sich hernach und bewiesz Adam durch solche Bewegung, dasz ihm eine lebendige Seele eingegossen war; Denn Feuer kann ohne Luft nicht seyn, und auch hinwiederum keine natürliche Luft ohne Feuer, das Was-

наги и не знали стыда, ибо были корнемъ добра и зла, и сотворены изъ центра всего въ одно существо—мужское и женское. Какъ Богъ въ существѣ своемъ троиченъ, такъ сотворилъ и человѣка, давъ ему тѣло, духъ и душу (corpus, spiritum et animam); душа произошла изъ неба, духъ изъ воздуха, и тѣло изъ земли; и духъ заключается съ среднею природою (mittelnatur) во всѣхъ стихіяхъ, и находится повсюду въ мірѣ. Онъ есть духовный, сокровенный огонь, сѣмя (sperma) раждающая природа (generativa), дающій всѣмъ существамъ здѣшняго міра жизнь и ее отнимающій, и сущность человѣческой природы. Сѣмя же есть теплая влажность отдѣляющаяся чрезъ естественное совокупленіе мужа и жены (imaginatio produit sperma) ибо все раждающее должно быть влажно и тепло; когда же двѣ или три сущности соединяются вмѣстѣ, то происходитъ дивное дѣло или дѣйствіе стихійной природы, которому человѣкъ долженъ удивляться. Извѣстно уже, что человѣкъ созданъ изъ земли, и долженъ опять обратиться въ землю; сотворенный изъ земной сырости, онъ производитъ подобныхъ себѣ людей уже изъ человѣческой сырости, и будучи произведеніемъ изъ четырехъ стихій, тѣми же стихіями долженъ разрушиться, подобно всѣмъ прочимъ матеріальнымъ существамъ, находящимся подъ небомъ; ибо какъ Богъ мертвитъ и животворитъ, такъ поступаетъ и средняя природа.—Теозофъ, возвращаясь къ объясненію рожденія (generatio) также души, духа и тѣла, говоритъ что сѣмя попадаетъ въ матку жены, гдѣ ссѣдается и сваривается въ массу, которую Богъ, одарившій каждаго человѣка троякимъ достоинствомъ, удостоиваетъ также формы по божественному Своему образу. Тѣло есть посредникъ (medium) между душою и духомъ, и какъ оно происходитъ отъ стихій, то не есть земля, но вмѣстилище (retinaculum) ихъ, также и духа.

Замѣчательно слѣдующее извѣстіе о рожденіи человѣка, и о вліяніи душевнаго состоянія матери на имѣющаго родиться отъ нея младенца; здѣсь Парацельсъ, повидимому, даетъ полный просторъ своему воображенію, и разсказываетъ, что Всемогущій по милосердію Своему и любви къ роду человѣческому, посылаетъ ангела къ беременной женщинѣ, въ двадцатый день послѣ естественнаго совокупленія, съ

---

ser war dem Erdreich einverleibet, weil sie nothwendig zusammen, so anders leben folgen soll, in gleichmäszlger gesetzten Concordantz stehen müssen. Also ward Adam erstlich aus Erden, Wasser, Luft und Feuer, aus Seel, Geist und Leib; endlich aus Mercurio, Sulphure und Sale erwecket, zusammen gebauet und gebohren. (6. Edit. Leipzig. 1769. achte Schlüssel. s. 49.)

душою; и если въ это время женщина находится въ раздраженномъ состояніи, то ангелъ удаляется съ душою, и появляется черезъ десять дней, но найдя первую въ томъ же душевномъ настроеніи, опять удаляется, и появляется снова черезъ десять дней; и когда наступитъ сороковой день ея зачатія, вводитъ душу въ тѣло, не смотря уже на душевное состояніе женщины; „тогда-то", говоритъ теозофъ, „гнѣвное и злобное ея душевное состояніе впечатлѣвается младенцу, и эти душевныя движенія матери присущи ему во всю жизнь, провождаемую имъ безъ страха Божія [1]. Онъ сообщаетъ также, что душа сопровождаема духомъ воздуха, который есть жизнь плоти и стихійной природы, такъ и всѣхъ существъ происходящихъ изъ четырехъ стихій и находящихся подъ небомъ; ибо духъ воздуха есть жизнь и хранилище помянутыхъ четырехъ стихій. Что душа вводитъ съ собою въ тѣло духъ, то это происходитъ потому, что оба они имѣютъ начало свое отъ одного существа, оба господствуютъ надъ природой, и составляютъ одну сущность, происходящую отъ воздуха и огня; духъ есть средство, совокупляющее душу съ тѣломъ и разлучающее ихъ смертью, ибо онъ есть поврежденіе (corruptio), разрушеніе и стихія воздуха, тогда какъ человѣческая душа происходитъ изъ благороднѣйшей сущности всѣхъ стихій, и есть собственно сущность воздуха, изъ которой и ангелы сотворены; жизни же души, источникъ самъ Богъ, потому что она

---

[1] Изъ слѣдующаго объясненія зачатія и рожденія человѣка, которое приводимъ въ извлеченіи изъ сочиненія одного, не назвавшаго имени своего, герметическаго писателя, видно, что онъ, не признавая участія въ помянутыхъ событіяхъ ангеловъ приносящихъ душу для помѣщенія ея въ тѣло, и прочаго, написаннаго о томъ Парацельссомъ, но основываясь на общепринятомъ тогда мнѣніи о вліяніи планетъ на находящагося въ утробѣ женщины, и потомъ появляющагося на свѣтъ младенца, говоритъ: „Wenn die Vermischung Manns und Weibs geschehen, so erheben sich die Astra im Thier oder Menschen, die seynd so starck, das sie die Sterne bezwingen, die Sternen wiederum das ewige Licht (dann eine jede Materia zeucht zu sich die Form) so geschicht dan der Einwurff des Gestirns gleich mit dem Saamen in die Matricem, daher kömmt die Bewegung dasz sich das Männliche Sperma, als das wirckende, mit dem Weiblichen vermischet darinnen arbeite und einen Menschen oder Thier macht, nach der Gestalt und Form, als der Stern und das Firmament dasselbige mahl gestaltet ist gewesen. Wann nun dieses Corpus fertig, so kommt der Einwurff, nemlich der Astralische, Materialische, Spiritualische und Firmamentische Leib mit sammt dem Leben". (Aperta, Arca, Arcani Artificiosissimi, oder Des Grossen und kleinen Bauers eröffneter und offenstehender Kasten der allergrösten und Künstlichsten Geheimnissen der Natur, etc... Zum Andernmahl aufgelegt. Hamburg. 1705. Cabala Chymica. De Generatione Hominis et Animalium. s. 126.)

появляется съ неба, куда опять возвращается, если не сильно подчинена духу; но въ противномъ же случаѣ пребываетъ она съ духомъ подъ небомъ.—Парацельсъ говоритъ также, что Богъ одарилъ душу человѣческую тремя силами или могущественностями (Potentien): первая изъ нихъ смыслъ (Verstand), вторая—память, и третья—воля. Эти три силы находятся въ душѣ, которую и составляютъ; посредствомъ нихъ человѣкъ можетъ познавать душою всѣ тайны и сокровенные предметы, если не воспрепятствуетъ ему въ томъ тѣло, подкрѣпляемое черезъ мѣру пищею и питьемъ, что ослабляетъ смыслъ; ибо первое приращается въ ущербъ второму, причемъ возмущается и духъ. Однакоже Богъ не всѣхъ людей равно одарилъ смысломъ, и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ искать причины неразумія въ излишествѣ питанія. Затѣмъ слѣдуетъ между прочимъ разсужденіе о двоякаго рода болѣзняхъ, которымъ подвергается человѣкъ: первая изъ нихъ есть болѣзнь духа, называемая душевною, и происходитъ отъ нравственныхъ причинъ, какъ-то: различныхъ движеній души, и тѣлесная отъ причинъ внѣшнихъ, матеріальныхъ, какъ-то: голодъ, жажда, неумѣренное питаніе и т. д.; теозофъ признаетъ совершенное здоровье въ человѣкѣ тогда, когда духъ и душа господствуютъ въ стихіи его тѣла; болѣзненное состояніе и смерть его происходятъ отъ несогласія въ немъ стихій. Духъ, по словамъ Парацельса, есть тайный врагъ души, и потому каждый обязанъ наблюдать, чтобъ онъ не обольстилъ души, и не предалъ ее вѣчной погибели; ибо черезъ духа приходитъ грѣхъ, къ которому онъ возбуждаетъ, и тѣмъ осуждаетъ душу на вѣчную смерть.

Говоря о смерти человѣка, онъ признаетъ совершающіяся въ немъ три разъединенія: отдѣленіе души отъ тѣла (Separatio animae); духа отъ тѣла, и духа отъ души, и затѣмъ спрашиваетъ: возможно ли духу сопровождать душу въ небо, или должны оба пребывать подъ небомъ? На что отвѣчаетъ: если душа очищена покаяніемъ, то восходитъ на небо, духъ же остается въ срединѣ воздуха, и тѣло въ землѣ; такимъ образомъ все возвращается туда, откуда получило начало; такъ какъ духъ есть стихія воздуха (spiritus ex firmamento) и черезъ него приходитъ грѣхъ, то онъ не можетъ пребывать въ небѣ, которое есть пятая сущность (quinta essentia) стихій, и потому духъ долженъ оставаться подъ небомъ до послѣдняго дня, и до имѣющаго совершиться соединенія души и тѣла, для образованія одной сущности; въ этотъ послѣдній день, по словамъ Парацельса, огонь вступитъ въ небо, всѣ твари возьмутся отъ земли, и ни въ какомъ тѣлѣ сѣмени уже не будетъ (naturale corpus cessat), и ничто не будетъ при-

носить плодовъ, ибо стихій уже не будетъ въ ихъ существѣ, особливо въ прославленномъ, просвѣтленномъ, пересплоченномъ (gecoagulirten) человѣческомъ тѣлѣ. Земля обитаемая нами, должна прійти въ небо, и получить другой видъ; затѣмъ душа соединится съ тѣломъ уже прославленнымъ вслѣдствіе удаленія духа; и тогда наступитъ вѣчная жизнь, и въ небѣ вѣчный день, и вѣчная ночь въ аду.

Въ заключеніе „четвертаго толкованія" извѣщается о двухъ великихъ имянахъ Божіихъ, съ подробнымъ о нихъ объясненіемъ, о которыхъ упоминается въ 109 псалмѣ, въ стихѣ „Neum Iehova Ladonai"; этимъ стихомъ, по словамъ теософа, открываются два разныя имени Св. Троицы, которыя на нѣмецкомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, могутъ быть выражены однимъ только словомъ: „Господь", не достаточно выражающимъ истинный смыслъ положительнаго различія между „нерожденнымъ" (ingenito) и рожденнымъ (genito); тогда какъ въ еврейскомъ текстѣ читается: „Іегова сказалъ Адонаи", что доказываетъ существенное между обоими именами различіе, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свой особливый характеръ или свойство, отличающее одно отъ другаго. Далѣе сообщается о томъ, что другое великое имя „Адонаи" характеромъ своимъ на столько разнчествуетъ съ первымъ, насколько „рожденное (genitum) отъ „нерожденнаго (ingenito) или образъ отъ существа, хотя одно не можетъ быть безъ другаго.

Для поясненія изложеннаго въ текстѣ служитъ приложенный къ нему рисунокъ VIII-й, съ изображеніемъ пяти фигуръ (характеровъ), состоящихъ изъ четырехъ остроконечныхъ, одинъ съ другимъ соединенныхъ треугольниковъ, представляющихъ подобіе звѣздъ, и одного шестиугольника изъ двухъ, другъ къ другу обращенныхъ основаніями треугольниковъ, составленнаго. Первая изъ фигуръ съ шестью внутренними полями и пятью внѣшними углами, съ начертаніемъ четырехъ еврейскихъ буквъ и одной гласной, въ которыхъ читается имя „Іегова"; и вторая съ надписью по угламъ того же имяни, начертаннаго пятью латинскими буквами. Такъ какъ въ имени написанномъ по еврейски находится только четыре буквы, то оно названо греками „Tetragrammaton" (т. е. состоящее изъ четырехъ буквъ); но въ томъ же характерѣ та-же надпись на латинскомъ языкѣ состоитъ изъ пяти слоговъ, что изображено на фиг. 3-й.—Характеръ имяни „Адонаи" достаточно отличается отъ характера перваго „Іегова", что усматривается на фиг. 4-й; что же касается до фиг. 5-й, или вышеупомянутаго шестиугольника, имѣющаго семь внутреннихъ полей и шесть внѣшнихъ угловъ, то чтобы наполнить означенныя поля, латинисты,

по словамъ теозофа, начертываютъ имя „Adonai" въ шести углахъ латинскими буквами.

Парацельсъ оканчиваетъ „четвертое толкованіе" извѣстіемъ, что познаніе имяни „Адонаи" и его характера столь велико, высоко и мощно, что оно, уразумѣвшаго Его, облекаетъ небесною и земною силою и могуществомъ; кто познаетъ глубоко это великое имя и его свойство, тотъ, по словамъ теозофа, познаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ тайны изложенныя здѣсь въ 22-хъ пунктахъ (стр. 267—269).—Затѣмъ онъ говоритъ, что не только то, о чемъ здѣсь упомянуто, но и гораздо болѣе можетъ знать и видѣть, глубоко и основательно уразумѣвшій характеры обоихъ имянъ. („Cognitis his caracteribus juxta coelestis et terrenas virtutes aeternas et temporales") т. е. „познаетъ помянутые характеры по небеснымъ и земнымъ добродѣтелямъ, вѣчнымъ и временнымъ". Наконецъ заключаетъ словами, что если праведный магъ введетъ это знаніе въ простое и доброе сердце какого-либо человѣка, то послѣдній исполнится всякою небесною и земною премудростью.—На послѣдней страницѣ, внизу въ примѣчаніи находится слѣдующее: „Sigismundus Görlicensis Pragae multos desperatos morbus illias exibitione curavit". (Обнаруженіемъ этого знанія Сигизмундъ герлиценскій излѣчилъ въ Прагѣ многихъ отъ отчаянныхъ болѣзней).

Въ концѣ книги помѣщены пятнадцать главъ: „О судѣ въ человѣкѣ и о вкушеніи яблока. Въ первомъ разсужденіи доказывается, какъ ложно и несправедливо сужденіе человѣка о ближнихъ своихъ, событіяхъ, и вообще всѣхъ предметахъ, не имѣющаго свидѣтельства Св. Духа и внутренняго духовнаго ока просвѣщеннаго свѣтомъ истинной вѣры. Авторъ указываетъ на Христа и апостоловъ Его, которыхъ міръ называлъ льстецами и дьяволами, напротивъ того лжепророковъ и книжниковъ праведными и добрыми, что было несправедливо относительно тѣхъ и другихъ (Матѳ. 10. Лук. 6. Іоан. 8. 15. Дѣян. 17).—Обращаясь къ временамъ позднѣйшимъ, авторъ говоритъ, что многихъ называютъ еритиками, обманщиками и лицемѣрами, тогда какъ они того не заслуживаютъ; между тѣмъ, другихъ несправедливо почитаютъ за праведныхъ и истинныхъ учителей; (дальнѣйшее о томъ усматривается изъ самыхъ главъ разсужденія).—Начиная съ XI-й главы, открывается, что человѣкъ можетъ быть искушаемъ древнимъ зміемъ тогда, когда онъ забываетъ что всѣ щедрые дары, которыми онъ пользуется, получены имъ отъ Бога, и между которыми, владѣя свободною волею, и нося въ душѣ своей начертанный въ ней законъ, попускаетъ ее похотствовать или ѣсть отъ древа познанія добра и зла; чего не долженъ дѣлать, такъ какъ душа его

произошла не отъ него самого, но отъ Бога; онъ не долженъ говорить въ себѣ, что если душа его есть образъ и подобіе Божіе, то она подобна Богу, и проч... Это и называетъ авторъ коварнымъ зміемъ, обманувшимъ нѣкогда ангела въ небѣ, и обманывающимъ человѣка на землѣ.

Въ реестрѣ книгъ заарестованныхъ въ деревнѣ Новикова (1792 г.) „Тайна Творенія" означена подъ №: 7-мъ. (Новик. и Москов. Мартин. стр. 063).

№ 137. Начальныя основанія дѣятельнаго Христіянства по вопросамъ и отвѣтамъ расположенныя, которыя большею частію изображены словами Священнаго Писанія.—Для дѣтскаго чтенія.—Иждивеніемъ Типографической Компаніи.—**Москва.** Въ Типографіи Типографической Компаніи, съ указнаго дозволенія. 1785. 12°. 83 нум. стр. (счетъ съ загл. листа) и 1 ненум. стр. (оглавленіе).

Сопик. Ч. 2. №: 6685.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Росс. стр. 469. Приб. къ стат. VIII. № 91.—Лонгин. Новик. и Москов. Мартин. стр. 038. № 28.

На оборотѣ заглавнаго листа, вмѣсто эпиграфа, находится слѣдующій вопросъ и отвѣтъ: Господи! аще мало есть спасающихся?—Подвизайтеся внити сквозѣ тѣсныя врата: яко мнози, глаголю вамъ, взыщутъ внити и не возмогутъ. Лук. XIII, 23, 24.

Цѣль изданія этого небольшаго сочиненія видна изъ слѣдующаго, приводимаго здѣсь (напечатаннаго курсивомъ) обращенія къ читателю: „Въ сей книжкѣ предлагаются въ нѣкоторомъ порядкѣ тѣ мѣста изъ Священнаго Писанія, въ которыхъ наипаче изобразуется, какъ прямо упражняться въ Христіанствѣ, и какъ душа внутреннимъ дѣйствованіемъ Духа Божія можетъ исторгнута быть изъ настоящаго ея жалостнаго состоянія и ощутить въ себѣ живое чувствованіе первобытнаго своего блаженства.

Извѣстно, что такъ называемые Христіане раздѣлены стали на многіе толки. Каждое изъ сихъ сборищъ въ изложеніи ученія своего всегда болѣе старается о томъ, какъ бы защитить, утвердить и распространить важность и могущество свое между людьми, нежели о всеобщемъ единодушіи и мирномъ союзѣ: они прилагаютъ болѣе тщанія къ тому, чтобы въ преподаваніи правилъ наблюдаемъ былъ наружный порядокъ и точность, нежели чтобы при ономъ непрестанно указывать на конецъ и цѣль своего ученія, всѣхъ правилъ и всѣхъ заповѣдей, которая есть: любы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя. 1. Тимоѳ. гл. 1 ст. 5.

Въ составленіи сея книжицы, руководительницею была сія цѣль, а не иное какое намѣреніе защищать частныя мнѣнія или опровергать; здѣсь предлагается простое и краткое начертаніе тѣхъ путей и степеней, по которымъ Господь приводитъ падшія души къ духовному ихъ возрожденію.

Поелику познаніе нашего въ Адамѣ паденія и возстановленія во Христѣ, суть два главные пункта, о которыхъ и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ наипаче проповѣдуется; то сія книжка можетъ служить нѣкоторымъ введеніемъ къ сему познанію. Ибо истинный духъ и жизнь Христіанства отнюдь не вселится, доколѣ законъ и Евангеліе и живое ихъ вліяніе въ обращеніи человѣка къ Богу не познаны, и не со всякою прилѣжностію приводимы были въ дѣйство. Всѣ добродѣтели, которыя не на семъ основаніи стоятъ, при случаѣ опыта окажутся токмо тѣнью и мертвыми образами добродѣтелей, лишенными всей одушевительной внутренней силы и животворной сущности Христіанства.

Почему уповательно, что сіе сочиненьице быть можетъ не безполезнымъ для молодыхъ дѣтей, въ которыхъ ежели вкоренены будутъ представленныя здѣсь истины, и превращены, какъ говорится, въ кровь и соки ихъ, то оныя послужатъ имъ предохранительнымъ лѣкарствомъ отъ заразительной болѣзни души. Паче же, когда они столько щастливы, что находятся подъ руководствомъ такихъ учителей, которые собственнымъ опытомъ вкусили и видѣли, какъ милосердый Владыка возводитъ души наши къ первобытному блаженству. Таковые дѣтоводители не только (не?) будутъ дѣйствовать надъ ними страхомъ закона и возлагать на нихъ тяжкія бремена; но паче яко отцы (1 Коринѳ. IV, 15), раждающіе ихъ благовѣствованіемъ и поучающіе дружески и ласково, такъ какъ добрая кормилица питаетъ млекомъ дитя. И такъ, когда они сами испытали и чувствуютъ то, чему другихъ учатъ, то не только предлагать имъ будутъ предписанія и должности Христіанскія, но потщатся изразительно и пріятнымъ образомъ приводить ихъ къ тому, чтобъ они живо возчувствовали открытую во Христѣ, ради возстановленія человѣческаго рода, любовь Божію. И сей способъ преподаванія, уповательно, болѣе возбудитъ и воспламенитъ въ юныхъ сердцахъ желаніе къ добру, нежели суровыя какія средства.

Сіе да будетъ сказано не о единыхъ юношахъ по тѣлу; но и о тѣхъ, которые духомъ и умомъ юны суть; имъ также можетъ быть не безполезною сія книжица. А таковыхъ юношей едва ли не болѣе находится, нежели какъ обыкновенно себѣ воображаемъ".

Книжка состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ статей: I. О падшемъ и развращенномъ естествѣ; или о состояніи человѣка подъ властію и господствованіемъ грѣховъ, стр. 9.—II. О состояніи человѣка подъ закономъ, яко о первой степени возстановленія его.—III. О состояніи человѣка подъ Евангеліемъ, стр. 33.—IV. О приращеніи или умноженіи духовной или благодатной жизни, и о средствахъ къ тому служащихъ, стр. 72. — Вопросы и отвѣты на нихъ подтверждаются текстами изъ Священнаго Писанія; текстами изъ книги Бытія, Евангелистовъ, Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, пророческихъ книгъ и псалмъ Давида. О порядкѣ, въ которомъ преподаются основанія христіанскаго ученія, покажетъ слѣдующее извлеченіе изъ 1-й главы, разсуждающей о надшемъ человѣкѣ: Вопр. 16. Какимъ образомъ естественный человѣкъ обыкновенно учреждаетъ свой путь, или житіе въ мірѣ?—Отв. Онъ управляется отъ князя, владычествующаго въ воздухѣ, и свое дѣйствіе имѣющаго въ сынахъ невѣрія. Онъ жизнь свою ведетъ въ сладостяхъ плотскихъ, исполняетъ волю плоти и разума. Ефес. гл. I. ст. 2, 3, и по естеству своему есть чадо гнѣва. Житіе его суетно. 1. Петр. гл. I. ст. 18. Житіе его нечисто. 2. Петр. гл. 2. ст. 7, и имъ оскорбляетъ онъ праведныхъ.—Вопр. 17. Какъ и къ чему естественный человѣкъ употребляетъ члены свои?—Отв. Очи его исполнены прелюбодѣянія и непрестаннаго грѣха. 2. Петр. гл. 2. стр. 14. Такъ языкъ въ нашихъ членахъ устроенъ, что все тѣло скверпитъ; онъ воспаляетъ весь кругъ рожденія нашего, воспаляемый самъ геенною. Іаков. гл. 3. ст. 6.—Гортань есть открытый гробъ.—Ядъ аспидовъ подъ губами его. Уста его полны проклинанія и горькости. Римл. гл. 3. ст. 13 и 14. — Онъ жестоковыйнъ, и имѣетъ сердце и уши не обрѣзаны, и всегда противится Святому Духу. Дѣян. гл. 7. ст. 15.—Грѣхъ владычествуетъ въ его тѣлѣ, Римл. гл. 4. ст. 12, и онъ повинуется ему въ сластяхъ своихъ. Онъ даетъ свои члены въ рабство нечистотѣ, преходя отъ беззаконія къ беззаконію. Тамъ же, ст. 19. — Руки его осквернены кровію, и персты пороками. Исаія гл. 59. ст. 3.—Ноги его скоры къ пролитію крови; пагуба и озлобленіе на пути его, и онъ незнаетъ мирнаго пути. Римл. гл. 3. ст. 15 и 16.

Сопиковъ при указаніи этой книжки, называетъ ее „Россійскимъ сочиненіемъ"; въ изслѣдованіи Лонгинова „Новиковъ и Московскіе Мартинисты", она не упомянута въ числѣ другихъ напечатанныхъ мартинистами въ 1785 году книгъ, но встрѣчается въ росписи книгъ описанныхъ у Новикова, московскимъ губернскимъ прокуроромъ А. Тейльсомъ, въ типографіи Компанейской. Съ разрѣшенія митрополита С.-Пе-

тербургскаго и Новгородскаго она напечатана въ Москвѣ. Сопиковъ насчитываетъ три изданія этой книжки: 1-е напечатанное 1783 года въ Москвѣ, 2-е, тамъ-же въ 1785 году, оба въ 8° (?) и третье 1805 года въ 12°, въ С.-Петербургѣ. Но 1-е изданіе обозначенное 1783-мъ годомъ едва ли существовало; или можетъ быть въ указаніи года ошибка?

1786.

№ 138. Описаніе Растѣній Россійскаго Государства съ ихъ изображеніями, По Всевысочайшему Повелѣнію, и на иждивеніе **Ея Императорскаго Величества**, изданное **П. С. Палласомъ.** Съ рукописнаго сочиненія перевелъ Василій Зуевъ. — Часть первая.—**Въ Санктпетербургѣ**. печатано въ Императорской типографіи, 1786 года. Въ больш. листъ. I ненум. (посвященіе) VI нум. (Предисловіе), 204 нум. стр. (текстъ) и I ненум. стр. (погрѣшности). 50 таблицъ съ раскрашенными изображ. растѣній.

Сопик. ч. 4. № 7713.—Плав. ч. 1. № 352.—Смирд. ч. III. № 4523. Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838, ст. VI. стр. 176. № 1.—Слов. митр. Евген. т. II. стр. 113.—Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 37.—Бакмейст. Russ. Bibliot. XI Band. s. 32. № 1044.—Катал. изданій Имп. Акад. Н. 1876. стр. 23. № 134.

Палласъ посвящаетъ трудъ свой Екатеринѣ II, „императрицѣ и самодержицѣ пространнаго и въ ея царствованіе на верьхъ величія, славы и блаженства возведеннаго Россійскаго Государства; премудрой, кроткой и премилосердой Матери Отечества“.—Приводимъ ниже изъ обширнаго предисловія къ книгѣ, тѣ мѣста, которыя объясняютъ какъ самый планъ и цѣль сочиненія, написаннаго Палласомъ на латинскомъ языкѣ, такъ и другія, имѣющія отношеніе къ переводу академика Зуева первой только части этого превосходнаго труда.—Послѣ исчисленія всѣхъ, благодѣяній и щедротъ изліянныхъ на Россію Екатериною, авторъ говоритъ: „Между многими ко всегдашней пользѣ своихъ вѣрноподданныхъ клонящимися предпріятіями, Благоволила Ея Императорское Величество по собственному своему Высокоматерному побужденію указать здѣлать Економическое и физическое описаніе всѣхъ, наиболѣе полезныхъ обширной Россійской Имперіи растѣній съ раскрашенными изображеніями, дабы имѣющіяся о полезныхъ сего рода произведеніяхъ свѣденія, содѣлать всѣмъ вѣдомыми, и чрезъ то подать случай неупотребительныя доселѣ, обратить въ употребленіе. Исполненіе сего, толико полезнаго и прямо отъ матернихъ для потомства щедротъ и милосердія проистекающаго предпріятія, Высочайшимъ по-

велѣніемъ 1782 года, возложено на меня подъ управленіемъ Его Сіятельства, Графа Александра Андреевича Безбородко, и въ тоже время нужныя деньги на отрисованіе и вырѣзаніе на мѣди означенныхъ растѣній, коихъ число до 600 простираться должно, на печатаніе и на раскрашеніе, опредѣлены изъ кабинета Ея Императорскаго Величества. Ничто не могло для меня быть вожделеннѣе, ничто пріятнѣе, ниже что почтительнѣе, какъ сія должность, къ исполненію которыя, я издавна изъ одной склонности къ познанію россійскихъ растѣній, предпринявъ по Всевысочайшему повелѣнію въ 1768 году, купно съ другими Академиками физическое путешествіе по Россіи, и продолжая почти чрезъ седмь лѣтъ по всѣмъ россійскимъ и сибирскимъ климатамъ, уже множество потребнаго собралъ. Начало вырѣзыванія на мѣди, которое въ предпріятіяхъ сего рода, равно какъ и раскрашиваніе, наипродолжительнѣйшаго требуютъ времяни, сдѣлано безъ отлагательства; но какъ наибольшая часть не могла быть чинима здѣсь на мѣстѣ, то и начало изданія сего сочиненія не прежде воспослѣдовать могло, какъ въ концѣ 1784 года, когда уже латинскаго „Описанія" первая часть съ пятидесятью изображеніями была готова [1]. Нынѣ слѣдуетъ съ толикимъ же числомъ изображеній россійское „Описаніе" [2], которое, послику еще на природномъ языкѣ таковаго о внутреннихъ растѣніяхъ сочиненія не было, сдѣлано столь обстоятельно и столь подробно, елико Всевысочайшее намѣреніе премудрыя Матери Отечества ко общему благу клонящееся, того требовало, и слѣдовательно гораздо пространнѣе, нежели Латинское, единственно для однихъ ученыхъ писанное,

---

[1] Общее заглавіе латинскаго изданія: Flora Rossica, edita jussu et auspiciis Augustissimae Russorum Imperatricis Catharinae II. Magnae, Piae, Felicis patriae Matris. (Литеры раскрашенныя). Заглавіе къ первой части: Flora Rossica seu stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones. Jussu et auspiciis Catharinae II. Augustae, edidit P. S. Pallas, Tom. I. Pars 1. Petropoli, e Typographia Imperiali. J. J. Weitbrecht. MCCCLXXXIV.—
[2] Какъ для Латинскаго, такъ и для Русскаго изданія служили однѣ и тѣ же доски изображеній растѣній, съ русскими и латинскими подписями; но неимѣнію петербургскими художниками досужнаго времени, приняли на себя раскрашиваніе и гравированіе на мѣди рисунковъ растѣній Н. П. Жакинъ (Jacquin) и С. Д. Шреберъ, частью въ Вѣнѣ, частью въ Нюренбергѣ. Собственно же рисунки изготовлялись К. Ф. Кнаппе, членомъ С.-Петербургской Академіи Художествъ. „Flora Rossica" посвящена императрицѣ въ слѣдующихъ словахъ; Augustissimae Russorum Imperatrici Catharinae II. sapientissimae, clementissimae Parent; Patriae et ingeniorum opus hocce botanicum, quod totum eius Numini debetur D. D. derrotissimus Maiestati eius Petrus Pallas. (Bacm. Russ. Bibl. X. Band. s. 28 und 30).

а потому и печатаніе шло долговременнѣе". За тѣмъ, авторъ доказываетъ несомнѣнную необходимость и пользу познанія растѣній; и соглашаясь съ тѣмъ, что не всѣ изъ нихъ непосредственно полезны человѣку, говоритъ, что нельзя отвергать и того, что служа пищею животнымъ и насѣкомымъ, приносятъ пользу (хотя и не прямо) человѣку. Онъ заключаетъ разсужденіе свое слѣдующею мыслью: „Словомъ, природа во всѣхъ своихъ произведеніяхъ устроила союзъ; все имѣетъ свою пользу; все сотворено на извѣстный конецъ; нѣтъ для наблюдателя ничего, чтобы не заслуживало его вниманія. Правда, изъ врожденнаго намъ корыстолюбія, хотя мы и можемъ заниматься одинѣми тѣми вещами, коихъ польза для насъ собственно извѣстна; однако чрезъ то не должны же упущать разсматривать или презирать и тѣхъ, о коихъ употребленіи мы еще неизвѣстны.

Сего правила буду я держаться и въ семъ сочиненіи. Всѣ извѣстныя, по разнымъ странамъ государства растущія дерева, кустарники и травы, полезныя или ни въ какое употребленіе еще не служащія, описаны будутъ обстоятельно, и для облегченія и большей ясности всѣ виды принадлежащіе къ одному роду, помѣщены будутъ одинъ подлѣ другаго, и оные, если еще никакимъ обыкновеннымъ именемъ не называются, названы будутъ Россійскимъ единожды на всегда. Достойнѣйшія примѣчанія, или полезнѣйшія и притомъ не весьма извѣстныя, будутъ изображены; тѣжъ напротивъ того, кои всѣмъ знакомы и вездѣ встрѣчаются, опишутся только кратко и явственно. Въ описаніяхъ всѣхъ употребительныхъ растѣній упомянуто будетъ обстоятельно о пользѣ какъ въ домостроительствѣ, такъ въ ремеслахъ, художествахъ и въ лѣчебной наукѣ, по колику оная извѣстна; о сѣяніи и разведеніи какъ тѣхъ, кои извѣстны своею пользою, такъ и тѣхъ, кои не извѣстны, съ показаніемъ, елико можно, странъ, въ коихъ онѣ и на какой землѣ въ наибольшемъ количествѣ родятся. Симъ способомъ можно будетъ впредь всякому, если о какомъ либо растѣніи въ разсужденіи его употребленія вновь увѣдано будетъ, оное давать знать, и показавъ мѣсто рожденія, употребленіе его содѣлать всеобщимъ [1].

---

[1] 1782 года, 28 іюля Палласъ напечаталъ объявленіе объ имѣющей выйти въ свѣтъ 1-й части: „Flora Rossica". Это объявленіе форматомъ въ 4°, имѣло слѣдующее заглавіе: „Ankündigung einer auf Allerhöchsten Befehl Ihro Russisch—Kaiserlichen Majestät Catharina der II, herausgegebenden botanich-ökonomischen Beschreibung und Abbildung aller inländischen Bäume, Standen und Pflanzen". Въ этомъ объявленіи между прочимъ сказано, что ничего не будетъ упущено для приданія настоящему труду великолѣнія достойнаго Высокой его виновницы

Поелику сочиненіе сіе изъ Высочайшей Императорской щедроты по всѣмъ странамъ Россійской Имперіи будетъ разослано, то къ усовершенствованію его желать остается, дабы попечительные любители наукъ, директоры экономіи, доктора, лѣкаря, частные домостроители и старательные помѣщики, каждый въ своей волости, или навѣдавшись у простолюдиновъ, или сами что испытавъ въ разсужденіи пользы и употребленія того, либо другаго растѣнія, для пищи ли оно служитъ, или идетъ въ лѣкарство, въ крашеніе или дубеніе, или и просто въ кормъ скотинѣ и проч., благоволили присылать и самыя растѣнія засушивъ, и если можно, и спѣлыя сѣмяна, приложивъ тутъ же переслать. Но болѣе еще покажутъ свою услугу тѣ, кои усмотрѣвъ, что между описанными по порядку растѣніями недостаетъ такого, имъ извѣстнаго и въ сочиненіи семъ неописаннаго, и потому пришлютъ какъ самыя растенія въ бумагахъ сушеныя, такъ и сѣмяна, съ показаніемъ страны, въ которой онѣ родятся. Таковыя приложенія и пособія не останутся въ семъ сочиненіи безъ похвальнаго наименованія присылавшихъ".

Въ заключеніе предисловія, авторъ „Описанія" извѣщаетъ о томъ, что по причинѣ медленнаго приготовленія изображеній и мѣдныхъ досокъ, нельзя было въ настоящемъ сочиненіи расположить въ систематическомъ порядкѣ роды растеній, но что этому недостатку легко помочь общею систематическою росписью. Сверьхъ того, по обѣщанію его будетъ другая роспись съ указаніемъ цѣлительныхъ, употребляемыхъ въ пищу, кормовыхъ, кожевенныхъ и красильныхъ растѣній; къ ней еще приложена будетъ роспись, показывающая каждую главную область государства, гдѣ какія растѣнія родятся, и какія по всему го-

---

(Urheberinn). Въ образецъ принятъ будетъ форматъ превосходнаго творенія Жакина (Jacquin) описавшаго растѣнія австрійскаго государства и вѣнскаго публичнаго сада; причемъ таблицы съ рисунками, будутъ до нѣкоторой степени подражаніемъ находящихся въ означенномъ сочиненіи, удобныхъ по легкой гравировкѣ для раскрашиванія. Подобное же объявленіе появилось за подписью Палласа и на французскомъ языкѣ съ прибавленіемъ въ концѣ извѣщенія о выходѣ въ свѣтъ кромѣ латинскаго, еще русскаго изданія. (Bacm. Russ. Bibl. VIII. Band. s. 131. № 164). Въ предисловіи къ латинскому изданію, отличающемуся отъ русскаго перевода болѣе пространнымъ изложеніемъ, Палласъ съ благодарностью упоминаетъ имяна академика Лепехина и знаменитаго любителя ботаники Прокофья Демидова, изъ которыхъ первый трудился для него въ академическомъ саду, а второй изъ своего московскаго ботаническаго сада, съ готовностью сообщалъ ему сѣмяна и экземпляры сибирскихъ растѣній (Тамъ же X. Band. s. 29).

сударству разсѣяны. Въ концѣ помѣщенъ будетъ указатель всѣхъ упоминаемыхъ въ сочиненіи предметовъ.

Академикъ Палласъ при трудѣ своемъ пользовался частью сочиненіями своихъ ученыхъ предшественниковъ: Шобера, Галлера, Буксбаума, Мессершмидта, Гербера, Гейнцельмана, Аммона, Гмелина (старшаго), Стеллера, Крашенинникова, Лерхе и другихъ, о жизни и трудахъ которыхъ онъ сообщаетъ краткія свѣденія; изъ современниковъ своихъ, сочиненіями Фалька, Гмелина (младшаго), Лепехина, Гильденштедта, Лаксмана, Георги, Патрина, Зуева, Габлица и Шангина; частью же, само собою разумѣется, своими собственными наблюденіями и трудами, съ приложенными къ нимъ рисунками разныхъ родовъ растѣній, и богатѣйшимъ своимъ гербаріумомъ.

Русскій переводъ 1-й части сочиненія Палласа, сдѣланный академикомъ Зуевымъ[1], по справедливости можно назвать для того времени безукоризненнымъ; онъ отличается, какъ чистотою, правильностью языка, такъ и точнымъ переводомъ всѣхъ научныхъ, техническихъ названій предметовъ относящихся къ описываемымъ растѣніямъ. Что касается до самаго изданія, то оно по внѣшности великолѣпно; напечатано на александрійской бумагѣ, довольно крупнымъ и красивымъ шрифтомъ.—Намъ остается приступить къ перечню растѣній, подробное описаніе которыхъ составляетъ текстъ книги, и указаніемъ таблицъ съ изображеніями. Считается нужнымъ замѣтить, что при описаніи каждаго растѣнія, помѣщено наименованіе его на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ; кромѣ того на многихъ восточныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ народовъ населяющихъ Россію. При перечнѣ растѣній въ русскомъ переводѣ, сочли мы неудобнымъ повторять названія ихъ на различныхъ и многочисленныхъ вышепомянутыхъ языкахъ, за исключеніемъ латинскихъ:

1. Лиственица (Pinus Larух). Табл. 1. стр. 1—7.—Слабительная Лиственичная Губа (Boletus Larycinus) стр. 7—9.—11. Табл. II.

---

[1] Василій Федоровичъ Зуевъ, род. 1 января 1754 г. и ум. 8 января 1794 г. Путешествовалъ съ Палласомъ по Россіи; послѣ Сырейщикова былъ редакторомъ ежемѣсячнаго изданія „Растущій Виноградъ" (1785—1787), составлявшагося учениками народнаго училища; онъ издалъ „Путешественныя Записки отъ С.-Петербурга до Херсона. Спб. 1787; учавствовалъ въ переводѣ Естественной Исторіи Бюффона. 2 ч. Спб. 1786 г. Для народныхъ училищъ издалъ „Сокращеніе Естеств. Исторіи, напечатанное въ 1787 г. Онъ также помѣщалъ статьи въ историческихъ календаряхъ. Въ 1791 году представилъ Академіи русскій переводъ книги: Описаніе Гренландіи, соч. Эггада, миссіонера и епископа Гренландскаго.

Сибирскій Кедръ (Pinus Cembra) стр. 9—14.—Сосна (Pinus sylvestris) стр. 15—22.—Приморская Сосна (Pinus maritima) стр. 23—24.—Ель (Pinus Abies) стр. 23—28.— Пихта (Pinus Picca) стр. 28—30.—Кленовыя породы: Кленъ (Acer Platanavides) стр. 31—33.—Большой или Бѣлый Кленъ (Acer Pseudoplatanus) стр. 33—34.—Черноклёнъ (Acer Campestre) стр. 35—36.—Табл. III. Неклёнъ (Acer Tataricum) стр. 36—37.—Лоховая порода: Табл. IV. Лохъ степной Elaeagrus angustifolia) стр. 38—39.—Табл. V. Лохъ широколиственный (Elaegrus Orientalis) стр. 40.—Миндальная порода: Миндальное Дерево (Amygdalus communis) стр. 41—42.—Табл. VI. Бобовникъ или Дикой Персикъ (Amigdalus nana) стр. 42—44.—Табл. VII. Бобовникъ Подбѣлъ (Amygdalus incana) стр. 45.—Персиковое Дерево (Amygdalis Persica) стр. 46—47.—Табл. VIII. Сливная и Вишневая породы. Каменная Слива (Prunus Sibirica) стр. 48—49.—Курега или Абрикозъ (Prunus Sibirica) стр. 49—51.—Черемуха Душистая (Prunus Mahaleb) стр. 51—52.—Черемуха простая (Prunus Padus) стр. 52—54.—Черемуха Кавказская (Prunus Caucasica) стр. 54—55.—Черемуха Лавровая (Prunus Laurocerasus) стр. 56—57.—Тернъ (Prunus epinosa) стр. 57—58.—Черносливникъ (Prunus domestica) стр. 58—60.—Черешня (Prunus avium) стр. 60—61.—Вишенка (Prunus fructicosa) стр. 62—63.—Грушевая и Яблонная породы. Груша Лѣсная (Pyrus communis) стр. 64—66. Табл. IX. Лоховая Груша (Pyrus salicifolia) стр. 67—68.—Айва или Квитъ (Pyrus Cydonia) стр. 69—71.—Лѣсная яблонь (Pyrus Malus) стр. 71—73.—Лѣтняя яблонь Pyrus prœcox) стр. 73—74. — Яблочки Сибирскіе (Pyrus baccata) стр. 74—76.—Боярышники. Бѣлолиственный Боярышникъ (Crataegus Aria) стр. 77—78.—Кленолиственный Боярышникъ (Crataegus torminalis) стр. 78—79 [1].—Табл. XI. Горный Боярышникъ (Crataegus sanguinea) стр. 79—82.— Боярышникъ (Crataegus monogyna rubra) стр. 82—83.—Табл. XII. Боярышникъ Глодъ (Crataegus monogina nigra) стр. 83—84.—Восточный Боярышникъ (Crataegus orientalis) стр. 84—85.—Боярышникъ Ацаролъ (Crataegus Azarobus) стр. 85—86.—Рябины. Рябина простая. (Sorbus aucuparia) стр. 87—89.—Рябина Садовая (Sorbus domestica) стр. 89—90.—Чишковыя породы. Табл. XIII. Чишковое дерево. (Mespilus germanica) стр. 91—93.—Чишковый Теричь (Mespilus Pyracantha) стр. 93—94.—Табл. XIV. Ирга или Кизильникъ (Mespilus Cotoneaster) стр. 94—96.—Таволговая порода.—Табл. XV. Дуболиствая или лѣсная Таволга (Spi-

---

[1] Таблица X не означена въ текстѣ.

rea chamaedrifolia) стр. 97—99.—Табл. XVI. Березолистная Таволга (Spirea betulifolia) стр. 99—100.—Табл. XVII. Калинолистная Таволга (Spirea Trilobata) стр. 100—101.—Табл. XVIII. Каменная Таволга (Spirea thalictroides). стр. 101.—Табл. XIX. Сѣрая Таволга. (Spirea crenata). стр. 102—103.—Табл. XX. Сопошная Таволга (Spirea Alpina) стр. 103—104.—Табл. XXI и XXII. Иволистная Таволга (Spirea salicifolia) стр. 104—106.—Табл. XXIII. Алтайская Таволга (Spirea Altaica) стр. 106—107.—Табл. XXIV и XXV. Таволга Рябинолистная (Spirea Sorbifolia) стр. 107—109.—Табл. XXVI. Донникъ Колосистый (Spirea Aruncus) стр. 109—110.—Донникъ Корепистый, Донная трава или землянные орѣшки (Spirea Filipendula) стр. 110—112.—Лобасникъ (Spirea Ulmaria) стр. 112—114.—Табл. XXVII. Сибирскій Донникъ или Журинъ (Spirea Palmata) стр. 114—115.—Табл. XXVIII. Камчатскій Донникъ (Spirea Camtschatica) стр. 116—117.—Пьянишники. Табл. XXIX. Понтійскій Пьянишникъ (Rhododendron ponticum) стр. 118—119.—Табл. XXX. Черногривъ или Келарскъ. (Rhododendron Chrysanthum). стр. 119—124.—Табл. XXXI. Кавказскій Пьянишникъ (Rhdodendron Caucasicum). стр. 124—126.—Табл. XXXII. Боровой Пьянишникъ. (Rhododendron Dauricum). стр. 126—128.—Табл. XXXIII. Камчатскій Пьянишникъ. (Rhododendron Camtschaticum). стр. 128—129.—Курослѣпники. Деренъ (Cornus Mascula) стр. 130—131.—Свѣтовникъ или Слѣпокурникъ (Cornus sanguinea). стр. 132—133.—Табл. XXXIV. Курослѣпникъ (Cornus Alba) стр. 133—135.—Вороньи Ягоды или Назомица (Cornus herbacea) стр. 135—136).—Ягодковая порода. Табл. XXXV. Ягодки Алтайскія (Daphnae Altaica). стр. 137.—Ягодки Грузинскія (Daphnae pontica). стр. 138.—Ягодки обыкновенныя. (Daphnae Mezereum). стр. 138—140.—Ягодки Горскія (Daphnae Caucasica). стр. 141—Жимолости. Жимолость Козелистная (Lonicera Caprifolium). стр. 142—143.—Жимолость обыкновенная. (Lonicera Xylosteum). стр. 143—144.—Жимолость Горская (Lonicera Alpigena). стр. 144—145.—Тогустунъ. (Lonicera Caucasica). стр. 145—146.—Табл. XXXVI. Жимолость Татарская (Lonicera tatarica). стр. 147—148.—Табл. XXXVII. Жимолость Голубая. (Lonicera Coerulea). стр. 149—150.—Табл. XXXVIII. Жимолость Монгольская. (Lonicera Mongolica) стр. 150—151.—Березовыя породы. Табл, XXXIX. Береза Черная. (Betula Daurica). стр. 152—153.—Береза простая. (Betula alba). стр. 153—159.—Табл. XL. Березовый Ерьникъ (Betulıa fructicosa). стр. 159=160.—Березка или Березовникъ. (Betulla nana). стр. 161—162.—Ольха Простая или Красная (Betula Alnus). стр. 162—165.—Ольха Бѣлая или Ос-

тролистная. (Betula incana). стр. 165—166.—**Тополевыя породы.** Осина. (Populus tremula). стр. 167—171.—Осокорь (Populus nigra). стр. 171—173.—Тополь. (Populus alba). стр 174—175.—Табл. XLI. Осокорь Душистая. (Populus balsamifera). стр. 175—177.—**Гороховики.** Табл. XLII. Сибирское гороховое дерево. (Robina Altagana) стр. 178—180.—Табл. XLIII. Желѣзникъ. (Robina frutescens). стр. 180—181.—Табл. XLIV. Харгана (Robina ferox). стр. 182—183.—Табл. XLV. Золотарникъ. (Robina pygmaca). стр. 183—185.—Таб. XLVI. Терновникъ или Жидовникъ. (Robina, Halodendron). стр. 185—186.—**Ракитники.** Табл. XLVII. Ракитникъ Вольскій (Cytisus pinnatus). стр. 187—188.—Ракитникъ или Чижовникъ (Cytisus hirsutus). стр. 188—189.—Ракитникъ Луговой. (Cytisus austriacus). стр. 189—191.—**Илимовыя породы.** Вязъ (Ulmus laevis). стр. 192—193.—Илимъ. (Ulmus campestris). стр. 194—197.—Табл. XLVIII. Карагачъ. (Ulmus pumila). стр. 197—199.—Табл. XLIX. Бѣлолозая Ткенна (Lycium tataricum). стр. 199—200.—Табл. L. Заманиха (Nitraria). стр. 201—203.—**Прибавленіе.** стр. 204: Къ описанію Черемухи. стр. 52, и Боярышника горнаго, стр. 79.

Русскій переводъ сочиненія Палласа былъ перепечатанъ въ Тобольскѣ и указанъ Геннади въ его книжкѣ „Русскія Книжныя рѣдкости" съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Описаніе Растѣній Россійскаго Государства, изд. П. С. Палласомъ. Въ Тобольскѣ, въ типографіи Василья Корнильева. 1792. 4°. VI и 233 стр. (Находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ [1]. (Безъ рисунковъ).

№ 139. **Журналъ путешествія** Его Высокородія господина Статскаго Совѣтника и ордена Святаго Станислава Кавалера **Никиты Акинфіевича Демидова.** По иностраннымъ Государствамъ съ начала выѣзда Его изъ Санктъ Петербурга 17 Марта 1771 года по возвращеніе въ Россію, Ноября 22 дня 1773 Года. Печатано въ Москвѣ, въ Типографіи у содержателя Ф. Гиппіуса 1786 года. 4°. 1 ненум., 164 нум., и 2 ненум. стр. (погрѣшности). Портретъ Демидова грав. на мѣди.

Сопик. Ч. 3. № 4106. Плавильщ. Ч. II. № 3531.—Каталогъ Демидова. Стр. 232.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. стр. 359 № 5.—Березин. Ширяев. Матеріал. для Библіогр. кн. VIII. 1870. стр. 44.—Геннади. Справочн. Словарь. т. 1. стр. 289.—Бант. Камен. Словарь достоп. люд. Русск. земли 1836. Ч. 2. стр. 193.

---

[1] Русскія Книжныя рѣдкости. стр. 65. № 79. Это изданіе пропущено нами при исчисленіи книгъ напечатанныхъ въ концѣ XVIII столѣтія въ Тобольскѣ, въ типографіи В. Корнильева. Матеріалы Губерти. Вып. 2-й. стр. 333.

На первой невум. страницѣ помѣщено слѣдующее „Предъувѣдомленіе", напечатанное курсивомъ: „Главнымъ побужденіемъ къ предпріятію Его Высокородіемъ Никитою Акинфіевичемъ сего путешествія, была безпрестанная болѣзнь Александры Евтиховны, Его супруги: ибо Господа Медики ее пользовавшіе, употребивъ многіе способы своего знанія, но безъ успѣха, напослѣдокъ отозвались, что къ ея исцѣленію другова средства они не находятъ, кромѣ какъ ѣхать къ водамъ, въ Спа находящимся. Сей совѣтъ и надежда, чтобъ видѣть въ совершенномъ здоровьѣ свою супругу, побудили его предпріять столь дальній путь. Сей же журналъ издается для Его фамиліи въ единственное напамятованіе тѣхъ мѣстъ, кои въ чужихъ краяхъ по возможности видѣть случилось".

Журналъ начинается со дня выѣзда Н. А. Демидова изъ Петербурга въ Ригу; оттуда поѣхалъ онъ въ Пруссію, гдѣ посѣтилъ города: Кенигсбергъ, Оснабрюкъ, Гальберштадтъ, Дюссельдорфъ, Ахенъ, и достигъ наконецъ Спа. Здѣсь въ то время, кромѣ нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ находились многія изъ русскихъ высокопоставленныхъ особъ, какъ то: княгиня Екатерина Романовна Дашкова съ сыномъ и дочерью, Пелагея Федотовна Каменская, генералъ-поручикъ Николай Ивановичъ Салтыковъ съ супругою, племянникомъ Салтыковымъ же, и адъютантомъ Ламздорфомъ; княжна Прасковья Васильевна Урусова, Камеръ-юнкеръ, князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ, полковникъ баронъ Александръ Николаевичъ Строгоновъ съ супругою Елизаветою Александровною; камеръ-юнкеры: графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, Адріанъ Ивановичъ Дивовъ; совѣтники посольства: Михаилъ Ивановичъ Плещеевъ и Иванъ Алексѣевичъ Воронцовъ.— Всѣмъ поименованнымъ лицамъ, знаменитые жители Спа, вздумали дать обѣдъ, которымъ угощали ихъ въ гостинницѣ „à la ville de Londres", и провожали изъ города Спа верьхами до Ліежа, откуда Демидовъ съ супругою продолжали путь въ Голландію, гдѣ посѣтили городъ Антверпенъ, и послѣ краткаго въ немъ пребыванія, поплыли на яхтѣ въ Роттердамъ, потомъ въ Амстердамъ; ѣздили въ Гарлемъ и Лейденъ, который осмотрѣвъ, отправились въ Гагу, Брюссель, и наконецъ прибыли въ Парижъ, гдѣ прожили три мѣсяца, и въ продолженіи этого времени осматривали все болѣе или менѣе достопримѣчательное въ столицѣ Франціи. Н. А. Демидовъ оставя супругу свою по нездоровью ея, въ Парижѣ на попеченіе знакомаго ему г. Берлира и его семейства, предпринялъ путь въ Англію; прибывъ въ Лондонъ, остановился на первый случай у находившагося тамъ въ то время при минис-

терствѣ русскаго священника Самборскаго, который проводилъ пріѣзжаго въ нанятую для него квартиру. Пробывъ въ Лондонѣ около мѣсяца, и осмотрѣвъ тамъ все, заслуживающее вниманія, Демидовъ отправился обратно въ Парижъ. Продолжительное въ немъ пребываніе, безъ сомнѣнія оставило въ немъ впечатлѣніе, и вызвало съ его стороны, слѣдующую помѣщенную въ журналѣ замѣтку о французскихъ нравахъ. Эта замѣтка принадлежитъ собственно Демидову и тѣмъ интересна, что представляетъ собою наблюденія русскаго человѣка и крупнаго богача пріѣхавшаго въ Парижъ за сто лѣтъ тому назадъ: „Поживши довольное время въ Парижѣ", пишетъ Демидовъ, „намѣренъ я теперъ краткое о немъ, и о жителяхъ его, наконецъ сдѣлать описаніе [1]. Здѣсь (т. е. въ Парижѣ) отъ излишняго оказанія дружбы безпрестанно обнимаются; а нѣкоторые другъ друга терпѣть не могутъ. Народъ по большей части занимается операми и другими позорищами.

Красота женскаго пола въ Парижѣ подобна часовой пружинѣ, которая сходитъ каждыя сутки, равнымъ образомъ и прелесть ихъ заводится всякое утро; она подобно цвѣту, который рождается и умираетъ въ одинъ день. Все сіе дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣленіемъ, промываніемъ. Потомъ прогоняютъ блѣдность, и совсѣмъ закрываютъ черный и грубый цвѣтъ; напослѣдокъ доходитъ очередь и до помады для намазыванія губъ и порошка для чищенія зубовъ. Наконецъ являются губки, щетки, уховертки, и въ заключеніе лоделавандъ, разные духи, эссенціи и благоуханія; и всякой изъ сихъ чистительныхъ составовъ и сосудовъ, разное имѣетъ свое свойство; надлежитъ сдѣлать бѣлую кожу, придать себѣ хорошую тѣнь, загладить морщины на лбу, дать блескъ глазамъ, розовыми учинить губы; словомъ, надобно до основанія переиначить лице, и изъ стараго произвести новое.

Здѣсь есть столь снисходительные книгопродавцы, что за двѣ копѣйки продаютъ астрономію въ маленькой книжкѣ, называемой календарь; сочиненіе сіе весьма полезно, ибо хорошая и дурная погода находятся всегда въ карманѣ. Въ ихъ книгохранительницахъ имѣются сочиненія сходствующія со вкусомъ покупщиковъ. Есть въ нихъ писанныя о законѣ, а несравненно болѣе разрушающія оной, одно сочиненіе поучаетъ высочайшимъ добродѣтелямъ, а другое гнуснѣйшимъ порокамъ; сіе вперяетъ въ сердце благочестіе, а то, срамнѣйшую рос-

[1] Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Журнала" Демидовъ говоритъ отъ своего лица, въ другихъ о немъ говорится въ третьемъ лицѣ.

кошь; первыя читаются весьма мало, понеже народъ развратился; другіяжъ продаются весьма дорогою цѣною и съ великой тайностію; ибо царствуетъ во Франціи такое благоустроеніе, которое, сказываютъ, можетъ осудить на галеру книгопродавца приличеннаго въ таковой торговлѣ.

Около уже цѣлаго столѣтія, нѣкоторый Французской Государь запретилъ своимъ подданнымъ убивать себя, но сей указъ послужилъ только къ приведенію ихъ въ новое замѣшательство; ибо обезчесчивается тотъ, кто слѣдуетъ закону; а наказаніе предлежитъ, кто ему не повинуется. Человѣкъ, повинующійся въ семъ случаѣ государскому приказанію почитается тамъ за труса; его убѣгаютъ, и выгоняютъ вонъ изъ своихъ обществъ; а преступающій оное нарицается нарушителемъ общественнаго спокойствія. Таковое заблужденіе покажется всякому несноснымъ; но дивиться нечему, потому что злоупотребленія заграждаютъ уста благоразумію.

А другіе, которые хотятъ прослыть нѣжно воспитанными, выключая Аббсевъ, тѣ питаются супомъ алоаньюномъ, оливками, зеленымъ горохомъ, произрастеніями и другимъ полуяденіемъ, дабы не получить индижестіи" (Журн. стр. 61).—Въ заключеніе замѣтки, находится извѣстіе объ обращавшейся въ то время въ Парижѣ мѣдной, полусеребрянной, серебрянной и золотой монеты съ показаніемъ стоимости ея на русскія деньги; также вѣсъ употреблявшійся при свѣшиваніи товаровъ (стр. 62, 63). Такое же свѣдѣніе помѣщено въ „Журналѣ" о деньгахъ обращавшихся въ другихъ странахъ.

Демидовъ упоминаетъ о всѣхъ русскихъ находившихся тогда на водахъ Спа, и съѣхавшихся въ Парижъ; то были: баронъ Григорій Николаевичъ Строгоновъ съ супругою и свояченицею, Михаилъ Савичь Бороздинъ съ супругою, Василій Алексѣевичь Карръ, Алексѣй Ивановичь Мусинъ-Пушкинъ и совѣтникъ посольства Яковъ Ивановичь Булгаковъ, жившій у Демидовыхъ; князь Николай Алексѣевичь Голицынъ и Петръ Александровичь Собакинъ. „Мы частыя имѣя свиданія", пишетъ Демидовъ, „бывали вмѣстѣ, отъ чего столько было весело, что почти не видали, какъ время проходило" (стр. 70).—Будучи въ Женевѣ, онъ прежде всего озаботился отыскать проживавшаго тамъ родственника своего по первой женѣ Авраама Павловича Веселовскаго; явился также къ Демидову Позье, бывшій при русскомъ дворѣ лѣтъ тридцать ювелиромъ, и упрашивалъ его къ себѣ на обѣдъ, на которомъ присутствовали Веселовскій съ семействомъ и князь Федоръ Николаевичь Голицынъ.—Въ бытность свою въ Италіи, обозрѣвъ многіе замѣчательные города, Демидовъ, по пріѣздѣ въ Римъ, въ тотъ

же вечеръ принялъ посѣщеніе проживавшаго тамъ Ивана Ивановича Шувалова, который представилъ Демидовыхъ папѣ Ганганелли, принявшему ихъ весьма благосклонно, при всевозможныхъ лучшихъ съ своей стороны имъ пожеланіяхъ.—Изъ „Журнала" путешествія Демидова видно, что ничто болѣе или менѣе достопримѣчательнаго во время пребыванія въ чужихъ краяхъ не ускользало отъ его любознательности. Всѣ великіе памятники древности, замѣчательные храмы, академіи, музеи, библіотеки, учебныя заведенія, театры, фабрики и заводы въ разныхъ европейскихъ странахъ тщательно и безпристрастно имъ осматривались; причемъ онъ, какъ мы видѣли выше, сообщилъ наблюденія свои относительно нравовъ, обычаевъ жителей Парижа и времяпровожденія тамъ прекраснаго пола. — Демидовъ пользовался, какъ видно изъ „Журнала", пріязнью и уваженіемъ не только высокопоставленныхъ своихъ соотечественниковъ и почетнѣйшихъ иностранцевъ, но и даже вниманіемъ многихъ изъ числа высокихъ владѣтельныхъ особъ. Обладая обширными матеріальными средствами, Демидовъ имѣлъ возможность не отказывать себѣ въ пріобрѣтеніи различныхъ художественныхъ предметовъ, древностей, драгоцѣнностей и рѣдкихъ, необычайныхъ произведеній природы; въ „Журналѣ" отмѣчалось каждая покупка, почти всегда съ обозначеніемъ ея цѣны, начиная отъ болѣе важныхъ предметовъ и кончая мѣлочами; дорогая цѣна не могла остановить любознательнаго богача, когда дѣло шло о удовлетвореніи страсти къ изящному или замѣчательному. Такъ онъ между прочимъ, заказалъ въ Парижѣ знаменитому Вернету картину съ изображеніемъ бури и кораблекрушенія (стр. 23); Росселину портреты, и русскому скульптору Шубину, возвратившемуся въ то время изъ Рима въ Парижъ, свой и супруги своей мраморные бюсты; съ этимъ же художникомъ отправился онъ въ Италію, чтобы тамъ, подъ руководствомъ послѣдняго, изучать римскія древности, и другіе замѣчанія достойныя предметы.—Наконецъ, обогащенный новыми свѣдѣніями и любопытными, драгоцѣнными предметами произведенія природы и искусствъ, Демидовъ возвратился въ отечество свое, привезя съ собой двухъ малютокъ—сына и дочь, которыми во время путешествія подарила его супруга.

№ 140. **Мѣсяцословъ на Лѣто** отъ Рождества Христова **1786**, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—**Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 167 нум. стр. (считая заглавн. листъ) послѣднія двѣ стр. (оглавленіе).

Геннади Справочн. Словарь. т. 2. стр. 366.

Въ мѣсяцословѣ извѣщается о шести затмѣніяхъ: трехъ солнечныхъ и трехъ лунныхъ, и всѣ они, кромѣ одного луннаго, не будутъ видимы въ Петербургѣ. Первое солнечное затмѣніе послѣдуетъ 19-го января, раннимъ утромъ; второе 14-го іюля послѣ полуночи, и третье 9-го декабря по полудни. Изъ лунныхъ затмѣній первое произойдетъ 3-го января по полудни, второе 30 іюня утромъ, третье, ночью съ 23-го на 24-е число декабря, и будетъ видимо въ Петербургѣ. Кромѣ означенныхъ затмѣній, сообщается о замѣчательномъ явленіи, а именно прохожденіи Меркурія мимо солнца утромъ 23-го апрѣля; за тѣмъ поимяновываются тѣ страны свѣта и мѣста, гдѣ прохожденіе помянутой планеты можетъ быть примѣтно; въ заключеніе объявлено при какихъ обстоятельствахъ будетъ оно видимо въ Петербургѣ: вступленіе центра Меркурія въ солнце послѣдуетъ въ 4 часа 15 м. утромъ; средина въ 6 ч. 54 м., а выходъ этой планеты изъ солнца въ 9 ч. 34 м.; слѣдовательно, Меркурій видѣнъ будетъ въ солнцѣ 5 часовъ и 19 минутъ.

Городовъ, устроенныхъ вновь въ Намѣстничествахъ показано 216.—Въ продолженіи хронологическаго списка достопамятнѣйшихъ произшествій въ 1784 и 1785 годахъ, отмѣчаемъ слѣдующія: 1784 годъ... Октябрь 14. Ворвавшіеся чрезъ рѣку Аласанъ въ области Георгіи Лесгиры, были прогнаны назадъ деташементомъ Россійскаго войска, съ великимъ урономъ.—Ноябрь 25. Было въ Имп. Россійс. Академіи, въ день основанія оной, въ знакъ всепреданнѣйшей благодарности Ея Имп. Величеству, основательницы и покровительницы оной, чрезвычайное собраніе. — 30. Лишилась Санктпетербургская Академія Наукъ ученаго сочлена, Профессора вышней Маѳематики, Андрея Лекселя на 45-мъ году его жизни. — Декабрь 13. Ея Импер. Высоч. В. Княгиня Марія Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени В. Княжною Еленою Павловною.—17. Открыто Олонецкое Намѣстничество. — 22. Происходило крещеніе Ея Импер. Высочес. новорожденной Вел. Княжны Елены Павловны съ обыкновеннымъ торжествомъ. 29. Были допущены отправленные Его Свѣтлостью царемъ Имеритскимъ Давыдомъ къ здѣшнему Императорскому двору посланники, Католикосъ Максимъ, сердаръ и гофмаршалъ князь Церетелли и верховный судія Квинихизе на публичную аудіенцію, гдѣ они именемъ какъ самаго царя, такъ и всѣхъ подданныхъ, подверглись подъ власть и сильное покровительство Ея Имп. Величества, яко главы всѣхъ правовѣрныхъ сыновъ Восточной Каѳолической церкви и великой обладательницы и защитницы греческихъ народовъ.—Число родившихся въ Санктпетербургѣ нынѣшняго

года, простиралось до 6052; число умершихъ до 5214; бракомъ сочетавшихся до 1367.—Черезъ Зундъ прошло 10852 корабля, а въ здѣшнюю гавань прибыло 890 кораблей, въ которомъ числѣ было 81 Россійскихъ да пять Американскихъ.—Цѣна вывозимыхъ товаровъ составляла 12,941,513 р., а привозимыхъ 12,172,345 р.—Таможенные поборы въ С.-Петербургѣ и Кронштатѣ простирались до 3,109,385 рублей.—1785. Январь 1. Правительствующій сенатъ говорилъ отъ имени всего отечества Ея Имп. Величеству благодарственную рѣчь за изліянныя въ протекшій годъ на Россійскую Имперію благотворенія.—3. Въ здѣшнемъ Императорскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для дѣвицъ перваго возраста, а 15-го для четвертаго возраста, учиненъ въ Высочайшемъ Ея Имп. Величества присутствіи публичный экзаменъ.—11. При здѣшней С.-Петербургской Имп. Академіи Наукъ, вторичнымъ опытомъ подтверждено, что при естественной стужѣ двадцати двухъ градусовъ по Реомюрову термометру, чрезъ смѣшеніе снѣга съ селитреннымъ спиртомъ усиленной, очищенная сурьмою ртуть, уже при тридцатомъ градусѣ термометра замерзаетъ. Изъ сихъ опытовъ понимать можно стужу въ Сибири бывающую, которая доселѣ казалась быть выше общаго понятія.—14. При полномъ собраніи членовъ здѣшней Императорской Академіи Наукъ, Директоръ оныя, Ея Сіятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова соизволила торжественно поставить марморной, фарфоровыхъ заводовъ модельнымъ мастеромъ и профессоромъ живописи и скульптуры Берлинской Королевской Академіи Художествъ, весьма потрафленной и прекрасно выработанной грудной портретъ покойнаго академика Леонарда Эйлера, на укрѣпленной въ залѣ противъ главнаго мѣста италіанскаго мармора піедесталъ. — 21. Ея Имп. Величество, Всемилостивѣйше удостоивъ здѣшнее главное народное училище высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ, изволила немалое время слушать преподаваемыя воспитывающемуся тамъ юношеству наставленія. Для незабвенной таковаго всемилостивѣйшаго посѣщенія памяти, выставлена въ четвертомъ классѣ, яко первоудостоенномъ Всевысочайшаго присутствія, марморная доска съ слѣдующею золотыми буквами надписью: И посѣти виноградъ, его же насади десница твоя. 1785 лѣта, мѣсяца Генваря 21 дня.—Апрѣль 21. Ея Имп. Велич. соизволила предоставить Россійскому Дворянству отличныя права, вольность и преимущества, и всемилостивѣйшее о томъ соизволеніе утвердить своеручнымъ подписаніемъ, учредивъ того же самаго дня особымъ манифестомъ равно и городовой уставъ.—Открыто въ Воронежѣ всенародное училище.—Май 24. Соизволила Ея Имп. Величество предпріять путешествіе къ находящимся

у Вышняго Волочка водянымъ коммуникаціямъ, а оттуда въ столичной городъ Москву.—Іюнь 19. Ея Имп. Величество соизволила при вожделѣнномъ здравіи, водянымъ путемъ возвратиться въ здѣшнюю столицу, изъ своей всевысочайше въ Вышній Волочекъ и Москву предпринятой поѣздки. — 27. С.-Петербургская Акад. Наукъ лишилась своего старшаго сочлена, дѣйств. статск. сов. Якова Яковлевича фонъ Штелина, которой производя при оной пятидесятилѣтнюю службу, скончался на 77 году отъ рожденія.—Іюль 3. Ея Имп. Велич. всевысочайше соизволила обозрѣть всѣ производимыя на Сестрорѣцкихъ заводахъ работы.—14. Ея Имп. Велич. всевысочайше изволила повелѣть обнародовать манифестъ, въ коемъ объявляется, что всѣмъ иноземцамъ, желающимъ поселиться въ городахъ и селеніяхъ подъ Россійскою державою состоящаго Кавказскаго Намѣстничества, позволяется отправлять безпрепятственно торги, промыслы, упражненія и ремесла, при свободномъ исповѣданіи вѣры ихъ, и всемилостивѣйше предоставляются права и выгоды въ соуравненіи съ прочими подданными.—Сентябрь 15. Въ Нижнемъ Новгородѣ открыто всенародное училище.

Вносимъ въ эту лѣтопись еще два событія, хотя и не имѣющія никакого отношенія къ Россіи, но сами по себѣ замѣчательныя. Подъ 1785-мъ годомъ, мая 15-го, стр. 99: Г. Профессоръ Пилатръ дю Розіеръ, которой, первой изъ смертныхъ отважился 1783 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ съ Монголфіеровою машиною вознестись на воздухъ, въ сотоварществѣ старшаго гос. Ромена, предпріялъ произвесть уже давно повѣщенное воздушное путешествіе изъ Булоніи въ Доверъ. Они въ 7 часовъ утра поднялись на высоту, но въ 200 саженяхъ надъ поверхностью земли, загорѣлась машина, и оба воздушные путешественники разшиблись бѣдственнѣйшимъ образомъ.—Второе событіе есть надѣлавшее въ свое время во Франціи и всей Европѣ столько шуму: дѣло о похищеніи знаменитаго ожерелья: 1785 Августъ 15 (стр. 100): Кардиналъ Принцъ Людвигъ Роганъ, будучи въ Версалѣ, взятъ подъ арестъ, отосланъ въ Бастилль, и парламенту отданъ на изслѣдованіе.

Къ особамъ составляющимъ Императорскій домъ, въ настоящемъ мѣсяцословѣ присоединилось имя родившейся въ 1784 году В. Княжны Елены Павловны.

1787.

№ 141. Изслѣдованіе философскихъ и нравственныхъ **Проповѣдей.**—Переводъ съ Нѣмецкаго языка. **Москва.** Въ Типографіи

Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1787. 8°. 171 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. ч. 3 № 4516.—Лонгин. Новиковъ и Москов. Мартин. стр. 281.—Геннади. Справочн. Словарь о Русск. Писат. т 2, стр. 52.

Въ началѣ книги помѣщено напечатанное курсивомъ письмо къ издателю, помѣченное изъ Г... отъ 29 августа 1767 года, въ которомъ пишущій возвращая рукопись, благодаритъ за сообщеніе ему этого, по словамъ его, превосходнѣйшаго сочиненія, и считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать автору его, кто бы онъ ни былъ, величайшее свое почтеніе, и говоритъ, что еслибы зналъ его, то не оставилъ бы сильнѣйшими убѣжденіями побудить его къ изданію въ свѣтъ его труда, написаннаго съ глубокой и основательной ученостію. „И если я", продолжаетъ пишущій, „хотя нѣсколько разумѣю языкъ истинны и сердца, то авторъ долженъ быть безъ сомнѣнія человѣкъ весьма добродѣтельный. Черты души его любящей истинну, и пронзенной евангельскою вѣрою, повсюду столь сильно изражены, что нельзя не принять ихъ вмѣсто его самаго". Заявляя о великомъ удовольствіи, которое ощущалъ во время чтенія настоящаго сочиненія, апологетъ автора и труда его, выражаетъ желаніе, чтобы большинство духовныхъ лицъ подобнымъ образомъ проповѣдывали, и такимъ же смысломъ управляемы были, какъ того желаетъ авторъ. Продолжая убѣждать издателя не замедлить обнародованіемъ этого труда, которому по всей вѣроятности отдадутъ справедливость, пишущій письмо полагаетъ, что столь полезное во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіе, не можетъ быть причиною „соблазна и претыканія", тѣмъ болѣе, что помимо многихъ свѣденій, служащихъ къ большему объясненію истинны, все содержаніе его очевидно прямо направлено къ славѣ Іисуса Христа и приращенію дѣятельнаго христіанства; онъ высказываетъ мысль, что надлежитъ когда нибудь вывесть изъ заблужденія тѣхъ, которые неизвѣстно почему, всѣ нравственныя проповѣди называютъ „социніанскими", для чего, какъ нельзя лучше, могло бы послужить настоящее сочиненіе. За тѣмъ авторъ письма съ готовностью принимаетъ на себя обязанность отвѣчать на всѣ возраженія, могущія появиться по поводу изданія въ свѣтъ этого труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ издателя заявить всенародно, что рукопись досталась ему по особенному случаю, и что найдя въ ней спасительныя, сильно выраженныя истинны, равно какъ по причинѣ полезнѣйшаго ея содержанія, онъ почелъ ее достойною изданія. По его мнѣнію, въ ней находится много такихъ

вещей, которыя для блага истины, богословы должны точнѣе и опредѣлительнѣе обработать.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ предисловіи, издатель книги говоритъ, что хотя имя автора ея и неизвѣстно, но что каждый читая ее, легко усмотритъ истинно благую и христіанскую цѣль его, состоящую въ показаніи, что надлежитъ поучать христіанской вѣрѣ въ истинномъ смыслѣ, взятой и основанной не на ложныхъ человѣческихъ понятіяхъ; т. е. „научать ся сущности, а не однѣмъ околичностямъ", и что слѣдуетъ сколь возможно тщательнѣе напечатлѣвать въ плотскихъ сердцахъ многихъ называющихъ себя христіанами, желаніе и стремленіе исполнять всѣ предписанныя въ евангеліи христіанскія обязанности, нынѣ нѣкоторыми изъ нихъ пренебрегаемыя. „Авторъ книги", говоритъ издатель, „желаетъ чтобы сѣмяна падшія на столь пространное поле подлежащее тщательному проповѣднику, возрастали и приносили бы ожидаемый плодъ! Чтобы церковные учители перестали раздирать церковь Іисуса Христа маловажными и не имѣющими значенія спорами, но вмѣсто того употребляли бы всѣ силы свои къ прославленію вѣры въ Него и приращенію добродѣтели; и что они должны стараться о томъ, чтобы всѣ люди, еще здѣсь, на землѣ, были „едино стадо", и Господь нашъ Іисусъ Христосъ единъ пастырь; тогда не происходили бы тѣ ссоры и безпорядки, нынѣ повсюду нами видимые, и всѣ имѣли бы единъ духъ и едино сердце, какъ христіане первобытной церкви. Для достиженія этого, авторъ предписываетъ учителямъ ревностно поучать паству свою въ такомъ смыслѣ, какъ поучали Іисусъ Христосъ, апостолы Его и непосредственные ихъ преемники, предлагать всѣ истины христіанскія какъ до духа, такъ и до сердца касающіяся—внятно, просто, трогательно, такъ чтобы и не весьма просвѣщенные понимая ихъ, могли пріобрѣсть душевную пользу. Наконецъ, авторъ вмѣняетъ въ обязанность учителямъ и пастырямъ поучать не столько устами, сколько дѣлами, и быть „не яко мѣдь бряцаяй, но яко свѣтильникъ стоящій на свѣщницѣ", и каждый да видитъ добрыя дѣла ихъ, и черезъ то побуждается къ преуспѣянію въ правотѣ и благочестіи. Предисловіе оканчивается нѣсколькими словами о томъ, какую жизнь обязаны вести пастыри, чтобы успѣшно дѣйствовать на паству свою, такъ какъ жизнь проповѣдника не сообразная съ его поученіями, не можетъ быть плодотворна, ибо примѣръ, по словамъ издателя, поражаетъ насъ несравненно сильнѣе чѣмъ слова; и опыты увѣряютъ насъ въ какой-либо истиннѣ болѣе, нежели одни отвлеченныя умствованія. „Таковыя и подобныя имъ представленія", говоритъ онъ въ заключеніе, подали автору мысль написать это не-

большое сочиненіе, въ которомъ онъ предлагаетъ мнѣніе свое, какъ и чему научать христіанъ.

Настоящее сочиненіе расположено въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ первое посвящено изслѣдованію философскихъ проповѣдей; авторъ глубоко убѣжденный въ томъ, что ученіе о нашемъ искупленіи есть по всему высочайшая и драгоцѣннѣйшая истина христіанства, и что через это ученіе наша религія существенно и вообще отличается отъ религіи естественной, полагаетъ что, несмотря на всю его важность, не слѣдуетъ отстранять другія ея ученія, и думая что необходимо знать одну эту истину, начинать ею наставленія въ религіи; подобное разсужденіе кажется автору весьма несправедливымъ и противнымъ природѣ вещей; и по его мнѣнію великая тайна искупленія не можетъ быть поставлена на первомъ планѣ въ порядкѣ истинъ христіанства. И для того, чтобы она была принята съ полнымъ убѣжденіемъ и въ настоящемъ ея смыслѣ, необходимо посѣять въ духѣ другія, безъ которыхъ первая не можетъ быть вѣрно постигаема. Словомъ, мысль проведенная авторомъ въ настоящемъ разсужденіи есть та, что для пониманія великой истины искупленія, требуется много предварительныхъ познаній къ тому, чтобы ученіе о ней принять съ твердою вѣрою и ясно уразумѣть его.—„Крестная смерть Іисуса Христа", далѣе говоритъ авторъ, „еще не исключаетъ отношеній нашихъ, въ которыхъ мы состоимъ съ Богомъ какъ твари, и не освобождаетъ насъ отъ обязанности стараться познавать Его, и исполнять все должное, проистекающее изъ помянутыхъ отношеній. За тѣмъ онъ указываетъ на апостоловъ, которыхъ многія поученія преподанныя ими первымъ христіанамъ, не дошли до насъ; и еслибы таковыя сохранились до нашего времени, то мы имѣли бы полное повѣтствованіе объ обращеніи ими іудеевъ и язычниковъ къ христіанству и усмотрѣли бы, что они первымъ, имѣвшимъ достаточныя познанія въ естественной религіи, доказывали, что Іисусъ есть Мессія; вторымъ внушали первоначальныя истины о вездѣсущемъ, вѣчномъ и всесовершенномъ Божествѣ; ясные слѣды такого, несомнѣнно существовавшаго ученія апостоловъ, находимъ въ краткихъ повѣствованіяхъ, дошедшихъ до насъ въ ихъ „дѣяніяхъ", которыя можно почитать не иначе какъ за совершенныя основанія религіи; хотя писавшіе ихъ, примѣняясь къ современнымъ духовнымъ потребностямъ первыхъ христіанъ, касались часто отдѣльныхъ ея частностей; такъ напр.: они писали имъ объ „Оправданіи"; о томъ что одна теоритическая вѣра не достаточна для спасенія, и проч.; потому было бы весьма несправедливо заключать изъ „Посланій" что апостолы про-

свѣтивъ учениковъ своихъ свѣтомъ христіанства, оставляли ихъ навсегда въ этомъ тѣсномъ кругу религіи. Отсюда слѣдуетъ, что необходимо напечатлѣвать въ душахъ человѣческихъ первыя понятія о религіи, и потомъ уже созидать на нихъ то, что называется вѣрою, и въ избѣжаніе ихъ колебанія, укрѣплять снова основаніе, или что то же, проповѣдывать въ вышеобъясненномъ смыслѣ, „философскимъ образомъ".

Преслѣдуя главную мысль свою, авторъ настоящаго изслѣдованія говоритъ, что сверхъ того, великія и всеобщія истины религіи драгоцѣнны и необходимы для христіанина не только потому, что онѣ служатъ приготовительнымъ ученіемъ къ вѣрѣ, но равно и по той причинѣ, что входятъ въ кругъ ученія разумнаго человѣка; слѣдовательно сдѣлавшись христіаниномъ, не должно ихъ отстранять или совсѣмъ оставлять въ препебреженіи, какъ бы простыя орудія, служившія къ созиданію на ихъ основаніи, вѣры. Онъ положительно утверждаетъ, что ни въ какой естественной и философской богословіи, нѣтъ ни одного правильнаго понятія о Богѣ, не изложеннаго нѣсколько разъ въ св. писаніи и даже въ Новомъ Завѣтѣ, взятаго за самое важнѣйшее, и основаннаго на сущности вещей; и если апостолы не распространялись о помянутыхъ истинахъ, то это происходило не потому, чтобъ они почитали ихъ маловажными, но потому, что болѣе обширное изложеніе ихъ, несоразмѣрно было бы самымъ „Посланіямъ" до насъ дошедшимъ; но что апостолы признавали ихъ важными и для христіанъ необходимыми, явствуетъ изъ того, что они говорятъ о нихъ мимоходомъ, и еслибы до нашихъ временъ могли сохраниться всѣ ихъ писанія, но не одни только увѣщанія или защищенія какихъ-либо ученій противъ сдѣланныхъ на нихъ возраженій, то мы, по словамъ автора, имѣли бы цѣлыя сочиненія о истинахъ естественной религіи, которыя предлагалъ и самъ Іисусъ Христосъ, и изъ которыхъ одно въ изящномъ извлеченіи сообщено намъ въ сокращеніи у Матоея въ главѣ 6-й.—Предлагать въ проповѣдяхъ начальныя истины естественной религіи, подтверждая ихъ доказательствами взятыми изъ сущности вещей, не есть, по мнѣнію автора, проповѣдывать по язычески или философски, потому, что эти истины входятъ въ систему христіанской религіи, и будучи основаны на разумныхъ началахъ, подверждаются и въ Библіи; онъ признаетъ, что проповѣдывающему напримѣръ о благости Божіей, не вдругъ слѣдуетъ ссылаться на свидѣтельства св. писанія, но указывать сперва на міръ, на согласіе и соразмѣрное отношеніе всего видимаго въ природѣ; всевѣдѣніе Божіе можетъ быть неопровержимо доказано каждому благоразумному человѣку тѣмъ, что

если твари имѣютъ нѣкоторую степень познанія, то даровавшій намъ разумъ Творецъ, безъ сомнѣнія долженъ обладать имъ въ высочайшей степени; точно также истинна о всеобщемъ Провидѣніи, столь же мало можетъ быть подтверждена одними свидѣтельствами св. писанія; но разумъ и опытъ должны ее примѣтить и дѣйствительно видѣть, чтобы положительно и несомнѣнно ей вѣрить. Причемъ авторъ требуетъ отъ проповѣдника, чтобы все вышеозначенное изложено было простымъ и понятнымъ для каждаго языкомъ, и никакъ не въ отвлеченныхъ доказательствахъ, но въ примѣрахъ, какъ слѣдуетъ проповѣдывать о истинахъ христіанства, и приводить доказательства, дѣйствительно въ немъ употребляемыя. Онъ относится съ презрѣніемъ къ проповѣдямъ, въ которыхъ при доказательствахъ нѣкоторыхъ истинъ естественной богословіи, поучающій слишкомъ придерживается философскаго образа изложенія, употребляетъ техническія, невразумительныя слова, или самое ученіе предлагаетъ весьма отвлеченно; къ этому прибавляетъ, что отзывъ его о подобныхъ проповѣдяхъ относится не къ самымъ предметамъ ихъ составляющимъ и не заслуживающимъ порицанія, но къ способу изложенія, который не можетъ быть назидательнымъ.

Авторъ, признавая естественный культъ необходимымъ, и служащимъ, какъ бы почвой для христіанской религіи, недоумѣваетъ, почему вышепомянутыя проповѣди называютъ „языческими?" И чтобы ихъ совсѣмъ отвергнуть, утверждаютъ что такимъ же образомъ проповѣдывали Цицеронъ, Платонъ, Сенека и Эпиктетъ; допуская послѣднее, онъ говоритъ что если уже разъ доказана связь проповѣдуемыхъ истинъ съ христіанской религіею, то слѣдовательно онѣ достойны почтенія и вниманія нашего, хотя бы извѣстны были всѣмъ язычникамъ; онъ также не думаетъ, чтобы системы религіи славнѣйшихъ языческихъ философовъ были столько же совершенны и справедливы, какъ современныя намъ системы естественной богословіи, исправленныя и пополненныя посредствомъ „Откровенія" сообщившаго свѣтъ разуму, и показавшаго ему свое ученіе и познаніе, которыя онъ мало-по-малу сравнилъ и соединилъ съ начальными основаніями нашего познанія; ибо единственно откровенію принадлежитъ слава и честь, что мы, изъ исторій всѣхъ религій можемъ доказать, что христіанство просвѣтило міръ, и что религія христіанская ничего не теряетъ, когда понимается разумно; ибо мы съ большимъ благоговѣніемъ будемъ принимать ея тайны сокрытыя отъ насъ Богомъ, если во всемъ прочемъ усмотримъ свѣтъ и истину. „Если апостолы", говоритъ авторъ, „не слишкомъ старались различать природу и благодать, разумъ и вѣру, то мы ви-

димъ изъ писаній ихъ, что они вообще всякое благо, въ неразрывной цѣпи, относятъ къ престолу Отца свѣтовъ.

Впрочемъ онъ согласенъ съ тѣмъ, что можно назвать въ нѣкоторомъ смыслѣ языческою ту проповѣдь о истинахъ естественной религіи, въ которой ученіе по нежеланію или какой-то непонятной, неразумной робости, къ стыду проповѣдника не проникнута божественнымъ свѣтомъ откровенія, и вслѣдствіе того оставляетъ обширное поле вольнодумству. Подобные проповѣдники по мнѣнію автора, недостойны называться „христіанскими философами". За тѣмъ онъ указываетъ на св. апостола Павла, отвергающаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писаній своихъ философію; но здѣсь идетъ рѣчь о такой системѣ религіи созданной человѣческимъ умомъ, которая противорѣчитъ откровенію и не согласуется ни въ чемъ съ его изрѣченіями. Кому хотя нѣсколько извѣстна исторія философіи, тотъ не можетъ не знать, что принимали за нее во время названнаго апостола: „философія" говоритъ авторъ, „состояла тогда въ методическомъ безуміи, или столь ясномъ сплетеніи нѣкоторыхъ ложныхъ положеній, что они были совсѣмъ непримѣтны для всѣхъ непросвѣщенныхъ людей; она состояла въ безбожномъ, баснословномъ или многобожномъ ученіи. Философы этой школы смѣялись, услышавъ св. Павла говорящаго о единомъ высочайшемъ Богѣ, и о будущемъ блаженствѣ, отвергавшаго заблужденія своихъ современниковъ, но нисколько не то, что въ наши времена, благодаря Бога, называютъ философіею; онъ напротивъ того, приписываетъ людямъ возможность и способность посредствомъ правильнаго употребленія ихъ силъ, познавать Бога, и усматривать сходственность многихъ ученій съ разумомъ; онъ совѣтуетъ намъ признавать нравственный смыслъ того „елика честна, елика праведна, елика прелюбезна", филип. гл. 4. ст. 8., и хочетъ божественность своего ученія доказать даже разуму каждаго человѣка.—Далѣе авторъ между прочимъ говоритъ, что великую неблагодарность Божескому Провидѣнію, излившему между нами, въ наши времена столь много великихъ познаній, оказываютъ поносящіе разумъ созерцающій въ природѣ того же самаго Бога, котораго и св. писаніе намъ показываетъ, такъ и находящійся въ евангеліи порядокъ спасенія и намѣренія Божескія, сообразными общему строенію міра; или отвергающіе философію, согласующуюся съ св. писаніемъ, изыскивающую его красоты, и опасающуюся касаться его таинствъ.

Авторъ изслѣдованія остерегаетъ болѣе всего отъ современнаго намъ невѣрія, причемъ указываетъ на произведенія свѣтской литературы, какъ на чтеніе болѣе общее и распространенное; по словамъ

сго, въ романахъ и разныхъ повѣстяхъ, проповѣдуется невѣріе единственно для препровожденія времени; имъ заражено общество, чего не замѣчаютъ наши проповѣдники, увлекаясь полемикой противъ ученія Социна, Арія, Пелагія и другихъ лжеучителей, далеко не на столько опасныхъ, на сколько пагубно ученіе новѣйшаго матеріализма, защищаемаго величайшими умами, и весьма мало отличающагося отъ дѣйствительнаго безбожія! „Благоразумно ли", спрашиваетъ авторъ, „занимать комнату зданія, грозящаго паденіемъ? То есть защищать ученія, которымъ всѣ люди вѣрятъ, и не вооружать ихъ противъ быстрыхъ нападеній страшнѣйшихъ враговъ?"—Онъ требуетъ, чтобы вышепомянутые лжеучители были явно опровергаемы, что не входитъ въ обязанность проповѣдниковъ, но догматиковъ и писателей; онъ желаетъ чтобы первые поучали главнѣйше начальнымъ истинамъ религіи, и вообще открывали ея преимущества и достоинства. Затѣмъ онъ излагаетъ нѣкоторыя разсужденія свои относительно содержанія и формы проповѣдей, какими бы желалъ ихъ видѣть, и оканчиваетъ настоящее изслѣдованіе замѣчаніемъ, заслуживающимъ по его мнѣнію вниманія; онъ повторяетъ, что опроверженія какихъ-либо лжеучителей, ученіемъ которыхъ народъ не зараженъ, требуютъ строгихъ критическихъ изслѣдованій и касаются догматиковъ, но никакъ не проповѣдниковъ; наконецъ онъ доказываетъ несовершенство и неуспѣшность даже самыхъ лучшихъ полемическихъ проповѣдей, которыя не только не обратятъ принявшихъ какое-либо лжеученіе, но могутъ оказать вредное вліяніе и на вѣрующихъ.

Во второмъ отдѣленіи своего труда, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію нравственныхъ проповѣдей, содержащихъ въ себѣ ученіе о смерти Іисуса Христа съ дѣятельной его стороны, по сольку оно открываетъ намъ побудительныя причины и примѣры къ благочестію христіанскому; или же внушаетъ намъ исполненіе обязанностей нашихъ, особливо тѣхъ, которыя лежатъ на насъ въ отношеніи къ ближнимъ нашимъ; и это ученіе доказывается и подтверждается началами взятыми изъ сущности вещей, или изъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Авторъ обращается къ первымъ провѣдникамъ христіанской религіи для рѣшенія слѣдующаго вопроса, касающагося перваго рода нравственныхъ проповѣдей: падлежитъ ли въ наши времена и въ нашихъ странахъ, предлагать ученіе о заслугахъ Господа нашего, болѣе всего съ дѣятельной его стороны?" Въ отвѣтъ на это, онъ указываетъ на апостоловъ, преподававшихъ помянутое ученіе, сообразжаясь съ душевнымъ состояніемъ слушателей, и проповѣдывавшихъ трояким образомъ ученіе о заслугахъ Іисуса Христа; за тѣмъ излагаетъ эти три

образа ученія, изъ которыхъ святые проповѣдники выводили всегда нравоученія, состоящія во всеобщей обязанности любить всѣмъ сердцемъ Искупителя, и эту любовь доказывать тщательнымъ соблюденіемъ Его заповѣдей; они учили, что грѣхъ ненавистенъ Богу, и что мы должны быть побуждены величайшимъ благоволеніемъ Его, къ высочайшей правотѣ сердца и благочестію; или представляли состояніе духа Іисуса Христа въ разныхъ степеняхъ Его страданій, изъ чего христіане должны научаться терпѣнію, самоотверженію, кротости, любви къ врагамъ, такъ равно и тому, насколько далеко добродѣтели эти должны простираться; „съ этой точки зрѣнія", говоритъ авторъ, „взирали всегда апостолы на смерть Господа нашего, когда имѣли дѣло съ людьми обращенными въ христіанство, ожидающими отъ Христа спасенія, и вѣрующими что оно должно истекать единственно изъ помянутыхъ началъ".

Проповѣднику, желающему ввѣренную ему паству научить истинѣ и спасенію, и обсуждающему, съ какой точки зрѣнія долженъ онъ представлять вообще ученіе о Христѣ, и въ особенности о смерти Его: возбуждать ли въ слушателяхъ чувство уничиженія и успокоенія, или научать ихъ высшей степени правоты, авторъ предписываетъ изучать паству свою, и дознать, чѣмъ была она заражена; за тѣмъ сравнить собственное свое положеніе съ положеніемъ апостоловъ писавшихъ различнымъ народамъ, и поступать такъ, какъ они въ подобныхъ же обстоятельствахъ поступали. По мнѣнію его, предлагать это ученіе съ первой точки зрѣнія не весьма трудно, такъ какъ всѣ жаждутъ высоко-отрадной вѣсти, обѣщающей намъ прощеніе грѣховъ и вѣчное спасеніе; потому ее немедленно примутъ, только при совершенной увѣренности, что она происходитъ отъ Того, отъ кого зависитъ рѣшеніе нашей судьбы. Авторъ между прочимъ указываетъ на многихъ проповѣдниковъ, усвоивающихъ себѣ слѣдующее положеніе относительно великаго дѣла спасенія: „коль скоро люди имѣютъ вѣру, или увѣрены въ истинѣ нашего искупленія смертію Іисуса Христа, то благочестіе и добродѣтель сами собою изъ того слѣдуютъ". По мнѣнію его, подобное разсужденіе было бы совершенно справедливо, еслибы помянутую великую истину знали, и вѣрили ей во всей ея обширности, со всѣми истинами къ ней принадлежащими, и еслибы твердыя, побудительныя начала къ добродѣтели вообще, и нѣкоторымъ особеннымъ подвигамъ въ означенной истинѣ содержащимся, надлежащимъ образомъ были ощущаемы, и посредствомъ основательныхъ размышленій, съ помощью Божіей сдѣлались бы нравственными началами, или такими представленіями, которыя, находясь навсегда передъ

очами, безпрерывно наполняли бы наше сердце и жизнь. „Ничего не могло бы", говоритъ авторъ, „побуждать насъ къ добродѣтели, отвращать отъ грѣха, сдѣлать рѣшительными и способными ко всякому добру, какъ съ полною увѣренностію принимаемое и правильно понимаемое ученіе о нашемъ искупленіи Іисусомъ Христомъ; вѣра въ эту истинну, по словамъ автора, „есть истинное благочестіе, и должна возбудить въ насъ благодарность, любовь, вѣру въ Бога, надежду на Его благость, сознаніе нашихъ несовершенствъ, всецѣлое стремленіе къ Богу и Спасителю нашему...." Авторъ сомнѣвается —находился ли кто когда въ томъ возвышенномъ состояніи духа, которое описываетъ апостолъ Павелъ словами, величественно говорящими о душѣ каждаго христіанина, подражающаго ему въ чувствованіи! Какое увѣщаніе", спрашиваетъ авторъ, „можетъ произвести такое впечатлѣніе, какое должно сдѣлать слѣдующія слова того-же апостола". Здѣсь цитуетъ онъ мѣста изъ посланій Павла къ Коринѳ. гл. 6. ст. 20; къ Римл. гл. 12. ст. 1, и Коринѳ. 2. гл. 5. ст. 20. (Изслѣд. стр. 61). Тотъ проповѣдникъ, который приведенныя сейчасъ мѣста предлагаетъ не настоящимъ образомъ, и не влагаетъ въ сердца людей эти побужденія къ самой высокой нравственности, по мнѣнію автора, не умѣетъ наставлять въ религіи; онъ думаетъ что на помянутыхъ побужденіяхъ и съ ними непосредственно соединенныхъ истиннахъ, созидаютъ апостолы добродѣтель христіанскую, потому что это нравственное начало есть само въ себѣ благороднѣйшее и дѣйствительнѣйшее для человѣческой души. Онъ утверждаетъ также, что Духъ Божій болѣе на этомъ основаніи созидаетъ святость людей, и означенную величайшую истинну дѣлаетъ ясною всѣмъ принимающимъ ся вліяніе, и ею же дѣйствуетъ въ ихъ сердцѣ и совѣсти; „однако же, несомнѣнное извѣстіе", продолжаетъ авторъ, „что многіе это ученіе знаютъ, принимаютъ какъ истинное, возлагаютъ на него свою надежду, или вѣрятъ въ Христа, но при всемъ томъ остаются неисправленными..." Возраженіе, что въ подобныхъ людяхъ нѣтъ истинной вѣры, по мнѣнію его, только отчасти справедливо, когда подъ недостаткомъ вѣры, разумѣть всѣ впечатлѣнія означеннаго ученія на душу помянутыхъ людей. Затѣмъ онъ объясняетъ сказанное здѣсь въ пространнѣйшемъ смыслѣ, и говоритъ что это происходитъ отъ недостаточно часто и сильно переданнаго имъ съ этой стороны ученія о смерти Іисуса Христа, и также вслѣдствіе мнѣнія, что христіанство и вѣра оказываютъ всю свою силу въ сердцѣ человѣческомъ тогда, когда оно спокойно и очищено отъ всякой надежды на свою правоту; также явно противорѣчитъ христіанскому порядку спасенія, когда по мнѣнію нѣкоторыхъ

богослововъ утверждаютъ, что благодать святости сообщается грѣшнику въ то самое время, когда онъ начинаетъ вѣрить. Здѣсь авторъ обращается къ апостоламъ, и говоритъ, что отъ нихъ мы не такъ были научаемы; они поощренія свои къ добродѣтели прямо основываютъ на вышепомянутыхъ истиннахъ; и дѣло благодати, когда оно исключаетъ фанатизмъ (изувѣрство), состоитъ въ томъ, чтобъ эти истинны были совершенно ясны разуму, и твердо напечатлѣны въ сердцѣ и совѣсти. И такъ, чтобы это ученіе могло успѣшно вліять на людей, не слѣдуетъ довольствоваться предложеніемъ его только въ одной теоріи, но надлежитъ выводить изъ него, не только слѣдствіе уничиженности и спокойствія духа, но стараться болѣе всего открывать слабымъ и холоднымъ христіанамъ, каковыхъ между нами довольно, одно за другимъ, содержащіяся въ немъ побудительныя начала къ добродѣтели, и смерть Іисуса Христа представлять имъ на столько великой и важной, сколько и другія.

Авторъ замѣчаетъ, какой вредъ для христіанина происходитъ отъ неправильнаго, извращеннаго объясненія мѣстъ изъ писаній апостола Павла, тогда какъ это ученіе должно быть предложено и истолковано болѣе всего съ нравственной стороны; причемъ слѣдуетъ указывать ясно на содержащіяся въ немъ нравственныя и побудительныя начала; между тѣмъ, какъ одни лишь общія побужденія къ покаянію, вѣрѣ и святости съ означеннымъ ученіемъ соединенныя, и по большей части употребляемыя проповѣдниками, оказываются общими, краткими, не твердыми, не ясными и слушателямъ извѣстными, и потому никакъ не могущими сдѣлать на нихъ сильнаго и продолжительнаго впечатлѣнія. Далѣе въ разсужденіи своемъ онъ между прочимъ доказываетъ что не только неопровержима истинна о заслугахъ Іисуса Христа, но что она получаетъ гораздо большую цѣну; причемъ указываетъ ту точку зрѣнія, съ которой легко усматривается великость и цѣна вѣры въ Него. Съ людьми, которыхъ удобно просвѣтить христіанствомъ, не слѣдуетъ, по словамъ автора, держаться одной какой-либо стороны религіи, но обходить все ея зданіе отъ истинны къ истиннѣ, отъ красоты къ красотѣ настолько, на сколько зрѣніе наше проникнуть можетъ.

Приводимъ мысль автора о вѣчной справедливости того, что разумная тварь, предназначенная Творцомъ къ блаженству въ Царствѣ Божіемъ, должна постоянно нравственно болѣе и болѣе совершенствоваться; потому величественнѣйшій и важнѣйшій конецъ этого ученія, приносящій высочайшую славу Богу и откровенію, есть ученіе о смерти Іисуса Христа. „Я дѣйствительно христіанинъ", гово-

ритъ далѣе авторъ, „и хвалюсь ученіемъ о Крестѣ Христовѣ, не только потому, что оно доказано чудесами и пророчествами, но потому, что оно само себя доказываетъ, и что догматы его и положенія являются разуму моему и совѣсти справедливыми и истинными".—И такъ, проповѣди, которыхъ необходимость и превосходство авторъ доселѣ показывалъ, онъ нисколько не считаетъ за социніанскія рѣчи, потому что онѣ представляютъ правовѣрное ученіе о смерти Іисуса Христа, по примѣру апостоловъ съ нравственной его стороны; столь же мало социніанскими слѣдуетъ почитать и тѣ проповѣди, въ которыхъ совѣтуется подражать дѣйствіямъ Іисуса Христа, особливо въ продолженіи послѣднихъ часовъ земной Его жизни: Его смиренію, кротости, самоотверженію, терпѣнію, великодушію и присутствію духа.

Авторъ говоритъ, что если читать внимательно евангельскую исторію, то можно ясно усмотрѣть тщательное изслѣдованіе апостолами нравственной изящности и величія въ жизни Іисуса Христа; они представляли не одну только фактическую сторону Его ученія, чудесъ и страданій, но разсматривали ихъ и съ нравственной стороны; и повѣствуя о его чудесахъ, упоминали о благой ихъ цѣли, и о сострадательныхъ движеніяхъ Его сердца, что болѣе всего дѣлали при исторіи Его страданій. Авторъ заявляетъ здѣсь о своемъ негодованіи при слушаніи имъ проповѣдей, объясняющихъ исторію земной жизни и особливо страданій Христа, которая можетъ быть по справедливости названа исторіею примиренія нашего съ Богомъ; онъ указываетъ затѣмъ на то, какъ въ помянутыхъ проповѣдяхъ, все вышесказанное объясняется посредствомъ социніанской экзегетики, въ противность апостоламъ, ясно постигавшимъ великость цѣны нашего искупленія, что и было причиною, почему они входили въ столь подробное описаніе страданій Іисуса Христа; причемъ имѣли другую не менѣе важную цѣль, а именно, они желали внушить намъ высочайшее по возможности понятіе о нравственной высотѣ Господа нашего, проявлявшейся такъ величественно въ событіяхъ земной Его жизни; они отсылали часто къ примѣру Іисуса Христа, указывая на Него, когда нужно было подать истинное понятіе о христіанской правотѣ, или увѣщевать и учить христіанъ. Изъ того слѣдуетъ, что писатели евангельской исторіи, почитали конецъ страданій Христа столько важнымъ, сколько и то, что исходатайствовало намъ примиреніе съ Богомъ; смотрѣть на ученіе апостоловъ съ этой точки зрѣнія, нельзя считать за подражаніе социніанамъ. Авторъ полагаетъ, что говорить мимоходомъ о высочайшей нравственности содержащейся въ исторіи земной жизни и страданіи Христа, или упоминать о ней при какой-либо не-

обходимости, неизвинительно проповѣднику; но еще неизвинительнѣе по мнѣнію его, отнимать силу у впечатлѣнія производимаго примѣромъ Іисуса Христа, разными примѣчаніями, основанными большею частью на невразумительныхъ положеніяхъ системъ. Какъ примѣръ, онъ приводитъ слѣдующее: „Господь нашъ въ особенности долженъ былъ поступить такъ, потому что долженъ былъ за насъ исполнить законъ“; или: „это нужно было только для того, чтобы смерть Его, была смертью невиннаго агнца...“; причемъ прибавляетъ, что заслуживало бы труда постараться кому-либо изслѣдовать, и точнѣе разсмотрѣть ученіе о дѣятельномъ повиновеніи Іисуса Христа.

Глубокомысленный изслѣдователь, далѣе входитъ въ пространное разсужденіе о томъ, что у многихъ, по причинѣ нѣкоторыхъ „небиблейскихъ“ понятій о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, вліяніе Его примѣра сдѣлалось мало дѣйствительнымъ; онъ доказываетъ, что помянутыя понятія противорѣчатъ ученію апостоловъ, представляющихъ намъ жизнь Іисуса Христа въ примѣръ съ прямымъ заключеніемъ, что если Онъ что-либо сдѣлалъ, то и мы можемъ и должны то же дѣлать, изъ чего слѣдуетъ, что Христосъ былъ въ подобномъ намъ положеніи. Онъ у апостола Павла къ Евр. въ гл. 11 и 12, включенъ между вѣрными и святыми: Авраамомъ, Ноемъ, Авелемъ и проч.; тотъ же апостолъ къ Евр., въ гл. 2., указываетъ, что Онъ во всемъ былъ намъ подобенъ, и боролся какъ мы, съ искушеніями [1]; но еще выразительнѣе говоритъ апостолъ о послушаніи Христа вслѣдствіе страданій своихъ, т. е. объ утвердившемся въ немъ вслѣдствіе страданій, повиновеніи Богу; описаніе жизни Господа нашего, совершенно согласно съ этими утвержденіями апостола. Далѣе авторъ представляетъ разсужденіе о вспомогательныхъ средствахъ, употреблявшихся Христомъ, которыя свободное и разумное твореніе употреблять можетъ, какъ то: размышленія о истинахъ религіи и природы, молитву какъ дѣйствующее само въ себѣ, нравственное средство къ совершенству, и безпрестанное упражненіе въ добродѣтели. „Если утверждаютъ“, говоритъ онъ, что Христосъ молился, препровождалъ многія ночи въ уединенныхъ размышленіяхъ, и т. д., для того только, чтобы научить этому насъ, но почитая ихъ для себя ненужными, то это есть уже покушеніе истолковать снова означенное начало; что однако будетъ безполезно для всѣхъ примѣчающихъ вышеприведенныя мѣста апостола Пав-

---

[1] Едва ли нужно поясненіе, что здѣсь слова апостоловъ относятся къ человѣческому естеству Христа, не касаясь его божественной стороны.

ла, и разсматривающихъ жизнь Христа съ тщательнымъ, психологическимъ, касающимся душевныхъ свойствъ изслѣдованіемъ". Авторъ подтверждаетъ мнѣніе свое, приведеніемъ одного событія изъ описанія жизни Іисуса (Изслѣд. стр. 79); онъ между прочимъ, говоритъ о томъ, что Спаситель нашъ, точно такимъ же образомъ какъ и мы, приготовлялся къ искушеніямъ и страданіямъ; почему вслѣдствіе сказаннаго, слѣдуетъ почитать Іисуса Христа относительно нравственной стороны Его души совершеннымъ человѣкомъ и вмѣстѣ истиннымъ Богомъ, и потому примѣру Его и надлежитъ придавать величайшую важность. Автору кажется, что не должно быть трудно, личность Господа нашего сдѣлать любезною даже самымъ простымъ людямъ, внушить имъ черезъ то сильнѣйшее вниманіе и благоговѣніе ко всему нравственному образу Его, и показать имъ, изъ всей Его жизни, насколько онъ почиталъ правоту и добродѣтель; авторъ говоритъ, что одна евангельская повѣсть настолько сильна, чтобы всѣхъ благочестивыхъ людей вывесть изъ заблужденія, будто бы можно угодить Христу безъ святости; мы изъ примѣра Его видимъ, что собственно составляетъ достоинство и упражненіе высшаго Существа въ мірѣ. Далѣе онъ доказываетъ несправедливость понятія о святости подъ домостроеніемъ евангелія, если думаютъ что она по сущности, и сама по себѣ, не совсѣмъ нужна; но что она есть нѣчто такое, чѣмъ мы обязаны благодарить Бога за наше искупленіе Іисусомъ Христомъ, подобно тому, какъ обыкновенно изъ благодарности приноравливаются къ образу мыслей благодѣтеля; и потому въ большей части книгъ научающихъ религіи, обязанность христіанской правоты созидается на этомъ основаніи.

Признавая святость необходимою для христіанина въ дѣлѣ спасенія, авторъ между прочимъ говоритъ, что между поступками нашими въ здѣшней, и нашей судьбою въ будущей жизни, находится неизбѣжная, вѣчная и непреложная связь; что сила безпорядочныхъ желаній и черезмѣрная ихъ высота (?) будутъ составлять наше осужденіе или бѣдствіе въ вѣчности; и какъ бы ревностно не проповѣдывали противъ пороковъ, покуда люди надѣятся, что Богъ можетъ оставить свои требованія, и что единственно въ его благоутробіи и милости состоитъ, несмотря ни на что, сдѣлать насъ блаженными, или осудить, до тѣхъ поръ всѣ подобныя увѣщанія будутъ безсильны обратить къ святости людей, такъ какъ въ ихъ душахъ всегда остается надежда пріити у Бога въ милость. Авторъ свидѣтельствуетъ о слышанномъ имъ отъ многихъ, что все зависитъ совершенно отъ благодати Божіей, и по требованію его объяснить эти слова, ему отвѣчали прямо, что Богъ, при рѣшеніи конечной нашей судьбы, нисколько не обратитъ

вниманія на нравственное наше состояніе; нѣкто изъ утверждавшихъ сказанное, съ величайшей увѣренностію отвергалъ то, что многіе люди будутъ осуждены, почитая невѣроятнымъ увидѣть ихъ въ геенѣ; потому что Богъ гораздо милосерднѣе кого-либо изъ людей на землѣ. Вслѣдствіе того что мало обращаютъ вниманія на естественныя и положительныя слѣдствія добродѣтели и порока, а почитаютъ будущее блаженство прямо зависящимъ только отъ Бога, произошли различныя нечистыя и заражающія душу заблужденія всѣхъ тѣхъ, которые почитаютъ святость маловажною. Автору приходилось весьма часто удивляться тому, что не ревностно и часто предлагаютъ это начальное положеніе всей нравственной религіи, и не вооружаются противъ многоразличныхъ и несправедливыхъ понятій о удовлетвореніи Христовомъ, и не вполнѣ точно понимаемыхъ мѣстъ св. писанія; причемъ онъ прибавляетъ, что еслибы былъ настоящимъ проповѣдникомъ какой-либо паствы, то почелъ бы первою своею обязанностью начать сй служеніе свое этимъ ученіемъ, и скорѣе всего предложить помянутое положеніе въ разсмотрѣніе своимъ слушателямъ.

О необходимости нравственныхъ законовъ въ христіанствѣ приводится здѣсь авторомъ изслѣдованія слѣдующее замѣчаніе, принадлежащее не ему, но одному изъ извѣстныхъ богослововъ и экзегетовъ, г. Михаелисъ, находящееся въ примѣчаніи его на посланіе къ Галатамъ, гл. 2. ст. 19; онъ говоритъ, что величайшая прозорливость и осторожность потребна особливо въ наши времена для того, чтобы утверждать, что законъ въ христіанствѣ не есть необходимъ, и приводить для доказательства этого мѣста изъ Посланій апостола Павла. Но надлежитъ здѣсь всему положить предѣлы, иначе можно выставить апостоловъ какъ бы самимъ себѣ противорѣчащихъ. Безспорно, что учрежденіе религіи Моисея уничтожено евангеліемъ, и что никто не обязанъ слѣдовать предписаніямъ Ветхаго Завѣта; однакоже они не всѣ безъ различія упразднены, но только тѣ, которыя подлежали измѣненію, и по ясному свидѣтельству самого Бога въ Ветхомъ Завѣтѣ и Іисуса Христа, не должны были всегда продолжиться, какъ то: обряды религіи, законы политическіе и т. д.; но вѣчныя, общія ученія и заповѣди религіи, проистекшія изъ сущности вещей, не могли никакъ истребиться, но были перенесены въ христіанство, и въ немъ сохраняются какъ принадлежащія религіи, потому содержатся и въ Новомъ Завѣтѣ. Это подтверждается Іисусомъ Христомъ въ такъ называемой горной проповѣди, въ которой онъ показалъ, что нравственный законъ для христіанъ не только не прекратился, но еще болѣе распространился. И такъ, текстъ изъ Посланія апостола Павла: „Правед-

нику законъ не лежитъ“ къ Тим. гл.1. ст. 9. къ Галат. гл. 5 ст. 23., имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, въ которомъ его обыкновенно толкуютъ; приведенныя слова апостола не говорятъ, чтобы оправданный вѣрою не былъ подчиненъ никакому нравственному закону, но что исполненнымъ добродѣтелью, и тѣмъ которыхъ любовь къ ней сдѣлалась владычествующею, нѣтъ надобности запрещать вдаваться въ грубые и позорные поступки, потому что таковые и безъ того добровольно и по любви къ Богу стараются исполнять законъ. Слѣдовательно, нужно только прилежно вникнуть въ вышеприведенныя слова апостола, со вниманіемъ ихъ разсмотрѣть, и не толковать ихъ въ искаженномъ смыслѣ, основанномъ на одномъ только звукѣ словъ.

Столь же, по мнѣнію автора несправедливо утверждать, что нравоученіе въ Новомъ Завѣтѣ имѣютъ цѣлью унижить людей чувствомъ величайшей и глубочайшей ихъ виновности, но не указать имъ, какъ они, будучи христіанами обязаны, но какъ бы обязаны были поступать, и этимъ побудить ихъ къ совершенному отреченію собственной правоты, и принятію только одной правоты вѣры. Здѣсь упоминаетъ онъ, о Цинцендорфѣ, покушавшемся истолковать въ иномъ смыслѣ строгія повелѣнія Іисуса Христа объ „отверженіи самого себя“, ясныя сами по себѣ, и передаваемыя апостолами въ буквальномъ смыслѣ; помянутый экзегетъ утверждаетъ, что Христосъ употреблялъ тогда не евангеліе, но бичъ закона. Далѣе авторъ доказываетъ неправильность объясненій Цинцендорфа, не отвергая однакоже того, что нравственный законъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ долженъ былъ служить предписаніемъ правилъ для нашей жизни и поступковъ; въ противномъ случаѣ было бы непонятно, для чего повсюду повелѣвается намъ хранить заповѣди, съ обѣщаніемъ награжденія за соблюденіе ихъ и наказаніемъ за ихъ неисполненіе. Тоже подтверждается словами Христа, который говоритъ, что пришелъ исполнить ихъ; авторъ указываетъ и на апостоловъ побуждавшихъ христіанъ ожидающихъ своего спасенія, къ правотѣ въ жизни, какъ къ необходимому средству достигнуть вѣчной жизни. Затѣмъ онъ входитъ въ пространное и обстоятельное разсужденіе, въ которомъ между прочимъ говоритъ, что допуская высказанное выше неосновательное возраженіе, можно сдѣлать религію для христіанъ трудною, и евангеліе въ такомъ случаѣ будетъ закономъ; и что такимъ ученіемъ можно привести людей въ уныніе, и повергнуть ихъ въ душевную скорбь; по мнѣнію автора, нѣтъ ни малѣйшей причины страшиться унынія человѣка; и что первая, низшая степень истиннаго обращенія есть, знать какъ мы должны поступать, но не какъ поступали; также какъ далеко должно простираться исполненіе боже-

ственныхъ заповѣдей. Происшедшее отъ того уничиженіе и сѣтованіе духа есть по сущности нашей души необходимое слѣдствіе подобнаго разсмотрѣнія самихъ себя и приготовительное средство къ покаянію, вѣрѣ и дѣйствительному исправленію (Изслѣд. стр. 97). Въ другомъ мѣстѣ своего разсужденія, авторъ говоритъ, что за душевное уныніе принимаютъ и такія явленія, которыя не могутъ быть такъ названы; иногда въ душѣ человѣка, по долгомъ колебаніи, вдругъ по какому-либо доброму ея движенію возникаютъ первые, справедливые упреки пробудившейся совѣсти, и это, безспорно мучительное состояніе духа, не составляетъ для человѣка несчастія, но напротивъ того, облегчаетъ приступъ къ душѣ его. При этомъ, авторъ упоминаетъ объ одномъ добродѣтельномъ проповѣдникѣ, заявлявшемъ ему желаніе, чтобы вся его паства была до нѣкоторой степени одержима душевною скорбью для того, чтобы онъ, на людей находящихся въ такомъ состояніи духа, могъ лучше дѣйствовать, и возставить ихъ, какъ бы далеко они не заблудились.

Ко второму роду нравственныхъ проповѣдей разсматриваемыхъ авторомъ настоящаго труда, относитъ онъ и тѣ, въ которыхъ указываются и объясняются намъ обязанности наши къ ближнимъ началами, вытекающими изъ сущности вещей и основанными на взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ. Онъ говоритъ, что побудительныя начала не перестали для насъ существовать и послѣ смерти Іисуса Христа и нашего искупленія; и все что только можно сказать о достоинствѣ, необходимости и изящности добродѣтели, останется вѣчно справедливымъ. Всѣ означенныя побудительныя начала могутъ находиться въ душѣ каждаго христіанина вмѣстѣ съ вѣрою, и быть ей подчиненными, равно и служить средствомъ къ доказательству справедливости, разумной сообразности требованій нашей религіи, и черезъ это и самой ея божественности. Равнодушіе и холодность многихъ къ исполненію своихъ обязанностей происходитъ большею частью вслѣдствіе непониманія важности ихъ и пользы; не почитая учрежденіе ихъ за непреложную волю Божію, люди не признаютъ весьма необходимымъ ихъ исполненіе. Это ложное мнѣніе и неуваженіе къ помянутому нравоученію, могло бы совершенно быть уничтожено доказательствомъ, что оно есть ничто иное, какъ собраніе вѣчныхъ, непремѣняемыхъ и неуклонныхъ законовъ справедливости и порядка, путь къ блаженству и совершенству всегда необходимыхъ и никогда не измѣняемыхъ Богомъ; что обязанности относительно Бога и ближнихъ, проистекаютъ непосредственно изъ нашихъ взаимныхъ отношеній, и что тѣ, которыя мы должны исполнять относительно насъ самихъ, сообразно природѣ на-

шей, служатъ къ удовлетворенію нашего духа.—Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о томъ, что вѣра наша должна сама въ себѣ укрѣпляться, когда мы усматриваемъ, что вся—важность для насъ исполненія божественныхъ заповѣдей, и счастіе нашего духовнаго міра, состоитъ единственно въ дѣлахъ правоты; „мы должны благодарить Бога," говоритъ въ заключеніе авторъ, „что Онъ возложилъ на насъ столь опредѣленныя обязанности, и сдѣлалъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ столь изящными и полезными; но не отстранять отъ себя разумныя побудительныя начала, какъ безполезныя и беззаконныя.

Авторъ недоумѣваетъ, почему многіе высказываютъ ложное мнѣніе, будто бы выводы подобныхъ разсужденій не основанныхъ непосредственно на вѣрѣ, неправильны и не правовѣрны; и таковое мнѣніе свое защищаютъ ссылками на нѣкоторыя изрѣченія св. писанія. За тѣмъ онъ обращается къ тому же св. писанію для разсмотрѣнія взгляда его на вышепомянутыя побудительныя начала, и какую оно придаетъ имъ важность; но между тѣмъ не отрицаетъ и того, что общее побудительное начало къ святости вообще, въ св. писаніи, особливо же въ Новомъ Завѣтѣ берется большею частію отъ самой вѣры; но однако же, при соединеніи съ нею и прочихъ великихъ истинъ религіи, какъ то: о благодати, святости, всевѣденіи и вездѣсущности Божіей и пр., хотя при всемъ томъ извѣстно, что обязанности благочестія не всѣ прямо проистекаютъ изъ одной вѣры, или истины искупленія нашего Христомъ, что нѣкоторыя не происходятъ изъ нея непосредственно, но которыя однако христіанство вездѣ отъ насъ требуетъ. Авторъ подтверждаетъ сказанное примѣрами, объясняющими, какъ должны мы понимать истины предписывающія намъ обязанности въ отношеніи Бога и ближняго; онъ говоритъ при этомъ, что не худо будетъ въ проповѣдяхъ излагать помянутыя истины, и основывать на нихъ, съ присоединеніемъ къ тому вѣры, обязанности наши къ Богу. (Изслѣд. стр. 116),—Къ подобному же роду проповѣдей причисляетъ онъ и тѣ, въ которыхъ особливыя наши обязанности въ отношеніи насъ самихъ и ближнихъ выводятся изъ сущности вещей, взаимныхъ нашихъ отношеній, и утверждаются на основаніяхъ вѣры, побуждающей насъ къ святости и соблюденію всего, что во всякомъ общественномъ положеніи можно сдѣлать справедливаго и благаго, равно какъ и того, на что при вѣрѣ нашей можетъ указывать намъ здравый разсудокъ, или естественный законъ повелѣвающій намъ: „вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ." Матѳ. гл. 7. ст. 12. Означенный законъ вложенъ въ насъ при начальномъ устроеніи нашей души, или по словамъ апос-

тола Павла. „написанъ въ сердцахъ языковъ,“ слѣдовательно въ нашихъ; также: „помысломъ между собою осуждающимъ или отвѣщавающимъ“; на эту же способность души нашей, апостолъ ссылается, увѣщевая филипсеевъ: „Прочее же, братіе моя, елика есть истинна, елика пречиста, елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, елика доброхвальна, или еще кая похвалая сія помышляйте.“ Филип. гл. 4. ст. 8.; необходимость означенныхъ добродѣтелей по отношенію къ ближнимъ, апостолы яснѣйшимъ образомъ выводятъ изъ человѣческихъ взаимныхъ отношеній. Здѣсь авторъ указываетъ на книги Моисея, содержащія въ себѣ политическіе и гражданскіе законы Іудеевъ; на писанія Соломона, псалмы и пророковъ, для убѣжденія въ томъ, что въ наставленіи данномъ человѣческому роду Богомъ, польза, превосходство и изящность добродѣтели не оставлены безъ вниманія, но были удостоены великой чести; тоже дѣлали и учители Новаго Завѣта, изъ котораго можно составить совершенное и полное собраніе, не только правоученія потребнаго для общежитія, но и всевозможныхъ естественныхъ и побудительныхъ началъ извлеченныхъ христіанствомъ изъ сущности вещей. Авторъ подобно тому какъ и выше, приводитъ нѣкоторые примѣры не столько для доказательства, сколько для объясненія утверждаемаго имъ, потому и обращается опять къ св. писанію, указывая на апостоловъ Павла, Іакова, и на самаго Іисуса Христа, котораго вся горная проповѣдь, по словамъ автора есть ничто иное, какъ слово о естественномъ законѣ. (Изслѣд. стр. 119). По мнѣнію его, изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что проповѣди поучающія обязанностямъ общежитія, и которыхъ исполненіе подтверждается побудительными началами взятыми изъ сущности вещей и соединенными съ вѣрою, никакъ не могутъ быть названы „не христіанскими“. Онъ упоминаетъ между прочимъ о нѣкоторыхъ человѣческихъ заблужденіяхъ и слабостяхъ, хотя и не заслуживающихъ весьма строгаго наказанія, но въ высшей степени опасныхъ по своимъ послѣдствіямъ, и о которыхъ большая часть проповѣдниковъ не рѣшаются говорить по чувству ложнаго стыда, и лучше согласятся не проповѣдывать, нежели упрекать слушателей въ суетной страсти къ роскошной одеждѣ, тщеславію, нерадѣніи о воспитаніи дѣтей, излишней любви къ спокойствію, пышности и пр., хотя пророки, Іисусъ Христосъ и его апостолы, обращали на помянутыя слабости вниманіе; между тѣмъ, такія проповѣди суть полезнѣйшія, такъ какъ въ людяхъ менѣе недостатка въ знаніи общихъ нравственныхъ законовъ, чѣмъ въ убѣжденіи ихъ необходимости и желаніи исполнять ихъ; и потому-то, общія проповѣди о добродѣтели и порокѣ не производятъ сильнаго

впечатлѣнія. Многіе исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности до нѣкоторой степени; преступныя же слабости свои, извиняютъ общественными условіями, или даже вовсе исключаютъ ихъ изъ числа порочныхъ поступковъ, и чувствуютъ себя едва-ли не правыми до тѣхъ поръ, покуда не поставятъ имъ на видъ, особенныхъ, имъ собственно принадлежащихъ пороковъ или слабостей; вслѣдствіе этого, особенныя нравственныя проповѣди возбуждаютъ нерѣдко ропотъ и негодованіе.

Автору кажется безспорнымъ, что слѣдуетъ часто поучать людей общественнымъ добродѣтелямъ въ виду недостатка народныхъ учрежденій, которыя бы могли сдѣлать это поученіе излишнимъ; проповѣди для простаго народа должны служить ему внушеніемъ понятія о гражданскихъ и домашнихъ обязанностяхъ, чего вовсе не исполняютъ наши школы и катехизическія упражненія, передающія дѣтямъ по большей части только мертвыя и не дѣйствующія ученія религіи; даже съ лѣтами, многимъ изъ нихъ при безграмотности и разобщеніи проповѣдника и пастыря съ паствою, остается одно средство—слушать наставленія въ храмахъ Божіихъ.—Такъ какъ религія, по словамъ автора, должна „втекать во всю жизнь нашу, управлять всѣми дѣйствіями и поступками нашими, то проповѣдникъ не пользующійся важностью и силою даваемыми ему религіею и не старающійся напечатлѣть въ сердцахъ слушателей непоколебимую любовь и вѣрность къ отечеству, повиновеніе и уваженіе къ властямъ, неподкупную честность, можетъ быть почитаемъ на равнѣ съ предателемъ религіи и государста, желающимъ ниспроверженія общественнаго покоя и безопасности; „эти проповѣдники," говоритъ онъ, „ничто иное какъ еретики, оставляющіе въ ножнахъ мечь, врученный имъ для сохраненія повсемѣстнаго покоя и тишины; еретики измѣняющіе Богу и государю."—Опровергая могущее послѣдовать возраженіе, что люди, слушая вышеупомянутыя проповѣди, сдѣлаются только добрыми гражданами, но не христіанами, что гражданскія добродѣтели проистекающія изъ страха наказанія, но не изъ внутренняго побужденія, не могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть христіанскими, авторъ говоритъ, что онѣ сами по себѣ праведны, святы, и что обязанность исполненія ихъ установлена самимъ Богомъ, и возобновлена Іисусомъ Христомъ въ Новомъ Завѣтѣ, почему и надлежитъ поучать христіанъ общественнымъ добродѣтелямъ, и доказывая ихъ св. писаніемъ, указывать также на происхожденіе ихъ изъ сущности вещей, взаимныхъ отношеній людей, опыта и здраваго разсудка.

Равнымъ образомъ опровергаетъ онъ неосновательность объясненія слѣдующаго мѣста св. писанія: „всяка еже не отъ вѣры, грѣхъ есть". Рим. гл. 14. ст. 24., которымъ стараются доказать, что всѣ

другія побужденія нашихъ дѣйствій, кромѣ основанныхъ на вѣрѣ, т. е. вытекающихъ изъ ученія о заслугахъ Іисуса Христа, дѣлаютъ поступки наши порочными. „Къ несчастію нашему," говоритъ авторъ, „подобныя мѣста св. писанія весьма часто объясняютъ неправильно, иногда же я съ намѣреніемъ утвердить дѣйствительно ложныя и „небиблейскія" ученія; онъ негодуетъ на проповѣдника извращающаго мѣста св. писанія до тѣхъ поръ, пока удастся ему наконецъ придать имъ согласный съ его желаніемъ смыслъ, и сдѣлать выводы, которые доставили бы ему случай показать небольшой запасъ своего знанія, состоящій въ неясныхъ и неправильныхъ понятіяхъ о покаяніи, вѣрѣ и добродѣтели; это самое и дѣлаетъ подобныя проповѣди однообразными и скучными, и даже усыпляетъ слушателей къ стыду проповѣдника, показывающаго непростительное нерадѣніе къ обработыванію публичныхъ своихъ поученій для паствы. Сдѣлаться подобнымъ проповѣдникомъ и составлять такія поученія, по мнѣнію автора, весьма легко: нужно только умѣнье употреблять въ рѣчи болѣе или менѣе искусные обороты, и представлять небольшія познанія свои въ различныхъ видахъ, не заботясь о предложеніи слушателямъ полезнаго ученія. Здѣсь онъ возвращается къ подробному и обстоятельному доказательству неправильнаго объясненія вышеприведеннаго мѣста изъ св. писанія, и заключаетъ разсужденіе свое помѣщеніемъ примѣчанія подтверждающаго приведенныя имъ доказательства (Изслѣд. стр. 129—132), и указывающаго на то, что изъ апостольскихъ посланій, и сочиненій древнѣйшихъ отцевъ церкви, слѣдовавшихъ непосредственно за апостолами, и потому совершенно понимавшихъ духъ писаній ихъ, явствуетъ, что насколько относится къ христіанству истинное правовѣріе, настолько же непорочность и человѣколюбіе; во всѣхъ писаніяхъ св. отцевъ преобладаетъ духъ благочестія и благоволенія, и они предлагаютъ ученіе о таинствахъ съ апостольскою простотою, и преподаютъ его какъ побудительныя начала къ добродѣтели, и особливо къ общему благоволенію, къ которому вѣра, какъ къ нѣкоторому средоточію все побуждаетъ и приводитъ. Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы проповѣдники насколько возможно болѣе, познакомились съ помянутыми писаніями, которыя просвѣщенію и сердцу ихъ принесли бы безконечную пользу; они усмотрѣли бы, какъ слѣдуетъ понимать и разумѣть апостоловъ, и то, что болѣе всего относится къ христіанской религіи; чтобы богословы и проповѣдники болѣе упражнялись въ чтеніи этихъ сочиненій первыхъ христіанскихъ учителей, и такимъ образомъ проповѣди наши опять подошли бы близко къ апостольской простотѣ, и стали бы для слушателей болѣе полезными. (Изслѣд. стр. 132—133). Онъ считаетъ

нужнымъ разсмотрѣть пространнѣе одинъ предметъ, тѣсно связанный съ представленнымъ выше разсужденіемъ; но то, о чемъ онъ желаетъ говорить, будучи неправильно понимаемо, сдѣлалось причиною большихъ пререканій, а именно: многіе поощряя къ добрымъ дѣламъ какъ необходимымъ для спасенія, хотятъ этимъ внушить, чтобы ихъ считали достойными награды, или дѣйствительными причинами спасенія, хотя эти оба понятія существенно между собою различны. Увѣренность что добрыя дѣла несомнѣнно „заслуживаютъ" быть отъ Бога награжденными, подобно тому, какъ исполненный трудъ наемника даетъ ему право на полученіе условной платы, есть ученіе самое несправедливое, предлагаемое корыстолюбивыми учителями между папистами [1]; между тѣмъ какъ благоразумные изъ нихъ, награду добродѣтели выводятъ единственно изъ благодати Божіей черезъ Іисуса Христа. Несправедливо обвиняютъ Социна, явно и прямо почитающаго прощеніе грѣшниковъ однимъ лишъ дѣйствіемъ Божескаго милосердія, и отступающаго отъ истины въ томъ, что воплощеніе Христа и крестную смерть Его, не признаетъ за событіе, совершившееся по премудрому совѣту Божьему, для нашего спасенія. Далѣе авторъ утверждаетъ, что твари ничего по праву не могутъ требовать отъ своего Творца; если мы не можемъ требовать нашего бытія, то также точно не имѣемъ права требовать продолженія его такъ или иначе. Въ подробномъ разсужденіи, доказывающемъ нелѣпости вышепомянутаго ученія, онъ между прочимъ говоритъ, что совершенно противно христіанству, проповѣдывать „фарисейство", т. е. представлять добродѣтель вообще безъ отношенія къ благодати Божіей, и искупленію нашему Христомъ, какъ дѣйствительную причину нашего спасенія; но не менѣе того противно христіанству и то, когда отвергаютъ вѣчную цѣну и непреложную необходимость правоты, и тѣмъ или другимъ образомъ, ослабляютъ стараніе христіанъ достигнуть цѣли; и изъ того что мы не можемъ почитать себя въ правѣ, несомнѣнно заслужить спасеніе нашими добрыми дѣлами, еще не слѣдуетъ что мы не должны пещись о томъ, чтобы пребыть праведными до конца. (Изслѣд. стр. 140). Въ настоящемъ разсужденіи своемъ, авторъ обращается къ свидѣтельству св. писанія, приводя его въ подкрѣпленіе выводовъ своихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняя слова пророковъ, апостоловъ и самаго Іисуса Христа.—Всѣ пререканія, возраженія и противорѣчія наполнившія разныя богословскія системы, произошли по мнѣнію автора отъ неточнаго пониманія и непра-

---

[1] Очевидно, что авторъ „Изслѣдованія" противникъ католицизма.

вильнаго толкованія различныхъ мѣстъ св. писанія; онъ въ заключеніе указываетъ на весьма ясное мнѣніе св. писанія о небесномъ блаженствѣ, научающее насъ, что оно есть единственно даръ Божій, и что для полученія его, требуется вѣра и правота; ему кажется удивительнымъ, что утверждаютъ, будто бы добрыя дѣла нисколько не служатъ къ умилостивленію Бога и нашему спасенію; причемъ говорятъ, что степень блаженства будетъ равняться степени добродѣтели человѣка; но если это имѣетъ такое одно къ другому отношеніе, то вѣчное блаженство можно назвать наградою благочестія, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ первое; потому что награда высшею или низшею степенью блаженства, зависитъ отъ большей или меньшей степени правоты.

За тѣмъ авторъ заявляетъ отъ лица своего, собственное и окончательное свое въ томъ убѣжденіе, и заключаетъ „изслѣдованіе" свое наставленіями, обращенными къ богословамъ и проповѣдникамъ, указывая имъ въ то же время на общія ихъ погрѣшности, какъ равно на ложное и нерѣдко вредное для христіанства направленіе; при чемъ между прочимъ, говоритъ и о себѣ, что „при познаніяхъ своихъ въ Богословіи, онъ какъ человѣкъ можетъ погрѣшить, и вѣроятно въ томъ или другомъ мѣстѣ погрѣшилъ." (Изслѣд. стр. 166).

Здѣсь кончается этотъ замѣчательный трудъ. Не смотря на старанія наши, намъ не удалось розыскать имена, ни автора „Изслѣдованія" (вѣроятно одного изъ извѣстныхъ въ свое время богослововъ), ни русскаго переводчика. Устарѣвшій языкъ перевода довольно тяжелъ, обороты рѣчи мѣстами не совсѣмъ вразумительны, и затемняютъ мысли автора. Настоящая книжка довольно рѣдка, вслѣдствіе постигшей ее конфискаціи въ числѣ другихъ книгъ изданныхъ мартинистами. Она показана въ „реэстрѣ книгамъ въ силу высочайшаго Ея Имп. Величества имяннаго указа, изъ разныхъ въ Москвѣ лавокъ отобраннымъ, и слѣдующимъ къ доставленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ контору" [1]. Она отмѣчена также въ реэстрѣ книгъ запрещенныхъ, найденныхъ въ московскихъ книжныхъ лавкахъ [2].

№ 142. Приглашеніе къ открытому испытанію обучающихся въ Пажескомъ двора **Ея Императорскаго Величества** Корпусѣ. 1787 года іюля 31 дня.—Начало въ 9 часовъ по полуночи.—Въ

---

[1] Лонгин. Новиковъ и москов. мартин. стр. 054. № 311. — [2] Тамъ же, стр. 063. № 17.

Санктпетербургѣ. Печатано въ вольной типографіи Ѳ. Брейткопфа. 1°. 4 ненум. стр. (считая и заглавн. листъ).

Чертковъ, Всеобщ. Библіот. Россіи 1838. ст. IV. стр. 298. № 30.

На заглавномъ листѣ виньета рѣзаная на деревѣ, изображающая вазу наполненную цвѣтами, съ лежащею на нихъ открытою книгою; вокругъ вазы цвѣточная гирлянда. Заглавіе въ рамкѣ сдѣланной изъ тройной черты. Текстъ на двухъ страницахъ, озаглавленный: „Порядокъ Испытанія, съ показаніемъ наукъ изъ которыхъ долженъ быть произведенъ экзаменъ воспитанникамъ корпуса, начиная съ четвертаго высшаго, и кончая первымъ, низшимъ классомъ.—Не безъинтересно испытаніе производившееся обучавшимся въ пажескомъ корпусѣ почти за сто лѣтъ назадъ; кромѣ того получаемъ понятіе объ объемѣ курса наукъ тогда въ немъ существовавшаго. Да и самая брошюра, или лучше два листа ее составляющіе, принадлежатъ къ разряду „летучихъ" объявленій, большею частью рѣдкихъ, то и считаемъ нужнымъ привести вполнѣ ихъ содержаніе; на первой страницѣ текста: Четвертый Классъ. I. Изъ плоской Тригонометріи, съ показаніемъ употребленія ея въ рѣшеніи задачъ, до практической Геометріи касающихся.—II. Изъ Артиллеріи: о литьѣ, осмотрѣ и пробѣ всѣхъ артиллерійскихъ орудій, съ показаніемъ разныхъ способовъ, употребляемыхъ при дѣйствіи изъ оныхъ; такожъ о понтонахъ и минахъ.—III. Изъ Фортификаціи: о лучшихъ способахъ укрѣпленія регулярныхъ и иррегулярныхъ мѣстъ; такожъ о атакѣ и оборонѣ крѣпостей. — IV. Изъ прикладной Математики, какъ то: изъ Механики, Оптики, Катоптрики, Діоптрики и Астрономіи.—V. Изъ естественной Исторіи: о царствѣ ископаемомъ.—VI. Изъ всеобщей Исторіи: о Македонянахъ.—VII. Изъ всеобщей Географіи: о Даніи и Норвегіи.—VIII. Изъ Россійской Риторики: о изобрѣтеніи и расположеніи.—IX. Сверьхъ того упражняться будутъ съ Греческаго и Латинскаго, такожъ X. Съ французскаго и Нѣмецкаго языковъ на Россійской, съ пріобщеніемъ грамматическихъ и синтактическихъ правилъ.—Третій классъ. I. Изъ естественной Исторіи: о царствѣ ископаемомъ.—II. Изъ Алгебры: о содержаніяхъ, пропорціяхъ и прогрессіяхъ, съ задачами на оныя.—III. Изъ всеобщей Исторіи: о древнемъ состояніи Италіи.—IV. Изъ всеобщей Географіи: о Нѣмецкой Имперіи.—V. Изъ всей Россійской Грамматики и Синтаксиса.—VI. Изъ всей Нѣмецкой Грамматики съ пріобщеніемъ переводовъ съ сего языка на Россійской.—VII. Изъ всей Французской Грамматики съ пріобщеніемъ переводовъ съ сего языка на Россійской.—

VIII. Сверьхъ того упражняться будутъ въ переводахъ съ Греческаго и Латинскаго языковъ на Россійской. На второй страницѣ: Вторый Классъ. I. Изъ пространнаго Катихизиса: о вѣрѣ Евангельской съ доказательствами изъ священнаго писанія.—II. Изъ второй части Ариѳметики: о тройномъ правилѣ въ разныхъ его видахъ.—III. Изъ всеобщей Исторіи: о Египетской Монархіи отъ начала ея, до нынѣшнихъ временъ. —IV. Изъ Россійской Географіи: о качествѣ земли и естественныхъ произведеніяхъ Россійскаго Государства.—V. Изъ Россійской Грамматики.—VI. Изъ Французской Грамматики: о произношеніи съ пріобщеніемъ словесныхъ переводовъ съ сего языка на Россійской. — VII. Изъ Нѣмецкой Грамматики: о произношеніи, съ пріобщеніемъ словесныхъ переводовъ съ сего языка на Россійской. — Первый Классъ. I. Изъ сокращеннаго Катихизиса.—II. Изъ священной Исторіи: до переселенія Іакова во Египетъ.—III. Изъ первой части Ариѳметики, до тройнаго правила.—IV. Изъ Французскаго языка: о произношеніи, съ пріобщеніемъ самыхъ легкихъ переводовъ съ сего языка на Россійской.— V. Изъ Нѣмецкаго языка: о произношеніи, съ пріобщеніемъ самыхъ легкихъ переводовъ съ сего языка на Россійской.

Сверхъ сего, будетъ предложено письмо учащихся на Россійскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ; также Рисунки, Архитектурные и Артиллерійскіе чертежи и Фортификаціонные планы.

№ 143. Истинна или Выписка о Истиннѣ.—**Ярославль.** Печатано съ указнаго дозволенія 1787 года. м. 4°. 366 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). Оглавленіе матеріямъ, стр. 362—363; погрѣшности, стр. 364—366.

Смирд. Приб. 2. 1832. № 10315. стр. 14.

На первой нум. страницѣ напечатано курсивомъ слѣдующее извѣстіе: „Для Любопытнаго Читателя". Сочинитель выписки упомянулъ, что онъ выбиралъ изъ книгъ и тетрадокъ, изъ вѣдомостей и прибавленій печатныхъ Россійскихъ, коихъ только онъ у себя имѣлъ и коихъ въ близи доставать могъ. Упомянулъ же о Богословскихъ добродѣтеляхъ, то есть о Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви, которыя между собою связаны, и каждая съ другими имѣетъ сообщеніе. Къ сей выпискѣ принудило его то, что онъ, доживъ до 80 лѣтъ, примѣтилъ кривотолковъ о нужномъ въ жизни, а паче о христіанствѣ. Тутъ же вмѣщены нѣкоторыя званія, которыя упоминаются въ Богослуженіи Греческаго Исповѣданія, такожъ о человѣчествѣ, отчасти о нѣкото-

рыхъ наукахъ. И вкратцѣ о системѣ свѣта и о прочемъ въ славу недомысленнаго существа.—Внизу страницы находится „Примѣчаніе“ о сокращеніяхъ употребленныхъ собирателемъ выписокъ, съ указаніемъ служившихъ для нихъ книгъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вся книга состоитъ изъ афоризмовъ или изрѣченій, относящихся къ Богопознанію, философіи, и различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія и пр., извлеченныхъ изъ немалаго количества оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія; подъ каждою выпискою указано названіе книги, изъ которой она сдѣлана. Въ началѣ помѣщены выписки: О Истиннѣ или Высочайшемъ Существѣ (стр. 5—37); затѣмъ слѣдуетъ: Часть 1. О Вѣрѣ (стр. 38—126), содержащая въ себѣ: „Для Сумнящихся о Вѣрѣ (стр. 63—92), и „Увѣщаніе къ Вѣрѣ (стр. 92—126).—Часть 2. О Надеждѣ (стр. 126—210). „Увѣщаніе къ Надеждѣ (стр. 149—183), и „Противное Надеждѣ (стр. 183—209).—Часть 3. О Любви (стр. 210—314); „Увѣщаніе къ Любви (стр. 236—290), и „Противное Любви (стр. 291—314).—Въ концѣ книги приложено: Особая Выписка о разныхъ званіяхъ въ Славу недомыслимаго Существа, какъ въ Божественномъ Писаніи, въ богослуженіяхъ званія толкуются (стр. 315—324).—О наукахъ (стр. 324—335).—О Человѣчествѣ (стр. 335—345).—О разныхъ званіяхъ (стр. 346—351).—О системѣ Свѣта (стр. 351—357).—О Свѣтѣ и о частяхъ его (стр. 357—361).

Составителемъ настоящаго сборника былъ архимандритъ Іоиль, о которомъ сохранилась на порожнемъ листкѣ верхней стороны переплета описываемаго экземпляра, слѣдующая собственноручная замѣтка, одного изъ прежнихъ владѣльцевъ книги, Сергѣя Соковнина: „Сочинитель сей книги мужъ ученый и добродѣтельный, послѣдній священно-архимандритъ Спасо-Ярославскаго монастыря Іоиль, остатокъ дней своихъ препровода на обѣщаніи въ означенномъ монастырѣ богоугодно, преселился въ вѣчное блаженство 1799 года, 92 лѣтъ отъ рожденія.—Я, Сергѣй Соковнинъ, будучи нѣсколько лѣтъ при должности въ Ярославлѣ, пользовался знакомствомъ сего почтеннаго мужа; почасту наслаждался его приятною со мною бесѣдою и духовными наставленіями. Желаю искренно, да Господь Богъ со святыми упокоитъ душу его, и да будетъ ему вѣчная память!...“—Изъ упомянутаго въ этой припискѣ года кончины и лѣтахъ о. Іоиля, слѣдуетъ, что онъ родился въ 1707 году, и имѣлъ во время изданія въ печать своего труда 80 лѣтъ отъ роду. Подобно трудолюбивой пчелѣ, собирающей медъ изъ различныхъ цвѣтовъ, почтенный старецъ извлекалъ

изъ многихъ и разнородныхъ книгъ мѣста, относившіяся къ предметамъ его размышленій, и доставлявшія пищу его духу. Не говоря уже о книгахъ св. писанія, и вообще о сочиненіяхъ духовнаго содержанія, относящихся къ Богословію, философіи и другихъ книгъ научной важности, о. Іоиль находилъ возможнымъ дѣлать нужныя ему извлеченія изъ литературныхъ произведеній свѣтскаго и даже относительно легкаго содержанія, не могущихъ повидимому представлять, подобно первымъ, обширнаго поля для выписокъ. Такъ между указанными имъ книгами, находятся между прочимъ слѣдующія: „Всякая Всячина" (сатирич. журналъ), „Т. (тетрадь для прекраснаго пола)", „Забавный философъ", „Настоятель Килеринскій", „Свѣтская Школа", „Уединенный Испанецъ", и т. п. Не малаго труда стоило прочитать массу книгъ, указанныхъ авторомъ въ его сборникѣ, и это только для того, чтобы встрѣтить въ нихъ мысль, нѣсколько строкъ, имѣющихъ отношеніе къ высокимъ предметамъ, занимавшихъ умъ трудолюбиваго старца!

Другое, не менѣе любопытное свѣдѣніе объ отцѣ Іоилѣ и его библіотекѣ находится въ письменныхъ отвѣтахъ графа Мусина-Пушкина на вопросы К. Ѳ. Калайдовича о рукописномъ памятникѣ русской письменности XII вѣка: „Слово о полку Игоревѣ", подлинникъ котораго, открытый графомъ въ 1795 году, ему принадлежавшій, погибъ въ пожарѣ 1812 года. Между помянутыми отвѣтами гр. Мусина-Пушкина Калайдовичу о рукописи, на вопросъ послѣдняго о ея мѣстонахожденіи, графъ отвѣчаетъ: „До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности. По уничтоженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился въ недостаткѣ, по тому случаю, коммиссіонеръ мой купилъ у него всѣ русскія книги, и въ числѣ коихъ въ одной подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено: „Слово о полку Игоревомъ" [1]...

№ 144. Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова **1787**, которое есть **простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи.—Въ Санкт-**

[1] Приведенное здѣсь, помѣщено въ одномъ изъ новѣйшихъ изданій этого важнаго памятника нашей древней письменности: Слово о полку Игоревѣ, поэтическій памятникъ русской письменности XII вѣка. Перев. Яковъ Малашевъ. М. Изд. братьевъ Салаевыхъ. 1871 г. стр. 3.

петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 155 нум. и 1 ненум. стр. (оглавленіе).

Геннади. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 366.

Опуская означенныя римскими цыфрами VII начальныхъ и довольно извѣстныхъ, содержащихся въ предъидущихъ мѣсяцословахъ статей, упомянемъ лишь объ Вѣдомости о городахъ (подъ цыфрою VIII), учрежденныхъ вновь въ Россіи въ царствованіе Екатерины Второй, которыхъ въ настоящемъ мѣсяцословѣ показано 218; и переходимъ къ „Продолженію хронологическаго списка достопамятнѣйшихъ происшествій въ 1785 и 1786 годахъ (IX. стр. 88—105). Ноябрь 1. Обнародованы манифестомъ статьи до торгу касающіяся, заключенныя между здѣшнимъ и Римскимъ Императорскими дворами. 29. Россійской Императорской Генералъ-Консулъ имѣлъ публичное шествіе въ Александрію верхомъ, каковой чести ни единой Консулъ протчихъ державъ не имѣлъ. При выставленіи на Консульскомъ домѣ Императорскаго штандарта, учинено 20 пушечныхъ выстрѣловъ, и всѣ въ гаванѣ стоящіе корабли подняли флаги, и привѣтствовали тремя выстрѣлами. — Декабрь 27. Здѣшняя Императорская Академія Наукъ праздновала шестидесятый годъ своего учрежденія чрезвычайнымъ собраніемъ. — Россійскій купеческій фрегатъ прибылъ съ грузомъ изъ Константинополя въ Ливорну.—Въ прошедшемъ году родилось въ Санктпетербургѣ 3127 мальчиковъ и 2982 дѣвушки, всего вообще 6109; умерло же 3937 мужскаго и 1825 женскаго полу, всего вообще умерло 5762 человѣка. Бракомъ сочеталось 1472 пары;—Въ Казанской епархіи родилось 40616, померло 19763 человѣка, а бракомъ сочеталось 13256 паръ; въ Харьковскомъ Намѣстничтствѣ родилось 31248, померло 18518 челов., бракомъ сочеталось 4853; въ Коломенской епархіи родилось 24241, померло 9349 человѣкъ, а бракомъ сочеталось 6318 паръ; въ Ростовской епархіи родилось 17943, померло 9769 челов., сочеталось бракомъ 6562 пары; въ Костромской епархіи родилось 13711, померло 7936 челов., сочеталось бракомъ 5453 пары; въ Архангелогородской епархіи родилось 8675, померло 6977, сочеталось бракомъ 1913 паръ. Изъ сего числа умершихъ было 28 человѣкъ, кои достигли 100—119 лѣтъ.—Въ Кронштатъ прибыло кораблей числомъ до 665, изъ коихъ послѣдніе четыре прибыли 22 октября; а отсюда отправилось въ море 659, послѣдніе три пошли октября 24.—Въ Архангельскъ пришло 94 корабля, а отправились 101 корабль.—На рыбную ловлю къ Шпицбергену, на Новую Землю и къ прочимъ мѣстамъ по берегамъ Сѣвер-

наго моря лежащимъ, пошло 305 судовъ, а оттуда возвратилось 307.—отпущено изъ здѣшнихъ гаваней товаровъ на 13 милліоновъ 497 рублей, привезено на 10 милліоновъ 33785 рублей.—Въ портовую таможню вступило 3 милліона 82698 руб.—1786 годъ. Генварь 1. Правительствующій Сенатъ приносилъ Ея Императорскому Величеству отъ всего государства всеподданнѣйшую благодарность за всѣ Ея Имп. Величествомъ въ прошедшемъ году оказанныя подданнымъ благотворенія, а наипаче за пожалованныя дворянству и городамъ права и преимущества.—11—16. Происходили выборы судьямъ въ Санктпетербурской губерніи, коихъ торжество заключено было маскарадомъ и иллюминаціею.—29. Ея Имп. Величество Всемилостивѣйше благоволила конфирмовать планъ учрежденія Водоходнаго училища.—Февраль 4. Ея Имп. Высочество Великая Княгиня Марія Өеодоровна разрѣшилась благополучно отъ бремени Великою Княжною Маріею Павловною.—12. Происходило крещеніе новорожденной Великой Княжны Маріи Павловны, при здѣшнемъ Императорскомъ дворѣ, въ придворной церквѣ.—Ея Императорское Величество указомъ обнародовала, чтобъ вмѣсто доселѣ употребляемаго слова „челобитная", впредь писать „жалобница" или „прошеніе", а вмѣсто „бьетчеломъ", „приноситъ жалобу", или „покорнѣйше проситъ"; также на концѣ прошенія болѣе не писать „всеподданнѣйшій рабъ", но просто: „всеподданнѣйшій", или „вѣрноподданный"; и вообще ни на чемъ не писаться „рабомъ", но „вѣрноподданнымъ".—Мартъ. Ея Имп. Величество, Московскому Университету всемилостивѣйше пожаловала на строеніе 125000 руб., и всѣ оставшіеся отъ Кремля матеріалы.—16. Объявленъ Ея Имп. Величества указъ, что съ 1 сентября, нынѣшняго 1786 года, употребленіе прежнихъ государственныхъ ассигнацій уничтожается, а вмѣсто нихъ введены будутъ новыя; также назначенъ полугодовой срокъ, во время котораго, прежнія ассигнаціи вымѣнивать, или за оныя денежный платежъ получать можно.—25. Обнародованъ Высочайшій Ея Имп. Величества указъ, чтобы во всемъ Россійскомъ государствѣ, не отягощающія ни мало подданныхъ дороги строены и поправлены были на казенное иждивеніе; и на строеніе дороги между Санктпетербургомъ и Москвою, опредѣлено четыре милліона.—Апрѣль 10. Ея Имп. Величество изволила подписать новой для арміи штатъ.—Май 6. Обнародовано высочайшее Императорское имянное повелѣніе о учрежденіи карантиновъ.—Іюнь 28. Какъ каждый годъ премудраго царствованія нашей Августѣйшія Монархини славенъ примѣромъ неусыпнаго попеченія Ея о благѣ своихъ подданныхъ, то также достоинъ памяти первой день Ея двадцатипятилѣт-

наго царствованія, наипаче тѣмъ, что обнародованъ „Ея Имп. Величества высочайшій манифестъ о учрежденіи государственнаго заемнаго банка.—Августъ 5. Ея Имп. Величество изволила Всемилостивѣйшимъ подписаніемъ конфирмовать уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи.—23. Въ Москвѣ положено основаніе съ великимъ торжествомъ, къ Университетскому зданію.—Сентябрь 12. Въ двадцати пяти Намѣстничествахъ открыты народныя училища.—Число прибывшихъ въ Кронштатъ кораблей, простиралось до 808.

Извѣстія помѣщенныя въ концѣ, и неизмѣнно обычныя въ каждомъ мѣсяцословѣ, также, подобно находящимся въ началѣ его, опускаются.

1788.

№ 145. Комедія Разстроенная Семья осторожками и подозрѣніями. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1788 года. 8°. 130 нум. стр.

Сопик. ч. 3. № 5589—Плавильщ. ч III. № 5868.—Смирд. ч. III. № 7323.—Митр. Евген. Словарь. о свѣтск. писат. 1845. т. I. стр. 208.—Лонгиновъ. Драматич. сочинен. Екатерины II. отдѣльн. оттискъ стр. 18. № XIX. Дневникъ А. В. Храповицкаго Н. Барсукова 1874. Спб. стр. 50.—Щебальскій. Драм. сочин. Екат. II. Русск. Вѣстн. 1871. т. 93. № 5. стр. 128—129.

Императрица говорила А. В. Храповицкому, что писала эту пьесу, больше пяти недѣль; онъ переписывалъ ее съ 22 сентября по 11 декабря 1787, а 29 декабря уже состоялось первое ея представленіе на публичномъ театрѣ. Екатерина осталась особенно довольною Я. Е. Шушеринымъ, и актерамъ дано въ награжденіе 2000 рублей; января 6-го, для эрмитажныхъ представленій, сдѣлано авторомъ въ комедіи прибавленіе, гдѣ выведено было новое дѣйствующее лицо—Услужниковъ, въ которомъ изображенъ А. Н. Глѣбовъ [1]; но означенное прибавленіе съ новой ролью Услужникова не вошло въ печатныя изданія. Января 7-го, комедію играли въ Эрмитажѣ, за что на другой день, актеръ Дмитревскій получилъ табакерку; 6-го февраля Храповицкій поднесъ государынѣ нѣмецкій переводъ „Разстроенной Семьи“, сдѣланный Арндтомъ, и озаглавленный: „Der Familien-Zwist, durch falsche Warnung und Argwohn. Ein Lustspiel. Aus dem russ. übersetzt. St. Petersburg. 1788. 8°. 124 s. [2] Экземпляръ посланъ Циммерману

---

[1] Алексрндръ Ивановичь Глѣбовъ былъ Генералъ-Прокуроромъ до князя Вяземскаго; отставленный отъ службы, жилъ на покоѣ въ Москвѣ.—[2] Щебальскій полагаетъ, что былъ другой переводъ комедіи, кромѣ сдѣланнаго въ Пе-

8 мая. Есть и голландскій переводъ (съ нѣмецкаго), въ сборникѣ изданномъ въ Амстердамѣ въ 1789 году. Экземпляръ этого перевода находится въ имп. публичн. библіотекѣ въ Петербургѣ [2]. Кромѣ отдѣльнаго оттиска комедіи, напечатаннаго въ 1788 году, она помѣщена въ 20-й части „Россійскаго Ѳеатра; и перепечатана въ извѣстномъ Смирдинскомъ изданіи.

Что касается до содержанія комедіи, то приводимъ его здѣсь въ краткихъ словахъ: У Панкрата Собрина и жены его двое дѣтей— дочь Прелеста и сынъ Иванъ; супруги живутъ въ согласіи и любви, дѣти у нихъ въ послушаніи, и за родительскую нѣжность платятъ взаимною любовью. Собрины собираются выдать Прелесту за влюбленнаго въ нее, и пользующагося ея расположеніемъ Добрина, причемъ отецъ ея сверхъ назначенныхъ ей денегъ, прочаго приданаго и деревни передаваемой ей матерью, намѣренъ купить ей домъ, который, посредствомъ стариннаго своего друга Предына, думаетъ пріобрѣсти у нѣкоего Двораброда; о всемъ этомъ, призвавъ дѣтей, имъ и объявляетъ. На бѣду Собриныхъ, помянутый владѣлецъ дома, заложеннаго какому-то купцу, ничто иное, какъ злоязычный сплетникъ, смутникъ и клеветникъ, втирающійся въ домà, для того, чтобы поселять въ семействахъ раздоръ и вражду; привезенный Предыномъ къ Собринымъ онъ подслушиваетъ разговоры членовъ семьи, и даже прислуги, которымъ придаетъ предполагаемый или выдумаевымый имъ самимъ смыслъ, и потомъ употребляетъ ихъ какъ матеріалъ для гнусныхъ сплетенъ и клеветъ, съ цѣлью произвести ссоры и всеобщее разстройство; такимъ образомъ, въ Прелестѣ поселяетъ онъ недовѣріе и охлажденіе къ любимому человѣку, выдумывая на него разныя небылицы; его же старается отдалить отъ невѣсты, вооружаетъ сына противъ отца, внушая молодому человѣку, что онъ живетъ у родителей въ стѣсненіи, не получаетъ порядочнаго содержанія, и вѣроятно чтобы показать ему въ дѣйствительности всю прелесть свободы, завлекаетъ его въ общество извѣстныхъ въ городѣ игроковъ и мотовъ. Самаго Собрина наводитъ на мысль подозрѣвать свою немолодую уже жену, въ близкихъ отношеніяхъ съ старымъ другомъ перваго,

---

тербургѣ Арндтомъ, показанный у Эберта (Allg. bibl. Lex.), и напечатанный въ Берлинѣ 1789 года. Кераръ упоминаетъ о французскомъ переводѣ этой пьесы, подъ заглавіемъ La Désunion de famille par faux avis et soupçons 1787 (?). (Драм. Соч. Екат. II. Щебальск. Русск. Вѣстн. 1871. № 5. стр. 128—129).—[2] Геннади: „Еще о драматическихъ сочиненіяхъ Екат. II. (Библіогр. Зап. 1858. т. I. столб. 505, и его же „Справочн. Слов. т. 1. стр. 339 гдѣ указано это изданіе подъ заглавіемъ: „De Familietwist; Blijspel. Amsterdam. 1789. 8°.

Прединомъ; наконецъ Дворабродъ ссоритъ между собою слугу и горничную, жившихъ до того въ совершенномъ ладу. Вслѣдствіе его козней, Прелеста не хочетъ идти за Добрина, Иванъ выходитъ у отца изъ повиновенія, и слуга Трофимъ отказывается отъ горничной Мавры, недавняго предмета любви своей. Словомъ, по милости Двораброда, полнѣйшій раздоръ въ домѣ Собриныхъ, заступаетъ мѣсто любви, тишины и согласія. Къ счастью, Собрина въ разговорѣ съ мужемъ, обнаруживаетъ подозрѣніе на козни Двораброда; Прелеста указываетъ на него, какъ на человѣка, говорившаго ей дурно о женихѣ ея, и за тѣмъ общими, взаимными объясненіями, Дворабродъ выводится на свѣжую воду; Собринъ выгоняетъ его изъ своего дома, и мирится съ женою; Прелеста соглашается идти за Добрина, который приводитъ дядю своего Таккова, потерявшаго по его словамъ память, вслѣдствіе удара затылкомъ о ступени каменной лѣстницы; ему также сообщаютъ о бракѣ племянника, что онъ какъ видно не скоро и не слишкомъ ясно понимаетъ. Въ заключеніе, Трофимъ и Мавра помирившись, испрашиваютъ у господъ своихъ позволеніе вступить въ бракъ, которое и получаютъ.

Замѣтимъ, что на изображеніе А. Н. Глѣбова въ роли „Услужникова", выведеннаго въ прибавленіи къ комедіи, находится намекъ въ 5-мъ дѣйствіи самой пьесы. Когда Иванъ, сынъ Собрина, вполовину совращенный съ пути Дворабродомъ, возвращается въ сопровожденіи послѣдняго съ прогулки домой, то на вопросъ отца: гдѣ, онъ былъ, отвѣчаетъ: „я батюшка теперь былъ у господина Двораброда, и видѣлъ собраніе людей разныхъ. Собринъ.—„Кто же таковы?" Иванъ. „Во первыхъ Услужниковъ, которой у многихъ въ большомъ уваженіи".—Собринъ. „Сія особа довольно извѣстна; понеже говорятъ будто торгуетъ подрядами, и отъ сего нажилъ барыши, паче же сдѣлался нужнымъ, доставляя разнымъ людямъ забавы..."— Дворабродъ. „Онъ сударь дѣлаетъ людямъ нѣкоторыя одолженія.... только правду сказать не вовсе даромъ." [1]

№ 146. Еротоиды. Въ Санктпетербургѣ. Печатано съ дозволенія Управы Благочинія у Шнора. м. 12°. 84 нум. стр.; на послѣдней

---

[1] Разстроен. Семья. Дѣйств. 5. явл. 4. стр. 107.— На заглавномъ листѣ описываемаго экземпляра комедіи, принадлежавшаго петербургскому оберъ-полиціймейстеру. Никитѣ Ивановичу Рылѣеву, помѣчено имъ собственноручно: „Пожалована Ея Величествомъ изъ своихъ ручекъ 1788 года, Генваря 26 дня, по полудни въ 9 часу".

подпись: **Николай Струйской.**— На первой и послѣдней страницахъ по виньеттѣ.

На 2-й страницѣ книжки слѣдующій эпиграфъ:

Ероту пѣсни посвящаю
Еротомъ жизнь мою прельщаю
Еротъ въ мой вѣкъ меня любилъ;
Еротъ мнѣ въ грудь стрѣлами билъ:
И пламень сей тобой Сапфира ощущаю!

Книжка содержитъ въ себѣ XXIV стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя посвящены помянутой въ выше приведенномъ эпиграфѣ „Сапфирѣ"; въ другихъ воспѣваются музы и любовныя похожденія баснословныхъ боговъ. Хотя и не всегда легко уловить смыслъ въ произведеніяхъ рузаевскаго метромана, изъ которыхъ нѣкоторыя указаны въ настоящемъ обозрѣніи, но въ этомъ его стихотвореніи, если не ошибаемся, дѣло кажется идетъ о несовмѣстимости нѣжныхъ чувствъ любви съ грубою чувственностію. Для образца стиховъ, которыми написаны „Эротоиды", приводимъ одну изъ нихъ, помѣщенную на страницѣ 11-й, подъ №: IV, съ соблюденіемъ правописанія стихотворца:

Не могутъ быть не злобны
Коль ставъ толико дерзски,
Любовь въ насъ презираютъ
Ерота презираютъ!
Съ коликимъ духа рвеньемъ,
Со грубостью коликой
Тоя и сами алчутъ?
Но чтобъ ихъ возлюбляти:
Конечно не достойно?..
Вкусить любви не могутъ,
А естьли и вкушаютъ,
Владѣя Красотами,
Не инакъ какъ Кентавры,
А имъ въ любви и служатъ,
Еще и страстно служатъ!
Въ минуты уреченны?...
Увы!... которы дышутъ,
Въ грудь грубымъ дыхновеньемъ,
И тѣ нектаръ вкушаютъ?
Съ желѣзнымъ сердцемъ твердымъ
Едва вздыхати знаютъ.

№ 147. Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова 1788, которое есть Високосное, содержащее въ себѣ 366 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 152 нум., 1 ненум. стр. (оглавленіе) и гравиров. изображ. императрицы.

Геннади, Справочн. Слов. т. 2. стр. 366.

Содержаніе мѣсяцослова одинаковое съ изданнымъ въ 1787 году; въ статьѣ подъ № IX: Продолженіе хронологическаго списка достопамятнѣйшихъ произшествій въ 1786 и 1787 годахъ", находимъ слѣдующія извѣстія, относящіяся къ Россіи: 1786 годъ. Октябрь 31: Какъ здѣсь (въ Спб.), такъ иностранныхъ и южныхъ странахъ, чрезвычайно рано стужа началась; рѣка Нева, которая только 187 дней стояла открытою, покрылась льдомъ почти въ одну ночь, съ 26 на 27 число, и многіе къ отправленію въ путь, въ Кронштадтѣ въ готовности лежащіе корабли, ради льду принуждены были остаться (стр. 88).—Ноябрь 29. Тамбовское дворянство при случаѣ открытія въ ономъ Намѣстничествѣ народныхъ училищъ, учредило театръ, который въ день Высочайшаго тезоименитства Ея Имп. Величества, торжественно открытъ (стр. 89).—Декабрь 31. Въ здѣшней столицѣ, сего года родилось 6137 душъ, померло 7738, вступило въ брачный союзъ 1508 паръ.—Въ Архангелогородской епархіи родилось 9201, померло 6368 душъ, въ законный бракъ вступило 2142 пары (стр. 91).—Въ Ростовской епархіи родилось 14162, померло 11518 душъ, а въ законный бракъ вступило 5504 пары.— При выборѣ въ Архангелогородскомъ Намѣстничествѣ членовъ въ присутственныя мѣста, жители города Архангельска, согласно съ Высочайшимъ намѣреніемъ Всемилостивѣйшей Государыни опредѣлили, въ приказъ общественнаго призрѣнія, внести двадцать тысячь рублей.—Сего года на Россійскихъ корабляхъ, чрезъ каналъ изъ Константинополя въ Россійскія гавани, привезено товаровъ на 942797 турецкихъ піастровъ. (стр. 92).— 1787 годъ. Генварь 1. Правительствующій Сенатъ приносилъ отъ лица всего народа Ея Имп. Величеству въ аудіенцъ-камерѣ всеподданнѣйшую благодарность за всѣ въ истекшемъ году изліянныя щедроты; а особливо за Высочайше изданный указъ о не употребленіи впредь предъ Монаршимъ престоломъ имени раба, и за учрежденіе государственнаго заемнаго банка.—Въ пяти уѣздныхъ городахъ Тамбовскаго Намѣстничества: въ Козловѣ, Лебедянѣ, Моршанскѣ, Шацкѣ и Елатмѣ, открыты нижнія народныя училища.—2. Всемилостивѣйшая

Государыня изволила отбыть изъ здѣшней столицы, при пушечной пальбѣ. (стр. 92).—7. Ея Имп. Величество изъ Сарскаго Села изволила предпринять путешествіе въ полуденныя страны. (стр. 93).— 29. Всемилостивѣйшая Государыня путешествуя къ полуденнымъ странамъ чрезъ разные Россійскіе города, и изъявляя повсюду убѣдительнѣйшія знаки Высочайшаго Своего благоволенія и щедроты, при вожделеннѣйшемъ здравіи, въ Кіевъ прибыть изволила.—31. Въ началѣ сего мѣсяца, благоугодно было Ея Имп. Величеству, яко Покровительницѣ Наукъ и Художествъ, къ опредѣленной на содержаніе Московскаго Университета суммѣ, Всемилостивѣйше пожаловать еще девять тысящъ. (стр. 94—95).—Февраль 14. Открыты въ осми городахъ Рязанскаго Намѣстничества, какъ то: въ Пронскѣ, Спаскѣ, Ряжскѣ, Сапожкѣ, Раненбургѣ, Данковѣ, Михайловѣ и Егорьевскѣ нижнія народныя училища. (стр. 95).—23. Е. В. Король Польскій отправился изъ Варшавы въ лежащій на Днѣпрѣ городъ Каневъ, для свиданія съ Ея Имп. Величествомъ, Самодержицею Всероссійскою. (стр. 96). Мартъ 31. Въ уѣздныхъ городахъ Ярославскаго Намѣстничества: въ Ростовѣ, Угличѣ, Мологѣ, и Романовѣ, равно въ Устюгѣ и Грязовцѣ Вологодскаго Намѣстничества, открыты народныя училища. (стр. 97).—Апрѣль 21. Ея Имп. Величество, высочайше предпріять изволила изъ Кіева, путешествіе по Днѣпру.—Изданъ Ея Имп. Величествомъ манифестъ къ споспѣшествованію тишины и согласія сограждамъ въ государствѣ.—25. Не подалеку отъ Польскаго городка Каневъ именуемаго, Ея Имп. Величество изволила Всевысочайшее имѣть свиданіе съ Королемъ Польскимъ на галерѣ „Днѣпръ" называемой. (стр. 98).—30. Ея Имп. Величество изволила удостоить Всевысочайшимъ Своимъ посѣщеніемъ городъ Кременчугъ. (стр. 99).— Май 6, 7 и 8. Пришло въ Кронштатдскую гавань 48 иностранныхъ кораблей.—9. По полученному извѣстію, что знаменитый Путешественникъ Графъ Фалкенштейнъ, бывъ уже въ Херсонѣ, предпринялъ путь въ Новой Кайдакъ; Ея Имп. Величество, оставя путешествіе водою, изволила предприять оное сухимъ путемъ, и неподалеку отъ вышереченнаго мѣста, встрѣчена Графомъ Фалкенштейномъ. (стр. 99).— 12. Ея Имп. Величество въ сопровожденіи Гр. Фалкенштейна изволила прибыть благополучно въ Херсонъ.— 17. Е. Имп. Величество изволила продолжать Высочайшее Свое путешествіе изъ Херсона въ Крымъ. (стр. 100).—30. Ихъ Имп. Высочествамъ, Великимъ Княжнамъ Еленѣ Павловнѣ и Александрѣ Павловнѣ привита съ желаемымъ успѣхомъ оспа. (стр. 101).—Іюнь 2. Графъ Фалкенштейнъ окончивши путешествіе съ Ея Имп. Величествомъ по Тавридѣ, слѣдовалъ съ

Всемилостивѣйшею Государынею до Берислава, оттуда воспріялъ возвратной путь въ свои земли.—23. Ея Имп. Величество Всемилостивѣйшая наша Монархиня воспріявъ возвратной изъ Тавриды путь чрезъ Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Орелъ и Тулу, изволила при вожделѣнномъ здравіи прибыть въ село Коломенское, отъ Москвы въ 7 верстахъ лежащее. (стр. 101—102).—Іюль 4. Ея Имп. Величество, изъ Коломенскаго изволила предпріять обратное путешествіе въ Санктпетербургъ.—11. Ея Имп. Величество, по шестимѣсячномъ отсутствіи, изволила чрезъ Тверь, Валдай, Вышній Волочокъ и Новгородъ, ко всеобщей здѣшнихъ жителей радости, при вожделѣнномъ здравіи прибыть возвратно въ Царское село. (стр. 102).— Августъ 5. Находящійся при Оттоманской Портѣ, Россійской Полномочный Министръ и чрезвычайной Посланникъ, дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Булгаковъ, заключенъ въ Семибашенной замокъ: таковой вѣроломной и народнымъ правамъ противной поступокъ противъ Россіи, за дѣйствительное объявленіе войны со стороны Порты почитать должно.— 21. Лежащій при Очаковѣ Турецкой флотъ, учинилъ сильное нападеніе на Россійской фрегатъ „Скорый" и ботъ „Битюгъ"; но храбрымъ сопротивленіемъ фрегата и бота отраженъ, и въ бѣгство обращенъ. (стр. 103).

На гравюрѣ довольно плохой работы приложенной къ мѣсяцослову: круглый медальонъ украшенный вверху бантомъ продернутой въ ушко ленты, и внизу дубовою и лавровою вѣтвями, съ изображеніемъ бюста императрицы въ профиль, обращеннаго вправо, съ короною и лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Подъ медальономъ доска съ надписью: Екатерина II, и подъ гравюрою литеры: Г. Л. Ф.

1789.

№ 148. Опера Комическая Февей. Въ С: П: бургѣ въ Типографіи Горнаго Училища 1789 г. 8°. 58 стр. текста и CCIV (ноты) заглавные листы: первый въ оперѣ, и второй къ нотамъ гравированные, также какъ и самыя ноты.

Сопик. ч. 4. № 7501.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. стр. 622. № 3.— Геннади. Справочн. Слов. 1876. т. 1. стр. 339.—Лонгин. Драм. Сочин. Екат. II. отд. оттискъ изъ „Молвы" 1857. стр. 11.—Щебальскій. Драм. и Нравоопис. соч. Екат. II. Русск. Вѣстн. 1871. № 5.—Драм. Слов. 1787. стр. 148.

На первомъ гравированномъ листѣ заглавіе помѣщено между двумя деревьями, вершины которыхъ соединяются цвѣточной гирляндою; внизу, на привязанномъ къ нимъ завѣсѣ, означено мѣсто печа-

танія, типографія и годъ. Приводимъ въ краткихъ словахъ содержаніе оперы, сюжетъ которой заимствованъ изъ „сказки о царевичѣ Февеѣ“ изданной Екатериной въ 1782 году, и написанной ею для Великаго Князя Александра Павловича, вмѣстѣ со сказкой о царевичѣ Хлорѣ [1].

Дѣйствующія лица оперы: Тао-Ау, Царь Сибирскій.—Царица, его супруга.—Февей, Царевичь.—Дания, Царевна Лійская, невѣста Февея.—Рѣшемыслъ, первый баринъ Царя.—Булевполь, баринъ дворецкій.—Мія, Ная, Тина, барыни.—Оглѣдъ, Ледмѣръ, вельможи царскіе.—Послы Калмыцкіе, трое.—Нѣсколько татаръ.—Стража царская.—Барышни.—Балетныя лица.—Начало перваго дѣйствія оперы представляетъ Февея спящимъ въ рощѣ на пригоркѣ подъ тихую музыку; во снѣ грезится ему невѣста его въ балетѣ; послѣ пятиминутнаго сна онъ просыпается и, обращаясь къ видѣнной имъ во снѣ тѣни невѣсты своей, выражаетъ ей терзанія сердца своего въ разлукѣ съ нею:

Какъ сказала ты во снѣ,
Ахъ! скажи, скажи ты мнѣ
На яву, драгая.
Я разстаюсь съ тобой на вѣкъ,
О взоръ прелестный!
О видъ любезный,
Очей моихъ прекрасный свѣтъ.... [2].

Онъ разсуждаетъ, что разпѣлся здѣсь по пустому, что ему минуло уже пятнадцать лѣтъ и что онъ скучаетъ однообразной жизнью въ отцовскомъ домѣ, желаетъ видѣть свѣтъ, чужіе нравы и обычаи, вслѣдствіе чего пойдетъ къ родителямъ съ просьбою отпустить его въ чужіе краи. Царь и царица въ покояхъ своихъ считаютъ нужнымъ объясниться другъ съ другомъ въ нѣжной любви, которой и понынѣ

[1] Лонгиновъ. Драм. соч. Екат. II, М. 1857. „Молва“. № 3, 4 и 5, и отдѣльн. оттиск. стр. 11—12.—[2] Между стихами и хорами помѣщенными въ оперѣ, не приводимыми нами вездѣ вполнѣ, встрѣчаются стихи изъ „Дейдаміи“ Тредіаковскаго, нѣкоторыхъ другихъ его сочиненій, и русскія пѣсни.—„Февей“ напечатанъ первымъ изданіемъ въ 1786 году, какъ свидѣтельствуютъ о томъ: Сопиковъ ч. 4. № 7501, Смирдинъ ч. IV. № 7740 и митропол. Евгеній, Слов. ч. 1. стр. 208. Заглавіе означеннаго изданія: Опера Комическая Февей составлена изъ словъ сказки, пѣсней Русскихъ и иныхъ сочиненій. Въ Санктпетербургѣ при Имп. Акад. Наукъ, 1786 года. 8°. 40 стр. Въ 1788 году опера была помѣщена въ XX части „Россійскаго Өеатра, и пущена въ продажу отдѣльными оттисками. Послѣ смерти Екатерины, „Февей“ былъ напечатанъ лишь разъ—въ Смирдинскомъ изданіи. (Щебальскій. Драматич. и Нравоописат. соч. Екатерины II. Русск. Вѣстн. 1871. № 5 стр. 121).

взаимно пылаютъ; сперва поетъ царица, воспѣваетъ несравненное свое счастье, потомъ царь; и наконецъ оба, прославляя щедрую судьбу, излившую на нихъ милосердіе свое, оканчиваютъ пѣніе слѣдующими желаніями:

. . . .

Протекай драгое время, протекай такъ завсегда;
О случаи толь счастливы; не прервитесь никогда;
Дайте жизнь сію имѣть,
Дайте намъ сей страстью тлѣть,
И до смерти наслаждаться,
Не хладѣть, но воспламеняться.

Приходитъ Февей и объясняетъ стихами отцу своему, что не знаетъ какъ приступить къ просьбѣ своей; и на приглашеніе царя изложить ее яснѣе и короче, безъ непонятныхъ никому предисловій, Февей, кланяясь, проситъ батюшку Царя и государыню матушку царицу, отпустить его въ чужіе края. Царица, услышавъ это, впадаетъ въ отчаяніе, и поетъ:

Настала жизнь другая
Но ждала ли я такой!
Пропала жизнь драгая
Надежда и покой.

Она со слезами сообщаетъ о горѣ своемъ барынямъ и барышнямъ; не зная куда дѣваться отъ тоски охватывающей ее отъ разлуки съ сыномъ; одна изъ ея придворныхъ барынь—Мія, старается утѣшить ее, обѣщается уговорить Февея отложить путешествіе въ чужіе краи; царица уходитъ и намѣрена прислать къ нимъ царевича. Оставшись однѣ, барыни совѣщаются между собою, какъ бы отговорить царевича, и каждая изъ нихъ собирается говорить съ нимъ. Мія хочетъ сказать ему:

Ахъ! ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ
Что ты свѣтишь не по старому,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.

Ная думаетъ, не лучше ли сказать:

Ахъ ты солнце, ты солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ катишься? и проч...

Приходитъ Февей и не поддается никакимъ уговариваніямъ барынь и барышенъ, не смотря на старанія ихъ прельстить его невѣстой-красавицей, которую для него сыщутъ, и богатой шубой на собольемъ мѣху, куницами, лисицами и соболями черными; царевичь остается непоколебимымъ, и отвѣчаетъ имъ: „Полно“:

Я свѣту батюшкѣ сказывалъ
Матушкѣ говаривалъ:
Въ ту сторону, куда я хочу,
Та сторона мнѣ давно мила.
Тамъ
Горы высоки, поля широки,
Луга, болоты, воды глубокія,
Волненіе, города морскіе,
Привезу вамъ дары не скудные.

Во второмъ дѣйствіи Мія извѣщаетъ царицу о безуспѣшности стараній уговорить царевича; при появленіи царя, Рѣшемысла, Оглѣда и Ледмѣра, хоръ барынь и барышенъ поетъ первому похвальную пѣснь; и царь, обращаясь къ Рѣшемыслу, погруженному въ думу, спрашиваетъ его: „Что баринъ размышляешь?“ И тотъ даетъ ему совѣтъ сказать царевичу, что, жалѣя молодость его, не можетъ отпустить его въ чужіе люди, пока послѣдній не докажетъ на опытѣ, какъ послушенъ царю и отцу, твердъ душою, терпѣливъ въ несчастіи, умѣренъ въ счастіи; постоянно смѣлъ и щедръ, великодушенъ и кротокъ; чтобы была ему въ людяхъ честь и царю хвала. За этотъ разумный совѣтъ, царь, потрепавъ по плечу совѣтника своего, говоритъ ему: „Ой, совѣтодатель мой, ты еси добросовѣстный!“; и награждаетъ его подаркомъ, состоящимъ въ высокой съ золотою кистью шапкѣ, которую носитъ самъ по среднимъ праздникамъ. Затѣмъ намѣревается онъ написать царевичу письмо, и поетъ:

Пойду во свѣтлицу
Въ свѣтлицѣ подъ окошкомъ
Напишу я письмо на бѣлой бумажкѣ,
Напишу ко Царевичу:
Не ходи радость,
Не ходи надежда
Къ сосѣдямъ въ гости.

Рѣшемыслъ не совѣтуетъ Надежѣ-государю писать, но сказать ему, царевичу, на словахъ слѣдующее:

Ты скажи, скажи мой младой соловей!
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять
На чужу дальню сторонушку,
На чужу дальню незнакомую...
. . . .
Не прогнѣвися пожалуй,
Не чти въ вину совѣтъ ты мой;
Пора молодцу жениться,
Холостому время свататься.

На замѣчаніе царицы: „только чтобы она была хороша, пріятна", барыни отвѣчаютъ словами пѣсни: „всѣхъ собой была пригожей, сановитѣй, миловиднѣй, и всѣхъ личикомъ бѣлѣй". Весь хоръ барынь и барышень подхватываетъ:

Выше всѣхъ и веселѣй
Всѣмъ за то была милѣй..."

Царь, обращаясь къ окружающимъ, объявляетъ, что дорогая гостья будетъ, и что онъ послалъ; затѣмъ, говоря стихами, посылаетъ Оглѣда извѣстить царевича, который, по словамъ царя, вѣроятно гуляетъ по горамъ, о томъ какъ сошлись всѣ вмѣстѣ и держали совѣтъ; что мать ему вѣнки плететъ, друга къ вѣнцу ведетъ, и чтобы онъ остался жить здѣсь, пока то царю угодно.—Февей дѣйствительно ходитъ по рощамъ и горамъ, распѣвая тѣни своей возлюбленной слѣдующій нѣжный „романсъ":

Видъ прежалостной и слезной,
Возвращенье сладкихъ думъ;
Тѣнь, о тѣнь моей любезной!
Не всходи ты мнѣ на умъ...»
. . . .

Въ такомъ грустно-нѣжномъ настроеніи находитъ его Оглѣдъ, и доноситъ ему, что „поизволилъ сударь батюшка и похотѣлось его матушкѣ"; что они „думали крѣпкую думушку заедино", разсудили не отпускать царевича, и по совѣту „большаго барина", женить скорѣе сына; и тогда царь объявилъ, что „дорогая гостья ѣдетъ". Февей приказываетъ Оглѣду поклониться отцу и матери и говоритъ что не выступитъ изъ воли царя-государя, и что готовъ во всякомъ случаѣ исполнить волю его. Затѣмъ является Ледмѣръ съ приказаніемъ отъ царя возвратиться Февею домой, причемъ извѣщаетъ его, что царь прислалъ ему богатое платье, и что пріѣхавшіе калмыцкіе послы же-

лаютъ видѣть его въ нарядѣ. По уходѣ Февея съ Оглѣдомъ, слѣдуетъ десятиминутный балетъ, и Ледмѣръ поетъ извѣстную пѣсню:

Какъ у нашего сосѣда
Весела была бесѣда...»

Третье дѣйствіе начинается распоряженіями Булевполя (барина-дворецкаго) въ царскихъ чертогахъ, гдѣ стоитъ царскій тронъ къ пріему пословъ; онъ отдаетъ разныя приказанія стражамъ. Царь приказываетъ Булевполю назначить мѣста, гдѣ и какъ стоять при немъ царицѣ, придворнымъ и проч., что баринъ-дворецкій и исполняетъ, и царь остается доволенъ. Оглѣдъ докладываетъ о прибытіи пословъ:

Послы со Калмыками
Всѣ люди молодые,
Съ большими лбами;
На нихъ шубы голевыя....»

Царь прерываетъ его, и говоритъ, что „надо ждать, и ему нѣсколько покричать"; обращаясь къ Февею, спрашиваетъ его: для чего не надѣлъ онъ парадпаго платья, ему присланнаго? Царевичь, утираясь платкомъ, отвѣчаетъ отцу, что потъ лица его, свидѣтельствующій о той поспѣшности, съ которою онъ исполнилъ повелѣніе царя, „честнѣе для него богатаго украшенія", потому что переодѣваясь онъ могъ бы опоздать; причемъ прибавляетъ: „пусть послы калмыцкіе увидятъ своими глазами, съ какою скоростію сынъ вашъ исполняетъ ваши приказанія".—Является калмыцкое посольство. Царь приказываетъ Оглѣду ввести пословъ, которые и входятъ принимаемые и ведомые Булевполемъ; послѣдній объясняетъ царю, что представшіе передъ нимъ послы желаютъ ему поклониться и просятъ о позволеніи взять смѣлость „на случай рѣчь проговорить, чтобъ подолѣ тутъ пробыть"; на что царь возражаетъ:

Каково же долго ждать!
Когда мнѣ время ужинать.

Тутъ всѣ присутствующіе—царь, Рѣшемыслъ и три посла, перебивая другъ друга, начинаютъ говорить: первый изъ пословъ проситъ позволенія начать рѣчь о томъ, что имъ нужны луга, рощи, лѣса и чистое поле, о дарованіи которыхъ просятъ царя; второй доноситъ, что господинъ его, ханъ Калмыцкій, „къ царскому престолу приступаетъ, и сильну власть и скипетръ повергаетъ и проч.; проситъ царя

напоить ихъ и накормить, или домой отпустить съ грамотой самому хану Калмыцкому; третій высчитываетъ подарки присланные царю ханомъ, и въ заключеніе упоминаетъ въ числѣ ихъ „о двухъ штофикахъ золотой водки". Царь, въ свою очередь, перебивая пословъ, успѣваетъ между ихъ рѣчами сказать пѣсенку:

Счастіе непорочно
Мнѣ съ друзьями прочно,
Упражненіе мое.
Время съ пользой провожу
Дальнихъ бѣдъ не видя,
Всѣ забавы нахожу
Бѣдныхъ не обидя....»

Въ этомъ странномъ разговорѣ участвуетъ и Рѣшемыслъ, который также въ перебивку говоритъ посламъ:

Вы лишаяся спокойства,
Будете о насъ тужить.
Мы наполнены геройства,
Будемъ вашъ покой хранить.

Наконецъ царь говоритъ посламъ: „Вы у меня въ гостяхъ побывайте, пиво, вино, водку попивайте". Далѣе слѣдуетъ представленіе пословъ Февею, при которомъ присутствуетъ Оглѣдъ; первый посолъ доноситъ царевичу, что они имѣютъ вручить ему письмо родственника царицы матери его, Монгольскаго князя Агрѣя, которое и подаетъ. Февей обѣщаетъ имъ прислать отвѣтъ. Второй посолъ проситъ царевича дать имъ за его подписью письмецо съ разрѣшеніемъ впустить калмыцкія войска въ пограничную крѣпость, на что Февей не соглашается, говоря, что города не его, а царскіе. Третій представляетъ ему, что они люди бѣдные, и что богатымъ не слѣдуетъ стоять за такую малость; но видя несогласіе на эту прозьбу царевича, пробуютъ подкупить его, обѣщая ему и окружающимъ его многіе дары, если онъ постарается склонить царя, позволить имъ пасти овецъ своихъ на лугахъ помянутой крѣпости. Февей съ твердостью и насмѣшкой, но не возвышая голоса, отвергаетъ ихъ предложенія, и говоритъ имъ, что обыкновенно бѣдные не имѣютъ чѣмъ дарить богатыхъ; что онъ подарковъ не принимаетъ, и служащимъ его это вѣроятно запрещено. Второй посолъ объявляетъ царевичу, что они привезли съ собою плясуновъ, которыхъ предлагаетъ ему посмотрѣть; что они рады его тѣшить и проситъ его приказать имъ спѣть пѣсенку; на что царевичъ изъяв-

ляетъ согласіе, но говоритъ, что ему нужно только прежде написать письмо; онъ зоветъ Оглѣда, и заставляетъ его писать подъ диктовку письмо къ монгольскому царю Агрѣю, въ которомъ извѣщаетъ его, что такъ какъ онъ, царевичь находится при царѣ, государѣ-батюшкѣ, то и не можетъ безъ воли его пріѣхать къ нему, князю; и что повинуясь царю, онъ научается тому, какъ со временемъ повелѣвать; объ остальномъ же, скажутъ ему, князю послѣ. Февей приказываетъ Оглѣду запечатать письмо, и отдать посламъ при отъѣздѣ.— За тѣмъ начинается калмыцкій балетъ, и пѣніе слѣдующей пѣсни состоящей изъ осьми куплетовъ, изъ которыхъ приводится первый:

Въ народѣ во Калмыцкомъ
Кушаютъ каймакъ,
Сульякъ и турмакъ,
Табакъ курятъ,
Кумысъ варятъ.....“

Пѣсня вызываетъ аплодиссементы Февея, который и уходитъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи оперы, Калмыцкіе послы встрѣчаются съ нѣсколькими татарами и говорятъ имъ, что отъ нихъ ушелъ молодой человѣкъ, меньшой сынъ посольскій, и потому просятъ ихъ, если найдутъ его, то привести его къ отцу; татары обѣщаютъ исполнить прозьбу пословъ, если онъ попадется имъ. Между тѣмъ прогуливающійся Февей набрелъ какъ-то на татаръ, которые принявъ его за искомаго бѣглеца, окружаютъ его; Февей объясняетъ имъ, что ихъ затѣи напрасны, и что онъ сынъ „честнаго отца; но первые стараются увести его силою, и онъ защищаясь, прислоняется спиною къ дереву, и вынимая саблю изъ ноженъ говоритъ что тотъ, кто первый приступитъ къ нему, домой не вернется. Является Ледмѣръ съ царскою стражей, которая разгоняетъ татаръ, ловя не поспѣшныхъ на бѣгу. Онъ говоритъ царевичу, что съ ужасомъ смотритъ на опасность, которой тотъ подвергался; но Февей приказываетъ ему освободить татаръ не знавшихъ его, и принимавшихъ его за бѣглеца.—Въ царскихъ покояхъ, Булевполь доноситъ царю, декламируя передъ нимъ, что прибѣжалъ запыхавшійся вѣстникъ, такъ что онъ, Булевполь, даже испугался, и тотъ насилу могъ указать ему на мальчика видѣвшаго что:

.....строй великой
Издали идетъ со сладкой музыкой,
Царевна ѣдетъ на колесницѣ.....

Входитъ Оглѣдъ съ извѣстіемъ къ царю, что вѣстникъ, котораго онъ по царскому приказанію посолалъ смотрѣть, не ѣдетъ ли изъ за границъ лійская царевна, прибѣжалъ сказать, что видны уже:

Всѣ кони вороные
Всѣ кареты золотыя,
Всѣ лакеи молодые,
Шляпы на нихъ пуховыя.

Является Февей съ Ледмѣромъ, который извѣщаетъ, что татары увезли было царевича; но по счастью онъ, Ледмѣръ, случился тутъ со стражею, и на вопросъ царя: „переловлены-ли татары?", Ледмѣръ отвѣчаетъ, что они и были переловлены, но что царевичь приказалъ ихъ отпустить. Тогда царь обращаясь къ Февею, замѣчаетъ ему, что не слѣдовало ему за нихъ заступаться, и что онъ мѣшается въ дѣла ему неприличныя; что царь одинъ только воленъ простить и наказать, и что онъ одинъ преемникъ и ревнитель царской власти. Февей извиняясь передъ отцомъ, говоритъ что причиною такого поступка, было одно лишь сострадание; царь продолжая родительскій выговоръ, спрашиваетъ царевича: чего стоитъ онъ, какъ будто на умѣ судитъ слова отца; и не научилъ-ли его тому баринъ-дядька? Февей отвѣчаетъ тихимъ голосомъ, что дядька, на противъ, твердилъ ему, чтобы онъ съ терпѣніемъ сносилъ гнѣвъ царя и отца, и не былъ противъ него упорнымъ; причемъ прибавляетъ что „вина его предъ нимъ", и что онъ мысленно скорбитъ о томъ, что прогнѣвилъ царя; царь смягчается, и посылаетъ царевича домой, чтобы быть готовымъ встрѣтить невѣсту; Февей уходитъ, поцѣловавъ родительскую руку. Входитъ царица и говоритъ царю:

Тебя ласково прошу
Тебѣ другу доношу:
Говорятъ ужъ въ слухъ
Чѣмъ радуется мой духъ,
Что ѣдетъ красна дѣвица
Златокрылая орлица.

На что царь отвѣчаетъ:

Открой душа окошко,
Окошечко немножко,
Со восточной стороны
Увидишь, ѣдутъ барыни.

На вопросъ царицы: „Да какова она?" царь говоритъ: „Очи ясны, брови черны, личикомъ бѣленька, станомъ высока, лѣтами молодехонька"; и обращаясь къ Булевполю, спрашиваетъ его, все-ли онъ учредилъ къ браку?" Тотъ отвѣчаетъ ето все готово по примѣру празднества при царской свадьбѣ, но только съ малыми отмѣнами по времени; и за тѣмъ декламируетъ слѣдующія вирши:

Тогда любовь держа два сердца пламенемъ горящи
Цѣпочкой золотой связаны блестящи,
Шла за Гименомъ близко, потомъ вѣрность мила,
Съ ней постоянство, радость все въ ладоши била.
Корнукопія вездѣ по дорогѣ цвѣты
Бросала, которыми богато одѣты
Подбирая межъ собой дѣточки играли.....
А все-таки за строемъ онымъ тѣ бѣжали....."

Изъ раскрывшагося по срединѣ „ѳеатра" являются: Данна, Февей, царь и царица со всѣми окружающими и дѣйствующими лицами; при появленіи ихъ, хоръ поетъ:

Да здравствуетъ днесь Царевна Данна,
Приготовись быть увѣнчанна,
Краснѣйша солнца и звѣздъ сіяюща нынѣ!
Да здравствуетъ на многа лѣта
Въ платьѣ сребряномъ одѣта
Въ свадебномъ чинѣ;
Небо все нынѣ весело играетъ
Солнце на немъ лучше катаетъ.

Февей обращаясь къ невѣстѣ поетъ, описывая ей въ стихахъ любовь свою, и оканчиваетъ слѣдующими словами:

.....я въ сладкомъ упованьи
Любилъ и воздыхалъ,
И страстныя желаньи
Въ надежду обращалъ.
Умились, согласись
И сама любить склонись....."

На отвѣтъ Данны: „что она больше не можетъ сказать, и принуждена скрывать, Февей продолжаетъ упрашивать:

Молви хоть драгая,
Что ты вѣкъ моя;

На что царевна отвѣчаетъ:

Ну полно же страдать, грустить,
Я должна тя по смерть любить.

Тогда счастливый признаніемъ своей возлюбленной, Февей поетъ:

Всѣ напасти миновали,
Не осталося печали
Больше въ сердцѣ никакой;
Кѣмъ душа моя пылала,
Кѣмъ владѣть судьба мѣшала,
Я владѣю нынѣ той!

Пьеса оканчивается хоромъ:

Играй, о сердце! сердцемъ нѣжно
Теки, о время безмятежно
Въ забавахъ чрезъ весь нашъ вѣкъ,
Ею мы благополучны!
Дай судьба дни неразлучны!

На второмъ заглавномъ листѣ, на лѣвой сторонѣ (отъ смотрящаго) изображено дерево, отъ котораго протянутая гирлянда изъ розъ обвиваетъ часть цвѣточной рѣшетки и стоящую на верху ея лиру, окруженную солнечнымъ сіяньемъ. Между деревомъ и правой стороной (отъ смотр.) рѣшетки, помѣщается заглавіе. Музыка Оперы Комической Февея, Соч: В: Паскевича. Для Клавиръ съ голосами переложенная Н: Прачемъ. Внизу на лежащей на кустахъ доскѣ надпись: Въ С: П: бургѣ, въ Типографіи Горнаго Училища.

Музыка состоитъ изъ увюртюры и слѣдующихъ арій оперы: Увертюра. стр. I—VI.—Аріи, Февей (Дѣйств. I. Явл. 1) стр. VI—XII.—Царица и Царь (Дѣйств. I. Явл. 2) стр. XII—XXVIII.—Февей. (Д. I. Явл. 3) стр. XXIX—XXXIII.—Царица (Д. I. Явл. 4). стр. XXXIV—XLI.—Царица. (Д. I. Явл. 5) стр. XLI—XLVI.—Міа, Ная (Д. I Явл. 6). стр. XLVII—LI.—Міа, Ная, Тина, Февей. (Д. I. Явл. 7.) стр. LII—LXXI..—Царица, Ная, Міа, Тина (Д. II. Явл. 1.) стр. LXXII—LXXX.—Хоръ (Д. II. Явл. 2) стр. LXXX—LXXXVI.—Царь. (Д. II. Явл. 2) стр. LXXXVI—LXXXIX.—Рѣшемыслъ (Д. II. Явл. 2) стр. LXXXIX—XCIV.—Хоръ (стр. XCV—CI).—Царь. (стр. CII—CVII.—Февей (Д. II. Явл. 3) стр. CVII—

CXIV.—Оглѣдъ (Д. II. Явл. 4). стр. CXIV—CXVIII.—Ледмѣръ (Д. II. Явл. 6) стр. CXIX—CXXIV.—Эхо. стр. CXXIV—CXXV.—Хоръ, Ледмѣръ. стр. CXXV—CXXXV.—Оглѣдъ (Д. III. Явл. 3) стр. CXXXV—CXXXIX.—Вулевполь (Д. III. Явл. 4). стр. CXL—CXLIII.—Царь, Рѣшемыслъ, 1 Посолъ, 2 Посолъ, 3 Посолъ стр. CXLIV—CLXIII.—Хоръ калмыцкой стр. CLXIV—CLXXII.—Оглѣдъ. (Д. IV. Явл. 5.) стр. CLXXIII—CLXXVI.—Царица. Царь. (Д. IV. Явл. 7) стр. CLXXVI—CLXXXII.—Хоръ. (Д. IV. Явл. 8). стр. CLXXXII—CXC.—Данна Февей стр. CXCI—CXCVI.—Хоръ. стр. CXCVII—CCIV.

Въ „Дневникѣ" Храповицкаго [1], февраля 27-го 1786 года, отмѣчено первое извѣстіе о „Февеѣ": „Х. Е. Брозинскому (Христіанъ Ермолаевичъ, камердинеръ императрицы) давали читать въ будуарѣ комическую оперу „Февей"; для сочиненія музыки послали къ кн. Г. А. (Григорію Алекс. Потемкину) [2]. Слѣдовательно опера тогда была уже готова. Лонгиновъ говоритъ, что для сочиненія музыки къ Февею онъ отданъ былъ композитору Бризку [3], о чемъ не упомянуто Храповицкимъ. Апрѣля 19, опера была представлена на Каменномъ театрѣ, и 22 въ Эрмитажѣ. Не бывъ послѣ того игранъ четыре года, „Февей" данъ былъ возобновленный въ два дни, 17 ноября 1790 года въ Эрмитажѣ послѣ бала и ужина; причемъ Храповицкій получилъ отъ императрицы благодарность за оперу, и за скорость въ исполненіи [4]. По свидѣтельству Макарова, она была играна въ Петербургѣ успѣшно и неоднократно. Драматическій Словарь 1787 г. упоминаетъ о представленіи ея лишь у двора.

№ 149. Сказка о **Горебогатырѣ** Косометовичѣ и **Опера** Комическая Изъ словъ скаски составленная.—**Въ Санктпетербургѣ.** Въ Типографіи Горнаго Училища. 1789 года. 8°. 72 и CXLVI нум. страницъ, Два заглавные листа и ноты гравированные.

Сопик. Ч. 4. № 7406.—Смирд. Ч. IV. № 7652.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россія. 1838. Приб. къ ст. VIII. стр. 469. № 92.—Геннади. Русск. Книжн. Рѣдкости. стр. 60. № 66.—Справочн. Слов. о русск. писат. т. 2. стр. 389. № 22.—Лонгиновъ. Драм. Соч. Екат. II. Молва 1857. № 3, 4 и 5, отд. оттискъ стр. 21.—Щебальскій. Драматич. и Правоопис. соч. Екат. II. Русск. Вѣсти. 1871. № 5. стр. 132.—Дневникъ Храповицкаго изд. Барсукова стр. 203.—Брикнеръ, комич. Опера Горебогатырь. Журн. Министерств. Народн. Просвѣщ. т. 159. 1870. № 12. стр. 172—186.—Геннади. Еще о драм. соч. Екат. II. Библіогр. Замѣтка. Библіографич. Записки т. I. 1858. столб. 498—508.

---

[1] Изд. Барсукова. Спб. 1784 г.—[2] „Дневникъ" стр. 8.—[3] Драм. Соч. Екат. II. отд. оттискъ стр. 12.—[4] Дневн. стр. 351.

Въ началѣ книги помѣщено обращеніе „Къ Читателю," въ которомъ авторъ говоритъ, что „сказка о Горебогатырѣ" списана отъ слова до слова съ рукописи, сохранившейся въ престольномъ градѣ, на одномъ пролетномъ кружалѣ, въ хранилищѣ рукописей (т. е. въ баулѣ) славнаго цѣловальника, питуѵамъ отмѣнно любезнаго, Ивана Ефимова сына Краснобаева; что этотъ весьма рѣдкій списокъ, къ удовлетворенію всеобщаго любопытства, печатается въ первый разъ, въ надеждѣ, что убавитъ у многихъ безсонницы, и этимъ самымъ уже не будетъ безполезенъ ближнему".—Потомъ на стр. 1—24 помѣщена и самая сказка, содержаніе которой постараемся передать по возможности въ краткихъ словахъ: „Арзамазскій житель „Косометъ", прозванный такъ товарищами своими за то, что плохо игралъ въ бабки, женится на сосѣдской дочери Локтметѣ, которая черезъ годъ родитъ ему сына въ часъ смерти ея отца; по этой причинѣ онъ назвалъ Горебогатырь, и какъ всѣ богатыри росъ не по днямъ, а по часамъ, и былъ по седьмому году, когда отецъ его Косометъ умеръ. Лучшею забавою юному витязю служитъ игра въ свайку, въ которой онъ отличается не лучше чѣмъ отецъ его въ бабки: къ этому удовольствію онъ присоединяетъ и другія: охоту валяться съ ребятами на травѣ, хожденіе по игрищамъ и добываніе лакомства воровскимъ способомъ. Подобно многимъ сказочнымъ витязямъ, Горе-богатырь достигнувъ пятнадцати лѣтъ, просится у матери „людей посмотрѣть и себя показать"; та стала было его уговаривать, представляя ему, что онъ одинъ ея надежда, подпора и „вотчинъ ея оберегатель", а теперь хочетъ онъ ее всего лишить. Богатырь, видя нерасположеніе матери исполнить его прозьбу, послѣ пролитыхъ имъ слезъ и ударовъ головою объ-полъ, сталъ хвалиться ей, что надѣлаетъ „великія, славныя, рыцарскія и богатырскія скосырьства" и завоюетъ изъ края въ край Океанъ море. Слушаетъ его мать и хотя плохо вѣритъ всему сказанному, но по совѣту своихъ барскихъ барынь, уговорившихъ ее „потѣшить дитя, одно ихъ упованье и надежду, отпускаетъ его, послѣ словъ сказанныхъ ею барынямъ своимъ: „пусть ѣдетъ, не сбѣсясь собака не пропадетъ". Однако она даетъ ему на дорогу денегъ и алмазовъ съ слѣдующими материнскими наставленіями: „вначалѣ бойся Бога, а во вторыхъ, знайся съ добрыми людьми, а не съ Костоглотами". Обрадованный сынъ прощается съ матерью и идя мимо барскихъ барынь, благодаритъ ихъ за то, что уговорили мать отпустить его; обѣщаетъ имъ различные подарки и угощеніе изъ своихъ богатырскихъ рукъ, на берегу завоеваннаго имъ Океана, на дубовыхъ столахъ, ѣствами сахарными. За тѣмъ онъ от-

правляется въ конюшню, и приказываетъ осѣдлать лошадей; ему выводятъ злаго и брыкливаго аргамака, кусающагося, къ которому богатырь не смѣетъ приступить; потомъ подводятъ черкесскую лошадь, и онъ ставитъ уже ногу въ стремя, но какъ-то неосторожно трогаетъ щекотливаго коня ногою въ бокъ, который кидается на правую сторону, а Горе-богатырь падаетъ на лѣвую. Наконецъ онъ выбираетъ себѣ какую-то мезенскую невзрачную клячу съ иноходью, и жалуетъ ее въ богатырскіе кони. Въ это время, мать его призываетъ своего конюшаго Кривомозга, приказываетъ ему ѣхать съ Горе-богатыремъ, и не выпускать его изъ виду; Торопа опредѣляетъ къ нему оруженосцемъ, обоимъ поручаетъ оберегать ея милое чадо, и привезти обратно въ совершенной цѣлости. Они не очень довольные приказаніями странствовать съ Горе-Богатыремъ, идутъ къ казначею Громкобаю, въ надеждѣ выманить у него на дорогу денегъ, но ошибаются въ расчетѣ; имъ не удается поддѣть его; между тѣмъ, Горе-Богатырь отправляется въ каменную кладовую, гдѣ хранятся старинные доспѣхи, чтобъ выбрать себѣ подходящее оружіе; но не приходится ему по головѣ шишакъ Еруслана Лазаревича, ни по плечу мечъ кладенецъ Ивана Архидѣича, который велитъ онъ обузить и окоротить; не подъ силу оказывается и палица Петра златыхъ ключей, которую юный богатырь хочетъ приказать перековать по рукѣ. Кривомозгъ, видя несчастіе готовое постигнуть драгоцѣнную старинную богатырскую сбрую, предлагаетъ Горе-Богатырю, сдѣлать ему легкіе латы изъ картузной бумаги, покрасить ихъ подъ желѣзо, и вмѣсто шишака, косую пушистую шапочку на хлопчатой бумагѣ, съ разноцвѣтными журавлиными перьями. За тѣмъ, въ то время какъ Горе-Богатырь, въ сопровожденіи Кривомозга и Торопа, на мезенскомъ своемъ иноходцѣ съѣзжаетъ со двора за тридевять земель, въ тридесятое царство „для скосырьства", мать его Локтмета, въ горницѣ своей устланной коврами, сидитъ въ креслахъ и ждетъ вѣсточки о единородномъ чадѣ. Вѣтеръ срываетъ съ него, съѣзжавшаго со двора пушистую голубую шапочку съ журавлиными перьями, а вихрь подхватываетъ ее, и кидаетъ черезъ кровлю, опять въ грязь немощенаго двора. Тутъ Кривомозгъ, слѣдовавшій позади Горе-Богатыря, подъѣзжаетъ къ нему, и совѣтуетъ возвратиться сейчасъ домой, обращая вниманіе его на дурныя примѣты; онъ указываетъ на понедѣльникъ, день выѣзда, на сорванную съ головы вѣтромъ шапочку, идущаго на встрѣчу попа, летящихъ воронъ и цѣлое стадо свиней, которыхъ гонятъ ему на встрѣчу. Хотя богатырь поблѣднѣлъ, оробѣлъ и пріостановился, но не послушалъ Кривомозга. Наконецъ путники выѣзжаютъ въ чистое поле; Кривомозгъ и Торопъ

предлагаютъ витязю ѣхать попеременно одному изъ нихъ передъ нимъ, для того чтобы составить этимъ передовую и сторожевую стражу, и онъ посреди ихъ будетъ въ безопасности. Кривомозгъ скачетъ впередъ, и отъ растоптанныхъ лошадью его дождевиковъ, поднимается густая пыль подобная дыму, и конюшій увидя это, обращается назадъ, и на вопросъ Горе-Богатыря о причинѣ дыма, отвѣчаетъ что то дымъ отъ непріятельской пальбы, и начинаетъ доказывать пользу передовой стражи, безъ которой попали бы прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы. Путники, для того, чтобы, по словамъ Кривомозга объѣхать непріятеля съ боку или сзади, сворачиваютъ въ сторону, и наѣзжаютъ на избушку; Горе-Богатырь чувствуетъ голодъ, и обогнавъ передовую стражу, собирается штурмовать избу, передъ которой на скамьѣ сидитъ старуха съ дѣвочкой и безрукій старикъ; послѣдній его удерживаетъ; когда Горе-Богатырь объявляетъ о своемъ званіи, и зачѣмъ пріѣхалъ, то старикъ отвѣчаетъ ему: „на богатыря ты не похожъ, и угрозъ твоихъ я не боюсь; что касается до пищи, то еслибы ты попросилъ честью, я бъ тебѣ не отказалъ, а наглымъ образомъ отъ меня крошки не достанешь, и хотя у меня и одна только рука, однако противу такого рыцаря какъ ты, еще противиться могу". Горе-Богатырь дождавшись свою прислугу, начинаетъ бой, но старикъ, стоя въ дверяхъ въ оборонительной позиціи, обращаетъ въ бѣгство непріятеля съ помощью только одного ухвата, и не будучи въ силахъ за ними далеко гнаться, спускаетъ съ цѣпи свою собаку; и послушный песъ гонитъ Горе-Богатыря съ приспѣшниками нѣсколько верстъ, такъ что всѣ трое должны были заночевать въ дремучемъ лѣсу.

Локтомета продолжаетъ въ одиночествѣ своемъ горевать о сынѣ, сидя у окна; призываетъ своего казначея Громкобая, которому приказываетъ ѣхать хотя издали за сыномъ ея, и привезти ей слухи о его здоровьи; и если встрѣтится съ Кривомозгомъ и Торопомъ, то подтвердить имъ чтобы болѣе всего уберегли сына ея отъ Костоглотовъ, и старались бы привезти его домой. На вопросъ Громкобая, „гдѣ его найти", она объявляетъ, что „за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ"; Громкобай, для исполненія ея приказанія, выходитъ изъ покоевъ, но не можетъ долго сойти со двора, такъ какъ въ это самое время въѣзжаетъ къ Локтметѣ съ большою свитой „дѣвица-красавица," Гремила Шумиловна съ матерью, множествомъ баръ и дворовыхъ людей, наполнившими весь дворъ. Локтмета встрѣчаетъ ихъ по чину, и сажаетъ. Гремилу Шумиловну съ матерью на „большомъ мѣстѣ". Молодая особа одѣта была „въ ферезяхъ, въ обручахъ и въ тресилахъ", и нарядъ ея блестѣлъ какъ солнечные лучи; и все около нея блестѣло

и шумѣло, даже до пуговокъ на тѣлогрѣѣ, къ которымъ привѣшаны были кисточки дорогой работы, и въ каждой кисточкѣ куранты играли, всякая своимъ порядкомъ; комнатныя же ея дѣвушки должны были подъ эту музыку плясать, пока она убиралась. И такъ то онѣ сидѣли цѣлый тотъ день, обѣдали и ужинали.—Громкобай отправляется искать Горе-Богатыря, и наѣзжаетъ на спящаго Торопа; на вопросы казначея о Горе-Богатырѣ и Кривомозгѣ, проснувшійся Торопъ отвѣчаетъ—о себѣ, что отдыхаетъ на „сторожевой богатырской стражѣ; о богатырѣ, что онъ на середней дорогѣ опочиваетъ на войлочкѣ, имѣя изголовьемъ сѣдло; а Кривомозгъ въ „передовой стражѣ", на той дорогѣ, что въ лѣво. Въ это время слышится лошадиный топотъ, и пріѣзжаетъ Кривомозгъ съ вѣстью, что Горе-Богатырь „еще опочиваетъ". Громкобай объявляетъ приказъ Локтметы, повелѣвающій имъ, стараться везти витязя скорѣе домой. Они расходятся по разнымъ дорогамъ искать его, и начинаютъ улюлюкать, какъ на медвѣжей травлѣ; Горе-Богатырь, услыхавъ неистовые крики, труситъ медвѣдя, влѣзаетъ на дерево, на которомъ неподвижно сидитъ, и подосланный къ нему товарищами Кривомозгъ, упрекаетъ его за сидѣніе на деревѣ подобно птицѣ, говоря, что теперь не время гнѣзда свивать, и увѣряетъ богатыря, что справа идутъ Костоглоты, слѣва лѣшіе, посрединѣ колдуны во множествѣ, и всѣ верхами на осинахъ; и что если онъ не сойдетъ съ дерева и не пойдетъ скорѣе по дорогѣ, которую ему укажутъ, то онъ пропащій человѣкъ, и что вся эта сволочь окружитъ ихъ и свяжетъ; что онъ, богатырь, слыхалъ отъ мамокъ своихъ: когда лѣшій обойдетъ, тогда изъ круга не выйдешь; и что улюлюкаютъ они, чтобы его обмануть. Подобнымъ враньемъ привозятъ служители повѣрившаго имъ и перетрусившаго своего Горе-Богатыря, прямо къ Арзамасу, успокоивая нѣсколько взволновавшееся его самолюбіе тѣмъ, что они въѣдутъ въ городъ побѣдителями съ плетенными ими самими вѣнками на головахъ, и что если ихъ будутъ дразнить тѣмъ, что они возвращаются безъ добычи, то они скажутъ, что разбросали все по чисту полю, заваленному тѣлами враговъ, чтобы прибыть па легкѣ. Они успокоиваютъ Горе-Богатыря, у котораго остается на-сердцѣ одна забота о томъ, чтобы богатырскіе латы его были повѣшены на видномъ мѣстѣ; Кривомозгъ обнадеживаетъ его, что „государыня Локтмета его въ томъ утѣшитъ, и что много ли мѣста нужно его латамъ? Громкобой прибавляетъ: „а больше бѣды не будетъ, какъ развѣ со временемъ ихъ мыши съѣдятъ, но то случается и съ описаніями славнѣйшихъ дѣлъ."—Сказка оканчивается возвращеніемъ Горе-Богатыря въ городъ, гдѣ мать принимаетъ его съ радостью, и всѣ встрѣчаютъ съ великимъ

любопытствомъ, а онъ расказы расказываетъ безконечные о своихъ богатырскихъ подвигахъ. Потомъ женятъ его на Гремилѣ Шумиловнѣ, и сбывается съ нимъ пословица: „Полетѣла синица море зажигать, море не зажгла, а шуму надѣлала".

За сказкой слѣдуетъ составленная изъ нея опера въ пяти дѣйствіяхъ (стр. 25—72) [1], которой и приводится содержаніе: „На дворѣ дома боярыни Локтметы происходитъ игрище и пляска; хоръ въ то время поетъ: [2]

Оставя хлопоты, работы,
Забудемъ грусти и заботы;
Себя мы станемъ утѣшать,
Играть, рѣзвиться и плясать.

Горе-Богатырь паскучивъ игрищемъ и пляскою, валяется на травѣ, таскаетъ изъ погреба изюмъ, и затѣмъ играетъ въ свайку; на замѣчаніе Торопа о плохой его игрѣ, Горе-Богатырь говоритъ что онъ первый мастеръ; но по мнѣнію Торопа, онъ также умѣетъ метать свайку, какъ отецъ еге бросалъ бабки; и что тотъ потому названъ былъ Косометомъ. Торопъ смѣется Горе-богатырю, что онъ безъ-толку выросъ великъ не по днямъ, а по часамъ, и что несмотря на его слишкомъ пятнадцать лѣтъ, забавы его самыя дѣтскія. Богатырь отвѣчаетъ ему, что нынѣ наслышавшись отъ „сказальщиковъ" о рыцарскихъ дѣлахъ, хочетъ самъ предпринять подобныя, и поетъ:

Геройствомъ надуваясь
И славою прельщаясь,
Лобъ спрячу подъ шишакъ,
Надѣну рыцарски доспѣхи,
И сильной мой кулакъ
Въ бою доставитъ мнѣ утѣхи.

Для входящей въ покои свои Локтметы разстилаютъ ковры, и на нихъ ставятъ кресла, въ которыя она садится. Горебогатырь проситъ се отпустить его „людей посмотрѣть, и себя показать" Она называя его „любезнымъ чадомъ", говоритъ ему, что онъ единственная

---

[1] Понятно, что послѣ прочтенія содержанія сказки, самая пьеса нѣсколько теряетъ свой интересъ, представлявшійся въ свое время зрителямъ, видѣвшимъ игру актеровъ, пѣніе арій и хоровъ при великолѣпной обстановкѣ оперы.—
[2] Здѣсь пропускается списокъ дѣйствующихъ лицъ уже извѣстныхъ изъ приведеннаго выше содержанія сказки.

ея надежда, подпора и вотчинъ ея оберегатель; и что онъ хочетъ лишить ее всего! Горебогатырь, считая слова ея за немилосердіе къ себѣ, собирается удариться объ-полъ, и оросить его источниками слезъ; увѣряетъ ее, что онъ можетъ дѣлать то, что и другіе рыцари; что онъ надѣлаетъ также великія и славныя рыцарскія и богатырскія скосырьства, и такія, какихъ люди глазами не видали, и слыхомъ не слыхали; причемъ обѣщаетъ завоевать Океанъ-море изъ края въ край, со всѣми его населенными и пустыми островами. Локтмета плохо этому вѣритъ, но стоящія по одну сторону ея барскія барыни уговариваютъ ее отпустить сына, и затягиваютъ хоромъ:

Горе богатырь васъ молитъ
Проситъ, хочетъ погулять
Сына мать почто неволитъ,
Не пускаетъ воевать?

Хоръ барынь стоящихъ по другую сторону, продолжаетъ:

Какъ дитятю не потѣшить?
Какъ въ хотѣньи поперечить?
За него мы просимъ васъ,
Чтобъ исполнили желанье,
Онъ надежда, упованье
Онъ одинъ у всѣхъ у насъ.

Локтмета отвѣчаетъ имъ словами: „Пусть онъ ѣдетъ; не сбѣсясь собака не пропадаетъ“; она поетъ, обращаясь къ сыну:

Куда хочешь поѣзжай,
Лишь о полъ лба не разбивай,
И токомъ слезъ изъ глазъ своихъ,
Ты не мочи ковровъ моихъ!

Обрадованный Горебогатырь поетъ выкрикивая:

Милостива мать прощай!
На дорогу не стращай.

Локтмета даетъ ему на дорогу денегъ и алмазовъ съ наставленіемъ „бояться Бога, и знаться съ добрыми людьми, но не съ Костоглотами“. Горебогатырь, проходя мимо барскихъ барынь, благодаритъ ихъ за то, что уговорили мать отпустить его, и въ награду за ихъ услугу обѣщается прислать имъ въ гостинецъ куницъ, соболей, черныхъ и красныхъ лисицъ, бархаты, атласы, камки и фаты; сулитъ

задать имъ великолѣнный пиръ на берегу океана, которымъ завладѣетъ. Хоръ плачущихъ барынь поетъ ему:

Мы слезами заливаясь,
Рукавами утираясь,
Будемъ о тебѣ тужить,
Какъ безъ насъ ты станешь жить?
Ѣдешь чрезъ пески глубоки,
И чрезъ горы превысоки!

Горебогатырь объявляетъ провожающимъ его барынямъ, что идетъ на конюшню, для выбора себѣ богатырскаго коня; онѣ поютъ хоромъ:

О Горе богатырь! прости,
Щастливая тебѣ дорога,
И красно солнышко помога
Чтобъ голову свою спасти.

Во второмъ дѣйствіи, Локтомета въ покояхъ своихъ, приказываетъ Кривомозгу ѣхать съ сыномъ ея, и не спускать съ него глазъ; Торопа назначаетъ къ нему оруженосцемъ, и поручаетъ имъ слѣдовать по пятамъ „милаго чада", оберегать его, и привезти къ ней обратно въ совершенной цѣлости. Кривомозгъ почесывая голову и кланяясь готовъ исполнить приказаніе; но по уходѣ Локтметы, плачетъ и поетъ:

Моя пропала голова,
Не смотритъ парень на слова́,
Нѣтъ мѣста просьбѣ, ни совѣту,
Горюй, таскаясь съ нимъ по свѣту!

Входитъ Торопъ и спрашиваваетъ Кривомозга о причинѣ слезъ его; этотъ расказываетъ свое горе, что ему съ Торопомъ приказано беречь Горебогатыря, хотящаго лѣзть на всякую опасность, и что кромѣ того ему, Кривомозгу, жаль оставить въ печали, и можетъ быть въ нуждѣ жену и малыхъ дѣтей. Торопъ, выслушавъ его, говоритъ: „Вотъ, горе еще не пришло, а дуракъ уже горюетъ", и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ попытаться имъ обоимъ засадить богатыря дома, либо заставить скорѣе вернуться; причемъ разсуждаетъ, что теперь не такое время, чтобъ богатыри полкй ломали, и рыцари сильною рукою тысячи сѣкали; и что у ихъ витязя кулаки не богатырскіе, смѣлость не рыцарская, да и вовсе никакой нѣтъ; Кривомозгъ, нѣсколько ободренный, поетъ:

Куда насъ рыцарь повезетъ? (за нимъ Торопъ:)
Куда нелегкое несетъ? (и затѣмъ оба вмѣстѣ:)
Убавимъ спѣси мы маленько,
И дома будемъ жить смирненько.

Торопъ расказываетъ Кривомозгу о Горебогатырѣ, выбирающемъ лошадей на конюшенномъ дворѣ, и о томъ, что тамъ произошло: по приказу его осѣдлать лошадь, когда ему вывели черногриваго аргамака, то конь этотъ начинаетъ вертѣться, кусаться, топтать передними, и лягать задними ногами во всѣ стороны, такъ что богатырь не смѣетъ къ нему приступить, потомъ подводятъ коня черкесскаго, и Горебогатырь ставитъ ногу въ стремя, но какъ-то неосторожно толкаетъ щекотливую лошадь ногою въ бокъ, которая кинулась на правую, а богатырь упадаетъ на лѣвую сторону. Не понравился ему черкесскій конь, выводятъ ему третью лошадь, показавшуюся ему крѣпкоудой и пугливой, и наконецъ выбираетъ себѣ какую-то мезенскую клячу съ иноходью, и жалуетъ ее въ богатырскіе кони.—Кривомозгъ и Торопъ приходятъ къ казначею Громкобаю, чтобы просить у него денегъ на дорогу, и всѣ трое вмѣстѣ поютъ:

Громкобай нашъ казначей!
Ты не прячь своихъ ключей,
Давай денегъ намъ помногу,
Мы готовимся въ дорогу.

Громкобай поетъ имъ въ отвѣтъ:

Не надо денегъ брать въ походъ
Съ чужой земли сберешь доходъ;
Куда вить рыцарь ни приходитъ
Вездѣ готовое находитъ,
Потребна смѣлость лишь одна,
Но есть-ли братцы въ васъ она?

Они поютъ тріо:

Мы смѣлости не доказали,
И славныхъ рыцарей не знали,
Слыхали въ сказкахъ лишь объ нихъ,
Не учинимъ мы дѣлъ такихъ;
Когдажъ найдемъ препятства многи,
Надѣемся на скоры ноги.

Горебогатырь, сопровождаемый Громкобаемъ, Торопомъ и Кривомозгомъ, выбираетъ себѣ въ каменной кладовой оружіе; Громкобай

указываетъ витязю на шишакъ Еруслана Лазаревича, который по примѣркѣ оказывается богатырю по колѣна; мечь кладенецъ Ивана Архидѣича Горебогатырь насилу поднимаетъ обѣими руками, и приказываетъ позвать шпажника, чтобы опилить его уже и короче; Торопъ замѣчаетъ, что жаль портить такую старину, и Кривомозгъ совѣтуетъ лучше новый сдѣлать: но Горебогатырь стоитъ на своемъ. Наконецъ Громкобай предлагаетъ рыцарю осмотрѣть двѣнадцати-пудовую палицу Петра златыхъ ключей, и Горебогатырь говоритъ, чтобы приказали ее перековать для того, чтобы была ему по рукѣ. Торопъ замѣчаетъ: „принеси ее къ намъ, болѣе похожую на свайку, нежели на палицу боевую". — Кривомозгу становится жаль всю сбрую богатырскую, которой готовится такое увѣчье, и онъ, отведя въ сторону Горебогатыря, спрашиваетъ его, о чемъ онъ такъ заботится? и говоритъ, что такъ какъ все дѣло въ томъ, чтобы доспѣхи были казисты, то предлагаетъ ему предоставить имъ волю, сдѣлать ему для легкости латы изъ картузной бумаги, и покрасить ихъ подъ цвѣтъ желѣза; вмѣсто шишака, косую пушистую шапочку на хлопчатой бумагѣ, съ разноцвѣтными журавлиными перьями, и прибавляетъ: „и ты будешь казистъ и зѣло лѣпенъ". Горебогатырь соглашается, говоря, что лишь только все поспѣетъ, то и поѣдетъ онъ на мезенскомъ буромъ иноходцѣ; за тѣмъ поетъ:

На иноходцѣ ѣду буромъ
Въ пушистой шапочкѣ своей,

Торопъ подхватываетъ:

А я тащуся на ковуромъ,
Во слѣдъ за милостью твоей.

Въ заключеніе втораго дѣйствія, тріо отъѣзжающихъ поетъ:

Сладимъ пѣсенку въ дорогу,
Нашей смѣлости въ подмогу,
Чтобъ въ насъ храбрость не уныла,
И горячность не застыла.

Третье дѣйствіе представляетъ поле съ Горебогатыремъ въ латахъ изъ картузной бумаги, и голубой шапочкѣ. Торопъ обращается къ нему съ словами, что поѣхалъ онъ со двора и они за нимъ, за тридевять земель, въ тридесятое царство, для „скосырьства"; куда же ѣдутъ, не знаютъ сами; онъ обращаетъ вниманіе богатыря на пріуставшихъ лошадей; и тотъ говоритъ, что сошелъ съ бураго своего иноходца, чтобъ дать ему отдыхъ, и поетъ:

Пусть лошадка отдыхаетъ,
Рыцарь руки расправляетъ,
Крѣпко топаетъ ногой,
Шапочку на глазъ надвинетъ,
Глазомъ косо лишь окинетъ,
Всѣхъ враговъ согнетъ дугой.

Въ чемъ Кривомозгъ нѣсколько сомнѣвается; но говоритъ что ему не нравится то, что только успѣлъ Горебогатырь съѣхать со двора, какъ подулъ изъ ближняго переулка вѣтеръ, и вихрь подхватившій косую, пушистую шапочку съ разноцвѣтными перьями, кинулъ ее черезъ кровлю, опять на немощеный дворъ въ грязь; а теперь лошади стали; что все это считаетъ дурными примѣтами. Горебогатырь не соглашается съ доводами Кривомозга, и намѣренъ продолжать путь. Тогда Кривомозгъ и Торопъ предлагаютъ ему составить изъ нихъ обоихъ „передовую" и „сторожевую" стражу, и что Горебогатырь посреди нихъ будетъ въ полной безопасности. Послѣдній соглашается, и Кривомозгъ отправляется впередъ, а Торопъ поетъ:

Вить не слишкомъ намъ щастливо:
Лѣто нынѣшне дождливо,
Разныхъ здѣсь родовъ грибами
И вездѣ дождевиками
Поле чистое покрыто,
Рвами, ямами изрыто,
Въ низменныхъ мѣстахъ здѣсь топко
Можноль воевать не робко?

Прибѣгаетъ на сцену запыхавшись Кривомозгъ, къ которому обращается Горебогатырь съ словами: „Ахъ! это ты напылилъ? Для чего ты такъ скоро возвратился съ передовой стражи? Кривомозгъ отвѣчаетъ, что дымъ видѣнный витяземъ ни что иное какъ дымъ отъ непріятельской пальбы, подъ которую они бы прямо въѣхали безъ всякой надобности, еслибы онъ, Кривомозгъ, не былъ впереди, и доказываетъ тѣмъ Горебогатырю пользу „передовой стражи"; за тѣмъ совѣтуетъ объѣхать непріятеля сбоку и сзади; и для того свернуть съ большой дороги, по тропинкѣ на право. Горебогатырь соглашается, но только хочетъ заѣхать прежде въ первую избушку, говоря что ему хочется ѣсть, и что надѣется тамъ что нибудь найти.

Богатырско серце ноетъ.
И когда въ желудкѣ воетъ
Хочется тогда мнѣ ѣсть,
Хочетъ тоже спѣсь и честь.

Онъ приближается къ избушкѣ, у которой на скамьѣ сидятъ— старуха съ маленькой дѣвочкой и безрукій старикъ; съ словами: „умираю съ голоду", Горебогатырь храбро бросается въ избу, но его удерживаетъ старикъ, которому голодный витязь заявляетъ, что онъ Горебогатырь, ищетъ чего поѣсть, и что тотъ поневолѣ ему дастъ. Старикъ, не робѣя передъ нимъ, отвѣчаетъ ему: „на богатыря ты не схожъ, и угрозъ твоихъ не боюсь; что же надлежитъ до пищи, еслибъ ты попросилъ въ честь, я бы тебѣ не отказалъ; а наглымъ образомъ, отъ меня крошки не достанешь; и хотя у меня и одна только рука, однако противу такого рыцаря какъ ты, еще противиться могу". Но Горебогатырь, не опѣшившій послѣ первой неудачи, призываетъ своихъ товарищей и поетъ:

Ну братцы, помогайте,
Избушку осаждайте,
Мы дружески теперь
Пробьемъ плечами дверь;
Тогда придемъ къ обѣду,
И воспоемъ побѣду!

Кривомозгъ съ Торопомъ поютъ вмѣстѣ:

Тебѣ мы рады помогать,
Пока не будутъ насъ толкать
И бить по шеѣ кулаками,
Вить не здоровы мы спинами.

Затѣмъ Горебогатырь и товарищи его обнажаютъ мечи, хотятъ насильно вломиться въ избушку, но старикъ стоя въ дверяхъ съ однимъ только ухватомъ въ рукѣ, колотитъ непріятелей своихъ, и обращая въ бѣгство, безрукій побѣдитель поетъ:

Безмертія не покупаютъ,
Героевъ въ Стиксѣ не купаютъ,
За деньги славы не даютъ,
И рыцарей шальливыхъ бьютъ.
Побилъ и далъ имъ раны многи,
Но гнать за ними плохи ноги,
Однако способъ я сыщу,
За ними съ цѣпи пса спущу!..

Локтмета въ покояхъ своихъ поетъ и призываетъ Громкобая:

Оставался одна,
Я сидѣла у окна,
Глазомъ сына провожала
И себя я сокрушала,
Пока думушка пришла
И тебя я позвала.

Она приказываетъ Громкобаю, хотя издали ѣхать за ея сыномъ, и привести ей вѣсти о его здоровьи; вмѣстѣ съ тѣмъ поручаетъ ему, если онъ увидитъ Кривомозга и Торопа, подтвердить имъ, чтобъ они убергли Горебогатыря болѣе всего отъ Костоглотовъ и постарались бы привезти его домой. На вопросъ Громкобая: „гдѣ же найти его? Локтмета отвѣчаетъ ему: „за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ".

Громкобай поетъ:

Велѣнье ваше свято,
Сейчасъ иду отсель,
За тридевять земель,
Во царство тридесято!

Появляется къ Локтметѣ въ гости Степанида Даниловна (мать Гремилы), Гремила Шумиловна съ многочисленною свитой, состоящей изъ баръ, барскихъ барынь и барышенъ; всѣ онѣ встрѣчаются съ Громкобаемъ, который не можетъ выйти прежде чѣмъ они войдутъ; въ это время музыка играетъ маршъ. Локтмета встрѣчаетъ гостей съ любезностью, изъявляя сожалѣніе объ отсутствіи сына. Она сажаетъ Гремилу и Степаниду на „большое мѣсто" и угощаетъ. Степанида говоритъ хозяйкѣ, что наслышана о склонности сына ея ко всему звучному, громкому и шумному, и потому нарочно привезла дочь свою, имѣющую подобный же вкусъ; Гремила поетъ:

Въ громѣ, звукѣ, стукѣ, трескѣ,
Я всѣ утѣхи нахожу,
И въ шумной пышности и блескѣ
Свое я время провожу:
Тотчасъ куранты заиграютъ
Лишь ферязи тряхну свои,
И въ ту минуту выступаютъ
И пляшутъ дѣвушки мои.

Въ подтвержденіе пѣсни своей, она трясетъ ферезями; куранты начинаютъ играть, и дѣвушки танцуютъ балетъ, при пѣніи хора:

Ушамъ привычливымъ не грубы
Литавры, барабаны, трубы,
И рѣзкой звонъ колоколовъ,
Ихъ звукъ и громъ для насъ не новъ,
И все то кажется намъ скучно
Что въ головѣ шумитъ не звучно.

Четвертое дѣйствіе оперы начинается поисками за Горебогатыремъ; Громкобай находитъ Торопа спящимъ въ лѣсу; послѣдній проснувшись говоритъ, что отдыхаетъ на сторожевой стражѣ отъ трудовъ богатырскихъ; и на вопросъ Громкобая о Горебогатырѣ, указываетъ ему на три дороги, прилегающія въ лѣсу, извѣщая его, что на средней опочиваетъ Горебогатырь, имѣя сѣдло вмѣсто изголовья, такъ какъ по словамъ его: „по богатырски инако нельзя"; на другой вопросъ Громкобая о Кривомозгѣ, Торопъ сообщаетъ, что онъ въ „передовой стражѣ", на той дорогѣ, что на лѣво. Они поютъ оба:

Слышанъ топотъ лошадиной
И пыль издали видна;
Скачетъ лошадь не одна,
Скачетъ кажется съ дѣтиной,
У него иль плеть, иль розга;
Видимъ, съ лошади онъ слѣзъ,
Ба! мы видимъ Кривомозга!
Что вѣстей онъ намъ привезъ?

Но Кривомозгъ самъ ищетъ Горебогатыря и спрашиваетъ о немъ у Торопа; они садятся на травѣ, и первый спрашиваетъ у Громкобая о причинѣ его къ нимъ прибытія; казначей Локтметы передаетъ приказанія отъ нея полученныя относительно Горебогатыря, причемъ выговариваетъ имъ за то, что оставили его спящимъ на большой дорогѣ и прибавляетъ, чтобъ старались скорѣе везти его домой. Торопъ говоритъ ему: „прытокъ ты къ намъ пожаловалъ; послушаетъ ли онъ насъ, когда сама мать уговорить его не умѣла!...." Тутъ Кривомозгъ и Торопъ разсказываютъ ему: первый о томъ, что поднялъ густую пыль отъ дождевиковъ, увѣривъ рыцаря, что это дымъ отъ непріятельской пальбы; второй, объ острасткѣ, данной витязю при аттакѣ избы, и полагаетъ, что случись съ нимъ еще что-либо подобное, то конечно отниметъ у него охоту богатырствовать. Кривомозгъ берется все устроить, прося товарищей помочь ему; и если будетъ что говорить, ссылаясь на нихъ, то чтобы не выдавать его. Заручавшись ихъ со-

гласіемъ. Кривомозгъ предлагаетъ разойтись врознь по лѣсу, и начать улюлюкать, „какъ будто медвѣдь натекаетъ на псарей"; и потомъ затрубили въ рогъ. Горебогатырь, услышавъ этотъ шумъ, въ страхѣ отъ медвѣдя, влѣзаетъ на дерево и сидитъ на немъ не шевелясь. Кривомозгъ, увидя Горебогатыря, начинаетъ стращать его Костоглотами, лѣшими и колдунами ѣдущими на осинахъ, и говоритъ ему, что онъ пропащій человѣкъ, если не сойдетъ съ дерева и не пойдетъ скорѣе по той дорогѣ, которую они ему укажутъ. „Развѣ ты не слыхалъ", прибавляетъ Кривомозгъ, „отъ мамокъ своихъ, что когда лѣшій обойдетъ, то изъ круга не выйдешь; а улюлюкаютъ они, чтобы тебя обмануть. Горебогатырь отвѣчаетъ ему, что не вѣритъ подобнымъ баснямъ, однако слѣзаетъ съ дерева; „они насъ окружатъ и свяжутъ", продолжаетъ Кривомозгъ, „и тогда дѣлать будетъ нечего". Затѣмъ онъ указываетъ на двухъ свидѣтелей, пріѣхавшихъ съ тѣми же вѣстями изъ города, и находитъ, что невозможно спорить противъ двухъ свидѣтельскихъ показаній; послѣдніе подтверждаютъ слова Кривомозга, и Горебогатырь, вполнѣ убѣжденный ими, поетъ:

Ну если такъ,
То ѣхать какъ?
Какъ знаете везите,
Куда вы захотите.

Громкобай предлагаетъ ѣхать прямо въ Арзамасъ, и заботу богатыря о томъ, какъ имъ показаться въ городѣ, и что про нихъ скажутъ, Кривомозгъ успокоиваетъ тѣмъ, что они возвѣстятъ о побѣдѣ своей надъ старикомъ, костоглотами и колдунами; Торопъ говоритъ что они, какъ побѣдители, въѣдутъ въ городъ въ сплетенныхъ ими вѣнкахъ, надѣтыхъ на головы; Кривомозгъ разсуждаетъ, что хотя ихъ и будутъ дразнить, что никакой добычи съ собой не привезли, то можно отвѣтить, что все разбросали по чисту полю, покрытому тѣлами, чтобы ѣхать па легкѣ; „справляться же кого чортъ понесетъ!" прибавляетъ Торопъ. Горебогатырь, совершенно успокоенный, припоминаетъ пословицу, гласящую: что „съ глупыми людьми и найдя не раздѣлишь, а умные и небылицу раскрасятъ", но сознается что теперь у него на сердцѣ только одна забота, чтобы его богатырскіе латы повѣшены были на видномъ мѣстѣ, причемъ разсуждаетъ, что то, что съ ними было, съ ними и умретъ, а лѣшіе не болтуны, настоящаго дѣла не скажутъ". Кривомозгъ говоритъ ему, что государыня Локтмета его утѣшитъ; и притомъ много ли мѣста нужно латамъ его? Громкобай утѣшаетъ богатыря, говоря что бо́льшей бѣды

не будетъ, „какъ что развѣ со временемъ ихъ съѣдятъ мыши; но что это случается съ описаніями славнѣйшихъ дѣлъ". Онъ также извѣщаетъ Горебогатыря о пріѣздѣ къ его государынѣ Локтметѣ гостей, красавицы Шумиловны съ матерью, и что онъ пріѣдетъ въ пору и кстати. За тѣмъ они поютъ всѣ четверо:

Свои мы сладимъ рѣчи плотно,
И всѣ повѣрятъ намъ охотно,
И матерь и невѣста,
И наши домочадцы,
Другимъ словамъ не будетъ мѣста.
Ступай, поѣдемъ братцы!
Не отставай никто изъ насъ,
И возвратимся въ Арзамасъ
Съ веселымъ мы лицомъ,
Да съ краснымъ лишь словцомъ.

Пятое дѣйствіе представляетъ покои Локтметы, и ее сидящую съ гостями своими. Входитъ Громкобай и извѣщаетъ ее о возвращеніи Горебогатыря съ большими успѣхами. Локтмета говоритъ что приметъ его съ радостью, Степанида съ удовольствіемъ, а Гремила съ восхищеніемъ; и хоръ всѣхъ домашнихъ поетъ:

Лишь въ дверяхъ примѣтимъ
Храбра рыцаря того,
Съ любопытствомъ встрѣтимъ
Мы дитятю своего.

Горебогатырь, Торопъ и Кривомозгъ входятъ при игрѣ на трубахъ, украшенные вѣнками; хоръ встрѣчающихъ поетъ:

Мы рыцаря встрѣчаемъ,
Разсказы знать желаемъ
Въ какомъ числѣ противны войски,
И громкиль подвиги геройски?

Горебогатырь не запинаясь, начинаетъ свое обдуманное заранѣе съ товарищами вранье, и поетъ:

Могу безъ хвастовства сказать
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать,
Низринулъ множество оплотовъ,
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, разсыпалъ и побилъ

Медвѣдей, Костоглотовъ,
И лѣшихъ съ колдунами.
Они вить защищали
И море съ островами,
Но всѣхъ повергъ, и пали,
О томъ спросите насъ,
Вотъ три свидѣтеля для васъ!

Онъ указываетъ на спутниковъ своихъ, и Локтмета говоритъ ему, что онъ въ пору и кстати пріѣхалъ, и что всѣ охотно повѣрятъ его рѣчамъ; а побѣдоносной рукѣ его въ награду, вручаетъ ему нѣвѣсту красавицу Гремилу Шумиловну. Степанида, съ своей стороны, сообщаетъ ему, что она уже условилась съ матушкой его о приданомъ. Затѣмъ Гремила поетъ:

Мнѣ рыцарски дѣла пріятны,
И всѣ твои расказы внятны,
Во вѣкъ не будемъ мы тужить,
Согласно двое станемъ жить.

Горебогатырь ей отвѣчаетъ:

Плѣняясь славой и Гремилой
Всегда супругъ я буду милой;
Тебя, Шумиловну мою,
Люблю какъ душу я свою!

Оба вмѣстѣ:

Горебогатырь съ Гремилой
Бракъ составятъ не постылой,
Такъ согласны межъ собою,
Будто ряпушка съ водою.

Въ заключеніе пьесы балетъ при окончательномъ хорѣ:

Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно.

Заглавный листъ къ нотамъ одинаковый съ принадлежащимъ къ оперѣ; въ рамкѣ украшенной вокругъ двумя лавровыми вѣтвями, по-

мѣщается самое заглавіе: Музыка Оперы Комической Горебогатыря Косометовича. Сочиненія Г. Капельмейстера Мартина. Для клавиръ съ голосами переложенная Г. Прачемъ. Слѣдуетъ музыка: 1) Увертюра (стр. I—VI.—2. Хоръ. (Д. 1. явл. 1.) стр. VII—XII.—3. Горебогатырь. (Д. 1. явл. 1.) стр. XIII — XVIII.—4. Хоръ. (Д. 1. явл. 3.) стр. XIX—XXII.—5. Локтмета. (Д. 1. явл. 4.) стр. XXIII—XXIV.—6. Горебогатырь. (Д. 1. явл. 4.) стр. XXV.—7. Хоръ. (Д. 1. явл. 5.) стр. XXVI—XXVII.—8. Хоръ. (Д. 1. явл. 5.) стр. XXVIII—XXX.—9. Кривомозгъ. (Д. 2. явл. 1.) стр. XXX—XXXII.—10. Торопъ. Кривомозгъ. (Д. 2. явл. 2.) стр. XXXIII—XXXIV.—11. Торопъ. Кривомозгъ. Громкобай. (Д. 2. явл. 3.) стр. XXXIV—XLI.—12. Торопъ. Кривомозгъ. Горебогатырь. (Д. 2. явл. 5.) стр. XLII—LII.—13. Горебогатырь. (Д. 3. явл. 1.) стр. LIII—LV.—14. Торопъ. Д. 3. явл. 2) стр. LVI—LXI.—15. Горебогатырь. (Д. 3. явл. 2.) стр. LII—LXVIII.—16. Горебогатырь. (Д. 3. явл. 3.) стр. LXVIII—LXX.—17. Горебогатырь. (Д. 3. явл. 5.) стр. LXX—LXXIII.—18. Старикъ. (Д. 3. явл. 5.) стр. LXXIII—LXXVII.—19. Локтмета. (Д. 3. явл. 4.) стр. LXXVII—LXXX.—20. Громкобай. (Д. 3. явл. 6.) стр. LXXX—LXXXII.—21. Гремила. (Д. 3. явл. 7.) стр. LXXXIII—LXXXVII.—22. Хоръ. стр. LXXXVII—XCVI. — 23. Торопъ. Громкобай. (Д. 4. явл. 1.) стр. XCVII—C.—24. Торопъ. Громкобай. Горебогатырь. (Д. 4. явл. 5.) стр. C—CIV.—25. Торопъ. Кривомозгъ. Громкобай. Горебогатырь. (Д. 4. явл. 5.) стр. CV—CXIII.—26. Хоръ. (Д. 5. явл. 1.) стр. CXIV—CXX.—27. Хоръ. (Д. 5. явл. 2.) стр. CXXI—CXXIII.—28. Горебогатырь. (Д. 5. явл. 2.) стр. CXXIV—CXXXI. — 29. Гремила. Горебогатырь (Д. 5. явл. 2.) стр. CXXXII—CXXXIX.—30. Хоръ. (Д. 5. явл. 2.) стр. CXL—CXLVI.

Наблюдательность и насмѣшливость были всегда присущи литературному таланту Екатерины, и проявляются во многихъ ея драматическихъ произведеніяхъ; поводомъ къ сочиненію оперы „Горебогатырь“ послужило вторженіе въ русскіе предѣлы короля шведскаго Густава III, возпользовавшагося затруднительнымъ положеніемъ Россіи, по случаю войны съ Турціею, объявленной ей въ 1787 году. Коварство его, и еще болѣе похвальбы его передъ начатіемъ войны, раздражили Екатерину, и сообщили этому раздраженію сатирическое направленіе. Желаніе ея вывесть этого нежданнаго противника въ каррикатурѣ, выразилось первоначально въ сочиненной императрицею французской пословицѣ (proverbe), названной ею „Martou et Crispin“

прочитанной ею 21 августа 1788 года, статсъ секретарю Храповицкому, который въ дневникѣ своемъ отзывается объ этой пьесѣ, какъ о имѣющей въ себѣ много соли; что она относится къ шведской войнѣ, и что особенно замѣчалось въ хвастливыхъ расказахъ Криспина о походахъ и морскомъ сраженіи [1]. 27 августа, императрица приказала отдать актерамъ „proverbe" озаглавленную: „Les voyages de M-r Bontemps", оканчивающуюся словами: „a beau mentir qui vient de loin", и сыграть ее сюрпризомъ въ день имянинъ графа Мамонова, 19 сентября, въ его комнатахъ. Храповицкій при возвращеніи Екатеринѣ 28 числа переписанной пьесы, сказалъ ей: „Crispin dans le récit du combat naval, ment plus agréablement, que le Prince Charles"; означенная пьеса была играна въ Эрмитажѣ 14 декабря 1789 года, только для наслѣдника и его супруги. Передъ этимъ 29 іюля Храповицкому было читано начало оперы „Кославъ", гдѣ были намеки на приготовленія короля шведскаго Густава III, къ войнѣ съ Россіею. Пьеса почему-то не была кончена, но мысль ея проявилась во второмъ дѣйствіи „Горебогатыря". Желаніе осмѣивать выходки и манифесты шведскаго короля, не оставляло Екатерину, и она приказала отыскать сказку о „Фуфлыгѣ богатырѣ", о которой ей когда-то говорилъ Орловъ, чтобы прибавя къ ней „l'histoire du temps", составить изъ нея оперу. Храповицкій для этого поднесъ Екатеринѣ 21 октября „ѣзду въ островъ любви", „Дейдамію" и трагедію Ломоносова, изъ которыхъ нуженъ былъ „Мамай"; онъ слышалъ отъ камердинера императрицы, Н. С. Козлова, что во время волосочесанія, она читала „письменнаго Фуфлыгу", и много смѣялась; онъ удивлялся, кто могъ отыскать эту сказку. Однако названіе „Фуфлыга" не понравилось Екатеринѣ, и она пожелала выбрать другое, сказавъ что А. М. (Александръ Матвѣевичь Мамоновъ) придумаетъ. Храповицкій сказалъ что „вошедъ въ матерію, имя героя выйдетъ потомъ само, изъ его характера"; онъ 28 числа, переписывалъ продолженіе сказки, и 29-го, представилъ вмѣстѣ съ нимъ и дополненіе къ тому, что уже было имъ переписано. Во время

---

[1] Считаемъ необходимымъ обратиться къ дневнику Храповицкаго, этого неутомимаго и такъ сказать личнаго служителя Екатерины, вѣрнаго и усерднаго исполнителя весьма разнообразныхъ ея порученій; видѣвшаго ежедневно императрицу; участвовавшаго во многихъ ея литературныхъ произведеніяхъ, которыхъ былъ часто редакторомъ и сотрудникомъ. Въ этомъ во многихъ отношеніяхъ крайне любопытномъ дневникѣ, легко можно прослѣдить время выхода изъ подъ пера императрицы, каждаго изъ ея драматическихъ произведеній, число разъ ихъ представленій на сценѣ, дальнѣйшей ихъ судьбы, такъ равно и критическія о нихъ замѣчанія и сужденія самаго автора.

чтенія, императрица замѣтила въ сказкѣ безрукаго старика, коменданта Нейшлота. Когда 30 октября, Храповицкій поднесъ ей переписанную его секретаремъ сказку, то она спросила: „много ли онъ смѣялся?“ Наконецъ 4-го ноября, онъ получилъ отъ государыни для переписки 1-й актъ оперы „Горебогатырь Косометовичъ“, къ которой составилъ аріи, и весь день занимался перепиской; 5-го числа, поднося 1-й актъ, получилъ благодарность съ приказаніемъ выставить аріи при „валяніи на травѣ“ „тасканія изюму“ и „играніи въ свайку“. Храповицкій сознается что онѣ вышли натянутыми; 6-го числа императрица читала поднесенный ей 2-й актъ оперы, причемъ выкинула изъ него слѣдующую, сочиненную Храповицкимъ арію:

Единой храбростью своею,
Сломить себѣ всякъ можетъ шею;
Не будь на храбрость тароватъ,
Во вѣкъ не будешъ виноватъ.

сказалъ притомъ, что „ненадобно такъ говорить о храбрости“, и вмѣсто этихъ стиховъ, одобрены слѣдующіе, имъ же сочиненные, и написанные въ пьесѣ: „Мы смѣлости не доказали“ и проч. Вся опера въ пяти актахъ была окончена 7-го числа, и на слѣдующій день, Храповицкій поднесъ ее императрицѣ, которая оставила ее у себя, и послѣ прочтенія, хвалила его прибавки и стихи имъ сочиненные, при чемъ отозвалась о пьесѣ, что она „бюрлескъ“, и что надобно играть ее живѣе и развязнѣе, и въ томъ костюмѣ, какъ играютъ „мельника“. 9-го числа, государыня отдала оперу Храповицкому съ тѣмъ, чтобъ поставить ее на театръ, и музыку къ ней сочинить Мартини и Ванжурѣ, съ апробаціей графа Мамонова; проба 1-го акта происходила при немъ только одномъ. Какъ видно, Екатерина отдавъ свою пьесу на театръ, не переставала заботиться о дальнѣйшей ея судьбѣ, и часто спрашивала у Храповицкаго „какъ она идетъ, и будетъ-ли смѣшна?“—Въ слѣдующемъ 1789 году, будучи 20 января на пробѣ „Горебогатыря“, государыня замѣтила что хоры хороши, но что „въ аріяхъ много италіанскаго“. 23 января 1789 года, Храповицкій получилъ повелѣніе сыграть оперу при Великихъ Князьяхъ, которымъ онъ доставилъ ее въ рукописи. Объявляя ему благоволеніе за оперу, Екатерина запретила давать ее на публичномъ театрѣ до пріѣзда князя Г. А. Потемкина. 27 января 1789 года, Храповицкій поднесъ императрицѣ печатную оперу съ музыкой [1], экземпляровъ которой, она ему раздавать

---

[1] Экземпляръ изданія оперы, о которомъ говоритъ Храповицкій имѣется

не приказала, не только пускать ихъ въ продажу [1]. Между тѣмъ пьеса шла съ успѣхомъ, такъ что 29-го января, послѣ окончанія представленія „Горебогатыря", повторили его дуэтъ съ „Гремилой", и государыня, по словамъ автора дневника, отзывалась о представленіи съ удовольствіемъ. На слѣдующій день, 30-го числа, увидя въ театрѣ Кобенцеля и Сегюра, Храповицкій заявилъ императрицѣ о трусости своей, и она ему отвѣчала: „нѣтъ, графъ А. М. (Александръ Матвѣевичъ) сказалъ что въ Эрмитажѣ спектакли одинаковы, и они пріѣхать могутъ. Кобенцель заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ, но я будто не примѣчала; и когда спрошенъ былъ Сегюръ, то отвѣчалъ искренно: „qui se sent morveux, se mouche, et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes impertinentes". Января 31-го, въ 7-мъ часу вечера, играли „Горебогатыря" при Цесаревичѣ и Великой Княгинѣ очень удачно; всѣ были веселы, смѣялись, били форо хору плачущихъ и дуэту „Горебогатыря" съ „Гремилой"; по окончаніи піесы, повторенъ еще хоръ плачущихъ и первая арія „Гремилы". Видя такія успѣшныя представленія оперы, Екатерина оставалась сею довольна; разсказывали Храповицкому, какъ смѣялся нынѣ Цесаревичъ, и просилъ еще посмотрѣть ее, почему государыня приказала дать оперу 5-го февраля; 7-го, при выходѣ къ туалету, Ея Величество оборотясь къ Храповицкому сказала ему, что Великіе Князья поютъ всю оперу наизустъ; 17-го апрѣля давали ее въ Эрмитажѣ, и разрѣ-

---

въ Спб. Публ. Библіотекѣ. На заглавномъ его листѣ значится то же, что на экземплярѣ изданія озаглавленномъ: „Горебогатырь Косометовичь опера Комическая. Спб. въ Тип. Горн. Уч. 1789. 8°. 72 стр., но съ прибавкой: „музыка къ оперѣ сочиненія Мартини". (стр. CXLII). Впрочемъ оба эти изданія одного формата, заключаютъ одинаковое число страницъ, и печатаны въ одной и той же типографіи, такъ что ихъ слѣдуетъ признать видоизмѣненіями одного и того же изданія. Щебальск. Драм. и нравоопис. соч. Екат. II. Русск. Вѣстн. 1871. № 5. стр. 133.— [1] Тѣмъ болѣе не могло быть сочтено приличнымъ продавать пьесу по возстановленіи мира со Шведами. Весьма вѣроятно по этому, что лишь очень небольшое число экземпляровъ Горебогатыря проникло въ публику; пьесы этой нѣтъ и въ Росс. Өеатрѣ, и только Сопиковъ (№ 7406), и Смирдинъ (№ 7652) упоминаютъ о ней. Г. Лонгиновъ слѣдовательно совершенно справедливо выражаетъ отъ имени русскихъ библіофиловъ признательность Смирдину за напечатаніе ея въ своемъ изданіи сочиненій Екатерины. Въ интересѣ послѣднихъ, не лишнимъ считаю сдѣлать извѣстнымъ, что текстъ этой піесы, собственной руки Екатерины, и копія руки Храповицкаго, находятся въ Москвѣ, у П. В. Сушкова; по нимъ можно прослѣдить такъ сказать самый процессъ сочиненія Горебогатыря, и взвѣсить долю участія, которое принималъ въ томъ Храповицкій. Щебальск. стр. 133—134.

щено играть ее въ Москвѣ, потому что въ Петербургѣ это казалось неловкимъ давать ее въ присутствіи иностранныхъ министровъ, и потому книжка со всею партитурою послана была графу Николаю Петровичу Шереметеву, который о томъ просилъ. Наконецъ 12-го іюля играли „Горебогатыря" въ Царскомъ Селѣ, и 12-го сентября для принца Нассаускаго въ Эрмитажѣ.

Свѣденія объ оперѣ „Горебогатырь", представляемыя дневникомъ Храповицкаго, кажется не оставляютъ намъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта піеса написана Екатериною съ единственною цѣлью осмѣять шведскаго короля Густава III, котораго она называла соревнователемъ и послѣдователемъ Донкихота; въ забавной каррикатурѣ изобразила императрица неудачное его нападеніе на русскіе предѣлы, его похвальбы и хвастовство, доходившія до ея слуха. Не смотря на несомнѣнность того, что никто другой, какъ только Густавъ III, былъ предметомъ сказки и оперы ею сочиненныхъ, одному изъ современныхъ нашихъ писателей Г. Е. Карновичъ, пришло на мысль вывести заключеніе основанное „на всѣхъ частностяхъ" произведенія императрицы, и доказывать, что насмѣшка относится не къ шведскому королю, но къ цесаревичу, наслѣднику русскаго престола и сыну Екатерины. Приводимъ собственныя слова г. Карновича: „Послѣ шведской войны императрица написала комедію (?) разыгранную въ 1789 году въ Эрмитажѣ. Комедія эта носила названіе „Горебогатырь". Въ ней былъ выставленъ неразумный сынъ царевичъ, просящійся у матери-царицы на войну. Мать отпустила его нé-хотя, и онъ, вмѣсто того, чтобъ удивить всѣхъ своими храбрыми подвигами, только смѣшилъ непріятеля своимъ неумѣстнымъ и забавнымъ молодечествомъ. Богатырь этотъ прозывался Косометовичемъ, потому что отецъ его, любившій играть въ свайку, косо металъ ее, почему его и прозвали Косометомъ. Говорили, что цѣль этой комедіи была осмѣять забавную удаль шведскаго короля Густава III, затѣявшаго неудачную войну съ Россіею, но всѣ частности этого насмѣшливаго произведенія, а между прочимъ намеки на царственную мать и на неумѣлость отца царевича, заставили думать, что комедія эта была направлена не на Густава III, а на Павла Петровича, и онъ имѣлъ достаточно поводовъ принять на свой счетъ тѣ насмѣшки, которыми изобиловало произведеніе его матери"[1].

---

[1] Мальтійскіе рыцари въ Россіи, изъ сказаній XVII столѣтія. Е. Карновича. Отечеств. Записки 1877 года. Т. LXI. № 6. стр. 367—368.

Едва ли возможно, чтобы Екатерина, несомнѣнно обладавшая необыкновеннымъ умомъ и весьма тонкимъ чувствомъ приличія, рѣшилась выставить на публичное посмѣяніе сына, хотя и нелюбимаго, но признаваемаго народомъ за наслѣдника престола. Всему сказанному г. Карновичемъ, противорѣчитъ уже то, что по свидѣтельству Храповицкаго, Павелъ Петровичъ, будучи на оперѣ „Горебогатырь", много смѣялся при ея представленіи, и даже пожелалъ ея повторенія, чего бы не могло быть, еслибы онъ по словамъ г. Карновича „имѣлъ довольно поводовъ принять насмѣшки матери на свой счетъ". Не могла бы точно также императрица хвалиться Храповицкому тѣмъ, что внуки ея заучили наизусть аріи и хоры піесы, въ которой отецъ ихъ выставленъ предметомъ насмѣшекъ. Плохо вѣрится и тому, чтобы Екатерина намекала на себя въ лицѣ комичной Локтметы. Что же касается до указываемаго г. Карновичемъ обстоятельства, что Горебогатырь проситъ у матери позволенія посмотрѣть на свѣтъ Божій и расправить свои богатырскія силы, то это встрѣчается въ большинствѣ русскихъ сказокъ, по образцу которыхъ задуманъ и написанъ „Горебогатырь"; чтобы давать такое объясненіе этой оперѣ, какъ сдѣлалъ то г. Карновичъ, и тѣмъ обвинить императрицу въ поступкѣ не дѣлающемъ чести ни уму ея, ни даже такту, нужно бы имѣть болѣе основательные и вѣскіе доводы, чѣмъ тѣ „частности оперы", о которыхъ упоминаетъ названный авторъ.

№ 150. Прописи Россійскія изданныя **Александромъ Рыковымъ Санктпетербургѣ** 1789 года. Въ 1°. 17 одностороннум. листовъ, не считая заглавный; вся тетрадь гравирована.

Смирд. Ч. IV. № 5648.

На заглавномъ листѣ вверху каллиграфическое украшеніе, состоящее изъ двухъ обращенныхъ одна къ другой птицъ (лебедей?) изображенныхъ однимъ росчеркомъ пера; внизу виньета представляющая двухъ купидоновъ на облакахъ, изъ которыхъ одинъ стоящій держитъ подъ мышкой книгу, въ лѣвой рукѣ листъ съ начертанной на немъ азбукой. Другой противъ перваго сидящій и прислонившійся головою къ доскѣ, на которой указываетъ цифры и литеры. На второмъ листѣ помѣщено посвященіе: Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ Александрѣ Павловнѣ и Еленѣ Павловнѣ, въ которомъ издатель „Прописей" обращаясь къ нимъ, упоминаетъ о томъ, что онѣ, на третьемъ году возраста, начали „къ удивленію многихъ, обучаться Россійскому чтенію и вскорѣ потомъ и чисто-

писанію, и коихъ успѣхи примѣтно возрастаютъ". Имѣя въ виду образъ ученія Великихъ Княженъ, Рыковъ говоритъ, что почелъ за нужное издать къ пополненію руководства своего [1] „прописи Россійскаго чистописанія съ посвященіемъ къ Имени ихъ, чтобы русское юношество упражняющееся въ чистописаніи, имѣло побудительный примѣръ въ ихъ Высочествахъ".

Въ началѣ пятой страницы находится: Основаніе и Происхожденіе строчныхъ буквъ и происхожденіе чиселъ.—Строчныя, и прописныя буквы русской азбуки.—Основаніе и происхожденіе заглавныхъ буквъ, и внизу страницы изображены цифры.—Прописныя буквы азбуки фигурно начертанныя.—(Лист. 9—10): Склады двойные и тройные.—Примѣры для чистописанія, содержаніе которыхъ составляютъ разныя мысли и нравоученія (л. 11—16). На всѣхъ почти листахъ прописи каллиграфическія украшенія; на послѣднемъ листѣ помѣщены: „Правила которыя должно наблюдать при упражненіи въ чистописаніи [2].

№ 151. Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова 1789, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 159 нум. и 1 ненум. стр. (оглавленіе). Фронтиспись.

Геннади. Справочн. Слов. т. 2. стр. 366.

Содержаніе настоящаго мѣсяцослова не отличается ничѣмъ отъ таковаго же на 1788 годъ, кромѣ того что въ статьѣ подъ № VIII стр. 35, содержащей: „Вѣдомость о городахъ учрежденныхъ вновь въ Россіи, въ царствованіе Екатерины Вторыя", усматриваются нѣкоторыя измѣненія. Иные изъ городовъ перенесены изъ однихъ Намѣстничествъ въ другія; нѣкоторыя появляются вновь. Такъ напр.: Вышній Волочокъ и Осташковъ, состоявшіе по мѣсяцослову 1788 года въ Новгородскомъ, включены въ Тверское Намѣстничество; вновь показаны города Череповецъ въ Новгородскомъ, и Чаусы въ Могилевскомъ Намѣстничествахъ. Наконецъ въ мѣсяцо-

---

[1] Сопиковъ. Ч. 4. № 9877.—[2] Кромѣ того Александръ Максим. Рыковъ напечаталъ: Способъ извѣданный опытомъ писать на пергаментѣ золотомъ и чернилами. Спб. въ Т. Галченкова 1784. 8°. Сопик. Ч. IV. № 11201. Смирд. Ч. III. № 5336.—Тестіада или чтеніе для пользы и удовольствія 3 ч. Спб. въ Медиц. Типогр., въ Тип. Акад. Н. и въ Морск. Тип. 1806—1808. 12°. Сопик. Ч. 5. № 11783. Смирд. Ч. IV. № 6115.

словѣ 1789 года прибавлены города Иркутскаго Намѣстничества.— Въ статьѣ подъ №: IX, озаглавленной: „Продолженіе хронологическаго списка достопомятнѣйшихъ произшествій въ 1787 и 1788 годахъ", отмѣчаемъ кромѣ событій совершившихся въ Россіи, нѣкоторыя болѣе выдающіяся въ остальной Европѣ, преимущественно во Франціи, гдѣ уже въ то время начали оказываться первые признаки революціи: 1787 годъ. Сентябрь 7. Отъ Россійскаго Императорскаго Двора, объявлена война Портѣ Оттоманской.—13. Лежащій при Очаковѣ Турецкій флотъ производилъ противъ Кинбурна жестокую пальбу, однако безъ успѣху, при чемъ одинъ изъ линейныхъ кораблей ихъ взорвало, на которомъ ни единый человѣкъ не спасся.— 14. Турки въ 700 человѣкъ вышли на берегъ не подалеку отъ Кинбурна, но какъ при семъ случаѣ, такъ и въ послѣдующую ночь при вторичномъ покушеніи съ урономъ были прогнаны; напротивъ того, галера Десна вступила съ лѣвымъ крыломъ непріятельскаго флота въ сраженіе, которое продолжалось два часа, и искуснымъ своимъ дѣйствіемъ причинила ему немалый вредъ, не потерявъ сама ни единаго человѣка.—20. Сосланный въ Трой въ заточеніе Парижскій Парламентъ, паки возвращенъ, и Король обѣ новыя, какъ заклейменія, такъ и поземельныя подати отмѣнилъ.—20—28. Россійское войско благополучно за Кубань перешло, и скопище Кубанцовъ подъ руководствомъ Шаха Мансура въ 8000 состоящее, побило и вдоль рѣкъ Зеленчуга и Урупа внутрь снѣжныхъ горъ прогнало.—22. Въ городахъ Старой Русѣ, Тихвинѣ, Боровичахъ и Грязовцѣ открыты нижнія народныя училища.—Октябрь 1. Турки въ 5000 человѣкъ вышли на мысъ Кинбурнской косы, и учинили на крѣпость Кинбурнъ нападеніе; но храбростію Россійскаго войска съ толикимъ урономъ обратно прогнаны, что едва 100 человѣкъ въ плавь спастись могли.—7. Сосланный изъ Бурдо парламентъ паки возвращенъ.—13. Противъ Кубанцовъ учиненъ походъ съ толикимъ успѣхомъ, что жилища и убѣжища ихъ въ конецъ разорены; многія тысящи подъ покровъ Россійской Монархіи отдались, и отправлены въ Кавказскую губернію, чѣмъ границы Россійскаго Государства со стороны Кубани въ совершенную безопасность приведены.—29. Кабардинцы подъ руководствомъ славнѣйшаго ихъ предводителя и другихъ 45 князей, перешли черезъ рѣку Кубань и принудили многіе за Кубанью живущіе народы; какъ-то: Бабехескерцовъ, горныхъ Башильбанцовъ при рѣкѣ Урупѣ, Капчатскихъ Татаръ, Беслеверцовъ за рѣкою Лабою покориться Россійской державѣ и въ вѣрности дать присягу, при чемъ они многіе другіе надъ Турками и Абасихейцами выигрыши получили.—Ноябрь 19. Король

Французской засѣдалъ въ парламентѣ 7 часовъ, и какъ онъ при окончаніи собранія, велѣлъ указъ о новомъ займѣ 420 милліоновъ въ число государственныхъ узаконеній записать не собравъ всѣхъ голосовъ; то принцъ Орлеанской возсталъ въ лицѣ всего народа противъ непорядка засѣданія, за что того же дня въ деревню свою удалиться долженъ былъ, и два другіе члена парламента за вольныя ихъ рѣчи подъ стражу взяты были.—Декабрь 30. Прибывшихъ сего года въ Санктпетербургъ кораблей было 783. Число родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ, въ С.-Петербургѣ, Московской епархіи, Коломенской, Вологодской и Казанской: род. 91324, ум. 59973 и вступило въ бракъ 28797.—1788. Генварь 1. Правительствующій Сенатъ приносилъ Всемилостивѣйшей Монархинѣ отъ имяни всѣхъ вѣрноподданныхъ поздравленіе и достодолжное благодареніе за всѣ изліянныя въ прошломъ годѣ милости, а особливо за предпріятое для общаго блага въ южныя страны государства путешествіе съ великими безпокойствами сопряженное.—16. Въ Уфѣ открыта народная больница, на которую отъ тамошняго дворянства учинено подаяніе въ 1000 рублей.—17. Папа запретилъ и уничтожилъ грамоты, которыя доселѣ верьховныя судебныя начальства, кардиналы и легаты давали смертоубійцамъ и разбойникамъ ко вреду всеобщей безопасности.—Мартъ 20—30. Поелику въ Тускары, посредствомъ соединенія рѣкъ Сеймы, Десны и Днепра, суда изъ Курска въ Черное море отправлять можно, то Курское купечество, не токмо что двѣ барки съ товарами въ Херсонь отправило, но еще и составило общество для отправленія торгу по сему новонайденному пути въ Средиземное море, въ Смирну, Ливорну, Венецію и Марселью, и на тотъ конецъ въ Курскѣ спущены на Тускарѣ по Сеймѣ двѣ барки; а какъ Рыльское и Путивловское купечество оному примѣру послѣдовали, и вообще 8 барокъ отправили, то отъ сего великихъ успѣховъ въ торговлѣ надѣются. — Апрѣль 15. Скончался извѣстный чрезъ великое свое въ отечественной исторіи знаніе и разныя сочиненія, графъ Бюффонъ 79 лѣтъ.— 21. Въ Астраханѣ открыто народное училище, на содержаніе котораго, тамошнее купечество внесло 3000 рублей въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.—Май 2—5. Многіе по Черному морю разъѣзжающіе Россійскіе корабли, пріобрѣли разныя выгоды надъ встрѣтившимися имъ Турецкими судами.—10. Ея Имп. Высоч. В. Княгиня Марія Θеодоровна разрѣшилась благополучно отъ бремяни В. Княжною Екатериною Павловною.—21. Совершено святое крещеніе В. Княжны Екатерины Павловны.—Іюнь 7—12. Турецкой флотъ изъ 57 судовъ состоящій, атаковалъ стоявшую въ Лиманѣ Россійскую фло-

тилію, но съ великимъ урономъ былъ отраженъ; изъ числа сего три корабля сожжены, 18 весьма повреждены, а прочіе прогнаны подъ пушки Очаковскихъ стѣнъ.—Послѣ того, какъ находящійся при Шведскомъ дворѣ Императорскій Россійскій Министръ, Графъ Разумовскій тамошнему Министерству въ разсужденіи шведскихъ вооруженій подалъ ноту, то король приказалъ вышерѣченному министру объявить, что онъ его за Министра при дворѣ своемъ уже болѣе признавать не можетъ; чтобы онъ немедленно приготовился къ обратному пути, и вскорѣ потомъ пошелъ на корабль, дабы съ войскомъ своимъ переправиться въ Финляндію.—17—18. Россійскій флотъ, подъ предводительствомъ Принца Нассау-Зигена, надъ Турецкимъ одержалъ совершенную побѣду, изъ котораго семь большихъ кораблей, въ томъ числѣ и корабль капитана Паши, сожжены, 13 разстрѣлены и одинъ пятидесяти пушечный взятъ въ плѣнъ, причемъ уронъ со стороны Турокъ въ убитыхъ, въ водѣ и огнѣ погибшихъ и полоненныхъ до 6000 человѣкъ простирался.—21. Шведскія войска выступили въ Финляндію, Россія принадлежащую, захватили заставу на границѣ стоящую, и застрѣливши ѣдущихъ въ суднѣ одного офицера и двухъ солдатъ, осадили пограничную крѣпость Нишлотъ.—24. Со стороны министровъ Ея Имп. Велич. сообщена находящимся здѣсь, въ С.-Петербургѣ иностраннымъ министрамъ нота о поступкѣ Шведскаго короля противъ Россійскаго, въ Штокгольмѣ находящагося посланника, съ изъясненіемъ, что Ея Имп. Велич. присутствія Шведскаго министра при своемъ дворѣ и въ своемъ государствѣ болѣе терпѣть не можетъ, и ему объявить приказать изволила, чтобы онъ ко своему двору обратно возвратился въ равномѣрной срокъ, какой Ея министру въ Штокгольмѣ наложенъ.—30. Ея Имп. Велич. повелѣла обнародовать, что принужденною себя находитъ коварнымъ, насильственнымъ и вѣроломнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ на границѣ ея короля шведскаго, противупоставить морскія и сухопутныя силы.—Іюль 1. Его Имп. Высоч. В. Кн. Павелъ Петровичъ изволилъ отправиться въ Финляндію, къ находящейся тамъ арміи.—Отъ находившагося здѣсь шведскаго посольства подана Россійской министеріи нота, которая по многихъ непристойныхъ изъясненіяхъ о причинахъ понудившихъ Короля принять оружіе, содержитъ въ себѣ условія, на коихъ онъ паки миръ воставить желаетъ; но оныя столь были неблагопристойны, что сопроводителю оныхъ по Высочайшему повелѣнію Ея Имп. Велич. объявлено, чтобъ онъ со всѣмъ оставшимся здѣсь посольствомъ изъ столицы, и за границы государства наискорѣе удалялся.—Спасшіеся въ послѣднее сраженіе подъ Очаковскія пушки Турецкіе корабли

атакованы Принцемъ Нассау-Зигеномъ, и 14 галеръ, фрегаты и прочія суда разбиты и сожжены.—3. Вышедшій изъ Севастополя въ Черное море Россійскій Флотъ, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Графа Воиновича, вступилъ съ Турецкимъ въ сраженіе, въ коемъ послѣдній, хотя числомъ превосходилъ, принужденъ былъ въ бѣгъ обратиться.—6. Послѣдовало между Россійскимъ Императорскимъ флотомъ, подъ предводительствомъ Адмирала Грейга, и королевскимъ Шведскимъ флотомъ, подъ главнымъ начальствомъ Адмирала, Герцога Сюдерманландскаго, между острова Штен-шкера и мелью Кольбо-де-Грунтъ, разстояніемъ въ 7 миляхъ отъ Гокланда сраженіе, въ коемъ послѣдній, по сильномъ сопротивленіи и непрестанно 5 часовъ продолжавшемся жестокомъ огнѣ, наконецъ принужденъ былъ Россійскому флоту мѣсто бою уступить, и потерявъ Вице-Адмиральской корабль, которой купно съ Вице-Адмираломъ и 15 штабъ и оберъ-офицерами въ плѣнъ взятъ, отступить былъ принужденъ.—12. Шведы изъ устроеннаго при рѣкѣ Пардокоскѣ, въ Финляндіи, редута выбиты съ великимъ урономъ и потерею двухъ пушекъ, также прогнаны обратно изъ галеры, которыя покушались взять стоявшіе противъ острова Сукенгольма, съ провіантомъ Россійскіе галіоты.—24. Вступившія въ Финляндію Шведскія войска, по многихъ тщетныхъ покушеніяхъ на городъ Фридриксгамъ, отъ Россійскихъ границъ совершенно отступили; сіе отступленіе произошло частію изъ опасенія Россійскихъ войскъ, частію же отъ всеобщаго Финландскихъ полковъ волненія противъ короля, что онъ подъ видомъ предстоящаго съ Россійской стороны нападенія, противъ ихъ воли, преклонилъ къ сему походу.—26. Шведской 64 пушечной линейной корабль взятъ Россійскимъ флотомъ, и по снятіи съ него находящихся на немъ 530 человѣкъ всякихъ нижнихъ чиновъ и 16 офицеровъ, преданъ огню на камнѣ, на которой онъ сѣлъ.—А в г у с т ъ 3. Спущены въ Высочайшемъ присутствіи Ея Имп. Велич. два новопостроенные военные корабля о 100 пушкахъ.—15. Для пресѣченія внутреннихъ во Франціи несогласій, повелѣлъ Король обнародовать, что собраніе всенародныхъ чиновъ 1 Маія 1789 года назначено, а собраніе верховнаго совѣта до того времяни отсрочено.

На фронтисписѣ приложенномъ къ мѣсяцослову, изображеніе женщины (изобилія?) съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, стоящей подлѣ колонны, украшенной медальонами императрицы и прочихъ особъ императорскаго дома; правая рука женской фигуры покоится на вершинѣ колонны; въ лѣвой рогъ изобилія, съ падающими изъ него цвѣтами. Позади тріумфальныя ворота, украшенныя медальонами съ над-

писями: Курляндія, Минскъ, Волынскъ, Брацлавъ, Колыванскъ, Подольскъ и т. д. Сверху падающіе лучи сіянія и парящій геній временъ съ косою и песочными часами.

1790.

№ 152. Изслѣдованіе Христіанства.—Переводъ съ Аглинскаго. **Въ Яссахъ** 1790 года. 4°. 190 нум. страницъ.

Сопик. Ч. 3. № 4514.—Плавильщ. Ч. 11. № 1373.—Смирд. Ч. I. № 776.—Чертковъ. Библіот. Россіи изд. втор. П. Бартенева 1863. Отд. 3. стр. 695. № 3335.—Геннади. Русск. Книжн. Рѣдкости. стр. 60. № 68.—Митр. Евген. Словарь т. II. стр. 166.—Лонгиновъ. Библіогр. Зап. Современ. 1857 г. № VII. Смѣсь. XLVI, стр. 72.—Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1851 г. стр. 4. № 3.

На оборотѣ заглавнаго листа находится слѣдующій эпиграфъ: „Вмалѣ мя препираеши Христіанина быти"; Дѣян. гл. 26. ст. 28. Переводчикъ въ немногихъ словахъ посвящаетъ трудъ свой свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому: „Сіе при Его трофеяхъ въ свѣтъ выходящее Христіанскихъ истиннъ изслѣдованіе, усерднѣйше посвящается, яко Герою во всѣхъ своихъ побѣдахъ Великодушіе и Кротость являющему, отъ трудившагося въ преложеніи Луки Сѣчкарева.—На первой страницѣ текста другое заглавіе: „Изслѣдованіе Христіанства" по внутреннему его превосходству предъ всѣми человѣческими умствованіями. Затѣмъ слѣдуетъ вступленіе, въ которомъ авторъ упоминаетъ о трехъ источникахъ, служившихъ доказательствомъ для писателей справедливо утверждавшихъ, что христіанское ученіе происходитъ отъ самаго Бога; помянутые источники суть слѣдующіе: 1) Пророчества содержащіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ. 2) Чудеса, о которыхъ повѣствуется въ Новомъ Завѣтѣ, и 3) Внутреннее изящество самаго ученія Христова, заставляющаго насъ вѣрить, по высокимъ заключающимся въ немъ наставленіямъ, что распространеніе евангелія совершилось несомнѣнно посредствомъ содѣйствія Божія.—Далѣе авторъ говоритъ, что такъ какъ пророчества Ветхаго, и чудеса Новаго Завѣта достаточно убѣдительно объяснены, и достовѣрность ихъ доказана глубокомысленными и ревностными исповѣдниками христіанства, кромѣ истинны свидѣтельствующей о божественности евангельскаго ученія, которая не была никогда съ надлежащимъ вниманіемъ разсматриваема; то онъ, намѣреваясь ее изслѣдовать, нисколько не покушается уменьшить важность и достоинство, какъ пророчествъ утвердившихъ христіанство предвозвѣстіемъ божественности его происхожденія, такъ

равно и чудесъ, удостовѣряющихъ въ томъ же самомъ, и запечатлѣвшихъ сверхъестественностію своею истину ученія христіанскаго.

Авторъ замѣчаетъ, что изъ пророчествъ существенно относящихся къ христіанскому ученію, принадлежатъ собственно только предвѣщавшія пришествіе Мессіи, разореніе Іерусалима, и разсѣяніе Іудеевъ; эти предвѣщанія, какъ уже исполнившіяся, должны почитаться богодухновенными изрѣченіями; ибо всѣ событія по нимъ совершившіяся, содержатся въ нихъ описанныя за нѣсколько вѣковъ, обстоятельно и такъ ясно, что представляются какъ бы заимствованными изъ событій прошедшихъ, но не предусмотрѣнныхъ посредствомъ откровенія. За тѣмъ онъ указываетъ на безпристрастіе пророковъ, и на связь продолжающуюся столько вѣковъ истекшихъ со времени пророчествъ до совершившихся событій; притомъ если разсмотрѣть, съ какою точностью исполнились предсказанія, то нельзя никакъ предположить, что они дѣлались съ какимъ-либо коварнымъ умысломъ, чтобы было потомъ возможно примѣнить ихъ къ тому или другому имѣющему совершиться важному событію; также невозможно думать чтобы люди, проповѣдывавшіе христіанское ученіе, осмѣлились для большаго и успѣшнѣйшаго его распространенія, устроить долженствующее совершиться событіе, и нарочно такимъ образомъ, чтобъ оно точностью своею во всемъ соотвѣтствовало пророчеству. Слѣдовательно нельзя сомнѣваться, чтобы во всѣхъ пророчествахъ и чудесахъ не участвовалъ Божій Промыслъ. Изслѣдователь доказываетъ и объясняетъ, что чудеса Христа и апостоловъ его, упоминаемыя въ Новомъ Завѣтѣ, и совершенныя для утвержденія Его ученія, должны были служить для удостовѣренія сомнѣвавшихся въ немъ, несомнѣнными и убѣдительными признаками дѣйствовавшей въ нихъ особливо силы Божіей. И такъ какъ эти чудеса совершаемы были не однократно, но много разъ, передъ множествомъ народа, то должны были почитаемы быть такими же достовѣрными знаменіями, какъ и другія убѣжденія, доказывающія какую-либо истину, и весьма сильными доводами принимаемой всѣми нынѣшними любителями мудрости истины, что христіанское ученіе происходитъ непосредственно отъ самаго Бога. Въ дополненіе всего здѣсь сказаннаго, авторъ прибавляетъ, что помянутыя чудеса слѣдуетъ почитать божественными потому, что посредствомъ нихъ утвердилась такая религія, которой наставленія по превосходству содержащихся въ ней истинъ, могутъ убѣдить каждаго, что она по высокимъ достоинствамъ своимъ, не могла произойти ни отъ кого, какъ только отъ Бога.—Для показанія превосходства и божественности христіанскаго закона, авторъ признаетъ необходимымъ начать съ

существенныхъ его признаковъ, т. е. вдохновенія свыше, и преимуществъ надъ всѣми другими человѣческими ученіями; этимъ по большей части откроется само собою убѣжденіе въ достовѣрности какъ пророчествъ, такъ и чудесъ. Слѣдовательно, какъ скоро будемъ мы удостовѣрены въ томъ, что христіанское ученіе происходитъ отъ Бога, то не только не усумнимся въ пророчествахъ и чудесахъ упоминаемыхъ въ св. Писаніи, но и совершенно согласимся съ тѣмъ, что божественное откровеніе христіанскаго ученія, должно было быть предвозвѣщено и утверждено сверхъестественнымъ образомъ, т. е. чудесами.

Авторъ не имѣетъ намѣренія распространяться въ разсужденіи своемъ о томъ, въ чемъ должна заключаться сущность христіанскаго ученія изложеннаго безъ всякихъ прибавленій, прикрасъ и суетныхъ умствованій; но ограничивается только утвержденіемъ, что первоначальныя и существенныя его истины, не были никогда произведеніемъ какого-либо умысла или обмана; онъ допускаетъ, что означенное ученіе можетъ показаться по внѣшности своей простодушному, хотя и просвѣщенному человѣку, недостовѣрнымъ; но если онъ разсмотритъ его съ совершеннымъ безпристрастіемъ, то убѣдится, что всѣ возникшія когда-либо вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ Христа злоупотребленія и обманъ, не имѣли съ нимъ никогда ничего общаго.

Онъ говоритъ далѣе, что послѣ семнадцати вѣковыхъ, различныхъ, ни къ чему положительному не приведшихъ преній о ученіи Христовомъ, построить незыблемую систему христіанскаго ученія, есть дѣло весьма трудное и даже невозможное, такъ какъ по словамъ его, слѣдуетъ отдѣлить изъ чистѣйшихъ истинъ, накопившіяся въ продолжительное время хитросплетенныя умствованія, и различныя невѣжественныя толкованія, образовавшія собою такія громады, что за одно только ихъ разрушеніе, онъ и не мыслитъ приниматься; но намѣреніе его есть лишь доказать, что сущность христіанскаго ученія, не могла никогда произойти или утвердиться между человѣчествомъ посредствомъ хитрости и обмана; по мнѣнію его, предпріятіе помянутаго доказательства не сопряжено съ дальними затрудненіями, и не требуетъ особенныхъ дарованій, почему и осмѣливается онъ представить опытъ своего разсужденія въ краткихъ предложеніяхъ съ подтвержденіемъ въ нихъ слѣдующихъ неопровержимыхъ истинъ: 1) Что существуетъ въ наши времена „книга“ называемая „Новый Завѣтъ“ извѣстная почти всей вселенной. 2) Что на основаніи выбранныхъ изъ означенной книги законоучительныхъ истинъ, можно извлечь новое подтвержденіе достовѣрности христіанской религіи, могущее убѣдить каждаго, что содержащееся въ ней ученіе, есть положительно

превосходное, какъ по высокой цѣли своей, такъ и по своимъ наставленіямъ; что оно отличается отъ всѣхъ ученій когда-либо въ мірѣ до него существовавшихъ, и превосходитъ всѣ прежнія религіозныя умствованія человѣческія, и 3) Что изъ помянутой книги можно также составить совокупность чистѣйшаго нравоученія, такъ какъ каждое нравственное наставленіе, основанное на здравомъ разсудкѣ, представляется въ ней съ безпристрастнѣйшею прямотою и совершенствомъ, превосходящими всѣ прочія начертанныя мудрѣйшими и просвѣщеннѣйшими изъ древнихъ нравоучителей. Представленіе подобнаго нравоученія тѣмъ болѣе спасительно для человѣчества, что въ Новомъ Завѣтѣ вовсе не упоминается о другихъ, основанныхъ на ложныхъ и вредныхъ началахъ, между тѣмъ какъ содержащіяся въ немъ многочисленныя наставленія сооотвѣтственны предмету изложеннаго ученія.

По разсмотрѣніи самымъ безпристрастнымъ образомъ вышепомянутыхъ предложеній, авторъ выводитъ заключеніе, что превосходство христіанскаго законоположенія и его нравоученій, не могло быть никогда дѣломъ какого-либо человѣка или общества на то согласившагося; тѣмъ болѣе, не имѣло возможности возникнуть въ средѣ людей темнаго происхожденія, неразвитыхъ и неученыхъ, но распространившихъ его однако съ такимъ успѣхомъ въ цѣломъ свѣтѣ, что совершилось дѣйствіемъ Божіимъ, отъ котораго и ведетъ свое начало.— За тѣмъ онъ приступаетъ къ пространному объясненію истинъ содержащихся въ трехъ представленныхъ имъ предложеніяхъ, изъ которыхъ въ первомъ, послѣ краткаго указанія на четыре историческія повѣсти и писанія апостоловъ составляющихъ извѣстную почти цѣлому міру книгу „Новый Завѣтъ", доказываетъ, что точность описанныхъ въ ней событій, за исключеніемъ развѣ чудесъ, не мало не можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, какъ и всякое другое историческое сказаніе. Что до многихъ вопросовъ, касающихся достовѣрности „Новаго Завѣта", авторъ оставляетъ ихъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, и говоритъ, что не намѣренъ здѣсь возражать на пререканія какого либо деиста, вѣрующаго въ Бога, но не признающаго откровенія, предоставляя ему заявлять свои недоумѣнія, и разрѣшать всѣ воображаемыя имъ въ Новомъ Завѣтѣ несообразности; потому что всѣ подобныя пререканія не могутъ нисколько поколебать силу приведенныхъ здѣсь доказательствъ, такъ какъ все, представляемое имъ, авторомъ, въ настоящемъ предложеніи, есть сущая дѣйствительность, подтвержденная тою неоспоримою очевидностью, что книга Новый Завѣтъ дѣйствительно существуетъ въ здѣшнемъ мірѣ, и несомнѣнно извѣстна нынѣ почти въ цѣлой вселенной.— Во второмъ предложеніи доказывается,

что изъ законоучительныхъ истиннъ сообщаемыхъ и разсѣянныхъ въ Новомъ Завѣтѣ, можно воздвигнуть новый оплотъ христіанской религіи, безъ наблюденія строгаго порядка употребляемаго въ обыкновенныхъ богословскихъ системахъ; ибо всѣ истины представлены тамъ только исторически, т. е. такъ, какъ предлагаемы были народу въ разныя времена, и при различныхъ обстоятельствахъ. Авторъ между прочимъ говоритъ, что не станетъ приводить доказательства тому, что самыя личныя качества основателя христіанскаго законоположенія не меньше новы, какъ все Его ученіе: „За не николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ; Ниже сотвори дѣла, яже сей сотворилъ есть". Іоан. гл. 7. ст. 46; но неопровержимыми убѣжденіями докажетъ по крайней мѣрѣ то, что основатель христіанской религіи, въ исторіи рода человѣческаго, есть такой законодатель, котораго наставленія не имѣютъ ничего общаго съ правительственными узаконеніями и общественными законами учрежденными для внѣшняго благоустройства, почему и не могутъ быть примѣняемы ни къ какимъ житейскимъ обстоятельствамъ или распоряженіямъ. Подтвердивъ доказательствами истинну заключающуюся во второмъ предложеніи, авторъ оканчивая его, говоритъ между прочимъ, что человѣческій разумъ никогда не былъ въ состояніи открытъ утѣшительныхъ и возвышенныхъ наставленій содержащихся въ Новомъ Завѣтѣ, и составляющихъ ученіе Христа; причемъ удивительно то, что они оказались столь сообразными съ здравымъ разсудкомъ, что вполнѣ легко были имъ усвоены, не смотря на то, что до нихъ не могли додуматься умы подобные умамъ Платона, Аристотеля или Туллія. Эти наставленія посредствомъ благодатнаго откровенія, сдѣлались столь вразумительны, что каждый имѣя въ рукахъ св. Писаніе, легко можетъ ихъ понимать, безъ препятствія, и пользоваться ими для своего спасенія. Все высказанное здѣсь, составляетъ по словамъ автора неоспоримую истинну, не подверженную ни малѣйшему сомнѣнію; и потому, чтобы ни думали о Виновникѣ божественнаго ученія содержащагося въ „Новомъ Завѣтѣ", какъ бы ни разсуждали о вдохновеніи начертавшемъ помянутыя истины, остается сказать, что каждый долженъ согласиться въ превосходствѣ ученія заключающагося въ книгахъ Новаго Завѣта, передъ всѣми человѣческими умствованіями.—Третье предложеніе заключаетъ въ себѣ указанія автора на „совокупность чистѣйшаго нравоученія", подъ которымъ онъ разумѣетъ наставленія основанныя на естественномъ разсудкѣ, относящіяся къ средствамъ возвышающимъ наши природные дары, споспѣшествующія къ доставленію прямаго благоденствія человѣческому роду, и представленныя въ Новомъ За-

вѣтѣ съ несравненнымъ совершенствомъ; за тѣмъ входитъ въ объясненіе помянутыхъ даровъ, которыми обладаетъ человѣкъ для борьбы съ пороками, противными его добрымъ свойствамъ. Подъ вышепомянутыми мнимо нравственными внушеніями основанными на ложныхъ началахъ, по словамъ его, слѣдуетъ понимать наставленія древнихъ мудрецовъ одобрявшихъ мнимыя добродѣтели, не оставляющія никакихъ благихъ послѣдствій, но прославляемыхъ вслѣдствіе того, что льстятъ нашему самолюбію, не составляя между тѣмъ истинныхъ добродѣтелей; каковы напр.: мнимое мужество, чрезмѣрная любовь къ отечеству, страстная дружба, и т. п. Далѣе авторъ разсматриваетъ въ подробности и объясняетъ причины, возбуждающія въ человѣкѣ подобные страстные, душевные порывы, почитая ихъ положительно противными ученію Христа, и далекими отъ добродѣтелей христіанскихъ [1]; причемъ объясняется также причина, почему Христосъ въ ученіи своемъ преходитъ молчаніемъ означенныя мнимыя, но уважаемыя человѣчествомъ добродѣтели, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на новыя, противъ содержащихся въ Ветхомъ Завѣтѣ нравственныя законоположенія ученія Христова, изъ которыхъ главнѣйшія суть: нищета духовная, прощеніе обидъ и любовь къ роду человѣческому; къ чему слѣдуетъ присовокупить раскаяніе въ совершенныхъ преступленіяхъ, твердую вѣру, ревность въ исполненіи всѣхъ заповѣданій Христа и совершенное безпристрастіе къ здѣшнему міру. Послѣ объясненія значенія каждаго изъ вышепомянутыхъ наставленій евангельскихъ, авторъ говоритъ о томъ, что должно разумѣть подъ словомъ „Вѣра" (греч. ΠΙΣΤΙΣ. лат. fides) въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно употреблено въ Новомъ Завѣтѣ. Если принимать его въ смыслѣ христіанскомъ, то подъ нимъ должно разумѣть только слѣдующую главную истину: „что Христосъ есть Сынъ Божій, предвозвѣщенный пророками и ожидаемый іудеями Мессія, посланный отъ Бога въ міръ возвѣстить людямъ судъ правый, объявить судъградущій, увѣрить въ жизни будущей и умереть во удовлетвореніе за прегрѣшенія рода человѣческаго. Авторъ входитъ въ разсужденіе о томъ, что слово „Вѣра" понимаемое въ превратномъ смыслѣ, и столь различными изворотами по ухищренію многихъ искаженное, потеряло

---

[1] Авторъ на стр. 93 своего изслѣдованія говоритъ, что онъ нисколько не покушается опровергать достоинство означенныхъ высокихъ добродѣтелей, какъ то: мужества, любви къ отечеству, и справедливой любви къ чести своей; онъ признаетъ, что всѣ названныя качества могутъ быть полезны, и даже по настоящему времени и положенію дѣлъ человѣческихъ необходимы; но утверждаетъ, что обладающіе только ими одними, не могутъ почитаться прямыми исповѣдниками ученія Христова.

по прошествіи времени то понятіе, которое придавало ей значеніе главной добродѣтели христіанской. Разсужденіе свое онъ оканчиваетъ признаніемъ превосходства и изящества христіанскаго ученія передъ существовавшими до проповѣданія Евангелія законодательными и нравственными учрежденіями, и что усумниться въ томъ, могъ бы только тотъ, что сталъ бы утверждать, что всѣ христіанскія добродѣтели для рода человѣческаго не такъ желательны и полезны въ мірѣ, какъ противныя имъ пороки.

За „Изслѣдованіемъ“ слѣдуетъ „Заключеніе“ (стр. 97), въ которомъ послѣ краткаго повторенія всего изложеннаго въ трехъ вышеприведенныхъ предложеніяхъ, авторъ говоритъ, что каждое изъ нихъ должно по здравому разсудку почитаться справедливымъ, и что выводъ объ открытіи христіанскаго ученія роду человѣческому содѣйствіемъ Божіимъ, равняется убѣдительностію своею доказательству того, что вселенная сотворена невидимою десницей Божіей; что если мы съ удивленіемъ созерцаемъ чудеса видимой природы, признавая въ ней дѣло Всемогущаго Зиждителя, то равнымъ образомъ должны христіанское ученіе признать откровеніемъ Творца разумовъ; причемъ самое распространеніе означеннаго ученія не менѣе удивительно, чѣмъ откровеніе его, превосходящее, какъ уже сказано, всѣ человѣческія умствованія. Здѣсь авторъ между прочимъ указываетъ на время распространенія ученія Христова апостолами его, во всѣхъ частяхъ Азіи и Европы совершившееся тогда, когда наиболѣе процвѣтало многобожіе, побѣжденное истиннымъ свѣтомъ христіанства, повергнувшаго въ прахъ мнимыхъ боговъ и храмы языческіе; затѣмъ, продолжая доказывать достовѣрность и истину божественнаго ученія Христа, котораго изящество и силу не могли затмить и поколебать грубость и превратность понятій истекшихъ вѣковъ, несмотря на примѣшанныя къ нему несообразности и ложь прикрытую благочестіемъ; онъ говоритъ, что никакой умъ не въ состояніи проникнуть во всѣ безславящія христіанство хитросплетенія, посягавшія на святость закона христіанскаго, и рѣшить, въ какое время они укоренились и получили силу; самое проповѣданіе означеннаго ученія нѣсколькими темными, простыми людьми, преодолѣвавшими всевозможныя затрудненія и препятствія къ распространенію его, есть доказательство божественности его происхожденія.

Заключеніе „Изслѣдованія“ представляетъ разсужденіе о спасительности и пользѣ евангельскаго ученія для рода человѣческаго, причемъ авторъ говоритъ, что всѣ умствованія древнихъ языческихъ философовъ, такъ равно и современныхъ намъ деистовъ, сторонниковъ

естественнаго Богопознанія, не заслуживаютъ большаго вниманія, ибо свѣтъ просвѣщавшій и просвѣщающій тѣхъ и другихъ меркнетъ при лучезарномъ свѣтѣ евангельскомъ; впрочемъ въ совершенствѣ взятое естественное Богопознаніе будетъ тѣмъ же христіанствомъ. Если же мы отвергаемъ вовсе ученіе христіанское, то у насъ не останется никакой религіи; ибо отрицающіе евангеліе, не сохраняютъ и естественнаго Богопознанія, но спѣшатъ освободить себя отъ тяжкаго бремени совѣсти и законовъ нравственности. . . . . .

Здѣсь помѣщены авторомъ „Изслѣдованія" отвѣты на „пререканія" невѣрующихъ въ истинны ученія Христова, или на вполнѣ ихъ понимающихъ; причемъ онъ говоритъ, что если происхожденіе христіанской религіи отъ Бога положительно доказано, то всѣ многочисленныя на таковыя доказательства возраженія не въ состояніи ихъ поколебать; но такъ какъ нерѣдко самые нелицемѣрные, и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушные христіане приходятъ отъ подобныхъ опроверженій истинъ вѣры въ недоумѣніе, иногда же и убѣждаются ими, то онъ вознамѣрился отвѣтами своими здѣсь изложенными, если не совершенно истребить, то по крайней мѣрѣ уменьшить до нѣкоторой степени, колебанія и сомнѣнія овладѣвающія душами не весьма твердыхъ въ вѣрѣ христіанъ. Далѣе слѣдуютъ самыя разсужденія автора, имѣющія цѣлью предохранить послѣднихъ отъ помянутыхъ сомнѣній въ истинахъ св. Писанія и невѣрія въ божественное откровеніе. Изъ числа отвѣтовъ, приводимыхъ авторомъ на важнѣйшія опроверженія истинъ св. писанія, первый относится къ покушенію отвергнуть откровеніе, какъ совершенно для людей безполезное, и что будто бы достаточно одного здраваго разсудка для познанія того, чего Богъ отъ нихъ требуетъ; второй доказываетъ нелѣпость умствованія, разсуждающаго, что еслибы ученіе Христа произошло отъ Бога, то безпредѣльное Его могущество и благость не допустили бы никогда повреждения въ столь короткое время первобытной чистоты означеннаго ученія, и чтобы оно въ продолженіи многихъ вѣковъ, находясь въ подобномъ состояніи, сдѣлалось наконецъ вовсе недѣйствительнымъ къ исправленію рода человѣческаго. Третій и послѣдній отвѣтъ опровергаетъ разсужденія усматривающихъ въ св. писаніи нѣкоторыя по мнѣнію ихъ несообразности, и вслѣдствіе того, отвергающихъ откровеніе на томъ основаніи, что многія его мѣста неопредѣлительны, недостовѣрны, и потому не достойны Существа, котораго мудрость безконечна, и могущество безпредѣльно; такъ равно и умствованіе признающихъ невозможнымъ чтобы Богъ, черезъ откровеніе свое, благоволилъ осчастливить нѣкоторую часть человѣчества обитавшую въ извѣстной странѣ и въ извѣ-

стное время, лишая въ то же время счастья большую часть того же человѣчества, не менѣе достойную Его благости; также чтобы Онъ поступилъ противно той же благости, создавъ человѣка съ порочными наклонностями, и сдѣлавъ его за нечестіе несчастнымъ, представилъ себѣ странный способъ привести родъ человѣческій въ первобытное состояніе чистоты, черезъ совершенно излишнее посредство ходатая.

Настоящая книга принадлежитъ къ довольно ограниченному числу рѣдкихъ, напечатанныхъ въ Яссахъ, въ походной типографіи заведенной кн. Потемкинымъ-Таврическимъ, при его главной квартирѣ [1]. Геннади, упоминая объ этой книгѣ говоритъ, что она есть переводъ весьма извѣстнаго въ свое время сочиненія Іоанна Арндта [2]; между тѣмъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ встрѣчающимся въ текстѣ книги, легко бы можно счесть ее за переводъ сочиненія какого либо англійскаго богослова; подобное предположеніе можетъ прійти на мысль по прочтеніи помянутыхъ мѣстъ автора, и примѣчаній русскаго переводчика. Напр: авторъ на стр. 138—139, между прочимъ, говоритъ: „что возстающій на ученіе Христа, и утверждающій, что при точномъ изслѣдованіи означеннаго ученія должно истребиться всякое благоустройство въ мірѣ, не постигаетъ нисколько высокій смыслъ чистѣйшихъ евангельскихъ наставленій, не составляющихъ мірскихъ уложеній и проч...“ Ниже авторъ выражаетъ мнѣніе, что „чистѣйшая христіанская вѣра не должна нести никакихъ нареканій за то, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о геройскихъ дѣяніяхъ полководцевъ, тонкихъ дипломатическихъ комбинацій и прочныхъ торговыхъ оборотахъ; ибо передъ нелицепріятнѣйшимъ Учредителемъ христіанства всѣ пылкія дѣйствія героевъ показались можетъ быть не инымъ чѣмъ, какъ *сраженіемъ нашихъ пѣтеловъ*; правительственныя распоряженія министровъ какъ мнимое благочиніе пчелъ, и т. д. Къ этой тирадѣ, внизу страницы, слѣдующее примѣчаніе переводчика: „*Сіе пишетъ англичанинъ относительно своей страны, гдѣ такое позорищное пѣтуховъ сраженіе въ употребленіи*.— Наконецъ на стр. 186 авторъ, разсуждая о томъ, какъ могутъ заблуждаться въ мнѣніяхъ своихъ „пререкатели о ученіи Христа, не исключая и великихъ изслѣдователей разума человѣческаго, преимущественно называетъ имена англійскихъ ученыхъ: *Бекона, Ньютона, Локка, Адиссона* и *Литтльтона*“ [3].

---

[1] О другой книгѣ напечатанной также въ Яссахъ, см. настоящаго труда. Вып. II. стр. 392. № 15.—[2] Русск. Книжныя Рѣдкости. стр. 60.

[3] Кромѣ походной типографіи кн. Потемкина, въ Яссахъ существовала

№ 153. Мѣсяцословъ на Лѣто отъ Рождества Христова 1790, которое есть Простое, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи. — Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 157 нум. и двѣ ненум. стр. (оглавленіе).

Геннади. Справочн. Слов. т. II. стр. 366.

Извѣстіе о шести затмѣніяхъ: четырехъ солнечныхъ и двухъ полныхъ лунныхъ, изъ которыхъ будутъ видимы въ Петербургѣ только два послѣднія. Первое солнечное затмѣніе будетъ 3 апрѣля, второе 3 мая, третье 27 сентября и четвертое 26 октября. Первое лунное произойдетъ 18 апрѣля, и начнется утромъ въ 1-мъ часу 12 минутъ; второе будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, 12 октября, а начнется въ 1-мъ часу 59 мин., съ восточнаго, и окончится около самаго южнаго края луны. На приложенной табличкѣ показано время, въ которое начало, средина и конецъ означеннаго затмѣнія будутъ видимы въ другихъ мѣстахъ, съ указаніемъ разности меридіановъ нѣкоторыхъ городовъ Россійской Имперіи и С.-Петербургскаго. Въ заключеніе объясняется способъ нахожденія настоящаго времени вышепомянутаго явленія.— Подъ цифрою VIII, въ вѣдомости о городахъ учрежденныхъ въ царствованіе Екатерины II, число ихъ простирается до 243. Далѣе слѣдуетъ „Продолженіе хронологіи достопамятнѣйшихъ произшествій въ 1788 и 1789 годахъ“, которыя приводимъ вполнѣ: 1788. Августъ 8. Королевская Дацкая Министерія сообщила Шведскому Послу ноту, въ коей Король объясняетъ, что онъ въ силу договора и по учиненному съ Россійской стороны настоянію, доставилъ знаменитой своей союзницѣ, Императрицѣ Россійской, часть сухопутной и морской

частная типографія протоіерея Михаила Стрилбицкаго, что подтверждается напечатанной тамъ книгой подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Домашніе Разговоры Рускіее и Молдавскіе. Спріятельскими комплементамы. Делле Касін Воарбе, Русъщи ши Молдавенещи. Къ прінячомъ комплементури. 1789 Года. Октября 20 дни. Печатано въ Городѣ Яссахъ, Прото Іереемъ Молдавскимъ, Вольскимъ и Бесарабскимъ, Михаиломъ Стрилбицкимъ, въ собственной Своей Типографіи, въ малую 8°. На оборотѣ загл. листа помѣщены Св. Григорія Назіанзина Стихи о счастіи и разумѣ на греч. и славянск. языкѣ. Счетъ листовъ двойной—славянскими буквами надъ славянск. и молдавскимъ текстомъ, напечатанныхъ столбцами: справа молдавскій и слѣва славянскій. 1 и 192 стр. Сопик. Ч. 4. № 9442. Вѣроятно въ этой типографіи напечатаны были и нѣкоторыя другія книги.

своей силы.—12. Въ бывшемъ по другую сторону Кубани походѣ, Россійскія войска обратили совершенно въ бѣгство 4000 Арушаговъ и Абазинцовъ. Съ непріятельской стороны убито 800 человѣкъ и 5 деревень вовсе разорены.—18. Турки учинили изъ Очакова ужасную вылазку, но по сраженіи, четыре часа продолжавшемся, Россійскими егерями обратно прогнаны, потерявъ на мѣстѣ 500 человѣкъ.—25. Между Россійскимъ войскомъ и Закубанцами было весьма сильное сраженіе, въ коемъ послѣдніе 1000 человѣкъ потеряли.—31. Россійскій флотъ держалъ Шведской въ Свеаборгѣ запертымъ со времени бывшаго 6 іюля сраженія, и пресѣкъ ему всѣ сообщенія. Шведская армія въ Финляндіи вышла совершенно изъ Россійскихъ границъ.—Сентябрь 19—29. Отъ флота, въ Севастополѣ находящагося, отправленная небольшая ескадра, разъѣзжая около береговъ Анатоліи, многія непріятельскія суда истребила, препятствовала переправѣ Турецкихъ войскъ, и возвратилась благополучно съ плѣнниками и великою добычею.—20. Начальникъ Пшедуховцовъ, Усемиръ Шаманахинъ, принятъ по собственной его прозьбѣ въ подданство Россіи.—26. Разбита при рѣкѣ Убинѣ Россійскимъ войскомъ многочисленная толпа Кубанцевъ и Турокъ; потеря оныхъ простирается до 1500 человѣкъ.—Ноябрь 7. Находящіеся при арміи Князя Потемкина-Таврическаго казаки завоевали островъ Березань, который незадолго предъ симъ Капитанъ-Пашею укрѣпленъ былъ. При семъ случаѣ полонены Паша, 20 чиновниковъ и 300 рядовыхъ; при томъ также досталось въ добычу знатное количество аммуниціи.—22. Украинская армія вступила въ зимнія квартиры въ Яссахъ и окололежащихъ странахъ.—Декабрь 6. Находящіяся подъ главноначальствомъ Генералъ-фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго Императорскія Россійскія войска, по кровопролитномъ сраженіи и храбромъ сопротивленіи, взяли приступомъ городъ и крѣпость Очаковъ; при семъ случаѣ, гдѣ Россіяне съ рѣдкою храбростью сражались, съ непріятельской стороны убито 9510 человѣкъ; прочая же часть гарнизона, изъ 4000 человѣкъ состоящая, взята въ плѣнъ; равно досталось въ руки побѣдителей 180 знаменъ, 310 пушекъ и мортиръ, и другая знатная добыча. Число же жителей простиралось до 25000 душъ. Съ нашей стороны уронъ состоитъ въ 956 убитыхъ и 1824 раненыхъ.—19. Россійскія войска, подъ предводительствомъ Генерала Каменскаго, при деревнѣ Гунгурѣ, обратили въ бѣгство Турецкій Корпусъ изъ 900 человѣкъ состоявшій. На семъ сраженіи побито Турокъ и Татаръ 90 человѣкъ; со стороны Россіянъ не убито ни одного. Донскія войска преслѣдовали обратившагося въ бѣгство непріятеля, и нагнали

его 21 декабря, причемъ сраженіе паки возобновилось, гдѣ съ непріятельской стороны 300 человѣкъ убито, и 76 полонены, также взяты 4 пушки и 2 знамя; съ Россійской же стороны убито токмо 5 человѣкъ.—20. Въ семъ году пришло въ С.-Петербургъ 990, а отсюда пошло 995 кораблей; черезъ Зундъ прошло 9216 кораблей.— 1789. Апрѣль 16. Полковникъ Римской-Корсаковъ былъ окруженъ превосходнымъ числомъ Турковъ; но онъ, защищаясь 6 часовъ съ неустрашимостью и храбростью, отбилъ непріятеля съ знатнымъ для него урономъ, состоящимъ въ 300 человѣкахъ. Потомъ Генералъ Порутчикъ Дерфельденъ нагнавъ непріятеля, разбилъ его вторично, причемъ съ непріятельской стороны 400 человѣкъ убито, 100 человѣкъ и двухбунчужный Паша взяты въ плѣнъ. — 17—28. Изъ Севастополя посланная для разъѣздовъ около Румельскихъ береговъ эскадра изъ 18 судовъ состоящая, завоевала многіе Турецкіе корабли, и войска высаженныя на мысѣ Каракаранъ благополучно, непріятеля сбили съ ихъ постовъ, причемъ 50 человѣкъ убито, 6 мечетей, множество домовъ и 5 магазеиновъ сожжено. Нашихъ же войскъ уронъ былъ весьма малъ.—20. Генералъ Порутчикъ Дерфельденъ напалъ на Турокъ, сбилъ ихъ съ постовъ, и одержалъ совершенную надъ ними побѣду. Болѣе 200 человѣкъ, частію на сраженіи, частію уже на побѣгѣ убито; 1500 человѣкъ взято нашими въ плѣнъ, въ числѣ коихъ находился начальствующій Сераскиръ Ибрагимъ Паша, двухбунчужный Паша, и многіе другіе чиновники. Всѣ оружія, весь лагерь, 37 знаменъ, 13 пушекъ и проч., достались побѣдителямъ въ добычу. Нашъ же уронъ состоитъ изъ 78 убитыхъ и 210 раненыхъ.—23. Шведскій корпусъ изъ 1000 человѣкъ состоящій, учинилъ нападеніе на нашъ пикетъ, однако многократно отъ онаго съ великою храбростію былъ отражаемъ, а наконецъ и совсѣмъ въ бѣгство обращенъ, при чемъ съ непріятельской стороны число убитыхъ и раненыхъ простиралось до 140 человѣкъ. Съ нашей стороны убито 17 человѣкъ.—30. Въ Финляндіи происходили частыя сшибки между Россійскими и Шведскими войсками, коихъ побѣда всегда была на сторонѣ первыхъ.—Май. 21. Россійскій кутеръ Меркурій взялъ у Норвежскихъ береговъ шведскій фрегатъ о 40 пушкахъ, съ 360 человѣками. 31. Россійскія войска одержали надъ Шведскимъ, почти изъ 1000 человѣкъ состоящимъ корпусомъ совершенную побѣду. Непріятель былъ выбитъ изъ окоповъ, и три раза обращенъ въ бѣгство. Весь почти корпусъ былъ разбитъ. Россійскія войска получили въ добычу 2 пушки и 50 плѣнниковъ, въ числѣ коихъ было 6 офицеровъ, а въ слѣдующій день заняли они шведское мѣсто Христину.—Іюль 3. Учинили Шведы изъ деревни Кузалъ

нападеніе на Россійскія легкія войска, но обращены въ бѣгство съ потерею 300 убитыхъ, и многихъ раненыхъ.—15. Между Россійскимъ Императорскимъ флотомъ, подъ командою Адмирала Чичагова и Королевскимъ шведскимъ, подъ начальствомъ Оберъ-Адмирала, Герцога Зюдерманландскаго, неподалеку острова Эланда было сраженіе, продолжавшееся 6 часовъ. Два шведскіе корабля такъ повреждены, что принуждены были выйти изъ линіи. Хотя въ семъ сраженіи ни съ которой стороны не потеряно ни одного корабля, но Россійскій флотъ одержалъ верхъ тѣмъ, что непріятельскій оставилъ ему мѣсто сраженія, и въ безпорядкѣ отступилъ, и наконецъ будучи преслѣдуемъ Россійскимъ флотомъ, скрылся въ свой портъ Карлскрону. Вскорѣ послѣ сего соединился Россійскій флотъ съ бывшею въ Копенгагенѣ Россійской эскадрою.—21. Происходило подъ Фокшанами между союзными Императорскими войсками подъ командою Генерала Суворова, и Принца Саксенъ-Кобургскаго, и Турецкимъ 30000 корпусомъ подъ предводительствомъ трехбунчужнаго Паши, Сераскира Мустафы, сильное сраженіе, продолжавшееся чрезъ 8 часовъ, на коемъ Турки совершенно были разбиты и разсѣяны. Болѣе 1500 человѣкъ положено на мѣстѣ, и 100 человѣкъ взято въ полонъ. Послѣ сей совершенной побѣды, на которой 10 пушекъ, 16 знаменъ, весь непріятельскій лагерь, множество провизіи и военныхъ снарядовъ досталось въ руки побѣдителей, заняли Императорскія войска Фокшаны. Уронъ со стороны союзныхъ Императорскихъ войскъ весьма малъ.—Августъ 13. Аттаковалъ Россійскій Императорскій галерный флотъ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Принца Нассау-Зигена шведской галерный флотъ, подъ командою Оберъ-Адмирала, графа Эренщверда, между островами Куцаль-Мулимъ, Котка и Музале, и одержалъ послѣ сильнаго и 14 часовъ продолжавшагося сраженія совершенную побѣду. Адмиральское судно, 1 фрегатъ, и пять другихъ судовъ, также 214 пушекъ, множество аммуниціи, снастей и флаговъ достались Россійскому флоту; сверхъ сего взяты въ плѣнъ 2000 человѣкъ, въ числѣ коихъ 37 чиновниковъ. Уронъ съ Россійской стороны состоитъ въ 368 убитыхъ, 589 раненыхъ и въ двухъ взорванныхъ галерахъ. Уронъ же Шведовъ въ убитыхъ и раненыхъ несравненно нашего болѣе. Всѣ непріятельскія транспортныя суда сожжены; большую же часть остатка его флота бѣжавшаго въ устье рѣки Кюменя, принужденъ былъ непріятель самъ сжечь.

Изъ событій совершившихся во Франціи, на которую въ то время обращены были взоры всей Европы, отмѣчаемъ слѣдующія изъ помѣщенныхъ въ мѣсяцословѣ: 1789. Апрѣль. 24. Французскій Король открылъ собраніе всѣхъ чиновъ или сеймъ въ Версаліи говоренною

рѣчью.—30. Во Франціи продолжались съ крайнимъ ожесточеніемъ мятежи. Въ Парижѣ было сильное возмущеніе, по случаю выбора повѣренныхъ для сейма; причемъ до 100 человѣкъ войсками убиты, и многіе дома раззорены.—Іюль 2. Усилившееся въ Парижѣ между народомъ волненіе, превратилось въ жестокій бунтъ, къ коему увольненіе Неккера наиболѣе содѣйствовало. Многіе изъ Королевскихъ полковъ оставя знамена, приняли сторону мѣщанства, которое вооружась, составило порядочное войско простиравшееся до 100000 человѣкъ и болѣе. Приступомъ взятъ инвалидный домъ и Бастилія, умерщвлены комендантъ Бастиліи и многія знатныя особы, коихъ головы съ торжествомъ носимы были по улицамъ, и освобождены заключенные. На случившейся же между мѣщанствомъ и войскомъ сшибкѣ, лишились многіе жизни, но число оныхъ неизвѣстно. Наконецъ безпокойствія сіи отчасти прекратились тѣмъ, что Король 4-го числа прибылъ безъ всякаго прикрытія въ народное собраніе въ Версалію, а 6-го числа показался народу. При первомъ случаѣ обѣщалъ Король въ своей рѣчи обще съ народомъ попечительствовать о благѣ государства, и отдалить свои войска отъ столицы. Равнымъ образомъ смѣнилъ онъ по требованію народа новоизбранныхъ имъ министровъ, навлекшихъ на себя народную ненависть, и паки пригласилъ Неккера въ Министерію.

Въ настоящемъ мѣсяцословѣ, при „Краткомъ Показаніи Высокихъ Государей и проч." къ именамъ особъ Императорскаго дома присоединены вновь имена В. Княжонъ: Маріи Павловны (род. въ 1786 г.) и Екатерины Павловны (род. въ 1788).

1791.

№ 154. Словарь **Юридической**, или Сводъ Россійскихъ Узаконеній по Азбучному порядку для практическаго употребленія **Императорскаго** Московскаго Университета въ Юридическомъ факультетѣ Сочиненный по 1786 годъ августа 3. Ф. Лангансомъ. И первымъ тисненіемъ въ Московской Университетской Типографіи 1788 года печатанъ, А прибавленіемъ высочайшихъ узаконеній на бѣлороссію и на всю Великороссію по 1791 годъ изданныхъ въ Полоцкой Іезуитской Коллегіи дополненный и съ позволеніемъ Начальства **напечатанъ. — Полоцкъ.** Въ **Ея Императорскаго Величества** привилегированной Іезуитской Типографіи. 1791. 4°. (Заглавный листъ въ фигурной рамкѣ и три виньеты: на первой нумерован., первой и послѣдн. ненум. страницахъ). 231 нум. и 5 ненум. стр. (Послѣсловіе и погрѣшности).

Сопик. ч. 4. № 10455.— Смирд. ч. 1. № 2070.—Геннади Справочн. Словарь. т. II. стр. 214.

Первое московское изданіе „Юридическаго Словаря", о которомъ упомянуто на заглавномъ листѣ настоящей перепечатки, вышло съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Словарь Юридическій или своды Россійскихъ Узаконеній, по азбучному порядку, для употребленія Императорскаго Московскаго университета въ классъ практической юриспруденціи. Сочиненный Ф. Лангансомъ. Москва. 1788. 4°[1]; второе напечатано тамъ же „для практическаго употребленія Московскаго университета въ юридическомъ факультетѣ[2]. Въ 1791 году, появились двѣ перепечатки словаря Ланганса: одна въ Полоцкѣ, и другая въ Тобольскѣ; послѣдняя безъ означенія имени автора, съ заглавіемъ: „Словарь юридической или Сводъ Россійскихъ узаконеній по азбучному порядку. Съ прибавленіемъ противъ напечатаннаго въ университетѣ трехъ годовъ, и именно: 788, 789 и 790. Печатанъ съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ типографіи у Василья Корнильева 1791. 4° (210 стр.). Въ концѣ книги: „Прибавленіе указамъ съ 1787 по 1791 годъ (на 12 стр.)[3].—Въ полоцкомъ изданіи „Словаря", „Прибавленіе Узаконеній", о которомъ упомянуто въ заглавіи, напечатано курсивомъ. Это изданіе отличается отъ прочихъ двумя особенностями, изъ которыхъ первая заключается въ томъ, что всѣ узаконенія относящіяся къ Бѣлорусскимъ губерніямъ, напечатаны въ текстѣ крупными литерами. Такъ па стр. 159-й, подъ буквою П, и словомъ „Производство дѣлъ": дѣла касающіяся нарушенія тишины и спокойства (sic) на россійскомъ, а гражданскія па польскомъ языкѣ и правѣ производить. 1773 года Маія 8.—Въ Бѣлороссію о бѣглыхъ Россійскихъ крестьянахъ по Великороссійскимъ законамъ Судъ производить тамъ, гдѣ они суть. 1788 года, Августа 14.—Подъ буквою Ц, и словомъ „Церковь": Римско-Католицкаго Закона и Уніятскіе церкви въ Бѣлорусскихъ Губерніяхъ оставлены по прежнему ихъ состоянію. Плакатъ 1772 года. Сентября 5. Трактатъ съ Польшею 1773 года, Сентября, статья 5.—Жителямъ Римско-Католицкаго Закона и Уніятскаго, позволено свободное ихъ Вѣры отправленіе (sic). Тамъ же.—Всякія духовныя дѣла Римскаго и Уніятскаго Закона жителей, разбирать по

---

[1] Сопик. Ч. 4. № 10454. Плавильщ. Ч. II. № 2341. Справочн. Словарь Геннади. Т. II. стр. 214.—[2] Тамъ же.—[3] Матеріалы Губерти. Вып. II. стр. 333. Русск. Книжн. Рѣдк. Геннади, стр. 134. № 235, причемъ онъ замѣчаетъ, что это изданіе указано въ Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1860. № 26, стр. 138, и что оно должно быть перепечатка показаннаго въ Росписи Смирдина, подъ № 2070, Словаря Ланганса, напечатаннаго въ Москвѣ 1788 г., и перепечатаннаго въ Полоцкѣ, въ 1791 г.

ихъ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ. 1772 года, Декабря 14, статьи 3, 4, 5, 9; 1773 года, Ноября 22, статья 5; 1774 года, Маія 12; 1782 года, Генваря 26, статьи 6 и 7.—Церквей Римско-Католицкихъ и Консисторіи правленіе, препоручено тогожъ Римскаго Исповѣданія Епископу Бѣлорусскому. 1773 года; Ноября 22.—1774 года, Маія 12. Онаяжъ власть послѣ препорученная Римскаго Исповѣданія Архіепископу Могилевскому 1782 года, Генваря 26.—Уніятскихъ Церквей правленіе имѣетъ Архіепископъ Уніятскій, 1772 года, Декабря 14.— Въ Бѣлорусскихъ Губерніяхъ, рожденнымъ изъ разныхъ Вѣръ Родителей, Сыновьямъ въ Отцовской, а Дочерямъ въ Матерьней быть вѣрѣ, ежели межъ Дворянствомъ передъ Брачнымъ контрактомъ, никакой договоръ не былъ 1776 года, Іюня 23.

На послѣдней нум. страницѣ „Словаря" помѣщено напечатанное курсивомъ: „Прибавленіе къ Прибавленіямъ", съ указаніемъ узаконеній относящихся къ предъидущимъ, обозначеннымъ словами" „Верхній Земскій Судъ, Зборы, Палаты и Продажа". Вторую особенность полоцкаго изданія „Словаря", представляетъ находящееся въ концѣ его, слѣдующее, приводимое здѣсь вполнѣ послѣсловіе, написанное іезуитами на польскомъ языкѣ. Оно напечатано курсивомъ, подъ заглавіемъ: „Zakonczenie Dziela". Tresc „Ustaw czyli Praw Rossyiskich iak powszechnie na cala Rossią rozcią gaią cych się, taktež wszczegulnosci właściwych niektórym tylko Namiestnictwom, Kraiom, Urzędam, Stanom, Zgromadzeniam i Osobom ta księga zawiera. Wzmiankują się w niey i te dawne Ustawy, które przez późnieysze odmienione zostały. Na pomocy niemaley óna być ma Obywatelowi; iż bez alugiego myślenia, utrudzaią cego poróżnych księgach szukania de zdarzenia potzebny prawa przepis znaydziè; a z takową wiadomością nic trudno jaź będzce do zrzodła samego, to iest opisu Prawa, udaésię dla zmiarkowania, ieśli Ustawa na zdarzoną potzebe znpełnie co do osòb, czasu, mieysca i innych łączących się własnosci służy. Na żądanie Biało Ruskich, Połockiey osobliwie Gubernii, Znakomitych Osòb ta księga z przydatkiem nowych Ustaw z druku wychodzi. W tym dodania umieszczone są i to niktóre tylko (gdyż szcrapłość dzieta wszystkie pomieścić broniła) Miłosciwe Ukazy, które udziałem szczegulnych łask co do Religii i Cywilności krainę Biało-Ruska uszczęśliwiaia. Niegodziłosię Ich zamilczéc i niezabaczaią cawdrięcznosc drukowae wzbndzila, ato: aby ich ku czytaniu wystawieniem przed oczy zyiących i potomnych Obywatelòw Biało-Ruskich przez długo-tzwała pamięc wdzięcznosč oddawałasię Szczodrobliwey. Łaskawey, Matce oyczyzny wielkiey Katarzynie II Imperatorowey Całey Rossyi: Ta iest pierwsza nalećnosč Dobroczyńeom więcey icszeze

Monarcham, od przyimulących dary barziey pewnie od poddanych, pamięc dobrodzieystw. Iakaz tak lieznych i szczodrych!.... Prima beneficii pensio et meminisse.... Seneca l. 2. de benef. cap. 22. Rostropnie i uważnie korzystay Czytelniku z tego dzieła, i naznaczone drukarskie omyłki łaskowie popraw".

Нѣмецкій переводъ „Юридическаго Словаря" Лангаиса, Гельвига напечатанъ въ Ревелѣ подъ заглавіемъ: „Die russischen Gesetze ihrem Inhalte nach, in alphabetischer Ordnung unter Titel gebracht, zum Gebrauch der K. Juristischen Facultät zu Moscau. Aus dem russischen von Helwig. Reval. 1792. 8° [1].—Извѣстно изданіе „Юридическаго Словаря" Михаила Чулкова: „Словарь Юридическій или Сводъ Россійскихъ Узаконеній, временныхъ учрежденій, суда и расправы". 5 частей, изъ которыхъ 1-я часть составлена азбучнымъ, и 2, 3, 4 и 5-я хронологическимъ порядкомъ по старшинству годовъ, мѣсяцовъ и чиселъ, отъ Уложенія или 7157 года до 1796 г. собралъ М. Чулковъ. Въ Унив. типогр. 1791 и 1795 г. 4° [2]. Въ „Опытѣ" Сопикова, при указаніи этой книги, сказано, что первая часть ея напечатана вторично въ Нижнемъ-Новгородѣ.

№ 155. Канонъ вопіющія во грѣхахъ души ко Спасителю Господу Іисусу. 12°. 34. (безъ означенія мѣста и года).

Сопик. Ч. 5. № 12925.—Геннади Русск. Книжн. Рѣдкости стр. 63. № 76. Лонгин. Библіогр. Записки: Походн. типогр. кн. Потемкина, Библіограф. Зап. XLVI. Современникъ 1857. № VIII. стр. 71. Смѣсь № 5.—Мурзакевичъ, Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн. т. II. отд. 1. 1848. О началѣ книгопечатанія въ Новоросс. Краѣ стр. 212 и слѣд.

„Канонъ" сочиненный княземъ Г. А. Потемкинымъ по образцу „покаяннаго канона". находящагося въ святцахъ и молитвословахъ. Геннади, при указаніи этой весьма рѣдкой книги, говоритъ въ примѣчаніи къ ней, что это первая книга напечатанная въ городѣ Кременчугѣ, въ Екатеринославской губернской типографіи, въ 1791 году; можетъ быть, что эти свѣдѣнія почерпнуты изъ вышепомянутой статьи Мурзакевича, помѣщенной въ 2-мъ томѣ „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей [3].—Первое извѣстіе о „Канонѣ" находится въ „Опытѣ" Сопикова подъ неточнымъ заглавіемъ: „Канонъ Спасителю Господу Іисусу, соч. Княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ, въ

---

[1] Справочн. Словарь Геннад. т. II. стр. 214.—[2] Сопик. Ч. 4. № 10456 Плав. Ч. II. № 2130. Смирд. Ч. I. № 1680.

[3] Русск. Книжн. Рѣдк. стр. 63. № 76.

Яссахъ, безъ года (около 1790); форматъ показанъ невѣрно въ 8°. Второе приводитъ Лонгиновъ въ своихъ Библіографическихъ Запискахъ, печатавшихся въ „Современникѣ" 1857 года; и такъ какъ въ самой книжкѣ не означено мѣсто печатанія, то кажется и нельзя считать извѣстія Геннади и Лонгинова за вполнѣ достовѣрныя, не имѣя несомнѣннаго въ нихъ подтвержденія.

Что „Канонъ" Спасителю сочиненъ кн. Потемкинымъ въ Яссахъ доказывается перепечатаніемъ его вполнѣ г. Бартеневымъ въ издаваемомъ имъ „Русскомъ Архивѣ" 1881 года, по рукописи найденной въ бумагахъ князя, сохранившихся у его племянника графа Самойлова, съ означеніемъ имени сочинителя, и сообщенной въ „Русскій Архивъ" внукомъ графа Самойлова, графомъ А. А. Бобринскимъ. Г. Бартеневъ говоритъ, что нѣкоторыя духовныя лица, къ которымъ онъ обращался съ прозьбою указать ему, не встрѣтится ли чего въ „Канонѣ" противнаго церковному обычаю, одобрили его напечатаніе [1]. Само собою разумѣется, что какъ самая форма „Канона", такъ и многое въ текстѣ заимствовано изъ общихъ молитвословій.—Любопытно было бы сличить рѣдкое печатное изданіе съ напечатанною въ „Русскомъ Архивѣ" г. Бартеневымъ рукописью кн. Потемкина, чтобы удостовѣриться, не были ли сдѣланы авторомъ „Канона" какія-либо перемѣны въ текстѣ до изданія его въ печать?

№ 156. Солдатской Пѣсенникъ.—1791. 12°. 38 нум. стр. и 1 листъ съ гравиров. нотами (счетъ съ заглавн. листа).

Сопик. Ч. 4. № 9808.

На оборотѣ заглавнаго листа находятся слѣдующія извѣстія какъ о самой книжкѣ, такъ и о продажѣ ея: „Сіи пѣсни выбраны изъ пѣсенниковъ напечатанныхъ въ Санктпетербургѣ.—Продается у книгопродавца П. Котельникова въ Тулѣ, Калугѣ и Орлѣ."—Затѣмъ на 3-й страницѣ помѣщено посвященіе этого небольшаго сборника: „Безпримѣрно храбрымъ Солдатамъ Россійскимъ"; и на 4-й двустишіе:

Враговъ всегда Россія побѣждаетъ,
И храбрость ихъ въ ничто вмѣняетъ.

Далѣе на 5-й стр. помѣщено „Приношеніе въ слѣдующихъ виршахъ:

---

[1] Русск. Архивъ 1881 г. кн. втор. стр. 17. Рукопись озаглавлена: „Канонъ Спасителю сочиненный княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ въ Яссахъ 1791 года".

Всѣмъ удалымъ молодцамъ
Черноморцамъ и Донцамъ,
Гранодерамъ, Мушкетерамъ
Бомбардирамъ, Канонирамъ
Кирасирамъ, Легкоконнымъ,
Егорямъ и Карбинерамъ
Добрымъ вѣрнымъ Козакамъ
И Матросамъ удальцамъ
Всему храбру Росску войску
Славну Полчищу Геройску;
Матерь любящимъ свою,
Не робѣющимъ въ бою.

На 6-й страницѣ напечатанное курсивомъ стихотвореніе Ю. Нелединскаго-Мелецкаго:

Побѣдъ подъ звукомъ воздоенныхъ
Екатериной ополченныхъ,
Кто сдержитъ? Кто смиритъ полетъ?
Въ рукѣ ихъ, Россской мечь Паллады,
Разитъ враговъ, ихъ рушитъ грады;
Наноситъ страхъ, лишь гдѣ блеснетъ

Сборникъ содержитъ въ себѣ слѣдующія 17 „Солдатскихъ" пѣсенъ: 1. Мы любовницъ оставляемъ.—2. Посреди войны кровавой, истреблю тебя любовь.—3. Бьютъ ужъ въ барабаны.—4. Мимо города, мимо Питера.—5. Веселяся въ чистомъ полѣ.—6. Мы Турковъ не боимся и Татаръ не страшимся.——7. Пойдемъ ребята въ поле.—8. На первое пораженіе Турокъ подъ Кинбурномъ, при начатіи войны въ 1787 году: Нынѣ времечко военно.—9. На знатную побѣду надъ Визиремъ съ войсками его до ста тысячь человѣкъ, одержанную соединенными Императорскими Россійскими и Австрійскими войсками, подъ предводительствомъ Генераловъ Графа Суворова-Рымникскаго и Принца Кобургскаго: Дней назначенныхъ дождавшись.—10. На славное овладѣніе городомъ и крѣпостію Бендерами, учиненное самимъ Главнокомандующимъ Арміею, Свѣтлѣйшимъ Княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ: Ужъ видать ли намъ, дождаться.—11. На тотъ же случай: Ахъ ты славной, крѣпкой Бендеръ-градъ.—12. Мы Гвардейскіе солдаты.—13. Двигнемъ храбрые салдатушки на границы, мы на Шведскія.—14. Наступилъ ужъ мѣсяцъ Мартъ.—15. Бирбиръ Туркамъ сталъ не милъ.—16. На отраженіе отъ Кименегорда и Гекфорса Шведской Арміи: Пришолъ часъ намъ захотѣть.—17. На побѣду при Мачинѣ:

Виватъ
Екатерина!
Ты Россію прославляешь!
Наша щастья умножаешь!

Упъ какъ нутка кавалеры.—На приложенномъ къ брошюрѣ листкѣ помѣщена музыка этой пѣсни, съ подписью: Музыка Ивана Ковалькова [1]. Слова пѣсни напечатаны такъ, какъ выговаривали ихъ солдаты въ пѣніи; имена полководцевъ искажены по русскому обычаю; вмѣсто: кн. Голицынъ, Рибасъ, кн. Волконскій, Кутузовъ—Галицынъ, Рыбасъ, Волхонскай, Кутузавъ. Въ примѣчаніяхъ внизу страницъ означены имена ихъ и отчества. Подъ пѣсней подпись: „Турку смирили и пѣсня вся". Въ концѣ слѣдующее примѣчаніе: „Сію побѣду при Мачинѣ за Дунаемъ, въ 28 день Іюня 1791 года, одержалъ Князь Реппинъ надъ верховнымъ Визиремъ Юсуфъ Пашею, имѣвшимъ войска тысячь до ста; и вскорѣ послѣ сей рѣшительной баталіи заключены и подписаны оными же Княземъ Реппинымъ и в. визиремъ прелиминарные пункты Мира, преславнаго и преполезнаго для Россіи.—Хотя мѣсто печатанія „Солдатскаго Пѣсенника" не означено, но вѣроятно онъ напечатанъ въ одномъ изъ трехъ городовъ упомянутыхъ на оборотѣ заглавнаго листа.

№ 157. Начальное Управленіе Олега, подражаніе Шакеспиру безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ, въ 5 дѣйствіяхъ.—Музыка сочиненія Сартія, съ его же объясненіемъ, переведеннымъ Н. Львовымъ.—**Санктпетербургъ,** въ Типографіи Горнаго Училища. 1791. въ листъ. VII, (предувѣдомленіе и объясненіе) 38 текста и CLXXXIX нум. стр., музыки; 5 виньетъ и два гравиров. заглавн. листа.

Сопик. ч. 3. № 5474.—Смирд. Прибавл. 2-е. 1832. № 11705.—Митр. Евген. Словарь, т. I. стр. 209.—Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи 1838. стр. 470. № 97.—Геннади, Русск. Книжн. Рѣдк. стр. 63. № 77.—Геннад. Справочн. Словарь т. I. стр. 339.

Второе изданіе сочиненія императрицы Екатерины II, въ началѣ котораго находится слѣдующее, напечатанное курсивомъ „Предъувѣ-

[1] Извѣстна брошюра на 7 страницахъ, въ 4° съ заглавіемъ: Пѣсня на баталью при Мачинѣ, напечатана въ подарокъ дѣтямъ Кн. Г. С. Волконскаго, на закатѣ краснова солнушка, у Петровь никто Русака. Съ музыкою сей пѣсни. (Безъ означенія года и мѣста печатанія.) Музыка сочиненія Ковалькова. Чертк. Всеобщ. Библ. Россіи. 1838. стр. 470. № 96.

домленіе": „Въ семъ Историческомъ представленіи болѣе есть исторической истинны, нежели выдумки; ибо Исторія повѣствуетъ, что при концѣ жизни Великаго Князя Рюрика, когда былъ вельми болепъ, и началъ изнемогати, видѣвъ сына своего Игоря во младыхъ лѣтахъ, отдалъ Княженіе и сына своему шурину Олегу князю Урманскому. Олегъ по сему опредѣленію Рюрика, въ самомъ дѣлѣ былъ дядя и дядька Игоря.

Въ Запискахъ касательно Россійской Исторіи [1], подъ заглавіемъ Великій Князь Игорь 1, включено, что „Олегъ началъ опекунское свое управленіе объѣздомъ областей Русскихъ: пришедъ на мѣсто, гдѣ рѣка Москва, Луза и Неглинная соединяются, построилъ малой градъ, назвалъ его Москва, и далъ его во владѣніе единому изъ своихъ свойственниковъ". Основываясь на сей истиннѣ, заложеніемъ Москвы начинается первое дѣйствіе. Тутъ къ Олегу приходятъ присланные отъ Кіевлянъ съ жалобами на Оскольда. Въ Запискахъ касательно Россійской Исторіи, написано о сихъ жалобахъ тако: „Писатели думаютъ, что причину къ тому подало то, что Оскольдъ во время своего похода въ Царьградъ, принялъ вѣру Христіянскую; что узнавъ Кіевляне донесли Олегу жалуяся, что Оскольдъ безъ вѣдома Великаго Князя крестился, и хочетъ перемѣнить народную вѣру". И такъ Олегъ тѣмъ паче побужденъ ѣхать въ Кіевъ, что онъ съ Сѣвера, Запада и Полудня имѣетъ увѣдомленіе о крещеніи родственниковъ его Гаралда Короля Датскаго и Бориса, царя Болгарскаго, также Борзивоя, князя Чехскаго; въ самомъ дѣлѣ крещеніе сіе происходило прежде, послѣ и около того времени, о чемъ свидѣтельствуютъ изъ Исторіи тѣхъ народовъ, кои къ запискамъ касательно Россійской Исторіи припечатаны.—Второе дѣйствіе начнется проходомъ Угровъ мимо Кіева, и въ то же время Игорь съ Олегомъ съѣдутся; тутъ отъ Исторіи отступлено, понеже Игорь малъ бѣ, когда Олегъ смѣнилъ Оскольда, слѣдовательно жениться не могъ, но бракомъ сочетался съ Прекрасою уже нѣсколько лѣтъ спустя въ Кіевѣ. Оскольдъ убитъ былъ при смѣнѣ, но здѣсь онъ уходитъ къ Уграмъ; по смѣнѣ Оскольда, Олегъ и Игорь въѣдутъ въ Кіевъ, куда и Прекраса привезена.—Третье дѣйствіе открывается свадебнымъ нарядомъ Прекрасы, и почти все дѣйствіе сіе за-

---

[1] Записки касательно Россійской Исторіи. Сочиненіе императр. Екатер. II. Сопик. ч. 3. № 4190 (не означено число томовъ).—Смирд. ч. II. № 2658. О подробностяхъ изданій этого сочиненія, помѣщенія его въ журналѣ „Собесѣдникъ", и нѣмецкомъ переводѣ, см. Геннади Справочн. Словарь. Берлинъ. т. I. стр. 433—339.

нимается древнимъ обрядомъ при свадьбѣ наблюдаемомъ. Въ концѣ онаго, Олегъ збирается ѣхать въ Царьградъ, что сходственно съ Исторіею, такъ равномѣрно, какъ число людей и судовъ съ нимъ бывшихъ; при отъѣздѣ, Олегъ наречетъ Прекрасу Ольгою, и сіе обстоятельство съ Исторіею сходно.—Въ четвертомъ дѣйствіи Олегъ предъ Царьградомъ заключаетъ славный миръ: сіе произшествіе слово отъ слова почти взято изъ Исторіи Россійской и другихъ земель, гдѣ о томъ точно упоминается.—Въ пятомъ дѣйствіи ни мало не отступлено отъ Исторіи, ибо Олегъ дѣйствительно имѣлъ свиданіе съ Восточнымъ Императоромъ Леономъ; равнымъ образомъ и кончится сіе Историческое представленіе согласно съ Исторіею тѣмъ, что Олегъ, щитъ Игоревъ укрѣпляетъ на Иподромѣ. — Здѣсь слѣдуетъ „Объясненіе" на музыку Господиномъ Сартіемъ, сочиненную для Историческаго представленія: „Начальное Управленіе Олега". Оно содержитъ въ себѣ разсужденіе о древней греческой музыкѣ. Н. А. Львовъ подписавшійся подъ нимъ какъ переводчикъ, едва-ли не принималъ въ самомъ сочиненіи этого разсужденія, покрайней мѣрѣ дѣятельнаго участія, если не былъ его авторомъ. Подобное предположеніе можетъ быть оправдано свѣдѣніями сообщаемыми, какъ о древней греческой музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ, такъ и ссылками на свидѣтельства древнихъ писателей: Аристотеля, Діонисія Аликарнасскаго, Цицерона, Плутарха и другихъ; кромѣ того, „Объясненіе" обставлено примѣчаніями Львова [1]. Поводомъ къ настоящему изслѣдованію послужило IV явленіе пятаго акта пьесы, заимствованное изъ третьяго дѣйствія трагедіи Еврипида Алкисты (Alcestis), такъ какъ по ходу русской пьесы, дѣйствіе переносится въ Константинополь. Помянутое „явленіе" состоитъ изъ сопровождаемаго хоромъ ферейскихъ старшинъ разговора между двумя лицами трагедіи: Ираклiемъ и царемъ ферейскимъ Адметомъ. Составитель музыки къ „Олегу" говоритъ, что не осмѣлился положить на ноты рѣчей Ираклія и Адмета, по двумъ причинамъ, изъ которыхъ первая есть та, что ему неизвѣстны, ни голосовыя средства, ни качества актеровъ предназначенныхъ къ изображенію названныхъ лицъ; вторая, что подобная новость была бы трудна для исполненія въ отсутствіи актеровъ; но что онъ рѣшился сопровождать рѣчи помянутыхъ дѣйствующихъ лицъ, краткими выходками арфы съ акомпани-

---

[1] Николай Александровичь Львовъ, знатокъ и изслѣдователь древняго міра, пѣнія и музыки древнихъ грековъ; переводчикъ Анакреона, и составитель предисловія къ изданію русскихъ пѣсенъ Прача, гдѣ касается древняго греческаго пѣнія.

ментомъ скрыпки безъ смычка, для возможно близкаго подражанія древней лирѣ, употреблявшейся въ подобныхъ случаяхъ; сопровождающая также въ IV-мъ явленіи разговоръ двухъ дѣйствующихъ лицъ флейта, должна замѣнить древнюю тибію, инструментъ на подобіе свирѣли, сдѣланный изъ кости. Упоминая о строфахъ и антистрофахъ, помѣщенныхъ въ концѣ IV-го явленія, авторъ „Разсужденія" говоритъ, что онъ не во всей строгости исполнилъ законы древней греческой музыки, но послѣдовалъ самому Еврипиду; онъ счелъ себя вправѣ отступить отъ строгихъ греческихъ музыкальныхъ правилъ, по примѣру Эсхила, перваго, начавшаго отъ нихъ удаляться. Усмотрѣвъ въ подлинникѣ, откуда заимствовано означенное явленіе, что стихи во второй антистрофѣ имѣютъ совсѣмъ различный размѣръ отъ предъидущихъ строфъ, авторъ „Объясненія" нашелъ, что нельзя было бы пѣть ихъ однимъ и тѣмъ же напѣвомъ, и потому сочинилъ для антистрофъ особливую и разнообразную музыку. Такъ какъ строфы и антистрофы безъ размѣра быть не могли, то должны были быть въ стихахъ, въ которые г. Сичкаревъ ихъ и переложилъ, съ необходимымъ числомъ стопъ, но безъ рифмы которой у грековъ небыло; далѣе авторъ сообщаетъ о содержаніи каждой изъ строфъ и антистрофъ. — „Разность, которая находится", говоритъ онъ, „между моею музыкою и древней греческою, состоитъ только въ особомъ сопровожденіи оной музыкальными орудіями. Греки сопровождали свое пѣніе равногласнымъ способомъ, а я сопроводилъ свое „парафонически" (аккордами). — Въ концѣ своего разсужденія, авторъ выражаетъ желаніе, чтобы трудъ его понравился той Великой Государынѣ, для которой пожертвовалъ бы онъ жизнью, еслибы жертва его могла быть ей полезна.

Въ настоящемъ, по тому времени великолѣпномъ, и нынѣ весьма рѣдкомъ изданіи описываемой пьесы Екатерины II, передъ каждымъ изъ пяти актовъ находится по виньетѣ, или лучше картинѣ, изображающей сцены, объясненіе которыхъ заимствуемъ изъ самаго текста: 1. Изображеніе мѣста гдѣ соединяются рѣки—Москва, Яуза и Неглинная. Жрецы съ огнемъ и первымъ камнемъ для закладки Москвы, который приносятъ Олегу; въ вышинѣ парящій орелъ. Подпись: „Сей градъ будетъ нѣкогда обширенъ и знаменитъ" (Олега Дѣйств. 1. явл. 2).—2. Лугъ на берегу Днѣпра; на противномъ берегѣ видна часть города Кіева, позади котораго Угры издали идутъ чрезъ горы. Спереди шатры княжескіе. Подпись: „Меня вѣнцы нетлѣнные ожидаютъ въ вѣчности" (Дѣйств. 2. явл. 7).—3. Палата княжескаго дома въ Кіевѣ; двѣ боярыни-свахи вводятъ Прекрасу подъ руки въ чертоги; она въ тѣлогрѣѣ парчевой, рукава ки-

сейные, въ перевязкѣ, въ косахъ висящихъ, и фатою флеровою покрыта. Подпись: „Не именемъ моимъ, но добродѣтелью въ народѣ прославится (Дѣйств. 3. явл. 8).—4. Вооруженіе и войскà Олеговы предъ Константинополемъ, виды: городская стѣна, суда Олега на морѣ, высаженная для приступа часть войскъ и шатры. Подпись: „Договоромъ симъ ты Государь получишь дань, выгоды и торговлю. (Дѣйств. 4. явл. 4).—5. Великолѣпная палата Императорскаго дворца въ Константинополѣ; идущіе рядомъ императоръ Леонъ, императрица Зоя и Олегъ. Предъ ними идетъ стража греческая и императорскіе придворные, за которыми слѣдуютъ боярыни греческія и вельможи Олега, также военачальники и вельможи греческіе. Императоръ, Императрица и весь ихъ дворъ въ великолѣпномъ нарядѣ. Олегъ, прощаясь съ Леономъ и Зоею, укрѣпляетъ щитъ Игоря къ столбу Ипподрома. Подпись: „Пусть позднѣйшіе потомки узрятъ его тутъ". (Дѣйств. 5. явл. 4)[1].

За текстомъ пьесы слѣдуетъ музыка съ заглавнымъ гравированнымъ на мѣди листомъ: Музыка Историческаго Представленія Начальнаго Управленія Олега.—Печатано въ Типографіи Горнаго Училища, 1791 года. Листъ украшенъ двумя флеронами: верхній изображаетъ цвѣточную гирлянду, сіяніемъ окруженную, съ обвивающею ее и продѣтою въ нее лентою; нижній—лиру съ продѣтою въ нее лавровою вѣтвью. На страницахъ, содержащихъ музыку, находятся слѣдующія заголовки: 1. Симфонія г. Каноббіо. стр. I—XVIII). 2. Антрактъ ко второму дѣйствію г. Каноббіо (XIX—XXI). 3. Антрактъ къ третьему дѣйствію г. Каноббіо (XXII—XXIV.)—4. Первый хоръ третьяго дѣйствія г. Пашкевича (XXV—XXVIII)—5. Вторый хоръ третьяго дѣйствія г. Пашкевича (XXIX—XXXIV).—6. Третій хоръ третьяго дѣйствія г. Пашкевича (XXXV--XXXIX).—7. Маршъ г. Коноббіо (XL—XLI).—8. Антрактъ къ четвертому дѣйствію г. Коноббіо (XLII—XLIV).—9. Антрактъ къ пятому дѣйствію г. Коноббіо (XLV—LI).—10. Первый хоръ пятаго дѣйствія г. Сарти (LII—LXVIII).—11. Вторый хоръ пятаго дѣйствія г. Сарти (LXIX—LXXXVI).—12. Третій хоръ пятаго дѣйствія г. Сарти (LXXXVII—CV).—13. Четвертый хоръ пятаго дѣйствія г. Сарти (CVI—CXIII).—14.

---

[1] Въ пятомъ актѣ четыре хора, слова которыхъ взяты изъ одъ Ломоносова. Они были пѣты даже въ 1826 году, при нѣкоторыхъ торжествахъ короваціи императора Николая Павловича. Лонгин. Драм. соч. Екатер. II. 1857 Молва. отдѣльн. оттискъ, стр. 6.

Еврипидовой Алкисты Дѣйств. III. Явл. 1, 2 и 3-е, положенныя на музыку Г. Сартіемъ, сообразно Греческому древнему вкусу (CXIV—CXXXII).—15. Строфа первая (CXXXIII—CXLIV).—16. Антистрофа первая (CXLV—CLVII).—17. Строфа вторая (CLVIII — CLXVII). — 18. Антистрофа вторая (CLXVIII—CLXXXLX).—На лѣвой сторонѣ начальнаго листа каждой изъ музыкальныхъ пьесъ, означены названія инструментовъ оркестра.

Окончивъ „Рюрика" [1], императрица принялась за „Олега" и работа шла быстро, такъ что 8 сентября 1786 года статсъ-секретарь ея Храповицкій переписалъ первый актъ, 19-го второй, 22-го третій, 25 го--четвертый. На другой день государыня стала выбирать изъ французской энциклопедіи Греческіе обряды и игры для 5-го акта, который былъ переписанъ только пятаго октября, а шестого въ немъ дѣлалъ поправки Потемкинъ. За переписку пьесы дано секретарямъ Храповицкаго 200 червонцевъ, между тѣмъ какъ за „Рюрика" было имъ пожаловано 200 рублей. Ноября 2 приказано Храповицкому передѣлать хоры бѣлыми стихами. Но постановка пьесы очень замедлилась; къ ней было приступлено только черезъ 3 года: 28 августа 1789 года [2]; о ней Екатерина очень заботилась; въ „Дневникѣ" своемъ Храповицкій отмѣчаетъ 24 іюля, что по запискѣ, поданной объ „Олегѣ" имъ и Соймоновымъ императрицѣ, она приказала взять платья изъ гардероба прежнихъ императрицъ, деньги изъ Кабинета; пьесу же изготовить къ концу будущаго года [3]. Что она хотѣла блестящей постановки „Олега" видно изъ словъ ея Храповицкому 28 сентября: „cette pièce ne souffre rien de médiocre; et elle fera un grand effet" [4], 5-го сентября императрица отмѣнила непонравившуюся ей музыку для нѣкоторыхъ хоровъ Чимарозы, и черезъ Потемкина приказала сочинить

---

[1] Подражаніе Шакеспиру, историческое представленіе безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика, въ 5 дѣйств. Сопик. Ч. 3. № 5402, изд. 1786.—Плавильщ. Ч. III. № 5678. изд. 1787. Смирд. Ч. IV № 7573.—Рюрикъ помѣщенъ въ 14 й части Росс. Ѳеатра, и напечатанъ отдѣльно въ 1786, 1792 и 1793 г. При двухъ послѣднихъ изданіяхъ приложены историческія примѣчанія Болтина.—[2] Драматическія сочиненія Екатер II. Москва 1857. отдѣльн. оттиск. стр. 15—16.—[3] Дневникъ А. М. Храповицкаго. Н. Барсукова. стр. 299. Въ Драматическомъ Альбомѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1851 году, помѣщенъ докладъ Соймонова и Храповицкаго о постановкѣ Олега, съ списками собственноручныхъ отмѣтокъ императрицы. Изъ смѣты видно, что постановка была великолѣпная. Библіогр. Записки 1858, статья Г. Геннади, столб. 505. „Еще о драматич. сочиненіяхъ Екатер. II.—[4] Дневникъ Храповиц., стр. 305.

новую музыку Сарти [1]. Пробы въ Эрмитажѣ начались 16 сентября 1790 года, и „Олега“ игралъ Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, оставившій публичную сцену въ 1787 году, но продолжавшій играть на Эрмитажномъ театрѣ; умный артистъ на этотъ разъ не съумѣлъ угодить Екатеринѣ, которая осталась недовольною его игрою, и на другой день, говоря Храповицкому о томъ, въ чемъ слѣдуетъ поправить Дмитревскаго, сказала: „что онъ многое вчера игралъ à contre-sens (на выворотъ); Oleg est un grand caractère; il est affecté de ce qui arrive, mais son jeu théatral ne souffre pas d'emphase“ (напыщенности) [2]. Послѣ генеральной репетиціи пьесы въ костюмахъ, она наконецъ играна была въ первый разъ въ Эрмитажѣ 22 Октября 1790 года; государыня осталась весьма довольною представленіемъ, и въ особенности хвалила артистку Каролину, игравшую роль невѣсты. 25 октября „Олега“ играли и на Каменномъ театрѣ въ присутствіи императрицы, Великаго князя и его супруги; пьеса шла хорошо, и вскорѣ всѣ актеры получили награды вещами и деньгами [3].

„Олегъ“ напечатанъ первый разъ въ 14-й части „Россійскаго Өеатра“, потомъ изданъ три раза отдѣльно: въ 1787 [4], 1791 и 1793 [5] годахъ. 1-е и 3-е изданіе въ 8°. Въ послѣднемъ, на гравированномъ заглавномъ листѣ, обведенномъ бордюромъ, виньета, изображающая двухъ носящихся въ облакахъ купидоновъ, съ цвѣточными въ рукахъ гирляндами; изданіе показано напечатаннымъ „вторымъ тисненіемъ“. 4 ненум. стр. (Предувѣдомленіе) и 77 нум. стр. (какъ въ первомъ изданіи 1787 года). На первой нум. страницѣ также виньета.

№ 158. **Пеанъ Иверскихъ Музъ,** На успѣхи Побѣдоноснаго Россійскаго оружія, стремящагося къ низложенію гордости Отоманской Порты со времени начавшейся съ 1787 (а по лѣтосчисленію Грузинцовъ 484 года) между сими Державами войны, подъ предводительствомъ **Свѣтлѣйшаго Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго.** Сочиненъ на Грузинскомъ языкѣ Секундъ-Маіоромъ Княземъ **Давидомъ Чолокаевымъ.** Переведенъ прозою на Россійской языкъ.— **Въ Санктпетербургѣ.** 1791 года. 8°. 6 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Стихотвореніе на грузинскомъ языкѣ, состоящее повидимому изъ 9-ти строфъ, на что указываютъ цифры, каждую изъ нихъ обозначаю-

---

[1] Дневникъ Храповиц., стр. 307.—[2] Тамъ же, стр. 348,—[3] Тамъ же стр. 350.—[4] Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 8° Плавильщ. Ч. II. № 5749. Библіогр. Зап. 1858. столб. 505.—[5] Смирд. Ч. IV. № 7696. Митр. Евген. Словарь, т. 1, стр. 29.

щія. Въ „Пеанѣ" прославляются побѣды Суворова и Потемкина, покорившихъ Россіи Очаковъ, Бендеры и Измаилъ. Въ послѣднихъ двухъ строфахъ, грузинскій поэтъ вдохновенный „иверскими музами", угрожаетъ Стамбулу, указывая ему на стоящаго при „прагѣ" его героя Тавриды, побѣдителя Очакова, покорителя Молдавіи и Бессарабіи; онъ совѣтуетъ первому смириться передъ законами судьбы и не избѣгать владычества той, которая „въ соборѣ боговъ сопрестольна Палладѣ". Наконецъ въ 9-й и послѣдней строфѣ, авторъ стихотворенія, продолжая обращаться къ Стамбулу, изрекаетъ слѣдующія слова въ видѣ пророчества: „Но естьли дерзнешь киченіе твое простѣрть (віс) далѣе, Россы всѣмъ громомъ потрясутъ, возстанетъ въ пучинѣ Черный Понтъ, низпадутъ главы Мечетей. Въ блѣдности Луна изчезнетъ и Солнцу Росскому уступитъ мѣсто; имя Стамбула въ забвеніи погребется, и паки возсіяетъ правовѣрный Константинополь!"

Довольно рѣдкая брошюра не указанная ни однимъ изъ нашихъ библіографовъ.

№ 159. Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова **1791**, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 161 нум. и 1 нен. (оглавленіе).—Фронтоснисъ гравир. на мѣди.

Геннади. Справочн. Словарь. т. 2. стр. 366.

Подъ № VII Росписаніе городовъ и проч. (стр. 68—84) и подъ № IX (стр. 110) слѣдуетъ: „Продолженіе хронологическаго списка достопамятнѣйшихъ произшествій въ 1789 и 1790 годахъ: Августъ 21. Принцъ Нассау-Зигенъ посаженныя на галерномъ флотѣ Россійскія войска, высадилъ на берегъ между устьями Кименя, въ виду шведской, самимъ королемъ предводимой арміи, коя въ тоже время съ разныхъ сторонъ сухопутными Россійскими войсками подъ начальствомъ Генерала, графа Мусина-Пушкина атакована была. Съ начала защищался непріятель весьма упорно, но видя опасность быть окружену со всѣхъ сторонъ, ударился съ крайнею поспѣшностію въ бѣгъ, на коемъ преслѣдуемъ былъ даже въ его область. Болѣе 200 непріятелей положено на мѣстѣ, и 60 взято въ плѣнъ. Полученная же побѣдителями добыча состояла въ 73 пушкахъ, большой канонерской шлюбкѣ, многихъ мелкихъ судахъ, и нарочитомъ запасѣ аммуниціи и провіанта. Для прикрытія своего побѣга, зажегъ непріятель разныя деревни и обозы съ провіантомъ. Нашъ

уронъ состоялъ изъ 33 убитыхъ и 72 раненыхъ.—Сентябрь 7. Между передовыми Россійскими войсками подъ начальствомъ Генерала Репнина, и Турецкою арміею подъ командою Сераскира Гассанъ-Паши, прежде бывшаго Капитанъ-Пашею, на рѣчкѣ Селтигѣ была битва, на коей Турки съ потерею 200 убитыхъ, 9 знаменъ и 64 плѣнныхъ назадъ были прогнаты. Оставленный въ ночи непріятелемъ лагерь съ пушками и аммуниціею достался побѣдителямъ, коихъ уронъ при семъ случаѣ состоитъ въ 7-ми человѣкахъ убитыхъ и 18 раненыхъ.—11. Соединенныя Россійскія Императорскія и Австрійскія войска подъ начальствомъ Графа Суворова-Рымникскаго и Принца Саксенъ-Кобургскаго, одержали надъ главною Турецкою арміею отъ 90 до 100 тысячь человѣкъ подъ предводительствомъ верховнаго визиря Гассанъ-Паши, двухъ трехбунчужныхъ и двухъ двухбунчужныхъ Пашей, состоявшею при рѣкѣ Рымникѣ совершенную побѣду. Непріятель лишился въ самомъ главномъ сраженіи болѣе 10000 человѣкъ. У Россіянъ же убито 46, да ранено 133 человѣка. Три лагеря съ палатками и всѣмъ екипажемъ, 100 знаменъ, 6 мартиръ и 74 пушки, множество аммуниціи и другія знатныя добычи достались въ руки побѣдителю.—24. Взяли Россійскія войска подъ командою Генерала-Маіора Рибаса Турецкой замокъ Ходжабей въ виду непріятельскаго флота. При семъ случаѣ получили Россіяне въ добычу 12 пушекъ, 7 знаменъ, 2 флага и большое число аммуниціи, а въ плѣнъ взято 79 человѣкъ и между оными одинъ двухбунчужный Паша. Съ непріятельской стороны убито болѣе 200, а съ нашей стороны 5 человѣкъ.—30. Россійскія войска подъ предводительствомъ Генерала-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго, взявъ Палангу и при ней командовавшаго Агу, также 8 пушекъ и множество пороху въ добычу приступили къ городу и крѣпости Бѣлгороду или Акерману. Послѣ чего тамошній гарнизонъ просилъ о помилованіи, и передавъ градскіе ключи, получилъ свободный отпускъ. Добыча состояла въ 32 знаменахъ, 88 пушекъ и въ великомъ количествѣ военнаго снаряду.—Ноябрь 4. Заняли Россійскія войска подъ предводительствомъ Генерала-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго, знатную крѣпость Бендеры. Гарнизонъ отдался во власть побѣдителя и получилъ свободу. Чрезъ таковое, памяти достойное, безъ пролитія крови завоеваніе, досталось побѣдителямъ 300 пушекъ, 25 мортиръ и великое множество аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ.—Декабрь 31. Число въ семъ году въ Петербургѣ прибывшихъ кораблей было 853, изъ Петербурга вышедшихъ 858, чрезъ Зундъ прошедшихъ 8847 кораблей.—Родилось въ Санктпетербургѣ мужскаго полу 3254, женскаго 2994 души;

померло 6573 мужскаго, да 1849 женскаго полу. Бракомъ сочеталось 1306 паръ.—1790 годъ. Апрѣль 24. Генералъ-Порутчикъ Нумсенъ переправясь со стоявшими у Мемеля подъ его начальствомъ Россійскими войсками чрезъ Кюмень преслѣдовалъ отраженнаго непріятеля 13 верстъ внутрь его земли, и отбилъ у него 12 пушекъ и многихъ взялъ въ полонъ. Потеря Россіянъ убитыми и ранеными состояла въ 79 человѣкахъ; непріятелей же на мѣстѣ сраженія погребено 170 человѣкъ. — Май 2. Шведскій флотъ изъ 22 линейныхъ кораблей и разныхъ другихъ судовъ состоявшій, учинилъ на Россійскую ескадру, на Ревельскомъ рейдѣ лежавшую, которая имѣла токмо 10 кораблей, нападеніе; но послѣ 2 часа съ половиною продолжавшагося сраженія, непріятельскій столь числомъ превосходный флотъ, въ бѣгъ обращенъ. Одинъ 64-пушечный корабль „Принцъ Карлъ", и 500 человѣкъ военнослужащихъ взяты въ плѣнъ; а другой, 64-пушечный же корабль, принужденъ былъ непріятель самъ сжечь. При одержаніи таковой знаменитой побѣды, съ нашей стороны убито 8, а ранено 27 человѣкъ.—23.) На разсвѣтѣ изъ Кронштата вышедшій Россійскій флотъ изъ 17-ти линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 катеровъ состоявшій, подъ предводительствомъ Вице-Адмирала Крузе, вступилъ въ сраженіе съ Шведскимъ, въ которомъ находилось 22 линейныхъ корабля, 8 фрегатовъ и множество малыхъ судовъ, и принудилъ его въ бѣгъ обратиться. Въ тотъ же день и послѣдующій сраженіе возобновлялось дважды, и непріятельскій флотъ принужденъ былъ, хотя ни съ той ни съ другой стороны не потеряно ни одного корабля, каждый разъ отступать. Приближеніе Ревельской ескадры понудило Шведскій флотъ съ поспѣшностью бѣжать, и въ крайнемъ безпорядкѣ скрыться въ Выборгскомъ заливѣ за камни, гдѣ онъ соединеннымъ Россійскимъ флотомъ былъ запертъ. Въ семъ троекратномъ сраженіи, на которомъ, силою превосходный непріятель, всегда храбростію и искусствомъ Россійскаго флота былъ отражаемъ, потеряно съ нашей стороны 89 убитыми и 218 ранеными.—24.) 4000-ный Шведскій корпусъ, на занятый 1600 Россійскихъ войскъ, подъ командою Генералъ-Маіора Хрущова Саватайпольской постъ, учинилъ нечаянное нападеніе, но послѣ продолжавшагося 2 часа съ половиною сраженія, былъ совершенно прогнанъ. На мѣстѣ положено непріятелей 150, въ плѣнъ взято 65 человѣкъ и 2 пушки. Весь же его уронъ щитаютъ до 750 человѣкъ. Съ Россійской стороны убито 15 человѣкъ.—Іюнь 6. Гребная Шведская флотилія высадила на островъ Урансари 3 полка и другія войска, между которыми и стоявшими тамъ подъ командою Генералъ-Маіора Буксевдена Россійскимъ кор-

пусомъ, не болѣе какъ изъ 2-хъ гранодерскихъ полковъ и 300 человѣкъ морскихъ баталіоновъ состоявшимъ, происходило тотъ и последующій день жестокое сраженіе, и непріятель, потерявъ 254 человѣка убитыми, 46 полоненными и 4 знамя, былъ совершенно разбитъ, и принужденъ былъ бѣжать на свои суда. При семъ случаѣ убито у насъ 19, а ранено 71 человѣкъ.—22.) Шведскія морскія силы претерпѣли совершенное пораженіе. Оба непріятельскіе флота, подъ предводительствомъ самаго Короля и Герцога Зюдерманландскаго, будучи 4 недѣли заперты въ Выборгскомъ заливѣ и лишены привоза всѣхъ припасовъ, покусились въ таковой крайности пробиться чрезъ Императорскій Россійскій флотъ, который подъ предводительствомъ Адмирала Чичагова, а гребный подъ начальствомъ Принца Нассау-Зигена, одержалъ надъ непріятелемъ совершеннѣйшую побѣду. 2 линейные корабля, 2 фрегата и 2 брандера подняты на воздухъ; 7 линейныхъ кораблей, между коими находился одинъ Контръ-Адмиральскій и 3 фрегата, взяты побѣдителями. Сверьхъ сего, у непріятеля отнято и потоплено множество галеръ и другихъ судовъ. Въ плѣнъ досталось Россіянамъ болѣе 5 тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ одинъ Контръ-Адмиралъ и до 200 офицеровъ. Ночная темнота споспѣшествовала побѣгу непріятеля, которой съ остаткомъ своего флота скрылся въ Свеаборгъ, гдѣ и запертъ Россійскимъ флотомъ. При сей толико знаменитой побѣдѣ, потерялъ Россійскій флотъ 117 убитыми и 164 ранеными.—28. Отрѣзали Россійскія войска подъ командою Генералъ-Маіора Денисова, неподалеку отъ крѣпости Давыдова, Шведскій изъ 420 человѣкъ состоявшій отрядъ, и взяли 67 рядовыхъ съ четырьмя офицерами въ плѣнъ, а прочихъ на голову побили. Съ Россійской же стороны ни одинъ не убитъ.—Іюль 9. На разсвѣтѣ происходила между Россійскимъ Императорскимъ, подъ командою Контръ-Адмирала Ушакова, и Турецкимъ флотомъ подъ предводительствомъ Капитанъ-Паши, при входѣ въ Эникольской заливъ жестокая сшибка, продолжавшаяся 17 часовъ, на которой непріятельскій флотъ, несмотря на весьма превосходное число его судовъ, былъ съ немалою потерею войскъ и поврежденіемъ кораблей въ бѣгъ обращенъ и преслѣдуемъ до ночи.—Августъ 3. Въ Варелѣ, что въ Финляндіи, подписанъ Россійскимъ Императорскимъ и Королевскимъ Шведскимъ уполномоченными, безъ всякаго участія постороннихъ дворовъ, заключенный между обоими государствами миръ, а 9-го оный взаимно размѣненными ратификаціями утвержденъ.

Переходимъ къ событіямъ, совершавшимся въ то время во Франціи: Августъ 31. Въ Парижскомъ народномъ собраніи сдѣланы слѣ-

дующія положенія: чтобъ оно засѣданія свои продолжало чрезъ два года, а по истеченіи оныхъ избирать новыхъ депутатовъ; чтобъ оно имѣло законодательную власть, и наконецъ чтобъ король не имѣлъ права новое какое либо законоположеніе отмѣнять, но токмо на два одно за другимъ слѣдующія засѣданія или на четыре года; и чтобы треми засѣданіями утвержденное законоположеніе, не смотря на королевское несогласіе, имѣло полную силу.—Сентябрь 24 и 25. Произошелъ въ Парижѣ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ паки бунтъ: 12000 мѣщанскаго войска, толпа вооруженнаго народа и до 5000 бабъ, виновницъ сего мятежа, отправились въ Версалію. Выборныя изъ женщинъ пробрались сперьва въ народное собраніе, а потомъ и къ самому королю, и подкрѣпляемы будучи народнымъ войскомъ, требовали съ крайнею необузданностью удовлетворенія по нѣкоторымъ статьямъ; что король и учинилъ. Король, по требованію народа, принужденъ былъ со всею своею фамиліею, сопровождаемъ выборными народнаго собранія, ѣхать въ Парижъ, далъ на сдѣланныя народнымъ собраніемъ опредѣленія свое согласіе, на которыя до того не соглашался, и обѣщалъ сбавить цѣну съ хлѣба и другихъ надобностей. Въ семъ мятежѣ чинимы были разныя наглости, и 17 человѣкъ убито.—Октябрь 22. Опредѣлено въ парижскомъ народномъ собраніи впредь всѣ церковныя помѣстья щитать собственностью народа, которой пріемлетъ на себя попеченіе о содержаніи духовенства и иждивеній до богослуженія касающихся. Опредѣленіе сіе тогда же Его Величествомъ королемъ утверждено и включено въ число непремѣнныхъ законовъ.—Декабрь 13. Въ Парижскомъ народномъ собраніи сдѣлано важное положеніе, чтобы и не католиковъ принимать какъ въ военную, такъ и въ гражданскую службу, и равно какъ прочихъ граждан опредѣлять ко всѣмъ должностямъ правительства.—31. Въ Западной Индіи, Франціи принадлежащей, жители, ободряемы будучи примѣромъ первенствующаго своего града, сдѣлали возмущеніе и старались (хотя и тщетно) правительство свое испровергнуть и содѣлаться независимыми.—1790 годъ Генварь 24. Король французскій первый разъ присутствовалъ въ народномъ собраніи, преклонялъ его продолжительною рѣчью къ согласію и къ соревнованію о благоденствіи государства, и утвердилъ новое установленіе на настоящія и грядущія времена. Послѣ чего всякой членъ народнаго собранія присягалъ, и клялся хранить къ новому установленію непремѣнную вѣрность, и истребить навсегда духъ пристрастія.—Февраль 1 и 2. Народное Собраніе въ Парижѣ опредѣлило всѣ монастырскіе обѣты признать за недѣйствительные, монашескіе

ордены уничтожить, и дать всякому свободу удалиться изъ своего монастыря.—2. Приносимо было въ Парижѣ, за утвержденное королемъ 24 Генваря новое установленіе, Богу благодареніе; народъ и всѣ уѣзды присягали, что они народу, законамъ и королю пребудутъ навсегда вѣрными, и всѣми силами стараться будутъ соблюдать новое установленіе.—Мартъ 23. Опредѣлено въ Парижскомъ народномъ собраніи, чтобы по ту сторону мыса Доброй Надежды, торговля для всѣхъ французовъ была свободна.—Апрѣль 3. Въ Парижскомъ народномъ собраніи послѣ сильныхъ преній одобрено и утверждено сдѣланное еще 21 Генваря положеніе, чтобъ всѣ земли духовенству принадлежащія, равно десятинные поборы и другія подати обратить въ пользу государственную; духовенству же напротивъ того опредѣлить съ 1791 года денежное жалованье.—5. Въ народномъ собраніи послѣ долго продолжавшагося пренія опредѣлено, во Франціи ввести ассигнаціи.—Май 11. По случаю въ Англіи и Ишпаніи чинимыхъ военныхъ пріуготовленій, сдѣлано въ Парижскомъ народномъ собраніи по долгомъ преніи, важное слѣдующаго содержанія законоположеніе: ни какой войны не объявлять иначе какъ по опредѣленію народнаго собранія, которое Королемъ должно быть утверждено. Попеченіе о внѣшней безопасности и военныхъ пріуготовленіяхъ предоставить Королю; но король обязанъ при начинающейся враждѣ предувѣдомить объ оной народное собраніе, которое рѣшитъ должно ли быть войнѣ, и можетъ министровъ требовать къ отвѣту. Всѣ королемъ съ чужими державами заключаемыя постановленія не дѣйствительны, если онѣ законодательною властью не будутъ утверждены. Наконецъ народное собраніе объявляетъ, что французской народъ никогда не начнетъ войны въ намѣреніи учинить какія либо завоеванія, и что онъ никогда не употребитъ силъ своихъ противъ вольности какого либо народа; объявленіе же войны должно чинимо быть со стороны Короля французовъ именемъ народа и пр.—Іюнь 3. Въ Парижскомъ народномъ собраніи опредѣлено: наслѣдственное дворянство и всѣ титулы, какъ-то: герцогъ, графъ и пр., уничтожить, дабы въ состояніяхъ небыло никакого различія; гербовъ не имѣть, и служителямъ ливрей не носить.—Іюль 3. Въ Парижѣ и другихъ знатнѣйшихъ сего государства городахъ, отправляемо было годовое торжество о возстановленіи французской вольности. Король, выборные изъ мѣщанства и всего войска, клялись къ новому установленію пребыть вѣрными и защищать оное всѣми силами.

1792.

№ 160. Подражаніе Шакеспиру Историческое представленіе безъ сохраненія обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ **изъ Жизни Рюрика.**—вновь изданное съ примѣчаніями Генералъ Маіора И. Болтина. **Въ Санктпетербургѣ,** въ Императорской Типографіи. 1792. 8°. XLVI нум. (Примѣчанія) 2 нен. и 59 нум. стр.

Смирд. ч. IV. № 7573.—Геннади, Справочн. Слов. т. I. стр. 103.—Лонгин. Драм. Сочин. Екат. II. Молва 1857. №№ 3, 4 и 5. отдѣльн. оттискъ, стр. 14.—Щебальск., Драматич., и нравоопис. сочин. Екатер. II. Русск. Вѣстн. 1877. № 5. т. 93. Май.

Пятиактная пьеса эта, есть подражаніе историческимъ хроникамъ Шекспира, и написана императрицей Екатериной весьма скоро; статсъ секретарь Храповицкій отмѣчаетъ въ дневникѣ своемъ, что онъ переписывалъ первый актъ „Рюрика", 1786 года, 7-го августа; 20-го второй, 24-го третій, 28-го четвертый, и сентября 1-го, пятый. Пьеса была послана для поправки кн. Г. А. Потемкину 4-го сентября, и 8-го того же мѣсяца для прочтенія Завадовскому [1]. Первое изданіе „Рюрика" появилось въ 1786 году отдѣльной брошюрой, а въ 1787, помѣщено въ 14 части „Россійскаго Ѳеатра; кромѣ описываемаго здѣсь „втораго изданія", существуетъ третье, напечатанное въ 1793 году съ тѣми же примѣчаніями Болтина, въ типографіи чужестран. единовѣрцовъ 8°. (LXIX, 2 ненум. и 88 нум. стр.) [2].—Неизвѣстно былъ ли

---

[1] Дневникъ А. В. Храповицкаго 1782—1793. Н. Барсукова. Спб. 1874. стр. 14—15.—[2] Въ 3-й части „Опыта Сопикова, подъ №№ 5403 и 5404, указано второе изданіе „Рюрика" съ примѣчаніями Болтина, и третье 1793 г. съ нѣмецкимъ переводомъ Фелькнера; Плавильщиковъ упоминаетъ только объ одномъ изданіи 1787 года, умалчивая о томъ, снабжено ли оно примѣчаніями Болтина.—Щебальскій. Драматич. сочиненія Екатер. II. Русск. Вѣстн. 1871. Май. № 5 Лонгин. Драматич. Сочин. Екат. II. Молва 1857. №№ 3, 4 и 5 и отд. оттиск. стр. 14.—Кромѣ помянутыхъ здѣсь изданій „Рюрика", Геннади упоминаетъ объ изданіи 1792 съ нѣмецкимъ переводомъ имѣющимъ слѣдующее заглавіе: Hist., Drama nach Schakespeare Muster, ohne Beibehaltung der sonst üblichen Kunstregeln der Schaubühne, aus Rjurik's leben; 2-te russ. Ausgabe mit Anmerkungen, v. General Boltin. S-t Pb. bei d. Kais. Bergschule. 1792. 8°. 13, 56 и 43 двойн. стр. Библіогр. Записки т. I. 1858. столб. 504.—Щебальскій полагаетъ что это безъ сомнѣнія то изданіе, которое Сопиковъ называетъ третьимъ, причемъ указываетъ на другое, и на одномъ нѣмецкомъ языкѣ вышедшее въ Петербургѣ, въ томъ же 1792 году. Французскій переводъ „Рюрика" напечатанный во II томѣ изданія Кастера „Théatre de l'Hermitage", имѣетъ слѣдующее заглавіе:

поставленъ „Рюрикъ" на сцену; по крайней мѣрѣ, объ этомъ ничего не говоритъ въ дневникѣ своемъ Храповицкій, а „Драматическій Словарь" (1787) и вовсе умалчиваетъ объ этой пьесѣ; Макаровъ въ „Репертуарѣ" 1844 года, выражаетъ сомнѣніе чтобъ она была играна передъ публикой, и лишь одинъ Кастéра, включившій „Рюрика" въ изданный имъ „Théatre de l'Hermitage" (т. II. стр. 369), говоритъ что эта пьеса была играна на Эрмитажной сценѣ [2].

Чтобы дать возможность судить объ историческомъ и сценическомъ достоинствѣ пьесы, приводится краткое изложеніе ея содержанія, основаннаго на слѣдующихъ событіяхъ почерпнутыхъ изъ русской исторіи: Кончинѣ князя Гостомысла, призваніи варяго-русскихъ князей и замыслахъ князя новгородскаго Вадима. Первое дѣйствіе происходитъ въ палатѣ княжескаго дома въ Новгородѣ. Умирающій Гостомыслъ, окруженный посадниками и старѣйшинами, говоритъ имъ въ присутствіи младшаго изъ внуковъ своихъ, славянскаго князя Вадима, что видя между ними несогласіе, и самовольное, по прихоти каждаго изъ нихъ управленіе, могущее повести Великій Новгородъ къ погибели, рѣшилъ, такъ какъ они сами собою править не могутъ, имѣть имъ по кончинѣ его, Гостомысла, надъ собою князя; и указываетъ имъ на трехъ братьевъ князей, „обрѣтающихся въ Варягахъ" и прославившихся разумомъ и храбростью; онъ говоритъ при этомъ, что они суть дѣти средней его дочери Умилы, супруги Финскаго Короля, происходящаго изъ рода Одина, и сына его Ингваря. Присутствующему при послѣднихъ минутахъ Гостомысла, сыну младшей дочери и внуку своему Вадиму, первый завѣщаетъ собственныя свои славянскія владѣнія и это непріятно поражаетъ Вадима, такъ какъ онъ видитъ предпочтеніе оказываемое дѣдомъ старшимъ внукамъ своимъ. Новгородскіе посадники и старѣйшины, свидѣтели завѣщанія Князя своего, примѣчаютъ состояніе духа Вадима, вызванное предпочтеніемъ, оказаннымъ варяжскимъ князьямъ. Вслѣдствіе повелѣнія Гостомысла, старшій изъ посадниковъ—Добрынинъ, распоряжается отправленіемъ пословъ избранныхъ изъ первѣйшихъ гражданъ „въ Варяги" для призванія трехъ братьевъ, князей, Рюрика, Синеуса и Трувора „владѣти надъ собою"; онъ отдаетъ приказанія свои посадникамъ—Тріяну, Рулаву и воеводѣ Рагуилу. Вадимъ въ разговорѣ со старѣйшинами выражаетъ свое неудовольствіе и даетъ имъ отчасти понять замыслы свои, но не

„Imitation de Schakespeare, scène historique, sans observation d'aucune règle de Théatre, tirée de la vie de Rurick, par Catherine II, Imp. de Russie. Щеб. стр. 125—126.—[2] Тамъ же, стр. 124—125.

находитъ въ нихъ сочувствія къ словамъ своимъ; они твердо рѣшаются исполнить волю Гостомысла.—Второе дѣйствіе начинается въ станѣ варягоруссовъ, гдѣ король финскій Людбратъ съ супругой своей Умилой и княжной урманской Едвиндой, супругой Рюрика, ожидаютъ прибытія изъ похода - первые сыновей своихъ, и вторая супруга; является вельможа Горолóмъ, и въ отсутствіи короля увѣдомляетъ Умилу о важныхъ извѣстіяхъ полученныхъ изъ Новгорода, о которыхъ долженъ ей сообщить супругъ ея. Гребныя суда посланныя на встрѣчу князьямъ, пристаютъ къ берегу, гдѣ король со всѣмъ семействомъ и приближенными своими обнимаетъ прибывшихъ князей. Рюрикъ по желанію отца своего узнать хотя въ краткихъ словахъ о походѣ князей во Францію, расказываетъ, что сперва завоевали они города, Нантъ и Бордо, затѣмъ по рѣкѣ Секванѣ пришли они къ Парижу, и послали на Лимузенъ отряды, которые овладѣли Туромъ, Орлеаномъ, и взяли въ плѣнъ аббата монастыря св. Діонисія—Людвига, родственника короля, выѣхавшаго противъ нихъ вооруженною рукою. Здѣсь Людбратъ объявляетъ сыновьямъ своимъ о смерти Гостомысла и его завѣщаніи которымъ онъ дѣлаетъ ихъ преемниками своего княженія; причемъ сообщаетъ имъ о скоромъ прибытіи новгородскихъ пословъ, о которомъ вскорѣ потомъ извѣщаетъ короля вельможа его Радбратъ. На вопросъ Олега (пасынка Рюрика), скоро ли допущены будутъ къ королю послы, Радбратъ отвѣчаетъ, что „обычай Людбрата изстари есть — не мѣшкатно допускать къ себѣ всякаго имѣющаго дѣла до него". (стр. 21). Является новгородское посольство, состоящее изъ посадниковъ, Тріяна, Рулава и двухъ старѣйшинъ отъ каждаго народа. Первый изъ нихъ, въ рѣчи своей обращенной къ королю, говоритъ, что исполняя волю премудраго князя Гостомысла, они представили передъ королемъ финскимъ отъ имени славянъ, руссовъ и прочихъ народовъ, чтобы звать сыновей его къ себѣ на княженіе; обращаясь за тѣмъ къ Рюрику, Тріянъ говоритъ ему отчасти словами лѣтописца: „Князь Рюрикъ варягорусскій, и вы князья Синеусъ и Труворъ!" Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ"; пріидите, владѣти нами, установите согласіе, правосудіе; избавьте Великій Новгородъ отъ разоренія!" Въ отвѣтной рѣчи своей, Людбратъ на предложеніе пословъ, обѣщаетъ имъ по зрѣломъ его обсужденіи, объявить окончательно свое рѣшеніе. Въ третьемъ дѣйствіи представляется шатеръ финскаго короля, куда онъ, въ присутствіи королевы Умилы созываетъ князей и бояръ для совѣщанія о принятіи предложенія пословъ. Олегъ между прочимъ напоминаетъ королю о томъ, что нѣкогда князь Вандалъ раздѣлилъ весь сѣверъ между тремя сыновьями своими: Изборомъ,

Владиміромъ и Столпосвятомъ, изъ которыхъ Владиміръ, по смерти братьевъ своихъ, соединилъ опять владѣнія отца подъ власть свою, исключая удѣлы данные имъ супругѣ своей Едвиндѣ; „слѣдовательно", замѣчаетъ Олегъ, „были примѣры соединенія всего сѣвера". Синеусъ возражаетъ на то, что послѣ Владиміра и Едвинды, княжили его сыновья и внуки въ числѣ девяти до Буривоя, но что сѣверъ не былъ имъ подвластенъ. За тѣмъ Оскольдъ, на слова Олега замѣчаетъ, что Буревой многократно велъ войну съ Варягами; Труворъ прибавляетъ, что помянутый князь побѣдилъ ихъ, и самъ въ свою очередь былъ ими побѣжденъ, и что они наложили тяжкую дань на „Градъ великій, Славянъ, Русь и Чудь". Королева Умила воспоминая дѣда своего Буривоя, расказываетъ что по кончинѣ его, народы отягченные данью, послали къ отцу ея просить его о избавленіи ихъ отъ Варягъ; при чемъ замѣчаетъ о томъ, что какъ времена перемѣнились; и что нынѣ тѣ-же Варяги отправили пословъ звать внуковъ его, варягорусскихъ князей на владѣніе. Король Людбратъ высказываетъ мнѣнія свои что удивляться тутъ нечему, такъ какъ Гостомыслъ былъ уважаемъ сосѣдями за храбрость и мудрость; любимъ людьми за правосудіе. Соглашаясь со словами короля, вельможа Рюрика, Рохвольдъ, замѣчаетъ что однако тесть Людбрата испыталъ много безпокойствъ отъ подданныхъ своихъ, состоящихъ изъ народовъ различествующихъ между собою нравомъ, обычаемъ, языкомъ и законами. Король соглашается съ основательнымъ замѣчаніемъ, но прибавляетъ, что это касается того, кто будетъ управлять народами; онъ желаетъ знать мнѣніе Рюрика, и послѣдній выражаетъ полную готовность повиноваться волѣ отца своего; послѣ чего король намѣревается объявить посламъ согласіе на ихъ предложеніе; но князья Олегъ и Рюрикъ совѣтуютъ Людбрату призвать знатнѣйшихъ изъ пословъ, чтобы распросить ихъ подробнѣе о ихъ внутреннихъ обстоятельствахъ, на что король изъявляетъ согласіе, приказывая призвать Радбрату двухъ первѣйшихъ: посадниковъ Тріяна и Рулава. Потомъ Олегъ обращается къ Людбрату съ вопросами объ отношеніяхъ новгородцевъ къ Полянамъ и Горянамъ, и самаго короля къ своимъ сосѣдямъ; „Свея," отвѣчаетъ король, „раздѣлена нынѣ на многія малыя княженія, находящіяся между собою въ войнѣ; Норвегія же и Данія также не опасны, будучи въ подобномъ же положеніи; наконецъ побережье варяжскаго моря безсильно, такъ какъ многіе народы его заселяющіе, состоятъ съ нимъ въ союзѣ. Послѣ разговора съ послами. которыхъ отвѣты побуждаютъ короля къ принятію ихъ предложенія, онъ въ ознаменованіе торжественнаго дня соединенія сѣвера, намѣревается принести жертву богамъ, для чего

приглашаетъ всѣхъ на освященный холмъ, чтобы послѣ заняться назначеніемъ войскъ имѣющихъ слѣдовать за сыновьями его въ Русь.— Въ концѣ акта отмѣчено въ скобкахъ: „Балетъ изображаетъ на освященномъ холмѣ жертвоприношеніе и отъѣздъ князя Гюрика со братіею и товарищи".

Декорація четвертаго дѣйствія изображаетъ берега рѣки Волхова подъ старой Ладогой, и замокъ называвшійся домомъ Рюрика; видна дубовая роща. Рюрикъ сообщаетъ Олегу о намѣреніи своемъ назначить прибывшихъ съ нимъ князей начальниками по городамъ, и для того ожидаетъ преданнаго ему посадника Добрынина, „вѣдающаго болѣе другихъ обычаи и правы страны;" Рюрикъ по совѣту его назначаетъ Синеуса въ Бѣлозерскую область, Трувору поручаетъ княжество Изборское; супругѣ своей Едвиндѣ, даетъ въ удѣлъ городъ Ижору и всю Ингрію, ввѣряя управленіе означенными владѣніями подъ именемъ ея Олегу. Оскольда намѣревается послать съ войскомъ въ Кіевъ, для освобожденія и защиты его отъ Козаръ угнетающихъ славянъ живущихъ по Днѣпру; тотъ, принимая повелѣнія Рюрика за знакъ лестной довѣренности, испрашиваетъ дозволенія въ случаѣ успѣшнаго окончанія возложеннаго на него дѣла, предпринять походъ къ Царьграду „на грекъ," дѣлавшихъ многіе набѣги на кіевскія границы. Рюрикъ, соглашаясь на прозьбу Оскольда, велитъ ему, собравъ войско, идти на Смоленскъ, и оттуда на судахъ по Днѣпру къ Кіеву, и уже по окончаніи этого похода, не запрещаетъ предпринять что-либо полезное общему дѣлу. Здѣсь авторъ пьесы влагаетъ въ уста Рюрика слѣдующія слова: „обычай мой таковъ, дабы излишними приказаніями, благомыслящимъ и съ довѣренностію употребленныхъ особамъ, къ добру руки не связывать;" и далѣе сравниваетъ властителя съ болѣе или менѣе опытнымъ мореплавателемъ, отъ знанія или неопытности котораго зависитъ скорый или медленный ходъ корабля. На это разсужденіе, Оскольдъ (не хуже ловкаго царедворца екатерининскихъ временъ) говоритъ Рюрику, что государю подобнымъ образомъ мыслящему, можно безошибочно предсказать величайшіе успѣхи; „ибо," прибавляетъ онъ, „способность подданныхъ довѣренностію поощряется".—Наконецъ Рохвольду поручается начальство въ Полоцкѣ.— Является посланный изъ Новгорода отъ воеводы Рагуила вѣстникъ, и доноситъ Рюрику о возникающихъ въ народѣ безпокойствахъ, причиною которыхъ славянскій князь Вадимъ, возбуждающій новгородцевъ противъ Варягъ распространеніемъ между ними молвы, что будто-бы славяне унижены, и что придетъ великое число Варягъ, которые вездѣ будутъ первенствовать и угнетать славянъ и Русь; и что Варяги болѣе

искусны на морѣ, чѣмъ на сухомъ пути, и ратнаго дѣла славянъ и Руси, ни мало не смыслятъ; наконецъ что онъ, князь Вадимъ воспитанъ и выросъ въ Новгородѣ при Гостомыслѣ, потому совершенно таковъ, какимъ нужно быть для управленія народомъ. Изъ дальнѣйшихъ извѣстій вѣстника оказывается, что славяне намѣрены не допускать Варягъ до города и прочихъ знатныхъ мѣстъ, и желаютъ имѣть князя славянскаго происхожденія. Выслушавъ донесеніе вѣстника, присутствующіе при томъ послы предлагаютъ себя Рюрику въ аманаты, покуда затѣянная въ Новгородѣ смута не утихнетъ, и онъ принимая ихъ предложеніе, приказываетъ вѣстнику увѣдомить объ этомъ Рагуила.—Четвертое дѣйствіе оканчивается появленіемъ варягорусскаго военачальника Дана, съ извѣстіемъ о прибытіи къ берегу послѣднихъ судовъ съ войсками.—Пятое дѣйствіе въ столповой палатѣ Ладожскаго замка, гдѣ Олегъ сообщаетъ Едвиндѣ о кончившихся скорѣе чѣмъ можно было ожидать, безпокойствахъ въ Новгородѣ, и на вопросъ ея о томъ, онъ говоритъ ей, что вдругъ повсюду разнеслась вѣсть, будто-бы Великій Князь съ немалочисленнымъ войскомъ идетъ къ городу, что поколебало славянъ; пользуясь тѣмъ, воевода Рагуилъ посылалъ уговаривать ихъ лаской и угрозами разойтись, и оставаться по прежнему въ повиновеніи, что многими исполнено; иные же переловлены, и въ томъ числѣ князь Вадимъ. За тѣмъ Добрынинъ обращаясь къ Рюрику совѣтуетъ ему, собравъ удѣльныхъ князей, отдать имъ на судъ Вадима, или повелѣть судить его по закону прародителя Великаго Князя Одина, причемъ говоритъ о немъ: „сей пришелъ съ Дона, проходилъ часть Руссіи; его законъ есть законъ славянъ; въ немъ написано: „Аще гдѣ взыщетъ на друзѣ то идти на изводъ предъ двунадесять человѣкъ“. Здѣсь Едвинда молитъ Рюрика о милосердіи къ преступному Вадиму, напоминая первому о родствѣ его съ Княземъ славянскимъ.—Входитъ второй вѣстникъ съ донесеніемъ, что многіе славяне бѣгутъ изъ Новгорода къ Кіеву, говоря, что не хотятъ быть рабами Варяговъ; является также военачальникъ Данъ съ извѣстіемъ, что князя Вадима, сопровождаемаго воеводой Рагуиломъ, ведутъ подъ стражею. По прибытіи плѣнника, Рюрикъ объявляетъ воеводѣ признательность свою за усмиреніе новгородскихъ безпокойствъ, и обращаясь къ князю Вадиму, говоритъ ему, что желалъ бы впервые иначе съ нимъ встрѣтиться; на что послѣдній отвѣчалъ В. Князю съ достоинствомъ, чтобъ тотъ не ожидалъ отъ него оправданій или извиненія; на допросы Синеуса, Трувора и Рохвольда Вадиму объ участіи его въ новгородской смутѣ, онъ не скрываетъ истины, и отвѣчаетъ утвердительно. Признавая въ плѣнномъ князѣ не падающую бодрость духа,

выражающуюся въ чертахъ и рѣчахъ его, Рюрикъ тѣмъ не менѣе объявляетъ Вадиму, что онъ находится теперь въ его власти, и что можетъ судить его какъ мѣстнаго князя и своего подданнаго; здѣсь Едвинда произноситъ: „или простить какъ брата;“ и эти слова подѣйствовали на Рюрика уже готоваго простить. Въ рѣчи своей обращенной ко всѣмъ присутствующимъ, онъ между прочимъ говоритъ: „въ винномъ, вижу. я лишь человѣка,“ и что онъ также не рѣшается осудить Вадима, видя бодрость духа, предпріимчивость, неустрашимость его, и прочія истекающія изъ нихъ качества, могущія впредь быть полезны государству.—Вадимъ тронутый великодушіемъ Рюрика, преклоняетъ колѣна, и говоритъ ему: „О государь! Ты къ побѣдамъ рожденъ; ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши! Ты дерзость тѣмъ же обуздаешь! Я вѣрный твой подданный вѣчно“. — Этой сценой и оканчивается пьеса.

Послѣ изложенія содержанія „Историческаго Представленія изъ жизни Рюрика,“ остается сказать нѣсколько словъ о предшествующихъ ему въ настоящемъ изданіи историческихъ примѣчаніяхъ Болтина, раздѣленныхъ имъ на 31 параграфъ. Въ краткомъ къ нимъ предисловіи, авторъ „примѣчаній“ довольно наивно сознается, что книги подъ заглавіемъ „Жизнь Рюрика,“ никогда не встрѣчалъ, и что соображая прочитанную имъ пьесу съ лѣтописями и прочими ему извѣстными историческими сочиненіями, онъ нашелъ что основа „Рюрика“ не изъ „выдумокъ или сплетней басненныхъ составлена, но изъ бытій истинныхъ и вѣрныхъ.“ (Прим. стр. 1). Далѣе упоминая о причинахъ появленія въ свѣтъ его примѣчаній, Болтинъ говоритъ что издалъ ихъ съ цѣлію доставить пользу и пособіе юношеству, желающему знать отечественную исторію, относительно многихъ бытій, дѣяній, нравовъ и обычаевъ первобытныхъ временъ Руссовъ, о коихъ „Сочинитель въ разныхъ мѣстахъ сего сочиненія упоминаетъ“ (стр. 2); и что все, объясненное въ примѣчаніяхъ, о чемъ авторъ пьесы говоритъ кратко, или иногда касается мимоходомъ, обнаруживаетъ въ послѣднемъ глубокое и пространное свѣдѣніе въ исторіи; всѣ помянутые мѣста въ пьесѣ, составитель примѣчаній по возможности распространилъ и объяснилъ, съ показаніемъ извѣстныхъ ему источниковъ, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія авторъ „Рюрика.“ Болтинъ оканчиваетъ свое предисловіе выраженіемъ увѣренности, что „неизвѣстный творецъ“ настоящей пьесы имѣя въ виду безпристрастность его сужденій не подосадуетъ на него, и не оскорбится его примѣчаніями въ случаѣ, если они дойдутъ до его свѣдѣнія; „ибо онъ самъ,“ заключаетъ

Болтинъ, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Истинну любя, я-бъ почиталъ ее, хотя бы мнѣ и непріятна была."

„Рюрикъ" какъ сказано выше, написанъ императрицею въ очень короткое время, слѣдовательно какъ говорится, на скорою руку, такъ что, едва-ли могла она сама придавать ему значеніе равное съ другими своими драматическими произведеніями. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что „Рюрикъ" не былъ игранъ; въ противномъ случаѣ, о томъ не умолчалъ бы въ дневникѣ своемъ Храповицкій. Если же пьеса, по извѣстію Кастéра и была дана на сценѣ Эрмитажа, то вѣроятно какъ проба, послѣ которой постановка ея на публичномъ театрѣ не была разрѣшена императрицей [1]. Замѣчательно что для своихъ историческихъ пьесъ, Екатерина избирала самыя отдаленныя эпохи русской исторіи, что видно изъ двухъ дошедшихъ до насъ ея произведеній: „Рюрика" и „Олега", написанныхъ въ подражаніе Шекспиру. Основные факты извлекались изъ исторіи, и авторъ, хотя и заставлялъ выведенныхъ имъ на сцену дѣйствующихъ лицъ выражаться большею частью обыкновеннымъ книжнымъ языкомъ XVIII-го столѣтія, но мѣстами влагалъ въ уста ихъ фразы буквально взятыя изъ лѣтописцевъ. Не входя здѣсь въ разсужденіе о томъ, на сколько характеры помянутыхъ лицъ „исторически вѣрны, можно сказать, что всѣ литературныя произведенія Екатерины имѣютъ для насъ историческій интересъ по отношенію къ ней самой тѣмъ, что обнаруживаютъ намъ мысли и убѣжденія великой женщины, имѣвшей по своему высокому положенію огромное вліяніе на судьбы подвластныхъ ей народовъ; мысли и убѣжденія эти, она въ драматическихъ твореніяхъ своихъ, часто высказываетъ устами созданныхъ ею характеровъ выводимыхъ лицъ, рѣчи которыхъ по словамъ Болтина „содержатъ въ себѣ множество историческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ истинъ пользующихъ умъ и услаждающихъ сердце" („Рюрикъ" предислов. стр. 1). Къ этому прибавимъ, что въ помянутыхъ истиннахъ слышится голосъ автора „Наказа", этой величественной и геніальной „компиляціи" обратившей на себя всеобщее вниманіе и заслужившей въ свое время удивленіе цѣлой Европы; все, сказанное сейчасъ, относится только къ историческимъ пьесамъ Екатерины; что же касается до ея комедій, то онѣ содержатъ въ себѣ живую сатиру на современные нравы общества, и множество чертъ

[1] Другая пьеса Екатерины: „Игорь," за которую она принялась по окончаніи „Олега," и о которой упоминаетъ между 17-мъ октября и 22 ноября Храповицкій, не была даже ею окончена, и повидимому впослѣдствіи забыта.

мастерски выхваченныхъ и подмѣченныхъ изъ дѣйствительной жизни, часто выставленныхъ съ смѣшной ихъ стороны, что приноситъ честь наблюдательному уму автора.

Не касаясь въ примѣчаніяхъ своихъ „Рюрика", какъ произведенія драматическаго, Болтинъ превозноситъ похвалами „неизвѣстнаго" будто бы ему автора пьесы, признавая въ немъ глубокаго знатока исторіи; такъ напримѣръ въ параграфѣ 5-мъ, стр. VI, онъ отмѣчаетъ, что въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ пьесы — Рюрикъ съ братьями своими Синеусомъ и Труворомъ названы авторомъ князьями варягорусскими, сыновьями финскаго короля Людбрата и супруги его Умилы, средней дочери Гостомысла; первое считаетъ Болтинъ вполнѣ достовѣрнымъ сказаніемъ, высказаннымъ вопреки бреднямъ нѣкоторыхъ, которые выводятъ помянутыхъ князей—иные изъ Швеціи, другіе изъ Пруссіи (стр. VI); второе подтверждаетъ ссылкою на Іоакимовскую лѣтопись, на основаніи которой входитъ онъ въ пространное разсужденіе о причинахъ, по которымъ финны назывались варягорусскими, и сообщаетъ, указывая на ту же лѣтопись, о снѣ видѣнномъ Гостомысломъ, вслѣдствіе чего Рюрикъ съ братьями назначены имъ на княженіе русскими владѣніями (стр. VII). Составитель примѣчаній повидимому ни сколько не сомнѣвается въ исторической достовѣрности рѣчей дѣйствующихъ лицъ пьесы; такъ напр., слова посадника Добрынина, изображающія добродѣтели князя Гостомысла (стр. 4. Дѣйствіе 1. явл. III) по мнѣнію Болтина совершенно вѣрны и согласны со сказаніемъ о немъ Іоакима (стр. XIII). — Похваляя автора „Рюрика", за то что онъ въ пьесѣ своей упоминаетъ гдѣ только возможно объ обычаяхъ существовавшихъ у древнихъ Руссовъ-язычниковъ, между прочимъ приводитъ и тотъ, что они передъ начинаніемъ какого либо важнаго дѣйствія, призывали боговъ, приносили имъ жертвы, и испрашивали ихъ благословенія; Болтинъ прибавляетъ, „что этотъ достохвальный обычай сохранили предки россіянъ и по принятіи христіанства; при каждомъ благомъ начинаніи призывали въ помощь Бога, и по окончаніи дѣла, возносили Ему благодареніе и славословіе. Здѣсь авторъ „примѣчаній" нашелъ случай обратиться съ упрекомъ къ современному ему русскому дворянству за приверженность къ французамъ и рабское имъ подражаніе, равно какъ за пренебреженіе традиціонныхъ обычаевъ предковъ: „Недавно обычай сей" говоритъ онъ, „посредствомъ французскаго воспитанія, между благородныхъ людей началъ истребляться, или уже, можно сказать, истребился, но между невѣжественныя черни и по днесь еще существуетъ; они всякое дѣло начинаютъ молитвою и возложеніемъ на себя знаменія крестнаго; а просвѣщенные люди, видя то ихъ

дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ ними смѣются, для того что у французовъ то не въ обычаѣ". (Прим. стр. XXXIII—XXXIV).

Преклоняясь передъ авторомъ „Рюрика" какъ историкомъ, Болтинъ ни къ какимъ фактамъ или рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ пьесы не относится вполнѣ критически, но встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ сказаніемъ автора по мнѣнію его не совсѣмъ достовѣрнымъ, излагаетъ мнѣніе свое весьма уклончиво; такъ напр., въ 24-мъ параграфѣ, онъ находитъ болѣе вѣроятности въ томъ, „что русскіе послы, по силѣ всенароднаго опредѣленія, вслѣдствіе заключенныхъ съ Рюрикомъ и братьями его договорныхъ статей, опредѣлили мѣстопребываніе каждаго изъ князей, нежели въ сказаніи автора пьесы, предоставляющаго Рюрику дѣйствовать въ сказанномъ случаѣ по своему произволу (Дѣйств. III. явл. IV. стр. 42—43). Въ слѣдующемъ 25-мъ параграфѣ, въ примѣчаніи къ словамъ Рюрика отдающаго Ижору въ удѣлъ супругѣ своей, Болтинъ признаетъ сказанное княземъ, благоразумной догадкой автора, представляющей достовѣрную причину, почему Едвинда получила въ удѣлъ именно означенную, но не другую какую-либо область. (Дѣйств. IV. явл. IV. стр. 43).—Коснувшись слегка немногихъ изъ примѣчаній къ „Рюрику", составленныхъ Болтинымъ, однимъ изъ замѣчательныхъ историческихъ критиковъ своего времени, мы, въ заключеніе нашего обозрѣнія настоящей книги, переходимъ къ 31-му и послѣднему параграфу, въ которомъ авторъ „примѣчаній" приводитъ нѣкоторыя изъ многихъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ пьесы, признаваемыя имъ приличными обстоятельствамъ и характеру каждаго изъ означенныхъ лицъ. Онъ оканчиваетъ примѣчанія свои, слѣдующими словами, выражающими похвалу автору „Рюрика": „Нѣкоторыя изъ сихъ рѣчей, вложенныя въ уста разныхъ особъ, показываютъ Авторово многое упражненіе въ чтеніи, обширное свѣдѣніе, долговременные опыты познавать сердце человѣческое, и внимательное примѣчаніе на всеобщія страсти человѣческія; прочіежъ, (sic) и паче послѣднія рѣчи, изъявляютъ его собственное сердце и душу; въ нихъ, яко въ зерцалѣ, усматриваетъ читатель свойство его характера, расположенія его нрава, главныя черты его умствованій, наклонностей и желаній, кои суть основаніе человѣческихъ дѣйствій и повѣденій. Послѣдняя рѣчь достойна изречена быть устами Божіими". (Прим. стр. XLVI). Рѣчь эта приведена выше и относится, къ опредѣленію Рюрикомъ участи преступнаго Вадима (Дѣйств. V. явл. V. стр. 58).

№ 161. Краткое Показаніе О бывшихъ какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ Сибирскихъ Городахъ и Острогахъ съ начала взятія Сибирскаго Государства, Воеводахъ и Губернаторахъ, и прочихъ чи-

нахъ; и кто они имянно, и въ какихъ городахъ были; и кто какой городъ строилъ и когда.—Писанное въ Тобольскомъ домѣ Архіерейскомъ 1791 года.—Печатано съ дозволенія Управы Благочинія **Въ Тобольскѣ.** Въ Типографіи у Василья Корнильева 1792 года. 4°. 84 нум. страницы (считая съ заглавн. листа).

Сопик. ч. 4. № 8476. — Чертк. Всеобщ. Библіот. Росс. 1838. стр. 535 № 2.—Геннади. Русск. Книжн. Рѣдкости стр. 64. № 78.

Книга состоитъ изъ таблицъ съ двумя графами; въ первой означены лѣта отъ Рождества Христова, и во второй, раздѣленной поперечными чертами, помѣщенъ списокъ воеводъ и имена царей, въ царствованіе которыхъ они на мѣстахъ своихъ находились. Кромѣ помянутаго списка, въ „Показаніи" содержатся любопытныя свѣдѣнія о времени построенія сибирскихъ городовъ, имена ихъ строителей, извѣстія о построеніи въ городахъ монастырей, церквей и другихъ зданій; назначеніе архіереевъ съ обозначеніемъ времени управленія ихъ эпархіями, отбытія или кончины; упоминается также о другихъ разныхъ замѣчательныхъ событіяхъ. Лѣтопись Тобольска показана, начиная съ 1581 по 1791 годъ; вообще ея начало со времени покоренія Сибири. Подъ 1581 годомъ читается: Сибирское Царство взято Ермакомъ Василіемъ Тимофеевымъ въ лѣто 1581-е, въ царствованіе Іоанна IV Васильевича. Въ 1583 году, первые Воеводы присланные въ Сибирь, были: князь Семенъ Дмитріевичь Болховской и князь Иванъ Глуховъ; но Болховской умеръ въ томъ же году, отъ бывшаго въ Сибири голоду и цынготной болѣзни; погребенъ въ старой Сибири.—Ермакъ Василій Тимофеевъ въ 1584 году, августа 6-го, будучи въ ночное время на вагайской лукѣ съ товарищами, побитъ отъ татаръ, и бѣжавъ, хотѣлъ перескочить съ берега на судно и отплыть, но отъ тяжести панцыря упалъ въ воду и утопулъ. Тѣло его было найдено потомъ при епанчинскихъ юртахъ, на рѣкѣ Иртышѣ, и погребено па бѣгишевскомъ кладбищѣ подъ густою сосною.—Воевода Глуховъ послѣ смерти Ермака, отбылъ того же года въ Москву. Въ 1586 году царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ присланы въ Сибирь воеводы: Василій Борисовичь Сукинъ, Иванъ Мясной, и письменный голова Данилъ Чулковъ. Они по прибытіи въ Сибирь, поставили первый городъ Тюмень; оставшись тамъ, воеводы послали въ старую Сибирь Чулкова съ командою для построенія города, который прибывъ туда, поставилъ городъ на устьѣ рѣкѣ Тобола и Иртыша и далъ ему имя Тобольскъ. Списокъ воеводъ въ этомъ городѣ начинается съ 1587 по октябрь мѣсяцъ 1707 года, отъ котораго назначаются уже

губернаторы, изъ которыхъ первый былъ князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ. Въ 1782 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, августа 30-го открыто Тобольское Намѣстничество, и туда были назначены исправляющіе генералъ-губернаторскую должность губернаторы и вице-губернаторы; въ это время были учреждены вновь города: Омскъ, Ишимскъ, Курганъ, Ялуторовскъ, Ачинскъ, Туруханскъ и Каинскъ.—Тюмень поставленъ въ 1585 году воеводами Васильемъ Сукинымъ и Иваномъ Мяснымъ, при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Списокъ воеводъ: 1585—1687.—Березовъ поставленъ въ 1593 году воеводами Никифоромъ Трохаміотовымъ и княземъ Михаиломъ Волконскимъ, черезъ пришедшихъ туда ратныхъ людей; и были означенные строители первыми въ немъ воеводами, при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ.—Списокъ воеводъ 1599—1687. Пелымь, поставленъ въ 1593 году, воеводою княземъ Петромъ Горчаковымъ, который и былъ тамъ первымъ воеводою; этотъ городъ былъ заселенъ угличанами за убіеніе царевича Димитрія, чрезъ которыхъ онъ и построенъ при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Списокъ воеводъ: 1593—1687.—Тара, поставленъ въ 1594 году, воеводою княземъ Андреемъ Селетскимъ, черезъ служилыхъ людей сибирскихъ и прочихъ городовъ, для того присланныхъ; означенный кн. Селетскій былъ тамъ первымъ воеводою при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Списокъ воеводъ 1594—1687. Сургутъ. Поставленъ въ 1595 году, воеводою княземъ Барятинскимъ черезъ служилыхъ людей Березова и другихъ городовъ, при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Списокъ воеводъ 1599 — 1687. Нарымъ и Кетскъ (остроги). Поставлены въ 1596 году, сургутскимъ Атаманомъ Тугариномъ Феодоровымъ, который и состоялъ въ этихъ острогахъ приказнымъ, при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Списокъ воеводъ: 1601—1687.—Верхотурье. Поставленъ въ 1600 году, воеводами Васильемъ Петровичемъ Головинымъ, Иваномъ Васильевичемъ Воейковымъ и письменнымъ Головой Гавриломъ Салмановымъ, которые и были тамъ первыми воеводами. Списокъ воеводъ начинается съ 1603 по 1687 годъ.—Туринскъ. Поставленъ въ 1600 году туринцами и всякаго званія людьми, служилыми и ясашными татарами; строилъ его Голова Иванъ Лихаревъ и былъ тамъ первымъ воеводою при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Списокъ воеводамъ 1603—1687.—Мангазея. Поставленъ въ 1600 году княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Шаховскимъ и Данииломъ Хрипуновымъ, бывшими тамъ первыми воеводами при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Списокъ воеводамъ 1601—1687.—Томскъ. Поставленъ въ 1601 году, посланнымъ изъ Тобольска боярскимъ сыномъ Васильемъ Тырковымъ черезъ служилыхъ людей тобольскихъ и дру-

гихъ городовъ, при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Списокъ воеводамъ 1602—1687.—Кузнецкъ. Поставленъ въ 1617 году, при бояринѣ князѣ Иванѣ Семеновичѣ Куракинѣ и воеводахъ приказными людьми по Томѣ рѣкѣ, въ царствованіе Михаила Феодоровича. Списокъ воеводъ 1619—1687. Енисейскъ. Поставленъ въ 1618 году, при бояринѣ князѣ Иванѣ Семеновичѣ Куракинѣ, чего ради посланы были изъ Тобольска, города Пелыма, сынъ боярскій Петръ Албычевъ, и тобольской сотникъ стрѣлецкій Черкасъ Рукинъ, которые и были тамъ приказными людьми, при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Списокъ воеводамъ: 1619—1687. Красноярскъ. Построенъ въ 1626 году, присланнымъ изъ Москвы воеводою Андреемъ Дубенскимъ, при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Списокъ воеводъ 1627—1687. — Якутскъ. Построенъ въ 1639 году посланными изъ Москвы воеводами, стольниками: Петромъ Петровичемъ Головинымъ, Матвѣемъ Богдановичемъ Глѣбовымъ, дьякомъ Ефимомъ Филатьевымъ, письменными Головами Еналеемъ Бахтеяровымъ и Васильемъ Поярковымъ, при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Списокъ воеводъ 1643—1687.—Илимскій Острогъ. О времени построенія его неизвѣстно. Первый воевода въ немъ былъ съ 1647 года Тимофей Васильевичъ Шушеринъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Списокъ воеводъ 1652—1687.—Нерчинскъ и Иркутскъ. Эти остроги; какъ и Албазинскій, Теленбинскій и Балаганскій, поставлены въ 1656 году, воеводою Афанасьемъ и сыномъ его Іереміемъ Пашковыми, посланными по государеву указу изъ Енисейска; они были тамъ на воеводствѣ пять лѣтъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Списокъ воеводъ 1656—1687.—На послѣдней 84-й стр. добавленіе: городъ Удинскъ поставленъ въ 1649 году, казакомъ Михайловымъ. Городъ Селенгинскъ въ 1680 г., стольникомъ Власовымъ. Нижній Камчатскій Острогъ въ 1694 году казакомъ Власовымъ. Далѣе извѣстіе въ скобкахъ: (Продолженіе будетъ впредь); но сколько извѣстно, такого продолженія не послѣдовало [1].

---

[1] Геннади говоритъ, что начало этой книги помѣщено въ № 15 Губернскихъ Вѣдомостей 1871 года. „Краткаго Показанія“ вышло незначительное количество экземпляровъ. По словамъ тобольскихъ губернскихъ Вѣдомостей, означенная книга составляетъ въ настоящее время для любителей и изслѣдователей сибирской старины, по большей части не располагающихъ при своихъ изысканіяхъ никакими особенными матеріалами, библіографическую рѣдкость тѣмъ болѣе, что пожаръ тобольскаго архива 27-го апрѣля 1788 года, стеръ всѣ историческія и археологическія драгоцѣнности края. (Геннади. Русск. Книжн. Рѣдкости. стр. 64).—О „Краткомъ Показаніи“ упомянуто во 2-мъ вып. „Матеріаловъ“ Губерти стр. 334. № 6.

№ 162. Процвѣтающая **Греція** или краткое **Описаніе Жизни** шестидесяти **знаменитыхъ мужей.** Перевелъ съ Нѣмецкаго на Россійской языкъ Конной Гвардіи Вахмистръ **Павелъ Никифоровъ,** Темниковской Округи въ селѣ Богородскомъ, Новое Мансырево тожъ, 1791 года. Съ указнаго дозволенія.—**Въ Тамбовѣ,** въ вольной Типографіи **1792** года. 8°, 4 ненум. (посвященіе), 160 нум. 3 неп. (Показаніе именъ) и 1 нен. стр. (погрѣшности).

Сопик. Ч. 2. № 3061.—Смирд. Ч. II. № 3321.

Посвященіе „отъ Арміи Бригадиру Андрею Михайловичу Нилову, бывшему тамбовскому губернскому предводителю. Книга состоитъ изъ краткихъ біографій греческихъ мудрецовъ, полководцевъ и поэтовъ; нѣкоторыя изъ этихъ жизнеописаній представляютъ характеристическія черты описываемыхъ лицъ, довольно оригинально переведенныя на русскій языкъ. Такъ на примѣръ при сообщеніи о завоеваніяхъ Александра Македонскаго, между прочимъ упоминается о покореніи имъ Азіи и части Индіи, гдѣ онъ „будучи въ піянствѣ, по наущенію безстыдной феи, приказалъ тамъ обратить въ пепелъ Персеполь, прекраснѣйшій городъ на востокѣ." Въ заключеніе извѣстій о великомъ завоевателѣ, авторомъ сообщается характерестика его, переведенная на русскій языкъ въ слѣдующихъ словахъ: „онъ, (Александръ Македонскій) былъ некрасивъ; его свойства можно узнать изъ его дѣла. Піанству преданъ онъ былъ до чрезвычайности. Наука была у него въ великомъ уваженіи; однакожъ столько былъ гордъ, что захотѣлъ быть почитаемъ богомъ. (стр. 5, 6).—Въ біографіи Анакреона о содержаніи пѣсенъ его сказано, что „оно есть проницательная веселость, сопровождаемая наслажденіемъ любви и Бахуса; и что пѣсни его показываютъ свойство тонкаго сластолюбца посвятившаго свою жизнь Бахусу и Венерѣ, но притомъ всегда веселаго и забавнаго". Далѣе сообщается, что „хотя онъ очень часто жертвовалъ Бахусу, однакожъ дожилъ до глубокой старости, въ которой питался изюмомъ, и отъ ягодъ онаго, приключилась ему смерть на 85-мъ году его жизни (стр. 8).—О кончинѣ Діогена сообщаются три предположенія: „нѣкоторые говорятъ что онъ умеръ отъ обжорства крѣпкой говяжей кости. Другіе утверждаютъ, что собака смертельно его укусила, или что самъ онъ удавился; въ заключеніи сказано: „сему Діогену не много чести дѣлаютъ, когда называютъ его пужаломъ древности". (стр. 61, 62).—Довольно замѣчательно то, что въ число шестидесяти мудрецовъ Греціи, попали двѣ женщины: „Пифія и Саффа" (sic); о первой между прочимъ говорится:

„она была достойна замѣчанія, наипаче по остроумнымъ своимъ изрѣченіямъ, къ которымъ принадлежитъ слѣдующее: „Румяный цвѣтъ на человѣческомъ лицѣ, означаетъ стыдливость;“ о Сафо, что она „принадлежитъ къ славнѣйшимъ всея древности женщинамъ, какъ ради стихотвореній, такъ и ради любовныхъ ея дѣлъ“, причемъ упоминается также о томъ, что изъ многихъ ея произведеній, сохранились нѣкоторыя части: „Похвальная пѣснь Венерѣ, и одна ода, которая мало чести дѣлаетъ Саффѣ.“ Первую перевелъ на нѣмецкій языкъ Рамлеръ; и русскій переводчикъ, для незнакомыхъ съ твореніями Сафо, разсудилъ привесть въ изданной имъ книжкѣ помянутый нѣмецкій переводъ пѣсни, съ своимъ собственнымъ русскимъ, въ прозѣ: „Пѣснь въ честь Венерѣ. Венера! всесильная дщерь Юпитера, владычица всѣхъ сердецъ! Тебя молю я, не ввергни моей души въ печаль и сѣтованіе. Обрати твое ко мнѣ вниманіе, высокая богиня! ежели ты благосклонно меня выслушаешь, по моей прозьбѣ оставишь златые чертоги твоего родителя, и съ быстропарящимъ воробьемъ, черными крылами воздухъ разсѣкающимъ, низлетишь съ высокаго Олимпа, тогда обратно низпошлешь мою прозьбу, и улыбаяся небесподружелюбнымъ видомъ спросишь: о чемъ я сѣтую? Спросишь: почто я призвала тебя съ Олимпа? Спросишь: чего къ успокоенію нѣжной въ душѣ моей печали желаю? Какого юношу ищу я въ свои объятія, на кого хочу наложить оковы любви? Скажи Саффа! кто тебя мучитъ? Будь увѣрена, что сколько бы кто тебя не убѣгалъ, непремѣнно будетъ слѣдовать за тобою; сколько бъ кто ни хотѣлъ получить отъ тебя подарка, долженъ непремѣнно дарить тебя; сколько бъ кто ни убѣгалъ твоихъ поцѣлуевъ, долженъ по желанію твоего сердца лобзать тебя. Пріиди и избавь меня отъ несносной сей печали; доверши богиня, доверши мои желанія, изыдь вмѣстѣ со мною на одержаніе побѣды [1] (стр. 125—127).

№ 163. Описаніе **Празднества**, бывшаго по случаю **Взятія Измаила**, у Его Свѣтлости Господина Генералъ—Фельдмаршала и Великаго Гетмана **Князя Григорія Александровича Потемкина—Таврическаго**, въ присутствіи **Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ**, въ Петербургѣ, въ домѣ его близь Конной Гвардіи, 1791 года, Апрѣля

---

[1]) Настоящая книга, подобно нѣкоторымъ другимъ, вышедшимъ въ концѣ XVIII столѣтія изъ тамбовской вольной типографіи, увидѣла свѣтъ благодаря заботамъ о преуспѣяніи русской литературы, бывшаго въ то время губернатора тамбовскаго намѣстничества Г. Р. Державина.

28 дня.—**Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія указнаго печатано у І. К. Шнора, 1792 года, въ м. 8°. 39 нум. стр.; счеть съ заглавн. листа. На послѣдней стр. гравированный на деревѣ флеронъ, изображающій украшенный лаврами медальонъ съ профилью Минервы.**

Сопик. ч. 4. № 7698. — Смирд. Приб. 1. отд. V. № 10138. — Слов. митр. Евген. т. 1. стр. 173.—Геннади, Справоч. Слов. т. I. стр. 293.—Я. Грота. Сочиненія Держав. съ объяснительн. примѣчаніями. Спб. 1864. т. I. стр. 377—419.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщено слѣдующее стихотвореніе:

Хотя свирѣпая судьбина
Увы! отъ насъ его взяла,
Изчезли звуки, торжества;
Но не умрутъ его дѣла.
Къ нимъ вспламенявше божество,
Жить будетъ въ вѣкъ—Екатерина!

Брошюра принадлежитъ перу Г. Р. Державина, находившагося въ то время на высотѣ своей летературной славы; въ текстъ „описанія" написаннаго черезъ мѣру напыщеннымъ слогомъ, вставлены стихи и хоры, изъ которыхъ нѣкоторые превосходны; къ послѣднимъ, кромѣ 6-го, музыка сочинена извѣстнымъ въ то время композиторомъ Козловскимъ [1]. Поэтъ начинаетъ описаніемъ зданія, въ которомъ про-

[1] Державину поручено было отъ князя Потемкина заблаговременно сочинить по сообщенной ему программѣ, описаніе праздника. Праздникъ изумилъ всю столицу; но напечатанное описаніе не полюбилось, какъ слышно было, Потемкину; вѣроятно за поэтическую характеристику хозяина, довольно вѣрную, но не умѣста шутливую. (Взглядъ на мою жизнь. Записки Д. Т. Е. И. И. Дмитріева, 3 ч. М. 1866. стр. 55). Въ общихъ примѣчаніяхъ къ „Запискамъ", составленныхъ къ этой книгѣ Лонгиновымъ, на стр. 278-й упомянуто, что Державинъ былъ тогда „не у дѣлъ", и написалъ къ „празднику" хоры; самое же описаніе сочинено имъ очевидно послѣ онаго. Четыре хора сочиненные Державинымъ были тогда же (1791 года) напечатаны отдѣльно въ большую четверку, безъ заглавнаго листа и безъ означенія года и мѣста печатанія, съ заглавіемъ Хоры на 1-й страницѣ, послѣ котораго шли самые стихи въ такомъ порядкѣ: I. Для Концерта (Отъ крылъ Орловъ парящихъ); II. Для Кадрили (Громъ побѣды раздавайся); III. Для Польскаго (Возвратившись изъ походовъ); IV. Для балета (Сколь твоими мы дѣлами). Заглавія означенныя курсивомъ, въ подлинникѣ напечатаны красными чернилами. (Соч. Державина. Я. Грота. т. I. стр. 380). Значительно полныя свѣдѣнія о празднествѣ собраны Я. К. Гротомъ въ монументальномъ его изданіи Сочиненій Державина; также нѣсколько подробностей объ этомъ торжествѣ, представляетъ помѣще-

исходило празднество, сравнивая первое съ загородными домами Помпея и Мецената; восхваляя его простоту и величіе, онъ говоритъ, что достоинство его состояло въ древнемъ, изящномъ вкусѣ, и въ слѣдующихъ словахъ описываетъ великолѣпіе этого зданія: „Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ и составляетъ его преддверіе. За тѣмъ представляются взорамъ тріумфальныя врата, сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ, и четырехъ яшмовыхъ колоннъ съ позолоченными подножіями и надглавіями, съ надписью на воротахъ: „Екатеринѣ Великой“. Далѣе слѣдуетъ описаніе двухъ обширныхъ залъ, изъ которыхъ первая—ротонда съ куполомъ, поддерживаемымъ осмью колоннами, украшенная зеркалами, мраморными вазами и печами изъ лазурнаго камня, уподобляется авторомъ „аѳинейскому одеуму“; стѣны помянутой залы представляли отдаленные виды, освѣщаемые мерцающимъ свѣтомъ. Вторая зала отдѣлялась отъ первой осмнадцатью колоннами, и въ ней устроены были висящіе хоры съ перилами обставленными драгоцѣнными китайскими вазами и огромными раззолоченными органами. Эта длинная, овальная зала удобная для помѣщенія въ ней пяти тысячь человѣкъ, раздѣлялась вдоль тридцатью колоннами, поставленными въ два ряда, сквозь которыя видѣнъ былъ великолѣпно устроенный и иллюминованный зимній садъ, гдѣ кромѣ фонтановъ, подъ сводомъ окруженнымъ и поддерживаемымъ осмью колоннами, стояла мраморная статуя императрицы съ подписью: „Матери Отечества и мнѣ премилосердой“. Входъ въ это „святилище“, освѣщенное сверху лампами, украшено было яшмовыми вазами, цвѣточными гирляндами и вѣнками. Позади, на лугу поставлена была пирамида, оправленная въ золото и украшенная также гирляндами и вѣнками изъ драгоцѣнныхъ камней и увѣнчанная вензелемъ Екатерины II.—„Симъ блестящимъ памятникомъ“, говоритъ авторъ описанія, „хозяинъ хотѣлъ кажется изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея Благотворительницы“. Дорожки искусственнаго лабиринта, въ центрѣ котораго стоялъ памятникъ, украшались жертвенниками „благодарности“, „усердія“, и статуями славнѣйшихъ мужей древности; сверхъ того онъ освѣщался солнечными лучами, которые, отражаясь въ стеклянныхъ рамахъ стѣнъ, производили великолѣпное зрѣлище, переливаясь въ золотомъ и пурпуровомъ цвѣтѣ.—„Нельзя лучше“, говоритъ авторъ „предста-

---

ное въ „Рус. Архивѣ“, письмо служившаго тогда инспекторомъ классовъ въ Смольномъ монастырѣ, Тимофея Прокофьевича Кирьяка, къ князю И. М. Долгорукому, въ Москву. (Русск. Архивъ изд. П. Бартенева. 1867. № 5 и 6. Потемкинскій праздникъ 1791 г. столб. 673—694.

вить добродѣтель, разливающую всюду свое сіяніе". За пирамидой находилась зеркальная пещера, съ поставленнымъ въ ней выше роста человѣческаго рѣзнымъ фонтаномъ изъ паросскаго мрамора, подобные же два, стояли по концамъ залы, передъ двумя эстрадами, изъ которыхъ на одной помѣщался большой оркестръ музыки, а на другой, устроены были мѣста для знатнѣйшихъ лицъ. Здѣсь описывается царствовавшіе повсюду вкусъ, великолѣпіе, и указывается на торжествовавшія вездѣ природу и искусство, представлявшихся въ блистающемъ граненомъ хрусталѣ, мраморѣ, висящихъ цвѣточныхъ вазахъ, люстрахъ и фонаряхъ, отражавшихся въ огромныхъ зеркалахъ, которыя то умножали, то отдаляли всѣ помянутые предметы. „При томъ", говоритъ вычурнымъ своимъ языкомъ Державинъ, „сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовоніе ароматовъ, содѣлывая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію или волшебною страною, заставляютъ каждаго въ восторгѣ самого себя спросить: не се ли Едемъ?"—Кромѣ тріумфальныхъ воротъ, находились еще четыре большія двери, изъ которыхъ однѣ, вели изъ дома въ наружный садъ, и другія, въ прочія комнаты, которыхъ убранство поэтъ описывая уподобляетъ ихъ „одеуму, лицеямъ, стадіямъ, эскедрамъ и театрамъ цвѣтущей Греціи, воскресшимъ въ одномъ этомъ зданіи". Относительно роскоши и удобствъ помянутыхъ комнатъ, онъ прибавляетъ что „все богатство Азіи, и все искусство Европы казалось собраннымъ къ украшенію храма торжествъ великой Екатерины", и что врядъ ли найдется частный человѣкъ, который могъ бы обитать въ такомъ обширномъ зданіи; и это достоинство его изображаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Великолѣпные чертоги
На столько разстоятъ локтяхъ,
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги;
Едва въ ихъ слышатся концахъ.
Надъ возвышенными стѣнами,
Какъ небо наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.

Послѣ подробнаго сообщенія о великолѣпіи зданія, приготовленнаго для торжества, авторъ приступаетъ къ описанію празднества, начавшагося по прибытіи въ 6 часовъ приглашенныхъ гостей, бывшихъ въ маскерадныхъ платьяхъ [1]; когда же прибылъ дворъ, то въ это са-

[1] Самъ Потемкинъ явился въ аломъ кафтанѣ и въ епанчѣ изъ черныхъ кружевъ; шляпа его украшенная галуномъ изъ брилліантовъ, была до того тя-

мое время, на устроенномъ противъ дома амфитеатрѣ украшенномъ зеленью, заиграли трубы, что было сигналомъ къ народному празднику. „Повсюду", пишетъ Державинъ, раздавались восклицанія въ честь и славу Всемилостивѣйшей Обладательницы! Простосердечное „ура" наполняло воздухъ" [2]. Поэтъ воспѣваетъ прибытіе императрицы:

Въ древни времена такъ боги
На Олимпійски торжества
Оставя горніе чертоги
И свѣтлы троны божества
Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сіяніе лучей своихъ
Среди народнаго собора
Священное прибытье ихъ
Подобно также познавалось
Какъ сходитъ къ намъ когда заря....

Когда императрица заняла приготовленный для нея тронъ, и члены императорской фамиліи свои мѣста, то загремѣла „голосовая" и „инструментальная" музыка изъ 300 человѣкъ и начался балетъ (кадриль) изъ двадцати четырехъ паръ знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ, въ числѣ которыхъ участвовали великіе князья Александръ и Константинъ; всѣ танцующіе одѣты были въ великолѣпныя бѣлыя одежды, украшенныя бриллiантами цѣною на десять милліоновъ рублей. Въ этой кадрили, между прочимъ, знаменитый въ то время балетмейстеръ Ле-Пикъ (Le Picq) танцовалъ соло. Балъ открылся польскимъ подъ музыку сопровождаемую литаврами и пѣніемъ, котораго

жела, что ее носилъ за княземъ адъютантъ. (Русская Старина 1875. октябрь. кн. X. Г. А. Потемкинъ—Таврич. стр. 244). — [2] Здѣсь авторъ „описанія" не вполнѣ правдивъ; ибо эта часть праздника совершенно не удалась, такъ какъ народъ не дождавшись поданнаго сигнала, но прибытіи императрицы, преждевременно накинулся на выставленныя закуски, медовой квасъ, сбитень, и подарки состоявшіе въ сапогахъ, котахъ, лаптяхъ, шляпахъ, кушакахъ и т. п.; этотъ безпорядокъ потребовалъ вмѣшательства полиціи, и вмѣсто праздника произошло нещадное избіеніе бѣднаго народа жаждавшаго веселья. „Солдаты — прикладами, казаки—плетьми", расказываетъ очевидецъ, „полицейскіе" заливными трубами, въ такой страхъ привели чернь, что она опрометью бросилась назадъ, давя другъ друга. (Тамъ же, стр. 243). —Понятно отъ чего на все сказанное здѣсь, въ „описаніи" нѣтъ ни малѣйшаго намека; поэтъ, воспѣвавшій на лирѣ своей торжество устроенное въ честь великой Екатерины, обязанъ былъ передать потомству лицевую его сторону, умалчивая обо всемъ, что могло бы набросить на него хотя слабѣйшую тѣнь.

слова, какъ и слѣдующаго за нимъ польскаго, составляли извѣстный хоръ:

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый Росъ»...

Второй хоръ относился къ подвигамъ русскихъ героевъ:

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся съ собой трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честію вѣнчанны!...

Расположеніе балета, прерывавшагося черезъ нѣсколько тактовъ польскаго контратанцами, было сочинено самимъ Потемкинымъ. Въ поэтическомъ восторгѣ, Державинъ, умиляясь подобнымъ зрѣлищемъ, восклицаетъ: „Что вы предъ симъ буйныя, піянственныя и шутовскія позорища! Что вы предъ симъ?“ Вслѣдъ за этимъ, онъ взявшись опять за лиру, изображаетъ пѣвца въ образѣ Пиндара, воспѣвающаго славныя дѣла героевъ:

Не такъ ли лира восхищенна
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни
Была при торжествахъ почтенна
И онъ возсѣдши пальмъ въ тѣни,
Покрытъ вѣнцемъ и багряницей
Передъ премудрости Царицей
Дѣла своихъ героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа струны?
Какіе сладкіе перуны,
Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!...

Прекрасный полъ служившій украшеніемъ праздника тоже воспѣвается поэтомъ, хотя онъ и говоритъ, что только одинъ Анакреонъ могъ бы изобразить всѣ представлявшіяся здѣсь прелести; начало стихотворенія слѣдующее:

Нѣжной, нѣжной воздыхатель
О пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ,
Безъ вина бы, и безъ химѣля,
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился,...

Во время танцевъ, императрица удалилась для отдохновенія въ смежную съ бальной залой комнату, стѣны которой обиты были гобеленями съ вытканными на нихъ изображеніями изъ исторіи персидскаго вельможи Амана и израильтянина Мардохея, Державинъ не оставилъ этихъ изображеній безъ слѣдующаго объясненія:

И если я не милъ того вельможи оку:
Ты вѣдаешь, могу-ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все. О кроткая Есѳирь,
Владычица сердецъ и красота порфиръ!
Судьба на тронъ тебя, съ тѣмъ царскій возводила,
Чтобъ милость ты, и судъ на тронѣ воцарила,
Невинность бы спасла, низвергла клевету..... [1]

Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахромами и убранный алмазами и изумрудами, сидящій на немъ автоматъ-персіянинъ, ударомъ въ колоколъ, подалъ сигналъ къ театральному представленію. По открытіи занавѣса, сцена освѣтилась солнцемъ, въ срединѣ котораго между зелеными лаврами сіялъ вензель Екатерины II. На изящно устроенномъ театрѣ даны были два балета съ участвовавшими въ нихъ поселянами и поселянками; за тѣмъ комедія „Ложные любовники“ (les faux amants), и послѣ нея балетъ „Смирнскій купецъ“; въ послѣднемъ продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, кромѣ Россіи. При этомъ, Державинъ разсуждаетъ: „къ чести россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну у сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно-ли Украйна и понизовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ, давно ли?“—Вдохновеніе снова посѣщаетъ автора и онъ поетъ:

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады;
Крылаты Этны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Эллады.
Они три свѣта потрясли.
Подобны лавры возрасли
И днесь Потемкина рукою.....

---

[1] Въ своемъ описаніи праздника, онъ весьма простодушно примѣняетъ эти изображенія къ себѣ лично, однакоже безъ всякихъ поясненій; понятно, кого разумѣлъ Потемкинъ въ лицахъ Амана и Мардохея (Русск. Старина. стр. 245).

Гости уже ночью возвратились въ зимній садъ и танцовальную залу, иллюминованную ослѣпительнѣе прежняго. Здѣсь раздалось пѣнье четвертаго хора, съ обращеніемъ отъ Потемкина къ императрицѣ. Приводимъ здѣсь послѣднее осьмистишіе этого хора:

Воззри:—какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни,
Такъ ревностно горѣли
Въ бояхъ твои сыны.
Мое-жъ къ тебѣ усердье
Коль можно-бъ съ чѣмъ сравнить,
Давно-бъ Тебѣ вселенна
Воздвигнула алтарь!

Блистательнѣйшая иллюминація, новое убранство залы и зимняго сада измѣнили до такой степени ихъ видъ, что по словамъ „описанія", государыня спросила: „неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?" Восторженный поэтъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ поразительное великолѣпіе представившееся глазамъ его: „Сто тысячь лампадъ внутри дома! Карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристалломъ, наполненнымъ возженнаго бѣлаго, благовоннаго воску. Граненныя паникадила, фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники; одни какъ жаръ горятъ, а другіе какъ воды переливаются, и совокупляя лучи свои въ веселое, торжественное сіяніе, все покрываютъ свѣтозарностію. „Сравнитесь ли вы", восклицаетъ болѣе и болѣе одушевляясь поэтъ, „волшебные замки Шехеразады, сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ унизаннымъ звѣздами, или лучше сказать съ цѣлою поднебесностію увѣшанною солнцами?..." причемъ сожалѣетъ о томъ, что „безсмертные пѣвцы храмовъ Вкуса и Славы (Вольтеръ и Попе) не видали этого великолѣпія". Какъ будто млѣя отъ поэтическаго восторга, лѣтописецъ и пѣвецъ всевозможныхъ торжествъ и славныхъ событій, продолжаетъ тѣмъ же слогомъ описывать подробно небывалое зрѣлище, представившееся очарованнымъ взорамъ присутствующихъ; онъ между прочимъ указываетъ на устроенные въ зимнемъ саду и освѣщенные разноцвѣтными огнями транспаранты съ вензелевыми именами наслѣдника, супруги его, великихъ князей и княженъ, находившіеся по сторонамъ ослѣпительно освѣщеннаго памятника государыни. Не довольствуясь описаніемъ всего сказаннаго прозою, поэтъ повторяетъ тоже въ стихахъ:

Не такъ ли солнцевъ домъ стоитъ среди небесъ?
Весь радугой объятъ и весь покрытъ зарями;

Моря сверкаютъ въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, въ кристалѣ, въ немъ звѣзды какъ свѣщи;
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.
Въ каленомъ златѣ въ вѣкъ горитъ и не сгораетъ,
И око смертное, сіяньемъ притупляетъ.

Императрица, по словамъ „описанія" осматривала все съ свойственною ей благосклонностью; все оживлялось и сіяло отъ ея присутствія. Милостивое выраженіе ея лица ободряло улыбки, игры, пляски и забавы. „Се подобіе Матери! Се Монархиня окруженная славою, любовью и великолѣпіемъ!" говоритъ описатель празднества, и поетъ на лирѣ своей:

Всѣ три,
Казалось, оны божества
Съ владычицею душъ, съ небесъ
Пришли
Умножить блески, звуки, радость
Торжества . . . . . .

Непринужденность забавъ въ присутствіи императрицы, высказаны авторомъ „описанія" въ послѣдней строфѣ того же стихотворенія:

. . . И Нимфъ и Сильфъ соборы
Ея всѣ пѣли хоры
Ея твердили гласъ,
Плясали рѣзвились, скакали,
Качались,[1] въ воздухѣ летали,
И всѣ согласно восклицали:
„Утѣхамъ время, дѣлу часъ".

Между разными танцами были также русскія и малороссійскія пляски подъ звуки національныхъ пѣсенъ. Здѣсь слѣдуетъ 5-й хоръ изъ малороссійской пѣсни:

На бережку у ставка
На дощечкѣ у млинка . . .

Во время вышеупомянутыхъ бальныхъ увеселеній, наружный садъ былъ также иллюминованъ, не смотря на пасмурную погоду. На пру-

---

[1] Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели. Прим. автора.

дахъ виднѣлась флотилія изъ нѣсколькихъ судовъ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ богато одѣтыхъ матросовъ и гребцовъ. „Всѣ аллеи сада", говоритъ „описаніе", „покрыты были народомъ толпящихся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится". Въ народѣ слышались разговоры и вопросы о причинѣ праздника и щедрости Потемкина; и поэту слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать Ея ко мнѣ щедротѣ?
Величіе мое—творенье рукъ Ея;
Все щастіе мое, души Ея въ добротѣ;
И слава торжества—Ея, а не моя!

Слѣдующее стихотвореніе относится лично къ Потемкину; оно можетъ отчасти служить характеристикой „великолѣпнаго князя Тавриды", и слѣдуетъ въ „описаніи" за похвалою Державинымъ хозяйской распорядительности свѣтлѣйшаго, и тщательнаго повсюду присмотра:

Онъ мещетъ молнію и громы
И рушитъ грады, и беретъ;
Волшебны созидаетъ домы,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ, подъ рукой его Гиганты
Трепещутъ земли и моря;
Другой здѣсь чиститъ бриліанты,
И тѣшится на нихъ смотря.
Сегодня бурю представляетъ,
Летаетъ завтра какъ зефиръ;
И бой ведетъ, и строитъ миръ.
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ Лунѣ и смотритъ вдаль;
То рядитъ щеголей въ ботины [1],
Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль [2].
И еслибъ онъ имѣлъ злодѣевъ
Согласны были-бъ всѣ они,
Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,
Который жилъ въ златые дни.

---

[1] Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ. Прим. автора.—[2] Азіатскія, тонкія покрывала, которыми Его Свѣтлость дарилъ Дамъ. Прим. авт.

Балъ на время былъ прерванъ ужиномъ, сервированнымъ па мѣстѣ театра и оркестра, на 600 особъ. На первомъ сидѣли великіе князья Александръ и Константинъ, и на второмъ императрица съ наслѣдникомъ и съ его супругой. Прочіе гости заняли мѣста гдѣ былъ партеръ и нѣсколько смежныхъ картинныхъ галлерей. Роскошь и изысканность ужина, Державинъ описываетъ въ слѣдующихъ, не совсѣмъ удачныхъ стихахъ, которые приводятся здѣсь вполнѣ:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро.
Восточный, Западный сѣдые Океаны
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ,
Чернокудрявый лѣсъ, и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь.
Вѣнчанна классами, хлѣбъ Волга подавала.
Съ плодами сладкими принесъ Кошницу Тавръ.
Рифей нагнувшійся, въ топазны аматистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны віна.
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, въ кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто ихъ стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ;
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставясь, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Послѣ ужина императрица обойдя еще разъ залы съ августѣйшею фамиліею, уѣхала. При выходѣ ея, когда уже поданы были экипажи, на хорахъ, подъ акомпаниментъ органа, пропѣта была италіанская кантата, въ которой нѣкоторымъ образомъ какъ будто выразилось предчувствіе Потемкина, что онъ уже не увидится болѣе съ Екатериной. Эта кантата составляетъ 6-й хоръ:

Царство здѣсь удовольствій
Владычество щедротъ Твоихъ!
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышутъ лишь Твоей душой.

Лишь Твоимъ я благомъ
И живу, и счастливъ.
Что въ богатствѣ и честяхъ,
Что въ великости моей,
Если мысль Тебя не зрѣть,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ!
Стой и не лети ты, время;
И благъ насъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей,
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты! [1]

---

[1] Сей хоръ, взятый изъ Италіанской оперы, нѣтъ на Италіанскомъ языкѣ; но здѣсь, съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ, согласенъ съ тою музыкою. Прим. автора.—Хоры были помѣщены въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года въ Москов. Журн. Карамзина (ч. II. стр. 281) въ такомъ же порядкѣ, какъ въ упомянутыхъ выше отдѣльныхъ оттискахъ, съ краткими при заглавіяхъ объясненіями и съ слѣдующ. примѣчаніемъ издателя журнала: „Вчера получилъ я сіе стихотвореніе отъ почтеннаго сочинителя, и спѣшу оное сообщить читателямъ Московскаго Журнала. 20 мая—К.“ (Соч. Державин. прим. къ Описан. Потемкинск. праздн. Изд. Я. Грота. т. I. стр. 381). За тѣмъ въ томъ-же журналѣ за августъ 1791 г. (ч. III. стр. 115). два стихотворенія изъ описаній праздника: „На вступленіе Ея Величч. въ большую залу“ и „На танцы съ хорами кадрили мущинъ. стр. 114—123.—Хоры были перепечатаны въ LXVII ч. Новыхъ ежемѣсячн. сочиненій (янв. 1792). Въ этомъ же изданія (ч. LXVI. дек. 1791) появился переводъ въ прозѣ написанныхъ по-французски отъ имени Потемкина стиховъ императрицѣ, съ изъявленіемъ ей благодарности за присутствіе на его праздникѣ. Наконецъ въ апрѣльской книжкѣ Москов. Журн. 1792 г. (ч. VI. стр. 3—6) напечатанъ былъ отрывокъ изъ „Описанія Праздества;“ стихи на ужинъ.—„Описаніе“ издано было уже по смерти Потемкина; второй разъ оно напечатано въ изданіи Соч. Держав. 1808 ч. IV, но съ слѣдующ. сокращеннымъ заглавіемъ: „Описаніе торжества бывшаго по случаю взятія города Измаила, въ домѣ генерала фельдмаршала князя Потемкина — Таврическаго, близь Конной Гвардіи, въ присутствіи имп. Екатерины II. 1791 года 28 апрѣля.“ Стихи помѣщенные въ брошюрѣ на оборотѣ заглавн. листа, замѣнены примѣчаніемъ. (Соч. Держав. изд. Я. Грота, т. I. стр. 382). Для повѣрки и дополненія „Описанія“ Державина, г. академикъ Я. Гротъ помѣстилъ въ примѣчаніяхъ соотвѣтствующія мѣста изъ другаго болѣе полнаго съ фактической стороны описанія праздника, которое было сперва напечатано по-нѣмецки въ „Minerva,“ а потомъ по-русски въ „Москвитянинѣ“ 1852 № 3. Представлены также параллельныя мѣста изъ описанія Шторха. (Прим. къ Описан. праздн. стр. 382. Соч. Державин. изд. Я. Грота). — Описаніе Державина перешло съ передѣлкою выраженій и немногими прибавленіями въ книгу: Жизнь кн. Г. А. Потемкина-Таврич. М. 1812, ч. II. стр. 93—105, а въ сокращенномъ видѣ заимствована также Висковатовымъ въ статьѣ его: свѣдѣнія о князѣ Потемкинѣ, (Русск. Вѣстн. 1841. Т. III. стр. 359—364). Тамъ-же, Прим. стр. 419.

По окончаніи хора, Потемкинъ преклонивъ колѣна, припалъ устами къ рукѣ императрицѣ, благодаря ее за милостивое посѣщеніе. Эту сцену, заключавшую празднество, Державинъ изображаетъ слѣдующими словами: „Паки новая и трогающая сердце картина! Великолѣпный Дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную Монархиню съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ Ея подданнымъ, который нѣсколько минутъ держитъ Ея десницу, съ нѣкакимъ особливымъ душевнымъ умиленіемъ. Такъ, оставляла божественная Минерва, сына Уляссова." Въ послѣднемъ стихотвореніи изображаетъ поэтъ, эту картину разлуки богини съ Телемакомъ:

Нисшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучь летѣлъ;
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей вслѣдъ безмолвно зрѣлъ.

1793.

№ 164. Изображеніе мундировъ Россійско-Императорскаго войска, состоящее изъ 88 лицъ иллюминованныхъ.—**Abbildung der Uniformen** der Russisch—Kaiserlichen Armee, vorgestellt in 88 illuminirten Kupferstichen.—**Représentation des Uniformes**, de l'Armée Imperiale de la Russie en 88 Estampes enluminées.—Въ Санктпетербургѣ, 1793. 8°. 11 нум. стр. (объясненіе фигуръ) и 89 листовъ съ гравиров. и раскрашн. изображеніями),

Сопик. ч. 3. № 4473. — Смирд. ч. II. № 2509. — Всеобщ. Библіот. Росс. Черт. 1838 стр. 299. № 35.—Геннади, Справочн. Словарь т. 2. стр. 51.

Объясненіе листовъ съ изображеніями мундировъ, изъ которыхъ и состоитъ вся книга, напечатано по русски и нѣмецки на лѣвой, и по французски на правой сторонѣ. Изображенія фигуръ слѣдующія: № 1. Вмѣсто фронтисписа; Сидящій подъ елью казакъ съ пикою между колѣнъ, бесѣдующій съ стоящимъ передъ нимъ и опершимся на ружье гвардейскимъ гренадеромъ, также стоящимъ подъ деревомъ.— 1. Генералъ-Фельдмаршалъ. 2. Адмиралъ флота. 3. Генералъ-Поручикъ артиллеріи. 4. Генералъ Маіоръ отъ Кавалеріи. 5. Бригадиръ пѣхотной. 6. Полковникъ Карабинерныхъ полковъ. 7. Подполковникъ, Преміеръ и Секундъ-Маіоръ пѣхотнымъ полковъ. 8. Кавалергардъ.

9. Императорскаго сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Офицеръ. 10. Императорскаго сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса кадетъ. 11. Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Офицеръ. 12. Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса кадетъ. 13. Артиллерійскаго и инженернаго шляхетскаго кадетскаго корпуса Офицеръ. 14. Артиллерійскаго и инженернаго шляхетскаго кадетскаго корпуса кадетъ. 15. Греческаго кадетскаго корпуса Офицеръ. 16. Греческаго кадетскаго корпуса кадетъ. 17. Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Офицеръ Гранодерскихъ ротъ. 18. Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Гранодеръ. 19. Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Егерь. 20. Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку Офицеръ Мушкатерскихъ ротъ. 21. Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку мушкатеръ. 22. Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку Егерь. 23. Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку мушкатеръ. 24. Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Егерь. 25. Конной Гвардіи Офицеръ. 26. Конной Гвардіи Рейтаръ. 27. Лейбъ-Гусарской Офицеръ. 28. Лейбъ-Гусаръ. 29. Лейбъ-Казачій Офицеръ. 30. Лейбъ-Казакъ. 31. Дивизіонной Квартирмейстеръ и колоножной Офицеръ. 32. Главной артиллеріи бомбардирской, канонерской и фузелерной офицеръ. 33. Главной артиллеріи Бомбардиръ, Канонеръ и фузелеръ. 34 Инженерный, минерный и піонерный Офицеръ. 35. Инженеръ, минеръ и піонеръ. 36. Лейбъ-Кирасирскаго полку Офицеръ. 37. Лейбъ-Кирасиръ. 38. Его Имп. Высоч. Наслѣдникова кирасирскаго полку Офицеръ. 39. Его Имп. Высоч. Наслѣдникова полку Кирасиръ. 40. Военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, кирасирскаго полку Офицеръ. 41. Военн. ордена св. Великомуч. и Побѣдоносца Георгія полку Кирасиръ. 42. Новотроицкадо кирасирскаго полку Офицеръ. 43. Новотроицкаго полку Кирасиръ. 44. Казанскаго кирасирскаго полку Офицеръ. 45. Казанскаго полку Кирасиръ. 46. Карабинерныхъ полковъ Офицеръ. 47. Карабинеръ. 48. Драгунскихъ полковъ Офицеръ. 49 Драгунъ. 50. Гусарскій Офицеръ причисленный ко Псковскому драгунскому полку. 51. Гусаръ причисленный ко Псковскому драгунскому полку. 52. Легкоконныхъ полковъ Офицеръ. 53. Легкоконной. 54. Конныхъ егерскихъ полковъ Офицеръ. 55. Конной Егерь. 56. Лейбъ-Гранодерскаго полку Офицеръ. 57. Лейбъ-Гранодеръ. 58. Морскихъ и пѣхотныхъ полковъ Офицеръ. 59. Пѣхотный Гранодеръ. 60. Пѣхотной Мушкатеръ. 61. Перваго морскаго полку Гранодеръ. 62. Морскихъ пѣхотныхъ полковъ Мушкатеръ. 63. Пѣхотныхъ Егерскихъ баталіоновъ Офицеръ. 64. Пѣхотный Егерь. 65. Перваго флотскаго баталіона Офицеръ. 66. Перваго флотскаго баталіона гранодеръ. 67. Флотской Артиллерійской Офицеръ. 68. Греб-

ной флотиліи бомбардирскій Офицеръ. 69. Морской Гребной артиллеріи бомбардиръ. 70. Флотской Корабельной Офицеръ. 71. Матросъ. 72. Флотскихъ баталіоновъ Офицеръ. 73. Флотскихъ баталіоновъ мушкетеръ. 74. Гарнизонной Офицеръ. 75. Гарнизонной Солдатъ. 76. Сенатской и Провіантской Офицеръ. 77. Сенатской Солдатъ. 78. Провіантскаго штаба Солдатъ. 79. Иностранной Коллегіи Офицеръ. 80. Иностранной Коллегіи Солдатъ. 81. С. Петербургской Губерніи Офицеръ. 82. С. Петербургской Губерніи Солдатъ. 83. Государственнаго Банка Офицеръ. 84. Государственнаго Банка Солдатъ. 85. Почталіонъ. 86. Донской Козачей Офицеръ. 87. Донской Козакъ. 88. Башкирецъ.

Изображенные на 89 листахъ воинскіе чины разныхъ родовъ оружія довольно неискусно гравированы и весьма плохо раскрашены: впрочемъ, книга въ настоящее время трудно находимая; она въ первой половинѣ 19 столѣтія продавалась, какъ означено въ росписи Смирдина, за 25 рублей ассигнаціями.

№ 165. Мѣсяцословъ Историческій и Географическій на 1793 годъ.—**Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ. 12°. XXII и 122 нум. стр., Изображеніе гавани графа Остермана.

Геннади, Справочн. Словарь. т. II. стр. 364.

На оборотѣ заглавнаго листа находится Изъясненіе Знаковъ: 1. Планетъ. 2. Знаковъ мѣсячныхъ; и за тѣмъ святцы, съ означеніемъ восхожденія и захожденія солнца. Хронологія 1793 года. Извѣстіе о „высокихъ праздникахъ, о четырехъ временахъ года, и о прочихъ небесныхъ явленіяхъ; при чемъ упоминается объ имѣющихъ быть въ продолженіи означеннаго года двухъ солнечныхъ и двухъ лунныхъ затмѣніяхъ, изъ которыхъ два, одно солнечное и одно лунное, будутъ видимы не только въ Петербургѣ, но и во всей Европѣ; далѣе слѣдуетъ подробное извѣстіе о времени и часѣ, когда послѣдуютъ помянутыя четыре затмѣнія, причемъ исчислены города Россійской Имперіи, въ которыхъ видимо будетъ первое лунное затмѣніе, такъ равно и тѣхъ странъ находящихся въ южной части земнаго шара, гдѣ видимо будетъ второе солнечное затмѣніе; наконецъ, странъ и городовъ, въ которыхъ видимы могутъ быть третье лунное и четвертое солнечное затмѣнія.

На XXII стр. помѣщены: „Роспись заглавіямъ сочиненій въ семъ Мѣсяцословѣ содержащихся; сочиненія эти, составля-

щія капитальную часть содержанія мѣсяцослова, начинаются превосходнымъ по времени, обстоятельно и подробно составленнымъ, съ подписью литеръ П. Н., описаніемъ городовъ Устюжской области съ ихъ округами; настоящее описаніе замѣчательно, какъ въ историческомъ и географическомъ, такъ и въ археологическомъ и статистическомъ отношеніяхъ [1]. Авторъ статьи сообщаетъ, что областной городъ Вологодскаго Намѣстничества, „Устюгъ", лежитъ подъ 60 градусами, 46 минутами сѣверной широты, и подъ 64°, 10′ долготы; разстояніе его отъ столицъ: Петербурга 1118, Москвы 830, губернскаго города Вологды 469; отъ смежнаго Вологодской области города Тотьмы 232; отъ уѣздныхъ городовъ помянутой области—Сольвычегодска 77, Лальска 80, Красноборска 107, Никольска 160, Яренска 239 и Устьсысольска 402 версты. Онъ расположенъ на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки Сухоны, которая ниже города въ трехъ верстахъ соединяется съ рѣкою Югомъ, и составляетъ славную рѣку Двину.—Послѣ свѣдѣній о томъ, что составляло границы города съ западной, полуденной, сѣверной и восточной сторонъ, слѣдуютъ извѣстія о его мѣстоположеніи, раздѣленіи его находящимся въ срединѣ его рвомъ, на двѣ части называющіяся: верхняя Леонтьевской и нижняя Пятницкой, по состоящимъ въ нихъ крайнимъ городскимъ церьквамъ; за тѣмъ упоминается о древнемъ городскомъ гербѣ. Составитель описанія, говоря о неизвѣстности относительно начала существованія Устюга, ссылается на лѣтописца, въ которомъ сказано, что въ древнія времена этотъ городъ стоялъ на другомъ мѣстѣ, ниже по теченію рѣки, на правомъ берегу Сухоны, при самомъ устьѣ Юга, на горѣ называвшейся Гляденъ, которой имя и носилъ; и гдѣ понынѣ стоитъ Троицкій монастырь и по близости его пустынь посвященная Іоанну Устюжскому чудотворцу; но такъ какъ гору Гляденъ рѣкою Югомъ стало сильно подмывать, и жителямъ грозила явная опасность, то они

---

[1] Изданіе подобныхъ и различныхъ другихъ мѣсяцослововъ предпринято было Академіею Наукъ, съ цѣлью распространенія въ читающей публикѣ полезныхъ свѣдѣній; первый Историческій и Географическій мѣсяцословъ напечатанъ, по указанію Сопикова, въ 1782 годъ (Ч. 3. № 6399); причемъ онъ замѣчаетъ, что эти мѣсяцословы издавались съ того времени до 1797 года. Настоящій Историческій и Географическій мѣсяцословъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „Географическими".—Всѣ полезныя и любопытныя статьи изъ издававшихся Академіею Наукъ разныхъ мѣсяцослововъ были выбраны и напечатаны особой книгой подъ заглавіемъ: Собраніе Сочиненій выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы. Издано Академіею Наукъ. 10 частей. Спб. въ Тип. Акад. Наукъ. 1785—1793 г. 8°. (Смирд. Ч. III № 4115).

принуждены были переселиться на другое мѣсто, для чего и избрали то самое гдѣ теперь стоитъ городъ, называвшееся прежде „Черный Прилукъ“; переселеніе это полагаютъ совершившимся въ XIII-мъ столѣтіи, по заложеніи въ 1212 году архангельскаго монастыря. Принявшій въ 1226 году греческую вѣру татарскій вельможа, способствовалъ построенію Іоанно-Предтеченскаго дѣвичья монастыря, а въ 1290-мъ году построена соборная деревянная церковь Успенія. Поселившись здѣсь, жители, въ видахъ безопасности отъ непріятельскихъ нападеній, сдѣлали на берегу Сухоны, въ срединѣ самаго города, земляной валъ, кругомъ его ровъ, а городъ обнесли деревянною стѣною со многими башнями и двумя большими воротами, назвавъ его Устюгомъ. По словамъ автора статьи, не имѣется также никакихъ извѣстій о томъ, подъ какимъ правленіемъ и властью находился Устюгъ; о чемъ въ лѣтописцахъ не упоминается, но изъ исторіи видно, что въ древнія времена Новгородцы владѣли всѣми странами при рѣкахъ Двинѣ, Вяткѣ, Камѣ и Печерѣ лежащими, т. е. всею Перміею и Югоріею, почему можно предположить, что Устюгъ принадлежалъ къ древнему Югорскому княжеству, и находился подъ властью новгородскою, что и продолжалось до покоренія Новгорода великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ. „Впрочемъ“, прибавляетъ авторъ статьи, „другіе утверждаютъ также, что Устюгъ находился всегда подъ властью русскихъ великихъ князей, посылавшихъ туда начальниками своихъ стольниковъ и воеводъ“; во время татарскаго ига, въ Устюгѣ жили постоянно посылаемые отъ хана сборщики дани.

„Городъ Устюгъ“, говоритъ авторъ статьи, „какъ по древности своей, ибо можно полагать, что онъ получилъ свое начало за семьсотъ и болѣе лѣтъ, такъ и по выгодному своему мѣстоположенію, могъ бы достигнуть весьма цвѣтущаго состоянія, если бы не подвергся многимъ печальнымъ событіямъ“. Здѣсь упоминается о нашествіи при князѣ Владимірскомъ Всеволодѣ Юрьевичѣ въ 1192 году казанскихъ татаръ; потомъ въ 1324 и 1398 годахъ двоекратное нападеніе воспользовавшихся междоусобіемъ русскихъ князей, новгородцевъ, и наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по исправленіи Устюга, разореніе его княземъ Галицкимъ Васильемъ Косымъ, и едва не совершившееся истребленіе его княземъ Дмитріемъ Шемякою.—Устюгъ вновь сдѣланъ деревяннымъ, „а рубилъ его Данило Загрязскій апрѣля 20 дня“; въ 1582 году, валы и башни городскія уставлены пушками, на которыхъ ясно можно видѣть годъ ихъ литья: 1545“.—Впрочемъ, не менѣе любопытны приведенныя въ описаніи Устюга извѣстія о позднѣйшихъ постигшихъ его бѣдствіяхъ: такъ, въ 1772, 73 и 74-мъ годахъ его-

рѣло 552 дома, 24 разныхъ заводовъ, фабрика черневой, обронной и финифтяной работы; 14 анбаровъ и 106 купеческихъ лавокъ. Наконецъ, въ 1782 году, мая 30 числа, былъ сильный пожаръ, отъ котораго обгорѣло пять каменныхъ церквей—соборная съ колокольнею и 4 приходскихъ; архіерейскій домъ со всѣми службами и 404 обывательскихъ дома; городъ понесъ также бѣдствія и отъ воды: въ 1761 году, отъ необычайнаго наводненія, снесло обывательскихъ домовъ 103, и разныхъ заводовъ 14; но и послѣ того въ разные годы жители потерпѣли подобное же несчастіе отъ сильнаго стремленія воды, которая наполняетъ весною ровъ раздѣляющій городъ, и такимъ образомъ разорены были 127 домовъ.—Далѣе сообщается о томъ, что до открытія Вологодскаго Намѣстничества, Устюгъ былъ провинціальнымъ городомъ Архангелогородской губерніи, но въ 1780 году сдѣланъ областнымъ, и что здѣшняя эпархія существовавшая 103 года, уничтожена въ 1786 году, и присоединена къ Вологодской; упоминается также о достойныхъ примѣчанія зданіяхъ въ городѣ; о количествѣ зданій казенныхъ и частныхъ и числѣ жителей. За тѣмъ помѣщено извѣстіе о торгѣ производимомъ устюжскими купцами и мѣщанами; о упражненіи менѣе состоятельныхъ въ разныхъ художествахъ и ремеслахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ особливо искусная обивка разныхъ коробочекъ бѣлымъ, гладкимъ и просѣкнымъ желѣзомъ. Не лишена также интереса помѣщенная на стр. 16—17, вѣдомость о существовавшихъ въ Устюгѣ цѣнахъ на съѣстные припасы въ 1780 и 1791 годахъ. За тѣмъ авторъ „описанія" переходитъ къ извѣстіямъ о границахъ устюжской округи, ея мѣстоположенія, почвѣ, обыкновенномъ урожаѣ различнаго хлѣба, и лѣсѣ въ ней находящемся; при чемъ сообщаетъ о пяти древнихъ ея городищахъ, между которыми особенно замѣчательны: Брусенецъ въ Брусенской волости. Объ этомъ городкѣ отстоящемъ отъ Устюга рѣкою на 157, а горою на 190 верстъ, помѣщено слѣдующее свѣдѣніе изъ писцовой книги, въ которой подъ 184 и 194 годами упомянуто, что „поставленъ онъ былъ острогомъ, и въ немъ анбаръ земляной, гдѣ находились 5 пищалей затинныхъ желѣзныхъ, да 4 пищали и самопалъ ручные, зелья пудъ 27 фунтовъ, свинцу пудъ, пулекъ дробовыхъ 5 гривенокъ, ядеръ желѣзныхъ 1450".— Къ означенному прибавлено, что „нынѣ того анбара нѣтъ, и старожилы показали, что все оное взято въ Устюгъ, при воеводѣ Никитѣ Кафтыревѣ да при подъячемъ Иванѣ Софроновѣ". — О городкѣ Рахлеѣ въ Ратмеровскомъ Ильинскомъ стану, упомянуто, что въ немъ находится церковь Николая Чудотворца, на мѣстномъ образѣ которой „оклады, вѣнцы и гривны серебреныя золоченыя, да двѣ гривны жемчугомъ

низанныя, вкладу В. Князя Іоанна Васильевича Московскаго, даннаго 1470 года". По словамъ автора, когда, кѣмъ и по какому случаю построены были означенные городки, никакихъ извѣстій, какъ письменныхъ, такъ и устныхъ, не имѣется.

Не менѣе обстоятельныя и отчетливыя свѣдѣнія помѣщены и о прочихъ городахъ Устюжской области съ ихъ округами; не приводя здѣсь подробныя о нихъ извѣстія содержащіяся въ „Описаніи", отмѣтимъ изъ нихъ только то, что представляется болѣе замѣчательнымъ. О времени основанія Сольвычегодска никакихъ по словамъ автора, извѣстій нѣтъ; если же и были какія записки, то онѣ утратились во время разореній и пожаровъ; при чемъ онъ приводитъ слѣдующія свидѣтельства писцовыхъ книгъ о невзгодахъ постигавшихъ въ разныя времена помянутый городъ: „1. 1579 года, маія 25 дня у Соли былъ пожаръ, сгорѣло 500 дворовъ и 10 церквей. 2. 1613, генваря 22 числа, какъ видно, вскорѣ по разореніи Вологды, поляки и литовцы были у Соли, и всѣ церкви и дворы сожгли безъ остатку. 3. Здѣсь дѣло касается укрѣпленія города: „1619, у Соли дѣланъ былъ острогъ около посаду, монастыря и варницъ соляныхъ; причемъ авторъ признаетъ за достовѣрное, что соляные ключи находившіеся въ самомъ городѣ, служили поводомъ къ его названію, и что въ древнія времена, онъ назывался сокращенно Соль; онъ упоминаетъ также, что первыя здѣсь соляныя варницы заведены были во время В. Князя Василія Іоанновича предками Строгановыхъ, на что въ 1517 году, и дана была отъ В. Князя жалованная грамота.

Кромѣ Введенскаго монастыря, называемаго авторомъ „знаменитымъ зданіемъ" въ городѣ, онъ упоминаетъ о соборной церквѣ, замѣчательной между прочими городскими церквами не только огромностью, но и великимъ своимъ богатствомъ. Въ ней десять придѣловъ, и мѣстные образа украшены серебромъ съ чернетью, а на нѣкоторыхъ и дорогіе каменья; въ чемъ наиболѣе споспѣшествовали Строгоновы.—Городъ Никольскъ, основанный въ 1779 году, какъ сказано въ „описаніи", по усмотрѣнію ярославскаго и вологодскаго генералъ-губернатора, какъ городъ новый, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго; но за то находимъ любопытное извѣстіе о томъ, что въ округѣ его, при устьѣ рѣки Кипарицы, недалеко отъ устья рѣки Кичменги, впадающихъ въ рѣку Югъ, и разстояніемъ отъ Никольска въ 63 верстахъ, находится древній городокъ Кичменской, обнесенный землянымъ валомъ вышиною въ $2^1/_2$ сажени, фигурою круглый, котораго внутренній поперечникъ 35 сажень. На валу деревянная башня длиною 3, и поперегъ $2^1/_2$ сажени; съ низу три стѣны

кладены въ два ряда, а четвертая одинакая; высота ярусу на поверхности земли осталась одна сажень, а бывшія подъ башнею ворота вросли въ землю; отъ двустѣннаго яруса вверхъ идетъ одностѣнный на 3 сажени, и того нынѣ отъ земли до верху 4 сажени. На башнѣ крышки нѣтъ, но только десять малыхъ и два большія окна. На дверяхъ вынутыхъ изъ подъ помянутой башни и сохраненныхъ, вырѣзана слѣдующая надпись: „лѣта ҂ʒнʒ ставленъ городъ Кичменской, при великомъ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Руссіи, при Устюжскомъ Намѣстникѣ, князѣ Петрѣ Серебряномъ". Въ той же Никольской округѣ находится неизвѣстно когда построенный при рѣкѣ Вохмѣ, въ Спасскомъ стану, другой городокъ называемый Вохомской, въ 110 верстахъ отъ Никольска, не представляющій однако ничего особенно замѣчательнаго.—Въ городѣ Красноборскѣ, переименованномъ изъ бывшей слободы того же имени, между городскими зданіями, замѣчательна по древности своей теплая, деревянная церковь, построенная въ 1578 году; и не смотря на ея двухсотлѣтнее существованіе, она по словамъ „Описанія", можетъ служить еще долгое время. — Настоящая статья оканчивается извѣстіемъ о трехъ желѣзныхъ заводахъ, находящихся въ округѣ города Устьсысольска, дѣйствующихъ посредствомъ воды, и носившихъ названія: Нювчимскій, построенный въ 1761 году, принадлежавшій Походяшинымъ; Нючпаскій въ 1753 году, устюжскаго купца Курочкина, и его же, Кажимскій; причемъ сообщены свѣдѣнія о количествѣ выплавленнаго въ нихъ чугуна.

Вторая статья содержитъ описаніе **желѣзноплавильныхъ заводовъ Олонецкаго Намѣстничества, частнымъ лицамъ принадлежавшихъ**. Подробныя объ этихъ девяти заводахъ извѣстія, получены отъ бывшаго олонецкаго вице-губернатора, Сергѣя Никитича Зиновьева (стр. 108, прим.). Помянутые заводы находились: въ Петрозаводскомъ уѣздѣ 4, Олонецкомъ 2, Вытегорскомъ 2, Повѣнецкомъ 1. Въ этомъ весьма тщательномъ и подробномъ описаніи означенныхъ заводовъ, показано, кромѣ времени ихъ постройки, именъ владѣльцевъ каждаго изъ нихъ, и числа находящихся при каждомъ заводѣ строеній, также количество выплавлявшагося въ нихъ металла, и вѣсъ выковывавшагося изъ него желѣза.

Третья и послѣдняя статья помѣщенная въ мѣсяцословѣ подъ заглавіемъ: „**Извѣстіе о гавани Его Сіятельства Графа Остермана, построенной на западномъ берегу Ладожскаго озера**", состоитъ изъ описанія устройства ея имѣвшаго цѣлью служить безопаснымъ и надежнымъ убѣжищемъ для застигаемыхъ на озерѣ во время бури судоходцевъ и промышленниковъ. Эта обширная, спасительная

гавань была построена на западномъ или Выборгскомъ берегу озера, между устьями рѣкъ Мðрьи и Влоги, въ 30 верстахъ отъ вершины Невы или отъ Шлиссельбурга, на дикомъ, непроходномъ до того времени берегу, большая часть котораго принадлежала къ мызѣ Матиксѣ съ деревнями, доставшимися въ 1783 году во владѣніе графинѣ Александрѣ Ивановнѣ Остерманъ, супругѣ графа Ивана Андреевича. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе работъ при построеніи помянутой пристани, начатой въ 1734, и оконченной въ 1737 году; при чемъ сообщено, что она находится при урочищѣ называемомъ Вепрово, разстояніемъ отъ устья Влоги въ 25-ти, и отъ Мðрьи въ 15-ти верстахъ. Для болѣе яснаго понятія о гавани и ея устройствѣ, при Мѣсяцословѣ приложено изображеніе ея, такъ равно и всѣхъ построекъ и прочихъ предметовъ ее составляющихъ.

1793—1794.

№ 166. Списокъ Гусарскаго Копейнаго Рейтарскаго Салдатскаго **Строю** Полковникомъ Подполковникомъ и иныхъ нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ руськимъ, съ кормовыми ихъ мѣсячными оклады, и съ ихъ службами, **сочиненъ** въ 7204 (1696) году въ Иноземскомъ Приказѣ при сидѣньѣ Думнаго Дьяка Автамона Ивановича Иванова съ товарищы. Пять Частей.—**Въ Костромѣ**, Въ Вольной Типографіи у Н. Сумарокова 1793 году. 8°. Ч. I. 7 ненум. (посвященіе и предисловіе) 33 нум. (азбучный списокъ чинамъ) 5 ненум. (оглавленіе именъ въ перв. части), 48 нум. и 2 ненум. стр. (таблица и погрѣшности).—Ч. 2. 100 нум. и 3 ненум. стр. (табл. и погрѣшн.)—Ч. 3. 184 нум. и 3 ненум. (табл. и погрѣшн.)—Ч. 4. 272 нум. (помѣта ошибочная, показывающая 282 стр.) и 3 ненум. стр. (табл. и погрѣшн.).—Ч. 5. 160 нум. стр.

Сопик. Ч. 4. № 11181.—Смирд. Прибавл. 1-е № 10126.—Русск. Книжн. Рѣдкости. стр. 66. № 83.

На оборотѣ заглавныхъ листовъ (всѣхъ пяти частей): „Одобреніе Костромской Управы Благочинія, подписанное 12 дня декабря, 1792 года, городничимъ Александромъ Бестужевымъ, и за секретаря—студентомъ Павломъ Ильинскимъ. Книга посвящена генералъ-маіору, губернскому предводителю Костромскаго Намѣстничества, Федору Михайловичу Кутузову; издатели, скрывъ имена свои, упоминаютъ въ посвященіи своемъ о томъ, что „Списокъ“ о древнихъ военныхъ службахъ россійскихъ дворянъ былъ доставленъ имъ для напечатанія помянутымъ Ф. М. Кутузовымъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ предисловіи,

въ которомъ говорится о несравненныхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми пользуется россійское дворянство подъ премудрымъ царствованіемъ великой Екатерины, изливающей щедроты свои на дворянскій родъ въ воздаяніе полезныхъ его заслугъ, что неоспоримо подтверждается жалованной граматой, изданной въ 1785 году. Издатели говорятъ также между прочимъ о настоящихъ и существовавшихъ издревле доблестяхъ русскаго дворянства, чему можетъ послужить доказательствомъ издаваемый о службахъ его списокъ, изъ котораго легко усмотрѣть можно, въ какомъ достоинствѣ и какія заслуги оказало за сто слишкомъ лѣтъ назадъ каждое изъ состоящихъ въ предлагаемомъ спискѣ лицъ. Полагая, что каждый изъ дворянскихъ родовъ можетъ услаждать себя воспоминаніемъ о заслугахъ своихъ предковъ, издатели рѣшились къ бóльшей славѣ потомства, предать имена ихъ тисненію и напечатать настоящую книгу по древнему списку дословно, съ соблюденіемъ употреблявшагося въ тѣ времена лѣтосчисленія". Въ заключеніе они выражаютъ надежду на благосклонный пріемъ публикою настоящаго изданія и на то, что оно наравнѣ съ другими ему подобными заслужитъ ея одобреніе; и присоединяя свое мнѣніе, что „любители древности, а наипаче тѣ, коихъ фамиліи здѣсь включены, будутъ читать его съ удовольствіемъ".

Въ началѣ первой части „Списка", помѣщенъ на 33-хъ нум. страницахъ азбучный указатель именъ, раздѣленный на 26 главъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Списокъ Гусарскаго и Копейнаго и Рейтарскаго и Салдацкаго строю Полковникомъ и Подполковникомъ и иныхъ нижнихъ чиновъ начальнымъ людѣмъ рускимъ, съ кормовыми ихъ, мѣсячными оклады, и съ ихъ службами; здѣланъ въ нынѣшнемъ, въ 204 году въ Иноземскомъ приказѣ при сиденье Думнаго Дьяка Автамона Ивановича Иванова съ товарищи; и къ тому списку для скораго пріиску сдѣланы главы по азбукѣ, и тѣ главы писаны ниже сего" [1].—За этимъ указателемъ слѣдуетъ самый списокъ, составляющій текстъ первой части, слѣдующаго содержанія: Московскихъ полковъ. Полковники рейтарскаго строю, по 50 рублевъ на мѣсяцъ. По 40 рублевъ на мѣс.—Салдатскаго строю по 40 рубл. на мѣс.—Подполковники рейтар. строю по 18 р. на мѣс. Салдатск. строю по 15 рубл. на мѣс.—Маеоры рейтар. строю по 16 р. на мѣс.—Салдатск. стр. по 14 р. на мѣс.—Въ концѣ первой части: „Оглавле-

---

[1] Объ Иноземномъ приказѣ и Думномъ Дьякѣ Автамонѣ Ивановѣ, въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ Новикова. Изд. 2-е, ч. XX. 11. Историч. извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи. Старинные Приказы Московскіе, стр. 313.

ніе имянъ находящихся въ первой части, 5 ненум. стр. и Таблица древняго и нынѣшняго лѣтосчисленія, съ показаніемъ лѣтъ отъ сотворенія міра и отъ Р. Х. 7150 (1642) до 7206 (1697).—Часть вторая. Ротмистры по 13 руб. на мѣс.—Капитаны по 7 р. на мѣс.—Капитаны и Порутчики рейтар. стр. по 9 руб. на мѣс.—Оглавленіе именъ (подъ общею нумераціею страницъ) и таблица лѣтосчисл.—Часть третія. Порутчики рейтар. стр. по 8 рубл. на мѣс.—Порутчикижъ Салдацк. стр. по 5 р. на м.—Квартеймейстеры рейтар. стр. по 5 р. на мѣс.—Салдатскаго стр. по 3 руб. на мѣс.—Оглавленіе и Таблица.—Часть четвертая. Прапорщики рейтар. стр. по 7 руб. на мѣс.—Отьютанты рейтар. стр. по 6 р. на мѣс.—Обозничіе рейтар. стр. по 5 руб. на мѣс.—Оглавленіе и Таблица. Въ концѣ четвертой части помѣчено: „А пятая и послѣдняя часть печатается, начиная Новгородскаго разряду съ Полковниковъ".—Часть пятая. Новгородскаго Разряду Гусарскаго строю по 50 рублевъ на мѣсяцъ. Полковникъ.—Подполковники по 18 руб. на мѣс. Гусарск. стр.—Копейнаго строю.—Рейтар. стр.—Маеоры по 16 руб. на мѣс. гусарск. стр.—Салдацк. стр. по 14 руб. на мѣс.—Ротмистры по 13 руб. на мѣс. гусарск. стр.—Копейнаго стр.—Рейтар. стр.—Капитаны по 7 руб. на мѣс.—Капитанъ и Порутчикъ рейтар. стр. по 9 руб. на мѣс.—Порутчики по 8 р. на мѣс. гусарск. стр.—Копейнаго стр.—Рейтар. строю.—Салдацкаго стр. по 5 р. на мѣс.—Прапорщики гусарск. стр. по 7 руб. на мѣс.—Копейнаго стр.—Рейтар. стр.—Салдацкаго стр. по 3 руб. на мѣс.—Отьютанты Рейтар. стр. по 6 р. на мѣс.—Обозничіе Рейтар. стр. по 5 руб. на мѣс.—Оглавленіе.

Чтобы показать, какъ составлены послужные списки вышеозначенныхъ чиновъ, считаемъ достаточнымъ привести для образца одинъ изъ подобныхъ списковъ находящійся на первой страницѣ 1-й части: „Полковники по 50 рублевъ на мѣсяцъ. Стольникъ Григорей Ивановъ сынъ Шишковъ во 169 году написанъ изъ житья въ Прапорщики Рейтарскаго строю; а во 170 году пожалованъ въ Порутчики, а во 172 году велѣно быть въ Ротмистрахъ, и былъ на службахъ, во 172 и во 173 годѣхъ за Сѣвскимъ противъ Польскаго Короля, во 176 и во 177 годѣхъ въ Сѣвску, во 179 году на низу, во 180 году велѣно быть въ Маеорѣхъ, во 184 году велѣно быть въ Подполковникахъ, и былъ на службахъ во 184 и во 185 годѣхъ въ дву Чигиринскихъ походѣхъ; во 185 году велѣно быть въ Полковникахъ и былъ на службахъ въ 186 году въ Чигиринскомъ, во 197 году въ Крымскомъ походахъ.—На первой стр. въ примѣчаніи упомянуто о таблицахъ съ

лѣтосчисленіемъ приложенныхъ къ изданію, и сказано, что въ древнемъ спискѣ, съ котораго напечатана настоящая книга, всѣ цифры изображены буквами. Что касается самой книги, то она напечатана на синеватой и желтоватой бумагѣ, набрана дурнымъ шрифтомъ, и по оплошности типографіи, далеко не изящнаго вида. Помѣта страницъ мѣстами ошибочна, и самыя цифры, которыхъ чернила слились, представляются неясными. Впрочемъ многія книги конца XVIII столѣтія, напечатанныя въ Костромской типографіи Н. Сумарокова, отличаются неопрятною внѣшностью; корректура тамъ повидимому не существовала.

1793—1796.

№ 167. Графъ Вальмонтъ или **Заблужденія Разсудка.** Письма Собранныя и обнародованныя Господиномъ М . . . . Поднесенныя Королевѣ Французской въ 1775 году Г. Жерардомъ, Канонпкомъ С. Лудовика Луврскаго.—**Отдѣленіе первое. Томъ первый.**—Переводъ съ Французскаго.—**Въ Тамбовѣ,** въ вольной типографіи 1793 года, съ указнаго дозволенія. 8°.—XII (Посвященіе и Предувѣдомленіе), 438 (текстъ, оглавленіе, содержаніе писемъ) и 1 ненум. стр. (погрѣшности).—**Часть вторая** (1794 г.) 474 (текстъ) 8 (оглавленіе, содерж. писемъ) и 1 ненум. стр. (погрѣшн.).—**Часть третія** (1794 г.) 392 (текстъ) 6 (оглавленіе, содерж. писемъ) и 1 ненум. стр. (погрѣшн.).—**Часть четвертая** (1794 г.) 380 (текстъ, оглавл. и содерж. писемъ и имена подписавшихся особъ) и 1 ненум. стр. (погрѣшн.).—**Часть пятая** (1795 г.) X (Предувѣдомленіе) 348 (текстъ, оглавл., содерж. писемъ) и 1 ненум. стр. (погрѣшн.).—**Часть шестая** (1795 г.) 339 (текстъ, оглавл. и содерж. писемъ) и 1 ненум. стр. (погрѣшн.).—**Часть седьмая** (1796 г.) 332 (текстъ, оглавл., содерж. писемъ и имяна подписавшихся особъ) 1 ненум. стр. (погрѣшн.).—Въ 6-ти частяхъ, счетъ страницъ начинается съ шмутцъ-титула, и въ 7-й, съ первой стран. текста.

Сопик. Ч. 2. № 3050.—Плавильщ. Ч. III. № 4165.—Смирдинъ ч. IV № 8675.—Геннади, Справочн. Словарь т. II. Дополн. и Поправки, стр. 372. Кн. Н. Голицына Словарь Русск. Писательницъ, Варшав. Дневникъ 1881 г., № 155.

На оборотѣ заглавныхъ листовъ всѣхъ 7-ми частей помѣщенъ эпиграфъ заимствованный изъ поэмы Мильтона „Потерянный рай: „Единъ Всемогущій, начало и источникъ всѣхъ вещей, и къ нему всѣ онѣ обратно восходятъ, ежели не повреждены“. Переводъ настоящей книги съ французскаго оригинала „Le comte de Valmont ou égare-

mens de la raison", принадлежитъ Елисаветѣ Корнильевнѣ Ниловой, одной изъ плеяды русскихъ писательницъ, таланты и труды которыхъ заслужили вниманіе и покровительство Державина. Въ 1-й части, вначалѣ находится напечатанное курсивомъ посвященіе Ниловою труда своего, двумъ сыновьямъ своимъ: „Дѣтямъ моимъ Петру Андреевичу и Корнилію Андреевичу Ниловымъ. Любезные дѣти. Подвизательныя истинны содержащіяся въ письмахъ сихъ, горячая любовь благоразумнаго отца къ сыну, и сыновняя нѣжность и почтительное вниманіе къ отеческимъ наставленіямъ, побудили меня приписать переводъ книги сей вамъ Любезные дѣти, для поощренія васъ къ внимательнѣйшему чтенію и созерцанію, непоколебимаго основанія истиннаго щастія на земли и въ вѣчности.

Вы по званію вашему обязаны будете обращаться въ обществахъ, въ коихъ правила законныя нерѣдко въ смѣхъ обращаемы бываютъ; ибо кто не знаетъ, сколько мало многіе молодые люди оныя уважаютъ, поощряемы къ тому будучи дерзкими и обольстительными писаніями поборниковъ разврата? Вы будете читать книги, въ которыя со многими полезными писаніями, вмѣшаны хитрымъ и нечувствительнымъ образомъ ядъ законоборный и своевольное умствованіе мудрецовъ, опровергнувшихъ умы и добрые нравы своихъ Соотчичей. Колико страшусь я, дабы непоколебались юныя и неопытныя сердца ваши симъ стремленіемъ увлекающимъ за собою и самые зрѣлые умы. Сколько Вальмонтовъ погибло въ свѣтѣ отъ ухищренныхъ Лозанновъ, не имѣя добрыхъ наставниковъ, или не хотя слѣдовать спасительнымъ и благоразумнымъ совѣтамъ своихъ Родителей! Благоволи Боже, да послужитъ сіе къ предохраненію вашихъ добрыхъ нравовъ; да вспомоществуетъ вамъ пребыть непоколебимо дѣятельными почитателями Законовъ Священныхъ и Гражданскихъ, и полезными Сынами Отечества. Сего искренно желаетъ вамъ истинной вашъ другъ и мать". Е. Н. [1].

---

[1] Е. К. Нилова, рожденная Бороздина, дочь генералъ-аншефа Корнилія Богдановича и супруги его рожденной Дубянской—супруга бригадира Андрея Петровича Нилова.—Извѣстны другіе переводы ея: „Теорія объ истинномъ щастіи или наука сдѣлаться благополучнымъ и проч., съ присовокупленіемъ двухъ писемъ: 1) о воспитаніи дѣвицъ, 2) о выборѣ чтенія. М. 1804. 12°. Собственно 11 и 12 часть графа Вальмонтъ (Сопик. Ч. 5. № 11770. Геннад. Справочн. Слов. т. 2. стр. 372).—Приключеніе Эдуарда Вильсона; перев. съ нѣм. Въ Тамбовѣ, въ вольн. типогр. 12°. 2 ч. съ предисловіемъ переводчицы (Сопик. Ч. 4. № 8957. Смирд. Ч. IV. № 9267). О перепискѣ ея съ Державинымъ, подробности помѣщены въ соч. Державина изд. Я. Грота ч. 2. стр. 185. 5. стр. 609—611; 755—757, 761, 830—832. Ч. 6. стр. 581; 7. 127, 724.

Въ „Предувѣдомленіи“ издатели писемъ извѣщаютъ, что побудительной причиной къ сообщенію ихъ публикѣ, было не столько любопытное ихъ содержаніе, сколько нравственная польза въ нихъ заключающаяся; и хотя они не заставляютъ краснѣть цѣломудріе, такъ какъ не отличаются той особенной красотою слога прикрывающаго невѣріе; но можно смѣло сказать, что они и безъ того достойны вниманія. „Въ настоящемъ вѣкѣ“, продолжаютъ издатели. „когда такъ увлекательно пишутъ въ пользу заблужденій и лжи, желательно представить что-либо съ успѣхомъ въ пользу истины!“ Они присоединили къ письмамъ, внизу страницъ примѣчанія, и также болѣе пространныя къ каждому письму, для того, чтобы помѣщеніемъ ихъ въ текстѣ, не затруднить читателей; въ помянутыхъ примѣчаніяхъ приведена большая часть мыслей знаменитыхъ писателей, выбранныхъ между многими вредными и ложными ихъ ученіями. Издатели искренно желаютъ, чтобы эти избранныя изрѣченія могли представить свѣту то, что каждому полезно, и чтобы большая часть людей удовлетворясь ими, не пребѣгала къ убійственнымъ источникамъ столькихъ по истинѣ вредныхъ заблужденій.—Въ началѣ 5-й части также помѣщено „Предувѣдомленіе“ къ послѣдующимъ тремъ частямъ, въ которомъ издатель извѣщаетъ, что желаніе публики видѣть продолженіе писемъ г. Вальмонтъ, и успѣшные результаты изданія первыхъ четырехъ частей, были ему пріятной наградой за труды его, и послужили сильнымъ побужденіемъ къ новымъ, не безуспѣшнымъ розысканіямъ, такъ какъ они доставили ему матеріалъ для послѣдующихъ писемъ. За тѣмъ, упоминая о содержаніи этой вновь представляемой публикѣ переписке, онъ говоритъ, что относительно этого новаго собранія писемъ, позволилъ себѣ поступить также, какъ сдѣлалъ это съ предъидущими, т. е. перемѣнить и обновить слогъ, опустить нѣкоторую часть слишкомъ рѣзкихъ примѣчаній, и вообще всего, что могло бы яснымъ образомъ обнаружить лицъ, не желающихъ быть названными.—Въ заключеніе „Предувѣдомленія“, издатель относительно примѣчаній помѣщенныхъ какъ въ четырехъ первыхъ, такъ и въ трехъ послѣднихъ частяхъ переписки, сознается, что сохранилъ въ нихъ, къ ложнымъ мудрецамъ, врагамъ всѣхъ истинъ обусловливающихъ человѣческое блаженство, непринадлежащее имъ уваженіе; что произошло не вслѣдствіе убѣжденія, но единственно по желанію и свойству его характера; ибо по мнѣнію его, когда дѣло касается до защиты Божественныхъ, отечественныхъ и нравственныхъ правъ, то нѣтъ убѣжденій, на основаніи которыхъ мы были бы обязаны чтить тѣхъ, которые сами ничего не уважаютъ!.... Нѣкоторые невѣрующіе, обожаемые своими при-

верженцами, по всѣмъ писаніямъ своимъ, почитаются нынѣ священнѣе самаго закона....“ [1]

Изданія „графа Вальмонта“ повторялись: кромѣ тамбовскаго изданія въ настоящее время довольно рѣдкаго, напечатаннаго во время губернаторства Державина въ Тамбовѣ [2], извѣстны еще слѣдующія появившія въ XIX-мъ столѣтіи: „Графъ Вальмонтъ или заблужденіе Разсудка“ и проч.; съ присовокупленіемъ Теоріи о истинномъ счастіи, или наука сдѣлаться благополучнымъ, принаровленная къ состоянію всѣхъ людей; съ приложеніемъ двухъ писемъ: 1. о воспитаніи дѣвицъ, 2. о выборѣ чтенія. 12 частей, въ Унив. Типогр. и въ Тип. Рѣшетникова. Москва. 1801—1804 [3].—Изданіе 2-е (на заглавн. листѣ обозначено 3-мъ) исправленное, 12 частей. Москва. Въ Типогр. Селивановскаго и въ Университетской. 1820—1821. 12°.— „Графъ Вальмонтъ или заблужденія Разсудка“ и проч., письма собранныя и выданныя въ свѣтъ г-жею Жанлисъ (?) 3 ч. 1801. [4]

„Графъ Вальмонтъ“ читался современниками, что видно по встрѣчающимся иногда рукописнымъ извлеченіямъ изъ помянутой книги въ русскомъ переводѣ, существовавшемъ за довольно долгое время до перваго печатнаго изданія труда Ниловой. Въ собраніи рукописей библіотеки графа Толстова находился сборникъ, въ которомъ между разными помѣщенными въ немъ статьями, встрѣчается также „отрывокъ изъ книги Графъ Вальмонтъ, или заблужденіе разума человѣческаго, переведенный 1777 г.“ [5].

1791.

№ 168. Catalogus Lectionum et Exercitationum Publicarum, In Universitate Caesarea Mosquensi et in utroque eius Gymnasio a 17 Augusti anni MDCCXCIV ad 26 Junii anni

---

[1] Содержаніе писемъ, кромѣ событій совершившихся въ жизни членовъ семейства Вальмонтъ, заключаютъ въ себѣ доказательства, служащія къ опроверженію современнаго матеріализма и невѣрія.—[2] Державинъ, сколько возможно было, вспомоществовалъ просвѣщенію заведеніемъ типографіи, гдѣ печаталось довольное число книгъ, переведенныхъ тамбовскимъ дворянствомъ, и особливо Е. К. Ниловою (Зап. Г. Р. Державина 1743—1812. Изд. Русск. Бесѣды. М. 1860. стр. 268).—[3] Сопик. Ч. 2. № 3051. Плавильщ. Ч. III. № 4166. Смирд. Ч. IV. № 8676. кн. Н. Н. Голицынъ, Словарь Русск. Писательницъ, Варшавскій Дневникъ 1881 г. № 155; авторъ „Словаря“ полагаетъ, что это изданіе составляетъ самостоятельный трудъ, не принадлежащій перу Ниловой.— [4] Обозрѣніе Литературы въ Россіи въ теченіи пяти лѣтъ съ 1801 по 1806 г. соч. А. Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ. Ч. I. стр. 188. № 1161.—[5] Обстоятельн. Опис. Славяно-Русск. Рукоп. гр. Толстова, изд. Калайдовичь и Строевъ. М. 1825. Отд. V. стр. 674. № 48.

MDCCXCV habendarum. **Объявленіе о Публичныхъ Ученіяхъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и въ обѣихъ Гимназіяхъ онаго преподаваемыхъ, съ 17 Августа 1794 года по 26 Іюня 1795 года.—Въ Москвѣ въ Университетской Типографіи 1794. 4°. 25 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).**

Предметы лекцій профессоровъ и преподавателей московскаго университета и гимназій его, съ означеніемъ дней и часовъ въ продолженіи которыхъ, помянутыя лекціи читались студентамъ и ученикамъ, составляютъ содержаніе настоящаго „объявленія", которое излагается по возможности кратко: на лѣвой сторонѣ брошюры латинскій, и на правой русскій тексты; въ трехъ факультетахъ [1] университета преподавали—въ первомъ изъ нихъ, юридическомъ, стоявшій въ то время во главѣ его: Шаденъ Іоганнъ Маттій (Ioannes Matthias) [2], Надворный Совѣтникъ, философіи Докторъ, Нравственной Философіи, Естественнаго и Народнаго Права и Политики Профессоръ, П. О. Курфиршеской Маинцкой Академіи полезныхъ Наукъ и Княжества Гессенскаго Академическаго общества Ординарный членъ: Науку государственнаго правленія (Политику) съ присовокупленіемъ къ ней „правила благоразумія каждаго гражданина", чѣмъ и оканчивался весь курсъ нравственныхъ наукъ.—Баузе Теодоръ (Ѳедоръ Григорьевичь) [3] Ученой Исторіи и Педагогіи Профессоръ П. О. Экономическаго Санктпетербургскаго и Латинскаго Іенскаго общества Членъ: Римское Право по Юстиніановымъ Институціямъ, слѣдуя Гейнекцію, и общую энциклопедію по Зульцеру.—Горюшкинъ Захаръ (Аникѣевичь) [4] Коллежской Асессоръ: о должностяхъ разныхъ судейскихъ

---

[1] Университетъ въ отношеніи ко внутреннему своему устройству, согласно съ уставомъ Академіи Наукъ, раздѣленъ былъ на три факультета: Юридическій, Медицинскій и Философскій. Попеченіе о Богословскихъ наукахъ предоставлено Святѣйшему Синоду. Во всѣхъ факультетахъ предположено быть десяти Профессорамъ; въ Юридическомъ тремъ: Профессорамъ Юриспруденціи всеобщей, Россійской и Политики; въ Медицинскомъ также тремъ: Химіи съ примѣненіемъ къ Химіи Аптекарской, Натуральной Исторіи, Анатоміи въ связи съ медицинскою практикой: въ Философскомъ четыремъ: Философіи, которая обнимала Логику, Метафизику и Нравоученіе; Физики Экспериментальной и Теоритической; Краснорѣчія (Ораторіи и Стихотворству); Исторіи Всеобщей и Русской съ вспомогательными науками: Древностями и Геральдикой. (Исторія Москов. Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею, Степ. Шевыревымъ. 1755—1855. М. 1855. стр. 13).—[2] Отчества Профессоровъ и Преподавателей заимствованы изъ Біографич. Словаря Профессоровъ и Преподавателей. 2 ч. М. 1855. ч. 2. стр. 558.—[3] Тамъ же. Ч. I. стр. 68—69.—[4] Тамъ же. Ч. I. стр. 247—254.

чиновъ, и сочиненіе всѣхъ бумагъ относящихся до судебныхъ дѣлъ, также порядокъ производства послѣднихъ.—2. Въ Медицинскомъ Факультетѣ: Зыбелинъ Семенъ (Герасимовичь)[1] Надв. Сов., Химіи и Медицины практическій Профессоръ П. О. Имп. Росс. Акад. Членъ: о силѣ простыхъ лѣкарствъ по Исторіи матеріи Медицинской Фогеля, съ показаніемъ при томъ новѣйшихъ изобрѣтеній, съ присоединеніемъ о составленіи въ здѣшнихъ аптекахъ лѣкарствъ, въ связи съ ихъ употребленіемъ, также и рецептуры. Подъ его надзоромъ и руководствомъ: Биндгеймъ Іоганнъ Якобъ[2]. Аптекарь, Экономическаго Санктпет. и Королев. Берлинскаго общества натуры испытателей Членъ и публичный Университетскій Демонстраторъ Аптекарскаго искусства: показаніе простыхъ изъ трехъ царствъ природы извлеченныхъ лѣкарствъ, качества ихъ, съ указаніемъ странъ, откуда привозятся, и составъ сложныхъ лѣкарствъ такъ равно и обыкновенно предписываемыхъ медиками.—Скіадіанъ Михаилъ (Ивановичь)[3] Надв. Сов. Философіи и Медицины Докторъ и Профессоръ П. О.: Физіологію по Галлеру и Патологію по Бургаву.—Керестури Францискъ (Францъ Францовичь) Ferenz Keresztúri[4], Надв. Сов. Медицины Докторъ, Анатоміи Профессоръ П. О. Императорской Леопольдино-Королевской Академіи рѣдкостей въ природѣ Членъ: показаніе надъ трупами строенія тѣла человѣческаго въ сравненіи съ таковымъ въ разнаго рода животныхъ (сравнительная анатомія); разсѣченіе иногда живыхъ животныхъ для произведенія анатомико-физіологическихъ опытовъ; употребленіе микроскопа для разсмотрѣнія тончайшаго строенія малѣйшихъ частей; показаніе временемъ случаевъ относящихся къ судебной Медицинѣ.—Политковскій Ѳедоръ (Герасимовичь)[5]. Колл. Асесс. Медицины Докторъ, Исторіи Натуральной Профессоръ П. О. и Университетской больницы Докторъ: Исторію Натуральную, Минералогію, Зоологію и Ботаническую Философію.—Рихтеръ Вильгельмъ Михаилъ (Михаилъ Вильгельмовичь)[6] Медицины Докторъ, Хирургіи и Повивальнаго искусства Профессоръ Публ. Экстраорд.,: Повивальное искусство по Радереру; Хирургію по Платнеру.—3. Въ Философскомъ Факультетѣ: Чеботаревъ Харитонъ (Андреевичь)[7], Надв. Сов., Исторіи, Нравоученія и Краснорѣчія Профессоръ П. О., Университетскій Библіотекарь: упражненіе учащихся въ разныхъ сочиненіяхъ; основанія Риторики по Эрнестію и другимъ луч-

---

[1] Біогр. Слов. Ч. I. стр. 340—341.—[2] Тамъ же Ч. I. стр. 91.—[3] Ч. 2. стр. 416—417.—[4] Ч. I. стр. 404—406.—[5] Ч. 2. стр. 280—287.—[6] Ч. 2. стр. 358—360.—[7] Ч. 2. стр. 551—553.

шимъ ріторамъ; предложеніе примѣровъ для подражанія въ слогѣ изъ латинскихъ и россійскихъ писателей, съ разборомъ ихъ по правиламъ критики; чтеніе Росс. Исторіи. — Страховъ Петръ (Ивановичъ)[1], Колл. Асесс., Опытной Физики Профессоръ и обѣихъ Гимназій Инспекторъ: Опытную Физику по Бриссону.—Брянцевъ Андрей (Михайловичъ)[2] Логики и Метафизики Профессоръ Публ., Экстраорд., Эфоръ надъ ученіемъ казенныхъ Университетскихъ питомцевъ, и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, Цензоръ: логику и метафизику по Федеру.—Бодуень (Baudoin), Жанъ-Жакъ Стефанъ[3], Кол. Асессоръ, Профессоръ Экстраорд., обоихъ Правъ Лиценціатъ и Франц. языка Лекторъ: начало франц. языка; знающимъ этимологическія и синтактическія правила, переводы на фр. языкъ нѣкоторыхъ статей изъ вѣдомостей; затѣмъ слѣдовало чтеніе учащимися сатиръ и писемъ Боало въ стихахъ, которыя первые по легкомъ объясненіи ихъ, будутъ заучивать наизусть. — Геймъ Іоганнъ Андрей (Иванъ Андреевичъ)[4], Колл. Асесс., Профессоръ Публ. Экстраорд., Нѣмецкаго языка Лекторъ и Университетскій Суббибліотекарь: правилъ Этимологіи и синтактическихъ нѣм., языка, съ пріобщеніемъ толкованія Хрестоматіи и предложеніе частыхъ переводовъ съ Росс на Нѣм. языкъ.—Мелльманнъ Іоганнъ (Іоаннъ Вильгельмовичъ)[5]. Философіи Докторъ и свободн. наукъ Магистръ, Греческаго и Латинскаго языка Профессоръ Публ. Экстраорд. и Греческихъ и Латинскихъ классовъ въ Универс. Гимн. Ректоръ: критику изящныхъ искуствъ, какъ всеобщую, такъ и относящуюся къ Живописи и Поэзіи, съ присовокупленіемъ чтенія избранныхъ мѣстъ изъ латинскихъ и греческихъ авторовъ; упражненіе въ сочиненіяхъ и сужденіяхъ о нихъ.—Антонскій Прокоповичъ (Антонъ Антоновичъ)[6], Энциклопедіи и Натуральной Исторіи Профессоръ Публ. Экстраорд., главный Смотритель благороднаго при Университетѣ Пансіона и Унив. Ботаническаго сада: Натуральную Исторію съ объясненіемъ царства животныхъ и растѣній по системѣ Линнея, и царства ископаемыхъ по Бомару.—Панкевичь Михаилъ (Ивановичъ)[7], Философіи и свободн. наукъ Магистръ, смѣшанной математики Профессоръ Публ., Экстраорд.,: по предварительномъ объясненіи сферической Тригонометріи, преподаваніе начальныхъ основаній Астрономіи какъ сферической, такъ и теорити-

---

[1] Ч. 2. стр. 442—466.—[2] Ч. I. стр. 109—112.—[3] Ч. I. стр. 92.—[4] Ч. I. стр. 188—191.

[5] Біогр Слов. Профес. Ч. 2. стр. 46—48.—[6] Ч. I. стр 12—36.—[7] Ч. 2. стр. 202—203.

ческой; математическую географію и навигацію, первую по Вейдлеру, и послѣднюю въ извлеченіяхъ изъ лучшихъ, и въ особенности новѣйшихъ авторовъ.—Аршеневскій Василій (Кондратьевичь) [1], Тит. Сов., Философіи и свободн. наукъ Магистръ, математики П. Экстраорд., и Эфоръ надъ поведеніемъ университетскихъ питомцевъ: плоскую Тригонометрію, Алгебру, свойство кривыхъ, и въ особенности коническихъ линій, по Вейдлеру.—Въ обѣихъ Гимназіяхъ. 1. Наставленіе въ Законѣ: Петръ Алексѣевъ, Архангельскаго Собора Протопресвитеръ, Имп. Росс. Академіи Членъ, и Ѳеофанъ Іеродіаконъ: Катехизисъ по изданнымъ для народныхъ училищъ Катехизическимъ книгамъ; первый по пространному, и послѣдній по сокращенному Катехизису. — 2. Въ Словесныхъ Ученіяхъ и въ языкахъ Латинскомъ и Греческомъ. Синьковскій Дмитрій (Николаевичь) [2], Колл. Асессоръ, Философіи Профессоръ Публ. Орд.,: по прочтеніи исторіи Философіи на Росс. языкѣ: философію умственную и нравственную по Гейнекцію.—Антонскій (Антонъ Антоновичь): Натуральную Исторію съ присоединеніемъ къ ней ученія Энциклопедіи; краткое понятіе о наукахъ съ объясненіемъ изъ нихъ каждаго предмета, и краткой ихъ исторіи. — Мелльманнъ (Іоганнъ Вильгельмовичь): Дактиліотику по Липперту, Миѳологію, объясненіе разныхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, Гораціевыхъ одъ, Виргиліеву Энеиду, Цицероновы Тускуланскіе вопросы, Ливія, Гомерову Одиссею, и отборныя Лукіяновы мѣста; переводы съ Русск. на Латинск. и упражнять въ сочиненіяхъ.—Сохацкій Павелъ (Аѳанасьевичь) [3], Философіи Профессоръ П. Экстраорд., Учительскаго Института Инспекторъ; въ классѣ Риторическихъ началъ: объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ Юстина, Курція, Ливія и Овидіевыхъ превращеній; въ греческомъ классѣ, хрестоматіи Геснера; упражненіе въ переводахъ съ русскаго на латинскій, и обратно; въ сочиненіяхъ, сперва на русскомъ, и успѣвшихъ на лат., языкѣ; синтаксисъ латинск., просодію и начальныя основанія риторики.—Поповъ Николай [4] Губерн. Секрет., латинскій синтаксисъ, изъясненіе хрестоматіи латинской въ пользу этого класса изданной, также избранныхъ Федровыхъ басенъ; переводы съ росс. на латин.; для упражненія въ чтеніи, объясненіе Гаврія Грека, и избранныхъ мѣстъ греческой хрестоматіи изданной для университетскихъ гимназій. — Атоновичь Павелъ и Тростинъ Дмитрій (Павловичь) [5], Губернск. Секретари, и Чебота-

---

[1] Ч. I. стр. 39—42.—[2] Ч. 2. стр 415—416.—[3] Ч. 2. стр. 435—440.—[4] Ч. 2. стр. 54.—[5] Ч. 2. стр. 507—508.

ревъ Яковъ: грамматическіе начатки лат. языка, особенно его склоненія и спряженія, къ чему будутъ употреблять не только изданныя прежде этимологическія таблицы, но также Христоматіи латинскую, греческое чтеніе и письмо.—3. Въ Россійскомъ и Славенскомъ языкахъ. Снѣгиревъ Михаилъ (Матвѣевичъ) [1] Провинціальн. Секрет., Философіи и свободн. наукъ Магистръ и Университетской Конференціи Протоколистъ: Повтореніе Россійск. и Славянск. грамматики; упражненіе въ переводахъ съ латинск. и франц. языковъ на Россійск., съ объясненіемъ различнаго ихъ свойства отъ своего природнаго; сверхъ этого, показаніе учащимся различные роды стиховъ и слога россійскаго, для чего будетъ читать въ классѣ своемъ не только лучшихъ росс. писателей и переводы въ стихахъ и прозѣ, но въ подражаніе имъ, задавать ученикамъ разныя сочиненія, причемъ особенно упражнять въ сочиненіи всякаго рода писемъ; сверьхъ помянутаго, начало логики на росс. языкѣ. — Колоколовъ Яковъ, Губерн. Секр. По краткомъ повтореніи Этимологіи, толкованіе Россійскаго Синтаксиса, дѣтскую Риторику и упражненіе учащихся въ сочиненіи періодовъ и легкихъ писемъ.—Кичеевъ Григорій и Баженовъ Михаилъ, губерн. секретари, Поповъ Степанъ и Климовъ Степанъ, тит. совѣтники: начало Грамматики Россійскаго и Славенскаго языковъ, особливо ихъ правописаніе.—4. Въ Нѣмецкомъ языкѣ. Геймъ (Ив. Андр.): Послѣ повторенія Синтаксиса, приступитъ къ объясненію лучшихъ мѣстъ изъ нѣмецкихъ писателей; упражненіе учениковъ въ сочиненіяхъ всякаго рода и переводахъ съ Росс. на нѣм. языкъ. Сверхъ того, въ другую половину года, толкованіе о слогѣ нѣмецкомъ по Аделунгу.—Гавриловъ Матвѣй (Гавриловичъ) [2], губерн. секр.: переводы съ Росс. на нѣм. и обратно; объясненіе извѣстнѣйшихъ въ Германіи авторовъ въ стихахъ и прозѣ; упражненіе въ краткихъ нѣм. сочиненіяхъ и руководство прочихъ въ начальныхъ правилахъ задачами имъ легкихъ переводовъ.—Некрасовъ Иванъ: Послѣ повторенія Этимологіи нѣм. языка, объясненіе нѣм. синтаксиса, упражненіе въ частыхъ переводахъ съ Росс. на нѣм. языкъ; для показанія же свойства этого языка, толкованіе и переводы труднѣйшихъ мѣстъ изъ нѣмецкой хрестоматіи, изъ которыхъ лучшія будутъ задаваемы для заучиванія наизусть. — Орловъ Степанъ, Марковъ Николай и Гринненбергъ Іоганнъ: Этимологію нѣм. языка и объясненіе нѣм. хрестоматіи, съ разборомъ въ ней каждаго слова по грамматич. правиламъ и заучиваніе изъ нея лучшихъ мѣстъ.—

[1] Біогр. Словарь. Ч. 2. стр. 420—122.—[2] Тамъ же. Ч. 1, стр. 169—173.

5. Во Французскомъ языкѣ. Бодуенъ, Жанъ-Жакъ Стефанъ: Переводы на фр. языкъ похвальныхъ словъ Ломоносова, чтеніе учащимся разныхъ одъ Ж. Б. Руссо, и по надлежащемъ ихъ объясненіи, заучиваніе ихъ по частямъ учениками наизусть. Съ половины года упражненіе учащихся въ сочиненіи фр. писемъ и небольшихъ рѣчей, съ показаніемъ употребленія въ нихъ троповъ и риторическихъ фигуръ.—Реми Жанъ: Всякій день франц. синтаксисъ, и по повтореніи грамматическихъ правилъ, упражненіе въ переводахъ съ Росс. на фр. языкъ; чтеніе избранныхъ басенъ Лафонтена съ разборомъ ихъ по этимологическимъ и синтаксическимъ правиламъ; и по объясненіи нравоучительнаго ихъ смысла, заучиваніе ихъ наизусть.—Перелоговъ Тимофей (Ивановичъ) [1], Провинціальн. Секрет., Дешанъ-Девильеръ (Deschamps - Devillers), Жакъ Беноа, Боетъ (Boette) Стефанъ и Леро (Lheureux) Жанъ: Франц. Этимологію и упражненіе учащихся краткими и легчайшими переводами съ Росс. на франц. языкъ и обратно; сверхъ того, объясненіе Фенелоновыхъ разговоровъ между мертвыми, съ грамматическимъ разборомъ каждаго слова.—6. Въ Англійскомъ языкѣ. Бели Іоганъ (Iohn Baily) [2]. Англійскаго языка Лекторъ: англійскій языкъ, переводы съ него на французскій, и для учениковъ болѣе успѣвшихъ, упражненіе въ переводахъ съ фр. на англ., съ объясненіемъ синтактич. правилъ; чтеніе каждымъ изъ учащихся своихъ переводовъ съ замѣчаніемъ трудныхъ мѣстъ и выраженій свойственныхъ языку; сказываніе наизусть достойныхъ замѣчанія мѣстъ изъ сдѣланнаго перевода. Для усвоенія правильнаго произношенія, диктовка попеременно отборныхъ стихотвореній лучшихъ авторовъ и сочиненій прозаическихъ, взятыхъ изъ Рамблера, доктора Ипсона; чтеніе каждаго періода послѣ диктовки, съ приказаніемъ преподавателя учащимся повторять непосредственно за собою достойнѣйшія замѣчанія мѣста изъ сдѣланнаго перевода и изустно переводить на россійскій языкъ.—Перелоговъ Тимофей (Ивановичъ): начало англійскаго языка; чтеніе, этимологію и упражненіе въ переводахъ съ англ. на росс. и обратно, съ объясненіемъ общихъ и нужнѣйшихъ правилъ.—7. Въ Исторіи и Географіи. Падеринъ Михаилъ [3], Губерн. Секр.: Исторію и Географію; первую по краткой и всеобщей исторіи Шрекка, и вторую по сокращенной всеобщей исторіи Баумана.—Черепановъ Никифоръ (Евтропіевичъ) [4], Провин. Секр.: объясненіе земнаго

---

[1] Тамъ же. Ч. 2, стр. 216—223.

[2] Біогр. Слов. Ч. 1, стр. 90—91.—[3] Исторія Москов. Унив. стр. 207.—
[4] Біогр. Слов. Ч. 2, стр. 553—554.

шара по всеобщимъ ландкартамъ, введеніе въ древнюю Исторію, и затѣмъ Географія и Исторія Европейская.—8. Въ Математикѣ. Аршеневскій Василій: Фортификацію и начала Артиллеріи по Вейдлеру.—Леграндъ (Legrand) Жанъ, Колл. Асессс. и Полуэхтовъ Петръ: гражданскую архитектуру.—Роговъ Андрей (Петровичъ) [1], Тит. Сов. и свобод. наукъ Магистръ: Краткое повтореніе ариѳметики и затѣмъ геометрію, тригонометрію и алгебру.—Сапожниковъ Максимъ, Колл. Асесс. и Адъюнктъ философскаго факультета и Макаровъ Василій (Ивановичъ) [2]: гражданскую ариѳметику.—Ермолаевъ Иванъ [3]) Тит. Сов., Барсовъ Александръ, свободн. наукъ Магистръ, Кромаренковъ Иванъ, Губ. Секр., Синявскій Ѳеодулъ и Капустинъ Николай: начала ариѳметическія. — 9. Въ Художествахъ: Герасимовъ Иванъ, Провинц. Секр., Новоселовъ Александръ, Николаевъ Егоръ и Гребенкинъ Николай: рисованію.—Шинкаревскій Иванъ, Барановъ Дмитрій и Брызгаловъ Ѳедоръ: инструментальную музыку.—Непочатовъ Ѳома, Поручикъ: фехтованію. — Сабіони: танцамъ.—Вилль Авраамъ, магистръ Художествъ и подъ его смотрѣніемъ: Николаевъ Алексѣй и Гильфердингъ Иванъ: Россійскому латинскому, нѣмецкому, французскому и греческому чистописанію.

Въ Исторіи Московскаго Университета (стр. 35) профессоръ Шевыревъ почти утвердительно указываетъ на первое „Объявленіе о публичныхъ ученіяхъ въ Московскомъ Университетѣ“, изданное въ 1757 году; но въ 4-й части „Опыта“ Сопикова, подъ № 6988, находимъ каталогъ университетскихъ лекцій, обозначенный 1756 годомъ (если не принимать за опечатку). Шевыревъ основываетъ мнѣніе свое на вступленіи, которымъ начинается помянутый каталогъ и содержащее въ себѣ имена первыхъ профессоровъ университета: Дильтея, Поповскаго и Фромана. Во второмъ каталогѣ, въ объявленіи о лекціяхъ послѣдней половины 1757 года [4], подъ кураторствомъ Ивана Ивановича Мелиссино [5] (отъ 24 апрѣля 1757), ученіе распредѣлено гораздо подробнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются имена преподавателей:

---

[1] Біогр. Слов., стр. 360—361.—[2] Истор. Моск. Унив., стр. 277.—[3] Тамъ же, стр. 43.—[4] Тамъ же, стр. 36—37.—[5] Кураторы въ царствованіе Екатерины II, кромѣ Шувалова сохранившаго до конца жизни званіе учредителя и перваго куратора Московск. Университета, были три куратора: Ададуровъ В. Е. съ 1762 по 1771 годъ въ дѣятельной должности; Мелиссино съ 1771 по конецъ своей жизни и Херасковъ съ 1778 до новаго Университетскаго Устава при Александрѣ I, когда кураторы замѣнились попечителями (Истор. Моск. Унив. стр. 119—120).

Барсова, Савича, Келльнера, Папафило, Роста, Рауля и Рейхеля. Распредѣленіе ученія по факультетамъ является въ первый разъ въ каталогѣ лекцій 1759 года, находящемся въ портфеляхъ Миллера (Москов. Архивъ Иностр. Дѣлъ) и въ другомъ экземплярѣ, подаренномъ Московскому Университету профессоромъ Снегиревымъ [1].

Во время кураторства Ѳедора Павловича Веселовскаго (1760), Каталоги лекцій 1761—1762 года: Catalogus praelectionum publicarum in alma Elisabethana Universitate habendarum. Anno 1761. April 26.—Реэстръ публичныхъ лекцій, имѣющихъ преподаваться въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, отъ 28-го Іюня, сего 1762 году, по 28 день тогожъ мѣсяца 1763 году; (тотъ же каталогъ существуетъ на лат. языкѣ), содержатъ распредѣленіе преподаванія въ университетѣ во время помянутаго куратора; и въ нихъ встрѣчаются имена профессоровъ: Дильтея (юридич. факульт.), Керштенса (медицин.) и Фромана (философич.), также Барсова, Рейхеля, Савича, Лабанова и преподавателя фр. языка Билона.—Распредѣленіе преподаванія наукъ въ университетѣ, съ назначеніемъ профессоровъ по старшинству, состоялось въ послѣдній годъ кураторства Адодурова, что видно изъ каталога лекцій съ 1770 по 1771 годъ, сохранившагося въ Московскомъ Архивѣ Иностр. Дѣлъ; здѣсь видимъ имена: Дильтея, Барсова, Роста, Рейхеля, Веніаминова, Десницкаго, Третьякова, Афонина, Аничкова, Гельтергофа, преподавателя фр. языка де-Лави и кандидата Сибирскаго [2].—Объявленіе о преподаваніи въ теченіе семи лѣтъ съ половиною кураторства Мелиссино (1771—1778) іюня 28, сохранилось въ каталогахъ за эти годы, находящихся въ портфеляхъ Москов. Архива Иностр. Дѣлъ, и въ первыхъ пяти томахъ изданной Бакмейстеромъ: „Russische Bubliothek"; кромѣ того, каталогъ лекцій за 1777—1778 годъ находится во 2-мъ томѣ коллекціи, подаренной университету профес. Снегиревымъ [3].

Обычай заграничныхъ университетовъ прибавлять къ каталогамъ лекцій ученыя разсужденія, ввели у насъ иностранные профессоры;

[1] Истор. Москов. Унив. Прим. къ 1-й главѣ, стр. 77. 36.—[2] Тамъ же. Прим. ко 2-й главѣ, стр. 98. 16.—[3]. Подробный отчетъ о преподаваніи за означенные годы въ Истор. Москов. Унив. стр. 186—195. Въ „Russische Bibliotheck" Бакмейстера, подъ заглавіемъ: Nachrichten von Moscau, помѣщены также въ первыхъ 5-ти томахъ, указанія на объявленія о публичныхъ ученіяхъ за 1777—1778 годъ: Catalogus praelectionum publicarum in Universitato Caesarea Moscuensi a die 1 Augusti Anni MDCCLXXII, usque ad diem XXVI Iunii A. MDCCLXXIII habendarum. (1 Band 1773. стр. 314).—2 Band 1774. стр. 227.—3 Band 1775. стр. 83.—4 Band. 1776. стр. 171. и 1777. стр. 499.—5

таковыя встрѣчаемъ въ университетскихъ публичныхъ объявленіяхъ въ началѣ XIX столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ, во исполненіе 50-го параграфа новагѡ Устава, университетъ началъ публично предлагать на рѣшеніе задачи, наблюдая очередь между факультетами. Что же касается до програмы преподаванія гимназическаго, то самая первая по всему вѣроятію была напечатана при Мелиссино съ весьма разнообразно развитымъ ученьемъ; при обѣихъ гимназіяхъ состояло 36 учителей, изъ которыхъ 16 русскихъ и 20 иностранцевъ [1].

№ 169. **Описаніе Торжества** празднованнаго **въ Шкловѣ** Его Превосходительствомъ Семеномъ Гавриловичемъ **Зоричемъ** 1793-го года, 22-го Сентября, въ день коронаціи **Ея Императорскаго Величества** и на случай перемѣщенія въ новой домъ благородднаго военнаго училища, имъ установленнаго.—**Въ Санктпетербургѣ**, При **Императорскомъ** Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ 1794 года. м. 8°. 19 нум. стр. (считая заглавн. листъ).

Чертковъ, Всеобщ. Библ. Россіи 1838. Отд. третье. Стр. 231. № 19.

Въ началѣ брошюры авторъ „описанія" говоритъ, что для такого торжества этотъ день, какъ первоначальный источникъ не только учрежденія училища, но блаженства и славы русскаго народа, былъ преимущественно назначенъ передъ другими; стеченіе многочисленныхъ гостей разнаго званія, и движеніе людей, необходимое для приготовленій къ роскошнымъ пиршествамъ, превращали это прекрасное мѣстечко какъ бы въ столицу края, просвѣщеннаго торговлею и оживленнаго художествами. Далѣе авторъ „описанія" сравниваетъ настоящее положеніе Бѣлоруссіи съ прежнимъ положеніемъ глухой Литвы, представлявшей своими непроходимыми лѣсами и болотами скорѣе жилище дикихъ звѣрей чѣмъ страну обитаемую человѣческими существами, и которую путники проѣзжали со страхомъ, какъ землю, забытую Богомъ. „Но въ настоящее время", заключаетъ онъ, созданные вновь

Band. 1778. стр. 227.—Въ 1-мъ томѣ (стр. 314) показаны имена профессоровъ: Дильтея, Барсова, Роста, Рейхеля, Шадена, Лангера, Веніаминова, Зыбелина, Десницкаго, Третьякова, Афонина, Аничкова, Берландъ де-ла Бордельеръ, Сибирскаго, Гельтергофа, Никола-де С. Никола.—Подробное изслѣдованіе Университетскаго преподаванія находится въ Исторіи Москов. Университета, отъ начала кураторства Хераскова до конца царствованія Екатерины II, или отъ 17 7/8 академическаго года по 179 5/6 включительно. См. Истор. Москов. Унив. стр. 224—238, и Прим. къ шестой главѣ стр. 280. 5.—[1] Тамъ же, стр. 42—43 и 53—55.

города, распространенныя селенія, процвѣтающая торговля, свободное и спокойное отправленіе промысловъ, доказываетъ, что означенная страна находится двадцать лѣтъ подъ премудрымъ правленіемъ десницы, благотворящей Россіи".

Послѣ этого краткаго вступленія, содержащаго похвалы Бѣлоруссіи вообще, императрицѣ и Шклову [1], начинается самое описаніе празднества: „Утромъ въ половинѣ седьмаго, три пушечные выстрѣла увѣдомили кадетъ, что наступило время готовиться къ выходу, а публику о началѣ праздника [2]; въ семь съ половиною часовъ воспитанники училища построились фрунтомъ передъ старымъ корпуснымъ домомъ, при многочисленной публикѣ; большею частью родственниковъ питомцевъ. Потомъ слѣдуетъ описаніе порядка церемоніальнаго шествія ихъ къ соборной церкви, и по отправленіи тамъ благодарственнаго молебна, тѣмъ же церемоніальнымъ порядкомъ пошли въ новопостроенный для нихъ каменный домъ; это большое зданіе, простиравшееся на шестьдесятъ саженъ, съ фасадами о трехъ ярусахъ, было расположено на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣпра, главнымъ фасадомъ къ большой дорогѣ, пересѣкающей Шкловъ; крылья его составляли изъ цѣлаго зданія вогнутое, овальное полукружіе.—Прибывъ въ 10 часовъ въ новое помѣщеніе, кадеты построились прежнимъ порядкомъ къ большой парадной галлереѣ, которой потолокъ и стѣны украшены были живописными эмблемами, колонны убраны зелеными вѣтвями и переплетены цвѣточными вазами; а хоры наполнены уже были множествомъ почетныхъ дамъ, пріѣхавшими по приглашенію хозяина; и въ утреннихъ своихъ полунарядныхъ костюмахъ составляли прелестную картину, въ которой особенно выдѣлялись

---

[1] 18 апрѣля, 1778, государыня повелѣть соизволила справить и отказать за генералъ-маіора Зорича, безъ взятья пошлинъ, въ сходственность третьяго артикула, постановленнаго съ Польшею въ 1773 году трактата, купленное у Польскаго генералъ-поручика князя Августа-Александра Чарторыйскаго, состоящее въ Могилевской губерніи, мѣстечко Шкловъ, съ селами и деревнями, на 12 войтовствъ раздѣленными, и со всякими къ тому принадлежностями. Реэстры рѣшеннымъ дѣламъ Правительств. Сената 1772 г. № 666 (4177) и 361 (2844).—Въ Шкловскомъ имѣніи числилось 16 тысячъ душъ крестьянъ и оно въ описываемое время (1778) стоило полмилліона рублей. (Русск. Архивъ 1879 г. С. Г. Зоричъ, статья М. И. Мещерскаго, тетр, 5. стр. 46).—[2]. Зоричъ на собственныя средства учредилъ шкловское благородное училище для дѣтей бѣдныхъ дворянъ, и руководилъ ихъ въ продолженіи 20 лѣтъ; изъ шкловскаго благороднаго училища впослѣдствіи образовался 1-й московскій кадетскій корпусъ. (Тамъ же, стр. 37); училище учреждено было Зоричемъ 1778 г. ноября 24, въ день имянинъ государыни. (Тамъ же, стр. 50).

красота и вкусъ. Здѣсь авторъ, несомнѣнно очевидецъ описываемаго торжества, оказывается не совсѣмъ равнодушнымъ при видѣ „прекраснаго пола": „надобно было быть воспитанниками Спарты", говоритъ онъ, „чтобы не разсѣять мысли свои"; не довольствуясь этимъ скромнымъ замѣчаніемъ своимъ, онъ, опасаясь за спокойствіе кадетскихъ сердецъ, а отчасти можетъ быть и своего собственнаго, выражаетъ это опасеніе въ слѣдующемъ стихотвореніи, предлагая Амуру оставить юныя сердца въ покоѣ:

Постой Амуръ, крылатый змѣй,
И волновать сихъ душъ не смѣй!
На слабыя сердца не зрѣлы
На что столь ядовиты стрѣлы?
Въ другое время, подожди!—
Взгляни, не мѣсто здѣсь любви,
Смотри, какъ Марсъ нахмуря брови
Бросаетъ грозный взглядъ. Поди!
Утѣшься, всѣ тебя не минутъ,
Какъ лѣты къ чувствамъ ихъ подвинутъ.
И подлинно, сказалъ Божокъ,
Что дѣлать здѣсь?—Прости дружокъ!—

По занятіи войскомъ назначенныхъ мѣстъ, однимъ изъ учителей сказана юношеству приличная случаю рѣчь, въ которой онъ побуждалъ воспитанниковъ заслуживать трудами, прилежаніемъ и поведеніемъ, милости ихъ благодѣтеля, и сдѣлаться полезными отечеству. Послѣ того возвѣстили о прибытіи Его Пр-ва С. Г. Зорича, котораго директоръ встрѣтилъ у самыхъ дверей, и построившій домъ архитекторъ, дождавшись его у лѣстницы, поднесъ ему ключи отъ всего зданія, принятые отъ него директоромъ. Въ сопровожденіи помянутыхъ лицъ, Зоричь вошелъ въ галлерею вмѣстѣ съ генералами и другими знатными особами, находившимися въ Шкловѣ, или нарочно туда пріѣхавшими. При входѣ гостей, открывшаяся завѣса, представила взорамъ собранія портретъ императрицы во весь ростъ, написанный искусною кистью, стоящій на богато-убранномъ пьедесталѣ въ видѣ жертвенника; на сводѣ покрывшемъ изображеніе Великой Екатерины, блиставшемъ разноцвѣтными огнями, видна была надпись „Іегова". Здѣсь помѣщены авторомъ „описанія" похвальные стихи къ портрету императрицы, начинающіеся такъ:

Не Греческую здѣсь Палладу вооруженну,
Премудрость сѣвера мы зримъ изображенну:
Величественный станъ, и огнь ея очей
Безвѣстной силою плѣняютъ духъ людей....

Далѣе въ этомъ стихотвореніи поэтъ упоминаетъ о „сраженномъ Екатериною кичливомъ духѣ Агарянъ, о низложеніи ею противниковъ Россіи; начертаніи ею премудрѣйшихъ законовъ, поставившею тронъ свой на счастіи подданныхъ; утомляющею себя трудами, утирающею священными руками слезы, или занимающею досуги свои науками, и призывающею, то мудрость, то Парнассъ....“ Стихи оканчиваются обращеніемъ къ императрицѣ:

О ты! которой гласъ героевъ сотворяетъ.
Которой взглядъ разитъ и души оживляетъ,
Для ужаса враговъ, для блага Россіянъ.
Живи, щастливи насъ; ты Богъ полнощныхъ странъ!

Во время благоговѣйнаго созерцанія публикой портрета монархини, корпусная артиллерія производила саллютацію сто однимъ выстрѣломъ при звукѣ трубъ, литавръ, барабановъ и духовой музыки; кадеты отдали честь, взявъ на караулъ. Когда замолкли звуки почестей, духовенство въ числѣ двѣнадцати особъ отправило обрядъ освященія новаго зданія при пѣніи хора изъ двадцати четырехъ человѣкъ, послѣ чего вышедшіе изъ каждой карусельной кадрили по одному кавалеру, привѣтствовали изображеніе императрицы на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и польскомъ. За тѣмъ войска проходили, маршируя рядами мимо портрета, на пьедесталъ котораго, каждый изъ кадетъ клалъ бумагу съ обозначеніемъ времени вступленія его въ училище, наукъ въ которыхъ упражняется и своихъ успѣховъ; послѣ того, кадеты построились въ прежній порядокъ, дефилировали изъ залы рядами, для занятія опредѣленныхъ имъ въ домѣ камеръ; за ними хозяинъ сопровождаемый гостями, направился во внутреннія комнаты, для показанія имъ хозяйственнаго, наблюдаемаго въ училищѣ порядка, когда они обошли часть зданія, и возвратились въ портретную залу; раздался барабанный бой къ обѣду, то собраніе гостей спустилось большею лѣстницею въ столовую, гдѣ кадеты сидѣли уже по мѣстамъ, имѣя ежедневную свою пищу и прислугу. Столъ, дававшій мѣсто болѣе двухстамъ воспитанникамъ, имѣлъ фигуру буквы П, и въ серединѣ былъ приготовленъ круглый столъ, за которымъ сѣлъ хозяинъ съ нѣкоторыми почетными гостями.—Здѣсь авторъ „Описанія“ упомина-

стъ о расторопности прислуги, чистотѣ и строгомъ порядкѣ окружавшими питомцевъ, предназначенныхъ быть русскими офицерами. Дамы бывшія на хорахъ, изъ любопытства приходили любоваться издали на эту картину, представлявшую какъ-бы добраго отца среди своего семейства.—Въ три четверти перваго, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о начатіи карусельныхъ представленій; далѣе описывается убранство имѣвшее фигуру квадрата и украшеннаго разными воинскими аттрибутами, амфитеатра. На лѣвой и правой сторонахъ воротъ его, находились богатоубранныя мѣста для дамъ и почетныхъ гостей; въ поставленномъ посрединѣ амфитеатра, открытомъ на четыре стороны повильонѣ, присутствовали четверо карусельныхъ судей: генералъ Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, Полковникъ Федоръ Ивановичъ Марковъ, Подполковникъ Потемкинъ и Секундъ-Маіоръ Карлъ Яковлевичъ Бергеръ (стр. 12. Прим.).—Въ два часа, послѣ третьяго выстрѣла, множество зрителей наполнило амфитеатръ, и кавалеры подъ предводительствомъ корпуснаго директора, въѣхавши въ ристалище раздѣлились на кадрили и заняли назначенныя имъ мѣста; по данному сигналу, изъ каждой кадрили выѣхало по одному кавалеру въ поле сраженія, и послѣ обыкновенной салютаціи начались игры. Въ этомъ мѣстѣ „Описанія" авторъ помѣстилъ стихи, въ которыхъ сравниваетъ карусельныя игры шкловскихъ кадетъ съ древними рыцарскими турнирами въ присутствіи „нѣжнаго пола"; въ заключеніе, онъ обращается къ прекраснымъ зрительницамъ кадетскаго каруселя, и говоритъ имъ:

«Красавицы! которыхъ сердце
Летитъ за честью въ руки храбрыхъ,
О! сколько вамъ пріятно было
Романы древни видѣть въ явѣ!»—

По словамъ автора „Описанія", искусство, проворство, гибкость и ловкость тѣлодвиженій карусельныхъ кавалеровъ, привлекали всеобщее вниманіе зрителей и вызывали частыя рукоплесканія раздавшіяся еще сильнѣе при радостномъ крикѣ, когда первый призъ былъ присужденъ судьями одному изъ карусельныхъ кавалеровъ, кадету Радожицкому, (стр. 15. Прим.). Послѣ того, какъ труба возвѣстила объ окончаніи игръ, гости перешли въ оранжерею, гдѣ дамъ ожидалъ обѣдъ съ услуживаніемъ кавалеровъ. За тѣмъ хозяинъ пригласилъ въ театръ, гдѣ кадеты играли небольшую русскую комедію, послѣ которой, танцорами Зорича представленъ былъ аллегорическій балетъ съ хорами, изображавшій коронацію императрицы, и народа съ четырехъ

частей свѣта, подносящихъ лавровый вѣнецъ законодательницѣ Россіи; костюмы, декораціи и искусство танцующихъ соотвѣтствовали грандіозности предмета. Расположеніе и сочиненіе балета принадлежало балетмейстеру Маріотини; музыка шкловскому мѣщанину Якову Насурѣ (стр. 15 Прим.) Слова хора были слѣдующія:

Великая Екатерина!
Узри, какъ щастливы народы,
Въ земляхъ далекихъ, громогласно
Твое владѣніе поютъ.

*

Пускай падутъ столѣтни дубы
Пусть горы дпами къ верьху станутъ;
Твоей души дѣла нетлѣнны
Чрезъ время вѣкъ Твой пронесутъ.

*

Напрасно, о всесильны боги!
Предѣлъ вы смертнымъ положили,
Напрасно вѣкомъ отличили
Того, кто духомъ равенъ вамъ.

По выходѣ изъ театра зажженъ былъ фейерверкъ, въ которомъ болѣе всего выдавался шифръ императрицы „сверкавшій подобно солнцу разноцвѣтными огнями, но слабо изображавшій", по словамъ автора „Описанія", безсмертное сіяніе лучей славы премудрой Фелицы".— Когда публика собралась въ обширную, великолѣпно освѣщенную галлерею, гдѣ долженъ былъ открыться балъ, то множество дамъ и дѣвицъ пропѣли Зоричу куплеты въ которыхъ выражалось желаніе возложить сплетенные ими лавровые вѣнки на главу того, „который дышетъ небеснымъ чувствіемъ щедротъ, и сердцу котораго доступны слезы несчастныхъ, бѣдныхъ сиротъ". „Описаніе" говоритъ: „сія трогательная картина обратила на себя вниманіе чувствительныхъ сердецъ, которыя съ пролитіемъ слезъ повторяли признательную пѣснь сію, отдавая справедливость другу человѣчества". (стр. 18).

Всѣ карусельные кавалеры, принимавшіе участіе въ балетѣ, также прочіе изъ отличныхъ по наукамъ кадеты, находились на балѣ, продолжавшемся до двухъ часовъ за полночь; восемь дней сряду праздновался этотъ торжественный день съ большимъ великолѣпіемъ: балы, маскерады и разныя другія увеселенія поочередно смѣняясь, придавали шкловскому торжеству величайшее разнообразіе. Радушіе хозяина, старавшагося объ удовольствіи публики, изобильное и роскошное уго-

щеніе „превосходили", говоритъ „Описаніе", „всѣ понятія древняго гостепріимства"; собраніе гостей съ сожалѣніемъ оставило домъ Зорича, и удалявшіеся обращали часто взоры на Шкловъ, унося въ душѣ своей непреоборимую истинну, выраженную „описателемъ торжества", въ стихотвореніи, котораго приводится здѣсь начало:

Благополученъ тотъ изъ смертныхъ
Кто можетъ ближнимъ помогать,
Кто не хранитъ даровъ завѣтныхъ
Чтобъ съ ними въ нѣгѣ утопать;
Но солнечнымъ лучамъ подобно,
Что видитъ, хочетъ согрѣвать:
Тому скорѣй металлъ удобно
Щедротой въ памятникъ сковать...." [1].

Описаніе настоящаго, одного изъ самыхъ блестящихъ и роскошныхъ праздниковъ, данныхъ Зоричемъ въ Шкловѣ, находится въ „Историческомъ очеркѣ Шкловскаго благороднаго училища" [2].

---

[1]) Доброе сердце Зорича, и расположеніе его дѣлать добро, подтверждается письмами къ нему, бывшаго его начальника, графа П. А. Румянцова. Поздравляя его съ полученными наградами, графъ писалъ Зоричу: „Правосудіе васъ награждаетъ за добротвореніе ежедневное къ ищущимъ вашего пособія. Продолжайте поступать сходственно вашему добродѣтельному расположенію...." (Чтеніе Общ. Истор. и Древн. Росс. 1866. кн. I. ч. III. стр. 261.—Русск. Архивъ. 1879. тетр. 5. С. Г. Зоричь, стат. М. Н. Мещерскаго, стр. 45. прим. 24).—Графъ П. А. Румянцевъ, зная доброту Зорича, неоднократно обращался къ нему съ просьбами и ходатайствомъ за нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему лицъ; въ письмахъ графа къ Зоричу изъ Малороссіи находятся слѣдующія выраженія; „Ваше похвальное расположеніе къ добродѣянію заслуживаетъ мое призпаніе; благодѣянія ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ (въ Малороссіи), и вы сдѣлались какъ бы опекуномъ добро творить", или „вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ". (Архивъ военно-походной Канцел. гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго. Чтен. въ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1866 г. кн. 1. — Русск Архивъ 1879. Зоричь, ст. Мещерск. стр. 48. прим. 34). — [2]. Давая описанный въ настоящей книжкѣ праздникъ, Зоричь душевно не могъ быть спокоенъ: тогда дѣла его были весьма плохи, чему причиною было довѣріе его къ людямъ его обманывавшимъ; роскошная жизнь, неумѣренная раздача денегъ и страсть къ картежной игрѣ, все это разстроило его громадное состояніе. Онъ вошелъ въ неоплатные долги, и дошло до того, что послѣднее его Шкловское имѣніе было назначено къ публичной продажѣ. Драгоцѣнныя вещи, „завѣтные дары Екатерины" были заложены въ частныя руки. (Русск. Архивъ 1879 г. тетр. 5. Зоричь. ст. Мещерск. стр. 57. Прим. 58).

№ 170. Танцовальной учитель, заключающій въ себѣ правила и основанія сего искуства къ пользѣ обоего пола, со многими гравированными фигурами и частію музыки. Выбраны изъ славнѣйшихъ о семъ искуствѣ писателей, и собственными примѣчаніями дополнены Императорскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса и Императорской Академіи Художествъ Учителемъ И. К. Въ Санктпетербургѣ, при Императорскомъ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1794 года. 8°. 4 ненум., (посвященіе и обращеніе къ читателю), 44 нум., 1 ненум., стр., и 5 таблицъ съ фигурами.

Сопик. ч. 5. № 11701.—Плавильщ. ч. 1. № 916.—Смирд. ч. III. № 5447.

Посвященіе книжки тайному совѣтнику, оберъ-прокурору Синода, члену академіи наукъ, преемнику президента академіи художествъ и директору корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, Иваномъ Кусковымъ; въ обращеніи своемъ къ читателю, издатель „Танцовальнаго Учителя" говоритъ: „Издавна танецъ почитается между просвѣщенными народами однимъ изъ благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ тѣлесныхъ упражненій. Знающіе онаго правила, могутъ удобно и легко поддержать его достоинство. И такъ самой долгъ отъ нихъ требуетъ издать въ свѣтъ свои примѣчанія на сіи правила, дабы привести оной въ совершенство, или, по крайней мѣрѣ, облегчить для тѣхъ, которые получили отъ природы вкусъ и расположеніе нужное имѣть въ немъ щастливой успѣхъ.

Многіе иностранные учители писали о семъ искуствѣ; но какъ извѣстно, что со времени изданія ихъ сочиненій, произошли какъ въ танцѣ, такъ и въ прочихъ искуствахъ многія перемѣны, то я старался собрать въ сію книжку все, по сіе время превосходнѣйшее изъ славнѣйшихъ о семъ писателей, съ нѣкоторыми съ моей стороны примѣчаніями нынѣшняго вкуса.... главное мое намѣреніе въ семъ трудѣ есть, доставить юношеству небольшую теорію въ семъ искуствѣ, которое съ помощію искуснаго учителя, можетъ не только облегчить, но даже и ускорить успѣхи въ семъ упражненіи...

Книжка состоитъ изъ XII главъ, изъ которыхъ первыя четыре подробно объясняютъ начальныя правила, предшествующія изученію танцевъ; затѣмъ слѣдуютъ изложеніе теоріи исполненія лишь одного менуэта, хотя вмѣстѣ съ нимъ существовали уже давно и другіе танцы проникнувшіе къ намъ съ запада, и о которыхъ не упоминаетъ „Танцовальный учитель". Что касается менуэта, то начало введенія его

въ Россіи относится къ временамъ Петра I-го, который одновременно съ бритьемъ бородъ, французской одеждой и париками, ввелъ въ употребленіе и заморскіе танцы [1].

Въ первой главѣ руководства къ танцовальному искуству изложены правила: **Какимъ образомъ ставить тѣло и производить разныя положенія ногами.** Здѣсь дѣло идетъ о пяти позиціяхъ, относящихся такъ сказать къ азбукѣ хореографическаго искуства. Глава II. **Способъ хорошо ступать или ходить.** III. **О разныхъ поклонахъ.** IV. **Какимъ образомъ должно складывать и надѣвать шляпу.**— Съ V-й главы начинается трактатъ: **О шагѣ менуэта;** здѣсь „Танцовальный Учитель" говоритъ между прочимъ: „многіе танцуютъ менуэтъ, но не многіе искусно; другіе не знаютъ ни малѣйшихъ правилъ онаго. Иной обходя вокругъ зала и производя весьма худо составленные шаги, думаетъ уже, что знаетъ танцовать менуэтъ, который можетъ быть выучилъ въ двѣ недѣли, или въ мѣсяцъ"; чтобы вывесть изъ заблужденія такихъ самопадѣянныхъ и неумѣлыхъ танцоровъ менуэта, онъ говоритъ: „сей танецъ самый благородной и важной, а слѣдовательно и труднѣйшій, и которому, чтобы танцовать его съ потребною пріятностію и во всей точности надобно учиться долгое время.— Далѣе идетъ объясненіе шага менуэта состоящаго въ четырехъ мѣрахъ, изъ которыхъ двѣ первыя называются: „**coupés** или **coulés**"; двѣ другія: „**soutenus** или **marchés**; далѣе „Танцовальный Учитель" растолковываетъ самую суть менуэта, говоря что фигура его должна быть четвероугольная, представляющая французскую литеру Z, и та-

---

[1] Я. Я. Штелинъ приводитъ объ этомъ слѣдующее извѣстіе: Въ началѣ царствованія Петра Великаго, около окончанія XVII столѣтія, перестали при дворѣ и въ знатныхъ домахъ танцовать **русскіе** танцы и носить долгое платье, вмѣсто котораго сей Государь вводши иностранное, съ онымъ ввелъ и иностранные танцы, яко-то: **нѣмецкіе**, **аглинскіе**, а послѣ и **французскіе**, кои удивительно скоро пришли въ славу; ибо при Немъ уже вмѣняли въ стыдъ благороднаго рода женщинамъ и мущинамъ, если они не могли порядочно протанцовать **менуэта**, **контретанца** или **польскаго**. Во время же царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, искуство танцованія до того доведено было, что Г. Ландо, одинъ изъ первыхъ **французскихъ балетмейстеровъ** публично говаривалъ: кто хочетъ видѣть какъ правильно, нѣжно и непринужденно менуэты танцовать надобно, долженъ пріѣхать къ Императорскому **россійскому** двору. Сіе изреченіе конечно не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что Императрица Елисаветъ Петровна, совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцованія...." (С.-Петербургскій Вѣстникъ 1779 г. Октябрь. стр. 244—245).

нецъ состоитъ изъ двухъ шаговъ впередъ, двухъ въ правую, и двухъ въ лѣвую сторону; каждый изъ помянутыхъ шаговъ содержитъ въ себѣ четыре мѣры... Менуэтъ по правиламъ слѣдуетъ проходить вокругъ два или три раза прежде поданія руки, и столько же послѣ того, и потомъ подать обѣ руки, чтобы его окончить (стр. 13—14). Въ VI-й главѣ объясняется: „какимъ образомъ подавать руку", причемъ сказано, что по правиламъ танца, рука подается дамою, такъ какъ предупредить ее въ этомъ случаѣ кавалеру, будетъ неучтиво, ибо дама можетъ подумать, что ея кавалеръ неохотно съ нею танцуетъ и желаетъ скорѣе кончить танецъ. Гл. VII. О мѣрѣ. Содержитъ въ себѣ объясненіе шага менуэта, состоящаго изъ четырехъ мѣръ; и для точнаго его исполненія, нужно употреблять двѣ мѣры голоса, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ четвертей. Гл. VIII. О разныхъ шагахъ коими можно украсить менуэтъ. Въ этой главѣ подробно объясняется, какъ производить шаги для украшенія танца, изъ которыхъ танцмейстеръ особенно указываетъ на „балансе", и на „гравъ". Гл. IX. Что касается до осанки женскаго пола, и какъ имъ (?) ступать и кланяться. X. Какимъ образомъ входить въ залъ. Гл. XI. Какъ держать руки женскому полу во время танцованія менуэта, отводить плеча въ разныя стороны, и о употребляемыхъ въ семъ танцѣ оборотахъ головы. — За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе всего сказаннаго въ заглавіи, какъ составляющаго единственную, по словамъ „Танцовальнаго Учителя" пріятность въ менуэтѣ, для женскаго полу": далѣе преподается, какъ слѣдуетъ дамѣ держать руки, танцуя менуэтъ въ „кругломъ платьѣ", или въ „передникѣ". Гл. XII. Какъ подавать руку женскому полу; причемъ объясняются правила поданія руки кавалеру „съ благопріятностію".— Приложенныя къ „Танцовальному Учителю" таблички съ рисунками представляютъ: 1. Изображеніе фигуръ пяти кавалеровъ, одѣтыхъ во фраки съ длинными фалдами, камзолы и жабо, напудренныхъ, съ кошельками позади головы, въ короткомъ нижнемъ платьѣ, чулкахъ и башмакахъ, выдѣлывающихъ пять позицій (къ стр. 2). — 2. Четыре кавалера подающіе руку дамамъ въ менуэтѣ (три мѣры), и подаваніе обѣихъ рукъ (къ стр. 16).—3. Двѣ мѣры менуэта съ изображеніемъ нотъ (къ стр. 20).—4. Дама въ кругломъ платьѣ съ короткими рукавами (manches courtes) держащаяся обѣими руками за юпку (къ стр. 38). — 5. Дамы подающія руки кавалерамъ (три мѣры) и подаваніе обѣихъ рукъ (къ стр. 42).

Литература XVIII вѣка весьма небогата печатными руководствами къ танцовальному искусству; изъ самаго обращенія автора

настоящей книги къ читателю, видно, что до изданія въ свѣтъ „Танцовальнаго Учителя“, едва ли существовало какое либо оригинальное, русское сочиненіе по этой части. Самъ авторъ книги упоминаетъ о многихъ писавшихъ о танцовальномъ искусствѣ авторахъ, не указывая ни на одного русскаго. Изъ переводныхъ сочиненій этого рода, извѣстно напечатанное подъ заглавіемъ: „Танцовальный Словарь“, содержащій въ себѣ исторію, правила и основаніе танцовальнаго искусства; съ критическими разсужденіями и любопытными анекдотами относящимися къ древнимъ и новымъ танцамъ. Переводъ съ Французскаго. Москва въ Унив. Типографіи. 1790 г. 8°. [1]

1796.

№ 171. Отрывки.—Je vais errer sur la terre sans trouver une place pour reposer mon cœur. J. J. Rousseau. Nouv. Hel. — Въ Типографіи Государственной Медицинской Коллегіи. — **Отрывки. Санктпетербургъ, 1796 года.** (На оборотѣ:) Съ дозволенія Управы Благочинія. — Приношеніе праху отца моего: **Каминъ 1795 года, Марта мѣсяца, Москва.—Ручеекъ. Въ 1796 году, Маія мѣсяца, въ селѣ Вѣйнѣ.** 24°. 46 нум. стр. не считая заглавный листъ гравированный на мѣди.—Двѣ виньеты. (Съ 30-й стр. помѣта ошибочная, показывающая 48 стр.).

Сопик. ч. 4. № 8007.—Плавильщ. ч. III. № 6516.—Смирд. ч. IV. № 6233.—Кн. Н. Н. Голицына Словарь Русск. Писательницъ, Варшавск. Дневн. 1881. стр. 3. № 179.—Списокъ Русскихъ Анонимн. книгъ Г. Г. Спб. 1874. стр. 29.

На 3-й страницѣ помѣщено слѣдующее предъувѣдомленіе „Отъ Издательницы“: Желая здѣлать услугу и удовольствіе чувствительнымъ Читателямъ издаю я сочиненіе одной Россійской Писательницы, которая держась скромности нашему полу свойственной, долго противилась моему желанію и хотѣла скрыть отъ Публики плоды своего дарованія; по убѣждена будучи усильною прозьбою друзей своихъ, рѣшилась наконецъ принести имъ въ жертву свои сочиненія, и мнѣ позволила быть издательницею.

Кто изъ васъ, почтенные Читатели, не найдетъ въ семъ сочиненіи легкаго и цвѣтущаго слога? Кто не замѣтитъ сильнаго и живаго выраженія чувствъ? Кто не тронется нѣжною и горячею любовію дочери, воздающей честь праху своего Родителя?—Почтенный памят-

---

[1] Сопик. Ч. 4. № 10444. Плавильщ. Ч. I. № 917.—Смирд. Ч. III. № 5448.

никъ! Почтенныя чувствованія! Они достойны быть обнаружены, и сочиненіе достойно быть напечатано".

Сочинительница настоящихъ статеекъ, сидя въ полночь передъ потухающимъ огнемъ камина, погруженная въ мрачныя мысли, изливаетъ жалобы на тягостную жизнь свою, на безучастіе и равнодушіе людей; чувствуя себя одинокою вслѣдствіе своего убѣжденія, что на землѣ не существуетъ ни любви, ни дружбы и ни состраданія, она говоритъ между прочимъ: „я не вѣрила, ждала, прилѣжно слушала, не идетъ-ли кто вывести меня изъ печальнаго мрака сего; но все молчало вокругъ меня, и одни только тяжелыя вздыханія сердца моего тишину природы возмущали! Слезами наполнялись глаза мои, когда я себѣ сказала: отнынѣ между ими (людьми) и мною, всѣ связи разрываются. Я посвятила природѣ послѣднее чувство умирающей души моей; вздохнула, еще разъ на нихъ посмотрѣла — и сказала: Богъ съ вами!"

Въ такомъ тяжеломъ душевномъ настроеніи, поэтическое воображеніе писательницы уноситъ ее на песчаный берегъ „свирѣпаго Днѣпра", въ Кіевъ, къ оградѣ Лавры, гдѣ протяжное пѣніе монаховъ, или блѣднолицыхъ монахинь, вполнѣ согласуется съ состояніемъ ея собственнаго духа; то въ „каменистую Финляндію", гдѣ она съ уныніемъ взираетъ на обширныя поля засѣянныя одними камнями, и скорбитъ о томъ, что земля отказываетъ въ пищѣ бѣдняку-земледѣльцу; ей представляется какъ несчастный труженикъ, возвратясь домой облитый потомъ, дѣлитъ скудную пищу свою съ малолѣтними дѣтьми. За тѣмъ переносится она въ „дремучіе лѣса и грозныя горы Шотландіи, гдѣ съ дикими пастухами проходитъ дебри; ищетъ на пескѣ слѣдовъ храбраго войска Фингала, внимаетъ побѣдоносному пѣнію Бардовъ, и ловитъ въ воздухѣ унылый звукъ печальныхъ пѣсней Оссіана; или сидя ночью на дикой, кремнистой скалѣ, чувствительная писательница „преклонивъ на руку томную голову", внимаетъ реву шумящаго моря, думаетъ о своихъ близкихъ, и смотритъ на блѣдный мѣсяцъ катящійся по лазоревому своду. Ей представляются тѣни ея дѣтей простирающія къ ней блѣдныя руки свои; между тѣмъ вѣтеръ воетъ въ ущелинахъ, и въ пещерѣ раздается мрачный голосъ Друида съ огненными глазами, сверкающими сквозь сѣдые волосы, висящіе по лицу его, требующаго громовымъ голосомъ страшной жертвы, страшному богу; она видитъ таинственный камень, и грознаго Одина „носящагося въ облакахъ мрака..." Наконецъ призраки вызванные мечтательнымъ ея воображеніемъ, изчезаютъ, и даютъ мѣсто иной картинѣ: она видитъ себя въ домѣ родительскомъ, въ объятіяхъ се-

мейства, посреди сердечныхъ друзей своихъ! Но и эти воображаемыя минуты счастья для нея отравлены! День разлуки съ близкими сердцу назначенъ; черезъ часъ, черезъ нѣсколько минутъ она оставляетъ ихъ можетъ быть на вѣки. — Тамъ, за высокими горами, за густымъ лѣсомъ, далеко на чужой сторонѣ, судьба опредѣлила ей жить... Но главную боль сердца любящей дочери, составляетъ разлука съ обожаемымъ отцомъ, о которомъ она говоритъ съ особенно-глубокимъ чувствомъ, и завѣщаетъ милымъ друзьямъ своимъ, въ случаѣ, если она вдали отъ нихъ окончитъ жизнь свою, прійти къ печальной ея могилѣ, и сорвавъ съ нея травы, отнести къ отцу ея; онъ узнаетъ по ней, что сердце дочери его „хладно какъ роса вечерняя...“ Прощаясь съ близкими, авторъ „Камина“ сознаетъ, что жизнь не есть великое благо для бѣднаго труженика! Слезы катятся изъ глазъ разлучающейся съ любимымъ семействомъ; колеса заскрипѣли, двери отцовскаго дома затворились съ шумомъ—и мечтательница очнувшись, видитъ себя въ прежней тишинѣ, сидящею у огня, который уже погасъ; взошедшій мѣсяцъ, чуть свѣтится въ замерзлыя окна; она бросается въ постель и засыпаетъ.

Содержаніе второй статейки состоитъ въ обращеніи писательницы къ ручейку Вѣенкѣ, протекающему въ селѣ Вѣйнѣ; въ грустно-поэтическомъ настроеніи, она повѣряетъ ему гнетущую ее грусть о смерти сердечнаго своего друга-отца, покоящагося по словамъ ея далеко, подъ тѣнью „высокой стѣны бѣлокаменной“; отца, въ которомъ лишилась она послѣдняго сердечнаго друга, оставшись „сирая“, въ одиночествѣ во всей вселенной, со скучнымъ бытіемъ своимъ, одна, безъ подпоры, утѣшенія; одна съ лютою и грозною своей судьбой. Далѣе упоминаетъ она о своей болѣзни приблизившей ее къ смерти, отъ которой неумолимая судьба сохраняетъ ее, не смотря на желаніе ея оставить міръ и достигнуть конца страданій своихъ; велитъ ей жить, тосковать, чувствовать... Съ тѣхъ поръ скитается она, грустная, по зеленымъ берегамъ Вѣенки и думаетъ о другѣ своемъ, исчисляетъ всѣ близкія ей потери; не зная къ кому преклонить осиротѣвшее сердце свое, она повсюду ищетъ отца своего, требуетъ его у всей природы, но нигдѣ не находитъ своего нѣжнаго друга! Свѣтъ скученъ ей, несносно бытіе, и одна только могила обѣщаетъ успокоить бѣдное сердце. Оплакивающая такъ горько потерю отца своего дочь, въ порывахъ безутѣшнаго отчаянія, обращается къ ночнымъ птицамъ, витающимъ подобно мыслямъ ея кругъ песчаной могилы его и спрашиваетъ ихъ: „не ужъ ли онѣ никогда не принесутъ ей съ могилы сердечной, милой вѣсточки?“—Она взываетъ къ тѣни его и молитъ

утѣшить ее въ сиромъ ея одиночествѣ; наконецъ взываетъ къ природѣ и проситъ ее отнынѣ раздѣлять съ безутѣшною дочерью горесть ея; проситъ о томъ же и тихую, прозрачную Вѣенку, кристальную воду которой мутила она и прежде слезами своими, оплакивая на зеленомъ берегу ея скучную свою молодость; обращаясь къ любезному ей ручейку, она завѣщаетъ ему „окроплять чаще зеленую мураву" растущую вокругъ будущей, уединенной ея могилы. „Тѣнь, другъ печали и унынія", говоритъ она оканчивая сѣтованія свои, „и безъизвѣстная могила моя, должны быть скрыты отъ глазъ смертныхъ и природы. Печаль замѣтила меня при рожденіи, и меланхолія себѣ присвоила. Судьба записала черными буквами имя мое, и въ жизни и при смерти велѣла мнѣ навсегда быть сиротою и въ одиночествѣ; теки, Вѣенка чистая, теки и катись по мелкому песку бѣлому! Ахъ, когда усну я крѣпко сномъ друга моего, на зеленомъ берегу твоемъ?

„Отрывки", напечатанные безъ означенія имени автора, принадлежатъ перу Александры Петровны Хвостовой [1], супруги д. с. с. Дмитрія Семеновича Хвостова, дочери статс. сов. Петра Матвѣевича, роднаго брата поэта Михаила Матвѣевича Хераскова [2].—Черезмѣрная чувствительность, отличающая оба отрывка, была во вкусѣ того времени и потому настоящая книжка услаждала читателей воспитанныхъ на сентиментальной прозѣ и поэзіи; въ сочиненіи г-жи Хвостовой, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ ея современниковъ, отражаются слѣды Карамзинской эпохи въ русской литературѣ; кто изъ тогдашнихъ читательницъ Карамзина не проливалъ слезъ надъ „Бѣдной Лизой" нѣжнаго поэта и не скорбѣлъ душею о судьбѣ этой несчастной жертвой обольщенія? Точно также меланхолическія, кажущіяся въ настоящее время дѣтски-наивными обращенія къ ручейкамъ, рощамъ, лунѣ и т. д., излюбленныя писателями XVIII-го столѣтія, дѣйствовали раздражительно на размягченные нервы читателя, и потому нельзя удивляться, что произведенія подобнаго рода имѣли въ свое время большой успѣхъ въ публикѣ, доказательствомъ чего служитъ книжка Хвостовой, напечатанная въ количествѣ 2400 экземпляровъ, разошедшихся въ теченіи одного года [2]; кромѣ того она была нѣсколько разъ перепечатана и переведена на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. [3]

---

[1] Родилась 1767 г., ум. въ Кіевѣ 1853 г.—[2] Словарь Русскихъ Писательницъ кн. Н. Н. Голицына. Варшавскій Дневникъ 1881 г. № 179, стр. 3.

[3] Слов. Русск. Писательницъ № 179, стр. 3.

Въ описываемомъ здѣсь изданіи 1796 года, заглавный листъ гравированный на мѣди украшенъ висящею лавровою гирляндою. На первой виньетѣ изображеніе автора (А. П. Хвостовой), въ задумчивой позѣ, сидящей на креслѣ и облокотившейся на столикъ, со склоненной на руку головой, передъ потухающимъ каминомъ, съ стоящими на немъ часами; у ногъ ея лежитъ спящая собака, и позади кресла статуя женщины опирающейся на якорь (надежда). На второй виньетѣ видъ кладбища въ селѣ Вейнѣ и протекающій ручеекъ.—Извѣстны еще слѣдующія изданія статейкъ Хвостовой: одинъ „Каминъ" былъ прежде помѣщенъ въ журналѣ, выходившемъ въ 1795 году. „Пріятное и полезное препровожденіе времени" [1]; второе изданіе этой въ настоящее время рѣдкой книжки напечатано въ 1802 г. 8° [2].—Третье, въ 1833 г. Спб. въ типогр. Плюшара 24° 47 стр. [3], и четвертое, съ обозначеніемъ 1844 г. 16° [4].

Кн. Н. Н. Голицынъ сообщаетъ въ „Словарѣ Русскихъ Писательницъ", слѣдующія извѣстія о французскихъ переводахъ „Камина": 1. Подъ заглавіемъ: „Aux Mânes de mon père, élégie par M**** (Москов. Вѣд. 1804 г. №№ 78 и 79). Объявленіе о немъ помѣщено въ „Moniteur du 13 novembre 1821.—2. Другой фр. переводъ: „La Cheminée pièce fugitive, traduite de Tchékaleffsky. S. Ptrsb. 1798. 12° [5].—(Корректурные листы отдѣленія иностранныхъ писат. о Россіи, литогр. изд. въ 4°. Спб. 1860. К. 409); и 3. Еще фр. переводъ „par un russe Bas. Borissoff. Moscou 1809. 12°. (Тамъ же К. 410).—Нѣмецкій переводъ: „Der Kamin oder die Phantasie einer Russin, ein russisches Original-Gedicht (?), übersetzt von M. Malfa. Moscau, bei Carl Langner, Buchhändler. Leipzig bei Rein und Comp. съ виньеткою; bei Kryascheff und Mey; посвященіе: Dem Fräulein Nadeschda Kussovnikoff gewidmet. (Тамъ же К. № 281. Catalogue des Rossica St. Petrsb. 1775. К. 411). Макаровъ въ Дамскомъ Журналѣ (1830), ч. 30, стр. 20, № 15, упоминаетъ еще объ англійскомъ переводѣ [6].

Къ сообщеннымъ авторомъ „Словаря" извѣстіямъ о французскихъ

---

[1] Ч. 6, стр. 68—77. Сѣверн. Пчела 1844 г. № 207, стр. 827. Историч. Розысканіе о Русск. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ А. Н. Неустроева стр. 764.—[2] Сопик. Ч. 4, № 8008, причемъ упомянуто: „сочиненіе г-жи Хвостовой, хотя ни на одной изъ перепечатокъ книжки не выставлено имени автора.—[3] Геннади Русск. Книжн. Рѣдк., стр. 103, № 159.—[4] Антикв. Каталогъ Библіот. Трощинскаго 1874, стр. 197, № 2748.—[5] Это заглавіе у Геннади нѣсколько иначе: „La Cheminée pièce fugitive d'Alexandrine Khwastoff. Traduite du russe (Anonyme) Ptrsb. 1798. 12°. Les écrivains Franco-Russes par G. Ghennady, Dresde. 1874. p. 71.—[6] Словарь Русск. Писательницъ, № 179.

переводахъ, считаемъ не лишнимъ присоединить слѣдующія подробности; Въ одномъ изъ нихъ: La Cheminée pièce fugitive traduite du Russe. A l'Imprimerie Impériale 1798. St Petersbourg, 16°. 23 p., безъ имени автора и переводчика, заглавный листъ и виньета совершенно подобны находящимся въ русскомъ оригиналѣ перваго изданія 1796 года. Въ предъувѣдомленіи (Avertissement), переводчикъ говоритъ: La Cheminée, pièce fugitive, que j'ai essayé de traduire en Français, est écrite par une jeune Dame, qui joint à beaucoup de Talens, l'Art d'écrire avec cette Eloquence qui caractérise les Ames sensibles, et dans tous les écrits charme également l'Esprit et le coeur. Si la traduction n'a pas ce style fleuri et léger, qui fait la grande beauté de l'Original, elle fait voir au moins toute la vivacité de l'imagination de l'Auteur. Je suis fais faché que la Modestie, si naturelle au Beau Sexe, l'ait engagé à cacher son nom au Public; ce qui me prive de la satisfaction de la nommer aux etrangers, qui liront cetie jolie production de son imagination féconde (p. 1—2).—О французскомъ же переводѣ, находится слѣдующее напечатанное въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1798 года, № 50, іюня 25-го, объявленіе: „Въ Университетской книжную лавку что на Тверской, въ продажу по Коммисіи вступила слѣдующая, переведенная съ Россійскаго на французскій языкъ, книжка: La Cheminée, fragment traduit du Russe. Цѣна въ бум. 30 коп. (Безъ означенія имени автора и переводчика).

№ 172. Акаѳистъ Покрову Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и присно Дѣвы Маріи. 4°. 56 нум., стр. (счетъ съ заглавнаго листа). На послѣдней страницѣ: Печатано въ селѣ Рузаевкѣ Струйское тожъ, въ лѣто отъ Христа 1796 года, Іюня въ двадесять вторый день, въ Царствованіе Премудрыя **Екатерины.**

Сопик. Ч. 5. Прибавл. № 12804.—Геннади. Справочн. Словарь о русск. писат. т. I. стр. 14.

Каждая изъ страницъ книги окаймлена фигурной рамкой. На оборотѣ заглавнаго листа помѣщено означеніе молитвъ читаемыхъ передъ началомъ Акафиста: Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ; таже Аминь. Царю небесный, и по Отче нашъ, Помилуй насъ Господи, слава. Господи помилуй насъ; и нынѣ. Милосердія двери, Господи помилуй 12. Слава, и нынѣ. Пріидите поклонимся 3. Псаломъ 142. Господи услыши молитву мою. Слава и нынѣ. Аллилуіа. 3. Таже. Стихиры; по семъ: Помилуй мя Боже и канонъ.

Изданіе „Акафиста" было послѣднимъ произведеніемъ рузаевской типографіи, появившееся еще при жизни Струйскаго. Онъ скончался въ 1796 году [1], вслѣдствіе болѣзни приключившейся съ нимъ по полученіи извѣстія о кончинѣ императрицы [2].

1797.

№ 173. Бѣдная Лиза. Non la conobbe il mondo mentre l'ebbe..... Съ одного дерева изъ окружающихъ прудъ, что близъ Си* нова монастыря, идучи въ Кожухово.—Иждивеніемъ Любителя Литтературы. 4°. 34 нум. стр. и гравиров. картинка. (Безъ означенія года и мѣста печатанія).

Сопик. Ч. 3. № 5058.—Плавильщ. Ч. III. № 4089.—Смирд. ч. IV. № 8349.—Митр. Евген. Словарь т. I. стр. 274.—Геннади Справочн. Словарь т. II. стр. 109.—Русск. Архивъ 1864. Вып. 7. Матеріалы для полн. собр. сочин. и перевод. Карамзина, столб. 849. (Лонгинова).—Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866. Прим. къ письмамъ, стр. 0103; къ стр. 242.

На оборотѣ заглавнаго листа, отъ издателя напечатаны слѣдующія слова объясняющія причину появленія въ свѣтъ настоящаго изданія повѣсти: „Издавая Памятникъ чувствительности и нѣжнаго вкуса Московскихъ Читателей и Читательницъ, надѣюсь принести имъ больше удовольствія, нежели самому Автору бѣдной Лизы. Вниманіе ко всему привлекающему особливое вниманіе; любовь къ изящному въ сердцахъ, въ картинахъ въ книгахъ..... во всемъ—были единственнымъ побужденіемъ къ сему изданію".

Новый, легкій, изящный языкъ, которымъ русская литература обязана Карамзину, и которымъ написана „Бѣдная Лиза", производившая фуроръ во всей тогдашней читающей публикѣ, остается однимъ изъ памятниковъ изящной словесности XVIII столѣтія. Надъ „Бѣдной Лизой" умилялись и проливали слезы чувствительныя прабабушки современнаго намъ молодаго поколѣнія; въ нѣжной скорби объ участи несчастной жертвы страсти, читательницы повѣсти не обращали вниманія на то, что ея героиня, безграмотная крестьянка, выражается языкомъ обучавшейся въ пансіонѣ барышни и мечтаетъ не хуже лю-

[1] Выпускъ 2-й. стр. 326. прим.—[2] Извѣстіе о смерти Екатерины до такой степени поразило Струйскаго бывшаго ея пламеннымъ почитателемъ, что онъ слегъ горячкой, лишился языка и вскорѣ умеръ (Русск. Архивъ 1865 г. № 4, столб. 486: Нѣсколько извѣстій о пензенскомъ помѣщикѣ Н. Е. Струйскомъ, изъ записокъ кн. И. М. Долгорукаго).

бой флоріановской пастушки; въ доброе старое время, простонародная рѣчь, не получала еще, какъ въ настоящее время права гражданства въ русской литературѣ; кромѣ того, изящный слогъ, которымъ писалъ Карамзинъ не допускалъ вторженія грубаго нарѣчія простолюдиновъ въ его произведенія.—Что избытокъ чувствительности автора настоящей повѣсти сообщился многочисленнымъ поклонникамъ его дарованія, и произвелъ сильное впечатлѣніе на читателей „Бѣдной Лизы" подтверждается тѣмъ, что такъ называвшійся „Лизинъ прудъ" сдѣлался на долгое время цѣлью ихъ прогулокъ; къ берегамъ его приходили они, оплакивать судьбу можетъ быть никогда не существовавшей несчастной героини повѣсти, погибшей въ водахъ его, и выражать вздохами, слезами и даже стихами, глубокое чувство состраданія къ бѣдственной и преждевременной ея кончинѣ [1].

Не смотря на то, что настоящая повѣсть вмѣстѣ съ другими сочиненіями Карамзина была много разъ перепечатана, считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь въ краткихъ словахъ ея содержаніе: Лѣтъ тридцать тому назадъ, недалеко отъ стѣнъ Симонова монастыря, возлѣ березовой рощицы, въ уединенной хижинѣ, жила красавица Лиза съ старушкой-матерью. Отецъ Лизы зажиточный, трудолюбивый крестьянинъ кормилъ работою жену и дочь. Но по смерти его, онѣ, лишившись опоры своей, и отдавъ принадлежавшую имъ землю въ наймы, обѣдняли; старуха убитая горемъ день отъ дня слабѣла, и была уже не въ состояніи работать; одна только пятнадцати-лѣтняя Лиза, не щадя нѣжной молодости своей и рѣдкой красоты, трудится день и ночь: ткетъ холсты, вяжетъ чулки; весною собираетъ цвѣты, лѣтомъ—ягоды, и все это продаетъ въ Москвѣ.—Два года послѣ смерти отца своего, Лиза однажды пришла въ Москву для продажи ландышей, гдѣ встрѣтилась съ прилично-одѣтымъ и пріятной наружности господиномъ, остановившимъ ее чтобы купить букетъ цвѣтовъ; вмѣсто объявленной ею цѣны—по пяти копѣекъ за букетъ, онъ предлагаетъ ей рубль, сказавъ ей при этомъ любезность. Но Лиза, взглянувъ на него,

---

[1] Въ „Запискѣ о достопамятностяхъ Москвы", сочиненной Карамзинымъ въ 1817 г. для императрицы Маріи Федоровны, на стр. 142-й, встрѣчаются между прочимъ слѣдующія строки, относящіяся къ его настоящей повѣсти: „Близь Симонова монастыря есть прудъ, осѣненный деревьями и заросшій. Двадцать пять лѣтъ предъ симъ сочинялъ я тамъ Бѣдную Лизу; сказку не замысловатую, но столь щастливую для молодаго автора, что тысячи любопытныхъ ѣздили и ходили туда искать слѣдовъ Лизиныхъ". (Письма Н. М. Карамз. къ И. И. Дмитр. Прим. къ письмамъ стр. 0106, къ стр. 242.

краснѣя, отказывается отъ щедрой платы, говоря, что ей лишняго не нужно; незнакомецъ спрашиваетъ ее о мѣстѣ ея жительства.......

Когда на другой день, Лиза нарвавъ свѣжихъ ландышей, приходитъ въ городъ, то глаза ея кого-то ищутъ; она отказываетъ всѣмъ, желающимъ купить ея букетъ; не встрѣтивъ того, кого ожидала, она вечеромъ съ грустью въ сердцѣ возвращается домой. На другой день, вечеромъ, сидя подъ окномъ, поетъ она „жалобныя пѣсни", и вдругъ у ней вырывается восклицаніе: молодой незнакомецъ стоитъ подъ окномъ; на вопросъ испугавшейся его внезапнаго появленія, матери, Лиза отвѣчаетъ, что видитъ того господина, что купилъ у нея цвѣты. Молодой человѣкъ весьма вѣжливо кланяется старухѣ и проситъ напиться свѣжаго молока, говоря что онъ очень усталъ. Лиза суетится, идетъ въ погребъ, приноситъ молоко, и наливъ въ стаканъ подаетъ его въ окно незнакомцу. „Онъ выпилъ, говоритъ авторъ", и нектаръ изъ рукъ Гебы, не могъ бы показаться ему вкуснѣе"—Вѣроятно онъ, для большаго успѣха въ намѣреніи своемъ, заказываетъ молодой дѣвушкѣ работу, и старуха спрашиваетъ этого господина объ имени его, и узнаетъ, что его зовутъ Эрастомъ. Здѣсь авторъ повѣсти сообщаетъ читателю въ краткихъ словахъ свѣдѣнія, какъ объ общественномъ положеніи, такъ о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ своего героя: „онъ довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреным. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ, скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена (бывшія или не бывшія) въ которыя, по описанію поэтовъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ счастливой праздности всѣ дни свои проводили. Увидавъ Лизу, онъ сказалъ себѣ: Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ! И рѣшился—по крайней мѣрѣ на время—оставить большой свѣтъ".

Лиза, не спавши всю ночь, встаетъ до восхода солнечнаго, и сидя на берегу Москвы-рѣки, среди благоуханной, прелестной природы, предается мечтамъ своимъ.... но вдругъ видитъ Эраста плывущаго въ лодкѣ; онъ выскакиваетъ на берегъ, и беретъ за руку смущенную отъ радости дѣвушку. „Здѣсь онъ" говоритъ авторъ, „приблизился къ ней съ розовыми губами своими, и жарко поцѣловалъ ее.

Страстное его объясненіе въ любви отозвалось въ глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣетъ вѣрить ушамъ своимъ....“ Но здѣсь авторъ отъ избытка чувствъ бросаетъ кисть, и сообщаетъ только, что въ эту минуту исчезаетъ робость Лизы, и Эрастъ узнаетъ, что любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ. Короче сказать, послѣ этого свиданія, влюбленные встрѣчаются каждый вечеръ на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ; но всего чаще подъ тѣнью столѣтнихъ дубовъ (шагахъ въ осмидесяти отъ хижины), осѣняющихъ глубокій, чистый прудъ, ископанный еще въ древнія времена. Эти свиданія были еще невинны: „они обнимались“, говоритъ авторъ, но цѣломудренная, стыдливая Цинтія, не сокрывалась отъ нихъ за облака; чисты и непорочны были ихъ объятія. При нѣжныхъ рѣчахъ Лизы, Эрастъ восхищался своей пастушкой, такъ называлъ онъ Лизу.—Въ одинъ вечеръ она, грустная, заплаканная, объявляетъ своему возлюбленному, что за нее сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни, и что мать ея при жизни своей желаетъ ее пристроить; между тѣмъ, Эрастъ цѣлуя Лизу, говоритъ, что ея счастье дороже для него всего на свѣтѣ, и что по смерти матери ея, онъ будетъ жить съ ней неразлучно въ дремучихъ лѣсахъ, какъ въ раю; однакоже Лиза изъявляетъ сомнѣніе въ томъ, чтобъ онъ могъ быть ея мужемъ, такъ какъ она крестьянка. Эрастъ разувѣряетъ ее въ этомъ, и она бросается въ его объятія....“ и въ сей мигъ, „говоритъ авторъ“, надлежало погибнуть непорочности!.... Мракъ вечера питалъ желанія; ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ! Никакой лучь не могъ освѣтить заблужденія!“

Свиданія продолжались, но все измѣнилось. Достигнувъ цѣли своихъ желаній, Эрастъ скоро охладѣваетъ къ пламеннымъ ласкамъ своей подруги; иногда, прощаясь съ нею, онъ отговаривается важнымъ дѣломъ отъ завтрашняго свиданія. Наконецъ черезъ пять дней, въ продолженіи которыхъ Лиза его не видитъ, онъ съ грустью говоритъ ей, что имъ должно черезъ нѣсколько времени разстаться, такъ какъ онъ находясь на службѣ, по случаю объявленія войны, долженъ съ полкомъ идти въ походъ. Лиза блѣднѣетъ и едва не падаетъ въ обморокъ. Эрастъ ласками успокоиваетъ бѣдную дѣвушку, обнадеживая ее скорымъ свиданіемъ, и увѣряетъ ее въ своемъ возвращеніи; она грустить о своей безграмотности, которая послужитъ ей препятствіемъ писать ему—о своихъ слезахъ.... Авторъ отказывается передать все, что они при этомъ случаѣ говорили. На другой день назначено послѣднее свиданіе.

Эрастъ удаляется, покинувъ Лизу въ глубокой горести и слезахъ; но иногда лучь надежды освѣщаетъ мракъ ея скорби... Мысль, что возлюбленный возвратится, и что они снова будутъ счастливы, проясняетъ взоръ ея, и она улыбается „какъ майское утро послѣ бурной ночи"; черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда Эраста, Лиза идетъ въ Москву, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лѣчила глаза свои, и на одной изъ большихъ улицъ, видитъ Эраста ѣдущаго въ великолѣпной каретѣ; она бросается къ нему, но экипажъ проѣзжаетъ мимо и заворачиваетъ на дворъ. Эрастъ выходитъ изъ кареты и направляется къ крыльцу огромнаго дома, но вдругъ видитъ себя въ объятіяхъ Лизы; въ смущеніи, безмолвно, онъ беретъ ее за руку, приводитъ въ свой кабинетъ, затворяетъ дверь и говоритъ ей, что она для собственнаго своего спокойствія должна забыть его, и что онъ ее любилъ, и теперь любитъ, т. е. желаетъ ей всякаго добра; наконецъ сообщаетъ ей, что по измѣнившимся обстоятельствамъ, онъ долженъ жениться, и потому она должна оставить его въ покоѣ, причемъ положивъ въ карманъ ея сто рублей, проситъ о позволеніи поцѣловать ее въ послѣдній разъ; онъ посылаетъ ее домой, и выведя изъ кабинета, приказываетъ слугѣ проводить „эту дѣвушку" со двора. „Сердце мое обливается кровью въ сію минуту" говоритъ чувствительный авторъ повѣсти; „я забываю человѣка въ Эрастѣ—готовъ проклинать его—но языкъ мой не движется!—Смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу я не романъ, а печальную быль!"

Эрастъ не обманулъ Лизу сказавъ ей, что ѣдетъ въ армію; но онъ вмѣсто того чтобы сражаться съ непріятелемъ, играетъ въ карты, и проигрываетъ почти все свое имѣнье. По заключеніи мира, онъ возвращается въ Москву весь въ долгахъ, и ему остается одно средство поправить свои обстоятельства—жениться на пожилой, богатой, давно влюбленной въ него вдовѣ; на что онъ рѣшается и переѣзжаетъ жить къ ней въ домъ.—Очутившись на улицѣ, Лиза находится въ таковомъ положеніи, котораго не можетъ описать никакое перо; мысль что „онъ" выгналъ ее и любитъ другую, и что она погибла, приводитъ ее въ отчаяніе; это мучительное состояніе души ея прерывается обморокомъ; проходившая мимо женщина приводитъ ее въ чувство, и въ умѣ Лизы возникаетъ мысль о невозможности далѣе жить!... Она покидаетъ городъ, и видитъ себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнью древнихъ дубовъ, бывшихъ за нѣсколько времени назадъ свидѣтелями ея восторговъ. Это воспоминаніе потрясаетъ душу ея, и страшнѣйшее мученье изображается на ея лицѣ; погрузившись на нѣсколько времени въ задумчивость, она потомъ озирается вокругъ себя, и

видитъ приближающуюся подругу, сверстницу ей по лѣтамъ, зоветъ ее, и вынувъ изъ кармана деньги данныя ей Эрастомъ, передаетъ ихъ дѣвушкѣ, поручая отдать ихъ матери своей, и сказать ей, что она виновата передъ ней въ томъ, что таила передъ ней любовь свою, и испросить у старухи прощенья; проситъ сказать ей, что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее... и сказать что она... Не докончивъ послѣднихъ словъ, она бросается въ воду. На крикъ подруги Лизы, не могшей спасти ее, собираются люди, и вытаскиваютъ ее изъ воды, но уже мертвою.—Ее погребли близь пруда, подъ мрачнымъ дубомъ и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ.—„Тутъ часто сижу я въ задумчивости", говоритъ авторъ въ заключеніе повѣсти, „опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мной шумятъ листья". Мать Лизы, услыхавъ о страшной смерти дочери своей, умираетъ вслѣдъ за нею, и хижина опустѣла. Въ ней воетъ вѣтеръ, и поселяне слыша по ночамъ этотъ шумъ, говорятъ: „тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!"

Несчастный Эрастъ, узнавъ о судьбѣ Лизы, не могъ утѣшиться, почитая себя ея убійцею. Авторъ повѣсти познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ первому эту исторію, и привелъ его къ могилѣ Лизы.

Къ изданію повѣсти, напечатанному иждивеніемъ „любителя литературы" скрывшаго свое имя, приложена весьма плохо гравированная картинка съ изображеніемъ „Лизина пруда", окруженнаго деревьями; какой-то господинъ стоящій передъ однимъ изъ нихъ начертываетъ на стволѣ надпись; подъ другимъ деревомъ стоитъ плачущая дама. Въ отдаленіи виднѣется зданіе Симонова монастыря, и нѣсколько лѣвѣе дорога съ лежащей при ней деревней и церковью. Подъ картинкою означено: Рисова. и гравирова. Н. Соколовъ, и слѣдующая подпись: Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ стѣнъ Си*нова Монастыря, по Кожуховской дорогѣ, есть старинный прудъ окруженный деревами. Пылкое воображеніе читателя видитъ утопающую въ немъ бѣдную Лизу; и на каждомъ почти изъ оныхъ деревъ, любопытныя (sic) посѣтители, на разныхъ языкахъ, изобразили чувства своего состраданія съ нещастной красавицѣ, и уваженія къ Сочинителю ея повѣсти. На прим. на одномъ деревѣ вырѣзано:

Въ струяхъ сихъ бѣдная, скончала Лиза дни;
Коль ты чувствителенъ, прохожій! воздохни!

На другомъ, нѣжная, можетъ быть рука начертала:

„Любезному Карамзину“!
Въ изгибахъ сердца—сокровенныхъ,
Я соплѣту (sic) тебѣ Вѣнецъ;
Нѣжнѣиши чувствія души тобой плѣненныхъ
. . . .

(многова нельзя разобрать, стерлось). Сей памятникъ чувствительности Московскихъ Читателей и нѣжнаго ихъ вкуса въ Литературѣ, здѣсь изображается иждивеніемъ и вымысломъ одного ея любителя. 1796. Г.

„Бѣдная Лиза“ была въ первый разъ помѣщена Карамзинымъ въ 6-й части Московскаго Журнала 1791 года (имъ же издававшимся), кн. 3. іюнь. стр. 238—277, потомъ перепечатана вмѣстѣ съ нѣкоторыми его мелкими произведеніями изъ помянутаго журнала во 2-й части изданной имъ книги подъ заглавіемъ: „Мои Бездѣлки“ М. 1794, 1797 и 1801 гг.; помѣщена также въ „Полномъ Собраніи“ его сочиненій. 8 ч. М. 1803—1804. Въ изданіяхъ: второмъ исправл. и умнож. 9 частей. М. 1812 г. Въ третьемъ, 9 ч. М. 1820; четвертомъ, 9 ч. С. Петербургъ 1834, и пятомъ изданіи Смирдина, 3 ч. Спб. 1848 г. 12°.— Отдѣльныя изданія „Бѣдной Лизы“, кромѣ описаннаго здѣсь изданія 1797 года, извѣстны еще 1858, 1874 и 1878 гг. въ 12°. Справочн. Слов. Геннади т. II. стр. 109)[1]: Изъ переводовъ „Бѣдной Лизы“ на иностранные языки извѣстны слѣдующіе: на нѣмецкій языкъ: Die Arme Lise, von A. Peroffsky. M. 1807; на французскій: La pauvre Lise. Paris 1808; также: trad. par W. Panoff. Casan. 1817. (тамъ же, стр. 109); Romans du Nord, imités du russe et du danois de Karamzine et Juhm, par H. L. Coiffier-Demoret. Paris 1808. 3 vol. 12°. (Brunet. изд. 1820. т. 4 стр. 268).—Les mille et une nouvelles. T. IX. Paris. 1808. (Справ. Слов. Геннади. стр. 109 и 110).

1797—1800.

№ 174. Приключенія **Телемака** сына Улиссова; сочиненіе **Г. Фенелона.** Вновь перевелъ съ подлинника **Θедоръ Лубяновскій:** Съ прибавленіемъ краткаго описанія свойствъ высокой добродѣтели и изящныхъ сочиненій великаго Фенелона, содержащаго нѣ-

---

[1] Въ исторіи Московскаго Университета Проф. Шевырева, главѣ VII. стр. 305, упомянуто, что въ 1800 году, Карамзинъ печаталъ въ Университетской Типографіи новое, прекрасное изданіе „Бѣдной Лизы“ въ 4-ю долю, съ картинками, изображавшими трогательныя и прекрасныя мѣста изъ ея приключеній; но это изданіе намъ не встрѣчалось.

сколько о немъ Анекдотовъ, между коими есть и мало еще извѣстные, и съ картинкою представляющею нѣкоторые изъ нихъ, при изображеніи достопамятнаго восторга почтенія, коимъ преисполненъ былъ къ Фенелону славный Ж. Ж. Руссо.—Часть I. **Москва**, въ Типографіи Пономарева 1797. (на оборотѣ): Съ Указнаго дозволенія.—Часть II. **Владиміръ**. Въ Типографіи Губернскаго Правленія. 1800. 8. (на оборотѣ): съ дозволенія Московской Цензуры.

Въ первой части XX и 394 нум. стр. (содержаніе 12-ти книгъ) (стр. 1—8) картинка, карта „путешествія Телемакова", фронтисписъ и 12 картинъ; во второй части: X (содержаніе 12 ти книгъ), 360 нум. стр., и 12 картинъ.—На фронтисписѣ изображена высочайшая премудрость (къ которой велъ Фенелонъ августѣйшаго своего воспитанника) въ видѣ крылатой женщины, устремляющей взоръ на небо, и опирающейся на портретъ Фенелона, которому съ одной стороны два генія подносятъ пальмы; ниже Калліопа, облокотившаяся на три книги, изображающая три рода поэзіи, изъ подъ которыхъ видѣнъ развернутый свитокъ, съ надписью: „Похожденіе Телемака", возлагаетъ на автора лавровый вѣнокъ. Съ другой стороны сидящая Минерва, держащая въ рукѣ кормило съ изображеніемъ герба Дофина Франціи.—Какъ фронтисписъ, такъ картина, карта и 24 картины, приложенныя къ обѣимъ частямъ „Телемака", довольно изрядныя копіи съ гравюръ Тардьё (Tardieu résident à Malines), находящихся въ французскомъ изданіи „Телемака", напечатанномъ въ Маастрихтѣ 1782 года въ 8°.

Вообще указанія на первыя изданія „Телемака" въ переводѣ Лубяновскаго, во всѣхъ извѣстныхъ каталога довольно неточны. Въ „Опытѣ" Сопикова, московское изданіе 1797 года вовсе не указано, но означены три (московскихъ) изданія: 1800, 1805 и 1810 годовъ [1]; въ одномъ изъ реэстровъ книгъ библіотеки Селивановскаго 1809 года, на стр. 38 й, упомянуто о переводѣ „Телемака" Лубяновскаго, изданномъ въ 1784 году; и въ каталогѣ А. Смирдина (сына и К°) Спб. 1838 г., на стр. 139-й, находится указаніе на московское изданіе 1797 г. въ 8°, но мы нигдѣ не встрѣчали ни слова объ этой книгѣ, напечатанной 1800 года, или только о второй ея части, вышедшей изъ типографіи губернскаго правленія города Владиміра, изданной спустя три года послѣ первой, 1797 года появившейся въ Москвѣ [2]. Самъ переводчикъ въ своей автобіографіи, упоминая о пе-

[1] Сопик. ч. 4. № 8996.—[2] Шрифтъ текста въ обѣихъ частяхъ почти одинаковый; разница замѣтна въ наборѣ заглавныхъ листовъ, и во второй части вмѣсто „Лубяновскій" напечатано „Лубановскій".

реводѣ своемъ „Телемака" 1839 года въ С. Петербургѣ, говоритъ только о прежнемъ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1797 и 1814 годахъ, ничего не упоминая о переводѣ 1784 года, ни о московскомъ изданіи 1797 года, котораго 2-я часть, въ описанномъ нами экземплярѣ, напечатана въ Владимірѣ.

Относительно достоинства перваго своего перевода „Телемака", Лубяновскій, въ началѣ предисловія къ изданію 1839 говоритъ, что онъ сдѣланъ имъ за десять лѣтъ до путешествія его въ Саксонію, Австрію и Италію [1], и напечатанъ въ 1797 и 1814 годахъ въ Москвѣ безъ его вѣдома; такъ что когда, двадцать пять лѣтъ спустя, попался ему случайно этотъ переводъ, то онъ не узналъ въ немъ Фенелона.

1798.

№ 175. Ябеда Комедія въ пяти дѣйствіяхъ (въ стихахъ).—Съ дозволенія Санктпетербургской Цензуры. — **Въ Санктпетербургѣ, 1798.** Печатано въ Императорской Типографіи. Иждивеніемъ Г. Крутицкаго. м. 8°. 8 ненум. (посвященіе, означ. дѣйствующ. лицъ) 135 нум. страницъ (счетъ съ заглавнаго листа) и фронтисписъ грав. на мѣди.

Сопик. ч. 3. № 5703.—Плавильщ. ч. III. № 5986.—Смирд. ч. IV. № 7438.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838. стр. 407. № 16.—Бант. Каменск. Словарь 1847. Ч. 2. стр. 60.—Митр. Евген. Слов. т. I. стр. 272.—Я. Березина-Ширяева, Дополнительн. Матер. для Библіогр. 1873. стр. 374.—Геннади. Справоч. Слов. о русск. писат. т. 2. стр. 105.

„Настоящая комедія была написана Капнистомъ прежде лирическихъ его стихотвореній, что замѣтно и по языку: слогъ „Ябеды" грубъ и шероховатъ, хотя и силенъ; въ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ плавнѣе и чище, хотя и слабѣе. При Екатеринѣ „Ябеда" не могла быть напечатана, по причинамъ, какъ нынѣ говорятъ, „независящимъ отъ автора". Она была напечатана уже при императорѣ Павлѣ и посвящена ему.—Въ сочиненіяхъ Капниста, изданныхъ Смирдинымъ, многіе стихи такъ испорчены, что нельзя добраться до ихъ мѣры и смысла [2].—Капнистъ въ комедіи своей, прекраснымъ (?) языкомъ и въ живыхъ для своего времени чертахъ, выставилъ всю подкупность, все плутовство, безпутство и грабительство чиновниковъ. Когда піэ-

---

[1] Путешествіе Ѳедора Лубяновскаго по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 годахъ. 3 ч. Спб. 1805. 8°. Сопик. ч. 4. № 9212.

[2] Мелочи изъ запаса моей памяти М. А. Дмитріева М. 1869. стр. 47—48.

са была поставлена на сцену, зрители, видя характеры такъ живо схваченные съ натуры, торжествовали отъ всей души, и шумно привѣтствовали комедію, какъ люди еще не знавшіе границъ, установленныхъ истиннымъ образованіемъ. Но чиновный людъ всѣхъ рангов, пристыженный, если это только могло быть, такой картиной, и видя въ ней, какъ въ зеркалѣ, изображеніе своихъ пороковъ, просто разрывался съ досады. Составленъ былъ докладъ. Представлено императору, что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; найдено даже явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ: въ подобныхъ выраженіяхъ обрушена была на писателя цѣлая гора лживыхъ обвиненій. Все это завершилось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьэсы, и о примѣрномъ для будущаго времени наказаніи злостнаго, не отчизнолюбиваго автора. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ немедленно отправить Капниста въ Сибирь. Это было утромъ. Приказъ былъ немедленно выполненъ. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ; онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя, однако никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить „Ябеду“ въ его присутствіи на эрмитажномъ театрѣ. Государь показался въ театрѣ только съ великимъ княземъ Александромъ; больше никого не было въ театрѣ. Послѣ перваго же акта императоръ, безпрестанно аплодировавшій пьэсѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста; пожаловалъ возвращенному писателю чинъ статскаго совѣтника, минуя низшіе чины въ порядкѣ чинопроизводства (Капнистъ былъ въ то время только коллежскимъ асессоромъ), щедро наградилъ его, и до самой кончины удостоивалъ своихъ милостей [1].

---

[1] Библіогр. Записки 1859 т. II. столб. 47—48: „Анекдотъ изъ жизни Капниста“, сообщ. М. П. Это переводъ анекдота напечатаннаго на польскомъ языкѣ. ст. Журавскимъ, и помѣщеннаго въ № 5 Виленскаго Портфеля (Teka Wilenska, 1858, стр. 84—85); перепечатанъ также редакціею „Русской Старины“ 1873. Май: Кн. V. стр. 714.—При императорѣ Павлѣ было обращено бдительное вниманіе на недопущеніе къ обращенію и извлеченіе изъ оного книгъ неодобрительнаго содержанія, какъ видно изъ нѣкоторыхъ указовъ того времени (Полн, Собр. Зак. т. XXV. № 18524), и изъ небольшаго числа сохранившихся дѣлъ. Одно изъ этихъ дѣлъ заключается въ предписаніи, даннымъ бывшимъ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ гр. Паленъ, истребить по Высочайшему повелѣнію найденные въ книжныхъ лавкахъ 1.211 экземпляровъ извѣстной комедіи „Ябеда“ (Дѣло ком. иностр. цензуры № $1781/_{18}$). См. Истори-

На 5-й страницѣ, за подписью автора, находится слѣдующее посвященіе комедіи императору Павлу:

Монархъ! принявъ Вѣнецъ, Ты правду на Престолѣ
Съ собою воцарилъ: Вельможа въ пышной долѣ,
И рабъ, въ поту лица ядущій хлѣбъ дневный,
Какъ передъ Богомъ, такъ передъ Тобой равны.
Не лицемѣрнаго Ты образъ намъ закона:
Перуномъ власти тамъ, съ превознесенна Трона,
Злодѣйство, клевету, пристрастіе разишь;
Тутъ Скипетромъ щедротъ невинность Ты бодришь,
Возводишь истинну, заслуги награждаешь,
И тѣмъ въ сотрудники всѣхъ Россовъ привлекаешь.
Прости, Монархъ! что я, усердіемъ горя,
Мой трудъ, какъ каплю водъ, въ глубоки лью моря,
Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды, всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье Свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ,
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю [1].

ческія свѣдѣнія о Цензурѣ въ Россіи. Спб. 1862. стр. 5—6. Ко времени появленія „Ябеды“ относится слѣдующій, впервые появившійся въ печати, и сообщенный въ Русскую Старину“ Г. В. Есиповымъ документъ; это письмо написанное 1798 г. 27 октября, С.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, барономъ фонъ-деръ Паленъ, Димитрію Николаевичу Немлюеву: „М. Г. мой Димитрій Николаевичь. По высочайшей волѣ государя императора, отобранные мною отъ господина Крутицкаго, иждивеніемъ его печатанные 1.211 экземпляровъ комедіи „Ябеда“, при семъ честь имѣю препроводить къ вашему п—ству. (Русск. Старина 1873. стр. 715).

[1] Приводимъ здѣсь другой документъ, сообщенный какъ и первый Г. В. Есиповымъ и напечатанный въ „Русской старинѣ“; письмо В. В. Капниста къ Нелединскому-Мелецкому, помѣченное С.-Петерб. апрѣл. 30. 1798 г., въ которомъ авторъ „Ябеды“ испрашиваетъ высочайшее разрѣшеніе посвятить свой трудъ императору: М. Г. мой, Юрій Александровичь! Досады, которыя мнѣ и многимъ другимъ надѣлала ябеда, причиною, что я рѣшился осмѣять ее въ комедіи; а неусыпное стараніе правдолюбиваго монарха нашего искоренить ее въ судахъ, внушаетъ мнѣ смѣлость посвятить сочиненіе мое его императорскому величеству. Препровождая оное вашему п—ству, аки любителю россійскаго слова,

Приступаемъ къ изложенію содержанія комедіи съ выписками изъ текста болѣе удачныхъ и выдающихся стиховъ. Въ первомъ дѣйствіи; авторъ, въ разговорѣ просителя—подполковника Прямикова съ Добровымъ, добросовѣстнымъ повытчикомъ, превосходно характеризуетъ ябедника, и безпощадно, живыми, яркими красками рисуетъ портреты высшаго персонала гражданской палаты того времени. Прямиковъ разсказываетъ пріятелю своему Доброву о тяжбѣ, завязавшейся между нимъ и сосѣдомъ его по имѣнію — отставнымъ асессоромъ Праволовымъ, при имени котораго, Добровъ удивляется тому, что можно связываться „съ такой чумой"; по мнѣнію Прямикова, сосѣдъ его хитрый, но не опасный сутяга; Добровъ убѣждаетъ его въ противномъ, изображая въ сильныхъ чертахъ всю гнусность Праволова, и упоминая между прочимъ о многихъ скверныхъ его дѣлишкахъ, говоритъ:

При томъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ на повалъ!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подъячески онъ вѣдаетъ пролазы;
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестерку проиграть, четверку гдѣ, иль тройку;—
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку. . . .
. . . . И словомъ, дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную, такъ чиститъ какъ стекло.
Такъ вамъ возможно-ли съ симъ молодцомъ тягаться?

На замѣчаніе Прямикова, что дѣло его право и ясно, Добровъ возражаетъ, что будь оно ясно какъ солнце, „то будетъ аки мракъ"; Прямиковъ спрашиваетъ: „но на судей ужъ-ли не можно положиться? Хозяинъ здѣшній?"..... При этомъ вопросѣ Добровъ, осмотрѣвшись кругомъ, начинаетъ описывать самаго предсѣдателя Кривосудова, пріобщая къ нему изображеніе и достойной его супруги. О первомъ, говоритъ что онъ:

Есть сущій истинны Іуда и предатель,
Что и ошибкой онъ, дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ Кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ;

покорнѣйше прошу узнать высочайшую волю, угодно-ли будетъ усердіе мое его императорскому величеству, и благоволитъ-ли онъ удостоить меня всемилостивѣйшимъ позволеніемъ украсить въ печати сочиненіе мое, одобренное уже цензурою, священнымъ его именемъ". (Русск. Стар. 1873. стр. 714).

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ,
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо, предъ нею нѣтъ чужаго;
И только что твердитъ: даяніе всяко благо.

О членахъ палаты, повытчикъ отзывается, что они: „все одно: у нихъ все на одинъ салтыкъ заведено"; и говоритъ, что одинъ изъ нихъ пьянъ безъ просыпу, другой, страстный охотникъ до травли русаковъ, и что съ нимъ, „со сворой добрыхъ псовъ, и сшедшую съ небесъ, доѣхать правду можно"; изъ засѣдателей, въ одномъ хотя и есть немного души, но бѣда та, „что не гораздъ читать, поготовь писать, а на словахъ заика; третій до смерти любитъ играть въ карты до того

Что душу бы свою на карту посадилъ.
Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

За выраженное Прямиковымъ нѣкоторое сомнѣнье въ дурныхъ качествахъ прокурора, повытчикъ не медлитъ познакомить и съ нимъ пріятеля своего, описывая его такъ:

О! Прокуроръ,
Чтобъ въ рифму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко
Не цапнетъ лишь того, чего недосягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья;
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздной въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

О секретарѣ сообщаетъ слѣдующе:

Дуракъ кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.
Екстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло.
Иль стибритъ документъ, его все это дѣло. . . .

Прямиковъ приходитъ въ изумленіе передъ описаніемъ сдѣланнымъ Добровымъ всей этой шайки, справедливо называемой имъ „сво-

лочью"; онъ спрашиваетъ повытчика, „чѣмъ же ему начать; и получаетъ отвѣтъ: что начать больше нечѣмъ, какъ тѣмъ, что дать и дать"; но въ то же время, самъ положительно отказывается отъ денегъ предлагаемыхъ ему Прямиковымъ:

. . . . благодарю—Давно бы я деревню
Купилъ, когда-бъ такъ бралъ, какъ многіе берутъ
Впредь до рѣшенья дѣлъ, за предлежащій трудъ.
Такихъ неправедныхъ нажитковъ я чуждаюсь
Съ женою, съ дѣтьми, трудомъ и правдою питаюсь!

Благородный Прямиковъ отвергаетъ совѣтъ честнаго пріятеля; считая подкупъ хотя и мошенниковъ, дѣломъ противозаконнымъ, безчестнымъ, и потому не хочетъ имъ давать „ни шеляга"; наконецъ Добровъ, въ подкрѣпленіе доводовъ своихъ, указываетъ Прямикову на то, что противникъ его готовится къ ублаготворенію палаты, и прибавляетъ:

Однако истецъ вашъ
Я думаю, прислалъ тяжелой свой багажъ
И подъ фортецію суда, подкопы уже роетъ. . .

Прямиковъ, неопытный въ плутняхъ тогдашнихъ жрецовъ Ѳемиды, угрожаетъ жалобой на каверзы ихъ Намѣстнику, на что повытчикъ, какъ говорится „видавшій виды, закрываетъ свой ротъ рукою и возражаетъ простодушному воину:

О Боже! положи устамъ моимъ храненье!—
Но хоть подумайте—и это ей не вздоръ:
Что исполняется палатской приговоръ.
И что ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;
А съ апелляціей—ужъ голой, дуй въ столицу!

За тѣмъ ему же, толкующему о томъ, что онъ считаетъ законъ свой подпорой и щитомъ, Добровъ говоритъ:

Ахъ! добрый господинъ! ей, ей! законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.
Законъ желаетъ намъ прямаго всѣмъ добра;
Но мы хотя и всѣ изъ одного ребра,
Но не равно мы всѣ къ добру расположены.
Въ Зерцало взглянь Судовъ: Петра черты священны
Безмездно тамъ велятъ по истинѣ судить;
Божественъ судъ таковъ! да гдѣ судей найтить?

Не смотря на всѣ доводы Доброва, Прямиковъ остается твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Оглядываясь кругомъ, онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ стоящій въ комнатѣ судейскій красный столъ, и на его вопросъ о томъ, Добровъ сообщаетъ ему, что вслѣдствіе пожара истребившаго присутственныя мѣста, председатель „въ свой домъ вмѣстилъ палату".—„Такъ мы нечаянно въ святыню зашли"? говоритъ Прямиковъ; на что Добровъ вмѣсто отвѣта, выражаетъ какъ-бы удивленіе, что не смотря на наставшій уже бѣлый день „святость знать въ ней спитъ", и что хозяйка для именинъ хозяина и сговора, не приказала убрать комнаты; на вопросъ Прямикова—„чей же этотъ сговоръ?", говоритъ о единственной дочери Кривосудова, и что онъ о сговорѣ слышалъ вскользъ, такъ какъ дѣло это скрываютъ. Прямиковъ желаетъ узнать имя жениха; но не получая положительнаго отвѣта, признается Доброву въ любви своей къ дочери председателя; между тѣмъ появляется горничная Кривосудовыхъ, изъ разговора съ которою, Прямиковъ узнаетъ, что любимъ ея барышней, и что ее принуждаютъ къ противному ей замужеству. Входитъ самъ председатель, и Прямиковъ пытается объяснить ему дѣло близкое сердцу его, но первый принимаетъ слова его за прозьбу касающуюся тяжбы, перебиваетъ его, толкуя ему, что просить не объ чемъ, и что судьи должны вершать дѣла по законамъ, и никому не давать потачки. Наконецъ Прямикову удается открыться Кривосудову въ любви къ его дочери, которую первый узналъ въ Москвѣ, гдѣ она гостила у тетки; онъ проситъ руки ея, на что Кривосудовъ отвѣчаетъ, что она еще молода, и что у нея есть мать; впрочемъ благодаритъ за честь, и обѣщаетъ дать рѣшительный отвѣтъ на недѣлѣ. Относительно же тяжбы, предлагаетъ Прямикову явиться къ секретарю; по уходѣ перваго, Кривосудовъ, на похвалы расточаемыя Прямикову Добровымъ, заявляетъ о посватавшемся за дочь его, слѣдующее мнѣніе:

Вотъ эти молодцы все вѣтеръ лишь гоняютъ;
И родовыхъ наслѣдствъ беречь они не знаютъ;
А что и говорить о благонажитыхъ!
Кто первый захотѣлъ, тотъ и ощиплетъ ихъ.
Не знаютъ, что за звѣрь экстрактъ и протоколы,
Лишь только разными языки и глаголы,
Съ своими-жъ Русскими на площади, вездѣ.
Лепечутъ; а языкъ прилпе ихъ на судѣ.
. . . .
Такова зятя я хочу себѣ найтить,
Который бы умѣлъ къ нажитому нажить.
Да у меня и есть ужъ нѣкто на примѣтѣ.

Кривосудовъ кладетъ на столъ бумаги, поданныя ему ранѣе (явл. 5. стр. 19) повытчикомъ; послѣдній беретъ ихъ, и подноситъ опять предсѣдателю, докладывая ему, что тутъ три дѣла „которы по помѣтѣ, ужь болѣе трехъ лѣтъ неорѣшены лежатъ", и что пора бы ихъ рѣшить; но предсѣдатель, не взглянувъ на подаваемыя ему бумаги, говоритъ, что онъ не виноватъ, если просители къ нему никогда не ходятъ; и на замѣчаніе Доброва что „вѣроятно они бродятъ подъ окнами, но прійти имъ сюда „не съ чѣмъ" говоритъ Доброву: „Такъ чтожъ? За ними мнѣ ходить прикажешь?"—Онъ даже издѣвается надъ бѣдняками; на слова Доброва, что у одного изъ нихъ послѣднюю землей грабительски завладѣли сосѣди, и зимою сожгли домъ, онъ съ насмѣшкою говоритъ: „хозяина знать грѣли". О немснѣе возмутительномъ дѣлѣ, гдѣ помѣщикъ записываетъ бѣдныхъ дворянъ въ подушный окладъ, Кривосудовъ отзывается такъ:

Я былъ бы очень радъ,
Когдабъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не взносили,
Всѣхъ мелко-травчатыхъ дворянъ перекрестили.

Наконецъ повытчикъ упоминаетъ о третьемъ дѣлѣ, въ которомъ одинъ несчастный, за поземельный споръ, заведенъ обманомъ на дворъ помѣщика, и тамъ обруганъ, прибитъ, „домой чуть дотащился, и въ три дня отдалъ духъ!"—„Знать дурно онъ лѣчился!", глумится Кривосудовъ.—На упрашиванья Доброва подписать готовый уже протоколъ, предсѣдатель отвѣчаетъ отказомъ, и высылаетъ повытчика вонъ; оставшись одинъ, онъ передразниваетъ его:

. . . .
„Лишь только подписать, готовъ и протоколъ".
Нѣтъ другъ мой! да и я вѣдь также не осёлъ
Когда всѣ на-голо подписывать я буду,
То скоро работать и челюстьми забуду.
Перо, и то къ себя чернилы вѣдь беретъ;
Такъ мнѣ-ли одному сидѣть разиня ротъ,
И видя подъ-носомъ летящихъ куропатокъ,
Изъ сотни не схватить одну или десятокъ. . . .

Въ 8-мъ явленіи происходитъ забавная сцена: къ Кривосудову и женѣ его Феклѣ, является повѣренный Праволова, Наумычъ, въ сопровожденіи слуги Архипа съ корзинами нагруженными подарками. Повѣренный поздравляетъ хозяина со днемъ ангела, представляя ему присланные подарки, которые Фекла разсматриваетъ и разставляетъ;

между тѣмъ Наумычь перекидывается нѣсколькими словами съ Кривосудовымъ о тяжбѣ довѣрителя его съ Праминовымъ, и получаетъ отъ перваго увѣреніе въ усердіи по дѣлу его милостивца. Во время разговора съ Кривосудовымъ, ловкій повѣренный успѣваетъ передавать Феклѣ, разсматривающей подарки, наименованія всѣхъ доставленныхъ въ корзинахъ предметовъ, между которыми находятся „въ бутылкахъ эрмитажъ", „фунтъ горчицы", „атласъ на робронъ", „косматый бархатъ на кафтанъ", „флёръ цвѣтной невѣстѣ на фуро", красное шампанское и швейцарскій сыръ... Фекла въ восторгѣ отъ всего полученнаго, приглашаетъ мужа посмотрѣть, говоря „что одной провизіи не съѣсть недѣли въ три", и тотъ взглянувъ на подарки восклицаетъ: „да это дворъ гостиной!". Кривосудовы преисполнены благодарности къ Праволову, поручаютъ Наумычу просить щедраго дарителя „на дружескій обѣдъ"; повѣренный уходитъ провожаемый Феклою, но возвращается за тѣмъ, чтобы сказать ей: „тамъ въ сѣняхъ, въ кулькѣ провѣсна рыба". — Оставшись вдвоемъ, достойные супруги не щадятъ похвалъ своихъ Наумычу и самому Праволову, котораго превозносятъ за память и неоставленіе. Особнино Фекла выражаетъ радость свою:

Вотъ другъ, какихъ теперь въ диковинку сыскать!..
Всѣ памятуетъ дни: крестины, имянины,
Родины . . . .

„Плохо лишь помнитъ день кончины" возражаетъ Кривосудовъ; но супруга его, какъ будто не слышитъ сказаннаго мужемъ, и продолжаетъ.

Имъ живы; кормитъ насъ; и домъ нашъ, и весь скотъ;
И словомъ: имъ живемъ безъ нужды, безъ хлопотъ.

Однако, кажется въ черненькой душѣ предсѣдателя пробуждается если не совѣсть, то по крайней мѣрѣ опасеніе и страхъ отвѣтственности за всѣ содѣланныя мерзости; онъ говоритъ женѣ:

Но до хлопотъ, смотри, чтобъ съ нимъ намъ не добиться:
Ужъ сталъ онъ нѣсколько тяжолъ намъ становиться.
Лишь удушимъ одно, другое дѣло въ судъ;
И сдѣлалъ для него ужъ я такихъ премного,
Изъ коихъ и однобъ могло, судить коль строго,
Во Уголовной судъ меня препроводить,
Чтобъ лакомствомъ его оскомы не набить!

На слова ободряющей его жены: „Пустое; ты вершишь вѣдь всѣ дѣла чистенько", онъ говоритъ ей: „что черно, какъ ни чисть, и бу-

детъ все черненько!“ Фекла продолжая успокоивать мужа вспоминаетъ, что искъ Прямикова въ гражданской палатѣ, и разказываетъ ему, что когда Праволовъ судилъ съ ней о своемъ дѣлѣ, то „со стороны оно казалось свято“; на что Кривосудовъ возражаетъ:

А я скажу тебѣ, что очень плоховато;
И я не знаю какъ ужъ тутъ поворотить.

Фекла старается убѣдить мужа помочь Праволову и вспомнить что онъ для нихъ дѣлаетъ; Кривосудовъ говоритъ, что все помнитъ, но что памятью тутъ не поможешь, но что „надобенъ указъ, иль право, иль законъ!“ Находчивая супруга указываетъ на то, что „законовъ столько! указовъ милліонъ, и правъ цѣлая громада!“ съ чѣмъ совершенно соглашается супругъ; и на вопросъ Феклы: „Ну! такъ чего же надо? отвѣчаетъ:

Безумна! надобно такой законъ прибрать,
Чѣмъ виноватаго могли-бы оправдать.

Она не задумываясь говоритъ на это:

Да вѣдь законъ прибрать секретарево дѣло;
А ваше лишь рѣшить; и я ручаюсь смѣло
Что секретарь прибралъ законъ ужъ для него;
Изъ пропасти такой не выбрать одного!

Болѣе усерднаго адвоката, Праволовъ по дѣлу своему едва ли и самъ могъ найти. Убѣжденія жены подѣйствовали, и Кривосудовъ соглашается тянуть на-руку благодѣтеля, если тотъ до суда успѣетъ склонить на свою сторону всѣхъ членовъ; причемъ даетъ слово, что тогда и онъ пустится, „хоть дѣло плоховато“.....—На мнѣніе выраженное Феклою, что для ихъ дочери, Праволовъ „не женихъ а кладъ“, Кривосудовъ объявляетъ, что Господь посылаетъ и другаго женишка, подполковника Прямикова, при имени котораго, Фекла, какъ говорится и руками и ногами; она приказываетъ мужу не только отказать этому жениху, но объявить ему, чтобъ онъ въ ихъ домъ ни ногой.—Второе дѣйствіе комедіи начинается разговоромъ Праволова съ достойнымъ клевретомъ его, Наумычемъ, у котораго тотъ требуетъ отчета въ общихъ имъ обоимъ дѣйствіяхъ касающихся подкупа палаты; онъ спрашиваетъ повѣреннаго своего: „все-ли онъ исправно спроворилъ по наказу? и доставилъ-ли всѣмъ судьямъ съ глазу на глазъ, съ поклономъ подарки? Наумычь доноситъ патрону своему о томъ, что согласно его приказанію, онъ „за пятьдесятъ алтынъ“ подкупилъ весь дворъ

трактира, гдѣ остановился Прямиковъ, для наблюденія за его дѣйствіями, и кромѣ того, по неимѣнію этимъ послѣднимъ стряпчаго, „подпустилъ ему въ совѣтники нѣкоего Ловилова Кузьму, который всѣмъ въ душу вьется", съ обѣщаніемъ ему „ста полтинокъ", если подберется къ молодцу. За тѣмъ Праволовъ освѣдомляется: „отнесъ-ли Наумычь бумагу къ секретарю, и тотъ отвѣчаетъ: „отнесъ и вейновыхъ чернилъ большую флягу"; наконецъ, на вопросъ довѣрителя „проворитъ-ли секретарь по честному своему слову?" повѣренный отвѣчаетъ утвердительно, и принимается расхваливать секретаря:

Во вѣки не видалъ
Такого я дѣльца: въ экстрактѣ это дѣло
Онъ скомкалъ такъ, сударь! что я ручаюсь смѣло,
Кто бъ ни прочелъ его, хоть лобъ будь пядей въ пять,
Не можетъ слова въ немъ ни одного понять.....
Законовъ въ пользу намъ, подвелъ онъ милліонъ.....

Праволовъ довольный Наумычемъ, расказываетъ ему и о своихъ продѣлкахъ въ судѣ:

.....Теперь и я тебѣ скажу:
Что около судей удачно ворожу.
Настроилъ всѣхъ подъ мой гудокъ; и трудъ великій
Лишь былъ мнѣ около проклятаго заики:
Все душу перегнуть боится сей провалъ;
Но съ Божьей помощью я чорта уломалъ.
Другимъ какъ насказалъ указовъ, регламентовъ,
Да сунулъ въ Банковой тисненныхъ документовъ,
Такъ и явился чистъ.....

Остается лишь предсѣдатель, наводящій почему-то сомнѣнье на Праволова. „Ну, какъ да не возьметъ онъ?" съ тревогой говоритъ онъ Наумычу; но послѣдній успокоиваетъ его словами: „Кто, кто? Этотъ Каинъ? Лишь въ полный вѣсъ"; Праволовъ сознается, что этотъ „Каинъ" и такъ ему солопъ; „какъ быть", говоритъ мудрый Наумычь: „вы знаете, когда похлебку не солить.....—Дѣло клеится, Праволовъ совершенно доволенъ успѣхами своими, но выражаетъ опасеніе, чтобы въ Саратовѣ не вышло чего „по старенькимъ его дѣламъ, изъ которыхъ одно ужъ до Намѣстника дошло; и хотя тамъ имѣются пріятели, но на нихъ надежда какъ-то плоха:

Вѣдь та бѣда: теперь не такъ, какъ въ старину;
Бывало кто ужъ разъ возметъ твою казну

Въ замѣну совѣсти, то ужъ солгать стыдится;
Теперь хоть отъ тебя, какъ прежде всякъ щечится,
Хоть всякъ обѣими по старинѣ берётъ,
Но если дѣло гдѣ доходитъ до хлопотъ,
И ежель туго гдѣ придетъ стоять за другомъ,
То онъ и съ кошелькомъ вильнетъ на право кругомъ.

Однако онъ утѣшаетъ себя мыслью, что Кривосудовъ тѣмъ охотнѣе рѣшится ему помочь, что желаетъ выдать за него дочь свою Софью; хотя ни онъ ей, ни она ему вовсе не по вкусу; но цѣль сватовства на ней есть та, чтобы привлечь на свою сторону отца ея. На удивленіе выраженное Наумычемъ тому что довѣритель его женится на ней, первый говоритъ ему:

Ябъ долженъ напередъ съ ума сойти, взбѣситься,
Возможноль дурочку, въ столицѣ лѣтъ съ шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приходъ съ расходомъ весть не знаетъ,
Шьетъ, на Давыдовыхъ лишь гусляхъ повираетъ,
Да по-французски врётъ, какъ сущій попугай
А по природному ни здраствуй, ни прощай,
Возможно-ли въ жену, такую взять мнѣ дуру!....

Между тѣмъ онъ вспомнивъ, что сюда на именинный пиръ навалитъ громада всѣхъ членовъ палаты, которыхъ онъ намѣренъ перепоить на повалъ, приказываетъ Наумычу, чтобъ не довесть хозяевъ до убытковъ, принести сюда въ то время какъ гости пойдутъ за столъ, разныхъ напитковъ, причемъ поручаетъ ему просить секретаря „картёжить" съ хозяиномъ, не заботясь о проигрышѣ. Но секретарь Кохтинъ легокъ на поминѣ; онъ ищетъ Праволова, чтобы сообщить ему радостную новинку, и тутъ же протягиваетъ руку за полученіемъ „синей ассигнаціи". Наконецъ уже послѣ третей подобной взятки, извѣщаетъ своего пріятеля, что имя данное Прямикову при крещеніи не Богданъ, но Федотъ; словомъ доказываетъ, что Богданъ не при чемъ въ искѣ предъявленномъ къ Федоту. Праволовъ, внѣ себя отъ радости, восклицаетъ: „Доѣду-жъ этого, теперь я молодца!" Кохтинъ замѣчаетъ ему, чтобъ онъ не тратя времени сдѣлалъ прибавку къ своему прошенію; что нужно кое-гдѣ перечернить экстрактъ, и что къ завтрашнему дню, все будетъ готово, и между прочимъ говоритъ, обращаясь къ Праволову:

А какъ дѣло все, пріяло образъ новой,
То новенькіе я законы пріискалъ,
И съ дѣломъ, кажется, гладёнько сочеталъ,
Но если и еще чего тутъ недостанетъ,
То этотъ вамъ сударь, указникъ все натянетъ!

Прочитавъ поданную ему бумагу, Праволовъ снова благодаритъ секретаря, который потряхивая камзольнымъ карманомъ говоритъ: „готовъ служить впередъ; я вамъ душой обязанъ“.—Входитъ горничная Анна, и Праволовъ освѣдомляется у нея о томъ, какъ провела ночь барышня; та отвѣчаетъ, что нехорошо, потому что онъ все ей чудился. Принимая это въ хорошемъ для себя смыслѣ, онъ за добрую вѣсть хочетъ дать Аннѣ денегъ, но она отказывается, говоря что „это не указъ“; предлагаемыя ей Праволовымъ деньги, прикарманиваетъ секретарь Кохтинъ. Горничная уходитъ, и Праволовъ проситъ Кохтина оставить его на единѣ съ вошедшимъ въ то время Кривосудовымъ. Между тѣмъ показываются на короткое время — Фекла съ дочерью Софьею; первая намѣрена опять благодарить Праволова за присланные подарки, но онъ уклоняется отъ ея благодарности. Дамы уходятъ къ себѣ „разоблачиться“, и Праволовъ оставшись съ глазу на глазъ съ Кривосудовымъ, завязываетъ съ нимъ интимный разговоръ относительно своего иска, и ловкимъ образомъ даетъ ему денежную взятку въ шесть тысячь на покупку деревни. Послѣдній сначала для виду конечно, ломается, даже пугаетъ ябедника тѣмъ, что дѣло его „плоховато“, повторяя это нѣсколько разъ; наконецъ склоняется однако на сторону истца, причемъ совѣтуетъ ему „попросить“ и прочихъ членовъ.—Къ Кривосудову валитъ въ гости вся палата; (явл. 6.) начинаются поздравленія хозяина сопровождаемыя приличными пожеланіями, и онъ обращаясь къ женѣ, указываетъ на гостей, чтобъ просила садиться. Исполняя желаніе мужа, она въ то-же время говоритъ дочери: „А ты и поклониться не смыслишь; — все-таки въ присядку“. Между тѣмъ Праволовъ подходитъ поочередно къ каждому изъ членовъ и прокурору, спрашивая, понравились ли имъ его дары; на что и получаетъ весьма удовлетворительные отвѣты. Кривосудовъ, между прочими разговорами, освѣдомляется о новыхъ городскихъ слухахъ, и одинъ изъ членовъ—Паролькинъ, сообщаетъ ему, что толкуютъ громко о новомъ губернаторѣ Правдолюбѣ къ нимъ назначенномъ. При этомъ извѣстіи, предсѣдатель палаты приходитъ въ ужасъ, и говоритъ:

О! упаси владыко!
Вотъ тутъ-то милые! ужъ въ строку каждо лыко:
Правдивъ какъ страшный судъ, безмезденъ, копотунъ,

И человѣчества онъ общій опекунъ;
Во всяку входитъ дрянь; чтобъ съ прозьбой не втесался.....

Другой членъ—Атуевъ, начинаетъ выказывать храбрость, которую выражаетъ слѣдующими словами:

Да право—я его ни мало-бъ не боялся
Пусть губернаторъ онъ; чтожъ? намъ онъ не судья;
Не дую въ усъ ему, сидя въ Гражданской я!

Членъ Бульбулькинъ возражаетъ на эту браваду резонно:

Да онъ какъ дунетъ въ усъ, такъ слышь и съ мѣста сдунетъ;
Вѣдь какъ въ Сенатъ кого въ чернѣ онъ обрисуетъ,
То покормежной въ мигъ герольдіи пашпортъ.....

Но Атуевъ по видимому не убѣждается горькою правдой высказанной Бульбулькинымъ, и все таки продолжаетъ, какъ говорится показывать кукишъ изъ-за угла:

Да безъ суда меня, хотябъ онъ самъ былъ чортъ,
Не можетъ осудить.

Благоразумный Бульбулькинъ и на это говоритъ Атуеву:

Однако какъ разсудитъ
Заблаго выгнать вонъ, то выйти вонъ принудитъ.

Кривосудовъ принимая въ этомъ пререканіи сторону Бульбулькина, говоритъ Атуеву: „Вѣдь трудно, милый мой! намъ прать противъ рожна!"—За тѣмъ прокуроръ Хватайко сообщаетъ другую новость, что за взятки велѣно.. .. „его перебиваетъ Паролькинъ, говоря, что непонимаетъ: какъ можно взятками попасть въ бѣду!" ибо одинъ судъ для давшаго и принявшаго, и потому чортъ-ли понесетъ кого нибудь съ доносомъ?" Хватайко напоминаетъ ему забытую имъ вѣроятно истину, что „издревле свѣтъ все на авось-либо, надежду полагаетъ!"—Кривосудовъ приглашаетъ гостей къ ожидающей ихъ водкѣ, и всѣ уходятъ къ столу.

Дѣйствіе 3-е представляетъ безобразную картину оргіи мошенниковъ, которые обобравъ неправеднымъ судомъ бѣдняка, предаются у богатаго противника его широкому, грязному и безшабашному разгулу; они пьютъ и обжираются на пропалую; играютъ въ карты и поютъ пѣсни, въ которыхъ съ наглымъ цинизмомъ выражаютъ страсть свою къ взяткамъ и грабительству. Для торжества поганаго ихъ дѣла, Наумычь съ Архипомъ вносятъ корзину съ бутылками напитковъ, при-

чемъ послѣдній жалуется на тягость ноши говоря, что пока проклятые судьи не оберутъ барина, его безвинно надорвутъ; Наумычь утѣшаетъ его тѣмъ, что должность стряпчаго несравнено хуже, что на его сторонѣ всѣ неудобства и невыгоды:

Какъ дѣло иногда бываетъ въ чорный годъ,
Въ не пользу барина свихнется сатаною,
То прійдстъ тутъ еще отдуться и спиною.

Входитъ горничная Анна, и увидавъ вино и корзину изъ которой Наумычь разставляетъ бутылки, говоритъ:

Ну! какъ же тянутъ тамъ—Да ба! и это ново
Вино къ дессерту знать иль полднику готово.....

Наумычь начинаетъ къ ней подъѣзжать, и за поползновеніе поцѣловать ее, получаетъ отъ нея оплеушину; въ эту минуту появляется Фекла и бранитъ горничную за то, что даетъ волю рукамъ. Послѣдняя оправдывается и говоритъ указывая на Наумыча:

За вашу же я честь,—не вытерпя,—съ сердца.....
Чтобъ онъ съ передняго не заходилъ крыльца
Съ подарками.

Наумычь также обращается къ Кривосудовой, и приноситъ слѣдующее извиненіе:

Теперь ея измѣря пяди;
Я буду заходить сударыня ужъ съ зади.

Повторяя Аннѣ не давать въ другой разъ воли рукамъ, предсѣдательша журитъ слегка Наумыча, что „прямо такъ лѣзть негожее дѣло" и со стороны иному покажется похожимъ на нѣчто странное, Богъ вѣсть на что; „однако же благодаритъ его, и приглашаетъ прійти, какъ гости вставъ „изъ-за стола дессертна", сюда на просторъ гуртомъ всѣ награнутъ. Наконецъ вваливается полупьяная ватага гостей, и располагается не теряя золотаго времени, за игру. Праволовъ заставляетъ Наумыча метать банкъ; самъ съ хозяйкою садится играть въ пикетъ, остальные въ ломберъ. Хватайко, между прочимъ жалуется на даму, которая ему не везетъ:

Такъ атанде; авось мнѣ вывезстъ валетъ.
Тьфу пропасть! соника: и этотъ вонъ изъ кона!

Кривосудовъ говоритъ на это Хватайко:

Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона
И въ запрещенную игру...

Но Хватайко возражаетъ:

Да видно намъ
Въ нее играть судьба, съ поры той какъ Адамъ
Въ нее послѣднее все проигралъ имѣнье.

Праволовъ соглашается съ мнѣніемъ прокурора, и представляетъ въ примѣръ урода, который безъ отца, роду и племени беретъ наслѣдство, а именно соперникъ его, молодчикъ Прямиковъ. Бульбулькинъ требуетъ отъ Праволова доказательства сказанному имъ, и шутитъ, что тогда они всѣмъ соборомъ пожалуютъ его своимъ прокуроромъ. Праволовъ разсказываетъ имъ, что покойный Прямиковъ имѣлъ одного только сына, скоропостижно умершаго, называвшагося Федотомъ, и который вписанъ подъ этимъ именемъ въ родословную и названъ такъ въ духовной отца; противника же его зовутъ Богданомъ; слѣдовательно тутъ явный обманъ

И что чрезъ хищное, неправедное средство,
Федотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.

Въ это время Хватайко играющій съ Наумычемъ плутуетъ и послѣдній замѣчаетъ ему: „Вы лишній уголокъ....“ Бульбулькинъ говоритъ: „Прямой ты Прокуроръ! Отдать я долженъ честь; но Хватайко отвѣчаетъ: „Кто я? да я не воръ“; на что Бульбулькинъ спрашиваетъ его: „Льнетъ развѣ и къ тебѣ? и получаетъ отвѣтъ: „Не гну я пальца даромъ“. Затѣмъ заика Радбынъ предлагаетъ вопросъ о томъ, что развѣ Богданъ не Федотъ? на что Атуевъ говоритъ ему: „Ты видишь' тутъ сбылось: Федотъ-де, да не тотъ“.— Къ Кривосудову является съ поздравленіемъ Прямиковъ, и замѣтивъ противника своего Праволова, говоритъ предсѣдателю, что теперь кстати онъ и Праволовъ могутъ объяснить ему дѣло на словахъ; но Кривосудовъ отказывается, ссылаясь на то, что они словесныхъ дѣлъ судить не могутъ, и на слова Прямикова, что онъ проситъ не суда а только разсужденія, Бульбулькинъ говоритъ, ему, что до суда нельзя открыть судейскаго мнѣнья. Прямиковъ возражаетъ, что имъ не запрещено открывать правду; но Кривосудовъ замѣчаетъ, что „только не такъ келейно, на дому. Прямиковъ утверждаетъ, что то совершенно равно, гдѣ и какъ бы ее не отыскали, и что еслибы они истину узнали, то могли бы устыдить неправаго, и его съ нимъ безъ тяжбы примирить; но что впрочемъ онъ въ пра-

вости своей полагается на судъ его. Председатель отвѣчаетъ, что не мѣшается въ чужія дѣла, и что для того, чтобы мирить всѣхъ на свѣтѣ учрежденъ Совѣстный Судъ, куда и совѣтуетъ Прямикову обратиться; этотъ говоритъ что и радъ бы, но не могъ уговорить своего противника. Праволовъ разыгрывая изъ себя честнаго человѣка, увѣряетъ Прямикова, что онъ не желаетъ искать въ помянутомъ судѣ снисхожденья подобно тому какъ онъ, Прямиковъ того домогается, и любя истину и безмездіе, почитаетъ себя въ искѣ своемъ на столько правымъ, что желаетъ получить спорное наслѣдство по закону; Прямиковъ говоритъ Праволову, что согласенъ теперь же все отдать ему, если онъ докажетъ свое право; послѣдній отказывается, ссылаясь на незнакомство свое съ ябедой. Противникъ его начинаетъ горячиться, говоря, что онъ стократъ менѣе его понимаетъ ее, и хочетъ не ябедничать здѣсь, но высказать правду; Праволовъ замѣчаетъ ему, что онъ кажется собирается его оскорбить, но что онъ, Праволовъ, изъ уваженія къ дому уступаетъ ему.—Тутъ вступается хозяйка, и начинаетъ говорить Прямикову непріятности, что „ея домъ отпертъ вѣдь не для наглеца, и что она не стерпитъ, чтобы кто ея гостей обижалъ словами. Прямиковъ признаетъ себя передъ ней безвинно виноватымъ, и что онъ уважая ее и всѣхъ, желаетъ только сказать Праволову нѣсколько словъ, но вовсе не о дѣлѣ; отведя противника своего въ сторону, говоритъ ему, что не запрещаетъ ему ябедъ, каверзъ и вывертыванія указовъ; но что если онъ осмѣлится въ этомъ домѣ любить дочь, и вздумаетъ на ней жениться, то грозитъ ему:

. . . . я тебѣ божусь, что эту тяжбу нашу
Рѣшу тѣмъ, что тебя какъ чорта окарнашу;
И по міру пущу безъ носа, безъ ушей.
Порука сабля въ томъ; повѣрь пожалуй ей;
Она не шутитъ вѣдь. . . .

По уходѣ Прямикова, игра и попойка продолжаются, хотя Праволовъ послѣ угрозы перваго, нѣсколько присмирѣлъ; гости часто угощаются пуншемъ, который приводитъ ихъ въ самое игривое настроеніе, такъ что Кривосудовъ предлагаетъ спѣть пѣсенку, и обращаясь къ прокурору, проситъ его быть запѣвалой; и не смотря на то, что Хватайко отговаривается неимѣніемъ голоса, Кривосудовъ настаиваетъ, говоря что они всѣ „пристанутъ для комплекту"; прокуроръ поетъ:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять. . . .
На чтожъ привѣшены намъ руки
Какъ не на то, чтобъ брать?

Всѣ повторяютъ хоромъ: „брать, брать, брать?"... Во время этого безобразнаго пѣнья, которое хвалитъ Кривосудовъ, дочь его Софья, заткнувъ уши уходитъ, Хватайко хвалится, что „самъ сложилъ словца". Тутъ Бульбулькинъ замѣчаетъ: „да по работѣ, какъ ужъ не узнать творца!", и сочинитель пѣсни продолжаетъ:

Вѣдь безъ указа намъ не стать
Пословицу ломать;
Котора говоритъ: что взято
То и свято.

Послѣднее подпѣваетъ хоръ, и Кривосудовъ подзадоренный пѣньемъ, самъ заканчиваетъ пѣсню:

Но нада, чтобъ уйти прижимки,
И чтобъ не оплошать:
Перчатки невидимки
На мигъ не скидавать!

Доигрывавшіе въ карты кончаютъ; банкъ сорванъ и начинается расчетъ. Праволовъ отдаетъ свой проигрышъ Кривосудову и Бульбулькину, причемъ напоминая членамъ палаты о дѣлѣ своемъ, проситъ каждаго изъ нихъ объ обѣщанной помощи; обращается и къ Кривосудову, который говоритъ ему:

Да дѣло-то худенько!
Вѣдь штрафъ пятьсотъ рублей. Такъ надо бережненько!....

Хотя при этомъ, Праволовъ и дѣлаетъ въ сторону кислую мину, но говоритъ ласково предсѣдателю, что въ случаѣ чего-либо, за него платитъ; Кривосудову же лучше нравится получить эти денежки въ запасъ, и Праволовъ обѣщается прислать ихъ къ нему утромъ на храненіе; остается секретарь, къ которому истецъ обращается съ тою же прозьбою оказать ему содѣйствіе, причемъ даетъ ему ассигнацію, спрашивая: „Могу ль надѣяться?", на что взяточникъ, подставляя карманъ кафтана, отвѣчаетъ: „Извольте положить-ся". За тѣмъ Праволовъ, такъ и прочіе гости, распростившись съ хозяевами уходятъ обнявшись и припѣвая: „бери, бери...." Пьянаго хозяина, жена съ горничной уводятъ подъ руки.

Въ началѣ четвертаго дѣйствія, Софья на вопросъ горничной зачѣмъ она такъ рано встала, говоритъ что не могла отъ печали всю ночь заснуть, и что несносный Праволовъ грезился ей всю ночь, недавая ей и во снѣ покоя. Здѣсь происходитъ встрѣча ея съ Прямико-

вымъ, который спрашиваетъ ее о причинѣ грусти, и замѣчаетъ ея слезы; затѣмъ извиняется передъ вошедшими родителями ея, относительно ранняго своего посѣщенія; онъ говоритъ, что его привело желаніе быть имъ полезнымъ, и что онъ забывъ ихъ къ нему непріязнь, рѣшается ихъ предупредить, такъ какъ извѣстился вчера отъ друзей о предстоящей имъ опасности, и сообщаетъ имъ, что сенатъ по разнымъ жалобамъ вошелъ на нихъ въ докладъ; потому совѣтуетъ Кривосудову принять немедля мѣры, иначе послѣдствія будутъ весьма плохія. Фекла принимаетъ весьма нелюбезно слова Прямикова и даже отпихиваетъ его, стоящаго съ ея мужемъ, крича что это „химеры и пустяки" и что никто не звалъ непрошеннаго гостя, втесавшагося въ ихъ домъ съ подобнымъ вздоромъ; она удивляется, откуда въ его „головушку" вселился такой „содомъ, сумбуръ и ералашъ?..." Словомъ, раздраженная, а можетъ быть и струхнувшая предсѣдательша, напускается на бѣднаго Прямикова, заикнувшагося было о своей искренности, за которую не ожидалъ подобнаго пріема, и говоритъ ему:

Да съ искренностью сей, тебя мы къ намъ не ждали,
Съ чего тебѣ объ насъ, вдругъ хлопоты припали?
Откудова, Богъ вѣсть! Зачѣмъ влетѣлъ въ Сенатъ?
Отколь взялъ жалобы, куда вошелъ въ докладъ?
Какія мѣры брать: аршинны иль саженны?

Кривосудовъ, желая успокоить расходившуюся супругу, становится между ею и Прямиковымъ; но Фекла отпихиваетъ и мужа, утверждая. что Прямиковъ явился къ нимъ съ намѣреніемъ ихъ ругать; на возраженіе его: „возможно-ль мнѣ ругать!" она продолжаетъ:

Да какъ же не ругаешь?
И жалоба на насъ, и всѣмъ ты попрекаешь;
Какія жалобы? и жаловался кто?
Когда, какъ, почему, кому, гдѣ и за что?

Она прерываетъ Прямикова, который отвѣчаетъ ей, что онъ, если угодно, покажетъ ясно....

. . . . . Да что противу насъ кто можетъ доказать?
Кого мы безъ суда имѣнія лишили?
Кого не по словамъ закона разорили?
Кого?

На тщетную попытку мужа и стараніе его втереться между нею и Прямиковымъ, чтобъ вставить отъ себя нѣсколько словъ, она го-

воритъ ему: „въ дому лихъ я вольна, въ судѣ ты знай смотри!" Затѣмъ обращаясь къ Прямикову, которому удается сказать только: „Но, я...." кричитъ:

Но ты, кто ты? голубчикъ! я не знаю,
Не знала, и впередъ знать вѣчно не желаю;
Пріѣхалъ клеветать.

Тутъ за него вступается Софья, что еще болѣе раздражаетъ Кривосудову, которая накидывается на дочь съ крикомъ:

Что? что? тебѣ какая стать!
Безумная! Въ дѣла стороннія мѣшаться
За незнакомаго противъ меня вступаться;
Вотъ по заморскому какъ воспитали дуръ!
Ты-бъ знала свой филе вязать, строчить тамбуръ,
Стучать на клявзахъ, иль гарпой утѣшаться,
А не туда, куда не вѣдаешь мѣшаться.
Поди-жъ безумная! въ каморку уплетись,
И слышь, мнѣ на глаза день цѣлый не кажись!

Достается и горничной, осмѣлившейся вступиться за барышню.

И ты туда-жъ, скотина!
Знать около ушей свербитъ твоя личина:
Я всею пятерней ее пощекочу;
И скверной твой языкъ тотчасъ укорочу!...

Прямиковъ удаляется, и Фекла оставшись наединѣ съ мужемъ, упрекаетъ его въ трусости и говоритъ ему, что на него „наѣхалъ знать столбнякъ и что онъ стоитъ какъ словно пень"; въ продолженіи разговора, она не смотря на его возраженія, старается убѣдить его въ томъ, что Прямиковъ явился съ намѣреніемъ напугать его и говоритъ:

Чтобы пустыхъ его ты бредней ужаснулся,
И Праволову бы въ рѣшеньи измѣнилъ.
По плохости твоей онъ умыслъ сочинилъ
Провѣдалъ видно онъ, что ты трусливой роты.

Кривосудовъ, продолжая возражать, говоритъ женѣ, что съ ихъ дѣлами нельзя жить безъ заботы, и случается иногда то, чего бы не должно быть; но Фекла, не принимая доводовъ мужа, продолжаетъ глумиться надъ его трусостью; о Прямиковѣ же отзывается такъ:

. . . . Отколь молодчику извѣстенъ сталъ Сенатъ?
Откуда знать ему что онъ вошелъ въ докладъ?
И какъ не разсудя сперва, не разсмотрясь,
Итти докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чемъ? скажи родной!
Дѣла твои текутъ своею чередой
Какъ и вездѣ; такъ тутъ о чемъ и доложиться?—
Вѣдь всей святой Руси въ докладъ не помѣститься...

Наконецъ Кривосудовъ, убѣжденный по видимому логикою супруги своей, успокоивается, и она увидя входящихъ—Наумыча и секретаря, проситъ мужа, пустаго ради страха, не „скривить" въ дѣлѣ, даннаго разъ слова Праволову и напоминаетъ о его къ нимъ дружбѣ. Наумычь вмѣстѣ съ нижайшимъ поклономъ отъ своего патрона, вручаетъ Кривосудову пакетъ, изъ котораго по распечатаніи его послѣднимъ разсыпаются ассигнаціи; Фекла отталкивая всѣхъ, бросается ихъ подбирать. На вопросъ ея: „что это? Знать проигрышъ?" Наумычь объясняетъ, что эти деньги штрафъ, который платитъ его довѣритель, если не будетъ правъ въ своемъ процессѣ. Въ письмѣ онъ пишетъ и о дѣлѣ, почему Кривосудовъ спрашиваетъ секретаря: „готовъ-ли экстрактъ?" на что тотъ отвѣчаетъ, что его сегодня подписалъ Прямиковъ, что законы пріисканы имъ, секретаремъ, и всѣ поставлены въ рядъ. Кривосудовъ говоритъ: „Такъ чтобъ не волочить, ужъ можно и въ докладъ"? И по просьбѣ о томъ Наумыча, приказываетъ секретарю:

. . . . . ты къ слушанью сегодни-жъ безъ отсрочки
Представь. Лиха бѣда намъ выслушать, а тамъ
Въ минуту приговоръ.

Секретарь представляетъ предсѣдателю, что для выигрынія времени и избавленія его отъ лишняго труда, онъ предварительный журналецъ начернилъ:

Съ законами его, и съ дѣломъ согласилъ,
Наипаче же сударь! съ вчерашнимъ общимъ мнѣньемъ.

Кривосудовъ взявъ отъ Кохтина бумагу, начинаетъ читать отъ слова: „приказали", сначала про себя, и затѣмъ вслухъ:

. . . . Но Праволова искъ формально оправдали,
Въ согласье для сего изданныхъ точныхъ правъ.

Не видя помянутыхъ правъ, онъ обращается къ секретарю, который говоритъ, что по собраніи ихъ, впишетъ всѣ въ протоколъ. Кромѣ того, исполняя новую просьбу Наумыча „исправить упущеніе", Кривосудовъ соглашается на взысканіе съ Прямикова всѣхъ убытковъ понесенныхъ Праволовымъ при веденіи тяжбы, что и приказываетъ секретарю исправить.—По уходѣ Наумыча, Кривосудовъ сообщаетъ Кохтину слухъ о нѣкоемъ „мудреномъ докладѣ", недавно взнесенномъ противъ нихъ сенатомъ; и повидимому терзаемый страхомъ ублажаетъ секретаря сказать по истинѣ, какое дѣло они такъ оплошно рѣшили, что оно могло выйти наружу? между тѣмъ сознается, что самъ ни одного такого припомнить не можетъ. Секретарь, потирая спину, говоритъ въ свою очередь: „Хоть исповѣдаться, не помню, не солгу". Фекла заявляетъ мнѣніе свое, что „этого не можетъ быть"; мужъ проситъ ее не вмѣшиваться, такъ какъ они лучше въ дѣлахъ знаютъ силу; задѣтая за живое, жена не уступаетъ ему:

Нѣтъ лихъ; не хуже знаю я.
Вѣдь что гдѣ, какъ принять, забота лишь моя,
Но пусть на мѣстѣ гнѣвъ Господень покараетъ,
Когда десница вѣсть, что шунца хватаетъ.

За тѣмъ предсѣдатель съ секретаремъ начинаютъ припоминать разныя тяжебныя дѣла ими рѣшенныя, но не находятъ въ нихъ повидимому ничего, могущаго внушить имъ серіозныя опасенія; касаются и настоящаго иска Праволова, но и тутъ Фекла съ Кохтинымъ словами своими дѣйствуютъ успокоительно на Кривосудова; наконецъ секретарь проситъ отпустить его, говоря что „на шеѣ у него дѣлъ цѣлое беремя" и что нужно также поспѣшить перепиской настоящей бумаги; онъ уходитъ напутствуемый словами начальника:

Ну! инъ поди. Но слышь, чтобъ намъ не ждать журнала.

Кривосудовъ спрашиваетъ жену, довольна ли она? причемъ замѣчаетъ ей, что хотя онъ и подается, но сказать истину боится; она же говоритъ ему, что онъ привыкъ всего пугаться и напоминаетъ ему пословицу; „волка бояться, въ лѣсъ не ходить"; на что упавшій духомъ взяточникъ, отвѣчаетъ:

Хоть не боялся я до сей поры волковъ;
Но чѣмъ вѣдь дальше въ лѣсъ, тѣмъ болѣ найдешь дровъ:
Ино чтобъ не зайтить въ таку глухую пущу....

Фекла замѣчаетъ, что онъ сегодня съ утра мелетъ одну лишь пустошь; и приписывая это похмѣлью, шумящему еще въ „головушкѣ“, приглашаетъ мужа хлѣбнуть для здоровья и для того, чтобы изъ головы вышелъ напрасный страхъ, чарочку гданской водочки; Кривосудовъ не прочь отъ этого:

Пойдемъ; дѣла ломать, впрямь трудно на тощакъ!

Пятое и послѣднее дѣйствіе содержитъ въ себѣ развязку пьесы. Грозная туча повисшая надъ преступными головами неправедныхъ судей, уже угрожаетъ законною карою и настигаетъ ихъ какъ разъ по совершеніи ими своего мерзкаго дѣла, и такъ сказать, въ самый расплохъ. — Вошедшій въ комнату повытчикъ Добровъ, удивляется, заставъ въ ней безпорядокъ, происшедшій въ ней послѣ вчерашняго кутежа; при видѣ разбросанныхъ бутылокъ и пр., заключаетъ „что тутъ была изрядная попойка, а не пирушечка, но полновѣсный пиръ“. Обращаясь къ находящейся здѣсь горничной Аннѣ, спрашиваетъ ее: „Скажи, какъ клюковки всѣ гости напились?“ Она отвѣчаетъ:

Что называется до положенія ризъ,
По лѣстницѣ къ крыльцу, ужъ не сошли, спустились;
И чадомъ вейновымъ такъ сильно зарядились,
Что не опомнятся я думаю, дни въ три.

Добровъ замѣчаетъ, что напротивъ, они не такіе оплошные богатыри, и хоть „пропунштуютъ всю всенощну на пролетъ, то проспавшись“ какъ ни въ чемъ, вновь мертву чашу дуютъ; и что не клюкнувъ чарки-другой, ни одинъ изъ нихъ не ступитъ ногою въ судъ. Анна начинаетъ уборку комнаты тѣмъ, что, взявъ стаканъ, поливаетъ полъ, что Добровъ считаетъ безполезнымъ:

Напрасныя труды! не токмо что простыя,
Но цѣлой хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай: окрещонъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ черна останется, хоть мой въ Іорданѣ.

Горничная говоритъ, что это не вода, но остатокъ пунша и рѣшаетъ: „пусть пьетъ судейское питье судейской полъ“, съ тѣмъ Добровъ совершенно согласенъ. Затѣмъ они вдвоемъ приводятъ комнату въ болѣе приличный видъ. Вопросъ горничной: „куда дѣвать бутылки?“ Добровъ рѣшаетъ такъ:

Скроемъ
Поставя ихъ подъ столъ; суконцемъ симъ прикроемъ
Вѣдь множество оно привыкло прикрывать
И не такихъ грѣховъ!

„А какъ? прошу сказать!" спрашиваетъ недоумѣвающая горничная у Доброва, который и объясняетъ ей:

Вотъ какъ: когда судья желаетъ чтобъ чье дѣло
Лѣтъ нѣсколько на свѣтъ Господній не глядѣло,
То онъ его кладетъ подъ красное сукно:
А тамъ;—спокойна ночь; лежи и прѣй оно.

За опасеніе Анны о будущей цѣлости бутылокъ, Добровъ не ручается и говоритъ, что судейское чутье исправно; но первая полагаетъ, что:

Хозяинъ будетъ самъ сидѣть на караулѣ
Вѣдь видитъ съ креселъ онъ, что крадетъ кто на стулѣ?

На что Добровъ говоритъ:

Не завсегда; ино онъ смотритъ лишь на то,
Не надзираетъ ли за нимъ со стула кто?

Въ судейскую комнату входятъ всѣ члены и послѣ похвальнаго отзыва о вчерашнемъ пиршествѣ и извиненій хозяина „въ плоховатомъ угощеніи", послѣдній предлагаетъ открыть засѣданіе; Бульбулькинъ изъявляетъ готовность „ломать дѣла"; но Паролькинъ того мнѣнія, что „всѣхъ дѣлъ не поломаешь, потому что скопилось ихъ довольно!" Кривосудовъ приказываетъ повытчику читать настольный реэстръ, что послѣдній исполняетъ; но дѣла эти не интересуютъ предсѣдателя и откладываются по его приказанію на будущее время. Кохтинъ вырывая у Доброва реэстръ и перевернувъ нѣсколько листовъ, останавливается на искѣ Праволова, и Кривосудовъ находитъ, что его бы кстати сегодня разобрать, потому и приказываетъ Доброву читать повнятнѣе подробный изъ дѣла экстрактъ. Во время чтенія члены находятъ подъ столомъ бутылки, причемъ Атуевъ удивляется мѣсту, куда спрятали запасъ; Паролькинъ велитъ ему пошарить, нѣтъ ли картъ, и говоритъ: „такъ бы мы переметнулись". Между тѣмъ Добровъ продолжаетъ читать и когда дѣло доходитъ до присужденія палаты отдать всѣ имѣнія и села Прямикова просителю, то члены, прерывая чтеніе, находятъ тутъ „правость дѣла ясную какъ солнце". Наконецъ повытчикъ при-

ступаетъ къ отвѣту Прямикова на искъ, содержащему въ себѣ дѣльное, правдивое на него опроверженіе, основанное на ясныхъ и законныхъ доказательствахъ. Члены не только не слушаютъ чтеніе, но занимаются посторонними интересующими ихъ житейскими дѣлами. Радбынъ дремлетъ; прочіе сговариваются обыграть какого-то пріѣхавшаго изъ гвардіи въ отпускъ молоденькаго барчука „съ пустою", по ихъ словамъ „головушкою, но золотымъ сундукомъ"; при чемъ Атуевъ расположенный по видимому къ ловеласничеству, объявляетъ о находящейся у пріѣзжаго красоткѣ. Бульбулькинъ смѣется и говоритъ:

Ой! ой! вы молодежь! ну! долголь вамъ проказить,
И то за кошелькомъ, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь ужъ вамъ остепенить.

На вопросъ Паролькина: „чтожъ онъ имъ прикажетъ дѣлать?" Бульбулькинъ отвѣчаетъ: „Пить". За тѣмъ они садятся на свои мѣста. Между тѣмъ чтеніе дѣла перешло къ секретарю Кохтину, вырвавшему бумагу изъ рукъ Доброва, съ замѣчаніемъ послѣднему, что онъ сталъ бормотать; самъ же онъ, читая, то и дѣло кашляетъ, сморкается, харкаетъ, чешетъ голову и оправляетъ камзолъ. Члены дослушавъ чтенье рѣшаютъ, что отвѣтъ Прямикова болѣе ничего, какъ „вздоръ, дребедень и сумбуръ", что „штиль надутъ", и заика Радбынъ прибавляетъ, что здѣсь нѣтъ „ни мысли, ни смысла"; Кохтинъ, что ни одной ссылки на указъ; самъ предсѣдатель говоритъ:

Какіе тѣ указы?
Ты видишь, тутъ одни пустые лишь разсказы
Запутанная рѣчь и бранныя слова.
Ей, у меня отъ нихъ вскружилась голова,
Пусть лучше бы онъ вралъ по Чудьски иль Богемски!

Секретарь замѣчаетъ, что однако Уѣздный и Верхній Земскій суды, утвердивъ рѣшеніе „на сихъ резонахъ" и присудивъ Праволову спорное имѣнье, согласно обвинили его противника. Послѣ непродолжительнаго разсужденія, члены рѣшаютъ, что Прямиковъ плутъ и соглашаются оправдать ябедника-истца; предсѣдатель хвалитъ согласную встрѣчу мыслей и предлагаетъ отмѣтить въ этой силѣ резолюцію. Затѣмъ, написавъ бумагу, отдаетъ ее секретарю съ приказаніемъ „скорѣй все это расплодить" какъ слѣдуетъ и принесть журналъ для подписи. Является прокуроръ, которому Кривосудовъ объявляетъ, что дѣло кончено и всѣми согласно рѣшено; вошедшій за тѣмъ секретарь

подаетъ председателю бумагу, которую всѣ и подписываютъ, причемъ Парольвинъ говоритъ Радбыну, намѣревающемуся сначала прочитать ее:

Да ну! пожалуй насъ читаньемъ не смѣши
Еже писахъ, писахъ!

Прокуроръ съ согласія предсѣдателя идетъ за Праволовымъ для объявленія ему желательной для него вѣсти; послѣдній является и благодаритъ членовъ, что было послѣднимъ торжествомъ ябедника и пріятелей его мошенниковъ-судей. Входитъ Добровъ съ двумя пакетами, полученными съ почтамта на имя предсѣдателя, которые этотъ передаетъ прокурору для прочтенія съ словами:

Судебно око ты; пожалуй потрудися!

Хватайко развернувъ бумагу, начинаетъ читать, предварительно спросивъ:

Отъ «приказали» вѣдь?—«А какъ въ Сенатъ стеклися
Изъ разныхъ главныхъ мѣстъ, правленій и судовъ,
Репорты, коими Ассесоръ Праволовъ
Въ поносныхъ ябедахъ, злодѣйствепныхъ безпутствахъ,
Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ,
Довольно приличѐнъ».—

За тѣмъ обращаясь къ Праволову говоритъ: „Кой чортъ! смотри-ко, братъ!" и продолжаетъ читать:

«Довольно приличѐнъ, то для того сенатъ:
Присутственнымъ мѣстамъ всѣмъ, симъ повелѣваетъ
Строжайшій обыскъ.

Услыша это, Праволовъ восклицаетъ: „Охъ! кровь въ жилахъ замерзаетъ"! Хватайко доканчиваетъ чтенье:

«О Праволовѣ семъ повсюду предписать;
И гдѣ найдется онъ, сковавъ подъ стражу взять,
И крѣпко содержать до новаго указу».—

Пораженный Праволовъ, падая на колѣни и поднявъ обѣ руки вверхъ, между которыми видна записная книжка, молитъ прокурора о пощадѣ и спасеніи. Хватайко говоритъ ему:

Да ты возможнаго голубчикъ! лишь проси,
Вѣдь тожъ и у меня спина-то щекотлива!

Онъ бросается за бѣгущимъ Праволовымъ крича ему вслѣдъ: „Куда? постой; вернись!—Чтобъ онъ куда не сгибъ!"—Слѣдующая сцена изображаетъ членовъ палаты пораженныхъ ужасомъ, который выражается каждымъ изъ нихъ въ отрывочныхъ возгласахъ. Наконецъ Кривосудовъ принимается за чтеніе другаго пакета, спросивъ свои очки и произноситъ: „тутъ что нибудь да есть; о чемъ сенату къ намъ писать, и столько много?" Послѣдній, давно заслуженный ударъ правосудія, разражается надъ негодяями; однако у Кривосудова достаетъ силъ выговорить:

Вотъ на! Гражданскую Палату всю.... и строго....»
Ахъ-ти! пропали мы....

Онъ роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ кресла. Поднявъ его, всѣ съ восклицаніемъ ужаса сбѣгаются въ кучу и читаютъ. Добровъ на возгласъ Кохтина: „Ну! пришло и намъ знать круто!" говоритъ про себя: „Крутили вѣдь и вы!"—На общее смятеніе и крикъ влетаетъ Фекла и начинаетъ разспрашивать о случившемся, но не можетъ добиться никакого толку; лишь слышитъ отъ каждаго, что „всѣ сгибли и пропали". Она въ досадѣ кричитъ: „Взбѣшусь! скажите мнѣ!" Наконецъ Атуевъ говоритъ ей: „Ужъ все сказалъ сенатъ...."; но недоумѣвающая и неудовлетворенная этимъ предсѣдательша, обращается къ секретарю съ прозьбой растолковать ей, въ чемъ дѣло; и онъ объясняетъ ей:

Да толкъ тутъ не далёкъ,
За бабушкинъ знать грѣхъ, всѣхъ насъ попуталъ Богъ!

Наконецъ, къ этому Добровъ прибавляетъ:

О томъ вся скорбь, что вздумалось сенату
Насъ въ Уголовную всѣхъ препроводить палату.

При этомъ извѣстіи Фекла вопитъ: „Ахти мнѣ! да за что? Въ отвѣтъ на свой вопросъ, она слышитъ отъ мужа:

Да то-то и бѣда,
Что осудили насъ безъ всякаго суда
Ну! льзяли по однимъ доносамъ лишь злословнымъ
Велѣть насъ всѣхъ судить, порядкомъ уголовнымъ?
За взятки, яко бы, за толкъ кривой въ дѣлахъ
Законовъ будто....—

Тутъ предсѣдательша, положительно вышедшая изъ себя, кричитъ:

Какъ? какъ? на пустыхъ словахъ
Сенатъ увѣрился? Сенатъ насъ обвиняетъ?
Да ктожъ намъ взятки далъ? Кто насъ изобличаетъ?—
Безъ права, безъ суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, срамить насъ, убивать!—
Да, что? Зачѣмъ ему мѣшаться въ эти вздоры?
Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры?
И къ намъ, не дьяволъ ли занёсъ столъ красный въ домъ?
Прочь съ нимъ отсель:—я все поставлю къ верху дномъ!

Взбѣшенная и частью перепуганная предсѣдательша производитъ окончательный скандалъ; опрокидываетъ столъ, причемъ всѣ члены и секратарь разбѣгаются. Она видитъ скрытыя до сихъ поръ подъ столомъ бутылки, и въ ней пробуждаются вновь, подавленные на время настоящимъ ея состояніемъ духа, хищническіе инстинкты взяточницы; она обращаясь къ мужу и радостно спрашиваетъ: „А кто принесъ?" Кривосудовъ отвѣчаетъ: „Никто. Остатки знать вчерашни".—Между достойными супругами, оставшимися „en famille", начинаются, вслѣдствіе извѣстной въ человѣческой природѣ черты, сваливать свою вину на ближняго, взаимные упреки. Обращаясь къ женѣ, стоящей въ отчаяніи и повторяющей: „Ахъ-ти! Бѣда, бѣда!" Кривосудовъ говоритъ ей:

Твои вотъ это шашни
Черезъ тебя и я, и весь мой домъ погибъ!

На этотъ горькій упрекъ, брошенный ей въ лице мужемъ, Фекла разражается бранью, нисколько уже не щадя его самолюбія:

Черезъ меня? Да ты сидѣлъ въ судѣ какъ грибъ,
Какъ истуканъ, какъ пень, какъ олухъ, какъ оселъ,
Какъ рохля; въ жизнь твою ты двухъ концовъ не свелъ!

„Сведи же ты теперь!" отвѣчаетъ мужъ. Это окончательно бѣситъ не привыкшую къ сопротивленію предсѣдательшу; и она отъ ругани, готовая перейти къ дѣйствію, говоритъ мужу:

Сведи! еще бормочетъ;
И онъ же голову еще вскружить мнѣ хочетъ!
Слышь не дразни; а то...

Съ послѣднимъ словомъ она къ нему бросается и несчастный мужъ испыталъ бы на себѣ, конечно уже не въ первый разъ, тяжесть длани дражайшей своей половины, если бы не вступившаяся тутъ за отца Софья, съ прозьбой къ разгнѣванной матери удержаться; за что

послѣдняя прогоняетъ дочь изъ комнаты. Кривосудовъ въ свою очередь заступается за нее и говоритъ, что она не знаетъ о томъ, что женихъ ея (Праволовъ) сидитъ въ острогѣ; и на вопросъ жены: „за что?“ говоритъ ей:

Сенатъ велѣлъ
Сковать; и скованъ ужъ: такъ стало не безъ дѣлъ.

При этой новости Кривосудова признаетъ за лучшее воспользоваться любимымъ въ то время обычаемъ прекраснаго пола—упасть въ обморокъ, что и исполняетъ, проговоривъ: „Ахти, пришла бѣда! ахти мнѣ! Умираю!...“ Софья съ горничной бросаются къ ней на помощь. Входитъ Прямиковъ и говоритъ, что узнавъ объ ихъ несчастіи, о которомъ искренно сожалѣетъ, считаетъ первымъ долгомъ своимъ утѣшить ихъ и раздѣлить съ ними печаль. Обращаясь къ пришедшей въ себя предсѣдательшѣ, онъ выражаетъ ей надежду на то, что она теперь оправдаетъ его поступокъ и оцѣнитъ усердіе его; причемъ возобновляетъ предложеніе свое относительно ихъ дочери, на что получаетъ родительское ихъ согласіе и признаніе отъ самой Софьи. И для несчастныхъ будущихъ подсудимыхъ находятся слова утѣшенія и надежды. На слова Кривосудова, соединившаго руки жениха и невѣсты, что „печаль его немного облегчается“, горничная Анна говоритъ: „Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ съ легка!“ что подтверждаетъ и Добровъ словами:

Впрямь: моетъ говорятъ вѣдь, руку де рука,
А съ Уголовною, Гражданская палата,
Ей, ей, частёхонько живетъ за панибрата.
Не то при торжествѣ уже, какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ подвинутъ манифестъ.

Кривосудовъ стоитъ на томъ: „какъ ни говори, а дѣло плоховато“; къ этому Анна прибавляетъ: „жить ябедой, и тѣмъ, что взято, то и свято“[1].

---

[1] По мастерскимъ сценамъ, составляющимъ „Ябеду“, ее едва ли нельзя поставить рядомъ съ „Недорослемъ“, произведеніемъ знаменитаго комика нашего Фонвизина. Въ комедіи Капниста мы находимъ туже мѣткую сатиру на язвы современнаго общества, и тотъ же неподражаемый комизмъ, безъ малѣйшей утрировки, шаржа или попытки на каррикатуру.—Слогъ „Ябеды“, не смотря на довольно замѣтную его устарѣлость, чистъ, правиленъ, и стихъ которымъ написана комедія, читается легко.—Какъ „Простаковы“ Фонвизина, такъ и „Кривосудовы съ братіею“ Капниста, остаются навсегда живыми типами лич-

На картинкѣ, принадлежащей къ настоящему изданію „Ябеды", изображеніе вензеля императора, озареннаго солнечными лучами, испускающими громовую стрѣлу въ лежащую на землѣ, посреди приличныхъ ей аттрибутовъ, Ябеду. У подножія пьедестала, на которомъ помѣщенъ вензель, сидящая Истина, въ видѣ женщины указывающей на подпись: „Тобой поставлю судъ правдивый" (Ломонос. 2-я ода). Изъ-за пьедестала выказывается фавнъ съ свирѣлью.—Въ „Русской старинѣ" находится сообщеніе С. И. Турбина, въ которомъ онъ говоритъ, что у него имѣется экземпляръ „Ябеды" изданія 1798 года, принадлежавшій одному изъ лучшихъ актеровъ XIX столѣтія, Щепикову, въ бенефисъ котораго „Ябеда" шла 2-го сентября 1814 года, съ поправками сдѣланными авторомъ. Всѣ измѣненія внесены въ книгу Щениковымъ. Затѣмъ г. Турбинъ представляетъ выписку напечатанныхъ стиховъ, съ поправками въ нихъ Капниста [1].

№ 176. Мѣсяцословъ на **лѣто** отъ Рождества Христова **1798**, которое есть **Простое**, содержащее въ себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста **Россійской Имперіи. — Въ Санктпетербургѣ**, при Императорской Академіи Наукъ 8°.

ностей, долго существовавшихъ въ русскомъ обществѣ. Мудрено ли было, въ XVIII столѣтіи встрѣтить полуидіота помѣщика, блаженствующаго подъ башмакомъ жены-самодурки, которой произволъ никѣмъ и ничѣмъ необузданный, давалъ просторъ грубому самовластію и разнымъ безобразнымъ выходкамъ, жертвами которыхъ дѣлались всѣ имѣвшіе несчастіе отъ нея зависѣть? Не менѣе часто попадались и судьи-взяточники, рѣшавшіе разбираемыя ими тяжбы не сообразно законамъ, но карману просителей и личнымъ своимъ выгодамъ, что и подтверждается въ комедіи самою Кривосудовой, словами: „Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры"? (Явл. 8, стр. 131).—Наконецъ что же эта черезъ чуръ лихая предсѣдательша? Это таже бойкая „Простакова" Фонвизина въ другомъ нарядѣ, дѣйствующая въ иной сферѣ и на болѣе обширной общественной лѣстницѣ! Первая, господствуя самовластно въ своей деревнѣ и домѣ, командуетъ мужемъ, сыномъ, людьми и проч., вторая, кромѣ подчиненнаго ей мужа, управляетъ, хотя и не оффиціально, всей гражданской палатой состоящей подъ его предсѣдательствомъ; сортируетъ просителей, принимаетъ взятки, судитъ о дѣлахъ предрѣшая ихъ за мужа, котораго презираетъ и чуть не бьетъ, видя въ немъ неумѣлаго человѣка, и пожалуй менѣе ее самой, ловкаго взяточника.—Сравнивая между собою эти два образцовыя произведенія, легко усмотрѣть аналогію, существующую между помянутыми четырьмя дѣйствующими лицами обѣихъ пьесъ, и потому надѣемся, что сопоставленіе двухъ знаменитыхъ комедій, не можетъ показаться натянутымъ.—[1] Русск. Старина 1873. № 5, стр. 715.

137 нум. и 1 ненум. стр. (оглавленіе). Фронтиспись гравиров. на мѣди.

Геннади, Справочн. Словарь, т. 2, стр. 366.

Изданіе мѣсяцослова подобное описанному въ Выпускѣ II-мъ, стр. 626, № 212 „Матеріаловъ"; только въ настоящемъ, гравированный заглавный листъ вышепомянутаго мѣсяцослова замѣненъ обыкновеннымъ печатнымъ. Вмѣсто портрета императора, находится фронтиспись съ изображеніемъ пирамиды, украшенной на верху императорскою короной, и по срединѣ щитомъ, окруженнымъ сіяньемъ, съ вензеловымъ именемъ Павла 1-го. У подножія пирамиды курящійся жертвенникъ обвитый цвѣточною гирляндой. Настоящій мѣсяцословъ напечатанъ противъ вышепомянутаго, на бумагѣ болѣе низшаго достоинства.

1799.

№ 177. Каминъ, Сочиненіе **Кн И. М. Долгорукова** съ французскимъ переводомъ **Карла Авіата де Ватай**, Профессора при **Императорскомъ** Московскомъ Университетѣ. — **Le Coin du Feu** Composé par M. le Pr. J. M. Dolgorouky et traduit en Français Par **Charles Aviat de Vatay**, Professeur en l'Université **Impériale** de Moscou.— Chez Rüdiger et Claudi. 1799. 8°. Съ дозволенія Московской Цензуры. 23 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа).

Плавильщ. Ч. III. № 5280.—Сопик. Ч. IV. № 8096.—Митр. Евген. Слов. т. I, стр. 187.—Геннади. Справ. Словарь ч. I, стр. 317.

Переводчикъ „Камина" на французскій языкъ, Ватэ[1], напечаталъ его вмѣстѣ съ приложеніемъ русскаго подлинника. Содержаніе сти-

---

[1] По смерти экстраординарнаго профессора Бодуэна, на его мѣсто произведенъ 1796 г. 4 марта въ то же званіе экстраординарный профессоръ французской словесности при Московскомъ университетѣ аббатъ Авіатъ де Ватэ. При вступленіи въ эту должность онъ напечаталъ свой переводъ на французскій языкъ стихами оды Державина: Богъ. Въ 1792 году іюня 30, произнесъ въ торжественномъ собраніи Университета слово на французскомъ языкѣ: Discours sur les sciences considérées dans leurs diverses périodes. Рѣчь Ватэ переведена была тогда на русскій языкъ воспитанникомъ Университетскаго Пансіона Андреемъ Тургеневымъ. Ватэ перевелъ также на фр. языкъ „Душеньку" Богдановича и написалъ „Курсъ Фр. Словесности", но не успѣлъ издать въ свѣтъ ни того, ни другаго. (Біографич. Словарь Профессоровъ и Препод. Имп. Москов. Унив. 1855. Ч. I, стр. 151).

хотворенія философское, въ которомъ поэтъ обращаясь къ своему камину, какъ къ дорогому товарищу, съ которымъ, въ уединеніи своемъ раздѣляетъ жизненныя заботы и невзгоды, благодаритъ его за спокойствіе доставляемое ему „сложеннымъ изъ грубыхъ камней", и не представляющимъ собою „монумента гордаго чванства", милымъ сердцу поэта каминомъ. Сидя передъ нимъ въ креслахъ и нѣжась у огня его, панегиристъ камина даетъ просторъ воображенію и строя воздушные замки, то представляетъ себя могучимъ властелиномъ, рѣшающимъ судьбы народовъ, то ревностнымъ карателемъ неправосудія и ябеды. Размышляя о суетѣ міра и несовершенствѣ человѣческой природы, онъ обращается съ укоромъ къ гордецу, осыпанному по волѣ судьбы всевозможными земными благами, не знающему, не смотря на кратковременность жизни, предѣла своимъ ненасытнымъ желаніямъ, между тѣмъ какъ судьба его есть—погибнуть, подобно гордому дубу, недавно красовавшемуся въ лѣсу и не почитавшему никого себѣ равнымъ, нынѣ послѣ обращенія въ щепы сгорающему въ каминѣ стихотворца; доказывающаго этимъ сравненіемъ всю тщету усилій человѣка поставить себя выше другихъ, когда смерть его, къ которой рожденье есть первый шагъ, полагаетъ конецъ всѣмъ его тщеславнымъ стремленіямъ.—Наконецъ авторъ обращается къ камину своему, какъ къ другу прогоняющему скуку его и мрачныя думы и припоминающему ему „ума и сердца заблужденья" и „страстей жестокія волненья". Поэтъ вспоминаетъ о цѣлыхъ стопахъ любовныхъ писемъ, колечекъ, перстней и силуэтовъ, которые онъ сожигая вмѣстѣ съ лучиной, приносилъ въ жертву камину. Послѣ правоученія смертнымъ о умѣреніи безразсудныхъ желаній и удовольствованіи себя удѣломъ ниспосланнымъ Провидѣніемъ, поэтъ въ послѣдней строфѣ своего стихотворенія, сравниваетъ пожаръ происходящій отъ искры съ войною возгорающейся часто отъ маловажныхъ распрей между народами; но этотъ пожаръ, по словамъ его, не зальетъ и море, тогда какъ чтобы погасить загорѣвшіеся отъ искры дрова въ каминѣ, достаточно графина съ водою.

Каждая строфа стихотворенія въ подлинникѣ содержитъ въ себѣ 10 и въ переводѣ 16 строкъ. Выработанность французскаго языка, не смотря на его бѣдность сравнительно съ русскимъ и поэтическій отчасти даръ Ватэ, дали ему возможность, сохраняя въ переводѣ своемъ мысли русскаго поэта, придать стихамъ своимъ болѣе изящную форму и щеголеватость (élégance), которой отсутствіе замѣчается въ подлинникѣ. Насколько Ватэ держался его, можно судить изъ приводимыхъ ниже первой и послѣдней строфъ какъ подлинника, такъ и перевода:

1.

Каминъ, товарищъ мой любезной!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю;
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ
Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ:
Тогда какъ листъ и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю
Играю съ нимъ уединенъ.

Reçois l'hommage de mon coeur
O mon aimable cheminée,
Tu fais treve au souci rongeur,
Qui pèse sur ma destinée;
Et de mon âme infortunée
Du moins tu charmes la langueur.
Oui; qund la nature allanguie
Par le brusque amant d'Orythie
Voit deshonorer ses appas;
Quand l'air impregné de frimas
Me dit qu'à l'hyver, qu'il m'apporte,
Il est tems de fermer la porte;
Rencogné près de mon foyer,
Je rêve aux travers de ce monde
Et si je ne puis m'y ployer,
Tout en tisonnant je les féconde.

18.

Я вижу часто какъ родится
Отъ искры пламенный пожаръ;
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ;
Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ,
Спросилъ, да влилъ... погасъ каминъ.

Hélas! und grand embrasement
Souvent provient d'une étincelle
Pour presque rien le plus souvent
Le tambour bat, le sang ruiselle,
Et l'état ébranlé chancelle,
Et croule sur son fondement.
Ainsi mon tas de bois trébuche,
Se reverse bûche sur bûche;
Sa dureté résiste peu
A l'active attaque du feu.
Même, sa constante ennemie
L'eau semble aimer l'incendie;
Prenant le parti du vainquer
Elle ramollit ce qu'il touche....
Mais je m'endors à sa chaleur....
A minuit juste je me couche.

Настоящая, впрочемъ довольно рѣдкая брошюра, напечатана на низкаго сорта бумагѣ, употреблявшейся отъ конца XVIII-го до половины XIX-го столѣтія, для печатанія книгъ. Заглавный листъ обведенъ фигурною каймой; въ началѣ и концѣ какъ русскихъ, такъ и французскихъ стиховъ по виньетѣ, гравированной на деревѣ.—Кн. Долгоруковъ въ запискахъ своихъ упоминаетъ объ изданіи „Камина" напечатанномъ въ первый разъ 1795 года въ рузаевской типографіи Н. Е. Струйскаго (Рузаевка, Пензенск. губерніи); но это изданіе намъ не встрѣчалось [1]. Въ „Опытѣ" Сопикова указано еще изданіе, напечатанное въ Москвѣ 1801 г.; митр. Евгеній упоминаетъ объ изданіи напеч. въ Москвѣ 1794 года.

№ 178. Державный Орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго.—Въ Санктпетербургѣ 1799. Печатано въ Императорской Типографіи. 12°. 57 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа). Оглавленіе подъ общею нумераціею стр., и нач. съ 55 стр.

Сопик. Ч. 4. № 7626.—Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи 1838, стр. 288. № 19.

Книжка содержитъ въ себѣ списокъ всѣхъ чиновъ ордена пріорствъ Россійскаго и Россійско-Католическаго. Вначалѣ списка на особливомъ листѣ составляющемъ 3-ю и 4-ю страницы означено: Ве-

---

[1] Смирдинское изданіе сочиненій кн. Долгорукова т. I, стр. 348. О Запискахъ кн. Долгорукова и хронологіи его стихотвореній. Замѣтка М. Лонгинова. Русск. Архивъ 1865, № 3, столб. 368—371.

ликій Магистръ, Его Императорское Величество Императоръ Всероссійскій; далѣе на 5-й стр. Священный Совѣтъ, въ которомъ состоятъ: въ должности Поручика Великаго Магистра Графъ Салтыковъ 1-й. Генералъ Фельдмаршала Наслѣдникъ Цесаревичъ. Великаго Командора Беклешевъ. Великаго Надзирателя, графъ Сиверсъ. Генералъ Адмирала, графъ Кушелевъ. Великаго Казначея Ламбъ и въ должности его баронъ Флаксланденъ. Великій Бальи, баронъ Пфюрдтъ. Великаго Канцлера графъ Растопчинъ. Вице-Канцлера, Командоръ Ла Гуссей [1]. Казначея Великаго Пріорства Богемскаго, Бальи, графъ Коловратъ, посланникъ Его Имп. Вел—ва, преимущественнѣйшаго Великаго Магистра при Вѣнскомъ дворѣ.—Въ спискѣ сановниковъ ордена Великаго Пріорства Россійскаго, находятся имена Кавалерственныхъ дамъ Большаго Креста: Ея Императорское Величество Императрица. Ихъ Имп. Высочества: В. Княгиня Елисавета Алексѣевна, Анна Өеодоровна, Александра Павловна Эрцъ-Герцогиня Австрійская; Елена Павловна, наслѣдная принцесса Мекленбургъ-Шверинская; В. Княжны: Марія Павловна, Екатерина Павловна, Анна Павловна, Марія Александровна; свѣтлѣйшая княжна Лопухина, графиня Литта, дюшессы: Серра Капріола Люксенбургская и вдовствующая дюшесса Виртенбергская.—Меньшаго Креста: принцесса Биронъ.—Въ числѣ 29 кавалеровъ Большаго Креста состояли: Его Имп. Высоч—во Наслѣдникъ Цесаревичь В. Князь Александръ Павловичъ, Великій Пріоръ; В. Князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Павловичи; графъ Салтыковъ 3-й, Салтыковъ 2-й, князь Куракинъ 1-й, казанскій и ростовскій архіепископы, Нарышкинъ 1-й, князь Лопухинъ, князь италійскій графъ Суворовъ-Римникскій; графы: Денисовъ, Сиверсъ Растопчинъ, Шереметевъ, Кушелевъ, Воронцовъ; принцы: Наслѣдный Мекленбургъ-Шверинскій, Александръ Виртенбергскій, генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ и другіе.—Съ преимуществомъ Кавалеровъ Большаго Креста 2.—Командоровъ 93, между Командорами находятся слѣдующія имена: Энгельгардтъ дѣйств. тайн. сов., графъ фонъ деръ-Паленъ, генералъ кавалеріи; Бенкендорфъ, ген. инфант.; князь Лопухинъ, графъ Румянцовъ 3 й, д. т. с.; Кочубей д. т. с., Кушелевъ, Ушаковъ адмиралъ, князь Волконской, графъ Ливенъ, г. л., князь Долгорукій

---

[1] De la Houssaye. ум. 1800 г. 29 мая, погребенъ на Каменномъ островѣ, мѣстѣ погребенія кавалеровъ ордена. Русск. Старин. 1883 г. Сентябрь. Петербургъ при Императ. Павлѣ Петровичѣ съ 1796—1801 гг. Изъ выдержекъ изъ рукописи Реймерса: St.-Petersburg während der vier ersten Jahren der glorreichen Regierung Sr. Kaiserlichen Majestät Paul der Ersten. срр. 468.

(ген. адьют.), князья Гагаринъ и Щербатовъ д. т. с—ки; Колычевъ т. с., дюкъ де-Ритолье г. л., графъ Аракчеевъ г. л., графъ Завадорскій д. т. с., Аракчеевъ г. м., князь Багратіонъ г. м., Милорадовичъ г. м., князь Горчаковъ г. м. и другіе.—Командоры съ Командорствами изъ почтовыхъ доходовъ 17.—Почетные Командоры съ пенсіонами 29.—Почетные Командоры 12.—Кавалеры 52, въ числѣ которыхъ пятеро изъ фамиліи графовъ Головкиныхъ отмѣчены наслѣдственными кавалерами съ достоинствомъ почетныхъ командоровъ (Державн. Орд. стр. 31).—Родовые Командоры 20.—Кандидаты монументскаго Командорства учрежденнаго графомъ Румянцовымъ 3-мъ 3. — Кандидаты Командорствъ учрежденныхъ Бальи, графомъ Шереметевымъ 2.—Великое Пріорство Россійско-Католическое (стр. 35). Кавалеры Большаго Креста: Его Свѣтлость, принцъ Конде Великій Пріоръ; графъ Литта [1]; архіепископъ ѳивскій и могилевскій Великій омонье [2], графъ Кобенцель, дюкъ Серра Капріола, де ла Туръ дю Пѣнь, де ла Транблэй, архіепископъ д'Альби.—Командоры 20.—Кавалеры 105.—Родовые Командоры 9.—Конвентуальные Командоры 3.—Конвентуальный Священникъ.—Почетные кавалеры 16; между которыми встрѣчаются имена: графа Сенъ-При, князей Станислава и Іосифа Поніатовскихъ, Рибаса, Зорича, принца Фридриха Гогенцоллернъ-Гехингенъ; бароновъ: Ашъ, Фридриха Бюллеръ, гр. Кутайсова, гр. Гейнриха Рейсъ 62-го и другихъ.—Оффиціалы Ордена: Оберъ-Церемоніймейстеръ Валуевъ д. т. с. и почетный Командоръ. Церемоніймейстеръ, Командоръ де-Мезонневъ (Maisonneuve).[3]—Первый Оруженосецъ Великаго Магистра и магистральный Кавалеръ графъ Кутайсовъ.—Аудиторы при счетахъ: графы Хребтовичъ и Головкинъ (командоръ). Секретарь при казнѣ: Командоръ Витри.—Комиссары Канцеляріи 2.—Секретарь Канцеляріи.—Секретарь Ордена.—Герольды 4.—Священники Великаго Пріорства Россійскаго, протоіереи Ѳеодоровъ и Десницкій.—Омонье В. Пріорства Россійско-Католическаго 2.—Чины Двора Великаго Магистра: Сенекалъ, Нарышкинъ 2-й.—Оберъ-Шталмейстеръ Нарышкинъ 1.—Казначей Донауровъ.—Гофмаршалъ Нарышкинъ 3-й.—Оберъ-Камергеръ графъ Шереметевъ.—Унтеръ-Гофмаршалъ Дурновъ.—Унтеръ-Шталмейстеръ князь Голицынъ.—Оберъ-Егермейстеръ кн. Го-

[1] Порученіе о возвращеніи ордену принадлежащихъ ему въ Польшѣ земель, было дано гр. Литта, который и прибылъ въ Россію какъ орденскій бальи.—[2] Сестренцевичъ.—[3] Авторъ книги: Annales historiques de l'ordre de St. Jean de Jérusalem, depuis l'année 1725 jusqu'à 1799. par le commandeur de Maisonneuve.

лицынъ.—Командиръ Гвардіи Уваровъ. Шталмейстеръ гр. Кутайсовъ.—Для исполненія должности Камергеровъ 4 герольда.—Сереброхранитель 1.—Секретари языковъ: Россійскаго Неплюевъ, латинскаго, италіанскаго и нѣмецкаго по одному.—Призритель бѣдныхъ: преосвященный архіепископъ казанскій Амвросій, и Священники 4 протоіерея.

Подобныя брошюры, содержащія въ себѣ перечисленіе всѣхъ принадлежащихъ къ ордену лицъ, выходили каждый годъ на французскомъ и русскомъ языкахъ; первая подъ заглавіемъ: Ordre souverain de St Jean de Jérusalem.[1]

№ 179. Описаніе Представленнаго на чертежѣ моста простирающагося изъ одной дуги на 140 саженяхъ, изобрѣтеннаго Механикомъ **Иваномъ Кулибинымъ.** Съ разными вычисленіями состоящихъ въ немъ тяжестей по разстоянію и другихъ обширныхъ зданій. **Въ Санктпетербургѣ,** съ дозволенія Цензуры, печатано у І. К. Шнора, 1799 года. Въ листъ. 28 нум. стр. (счетъ съ заглавн. листа) и три складныхъ листа: чертежи деталей.

Сопик. ч. 4. № 7700.—Плавильщ. ч. I. № 142.—Смирд. ч. III. № 4069.—Геннад. Русск. Книжн. Рѣдк. стр. 72. № 91. Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи. 1838. Отд. 3. стат. IV. стр. 300. № 37.

Въ посвященіи книги императору Павлу Петровичу, изобрѣтатель проэкта построенія моста черезъ Неву механикъ-самоучка Иванъ Кулибинъ говоритъ, что имѣя счастіе поднести государю чертежъ изобрѣтеннаго имъ моста, онъ принимаетъ смѣлость представить подробное его описаніе [2], „съ присовокупленіемъ подробнаго сложенія и къ укрѣпленію желѣзной крышки съ потолкомъ на пространнѣйшемъ каменномъ зданіи безъ всякихъ столбовъ, хотя бы оно и далѣе 64-хъ саженъ въ ширину по надобности простиралось, на каковой пропорціи верхнихъ равныхъ укрѣпленій, въ производствѣ едва-ли гдѣ либо находилось“. За тѣмъ, послѣ извѣстія, что „модель изображеннаго въ перспективномъ чертежѣ моста, находится нынѣ въ саду Его Императорскаго Величества Таврическаго дворца, была освидѣтельствована С.-Петербургскою Академіею Наукъ 27 декабря прошлаго 1776 года и была найдена совершенно и доказательно вѣрною для произведенія моста въ настоящемъ размѣрѣ, приводится слѣдующая публикація, напечатанная отъ Академіи Наукъ въ № 12-мъ С.-Петербургскихъ

---

[1] Русск. Старина 1883. Сентябрь. стр. 467.—[2] Въ Имп. Публ. Библ. находится гравюра съ чертежемъ моста, принадлежащая къ книгѣ (Геннади Русск. Книжн. Рѣдк. стр. 72. № 91).

Вѣдомостей 1777 года, февраля 10-го: „Должно припомнить публикѣ, что въ здѣшнихъ Вѣдомостяхъ 1772 года, № 36, было объявлено: что Лондонская Академія назначила дать знатное награжденіе тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такому мосту, который бы состоялъ изъ одной дуги или свода безъ свай и утвержденъ бы былъ концами своими только на берегахъ рѣки. Сіе объявленіе привлекало уже наше любопытство, но сколь большее возбудило произведеніе въ дѣйство смѣлой и остроумной идеи Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, Механика Кулибина [1]. Сей отмѣнный художникъ, коего природа произвела съ сильнымъ воображеніемъ, соединеннымъ съ справедливостью ума и весьма послѣдовательнымъ разсужденіемъ, былъ изобрѣтатель и исполнитель модели деревяннаго моста, каковъ можетъ быть построенъ на 140 саженяхъ, то есть на ширинѣ Невы рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновеннѡ чрезъ оную мостъ наводится. Сія модель, сдѣланная на 14 саженяхъ, слѣдственно содержащая въ себѣ десятую часть предъизображаемаго моста, была освидѣтельствована Санктпетербургскою Академіею Наукъ 27 декабря 1776 года и къ нсожидаемому удовольствію Академіи найдена совершенно и доказательно вѣрною, для произведенія оной въ настоящемъ размѣрѣ. Сложеніе и крѣпость ея частей столь надежны, что мостъ, построенный по ней на 140 саженяхъ, можетъ поднять безъ малѣйшаго измѣненія болѣе 50.000 пудъ, что далеко превосходитъ предполагаемую всякую тягость, какая можетъ на мосту случиться. Въ прочемъ, нельзя было опредѣлить, какою тягостью мостъ сей поколебаться можетъ; слѣдственно справедливое о семъ удивленіе еще бы могло умножиться, когда бы изслѣдовано было все пространство его силы.

Единогласное свидѣтельство и одобреніе помянутой модели, подписали всѣ господа Академіи, кои оную осматривали, а именно: Леонардъ Эйлеръ отецъ, Іоганъ Албертъ Эйлеръ сынъ, Семенъ Котель-

---

[1] Свѣдѣнія о механикѣ Иванѣ Петровичѣ Кулибинѣ и первыхъ его механическихъ произведеніяхъ помѣщены въ Прибавленіи къ № 34 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1769 года, гдѣ также описывается представленіе его графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Орловымъ императрицѣ Екатеринѣ II и Наслѣднику Цесаревичу Павлу Петровичу. Тамъ же напечатаны два стихотворенія механика-самоучки, который былъ такимъ же самороднымъ поэтомъ; произведенія эти слѣдующія: „Кантъ во время Высочайшаго Ея Имп. Вел. шествія на Волгѣ въ Низовыя города, сочиненный и поднесенный Ея Имп. Велич—ву въ Нижнемъ Новѣгородѣ И. Кулибинымъ 1767 г. маія 22 дня“ и „Ода“ Ея Имп. Велич—ву сочиненная И. Кулибинымъ въ годъ послѣ вышепомянутаго „Канта“. Кулибинъ 1769 года состоялъ въ званіи механика при Имп. Академіи Наукъ.

никовъ, Степанъ Румовскій, В. Л. Крафтъ, А. І. Лексель, и при нихъ Адьюнкты: Петръ Иноходцевъ, Николай Фусъ и Михайла Головинъ.

Оный Кулибинъ въ 1773 году дошелъ самъ собою до тѣхъ правилъ, чтобъ узнавать по модели, можетъ ли настоящій мостъ снести собственную свою тягость, и сколько можетъ понести посторонняго грузу. Сія правила совершенно явились сходны съ тѣми, кои послѣ произвелъ изъ механическихъ основаній славный Г. Ейлеръ, здѣшній Академикъ, и кои напечатаны въ Календарѣ съ наставленіями на 1776 годъ и внесены въ Академическія Коментаріи.

Сложность частей сей модели не можетъ быть внятно описана безъ помощи чертежей, кои послѣ съ подробнымъ описаніемъ сего любопытнаго строенія, издадутся особливымъ сочиненіемъ. Теперь удовольствуемся только сказать, что отмѣнность оной состоитъ въ томъ, что изгибъ верхняго и нижняго края дуги ея, есть точно такого вида, каковъ будетъ изгибъ веревки равной длины, коей бы концы къ двумъ стѣнамъ прибиты были. Свойство сей дуги есть таково, что всѣ части оную составляющія, подкрѣпляются взаимно и вся тягость на ней опирающаяся, отвѣшивается отъ средины къ концамъ, кои при строеніи моста на матерой землѣ, могутъ быть укрѣплены по изволенію.

Удивительная сія модель дѣлаетъ теперь зрѣлище всего города, по великому множеству любопытныхъ, попеременно оную осматривающихъ. Искусный ея изобрѣтатель, отмѣнный своимъ остроуміемъ, не менѣе и въ томъ достохваленъ, что всѣ его умозрѣнія обращены къ пользѣ общества" [1].

Предъ „описаніемъ" помѣщено краткое объясненіе его содержанія въ слѣдующихъ словахъ: 1. О томъ, что по какой линіи дѣйствительно сдѣлана дуга въ помянутой модели моста и какое правило сыскано изобрѣтателемъ того моста, по которому оная модель освидѣтельствована реченною Академіею Наукъ.—2. О составленіи всѣхъ частей и о укрѣпленіи предъизображаемаго настоящаго моста съ вычисленіями разныхъ тяжестей по разстоянію. Сверхъ того: 3. Мнѣніе о построеніи для прочности желѣзнаго моста изъ трехъ сводовъ, по примѣру деревяннаго.—4. Мнѣніе о построеніи каменнаго зданія подъ желѣзною крышкою, шириною на 64-хъ саженномъ пространствѣ и болѣе, безъ всякихъ столбовъ, длиною же по изволенію, согласное предписанному устроенію моста, къ удержанію крышки и потолка (стр. 9).

[1] См. отзывъ Академика Даніила Бернулли въ письмѣ изъ Базеля къ своему ученику Фуссу въ Петербургъ 7 іюня 1777 года, о механикѣ Кулибинѣ и проектированномъ имъ мостѣ (Пекарск. Истор. Акад. Наукъ, т. I, стр. 118—119).

Кулибинъ нисколько не сомнѣвался въ возможности построенія черезъ Неву изобрѣтеннаго имъ диковиннаго моста, что подтверждается словами его, высказанными въ заключеніе подробнаго объясненія всѣхъ частей, составляющихъ мостъ, съ вычисленіемъ разныхъ тяжестей, сообразно разстоянію: „Такимъ образомъ“, говоритъ авторъ описанія, „описанный и представленный на чертежѣ мостъ, можно бъ было построить (въ соотвѣтственное доказательство желаемаго напредь сего Лондонскаго Академическаго моста) здѣсь въ Санктпетербургѣ, надъ Невою рѣкою при всѣхъ находящихся въ виду около его предметахъ, въ чемъ уже и возможность чрезъ опробованную модель совершенно неоспоримо доказана, почему онаго моста чертежъ, а равно и по вышерѣченному въ публичныхъ Вѣдомостяхъ обѣщанію изданъ“ [1]. Затѣмъ ниже доказывается средство для замѣны деревяннаго матеріала подвергающагося вліянію воздуха, употребить желѣзо.

1800.

№ 180. Публичный **Екзаменъ** въ наукахъ, преподаванныхъ въ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ 1-му или старшему классу, Генваря 30, 31 и Февраля 1-го числъ 1800 года предъ выпускомъ. Начинается въ 10 часовъ по полуночи.—Съ Дозволенія С. П. Б. Цензуры.—**Въ Санктпетербургѣ**, въ Типографіи Государственной Медицинской Коллегіи, 1800 года. Въ листъ. 2 ненум. стр. (считая заглавіе).

Чертк. Всеобщ. Библіот. Россіи. 1838, стр. 303, № 61.

Содержаніе листка или объявленія, составляютъ слѣдующія, означенныя подъ заглавіемъ: „Учебные Предметы“, названія наукъ, изъ которыхъ назначено испытаніе выпускнымъ воспитанницамъ: Въ понедѣльникъ, генваря 30 дня: 1) Въ Законѣ Божіемъ и въ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта 2) Въ гражданской географіи и исторіи всеобщихъ.—Во вторникъ, Генваря 31 дня. 3) Въ географіи и исторіи Россійскаго Государства. 4) Въ Ариѳметикѣ. 5) Въ Гео-

[1] Въ томъ вышепомянутомъ письмѣ Бернулли, не смотря на его лестный отзывъ о изобрѣтеніи Кулибина, первый изъявляя нѣкоторое сомнѣніе въ возможности осуществленія идеи механика, говоритъ: „длина Невы (1057 англ. футовъ) мнѣ кажется чрезмѣрною; и признаюсь, что я не имѣлъ бы смѣлости одобрить постройку такого моста; развѣ можно было бы утвердить два или три устоя, чтобы раздѣлить весь мостъ на три или четыре равныя части“.

метріи.—Въ среду, Февраля 1 дня. 6) Въ опытной физикѣ. 7) Въ Логикѣ, 8) Въ Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ посредствомъ переводовъ и изслѣдованій грамматическихъ. 9) Въ Музыкѣ. Сверхъ того предлагаются рисунки, переводовъ и письма Воспитанницъ.

Подобныя объявленія объ экзаменахъ выпускныхъ дѣвицъ, повторялись вѣроятно какъ въ предшествовавшіе, такъ и послѣдующіе года передъ окончательными испытаніями въ наукахъ и искусствахъ воспитанницъ. Какъ случайные и летучіе листки, они не всѣ сберегались, и потому въ настоящее время рѣдки.

№ 181. Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова 1800, которое есть Високосное, содержащее въ себѣ 366 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи.—Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 8°. 137 нум. стр. (не считая заглавн. листъ) 1 ненум. стр. (оглавленіе) и два портрета гравиров. на мѣди.

Геннади. Справочн. Словарь, т. 2, стр. 366.

Содержаніе то же что мѣсяцослова на 1799 годъ [1], но только въ „Краткомъ Родословномъ Показаніи Высокихъ Государей, сочиненномъ по алфавиту на 1800 годъ“, включено имя Великой Княжны Маріи Александровны, родившейся въ 1799 году, 18 мая. Въ настоящемъ же мѣсяцословѣ противъ 12-го числа октября означено въ первый разъ, въ день бракосочетанія Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны: Перенесеніе св. мощей изъ Мальты въ городъ Гатчину [2].—Приложенные къ мѣсяцослову портреты, 1-й: въ высящемъ

---

[1] Матеріалы Губерти. Вып. II, стр. 634. № 215.—[2] Бывшій гросмейстеръ фонъ-Гомпешъ, одинъ изъ измѣнниковъ ордена предалъ Мальту французамъ, которыхъ флотъ подъ предводительствомъ Наполеона подошелъ къ помянутому острову 9 іюня 1798 года. На другой день непріятельскія войска высадились въ семи разныхъ мѣстахъ острова, не встрѣтя важнаго сопротивленія, а 12 іюня подписана позорная капитуляція, въ силу которой Мальта сдалась французамъ. Передъ отъѣздомъ фонъ-Гомпеша, сложившаго съ себя формально званіе гросмейстера, Бонапарте позволилъ ему взять все, что ему захочется изъ своихъ вещей. Гомпешъ и выпросилъ позволеніе увезти три святыни посвященныя церкви св. Іоанна Іерусалимскаго: кусокъ честнаго креста, привезенный изъ Палестины, руку св. Іоанна и чудотворную икону св. Дѣвы филермійской. Уступая просьбамъ Гомпеша, Бонапарте велѣлъ однако выдать однѣ мощи безъ золотаго оклада и прочихъ украшеній. Нѣмецкое отдѣленіе ордена, которому фонъ-Гомпешъ подарилъ эти мощи какъ собственность ордена, поднесло ихъ

на гвоздѣ кругломъ медальонѣ, нижняя часть котораго украшена дубовой и лавровой вѣтвями связанными лентою, изображеніе императора въ профиль, обращеннаго въ правую сторону, въ андреевской лентѣ и съ спущенной съ плечь императорской мантіи. На верхней части медальона надпись: Павелъ I. Подъ портретомъ двустишіе:

Се подданныхъ своихъ любезнѣйшій отецъ
Спокойства Россіянъ и щастья ихъ творецъ.

Въ такомъ же точно медальонѣ и съ тѣми же украшеніями, изображеніе императрицы въ профиль, обращенный въ лѣвую сторону, въ напудренной прическѣ украшенной страусовымъ перомъ, съ распущенными по плечамъ локонами и въ спущенной съ плечь императорской мантіи. Подъ медальономъ, на доскѣ подпись: Марія Феодоровна Императрица Все Россійская.—Есть полные экземпляры мѣсяцослова, но безъ портретовъ.

12-го октября императору Павлу, какъ вновь избранному гросмейстеру ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, который приказалъ икону Богородицы и кусокъ креста вложить въ золотой окладъ отличной работы, а для руки св. Іоанна (обернутый въ алый атласъ до кисти, у которой недостаетъ двухъ пальцевъ) сдѣлать золотой ларецъ, усыпанный дорогими каменьями. Въ настоящее время (т. е. въ январѣ 1801 г.), эти мощи находятся въ церкви Зимняго Дворца (Русск. Старина 1883. Сентября. Петербургъ при имп. Павлѣ Петровичѣ въ 1796—1800 гг. стр. 461 и прим. 1. Выдержки изъ вышеномянутой рукописи Реймерса).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

АВТОРОВЪ, ПЕРЕВОДЧИКОВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ

ВЪ III ВЫПУСКѢ.

(Цифры означаютъ №№ книгъ).

КРАТКАЯ АЗБУЧНАЯ РОСПИСЬ

НАЗВАНІЙ КНИГЪ

описанныхъ въ III-мъ выпускѣ.

(Цифры означаютъ №№ книгъ).

К.

М.

Н.

О.

Т.

У.

Ѣ.

Э.

Ю.

Я.

ПОГРѢШНОСТИ,

замѣченныя въ III выпускѣ.

Стр.	*Строка*:	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
1	8 сверху	кончины	кончинѣ
19	12 „	воспріимыть	предвоспріимать
25	12 снизу	chylilarorum	chyliferorum
31	10 сверху	zwiscsen	zwischen
51	18 „	разсужденіе	разсуждено
—	8 снизу	по выбора	по выборъ
61	12 „	окладной книгѣ	окладной книги
62	8 „	и полнялись	исполнялись
95	11 „	сильно нападая	сильно нападаетъ
100	9 „	она заимствована	оно заимствовано
124	16 „	въ помянутѣхъ	въ помянутыхъ
138	16 сверху	Durch Dien	Durch Dein
143	9 „	Подданство знака Вамъ являютъ	Подданства знаки Вамъ являютъ
156	8 „	лицомъ на востокѣ	лицомъ па востокъ
183	3 „	ея примѣчаніи	въ примѣчаніи
190	6 „	въ нихъ положены	въ нихъ же положены
194	7 „	отъ естества Марта	отъ естества Марса
200	18 „	чести царствію	чести царствія
203	2 снизу	асилконая.	василконая.
207	16 сверху	то то пріидетъ	то пріидетъ
209	20 „	ѿ неиже вѣритъ	ѿ нелже вѣритъ
219	8 снизу	Русскія Народн. Карты	Русскія Народн. Картинки
232	14 сверху	содержаніе 366 дней	содержащее 366 дней
252	8 „	1 неум. стр.	1 непум. стр.
263	19 „	съ нѣнецкаго письма	съ нѣмецкаго письма
266	9 „	зрѣніе его былъ лучше;	зрѣніе его было лучше;
271	10 снизу	Н. Г.	Н. Е.
275	1 „	„Büsching's Beyärtge	„Büsching's Beiträge
283	13 „	Allgemeire	Allgemeine
286	20 сверху	Poeta des Sua Maesta	Poeto di Sua Maesta
298	7 снизу	„Квинты Курція,	Квинта Курція
301	8 „	гизназій,	гимназій,
303	8 сверху	Александра Ѳедорорича	Александра Ѳедоровича
304	17 снизу	какъ и всѣ другія	какъ и во всѣ другія
309	7 „	своевольны правила	своевольныя правила
340	16 „	атиллеріей,	артиллеріей
368	10 сверху	„потѣлъ и готову чесалъ“	„потѣлъ и голову чесалъ“
384	12 „	На сіе могъ я имъ сказать,	На сіе могъ бы я имъ сказать,